СОЦИОЛОГИЯ

Э. ГИДДЕНС

УРСС

Энтони Гидденс

СОЦИОЛОГИЯ

Научный редактор
профессор В.А.Ядов

Общая редакция
Л.С.Гурьевой и Л.Н.Иосилевича

Эдиториал УРСС
Москва 1999

[illegible]

60.5
Г-464

Гидденс Энтони

СОЦИОЛОГИЯ

М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.

ISBN 5-901006-82-8

Энтони Гидденс — один из крупнейших современных социологов, внесший существенный вклад в исследование проблем современной теоретической социологии. Он занимался разработкой проблем стратификации современного общества, теорией социального действия и социальной структуры, теорией общества. Учебник Э. Гидденса «Социология» представляет собой практически исчерпывающее описание современного социологического знания и наиболее профессионально и теоретически обоснованно структурирует проблемное поле современной социологии, полагая в основу этого представления соответствующую новейшую теорию общества. В этом плане учебник Гидденса выгодно отличается на фоне всех существующих на русском языке учебников по социологии.

В учебнике методологически удачно совмещены систематический и исторический подходы: изложению каждой проблемы предпосылается рассмотрение существующих в истории социологии взглядов на нее.

Учебник безусловно современен не только с точки зрения теоретической разработки проблем, но и с точки зрения содержащегося в нем фактического материала. Речь идет о теоретическом и эмпирическом соответствии содержания учебника новейшему состоянию общества.

Группа подготовки издания:

Директор — Доминго Марин Рикой
Заместители директора — Наталья Финогенова, Ирина Макеева
Компьютерный дизайн — Виктор Романов, Василий Подобед
Верстка — Леонид Иосилевич
Перевод — Виктория Малышенко, Елена Крюкова, С. А. Модестов, Б. Б. Моздухов, А. Ю. Рыкун
Корректурные работы — Елена Кудряшова, Виталий Волков
Обработка графики — Елена Ефремова
Обработка текста — Евгений Макаров, Анна Тюрина
Техническая поддержка — Марина Круцко, Наталья Аринчева, Наталия Бекетова

Издательство «Эдиториал УРСС». 113208, г. Москва, ул. Чертановская, д. 2/11, к. п.
Лицензия ЛР № 064418 от 24.01.96 г. Гигиенический сертификат на выпуск книжной продукции № 77.ФЦ.8.953.П.270.3.99 от 30.03.99 г. Подписано к печати 23.04.99 г.
Формат 70×100/16. Тираж 4500 экз. Печ. л. 44. Зак. №
Отпечатано в ГУП «Облиздат». 248640, г. Калуга, пл. Старый торг, 5.

432872

9785901006825

ISBN 5-901006-82-8

© Оригинал: Anthony Giddens, 1989, 1993
© Русское издание: Эдиториал УРСС, 1999
© Русское издание: Институт Открытое Общество, 1999

SamKI
KUTUBXONASI

Оглавление

Предисловие 15

Предисловие автора 19

Основные темы 19

Структура книги 21

Краткое содержание глав и глоссарий 22

Студентам: как пользоваться этой книгой 22

ЧАСТЬ I. ВВЕДЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЮ

Глава 1. Социология: проблемы и перспективы 24

Чем занимается социология? Несколько примеров 24

Любовь и брак 24

Здоровье и болезнь 25

Другие примеры: преступление и наказание 26

Выводы: сущность социологии . . . 27

Перемены в современном мире 27

Социология и «здравый смысл» 28

Социологические вопросы: фактологические, сравнительные, вопросы развития и теоретические 30

Фактологические вопросы 30

Сравнительные вопросы 31

Вопросы развития 31

Теоретические вопросы 31

Преднамеренные и непреднамеренные последствия человеческих действий 32

Что может социология сказать о наших действиях? 33

Социальная структура и человеческие действия 33

Развитие социологического мировоззрения 34

Является ли социология наукой? 35

Объективность 36

Практическое значение социологии . . 37

Понимание социальных ситуаций . 37

Восприимчивость к культурным различиям 37

Оценка результатов политических действий 37

Углубление самопознания 37

Роль социолога в обществе 38

Заключительные комментарии 38

Краткое содержание 39

ЧАСТЬ II. КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Глава 2. Культура и общество 42

Встреча культур 42

Ранние контакты с другими культурами 42

Понятие культуры 43

Человеческий род 44

Эволюция 45

Люди и обезьяны 45

Природа и воспитание 46

Социобиология 46

Инстинкты 48

Культурное многообразие 49

Культурная идентичность и этноцентризм 49

Культурные универсалии 50

Язык 51

Речь и письменность 51

Семиотика и материальная культура 52

Типы досовременных обществ 53

Охотники и собиратели 53

Пигмеи Мбути 54

Природные «общества изобилия»? 55

Скотоводческие и земледельческие общества 57

Скотоводческие общества 57

Земледельческие общества 58

Неиндустриальные цивилизации, или традиционные государства 59

Цивилизация майя 59

Основные черты традиционного государства 60

Общества в современном мире 61

Индустриальные общества 61

Три «мира» 64
Страны третьего мира 64
Общества первого и второго мира 65
Заключение 65
Краткое содержание 66
Дополнительная литература 67

Глава 3. Социализация и жизненный цикл **68**

«Несоциализированные» дети 68
«Авейронский дикарь» 69
Джени 69
Ранние этапы развития младенца 71
Развитие органов чувств 71
Плач и улыбка 71
Младенцы и матери 72
Формирование социальных реакций 73
Привязанности и утраты 74
Изолированные обезьяны 75
Депривация ребенка 75
Долговременные последствия депривации 75
Социализация ребенка 76
Основные теории развития детей 76
Фрейд и психоанализ 77
Развитие личности 77
Оценка 78
Теория Дж. Г. Мида 78
Пиаже: когнитивное развитие . . . 79
Стадии когнитивного развития . 80
Оценка 81
Связь между теориями 82
Агенты социализации 82
Семья 82
Отношения со сверстниками 83
Школа 84
Средства массовой информации . . 85
Другие агенты социализации 85
Ресоциализация 86
Поведение в концентрационном лагере 86
«Промывание мозгов» 87
Жизненный путь 88
Детство 88
Юность 89
Молодые взрослые 89
Зрелость 90
Старость 90
Смерть и преемственность поколений . 91
Социализация и индивидуальная свобода 92
Краткое содержание 92
Дополнительная литература 94

Глава 4. Социальное взаимодействие и повседневная жизнь **95**

Исследование повседневной социальной жизни 96
Невербальная коммуникация 97
Лицо и эмоции 97
«Лицо» и культура 98
Социальные правила, беседы и разговор 99
Взаимное понимание 99
Опыты Гарфинкеля 100
Формы разговора 101
Ошибки и оговорки 101
Реакции-восклицания 101
Обмолвки 103
Лицо, поза и речь в процессе взаимодействия 104
Столкновения 104
Ситуации и обстоятельства 105
Управление впечатлением 106
Передний и задний планы 106
Адаптация к ролям: испытания интимного характера 107
Столкновения и личностное пространство 108
Взаимодействие во времени и пространстве 109
Часовое время 110
Временна́я география 110
Пространственно-временные ограничения 111
Зонирование 112
Повседневная жизнь в культурной и исторической перспективе 113
Микросоциология и макросоциология . 115
Краткое содержание 116
Дополнительная литература 117

Глава 5. Конформность и девиантное поведение **118**

Что такое отклонение? 118
Нормы и санкции 119
Законы, преступления и наказания . . . 121
Преступления в доиндустриальную эпоху 121
Изменения в способах наказаний . 121
Тюрьмы и сумасшедшие дома . . . 122
Попытки объяснить отклонения 123
Биологические и психологические теории преступления и девиации 123
Аргументы из биологии 123
Преступление и психопатическая личность: психологическая точка зрения 124
Общество и преступление: социологические теории . . 126
Дифференцированная ассоциация . 126

Аномия как причина преступления 126
Аномия и ассоциация: преступные субкультуры 127
Оценка 128
Теория стигматизации 128
Рациональный выбор и «ситуационная» интерпретация преступления 130
Теоретические выводы 131
Преступления и криминальная статистика 132
Убийства и другие тяжкие преступления 134
Убийства 134
Тяжкие преступления 134
Тюрьмы и наказания 135
Смертная казнь 136
Пол и преступление 137
Уровни мужской и женской преступности 137
Девушки в составе преступных группировок 139
Насилие в женских тюрьмах 140
Оценка 140
Преступления богатых людей и людей, наделенных властью 141
Преступления «белых воротничков» 141
Правительственные преступления . 142
Организованная преступность 143
Преступления без жертв 144
Представление о психических заболеваниях 145
Психоз и невроз 145
Физические методы лечения 145
Диагностика психических заболеваний 146
Природа сумасшествия: нарушение остаточных норм 147
Политика, социальное давление и психиатрия 147
Отказ от изоляции больных 148
Девиации и социальный порядок 149
Краткое содержание 150
Дополнительная литература 151

Глава 6. Гендер и сексуальность 152

Пол, гендер и биология 153
Источники половых различий . . . 153
Имеют ли различия в поведении биологическую основу? . . . 154
Факты из мира животных 155
Факты, связанные с человеком . . 155
Социализация и гендер 157
Реакция родителей и взрослых . . . 157
Гендер и воспитание 157
Книги и рассказы 158
Телевидение 159
Школа и влияние сверстников . . . 159
Трудности несексистского подхода к воспитанию детей . . 159
Гендерная идентичность и пол: три теории 160
Теория полового развития по Фрейду 160
Оценка 161
Теория полового развития по Чодороу 161
Оценка 162
Гендер, личность и мораль 163
Патриархат и производство 164
Господство мужчин 164
Женщины и рабочее место: исторический обзор 164
Неравенство в труде 166
Малопрестижный труд 166
Проблемы успеха 166
Низкая оплата труда и ловушка бедности 168
Случай Швеции 169
Женщины в Советском Союзе и в Восточной Европе . . 169
Домашний труд 171
Женские движения 172
Ранний феминизм во Франции . . 172
Борьба за права женщин в Соединенных Штатах . . . 173
Развитие женского движения в Европе 174
Возрождение феминизма 174
Домашнее насилие, сексуальные посягательства и изнасилования . . 175
Домашнее насилие 176
Сексуальные посягательства 176
Изнасилование 177
Изнасилование и опасения женщин: тезис Браунмиллер . . . 179
«Нормальное» сексуальное поведение . 180
Межкультурные различия 180
Сексуальность в западной культуре 181
Сексуальное поведение 182
Гомосексуальность 184
Гомосексуальность в незападных культурах 184
Гомосексуальность в западной культуре 185
Распространение гомосексуальности 185
Отношение к гомосексуальности . 186
Гей-субкультура 186

Лесбиянство 187
СПИД 187
СПИД и население 188
Проституция 189
Проституция сегодня 189
Детская проституция 190
Заключение: социология и гендерные отношения 192
Краткое содержание 192
Дополнительная литература 194

ЧАСТЬ III. СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ

Глава 7. Стратификация и классовая структура 196
Системы социальной стратификации . . 196
Рабство 196
Касты 197
Сословия 198
Классы 198
Теории стратификации в современных обществах 199
Теория Карла Маркса 199
Природа класса 200
Сложность классовых систем . . 201
Теория Макса Вебера 201
Статус 202
Партия 202
Современные теории классов 203
Эрик Олин Райт: теория классов 203
Фрэнк Паркин: веберовский подход 204
Классы в западных обществах сегодня . 204
Различия по уровню богатства и доходов 205
Богатство 205
Доход 206
Высший класс 207
Средний класс 208
Рабочий класс 210
Исследования классового сознания: различные подходы 211
Метод определения репутаций . . 211
Субъективный метод 211
Представления о классовой структуре 212
Изменения в классовой структуре 214
Распад высшего класса? 214
Квалифицированные специалисты, менеджеры, администраторы 215
Белые воротнички, синие воротнички: феминизация и пролетаризация 215
Изменения, затронувшие рабочий класс 216
Гендер и стратификация 218
Классовое деление и гендер 218
Изучение положения женщин в работах по стратификации 219
Сложности в изучении гендера и стратификации 220
Социальная мобильность 221
Сравнительные исследования мобильности 222
Нисходящая мобильность 223
Возможности для социальной мобильности 224
Социальная мобильность в Великобритании 224
Сложности в изучении социальной мобильности 225
Ваши собственные шансы в мобильности 226
Бедность и неравенство 227
Война с бедностью 227
Что такое бедность? 228
Бедность сегодня 229
Почему бедные остаются бедными? 230
Краткое содержание 230
Дополнительная литература 232

Глава 8. Этническая принадлежность и раса 233
Этнические группы, меньшинства и расы в плюралистических обществах 234
Меньшинства 235
Раса и биология 236
Этнические противоречия, предрассудки и дискриминация . . 237
Стереотипы и «козлы отпущения» 237
Авторитарная личность 239
Этническая принадлежность и детство 240
Отношение со стороны большинства 240
Социологические интерпретации 241
Общие факторы 241
Историческая перспектива 242
Этнические отношения в исторической перспективе: несколько примеров . 246
Этнические отношения в Бразилии 246
Социальное развитие Южной Африки 247
Гражданские права чернокожего населения США 249
Отмена рабства и начальные достижения 249
Движение за гражданские права . 251
Интеграция и антагонизм 252

История иммиграции в Великобритании 253
Ранние переселенцы 253
Иммиграция после 1930 года . . . 254
Расы, расизм и неравенство 256
Этническая принадлежность и низший класс 257
Отношение полиции к чернокожим женщинам 260
Этнические отношения на Европейском континенте . . 261
Возможные дальнейшие пути развития этнических отношений 262
Краткое содержание 263
Дополнительная литература 265

Глава 9. Группы и организации 266

Виды ассоциаций 266
Первичные и вторичные группы . . 267
Формальные организации 267
Бюрократия 268
Точка зрения Вебера на бюрократию 269
Эффективность бюрократии . . . 270
Формальные и неформальные отношения внутри бюрократий 270
Бюрократия и олигархия 271
Неолигархические организации 273
Японские корпорации 274
Значение японской системы для теории организаций . . . 275
Факторы, влияющие на организации в современном мире 277
Квалифицированные специалисты 277
Информационная технология . . . 278
Физическая среда организаций . . . 280
Надзор и дисциплина в организациях . 281
Надзор 281
Дисциплина 282
Карцерные организации 282
Развитие карцерных организаций . 283
Небюрократические организации: группы взаимопомощи 284
Особенности групп взаимопомощи 285
Заключительные комментарии 285
Краткое содержание 286
Дополнительная литература 287

Глава 10. Политика, правительство и государство 288

Характеристики государств 288
Политический аппарат 288
Территория 289
Закон и применение силы 289
Современные государства 290
Определения 290
Права граждан 291
Демократия 292
Типы демократии 293
Представительные многопартийные системы 294
Представительные однопартийные системы 294
Совместное демократическое правление 294
Всеобщая привлекательность демократии и упадок монархий 295
Демократический элитизм и плюралистические теории 296
Демократический элитизм 296
Теория Макса Вебера 296
Идеи Йозефа Шумпетера 297
Плюралистические теории 297
Критика и оценка теорий 298
Политические партии и голосование в странах Запада 299
Партийные системы 300
Голосование и классы 301
Партии и голосование в Великобритании 302
Поведение избирателей — отход приверженцев 303
Выборы 1992 года 304
«Тэтчеризм» 305
Политика партий: разрушение стереотипов в конце двадцатого века? 307
Теории перегрузки государства и кризиса легитимности . . . 307
Оценка теорий 308
Участие женщин в политике 309
Модели голосования и политические взгляды . . . 309
Женщины в политических организациях 311
Неинституционализированные политические действия 312
Кто же правит? 314
«Внутренний круг» в США 316
Элита в Великобритании 316
Оценка 318
Элита в СССР 319
Пополнение элиты, престиж и привилегии 320
Тоталитаризм 321
Европейское сообщество и новая карта Европы 322
Возникновение Сообщества 322

Изменения в Восточной Европе . . 324
Краткое содержание 325
Дополнительная литература 328

Глава 11. Война и военные силы 329

Военные действия в прошлом 330
Древние общества 330
Военные действия в Европе и ее колониях 331
Индустриализация войны 331
Тотальная война 333
Война и агрессия 335
Типы военной организации 337
Характеристики современных вооруженных сил 338
Вооруженные силы Великобритании 339
До Второй мировой войны 339
После Второй мировой войны . . . 341
Женщины и война 342
Женские антивоенные движения . 345
Военные, политики и общество 346
Военное правление и военное влияние 346
Военно-промышленный комплекс . 347
Вооруженные силы третьего мира . 349
Типы военного правления 349
Терроризм и партизанские движения 350
Терроризм 350
Партизанские движения 351
Партизаны в городе 354
Глобальные военные расходы и вооружение 355
Торговля оружием 356
Война и глобальная безопасность 357
Мир без войны? 357
Краткое содержание 358
Дополнительная литература 359

ЧАСТЬ IV. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Глава 12. Родство, брак и семья 362

Родство 362
Кланы 363
Семейные отношения 364
Моногамия и полигамия 364
Полиандрия 364
Полигиния 365
Семья и брак в истории Европы 365
Генезис семьи 367
Причины изменений 368
Изменения форм семьи во всемирном масштабе 369
Направление изменений 369
Семья и брак в Великобритании 370
Общая характеристика 370
Тенденции развития 371
Новые формы семьи 371
Семьи южноазиатского типа . . . 372
Воздействия на семью и брак в настоящее время 373
Развод и прекращение брака на Западе . 374
Рост разводов 374
Опыт разводов 375
Разъединение 376
Развод: переходные формы 376
Развод и дети 377
Семья с одним родителем 378
Повторный брак и сводные родители . . 379
Повторный брак 379
Сводные семьи 380
Теневые стороны семьи 382
Сексуальные злоупотребления . . . 382
Объяснения 384
Насилие в семье 385
Альтернативы браку и семье 386
Коммуны 386
Сожительство 387
Гомосексуальные семьи 387
Одиночество 388
Упадок семьи? 389
Краткое содержание 389
Дополнительная литература 391

Глава 13. Образование, коммуникация и средства массовой информации 392

Появление грамотности и школьного образования . . 393
Развитие школьного образования в Великобритании 394
Сравнение систем школьного образования в промышленно развитых странах 395
Высшее образование 396
Сравнительный анализ международного опыта . . . 396
Британская система высшего образования 396
Образование и неравенство 397
Исследование Коулманом неравенства в американской образовательной системе 398
Дальнейшие исследования 399
Теории школьного образования . . 400
Бернстайн: языковые коды 400
Боулз и Гинтис: школы и промышленный капитализм 402

Иллич: скрытая программа 403
Образование и культурное воспроизводство 404
Уиллис: анализ культурного воспроизводства 404
Интеллект и неравенство 406
Что такое интеллект? 407
IQ и генетические факторы: дискуссия по исследованию Йенсена . . 407
О связи между генетикой и IQ: идентичные близнецы 408
Гендер и школьное образование 408
Гендер и программы обучения . . . 409
Женщины в высшем образовании . 411
Образование и грамотность в странах «третьего мира» 412
Коммуникация и средства массовой информации 413
Средства массовой информации 414
Развитие газетного дела 414
Издание газет 415
Влияние телевидения 416
Телевизионные компании 417
Воздействие телевидения на поведение 417
Телевидение как распространитель социальных установок 419
Заключение 419
Краткое содержание 420
Дополнительная литература 421

Глава 14. Религия 422

Определение религии и магии 423
Чем религия не является 423
Чем религия является 423
Разновидности религий 424
Тотемизм и анимизм 425
Иудаизм, христианство и ислам . . 425
Иудаизм 425
Христианство 426
Ислам 426
Восточные религии 427
Индуизм 427
Буддизм, конфуцианство и даосизм 427
Теории религии 428
Маркс и религия 428
Дюркгейм и религиозный ритуал . 429
Дюркгейм об изменениях в религии 431
Вебер и мировые религии 431
Оценка 433
Типы религиозных организаций 434
Вебер и Трельч: церкви и секты . . 434
Бекер: деноминации и культы . . . 434
Оценка 435
Гендер и религия 436
Религиозные образы 436
Женщины в религиозных организациях 437
Движения милленариев 439
Иоахимиты 439
Танец духов 440
Сущность движения милленариев . 440
Современное религиозное развитие: исламская революция 441
Развитие исламского вероучения . . 441
Ислам и Запад 442
Религия в Великобритании 443
Членство в религиозных организациях и вера 444
Религия в Соединенных Штатах 445
Разнообразие 445
Религиозный фундаментализм . . . 446
Проблема секуляризации 447
Заключение 448
Краткое содержание 449
Дополнительная литература 450

Глава 15. Труд и экономическая жизнь . 451

Разделение труда 452
Первичные, вторичные и третичные секторы 452
Разделение труда в промышленности. Подходы Тейлора и Форда . 453
Работа на сборочной линии 454
Ограничения подходов Форда и Тейлора 455
Работа и отчуждение 455
Системы с низким и высоким уровнем доверия 457
Автоматизация 457
Групповое производство 459
Промышленная демократия 459
Профсоюзы и производственные конфликты 460
Развитие профсоюзов 460
Почему существуют профсоюзы? . 461
Дальнейшее развитие 462
Забастовки 464
Статистика забастовок 465
Новые направления в производственных конфликтах 465
Корпорации и корпоративная власть . . 466
Типы корпоративного капитализма 467
Безработица, занятость женщин и неформальная экономика 470
Безработица 470
Анализ безработицы 471

На работе и без работы 472
Почему растут темпы безработицы? 473
Женщины и работа 474
Домашняя работа 474
Работа женщин вне дома 475
Неформальная экономика 476
Будущее работы 477
Краткое содержание 479
Дополнительная литература 481

ЧАСТЬ V. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Глава 16. Глобализация социальной жизни 483
Общества третьего мира 484
Образование наций 484
Экономические последствия колониализма 485
Бедность 486
Новые индустриальные страны . . 487
Расхождение между богатыми и бедными странами 487
Взаимосвязь между первым и третьим миром 488
Производство продовольствия и проблема мирового голода 489
Голод 490
Агробизнес 492
Производство продуктов и экология окружающей среды 493
Теоретические перспективы 494
Империализм 494
Неоимпериализм 494
Теория зависимости 495
Теория мировой системы 495
Критическая оценка теорий 496
Транснациональные корпорации 497
Типы транснациональных корпораций 498
Рост транснациональных компаний 499
Международная экономическая интеграция 500
Пример: автомобильная промышленность 501
Современные тенденции развития 502
Негосударственные структуры 503
Организация Объединенных Наций 503
Другие международные организации 504
Глобальные торговые сети 505
Угроза мировой окружающей среде 505
Источники угрозы 506
Окружающая среда: социологическая проблема? 508
Глобализация средств массовой информации 508
Новости 508
Кино, телевидение, реклама и электронная коммуникация 509
Кино 510
Телевидение 510
Реклама 510
Электронная коммуникация 510
Империализм средств массовой информации 511
Заключение 513
Краткое содержание 513
Дополнительная литература 515

Глава 17. Современный урбанизм 516
Традиционный город 516
Особенности современного урбанизма . 517
Развитие современных городов: самосознание и культура . . 518
Интерпретация городской жизни . 519
Теории урбанизма 520
Чикагская школа 520
Урбанистическая экология 520
Урбанизм как образ жизни 522
Урбанизм и искусственная среда . . 525
Харви: реорганизация пространства 525
Кастеллс: урбанизм и социальные движения 526
Оценка 527
Послевоенные модели развития городов запада 528
Урбанизм в США 528
Субурбанизация 528
Закат внутреннего города 528
Финансовый кризис 529
Урбанизм в Великобритании 530
Субурбанизация и распад внутреннего города . . . 530
Финансовый кризис в британских городах 532
Приватизация государственного жилья 533
Джентрификация, или «вторичное использование» городских ресурсов 533
Урбанизм и международное влияние . . 534
Глобальный город 535
Урбанизация в странах третьего мира . . 536
Дели 537
Мехико 538
Города в Восточной Европе 539

Отличия от Запада 539
Возможное развитие в будущем 540
Краткое содержание 541
Дополнительная литература 542

Глава 18. Народонаселение, здоровье и проблемы старения 543

Рост численности населения в мире . . 544
Анализ народонаселения: демография . 544
Основные демографические понятия 545
Динамика изменения народонаселения 546
Мальтузианство 547
Рост населения в третьем мире . . . 548
Демографический переход 549
Вероятные перспективы стран третьего мира 549
Население Великобритании 551
Здоровье и болезнь 551
Лечение заболеваний в прошлом . . 552
Развитие современной медицины . 552
Третий мир 553
Колониализм и распространение болезней 553
Инфекционные болезни сегодня . . 554
Здоровье и болезнь в развитых странах 555
Структура и основные типы болезней 555
Здравоохранение в Великобритании 556
Здравоохранение в Соединенных Штатах 557
Репродуктивные технологии . . . 559
Здоровье и окружающая среда . . . 560
Возраст и проблемы старения на Западе 561
Демографические тенденции 561
Что такое «старость»? 562
Отставка 562
Социальные проблемы в пожилом возрасте 563
Физические последствия старения . 563
Будущее 564
Краткое содержание 565
Дополнительная литература 566

Глава 19. Революции и социальные движения 567

Определение революции 568
Революции двадцатого столетия 569
Революция в России 569
Революция в Китае 571
Теории революции 572
Теория Маркса 572
Оценка 573
Чалмерс Джонсон: революция как «нарушение равновесия» . . 574
Оценка 575
Джеймс Дэвис: почему происходят революции? 575
Оценка 576
Чарльз Тилли: теория протеста . . . 576
Оценка 578
Последствия революций 579
Краткосрочные последствия 579
Долговременные последствия . . . 580
Бунты, возмущения толпы и другие формы коллективного действия . . 581
Ле Бон: теория действий толпы . . 581
Рациональные аспекты действия толпы 582
Социальные движения 583
Определение 584
Классификация социальных движений 584
Теории социальных движений . . . 585
Нейл Смелзер: шесть условий социальных движений . . 585
Ален Турэн: историчность 587
Оценка 587
Социальные движения и социология 588
Краткое содержание 588
Дополнительная литература 589

Глава 20. Социальные изменения: прошлое, настоящее и будущее 590

Понятие социального изменения 591
Теории социальных изменений 591
Эволюционные теории 591
Социал-дарвинизм 592
Однолинейная и мультилинейная эволюция 593
Теория эволюции Толкотта Парсонса 593
Оценка 594
Исторический материализм 595
Критические замечания 596
Недостатки теорий: веберовская интерпретация изменений 596
Факторы, влияющие на изменения . . . 597
Физическая среда 597
Политическая организация 598
Культурные факторы 598
Анализ эпизодов изменений 599
Изменения в недавнем прошлом 600
Влияние экономики 600
Влияние политики 601
Влияние культуры 601
Текущие изменения и дальнейшие перспективы 602

Вперед к постиндустриальному обществу? 602
Критические замечания 603
Капитализм и социализм 604
Социализм: факты двадцатого века 605
Альтернативы социализму 606
Социальные изменения: взгляд в будущее 607
Краткое содержание 608
Дополнительная литература 609

ЧАСТЬ VI. МЕТОДЫ И ТЕОРИИ В СОЦИОЛОГИИ

Глава 21. Социология: методы исследования 611
Исследовательская стратегия 612
Проблема исследования 612
Обзор материалов по данной проблеме 612
Уточнение проблемы исследования 613
Разработка исследовательского проекта 613
Проведение исследования 613
Интерпретация результатов 613
Отчет по результатам исследования 613
Представление процесса в целом . 614
Общая методология 614
Причинность и корреляция 614
Причинные механизмы 616
Контроль переменных 616
Уточнение причин 617
Методы исследований 617
Полевая работа 617
Требования к полевой работе . . . 620
Преимущества и ограничения полевой работы 621
Опросы (обследования) 622
Стандартизированные опросники и опросники с открытыми вопросами 622
Выборка 623
Пример: «Выбор народа?» 623
Оценка 624
Документальное исследование . . . 625
Ловушки документального исследования 627
Эксперименты 627
Другие методы: интервью, жизнеописания, дневники, анализ бесед . . . 629
Интервью 629
Жизнеописания 630
Дневники 631
Анализ устных бесед 631
Триангуляция 632
Пример: Уоллис и саентология . . 632
Этические проблемы исследования: негативная реакция респондентов 634
Проблемы публикации: опыт Уоллиса 635
Влияние социологии 636
Краткое содержание 637
Дополнительная литература 638

Глава 22. Развитие социологической теории 639
Истоки социологии 639
Огюст Конт 640
Эмиль Дюркгейм 640
Карл Маркс 641
Макс Вебер 642
Дальнейшее развитие социологии 643
Современные подходы 643
Функционализм 643
Функционализм в версии Мертона 644
Современное развитие 645
Структурализм 646
Язык и значение 646
Структурализм и семиотика . . . 647
Символический интеракционизм . 647
Символы 647
Марксизм 648
Теоретические дилеммы 649
Структура и действие 651
Оценка 652
Консенсус и конфликт 653
Оценка 654
Образы современного мира 654
Марксистская перспектива 654
Точка зрения Вебера 655
Оценка 656
Проблема гендера 656
Оценка 657
Теории 658
Пример: Протестантская этика . . . 659
Теоретическая мысль в социологии . . . 661
Краткое содержание 661
Дополнительная литература 663

ЧАСТЬ VII. ГЛОССАРИЙ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ВАЖНЕЙШИЕ ТЕРМИНЫ

Основные понятия 664
Важнейшие термины 676

Предисловие

Книга Э. Гидденса — это курс лекций, который автор читает уже много лет в Оксфорде.

Гидденс предлагает студенту самому поразмышлять над социальными проблемами с разных точек зрения, с позиций различных теоретических подходов. Один из крупнейших теоретиков современной социологии, Гидденс излагает собственное понимание социологической теории, суть которого — акцент на активности человека — «социального агента».

Классическая социология (Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Карл Маркс и другие) исходила из парадигмы науки XVIII–XIX вв., согласно которой научное знание опирается на объективную реальность, чьи законы должны быть поняты, открыты и использованы для практического употребления. Маркс подчеркивал, что философия не может ограничиваться объяснением мира, но должна помочь в его переустройстве. В той или иной степени объективистский тип мышления характерен для всей классической науки с разницей лишь в одном: некоторые мыслители полагали, что объективное знание о природе социальной действительности помогает разумно ориентироваться в социальных действиях, не насиловать саму природу; другие исходили из концепции переустройства мира в согласии с его внутренними закономерностями. Отсюда и два подхода — эволюционистский и конфликтологически-революционный. Не будем обсуждать здесь справедливость того и другого. Подчеркнем лишь их общую основу: опора на объективность социального знания.

Сегодняшнее представление о социальной науке, так называемая постклассическая парадигма, существенно отличается от классики.

Две важнейшие составляющие радикально меняют взгляд на науку вообще и социологию в частности. Признается влияние на итог научного знания метода, теории и, кроме того, активной позиции самого исследователя, его нравственной установки, его рассудочности или предрассудков. В итоге научное знание в классической форме как безусловно объективное ставится под сомнение, скорее признается относительность знания в определенных, достаточно хорошо очерченных границах.

Гидденс — представитель этой нежесткой социологии, в которой и сам исследователь должен быть достаточно гибок, непредвзят в отношении используемых теоретических подходов, и в которой признается решающая роль социального субъекта (индивидов, общественных групп, движений) в преобразовании социальных структур соответственно их интересам. Социальный субъект своей активностью скорее приспосабливает общественные структуры сообразно интересам общественных групп, ищет компромиссы с другими социальными субъектами или вступает с ними в противоборство. Но во всяком случае он не предстает перед нами жестко зависимым от экономических и социально-культурных безличных факторов, он активно с ними взаимодействует.

Курс общей социологии Энтони Гидденса, опубликованный восемь лет тому назад, имел примечательный подзаголовок: «Учебное пособие девяностых годов». Гидденс подвергает конструктивной критике классическое наследие прошлого века, равно как и структурный функционализм Т. Парсонса. Именно ему принадлежит формула «ортодоксальный консенсус», каковой он характеризовал состояние западной теоретической социологии в начале 70-х годов. Этот консенсус опирался на согласие относительно «естественного» процесса эволюционного развития общества, в ходе которого углубляется дифференциация социальных структур и институтов.

Социальные катаклизмы последнего десятилетия, крах общественной системы, «построенной» по задуманному ее конструкторами «научно обоснованному» проекту, обострили главные проблемы социологического знания.

Социология 90-х годов развивается в поисках ответов на ключевые вопросы социальной теории: как соотносятся сложившиеся социальные структуры и действующие в них страждущие социальные субъекты? Что есть социальное: от нас не зависящие общественные отношения, социальные институты, взаимосвязи и/или создаваемые людьми их образы, которые и определяют социальное поведение, побуждают к коллективным социальным действиям? Каковы пространственные и временные границы «социального», то есть должна ли социальная теория исходить из доминанты «данное общество», «данная цивилизация», «данное мировое сообщество»? Как прошлое воздействует на настоящее и как настоящее предопределяет будущее в человеческой активности — индивидуальной и коллективной, спонтанной и целенаправленной?

Автор постоянно задается вопросом: что же из классики прошлого и нашего XX века остается ценным, а что должно быть подвергнуто серьезным сомнениям?

Во многих главах читатель обнаружит раздел «Оценка данного подхода» (в оригинале «assessment» — оценка знания, унаследованного от предшественников). Какова, например, «ценность» теории Маркса? Гидденс подчеркивает, что Маркс, безусловно, многое объясняет в отношении крупных исторических сдвигов. Но вместе с тем Гидденс пишет, что в качестве единственного анализа социальных изменений концепция Маркса вызывает существенные возражения. Неясно, насколько в теорию смены социально-экономических формаций вписываются неевропейские цивилизации, «в которых политическая и военная власть в большей мере была средством приобретения богатства, нежели его результатом».

Не менее критически относится Э. Гидденс и к эволюционистам, справедливо утверждая, что аналогия социального развития с повышением уровня адаптированности общества вряд ли уместна. Сомнительно и представление о прогрессе как восхождении по уровню сложности, дифференцированности социальных систем (Спенсер, Парсонс); скорее Гидденс разделяет идею многофакторности социальных изменений, то есть влияния на социальные процессы и среды, и экономики, и культуры, и политических институтов. В различных эпизодах социально-исторического процесса эти факторы приобретали разное значение.

Поэтому, в отличие от многих других авторов учебных пособий, Гидденс уделяет немало внимания сравнительному анализу социальных процессов в разных культурах и обществах, в странах «ядра» современной мировой системы и в странах «второго» и «третьего» миров. Он анализирует позитивные процессы в капиталистическом и социалистическом обществах, равно как и изъяны этих формаций.

Социология 90-х, по Гидденсу, не может замыкаться в рамках узкодисциплинарной области. Современная социология предполагает исторический подход и «прозрачные» границы с множеством социально-гуманитарных дисциплин. И это

не декларативная позиция, но «работающая» методология. Э. Гидденс щедро вводит в социологию исследования антропологов, психологов, экономистов, следует логике социально-исторического анализа.

Книга заставляет размышлять, не ограничиваясь простым изложением фундаментального социологического знания. Конечно, это знание достаточно полно представлено, а нужные определения содержатся в приложении — «Глоссарии». Но главное заключено в самой методологии раскованного мышления автора, гибкости и неожиданности рассмотрения одного и того же социального явления с разных точек зрения и, в конечном итоге, определении собственной, авторской позиции.

Особенно показательна глава «Социальные изменения: прошлое, настоящее и будущее». Автор подчеркивает необходимость рассматривать социальные изменения в общемировом контексте, в более общей системе экономических, социальных, социокультурных и политических взаимосвязей всех обществ на планете Земля. Он справедливо сомневается в правдоподобии использования таких понятий, как «рыночный капитализм» и «социализм», рассуждает о возможных конфигурациях развития социальных процессов в новой мировой ситуации, получившей совершенно иной облик с началом перестройки в СССР и последующего распада так называемого социалистического лагеря — «второго мира», как его называли в конце 70-х гг. Будет ли наш мир «двух-с-половинным» или «полуторным», то есть ближе к странам «третьего мира», развивающимся странам Азии и Африки, или он будет приближаться к обществам «первого мира», развитым индустриальным странам, как пойдет этот процесс запаздывающей модернизации в России? Такого рода вопросы невольно возникают при чтении книги Гидденса.

Вместе с тем эта книга — именно учебное пособие, систематически излагающее основы социологической теории и методологии социологического исследования.

Лекционный курс Гидденса ориентирован в двух направлениях: предметно-содержательном (например, культура, общество, социальное взаимодействие и повседневная жизнь), но в то же время и проблемном («девиации», этно-национальные конфликты, глобализация), то есть предлагает анализ современных социальных проблем с хорошими иллюстрациями фактических данных и их интерпретаций в разных теориях: структуралистских, герменевтических, феноменологических, деятельностных.

Гидденс — очень продуктивный автор в смысле глубины проникновения в существо социальной теории. Его главная теоретическая работа, вошедшая в современную социологическую классику, — монография «Конституция общества» (1984)[1]. Не общественная система, заметьте, но именно конституция — основной закон общества. Деятельностный подход свойствен целому ряду других лидирующих теоретиков современной социологии. Например, монография Петра Штомпки названа «Общество в действии: теория социального становления», книга Джеффри Александера — «Действие и его контекст» (1988), а работа Маргарет Арчер — «Культура и социальный субъект» (1985)[2]. Эти книги и ряд других приходятся на середину 80-х годов —

[1] См. также: *Giddens A.* New Rules as Sociological Method. London: Hutchinson, 1976; он же. The Nation-State and Violence. Cambridge, Polity Press, 1985; он же. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, Polity Press, 1991; *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., Зима, 1993, т. 1, вып. 1, № 1. С. 57–82; *Гидденс Э.* Элементы теории структурации / Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас (под ред. А. В. Леденевой), Новосибирск, изд-во Новосибирского университета, 1995. С. 41–80.

[2] *Giddens A.* The Constitution of Society. Cambridge, Polity Press, 1985; *Sztompka A.* Society in Action: The Theory of Social becoming. Cambridge, Polity Press, 1991; *Alexander J.* Action and its Environments. Towards a New Synthesis. Columbia University Press, 1988; *Archer M.* Culture and Agency. Cambridge, University Press, 1988.

SamKI KUTUBXONASI

период нового подъема в развитии социологической теории с акцентом на роль социального субъекта. Это — социология активного социального субъекта.

Гидденс — крупный социальный мыслитель, автор многих работ по истории социальной мысли. Его книга — курс лекций по теоретической социологии, не оторванной от фактуального знания, но опирающейся на добротный эмпирический базис. Именно этим и полезна для нашего читателя предлагаемая книга.

Надо заметить, что лекционный курс Гидденса прекрасно структурирован. Все разделы содержат необходимые ссылки на другие главы; основные понятия, которые студент должен освоить, перечислены, и, помимо того, объяснены в глоссарии.

Изучение книги Гидденса доставляет, помимо всего, и эстетическое удовольствие. И в жизни Энтони Гидденс — непосредственный, раскованный, остроумный собеседник, быстро реагирует на реплику, критический выпад, во время лекции садится на край стола, снимает пиджак или начинает расхаживать по аудитории и рассуждать как бы про себя. Очень любит спорить, радуется, если вопрос острый. Наверное, так и только так рождается живая мысль, новое знание. Поздравляю нашего читателя с возможностью общаться с Энтони Гидденсом.

Профессор *В. А. Ядов*

Предисловие автора

Книга написана с верой в то, что социология призвана играть ключевую роль в современной интеллектуальной культуре и занимать центральное место среди социальных наук. Преподавая социологию для новичков и профессионально уже подготовленной аудитории в течение длительного времени, я пришел к убеждению, что необходимо пересмотреть некоторые направления развития этой дисциплины. Предлагаемая книга — это попытка не просто написать еще один вводный курс, но очертить основные перспективы и проблемы социологии.

Моей целью было написать книгу, в которой некоторая оригинальность сочеталась бы с анализом всех основных вопросов, занимающих современных социологов. Несмотря на то, что многие мои предыдущие работы были связаны с теорией, я никогда не считал, что теоретические споры интересны сами по себе. Теоретическое рассуждение ценно только в том случае, если оно помогает осветить эмпирические данные. Здесь я старался определить предпосылки важнейших достижений теоретической мысли нашего времени. Лучшим способом налаживания связи между теорией и исследованием является активная попытка понять суть социальных институтов, поэтому я сделал акцент на изучении определенных проблем и областей социологии. В книге нет чрезмерно изощренных рассуждений, тем не менее, в ней содержатся идеи и результаты самых последних изысканий этой дисциплины. Надеюсь, что я представил здесь не пристрастный подход, а трезвый анализ основных перспектив реальной социологии.

Это новое издание «Социологии», оно подверглось всесторонней переработке. Я сохранил без изменений общий порядок книги, поскольку он, по-видимому, был воспринят одобрительно, но значительная часть содержания самих глав была переписана заново. Я обновил все ссылки на эмпирические работы, за исключением различных классических исследований. Со времени написания первого варианта учебника в мире многое изменилось. В то время еще существовал Советский Союз, в Соединенных Штатах у власти стоял Рональд Рейган, а в Британии — Маргарет Тэтчер. Все это ушло в прошлое, и я отразил эти события и их последствия в тексте. Новое издание содержит около 40 тысяч слов нового материала, множество новых графиков, таблиц, иллюстраций и других изменений.

Ряд изменений был вызван замечаниями и предложениями читателей. Я хотел бы выразить свою благодарность всем, кто взял на себя труд написать мне, поскольку их помощь для меня существенна.

Основные темы

Книга построена вокруг набора основных тем, каждая из которых определяет особый характер работы. Первая тема — *отношение социального и личного.* Социологическое мышление — важная помощь в самопознании, которое в то же время оборачивается

лучшим пониманием социального мира. Изучение социологии должно быть опытом освобождения: социология развивает наши склонности и воображение, открывает новые перспективы в понимании источников нашей активности и углубляет нашу способность воспринимать культурные установки, отличающиеся от наших собственных. Поскольку социологическая деятельность становится вызовом догмам, она учит ценить культурное разнообразие и позволяет нам видеть внутренние механизмы социальных институтов. Занятие социологией открывает возможности развития свободы в человеческой личности.

Вторая тема — *меняющийся мир*. Социология возникла в результате индустриальных трансформаций социального строя Запада, что в значительной степени привело к изменению форм, характерных для предыдущих обществ. Созданный в процессе индустриализации мир является основным проблемным объектом социологического анализа. Социальные изменения продолжаются, и, возможно, мы стоим в преддверии изменений, столь же фундаментальных, как те, что произошли в конце XVIII и в XIX веке. Первейшей обязанностью социологии является необходимость отразить изменения, произошедшие в прошлом, и уловить основные направления сегодняшнего развития.

В-третьих, для книги характерен последовательный *сравнительный подход*. Изучение социологии не может идти только путем познания институтов какого-то отдельного общества. Несмотря на то, что я задал исследованию определенный крен в отношении Британии, оно сбалансировано чрезвычайно богатым материалом, относящимся к другим обществам и культурам. Сюда входят исследования, проводившиеся в других западных странах, также я ссылаюсь на материал, связанный с Россией и восточноевропейскими обществами. Индустриальные общества не могут изучаться независимо от третьего мира, и эта книга включает гораздо больше материала о развивающихся странах, чем любое предшествующее введение в социологию. Кроме того, я обращаю внимание на связь социологии и антропологии, проблемы которых достаточно широко соприкасаются друг с другом. Ввиду тесных связей, объединяющих общества во всем мире, а также ввиду фактического исчезновения многих форм традиционных социальных систем социология и антропология становятся все более неразделимыми.

В-четвертых, в книге признается необходимость *исторической ориентации* в социологии. Это означает гораздо больше, чем просто изображение «исторического контекста», в котором имеют место события. Информация такого рода необходима, поскольку знания студентов по истории, даже сравнительно недавней, могут быть весьма ограниченными. Одной из важнейших тенденций последних лет стало в социологии возрождение исторического анализа. Его следует понимать не только как способ приложения социологического мировоззрения к прошлому, но скорее рассматривать как основу нашего понимания современных институтов. В книге широко используются современные исследования в области исторической социологии, они создают основу для интерпретаций, предлагаемых в различных главах.

В-пятых, особое внимание в книге обращено на *проблемы гендера*. Изучение гендера обычно считается особой областью внутри социологии в целом, и книга содержит отдельную главу, посвященную размышлениям и исследованиям на эту тему. Тем не менее, проблемы гендерных отношений настолько фундаментальны для социологического анализа, что не могут просто быть сведены к одному частному подразделу дисциплины, поэтому многие главы содержат разделы, связанные с проблемами гендера.

Шестая, основная тема книги — *глобализация общественной жизни*. На протяжении слишком долгого времени в социологии доминировало мнение, что общества можно рассматривать как независимые образования, но даже в отношении прошлого это неверно. Сегодня же мы наблюдаем явное ускорение процессов глобальной интеграции, и это, например, очевидно при рассмотрении распространения международной торговли через государственные границы. Влияние постоянно возрастающей глобализации не вполне изучено даже в специальной литературе по социологии, и почти повсеместно игнорируется на уровне вводных курсов. Акцент на глобализацию в этой книге также тесно связан со значимостью, придаваемой сегодня взаимозависимости первого, второго и третьего миров.

Структура книги

В начале книги не делается краткого обсуждения основных социологических концепций. Вместо этого понятия объясняются, когда они вводятся в соответствующих главах, и я старался иллюстрировать идеи и теории конкретными примерами социологических исследований. В иллюстративных целях часто использовались материалы из неакадемических источников (например, газетные репортажи). Я стремился сделать книгу живой и «полной сюрпризов», и выдержать стиль настолько простым и непосредственным, насколько это было возможно. Среди академических дисциплин нет предмета более захватывающего и яркого, чем социология, если к ней правильно подойти.

Главы расположены в последовательности, установленной в расчете на постепенное овладение различными областями социологии, но я учел возможность гибкого использования книги при чтении различных специальных курсов. Главы можно пропускать или изучать в любом порядке без особого ущерба. Каждая из глав достаточно автономна, и в соответствующих пунктах имеет перекрестные ссылки на другие главы.

Шесть частей этой книги представляют собой исчерпывающий обзор основных разделов социологии. Часть 1 состоит из одной главы и знакомит с основными особенностями предмета. Часть 2 посвящена культуре, обществу и индивиду; в ней анализируются взаимодействия между влияниями общества и личностным опытом, много внимания уделено проблемам гендера. Эти главы касаются проблем культуры, развития различных типов человеческого общества, социализации, повседневного социального взаимодействия, конформности и девиаций. В части 3 исследуются темы неравенства, власти и идеологии. Здесь рассматриваются несколько важнейших разделов социологии: стратификация, этническая и расовая принадлежность, группы и организации, политика и государство, война и вооруженные силы. Часть 4 посвящена основным социальным институтам и анализу их влияния на ключевые области человеческого существования. В главах этой части рассматриваются брак и семья, образование и средства массовой информации, работа и экономическая жизнь. Часть 5 объединяет главы, в которых особый упор сделан на теме *изменений*, в ней анализируются глобализация, современный урбанизм, население, его здоровье и старение, революционные и общественные движения. Глава заканчивается рассмотрением общественных изменений в целом.

Наконец, в части 6 рассматриваются основные методы исследований и теоретические перспективы социологии. Несмотря на то, что этот материал помещен в конце книги, его можно изучать на любом этапе.

Краткое содержание глав и глоссарий

Каждая глава тщательно структурирована для того, чтобы сделать процесс обучения не только систематичным, но и занимательным. Насколько это возможно, она сопровождается кратким резюме, а также перечнем основных понятий и терминов, в ней представленных. Все эти понятия и термины включены в глоссарий в конце книги. Глоссарий представляет собой обширный источник ссылок. Когда новое понятие встречается в тексте впервые, оно выделяется **жирным** шрифтом; основные термины выделены *курсивом*.

Студентам: как пользоваться этой книгой

Обращайтесь с книгой как с другом, а не как с противником. Сама книга достаточно велика, потому что она всеобъемлюща. Не нужно бояться того, что придется читать каждую главу, или того, что их необходимо изучать в предложенном порядке. Каждую главу можно использовать более или менее самостоятельно. Если вы читаете книгу в связи с преподаваемым курсом, подгоняйте порядок глав к схеме, предложенной преподавателем.

Используйте часть 6, «Методы и теории в социологии», как источник для пополнения информации, изложенной в остальных главах. Если хотите, вы можете читать эту часть самой последней, как она помещена в книге. Тем, кто ранее не был знаком с социологией, мы рекомендуем именно такую стратегию. Тем, кто взял в руки книгу, будучи в какой-то степени уже знакомым с предметом, может быть полезно *сначала* прочитать главы 21 и 22, «Социология: методы исследования» и «Развитие социологической теории». Это позволит вам углубить понимание других глав.

Часть I

ВВЕДЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЮ

Социология предлагает отчетливую и чрезвычайно яркую перспективу понимания человеческого поведения. Изучая социологию, мы поднимаемся над нашей собственной интерпретацией мира, чтобы взглянуть на социальные воздействия, формирующие наши жизни. При этом социология не отвергает и не умаляет значение индивидуального опыта. Наоборот, мы учимся лучше понимать самих себя и других людей, тем самым развивая в себе способность восприятия космоса социальной деятельности, в которую мы вовлечены.

В первой части книги рассматриваются основные проблемы социологии и их отношение к предметам других социальных наук. Изучение социологии — это часть процесса самопознания. Невозможно изучать социологию без того, чтобы бросить вызов некоторым собственным глубоко укоренившимся убеждениям.

Глава 1

Социология: проблемы и перспективы

Сегодня, в конце двадцатого века, мы живем в мире, чрезвычайно тревожащем нас, но в то же время полном замечательными перспективами на будущее. Этот мир захлестывают перемены, связанные с ужасающей возможностью ядерной войны и разрушительным натиском современных технологий на природу. Но вместе с тем мы имеем больше возможностей управлять своей судьбой, изменять жизнь к лучшему, чего не могли себе даже представить предыдущие поколения. Как мир стал таким? Почему обстоятельства нашей жизни так отличаются от обстоятельств жизни наших предшественников? В каких направлениях произойдут перемены в будущем? Эти вопросы прежде всего интересуют социологию, дисциплину, которая призвана играть фундаментальную роль в современной интеллектуальной культуре.

Социология — это изучение общественной жизни человека, изучение групп и обществ. Это ослепительное и захватывающее предприятие, чьим предметом является поведение людей как социальных существ. Поле деятельности социологии чрезвычайно широко, от анализа случайных столкновений индивидов на улице до исследований глобальных социальных процессов. Несколько примеров дадут нам первое представление о ее природе и целях.

Чем занимается социология? Несколько примеров

Любовь и брак

Почему люди влюбляются и вступают в брак? На первый взгляд ответ очевиден. Любовь — это взаимная физическая и личностная привязанность людей друг к другу. Возможно, сегодня многие из нас скептически относится к мысли, что любовь бывает «навсегда»; однако «влюбленность», вероятно, относится к самым волнующим чувствам и эмоциям человека. Поиск личностного и сексуального самовыражения в отношениях влюбленной пары является таким же естественным, как и их желание иметь общее жилище.

Однако это очевидное на первый взгляд суждение на самом деле совершенно нетривиально. Состояние влюбленности переживали отнюдь не во все времена, и ее редко связывали с браком. До недавнего времени идея романтической любви вовсе не была распространена на Западе и не существовала в других культурах. Только в наше время стали считать, что любовь, брак и сексуальность тесно связаны друг с другом. В средние века и последующие эпохи люди вступали в брак в основном для того, чтобы сохранить титул или собственность в руках семьи, либо чтобы иметь детей, которые станут помогать в работе. Женившись, такие люди могли стать близкими друзьями, однако это случалось после брака, а не до него. Сексуальные связи существовали тогда и вне брака, но они почти не содержали тех чувств,

которые мы обычно связываем с любовью. Любовь «считалась в лучшем случае неизбежной слабостью, а в худшем — разновидностью недуга»[1].

Романтическая любовь впервые появилась в дворянских кругах как особая черта внебрачных сексуальных приключений. До конца восемнадцатого века она была ограничена лишь этими кругами и ни в коей мере не отождествлялась с браком. Отношения между мужем и женой в аристократической среде чаще всего были холодными и отчужденными, особенно в сравнении с тем, что мы ждем от брака сегодня. Состоятельные люди жили в больших домах, каждый супруг имел собственную спальню и слуг; в приватной обстановке они могли видеть друг друга достаточно редко. Сексуальная совместимость в браке была делом случая и не считалась обязательной. Как среди богатых, так и среди бедных решение о браке принималось семьей и родственниками, а не самими индивидами, права которых при выборе пары были ничтожны либо отсутствовали вовсе. (В наше время так до сих пор действуют во многих незападных культурах.)

Таким образом, ни романтическая любовь, ни ее связь с браком не могут восприниматься как «изначально данное» в жизни человека, ибо они сформировались под сильным социальным влиянием. Социологи изучают характер этих влияний, и, по-видимому, даже на основе личного опыта. Большинство из нас видит мир в привычных образах нашей собственной жизни. Социология демонстрирует необходимость более широкого взгляда на то, почему мы поступаем именно так, а не иначе.

Здоровье и болезнь

Обычно, когда мы думаем о здоровье и болезнях, то имеем в виду только физическое состояние тела. Человек чувствует боль или испытывает недомогание. Как это может быть связано с социальным воздействием? На самом деле социальные факторы оказывают очень большое влияние и на возникновение и протекание болезни, и на то, как мы реагируем, чувствуя себя больными. Наше обычное представление о «болезни» как о чем-то, порождаемом функциональными расстройствами тела, не разделяется представителями других обществ. В некоторых культурах болезнь и даже смерть рассматриваются как результат враждебных заклинаний, а не поддающихся изучению физических причин[2]. В западной культуре христианское учение отвергает общепринятые представления о болезни, полагая, что природа человека духовна и выражает образ Божий, а болезнь проистекает от непонимания, «открывающего врата заблуждению».

Как долго человек может прожить, насколько реальна для него угроза серьезных заболеваний, таких, как сердечно-сосудистые, рак и пневмония, — все это в значительной степени определяется социальными факторами. Чем более развита культура, в среде которой живет человек, тем меньше вероятность, что на протяжении своей жизни он будет страдать от серьезных заболеваний. Помимо этого, существуют определенные общепринятые правила, предписывающие, как следует вести себя в случае болезни. Больному человеку разрешается отстраниться от некоторых или всех обыденных обязанностей, но заболевание должно быть признано «достаточно серьезным», чтобы можно было претендовать на эти привилегии без критики и упреков. Тот, кто испытывает лишь слабое недомогание, или чья болезнь точно

[1] *Monter E. William.* The pedestal and the stake: courtly love and witchcraft. In: *Renate Bridenthal* and *Claudia Koouz*. Becoming Visible: Women in European History. Boston, 1977.

[2] *Evans-Pritchard E. E.* Witchcraft, Oracles and Magic Among the Azande. Oxford, 1950.

не определена, скорее всего будет признан «симулянтом» — не имеющим реального права избегать ежедневных обязанностей[3].

Другие примеры: преступление и наказание

Приведенное ниже ужасное описание повествует о последних часах человека, казненного в 1757 году по обвинению в заговоре с целью убийства короля Франции. По приговору несчастному вырвали мясо на груди, руках и ногах, а раны поливали смесью кипящего масла, воска и серы. Затем его тело четвертовали с помощью лошадей, а расчлененные останки были сожжены. Офицер стражи составил следующий отчет о произошедшем.

> Палач погрузил кандалы в котел с кипящим зельем, которым он щедро поливал каждую рану. Затем запрягли лошадей и привязали за руки и ноги. Лошади сильно потянули в разные стороны. Через четверть часа процедуру повторили и сменили лошадей: тех, которые были у ног, поместили к рукам, чтобы сломать суставы. Все повторяли несколько раз.
>
> После двух или трех попыток палач Самсон и его помощник, который держал щипцы, достали ножи и надрезали тело у бедер, лошади снова потянули; затем то же сделали с руками и плечами; мясо было срезано почти до самых костей. Лошади, напрягаясь изо всех сил, оторвали сначала правую и затем левую руку.[4]

Жертва была жива до того момента, когда ей окончательно оторвали конечности от торса.

До начала современного периода такие наказания не были необычными. Вот как Джон Лофлэнд описывает традиционные способы казни.

> В далекие исторические времена казнь была рассчитана на максимальное продление периода умирания приговоренного и на сохранение его при этом в сознании. Задавливание с помощью постепенно увеличивающегося веса, помещенного на грудь, колесование, распятие, повешение, сожжение на костре, раздробление тела, растягивание на части и четвертование, а также другие способы — все это было достаточно длительным. Даже повешение на протяжении большей части истории было медленным процессом. Когда тележку откатывали из-под осужденного или когда под ним открывался люк, осужденный медленно задыхался, корчась несколько минут, прежде чем умереть. Иногда палач, чтобы ускорить казнь, заходил на эшафот и тянул осужденного за ноги.[5]

Часто казнь проводилась при большом стечении публики — практика, просуществовавшая в некоторых странах до XVIII века. Тех, кому предстояло умереть, везли по улицам в открытой повозке, чтобы в конце своей жизни они могли стать участниками спектакля при огромном скоплении зрителей, которые аплодируют или свистят, в зависимости от отношения к жертве. Палачи были такими же знаменитостями, как в наше время кинозвезды.

Сегодня такие способы наказания кажутся нам отвратительными. Мало кто из нас может понять, как можно получать удовольствие от того, что кого-то пытают или жестоко умерщвляют, какие бы преступления этот человек ни совершил. Наша

---

[3] *Cockerham W. C.* Medical Sociology. New Jersey, 1986.

[4] *Foucault Michel*. Discipline and Punish. Harmondsworth, 1979.

[5] *Lofland John*. The dramaturgy of the State executions. In: *Horace Bleackley* and *John Lofland*. State Executions, Viewed Historically and Sociologically. New Jersey, 1977.

система наказания основана на тюремном заключении, а не на причинении физической боли; в большинстве западных стран смертная казнь отменена. Почему формы наказания изменились? Почему тюремное заключение заменило существовавшие ранее более жестокие формы наказания?

Заманчиво предположить, что в прошлом люди были просто более жестокими, в то время как мы стали более гуманными. Но для социолога такое объяснение неубедительно. Публичное применение насилия как способ наказания существовало в Европе на протяжении веков. Люди пришли к пересмотру своего отношения к подобным вещам не сразу и не вдруг, здесь имели место глубочайшие социальные влияния, связанные со значительными переменами, происходившими в этот период. Европейские общества начали *индустриализироваться* и *урбанизироваться*. Старый сельский порядок быстро вытеснялся новым, при котором все большее и большее число людей стало работать на фабриках и в мастерских, переезжая в стремительно разрастающиеся города. Социальный контроль над городским населением уже невозможно было обеспечить основанными на устрашении старыми способами наказания, которые были пригодны только в маленьких обществах с тесными связями и небольшим количеством происшествий.

Тюрьмы создавались как часть системы учреждений, в которых люди содержатся в изоляции от внешнего мира, «под замком», для того, чтобы контролировать и дисциплинировать их поведение. Среди тех, кого держали взаперти, были вначале не только преступники, но и бродяги, больные, безработные, слабоумные и сумасшедшие. Тюрьмы не сразу отделились от сумасшедших домов и больниц. Предполагалось, что в тюрьмах преступников «перевоспитывали в добропорядочных граждан». Наказание за преступление стало ориентированным на воспитание послушного гражданина, а не на публичную демонстрацию остальным ужасных последствий, которые влечет за собой дурное поведение. Гуманизация наказания, которую мы наблюдаем, скорее всего *последовала* за происходящими переменами, а не вызывала их. Перемены в обращении с преступниками были частью процессов, уничтоживших традиционные порядки, которых люди придерживались на протяжении веков.

Выводы: сущность социологии

Мы можем обобщить примеры, обсуждавшиеся до сих пор. В каждом из трех случаев — любовь, брак и сексуальность, здоровье и болезнь, наказание за преступление — мы увидели, что чувства и эмоции, которые кажутся «естественно данными» человеку, на самом деле подвержены влиянию социальных факторов. Понимание тончайших, но сложных и глубоких способов, которыми наши жизни отражают контексты нашего социального опыта, является основой социологического мировоззрения. Социологию особенно интересует социальная жизнь в *современном мире*, стремительные перемены в человеческих обществах, произошедшие в последние два века.

Перемены в современном мире

Изменения, произошедшие за последние двести лет в образе жизни людей, были чрезвычайно обширными. Мы, например, свыклись с фактом, что большинство населения не работает на земле, живя в городах, а не в малых сельских общинах. Однако до наступления современной эры этого не было **никогда**. Фактически на протяжении всей истории человечества подавляющее большинство людей вынуждено было само

производить для себя пропитание, живя небольшими группами или сельскими общинами. Даже в моменты наивысшего расцвета цивилизаций прошлого, таких, как древний Рим и традиционный Китай, менее чем 10% населения проживало в городах, в то время как все остальные были заняты в производстве продовольствия. Сегодня в большинстве индустриальных обществ наблюдается обратное соотношение: более 90% населения живет в городах и лишь 2–3% занято в сельском хозяйстве.

Переменились не только внешние стороны нашей жизни, радикальным образом изменились и продолжают глубоко меняться самые личные и интимные стороны нашего повседневного существования. Обратимся вновь к примерам. Появление идеалов романтической любви в высокой степени было обусловлено переходом от сельского к урбанистическому, индустриальному обществу. С тех пор, как люди стали переселяться в город и работать в промышленном производстве, брак перестал быть детищем экономических мотивов, исчезла необходимость контролировать наследственное владение землей или обрабатывать земельный надел семьи. «Организованные» браки — являющиеся следствием переговоров родителей и родственников — стали все более и более редкими. Люди начали вступать в брачные отношения на основе эмоциональной привязанности и стремления найти личностную самореализацию. Именно в этом контексте сформировалась и идея «влюбленности» как основы для заключения брака. (Для дальнейшего обсуждения см. главу 12, «Родство, брак и семья».)

Точно так же предшествующие подъему современной медицины европейские взгляды на здоровье и болезнь напоминали те, которые можно обнаружить и сейчас в незападных странах. Современные методы диагностики и лечения вместе с осознанием важности гигиены в предотвращении инфекционных заболеваний датируются лишь началом XIX века. Наши нынешние взгляды на здоровье и болезнь возникли как часть глубоких социальных трансформаций, повлиявших на многие аспекты человеческих убеждений относительно биологии и природы.

Социология берет свое начало в попытках понять сокровенный смысл трансформаций, сопровождавших индустриализацию на Западе. Она остается ведущей дисциплиной, в рамках которой проводится анализ природы этих изменений. Сегодня наш мир радикальным образом отличается от прошлого; задача социологии состоит в том, чтобы помочь нам понять этот мир и его будущие возможности.

Социология и «здравый смысл»

Социология дает нам возможность получить знания о нас самих, об обществах, в которых мы живем, и о других обществах, отделенных от нас в пространстве и во времени. Социологические исследования, с одной стороны, *разрушают*, а с другой, *дополняют* наши **основанные на здравом смысле представления** о нас самих и о других людях. Обратимся к следующему списку утверждений:

1. Романтическая любовь — это естественная часть жизненного опыта человека, поэтому она распространена во всех обществах и тесно связана с браком.

2. Продолжительность жизни людей зависит от их биологической предрасположенности и не может быть сильно связана с социальными различиями.

3. В прежние времена семья была стабильна, но сегодня количество распавшихся семей стремительно растет.

4. Во всех обществах всегда есть несчастные или подавленные люди, поэтому уровень самоубийств, по-видимому, будет одним и тем же повсюду.

5. Большинство людей во всем мире ценит материальное благополучие и будет добиваться преуспевания, если есть такая возможность.

6. Войны велись на протяжении всей истории человечества. Мы и теперь стоим перед угрозой ядерной войны, и это объясняется тем фактом, что человеку присущи агрессивные инстинкты, которые всегда найдут себе выход.

7. Распространение компьютеров и автоматизация промышленного производства значительно сократят продолжительность рабочего дня большей части населения.

Каждое из этих утверждений либо неверно, либо сомнительно, и понять, почему это так, помогут нам вопросы, которые постоянно задают — и на которые стараются ответить — социологи в своих работах. (Эти вопросы будут детально проанализированы в последующих главах.)

1. Как мы видели, идея брака, основанного на романтической любви, исключительно нова, ее не было ни в ранних западных обществах, ни в других культурах. В большей части обществ романтическая любовь совершенно неизвестна и сейчас.

2. Продолжительность жизни людей зависит от социальных влияний, потому что образ жизни действует как «фильтр» для биологических факторов, вызывающих болезни, дряхлость и смерть. Как правило, бедные менее здоровы, чем богатые, потому что они хуже питаются, их существование связано с физическими перегрузками, они имеют доступ к худшему медицинскому обслуживанию.

3. Если мы обратимся к началу XIX века, то увидим, что количество детей, живущих в семьях с одним биологическим родителем, было, вероятно, выше, чем сегодня, поскольку люди часто умирали молодыми, особенно женщины при родах. Сейчас основные причины распада семей — это разводы и раздельное проживание супругов, но в целом относительное количество разрушенных семей не сильно различается.

4. Число самоубийств в разных обществах различно. Даже в западных странах уровни самоубийства значительно различаются. Скажем, число самоубийств в Соединенном королевстве в четыре раза выше, чем в Испании, но составляет только треть от уровня Венгрии. Число самоубийств резко возросло в течение основного периода индустриализации западных обществ, в XIX и начале XX века.

5. Ценность, которую многие придают материальному благополучию и преуспеванию, — в значительной степени недавнее достижение. Это связано с ростом «индивидуализма» на Западе — мы придаем большое значение индивидуальным достижениям. Во многих других культурах индивиды, как правило, ставят благо общины выше собственных желаний и склонностей. Материальное благополучие часто оценивается не очень высоко по сравнению с другими ценностями, например, религиозными.

6. Люди не имеют не только агрессивных инстинктов, но и инстинктов вообще, если «инстинкт» понимать как фиксированный генетически предопределенный образец поведения. Более того, на протяжении большей части истории человечества, когда люди жили небольшими племенными группами, войн в современной

их форме не существовало. Хотя некоторые такие группы и были агрессивными, но многие нет. Тогда еще не существовало армий, а стычки, если они случались, сводились лишь к небольшому числу жертв. Сегодняшняя угроза ядерной войны связана с «индустриализацией войны», что составляет важный аспект индустриализации в целом.

7. Это предположение значительно отличается от предыдущих тем, что оно относится к будущему. Существуют значительные основания быть осторожными в отношении данной идеи. Полностью автоматизированные производства остаются редкостью, а рабочие места, исчезнувшие вследствие автоматизации, могут быть заменены новыми, возникающими где-то еще. У нас не может быть полной уверенности. Одна из задач социологии — дать максимально полный обзор фактов, относящихся к этим случаям.

Разумеется, социологические исследования не всегда противоречат здравому смыслу. Здравый смысл зачастую служит источником понимания в процессе изучения социального поведения. Следует, однако, подчеркнуть, что социолог должен быть готов задать вопрос о любом из наших убеждений (не важно, насколько оберегаемом нами): *Так ли это на самом деле*? Действуя подобным образом, социология *способствует* пониманию того, что есть «здравый смысл». Многое из того, что мы относим к здравому смыслу, т. е. к тому, что известно всем, — например, то, что число разводов увеличилось в период после второй мировой войны, — основано на работах социологов и других ученых-обществоведов. Для того чтобы из года в год представлять материалы по вопросам брака и развода, необходимо проводить огромное количество регулярных исследований. То же самое относится и ко множеству остальных областей нашего «основывающегося на здравом смысле» знания.

Социологические вопросы: фактологические, сравнительные, вопросы развития и теоретические

Фактологические вопросы

Некоторые из тех вопросов, которые социологи задают и на которые стараются ответить, в большой степени являются **фактологическими**. Поскольку мы являемся членами общества, все мы уже имеем определенное количество фактических знаний о нем. Например, в Британии каждый знает, что существуют законы, их следует соблюдать, и что идти против них — значит оказаться под угрозой уголовного наказания. В то же время знания, которыми располагает большинство людей о законодательстве, о природе и видах уголовного поведения, чаще всего отрывочны и неполны. Многие аспекты преступлений и правосудия нуждаются в непосредственном и систематическом социологическом исследовании. Так, можно задать вопрос: какие формы преступлений наиболее распространены? Какую часть людей, совершивших уголовные преступления, находит полиция? Сколько из них в итоге осуждается и попадает в тюрьмы? Фактологические вопросы часто гораздо более сложны и трудны для ответа, чем можно было бы подумать. Например, для определения реального уровня криминальной активности данные официальной статистики имеют сомнительную ценность.

Сравнительные вопросы

Фактическая информация об одном обществе вряд ли скажет, имеем ли мы дело с необычным случаем или с определенным порядком вещей. Часто социологи стремятся задавать **сравнительные вопросы**, соотносящие социальный контекст одного общества с другим, либо приводящие контрастные примеры из разных обществ. Например, в законодательствах Британии и Советского Союза имеются значительные различия. Типичный сравнительный вопрос: в какой степени различаются модели криминального поведения и действий правоохранительных органов в этих двух странах? (Некоторые существенные различия действительно были найдены.)

Вопросы развития

Для социологии важно изучать не только ныне существующие общества, но также сравнивать настоящее и прошлое. Вопросы, задаваемые социологами в этом случае, называются **вопросами развития**. Чтобы понять природу современного мира, нам следует взглянуть на предшествующие общественные формы, а также изучить основные направления их изменений. Подобным образом мы можем исследовать, например, как появились первые тюрьмы — тема, затронутая нами выше.

Теоретические вопросы

Фактологические, или, как их принято называть в социологии, **эмпирические**, исследования связаны с анализом того, *как* происходят события. Однако задача социологии состоит не только в сборе фактов, какими бы интересными и важными они ни были. Мы хотим также знать, *почему* эти события случаются, и для этого мы должны научиться ставить теоретические вопросы. Они помогут нам правильно интерпретировать факты при поиске причин процессов, находящихся в фокусе конкретного исследования. Мы знаем, что индустриализация оказала большое влияние на формирование современных обществ. Но каковы источники и предпосылки индустриализации? Почему мы обнаруживаем различия между обществами, переживающими процессы индустриализации? Почему индустриализация влечет изменения в способах уголовного наказания или в системах семьи и брака? Чтобы ответить на подобные вопросы, необходимо подойти к ним **теоретически**. Теории предполагают конструирование абстрактных интерпретаций, которые можно использовать для объяснения разнообразных эмпирических ситуаций. Теория индустриализации, например, должна определять основные черты, присущие процессу индустриального развития, и показывать, какие из них наиболее важны для объяснения развития общества. Конечно, фактологические и теоретические вопросы не могут быть отделены друг от друга. Теоретические подходы обоснованы в том случае, когда мы способны проверить их средствами эмпирического исследования.

Теория помогает осмысленно воспринимать факты. Популярное мнение «факты говорят сами за себя» глубоко неверно. Многие социологи в первую очередь занимаются эмпирическими вопросами, но если в своем поиске они не руководствуются теорией, их работа не дает возможность прояснить причины изучаемых событий. Это происходит даже в том случае, когда исследования предпринимаются с сугубо практическими целями.

«Практики», как правило, с подозрением относятся к теоретикам и могут считать себя слишком «стоящими на земле», чтобы обращать внимание на более абстрактные идеи, но решения всех практических вопросов имеют под собой, как правило,

теоретическую основу. Бизнесмен, например, может иметь ограниченное представление о «теории». Тем не менее, при изучении деловой активности обязательно подразумеваются теоретические допущения, даже если они, как часто бывает, не сформулированы явно. Так, можно предположить, что стимулом хорошей работы прежде всего является уровень получаемой зарплаты. Это не просто теоретическая интерпретация человеческого поведения — это также ошибочная интерпретация, и именно это подтверждают исследования в области промышленной социологии.

Преднамеренные и непреднамеренные последствия человеческих действий

Социологи отмечают важное различие между целями действий — когда мы преднамеренно что-то делаем — и **непреднамеренными последствиями**, к которым действия приводят. Следуя этим путем, можно многое узнать о развитии обществ. Например, школы существуют для того, чтобы дать детям возможность приобретать новые знания. Тем не менее, существование школ вызывает последствия, которые не так просто распознать или предусмотреть. До определенного возраста школа не допускает детей на рынок труда. Школьная система также усиливает неравенство, предопределяя будущие рабочие места учащихся в соответствии с их академической успеваемостью.

Большинство крупных перемен в истории было, вероятно, непреднамеренными. До революции 1917 года различные политические группы в России пытались свергнуть существовавший режим. Однако ни одна из них, включая партию большевиков, в конце концов пришедшую к власти, не смогла предвидеть реально произошедший революционный процесс. Ряд незначительных напряжений и столкновений породил процесс социальных трансформаций, оказавшийся гораздо более радикальным, чем кто-либо мог ожидать.

Иногда действия, предпринимаемые с определенной целью, вызывают последствия, фактически *препятствующие* достижению этой цели. Так, несколько лет назад в Нью-Йорке были приняты законы, предписывающие владельцам домов, находящихся в аварийном состоянии и расположенных в районах проживания населения с низкими доходами, довести эти дома до некоторого минимального стандарта. Цель принятия закона — улучшить базовый уровень жилищ малообеспеченных членов общества. Результат получился обратным. Владельцы изношенных зданий либо отказались от них совсем, либо приспособили их для других целей; таким образом, число домов, пригодных для проживания, значительно сократилось. Подобные примеры можно обнаружить, обратившись к проблеме тюрем и сумасшедших домов. В течение нескольких последних лет в Британии и некоторых других западных странах процесс изоляции людей от общества был частично изменен. Часть обитателей тюрем и психиатрических лечебниц была отпущена для проживания во внешнем мире — таким образом была проявлена забота общества о психических больных. Результат, однако, оказался противоположным тому, которого ожидали либеральные реформаторы, поддержавшие нововведение. Множество бывших пациентов психиатрических лечебниц оказалось в совершеннейшей бедности, они не смогли приспособиться к новому окружению. Последствия такого решения стали для многих ужасными.

Непрерывность и перемены в общественной жизни можно представить в виде «смеси» преднамеренных и непреднамеренных последствий человеческих действий.

Задача социологии — исследовать полученный в результате баланс между **социальным воспроизводством** и **трансформацией**. Социальное воспроизводство показывает, каким образом общества «поддерживают свою жизнь» во времени, трансформация обозначает перемены, которым общества подвержены. Общество — это не механическое устройство, вроде часов или двигателя, которые «поддерживают свою работу», поскольку в них встроен источник энергии. Социальное воспроизводство — следствие непрерывности действий, которые люди совершают изо дня в день и из года в год, а также непрерывности различных социальных практик, которым люди следуют. Изменения происходят отчасти в соответствии с намерениями людей, совершающих их, а отчасти, как показывает пример революции 1917 года, в результате последствий, которых никто не желал и не предвидел.

Что может социология сказать о наших действиях?

Как индивиды, все мы достаточно много знаем о себе и об обществе, в котором живем. Мы привыкли думать, что хорошо понимаем, почему действуем так, а не иначе, и не нуждаемся в подсказках социологов! И в некоторой степени это верно. Многие поступки, совершаемые нами в повседневной жизни, вызваны нашим собственным пониманием имеющихся социальных соглашений. И все же существуют определенные границы подобного самопознания, и одна из главных задач социологии — показать, что они есть.

На основе обсуждения, которое последует в дальнейшем, мы сможем сравнительно легко осветить природу этих ограничений. Как мы уже говорили, люди делают много основывающихся на здравом смысле суждений, касающихся их самих и других людей, и оказывающихся неверными, неполными или являющимися следствием плохой осведомленности. Социологическое исследование помогает нам определить границы наших социальных суждений и вместе с тем корректирует наши знания о себе и социальном окружении. Другой существенный вклад социологии заключается в утверждении, что, хотя все мы понимаем большую часть того, что и почему делаем, часто мы имеем довольно слабое представление о последствиях наших действий. Непреднамеренные и непредвиденные последствия действий влияют на все аспекты и контексты общественной жизни. Социологический анализ исследует тонкую и трудноуловимую связь между преднамеренными и непреднамеренными явлениями социального мира.

Социальная структура и человеческие действия

Важная концепция, которая помогает нашему пониманию связей в обществе — концепция **социальной структуры**. Социальное окружение, в котором мы существуем, состоит не просто из какого-то беспорядочного набора событий и действий. В поведении людей, во взаимоотношениях, в которые они вступают, наблюдаются некие глубинные регулярности. С этими регулярностями и связана идея социальной структуры. В некоторой степени структурные характеристики общества удобно описать по аналогии с устройством здания. У здания есть стены, пол и крыша, которые придают ему определенную форму. Но приведенную метафору не стоит воспринимать слишком буквально, она может увести от существа дела. Социальные структуры задаются человеческими действиями и отношениями; устойчивость структур, их законченность обуславливаются их *повторяемостью* во времени и пространстве. Таким образом, в рамках социологического подхода идеи социального

воспроизводства и социальной структуры чрезвычайно тесно связаны. Поэтому мы можем понимать человеческие общества *подобно зданиям, которые в каждый момент времени воссоздаются с использованием тех самых кирпичей, из которых они состояли*. Все наши действия подвержены влиянию структурных характеристик обществ, в которых мы выросли и живем, и в то же время своими действиями мы сами создаем (а также до некоторой степени изменяем) эти структурные характеристики .

Развитие социологического мировоззрения

Обучение социологическому мышлению означает развитие силы воображения. Изучение социологии *не может* происходить как рутинный процесс получения знаний. Социолог — это человек, который способен освободиться от непосредственных личностных обстоятельств. Работа социолога, по знаменитому выражению Чарлза Райта Миллса, зависит от **«социологического воображения»**[6]. Большая часть учебников социологии привлекает внимание к данному термину. Но, в отличие от самого Миллса, они используют его обычно совершенно без всякого воображения.

Социологическое воображение прежде всего предполагает *способность «отстраниться» от привычной рутины нашей повседневной жизни, чтобы взглянуть на нее по-новому*. Рассмотрим простейший акт — выпивание чашки кофе. Что можно сказать с социологической точки зрения о таком, по-видимому, незначительном фрагменте нашего поведения? Ответ — чрезвычайно много.

В первую очередь можно указать, что кофе — это не только напиток, который помогает поддерживать необходимый запас жидкости. Он имеет *символическое значение* как один из ежедневных социальных ритуалов. Причем ритуал, связанный с питьем кофе, имеет более важное значение, чем собственно акт потребления напитка. Например, два человека, собирающихся «выпить чашечку кофе», скорее всего более увлечены встречей и возможностью поболтать, чем напитком. Еда и питье во всех обществах — это возможность социального взаимодействия и исполнения ритуалов, и поэтому они представляют богатую тему для социологического исследования.

Во-вторых, кофе — это *наркотик*, содержащий кофеин, который оказывает стимулирующее воздействие на мозг. Любители кофе не воспринимаются большинством представителей западной культуры как «наркоманы». Почему это так — интересный социологический вопрос. Как и алкоголь, кофе — «общественно приемлемый» наркотик, а марихуана, например, нет. Однако существуют культуры, которые терпимо относятся к потреблению марихуаны, но отвергают кофе и алкоголь. (Для дальнейшего обсуждения этих вопросов см. главу 5, «Конформность и девиантное поведение».)

В-третьих, за чашечкой кофе стоит целая сеть сложных *социальных и экономических отношений*, охватывающих весь мир. Для производства, доставки и продажи кофе необходимы непрерывные экономические операции, охватывающие множество людей, удаленных от пьющих кофе на тысячи миль. Изучение подобных глобальных взаимодействий является важной задачей социологии, поскольку многие аспекты нашей жизни зависят сегодня от мирового торгового обмена и связей.

Наконец, за актом наслаждения чашечкой кофе стоит процесс *совершившегося социального и экономического развития*. Кофе, как и множество других, ныне привычных для Запада, продуктов, таких, как чай, бананы, картофель и сахар, стал широко употребляться только начиная с XIX века. Хотя кофе пришел с Ближнего

[6] *Mills C. Wright.* The Sociological Imagination. Harmondsworth, 1970.

Востока, начало его массового потребления — период западной колониальной экспансии, около полутора столетий назад. Фактически весь кофе, потребляемый сегодня в западных странах, доставляется из Южной Америки и Африки, которые были ранее колониями европейцев.

Развитие социологического воображения означает использование материалов не только социологии, но также **антропологии** (изучение традиционных обществ) и истории. *Антропологическое* направление чрезвычайно важно для развития социологического воображения, потому что позволяет нам увидеть калейдоскоп различных форм социальной жизни. Сравнивая их с нашей собственной жизнью, мы больше узнаем об уникальных особенностях нашего поведения. *Историческое* направление социологического воображения столь же фундаментально: мы сможем постичь особую природу нашего современного мира только в том случае, если сравним его с прошлым. Прошлое — это зеркало, вглядываясь в которое, социолог может понять настоящее. В каждом из этих случаев подразумевается «отстраненность» от наших собственных обычаев и привычек — для более глубокого их понимания.

И все-таки основное ударение Миллс делал на другом аспекте социологического воображения — *наших возможностях в будущем*. Социология не только помогает нам анализировать существующие типы социальной жизни, но также позволяет увидеть «возможное будущее», открытое для нас. Свободное стремление социологической мысли дает возможность проникнуть в суть не только того, что *происходит*, но и что *может произойти*, если мы станем действовать каким-либо образом. Наши попытки воздействовать на будущее окажутся тщетными, если они не будут базироваться на развитом социологическом понимании существующих тенденций.

Является ли социология наукой?

Социология занимает первое место в группе дисциплин (включающих антропологию, экономику и политологию), которые обычно называют общественными науками. Но можем ли мы в действительности изучать общественную жизнь людей «научным» образом? Для ответа на этот вопрос нужно рассмотреть основные характеристики науки как формы интеллектуальной деятельности. Что же такое **наука**?

Наука — это использование систематических методов исследования, теоретического мышления и логической оценки аргументов с целью развития знаний об определенном предмете. Научная работа состоит из смеси очень смелого мышления и тщательного подбора данных для доказательства или опровержения гипотез и теорий. Информация и озарения, полученные в результате научных поисков и дискуссий, всегда до некоторой степени *предварительные* и открыты для пересмотра, а в некоторых случаях даже для полного отказа от них.

Когда мы спрашиваем, «является ли социология наукой», то имеем в виду два момента: «может ли эта дисциплина быть построена согласно процедурам естественных наук» и «может ли социология достичь такого же уровня точного и хорошо обоснованного знания, которое разработали естественные науки в отношении физического мира». Эти моменты всегда были в некоторой степени спорны, но в течение долгого времени большинство социологов отвечало на них утвердительно. Они считали, что социология может и должна быть уподоблена естественным наукам как по своим процедурам, так и по характеру получаемых данных (точка зрения, иногда называемая **позитивизмом**).

Сейчас такой взгляд выглядит наивно. Подобно другим общественным «наукам», социология является научной дисциплиной в том смысле, что она располагает

систематическими методами сбора и анализа данных, методами оценки теорий в свете доказательств и логических аргументов. Тем не менее, изучение человеческих существ отличается от изучения событий физического мира, и поэтому ни логическое обрамление, ни выводы социологии не могут быть верно поняты в простых сравнениях с естествознанием. При изучении общественной жизни социолог сталкивается с действиями, **значимыми** для людей, их совершающих. В отличие от объектов природы, люди обладают самопознанием, они видят смысл и цель в том, что они делают. Точно описать общественную жизнь невозможно, если мы прежде всего не уловим смысл, который люди вкладывают в свою деятельность. Например, чтобы описать смерть как «самоубийство», необходимо располагать знанием о том, какие намерения были у человека в момент смерти. «Самоубийство» имеет место только в том случае, если индивид сам активно добивается саморазрушения. Человек, нечаянно шагнувший под автомобиль и погибший, не может считаться самоубийцей; смерть не была его целью.

Тот факт, что мы не можем изучать человеческие существа абсолютно тем же путем, что и объекты природы, с одной стороны дает социологии преимущества, а с другой — создает трудности, которые отсутствуют у естествоиспытателей. Преимущество заключается в том, что социологи могут задавать вопросы тем, кого они изучают, — другим человеческим существам. С другой стороны, люди, которые знают, что их действия тщательно изучаются, часто начинают вести себя не так, как обычно. Например, когда индивид заполняет опросник, он может сознательно или несознательно дать о себе представление, отличающееся от реального. Он может даже пытаться «помочь» исследователю, давая ответы, которые, как ему кажется, от него ждут.

Объективность

В своих исследованиях и теоретических поисках социологи стараются быть беспристрастными, пытаясь изучать мир без предубеждения. Хороший социолог пользуется любой возможностью отбросить предрассудки, которые могут помешать непредвзятой оценке идей или фактов. Но никто не может быть совершенно беспристрастным во всех отношениях, а развить беспристрастность взгляда на спорные предметы весьма сложно. Однако **объективность** не зависит исключительно, и даже прежде всего, от мировоззрения определенного исследователя. Она основана на методах наблюдения и аргументации. Важное значение имеет здесь *публичный характер* данной дисциплины. Поскольку выводы и отчеты исследователей доступны для ознакомления, будучи опубликованными в виде статей, монографий и книг, те или иные заключения могут быть проверены. Утверждения, сделанные на основе результатов исследования, могут быть критически оценены, а личные склонности исследователя игнорируются остальными.

Таким образом, объективность в социологии достигается посредством взаимной *критики* членов социологического сообщества. Многие темы, изучаемые в социологии, весьма противоречивы, поскольку они прямо затрагивают споры и конфликты, возникающие в самом обществе. Но путем публичных обсуждений, при тщательной проверке свидетельств и логической структуры аргументов такие проблемы могут изучаться эффективно и плодотворно[7].

[7] *Habermas Jürgen.* Communication and the Evolution of Society. Cambridge, 1979.

Практическое значение социологии

Понимание социальных ситуаций

Социология оказывает множество практических воздействий на наши жизни. Вклад социологического мышления и исследований в практическую политику и социальные реформы осуществляется несколькими путями. Наиболее прямой способ — обеспечение *более ясного или более верного понимания* социальной ситуации. Это может быть сделано или на уровне фактических знаний, или путем приобретения более верного понимания, *почему* что-либо происходит (другими словами, путем теоретического обоснования). Например, исследование может показать, что в бедности живет гораздо большая часть населения, чем принято считать. Любая попытка улучшить жизненные стандарты имеет большую вероятность успеха, если она основана на точной, а не на ошибочной информации. Чем больше мы знаем о том, почему бедность остается распространенным явлением, тем больше вероятность, что против нее будут предприняты эффективные действия.

Восприимчивость к культурным различиям

Второй способ, которым социология может способствовать практической политике — это помощь в воспитании большей *культурной восприимчивости* по отношению к различным группам в обществе. Социологическое исследование позволяет взглянуть на социальный мир как на многообразие культурных перспектив, и это помогает устранить предрассудки различных групп по отношению друг к другу. Нельзя считаться просвещенным политиком, не имея развитого представления о различиях в культурных ценностях. Практическая политика, в основе которой не лежит осознание образа жизни тех, на кого она ориентирована, имеет мало шансов на успех. Так, белый работник социальной сферы, работающий в западноиндийском секторе британского города, не заслужит доверия его обитателей, если не разовьет восприимчивость к тем культурным различиям, которые в Британии часто разделяют белых и черных.

Оценка результатов политических действий

В-третьих, социологическое исследование имеет практическое значение при *оценке результатов политических инициатив*. Программа практических преобразований может не достичь тех целей, которые ставили ее создатели, либо повлечь за собою серию непредвиденных последствий нежелательного характера. Например, в послевоенные годы во многих странах в центральных районах городов были построены большие коммунальные дома. Предполагалось повысить стандарты проживания для живущих в трущобах групп низкого достатка; здесь же планировалось разместить различные торговые и бытовые службы. Однако исследования показали, что многие из тех, кто переехал из своих предыдущих жилищ в большие дома, чувствуют себя изолированными и несчастными. Высотные дома и торговые районы быстро пришли в упадок и стали питательной почвой для группового хулиганства и других серьезных преступлений.

Углубление самопознания

В-четвертых, — и, пожалуй, это самое главное, — социология может дать общественным группам более просвещенное представление о себе, увеличить их

самопонимание. Чем больше люди знают об условиях собственной деятельности, о том, как функционирует общество, тем больше вероятность, что они смогут повлиять на обстоятельства своей собственной жизни. Было бы неверно представлять практическую роль социологии только как помощь политикам или властным группам в принятии обоснованных решений. От тех, кто наделен властью, не всегда можно ждать заботы об интересах непривилегированных слоев. Группы, обладающие высоким самосознанием, могут эффективно реагировать на действия правительственных чиновников и других влиятельных лиц, а также могут выдвигать собственные политические инициативы. Группы взаимопомощи (подобные «анонимным алкоголикам») и общественные движения (например, женские движения) являются примерами общественных ассоциаций, прямо добивающихся практических реформ (см. главу 9, «Группы и организации»).

Роль социолога в обществе

Должны ли социологи сами активно отстаивать и пропагандировать программы практических преобразований и социальных изменений? Некоторые считают, что социология может сохранять объективность, только если социологи будут хранить нейтралитет в моральных и политических вопросах, но нет никаких оснований думать, что ученые, сторонящиеся общественных дискуссий, обязательно более объективны в оценке социологических проблем. Существует очевидная связь между изучением социологии и пробуждением социального самосознания. Ни один умудренный опытом социологии человек не останется безучастным в отношении неравенства, существующего сегодня в мире, отсутствия социальной справедливости во многих ситуациях или бесправия миллионов людей. Было бы странно, если бы социологи не принимали участия в практической деятельности, и было бы нелогично и непрактично пытаться запретить им использовать их социологический опыт.

Заключительные комментарии

В этой главе мы рассматривали социологию как дисциплину, для которой характерно отбрасывание личного субъективного видения мира, с тем чтобы более тщательно изучать влияния, определяющие нашу жизнь и жизнь других людей. Социология как особое интеллектуальное занятие возникла в ранний период развития современных индустриальных обществ, и изучение таких обществ сохраняет принципиальную важность. Но социологи также имеют дело с широким кругом проблем, связанных с природой социального взаимодействия и человеческих обществ в целом. В следующей главе мы обратимся к разнообразию человеческой культуры и увидим разительный контраст в обычаях и привычках различных народов. Для этого нам понадобится отправиться в кругосветную культурную экспедицию. На интеллектуальном уровне мы повторим походы, которые совершили Христофор Колумб, капитан Кук и другие искатели приключений, отправившись в свои рискованные путешествия вокруг земного шара. Однако, как социологи, мы не можем смотреть на них только с точки зрения путешественников — как на вояжи «первооткрывателей», поскольку эти экспедиции повлекли за собой процесс западной экспансии, оказавшей драматическое влияние на другие культуры и на последующее мировое социальное развитие.

Краткое содержание

1. Социологию можно определить как систематическое изучение человеческих обществ, в котором особое внимание уделяется современным индустриальным системам.

2. Социология возникла на основе попыток понять широкие изменения, произошедшие в человеческих обществах за последние два–три века. Среди важнейших черт современного социального мира отмечаются такие, как индустриализация, урбанизм и новые типы политических систем.

3. Произошедшие изменения оказались не просто крупномасштабными. Большие сдвиги произошли также в наиболее интимных и личных характеристиках жизни людей. Примером этого может послужить возрастание роли романтической любви как основы брака.

4. Социологи исследуют общественную жизнь, ставя определенные вопросы и пытаясь в ходе систематических исследований найти ответы на них. Эти вопросы могут быть фактологическими, сравнительными, вопросами развития или теоретическими. В социологическом исследовании важно различать преднамеренные и непреднамеренные результаты человеческих действий.

5. Занятие социологией подразумевает способность мыслить с воображением и отстраняться от заранее сложившихся представлений о социальных отношениях.

6. Социология тесно связана с другими общественными науками. Все общественные науки занимаются человеческим поведением, но концентрируют свое внимание на разных его аспектах. Особенно важными являются связи между социологией, антропологией и историей.

7. Социология является *наукой* в том смысле, что она использует систематические методы исследований и строит теории, опираясь на имеющиеся факты и логическую аргументацию. Но она не может быть непосредственно уподоблена естественным наукам, потому что изучение человеческого поведения фундаментальным образом отличается от изучения мира природы.

8. Социологи стремятся быть объективными в своем изучении социального мира, стараясь подходить к исследованию непредвзято. Объективность зависит не от склонностей конкретного исследователя, но от публичной оценки исследования и теории, и это составляет существенную черту социологии как научной дисциплины.

9. Социология — это дисциплина, имеющая важные практические применения. Ее вклад в социальную критику и в практические социальные реформы идет по нескольким направлениям. Во-первых, лучшее понимание социальных обстоятельств часто дает нам шанс лучше контролировать их. Во-вторых, социология способствует росту нашей культурной восприимчивости, позволяя в любых политических акциях учитывать различия культурных ценностей. В-третьих, мы можем оценить последствия (преднамеренные и непреднамеренные) принятия определенных политических программ. Наконец, и, возможно, это самое важное, социология способствует развитию самопознания, предоставляя группам и индивидам большие возможности изменять условия своей жизни.

Основные понятия

социология
социальная структура
наука
объективность

Важнейшие термины

представления, основанные на здравом смысле
фактологические вопросы
сравнительные вопросы
вопросы развития
эмпирическое исследование
теоретические вопросы
непреднамеренные последствия
социальное воспроизводство
социальная трансформация
социологическое воображение
антропология
позитивизм
значимые действия
самопознание

Часть II

КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В этой части книги мы начинаем исследование многообразного мира социологии. Мы рассмотрим взаимосвязи между индивидуальным развитием и культурой, проанализируем основные типы обществ, в которых люди живут сегодня и жили в прошлом. Наша личность и мировоззрение испытывают сильнейшее воздействие со стороны культуры и общества, в рамках которых мы существуем. В то же время своими повседневными действиями мы активно воссоздаем и изменяем культурные и социальные контексты, в которых происходит наша деятельность.

В первой главе этой части (глава 2) мы исследуем единство и многообразие человеческой культуры. Мы рассмотрим, в каких отношениях люди схожи с животными и в чем отличаются от них, проанализируем ряд отличий, существующих в разных человеческих культурах. Степень культурных различий следует рассматривать как результат изменений, фактически преобразивших или уничтоживших многие культуры, существовавшие до сих пор. Реконструируется общая картина этих перемен, и основные типы доминирующих в мире обществ даются в контрасте с предшествующими им.

В следующей главе (глава 3) обсуждается социализация. Особо рассматривается процесс, в ходе которого младенец развивается в социальное существо. Приспособление к жизни в обществе в известной мере продолжается в течение всей жизни индивида, поэтому изучение социализации включает также анализ смены поколений — изменений в отношениях между юными, взрослыми и пожилыми.

В главе 4 мы исследуем, как люди взаимодействуют друг с другом в повседневной жизни, для чего рассмотрим тонкие и в то же время чрезвычайно важные механизмы, посредством которых индивиды интерпретируют действия и высказывания друг друга. Изучение социального взаимодействия может многое рассказать нам о более широких социальных окружениях, в которых мы живем.

Глава 5 подводит нас к рассмотрению более общих социальных процессов, и начинается она с изучения девиантного поведения и преступлений. Анализируя исключения — людей, чье поведение отклоняется от общепринятых норм, — мы можем лучше понять характер поведения большинства.

В последней главе этой части (глава 6) обсуждаются проблемы гендера и анализируется влияние изменившихся социальных условий на положение мужчин и женщин в современных обществах. Эта глава включает также исследование природы сексуальности, обращая особое внимание на факторы, определяющие типы сексуального поведения.

Глава 2

Культура и общество

Встреча культур

Около полувека назад жители некоторых островов западной части Тихого океана начали строить сложные и большие деревянные модели самолетов. На их изготовление тратились часы кропотливого труда, хотя никто из островитян никогда не видел аэроплана вблизи. Модели не должны были летать, они являлись центром религиозного культа, изобретенного местными пророками. Религиозные лидеры объявляли, что, если исполнить определенные обряды, с небес прибудет «груз». Груз представлял собой товары, которые люди, приехавшие с Запада, привезли на острова для себя. После белые исчезнут, и предки аборигенов вернутся к ним. Островитяне верили, что, если неукоснительно соблюдать обряды, наступит новая эра, когда они смогут наслаждаться материальными благами белых захватчиков, сохраняя неизменным прежний уклад жизни[1].

Почему возникли «грузовые культы»? Они произошли в результате столкновения между традиционными представлениями и обычаями островитян и образом жизни, принесенным с Запада. Богатство и мощь белых были отчетливо видны, и островитяне решили, что источниками благ, которыми наслаждались пришельцы, были те самые непостижимые летающие объекты. С точки зрения островитян было вполне логичным попытаться обрести власть над самолетами при помощи особых ритуальных действий. Одновременно они стремились сохранить собственные обычаи и защитить их от вмешательства пришельцев.

Знания островитян о западном образе жизни и западной технологии были слабыми; они истолковывали действия европейцев в рамках терминов собственных верований и представлений о мире. В этом отношении их реакции были сходны с теми, которые можно обнаружить практически во всей ранней и средневековой истории. Даже люди крупнейших цивилизаций прошлого имели весьма смутное представление о жизни других народов. В XVI–XVII веках, когда западные купцы и искатели приключений отправлялись в отдаленные уголки земного шара, они воспринимали всех тех, с кем вступали в контакт, как «варваров» или «дикарей».

Ранние контакты с другими культурами

Европейцы, совершавшие путешествие в Америку в XVI веке, ожидали увидеть там гигантов, амазонок и пигмеев, найти источник вечной юности, женщин, тела которых не старели, и мужчин, живших по нескольку сотен лет. Основанием для таких ожиданий служили традиционные европейские мифы. Американские индейцы первоначально воспринимались как создания дикие, имеющие больше сходства с животными, чем с людьми. Парацельс, ученый и врач XVI века, изображал Северную

[1] *Worsley Peter.* The Trumpet Shall Sound: A Study of «Cargo Cults» in Melanesia. London, 1970.

Америку в виде континента, населенного полулюдьми, полуживотными. О нимфах, сатирах, а также пигмеях и дикарях было принято думать как о созданиях, не имеющих души и вырастающих прямо из земли. Епископ Санта Марты в Колумбии, Южная Америка, писал, что местные индейцы — «не люди с разумной душой, но дикие лесные люди, по каковой причине они не способны воспринять ни христианское учение, ни добродетель, ни какое-либо иное знание»[2].

И наоборот, когда в XVII–XVIII веках европейцы установили контакты с Китайской империей, китайцы обходились с ними чрезвычайно пренебрежительно. В 1793 году король Англии Георг III послал в Китай торговую миссию, чтобы наладить коммерческий обмен. Визитерам-«варварам» было позволено основать в Китае несколько торговых пунктов и приобщиться к богатствам, которыми обладала страна. Сами же китайцы, как было сказано посланникам, были совершенно не заинтересованы ни в чем из того, что могли бы предложить европейцы: «Поднебесная обладает в изобилии всем и не имеет недостатка ни в чем. Поэтому нет нужды ввозить изделия иностранных варваров для обмена на наши товары». На просьбу о разрешении послать в Китай западных миссионеров был дан такой ответ: «Различие между китайцами и варварами совершенно непреодолимо, и просьба вашего посла о том, чтобы варварам была предоставлена полная свобода для распространения вашей религии, кажется нам неразумной».

Пропасть между Востоком и Западом была так велика, что каждый придерживался самых фантастических представлений о другом. Например, еще в конце XIX века в Китае было широко распространено убеждение, что иностранцы, в частности англичане, умирают от запора, если им не давать ревеня. Еще два столетия назад никто не обладал тем всеобъемлющим взглядом на мир, который сейчас для нас является естественным.

Один из самых драматичных контактов людей Запада с другими культурами произошел в 1818 году. Английская военно-морская экспедиция, искавшая за полярным кругом путь в Россию между Баффиновой Землей и Гренландией, случайно столкнулась с эскимосами. До этого дня эскимосы думали, что они — единственные люди на земле.

Понятие культуры

В этой главе мы рассмотрим единство и многообразие человеческой жизни и культуры. Понятие **культуры**, как и понятие **общества**, — категории, наиболее широко используемые в социологии. Культура включает в себя **ценности**, носителями которых являются члены определенной группы, **нормы**, которым они следуют, и *материальные блага*, производимые ими. Ценности являют собой абстрактные идеалы, в то время как нормы — это определенные принципы или правила, которые, как ожидается, люди будут соблюдать. Нормы представляют «можно» и «нельзя» социальной жизни. Так, моногамия — верность одному брачному партнеру — является общепринятой ценностью в большинстве западных обществ. Во многих других культурах человеку разрешается иметь несколько жен или несколько мужей одновременно. Нормы поведения в браке включают супружеские отношения и взаимоотношения с родственниками со стороны мужа и жены. В некоторых обществах супругам предписывается устанавливать тесные отношения с родителями обеих сторон, в других предполагается полное разделение семей детей и родителей.

[2] *Pagden Anthony.* The Fall of Natural Man. Cambridge, 1982. P. 23.

Используя термин «культура» в повседневном общении, мы часто подразумеваем лишь «высокие создания ума» — искусство, литературу, музыку, живопись. В социологии понятие культуры включает в себя не только эти виды творческой деятельности, но и многое другое. Культура относится ко всему образу жизни членов общества. Она включает манеру одеваться, брачные ритуалы и семейную жизнь, трудовую деятельность, религиозные церемонии и проведение свободного времени. В нее входят также предметы, созданные людьми и представляющие для них ценность: луки и стрелы, плуги, фабрики и машины, компьютеры, книги и жилища.

Понятие «культура» можно отделить от понятия «общество», но между этими концепциями существует чрезвычайно тесная связь. «Культура» имеет отношение к *образу жизни* членов данного общества — их привычкам и обычаям, а также к материальным благам, которые они производят. «Общество» подразумевает *систему взаимоотношений*, связывающую индивидов, принадлежащих к общей культуре. Ни одна культура не может существовать без общества, но также и ни одно общество не может существовать без культуры. Без культуры мы не были бы «людьми» в том полном смысле, который обычно вкладывается в данный термин. Мы не имели бы языка, чтобы выразить себя, не обладали бы самосознанием, и наша способность думать и рассуждать была бы сильно ограничена — как будет показано в этой главе и в следующей (см. главу 3, «Социализция и жизненный цикл»).

Фактически основной темой этой и следующей глав является проблема противоположности биологического и культурного наследия человечества. Имеется в виду поиск ответа на следующие вопросы: Что отличает человека от животных? Откуда произошли наши специфические «человеческие» характеристики? Какова природа человека? Для социологии эти вопросы имеют принципиальное значение, потому что именно они образуют основание для целой области знания. Чтобы ответить на них, мы должны проанализировать то, что является общим для всех человеческих существ, а также различия в человеческих культурах.

Культурные различия связаны с различиями типов общества, и мы проведем сравнение основных форм обществ, которые можно выделить в прошлом и в настоящем. На протяжении всей главы наше внимание будет сосредоточено на том, как социальные изменения повлияли на культурное развитие человечества, в частности, с того момента, когда европейцы начали распространять свой образ жизни по всему миру.

Человеческий род

Несмотря на многочисленные конфликты и недоразумения, нараставшая экспансия людей Запада в другие области Земного шара сделала возможным понимание как того, что все люди — существа одного вида, так и изменчивости различных человеческих культур[3]. Чарльз Дарвин, священник англиканской церкви, в 1859 году, после двух кругосветных путешествий на корабле Ее Величества «Бигл», опубликовал книгу «Происхождение видов». После кропотливых наблюдений за различными видами животных Дарвин сформулировал концепцию развития человеческих существ и животных, совершенно отличную от всех существовавших ранее.

Как было показано выше, вера в существование полулюдей-полуживотных вовсе не была необычной, но с открытиями Дарвина подобные предположения были

[3] *Hirst Paul* and *Wooley Penny*. Social Relations and Human Attributes. London, 1982.

окончательно отброшены. Дарвин доказывал непрерывность развития от животных к человеку. Согласно его концепции, специфические признаки человеческих существ появились в ходе биологических изменений, начавшихся более трех миллиардов лет назад и восходящих к самому моменту возникновения жизни на земле. Принять дарвиновский взгляд на происхождение животных и людей для многих оказалось труднее, чем допустить существование полулюдей-полуживотных. Дарвин дал толчок развитию одной из наиболее оспаривавшихся, но оказавшейся одной из самых убедительных теорий современной науки — теории **эволюции**.

Эволюция

Согласно Дарвину, появление человеческого рода было результатом *случайного* процесса. Во многих религиях, включая христианство, животные и люди считаются плодом божественного творения. В противоположность этому, эволюционная теория не рассматривает развитие видов животных и человеческого рода как целенаправленное, предопределенное свыше. Эволюция — это результат того, что Дарвин называл *естественным отбором*. Идея естественного отбора проста. Все организмы нуждаются в пище и других ресурсах, таких, как защита от неблагоприятных климатических условий, для того чтобы выжить. Однако существующих ресурсов недостаточно для поддержания всех видов животных в данный момент времени, поскольку они производят потомства гораздо больше, чем может быть обеспечено пищей за счет окружающей среды. Тот, кто лучше приспособлен к окружающей среде, выживает, другие, менее приспособленные к требованиям среды, погибают. Некоторые животные умнее, подвижнее или обладают лучшим зрением. В борьбе за выживание они имеют преимущества перед теми, кто лишен этого. Они дольше живут и, размножаясь, передают свои качества последующим поколениям. Они «отобраны» для выживания и воспроизводства.

Происходит непрерывный процесс естественного отбора, обусловленный биологическим механизмом **мутации**. Мутация — это случайное генетическое изменение, воздействующее на биологические характеристики некоторых представителей данного вида. Большинство мутаций либо вредны, либо бесполезны для выживания. Но некоторые дают преимущества в конкурентной борьбе: особь с генами-мутантами в дальнейшем выживает с большей вероятностью, чем те, кто лишен таковых. Этот процесс объясняет как незначительные внутривидовые изменения, так и глобальные, ведущие к исчезновению целых видов. Например, многие миллионы лет назад в различных регионах земного шара обитали гигантские рептилии. Их размеры стали для них западней, поскольку мутации, происходившие у других, меньших видов, давали тем возможность лучше приспосабливаться. Среди этих, более приспособленных видов, оказались и древнейшие предки человека.

Хотя после Дарвина теория эволюции была усовершенствована, основные моменты его описания сохранили свое значение. Теория эволюции позволяет нам создать ясное представление о возникновении различных видов, а также о межвидовых отношениях.

Люди и обезьяны

Сегодня общепризнанно, что развитие жизни началось в океанах. Около четырехсот миллионов лет назад появились первые наземные существа. Некоторые из них постепенно развились в больших рептилий, впоследствии их заместили млекопитающие. Млекопитающие — теплокровные существа, которые воспроизводятся посредством

половых сношений. Млекопитающие были гораздо меньше гигантских рептилий, но они были умнее и маневреннее. Млекопитающие обладают большей, чем другие животные, способностью усваивать опыт, и эта способность достигла наибольшего развития в человеческом роде. Человеческие существа относятся к группе высших млекопитающих, *приматов*, которые появились около семидесяти миллионов лет назад.

Наши ближайшие родственники в животном мире — шимпанзе, горилла и орангутанг. Говорят, что, узнав о дарвиновской концепции эволюции, жена епископа Уорчестерского сказала: «Произошли от обезьяны? Мой дорогой, позволь нам надеяться, что это не так. Но если это правда, позволь надеяться, что об этом не станет широко известно». Как и многие в то время, упомянутая леди не поняла, что означает эволюция. Люди не произошли от обезьян; люди и обезьяны вместе ведут свой род от гораздо более примитивных предков, живших многие миллионы лет назад.

Предками человека являются приматы, которые ходили прямо и имели рост примерно такой, как у современных пигмеев. Их тела, по всей вероятности, были практически безволосыми, но в других отношениях они больше походили на обезьян, чем на людей. Сегодня установлено, что между этим периодом и возникновением человеческого рода существовали и другие типы гоминоидов (существ, принадлежащих к человеческой семье). Человеческие существа, явно сходные во всех отношениях с нами, появились около пятидесяти тысяч лет назад. Есть убедительные свидетельства того, что культурное развитие предшествовало эволюции человеческого рода и, вероятно, определяло ее характер. Использование орудий и развитие относительно сложных форм коммуникации, а также образование социальных общностей, сыграли большую роль в эволюционном процессе. Они дали предшественникам человека гораздо более мощные средства для выживания, чем те, которыми располагали другие животные. Группы, обладавшие ими, были способны воздействовать на среду своего обитания гораздо более эффективно. С возникновением особенностей, присущих человеческому роду, культурное развитие еще более ускорилось.

Развитие приматов и людей шло параллельно, поэтому для них характерны некоторые общие черты. Физическое строение человеческого тела во многом сходно со строением обезьян. Обезьяны, как и люди, живут группами, мозг их велик по отношению к размерам тела, и молодые особи в течение длительного времени зависят от своих родителей.

Однако в некоторых отношениях человеческие существа сильно отличаются от своих ближайших родственников. У человека спина прямая, а у обезьяны она согнута, нога человека разительно отличается от его руки, в то время как у обезьян они очень похожи. Мозг человека по отношению к размерам тела гораздо больше, чем у самых развитых обезьян. У высших животных период младенческой зависимости составляет не более 2 лет, у людей он длится до 7–8 лет.

Природа и воспитание

Социобиология

Хотя эволюционная непрерывность видов животных и человека общепризнанна, до недавнего времени большинство биологов стремилось подчеркнуть отличительные признаки человеческого рода. Своеобразным вызовом этой позиции

стали работы социобиологов, которые подчеркивают близкие параллели между поведением человека и животных. Термин **социобиология** появился в работах американца Эдварда Уилсона[4]. Социобиология использует биологические принципы для объяснения социальной деятельности всех общественных животных, включая человека. По мнению Уилсона, многие аспекты общественной жизни обусловлены генетически. Например, у некоторых видов животных наблюдаются очень сложные брачные ритуалы, с помощью которых создаются брачные пары и воспроизводится потомство. Ухаживание и сексуальное поведение людей, с точки зрения социобиологов, включают сходные ритуалы, обусловленные врожденными свойствами. Второй пример: у большинства видов животных мужские особи крупнее и агрессивнее женских; как правило, они доминируют над «слабым полом». Возможно, генетические факторы объясняют, почему во всех известных нам обществах мужчины обладают большей властью, чем женщины. По мнению Уилсона и его последователей, способность продемонстрировать генетическую обусловленность многих аспектов человеческого поведения может в будущем привести социобиологию к расширению и слиянию с социологией и антропологией, что приведет к образованию единой биологически обоснованной дисциплины.

В последние годы эти вопросы были предметом широкого обсуждения[5]. Проблема и сегодня остается чрезвычайно спорной. Ученые разделились на два лагеря — в зависимости от характера своего образования. Авторы, симпатизирующие точке зрения социобиологов, имеют большей частью биологическое образование, в то время как подавляющее большинство социологов и антропологов настроены в отношении притязаний социобиологии весьма скептически. Возможно, они просто мало знают о генетических механизмах человеческой жизни; в свою очередь, представления биологов о работе социологов и антропологов также ограничены. Как бы то ни было, каждая сторона с трудом понимает аргументы другой.

Сегодня, когда страсти, вызванные поначалу работами Уилсона, утихли, появилась возможность дать здравую оценку ситуации. Социобиология имеет важное значение, но в большей мере в своих утверждениях о жизни животных, чем о человеческом поведении. Опираясь на исследование этологов (биологов, которые ведут «полевую работу» с животными, вне искусственных условий зоопарков и лабораторий), социобиологи оказались способны доказать, что поведение животных гораздо более «социально», чем предполагалось ранее. Группа животных оказывает значительное влияние на поведение отдельных особей этого вида. С другой стороны, в пользу генетической обусловленности сложных форм человеческой деятельности нет достаточного количества свидетельств. Таким образом, идеи социобиологов относительно социальной жизни человека в лучшем случае спекулятивны. Наше поведение, конечно, *подвержено влиянию* генетики, но генетические механизмы определяют скорее лишь потенциальные возможности и границы наших действий, а не действительное содержание того, что мы делаем.

---

[4] *Wilson Edward O.* Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, 1975; *Wilson Edward O.* On Human Nature. Cambridge, 1978.

[5] *Sahlins Marshall.* The Use and Abuse of Biology. Michigan, 1976; *Caplan Arthur L.* (ed.). The Sociobiology Debate: Readings on Ethical and Scientific Issues. New York, 1978; *Montagu Ashley.* Sociobiology Examined. Oxford, 1980; *Wiegele Thomas C.* (ed.). Biology and The Social Sciences: An Emerging Revolution. Benlder, 1982; *Kitcher Philip.* Vaulting Ambition: Sociobiology and The Quest for Human Nature. Cambridge, 1985.

Инстинкты

Большинство биологов и социологов согласны, что у людей нет «инстинктов». Такое утверждение противоречит не только гипотезам социобиологов, но и представлениям большинства людей. Разве мало существует вещей, которые мы делаем «инстинктивно»? Если кто-то взмахнет рукой, разве мы не мигнем инстинктивно или не отпрянем? На самом деле это не пример инстинкта, если использовать данный термин точно. В биологии и социологии **инстинкт** понимается как *сложная*, генетически обусловленная система поведения. В этом смысле брачные ритуалы многих низших животных инстинктивны. Например, колюшка (маленькая пресноводная рыбка) обладает чрезвычайно сложным набором ритуалов, которые выполняются самцом и самкой во время спаривания[6]. Каждая рыбка совершает сложную последовательность движений, на которые отвечает партнер, тем самым совершая изысканный «брачный танец». Это генетически заложено для всего вида. Спонтанное моргание или движение головой в ожидании удара — скорее *рефлекторный*, а не инстинктивный акт. Это единичная простая реакция, а не сложная поведенческая система. Таким образом, говорить, что это «инстинкт» в точном смысле слова, было бы ошибочным.

Люди рождаются с набором базовых рефлексов, таких, как моргание, и большая часть их, видимо, нужна для выживания в ходе эволюции. Новорожденный младенец, например, будет сосать любой предмет, похожий на сосок. Маленький ребенок вскидывает руки, чтобы схватиться за опору, если неожиданно теряет равновесие, и резко отдергивает руку, когда прикасается к горячей поверхности. Каждая из таких реакций, очевидно, помогает во взаимодействии со средой.

Люди также обладают определенным набором биологически обусловленных потребностей. Это врожденные потребности в пище, питье, половых отношениях и поддержании необходимой температуры тела. Но способы, с помощью которых эти потребности удовлетворяются, очень сильно варьируются даже в рамках одной культуры, и тем более в различных культурах.

Например, у всех народов есть некоторые стандартные процедуры ухаживания; это, очевидно, связано с универсальной природой сексуальных потребностей, но их выражение в различных культурах — включая и собственно половой акт — варьируется в значительной степени. Нормальное положение для любовного акта в западной культуре предполагает, что женщина лежит на спине и мужчина находится сверху. Эта позиция выглядит абсурдно для некоторых других обществ, в которых обыкновенно совокупляются, лежа на боку, либо женщина расположена спиной к мужчине, либо женщина находится сверху, либо в других позициях. Поэтому можно утверждать, что способы удовлетворения сексуальных потребностей не генетически запрограммированы, а культурно обусловлены.

Более того, люди способны превозмогать свои биологические потребности способами, не имеющими аналогов в животном мире. Религиозные мистики способны голодать в течение долгого времени. Некоторые индивиды предпочитают воздерживаться от брака на протяжении части либо всей жизни. Все животные, включая людей, обладают стремлением к самосохранению, но, в отличие от других животных, люди способны решительно противостоять этому стремлению. Люди рискуют своей жизнью, занимаясь альпинизмом и другими опасными видами спорта, и даже совершают самоубийства.

---

[6] *Tinbergen Niko.* The Study of Instinct. Oxford, 1974.

Культурное многообразие

Человеческие культуры замечательно разнообразны. Ценности и нормы поведения широко варьируются и часто весьма отличаются от того, что люди Запада считают «нормальным». Например, намеренное убийство младенцев или маленьких детей считается на Западе одним из тягчайших преступлений. Однако в традиционной китайской культуре в бедных семьях новорожденных девочек сразу удавливали, так как они были бы только обузой, но не помощью для семьи.

Мы едим устриц, но не едим котят или щенков, которые считаются деликатесом в некоторых странах. Иудеи не едят свинину, в то время как индусы едят свинину и избегают есть говядину. Западные люди считают поцелуй естественным проявлением сексуального поведения, но во многих других культурах он либо неизвестен, либо признается отвратительным. Все эти особенности поведения являются лишь аспектами широких культурных различий, отделяющих одно общество от другого.

Небольшие общности (подобные обществам «охотников и собирателей», которые будут рассмотрены в этой главе позднее) стремятся к культурной унификации. В индустриальных обществах внутренние культурные различия образуют многообразные **субкультуры**. В современных городах, например, бок о бок живут многие субкультурные общности. Джеральд Саттлс провел полевое исследование в трущобах чикагского Вестсайда. В одном только районе он обнаружил множество различных субкультурных группировок: пуэрториканцев, черных, греков, евреев, цыган, итальянцев, мексиканцев и белых южан. Все эти группы имели свои «территории» и свой специфический образ жизни[7].

Культурная идентичность и этноцентризм

В каждой культуре приняты свои уникальные модели поведения, которые кажутся странными представителям других культурных образований. Приведем в качестве примера культуру Накирема, описанную в знаменитом исследовании Хораса Майнера. Свое внимание Майнер сосредоточил на замысловатых телесных ритуалах Накирема — по мнению западного человека, весьма странных и экзотичных. Описание Майнера стоит привести здесь целиком.

> В основе всей системы верований Накирема лежит убеждение, что человеческое тело уродливо и изначально склонно к болезням и одряхлению. Человек, обреченный иметь такое тело, может надеяться только на действие специфических ритуалов и церемоний. В каждом доме имеется несколько культовых предметов, специально для этого предназначенных. Важнейшим из них является ящичек, вделанный в стену хижины Накирема. В ящичке хранятся амулеты и различные магические снадобья, без которых не может обойтись ни один представитель племени. Снадобья и амулеты, как правило, изготовлены несколькими шаманами, каждый из которых специализируется в какой-то определенной области. Наиболее могущественными из них считаются знахари, и их помощь следует всегда щедро вознаграждать. Однако сами знахари лекарственных снадобий своим пациентам не дают, а лишь определяют их состав и записывают его на некоем тайном и древнем наречии. Наречие это понятно только знахарям и сборщикам лекарственных трав и кореньев, которые, опять-таки за подношения и дары, и приготавливают требуемое зелье.
>
> Накирема испытывают почти патологический ужас и благоговение перед своим ртом, состояние которого, по их мнению, сверхъестественным образом воздействует

[7] *Suttles Gerald*. The Social Order of the Slum. Chicago, 1968.

на все общественные отношения. Народ Накирема верит, что если не исполнять определенный ритуал, зубы выпадут, десны начнут кровоточить, челюсти станут шамкать, а самого человека покинут друзья и отвергнут любовники. Дикари также верят в существование прямой связи между оральными и моральными качествами. Например, желая укрепить моральные качества своих детей, они заставляют их совершать ритуальные полоскания рта.

Ежедневный ритуал, неукоснительно соблюдаемый каждым Накирема, включает и специфические манипуляции с ротовой полостью. Однако, несмотря на то, что этот народ столь трепетно заботится об указанном органе, данный ритуал кажется непосвященному просто отвратительным. Мне говорили, что Накирема берут в рот пучок свиной щетины, покрытый магическим порошком, и выполняют там серию каких-то чрезвычайно формализованных движений.[8)]

Кто такие эти Накирема и в какой части света они живут? Вы сможете ответить на этот вопрос и идентифицируете описанный ритуал, если произнесете слово «Накирема» наоборот. Почти любое привычное действие покажется странным, если его вырвать из контекста и не рассматривать в качестве элемента специфического образа жизни данного народа. Гигиенические ритуалы людей Запада ничуть не более и не менее странны, чем обычай, распространенный на некоторых тихоокеанских островах, выбивать у себя передние зубы для красоты, или обычаи тех племен Южной Америки, представители которых выпячивают губы с помощью особых пластин, поскольку считают, что это делает их более привлекательными.

Невозможно понять подобные действия и верования вне того культурного целого, частью которого они являются. Всякую культуру следует изучать исходя из ее собственных смысловых значений и ценностей — таково ключевое правило социологии. Социолог стремится в максимально возможной степени избежать **этноцентризма**, то есть попытки оценивать чужую культуру, сравнивая ее со своей собственной. Поскольку человеческие культуры весьма отличаются друг от друга, неудивительно, что представители одной культуры часто находят крайне несимпатичными представления и поведение, принятые в другой. Пример «грузового культа», который открывает эту главу, иллюстрирует трудности, связанные с взаимодействием двух различных культур. Социолог должен уметь убирать шоры своей культуры, если хочет увидеть жизнь других народов в истинном свете.

Культурные универсалии

Среди многообразия человеческих культурных обычаев обнаруживаются и некоторые общие черты. Те из них, которые присущи всем или почти всем обществам, называются **культурными универсалиями**[9)]. Неизвестны культуры, в которых отсутствовал бы *язык* со сложной грамматикой. Во всех культурах существует определенная форма *семейной системы*, ценности и нормы которой связаны с заботой о детях. Универсалиями являются институт *брака*, *религиозные ритуалы* и *права собственности*. Во всех культурах в той или иной форме содержится *запрет инцеста* — сексуальных отношений между близкими родственниками: отцом и дочерью, матерью и сыном, братом и сестрой. Антропологи также говорят о существовании многих других

[8)] *Miner Horace*. Body ritual among the Nacirema // American Anthropologist, 58. 1956.

[9)] *Oswalt Wendell Hillman*. Other Peoples, Other Customs: World Ethnography and its History. New York, 1972; *Friedl John*. The Human Portrait: Introduction to Cultural Anthropology. New Jersey, 1981; *Hiebert Paul G.* Cultural Anthropology. Philadelphia, 1976.

культурных универсалий, в том числе искусства, танца, украшений, игр, обычаев дарить подарки, шуток и правил гигиены[10].

И все же универсалий значительно меньше, чем может показаться из вышеперечисленного, так как в каждой категории имеется много вариантов. Возьмем, например, запрет инцеста. Понимание инцеста в различных культурах очень сильно различается. Чаще всего инцестом считаются сексуальные отношения между ближайшими родственниками, членами одной семьи. Но у многих народов запрет распространяется и на родственников второго колена, а в некоторых случаях на всех людей, носящих одну фамилию. Известны также общества, в которых, по крайней мере для небольшой части населения, была разрешена практика инцеста, например, для правящего класса древнего Египта.

Язык

Никто не будет оспаривать, что язык является одним из самых характерных атрибутов, присущих каждой человеческой культуре (хотя в мире говорят на тысячах различных языков). Животные могут общаться друг с другом, но ни один вид животных не обладает развитым языком. Некоторые высшие приматы могут овладеть элементарными речевым навыкам, но только на очень примитивном уровне. Одного из самых знаменитых в социологии шимпанзе, по имени Уошу, при помощи американской знаковой азбуки для глухих обучили языку; его словарь включал около ста слов[11]. Уошу могла составить несколько примитивных предложений, например: «Иди крепко обними прости прости», — что означало желание извиниться после того, как она, по ее понятиям, сделала что-то не так.

Эксперименты с Уошу были гораздо успешнее, чем с другими шимпанзе, отсюда ее слава в социологической литературе. Но Уошу неспособна была овладеть ни одним грамматическим правилом и не могла научить других шимпанзе тому, что знала сама. Даже после нескольких лет занятий ее лингвистические способности были гораздо ниже, чем у двухлетнего ребенка. Каждый взрослый носитель языка располагает словарем в несколько тысяч слов и может комбинировать их по таким сложным правилам, что изучению этих правил лингвисты могут посвящать всю свою карьеру[12].

Речь и письменность

В любом обществе движущей силой языка является речь. Разумеется, существуют и другие способы языкового выражения. Самый известный из них — письменность, изобретение которой означает громадный шаг в развитии человеческой истории. Сначала письмо существовало в виде таблиц. На дереве, глине, камне делались записи о важных событиях, предметах или людях. Например, пометка или картинка могли означать принадлежность поля какой-либо семье или целой группе семей[13].

[10] *Murdock George Peter.* The Common Denominator of Cultures. In: *Ralph Linton* (ed.). The Science of Man in a World of Crisis. New York, 1945.

[11] *Gardner Beatrice* and *Gardner Allen.* Teaching sign language to a chimpanzee // Science, 165. 1969; *Gardner Beatrice* and *Gardner Allen.* Evidence for sentence constituents in the ealy utterances of child and chimpanzee // Journal of Experimental Psychology, 104. 1975.

[12] *Linden E.* Apes, Men and Language. Harmondsworth, 1976; *Seidenberg M. S.* et al. Signing behaviour in apes: a critical review // Cognition, 7. 1979.

[13] *Gelb I. J.* A Study of Writing. Chicago, 1952.

Вначале письмо было средством хранения информации и в качестве такового служило административным целям древних государств и цивилизаций (мы рассмотрим это более подробно несколько позднее). Общество, владеющее письменностью, способно «локализовать себя» во времени и пространстве. В документах хранится информация о прошлом, с их помощью можно получать сведения о событиях сегодняшнего дня.

Письмо — не просто перенос речи на бумагу или другой материал. Это явление интересно само по себе. Письменные документы или тексты обладают свойствами, в некотором роде совершенно отличными от устной речи. Воздействие речи всегда по определению ограничено тем конкретным контекстом, в котором были произнесены слова. Идеи и опыт можно передавать из поколения в поколение и без помощи письма, но только при условии, что они регулярно повторяются и передаются с помощью устного слова. С другой стороны, тексты могут выдержать тысячелетия, и с их помощью люди прошлых эпох могут некоторым образом обратиться прямо к нам. Именно поэтому работа с документами так важна для историков. Изучая тексты, оставленные прошлыми поколениями, историки могут реконструировать их жизнь. Библейские тексты, например, составляют существенную часть истории Запада в течение двух последних тысячелетий. Мы до сих пор читаем и восхищаемся пьесами великих драматургов древней Греции.

Семиотика и материальная культура

Символы, выражаемые речью и письмом, являются основными способами формирования и представления значений культуры, но не являются единственными. И *материальные предметы*, и *аспекты поведения* могут служить для создания значений. Носитель значения — это любой набор элементов, используемый в коммуникации. Носителем значения являются звуки речи, а также пометки, сделанные на бумаге или других материалах при письме. Между прочим, носителями значения являются и одежда, и изображения (или визуальные сигналы), то, как люди едят, архитектурные формы и многие другие черты материальной культуры. Стиль одежды, например, помогает определить пол человека. В нашей культуре до недавнего времени все женщины носили юбки, а все мужчины — брюки. В некоторых культурах все наоборот: женщины носят брюки, а мужчины — юбки [14].

Анализ *семиотических систем* — невербальных культурных значений — открывает захватывающие перспективы для социологии и антропологии. **Семиотический** анализ может быть очень полезен при сравнении различных культур. Постигая символику культурных значений, мы можем сравнивать способы организации различных культур. Например, городские здания — это не только место, где люди живут и работают. Часто они имеют символический характер. В традиционном городе главный собор или церковь обычно располагались на возвышенности или на центральной площади, что символизировало господствующее значение религии в жизни людей.

Безусловно, материальная культура не только символична, она жизненно важна для удовлетворения физических потребностей. В этом случае она выступает в виде орудий или технологий, используемых для добычи пищи, изготовления оружия, строительства жилищ и так далее. Различия в материальной культуре обуславливают основные способы классификации человеческих обществ, поскольку то, как люди

[14] *Leach Edmund.* Culture and Communication: The Logic by which Symbols are Connected. Cambridge, 1976.

организуют удовлетворение своих основных потребностей, определяет большинство аспектов их культуры. Обратимся теперь к сравнению различных форм общества.

Типы досовременных обществ

Исследователи, торговцы и миссионеры, посланцы Европы в эпоху Великих открытий, встретились со множеством разных народов. Как пишет антрополог Мэрвин Харрис:

> В некоторых регионах — Австралии, Арктике, южных районах Америки и Африке — они обнаружили племена, жившие так, как в каменном веке жили давно забытые предки самих европейцев: разбросанные по обширным территориям и постоянно передвигающиеся группы людей по двадцать–тридцать человек, живущие исключительно охотой и собирательством. Эти охотники и собиратели оказались представителями редких, исчезающих племен. В других регионах — лесах восточного побережья Северной Америки, джунглях Южной Америки и Восточной Азии — они нашли более плотное население со стабильными деревнями, сельским хозяйством и, возможно, даже одной или двумя крупными коммунальными структурами, но и здесь орудия труда были всего лишь реликтами предыстории.
>
> Где-то, конечно, путешественникам довелось столкнуться и с развитыми государствами, империями, управляемыми деспотами и правящим классом, располагающими регулярными армиями. Как раз эти великие империи, их города, монументы, дворцы, храмы и сокровища влекли к себе из-за пустынь и океанов всех Марко Поло и Колумбов. Там был Китай — величайшая из империй в мире, громадное утонченное царство, чьи правители с презрением относились к «краснолицым варварам», просителям из ничтожных королевств, затерявшихся где-то за пределами цивилизованного мира. И там была Индия — страна, где благоговеют перед коровами и жизненный удел каждого зависит от того, чем обладала душа в предыдущем рождении. И, наконец, там были туземные государства и империи Америки, каждое из которых составляло целый мир с собственными искусством и религией: инки с их великолепными каменными крепостями, подвесными мостами, тщательно возделанными полями и экономикой, контролируемой государством, и ацтеки, чьи кровожадные боги вкушали человеческие сердца и заставляли неустанно искать новые жертвы. [15]

Бесконечное разнообразие досовременных обществ можно разделить на три основных типа, каждый из которых упоминается и в описании Харриса: охотники и собиратели; более крупные земледельческие или скотоводческие общества (связанные с земледелием и разведением одомашненных животных); неиндустриальные цивилизации, или традиционные государства. Рассмотрим их основные характеристики.

Охотники и собиратели

В течение всего нашего существования (за исключением очень короткого периода) на этой планете люди жили небольшими группами или племенами, численность которых не превышала тридцать–сорок человек. Человеческие общества самого раннего типа состояли из **охотников и собирателей**. Средства к существованию они получали не от возделывания сельскохозяйственных культур и разведения скота, а от охоты, рыболовства и сбора диких съедобных растений. В некоторых районах мира культуры охотников и собирателей существуют и сегодня, например,

[15] *Harris Marvin.* Cannibals and Kings: The Origins of Cultures. London, 1978.

в джунглях Бразилии и Новой Гвинеи, но большая их часть была уничтожена, либо ассимилировалась в ходе глобального распространения западной культуры. Оставшиеся культуры вряд ли долго сохранятся нетронутыми[16]. Сейчас всего лишь четверть миллиона человек существует за счет охоты и собирательства — это лишь 0,005% от всего населения земного шара.

Антропологические изыскания за последние пятьдесят лет предоставляют обширную информацию о племенах охотников и собирателей. Учитывая разнообразие человеческих культур, мы должны быть предельно осторожны в обобщениях относительно даже одного типа общества, но некоторые общие характеристики племен охотников и собирателей позволяют отличить их от других типов общества[17].

Если сравнивать их с более крупными обществами, в частности современными индустриальными системами, в племенах охотников и собирателей практически нет неравенства. Большую часть времени они кочуют и, поскольку у них нет ни живого, ни механического транспорта, они могут взять с собой лишь немногое. Все необходимые предметы — это оружие для охоты, приспособления для копки и строительства, капканы и кухонная утварь. Поэтому в части количества и видов собственности различия между соплеменниками невелики. Разница в положении или ранге определяется, как правило, возрастом и полом. Мужчины охотятся, а женщины собирают растения, готовят пищу и заботятся о детях. В решениях, касающихся жизни группы, важное слово принадлежит «старейшинам», самым старым и опытным людям племени. Но различия во власти между соплеменниками, так же, как и различия в благосостоянии, очень небольшие. Обычно в сообществах охотников и собирателей действует «прямая демократия», в случае бедствий или для принятия важных решений собираются все взрослые члены племени.

Кочуют охотники и собиратели не совсем беспорядочным образом. У большинства племен есть постоянные территории, по которым они передвигаются из года в год. Многие общины не имеют постоянного состава, люди переходят из лагеря в лагерь, группы распадаются и присоединяются к соседям по территории.

Пигмеи Мбути

Из сотен описаний племен охотников и собирателей приведем для иллюстрации их образа жизни лишь одно: это племя Мбути — пигмеев, обитающих на территории Заира, в Центральной Африке[18]. Мбути живут в густых труднодоступных лесах. Сами они знают лес до мелочей и передвигаются там без всякого труда. Воды, съедобных растений и дичи там в избытке. Постоянных жилищ у Мбути нет, их дома делаются из листьев и веток. Такой дом сооружается за считанные часы и его можно бросить, когда племя снимается с места. Кочуют Мбути постоянно и никогда не остаются где-либо более чем на месяц.

Живут Мбути небольшими группами по 4–5 семей. Состав групп у них более или менее постоянный, но любой человек или семья может беспрепятственно покинуть данную группу и присоединиться к другой. Группами никто не управляет, вождей нет. Тем не менее, у старейших есть одна специфическая обязанность — «унимать шум», ссоры и перебранки, которые, по мнению Мбути, раздражают духов леса.

---

[16] *Wolf Eric R.* Europe and the People Without History. Berkeley, 1983.

[17] *Bicchieri M. G.* (ed.). Hunters and Gatherers Today. New York, 1972; *Diamond Stanley*. In: Search of The Primitive. New Brunswick, 1974; *Schrire Carmel* (ed.). Past and Present in Hanter Gatherer Studies. New York, 1984.

[18] *Turnbull Colin*. The Mbuti Pygmies: Change and Adaptation. New York, 1983; *Mair Lucy*. African Societies. Cambridge, 1974.

Если же конфликт становится слишком серьезным, группа распадается и ее члены присоединяются к соседям.

Впервые изучение племен Мбути началось в 1960-х годах. В то время их образ жизни еще оставался нетронутым. С тех пор он испытывает все нарастающее давление. Внешний мир все более и более вторгается в лес, а Мбути оказываются втянутыми в товарно-денежный обмен с деревнями, расположенными на окраинах леса. Их образ жизни описан в настоящем времени, но сегодня он фактически находится на грани полного разрушения. Это почти также верно в отношении других мелких традиционных сообществ, о которых говорится ниже в этой главе.

Природные «общества изобилия»?

В отличие от Мбути, многие сообщества охотников и собирателей, сохранившиеся до наших дней, оказались оттесненными в неблагоприятные районы. Такие племена постоянно находятся под угрозой голода, поскольку условия, в которых они живут, таковы, что могут обеспечить лишь самый минимум необходимого для жизни. Охотники и собиратели были вытеснены из плодородных районов очень давно, и тот факт, что и сейчас они живут в условиях, где требуется постоянная борьба за существование, навел многих ученых на мысль, что все подобные народы во все времена терпели материальные лишения. В действительности так было не всегда. Маршалл Салинс, выдающийся антрополог, назвал охотников и собирателей «природными обществами изобилия», поскольку они имели больше, чем было нужно для удовлетворения их потребностей [19]. Охотники и собиратели прошлого, жившие в более благоприятных районах, не должны были большую часть времени проводить «на производстве». Многие из них, возможно, трудились гораздо меньше времени в день, чем нынешний средний рабочий или служащий.

Материальное благополучие, большее, чем было необходимо для удовлетворения основных потребностей, охотников и собирателей не интересовало. Почти все время они посвящали религиозным ритуалам, обрядам и церемониям. Многие охотники и собиратели регулярно принимали участие в сложных культовых действиях и тратили большую часть времени на подготовку одежды, масок, магических изображений и других предметов для подобных ритуалов.

Некоторые авторы, особенно те, кто придерживается точки зрения социобиологии, склонны объяснять ведущую роль охоты в жизни этих племен, ссылаясь на общечеловеческое свойство врожденной агрессивности; фактически же и охотники, и собиратели в большинстве своем вовсе не воинственны. Оружие, используемое для охоты, редко применяется против людей. Время от времени случаются стычки между различными группами, но они, как правило, заканчиваются очень немногочисленными потерями или вообще обходятся без них. Охотникам и собирателям совершенно неизвестны военные действия в современном смысле, у них нет специально обученных воинов. Охота сама по себе в значительной степени является деятельностью коллективной. Люди могут охотиться и в одиночку, но почти всегда делят результат охоты — скажем, мясо кабана — с остальной частью группы.

Охотники и собиратели не являются просто примитивными народами, чей образ жизни не представляет для нас никакого интереса. Изучение их культуры позволяет нам понять, что некоторые из наших собственных институтов чрезвычайно далеки от того, чтобы быть «естественными» явлениями человеческой жизни. Разумеется, не следует идеализировать обстоятельства, в которых жили охотники и собиратели, но,

[19] *Sahlins Marshall.* Stone Age Economics. Chicago, 1972.

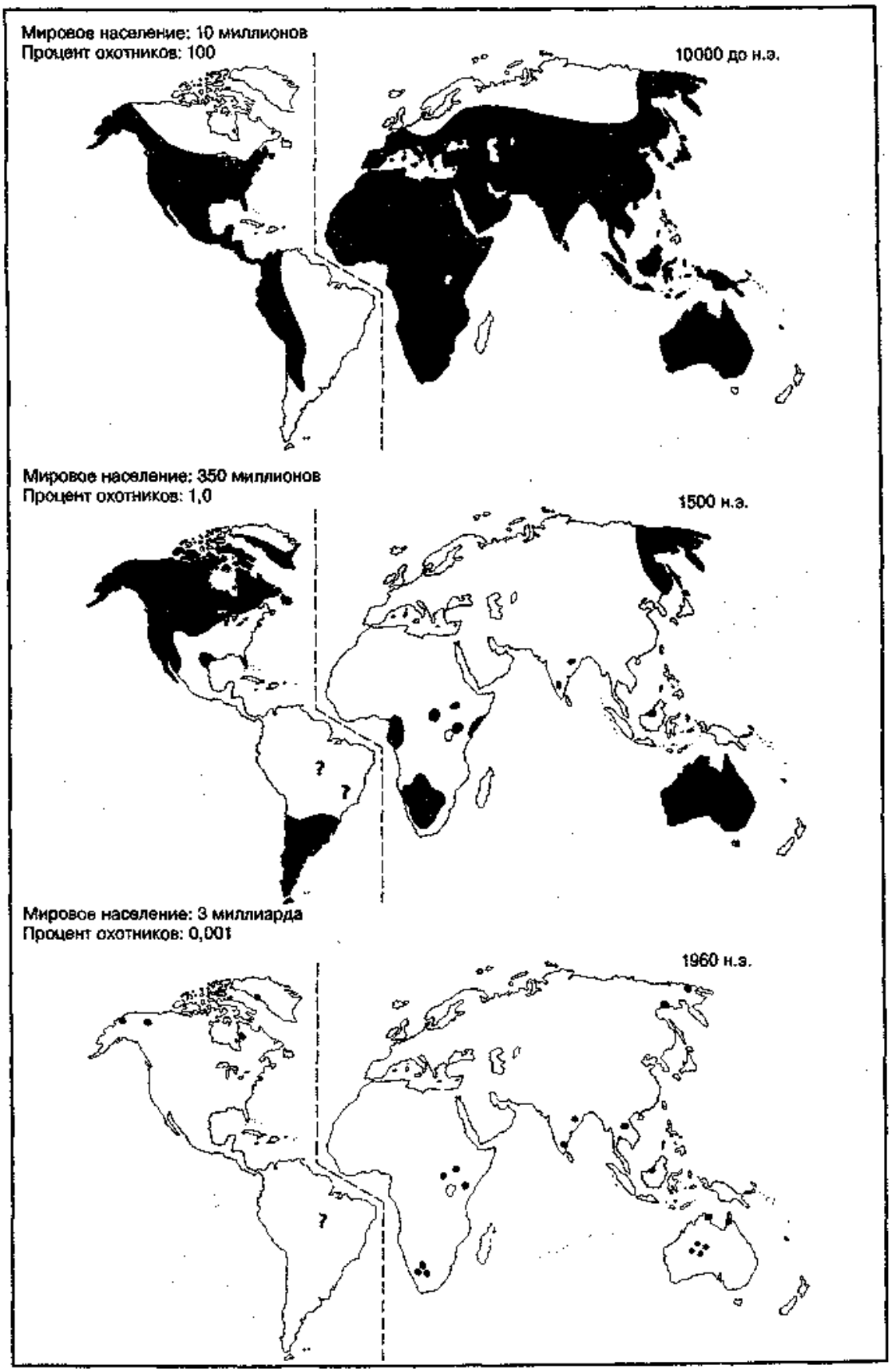


Рис. 1. Снижение численности обществ охотников и собирателей по отношению к росту населения в мире.
Источник: *Richard B. Lee* and *Irven De Vore* (eds). Man the hunter. Chicago, 1968

тем не менее, отсутствие войн, существенного неравенства во власти и материальном благополучии и акцент на сотрудничество, а не на соревнование — все это властно напоминает нам, что мир, созданный современной индустриальной цивилизацией, не является безусловно «прогрессивным».

Скотоводческие и земледельческие общества

Около двадцати тысяч лет назад некоторые группы охотников и собирателей в поисках средств к существованию начали заниматься разведением домашних животных и обработкой постоянных участков земли. **Скотоводческие общества** занимаются, как правило, разведением домашнего скота, а основное занятие **земледельческих обществ** — выращивание сельскохозяйственных культур. Многие общества ведут смешанное хозяйство — скотоводческое и земледельческое.

Скотоводческие общества

В зависимости от среды обитания, скотоводы занимаются разведением различных животных: коров, овец, коз, верблюдов или лошадей. В современном мире продолжает существовать множество скотоводческих общин, в основном в Африке, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Обычно такие общества расположены там, где есть богатые пастбища, а также в пустынях или в горах. Эти районы непригодны для продуктивного земледелия, но в них можно разводить разные виды скота.

Скотоводческие общества обычно мигрируют между различными районами в соответствии с сезонными изменениями. Используя животных в качестве транспорта, они преодолевают гораздо большие расстояния, чем племена охотников и собирателей. Поскольку скотоводы постоянно кочуют, они не накапливают значительной материальной собственности, хотя их образ жизни в этом смысле более сложный, чем у охотников и собирателей. Домашние животные обеспечивают регулярное снабжение пищей, поэтому скотоводческие общества обычно гораздо крупнее общин охотников и собирателей. В некоторых из них насчитывается более четверти миллиона человек.

Перемещаясь по обширным пространствам, скотоводы регулярно вступают в контакт с другими группами. Часто они занимаются торговлей — а также войной. Многие скотоводческие общества были мирными, разводили скот и отправляли ритуалы и церемонии своей общины. Другие были чрезвычайно воинственными и добывали средства к существованию набегами и грабежами в той же мере, что и занятием скотоводством. У скотоводов обнаруживается большее неравенство в распределении власти и собственности, чем в общинах охотников и собирателей. В частности, вожди, предводители племен, военачальники нередко обладают значительной личной властью.

Классическое описание скотоводческого общества дал Эванс-Причард, изучавший Ньюэ — племя из Южного Судана, Африка[20]. Народность эта жила в основном за счет занятия скотоводством, но, кроме того, Ньюэ выращивали некоторые сельскохозяйственные культуры. Селились они в деревнях, расположенных на расстоянии 8–30 км друг от друга. В 1930-х годах, когда Эванс-Причард проводил свое исследование, племя насчитывало до 200 000 человек. Все они говорили на одном языке и имели сходные обычаи. Однако централизованной власти или какого-либо

[20] *Evans-Pritchard E. E.* The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford, 1940.

правительства у них не было. Народность Ньюэ подразделяется на родовые группы, которые иногда действуют совместно, но в основном живут самостоятельно.

Каждый род имеет свою территорию, границы часто определяются по рекам и ручьям. Землю Ньюэ не слишком ценят, разве что как место выпаса скота. В засушливое время года кланы располагаются лагерями возле колодцев и родников. Большая часть жизни Ньюэ посвящается уходу за животными, которые во многом занимают центральное место в их культуре. Соседей, практически не имеющих скота, Ньюэ глубоко презирают. Всякая значительная жизненная фаза — рождение, достижение совершеннолетия, женитьба и смерть — сопровождается ритуальными действиями с участием животных. К мужчинам часто обращаются, называя их по имени их любимых быков, а к женщинам — по имени любимой коровы из тех, что они доят.

Ньюэ часто воюют друг с другом, а также образуют союзы для защиты от чужаков. Войны, как и вся жизнь племени, связана со скотом. Например, Ньюэ регулярно совершают набеги на динка, соседнее скотоводческое племя, для того чтобы угнать их стада. Поговорка Ньюэ гласит: «Ради коров погибло больше людей, чем по любой другой причине».

Земледельческие общества

По-видимому, земледельческие общества появились одновременно со скотоводческими. В какой-то момент группы охотников и собирателей начали сеять свои собственные культуры, вместо того, чтобы собирать дикорастущие. Первым проявлением этого уклада было «огородничество», при котором небольшие огороды обрабатывались простейшими мотыгами и лопатами. До сих пор множество людей в мире живет в основном за счет огородничества.

Как и скотоводство, огородничество обеспечивает более регулярное поступление пищи, чем охота и собирательство, и поэтому на основе огородничества могут существовать более крупные сообщества. Поскольку огородники не кочуют, в их культурах возможно большее сосредоточение собственности, чем у охотников и даже у скотоводов. Когда группы образуют постоянные поселения, между ними возникают регулярные экономические и политические связи. Огородникам свойственна воинственность, хотя уровень насилия у них ниже, чем у скотоводческих племен. Люди, занятые уходом за растениями, обычно не слишком сведущи в боевых искусствах, тогда как племена скотоводов-кочевников нередко сбиваются в целые грабительские армии.

Гурурумба, племя из Новой Гвинеи численностью около тысячи человек, проживает в шести деревнях[21]. В каждой деревне есть несколько отгороженных друг от друга участков земли. Каждый участок разбит на несколько делянок, принадлежащих разным семьям. Земледелием занимаются все — и взрослые и дети, хотя мужчины и женщины отвечают за разные виды фруктов и овощей. Каждая семья имеет несколько делянок, и в разное время года выращивает там разные виды растений, обеспечивая, таким образом, регулярное поступление пищи. В культуре Гурурумба существует сложная церемониальная система подношения даров от одной семьи другой, посредством которой устанавливается статус семьи в общине. Поэтому у Гурурумба есть огороды для повседневного пропитания и те, на которых выращивают «престижные» культуры. За «престижными» растениями ухаживают куда больше, чем за обычными.

[21] *Newman Philip L.* Knowing the Gururumba. New York, 1965.

Гурурумба держат и свиней, которых, однако, не едят, а используют в качестве предметов для дарения, если желают приобрести себе положение в общине. Раз в несколько лет проводится грандиозный пир, для которого закалывают сотни свиней. Их готовят и приносят в дар. У Гурурумба, как и у скотоводов, неравенство выражено гораздо сильнее, чем у охотников и собирателей. Важную роль играют вожди племени и предводители. Существуют также значительные различия в отношении материальных богатств, которыми владеют люди.

Неиндустриальные цивилизации, или традиционные государства

Первые свидетельства существования обществ, гораздо более крупных и совершенно непохожих на первобытные, относятся к шестому тысячелетию до нашей эры[22]. С этими обществами связано появление городов, для них характерно ярко выраженное неравенство, с ними связано правление царей и императоров. Общества эти часто называют *цивилизациями*, так как в них существовала письменность, процветали науки и искусства. Однако, поскольку там впервые появились упорядоченные формы правления, для обозначения таких обществ часто используют термин **традиционные государства**.

Большинство традиционных государств одновременно являлись *империями*. Их территории увеличивались в результате завоеваний или присоединения других народов[23]. Так было, например, в Китае и в Риме. В пору наивысшего расцвета, в I веке нашей эры, Римская империя простиралась от Британии до Ближнего Востока. Китайская империя, существовавшая более двух тысяч лет, вплоть до начала нынешнего века, охватывала большую часть Восточной Азии — территории, занимаемой современным Китаем. В современном мире традиционных государств не осталось. Некоторые из них, подобно Китаю и Японии, сохранились более или менее нетронутыми вплоть до начала двадцатого века, но, тем не менее, все они либо были разрушены, либо преобразовались в более современные системы.

Самые первые традиционные государства появились на Ближнем Востоке, располагаясь обычно в плодородных речных долинах[24]. Китайская империя образовалась примерно во втором тысячелетии до нашей эры. В это же время мощные державы существовали в Индии и Пакистане. Ряд крупных традиционных государств, например, государства ацтеков и инков, существовал в Мексике и в остальной Латинской Америке. Государство инков было основано примерно за столетие до появления испанского искателя приключений Писарро, высадившегося в Южной Америке в 1535 году с очень небольшим отрядом солдат. Однако, благодаря союзу с враждебными инкам местными племенами, ему удалось покорить это государство и утвердить на захваченной территории испанское владычество. Завоевание Писарро было первым эпизодом в череде столкновений Запада с традиционными культурами, в результате которых эти культуры полностью исчезли.

Цивилизация майя

В качестве примера традиционного государства мы рассмотрим еще одну американскую цивилизацию — майя, населявших полуостров Юкатан в Мексиканском

[22] *Burns E. M.* and *P. L. Ralph*. World Civilizations. New York, 1974.

[23] *Eisenstaid S. N.* The Political System of Empires. Glencoe, 1963; *Claessen Henri J. M.* and *Peter Skalnik*. The Early State. The Hague, 1978; *Kautsky John J.* The Politics of Aristocratic Empires. Chapel Hill, 1982.

[24] *Kramer S. N.* History Begins at Sumer. New York, 1959.

заливе. Расцвет цивилизации майя приходится на IV–VIII века нашей эры. Майя строили сложные культовые сооружения, вокруг которых размещались жилые дома. Все здания делались из камня. Сооружения имели форму пирамид, с храмом на вершине. Тикаль, крупнейшую из пирамид, окружал город, насчитывавший 40 000 жителей. Это был главный административный центр (фактически столица) государства майя.

Обществом майя управлял аристократический класс воинов-священников. Они были высшими религиозными сановниками майя, а также военачальниками, и вели постоянные войны с соседними сообществами. Большинство населения составляли крестьяне, которые должны были отдавать часть своего урожая правителям-аристократам, живущим в условиях своеобразной роскоши.

Почему исчезла цивилизация майя, точно неизвестно, но вероятнее всего, что она была покорена соседними племенами. К тому времени, когда прибыли испанцы, государства майя уже давно не существовало.

Основные черты традиционного государства

До начала современной индустриальной эпохи традиционное государство было единственным в истории типом общества, в котором значительная часть населения не была непосредственно занята производством продовольствия. В племенах охотников и собирателей, а также в земледельческих и скотоводческих обществах **разделение труда** было весьма примитивным. Главным образом занятия подразделялись на мужские и женские. В традиционных государствах уже существовала более сложная система профессиональных занятий. Деление по половому признаку по-прежнему неукоснительно соблюдалось, и на долю женщин приходилась в основном работа по дому и в поле. Однако у мужчин появились такие специализированные занятия, как ремесло купца, придворного, правительственного чиновника и солдата.

Существовало также упрощенное деление на классы между группами аристократии и остальным населением. Правитель стоял во главе «правящего класса», сохранявшего исключительное право на высшее социальное положение. Члены этого класса, как правило, жили в относительном материальном комфорте и роскоши. С другой стороны, условия жизни основной массы населения нередко были чрезвычайно тяжелыми. Типичным для данных обществ было рабовладение.

Лишь немногие традиционные государства были основаны в результате развития торговли и управлялись купцами. Большая их часть либо возникла в результате завоеваний, либо наращивала мощные вооруженные силы[25]. Традиционные государства заботились о развитии профессиональных армий — предшественников современных типов военной организации. Римская армия, например, представляла собой организацию с прекрасной дисциплиной и интенсивной подготовкой воинов и была той основой, на которой строилась имперская экспансия. В культуре традиционных государств видны уже зачатки механизации войны. Мечи, копья, шлемы и осадное оборудование римской армии было изготовлено ремесленниками-профессионалами. Количество потерь в войнах между традиционными государствами и в их стычках с «варварскими» племенами увеличилось по сравнению с предшествовавшими периодами во много раз.

---

[25] *McNeill William H.* The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since AD 1000. Oxford, 1983; *Mann Michael*. The Sources of Social Power. Vol. I. A History of Power from the Beginning to 1760. Cambridge, 1986.

Общества в современном мире

К сегодняшнему дню традиционные государства совершенно исчезли с лица земли. Хотя племена охотников и собирателей, а также скотоводческие и земледельческие общины, продолжают существовать до сих пор, их можно встретить лишь в изолированных районах — и, в большинстве случаев, даже эти немногие группы распадаются. Что же явилось причиной разрушения обществ, определявших всю человеческую историю еще два века назад? Ответ, если сформулировать его в одном слове, будет *индустриализация* — появление машинного производства, основанного на использовании неодушевленных источников энергии (таких, как пар и электричество). *Индустриальные общества* во многом принципиально отличаются от любого из предшествовавших типов социального устройства, и их развитие привело к последствиям, сказавшимся далеко за пределами их европейской родины.

Индустриальные общества

Современная индустриализация возникла в Англии, в результате «промышленной революции», начавшейся в XVIII веке. Этим понятием обозначается целый ряд сложных технологических изменений в способах добычи средств к существованию. Изменения эти связаны с изобретением новых машин (например, ткацкого станка), использованием в производстве новых источников энергии (в особенности воды и пара), а также с применением научных методов для совершенствования производства. Темпы технологического обновления в индустриальных обществах, по сравнению с традиционными, необыкновенно высоки, поскольку изобретения и открытия в одной области ведут к еще большему числу открытий в других областях.

Основной отличительной чертой индустриальных обществ является то, что подавляющая часть трудоспособного населения занята на заводах и в конторах, а не в сельском хозяйстве. В традиционных обществах, даже в самых передовых, лишь малая часть населения не работала на земле. Относительно низкий уровень развития технологии просто не позволял освободить от сельскохозяйственного производства больше, чем незначительную группу. В индустриальных же странах, напротив, лишь около 2–5% населения занято в сельском хозяйстве, и их усилий достаточно, чтобы обеспечить продовольствием остальных.

По сравнению с предыдущими социальными системами индустриальные общества гораздо более урбанизированы. В некоторых индустриальных странах свыше 90% граждан живет в городах, где сосредоточена большая часть рабочих мест и постоянно создаются новые. Размеры этих городов далеко превосходят те, которые существовали в традиционных цивилизациях. В городах нового типа социальная жизнь стала обезличенной и анонимной, и с незнакомыми людьми мы контактируем гораздо чаще, чем с теми, кого знаем лично. Появляются организации огромного масштаба, например, промышленные корпорации и правительственные учреждения, деятельность которых затрагивает жизнь практически каждого из нас.

Еще одна черта индустриальных обществ связана с их политическими системами — гораздо более развитыми и действенными, чем традиционные формы правления. В эпоху традиционных цивилизаций политическая власть в лице монарха или императора практически не имела прямого влияния на нравы и обычаи большинства подданных, которые жили вполне самостоятельными поселениями. С процессом индустриализации транспорт и связь стали намного быстрее, что способствовало большей интеграции «национальных» сообществ. Индустриальные

Типы человеческих обществ

Основные характеристики	Время существования
Сообщества охотников и собирателей	
Состоят из небольшого количества людей, поддерживающих свое существование охотой, рыбной ловлей и сбором съедобных растений. Неравенство в этих обществах слабо выражено; различия в социальном положении определяются возрастом и полом.	С 50 000 до н. э. до настоящего времени, хотя сейчас находятся на грани полного исчезновения.
Земледельческие общества	
В основе этих обществ — мелкие сельские общины; городов нет. Основной способ получения средств к существованию — земледелие, иногда дополняемое охотой и собирательством. Эти общества характеризуются более сильным неравенством, чем сообщества охотников и собирателей; во главе этих обществ стоят вожди.	С 12 000 до н. э. до настоящего времени. Сегодня большая их часть входит в состав более крупных политических образований и постепенно утрачивает свой специфический характер.
Общества скотоводов	
Эти общества основываются на разведении домашних животных для удовлетворения материальных нужд. Размеры таких обществ варьируются от нескольких сот до тысяч человек. Для этих обществ обычно характерно ярко выраженное неравенство. Управляют ими вожди или военачальники.	Тот же отрезок времени, что и у земледельческих обществ. Сегодня общества скотоводов также входят в состав более крупных государств; и их традиционный образ жизни разрушается.
Традиционные государства, или Цивилизации	
В этих обществах основой экономической системы по-прежнему является земледелие, однако существуют города, в которых сосредоточены торговля и производство. Среди традиционных государств встречаются очень большие, с многомиллионным населением, хотя обычно их размеры по сравнению с крупными индустриальными странами невелики. Традиционные государства имеют особый правительственный аппарат, во главе которого стоит царь или император. Между различными классами существует значительное неравенство.	Примерно с 6000 до н. э. до девятнадцатого века. К настоящему времени все традиционные государства исчезли.

Общества первого мира	
Эти общества основываются на промышленном производстве, причем значительная роль отводится свободному предпринимательству. В сельском хозяйстве занята лишь незначительная часть населения, подавляющее большинство людей живет в городах. Существует значительное классовое неравенство, хотя и менее выраженное, чем в традиционных государствах. Эти общества составляют особые политические образования, или национальные государства.	С восемнадцатого века до настоящего времени.
Общества второго мира	
Общества, которые имеют индустриальную базу, но в их экономической системе господствует централизованное планирование. Лишь относительно небольшая часть населения занята в сельском хозяйстве, большинство проживает в городах. Существует значительное классовое неравенство, хотя целью марксистских правительств этих стран является создание бесклассовой системы. Подобно странам первого мира, образуют особые политические общности, или национальные государства.	С начала двадцатого века (после Октябрьской революции 1917 года в России) до настоящего времени.
Общества третьего мира	
Общества, в которых большая часть населения занята в сельском хозяйстве, живет в сельской местности и применяет в основном традиционные методы производства. Однако часть сельскохозяйственной продукции реализуется на мировом рынке. В некоторых странах третьего мира существует система свободного предпринимательства, в других — централизованного планирования. Общества третьего мира также являются национальными государствами.	С восемнадцатого века (как колонизированные страны) до настоящего времени.

общества явились первыми **национальными государствами**. Национальные государства — это политические общности, разделенные четкими границами, отделяющими их друг от друга и заменившими расплывчатые пределы традиционных государств. Правительства национальных государств обладают исключительной властью над многими сторонами жизни своих граждан и устанавливают законы, обязательные для всех, живущих в пределах их границ.

Применение индустриальных технологий отнюдь не ограничивалось мирным процессом экономического развития. Уже с первых шагов индустриализации промышленное производство было призвано служить военным целям, и это радикально изменило способы ведения войны, поскольку были созданы вооружения и типы военной организации гораздо более совершенные, чем в неиндустриальных культурах. Экономическое превосходство, политическая цельность и военная мощь создали основу того неудержимого распространения западного образа жизни, которое пережил мир в течение последних двухсот лет.

Некогда многочисленные традиционные культуры и государства исчезли не потому, что их образ жизни был «низшим». Они оказались неспособны противостоять воздействию того сочетания промышленной и военной *мощи*, которое развивалось в западных странах. Идея **власти**, и тесно связанное с ней понятие **идеологии**, занимают в социологии очень важное место. Под властью подразумевается способность индивидов или групп соблюсти свои интересы даже тогда, когда остальные этому противятся. Иногда власть связана с прямым использованием силы, но почти всегда ей сопутствует появление идей (идеологий), которые *оправдывают* действия власть имущих. В случае экспансии Запада захватчики оправдывали свои действия тем, что они якобы несли «цивилизацию» «языческим» народам, с которыми вступали в контакт.

Три «мира»

В период с XVII и до начала XX века западные страны, используя в случае необходимости свое военное превосходство, превратили районы, ранее занятые традиционными обществами, в свои колонии. И хотя сегодня практически все колонии добились независимости, **колониализм** радикально изменил социальную и культурную карту земного шара. В некоторых регионах (в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии), которые были населены относительно немногочисленными племенами охотников и собирателей, европейцы теперь составляют большинство населения. В других частях света, включая большую часть Азии, Африки и Южной Америки, пришельцы остались в меньшинстве. Общества, принадлежащие к первому типу, такие, как Соединенные Штаты, со временем превратились в индустриальные страны. Общества второй категории находятся, как правило, на гораздо более низком уровне индустриального развития, и нередко их называют странами **третьего мира**.

Страны третьего мира

К странам третьего мира относятся Китай, Индия, большая часть африканских государств (таких, как Нигерия, Гана и Алжир) и государств Южной Америки (например, Бразилия, Перу и Венесуэла).

Уровень индустриализации стран третьего мира низкий, большинство населения занято в сельском хозяйстве. Поскольку многие из этих обществ расположены южнее США и Европы, их часто объединяют под понятием «Юг», в противоположность богатому индустриальному «Северу». Хотя некоторые народности,проживающие в странах третьего мира, и сохраняют традиционный уклад, все же эти страны чрезвычайно отличаются от существовавших ранее форм традиционных обществ. Их политические системы родственны формам, возникшим на Западе, или смоделированы по образцу последних, — иными словами, это национальные государства. Большая часть их населения по-прежнему живет в сельской местности, однако эти

общества переживают весьма бурный процесс урбанизации. Сельскохозяйственное производство остается доминирующей формой экономической деятельности, но продукция выращивается в основном для продажи на мировом рынке, а не для внутреннего употребления. Страны третьего мира — не просто общества, которые «тащатся» за индустриальными державами. Условия, в которых живет многомиллиардное население третьего мира, в значительной мере сформировались благодаря контактам с Западом, разрушившим ранние, более традиционные системы.

Общества первого и второго мира

Термином **первый мир** обозначают индустриальные страны Европы, Австралазии, а также Соединенные Штаты и Японию. Практически во всех странах первого мира принята многопартийная парламентская система правления. Страны **второго мира** — это индустриальные общества, управляемые правительствами, стоящими на коммунистических позициях. В их число входили Советский Союз, а также страны Восточной Европы — такие, как Чехословакия, Польша и Венгрия.

Политические и экономические различия между странами первого и второго мира чрезвычайно значительны. Если экономическая система стран первого мира основана на принципах рыночной экономики и признает важнейшую роль свободного предпринимательства, то в государствах второго мира принято централизованное планирование. Но, несмотря на это, наибольшие различия обнаруживаются между индустриальными странами в целом, с одной стороны, и странами третьего мира — с другой. По сравнению с индустриальными государствами страны третьего мира очень бедны. Многие из них пережили резкое увеличение темпов роста населения, что явилось весьма серьезным испытанием их способностей в обеспечении своих граждан хотя бы минимальным уровнем жизни.

В главе 1 отмечалось, что основной целью социологии является изучение индустриальных обществ — первого и второго мира. Но можем ли мы со спокойной совестью игнорировать третий мир, оставляя его своеобразной вотчиной антропологии? Разумеется, нет. Все три мира развивались в тесной взаимосвязи друг с другом, и сегодня они связаны еще сильнее. Мы, живущие в индустриальных обществах, нуждаемся в сырье и продуктах стран третьего мира, необходимых для поддержания нашей жизни. В свою очередь, экономика большей части стран третьего мира построена на торговых отношениях с индустриальными странами. Мы можем до конца понять индустриальное общество лишь на фоне обществ третьего мира, к которым фактически относится сейчас большая часть живущих на земле (для дальнейшего обсуждения см. главу 16, «Глобализация социальной жизни»).

Заключение

Общества первого, второго и третьего мира отличаются от традиционных типов социального устройства, господствовавших на протяжении многих тысячелетий вплоть до восемнадцатого века. Экспедиции путешественников Запада положили начало процессам, которые уничтожили многие из традиционных культур. Однако и сегодня сохраняется огромное культурное многообразие — как внутри одного общества, так и между различными обществами. Как человеческие существа, все мы имеем общие черты, но на всех нас оказывают влияние также обычаи и ценности обществ, к которым мы принадлежим. В следующей главе мы рассмотрим процессы,

воздействующие на индивидуальное развитие человека на всех этапах жизни, начиная с младенчества.

Краткое содержание

1. *Культура* состоит из *ценностей*, которых придерживается данная группа, *норм*, которым следуют ее члены, и *материальных благ*, которые они создают.

2. Человеческий род появился в результате длительного процесса биологической *эволюции*. Люди являются частью группы высших млекопитающих — приматов. Имеются серьезные основания полагать, что культурное развитие предшествовало и, вероятно, определило эволюцию человеческого рода.

3. *Социобиология* важна преимущественно своими открытиями в области поведения животных; идеи социобиологов относительно общественной жизни людей в высокой степени спекулятивны. Наше поведение подвержено генетическим воздействиям, но генетические свойства определяют, вероятно, только потенциальные возможности нашего поведения, а не действительное содержание нашей деятельности.

4. У людей нет *инстинктов* в смысле сложных врожденных поведенческих систем. Некоторый набор простых рефлексов плюс естественные потребности и есть врожденные свойства человека.

5. Формы поведения, обнаруживаемые во всех, или почти во всех, культурах, называются *культурными универсалиями*. Основными типами культурных универсалий являются язык, запрет инцеста, институты брака, семьи, религии и собственности, но в рамках этих общих категорий способы поведения и ценности различных обществ существенно варьируются.

6. Можно выделить несколько типов досовременных обществ. Общины *охотников и собирателей* не занимаются земледелием и не держат скота, а живут за счет охоты и сбора растений. В обществах *скотоводов* основным источником средств к существованию служит разведение домашних животных. *Земледельческие* общества зависят от регулярной обработки одних и тех же участков земли. На основе наиболее крупных и развитых из них образуются *традиционные государства*, или *цивилизации*.

7. Бурное развитие и экспансия Запада привели к захвату многих областей земного шара, радикально изменив устоявшиеся социальные системы и культуры.

8. В индустриальных странах основой экономики является промышленное производство (средства и методы которого также используются для производства продовольствия). К индустриальным странам *первого мира* относятся страны Запада, а также Япония, Австралия и Новая Зеландия. Страны *второго мира* — это индустриальные общества, управляемые коммунистическими правительствами. Страны *третьего мира*, в которых живет большая часть населения земли, практически все были ранее колониями. Большинство их населения занято производством сельскохозяйственной продукции, часть которой поступает на мировой рынок.

Основные понятия

культура	*нормы*
общество	*власть*
ценности	*идеология*

Важнейшие термины

эволюция	*скотоводческие общества*
мутация	*земледельческие общества*
социобиология	*традиционные государства*
инотинкт	*разделение труда*
субкультура	*национальные государства*
этноцентризм	*колониализм*
культурные универсалии	*третий мир*
семиотика	*первый мир*
общины охотников и собирателей	*второй мир*

Дополнительная литература

Ruth Benedict. Patterns of Culture. New York, 1946. Классическое исследование культурных различий, которое по-прежнему стоит читать.

Kenneth Bock. Human Nature and History: a Response to Sociobiology. New York, 1980. Критика притязаний социобиологии.

Brian M. Fagan. People of the Earth. London, 1992. Последнее издание авторитетного обзора происхождения и развития различных форм человеческой культуры.

Ralph Fasold. The Sociolinguistics of Language. Oxford, 1991. Хороший учебник по многим аспектам природы языка и культуры.

Jack Goody. The Domestication of Savage Mind. Cambridge, 1977. Анализ влияния письменности и грамотности на культурное развитие.

Edmund Leach. Culture and Communication: The Logic by which Symbols are Connected. Cambridge, 1976. Анализ природы культурного символизма.

Raymond Williams. Culture. Glasgow, 1981. Полезный общий анализ понятия культуры.

Peter Worsley. The Three Worlds: Culture and World Development. London, 1984. Анализ связей между первым, вторым и третьим мирами.

Глава 3

Социализация и жизненный цикл

Животные, расположенные внизу эволюционной шкалы — такие, как большинство видов насекомых, способны позаботиться о себе почти сразу после рождения, нуждаясь в минимальной помощи взрослых особей или вообще обходясь без нее. У низших животных нет поколений, поскольку поведение «молодых» представителей вида более или менее идентично поведению «взрослых». Однако по мере того как мы движемся вверх по эволюционной шкале, мы обнаруживаем, что эти наблюдения применимы все менее и менее; высшие животные должны *учиться* соответствующим способам поведения. Детеныши млекопитающих практически совершенно беспомощны после рождения, они нуждаются в заботе старших, и человеческие младенцы наиболее беспомощные из всех. Ребенок не выживет, не получая постороннюю помощь в течение по крайней мере первых четырех–пяти лет.

Социализация — процесс, в ходе которого беспомощный младенец постепенно превращается в обладающее самосознанием разумное существо, понимающее суть культуры, в которой он родился. Социализация не является разновидностью некоего «культурного программирования», во время которого ребенок пассивно воспринимает воздействия со стороны того, с чем входит в контакт. С самых первых мгновений своей жизни новорожденный испытывает нужды и потребности, которые в свою очередь влияют на поведение тех, кто должен о нем заботиться.

Социализация связывает друг с другом различные поколения. Рождение ребенка изменяет жизнь тех, кто ответственен за его воспитание, и кто таким образом приобретает новый опыт. Родительские обязанности, как правило, связывают родителей и детей на весь остаток жизни. Старики остаются родителями даже тогда, когда у них появляются внуки, и эти связи позволяют объединять различные поколения. Несмотря на то, что процесс культурного развития протекает более интенсивно в младенчестве и раннем детстве, чем на позднейших стадиях, обучение и приспособление пронизывают весь жизненный цикл человека.

В следующих разделах мы продолжим тему «"природа" против "воспитания"», поставленную в предыдущей главе. Сначала мы проанализируем ход развития индивида от рождения до раннего детства, выделяя основные стадии изменений. Различные авторы дают разные интерпретации того, как и почему развиваются дети, мы рассмотрим и сравним их подходы. Затем обратимся к анализу групп и социальных контекстов, оказывающих влияние на социализацию в течение различных этапов жизни индивида.

«Несоциализированные» дети

На что были бы похожи дети, если бы каким-то образом росли без влияния со стороны взрослых? Очевидно, ни одна гуманная личность не может пойти на такой эксперимент и вырастить ребенка вне человеческого окружения. Однако

существует ряд случаев, широко обсуждавшихся в специальной литературе, когда дети первые годы жизни проводили без нормальных человеческих контактов. Прежде чем обратиться к изучению обычного процесса детского развития, рассмотрим два таких случая.

«Авейронский дикарь»

9 января 1800 года близ деревни Сен-Серин в Южной Франции из леса вышло странное существо. Несмотря на то, что оно передвигалось прямо, оно походило больше на животное, чем на человека, хотя вскоре в нем опознали мальчика одиннадцати или двенадцати лет. Он изъяснялся только пронзительными, странными звуками. Мальчик не имел представления о личной гигиене и облегчался там, где ему этого хотелось. Его передали местной полиции, затем поместили в местный приют. Первое время он постоянно пытался убежать, причем обратно его возвращали с трудом, и не мог примириться с необходимостью носить одежду, срывал ее с себя. Никто не обратился за ним и не признал себя его родителями.

Медицинское обследование ребенка не выявило у него никаких существенных отклонений от нормы. Когда ему показали зеркало, он, по-видимому, увидел отражение, но не узнал себя. Однажды он попытался схватить в зеркале картофелину, которую там видел. (На самом деле картофелина находилась позади него.) После нескольких попыток, не поворачивая головы, он схватил картофелину, протянув руку назад. Священник, наблюдавший мальчика изо дня в день, писал:

> Все эти маленькие детали, а также многое другое, доказывают, что этот ребенок не является абсолютно лишенным разума и способности рассуждать. Тем не менее, мы вынуждены сказать, что во всех случаях, не связанных с естественными потребностями и удовлетворением аппетита, от него можно ожидать поведения, подобного животному. Если у него и есть ощущения, то они не рождают никакой мысли. Он даже не может сравнивать свои ощущения друг с другом. Можно подумать, что между его душой, или разумом, и его телом не существует связи... [1]

Позднее мальчика доставили в Париж, где предпринимались систематические попытки превратить его «из зверя в человека». Это удалось лишь отчасти. Его приучили соблюдать элементарные гигиенические нормы, он стал носить одежду и научился самостоятельно одеваться. И все же его не интересовали ни игрушки, ни игры, он так и не смог овладеть больше чем несколькими словами. Насколько можно судить по детальному описанию его поведения и реакции, это не было вызвано умственной отсталостью. Казалось, он либо не хочет освоить человеческую речь, либо не может. В дальнейшем своем развитии он достиг немногого и умер в 1828 году в возрасте примерно сорока лет.

Джени

Невозможно достоверно установить, как долго «Авейронский дикарь» провел в лесу и страдал ли он каким-либо отклонением, из-за которого не смог развиться в нормальное человеческое существо. Существуют, однако, современные примеры, дополняющие наблюдения за поведением «Авейронского дикаря». Одним из последних случаев является жизнь Джени, калифорнийской девочки, которая находилась

[1] *Shattuck Roger.* The Forbidden Experiment: The Story of the Wild Boy of Aveyron. New York, 1980. P. 69; *Lane Harlan.* The Wild Boy of Aveyron. Cambridge, 1976.

в запертой комнате с полуторагодовалого возраста и до почти тринадцати лет[2]. Отец Джени практически не выпускал из дома свою постепенно слепнувшую жену. Связь семьи с внешним миром осуществлялась через сына-подростка, который посещал школу и ходил за покупками.

У Джени был врожденный вывих бедра, из-за которого она не смогла научиться нормально ходить. Отец ее часто бил. Когда девочке исполнился год, отец, по-видимому, решил, что она умственно отсталая и «убрал» ее в изолированную комнату. Дверь в эту комнату обычно была заперта, шторы опущены. Здесь Джени провела следующие одиннадцать лет. Других членов семьи она видела лишь тогда, когда они приходили ее кормить. Ходить в туалет ее не научили, и значительную часть времени Джени была привязанной к детскому ночному горшку совершенно голой. На ночь ее отвязывали, но тут же помещали в спальный мешок, ограничивающий движения рук. Связанную таким образом, ее помещали в детскую кроватку с проволочными спинками и проволочной сеткой сверху. Так или иначе, она провела в этих условиях одиннадцать лет. Услышать речь человека Джени практически не могла. Если же она шумела или каким-то другим образом привлекала внимание, отец ее бил. Он никогда с ней не разговаривал; если она чем-то его раздражала, он обращался к ней с резкими, нечленораздельными звуками. Ни игрушек, ни чего-то, чем можно было бы занять себя, у нее не было.

В 1970 году мать Джени бежала из дома, взяв ее с собой. На состояние девочки обратил внимание работник социальной службы, и ее поместили в детский госпиталь в отделение реабилитации. Первое время она не могла стоять прямо, бегать, прыгать или ползать, и ходила неуклюжей, шаркающей походкой. Психиатр описал девочку как «неприспособленное к жизни в обществе, примитивное существо, непохожее на человека». Однако в отделении реабилитации Джени довольно быстро достигла успехов, научилась нормально есть, ходить в туалет и привыкла одеваться, как другие ребятишки. Однако почти все время Джени молчала, и лишь иногда она смеялась. Ее смех был пронзительным и «нереальным». Она постоянно, даже в присутствии других, занималась мастурбацией, и не желала отказаться от этой привычки. Позднее один из врачей госпиталя взял Джени к себе как приемную дочь. Постепенно она освоила довольно широкий набор слов, достаточный для ограниченного числа основных высказываний. Тем не менее, ее владение речью осталось на уровне трех–четырехлетнего ребенка.

Поведение Джени усиленно изучалось, и в течение семи лет она проходила различные тесты. Результаты показали, что девочка не была слабоумной и не страдала врожденными отклонениями. По-видимому, с Джени, также как и с «Авейронским дикарем», случилось следующее. Возраст, в котором они вступили в близкий контакт с людьми, был гораздо больше, чем тот, в котором дети легко обучаются языку и овладевают прочими человеческими навыками. По-видимому, существует какой-то «критический период» для усвоения языка и других сложных навыков, после которого овладеть этим в совершенстве уже невозможно. «Дикарь» и Джени дают представление о том, какими могут быть несоциализированные дети. Несмотря на испытания, которым они подверглись, и на то, что у каждого из них сохранились многие нечеловеческие реакции, никто из них не выказывал какой-либо особой агрессивности. Они быстро шли на контакт с теми, кто обращался к ним с симпатией, и усваивали минимальный набор обычных человеческих навыков.

---

[2] *Curtis Susan.* Genie. New York, 1977.

Конечно, при интерпретации подобного рода случаев нужна осторожность. Возможно, в каждом из этих примеров имело место умственное отклонение, которое не удалось диагностировать. С другой стороны, печальный жизненный опыт мог привести к психологической травме, помешавшей овладеть навыками, которые большинство детей приобретает в более раннем возрасте. И все же между этим двумя и другими подобными случаями существует достаточное сходство, чтобы предположить, насколько ограниченными были бы наши способности, если бы не имелось длительного периода ранней социализации.

Давайте непосредственно рассмотрим начальные фазы развития ребенка. Это поможет нам более обстоятельно представить процессы превращения младенца в «полноценного человека».

Ранние этапы развития младенца

Развитие органов чувств

Все человеческие младенцы от рождения обладают способностью различать определенного рода чувственную информацию и реагировать на нее. Раньше было принято думать, что новорожденный находится под воздействием непрерывного потока ощущений, которые он совершенно не в состоянии дифференцировать. Известный психолог и философ Уильям Джеймс писал: «Глаза, уши, нос, кожа и кишечник малыша одновременно ощущают мир как некий единый, гулкий и мутный беспорядок»[3]. Большинство современных исследователей считают описание Джеймса неточным, поскольку уже в первые часы жизни новорожденный избирательно реагирует на окружение.

Начиная со второй недели узорчатая поверхность (полоски, концентрические круги, картинки, напоминающие лица) привлекают внимание младенца чаще, чем ярко раскрашенная, но однородная поверхность. До месячного возраста эти способности к восприятию развиты слабо, и предмет, удаленный более чем на тридцать сантиметров, воспринимается ребенком как некое расплывчатое пятно. После этого зрение и слух развиваются очень быстро. К четырем месяцам малыш способен удерживать в поле зрения движущегося по комнате человека. Восприимчивость к прикосновению и стремление к теплу присутствуют от рождения.

Плач и улыбка

Поскольку младенцы избирательно реагируют на окружение, взрослые действуют в зависимости от поведения малыша, пытаясь определить, чего он хочет в данный момент. Плач говорит взрослым о том, что ребенок голоден или испытывает дискомфорт, улыбка или какое-либо иное определенное выражение лица означает довольство. Подобное различение уже подразумевает, что реакции ребенка носят социальный характер. Здесь задействованы достаточно глубокие культурные основания. В этом плане интересным примером может быть плач. В западной культуре ребенок физически отделен от матери большую часть дня, находясь в кроватке, коляске или игровой комнате. Его плач — сигнал того, что младенец нуждается во внимании. Во многих других культурах на протяжении многих месяцев ребенок проводит большую часть дня в прямом контакте с телом матери, закрепленный у нее на спине. В подобном случае мать обращает внимание только на очень

[3] *James William*. Principles of Psychology. New York, 1890.

сильные приступы плача, которые воспринимаются ею как нечто чрезвычайное. В случае, если ребенок начинает ерзать и извиваться, мать понимает, что требуется ее вмешательство, например, ребенка нужно кормить.

Культурные различия видны и в интерпретациях улыбки. В определенных обстоятельствах улыбается любой нормальный малыш, достигший полуторамесячного возраста. Младенец улыбнется, если ему показать похожую на лицо фигуру с точками вместо глаз. Он улыбнется и тогда, когда увидит человеческое лицо, причем не имеет значения, видит он рот этого человека или нет. По-видимому, улыбка — врожденная реакция, она не является результатом обучения и даже не вызывается, только при виде другого улыбающегося лица. Подтверждением этого может служить факт, что слепорожденные дети начинают улыбаться примерно в том же возрасте, что и зрячие, хотя они не имеют возможности копировать улыбку других. Однако ситуации, в которых улыбка считается уместной, в различных культурах различны, и это определяет первые реакции взрослых на улыбки детей. Ребенку не нужно учиться улыбаться, но ему нужно учиться различать, когда и где это уместно делать. Так, китайцы реже, чем европейцы, улыбаются «на публике», например, при встрече с незнакомым человеком.

Младенцы и матери

В три месяца ребенок уже способен отличать свою мать от других людей. Малыш еще не воспринимает ее как *личность*, скорее, он отзывается на отдельные признаки, связанные с матерью: глаза, голос, манеру его держать. Об узнавании матери говорят реакции младенца. Он, например, перестает плакать только тогда, когда она, а не кто-либо другой, берет его на руки, улыбается ей чаще, чем другим, вскидывает руки или хлопает в ладоши в ответ на появление ее в комнате либо, если ребенок уже может двигаться, пытается подползти к ней. Частота тех или иных реакций определяется культурными различиями. Изучая культуру Уганды, Эйнсворт обнаружил, что объятия и поцелуи в общении матери и ребенка встречаются там редко, зато удовлетворенное обоюдное похлопывание как со стороны матери, так и со стороны ребенка можно наблюдать значительно чаще, чем на Западе[4].

Привязанность ребенка к матери становится устойчивой лишь к семи месяцам. До этого времени отделение от матери никаких особых протестов не вызывает, и любой другой человек будет принят столь же отзывчиво. В этом же возрасте ребенок начинает улыбаться избирательно, а не кому попало. Тогда же малыш способен воспринимать свою мать уже как целостное существо. Ребенок знает, что мать существует даже тогда, когда ее нет в комнате, он способен удерживать в памяти ее образ. У него появляется ощущение времени, поскольку ребенок запоминает свою мать и предвидит ее возвращение. Младенцы восьми или девяти месяцев способны искать спрятанные предметы, начиная понимать, что предметы существуют независимо от того, находятся они в данный момент в поле зрения или нет.

Великолепное описание этой фазы развития ребенка дает Сельма Фрейберг в своей книге для родителей.

> Есть ли у вас малыш шести–семи месяцев, который стаскивает очки с вашего носа? Если есть, то вам без моего совета не обойтись. Когда ребенок потянется к очкам, снимите их и опустите в карман или засуньте под подушку (только сами не забудьте,

[4] *Ainsworth M. D. S.* Infancy in Uganda. Baltimore, 1977.

куда вы их спрятали!). Не пытайтесь делать это тайно, пусть малыш все видит. Он не станет их искать, а уставится на то место, где видел их в последний раз, на ваш нос, а затем потеряет интерес к данной проблеме. Ребенок не ищет очки потому, что не может представить, что они существуют и тогда, когда он их не видит.

Когда малышу исполнится девять месяцев, не полагайтесь на старые трюки. Если он увидит, что вы снимаете очки и прячете их под подушку, он отодвинет подушку и завладеет ими. Он уже знает, что предмет может быть скрыт от взоров и, однако, существовать! Ребенок проследит движение очков от вашего носа до места, где вы их спрятали, и станет их там искать. Это громадный шаг в познании, родители его вряд ли пропустят, поскольку отныне их очки, серьги, трубки, шариковые ручки и ключи не только отбираются у них самих, но и перестают оказываться там, куда их положили. В это время родителей меньше всего волнует теоретический аспект проблемы, о которой здесь говорится. Однако теория всегда может принести и некоторые практические выгоды. В вашем волшебном рукаве еще кое-что осталось. Попробуйте следующее: пусть малыш видит, как вы кладете очки под подушку. Пусть он их там найдет. Когда он это сделает, уговорите его отдать очки вам, а затем незаметно спрячьте их под другую подушку. Этого он никак не ожидает. Он будет искать очки под первой подушкой, в первом тайнике, но никак не во втором. Дело в том, что ребенок может себе представить, что спрятанный предмет, по-прежнему существует, но только в одном месте, в первом тайнике, где когда-то его поиски увенчались успехом. Даже когда малыш ничего там не найдет, он все равно будет продолжать поиски там, и ему не придет в голову поискать их в другом месте. Значит, предметы все-таки могут растворяться в воздухе. Но уже через несколько недель он расширит поиски и окажется на пути к открытию, что предмет может перемещаться с места на место, не переставая при этом существовать.[5)]

Первые месяцы жизни ребенка — это время познания и для его матери. Матери (или другие присматривающие — отцы и старшие дети) учатся воспринимать информацию, передаваемую поведением младенца, и реагировать на нее соответствующим образом. Одни матери гораздо более чувствительны к такого рода сигналам, чем другие; кроме того, в различных культурах разные сигналы будут восприниматься в первую очередь, разной будет и реакция на них. Прочтение сигналов чрезвычайно сильно влияет на характер отношений, складывающихся между матерью и ребенком. Одна мать, например, может истолковать беспокойство малыша как признак утомления и уложить его в постель. Другая может интерпретировать то же самое поведение, решив, что ребенок хочет, чтобы его развлекли. Часто родители проецируют на детей свои собственные восприятия. Так, не умея установить с ребенком стабильные и близкие отношения, иная мать может решить, что ребенок настроен к ней агрессивно и ее не принимает.

Формирование привязанностей к определенным лицам знаменует важнейший этап социализации. Первичные отношения, обычно между младенцем и матерью, порождают сильные чувства, на основе которых начинают протекать сложные процессы социального развития.

Формирование социальных реакций

К концу первого года жизни отношения между малышом, матерью и другими опекающими меняются. Ребенок не только начинает говорить, но уже может стоять, многие дети в четырнадцать месяцев самостоятельно ходят. В два–три года дети

[5)] *Fraiberg Selma.* The Magic Years: Understanding and Handling the Problems of Early Childhood. New York, 1959.

начинают разбираться в отношениях между остальными членами семьи, понимать их эмоции. Ребенок учится успокаивать, а также раздражать, других. Дети в возрасте двух лет огорчаются, если один из родителей сердится на другого, могут обнять родителя, если он расстроен. В том же возрасте ребенок способен сознательно дразнить брата, сестру или родителей.

Начиная с года, большую часть жизни ребенка занимает игра. Первое время он играет в основном один, но затем все сильнее требует, чтобы с ним играл кто-нибудь еще. В игре дети развивают координацию движений и расширяют познание о взрослом мире. Они приобретают новые навыки и имитируют поведение взрослых.

В одной из своих ранних работ Милдред Партен описала некоторые категории развития игры, являющиеся сегодня общепринятыми[6]. Маленькие дети прежде всего занимаются *одиночной самостоятельной игрой*. Даже в компании других детей они играют поодиночке, не обращая внимания на то, что делают остальные. За этим следуют *параллельные действия*, когда ребенок копирует то, что делают другие, но не пытается вмешаться в их деятельность. Затем, в возрасте около трех лет, дети все больше и больше вовлекаются в *ассоциативную игру*, в которой они уже соотносят свое собственное поведение с поведением остальных. Каждый ребенок все еще действует, как хочет, но замечает и реагирует на действия остальных. Позже, в четырехлетнем возрасте, дети осваивают *кооперативную игру*, действия в которой требуют, чтобы каждый ребенок сотрудничал с другими (как в игре в «маму и папу»).

В период от года до четырех–пяти лет ребенок учится дисциплине и саморегуляции. В первую очередь это означает умение контролировать свои физические потребности. Дети учатся ходить в туалет (это трудный и долгий процесс), учатся культурно есть. Они также учатся «действовать самостоятельно» в различных своих поступках, в частности, при взаимодействии со взрослыми.

К пяти годам ребенок становится относительно автономным существом. Это больше не беспомощный младенец, малыш способен обходиться без посторонней помощи в повседневных бытовых делах и уже готов выйти во внешний мир. Формирующийся индивид впервые способен провести долгие часы в отсутствие родителей без особого беспокойства.

Привязанности и утраты

Ни один ребенок не может достичь этой стадии без нескольких лет заботы и защиты, обеспечиваемых родителями и другими опекающими. Как уже было отмечено, отношения между ребенком и матерью имеют первостепенное значение на первых этапах его жизни. Исследования свидетельствуют, что если эти отношения каким-либо образом нарушаются, могут возникнуть серьезные последствия. Около тридцати лет назад психолог Джон Боулби провел исследование, которое показало, что маленький ребенок, не имевший опыта близких и любящих отношений с матерью, страдает в дальнейшем серьезными отклонениями в развитии личности. Боулби, например, утверждал, что ребенок, мать которого умерла вскоре после его рождения, будет испытывать беспокойство, которое впоследствии окажет глубокое влияние на его характер. Так появилась теория **материнской депривации**. Она послужила толчком к большому количеству исследований в области детского поведения. Предположения Боулби получили свое подтверждение в результатах исследования некоторых высших приматов.

[6] *Parten Mildred*. Social play among preschool children // Journal of Abnormal and Social Psychology, 27. 1932.

Изолированные обезьяны

С целью дальнейшего развития идей, выдвинутых Боулби, Гарри Харлоу провел знаменитые эксперименты, в которых детенышей макак-резусов разлучали с матерями. Все физиологические потребности маленьких обезьян при этом тщательно удовлетворялись. Результаты были потрясающими: обезьяны, выросшие в изоляции, показали высокий уровень поведенческих отклонений. Попав в группу нормальных взрослых обезьян, они были либо враждебными, либо испуганными, отказываясь взаимодействовать с остальными. Большую часть времени они проводили сидя, сжавшись в комочек в углу клетки, напоминая своей позой людей, находящихся в шизофренической прострации. Они не способны были спариваться с другими обезьянами, и в большинстве случаев их не удавалось научить этому. Искусственно оплодотворенные самки уделяли мало, а иногда и совсем не уделяли внимания своим малышам.

Чтобы определить, действительно ли причиной подобных расстройств было отсутствие матери, Харлоу вырастил нескольких малышей в компании других того же возраста. Эти животные в последующих действиях не проявляли ни малейшего признака отклонений. Харлоу заключил, что для нормального развития важно, чтобы у обезьяны была возможность формировать свою привязанность к другому или другим, независимо от того, входит ли в их число мать[7].

Депривация ребенка

Трудно допустить, будто то, что случилось с обезьянами, точно так же произойдет и с человеческими младенцами (сам Харлоу не считал, что его результаты позволяют делать выводы относительно человеческого развития). Тем не менее, исследования поведения детей дают возможность проводить параллели с результатами наблюдений Харлоу, хотя демонстрация долговременных последствий младенческой депривации затруднена (поскольку эксперименты здесь немыслимы). Изучение младенцев приводит к выводу, что для благополучия ребенка важно наличие ранних устойчивых эмоциональных привязанностей. Не обязательно быть именно с матерью, поэтому понятие «материнальная депривация» не вполне точное. Важна возможность сформировать во младенчестве и раннем детстве стабильные, эмоционально близкие отношения хотя бы с одним человеком. Негативные последствия отсутствия таких связей описаны достаточно хорошо. Например, исследования показывают, что среди детей, помещаемых в больницу, наибольшие эмоциональные страдания испытывают дети в возрасте от шести месяцев до четырех лет. Дети более старшего возраста переживают это в меньшей степени и не такое продолжительное время. Реакции маленьких детей вызываются не просто тем, что они помещены в чужую среду; подобные последствия отсутствовали в случае, когда в больнице постоянно находилась мать или другие хорошо знакомые люди.

Долговременные последствия депривации

Однозначных свидетельств относительно дальнейших последствий депривации нет, однако представляется вероятным, что отсутствие прочных привязанностей в раннем

[7] *Harlow Harry F.* and *R. R. Zimmerman*. Affectional responses in the infant monkey // Science, 130. 1959; *Harlow Harry F.* and *Margaret K. Harlow*. Social deprivation in monkeys // Scientific American. 1962; *Novak M. A.* Social recovery of monkeys isolated for the first year of life: II. Long-term assessment // Developmental Psychology, 2. 1979.

детстве действительно вызывает глубокие поведенческие отклонения. Нам редко удается познакомиться со случаями, где дети были бы полностью изолированы от других людей, такими как «Авейронский дикарь» и Джени. Поэтому мы не можем ожидать найти явную демонстрацию нарушений, подобных наблюдавшимся в экспериментах Харлоу. Тем не менее, есть свидетельства того, что дети, не имевшие стабильных привязанностей в младенчестве, обнаруживают значительное языковое и интеллектуальное отставание, а в более позднем возрасте испытывают трудности в установлении тесных и длительных контактов с другими. Исправление этих недостатков становится гораздо более сложным в возрасте старше шести–восьми лет.

Социализация ребенка

Основное утверждение Боулби о том, что «материнская любовь в младенчестве и детстве важна для умственного здоровья так же, как витамины и белки для физического»[8], было отчасти пересмотрено. Решающую роль играет не контакт с *матерью* и даже не то, что подразумевается под отсутствием любви. Важное значение имеет чувство безопасности, обеспечиваемое регулярными контактами с любым близким существом. Таким образом, мы можем сделать вывод, что социальное развитие человека фундаментальным образом зависит от наличия длительных связей с другими людьми в раннем возрасте. Это ключевой аспект социализации для большинства людей во всех культурах, хотя точная природа социализации и ее *последствий в разных культурах варьируются.*

Основные теории развития детей

В работе Боулби сделан акцент лишь на некоторых аспектах детского развития, в частности, на важности эмоциональных связей ребенка с теми, кто заботится о нем. Возникает вопрос, как нам следует понимать другие особенности формирования ребенка, особенно возникновение восприятия себя как личности, т. е. возникновение знания, что индивид — это отдельная сущность, отделенная от остальных. В первые месяцы жизни младенец почти не видит разницы между людьми, объектами своего окружения, и не осознает самого себя. Примерно до двух лет, а иногда и в более позднем возрасте дети не употребляют такие понятия, как «я» («I»), «меня» («Me») и «ты». Лишь постепенно они приходят к пониманию, что другие обладают особыми чертами, сознанием и потребностями, не совпадающими с их собственными.

Проблема возникновения самосознания чрезвычайно спорная, она рассматривается совершенно различно в противоположных теоретических перспективах. До некоторой степени это объясняется тем, что в разных теориях детского развития подчеркиваются различные аспекты социализации. Теория великого психолога и основателя психоанализа Зигмунда Фрейда касается эмоциональных аспектов детского развития, в первую очередь вопроса о том, каким образом ребенок контролирует свои влечения. Американский философ и социолог Джордж Герберт Мид обращал внимание главным образом на то, как дети учатся использовать понятия «я» и «меня». Швейцарский исследователь детского поведения Жан Пиаже занимался многими аспектами развития детей, но самые известные его работы связаны с **когнитивным развитием**, с вопросами о том, как ребенок учится *думать* о самом себе и о своем окружении.

[8] *Bowlby John.* Maternal Care and Mental Health. Geneva, 1951. P. 62.

Фрейд и психоанализ

Зигмунд Фрейд, венский врач, живший с 1856 по 1939 год, оказал сильнейшее влияние на формирование современной психологии; он был одним из крупнейших мыслителей XX века. Его идеи оказали влияние на искусство, литературу, философию, гуманитарные и социальные науки. Фрейд был не просто академическим исследователем человеческого поведения, он занимался практическим лечением неврозов. **Психоанализ**, изобретенная им терапевтическая методика, заключается в свободном изложении пациентом своей жизни, особенно того, что он может вспомнить о самых ранних событиях. Фрейд пришел к заключению, что в основном нашим поведением управляет **бессознательное**, и что поведение взрослого человека во многом зависит от тех влечений, которые формируются на самых ранних этапах его жизни. Большая часть опыта раннего детства теряется в нашей сознательной памяти, однако этот опыт составляет базис, на котором основывается **самосознание** человека.

Развитие личности

Согласно Фрейду, ребенок — существо с потребностями, обладающее энергией, которую не в состоянии контролировать вследствие своей полной беспомощности. Ребенок должен научиться тому, что его потребности и желания не всегда могут быть немедленно удовлетворены, — а это болезненный процесс. По мнению Фрейда, младенец, помимо потребностей в пищи и питье, имеет еще потребность в эротическом удовлетворении. Здесь Фрейд имел ввиду не те сексуальные влечения, которые испытывают старшие дети или взрослые. Слово «эротический» в данном контексте означает универсальную потребность в близком и приятном телесном контакте с другими. Эта идея недалека от выводов и экспериментов Харлоу. Младенцы в самом деле испытывают потребность в тесном контакте с другими людьми, в том числе в объятиях и ласке.

Как описывал это Фрейд, процесс психологического развития человека сопровождается сильными напряжениями. Ребенок постепенно учится удерживать свои стремления, однако в подсознании они сохраняются как мощные мотивы. В раннем развитии ребенка Фрейд выделяет несколько типичных стадий. Особое внимание он уделяет фазе, наступающей в возрасте четырех–пяти лет, когда большинство детей приобретают способность обходиться без постоянного присутствия своих родителей и выходят в более широкий социальный мир. Фрейд называет этот период *эдиповой* стадией. По его мнению, чувство привязанности, формирующееся у детей по отношению к родителям, имеет безусловный эротический элемент в указанном ранее смысле. Если позволить этим привязанностям развиваться дальше, то ребенок по мере своего физического созревания начинает испытывать сексуальное влечение к родителю противоположного пола. Однако этого не случается, поскольку дети учатся подавлять эротические желания.

Маленькие мальчики скоро узнают, что нельзя продолжать «держаться за мамины юбки». Согласно Фрейду, мальчик испытывает антагонизм по отношению к своему отцу, потому что отец обладает сексуальными правами на мать. Это и составляет основу **эдипова комплекса**. Эдипов комплекс преодолевается, когда ребенок подавляет эротическое влечение к матери и антагонизм к отцу (большая часть этого происходит на бессознательном уровне). Это знаменует первый крупный шаг в развитии автономии личности, ребенок освобождается от своей ранней зависимости от родителей, в частности, от матери.

Представления Фрейда о развитии девочки проработано в меньшей степени. Он считал, что в данном случае имеет место процесс, обратный тому, который наблюдается у мальчиков. Девочка подавляет свои эротические желания по отношению к отцу и бессознательное неприятие матери, стараясь стать такой же, как и мать, — стать «женственной». С точки зрения Фрейда, то, каким образом протекает процесс подавления эдипова комплекса в детском возрасте, очень сильно влияет на позднейшие отношения с людьми, в особенности на сексуальные.

Оценка[*)]

Взгляды Фрейда широко критиковались, и зачастую реакция была чрезвычайно враждебной. Некоторые отвергали идею, что ребенок испытывает эротические желания. Отвергался также и тезис, что происходившие в младенчестве и раннем детстве процессы, которые формировали бессознательные импульсы управления своими желаниями, удерживаются на протяжении всей жизни. Феминистки критикуют теорию Фрейда как чрезмерно ориентированную на мужской опыт без достаточного внимания к женской психологии. И все же идеи Фрейда продолжают оказывать мощное влияние. Даже если мы не разделяем их в целом, мы должны признать, что некоторые из них вполне обоснованы. Почти совершенно определенно существуют бессознательные аспекты человеческого поведения, основанные на таких способах управления желаниями, которые закладываются еще в младенчестве.

Теория Дж. Г. Мида

Идейные предпосылки творчества и интеллектуальная карьера Дж. Г. Мида (1863–1931) были во многих отношениях отличны от фрейдовских. Мид был философом и провел большую часть жизни, преподавая в Чикагском университете. Работ он опубликовал сравнительно немного. Даже книга, благодаря которой он получил известность — «*Мышление, личность и общество*» (1934), была подготовлена к публикации его учениками на основе лекционных конспектов и некоторых других источников. Идеи **символического интеракционизма**, сформулированные Мидом, оказали широкое влияние на социологию. (Для дальнейшего обсуждения символического интеракционизма см. главу 22, «Развитие социологической теории».) В теории Мида дана интерпретация основных стадий развития ребенка, при этом особое внимание уделяется появлению у него чувства собственного «я».

Существует несколько интересных совпадений между взглядами Мида и Фрейда, хотя Мид рассматривает человеческую личность как подверженную меньшему напряжению. Согласно Миду, дети в первую очередь развиваются как социальные существа, имитируя действия окружающих. Одним из приемов имитации является игра. В своих играх дети часто подражают взрослым. Маленький ребенок лепит пирожки из глины, наблюдая, как готовят взрослые, или копает лопаткой землю, подражая садоводу. Детская игра проходит эволюцию от простых имитаций до сложных действий, в которых ребенок четырех–пяти лет действует уже как взрослый. Мид называл это *принятием роли другого* — обучение тому, на что похоже быть другим человеком. Только на этой стадии дети приобретают развитое чувство собственной личности. Они осознают себя как отдельных субъектов, как «Ме», видя себя глазами других.

*) Здесь и далее автор имеет в виду свою позицию.

По Миду, наше самосознание формируется тогда, когда мы учимся отличать «Me» от «I»[9]. «I» — это несоциализированный младенец, комок спонтанных желаний и влечений. «Me», в понимании Мида, это уже **социальная личность**. Индивид, считает Мид, развивает *самосознание* в момент, когда он видит себя так, как его видят другие. И Фрейд, и Мид полагали, что ребенок становится автономным существом, способным действовать вне непосредственного контекста семьи, приблизительно к пятилетнему возрасту. Для Фрейда это исход фазы Эдипа, для Мида — проявление развившейся способности к самосознанию.

Следующая фаза развития ребенка, согласно Миду, начинается примерно с восьми–девяти лет. В этом возрасте дети начинают принимать участие в организованных играх, предпочитая их бессистемным «забавам». Лишь с этого времени они начинают усваивать *ценности и мораль*, в соответствии с которыми протекает социальная жизнь. Чтобы научиться организованным играм, нужно понять правила игры, идеи справедливости и равного участия. На этой стадии ребенок учится постигать то, что Мид называл **обобщенным другим**, — общие ценности и моральные установки, принятые в культуре, в рамках которой ребенок развивается. Мид относит постижение морали к более позднему возрасту, чем Фрейд, но все же в этом пункте между ними еще раз обнаруживается явное сходство.

Взгляды Мида менее противоречивы, чем взгляды Фрейда. В них нет такого множества сильно удивляющих идей, и они не зависят от теории бессознательной основы личности. Мидовская теория развития самосознания оказала большое влияние на понимание процесса социализации. Однако его взгляды не были опубликованы в связном виде и полезны скорее как интересные догадки, чем как общая интерпретация развития ребенка.

Пиаже: когнитивное развитие

Влияние работ Жана Пиаже было лишь немногим слабее, чем влияние работ Фрейда. Родившись в Швейцарии в 1896 году, Пиаже большую часть жизни возглавлял институт развития детей в Женеве. Он опубликовал большое количество книг и научных статей не только по детскому развитию, но и по проблемам образования, истории, философии и логике. Интенсивную научную деятельность он продолжал до самой смерти в 1980 году.

Несмотря на то, что Фрейд придавал огромное значение периоду младенчества и детства, сам он никогда непосредственно не изучал детей. Его теория разработана на основе наблюдений взрослых в ходе психотерапевтического лечения. Мид тоже не изучал детское поведение и развивал свои идеи в контексте философского анализа. В противоположность им Пиаже всю жизнь непосредственно наблюдал поведение младенцев, детей, подростков. Многие его работы построены не на анализе больших выборок, а на детальном наблюдении достаточно ограниченного числа индивидов. Тем не менее, он считал, что его открытия применимы для изучения развития детей во всех культурах.

---

[9] «I» и «Me» — две подсистемы в системе социального Я индивида. «Me» представляет собой свойственную данному индивиду совокупность установок «других», т. е. интернализованную структуру групповой деятельности. «I», напротив, имеет автономный характер, является источником спонтанного, непредсказуемого поведения, отражает специфику реакций индивида на социальные символы. (Цит. по: *Ионин Л. Г.* Современная западная социология. М., 1990. С. 187.)

Стадии когнитивного развития

Пиаже особо подчеркивал способность ребенка активно искать смысл мира. Дети не просто пассивно впитывают информацию, они активно отбирают и интерпретируют то, что видят, слышат, чувствуют в мире вокруг них. В своих наблюдениях за детьми, на основе многочисленных экспериментов, проводимых им в рамках своей теории, Пиаже пришел к выводу, что человек проходит несколько стадий когнитивного развития, т. е. обучения *думать* о себе самом и своем окружении. На каждой стадии приобретаются новые навыки, которые, в свою очередь, зависят от успешного завершения предыдущей стадии.

Первая стадия — **сенсомоторная** — длится от рождения до двух лет. Примерно до четырех месяцев младенец не способен отделять себя от своего окружения. Например, ребенок не понимает, что стенки его кроватки трясутся от того, что он трясет их сам. Младенец не отличает предметов от людей и совершенно не подозревает, что что-либо может существовать вне поля его зрения. Как свидетельствуют работы, рассмотренные нами ранее, дети постепенно учатся отличать людей от предметов, обнаруживая, что и те и другие существуют независимо от непосредственного их восприятия самими детьми. Пиаже называет эту стадию *сенсомоторной*, потому что младенцы учатся в основном посредством прикосновения к предметам, манипуляций с ними и физического освоения своего окружения. Основным достижением этой стадии является понимание ребенком того, что окружающий мир имеет различающиеся и стабильные свойства.

Следующая фаза, названная **дооперациональной** стадией, — одна из тех, которым Пиаже посвятил большинство своих исследований. Эта стадия продолжается с двух- до семилетнего возраста, когда дети овладевают языком и приобретают способность использовать слова для представления объектов и образов в символическом виде. Например, четырехлетний ребенок может, раскинув руки, передать идею «самолета». Пиаже называет эту стадию дооперациональной, потому что дети пока не способны использовать свои развивающиеся умственные способности систематически. На этой стадии дети **эгоцентричны**. То, как Пиаже использует это понятие, обращено не к эгоизму, а скорее к стремлению ребенка интерпретировать мир исключительно в терминах своей собственной позиции. Он не понимает, к примеру, что другие видят предметы в иной перспективе, отличающейся от его собственной. Держа перед собой книгу, ребенок может спросить о картинке в ней, не представляя, что человек, сидящий напротив, может видеть только обратную сторону книги.

На дооперациональной стадии дети не способны поддерживать друг с другом связный разговор. В эгоцентрической речи то, что говорит каждый ребенок, в большей или меньшей степени не зависит от того, что сказал предыдущий. Дети говорят вместе, но не *один другому* в том смысле, как у взрослых. На этой фазе развития дети еще не понимают общих категорий мышления, таких, как случайность, скорость, вес или число. Наблюдая, как переливают жидкость из высокого и узкого сосуда в низкий и широкий, ребенок не понимает, что объем воды остался тот же. Ему кажется, что воды стало меньше, потому что уровень стал ниже.

Третья стадия, период **конкретных операций**, длится от семи до одиннадцати лет. Дети в этой фазе овладевают абстрактными логическими понятиями. Они способны без особых затруднений воспринимать такую идею, как случайность. Ребенок в этом возрасте понимает ошибочность представления о том, что широкий сосуд содержит меньше воды, чем узкий, несмотря на то, что уровни воды различны. Он способен производить математические операции умножения, деления и вычитания. На этой

стадии дети менее эгоцентричны. Если на дооперациональной стадии девочку спросить: «Сколько у тебя сестер?», она сможет правильно ответить «одна». Но если спросить «Сколько сестер у твоей сестры?», она скорее всего ответит «Нисколько», потому что не может воспринимать себя с точки зрения своей сестры. На стадии конкретных операций ребенок способен с легкостью отвечать на такие вопросы правильно.

Период с одиннадцати до пятнадцати лет — это, по определению Пиаже, период **формальных операций**. В подростковом возрасте ребенок приобретает способность понимать чрезвычайно абстрактные и гипотетичные идеи. Столкнувшись с проблемой, дети на этой стадии способны перебрать все возможные пути решения и оценить их теоретически, чтобы получить ответ. На стадии формальных операций подросток способен понимать и задачи «с подвохом». На вопрос «Какое существо собака и пудель одновременно?» он может и не дать правильный ответ («пудель»), но поймет, почему этот ответ правильный, и оценит юмор.

Согласно Пиаже, первые три стадии развития являются универсальными, однако не все взрослые достигают стадии формальных операций. Развитие формально-операционального мышления частично зависит от уровня образования. Взрослые, не имеющие достаточного уровня образования, как правило, продолжают мыслить в более конкретных понятиях и сохраняют значительную долю эгоцентризма.

Оценка

Маргарет Дональдсон подвергла сомнению представления Пиаже о том, что дети по сравнению со взрослыми более эгоцентричны. Она считает, что задачи, предлагавшиеся детям в опытах Пиаже, были поставлены с позиции взрослого человека, в терминах, не понятных для детей. С другой стороны, в некоторых ситуациях эгоцентризм в равной степени характерен для поведения взрослых. В доказательство своей мысли она приводит отрывок из автобиографии Лори Ли — английского поэта, в котором он описывает свой первый день в школе.

> Весь этот день я занимался тем, что делал дырки в бумаге, а затем, едва сдерживая чувства, отправился домой.
>
> — В чем дело, любовь моя? Тебе в школе что-то не понравилось?
>
> — Мне не дали презент.
>
> — Что? Какой презент?
>
> — Они сказали, что дадут мне презент.
>
> — Неужели? Они не могли такого сказать.
>
> — Нет, могли! Они сказали: «Ты Лори Ли, не так ли? Очень хорошо, посиди пока здесь*),» Я сидел там весь день, но так ничего и не получил. Не хочу туда больше.[10]

С позиции взрослых нам кажется, что ребенок в данном случае не понял инструкций учителя, совершил комичную ошибку. Однако, указывает Дональдсон, на более глубоком уровне ситуация приобретает обратный вид — взрослые не поняли ребенка, не распознав двусмысленности в фразе. Здесь в эгоцентризме повинен не ребенок, а взрослый.

*) Игра слов: for the present (англ.) — пока; дословно — "для подарка".

[10] *Donaldson Margaret*. Children's Minds. New York, 1979.

Работы Пиаже подверглись критике и в отношении методов. Как можем мы обобщать результаты, полученные из наблюдений малого количества детей, которые, к тому же, живут в одном городе? Тем не менее, в ходе большого числа позднейших исследований основные идеи Пиаже вполне себя оправдали. По всей вероятности, названные им стадии детского развития на практике выражены не столь отчетливо, но, тем не менее, многие из его идей сейчас общепризнанны.

Связь между теориями

Между позициями Фрейда, Мида и Пиаже имеются существенные различия; тем не менее, возможно предложить картину развития ребенка, составленную с учетом всех этих теорий.

Все три автора признают, что в первые месяцы младенчества малыш не обладает ясным пониманием природы предметов своего окружения и не осознает свою собственную целостность. В двухлетнем возрасте, до овладения развитыми языковыми навыками, обучение ребенка происходит бессознательно, так как самосознание его еще не сформировано. Фрейд, вероятно, был прав, утверждая, что способы управления влечениями, формирующиеся в начальный период и связанные, в частности, с отношением к отцу и матери, сохраняют свое значение и на позднейших этапах развития личности.

Вполне вероятно, что процесс формирования самосознания ребенка начинается с различения «I» и «Me» в соответствии с идеями Мида. Однако, как указывал Пиаже, у детей с уже развившимся чувством собственного «я» все еще сохраняется эгоистический способ мышления. Развитие автономности ребенка связано, по-видимому, с более значительными эмоциональными трудностями, чем предполагали Мид и Пиаже, и здесь уместны идеи Фрейда. Вполне возможно, что способность справиться с ранним влечением будет в дальнейшем влиять на успешность преодоления стадий когнитивного развития, названных Пиаже.

Взятые вместе, эти теории объясняют многое в том процессе, благодаря которому мы становимся социальными существами, обладающими сознанием своего «я» и способностью взаимодействовать с другими. Однако предложенные теории рассматривают социализацию только в период младенчества и детства, и ни один из авторов не учитывает социальный контекст, в котором происходит социализация, — задача, к которой мы сейчас и обратимся.

Агенты социализации

Под **агентами социализации** мы будем понимать группы и социальные контексты, в рамках которых совершаются процессы социализации. Во всех культурах **семья** является для ребенка основным социализирующим агентом. Однако на более поздних стадиях жизни вступает в действие множество других агентов социализации.

Семья

Поскольку виды семейных систем чрезвычайно отличаются друг от друга, то возможные контакты, в которых участвует младенец, не являются стандартными для всех культур. Практически всюду самым важным лицом в начальный период жизни ребенка является мать, но, как указывалось ранее, природа отношений между матерью и ребенком определяется регулярностью и формой контактов между ними.

Это, в свою очередь, обуславливается характером семейных институтов и их связью с иным возможным группированием в обществе.

В современных обществах ранняя социализация происходит в небольшом масштабе семьи. Большинство британских детей провело свое детство в домашней ячейке, включающей мать, отца и, возможно, еще одного или двух детей. И наоборот, во многих других культурах дяди, тети, бабушки и дедушки являются частью одной семьи, живут в одном доме и выступают воспитателями даже для очень маленьких детей. Но и в британском обществе существует множество различий в природе семейного окружения. Некоторые младенцы воспитываются одним родителем, о других заботятся две матери и два отца («разведенные» и «сводные» родители). Значительная часть замужних женщин сейчас занята на оплачиваемой работе вне дома, причем женщины возвращаются на работу относительно скоро после рождения детей. Несмотря на эти вариации, семья, как правило, остается важнейшим агентом социализации ребенка от младенчества до подросткового возраста и далее, в процессе развития связи поколений.

В разных обществах семья занимает различное место по отношению к другим социальным институтам. В большинстве традиционных обществ семья, в которой родился индивид, почти полностью определяет его социальное положение на протяжении остатка жизни. В современных западных обществах социальное положение при рождении не наследуется. Тем не менее, район проживания и принадлежность семьи к определенному классу довольно жестко определяют характер социализации индивида. Дети усваивают модели поведения своих родителей или представителей своего окружения.

В различных секторах большого общества предъявляются разные требования к воспитанию и дисциплине, имеются порой противоположные ценности и ожидания. Влияние различных типов семейной культуры легко обнаружить, если сравнить, как представляет себе жизнь ребенок, выросший в бедной чернокожей семье, живущей в районе городских низов, и другой ребенок, родившийся в пригороде, в процветающей белой семье. Множество проведенных социологических исследований позволяют увидеть эти различия более детально.

Обстоятельства социализации в семье могут быть чрезвычайно неблагоприятными для ребенка. Например, часть детей становится жертвами насилия или сексуальных посягательств со стороны родителей, старших детей или посторонних взрослых, а опыт такого рода оказывает тяжелое воздействие на всю последующую жизнь.

Разумеется, вряд ли найдется много детей, которые бы совершенно некритично воспринимали мировоззрение родителей. Особенно это верно для нашего противоречивого мира, столь глубоко затронутого переменами. Более того, само существование разнообразных агентов социализации ведет ко многим расхождениям в мировоззрении детей, подростков и родительского поколения.

Отношения со сверстниками

Другим важным агентом социализации является **группа сверстников**, дружеская компания детей примерно одного возраста. В некоторых культурах, особенно в небольших традиционных обществах, группы сверстников формализуются по **возрастной градации**. Каждое поколение имеет определенные права и обязанности, они меняются по мере взросления. (Системы возрастной градации, как правило, касаются представителей мужского пола.) Переходы индивидов из одной возрастной

градации в другую отмечаются обычно специфическими церемониями и процедурами. Лица, принадлежавшие к одному возрастному кругу, обычно сохраняют дружеские отношения на протяжении всей жизни. Набор возрастных рангов обычно следующий: дети, младшие воины, старшие воины, младшие старейшины и высшие старейшины. Люди продвигаются по этим рангам не индивидуально, а группами.

Значение семьи для социализации индивида достаточно очевидно, поскольку мироощущение маленького ребенка формируется вначале более или менее исключительно в ее рамках. Значение группы сверстников менее очевидно, особенно для представителей западного общества. Тем не менее, даже при отсутствии формальной возрастной градации дети старше четырех–пяти лет обычно проводят большую часть времени в компании друзей того же возраста. В современной ситуации, когда большое число женщин работает, а их дети в это время находятся в детских центрах, отношения сверстников являются еще более значимыми, чем раньше. Теории Мида и Пиаже одинаково подчеркивают важность отношений сверстников. Пиаже делает особый акцент на том, что отношения между сверстниками более «демократичны», чем между ребенком и родителями. Слово «сверстник» означает «равный», и возникшие между детьми дружеские отношения, действительно, обладают умеренным эгалитаризмом. Энергичный или физически более сильный ребенок может пытаться доминировать, но, поскольку отношения сверстников основываются на взаимном согласии, а не на зависимости, характерной для семьи, ребенок может больше отдавать и больше получать. Пиаже указывает, что, обладая властью, родители могут (в разной степени) навязывать детям нормы поведения. Напротив, в группах сверстников ребенок встречает другие условия взаимодействия, при которых правила поведения можно менять и подвергать проверке.

Отношения со сверстниками часто сохраняют значение на протяжении всей жизни человека. Особенно это характерно для поселений с невысокой мобильностью, где индивиды могут быть членами одной неформальной группы или иметь одну и ту же группу друзей практически всю жизнь. Даже когда это не так, отношения со сверстниками, по-видимому, оказывают значительное влияние и после периодов детства и отрочества. Неформальные группы людей одного возраста на работе, да и в других ситуациях, обычно оказываются очень важными при формировании позиций и привычек индивида.

Школа

Школьное образование — формальный процесс, поскольку определяется фиксированным набором изучаемых предметов. Однако школы действуют как агенты социализации и в несколько ином отношении. Наряду с формальным набором учебных дисциплин существует то, что некоторые социологи называют **скрытой программой**, определяющей специфические условия обучения (см. главу 13, «Образование, коммуникация и средства массовой информации»). От детей ожидается, что они будут тихо заниматься в классе, пунктуально вести себя на уроках и соблюдать правила школьной дисциплины. Они вынуждены принимать требования учителей и реагировать на них. Реакции учителей также воздействуют на то, что ожидают дети от самих себя. Все это впоследствии оказывается связанным с выбором работы после окончания школы. Группы сверстников часто формируются в школе, и система распределения по классам в зависимости от возраста усиливает их влияние.

Считается, что благодаря школам дети смогут преодолеть ограничения социальной среды, из которой они происходят. Поскольку образование не только

открыто для всех, но даже обязательно, дети бедных и непривилегированных слоев в случае успешного обучения имеют шанс подняться по социально-экономической лестнице. Массовое образование в современных обществах неразрывно связано с идеалом равенства возможностей, согласно которому люди достигают положения, соответствующего их талантам и способностям. Однако на практике образование часто не только не способствует преодолению неравенства, но даже усугубляет его. Тому есть несколько причин. Дети из бедных семей не всегда могут рассчитывать на поощрение своих успехов со стороны родителей, особенно если те индифферентны или враждебны к идеалам и целям образования. Школы, расположенные в бедных районах, имеют худшие технические возможности и меньшее количество учителей, чем школы богатых районов. У детей может появиться враждебное отношение к школе потому, что задачи, которые она ставит перед ними, не имеют, с их точки зрения, никакого отношения к их жизни ни в настоящем, ни в будущем.

Средства массовой информации

Эпоха расцвета периодических изданий началась на Западе с конца XVIII века, но в те времена газеты и журналы предназначались относительно узкому кругу читателей. Лишь спустя столетие они стали частью повседневной жизни миллионов людей, определяя их взгляды и мнения. Распространение **средств массовой информации** в виде печатных изданий вскоре было дополнено электронными коммуникациями. Британские дети проводят в течение года за экраном телевизора время, эквивалентное ста школьным дням. Взрослые тратят на это примерно столько же времени. Исследования показывают, что в случае, если освещение событий газетой и телевидением различается, телевизионной версии верят вдвое больше людей, чем газетной.

Громадное количество исследований было посвящено анализу влияния определенных типов телевизионных программ на социальные установки детей и взрослых, однако окончательные ответы не получены. Нет единого мнения, например, по вопросу, в какой степени показ насилия вызывает агрессивное поведение у детей. Но не подлежит сомнению, что средства массовой информации оказывают глубочайшее воздействие на установки и мировоззрение людей. Они передают все то многообразие информации, которое невозможно получить иным способом. Газеты, книги, радио, телевидение, фильмы, музыкальные записи и иллюстрированные журналы позволяют нам приобщиться к опыту, о котором мы иначе не имели бы ни малейшего представления.

В наше время лишь незначительная часть обществ, в том числе среди традиционных культур, осталась вне поля действия средств массовой информации. Средства электронной коммуникации доступны даже совершенно неграмотным; в самых удаленных регионах третьего мира нередко можно найти людей, у которых есть радиоприемники или даже телевизоры.

Другие агенты социализации

Агентов социализации, помимо уже упомянутых, существует так же много, как групп и социальных контекстов, в которых индивиды проводят сколько-нибудь значительную часть своей жизни. *Работа* во всех культурах является важнейшим окружением, в котором происходит процесс социализации, хотя только в индустриальных обществах огромное число людей «ходят на работу» — т. е. каждый день

проводят несколько часов на рабочем месте, отделенном от дома. В традиционных обществах многие обрабатывают землю вблизи того места, где живут, или работают в мастерских на дому. «Работа» в таких обществах не является столь выделенной среди остальных видов деятельности, как это характерно для большей части рабочей силы на Западе. В индустриальных странах начало «хождения на работу» подразумевает гораздо большие изменения в жизни человека, чем начало трудовой деятельности в традиционных обществах. Обстоятельства работы выдвигают непривычные требования, вынуждая человека принципиально менять мировоззрение и поведение.

Хотя местная община, как правило, влияет на социализацию в современных обществах в гораздо меньшей степени, чем при других типах социального устройства, полностью ее влияние исключать нельзя. Даже в крупных городах имеются сильно развитые группы и организации жителей (добровольные общества, клубы, церкви), которые оказывают огромное воздействие на мысли и действия тех, кто принимает участие в их деятельности.

Ресоциализация

В некоторых ситуациях взрослые люди могут переживать **ресоциализацию**, т. е. разрушение ранее принятых ценностей и моделей поведения личности с последующим усвоением ценностей, радикально отличающихся от предыдущих. Одна из таких ситуаций — пребывание в **карцерных организациях**: клиниках для душевнобольных, тюрьмах, казармах, в любых местах, отделенных от внешнего мира, где люди попадают под действие новых суровых порядков и требований. Изменения мировоззрения в ситуациях крайнего напряжения могут быть весьма драматичными. Изучение таких **критических ситуаций** дает нам возможность более глубоко познать процессы социализации, протекающие в обычных условиях.

Поведение в концентрационном лагере

Психологу Бруно Беттельгейму принадлежит знаменитое описание ресоциализации людей, помещенных нацистами в конце 1930-х и в 1940-х годах в концентрационные лагеря Германии. Частично его рассказ основывается на собственном опыте пребывания в лагерях Дахау и Бухенвальд, пользовавшихся самой мрачной славой. Условия лагерной жизни были ужасающими, заключенные подвергались пыткам, постоянным оскорблениям, они столкнулись с острой нехваткой пищи и других элементарных средств для поддержания жизни. Будучи практикующим психотерапевтом, Беттельгейм привык видеть людей, чье мировоззрение и поведение менялось фундаментальным образом по мере того как они приспосабливались к меняющимся условиям. Но изменения в заключенных, вызванные гигантским напряжением лагерной жизни, были гораздо более радикальными и быстрыми. «В лагерях, — писал Беттельгейм, — я... наблюдал быстрые изменения, и не только в поведении, но и в личности; изменения невероятно быстрые и значительно более радикальные, чем те, которые можно было бы вызвать психоаналитическим лечением»[11].

Согласно Беттельгейму, все заключенные подверглись личностным изменениям, которые следовали в определенном порядке. Начальный момент заключения вызывал

[11] *Bettelheim Bruno*. The Informed Heart. Harmondsworth, 1986. P. 14.

шок, поскольку людей безжалостно вырывали из семьи и круга друзей и перед помещением в лагерь нередко подвергали пыткам. Большинство новых узников пыталось противостоять влиянию лагерных условий, стремясь действовать в соответствии с опытом и ценностями предыдущей жизни; но это оказывалось невозможным. Страх, лишения и неопределенность вызывали распад личности узника. Некоторые узники превращались в то, что остальные называли *muselmänner* — «ходячие трупы», людей, лишенных воли, инициативы и какого-либо интереса к своей собственной судьбе. Такие мужчины и женщины вскоре умирали. Поведение других становились похожими на поведение детей, они теряли ощущение времени и способность «думать вперед», и их настроение сильно колебалось из-за тривиальных событий.

Большинство из тех, кто пробыл в лагерях больше года, — «старые узники» — вели себя совершенно иначе. Старые узники пережили процесс ресоциализации, в течение которого они справились со зверствами лагерного существования. Часто они не могли вспомнить имена, места и события их предыдущей жизни. Перестроенная личность старых узников развивалась путем имитации взглядов и манер поведения тех самых людей, которых они нашли такими отвратительными по прибытии в лагерь, — лагерной охраны. Они подражали поведению охраны, иногда использовали обрывки одежды для имитации их униформы.

Беттельгейм пишет:

> Старые узники испытывали огромное удовольствие, если во время ежедневных построений им удавалось хорошо выполнить команду «смирно». Они чувствовали гордость, когда им удавалось быть такими же, или еще более, жестокими, чем СС. В своем отождествлении они заходили так далеко, что даже копировали развлечения СС. Одна из игр охранников состояла в том, чтобы найти, кто дольше всех может выдержать избиение, не жалуясь. Старые узники копировали эту игру, как будто их *били недостаточно часто и без того, чтобы повторять это еще и как игру.*

«Промывание мозгов»

Сходные реакции и изменения личности наблюдаются в других критических ситуациях. Например, у индивидов, подвергаемых усиленному допросу или «промыванию мозгов». На начальных стадиях допроса человек пытается сопротивляться оказываемому давлению. Затем наступает стадия регрессии до детского уровня. Ресоциализация начинается в тот момент, когда индивид начинает моделировать в себе новые черты поведения, моделируемые на основе персоны, олицетворяющей власть — допрашивающего. Уильям Саргант, исследовавший множество типов критических ситуаций, замечает: «Одним из самых ужасных последствий жестоких допросов, по описанию жертв, является то, что они неожиданно начинали чувствовать влечение к следователю, который с ними так грубо обращается...»[12].

По-видимому, в критических ситуациях процесс социализации «обращается вспять». Реакции, являющиеся следствием социализации, устраняются, и индивид впадает в состояние, схожее с переживаниями маленького ребенка, лишенного родительской опеки. Личность индивида эффективно перестраивается. Радикальные изменения в личности и поведении, наблюдаемые в критических ситуациях, представляют собой крайний случай нормального процесса социализации. Ценности и мировоззрение людей никогда не остаются абсолютно «неизменными», они меняются вместе с опытом, приобретаемым на протяжении всего жизненного цикла.

[12] *Sargant William.* Battle for the Mind. London, 1959. P. 192.

В качестве иллюстрации можно привести опыт молодых американцев, посланных воевать во Вьетнам в 1960-х — начале 1970-х годов. В тяжелых условиях войны во враждебных джунглях против непреклонного изобретательного врага многие солдаты подверглись личностным изменениям, напоминающим описанные Беттельгеймом и Саргантом. Они ресоциализировались в суровой и жесткой ситуации, в которой оказались. Вернувшись после войны в Соединенные Штаты, ветераны обнаружили, что им предстоит новый процесс ресоциализации — возвращение в мир без войны, к которому они плохо подходят.

Жизненный путь

На первый взгляд кажется, что те разнообразные изменения, через которые проходят люди в течение своей жизни — переход из детства в юность, затем во взрослое состояние и, наконец, наступление старости и смерть, — фиксированы биологически. Дело, однако, обстоит гораздо сложнее. Стадии жизненного пути человека по своей природе являются социальными в той же мере, что и биологическими. На эти стадии влияют культурные различия, а также материальные условия жизни людей. Так, в современном западном обществе о смерти обычно думают в связи со старостью, потому что большинству людей удается прожить семьдесят лет и больше. Однако в традиционных обществах гораздо больше людей умирало в молодости, чем доживало до преклонных лет.

Детство

В современных обществах *детство* — это четкая и определенная стадия жизни. «Дети» отличаются от «младенцев». Детство расположено между младенчеством и началом юности. Идея детства, как и многие другие стороны современной социальной жизни, появилась лишь два или три века назад. В традиционных обществах молодые люди от продолжительного младенчества сразу переходили к своим рабочим ролям в обществе. Французский историк Филипп Арье утверждал, что «детства» как особой стадии развития в средние века не существовало[13]. На средневековых полотнах дети изображаются как «маленькие взрослые», со взрослыми лицами, одетые так же, как и старшие. Дети принимали участие в той же работе и в тех же развлечениях, что и взрослые, и не имели особых игрушек или игр, которые сегодня мы воспринимаем как данность.

Вплоть до начала двадцатого века в Британии и большинстве других западных стран детей заставляли работать в очень раннем, по современным понятиям, возрасте. Фактически и сегодня существует множество стран, в которых дети заняты полный рабочий день, нередко в тяжелых условиях (например, на угольных шахтах)[14]. Идея, что дети имеют особые права, и формирование представления о том, что детский труд — это нечто аморальное, являются относительно недавним достижением.

Ряд историков, развивая взгляды Арье, предполагали, что в средневековой Европе большинство взрослых было настроено безразлично и даже враждебно по отношению к своим детям. Однако другие опровергали этот взгляд, кроме того, он не подтверждается нашими знаниями о традиционных культурах, существующих

[13] *Aries Philippe*. Centuries of Childhood. Harmondsworth, 1973.

[14] UNICEF. The State of the World's Children. Oxford, 1987.

до сих пор. В традиционных обществах большинство родителей, в особенности матерей, испытывало такую же привязанность к своим детям, как и сегодня. Тем не менее, поскольку сегодня период «детства» более длительный, современные общества в некоторых отношениях являются более «детоцентричными», чем традиционные. И период родительства, и детство более ясно выделены среди остальных стадий, чем это было характерно для традиционных обществ.

Следует подчеркнуть, что детоцентричное общество — не всегда то, где все дети испытывают любовь и заботу со стороны родителей или других взрослых. Физические и сексуальные оскорбления детей являются обычной чертой в жизни современной семьи, хотя полное представление о размерах таких злоупотреблений — достояние лишь недавнего прошлого. Злоупотребления по отношению к детям прямо связаны с типичным для старой Европы дурным (по современным меркам) обращением с детьми.

Возможно, в результате изменений, происходящих в современных обществах, «детство» как особый статус вновь начинает разрушаться. Исследователи указывают, что дети «вырастают так быстро», что специфический характер детства начинает исчезать[15]. Например, даже совсем маленькие дети имеют возможность смотреть те же телевизионные программы, что и взрослые, гораздо раньше узнавая «взрослый мир», чем предыдущие поколения.

Юность

«Подросток» — понятие, характерное для современных обществ. Биологические изменения, связанные с половой зрелостью (моментом, начиная с которого индивид становится способным к взрослой сексуальной активности и воспроизводству), универсальны. Тем не менее, во многих ранних культурах эти изменения не вносили такого беспокойства и нестабильности, которое часто наблюдается у молодых людей современного Запада. В случае, когда, например, система возрастных рангов существует параллельно с особыми обрядами вступления человека во взрослое состояние, процесс психосексуального развития совершается проще. Юношеству в традиционных культурах приходилось «отучиваться» меньше, чем их сверстникам в современных культурах, поскольку изменения происходили медленнее. Наступает момент, когда перед детьми встает необходимость перестать быть детьми, убрать игрушки и порвать с детскими привычками. В традиционных культурах в связи с тем, что дети работают наравне со взрослыми, процесс «отвыкания» от детства обычно менее суров.

Специфика «быть подростком» в западных странах связана и с общим расширением прав детей, и с процессом формального образования. Подростки часто пытаются действовать как взрослые, однако законом они рассматриваются как дети. Они могут пожелать работать, но вынуждены оставаться в школе. Они располагаются «посередине» между детством и зрелостью, и растут в обществе, которое само по себе постоянно меняется.

Молодые взрослые

По-видимому, это состояние все более и более выделяется в особую стадию личностного и сексуального развития граждан современных обществ. Молодые

[15] *Suransky Valerie P.* The Erosion of Childhood. Chicago, 1982; *Winn Marie*. Children Without Childhood. New York, 1983.

люди в возрасте 20 лет, принадлежащие в основном к состоятельным группам, хотя и не только к ним, берут «тайм-ауты», чтобы путешествовать, приобрести сексуальный, политический и религиозный опыт. Значение этого «моратория» ввиду распространения длительного периода обучения будет, по-видимому, возрастать[16].

Зрелость

Большинство молодых взрослых на Западе сегодня могут ожидать, что их жизнь продлится до старости. В прежние времена лишь немногие с уверенностью могли рассчитывать на такое будущее. Смерть от болезней, эпидемий, травм среди взрослых была значительно более частой, чем сегодня, и для женщин риск был намного выше вследствие высокого уровня смертности при родах.

С другой стороны, некоторые из тех нагрузок, которые мы переживаем сегодня, были выражены значительно слабее. Люди обычно поддерживали более тесные отношения с родителями и родственниками, чем сегодня, и их ежедневная работа была схожа с той, которой занимались предки. В наше время при заключении брака, в семейной жизни и в других социальных контекстах, как правило, приходится иметь дело с неопределенностью. Мы можем «делать» собственную жизнь в большей степени, чем люди прошлого. Например, сексуальные и брачные связи сегодня определяются не родителями, а инициативой и выбором индивида. Это предоставляет индивиду больше свободы, но одновременно большая ответственность может вызвать трудности и напряжения.

Умение в среднем возрасте сохранить способность ориентироваться на будущее имеет особое значение в современных обществах. Большинство людей не собираются «делать одно и то же всю жизнь», как это было принято в традиционных культурах. Случается, что, посвятив себя какой-либо карьере, к середине жизни человек обнаруживает, что он не удовлетворен достигнутым, и дальнейшие перспективы утрачены. В момент, когда дети покидают дом, у женщин, отдавших свою молодость семье, возникают сомнения, являются ли они сами социально ценными. Явление «кризиса середины жизни» — это проблема многих людей среднего возраста. Человек может чувствовать, что отказался от возможностей, которые предлагала жизнь, и что теперь он никогда не достигнет целей, о которых мечтал с детства. Тем не менее, нет никаких причин к тому, что этот переход должен вызывать смирение или ввергать в отчаяние: освобождение от детских мечтаний может принести человеку свободу.

Старость

В традиционных обществах старым людям, как правило, оказывалось большое уважение. В культурах с возрастной градацией «старейшины» обычно имели главное, часто решающее, слово в делах, касающихся всей общины. Авторитет мужчин и женщин в семьях обычно увеличивался с возрастом. В индустриальных обществах, наоборот, старикам обычно недостает авторитета как в семье, так и в более широком социальном контексте. Выбывая из состава рабочей силы, они могут стать беднее, чем когда-либо раньше в жизни. В то же время происходит значительное увеличение доли населения старше шестидесяти пяти. В Британии в 1900 году только один из тридцати был старше шестидесяти пяти лет. Сегодня это соотношение составляет один к пяти. Такие изменения имеют место во всех индустриально развитых странах (см. главу 18, «Народонаселение, здоровье и старение»).

---

[16] *Elkind David*. All Grown Up and No Place to Go: Teenagers in Crisis. Reading, 1984.

В традиционных культурах достижение старости знаменовало вершину положения, которого индивид — по крайней мере, мужчина — мог достичь. В индустриальных обществах уход на покой приводит к прямо противоположным последствиям. Старым людям, живущим отдельно от детей и вытесненным с экономической арены, нелегко оплачивать последний этап своей жизни. Принято думать, что успешно переживают старость те, кто обращается к своим собственным ресурсам и оказывается менее заинтересованным во внешних денежных поступлениях, которые может предложить общество. Это, без сомнения, так, но есть основания полагать, что в обществе, где в старости многие граждане сохраняют хорошее физическое здоровье, все большее значение будет приобретать взгляд, устремленный во «внешний мир». Ушедшие на покой могут обрести возрождение в так называемом «третьем возрасте» (следующем за детством и зрелостью), в котором начинается новая фаза образования и обучения.

Смерть и преемственность поколений

В средневековой Европе смерть была гораздо более видимой, чем сейчас. В современном мире значительная часть людей умирает в замкнутой обстановке больниц, лишенная контактов с близкими и друзьями. Сегодня на Западе смерть рассматривается скорее как конец индивидуальной жизни, чем как часть процесса обновления поколений. Ослабление религиозных верований изменило наше отношение к смерти. Как правило, смерть становится для нас предметом, не подлежащим обсуждению. Страх перед смертью воспринимается как данность, и поэтому врачи и родственники часто скрывают от смертельно больного человека, что он скоро умрет.

По мнению Элизабет Кюблер-Росс, адаптация к неизбежности смерти — это сжатый процесс социализации, включающий несколько стадий. Первая стадия — *отрицание*, когда индивид отказывается принимать то, что с ним происходит. Вторая — *гнев*, в особенности у тех, кто умирает относительно молодым и испытывает обиду за преждевременный уход из жизни. За этим следует стадия *торговли*. Индивид заключает сделку с судьбой или с Богом, обязуясь умереть спокойно, если ему, например, удастся увидеть важное событие, такое, как свадьбу или день рождения. Далее индивид может впасть в *депрессию*. Наконец, если эту стадию удается преодолеть, он, возможно, приходит к стадии *приятия*, когда перед лицом надвигающейся смерти устанавливается спокойствие.

Кюблер-Росс отмечает, что, когда она опрашивала аудиторию, выяснялось, что людей больше всего страшит в умирании неизвестность, боль, разъединение с любимыми или оставшиеся незавершенными проекты. По ее мнению, такие представления в действительности лишь вершина айсберга. Большая часть того, что мы связываем со смертью, подсознательна, и если мы хотим умереть в согласии, следует извлечь это на свет. Подсознательно люди не могут представить свою смерть иначе как некое злобное начало, пришедшее наказать их — как они неосознанно думают о серьезной болезни. Если он смогут понять, что эта ассоциация иррациональна — что, например, неизлечимая болезнь не есть наказание за прегрешения — процесс будет менее болезненным[17].

В традиционных культурах, в которых дети, родители и старики часто живут в одном доме, обычно четко осознается связь между смертью и сменой поколений.

[17] *Kübbler-Ross Elisabeth*. Living with Death and Dying. London, 1987.

Индивиды ощущают себя частью семьи и общества, которые продолжаются бесконечно, не зависимо от мимолетного личного существования. В таких условиях на смерть можно было смотреть с меньшей тревогой, чем в динамично изменяющихся социальных условиях индустриального мира.

Социализация и индивидуальная свобода

Поскольку культурные установки, среди которых мы родились и достигли зрелости, так значительно влияют на наше поведение, может сложиться представление, что мы лишены индивидуальности или свободы воли. Получается, что нас вгоняют в шаблоны, приготовленные заранее обществом. Некоторые социологи писали о социализации — и даже о социологии в целом! — как будто так оно и есть, но такой взгляд принципиально неверен. Конечно, тот факт, что от рождения до смерти мы вовлечены во взаимодействие с другими, обусловливает нашу личность, жизненные ценности и поведение. Но социализация также — источник той самой индивидуальности и свободы. В ходе социализации каждый обретает способность к самоотождествлению, к самостоятельному мышлению и действию.

Проиллюстрировать этот тезис можно примером обучения языку. Никто не изобретает язык, обучаясь с детства, и все мы скованы специальными языковыми правилами. В то же время владение языком является одним из основных факторов, делающих возможным наше самосознание и творчество. Без языка люди не были бы существами, осознающими себя, и жили бы только здесь и сейчас. Владение языком необходимо для сохранения символического богатства человеческой жизни, для осознания индивидуальных характеристик и для практического овладения условиями бытия.

Краткое содержание

1. Социализация — это процесс, в ходе которого через контакты с другими людьми беспомощный младенец постепенно превращается в обладающее самосознанием разумное существо, понимающее суть культуры, в которой он родился
2. Зигмунд Фрейд в своих работах выдвигает теорию, что ребенок становится автономным существом в том случае, если ему удается научиться удерживать в равновесии требования окружения и мощные влечения подсознания. Наша способность к самосознанию развивается мучительно, путем подавления бессознательных порывов.
3. Согласно Дж. Г. Миду, ребенок начинает осознавать себя как обособленное существо, наблюдая, как другие ведут себя по отношению к нему. Позднее, участвуя в играх и постигая правила игры, ребенок приходит к пониманию «обобщенного другого» — общих ценностей и культурных норм.
4. Жан Пиаже различает несколько основных стадий в развитии способностей ребенка осмысленно воспринимать мир. Каждая стадия характеризуется приобретением новых познавательных способностей и зависит от успешности предыдущей. Согласно Пиаже, эти стадии когнитивного развития являются универсальными чертами социализации.

5. Агенты социализации — это структурные группы или окружения, в которых протекают важнейшие процессы социализации. Во всех культурах основным агентом социализации ребенка является семья. Кроме того, агентами социализации являются группы сверстников, школа и средства массовой информации.

6. Формальное школьное образование ослабляет влияние, которым обладают семья и группа сверстников в процессе социализации. Давать образование — значит сознательно обучать навыкам и ценностям. Помимо этого, школа воспитывает и менее заметным путем, формируя установки и нормы посредством «скрытой программы».

7. Развитие средств массовой коммуникации увеличило число возможных агентов социализации. Распространение массовых печатных изданий было позднее дополнено средствами электронной коммуникации. Телевидение оказывает особенно сильное влияние, ежедневно вступая в контакт с людьми всех возрастов.

8. В некоторых обстоятельствах индивиды или группы людей подвергаются процессу ресоциализации. Ресоциализация связана с изменением ориентаций личности под воздействием угрожающих или стрессовых ситуаций.

9. Социализация — непрерывный процесс, который продолжается в течение всего жизненного цикла. В каждой фазе существуют переходные периоды, через которые нужно пройти, и кризисы, которые нужно преодолеть. Сюда относится также и смерть как окончание существования личности.

Основные понятия

социализация
самосознание
подсознание

Важнейшие термины

материнская депривация
познавательные способности
психоанализ
эдипов комплекс
символический интеракционизм
«Me»
обобщенный другой
сенсомоторная стадия
дооперациональная стадия
эгоцентризм
конкретно-операциональная стадия
формально-операциональная стадия
агенты социализации
семья
группа сверстников
возрастная градация
скрытая программа
средства массовой информации
ресоциализация
карцерная организация
критические ситуации

Дополнительная литература

Phillipe Ariès. Centuries of Childhood. Harmondsworth, 1973. Классический, хотя и противоречивый, анализ исторических корней детства как особой фазы человеческого развития.

N. Dickson (ed.). Living in the 80s: What Prospects for the Elderly. Mitcham, 1980. Общий обзор проблем пожилых людей в современных обществах.

C. Jenks (ed.). The Sociology of Childhood. London, 1982. Полезный общий обзор детства в социологической перспективе.

Elisabeth Kübler-Ross. Living with Death and Dying. London, 1987. Точное описание отношений к смерти.

Martin Richards and *Paul Light* (eds). Children of Social Worlds. Cambridge, 1987. Сборник статей, посвященных исследованиям социальных условий детского развития.

Elly Singer. Childcare and the Psychology of Development. London, 1992. Анализ детского развития и проблемы облегчения женщинам обязанностей, связанных с круглосуточной заботой о детях.

Frances C. Waksler. Studying the Social Worlds of Children. London, 1991. Сборник материалов по детскому развитию.

Глава 4

Социальное взаимодействие и повседневная жизнь

Два человека идут навстречу друг другу по городской улице. Оба обмениваются короткими взглядами, быстро осматривают лицо и стиль одежды другого. Когда они подходят ближе и минуют друг друга, оба отводят глаза в сторону, избегая встречного взгляда. Это происходит изо дня в день миллионы раз во всех больших и малых городах мира.

Когда проходящие мимо быстро обмениваются взглядами, а затем, подходя ближе, смотрят в сторону, они демонстрируют, по определению Ирвинга Гоффмана, **«гражданское невнимание»** [1], которого мы ожидаем друг от друга во многих ситуациях. Гражданское невнимание отличается от простого игнорирования. Каждый индивид дает понять другому, что заметил его присутствие, но при этом избегает любого жеста, который мог бы быть истолкован как навязчивый. Поведение такого рода скорее неосознанно, но оно имеет фундаментальное значение в нашей обыденной жизни. Люди демонстрируют друг другу таким образом, что у них нет причины быть враждебными и избегать друг друга.

Чтобы понять социальный смысл гражданского невнимания, лучше обратиться к ситуациям, в которых оно не применяется. В некоторых случаях человек позволяет себе смотреть в упор на другого, позволяя себе свободно выражать свои эмоции. Обычно такое поведение характерно для влюбленных, членов семьи или близких друзей, либо когда один человек сердит на другого. Чужие люди или случайные знакомые при встрече на улице, на работе или вечеринке не будут терпеть пристальный взгляд другого человека. Пристальное разглядывание постороннего человека может быть истолковано как демонстрация сильной неприязни. Подобная практика по отношению к совершенно незнакомым людям применяется в случае, когда имеются две враждебных группы. Так, о белых южанах в США говорят, что они провожают черных «ненавидящим взглядом».

Даже близкие люди в интимной беседе должны следить за тем, как они смотрят друг на друга [2]. Каждый участник демонстрирует внимание и увлеченность беседой, время от времени глядя в глаза собеседнику, но отнюдь не *уставившись* на него. Слишком пристальный взгляд может восприниматься как знак недоверия или непонимания того, о чем говорит другой. Если же разговаривающий совсем не смотрит в глаза собеседнику, то его сочтут уклончивым, хитрым или странным.

---

[1] *Goffman Erving*. Interaction Ritual. New York, 1967; *Goffman Erving*. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. London, 1971.

[2] *Goodwin Charles*. Conversational Organisation: Interaction Between Speaker and Hearers. New York, 1981.

Исследование повседневной социальной жизни

Почему нужно заниматься тривиальными аспектами социального поведения? Пройти мимо кого-либо на улице, обменяться несколькими словами с приятелем — выглядит так незначительно и неинтересно, мы делаем это сотни раз на дню, совершенно не думая об этом. На самом же деле изучение обыденных форм социального взаимодействия имеет огромное значение для социологии. Оно является одной из самых захватывающих областей социологических исследований. Изучение обыденного социального взаимодействия необходимо по двум причинам.

1. Рутина ежедневного существования составляет большую часть социальных действий. Наша жизнь строится из однообразных поведенческих ритуалов, повторяющихся изо дня в день, из недели в неделю и даже из года в год. Вспомните, что вы делали вчера и позавчера. Если это были рабочие дни, то приходилось вставать «в то же время, что и обычно». На учебу нужно было идти рано, путь от дома до школы или колледжа практически всегда один и тот же. После занятий вы с друзьями шли на обед, и затем снова возвращались к занятиям. Позже вы шли домой, чтобы вечером уйти уже с другими друзьями. Конечно, рутинные действия, совершаемые изо дня в день, не идентичны, и выходные не похожи на рабочие дни. В жизни человека естественным образом происходят перемены. Например, он оканчивает колледж и начинает работать. В его прежнем ежедневном распорядке происходят значительные перестановки, формируется новый относительно регулярный набор привычек. Таким образом, каждодневные занятия и взаимодействия с другими людьми определяют структуру и форму того, что мы делаем. Изучая их, мы можем узнать многое и о жизни человека как социального существа, и о самой социальной жизни.

2. Анализ социального взаимодействия в повседневной жизни проливает свет на деятельность более крупных социальных систем и институтов. Фактически все крупномасштабные социальные системы рассчитаны на те модели социального взаимодействия, которые воспроизводятся индивидами в ходе повседневной жизни. Это легко показать. Рассмотрим еще раз пример встречи двух прохожих на улице, самый мимолетный тип социального взаимодействия. Сам по себе этот единичный случай весьма далек от крупномасштабных, устойчивых форм социальной организации. Но если мы рассмотрим множество таких случаев, ситуация меняется. На основании широко распространенных особенностей социальных взаимодействий, например, гражданского невнимания и прочих форм, мы общаемся с незнакомыми людьми. В современных обществах большинство людей живет в городах, и постоянно взаимодействует с другими, с теми, кого не знает лично. Гражданское невнимание — один из механизмов, с помощью которых поддерживается городская жизнь, суетятся толпы, и люди вступают в короткие неличные контакты.

Мы вернемся к этому в конце главы, но сначала рассмотрим природу социального взаимодействия в повседневной жизни, проанализируем невербальные сигналы (выражения лица, жесты, позы), которые используются во взаимодействии. Затем перейдем к анализу повседневной речи, использованию языка для передачи смысла. После этого мы сосредоточимся на способах структурирования ежедневного порядка, уделяя при этом особое внимание координации действий через пространство и время.

Невербальная коммуникация

Социальное взаимодействие включает многочисленные формы **невербальной коммуникации** — обмена информацией и намерениями посредством выражения лица, жестов и движений. Невербальную коммуникацию рассматривают иногда как «язык тела», но такое утверждение ошибочно, поскольку обычно мы используем невербальные сигналы для того, чтобы подчеркнуть, усилить или расширить сказанное.

Лицо и эмоции

Одним из главных аспектов невербальной коммуникации является передающее эмоции выражение лица. Пол Экман и его коллеги разработали систему, названную ими Система кодировки выражения лица, для описания движения лицевых мускулов, определяющих выражение лица[3]. Они попытались внести некоторую определенность в сложную область противоречивых интерпретаций того, как идентифицировать и классифицировать эмоции. Чарльз Дарвин, основатель эволюционной теории, считал, что базовые формы выражения эмоций одни и те же для всех человеческих существ. Хотя некоторыми учеными это утверждение оспаривалось, исследования, проведенные Экманом среди людей, живущих в совершенно иной культуре, по-видимому, подтверждают его. Экман и Фрисен изучали изолированную общину в Новой Гвинее, члены которой до этого не имели контактов с представителями западной культуры. Выражения лиц, соответствующие шести основным эмоциям (счастье, огорчение, злоба, отвращение, страх, удивление), обнаруженные в исследованиях народов других культур, оказались теми же и для членов изучаемой общины.

Людям из общины показывали картинки людей с различными выражениями лиц и просили рассказать, что означают эти выражения. Их суждения совпали с результатами, полученными в других исследованиях. Согласно Экману, это доказывает, что передающие эмоции выражения лица, а также их интерпретация, являются для человека врожденными. Однако он признавал, что его доказательства не демонстрируют это безоговорочно, и возможно, что тут замешаны культурные особенности, распространяющиеся среди разных обществ. Тем не менее, другие исследования подтвердили утверждение Экмана. Эйбл-Эйбесфельдт наблюдал шестерых детей, слепых и глухих от рождения, чтобы установить, отличаются ли выражения их лиц в определенных эмоциональных состояниях от выражений лиц здоровых индивидов[4]. Обнаружилось, что дети, занятые чем-то приятным, улыбались, при появлении предмета с незнакомым запахом поднимали в удивлении брови, хмурились, когда им предлагали что-либо неприятное. Они никогда не могли видеть сходные выражения у других людей, следовательно, эти реакции, по-видимому, являются врожденными.

Используя Систему кодировки выражения лица, Экман и Фрисен определили набор дискретных движений мышц лица у новорожденных младенцев, сходных с выражением определенных эмоциональных состояний у взрослых. Например, гримаса младенцев при ощущении кислого вкуса такая же, как гримаса отвращения у взрослых (поджимание губ и нахмуривание). Но, хотя наличие врожденных факторов, определяющих эмоциональное выражение человека, неоспоримо, индивидуальные

---

[3] *Ekman Paul* and *W. V. Friesen*. Constants across culture in the face and emotion // Journal of Personality and Social Psychology, 17. 1971.

[4] *Eibl-Eibesfeldt I.* Similarities and differences between cultures in expressive movements. In: *Robert A. Hinde* (ed.). Non-verbal Communication. Cambridge, 1972.

и культурные факторы все же влияют на форму восприятия различных ситуаций. Манера улыбаться, точное движение губ и лицевых мускулов, мимолетность улыбки широко варьируются в различных культурах.

Не существует жестов или особенностей позы, используемых, или используемых одинаково, во всех или хотя бы в большинстве культур. В некоторых обществах кивают головой, имея в виду «нет», в то время как у нас это означает «да». Жесты, которые мы используем как самые обычные, могут не быть известны некоторым народам. И наоборот, некоторые жесты могут быть неизвестны в англо-американской культуре. Жест «вертеть щеку» (вращение указательным пальцем в центре щеки) означает в некоторых районах Италии похвалу. В других частях Европы он неизвестен.

Жесты, выражение лица, позы используются в качестве «дополнения» к словам, а также для передачи смысла, если ничего в действительности не говорится. Невербальные сигналы, которые мы «испускаем» (передаем ненамеренно), нередко дают возможность увидеть несоответствие того, что говорится и того, что на самом деле имеется в виду. Наиболее очевидный пример — когда человек краснеет, но есть и множество более тонких индикаторов, которые можно подметить со стороны. Обычно настоящее выражение лица сохраняется в течение четырех–пяти секунд, поэтому улыбка или выражение удивления, которые длятся дольше, сигнализируют скорее о неискренности. Как и другие формы общения и деятельности в повседневной жизни, выражение лица, жесты, поза могут использоваться в качестве шутки, для выражения иронии или скептицизма. Долго длящееся выражение удивления иногда используется как пародия, чтобы показать, что человек на самом деле вовсе не удивляется.

«Лицо» и культура

Иногда о «лице» говорят в широком смысле слова, имея в виду *отношение* к индивиду, проявляемое со стороны остальных. В обыденной жизни мы уделяем большое внимание «сохранению лица». Большая часть того, что мы называем «воспитанностью» или «этикетом» в социальном смысле, чаще всего состоит из обезличенных аспектов поведения, пренебрежение которыми может привести к «потере лица». Так, рассказы об эпизодах из прошлого или интимные характеристики индивида могут вызвать замешательство в общественном собрании, подобные моменты не будут комментировать, о них не будут упоминать. Если присутствующие не очень хорошо знакомы, то при человеке в парике шуток о лысых обычно избегают — в отличие от ситуации, когда люди хорошо знакомы друг с другом. Такт является разновидностью защитного механизма, его используют в надежде, что собственные слабости человека не будут безжалостно выставлены на всеобщее обозрение. Следовательно, обыденное поведение не является случайным. Не отдавая себе отчета, люди большую часть времени сохраняют строгий и постоянный контроль за выражением лица, позой и жестами при взаимодействии с другими.

У некоторых людей контроль за выражением лица и тактичность в обращении с другими достигает высокой степени совершенства. Такой профессионализм отличает искусство дипломата, который должен создавать полное впечатление непринужденности и комфорта, взаимодействуя с людьми, чьи взгляды он не разделяет или даже находит отвратительными. Иногда судьбы целых наций зависят от того, насколько ему это удается. Искусная дипломатия может смягчить напряженность между народами и предотвратить войну.

Социальные правила, беседы и разговор

Несмотря на существование множества невербальных сигналов, используемых обычно нами и имеющих смысл для остальных, большей частью наше взаимодействие происходит в форме **разговора** или **беседы**. Социологи всегда считали, что язык имеет фундаментальное значение для социальной жизни. Однако подход, концентрирующийся именно на *использовании* языка в обыденных ситуациях повседневной жизни, разработан совсем недавно. В языковом общении чаще всего встречается разговор — нерегулярный вербальный обмен, происходящий в неформальных беседах с остальными. Значительный толчок к исследованиям разговора дала работа Гоффмана, прямо посвященная этой теме. Но наиболее известны в этой области исследования Гарольда Гарфинкеля, основателя **этнометодологии**[5].

Этнометодология — изучение «этнометодов» (народных или обыденных методов), которыми люди пользуются для того, чтобы осмыслить действия и речь других. Каждый человек пользуется своими методами *осмысления* процесса взаимодействия с другими, причем применяет их неосознанно. Мы можем понять смысл разговора правильно в том случае, если известен контекст ситуации, который не проявляется в самих словах. Возьмем следующий разговор[6].

А: У меня сын четырнадцати лет.

Б: Хорошо.

А: А еще у меня есть собака.

Б: Ох, мне очень жаль.

Как вы думаете, что происходит? Какие отношения между участниками разговора? Мы можем очень легко понять, что и почему они говорили, если догадаемся, или нам скажут, что это разговор между возможным квартиросъемщиком и хозяином квартиры. Разговор тогда становится осмысленным и «очевидным». Тем не менее, без знания социального контекста ответы индивида Б кажутся не имеющими отношения к высказываниям А. *Часть* смысла находится в словах, а *часть* в социальном контексте, связанном с разговором. В контексте разговор становится совершенно осмысленным и кажется очевидным.

Взаимное понимание

Большинство малозначительных форм ежедневного разговора предполагает сложное коллективное знание, «вводимое в игру» участвующими сторонами. Внешне это воспринимается как само собой разумеющееся, но в то же время даже самый незначительный разговор настолько сложен, что до сих пор не смогли создать компьютер, который мог бы беседовать с людьми так, как мы общаемся между собой. Слова, используемые в обычной беседе, не имеют точного значения, и мы «фиксируем», что хотим сказать, или то, как мы поняли сказанное, используя не высказываемые вслух допущения, образующие фон беседы. Если один человек спрашивает другого: «Чем ты занимался вчера?» — то его вопрос, очевидно, не подразумевает ответа типа: «В семь шестнадцать я проснулся, в семь восемнадцать встал с постели, пошел в ванную и стал чистить зубы. В семь девятнадцать я включил

[5] *Garfinkel Harold*. Studies in Ethnomethodology. Oxford, 1984.

[6] *Heritage John*. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge, 1984.

душ...» Тип нашего ответа зависит от того, кто нас спрашивает, какого рода деятельностью мы обычно занимаемся вместе, что этот человек делает каждый день в течение недели и от множества других вещей.

Опыты Гарфинкеля

Фоновые ожидания, посредством которых организуются обыденные разговоры, были основной темой в экспериментах Гарфинкеля, проведенных со студентами-добровольцами. Студенту необходимо было вовлечь в беседу знакомого ему человека, и прояснять смысл любой ремарки и реплики. Случайные замечания, общие комментарии не оставлялись без внимания, активно извлекался их точный смысл. Если кто-то говорил: «Добрый день», — они отвечали: «Добрый — в каком смысле именно?», «Какое время дня вы имеете в виду?» и так далее. Вот каким получился один диалог.

(А *приветливо поднимает руку*)

А: Ну, как ты?

Б: Как я, в каком смысле? Здоровье, финансы, учеба, душевное спокойствие, мое...

А: (покрасневший и внезапно теряющий самообладание) Вот что! Я только старался быть вежливым. Мне, честно говоря, наплевать, как ты там себя чувствуешь.

Почему при нарушении столь незначительных условностей разговора люди так выходят из себя? Дело в том, что стабильность и осмысленность нашей обыденной социальной жизни основывается на взаимном понимании не высказываемых вслух общекультурных допущений по поводу того, что говорить и как. Если бы способность воспринимать эти допущения как данность отсутствовала, то осмысленное общение было бы невозможным. В этом случае каждая реплика должна была бы сопровождаться громоздкой процедурой, как показали помощники Гарфинкеля; любое общение в таком случае разрушилось бы. Следовательно, то, что выглядит на первый взгляд незначительным разговором, оказывается фундаментальным каркасом социальной жизни. Именно поэтому нарушения подобных условностей воспринимаются так серьезно.

Следует заметить, что в повседневной жизни люди, случается, нарочно прикидываются игнорирующими подразумеваемые допущения, используемые для интерпретации высказываний, замечаний и вопросов. Это может делаться с целью дать отпор другим, подшутить над ними, вызвать смущение или привлечь внимание к двойному смыслу сказанного. Рассмотрим, например, классический обмен репликами между родителем и подростком:

Р: Ты куда-то идешь?

П: Из дому.

Р: Что ты собираешься делать?

П: Ничего.

Ответы подростка прямо противоположны ответам добровольцев в экспериментах Гарфинкеля. В отличие от ненормально настойчивых уточнений, подросток вообще отказывается отвечать по существу — фактически говорит «Занимайся своим

делом!» Другим человеком и в других обстоятельствах мог быть получен совершенно иной ответ на вопрос:

А: Ты куда-то идешь?

Б: Я просто собираюсь повернуть за угол.

Б намеренно «не понял» вопроса А, чтобы иронически выразить беспокойство или расстройство. Комедия, шутки и остроумные реплики часто исходят из подобного намеренного непонимания невысказываемых допущений, используемых в разговоре. В этом нет ничего угрожающего, поскольку цель подобных действий — вызвать улыбку.

Формы разговора

Слушать магнитофонную запись собственной речи или читать конспект своей беседы — достаточно отрезвляющее занятие. Оказывается, наши разговоры значительно более безграмотны и бессвязны, чем можно было бы предположить. Участвуя в повседневных разговорах, мы полагаем, будто говорим отточенным слогом, поскольку несознательно «дополняем» подразумеваемым основанием реальный обмен словами, но на самом деле наши беседы сильно отличаются от диалогов в романах, персонажи которых употребляют правильно построенные и безупречные сентенциями.

Рассмотрим следующую последовательность, которая полностью характеризует большинство реальных бесед (см. схему).

Никакая часть разговора не является законченным высказыванием. Обе перебивают друг друга, говорят одновременно, оставляют слова «висеть в воздухе».

Как и в случае работ Гоффмана, посвященных гражданскому невниманию, можно предположить, что анализ повседневных разговоров малозначим для социологии в целом; и в действительности многие социологи именно за это критиковали этнометодологические исследования. Тем не менее, некоторые из аргументов, используемых для демонстрации важности работ Гоффмана, применимы также и к этнометодологии. Изучение повседневной речи показывает, сколь сложны и мастерски отточены языковые навыки, используемые самыми обычными людьми. Громадные трудности, возникающие при программировании компьютеров, чтобы они делали то же, что без каких-либо усилий способен сделать говорящий человек, дают представление об этом уровне сложности. Кроме того, разговор — это неотъемлемая часть любой области социальной жизни. Уотергейтские записи президента Никсона и его советников были не более чем записью разговоров, но они были также частью проявлений политической власти на высочайшем уровне[7].

Ошибки и оговорки

Реакции-восклицания

Некоторые реплики не являются речью, а состоят из невнятных восклицаний, названных Гоффманом **реакциями-восклицаниями**[8]. Допустим, кто-то, разбив или

[7] *Molotch Harvey* and *Deirdre Boden*. Talking social structure: discourse, dominance and the Watergate hearings // American Sociological Review, 50. 1985.

[8] *Goffman Erving*. Forms of Talk. Philadelphia, 1981.

Е: О, *до*рогая, это был замечательный *о*бед, на который ты
меня пригласила. Мне [*так*] понравилось. Это было восхитительно. [:Я]
М: [Ох:::] [Ну]

М: Я рада, [что ты] пришла
Е: [и твои] *д*рузья такие :милые=

М: =*О*, [:оч'милые]
Е: [особенно] Пэт, [правда?]
М: да, разве [она не] замечательная,

(.)

Е: *О*:, она замечательная девушка.=

М: =Да, *я* думаю, она замечательная девушка.

Ключи:
[] Оба говорят одновременно
Курсив представляет выделения высказывания, слова или фразы, такие как изменение силы энергии или громкости голоса.
= Означает, что разговор идет без перерыва, даже когда вместо одного собеседника начинает говорить другой
: Означает очень слабую паузу, с изменением напряженности голоса или интонации, внутри слова
() Означает несколько большую паузу, чем обычно между высказываниями.

уронив что-либо, вскрикивает «Ой!» На первый взгляд кажется, что это обычная рефлекторная реакция на происшествие, примерно как невольное моргание при резком взмахе руки. Однако на самом деле это не самопроизвольная реакция, она нуждается в детальном анализе, поскольку отражает общие характеристики действий человека. Обычно «Ой!» говорится для *других* — когда человек один, он, как правило, не восклицает. Восклицание — демонстрация для свидетелей, показывающая, что ляпсус случайный и вовсе не выражает неспособность индивида управлять своими действиями.

«Ой!» произносится при незначительных неудачах, но не в случае больших катастроф и несчастий, — это также демонстрирует, что восклицание есть часть нашего управления деталями социальной жизни. Восклицание может возникнуть и у того, кто наблюдает, в этом случае его реплика становится предупреждением другому человеку, что оплошность не воспринимается как свидетельство некомпетентности. Звук восклицания обычно короткий, однако в некоторых ситуациях может растягиваться. Так может происходить в критические моменты каких-либо действий. Подбрасывая ребенка в воздух, отец говорит: «Оп-па». Восклицание занимает то время, когда ребенок может почувствовать потерю опоры, ободряет его, и, возможно, отвлекает ребенка на то, чтобы понять восклицание.

Все это может показаться чрезвычайно заумным и преувеличенным. Какая нужда столь детально анализировать незначительные восклицания? Разве мы тратим так много внимания на все нюансы того, как говорим, как действуем? На сознательном

уровне, конечно же, нет. Однако ключевой момент заключается в том, что мы *принимаем как данность*, в самих себе и других, чрезвычайно сложный, непрерывный контроль над своими действиями. В ситуациях взаимодействия от нас не ждут, что мы просто «присутствуем». Остальные ожидают, и мы ожидаем от них, по выражению Гоффмана, «контролируемой настороженности». Фундаментальная часть того, чтобы «быть человеком», состоит в этой постоянной демонстрации другим своей компетентности и состоятельности по отношению к рутине обыденной жизни.

Обмолвки

«Ой» говорится по поводу незначительных неудач наших действиях. Мы также делаем ошибки в речи и произношении в беседах, лекциях, публичных речах и других ситуациях. В исследованиях «психопатологии обыденной жизни» З. Фрейд проанализировал многочисленные примеры различного рода словесных ляпсусов[9]. Согласно Фрейду, все речевые ошибки, неправильное произношение или расположение слов не являются случайными. Все они — симптомы внутренних конфликтов, связанных с тем, что наше подсознание влияет на наши сознательные слова и поступки. Обмолвки вызваны — бессознательно — чувствами, которые мы испытываем, но не допускаем до уровня сознания, или которые мы старались сознательно, но безуспешно подавить. Нередко, но отнюдь не всегда, при обмолвках задействованы сексуальные ассоциации. Так, пытаясь сказать «организм», некоторые могут сказать «оргазм». Или, в примере, приводимом Фрейдом, кто-то спрашивает: «В каком полку ваш сын?» Женщина отвечает: «В 42-м полку Убийц» (по-немецки *mörder*, вместо *mörser* (минометный), как она хотела сказать).

Как и прочие виды неправильно понимаемых действий и слов, обмолвки часто бывают смешными и могут быть приняты за шутку. Разница заключается в том, сознательно или бессознательно ошибся говорящий. Иногда обмолвки причисляют к «неуместной речи», которая, по предположению Фрейда, также подсознательно мотивирована, — когда человек не замечает отчетливого двойного смысла в том, что говорит. Это также может делаться умышленно, с целью пошутить, но может быть и промахами в контроле речи.

Замечательной иллюстрацией являются ляпсусы в речи дикторов радио и телевидения. Речь диктора, как правило, пишется заранее, она «совершеннее», чем обычная разговорная речь, в ней меньше заминок и более ясная артикуляция. Именно поэтому «промахи» дикторов более заметны и очевидны. Многие их оговорки имеют природу, на которую обратил внимание Фрейд. Ниже приведены примеры оговорок такого типа[10].

> В заключение телепередачи «Церковь в эфире» позвольте напомнить нашим слушателям, что время калечит все раны.
>
> В эфире радиостанция Канадской Широковещательной Кастрации.
>
> Взбейте яичный желток, добавьте молока, постепенно смешивайте с сахарной пудрой. Пока вы это делаете, следите за тем, как смесь гнуснеет.

Другие примеры попадают в категорию «неуместной речи», с явным двойным смыслом:

---

[9] *Freud Sigmund*. The Psychopathology of Everyday Life. Harmondsworth, 1975.

[10] *Goffman Erving*. Forms of Talk. Philadelphia, 1981.

Как только приехавшие дамы снимут свои одежды, о них незамедлительно позаботятся.

Испытайте удобство наших кроватей. Я лично стою за каждой кроватью, которую мы продаем.

Пропавшие вещи и машина были внесены в список украденного Департаментом полиции Лос-Анжелеса.

Мы смеемся над ошибками дикторов или преподавателей чаще, чем над ошибками обычного разговора, поскольку принято считать, что ведущие передач и преподаватели должны безукоризненно владеть речью. Смешными кажутся не только разговор и оговорки, но также и замешательство, которое может нарушить совершенный образ диктора. Изредка нам удается заглянуть под маску холодного профессионализма и увидеть там «обычного человека».

Лицо, поза и речь в процессе взаимодействия

Подведем итог тому, о чем говорили выше. Повседневное взаимодействие зависит от тончайших взаимосвязей между выражением лица, жестами и словами. Мы используем выражения лиц и жесты других людей, чтобы расширить их словесные сообщения, а также чтобы проверить, насколько они искренни. В повседневном общении с другими каждый из нас постоянно, но неосознанно контролирует выражение своего лица и движения тела.

Однако иногда случаются оговорки, в которых неожиданно проявляется то, что — осознанно или неосознанно — мы хотели бы скрыть. В обмолвках проявляется «слишком много правды», например, «смесь гнуснеет» в примере с рецептом торта, который, вероятно, представлялся диктору очень неаппетитным. Оговорки часто ненамеренно выражают наши истинные чувства.

Таким образом, лицо, жестикуляция и речь используются, чтобы передать определенное значение и скрыть остальные. Мы организуем нашу деятельность в *контексте* социальной жизни, чтобы достичь того же самого — как мы сейчас увидим.

Столкновения

Во многих социальных ситуациях мы вовлекаемся в, по определению Гоффмана, **нефокусированное взаимодействие** с другими людьми. Такое взаимодействие имеет место всякий раз, когда люди дают понять, что они замечают друг друга. Обычно это происходит в ситуациях скопления людей, на оживленной улице, в толпе возле театра, на вечеринке. Присутствующие, даже не разговаривая, постоянно вовлечены в невербальную коммуникацию. Своим внешним видом, движениями, взглядами, выражением лица и жестами они передают определенные впечатления другим.

Фокусированное взаимодействие возникает в момент, когда индивиды обращают внимание непосредственно на то, что каждый из них говорит и делает. Всякое общение нескольких человек включает как фокусированное, так и нефокусированное взаимодействие. Единичное фокусированное взаимодействие Гоффман называл **столкновением**, и большая часть нашей повседневной жизни состоит из непрерывных столкновений с другими людьми — семьей, друзьями и сослуживцами, — происходящих часто на фоне нефокусированного взаимодействия. Болтовня, формальные

обсуждения, игры и рутинные личные контакты (с билетерами, официантами, служащими в магазинах и т. д.) — все это примеры столкновений.

Столкновения всегда нужно «открывать». Во время таких «открытий» стороны демонстрируют друг другу отказ от гражданского невнимания. Однако там, где встречаются чужие люди и между ними начинается разговор (например, на вечеринке), момент отказа от гражданского невнимания всегда предполагает определенный риск, поскольку природа предстоящего столкновения может быть понята неверно[11]. Следовательно, прежде всего происходит неопределенный пробный визуальный контакт. Если это вступление не было воспринято, человек может продолжать действовать так, как будто никакого прямого шага не предполагалось. Коммуникация в процессе фокусированного взаимодействия осуществляется посредством мимики, жестов и обмена словами. В этом смысле Гоффман различает два типа выражений: те, которые индивиды «дают», и те, которые они «испускают». Первый тип — слова и выражения лица, с помощью которых люди стараются произвести определенное впечатление на других. Второй связан с другими сигналами, которые могут быть использованы для определения искренности и правдивости человека. Владелец ресторана слушает с вежливой улыбкой заверения посетителей в том, что они довольны едой. В то же время он может определить, насколько посетители довольны в действительности, по количеству оставленной на тарелках еды и по тону, которым они выражали свое удовлетворение.

Ситуации и обстоятельства

Повседневная жизнь представляет из себя серию столкновений с другими людьми в различных ситуациях и обстоятельствах. Большинство из нас в течение дня встречаются и разговаривают со множеством людей. Женщина просыпается утром, завтракает со своей семьей, провожает детей в школу, останавливается на короткое время у школьных ворот для обмена любезностями со знакомыми, едет на работу, слушая по пути радио. В течение рабочего дня она вступает с коллегами и посетителями во множество столкновений, варьирующихся от мимолетных обменов репликами до официальных встреч. Каждое из этих столкновений, вероятно, разделено «маркерами», или, по выражению Гоффмана, *скобками*, отделяющими каждый эпизод фокусированного взаимодействия от другого и от нефокусированного взаимодействия, происходящего на заднем плане.

В компании или на вечеринке люди, занятые беседой, размещаются и разговаривают так, чтобы можно было обособиться от остальных, находящихся совсем рядом. Например, они могут стоять лицом друг к другу, тем самым делая вмешательство проблематичным для посторонних, до тех пор, пока не решат прервать или «смягчить углы» своего фокусированного взаимодействия, заняв другую позицию в комнате. В формальных случаях «скобками», отмечающими начало и окончание столкновения либо фазы взаимодействия, нередко являются особые сигналы. В начале спектакля, например, звенит звонок, гаснет свет, поднимается занавес. В конце действия свет в зале снова загорается, и занавес опускается.

Границы столкновений особенно важны в случае, когда столкновение сильно отличается от обычных повседневных процедур, либо существует какая-то неясность относительно того, что происходит. Когда женщина позирует обнаженной в художественном классе, она обычно раздевается и одевается не на глазах у студентов.

[11] *Goffman Erving*. Forms of Talk. Philadelphia, 1981. P. 214–221.

Раздевание и одевание в особой комнате, в отсутствие других людей, позволяет внезапно представить тело и также внезапно его скрыть. Таким образом обозначаются границы эпизода и одновременно сообщается, что данный эпизод лишен сексуальной значимости, которая в ином случае могла бы подразумеваться.

В очень ограниченных пространствах, таких, как лифт, трудно или невозможно ограничить фокусированное взаимодействие. Те, кто присутствует при разговоре, не могут продемонстрировать, что «не слушают», как, несомненно, сделали бы в другой ситуации. Так же трудно в этой ситуации «не смотреть» друг на друга более пристально, чем это допускают нормы гражданского невнимания. Поэтому в лифте люди часто принимают преувеличенно «не слушающие» и «не смотрящие» позы, глядя в пространство, на кнопки, — куда угодно, только не на своих спутников. Разговор в лифте, как правило, прерывается или сводится к коротким репликам. Точно так же, если несколько человек разговаривают, и вдруг один из них прерывает беседу и отвечает на телефонный звонок, то другие не могут сразу же продемонстрировать свое невнимание к этому, и продолжающийся между ними разговор становится на некоторое время прерывистым и неуверенным[12].

Управление впечатлением

Анализируя социальное взаимодействие, Гоффман и другие авторы нередко пользуются понятиями из области театрального искусства. Сама концепция **социальной роли**, применяемая в социологии, первоначально заимствована из театра. Роли — это социальные ожидания, которым следует носитель данного *статуса* или **социальной позиции**. Быть учителем, например, значит занимать специфическую позицию. В **драматургической модели**, используемой Гоффманом, социальная жизнь рассматривается как пьеса, исполняемая актерами на сцене или на многих сценах, поскольку то, как мы действуем, определяется ролью, исполняемой в настоящее время. Люди чрезвычайно восприимчивы к тому, как их видят другие, многочисленными способами стараются *управлять впечатлением*, которое хотят произвести на других, и добиться желаемых реакций. Хотя иногда это делается сознательно, но обычно мы управляем впечатлением, которое стараемся произвести на других, неосознанно. Практически любой оденется и будет вести себя на деловой встрече иначе, чем на футбольном матче, на который он пришел отдохнуть с друзьями.

Передний и задний планы

По предположению Гоффмана, большая часть жизни делится на **передний план** и **задний план**. Передний план — это социальные ситуации или столкновения, в которых выполняются формальные или стилизованные роли, люди как бы участвуют в сценических представлениях. Задний план имеет место там, где занимаются реквизитом и готовятся к взаимодействию в последующих более формальных обстоятельствах. Это напоминает костюмерную театра или действия «за кадром» в кино. Находясь в безопасности «за сценой», люди могут расслабиться, дать свободу тем чувствам и стилю поведения, которые держат под контролем, находясь «на сцене». Так, официантка — сама учтивость при обслуживании посетителей в обеденном зале ресторана, — становится шумной и агрессивной, оказавшись за кухонной дверью. Вряд ли нашлись бы рестораны, в которых посетители стали бы есть, видя все, что происходит на кухне.

[12] *Goffman Erving*. Behaviour in Public Places. New York, 1963. P. 156.

Задний план допускает «профанацию, откровенно сексуальные ремарки, возможность кого-то тискать,... неряшливую одежду, небрежные позы, использование жаргона или нелитературной речи, бормотание и крики, шутливую агрессивность и ребячество, возможность, не обращая внимания на других, заниматься чем-либо незначительным, разными мелочами: напевать, свистеть, жевать, грызть, рыгать...»[13].

Часто представления переднего плана разыгрываются в команде. Так, два известных политика, присутствующих на одном приеме перед телекамерами, могут провести искусную демонстрацию единства и дружбы, даже если каждый из них всем сердцем ненавидит другого. Жена и муж могут позаботиться о том, чтобы скрыть от детей свои раздоры, сохраняя впечатление гармонии для того, чтобы схватиться еще сильнее, как только дети будут благополучно уложены в постель.

Адаптация к ролям: испытания интимного характера

Джеймс Хенслин и Мэй Бриггс провели исследование чрезвычайно специфического и очень деликатного типа столкновений — что происходит, когда женщина приходит к врачу для гинекологического обследования[14]. Большая часть таких обследований проводится докторами-мужчинами. Процедура чревата двусмысленностью для обеих сторон. Мужчины и женщины в западной культуре вырастают с мыслью о том, что гениталии — наиболее интимная часть тела; осмотр и прикосновение к гениталиям, как правило, связываются с сексуальными отношениями. Многие женщины испытывают такое сильное беспокойство перед необходимостью гинекологического обследования, что отказываются посетить доктора, даже если они знают, что для этого имеются веские медицинские причины.

Хенслин и Бриггс анализировали материал, собранный Бриггс, опытной медсестрой, по результатам большого количества гинекологических обследований. Исследователи обнаружили, что наблюдаемое поведение можно разделить на несколько типичных стадий. Продолжая драматургическую метафору, они предположили, что каждую фазу можно рассматривать как отдельную «сцену», и используемая роль меняется со сменой эпизода. Пролог начинается в тот момент, когда женщина входит в приемную, готовится принять роль пациента и временно отказывается от своего обычного образа. Когда ее зовут в кабинет, она становится «пациентом»; начинается первая сцена. Доктор работает в деловой, профессиональной манере, обращается с пациенткой как компетентным человеком, глядит ей в глаза и вежливо выслушивает. Если требуется обследование, то он сообщает об этом пациентке и покидает комнату. «Сцена номер один» заканчивается.

Появляется медсестра, важное «действующее лицо» в следующей основной сцене. Она успокаивает пациентку, снимает опасения, действует как человек посвященный и компетентный, а также как участник последующих действий. Проще говоря, сестра помогает пациентке превратиться из «личности» в безличное существо, что будет необходимо для основной сцены. Сестра не только наблюдает, но принимает участие в раздевании, укладывает одежду пациентки. Большинство женщин не хотят, чтобы доктор видел их нижнее белье, и сестра им в этом помогает. Она сопровождает пациентку к смотровому креслу, накрывает большую часть ее тела ее простыней, и лишь после этого в комнату возвращается доктор.

---

[13] *Goffman Erving*. The Presentation of Self in Everyday Life. Harmondsworth, 1969. P. 128.

[14] *Henslin James M.* and *Briggs Mae A.* Dramaturgical desexualization: the sociology of the vaginal examination. In: *Henslin* (ed.). Studies in the Sociology of Sex. New York, 1971.

И вот открывается центральная сцена, присутствуют сестра и доктор. Присутствие сестры создает уверенность, что взаимодействие между доктором и пациенткой свободно от сексуальных мотивов, сестра олицетворяет свидетеля на случай привлечения доктора к суду за непрофессиональное поведение. Обследование идет таким образом, будто пациентка отсутствует как личность, простыня отделяет область гениталий и не позволяет ей видеть саму процедуру обследования. За исключением некоторых чисто медицинских вопросов, доктор игнорирует ее; он располагается на низкой табуретке, не видя ее лица. Пациентка способствует своему временному превращению в «неличность», не начиная разговора и сводя движения к минимуму.

В «интервале» между этой сценой и финальной сестра опять выполняет роль рабочего сцены, помогая женщине снова стать «полноценной личностью». В этот момент сестра и пациентка вновь вступают в разговор, в котором пациентка выражает облегчение, что обследование закончено. Приведя себя в порядок, пациентка готова к заключительной сцене. Доктор возвращается, сообщая результаты обследования, он снова обращается к ней просто как к человеку. Продолжая вести себя в вежливой профессиональной манере, он внушает, что его отношение к ней нисколько не изменилось вследствие интимного контакта с ее телом. «Эпилог» наступает, когда пациентка покидает приемную, возвращая себе свой статус во внешнем мире.

Столкновения и личностное пространство

В западной культуре в большинстве случаев люди, участвующие в фокусированном взаимодействии, сохраняют дистанцию по крайней мере в три фута (90 см). Стоя бок-о-бок, даже не участвуя в одном столкновении, люди могут находиться и ближе друг к другу. Существуют культурные различия в определении **личностного пространства**. На Ближнем Востоке люди располагаются гораздо ближе друг к другу, чем принято на Западе. Находясь на Востоке, люди Запада испытывают смущение от такой неожиданной близости.

Эдвард Т. Холл, широко исследовавший невербальную коммуникацию, различает четыре пространственные зоны, возникающие при личном общении. *Интимная дистанция* (менее полутора футов (45 см)) предназначается для небольшого числа социальных контактов, в которых допускается регулярное прикосновение. В этой зоне личностного пространства оперируют родители и дети, а также любовники. *Личностная дистанция* (от полутора до четырех футов (45–120 см) — обычное расстояние при столкновениях между друзьями и достаточно близкими знакомыми. Здесь также допускается некоторая интимность, но, как правило, она ограничена. *Социальная дистанция*, от четырех до двенадцати футов (120–360 см), обычно сохраняется при формальном взаимодействии, например, интервью. Четвертая зона — *публичная дистанция* — свыше 12 футов (360 см), ее занимают, выступая перед аудиторией.

В обыденном взаимодействии нарушаются чаще всего интимная и личностная дистанции. Если на это пространство «посягают», люди стараются отвоевать его. Можно предложить «убраться» пристальным взглядом, в крайнем случае толкнуть захватчика локтем. Если расстояние слишком близкое, то человек, как правило, пытается установить что-то вроде физической границы. Например, читатель, окруженный людьми у библиотечной стойки, отделяет свое личное пространство стопкой книг[15].

[15] *Hall Edward T.* The Silent Language. New York, 1959.

Взаимодействие во времени и пространстве

Изучение того, как наша деятельность распределена в пространстве — а также во времени — имеет фундаментальное значение для анализа столкновений, а также для понимания основных аспектов социальной жизни в целом. Конечно, все взаимодействия *расположены* — происходят в определенном месте и в течение определенного промежутка времени. Наши действия в течение дня, как правило, «*зонированы*» во времени и пространстве. Так, например, те, кто ходит на работу, проводят одну из «зон» — скажем, от 9 до 17 часов — своего ежедневного времени работая. Недельное время тоже зонировано: в будние дни они на работе, в выходные — дома. Время, проведенное на работе, предполагает и пространственное перемещение, поездку из одного городского района в другой, из пригорода в центр. Поэтому, анализируя контексты социального взаимодействия, имеет смысл рассматривать перемещения людей в *пространстве-времени*. Точно так же, как мы перемещаемся по временным зонам в течение дня, мы перемещаемся и в пространстве.

Социальные географы предложили полезное и увлекательное понятие **пространственно-временной конвергенции** для анализа, как социальное развитие и технологические изменения влияют на формы социальной активности. В контексте пространственно-временной конвергенции с усовершенствованием транспортных систем расстояния «сокращаются». Так, время путешествия от восточного до западного побережья Соединенных Штатов можно оценить в зависимости от изменения в скорости транспортировки, которое стало возможным с прогрессом на транспорте. Пешком это путешествие занимает более двух лет; верхом на лошади восемь месяцев; в почтовой карете четыре месяца; по железной дороге в 1910 году четыре дня; на автомобиле сегодня два с половиной дня; обычным авиарейсом четыре часа; на скоростном реактивном самолете чуть больше двух часов; на космическом «челноке» несколько минут[16]. Под влиянием нарастающей пространственно-временной конвергенции формы социальной жизни претерпели радикальные изменения. Например, многие используемые нами товары и продукты питания транспортируются на большие расстояния, и даже с противоположной стороны земного шара. Все это способствует развитию глобальной взаимозависимости (см. главу 16, «Глобализация социальной жизни»).

Мы можем понять, каким образом социальная деятельность распределена во времени и пространстве, с помощью концепции **регионализации**, описывающей зонирование социальной жизни в пространстве–времени. К примеру, возьмем частный дом. Современный дом регионализирован на комнаты, коридоры и этажи (если больше одного этажа). Эти разнообразные составляющие дома не являются просто отдельными частями, но зонированы во времени и пространстве. Гостиная и кухня используются в основном днем, спальные комнаты ночью. Взаимодействие в каждом «регионе» ограничено и пространственными, и временными рамками. Некоторые части дома образуют «задний план», в то время как «действие» происходит в других частях. Это великолепно схвачено Гоффманом в следующем описании:

> Воскресным утром вся семья может пользоваться тем, что стены вокруг их домашнего хозяйства скрывают расслабляющую неряшливость. Неформальная атмосфера распространяется на все комнаты, а не только на кухню и спальни. В американских кварталах среднего класса днем можно найти линию, за которой начинается «задний план»: от детской площадки до дома матери гуляют с детьми в джинсах, легких

[16] *Janelle D G.* Central place development in a time–space framework // Professional Geographer, 20. 1968.

туфлях и с минимумом косметики. Разумеется, «передний план», предназначенный для ежедневных рутинных церемоний, функционирует как «задний» до и после каждого «представления». Достаточно заглянуть в ресторан, магазин или дом за несколько минут до того, как они будут готовы к дневному приему.[17]

Часовое время

Открытие часов и **часового времени** оказало сильное влияние на зонирование человеческой деятельности. Индустриальные общества не могут существовать без точного измерения действий во времени — так же, как без их координации в пространстве. Измерение времени сегодня стандартизировано на всем земном шаре. Стандартизация сделала возможным создание сложнейших международных транспортных систем и коммуникаций, от которых зависит наша жизнь. Мирового стандарта времени не существовало до 1884 года, до международной конференции в Вашингтоне. На этой конференции мир был разделен на двадцать четыре часовых пояса, было установлено точное начало общего дня.

Точное распределение действий в течение дня и недели впервые возникло в монастырях в четырнадцатом веке. Сегодня не существует ни одной организации, которая бы не структурировала свое время, и чем большее количество людей и ресурсов в ней, тем точнее должен быть распорядок. Эту зависимость показал Эвитар Зерубавель в своем исследовании структурирования времени крупной современной больницы[18]. Больница работала круглосуточно, и координация персонала и ресурсов была чрезвычайно сложной задачей. Большая часть сестер работали в разных палатах, находившихся к тому же в разных секторах, работа чередовалась в ночную и дневную смены. Люди и необходимые ресурсы должны были быть объединены в пространстве и времени.

Временна́я география

Один из интереснейших способов анализа деятельности во времени и пространстве разработан шведским социальным географом Торстеном Хагерстрандом[19]. Хагерстранд называет свой подход «**временно́й географией**», но в действительности его концепция связана с перемещениями в пространстве-времени. Временная география анализирует физические условия (улицы, здания, дороги, районы) нашей социальной деятельности, пытаясь выяснить, каким образом они определяют — и какое влияние оказывают на них — ежедневные и еженедельные перемещения индивидов и групп.

Очень простой пример. Два индивида, назовем их ***A*** и ***B***, живут в разных районах города. Их пространственно-временные пути в указанный день приводят их на определенное время в контакт друг с другом в точке ***X*** — возможно, они встретились в кафе или ресторане, и побеседовали, — после чего пути их расходятся, и каждый занимается своими делами в разных местах. Если зафиксировать эти типичные действия, можно составить «пространственно-временную картину» их жизни. Таким образом, мы можем сложить действия в пространстве и времени в мозаику, которая составляет жизнь городских районов (см. рис.).

---

[17] *Goffman Erving*. The Presentation of Self in Everyday Life. Harmondsworth, 1969. P. 127.

[18] *Zerubavel Eviatar*. The standardization of time: a sociohistorical perspective // American Journal of Sociology, 88. 1982.

[19] *Hägerstrand Torsten*. The domain of human geography. In: *R. J. Chorley* (ed.). Directions in geography. London, 1973.

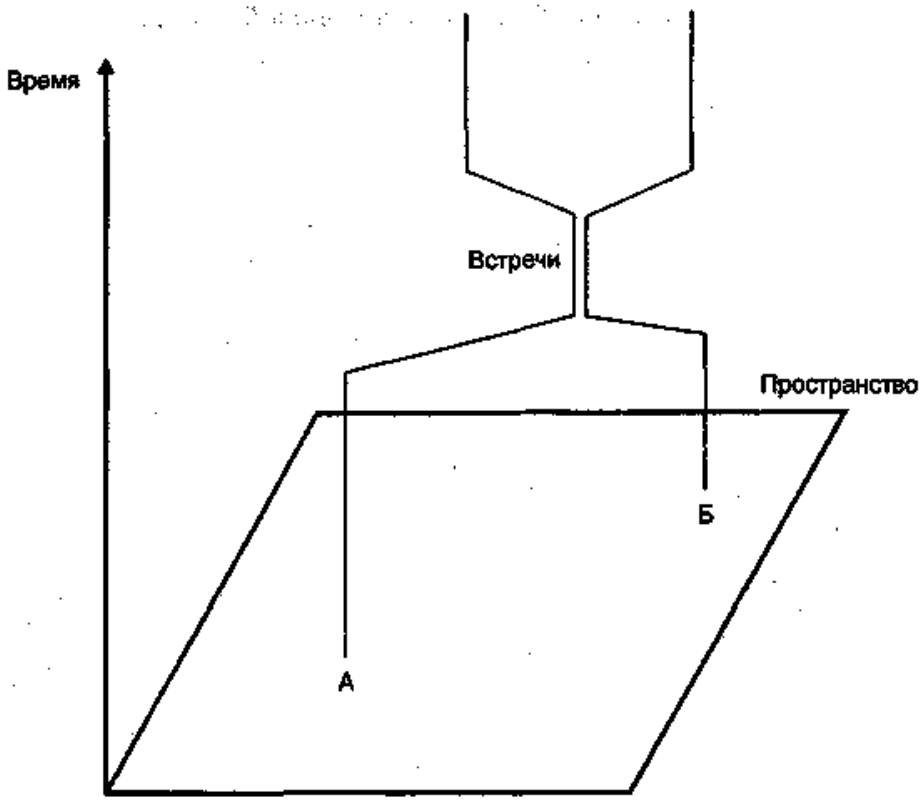


Рис. 2. Траектории индивидуального движения во времени и пространстве: *А* и *Б* движутся навстречу друг другу, проводят некоторое время вместе и затем расходятся

Пространственно-временные ограничения

Мы сможем понять некоторые факторы, воздействующие на узор городской жизни, если определим простые, но основополагающие характеристики человеческой деятельности, влияющие на пространственно-временную организацию. Каждодневные действия определяются тремя видами пространственно-временных ограничений.

Ограничения физических возможностей — пределы, устанавливаемые физической конституцией (строением) человека. Например, все люди испытывают потребность в еде и сне, что учитывается в пространственно-временном зонировании деятельности. Тех, кто работает вне дома, транспортные средства доставляют домой, где они готовят пищу, едят и остаются на ночь.

Ограничения взаимодействия определяют возможность людей собираться вместе в определенных местах для взаимодействия друг с другом. В старых городах мало хороших дорог, обеспечивающих беспрепятственное перемещение из одного района в другой, и большинство форм взаимодействия связано с таким расстоянием, которое можно преодолеть пешком. Более того, все физические объекты обладают, по определению Хагерстрэнда, «пределами вместимости», то есть ограничением на количество людей, занимающих данное пространство для определенного рода деятельности. Ярким примером является движение в час пик. Существуют абсолютные пределы транспортных потоков, которые может выдержать уличное движение; причем в пиковое время никто в действительности не развивает «пиковой» скорости, но обычно все медленно ползут.

Ограничения, устанавливаемые властями, определяются существующей в обществе системой власти. Например, может ли человек жить там, где ему хочется, зависит

от его финансовых возможностей. Большинство людей хотело бы жить в районах элегантных и роскошных домов, но только относительно немногие могут позволить себе это. Плановые предписания также устанавливают ограничения на строительство различных типов домов в зависимости от района.

В качестве иллюстрации того, как эти концепции помогают в эмпирическом исследовании, рассмотрим следующий проект, проводившийся с учетом пространственно-временной перспективы в городе Ньюкасл, Новый Южный Уэльс, Австралия. В проекте исследовался ряд проблем, связанных с новым коммунальным медицинским центром, построенным в социально неоднородном районе приблизительно в 22 км от центра города. Когда центр только организовывали, его руководители не знали, что многие жители этого района работают по сменам. Большая часть клиентов могла приходить в центр либо до 7 часов, либо после 17. В то же время они рассчитывали, что, когда центр откроется, его услугами можно будет пользоваться и в обычные дневные часы.

Таким образом, центр столкнулся с серьезнейшими проблемами ограничения физических возможностей и взаимодействия. Трудно было найти персонал, готовый работать вне обычных часов, а те, кто готов был пойти на это, не всегда мог добраться в данный район вовремя. Острые проблемы возникли при составлении расписания работы служб центра: в определенные часы наступало затишье, требовалось небольшое количество персонала, тогда как в другое время — преимущественно в конце рабочего дня и в конце недели — центр был настолько забит людьми, что не мог нормально работать. Изучив пространственно-временные траектории работников и клиентов, исследователи указали на источники этих проблем. Они предложили также позитивные шаги, которые позволили бы устранить проблемы путем более систематичного распределения ресурсов[20].

Зонирование

Пространственно-временное распределение повседневной деятельности за прошедший век — особенно в самое последнее время — подверглось влиянию того, что называют *колонизацией времени*. Процесс пространственной миграции из сельской местности в города сопровождался «миграцией» в новые временные зоны: вечер и ночь. По этому поводу Мюррэй Мэлбин пишет:

> Последний великий фронтир человеческой иммиграции проходил во времени: распространение бодрствования человека на все двадцать четыре часа суток. Появились разные формы сменной работы на предприятиях, возникло круглосуточное патрулирование, телефоны стали использоваться в любое время. Появилось большое число постоянно функционирующих больниц, аптек, авиарейсов, гостиниц, круглосуточных ресторанов, пунктов проката автомобилей, заправочных станций и ремонтных мастерских, кегельбанов и радиостанций. Увеличилось количество срочных служб, таких, как агентства автотуризма, слесарные мастерские, поручители; для наркоманов, самоубийц и азартных игроков появились «горячие линии», работающие в любое время. В этих предприятиях посменно работают разные люди, однако сами организации работают непрерывно.[21]

[20] *Parkes Don* and *Nigel Thrift*. Times, Spaces and Places. Chichester, 1980. P. 171–172.

[21] *Melbin M.* The colonisation of time. In: *Carlstein T., Parkes D.* and *Thrift N.* Human Activity and Time Geography. London, 1978. P. 100.

По подсчетам Мэлбина, в США после полуночи бодрствует около 30 миллионов человек, без учета тех, кто собирается ложиться спать. Даже глубокой ночью, с 3 до 5 часов, на ногах пребывают более десяти миллионов человек.

Конечно же, эти перемены также имеют пространственное значение, и подвержены различным типам ограничений, вызываемых пространственно-временным зонированием. Ночная активность в одном районе требует активности других районов в дневное время. Так, самолет, совершающий ночной рейс, прибывает в пункт назначения рано утром; потребуется готовность служб аэропорта и транспорт для пассажиров. Организации, желающие повысить уровень активности в вечерние и ночные часы, сталкиваются с вариантом ограничения взаимодействия, отмеченным в исследовании, посвященном Ньюкаслскому коммунальному медицинскому центру.

В одном исследовании изучалась пространственно-временная организация центральных районов Бостона в Соединенных Штатах. Циклы использования этих районов можно представить в виде четырех временных типов.

1. *Непрерывное использование*: районы постоянного использования.
2. *Эвакуация*: районы, пустующие ночью.
3. *Оккупация*: активность в основном в ночное время.
4. *Перемещение*: передвижение при смене времени суток.

Часть жилых кварталов, расположенных недалеко от центра, используется постоянно большим количеством людей, хотя то, чем они занимаются, различается в зависимости от времени суток. Деловой район ночью в основном пустует. Увеселительные районы переживают наплыв людей по вечерам и рано утром, но могут быть почти пустынны днем. В различных районах окраины, для которых характерны как деловая активность, так и досуг, в конце дня одни посетители сменяются другими.

Повседневная жизнь в культурной и исторической перспективе

Некоторые из механизмов социального взаимодействия, проанализированных Гоффманом, Гарфинкелем и другими исследователями, по-видимому, универсальны, но многие нет. Например, даваемые «маркерами» сигналы о начале и окончании столкновений существуют, без сомнения, во всех культурах. Различные понятия, использующиеся для организации столкновений, также найдены среди всех групп человеческих существ; например, где-то принято стоять, отвернувшись от собеседника во время завязки разговора. Однако повседневная жизнь современных западных обществ во многих отношениях сильно отличается от жизни людей других культур. К примеру, некоторые аспекты гражданского невнимания излишни в поведении членов очень маленьких обществ, где не бывает чужаков и мало (если вообще есть) мест, в которых может одновременно собраться более горстки людей. В большей части проведенного Гоффманом обсуждения гражданского невнимания, а также в других аспектах взаимодействия, изначально рассматривалось общество, в котором контакты с незнакомцами являются обычным делом.

Наша повседневная жизнь сформировалась при фундаментальном воздействии изменений, связанных с индустриализацией, урбанизацией и развитием современных государств. Вот пример, который поможет продемонстрировать контрасты между социальным взаимодействием в традиционных и современных обществах. Одной

из наименее развитых в мире с точки зрения технологии является культура Кун (известная также как культура бушменов), представители которой живут в пустыне Калахари, на территории Ботсваны и Намибии, Южная Африка[22]. Под воздействием внешних влияний их образ жизни изменился, но мы обсудим традиционную культуру.

Кун живут группами по тридцать-сорок человек во временных поселениях, расположенных вблизи водоемов. Места их проживания скудны, и в поисках еды они расходятся на большие расстояния. Такие странствования занимают обычно значительную часть дня. Женщины и дети нередко остаются в лагере, но довольно часто они тоже участвуют в походе. Члены общины в течение дня рассеиваются по территории около 250 квадратных километров, возвращаясь на ночь в лагерь, чтобы поесть и поспать. Мужчины проводят большую часть дня поодиночке или вдвоем-втроем. Однако раз в год наступает период, когда их обычная жизнь меняется. В сезон зимних дождей воды в избытке, и это дает им возможность добывать еду с меньшими усилиями. В это время жизнь Кун фокусируется на ритуальных и церемониальных действиях, подготовка и отправление которых требует много времени.

Члены большинства групп Кун никогда не видели человека, которого они не знали бы сравнительно хорошо. В последнее время контакты с внешним миром для них стали более привычными, до этого же в их культуре даже не было слова, означающего «чужой». Несмотря на то, что мужчины в основном проводят день без контактов с другими, в самой общине нет возможности уединения. Семьи спят в легких открытых хижинах, и все действия открыты для публичного обозрения. Никто не изучал повседневную жизнь Кун с позиции идеи Гоффмана, но нетрудно увидеть, что некоторые аспекты исследований Гоффмана о структуре повседневной жизни очень ограниченно применимы к социальной жизни Кун. У племени, например, отсутствуют «передний» и «задний» планы. «Замыкание» собраний и столкновений в стенах комнаты, обособленные здания разных видов, различные районы городов — все эти аспекты повседневной жизни современного общества далеки от быта Кун.

Томми Карлстейн при изучении различных сторон социальной жизни Кун использовал концепцию временной географии[23]. Подобно всем охотникам и собирателям, считает он, Кун сталкиваются с пространственно-временным конфликтом между необходимостью накопления пищи и социальной мобильностью. Этот конфликт влияет на характер их обыденной жизни. Чем больше пищи пытаются запасти, чтобы защитить себя от неурожайных времен, тем сильнее они привязаны к одному месту. Но если они сосредоточат свою деятельность в постоянном поселении, то источники пищи будут ограничены, поскольку Кун не смогут уходить достаточно далеко, чтобы найти необходимую пищу. Кун разрешают эту дилемму способом, определяющим их образ жизни. Они просто переносят лагерь, когда в этом возникает необходимость.

Мы можем представить возможный радиус пространственной мобильности в течение дня в виде ромба (см. рис.). Если бы Кун жили, скажем, в пустынных районах Северной Африки, где большую мобильность обеспечивают верблюды, ромб на рисунке стал бы заметно шире. Увеличение пространственной мобильности имеет серьезные последствия для образа жизни людей. Например, появление лошадей у американских индейцев, живущих на равнинах, позволило им преследовать стада

[22] *Lee R. B.* !Kung Bushman subsistence: an input–output analysis. In: *A. P. Vayda* (ed.). Environment and Cultural Behaviour. New York, 1969.

[23] *Carlstein Tommy*. Time Resources, Society and Ecology. Vol. I. Preindustrial Societies. London, 1983.

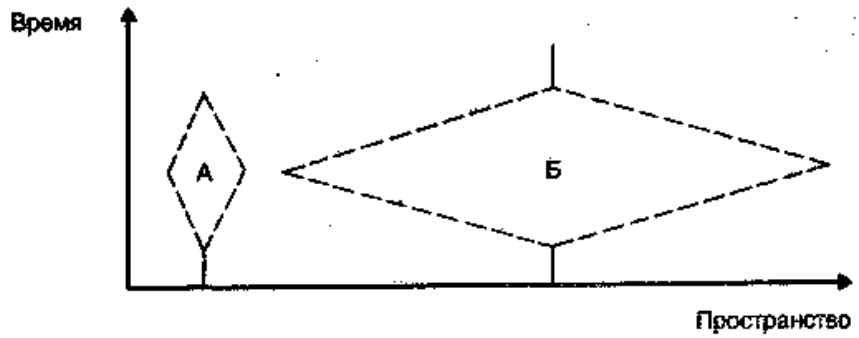


Рис. 3. Возможный радиус пространственной мобильности в течение дня. Ромб А обозначает культуру, в которой физическое перемещение зависит от пешей ходьбы. Ромб Б обозначает культуру, использующую для транспортировки домашних животных
Источник: *Carlstein T.* Time resources, society and ecology: on the capacity for human interaction in space and time. London. 1983. P. 75

бизонов. Это повлияло на материальную сторону их жизни, что, в свою очередь, повлекло изменения важнейших обычаев и традиций.

Микросоциология и макросоциология

Исследование повседневного поведения в ситуациях личного взаимодействия обычно называется **микросоциологией. Макросоциология** — это анализ крупномасштабных социальных систем, таких, как фирмы, политические системы и общеэкономический порядок. Макросоциология также включает анализ долговременных процессов изменений — таких, как развитие индустриализации. На первый взгляд может показаться, что микро- и макроанализ довольно далеки друг от друга. В действительности же они тесно взаимосвязаны[24], и данная глава должна была это продемонстрировать.

Макроанализ важен для понимания институционального фона обыденной жизни. Те способы, которыми люди строят свою повседневную жизнь, чрезвычайно зависят от обширных институциональных оснований, с которыми люди существуют; это становится очевидным, если сравнить культуру, подобную Кун, и жизнь в современном западном городе. В современных обществах люди находятся в постоянном контакте с посторонними. Слово «посторонний» утратило свое старое значение, буквально оно означало «чужой человек», пришедший «со стороны». Люди современного общества, живущие в городах, ежедневно встречают тысячи персонально не знакомых им людей. В таких обстоятельствах фокусированное и нефокусированное взаимодействие заметно пересекаются. Горожанин постоянно должен начинать и прекращать взаимодействие с людьми, с которыми он раньше никогда не встречался.

В свою очередь, микроисследования помогают объяснить широкие институционные формы. Без сомнения, личное взаимодействие является основой всех форм социальной организации, независимо от их масштаба. Допустим, мы изучаем промышленную корпорацию. Большая часть деятельности фирмы может быть описана в терминах межличностного взаимодействия. Мы могли бы анализировать, к примеру, взаимодействие директоров в совете, служащих в конторах, рабочих в цехах. Безусловно, используя только эту информацию, невозможно построить картину корпорации в целом, поскольку связи между ее структурами выходят за

[24] *Giddens Anthony*. The Constitution of Society. Cambridge, 1984.

пределы непосредственного личного взаимодействия. И тем не менее, изучение повседневного взаимодействия может внести существенный вклад в понимание работы данной организации.

Краткое содержание

1. Многие представляющиеся тривиальными аспекты обыденного поведения при тщательном изучении оказываются сложными и одновременно важными аспектами *социального взаимодействия*. Примером может служить визуальный контакт. В большинстве взаимодействий он оказывается мимолетным. Пристальный взгляд на другого человека может быть расценен как свидетельство враждебности — или, в некоторых случаях, любви. Изучение социального взаимодействия является фундаментальной областью социологии, освещающей многие стороны социальной жизни.

2. На лице человека отражается множество выражений. Есть основания считать, что основные эмоции, передаваемые выражением лица, являются врожденными. Кросскультурные исследования показывают чрезвычайно близкое сходство выражений лиц людей различных культур при передаче одних и тех же эмоций.

3. Понятие «лицо» можно понимать в широком смысле, подразумевая степень уважения, которое люди испытывают друг к другу. Взаимодействуя с другими, мы озабочены «сохранением лица» — защитой нашего самоуважения.

4. Исследованием обыденных *разговора* и *беседы* занимается направление, называемое *этнометодологией*; этот термин впервые введен Гарольдом Гарфинкелем. Этнометодология — это анализ способов, с помощью которых мы активно, хотя обычно и незаметно для себя, извлекаем смысл того, что подразумевают в своих разговорах и действиях другие.

5. О природе разговора можно узнать очень многое, обращаясь к «реакциям-восклицаниям», а также исследуя обмолвки (случающиеся, когда люди ошибочно употребляют или произносят слова и фразы). Оговорки часто очень забавны, и психологически тесно связаны с остроумием и шутками.

6. *Нефокусированное взаимодействие* — это взаимное осознание индивидами присутствия друг друга в условиях большого скопления людей и при отсутствии прямого общения между ними. *Фокусированное взаимодействие* можно разделить на обособленные *столкновения*, или эпизоды взаимодействия, случающиеся там, где каждый из двух или более индивидов обращают непосредственное внимание на то, что говорят и делают остальные.

7. Изучение социального взаимодействия часто может стать более эффективным, если применить *драматургическую модель*, исследующую социальное взаимодействие так, будто участвующие в нем — актеры на сцене, с соответствующими декорациями и реквизитом. Как и в театре, в различных ситуациях социальной жизни можно обнаружить четкие различия между *передним планом* (сама сцена) и *задним планом*, где актеры готовятся к представлению и отдыхают после него.

8. Всякое взаимодействие происходит во времени и пространстве. Мы можем проанализировать нашу повседневную жизнь в терминах пространственно-временных «зон», если обратим внимание на то, что наша деятельность занимает определенные периоды времени и в то же время предполагает пространственное перемещение. Методы для такого рода наблюдений и способы их фиксации предоставляет *«временная география»*.

9. Изучение личного взаимодействия обычно называется *микросоциологией*, в отличие от *макросоциологии*, которая исследует большие группы, институты и социальные системы. Микро- и макроанализ тесно связаны и взаимно дополняют друг друга.

Основные понятия

столкновение
социальная позиция
социальная роль

Важнейшие термины

гражданское невнимание
невербальная коммуникация
разговор
беседа
этнометодология
реакции-восклицания
нефокусированное взаимодействие
фокусированное взаимодействие
драматургическая модель
передний план
задний план
личностное пространство
пространственно-временная конвергенция
регионализация
часовое время
временная география
микросоциология
макросоциология

Дополнительная литература

Paul Drew and *Anthony Wootton*. Erving Goffman: Exploring the Interaction Order. Cambridge, 1988. Сборник статей, посвященных важнейшим аспектам исследований Гоффмана.

Erving Goffman. The Presentation of Self in Everyday Life. Harmondsworth, 1969. Одна из важнейших работ Гоффмана, в которой он рассматривает, как индивиды организуют свое взаимодействие с другими, желая при этом сформировать у них определенное мнение о себе.

Erving Goffman. Behaviour in Public Places. New York, 1963. Анализ ритуалов, в которые включаются индивиды, участвуя в общественных взаимодействиях.

«Symposium on Erving Goffman». Theory, Culture and Society. V. 2. № 1. Winter, 1983. Сборник статей, содержащих критический анализ исследований Гоффмана.

E. Livingstone. Making Sense of Ethnomethodology. London, 1987. Полезный общий обзор основных идей этнометодологии.

E. P. Thompson. Time, work discipline and industrial capitalism // Past and Present, 38 (1967). Знаменитый анализ связи современной промышленности и распределения времени.

Глава 5

Конформность и девиантное поведение

В предыдущих главах было показано, что социальная жизнь человека регулируется нормами и правилами. Деятельность людей превратилась бы в хаос, если бы они не придерживались правил, определяющих поведение в соответствии с ситуацией. Скажем, движение на дороге невозможно, если водители не соблюдают правила дорожного движения. Нормы, которым мы следуем в наших действиях, придают социальному миру регулярность и предсказуемость. Значительная часть социологических изысканий посвящена процессу обеспечения социального порядка. Однако есть и другая сторона медали. Не всегда и не все действия людей соответствуют социальным ожиданиям. Иногда водители пренебрегают правилами дорожного движения, даже в том случае, когда под угрозу ставится жизнь других людей. В большой спешке или под влиянием алкоголя человек может управлять автомобилем неосторожно и безответственно, к примеру, проехать в обратную сторону по улице с односторонним движением. Люди достаточно часто отклоняются от правил, которым они обязаны следовать.

Изучение отклоняющегося поведения — одна из самых увлекательных задач социологии. Эта область сложна для анализа, потому что типов нарушений правил так же много, как много социальных норм и ценностей. Кроме того, нормы различных культур, а также субкультур в рамках одного общества существенно различаются. Поэтому то, что нормально для одного сообщества, может быть отклонением в другом. Так, курение марихуаны — отклонение в британской культуре, тогда как употребление алкоголя не является таковым. Совершенно иначе обстоит дело в обществах Ближнего Востока.

Что такое отклонение?

Девиацию (отклонение) можно определить как несоответствие имеющейся норме или набору норм, принятых значительной частью людей в группе или обществе. Ни в одном обществе невозможно провести линию и просто разделить всех на тех, кто отклоняется от норм, и тех, кто им следует. Большинству из нас случалось нарушать общепринятые правила поведения. Многие совершали мелкие кражи, например, брали что-либо в магазине, не заплатив, или уносили с работы разные мелочи — вроде фирменной почтовой бумаги — для личного использования. Большая часть людей курила марихуану, употребляла в несовершеннолетнем возрасте алкоголь, пробовала наркотики или принимала участие в запрещенных видах сексуальной практики.

Область, охватываемая понятием «девиантное поведение», очень широка, и это иллюстрируют следующие примеры. Американский миллиардер Говард Хьюз был чрезвычайно удачливым бизнесменом. Он достиг успеха благодаря трудолюбию,

оригинальным идеям и неожиданными решениям. Его деятельность в сфере бизнеса согласовывалась с основными ценностями, принятыми в западном обществе, придающем особое значение материальному вознаграждению и индивидуальным достижениям. Однако некоторые черты его поведения резко отклонялись от общепринятых норм. Последние годы жизни, например, он жил почти в полной изоляции от внешнего мира, не покидая номера люкс, ставшего его домом, отрастил длинные волосы, отпустил неопрятную бороду и стал похож скорее на библейского пророка, чем на преуспевающего бизнесмена.

Хьюз был одновременно чрезвычайно преуспевающим и чрезвычайно отклоняющимся по своему поведению. Противоположным примером может стать карьера Теда Банди. Внешне образ жизни Банди соответствовал всем нормам поведения добропорядочного гражданина. Банди вел внешне не просто нормальную, но скорее высокодостойную жизнь. Например, он был активным членом общества самаритян, которое организовало двадцатичетырехчасовую телефонную службу для людей, находящихся в стрессе и близких к самоубийству. Это не помешало Банди совершить серию зверских убийств. Перед вынесением смертного приговора судья похвалил Банди за его способности (он сам подготовил собственную защиту) и заметил, как печально растратил тот свою жизнь. Судьба Банди наводит на мысль, что внешне нормальная жизнь может в то же время сочетаться с тайными чрезвычайно отклоняющимися действиями.

Отклонение бывает не только в индивидуальном поведении, но и в групповом. В качестве иллюстрации можно взять культ Кришны, поддерживаемый религиозной группой, верования и образ жизни которой очень сильно отличаются от образа жизни большинства живущих в Соединенном Королевстве. Культ возник в Нью-Йорке в 1956 году, когда Шри Прабхупада прибыл из Индии, чтобы распространять на Западе слово о Сознании Кришны. Послания были адресованы в основном молодым людям, употреблявшим наркотики, и провозглашали, что можно «постоянно пребывать в возвышенном состоянии и обнаружить источник вечного наслаждения», если следовать учению. К танцам и песнопениям кришнаитов на улицах привыкли. Население относится к ним вполне терпимо, даже в том случае, если их взгляды воспринимаются как эксцентричные.

Кришнаиты являют собой пример **субкультуры с девиацией**. Сегодня их численность упала, но они сравнительно легко выживают в самых различных общественных условиях. Организация богата, она финансируется за счет пожертвований как своих членов, так и симпатизирующих. Ее положение прямо противоположно положению другой субкультуры с отклонениями — бездомных. Люди, потерпевшие поражение в жизненной борьбе, живут на улице, проводят время в парках или общественных зданиях (например, в библиотеках). Спят они либо на улице, либо в ночлежках. Множество бездомных кое-как перебиваются на обочинах общества.

Нормы и санкции

Наиболее часто мы следуем социальным правилам и нормам потому, что вследствие процесса социализации нам привычно поступать именно так. Возьмем, для примера, овладение правилами языка. Использование языка означает знание различных правил грамматики и орфографии. В основном мы используем эти правила без труда, не думая, поскольку усвоили их еще в раннем детстве. Только позже, изучая иностранный язык, человек начинает понимать, как много правил следует выучить,

чтобы сказать даже простейшую фразу. Другой иллюстрацией могут быть рассмотренные Гофманом нормы, регулирующие взаимодействия в социальных столкновениях (см. главу 4, «Социальное взаимодействие и повседневная жизнь»). Соблюдение позиции гражданского невнимания к посторонним, такт в отношениях с друзьями, процедура установления «скобок» между столкновениями — обычно мы не осознаем, что все это делается в соответствии с определенными правилами.

Другой тип норм — те, следуя которым, мы сознательно верим, что предписываемое ими поведение истинно. В частности, это верно для норм поведения на дороге. Водители безоговорочно принимают, что они должны придерживаться нужной стороны дороги или останавливаться на красный сигнал светофора, потому что, если бы большинство из них эти правила не соблюдало, то дороги стали бы несравненно более опасными, чем сейчас.

Гораздо меньшее согласие наблюдается относительно других правил дорожного движения — например, ограничения скорости. Почти все водители согласны, что некоторые ограничения необходимы для защиты других водителей, пешеходов и велосипедистов, но лишь немногие из них строго придерживаются ограничений. С установленной скоростью они будут ехать только тогда, когда знают или предполагают, что рядом полицейский автомобиль, но как только они узнают, что полиции поблизости нет, многие тут же превышают установленную законом скорость.

Этот пример обращает наше внимание на один из важнейших аспектов проблемы конформности и отклонения. Все социальные нормы сопровождаются **санкциями**, защищающими от **неконформности**. Санкция — любая реакция со стороны остальных на поведение индивида или группы, цель этой реакции — гарантировать выполнение данной социальной нормы. Санкции бывают позитивными (поощрение за конформность) или негативными (наказание за неконформное поведение). Санкции могут быть формальными и неформальными. Формальная санкция имеет место там, где существует группа или организация, задачей которой является гарантированное соблюдение норм. Неформальные санкции — менее организованные и более спонтанные реакции на неконформность.

Большинство типов формальных санкций в современных обществах связано с системой наказаний, представленной судами и тюрьмами. Полиция также является организацией, в чьи обязанности входит привлечение преступников к суду и, возможно, последующее заключение в тюрьму. Большинство дорожных правонарушений наказываются штрафами или лишением прав, но эти наказания достаточны для того, чтобы водители, сознательно нарушая правила движения, старались не попадаться на глаза полиции. К формальным *негативным* санкциям относятся штрафы, тюремное заключение и казнь. *Позитивных* формальных санкций существует немного. Для стимулирования образцового вождения в качестве поощрения предлагаются знаки отличия типа «за отличное вождение» или «знаток дорог». Формальные позитивные санкции можно найти и в других сферах социальной жизни: награждение медалями за храбрость в бою, степени и дипломы, свидетельствующие об академических успехах, награды за участие в спортивных состязаниях и др.

Неформальные санкции, позитивные и негативные, составляют неотъемлемую часть всех областей социальной деятельности. Позитивные неформальные санкции могут выражаться в похвале, одобрительной улыбке, похлопывании по спине. Негативные неформальные санкции обычно выражаются как оскорбительный тон, ругань или выговор, демонстративное игнорирование индивида. И хотя формальные санкции более эффектны и явны, неформальные санкции имеют фундаментальное

значение для создания конформности в соблюдении норм. Потребность сохранить расположение друзей, семьи, коллег, желание избежать насмешки, стыда, отторжения часто определяют поведение людей в значительно большей степени, чем формальные поощрения или наказания.

Законы, преступления и наказания

Законы — это нормы, определяемые властями в качестве принципов, которым должны следовать граждане; существуют формальные санкции, которые применяются против людей, не проявляющих конформности. Где есть законы, там всегда найдутся и преступления, поскольку **преступление** можно определить как любой способ поведения, нарушающий закон. Природа криминального поведения, серьезность различных преступлений и способы, которыми криминальные действия пресекаются государственной властью, существенно изменились за последние два–три века. Как отмечалось в главе 1, «Социология: проблемы и перспективы», причины этого можно найти в замещении традиционных обществ, основанных на принципах общины, индустриальными социальными системами, где большинство людей живет в более анонимных условиях, чем в традиционных системах.

Преступления в доиндустриальную эпоху

В доиндустриальной Европе наиболее серьезными и влекущими самое суровое наказание считались религиозные преступления, либо преступления против собственности власть имущих и аристократии. Сегодня подобные нарушения либо вовсе не воспринимаются как преступления, либо рассматриваются как малозначительные нарушения закона. Ересь (проповедь религиозных доктрин, отличных от христианства), святотатство (кража или порча церковной собственности) и даже богохульство (упоминание божьего имени всуе, негативные высказывания о религиозных материях) долгое время карались смертью во многих странах Европы. Охота или рыболовство, рубка леса или хвороста, сбор фруктов, совершаемые простыми людьми на земле короля или аристократии, также считались тяжкими преступлениями (хотя смертная казнь применялась не всегда).

Убийство одного простолюдина другим не считалось серьезным преступлением по сравнению с вышеназванными. Преступник часто мог искупить вину, выплатив определенную сумму денег родственникам жертвы. Иногда семья погибшего брала дело справедливости в свои руки, убивая виновного. Проблема с таким способом наказания — известным как кровная месть — заключалась в том, что семья первого убийцы, в свою очередь, тоже могла отреагировать подобным образом, что приводило к длинной веренице убийств. В некоторых районах Южной Италии практика кровной мести существовала до XX века; используется она и сегодня как способ осуществления «правосудия» между соперничающими «криминальными семьями» в Соединенных Штатах.

Изменения в способах наказаний

В Европе и Соединенных Штатах до начала девятнадцатого века тюремное заключение в качестве наказания за преступление применялось редко. Большинство городов имело свои тюрьмы, обычно небольшие, вмещавшие одновременно не более трех–четырех арестантов. Их использовали, чтобы «остудить» пьяниц в течение ночи,

иногда обвиняемые ожидали в них суда. В крупных европейских городах существовали большие тюрьмы, основная часть преступников, находившихся в них, получила приговор и ожидала казни. Эти учреждения сильно отличались от тюрем, которые в больших количествах стали строить позднее, начиная с девятнадцатого века и до наших дней. Тюремная дисциплина ранее была слабой. Лишь приговоренных к казни бросали в подземелье, и до самого момента казни они видели только тюремщика. Чаще всего тюремная атмосфера по сравнению с современными стандартами была поразительно свободной.

Джонатон Этолл, историк преступности, приводит описание жизни Ньюгейта, одной из первых лондонских тюрем. В ней кипела жизнь, большую часть дня в помещении находились многочисленные посетители. В 1790 г. один из осужденных дал в тюрьме бал, и это, по-видимому, не было необычным.

> В 4 часа под музыку скрипок и флейт подали чай, после этого компания танцевала до 8 часов. Затем был подан холодный ужин. Вечер закончился в 9 часов, в обычный час, когда тюрьма закрывается. [1]

До девятнадцатого века основными формами наказаний за преступления были колодки, порка, клеймение раскаленным железом или повешение. Обычно наказание производилось публично. Присутствовало много народа, на некоторые казни собирались тысячи людей. Преступник, которого собирались повесить, мог произнести речь, оправдывая свои действия или доказывая невиновность. Толпа хлопала, шикала, свистела, давая оценку речи осужденного.

Тюрьмы и сумасшедшие дома

Современные тюрьмы ведут свое происхождение не от темниц и подземелий былых времен, а от работных домов (также известных как «госпитали»). Работные дома появились в XVII веке в большинстве европейских стран. В период разрушения феодализма многие крестьяне не могли получить работу, связанную с землей, и становились бродягами. В работных домах их кормили, но принуждали проводить большую часть времени в учреждении на чрезвычайно тяжелых работах. В работные дома помещались также и другие категории людей, о которых никто не мог позаботиться: больные, престарелые, слабоумные и сумасшедшие.

В XVIII веке тюрьмы, сумасшедшие дома и госпитали постепенно начинают отделяться друг от друга. Реформаторы изменили традиционные способы наказания, рассматривая лишение свободы как более эффективное средство борьбы с криминальными действиями. Убийство начинает расцениваться как самое серьезное преступление, поскольку в контексте широких политических изменений расширились права человека, и убийство становится посягательством на эти права. Идея публичного наказания постепенно отошла в прошлое, так как предполагалось, что тюрьмы более успешно воздействуют на заключенных, вырабатывая у них привычку к дисциплине и конформность по отношению к закону. Смертную казнь перестали совершать публично. Более того, в течение XX века большинство западных стран отказалось от смертной казни, хотя некоторые штаты США являются в этом отношении исключением.

Поведение сумасшедших все чаще стали рассматривать как проявление болезни. Концепция **душевных заболеваний** появляется впервые в конце XVIII века и окон-

[1] *Atholl Justin.* Shadow of the Gallows. London, 1954. P. 66.

чательно утверждается в XIX веке. Сумасшествие переходит *в ведение медицины*. Поскольку помешательство теперь рассматривалось как заболевание (а не слабоумие или одержимость разума демонами, как раньше), стали считать, что с ним должен иметь дело только врач. Людей по-прежнему могли помещать в сумасшедшие дома против их воли, но теперь для этого требовалось заключение врача.

Попытки объяснить отклонения

Природа и содержание девиантного поведения широко варьируются по мере перехода от прошлого к настоящему и от одного общества к другому. Мы должны попытаться найти этому объяснение. В последующих разделах мы обсудим несколько основных теорий девиации, при этом особое внимание будет уделено теории преступлений. Ни одна из теорий не дает исчерпывающего объяснения преступлению, не говоря уже об отклонении. Однако они пересекаются в понимании некоторых вопросов, и могут быть объединены для объяснения других. Это дает нам возможность получить достаточно широкое представление о важнейших аспектах отклоняющегося поведения.

Биологические и психологические теории преступления и девиации

Аргументы из биологии

Первые попытки объяснения преступлений и других форм девиации в основном носили биологический характер. Французский антрополог Брока утверждал, что в строении черепа и мозга преступников он видит особенности, отличающие их от законопослушного населения. Итальянский криминалист Чезаре Ломброзо, работавший в 70-х годах девятнадцатого века, пришел к заключению, что некоторые люди рождаются с преступными наклонностями, и они относятся к более примитивному человеческому типу[2]. По его мнению, преступные типы могут быть определены по форме черепа. Он не отрицал влияния социального опыта на развитие криминального поведения, но его основная идея состояла в том, что большинство преступников биологически дегенеративно или дефективно.

Впоследствии эти идеи были полностью опровергнуты, но тезис о том, что на преступные наклонности влияет биологическое строение индивида, всплывал под разными личинами еще не раз[3]. Какое-то время популярной была идея объяснения криминального поведения как следствия влияния наследственности на формирование криминальных наклонностей. Ричард Дайгдейл исследовал фамильное дерево семьи Дюков из Соединенных Штатов, давшей 140 преступников на 1200 членов семьи[4]. Он сравнил Дюков с потомками Джонатана Эдварса, широко известного проповедника в колониальной Америке. Семья Эдварсов не дала преступников, но зато дала президента Соединенных Штатов, а также высших судейских чиновников, писателей и религиозных деятелей. Сравнение кланов Дюков и Эдварсов должно было, по мнению автора, наглядно показать различие поведения семей в зависимости от их генетических склонностей[5]. Однако как демонстрация генетической

[2] *Lombroso Cesare*. Crime: Its Causes and Remedies. Boston, 1911.

[3] *Eysenck Hans*. Crime and Personality. St Albans, 1977; *Mednick S. A.* et al. The Causes of Crime: New Biological Approaches. Cambridge, 1987.

[4] *Dugdale R.* The Dukes: A Study in Crime, Pauperism and Heredity. New York, 1877.

[5] *Estabrook A.* The Dukes in 1915. Washington, 1916.

предрасположенности к преступной деятельности исследование оказалось более чем неубедительным, поскольку выяснилось, что среди *предков* Джонатана Эдварса были люди, осужденные за преступления! Если криминальность действительно является наследственной чертой, тогда среди потомков Д. Эдварса, согласно логике исследования, также должны быть преступники. Исследование генеалогии семей практически ничего не говорит о влиянии наследственности, поскольку развести наследственные влияния и влияния среды невозможно. Условия, в которых росли дети Эдварсов, резко контрастируют с условиями в семье Дюков, чьи дети росли среди воров.

Идея о связи между биологическими факторами и склонностью к преступлению вновь воскресла в работах Вильяма А. Шелдона в 1940-х годах. Шелдон выделил три физических типа человека; по его мнению, один из них прямо связан со склонностью к правонарушениям. Мускулистый, активный тип (*мезоморф*), по предположению Шелдона, с большей вероятностью может стать преступником, чем человек субтильного телосложения (*эктоморф*) или более полной комплекции (*эндоморф*). Последующие исследования, предпринятые другими учеными, дали примерно такие же результаты. Несмотря на то, что подобные взгляды до сих пор имеют защитников, подобные исследования вызвали широкую критику. Если даже допустить, что существует общая связь между физическим строением человека и склонностью к правонарушениям, это не проясняет вопрос о влиянии наследственности. Люди мускулистого телосложения, которых Шелдон связывает с преступлениями, могут быть вовлечены в действия банд, поскольку там предоставляется возможность для демонстрации своей силы. Более того, до недавнего времени все исследования в этой области были ограничены изучением преступников в детских колониях. Если здесь и есть какая-то связь с телосложением, то, может быть, лишь потому, что крепких, атлетически сложенных преступников скорее помещают за решетку, чем слабых и тощих.

Позднее делались попытки связать криминальные наклонности с определенным набором хромосом в генетическом коде[6]. Выдвигались предположения, что среди преступников, особенно виновных в тяжких преступлениях, непропорционально высока доля людей с добавочной Y-хромосомой. В ряде исследований, проведенных в тюрьмах усиленного режима, получен результат, показывающий, что такое отклонение имел один из сотни заключенных, в сравнении с одним человеком на тысячу для обычного населения. Однако последующие исследования в этом направлении оказались противоречивыми. Вскоре у исследователей появилась догадка, что несостоятельность изысканий объясняется малым размером выборок. Исследования на более крупных массивах населения показали, что мужчины с набором XXY не более склонны к совершению насильственных актов, чем с XY[7].

Преступление и психопатическая личность: психологическая точка зрения

Психологические теории преступления, так же, как и биологические, связывают преступные наклонности с определенным типом личности. Идеи Фрейда оказали некоторое влияние на психологические толкования преступления, хотя сам Фрейд практически ничего в области криминологии не писал. Позднейшие авторы

[6] *Cowen P.* An XYY Man // British Journal of Psychiatry, 135. 1979.

[7] *Mednick S. A.* et al. Biology and violence. In: *Martin E. Wolfgang* and *N. A. Wiener* (eds). Criminal Violence. London, 1982.

опирались на его идеи, предполагая, что у небольшой части людей развивается «аморальная», или *психопатическая* личность. Согласно Фрейду, большинство наших моральных качеств происходят из самоограничений, которым мы обучаемся в раннем детстве в течение Эдиповой фазы развития (рассматриваемой в главе 3). Вследствие особого характера взаимоотношений с родителями у некоторых детей не вырабатываются подобные самоограничения, и, соответственно, отсутствует основное чувство моральности. **Психопатов** можно описать как замкнутых на себе людей, находящих удовольствие в насилии как таковом.

Индивиды, имеющие психопатические черты, совершают иногда тяжкие преступления, но с самим понятием психопатии есть крупные проблемы. Нет полной ясности с тем, действительно ли такие черты неизбежно являются криминальными. Почти все исследования индивидов с психопатическими свойствами были проведены среди осужденных, поэтому такие свойства неизбежно должны выглядеть негативно. Если мы опишем те же самые черты характера с положительной стороны, то получим совершенно иной тип личности, и не будет оснований утверждать, что люди такого типа имеют врожденную склонность к преступлениям. Если бы для исследовательских целей нам понадобились не сидящие в тюрьме психопатические личности, мы могли бы опубликовать следующее объявление:

> СКЛОННЫ ЛИ ВЫ К ПРИКЛЮЧЕНИЯМ?
>
> Исследователи желают вступить в контакт с людьми беззаботными, любящими приключения, живущими яркой, импульсивной жизнью. Если вы относитесь к людям, всегда готовым рисковать, позвоните по телефону 337–XXXX в любое время. [8]

Люди такого типа могут быть героями, путешественниками, карточными игроками, просто теми, кто устал от рутины повседневной жизни. Они, возможно, готовы к криминальным авантюрам, однако почти наверное будут искать испытание своим силам в социально приемлемых действиях.

Психологические теории преступления, выводимые из учения Фрейда или других психологических концепций, в лучшем случае могут объяснить лишь некоторые аспекты преступлений. Хотя незначительное меньшинство преступников может иметь личностные характеристики, отличные от остального населения, чрезвычайно маловероятно, что такие характеристики присущи почти всем. Существует много различных видов преступлений, и допущение, что те, кто их совершает, имеют специфические сходные психологические характеристики, кажется неправдоподобным.

Даже если мы ограничимся одной категорией преступлений, например, тяжкими преступлениями, то обнаружится множество различных обстоятельств. Некоторые такие преступления совершаются индивидами, другие — организованными группами. Вряд ли психологический склад преступника-«одиночки» такой же, как у членов крепко спаянной банды. Даже если психологические различия можно было бы связать с разными формами преступности, то и тогда трудно объяснить, каким образом такая связь может возникать. Может быть и так, что на первом месте находится не склонность к криминальному поведению, а участие в группе, для которой криминальные действия являются нормой и которая воздействует на установки и мировоззрение индивида.

---

[8] *Widom Cathy Spatz* and *Jozeph P. Newman*. Characteristics of non-institutionalized psychopaths. In: *David P. Farrington* and *John Gunn*. Aggression and Dangerousness. Chichester, 1985.

Общество и преступление: социологические теории

Удовлетворительное объяснение природы преступления должно быть социологическим, так как преступления связаны с социальными институтами общества. Одним из наиболее важных аспектов социологического подхода является подчеркивание взаимосвязи конформности и отклонений в различных социальных контекстах. В современных обществах существует множество субкультур, и поведение, считающееся нормой в одной субкультуре, может расцениваться как отклонение в другой. Например, на члена молодежной банды может оказываться сильное давление, с тем чтобы он «показал себя», угнав автомобиль. Кроме того, в обществе есть сильные различия между богатыми и бедными, и эти различия чрезвычайно сильно влияют на возможности различных групп. Неудивительно, что такие преступления, как карманные кражи или кражи со взломом, совершаются в основном людьми из беднейших слоев населения. Другие виды преступлений — растраты или уклонения от уплаты налогов — по определению совершаются людьми, имеющими достаточное благосостояние[9].

Дифференцированная ассоциация

Эдвин Х. Сазерленд (принадлежащий к «чикагской школе» американской социологии, названной так из-за ее связи с университетом Чикаго) связывал преступление с тем, что он назвал **дифференцированной ассоциацией**[10]. Идея дифференцированной ассоциации очень проста. В обществе, содержащем множество субкультур, некоторые социальные сообщества поощряют противозаконные действия, а другие — нет. Индивид становится правонарушителем или преступником, объединяя себя с теми людьми, которые являются носителями *криминальных норм*. Согласно Сазерленду, криминальное поведение усваивается преимущественно в первичных группах — в частности, в группах сверстников. Эта теория совершенно отлична от точки зрения, что преступники и все остальные различаются своими психологическими особенностями. Она полагает криминальные виды деятельности усвоенными так же, как усваиваются и законопослушные, причем направлены они на одни и те же потребности и ценности. Воры стараются «делать деньги», как и люди, занятые обычной деятельностью, но избирают для этого противозаконные средства[11].

Аномия как причина преступления

Роберт К. Мертон, связывавший преступность с другими типами отклоняющегося поведения, также исходит из признания нормальности преступника[12]. Мертон исходил из концепции **аномии**[13], предложенной впервые одним из основателей социологии Эмилем Дюркгеймом (1858–1917), и создал теорию девиаций, получившую общее признание. Дюркгейм развивал понятие аномии в связи с тезисом, что в современных обществах традиционные стандарты и нормы разрушаются, не будучи заменены новыми. Аномия возникает, когда в определенных областях социальной жизни нет ясных стандартов поведения. В этих обстоятельствах, по мнению Дюркгейма, люди испытывают тревоги, страх перед неопределенностью, поэтому аномия

---

[9] *Box Steven*. Power, Crime and Mystification. London, 1983.

[10] *Sutherland Edwin H.* Principles of Criminology. Chicago, 1949.

[11] *Gibbons Don*. The Criminological Enterprise: Theories and Perspectives. Englewood Cliffs, 1979.

[12] *Merton Robert K.* Social Theory and Social Structure. Glencoe, 1957.

[13] anomie (англ.) — моральное разложение, падение нравов.

может стать одним из социальных факторов, влияющих на предрасположенность к самоубийству.

Мертон модифицировал понятие аномии для обозначения напряженности, возникающей в поведении индивида в ситуации, когда принятые нормы вступают в конфликт с социальной реальностью. Так, в американском обществе общепринятые ценности ориентируют человека на продвижение вперед, на «делание денег», т. е. на материальный успех. В качестве средств для достижения этой цели предполагаются самодисциплина и интенсивная работа. Согласно этим положениям, люди, работающие действительно интенсивно, должны добиться успеха вне зависимости от своей стартовой позиции в жизни. В действительности это не так, поскольку большинство людей, изначально находящихся в неблагоприятном положении, располагают ограниченными перспективами роста. Те, кто не «преуспел», сталкиваются с осуждением своей очевидной неспособности добиться материального успеха. В такой ситуации возникает большое искушение «продвинуться» любыми средствами, законными или незаконными.

Мертон выделяет пять возможных реакций на напряжение, возникающее в связи с несоответствием между социально одобряемыми ценностями и ограниченностью средств их достижения. «*Конформисты*» придерживаются общепринятых ценностей и установленных средств их реализации, при этом не имеет значения, добились они успеха или нет. В эту категорию попадает большинство населения. «*Инноваторы*» — те, кто продолжает придерживаться социально принятых ценностей, но используют околозаконные или незаконные средства для их достижения. Данный тип реакции характерен для преступников, достигших благосостояния с помощью противозаконных действий.

«*Ритуализм*» свойствен тем, кто продолжает следовать принятым стандартам, хотя ощущение смысла ценностей, направлявших их действия, уже утрачено. Правила выполняются ради них самих, без цели, как бы помимо воли. Ритуалисты, как правило, люди, посвятившие себя утомительной и неинтересной работе, без перспектив и с незначительным вознаграждением. «*Ретриатисты*» — те, кто отвергает мировоззрение соперничества, тем самым не принимая ни доминирующих ценностей, ни санкционированных средств их достижения; в качестве примера можно привести членов независимых самоокупающихся коммун. И, наконец, «*бунтари*» отвергают существующие ценности и нормативные средства, но активно желают утвердить новые ценности и преобразовать социальную систему. К этой категории относятся члены радикальных политических группировок.

Аномия и ассоциация: преступные субкультуры

О криминальной деятельности как таковой Мертон писал сравнительно мало. Он также не давал объяснений, каким образом выбирается та или иная реакция на аномию. Эти пробелы были заполнены позже другими исследователями, связавшими идею Сазерленда о дифференцированной ассоциации (суть ее заключается в том, что группа людей, с которыми связан индивид, влияет отрицательно или положительно на его отношение к преступлению) с тезисами Мертона. Ричард А. Кловард и Ллойд Е. Олин провели исследование в юношеских **преступных группировках**[14]. По их мнению, подобные группировки формируются в субкультурных сообществах, где шансы на легальное достижение успеха малы, — таких, например, как сообщества этнических меньшинств. Члены подобных группировок принимают желательность

[14] *Cloward R.* and *L. Ohlin*. Delinquency and Opportunity. New York, 1960.

некоторых показателей материального успеха, однако их ценности фильтруются в местных субкультурах. В криминальных районах субкультура преступных группировок помогает индивиду пройти путь от детской кражи до взрослой преступной жизни. В районах, не охваченных организованной преступностью, правонарушения, совершаемые группировками, принимают форму драк и вандализма, так как возможность стать частью криминальной структуры для членов группировок практически отсутствует. Те, кто не в состоянии взаимодействовать ни с легальным социальным порядком, ни с преступными групповыми субкультурами, находят альтернативу реальности в употреблении наркотиков.

В работах Кловарда и Олина обнаруживаются параллели с исследованием преступных субкультур, проведенным ранее Альбертом Коэном. Коэн выделил в крупнейших городах Америки районы, где преступность стала образом жизни. По его мнению, члены группировок крадут не ради материальной выгоды, а по тем же самым причинам, по которым занимаются драками и вандализмом, — они демонстрируют неприятие «респектабельного» общества. Осознавая свою обделенность в существующем социальном порядке, группировки создают собственные, оппозиционные ценности.

Оценка

В исследованиях Кловарда—Элина и Коэна подчеркивается связь между конформностью и отклонением: отсутствие возможности для успеха в смысле, принятом доминирующим обществом, является основным дифференцирующим фактором между теми, кто вовлечен в преступные действия, и теми, кто не вовлечен. Тем не менее, мнение о том, что люди из более бедных слоев имеют тот же уровень потребности в «успехе», что и люди из более благоприятной среды, не является достаточно обоснованным. Наоборот, большинство из них соотносят свои устремления с тем, что имеют в реальности. Ошибочно также думать, что несоответствие стремлений и возможностей свойственно только непривилегированным слоям населения. Можно предположить, что существует давление в сторону криминальной деятельности — и, возможно, некоторых других типов отклонений, предложенных Мертоном, — там, где существует большой разрыв между стремлениями и возможностями. О таком разрыве можно говорить, например, в так называемых преступлениях «белых воротничков»: растратах, мошенничествах и уклонении от уплаты налогов.

Теория стигматизации

Одним из важнейших подходов для понимания того, как происходят преступления, является **теория стигматизации** (т. е. наклеивания ярлыков, клеймения) — хотя этот термин сам по себе обозначает группу связанных между собой идей, а не единый подход. Сторонники теории стигматизации интерпретируют отклонение не как некий набор характеристик индивида или группы, а как *процесс* взаимодействия между людьми с отклонениями и людьми без отклонений. Согласно этой точке зрения, чтобы понять природу отклонения, нужно понять прежде всего, почему на некоторых людей навешивают ярлык отклоняющихся. Те, кто представляет силы закона и порядка, либо те, кто может навязывать свои моральные установки другим, и выступают основным источником ярлыков. Ярлыки применяются, чтобы сформировать категории отклонения, и, таким образом, выражают структуру власти в обществе. Правила, при помощи которых определяются отклонения, и условия, когда эти правила применяются, устанавливаются богатыми для бедных, мужчинами

для женщин, старшими для младших, этническим большинством для представителей меньшинств. К примеру, многие дети лазят в чужие сады, бьют стекла, крадут фрукты и прогуливают занятия. В состоятельных районах эти проступки рассматриваются родителями, учителями и полицией как относительно невинные болезни роста. В бедных районах они будут скорее рассматриваться как проявление преступных наклонностей в раннем возрасте.

Как только на ребенка навешивается ярлык преступника, он уже заклеймен; вероятнее всего, учителя и будущие работодатели будут в дальнейшем рассматривать его и относиться к нему как к не внушающему доверия. Индивид снова совершает криминальные действия, тем самым увеличивая разрыв с ортодоксальными социальными нормами. Первоначальный акт правонарушения Эдвин Лемерт называет *первичным отклонением*. *Вторичное отклонение* происходит, когда индивид принимает клеймо и воспринимает себя как преступника.

Рассмотрим поведение мальчика, который, будучи с друзьями в субботний вечер за городом, разбил витрину в магазине. Это действие будет расценено, вероятнее всего, как случайность буйного поведения, простительного для молодых людей. Юноша скорее всего отделается замечанием и небольшим штрафом. Если он из «респектабельной» семьи, это вполне вероятный исход. Происшествие с витриной будет соответствовать первичному отклонению, если молодой человек будет выглядеть как «приличный», но бывший несколько неосторожным в тот момент. Однако если реакция полиции и суда будет более суровой, скажем, вынесение условного приговора и направление в попечительский совет, то инцидент может стать первым шагом в процессе вторичного отклонения. Процесс «научения быть преступником» усугубляется теми же самыми организациями, чьей задачей является корректирование отклоняющегося поведения, — колониями, тюрьмами и приютами.

Теория стигматизации важна, поскольку исходит из допущения, что ни одно действие не является изначально преступным. Определения криминальности устанавливаются людьми, наделенными властью, путем формулирования законов и их интерпретации полицией, судами и исправительными учреждениями. Критики теории ярлыков утверждают, что есть действия, однозначно запрещенные всеми культурами, такие как убийство, изнасилование и разбой. Эта точка зрения в действительности некорректна: даже в рамках нашей собственной культуры убийство не всегда расценивается как преступление. В военное время уничтожение врага воспринимается положительно, и до недавнего времени британскими законами половой акт, совершенный женщиной по принуждению со стороны мужа, не расценивался как изнасилование.

Теорию стигматизации можно критиковать более убедительно по другим трем направлениям. Во-первых, в рамках этой теории делается акцент на процессе навешивания ярлыков, в то время как процессы, которые *вызвали* отклоняющееся поведение, уходят из поля зрения [15]. Ясно, что навешивание ярлыков не совершается произвольно; различия в социализации, установках и возможностях влияют на то, насколько люди чувствительны к полученному ярлыку отклоняющегося и как ведут себя после этого.

Во-вторых, до сих пор неясно, действительно ли навешивание ярлыка обладает эффектом усиления отклоняющегося поведения. Как правило, преступное поведение усиливает последующие подозрения, но является ли это результатом именно навешивания ярлыка? Судить об этом очень трудно, поскольку здесь задействовано много

[15] *Fine B.* Labelling theory. In: Economy and Society, 4. 1977.

других факторов, например, увеличение общения с другими правонарушителями или появление новых возможностей для совершения преступлений [16].

В-третьих, поиск причин применения различных ярлыков приводит к необходимости изучить развитие современной законодательной, судебной и полицейской системы. Следовательно, для понимания отклонения должен исследоваться исторический аспект. Уильям Нельсон изучал характер изменения процедур уголовного законодательства в штате Массачусетс в период с 1760 по 1830 год. Система законодательства и наказания, сформировавшаяся в этот период, чрезвычайно сильно повлияла на позднейшее развитие законодательной системы во всей стране. Изучая судебные протоколы, Нельсон обнаружил значительные изменения. До начала Войны за независимость присяжные могли сами интерпретировать законы и выносить решения относительно конкретных случаев. Законы о собственности, существовавшие в то время, не способствовали финансовым сделкам и накоплению капитала. Однако после войны, когда интересы сместились в сторону экономической экспансии, законы были изменены для усиления защиты частной собственности. Напористое приобретение земли и собственности стало «легальным», в то время как преступления против собственности, включая мелкие кражи, стали основанием для самых серьезных санкций.

Рациональный выбор и «ситуационная» интерпретация преступления

Ни в одной из упомянутых социологических теорий девиантного поведения нет места толкованию криминального поведения как преднамеренного и обдуманного действия. В каждой из них преступность рассматривается скорее как «противодействие», а не как «действие», как следствие внешних влияний, а не как результат действий индивида. Теория дифференцируемой ассоциации делает акцент на взаимодействии с представителями преступных группировок; теория аномии фокусирует внимание на давлении, которому подвергаются индивиды в обществе, ориентированном на успех; теория стигматизации подчеркивает эффект, создаваемый общественными институтами при классификации поведения. Но люди, совершающие преступные действия, неважно, регулярно или спорадически, поступают так с определенной целью, нередко осознавая, чем они рискуют.

В последнее время делались попытки применить при анализе криминальных актов *интерпретацию рационального выбора* [17]. Суть подхода заключается в том, что люди сами *выбирают* преступные действия, а не принуждаются к этому внешними влияниями. Они просто считают, что есть ситуации, в которых стоит пойти на риск. Люди с «криминальной ментальностью» — те, кто, несмотря на риск быть пойманными, видят преимущества, которые могут быть получены в ситуации нарушения закона. Исследования показывают, что значительная часть преступных действий, в частности, почти все мелкие преступления вроде краж без применения насилия, являются «ситуационными» решениями. Появляется некоторая возможность, которая слишком хороша, чтобы упускать ее, — например, человек видит, что дом пуст, пробует открыть дверь и обнаруживает, что ему это удается. Преступников-«профессионалов» не так уж много; большинство воров —

---

[16] *Farrington David, Lloyd E. Ohlin* and *James Q. Wilson.* Understanding and Controlling Crime: Toward a New Research Strategy. New York, 1986.

[17] *Cornish D. B.* and *Clarke R. V.* The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspectives on Offending. New York, 1986.

«дилетанты», дополняющие доходы из прочих источников участием в кражах и грабежах, если предоставляется такая возможность[18].

Флойд Фини изучал группу калифорнийских мужчин-преступников, часть которых обвинялись в совершении разбойных нападений[19]. Более половины из них сказали, что они не планировали заранее преступления, в совершении которых обвинялись. Еще треть сообщила о минимальном планировании, например, как найти партнера, где оставить угнанный автомобиль или где достать оружие. Такой план обычно составлялся в день, когда совершалось преступление, нередко за несколько часов до него. Только 15% из них тщательно разрабатывали план, 9% из них следовали привычке, установившейся раньше. Более 60% преступников заявили, что перед совершением преступления даже не допускали мысли, что их могут поймать. Это убеждение имело основания: в выборку входил человек, совершивший к 26 годам более 1000 грабежей и только один раз осужденный.

Ситуативность преступлений против собственности показывает, насколько близки криминальные действия к нормальным повседневным решениям. Раз индивид в принципе готов заняться криминальной деятельностью (состояние ума, объяснить которое могли бы другие теории), многие преступные действия предполагают совершенно обычные процессы принятия решений. Решение взять что-нибудь в магазине, когда никто не видит, не слишком отличается от решения купить попавший на глаза товар — фактически, человек может сделать и то и другое во время одного похода за покупками.

Теоретические выводы

Итак, какой вывод можем мы сделать из этого обзора множества теорий преступности? Прежде всего, мы должны повторить замечание, сделанное раньше. Несмотря на то, что «преступление» — только одна подкатегория девиантного поведения как целого, оно охватывает такое многообразие видов деятельности — от взятой и не оплаченной плитки шоколада до массового убийства, — что кажется совершенно невозможным создать единую теорию, которая могла бы объяснить все формы криминальной деятельности. Каждая из рассмотренных нами теоретических точек зрения дает вклад в понимание либо каких-то аспектов, либо каких-то видов преступлений. Биологические и психологические подходы могут служить для того, чтобы идентифицировать некоторые личностные характеристики, которые — при заданных особых условиях социального воспитания и опыта — предрасполагают определенных индивидов к размышлениям о преступных действиях. Например, индивиды с чертами, обычно описываемыми как «психопатические», возможно, значительно шире представлены среди особо опасных преступников, чем среди населения в целом. С другой стороны, они, вероятно, чрезвычайно хорошо представлены среди людей, совершивших акты высшего героизма или среди тех, кто занимается сопряженными с риском видами деятельности.

Общий вклад социологических теорий преступности двояк. Во-первых, эти теории правильно подчеркивают непрерывность между криминальным и «респектабельным» поведением. Ситуации, в которых различные типы деятельности рассматриваются как «криминальные» и преследуются законом, варьируются чрезвычайно широко. Во-вторых, почти во всех подходах особо отмечается *«контекстуальный»*

[18] *Walsh Dermot*. Heavy Business: Commercial Burglary and Robbery. London, 1986.

[19] *Feeney F.* Robbers as decision-makers. In: *Derek B. Cornish* and *Ronald V. Clarke* (eds). The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspectives on Offending. New York, 1986.

элемент совершения преступных действий. На вероятность совершения преступления и приобретения репутации преступника фундаментальным образом воздействуют социальные нормы и социальная ситуация, в которых находится индивид.

Несмотря на ее недостатки, теория стигматизации, возможно, является наиболее полезным подходом для понимания различных аспектов преступления и отклоняющегося поведения. Эта теория, дополненная исторической интерпретацией, объясняет условия, при которых некоторые виды деятельности определяются как противозаконные, объясняет роль власти в формулировке подобных определений, а также обстоятельства, при которых тот или иной индивид вступает в конфликт с законом. Ситуационные интерпретации преступления могут быть легко связаны с этим подходом, облегчая понимание вопроса, по поводу которого теория стигматизации хранит молчание: почему многие люди, очевидно, не являющиеся «ненормальными», совершают действия, за которыми, как они знают, следуют правовые санкции.

Рассмотрим теперь характер и уровень криминальной активности в современных обществах, уделяя особое внимание проблеме преступности в Великобритании.

Преступления и криминальная статистика

Как много совершается преступлений, и каковы наиболее общие формы преступных действий? Чтобы ответить на этот вопрос, мы можем начать с официальной уголовной статистики. Поскольку такая статистика публикуется регулярно, то оценка уровня преступности, на первый взгляд, не составит труда, но это допущение совершенно неверно. Статистика преступности и правонарушений, вероятно, наименее надежная из всей официально публикуемой информации по социальным вопросам.

Основной недостаток официальной криминальной статистики состоит в том, что она включает только те преступления, которые зафиксированы полицией. Между возможным преступлением и его регистрацией в полиции существует длинная цепь проблематичных решений. О большинстве преступлений, в особенности о мелких кражах, в полицию вообще не сообщается. Люди различаются по своей способности распознать преступление и по своему желанию сообщать о нем. Из тех преступлений, о которых узнает полиция, не все фиксируются статистикой; например, полиция иногда сомневается в надежности информации о преступлении — а было ли оно в действительности. Исследования показывают, что о половине серьезных преступлений, включая изнасилования, грабежи и нападения с целью нанесения тяжких телесных повреждений, полиции не сообщается.

Бюро переписи Соединенных Штатов, начиная с 1973 года, интервьюировало людей в 60 000 случайно выбранных семьях с целью определить количество жертв различных типов преступлений за прошедшие шесть месяцев. Исследование, получившее название «Национальный обзор преступности», показало, что о большинстве серьезных преступлений не было сообщено. Наиболее регулярно сообщают о кражах из торговой сети (86%) и реже всего о квартирных кражах с ущербом менее 50 долларов (15%). До Британских обзоров преступности 1982 и 1984 годов не существовало официальной оценки незарегистрированных преступлений в Соединенном Королевстве. Ситуация с незафиксированными преступлениями в Британии, обнаруженная «Британским обзором преступности», точно отражает результаты американских изысканий.

Для определения истинных размеров преступности недостаточно просто добавить незафиксированные преступления к официальным сообщениям полиции, так как практика фиксации преступлений местными полицейскими подразделениями

Таблица 1. *Отмеченные преступления в Англии и Уэльсе, зафиксированные полицией, 1963–1983 гг.*

Группа преступлений	Число преступлений (тыс.)					% увеличения
	1963	1968	1973	1978	1983	1963–83
Преступления против личности	20,1	31,8	61,3	87,1	111,3	454
Сексуальные преступления	20,5	23,4	25,7	22,4	20,4	−0,5
Кражи со взломом	219,1	287,1	393,2	565,7	813,4	271
Грабеж	2,5	4,8	7,3	13,1	22,1	784
Воровство и кражи из магазинов	653,4	853,1	998,9	1441,3	1705,9	161
Мошенничество и подлог	54,4	74,5	110,7	122,2	121,8	124
Нанесение ущерба	6,9	12,2	52,8	306,2	443,3	6325
Другие отмеченные преступления	1,1	2,1	7,8	3,5	8,7	691
Всего	978,1	1289,1	1657,7	2561,5	3247,0	232

Источник: *A. K. Bottomley* and *K. Pease.* Crime and Punishment: Interpreting the Data. Open University Press, 1986. P. 5.

различна. Некоторые отчитываются о меньшем количестве преступлений, чем другие, либо вследствие неэффективности, либо для того, чтобы их показатели выглядели лучше. Так, исследования показали, что быстрый рост преступности в крупнейших городах Соединенных Штатов в 1960-х годах был в большой степени результатом изменения практики предоставления отчетов. Граждане могут иначе сообщать информацию по мере изменения общественных установок и ценностей. Например, об изнасилованиях заявляют чаще, если женщины встречают более дружелюбное отношение в полиции и суде.

С 1971 по 1980 год число официально зарегистрированных преступлений в Соединенных Штатах возросло на 42%. Это вызвало рост общественного беспокойства, хотя реальная тенденция была гораздо менее выраженной. Количество серьезных преступлений, по документам Национального обзора преступности, слабо изменилось за этот период; наблюдался незначительный, хотя и устойчивый, рост. Уровень умышленных и непредумышленных убийств вырос с 1977 по 1981 год на 11%. Это, вероятно, представляет реальное увеличение, хотя вряд ли число абсолютно точное.

Похожие исследования проводились и в Соединенном Королевстве. Правительство Британии учредило Всеобщий Обзор Домовладения, который проводит общенациональные опросы. В обзоры 1972, 1973, 1979 и 1980 годов был включен вопрос о кражах со взломом. Домовладельцев просили отмечать все кражи в течение двенадцати месяцев, предшествующих проведению опроса. Из обзора 1981 года следовало, что с 1972 по 1980 год объем краж со взломом практически не изменился, хотя в тот же период официальная британская криминальная статистика на основании информации, поступающей в полицию, показала рост числа этих преступлений на 50%. Явный рост происходит, вероятно, вследствие усиления общественной обеспокоенности, которое привело к увеличению числа сообщений в полицию, а также вследствие использования более эффективных способов сбора информации.

«Обзоры жертв», подобные Национальному обзору преступности, сталкиваются со своими трудностями. Люди более предрасположены сообщать о некоторых преступлениях интервьюерам, а не полиции, но с другими криминальными действиями ситуация может быть обратной. Женщина может сообщить в полицию, если муж напал на нее, но, разговаривая с интервьюером несколько месяцев спустя, может не отметить этот случай, особенно если муж присутствует при интервью. Исследование,

проведенное в г. Сан-Хосе, Калифорния, было посвящено случаям, когда люди сообщали о нападении в полицию, и позднее опрашивались в рамках Национального обзора преступности. Только 48% рассказали о нападении в последующем интервью, и пропорция была ниже среди тех, кто сообщал в полицию, что нападавший был родственником.

Убийства и другие тяжкие преступления

Убийства

Данные об убийствах в криминальной статистике являются, вероятно, наиболее точными. Но даже здесь есть проблемы. Для того, чтобы смерть была классифицирована как результат убийства, должно быть установлено, что преступление имело место. Обычно это означает, что должно быть обнаружено тело. В ситуации, когда тело не было обнаружено, только небольшая часть смертей характеризуется как убийство. Если тело имеется, убийство будет предполагаться, лишь если имеются обстоятельства, показывающие, что смерть была «неестественной» — такие, как следы жестокого избиения или сквозные ранения головы. В случае возбуждения уголовного дела обвиняемый может быть признан виновным в убийстве по неосторожности (имелась цель нанести вред, но не убивать), а не в умышленном убийстве.

Общественная статистика здоровья, основывающаяся на докладах коронеров (судебных следователей, производящих дознание в случае смерти), дает способ измерения уровня убийств, более или менее независимый от полицейских отчетов. Эти доклады не являются совершенно точными, поскольку коронеры могут ошибочно принять убийство за несчастный случай, или неправильно интерпретировать убийство как самоубийство. Однако такая статистика в общем близка к уровню убийств в полицейских отчетах; и можно предположить, что, вероятно, эти сведения в действительности достаточно точны.

Тяжкие преступления

Криминальная статистика указывает на один феномен, который никем практически не оспаривается: исключительно высокий уровень тяжких преступлений в США по сравнению с другими индустриальными странами, включая Британию. Так, в Детройте, население которого — 1 500 000 человек, в год регистрируется больше убийств, чем в Великобритании, где проживает 55 000 000 человек. Если сравнить цифры, то Соединенные Штаты оказываются культурой, в которой процветают тяжкие преступления. Почему это происходит?

При ответе прежде всего ссылаются на повсеместную доступность огнестрельного оружия. Конечно, это играет роль, однако само по себе владение огнестрельным оружием не может стать первопричиной преступности. В Швейцарии, например, уровень тяжких преступлений очень низок, хотя оружие доступно многим. Все мужчины в Швейцарии являются членами гражданского ополчения, хранят дома оружие (винтовки, револьверы, автоматическое оружие) и амуницию. Лицензию на оружие получить также нетрудно[20]. Гораздо более вероятное объяснение высокого уровня тяжких преступлений в США получается при комбинации трех факторов: доступности оружия, общего влияния «традиции первопроходцев» и существования

[20] *Clinard Marshall*. Cities with Little Crime: The Case of Switzerland. Cambridge, 1978.

преступных субкультур в крупных городах. Насилие со стороны американских пионеров и членов «комитетов бдительности» составляет часть американской истории. Некоторые из первых иммигрантов устанавливали в районах своего проживания собственные неформальные способы социального контроля, основанные на насилии или угрозе насилия. Молодежи в чернокожих и испаноговорящих сообществах свойственны подобные субкультуры мужественности и чести, связанные с ритуалами насилия.

Насилие в американском или в британском обществе совершенно не связано с биологическими характеристиками, отличающими черных от белых. Исследования показывают, что уровень тяжких преступлений в африканских общинах чрезвычайно низок по сравнению с американским чернокожим населением. По данным исследования Марвина Вольфганга, проведенного в Филадельфии, между 1948 и 1952 годами среди чернокожих ежегодно имело место 24,6 случаев убийств на 100 000 жителей. В африканских группах, обследованных в тот же период Полом Боэнмэном, число убийств в год составило менее 12 на 1 000 000 жителей. Это один из самых низких показателей в мире[21].

Важно отметить, что тяжкие преступления в основной массе носят обыденный характер. Большинство случаев насилия и убийств мало напоминают кровавые театральные действия гангстеров, показываемые средствами массовой информации. Обычно убийства происходят в семье либо среди людей, имеющих родственные связи. Гораздо чаще они совершаются под воздействием алкоголя, чем под воздействием наркотиков, что не удивительно, если учесть доминирование алкоголя в структуре потребления.

Достаточно большое число убийств «спровоцировано жертвами». Жертва может вызвать действия преступника, первой допуская угрожающий жест или нанося удар. Подобные случаи выявлены в исследовании Вольфганга в Соединенных Штатах. Результаты исследования привлекли внимание к этому явлению. Вот один из примеров. Когда будущий убийца спросил у жертвы о деньгах, которые тот был должен, будущий пострадавший впал в ярость, схватил тесак и собрался ударить своего кредитора, успевшего, однако, выхватить нож и заколоть его.

Особая форма тяжких преступлений, изнасилование, обсуждается в главе 6, «Гендер и сексуальность».

Тюрьмы и наказания

Тюремное заключение долгое время ассоциировалось с целями коррекции криминального поведения — реабилитацией преступников и превращением их в законопослушных граждан. Тюремное заключение является способом наказания правонарушителей и защиты граждан от них. Но все же провозглашенным принципом системы тюремного заключения является «исправление» индивида, чтобы он мог в дальнейшем занять соответствующее место в обществе. Действительно ли тюрьмы оказывают такой эффект? Факты однозначно показывают, что нет.

Заключенных больше не подвергают физическим наказаниям, как это было раньше, хотя побои в тюрьмах (даже женских) не ушли в небытие. Однако преступники сталкиваются с другими типами наказаний. Их лишают не только свободы, но и дохода, общества, семьи, бывших друзей, гетеросексуальных связей,

[21] *Wolfgang Marvin.* Patterns of Homicide. Philadelphia, 1958; *Bohanman Paul* (ed.). African Homicide and Suicide. Princeton, New Jersey, 1960.

собственной одежды и других личных вещей. Часто они живут в перенаселенных помещениях и вынуждены мириться со строгими предписаниями и регламентацией повседневной жизни.

Жизнь в таких условиях скорее вбивает клин между обитателями тюрьмы и остальным обществом, чем способствует скорейшей адаптации поведения к нормам этого общества. Заключенные имеют дело с окружением, чрезвычайно отличающимся от внешнего мира. Привычки и способы поведения, которые они усваивают в тюрьме, часто прямо противоположны тому, что от них ожидается. К примеру, у них развиваются зависть к остальным гражданам, отношение к насилию как норме, контакты с преступниками-рецидивистами, сохраняющиеся и после освобождения, криминальные навыки, которых ранее они практически не имели. Поэтому неудивительно, что уровень *рецидивной* преступности — повторения правонарушений теми, кто ранее сидел в тюрьме — тревожаще велик. Более 60% всех освобожденных в течение четырех лет со времени совершения первых преступлений вновь подвергаются аресту. Реальный уровень повторных правонарушений, возможно, даже выше, поскольку некоторым из тех, кто вернулся к преступной жизни, удается избежать поимки.

Хотя тюрьмам не удается перевоспитать преступников, они все-таки удерживают людей от совершения преступлений. Те, кто попал в заключение, не удержались, следовательно, от преступных действий, но неприглядные стороны тюремной жизни могут вполне предостеречь других. В этом противоречии заключается практически неразрешимая проблема для реформаторов тюремной системы. Превращение тюрем в места, неприемлемые для пребывания, возможно, удержит потенциальных правонарушителей, но в то же время делает почти недостижимыми реабилитационные цели тюрьмы.

Последнее время гораздо больше людей, виновных в преступлениях, осуждено условно или освобождено досрочно, чем находится в тюрьме. Условный приговор широко используется в случаях малозначительных преступлений. Человек, которому вынесен условный приговор, должен сохранять работу и не совершать более правонарушений в течение установленного срока. В конце периода дело закрывается. Досрочное освобождение — это снижение срока наказания за «хорошее поведение» в тюрьме. Когда, проведя определенный срок в тюрьме, заключенный предстает перед комиссией по досрочному освобождению, комиссия может разрешить досрочное освобождение, отказать, назначив, однако, дату следующего слушания, либо решить, что заключенный должен отбыть весь срок. Большинство комиссий по досрочному освобождению признают ограниченный реабилитационный эффект тюрьмы, и на практике решение о досрочном освобождении принимается по большей части на основании соотношения серьезности преступления и строгости наказания.

Смертная казнь

Хотя основной формой уголовного наказания стало тюремное заключение, смертная казнь вызывает все больше возражений. Раз тюрьмы созданы перевоспитывать, уничтожение людей за преступления большинству реформаторов кажется нелогичным и варварским. По их мнению, приговорить кого-либо к смерти значит признать невозможной перемену его поведения.

Как отмечалось ранее, Соединенные Штаты — практически единственная западная страна, в которой все еще применяется смертная казнь. Смертная казнь была фактически отменена Верховным судом в 1972 году, но в 1976 была опять

восстановлена. В 1977 году казнь восстанавливается в некоторых штатах, хотя их количество остается относительно небольшим. Число людей, приговоренных к смерти, каждый год возрастает, но наличие апелляций и прочих факторов уменьшает реальное число казненных.

Во многих странах под воздействием общественного давления возвращаются к вопросу возобновления смертной казни за определенные виды преступлений (такие, как терроризм или убийство полицейского). Опросы общественного мнения в Британии свидетельствуют о том, что большинство населения желает восстановления смертной казни. Многие, по-видимому, верят, что угроза казни остановит потенциальных убийц. Несмотря на устойчивость такого мнения, у этой идеи мало (или совсем нет) подтверждений. В странах, отказывавшихся от смертной казни, не наблюдался заметный рост числа убийств. И хотя в Соединенных Штатах сохраняется смертная казнь, американский уровень убийств остается самым высоким в индустриальных странах.

Конечно, общественное мнение по этому вопросу имеет скорее отношение к воздаянию, а не к мысли, что смертная казнь должна останавливать других. Часто считают, что тот, кто отнял жизнь у другого человека, должен поплатиться тем же. Имеется и другая точка зрения: общество не имеет морального права предавать своих граждан смерти за любое преступление. Эта вторая точка зрения, с учетом отсутствия устрашающего эффекта казни, и является господствующей среди большинства законодателей.

Пол и преступление

Как и в остальных областях социологии, криминологические исследования традиционно игнорировали половину населения[22]. Многие учебники криминалистики до сих пор ничего не говорят о женщинах, за исключением разделов об изнасиловании и проституции. Большинство теорий отклоняющегося поведения также полностью игнорирует женщин. Примером может выступать мертоновская концепция социальной структуры и аномии. Стремление к преуспеванию заражает практически каждого в современном обществе. Согласно идеям Мертона, логично утверждать, что женщины будут фигурировать в определенных категориях отклонений чаще, чем мужчины, поскольку у них меньше возможностей «преуспеть». Однако уровень преступности среди женщин невысок. Несмотря на то, что женщины в силу каких-то причин менее склонны к совершению преступных действий, вряд ли это может быть достаточным основанием, чтобы исключить их из поля зрения.

Уровни мужской и женской преступности

Статистические данные преступности по гендерным[23] характеристикам поразительны. Например, существует огромный дисбаланс числа мужчин и женщин, содержащихся в тюрьмах, и не только в Британии, но и в других индустриальных странах. Женщины составляют только 3% от населения британских тюрем. Судя по официальной статистике, существует разница и в типах совершаемых преступлений.

---

[22] *Morris A.* Women, Crime and Justice. Oxford, 1987.

[23] Рассматривая поведение мужчин и женщин, социологи часто предпочитают использовать термин «гендер», а не «пол». «Пол» обозначает биологические/анатомические различия между мужчиной и женщиной; «гендер» — психологические/социальные/культурные различия между ними — различия между мужественностью и женственностью (см. главу 6, «Гендер и сексуальность»).

Преступления женщин — редко тяжкие, и почти всегда мелкомасштабные. Незначительные кражи, например, в магазинах, и нарушения общественного порядка, вроде публичного появления в нетрезвом виде и проституции, являются типичными женскими преступлениями[24].

Возможно, что реальные различия уровня преступности среди мужчин и женщин не столь велики, как показывает официальная статистика. Полиция и другие официальные лица могут считать женщин менее опасными, чем мужчин, оставляя без последствий те действия, за которые мужчина был бы арестован. Опросы жертв преступлений дают возможность проверить эту версию. В одном исследовании в Соединенных Штатах материалы Национального обзора преступности 1976 года были сопоставлены со статистическими данными ФБР с целью выяснить, существуют ли между этими данными расхождения в количестве преступных действий, совершаемых женщинами. Небольшие различия были обнаружены в отношении серьезных преступлений, совершенных женщинами, и статистика ФБР показала даже более *высокий* уровень, чем сообщали обзоры. Ряд исследователей утверждает, что участие женщин в «мужских» преступлениях, таких, как разбой, может быть большим, но данные, которые бы однозначно подтверждали эту тенденцию, отсутствуют[25].

Источником информации о гендере, возможностях и преступлениях явились эксперименты с «потерянными письмами»[26]. В общественных местах оставлялись конверты с деньгами. В различных версиях условия менялись: различались суммы, деньги вкладывались наличными либо в другой форме (например, денежный перевод), отличались «теряющие» (пожилая женщина либо богатый мужчина). Характеристики индивида, поднявшего письмо, фиксировались. При помощи специального кодового номера исследователи определяли, отправлено письмо или осталось в руках того, кто поднял конверт.

Деньги забирали чаще всего, когда предполагаемой жертвой был состоятельный мужчина и в конверте были наличные, но женщины склонялись к краже так же часто, как и мужчины, за исключением случаев, когда в конверте были очень крупные суммы. Около половины наблюдавшихся мужчин крали в этой ситуации, по сравнению с менее чем четвертью женщин. Присвоение небольшой суммы наличными, возможно, не воспринималось как «кража», тогда как присвоение большой суммы воспринималось именно так, и мужчины, похоже, более склонны поживиться таким путем.

Единственный вид преступлений, где показатели правонарушений женщин такие же высокие, как мужчин, — это кражи в магазинах. Полагают, это демонстрирует, что женщины предпочитают совершать криминальные действия в «общественном» окружении — при походе за покупками, — а не в домашнем. Иными словами, там, где возможность совершения преступления более или менее одинакова для мужчин и женщин, и те и другие с равной вероятностью совершают правонарушения. Исследований, посвященных сравнению уровня магазинных краж женщинами и мужчинами, проведено было мало, однако одно из последних исследований показало, что мужчины совершают в магазинах краж вдвое больше, чем женщины[27],

---

[24] *Flowers R. B.* Women and Criminality: The Woman as Victim, Offender and Practicioner. New York, 1987.

[25] *Dobash R. P., Dobash E. R.* and *Gutteridge S.* The Imprisonment of Women. Oxford, 1986.

[26] *Farrington David* and *Kidd R.* Stealing from a «lost» letter: effects of victim characteristics // Criminal Surface and Behaviour, 7, 1980.

[27] *Buckle A., Farrington D. P.* An Observational Study of Shoplifting // British Journal of Criminology, 24. 1984.

Девушки в составе преступных группировок

Исследований участия женщин в молодежных бандах либо в целиком женских преступных группировках (если такие существуют) проведено немного. Описано несчетное количество мужских уличных групп, но женщины в этих работах появляются лишь эпизодически. Однако в исследовании, проведенном Энни Кэмпбелл, изучались девушки из нью-йоркских уличных группировок[28]. Ею были выбраны три группировки. Одна этнически смешанная, другая пуэрториканская, третья чернокожая. Возраст членов варьировался от пятнадцати до тридцати лет. Кэмпбелл прожила в каждой банде по шесть месяцев, занимаясь в основном лидерами группировок.

Конни была лидером женской группировки «Сэндмэн Лэйдиз», смешанной негритяно-испанской банды из Гарлема, связанной с «Сэндмэн Байкерз», бандой, возглавляемой ее мужем. В момент проведения исследования (1979 год) ей было тридцать лет. Основным источником дохода «Сэндмэн Байкерз» были наркотики. Группа находилась в затянувшейся междоусобице с «Избранными», бандой из верхнего Манхэттена. Каждый, кто вступал в группировку «Сэндмэн Лэйдиз», должен был сначала продемонстрировать бойцовские качества. Решение о членстве принимала Конни, она определяла, может ли девушка болтаться с ними в течение испытательного срока и получит ли она свою «бляшку» (знак отличия). Конни всегда носила с собой выкидной нож, был у нее и пистолет. Она говорила, что если дерется, то чтобы убить. Ссоры, переходящие в драки, были типичны и в женской группировке, и в мужской.

Виецца была лидером «Секс Герлз», испаноязычной банды, имевшей мужскую и женскую группы. Она не умела читать, писать, не знала своего возраста, — ей было примерно двадцать шесть. В период расцвета в банде было более пятидесяти женщин. Поощрялась склонность к физическому насилию, типичными были драки и побои. Это очень нравилось мужчинам, членам банды, однако в остальном они поощряли традиционные обязанности женщин: уход за детьми, приготовление еды, починка одежды и т. д.

Третья группа — «Пять процентов нации» — была негритянской религиозной организацией. Ее члены считали, что 10% населения эксплуатируют остальные 85%, а 5% общества — просветленные последователи Ислама, призванные заниматься воспитанием негров. Полиция относила «Пять процентов нации» к уличным группировкам. Индивид, на котором Кэмпбелл сосредоточила внимание, Солнце Африки, не принимала то, что она называла «именем, данным правительством». Как и в других группировках, она и остальные женщины-члены банды нередко участвовали в драках. Участников группы арестовывали за грабежи, хранение оружия, кражи со взломом и угон автомобилей.

В следующем исследовании Кэмпбелл выясняла отношение к дракам среди школьниц из рабочих семей. Обнаружилось, что школьницы участвуют в драках чаще, чем принято думать[29]. Почти все опрошенные признали, что участвовали в драках, четверть участвовала более чем в шести драках. Большая часть из них не согласились с предложенным утверждением: «Я думаю, что драки существуют только для парней».

---

[28] *Campbell Anne*. The Girls in the Gang. Oxford, 1986.

[29] *Campbell A.* Self-reporting of fighting by females // British Journal of Criminology, 26. 1986.

Насилие в женских тюрьмах

Автобиографические заметки женщин-узниц британских тюрем, собранные Пэт Карлен, описывают многочисленные сцены насилия, которые считаются характерной чертой жизни в женских тюрьмах. Джоси О'Двайе, заключенная тюрьмы Холлоуэй в Лондоне, описала, как «банда диких» из женщин-охранниц занимается карательными акциями против заключенных.

> Одна из охранниц врывается и бьет в грудь, так как хочет, чтобы ее ударили, и этого достаточно, чтобы начать избиение. Они набрасывают на шею «ожерелье», наручники, иногда даже трое наручников. На шее появляются кровоподтеки, как темно-красный воротничок... Ты начинаешь терять сознание и думаешь, что все — умираешь... Но я не умерла, мне повезло, я выжила.[30]

Оценка

Исследования Кэмпбелл и Карлен показывают, что нужно осторожно относиться к утверждению, будто насилие — исключительная черта мужской преступности. Женщины с меньшей вероятностью совершают тяжкие преступления, но они не всегда исключены из участия в насильственных действиях. Почему все-таки уровень преступности среди женщин значительно ниже, чем среди мужчин? Причины этого почти совершенно те же самые, что и объясняющие гендерные различия в других сферах (см. главу 6, «Гендер и сексуальность»). Конечно, существуют специфические женские преступления, прежде всего, проституция, за которую подвергаются наказанию женщины, а не их клиенты-мужчины. Мужские преступления остаются мужскими из-за различий в социализации, а также из-за того, что деятельность мужчин, в отличие от женщин, является в значительной степени «внедомашней». Гендерные различия в преступлениях часто объяснялись врожденными биологическими и психологическими свойствами мужчин и женщин — различной физической силой, пассивностью женщин, их поглощенностью воспроизводством потомства. Сегодня «женственные» качества воспринимаются как социально генерируемые, так же как и черты «мужественности» (см. главу 6, «Гендер и сексуальность»). При социализации у большинства женщин вырабатываются качества, совершенно отличные от мужских (забота о других, поддержание личных взаимоотношений). Даже при высокой профессиональной занятости женщин большинство из них проводят в домашних делах гораздо больше времени, чем мужчины. В домашней сфере возможность и мотивация криминальной деятельности проявляются значительно меньше, чем в общественных местах, где чаще всего пребывают мужчины.

Трудно сказать с какой-либо определенностью, приблизились бы уровень преступности и сферы преступной деятельности женщин к мужским, если бы гендерные отличия стали более размытыми, чем сейчас. Еще в XIX веке криминалисты предсказывали, что уравнивание полов либо уменьшит, либо устранит полностью различия в криминальной деятельности мужчин и женщин, но пока эти различия остаются; исчезнут ли они когда-нибудь, мы пока определенно сказать не можем.

---

[30] *Carlen Pat* et al. Criminal Women: Autobiographical Accounts. Cambridge, 1985.

Преступления богатых людей и людей, наделенных властью

Несмотря на то, что именно бедные составляют основную массу заключенных в тюрьмах, криминальные действия не являются исключительно их уделом. Множество богатых и наделенных властью людей совершают преступления, последствия которых могут быть гораздо более значительны, чем последствия мелких преступлений бедных. В последующих разделах мы рассмотрим некоторые из этих форм преступлений.

Преступления «белых воротничков»

Понятие «преступления белых воротничков» впервые было введено Эдвином Сазерлендом[31] и означает преступления, совершаемые людьми из более состоятельных слоев общества. Этот термин охватывает различные виды криминальной деятельности, включая неуплату налогов, нелегальные торговые сделки, махинации с ценными бумагами и земельной собственностью, растраты, изготовление и продажу опасных для жизни продуктов, загрязнение окружающей среды и, наконец, просто кражи. Частоту преступлений среди «белых воротничков» измерить значительно труднее, чем среди других слоев населения. Большинство преступлений такого рода вообще не появляется в официальной статистике. Мы должны различать **преступления «белых воротничков»** и **преступления людей, наделенных властью**. Преступления «белых воротничков» в основном связаны с использованием профессионального или «среднеклассового» положения для совершения нелегальных действий. В преступлениях людей, наделенных властью, в криминальных целях используется авторитет, предоставляемый официальным положением, — например, когда официальное лицо берет взятку за поддержку определенной политики.

Чтобы выявить преступления «белых воротничков», редко затрачиваются большие усилия, и в тюрьму такие правонарушители попадают нечасто. В качестве яркого примера различий отношения суда к преступлению «белого воротничка» и «ортодоксальному» преступлению можно привести случай, происшедший в Соединенных Штатах. Работник посреднической нью-йоркской фирмы обвинялся в совершении нелегальных операций со швейцарским банком на сумму в 20 000 000 долларов. Он получил условное тюремное заключение и штраф в 30 000 долларов. В тот же день, в том же суде, этот же самый судья вынес приговор безработному негру, ранее служившему в судоходной конторе, за кражу телевизора стоимостью 100 долларов. Ему дали год тюрьмы[32].

Хотя к преступлениям «белых воротничков» власти относятся гораздо более терпимо, чем к преступлениям представителей менее привилегированных классов, цена таких преступлений невероятно высока. В Соединенных Штатах проведено гораздо больше исследований по преступлениям «белых воротничков», чем в Британии. Там было подсчитано, что суммы, фигурирующие в преступлениях «белых воротничков» (налоговые преступления, махинации с ценными бумагами, операции с лекарствами и медицинским обслуживанием, недвижимостью и ремонтом автомобилей), в сорок раз превышают суммы, в которых оцениваются обычные преступления против собственности (грабежи, кражи со взломом, карманные кражи,

[31] *Sutherland Edwin H.* Principles of Criminology. Chicago, 1949.

[32] *Napes G.* Unequal justice: a growing disparity in criminal sentences troubles legal experts. Wall street Journal, 9 September. 1970.

изготовление фальшивых денег и угон автомобилей). Более того, некоторые виды преступлений «белых воротничков» влияют на гораздо большее число людей, чем преступления представителей низшего класса. Растратчик может ограбить тысячи, а сегодня, с помощью компьютерных махинаций, и миллионы людей; испорченные и нелегально проданные продукты и лекарства могут повлиять на здоровье очень многих, и даже вызвать фатальные последствия.

Направленные против жизни и здоровья личности аспекты преступлений «белых воротничков» менее явны, чем при убийстве или разбойном нападении, но они столь же реальны, и при определенных обстоятельствах их последствия могут быть гораздо серьезнее. Например, нарушение предписаний по производству новых лекарств или загрязнение окружающей среды могут стать причиной увечий или смерти огромного количества людей. Количество смертных исходов, вызванных неполадками на рабочих местах, по своим последствиям далеко превосходит число убийств, хотя точные цифры о несчастных случаях на работе получить трудно. Конечно, мы не можем предполагать, что все, или даже большинство, этих смертей и увечий — результат пренебрежения со стороны работодателей требованиями безопасности, соблюдать которые они обязаны. Тем не менее, есть некоторые основания предполагать, что пренебрежение техникой безопасности со стороны работодателей и менеджеров — явление распространенное.

Подсчитано, что около 40% производственных травм, случающихся за год в США, являются прямым следствием нарушений закона об условиях труда, еще 24% — следствием законных, но опасных условий, и только треть вызвана неосторожными действиями самих работников[33]. Имеется множество документально подтвержденных примеров, когда работодатели сознательно создают или сохраняют опасные условия производства, даже если это противоречит закону. Некоторые полагают, что смерть, произошедшую в подобных обстоятельствах, следует расценивать как *корпоративное убийство*, поскольку оно связано с незаконным лишением жизни по вине промышленной корпорации.

Правительственные преступления

Можно ли говорить о том, что правительственные чиновники занимаются преступной деятельностью? Если понятие «преступление» определить в широком контексте моральных проступков, имевших тяжелые последствия, то ответ совершенно очевиден. Государства совершили множество тягчайших преступлений в истории, включая уничтожение целых наций, тотальные бомбардировки, нацистский холокост и сталинские концентрационные лагеря. Однако, даже если определить преступление в терминах нарушения установленного законодательства, то окажется, что правительства нередко действуют преступным образом. Иногда они игнорируют или нарушают те самые законы, которые власть обязана защищать. В британской колониальной истории есть пример, когда неоднократно попирались установленные правительством гарантии для некоторых африканских народов по защите их земель и образа жизни.

Полиция, государственные учреждения, призванные бороться с преступностью, иногда сами вовлекаются в преступные действия. Эта вовлеченность означает не какие-то отдельные изолированные акты, а весьма существенную часть работы полиции. Преступные действия офицеров полиции включают запугивание, избиение или убийство подозреваемых, получение взяток, участие в создании преступной сети,

[33] *Hagen John.* Structural Criminology. Cambridge, 1988.

сокрытие или фабрикацию улик и присвоение вещественных доказательств в случае, когда по делу проходят деньги или наркотики.

Организованная преступность

Организованная преступность связана с деятельностью, очень похожей на обычный бизнес, но содержание которой незаконно. Организованная преступность в Америке — это мощный бизнес, сравнимый с любой из самых крупных сфер экономической деятельности, например, с автомобильной промышленностью. Национальные и локальные преступные организации предлагают запрещенные законом товары и услуги массовому потребителю; некоторые *криминальные структуры* являются транснациональными. Организованная преступность включает в себя, наряду с другими, такие сферы деятельности, как азартные игры, проституция, крупномасштабные кражи и рэкет. В Британии и других европейских странах организованная преступность развита меньше и изучена гораздо слабее.

Точную информацию о природе организованной преступности получить трудно. В романтических рассказах о гангстерах организованная преступность Соединенных Штатов, как правило, изображается тайным обществом национального масштаба, «мафией». Сама по себе мафия, как и ковбои, является элементом американского фольклора. Таинственной группы бандитов сицилийского происхождения, располагающихся на вершине общенациональной организации, скорее всего, в реальности не существует. Но почти во всех крупных американских городах имеются развитые преступные организации, и некоторые из них связаны друг с другом[34].

Наиболее многостороннее исследование организованной преступности в США было проведено Фрэнсисом Янни и Элизабет Русс-Янни[35]. Они занимались одной итало-американской криминальной «семьей» из Нью-Йорка и пришли к выводу, что единой мафиозной организации никогда не было ни в Сицилии, ни Соединенных Штатах. В Америку были экспортированы не организованные преступные группы, но социальные ценности, устанавливающие примат родственных связей и утверждающие главенство личной чести над законом. Лупулло, группа, которую изучали Янни, имела национальные и международные контакты, однако действовала независимо от любой другой криминальной организации.

Организованная преступность в США более масштабна и живуча, чем в других индустриальных странах. Во Франции, например, организованная преступность также достаточно влиятельна, однако ее действие в основном ограничивается лишь двумя городами — Парижем и Марселем. В Южной Италии, на родине типичных гангстеров, преступные организации обладают очень большим влиянием, но они связаны с традиционными формами семейной организации и общинной формой жизненного устройства бедных сельскохозяйственных районов. В Америке организованная преступность получила такое развитие вследствие своих ранних связей с деятельностью промышленных «пиратских баронов» в конце XIX века. Многие первые промышленники добились успеха, эксплуатируя иммигрантов, нарушая установленные законом условия труда и нередко используя для создания своих промышленных империй насилие в сочетании с коррупцией. Организованная преступность расцвела также в нищих этнических гетто (проживающие там люди

[34] *Bequai A.* Organized Crime: The Fifth Estate. Lexington, Mass., 1980.

[35] *Ianni Francis A. J.* and *Elizabeth Reuss-Ianni*. A Family Business: Kinship and Social Control in Organized Crime. New York, 1973.

не имели никаких представлений о юридических и политических правах), где использовались свои методы устранения конкурентов и создания коррумпированных структур.

Нелегальные лотереи, тотализаторы на бегах и спортивных соревнованиях составляют важнейший источник дохода, получаемого организованной преступностью. Подсчитано, что в 1983 году общая сумма, полученная от незаконных тотализаторов в США, составила 30 миллиардов долларов (данные президентской комиссии по организованной преступности 1984 и 1985 годов). В отличие от Соединенных Штатов, многие западные страны имеют легальные тотализаторы. Так, в Великобритании существуют частные заведения, облагаемые налогом, и хотя полной свободы от криминальных влияний нет, азартные игры там не испытывают такого сильного давления нелегальных организаций, как в Америке.

Хотя у нас мало систематической информации относительно организованной преступности в Соединенном Королевстве, известно, что в Лондоне и других больших городах существуют широкие криминальные организации. Некоторые из них имеют международные связи. В частности, Лондон является центром международных криминальных операций. Комментируя расследование незаконных операций с драгоценными металлами в аэропорту Хитроу в 1987 году, один из чиновников Скотланд Ярда сообщил, что следы преступников «привели на остров Мэн, Нормандские острова, Британские Виргинские острова, к американскому побережью, во Флориду и Майами. Они вывели нас на другие отрасли организованной преступности, на наркотики и на связи между нашими преступниками с итальянцами, французами, испанцами и американцами. Некоторые из связей оказались достаточно тесными»[36].

Несмотря на многочисленные правительственные и полицейские кампании, торговля наркотиками — один из самых динамичных международных криминальных видов деятельности, с ежегодным темпом прироста в 1970-х и в начале 1980-х годов около 10%, и с чрезвычайно высоким уровнем прибыли. Героиновые сети растянуты по всему Дальнему Востоку, Южной Азии, Северной Африке, Ближнему Востоку и Латинской Америке. На кокаиновом рынке основным поставщиком является Боливия, в экономику которой от торговли наркотиками ежегодно поступает более миллиарда долларов. Каналы распространения наркотиков в Европе проходят через Париж и Амстердам, откуда они обычно поступают и в Британию.

Преступления без жертв

К так называемым **преступлениям без жертв** относятся действия, совершаемые индивидами без нанесения прямого вреда другим, но расцениваемые как незаконные (употребление наркотиков, различные виды азартных игр, проституция). Понятие «преступление без жертв» не вполне точно. В сущности, игроки или наркоманы становятся жертвами организованной преступности. Однако, поскольку вред, причиняемый индивиду, — дело его собственных рук, многие считают, что правительство не должно вмешиваться в подобного рода деятельность и что такие привычки надо перестать оценивать как «криминальные».

Некоторые авторы полагают, что ни одно действие, совершаемое людьми по собственной воле, не следует считать незаконным (до тех пор, пока оно не посягает на свободу и не причиняет вреда другим людям). Оппоненты, напротив, утверждают, что

[36] *Shawcross Tim* and *Kim Fletcher*. How crime is organized in London // Illustrated London News. October. 1987.

государство должно стоять на страже морали, и поэтому классификация некоторых видов деятельности как преступных оправданна. Любопытно, что этот аргумент чаще всего используют консерваторы, которые в иных случаях с таким же рвением отстаивают свободу индивида от вмешательства со стороны государства. Разумеется, это очень сложная тема. Причиняет ли человек зло другим, поступая во вред себе, скажем, вредит ли наркоман своей семье? Что тут можно сказать определенно?

Представление о психических заболеваниях

Второй крупнейшей разновидностью отклоняющегося поведения, которая регулируется государством и которая предполагает использование принудительных учреждений, являются психические заболевания. Представление о том, что сумасшедшие психически «больны», сформировалось примерно 200 лет назад. Ранее людей, которых теперь принято считать психически больными, оценивали скорее как «одержимых», невменяемых, а не как больных.

Психоз и невроз

По мере того как безумие начало рассматриваться как болезнь, начались попытки понять его природу. Сегодня большинство психиатров считает, что по крайней мере некоторые виды психических заболеваний вызваны материальными причинами. Психические отклонения делятся на две основные категории: **психоз** и **невроз**. Психоз считается наиболее серьезным заболеванием, поскольку он включает нарушение чувства реальности. Наиболее часто встречающейся формой психоза является **шизофрения**. Люди с этим диагнозом являются основными пациентами психиатрических больниц. Симптомы, характеризующие шизофрению, включают бессвязный и нелогичный разговор, слуховые и зрительные галлюцинации, манию величия или преследования, невосприимчивость к окружающим событиям и обстоятельствам.

Невротические расстройства по большей части не препятствуют обыкновенному течению жизни. Главной чертой невротика является глубокая озабоченность вещами, кажущимися другим совершенно тривиальными. Например, невротик может испытывать необычно сильное беспокойство при встрече с незнакомым человеком или перед путешествием на автобусе, автомобиле или самолете. Симптомами невроза могут быть также *компульсивные* действия, которые являются непреодолимой потребностью индивида. Например, человек начинает перестилать и убирать постель тридцать раз за утро, и только после этого он почувствует себя удовлетворенным и перейдет к другим домашним делам.

Физические методы лечения

В течение последнего столетия было опробовано множество способов лечения психических заболеваний. Неоднократно утверждалось, что в основе серьезных психических расстройств (в частности, шизофрении) лежит физиология. Но физические способы лечения психических заболеваний кажутся проблематичными. К физическим методам лечения шизофрении относятся инсулиновая шокотерапия, позднее замененная электро-судорожной терапией, и фронтальная лоботомия (хирургическое устранение связей между определенными участками мозга). Под воздействием шока пациент испытывает непродолжительные, но сильные судороги, за ними следует потеря памяти, которая может продолжаться недели и даже месяцы. Теоретически

после этого пациент возвращается в нормальное состояние. Эта процедура до сих пор используется — в основном, при лечении депрессии, а не шизофрении — хотя многие усматривают в ней не более чем варварскую форму наказания.

Лоботомия была предложена в 1935 году португальским невропатологом Антонио Эгасом Моницем, некоторое время она широко применялась во многих странах. Раздавались громкие заявления о ее эффективности, но вскоре стало очевидно, что у многих пациентов после проведения лоботомии наблюдалось заметное снижение интеллектуальных способностей, развивалась апатия. К началу 50-х годов от этой методики отказались в связи с появлением транквилизаторов. Сегодня транквилизаторы широко применяются при лечении шизофрении и других расстройств. Нет сомнений в том, что лекарства в некоторой степени «действуют». Никто, однако, определенно не может сказать, насколько они снимают те симптомы, которые затрудняют нормальную жизнь пациентов в большом мире. Вопрос, насколько эффективны эти лекарства, по-прежнему остается открытым[37].

Диагностика психических заболеваний

Трудно ожидать однозначного и эффективного воздействия лекарств на психические заболевания, потому что критерии и признаки, по которым проводится диагностика, крайне ненадежны. Яркое подтверждение тому можно найти в исследовании Д. Л. Розенхэна[38]. В ходе исследования восемь нормальных людей явились в приемные отделения различных психиатрических больниц Восточного и Западного побережья Соединенных Штатов. Они скрыли, что являются дипломированными психологами, во всем остальном их биографии были абсолютно достоверны. При поступлении в приемный покой они пожаловались, что слышат голоса.

Всем исследователям был поставлен диагноз «шизофрения», и их приняли на лечение. Попав в больницы, они стали вести себя нормально. Из больничного персонала никто не распознал в них симулянтов, в то время как больные безошибочно увидели в них самозванцев. Участники исследования регулярно и открыто записывали свои наблюдения, однако персонал рассматривал это как одно из проявлений патологии. Продолжительность госпитализации этих людей варьировала от семи до пятидесяти двух дней. Каждый из них был в конце концов выписан с диагнозом «шизофрения в стадии ремиссии». Как отмечает Розенхэн, фраза «в стадии ремиссии» вовсе не означала, что псевдопациенты признаны нормальными людьми, а вопрос о правомерности их госпитализации так ни разу и не поднимался.

Это исследование можно подвергнуть критике, и не ясно, стоит ли так драматизировать результаты исследования. В больничных листах участников эксперимента написано, что «отклонения в поведении не проявлялись». Длительность их госпитализации тоже мало о чем говорит, поскольку из психиатрической клиники США в то время было трудно выписаться без длительного обследования.

Перечня характерных признаков, используемых психиатрами для диагностики шизофрении, в явном виде не существует. Какая-то часть людей, например, постоянно слышит голоса, когда рядом никого нет, у них бывают галлюцинации, они могут совершать неразумные действия. Эксперимент Розенхэна подчеркивает относительность психиатрического диагноза и демонстрирует влияние ярлыка. Если псевдопациенты не были бы участниками научного эксперимента, а оказались

[37] *Scull Andrew.* Decarceration: Community Treatment and the Deviant — A Radical View. Cambridge, 1984.
[38] *Rosenhan D.* On being sane in an insane place // Science, 179. 1973.

в психиатрической больнице по другой причине, то потом им не удалось бы избавиться от ярлыка «шизофрения в стадии ремиссии».

Природа сумасшествия: нарушение остаточных норм

Социологи часто довольно скептически относятся к стремлениям психиатров найти физиологическую основу умственных расстройств, и предлагают для объяснения природы умственных заболеваний теорию стигматизации. Томас Шефф предположил, что умственные расстройства, в особенности шизофрения, могут быть поняты в терминах **нарушения остаточных норм**[39]. *Остаточные нормы* — это «глубинные правила», упорядочивающие повседневную жизнь и связанные с общепринятыми условностями, которые изучали Гофман и представители этнометодологии (как описано в главе 4) — такие, например, как необходимость взглянуть на человека, который обращается к вам, понимание смысла того, что говорят и делают другие люди, контроль жестов и движений своего тела. Нарушение этих норм, полагает Шефф, фактически и есть шизофрения.

Многие из нас в определенных обстоятельствах становятся нарушителями остаточных норм. Человек, глубоко скорбящий о смерти любимого, при взаимодействии с другими может вести себя «неестественно». В подобных обстоятельствах такое поведение допускается и даже предполагается. Но если человек ведет себя странным образом без видимых причин, то реакция окружающих по отношению к нему иная, и, возможно, его сочтут умственно нездоровым. Когда ярлык прикреплен, последующие действия индивида стимулируют вторичное отклонение, то есть поведение в соответствии с ожидаемым образом[40].

Теория Шеффа не объясняет, *почему* индивиды становятся «нарушителями остаточных норм». Возможно, в основе этого лежат генетические факторы. Социологические исследования и теории психических болезней не исключают возможности, и даже вероятности, биологического начала в некоторых из основных типов душевных расстройств.

Политика, социальное давление и психиатрия

Даже если некоторые формы душевных заболеваний и имеют биологическую природу, это не означает, что душевнобольных нужно держать в изоляции от общества и помещать в психиатрические больницы против их воли. Известно множество случаев помещения в психиатрические больницы советских диссидентов без каких-либо признаков умственного расстройства, за исключением их оппозиции к советской системе. Такие акции позволяли убирать критиков системы без судебного разбирательства. Активная политическая оппозиция приравнивалась к лунатикам, а «исцеление» представлялось как отказ от обвинений против государства. Такая практика была широко перенята психиатрами вне Советского Союза, и была крайним случаем использования психиатрии для управления отклоняющимся поведением.

Это не так глубоко, как это принято думать, отличается от психиатрической практики Запада. По утверждению Томаса Шаца, сама идея психических заболеваний — это миф, оправдывающий преследования во имя психического здоровья[41].

[39] *Scheff T.* Being mentally ill. Chicago, 1966.

[40] *Smith Dorothy E.* K is mentally ill: the anatomy of factual account // Sociology, 12. 1978.

[41] *Szasz Thomas.* The Manufacture of Madness. London, 1971.

Принудительное содержание в психиатрической больнице — в сущности разновидность тюремного заключения для тех людей, которые не совершили преступлений, предусмотренных законом. По мнению Шаца, психические заболевания было бы правильнее считать «житейскими проблемами», переживаемыми некоторыми индивидами в острой форме. Люди, называемые «психическими больными», должны содержаться в заключении, только если они нарушили закон, подобно «здоровым» представителям населения. С другой стороны, каждый должен быть свободен в выражении своих взглядов и чувств так, как может, и жить так, как захочет. Тот, кто считает, что ему нужно лечиться, должен получить психиатрическую помощь на основании контракта, так же, как и любую другую услугу.

Отказ от изоляции больных

За последние двадцать пять лет в западных странах заметно изменилось положение обитателей принудительных лечебных учреждений[42]. Большинство психических больных и людей, имеющих психофизиологические недостатки, было выпущено, ограничение свободы было заменено наблюдением на дому. Эти реформы подсказаны гуманными мотивами и некоторым стремлением к экономии, поскольку расходы государства на попечительские учреждения весьма значительны.

Декарцерация радикальным образом повлияла на психическое здоровье людей. Многие либерально настроенные реформаторы беспокоились, не повлияла ли длительная госпитализация на пациентов психиатрических клиник. Дело в том, что люди, долгое время содержавшиеся в изоляции от внешнего мира, со временем социализируются в ситуации заключения, теряют способность существовать за пределами больницы, которая предназначена для их реабилитации. Помимо призыва реформаторов «разделаться с больничными стенами», в 1950-е и 1960-е года еще два новшества повлияли на отношение к психическим больным. Одно из них было впервые реализовано в Британии. Это новый метод психиатрического лечения, который придавал большое значение потребностям индивида в общении с группой и обществом. Вторым, возможно, более важным новшеством было появление новых лекарств, вызвавших переворот в лечении психических заболеваний и разного рода умственных расстройств, характерных для пожилого возраста. Между 1955 и 1974 годами число обитателей психиатрических клиник Британии сократилось на 30%, хотя большинство выписанных составляли пожилые люди. В Калифорнии численность стариков в государственных и муниципальных клиниках только за два года, с 1975 по 1977, упала почти на 95%.

Возникает вопрос, каковы последствия «декарцерации» — возвращения большого числа людей во внешний мир — для самих психических больных? Оказалось, многие больные попали в более тяжелое положение, чем раньше. После выписки из клиник они оказались в ситуации, в которой окружающие либо не могли, либо не хотели заботиться о них. Правительственные службы, сэкономившие на содержании психиатрических клиник, оказались неподготовленными к крупномасштабным вложениям для создания коммунальных служб. Кроме того, неясно, в каком объеме коммунальные клиники будут помогать людям, страдающим серьезными и устойчивыми умственными расстройствами. Многие, выписавшись из психиатрических клиник, столкнулись с отсутствием поддержки и перебрались в трущобы. Здесь они живут в бедности и изоляции в своих каморках и ночлеж-

[42] *Cohen S.* Visions of Social Control: Crime, Punishment and Classification. Oxford, 1985.

ках — такие же несвободные, как когда-то в больнице, но еще и в отсутствие защищенности.

Майкл Диар и Дженнифер Уолш назвали окружение, в котором живут многие бывшие пациенты клиник, «ландшафтом отчаяния»[43], но было бы совершенно ошибочным предположить, что все такие люди хотели бы вернуться в больницу. Диар и Уолш призывают к созданию «ландшафта заботы», где реализовались бы обещания общественной заботы. Это потребовало бы создания соответствующих приютов и служб, предоставления для выпущенных из попечительских учреждений возможности получить работу. В таком контексте мы можем говорить об истинном прогрессе в общественной заботе и понимании людей, страдающих от душевных болезней.

Девиации и социальный порядок

Было бы серьезной ошибкой рассматривать отклонение только в негативном смысле. Любое общество, учитывающее разные ценности и интересы людей, должно найти место для тех индивидов или групп, чьи действия не соответствуют нормам, соблюдаемым большинством. Люди, развивающие новые идеи в политике, науке, искусстве или других областях человеческой деятельности, часто воспринимаются враждебно и недоверчиво теми, кто следует ортодоксальным принципам. Политические идеалы, рожденные Американской революцией[44], такие, как свобода индивида и равенство возможностей, многими людьми в то время были встречены враждебно, хотя сегодня эти ценности приняты во всем мире. Отклонение от господствующих норм требует мужества и решимости. Часто оно имеет принципиальное значение для перемен, которые затем оказываются полезными для всех.

Являются ли «опасные отклонения» ценой, которую общество должно платить, предоставляя людям неконформистского поведения широкую свободу? Например, является ли высокий уровень преступности расплатой общества за индивидуальные свободы своих граждан? Некоторые так и считают, утверждая что насилие неизбежно в обществе, где не существует жестких поведенческих правил. Но если пристально изучить эту точку зрения, она не выглядит логически последовательной. В некоторых обществах, где имеется широкая гамма индивидуальных свобод и к отклоняющемуся поведению относятся терпимо (например, в Голландии), уровень преступности низкий. С другой стороны, государства, в которых область индивидуальных свобод строго ограничена (например, в Южной Африке), демонстрируют высокий уровень насилия.

Общество, которое терпимо относится к девиантному поведению, не обязательно должно столкнуться с дезинтеграцией. Однако избежать дезинтеграции возможно только тогда, когда индивидуальные свободы сочетаются с социальной справедливостью, с социальным порядком, при котором неравенства не очень велики и у населения есть шанс жить насыщенной и полноценной жизнью. Если свобода не сбалансирована равенством, и если многие лишены возможности самореализации, отклоняющееся поведение принимает социально деструктивные формы.

---

[43] *Dear Michael* and *Jennifer Wolch*. Landscapes of Despair. Princeton, 1987.

[44] Т. е. Войной за независимость США.

Краткое содержание

1. *Девиантное, или отклоняющееся, поведение* связано с действиями, противоречащими *нормам*, принятым в обществе. Что считать отклонением, зависит от времени и места; поведение, «нормальное» при одном наборе культурных установок, будет расценено как «отклоняющееся» при другом.

2. *Санкции*, формальные и неформальные, применяются обществом для поддержки социальных норм. *Законы* — нормы, которые утверждаются и приводятся в действие правительствами. *Преступления* — действия, не допускающиеся законами.

3. Биологические и психологические теории обосновывали тезис о том, что преступления и другие формы отклонений генетически предопределены; но в настоящее время эти теории находятся под большим сомнением. Социологи считают, что конформность и отклонение определяются по-разному в различных социальных контекстах. Неравенство распределения богатства и власти в обществе чрезвычайно сильно влияет на возможности различных групп индивидов, а также на то, какие действия рассматриваются как криминальные. Процесс обучения криминальным видам деятельности во многом идентичен обучению деятельности в рамках закона. Криминальная деятельность в общем направлена на достижение тех же целей и удовлетворение тех же нужд.

4. Ценность теории стигматизации (которая предполагает, что клеймо девианта усиливает отклонение индивида) заключается в исходном допущении, что ни одно действие не является само по себе ни преступным, ни нормальным. Однако теорию наклеивания ярлыков нужно дополнить вопросом: какая причина лежит в основе отклоняющегося поведения?

5. Подлинные масштабы преступности в любом обществе оценить трудно, поскольку не о всех преступлениях становится известно. Тем не менее, можно сказать, что в некоторых странах уровень преступности значительно выше среднего. Это, в частности, наблюдается в США, судя по исключительно высоким, по сравнению с другими западными странами, показателям числа убийств.

6. Наказание, так же, как и «преступление», различается в разные периоды и в разных культурах. Тюрьмы возникли частью для защиты общества от преступников, частью для их «перевоспитания». В этом последнем плане они оказались малоэффективными. Смертная казнь сегодня отменена в большинстве стран.

7. Уровень преступности среди женщин гораздо ниже, чем среди мужчин. Причинами этого являются различия условий социализации, а также большая вовлеченность мужчин во внедомашние виды деятельности.

8. *Преступления «белых воротничков»* и *преступления людей, наделенных властью*, характерны для наиболее благополучных слоев общества. *Организованная преступность* связана с институционализованными формами криминальной деятельности, в которых проявляются многие черты обычных организаций, но деятельность которых носит нелегальный характер.

9. Социологические исследования психических заболеваний поставили вопрос о точности диагностических критериев, используемых в психиатрии, и продемонстрировали, что некоторых людей «учат» быть психически больными в ходе тех самых

процессов, которые должны, как предполагается, их вылечивать. Важную роль в этом процессе играет теория стигматизации.

10. *Декарцерация* — это процесс, в ходе которого обитатели закрытых учреждений возвращаются в общество. Некоторые последствия декарцерации оказались неожиданными и отрицательными: многие бывшие обитатели психиатрических клиник испытывают значительные трудности в непривычных условиях «внешнего мира».

Основные понятия

отклонение	*преступление*
конформность	*психическое заболевание*

Важнейшие термины

девиантная (отклоняющаяся) субкультура	*преступления людей, наделенных властью*
санкция	*организованная преступность*
закон	*криминальная структура*
психопатическая личность	*преступления без жертв*
дифференцированная ассоциация	*психотические состояния*
аномия	*невротические состояния*
преступная группировка	*шизофрения*
теория стигматизации	*нарушение остаточных норм*
преступления «белых воротничков»	*декарцерация*

Дополнительная литература

A. K. Bottomley and *K. Pease*. Crime and Punishment: Interpereting the Data. Milton Keynes, 1986. Тщательный анализ проблем, связанных с фиксацией уровня преступности.

Stanley Cohen and *Laurie Taylor*. Escape Attempts. London, 1992. Переработанное издание, в котором рассматриваются многообразные способы ухода индивидов от рутины повседневного существования.

Stephen Hester and *Peter Eglin*. A Sociology of Crime. London, 1992. Хорошее пособие по общим вопросам криминологии.

Stephen Pilling. Rehabilitation and Community Care. London, 1991. Анализируются последствия пребывания в закрытых лечебных учреждениях и обосновывается необходимость тщательного планирования программ коммунальных служб.

Robert Reiner. The Politics of the Police. London, 1992. Новое издание положительно зарекомендовавшей себя книги по истории и социологии британской полиции.

Ann Worrall. Offending Women. London, 1990. Интересный и глубокий анализ гендера и закона.

Глава 6

Гендер и сексуальность

Два только что родившихся младенца лежат в палате роддома. Один, мальчик, закутан в голубое одеяло, другая, девочка, в розовом одеяле. Каждому ребенку лишь несколько часов от роду, и на них впервые смотрят их бабушки и дедушки. Разговор между одной парой идет следующим образом.

Бабушка А: Это он — наш первый внук, и мальчик!

Дедушка А: Правда, он здоровый маленький парень? Посмотри на его кулачок. Этот парень станет настоящим маленьким драчуном. (Дедушка А улыбается и демонстрирует боксерский удар своему внуку.) Молодчина!

Бабушка А: Мне кажется, он похож на тебя. У него точно твой подбородок. Ой, смотри — он собирается заплакать.

Дедушка А: Да — только послушай, какие легкие. Он станет отличным парнем.

Бабушка А: Бедняжка, он все еще плачет.

Дедушка А: Ничего. Ему это полезно. Он упражняется, и это развивает его легкие.

Бабушка А: Пойдем поздравим родителей. Я знаю, они беспокоятся о маленьком Фреде. Они хотели первого мальчика.

Дедушка А: И они были уверены, что будет мальчик, он толкался и пинался еще до рождения.

Когда они уходят поздравлять родителей, появляются бабушка и дедушка второго ребенка. Между ними происходит следующий диалог.

Бабушка Б: Вот она... единственная с розовым бантом на голове. Разве она не прелестна?

Дедушка Б: Да — и такая маленькая. Посмотри, какие у нее маленькие пальчики. Ой, смотри — она пытается сжать кулачок.

Бабушка Б: Какая милая... Ты знаешь, мне кажется, что она немного похожа на меня.

Дедушка Б: Да, вроде бы сходство есть. У нее твой подбородок.

Бабушка Б: Смотри, она собирается заплакать.

Дедушка Б: Может, нам лучше позвать медсестру присмотреть за ней, или сменить белье, или еще что-нибудь.

Бабушка Б: Да, давай. Бедная маленькая девочка. (К ребенку) Сейчас, сейчас, мы поможем тебе.

Дедушка Б: Пойду найду медсестру. Я не могу стоять и смотреть, как она плачет...

Бабушка Б: Хм, я удивлюсь, если они захотят еще одного. Я знаю, лучше бы, если был сын, Фред, но маленькая Фредерика хорошенькая и здоровая. В общем, это единственное, что имеет значение.

Дедушка Б: Они еще достаточно молоды, чтобы завести множество детей. Я так рад, что она здорова.

Бабушка Б: Во всяком случае, я не думаю, что они были удивлены, когда родилась девочка... она вела себя так тихо.

Контраст между двумя диалогами выглядит так преувеличенно, что можно подумать, будто они выдуманы. На самом деле это воспроизведение реальных разговоров, записанных в роддоме. Самый первый вопрос, обычно задаваемый родителями — по крайней мере, в западной культуре, — «это мальчик или девочка?» Опыт людей, проживших часть жизни мужчиной и сменивших пол в результате операции, показывает, насколько наше восприятие других людей зависит от их пола. Семье, друзьям и коллегам необычайно трудно сказать «она» о ком-то, кого оно знали как «его».

В этой главе мы изучим природу половых различий, проанализируем комплексный характер тех факторов, которые определяют принадлежность к тому или иному полу. Сначала остановимся на рассмотрении исторических различий между полами, далее перейдем к изучению различных аспектов социализации, которые влияют на **женственность** и **мужественность**. Затем обсудим социальное и экономическое положение женщины в современном обществе и, наконец, приступим к анализу сексуальности.

Пол, гендер и биология

Слово «секс», употребляемое в повседневной речи, имеет неоднозначное толкование; поскольку может быть отнесено как к определенной категории людей, так и к действиям, в которых эти люди принимают участие — например, при использовании выражения «заняться сексом». Чтобы добиться ясности, мы должны разделить эти два значения. Мы можем отличить «пол» («sex») в смысле *биологических и анатомических различий* между женщиной и мужчиной от **сексуальной активности**. Нам следует далее провести еще одно важное разграничение, между **полом** и **гендером**. Если пол имеет отношение к физическим, телесным различиям между женщиной и мужчиной, то понятие «гендер»[1] затрагивает их *психологические, социальные и культурные особенности*. Разграничение пола и гендера является фундаментальным, так как многие различия между женщиной и мужчиной обусловливаются причинами, не являющимися биологическими по своей природе.

Источники половых различий

Первое, с чего начинается любое обсуждение пола, — генетика человека. Наш пол, и большинство наших биологических признаков, являются следствием генов, вносимых отцовским сперматозоидом и материнской яйцеклеткой при зачатии, то есть при формировании новой клетки. Весь генетический материал содержится

[1] Если пол индивида биологически детерминирован, то род (гендер) является культурно и социально заданным. Таким образом, существует два пола (мужской и женский) и два рода (мужественный и женственный). Слово «род» в русском языке имеет несколько значений. Во избежание разночтений при определении социальных и культурных характеристик рода при переводе используется понятие «гендер».

в двадцати трех парах хромосом, которые находятся в этой новой клетке. И сперматозоид, и яйцеклетка привносят генетическую информацию в один из каждой пары генов.

Нас интересует двадцать третья пара хромосом, хромосомы пола. Эта пара обозначается XX для женщин и XY для мужчин. Согласно законам генетики, яйцеклетка может дать только X-хромосому в двадцать третью пару. Но поскольку сперматозоид (мужская клетка) может содержать как X, так и Y-хромосому, в результате может образоваться как XX (женская), так и XY (мужская) клетки.

После зачатия новая клетка делится, и образуются новые идентичные клетки (с идентичной парой хромосом), которые снова делятся, и так далее, формируя человеческий эмбрион. Уже на самом раннем этапе развития у эмбриона имеется биологический аппарат, гонады, развивающиеся либо в мужские семенники, либо в женские яичники. Различие в хромосомах действует как переключатель, в самом начале существования эмбриона направляя физическое развитие организма на тот или иной путь.

Механизмы дальнейшего развития для обоих полов приводятся в действие позднее, по достижении половой зрелости. Средний возраст достижения половой зрелости в промышленно развитых странах уменьшился. Сто лет назад возраст наступления первой менструации у девочек составлял 14,5 лет, теперь он равняется 12 годам. Мальчики созревают в половом отношении несколько позднее, чем девочки. Различия в физической силе достигают максимума ко времени наступления половой зрелости, — масса мышечной ткани у взрослых мужчин в среднем на 10% больше, чем у женщин, из чего делают вывод о большей физической выносливости. Насколько справедлива эта «встроенная» оценка, не так-то просто определить, тем более, что она зависит от физических упражнений и тренировок. Биологические особенности, которые, казалось бы, обязывают мужчин заниматься более активным, требующим больших затрат энергии трудом по сравнению с женщинами, сравнительно слабо выражены. Механическая эффективность (усилие, которое может произвести организм за минуту при фиксированном потреблении энергии), является одинаковой для мужчин и женщин.

Имеют ли различия в поведении биологическую основу?

В какой степени различия в поведении женщин и мужчин определяются половыми особенностями, а в какой — гендером? Выражаясь иначе, насколько они зависят от биологических факторов? По этому поводу высказывались мнения, полностью противоречащие друг другу. Многие авторы считают, что в поведении женщин и мужчин существуют врожденные различия, которые обнаруживаются в том или ином виде во всех культурах. Некоторые полагают, что открытия социальной биологии хорошо подтверждают эту точку зрения. Они указывают на тот факт, что практически во всех культурах мужчины чаще по сравнению с женщинами принимали участие в охоте и войнах. Разве, вопрошают они, это не является очевидным доказательством того, что мужчины обладают имеющей биологические корни склонностью к агрессии, которая отсутствует у женщин? Для других исследователей этот аргумент оказывается недостаточным. Степень агрессивности мужчин, утверждают они, в различных культурах имеет значительные отклонения. Соответственно и женщины, в зависимости от специфики культуры, могут быть «пассивными» и «кроткими» в большей или меньшей степени. Более того, добавляют они, из того, что приводившаяся в качестве примера особенность является всеобщей, вовсе не следует, что она имеет

биологическую природу. Ее существование может обуславливаться культурными факторами самого общего характера. Например, в большинстве культур женщины, как правило, проводят значительную часть своего времени за воспитанием детей и поэтому не могут одновременно принимать участие в охоте или войнах. Согласно этой точке зрения, различия в поведении мужчин и женщин формируются главным образом в процессе их социального обучения и идентификации с определенным гендером.

Факты из мира животных

Доказательством чего могут послужить такие факты? Один возможный источник информации, имеющей отношение к вопросу, — исследования различий в гормональной секреции полов. Согласно некоторым источникам, с тестостероном, мужским половым гормоном, связывается склонность особей мужского пола к насилию[2]. Исследования показали, что если обезьяны-самцы при рождении подвергаются кастрации, то они становятся менее агрессивными. Соответственно, обезьяны-самки, получающие тестостерон, становятся более агрессивными по сравнению с контрольной группой. Вместе с тем, было обнаружено, что создание для обезьян условий, способствующих укреплению их положения в стае, вызывает повышение уровня тестостерона. Другими словами, агрессивное поведение может не только обуславливаться гормональными причинами, но и само может быть причиной выработки гормонов железами внутренней секреции.

Другой возможный источник фактов — непосредственное наблюдение за поведением животных. Те авторы, которые связывают агрессию мужского пола с причинами биологического характера, часто обращают особое внимание на агрессивность самцов приматов. Изучение поведения животных, утверждают они, неопровержимо свидетельствует, что у приматов самцы агрессивнее, чем самки, хотя, в зависимости от вида, и здесь наблюдаются большие отклонения. Например, различия агрессивности у гиббонов в зависимости от пола не являются сильно выраженными, в то время как у бабуинов эта разница заметна. Более того, многие самки приматов в некоторых отношениях являются более агрессивными, в частности, если их детенышам угрожает опасность.

Факты, связанные с человеком

Исследования редких врожденных аномалий физического развития дают нам, пожалуй, самые выразительные факты, касающиеся половых различий. Среди этих аномалий выделим **тестикулярный синдром феминизации** и **андрогенитальный синдром**. В первом случае человек рождается с нормальным хромосомным набором, семенными железами и гормональным обменом. Если его подвергнуть проверке с целью выяснения, к какому полу он принадлежит (подобной той, которую проходят женщины-участницы Олимпийских игр), то проверка показывает, что испытуемый — мужчина. Но поскольку в период эмбрионального развития его генитальные ткани не вступили в реакцию с тестостероном, они образовали женские половые органы. Таких детей почти всегда считают девочками и соответствующим образом воспитывают, так как аномалии в их развитии не обнаруживаются, пока не наступит задержка с первой менструацией. Андрогенитальный синдром представляет собой противоположную ситуацию. Плод с нормальным женским хромосомным

[2] *Rutter M.* and *H. Giller.* Juvenile delinquency: trends and perspectives. Harmondsworth, 1983.

набором до момента рождения вырабатывает избыточное количество андрогенов, что приводит к образованию наружных мужских половых органов. Некоторые из этих детей имеют как женские, так и мужские половые органы; в результате хирургического вмешательства им может быть придана форма женских. Однако многие такие дети воспитываются как мальчики, а их аномалия обнаруживается на сравнительно поздней стадии развития.

Как показывают эти примеры, исследование аномалий физического развития приводит к необходимости признать важность социализации, в противоположность биологическим факторам, для углубления различий в поведении мальчиков и девочек. У детей, имеющих мужской хромосомный набор, но с рождения считающихся «девочками», развиваются, как правило, черты личности, поведение и привычки, обычно приписываемые женщинам. С другой стороны, дети, с которыми обращаются с рождения как с мальчиками, приобретают особенности, характерные для мужчин[3]. Для иллюстрации данного положения хорошо подходит широко известный пример с идентичными близнецами. Идентичные близнецы развиваются из одного и того же яйца и имеют *абсолютно одинаковый* генетический набор. Один из братьев-двойняшек получил серьезные повреждения при обрезании, и было принято решение провести операцию по изменению его пола. Далее этот ребенок воспитывался как девочка. Наблюдения за поведением близнецов, которые велись до шести лет, продемонстрировали особенности, свойственные в западной культуре соответственно мужскому и женскому полу. Девочке нравилось играть с девочками, она помогала маме по хозяйству и хотела «выйти замуж», когда вырастет. Мальчик предпочитал компанию других мальчиков, его любимыми игрушками были автомобильчики и грузовики, и он хотел стать пожарником или полицейским, когда вырастет.

Этот случай иногда расценивается как решающее доказательство преимущественного влияния социального обучения по сравнению с половыми различиями. Однако когда девочку, к тому времени уже подросшую, проинтервьюировали в телевизионной программе, обнаружилось, что она испытывала существенные проблемы с идентификацией своего пола, чувствуя, что она, может быть, «на самом деле» является мальчиком. (Девочка к тому времени уже знала о своем необычном происхождении, что, конечно, могло в значительной степени способствовать изменению ее представления о себе.)

Проведенное исследование отнюдь не означает, что на различия в поведении мужчин и женщин не могут оказывать влияние также и причины биологического порядка. Но даже если они и существуют, их психологическая природа не является еще изученной в достаточной степени. Многие ученые, видимо, согласились бы с выводом, сделанным Ричардом Левонтином, генетиком с мировой известностью:

> С кем человек начинает идентифицировать себя, — с мужчиной или с женщиной, равно как и большая часть черт его характера, идей и желаний, зависит, в первую очередь, от того, к какому полу он был отнесен в детстве. При нормальном развитии событий «присваиваемый» ему пол соответствует обычным биологическим различиям в хромосомах, гормонах и морфологии. Таким образом, биологические различия становятся скорее сигналом, нежели причиной, дифференциации социальных ролей.[4]

[3] *Money J.* and *Ehrhardt A.* Man and woman / boy and girl. Baltimore, 1972.

[4] *Lewontin R.* Human diversity. London, 1982. P. 142.

Социализация и гендер

Реакция родителей и взрослых

Был предпринят ряд исследований, посвященных тому, каким образом развиваются различия по признаку гендера. Большинство форм гендерной дискриминации являются более тонкими, чем упоминавшиеся выше диалоги в родильном доме, но, тем не менее, они чрезвычайно развиты и широко распространены.

Изучение взаимоотношений матери и ребенка указывает на то, что с мальчиками и девочками родители обращаются по-разному, даже если они уверены, что не делают никаких различий. Когда взрослых просили охарактеризовать ребенка, их ответы отличались в зависимости от того, к какому полу ребенок, по их мнению, принадлежал. В ходе одного эксперимента велось наблюдение за пятью молодыми матерями, которым поручался уход за шестимесячным ребенком по имени Бет. Они, как правило, начинали ему часто улыбаться и предлагать куклы для игр. Ребенка называли «милой», с «нежным голосом». На ребенка того же возраста, по имени Адам, другая группа матерей реагировала совершенно иначе. Для игр ему чаще всего предлагался поезд или другие «мальчиковые» игрушки. В роли Бет и Адама выступал один и тот же, по-разному одетый, ребенок[5)].

Не только родители, дедушки и бабушки судят о детях подобным образом. Так, было проведено исследование, посвященное анализу слов, с которыми медицинский персонал, принимавший роды, обращался к новорожденным младенцам. Новорожденных мальчиков чаще всего называли «крепышами», «силачами» и «здоровяками», а к новорожденным девочкам чаще всего обращались как к «лапочкам», «милочкам» и «очаровашкам», хотя они практически не отличались от мальчиков по росту и весу.

Гендер и воспитание

Первые уроки полового воспитания детей являются практически совершенно бессознательными. Они происходят еще до того, как ребенок начинает правильно называть себя «мальчиком» или «девочкой». Имеется целый ряд невербальных «ключей», способствующих начальному развитию осведомленности о существовании различия полов. Взрослые мужчины и женщины обычно обращаются с детьми по-разному. Косметика, используемая женщинами, обладает специфическим ароматом, отличающимся от запаха тех людей, которых ребенок мог научиться ассоциировать с мужским полом. Визуальными «ключами» для ребенка в процессе его обучения становятся устойчивые различия в стилях одежды, прическах и т. д. К двум годам дети уже имеют некоторое представление о том, что такое пол. Они знают, являются ли они «мальчиками» или «девочками» и, как правило, могут безошибочно распознавать по этому признаку остальных. Однако до пяти–шестилетнего возраста ребенок не знает, что в течение жизни пол человека не меняется, что каждый человек имеет пол и что различия между девочками и мальчиками определяется их анатомией.

Все игрушки, книжки с картинками и телевизионные программы, с которыми сталкиваются дети младшего возраста, стремятся подчеркнуть различия между атрибутами мужского и женского пола. В отделах игрушек и каталогах заказов по почте рекламируемые товары обычно классифицируются по признаку пола вероятного

[5)] *Will J., Self P., Datan N.* Maternal behaviour and perceived sex of infant // American journal of orthopsychiatry, 46. 1976.

потребителя. Даже те игрушки, которые, казалось бы, относятся к «нейтральным», в действительности такими не являются. Например, игрушечные котята и кролики рекомендованы девочкам; в то же время считается, что со львами и тиграми более уместно играть мальчикам.

Ванда Люция Земьюнер провела исследование предпочтений, которые дети отдают тем или иным игрушкам. В эксперименте участвовали две группы детей из Италии и Нидерландов, стран с ярко выраженной национальной спецификой[6]. Анализировались представления детей о различных игрушках, в число которых входили как стереотипно «мужские» и «женские», так и не отождествляемые с определенным полом. Возраст детей в исследуемой группе колебался между семью и десятью годами. Детей, а также их родителей, просили оценить, какие игрушки относятся к «мальчиковым», а какие больше подходят для девочек. Между мнениями взрослых и детей наблюдалось согласие. В среднем, итальянские дети по сравнению с голландскими чаще выбирали игрушки, отнесенные в данном исследовании к приоритетным для определенного пола. Эти результаты совпали с ожидаемыми, поскольку для итальянской культуры в большей степени характерен «традиционный» взгляд на различия полов, чем для голландского общества. Как и в ряде других исследований, девочки из обеих стран гораздо охотнее выбирают «нейтральные» или «мальчиковые» игрушки, нежели мальчики — «девчоночьи».

Книги и рассказы

Группа социологов во главе с Ленорой Вейтцман провела анализ гендерных ролей действующих лиц в наиболее широко распространенных дошкольных детских книгах, обнаружив существование некоторых четко выраженных ролевых различий в зависимости от пола персонажей[7]. Мужчины играли в книгах гораздо большую роль, чем женщины. Их число превосходило количество женских персонажей в пропорции одиннадцать к одному. Если в расчет принимались животные с явно выраженными признаками пола, эта пропорция возрастала до 95 к 1. Действия, которые выполняли мужские и женские персонажи, также сильно отличались. Юноши участвовали в увлекательных приключениях и разнообразных переделках вне дома, требующих независимости и силы. В то же время, персонажи-девушки, если они появлялись, показывались пассивными и, как правило, ограниченными рамками домашних дел. Они стряпали для мужчин, чинили их одежду либо просто ожидали их возвращения.

Еще в большей степени такое положение дел было характерно для взрослых героев этих книг. Если женщина не выступала в роли жены или матери, она скорее всего являлась воображаемым созданием, например, ведьмой или богоматерью. Во всех проанализированных книгах не нашлось женского персонажа, который бы занимался чем-либо вне дома. Мужчины, напротив, изображались в самых разнообразных ролях — бойцов, королей, судей, полицейских и т. д.

Книги, написанные с непредубежденным отношением к проблемам пола, все еще оказывают малое влияние на рынок детской литературы. В сказках, например, воплощен самый традиционный подход к взаимоотношениям полов и к описанию тех целей и устремлений, которые, как предполагается, должны иметь мальчики и девочки. «Когда-нибудь я дождусь своего принца», — несколько сотен лет

---

[6] *Zammuner V. L.* Children's sex-role stereotypes: a crosscultural analysis. In: *P. Shaver*, *C. Hendrick*. Sex and gender. London, 1987.

[7] *Weitzman L.* Divorce revolution: the unexpected social and economic consequences for women and children in America. New York, 1985.

назад говорилось в старой сказке, подразумевая, что девочке из бедной семьи свойственно мечтать о богатстве и счастье. Сейчас мы скорее свяжем это с идеалами романтической любви. Феминистки уже сделали попытку переписать некоторые из наиболее известных сказок, по-новому расставив акценты:

Впопыхах не рассмотрела я его курносый нос.

Для наследника престола этот парень слишком прост.

Он совсем не так приятен, как казалось мне в ту ночь.

Притворюсь, что эта туфля мне тесна, — пусть валит прочь.

Однако такие интерпретации известных сюжетов, как эта версия «Золушки», в основном встречаются в книгах, адресованных взрослой аудитории, и едва ли оказывают сколько-нибудь заметное влияние на сказки в бесчисленных детских книгах.

Телевидение

Анализ детских телевизионных программ приводит к тем же выводам, что и исследование детских книжек, хотя иногда встречаются заметные исключения. Изучение наиболее часто демонстрируемых мультфильмов показывает, что практически все основные персонажи, которым в развитии сюжета отведены самые важные роли, имеют мужской пол. Аналогичные образы обнаруживаются в рекламных роликах, которые регулярно включаются в состав телепередач.

Школа и влияние сверстников

Ко времени, когда дети идут в школу, они уже имеют четкое представление о половых различиях. В школах, как правило, не практикуется раздельное обучение. На практике, конечно, множество факторов воздействует по-разному на девочек и мальчиков. Во многих западных странах сохраняются различия в учебных программах для девочек и мальчиков. Первые, например, изучают экономику домашнего хозяйства или домоводство, а вторые овладевают навыками работы по дереву и металлу. Часто поощряется специализация девочек и мальчиков в разных видах спорта. Отношение преподавателей к своим ученикам также может различаться, иногда незначительно, иногда более явно, отражая тот факт, что к мальчикам относятся как к «работникам», или то, что от мальчиков ожидают больше хулиганских выходок, чем от девочек (см. главу 13: «Образование, коммуникация и средства массовой информации»). Процесс социализации, связанный с разделением подростков на объединенные приятельскими отношениями группы, играет в ведущую роль в формировании и развитии гендерных характеристик на всем протяжении учебы в школе. Круг друзей мальчика, как в школе, так и вне ее, составляют обычно одни только мальчики; девочка дружит только с девочками.

Трудности несексистского подхода к воспитанию детей

Предметом исследования, проводившегося Джун Стэтэм в Великобритании, являлся накопленный группой родителей опыт несексистского воспитания ребенка[8]. В исследовании приняли участие тридцать взрослых мужчин и женщин из 18 семей, они

[8] *Statham J.* Daughters and sons: experiences of non-sexist childraising. Oxford, 1986.

имели детей в возрасте от шести месяцев до 12 лет. Все родители принадлежали к среднему классу, большая часть из них занималась научной и преподавательской работой. Стэтэм обнаружила, что большинство родителей не просто пытались изменить роли, традиционно приписываемые тому или иному полу, — желая сделать девочек больше похожими на мальчиков, — но хотели воспитать у своих детей новое сочетание «мужских» и «женских» качеств. Они хотели, чтобы мальчики проявляли большую чуткость к чувствам других, были бы более сердечными, в то время как у девочек поощрялось активное использование возможностей для обучения и самосовершенствования.

Все родители признали, что противостоять сложившейся практике гендерного обучения очень сложно, поскольку дети подвергаются влиянию традиционных взглядов, общаясь со своими друзьями и посещая школу. Родители добились немалых успехов, убеждая детей играть с игрушками, которые не ассоциируются обычно с определенным полом, но даже это потребовало гораздо больших усилий, чем ожидали многие из них. Одна из матерей, принявших участие в эксперименте, так прокомментировала это обстоятельство:

> Если вы отправляетесь в магазин игрушек, то он оказывается битком набитым военными игрушками для мальчиков и кукольной посудой для девочек. По всему этому можно судить об обществе в целом. Именно так и происходит подготовка детей к жизни в обществе: для мальчиков годится все, что учит убивать и калечить, и я нахожу это ужасным, мне больно от этого. Я стараюсь не заходить в магазины игрушек, меня это злит.

Практически все дети играли с игрушками, отождествляемыми с их полом, подаренными родственниками.

Сейчас начали появляться книги, главными персонажами которых являются сильные, независимые девочки, но мальчики по-прежнему очень редко изображаются в нетрадиционных ролях. Мать пятилетнего мальчика попробовала поменять пол у действующих лиц в книге, которую ему читала. Она так описывает реакцию сына:

> Он был немного огорчен, когда я прочла ему книжку, в которой мальчик и девочка играли самые традиционные роли, но изменила везде, где было можно, «он» на «она» и наоборот. Когда я сделала это в первый раз, у него вырвалось: «Ты не любишь мальчиков, ты любишь только девочек». Мне пришлось объяснить, что это совсем не так и что я поступила так только потому, что о девочках написано очень мало.

Несомненно, социализация пола укоренилась очень глубоко, и попытки что-либо изменить оказываются обескураживающе неэффективны.

Гендерная идентичность и пол: три теории

Теория полового развития по Фрейду

Теория Зигмунда Фрейда о возникновении половой индивидуальности оказала, может быть, наиболее сильное влияние на развитие социологии, являясь одновременно самой противоречивой. Согласно Фрейду, изучение половых различий в младенческом и раннем детском возрасте основывается на наличии или отсутствии пениса. Сказать «у меня есть пенис» — то же самое, что «я мальчик»; утверждение

«я девочка» равносильно «у меня нет пениса». Фрейд подчеркивает, что в данном случае это не просто анатомические различия: наличие либо отсутствие пениса символизирует мужественность либо женственность.

Во время «эдиповой фазы» (см. главу 3, «Социализация и жизненный цикл») мальчик якобы испытывает чувство угрозы, исходящей от отца, который требует послушания и дисциплины. Вследствие этого ребенку кажется, будто бы отец намеревается лишить его пениса, т. е. кастрировать. Отчасти сознательно, но главным образом на подсознательном уровне мальчик начинает рассматривать своего отца как соперника в борьбе за расположение матери. Подавляя эротические чувства к своей матери и считая своего отца существом высшего порядка, мальчик идентифицирует себя с отцом и узнает, что принадлежит к мужскому полу. Мальчик отказывается от любви к своей матери из-за бессознательного страха быть подвергнутым кастрации собственным отцом. Девочки, с другой стороны, предположительно испытывают «зависть к пенису», поскольку сами не обладают столь заметным органом, который отличает мальчиков. Мать теряет авторитет в глазах девочки, так как у нее нет пениса, равно как и шансов на его появление. Когда девочка идентифицирует себя со своей матерью, она перенимает у нее пассивную жизненную позицию, которая связывается с признанием себя «существом второго порядка».

Когда эдипова фаза заканчивается, ребенок уже умеет подавлять свои эротические чувства. Согласно Фрейду, в возрасте примерно с пяти лет и до наступления половой зрелости ребенок проходит период латентного (скрытого) развития полового инстинкта, связанного с подавлением сексуальной активности, что ведет к ее отсрочке до тех пор, пока вследствие биологических изменений, происходящих в организме подростка, эротические желания не начинают проявляться непосредственно. Именно в латентный период, охватывающий начальные и средние годы обучения в школе, однополый круг общения является наиболее важным в жизни ребенка.

Оценка

Против теории Фрейда выдвигались многочисленные возражения, в основном феминистами, но также и многими другими авторами. Во-первых, Фрейд, по-видимому, отождествляет личностные черты, которые складываются в соответствии с принадлежностью к определенному полу, и осведомленность о половых органах, хотя, конечно же, на личность воздействуют и многие другие, не так явно выраженные факторы. Во-вторых, его теория, очевидно, исходит из предположения, что пенис «естественным образом» превосходит влагалище, которое представляет собой всего лишь отсутствие мужского полового органа. Но почему нельзя допустить, что женские половые органы являются более важными и значимыми, чем мужские? В-третьих, Фрейд рассматривает отца как основного носителя дисциплины, в то время как во многих культурах мать играет гораздо большую роль в воспитании послушания. В-четвертых, Фрейд полагает, что половое обучение в основном происходит в течение эдиповой фазы, примерно в четыре–пять лет. После Фрейда многие ученые, включая и тех, кто испытал его сильное влияние, подчеркивали, что важно начинать половое обучение ребенка еще с младенчества.

Теория полового развития по Чодороу

Многие авторы, заимствуя идеи Фрейда, обычно подвергали их значительным модификациям. В качестве важного примера можно привести работы Нэнси Чодо-

роу[9], которая сходится во взглядах скорее с психоаналитиками нового поколения, нежели с самим Фрейдом. Согласно ее теории, ребенок начинает чувствовать себя принадлежащим к определенному полу очень рано, и это обусловливается привязанностью ребенка к своим родителям. Кроме того, Чодороу уделяет гораздо большее внимание, чем Фрейд, важности роли матери, а не отца. Дети, как правило, связаны с матерью более тесными эмоциональными узами по той простой причине, что в первые годы жизни она, бесспорно, оказывает на них преобладающее влияние. Эта привязанность до некоторой степени ослабляется при формировании личности ребенка, когда он становится в меньшей мере зависимым от матери.

Чодороу утверждает, что описанный Фрейдом разрыв тесной связи, существующей между ребенком и матерью, происходит по-разному у мальчиков и девочек. В отличие от мальчиков, девочки остаются в более близких отношениях со своей матерью, они, например, сохраняют привычку крепко ее обнимать и целовать, а также подражают ее манерам. Девочки сохраняют привязанность к матери дольше, чем мальчики. Поскольку резкого разрыва с матерью не происходит, характер девочки, и позднее взрослой женщины, складывается таким образом, что она больше связывает себя с другими людьми. Весьма вероятно, что ее личность будет подавляться, и она попадет в зависимость к другому человеку, сначала к матери, а затем к мужчине. С точки зрения Чодороу, у женщин это приводит к появлению и воспроизводству на протяжении поколений таких черт характера, как чувствительность и способность к состраданию.

Личность мальчиков формируется благодаря более радикальному отрицанию их первоначальной близости к матери, а их идеал мужественного представляет собой простое *отрицание* женственного. Перед ними возникает необходимость научиться не быть «неженками» или «маменькиными сынками». В результате мальчики оказываются сравнительно неподготовленными к близким отношениям с другими людьми; они развивают у себя более аналитический взгляд на мир. Они занимают более активную жизненную позицию, придавая первостепенное значение «достижениям», но при этом подавляют способность понимать свои собственные чувства и чувства других людей.

Чодороу в некоторой степени обращает акценты, расставленные Фрейдом. Мужественность, а не женственность, определяется как «потеря», лишение долгое время существовавшей привязанности к матери. Личность мужчины формируется в процессе отделения от матери. Вследствие этого мужчины на протяжении всей жизни испытывают чувство, будто их личность подвергается опасности, когда они завязывают с кем-либо слишком тесные эмоциональные отношения. Женщины чувствуют прямо противоположное: отсутствие тесных взаимоотношений с другими людьми угрожает их чувству самоутверждения. Эти образцы поведения передаются из поколения в поколение из-за важнейшей роли, которую женщины играют в ранней социализации детей. Женщины самовыражаются и описывают себя преимущественно в терминах взаимоотношений. Мужчины подавляют у себя эти потребности и занимают более активную позицию по отношению к миру.

Оценка

Работа Чодороу была встречена крайне критически. Джанет Сэйерс, например, указывала, что Чодороу не смогла дать объяснение борьбе женщин за свою неза-

[9] *Chodorow N.* The reproduction of mothering. Berkeley, 1978; Psychoanalytic theory and feminism. Cambridge, 1988.

висимость, особенно на современном этапе[10]. Женщины (и мужчины), отмечала она, по психологическим особенностям своего характера являются более сложными и противоречивыми, чем предполагает теория Чодороу. Под женственностью, утверждает Сэйерс, могут скрываться чувства агрессивности или самоуверенности, которые обнаруживаются только косвенным образом или в определенных ситуациях. Тем не менее, несмотря на все их слабые места, идеи Чодороу имеют важное значение. Они помогают нам понять природу того феномена, который у психологов получил название **мужской неэмоциональности**, — затруднений, которые мужчины испытывают, проявляя свои чувства перед другими. Они во много объясняют природу женственности и помогают понять происхождение всеобщего господства мужчины над женщиной, с которым мы столкнемся дальше в этой главе.

Гендер, личность и мораль

Кэрол Джиллиген провела аналитическое исследование гендерных отличий, основанное на изучении образов, которые мужчины и женщины имеют о себе и своих достижениях[11]. Женщины, и здесь она согласна с Чодороу, характеризуют себя в терминах личных взаимоотношений и оценивают собственные достижения с точки зрения их полезности для других. Женщины в жизни мужчин традиционно занимают место заботливых помощниц. Но к качествам, которые требуются для этой роли, мужчины зачастую относятся с пренебрежением. Единственной формой «успеха» они считают *личные* достижения. Озабоченность женщин вопросами взаимоотношений с другими людьми рассматриваются мужчинами скорее как слабость, а не сила, чем она часто является.

Джиллигэн взяла ряд подробных интервью у примерно двух сотен американцев разного пола, возраста и социального происхождения. Она задавала опрашиваемым ряд вопросов, связанных с их представлением о морали и личности. Между взглядами мужчин и женщин выявились значительные расхождения. Например, когда задавался вопрос «что Вы имеете в виду, называя что-либо моральным или аморальным?», мужчины старались дать ответ, используя абстрактные понятия долга, справедливости и личной свободы, в то время как женщины постоянно затрагивали тему помощи другим людям. Так, одна студентка ответила на этот вопрос следующим образом:

> Она [мораль] имеет дело с ответственностью, обязательствами и ценностями, главным образом с ценностями... В возникающих в моей жизни ситуациях я связываю мораль с межличностными отношениями, имеющими место по отношению к другим людям и ко мне. Когда интервьюер далее спросил: «Почему по отношению к другим людям?», последовал ответ: «Потому что они обладают чувством сознательности, то есть ощущают и даже знают, что могут обидеть других».

Женщины в своих суждениях о морали придерживались более широких взглядов, чем мужчины. Они находили весьма сложным следовать строгому моральному кодексу и одновременно не наносить никому ущерба. Джиллигэн полагает, что это наблюдение отражает традиционное положение дел, когда для женщин оказывается наиболее важным сохранять хорошие отношения, в то время как мужчинам свойствен более «объективный» взгляд на вещи. Женщины в прошлом проявляли

[10] *Sayers J.* Sexual contradiction. Psychology, psychoanalysis and feminism. London, 1986.

[11] *Gilligan C.* In a different voice: psychological theory and women's development. Cambridge, 1982.

почтительность и уважение к мнению мужчин, сознавая при этом, что обладают теми качествами, которые у мужчин отсутствуют. Их самооценка основывалась скорее не на собственных достижениях, а на том, каких успехов они добивались, помогая другим.

Патриархат и производство

Господство мужчин

Хотя роли, которые играют в различных культурах женщины и мужчины, могут существенным образом различаться, до сих пор не обнаружено такое общество, в котором женщины обладали бы большей властью, чем мужчины. Повсеместно первоочередной задачей, стоящей перед женщиной, является воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, тогда как политическая и военная деятельность остается, как правило, прерогативой мужчины. Нет такого места на земном шаре, где мужчины несли бы всю полноту ответственности за воспитание детей. И напротив, вряд ли найдется такая культура, где на женщин были бы возложены обязанности по выпасу крупного скота, охоте за опасной дичью, ловле рыбы в открытом море или землепашеству. И хотя в индустриальных странах разделение труда между полами сегодня выражено менее явно, чем в слаборазвитых, но и там мужчины по-прежнему количественно превосходят женщин во всех сферах, имеющих отношение к власти.

Господство мужчин обычно связывается с термином «патриархат». Почему, однако, патриархат должен быть, в той или иной форме, всеобщим? Ответ на этот вопрос неоднозначен, но прежде всего напрашивается следующее простое объяснение. Женщины дают детям жизнь и вскармливают их, причем из-за беспомощности младенцев уход за ними требует больших усилий и постоянного внимания. Следовательно, роль «материнства» становится центральной в жизни женщины, на что и обращает прежде всего внимание Чодороу. Первоначальная, физиологически обусловленная близость матери к ребенку, которого она родила и выкармливает, естественным образом приводит к тому, что она продолжает и далее заботиться о детях и воспитывать их. Такая роль женщины характерна для всех известных культур; по этой причине основным полем деятельности для женщины становится домашнее хозяйство. Как выразилась французская писательница Симона де Бовуар, женщины становятся «второсортным полом», поскольку прекращают активную общественную деятельность, принимать участие в которой для мужчин нет препятствий. Мужчины господствуют над женщинами не по причине превосходящей физической силы или более мощного интеллекта, но лишь потому, что до распространения надежных средств предупреждения беременности женщины находились всецело во власти биологических особенностей своего пола. Частые роды и почти не прекращавшиеся хлопоты по уходу за детьми делали их зависимыми от мужчин и в материальном отношении.

Женщины и рабочее место: исторический обзор

Для огромного большинства населения в доиндустриальном обществе (и для многих людей в государствах «третьего мира» сегодня) производственная деятельность и труд в домашнем хозяйстве не были разделены. Производство велось либо на дому, либо невдалеке от дома. В средневековой Европе все члены семьи работали на земле или занимались ремеслом. В городах мастерские обычно размещались на дому, и члены

семей принимали участие во всех этапах производственного процесса. Если взять в качестве примера ткачество, то дети вычесывали и трепали шерсть, старшие дочери вместе с матерью пряли, а отец ткал. Женщины и дети обычно работали наравне с мужчинами в хлебопечении, портняжном и сапожном деле. Женщины часто обладали значительным авторитетом в домашнем хозяйстве, что обусловливалось их важной ролью в производстве, хотя они и не допускались к войне и политике, считавшимися исключительно «мужским делом». Жены ремесленников и фермеров часто вели их бухгалтерские книги; весьма распространенными были случаи, когда вдовы наследовали дело своих мужей и продолжали управлять им.

Ситуация резко изменилась, когда в ходе развития промышленности домашнее хозяйство перестало быть местом основной работы, в основном из-за перемещения производства на механизированные фабрики. Темп работе задавали теперь машины, на которых работали специально нанятые люди с четко определенным кругом задач. Работодатели начали заключать с рабочими индивидуальные контракты, отпала необходимость привлечения к труду целых семей. Однако традиционное отношение к семье как к единой производственной ячейке сохранялось еще довольно долго; в начале XIX столетия в Великобритании и многих других европейских странах работодатели по-прежнему нанимали целые семьи. Если отец, например, поступал работать на фабрику, его жена и дети становились домашними слугами или батраками.

По мере исчезновения такого порядка разграничение между домом и рабочим местом становилось все более явственным. Женщины начали ассоциироваться с «домашними» ценностями, хотя представление, что будто бы «место женщины — дома», имело различные последствия в разных слоях общества. Состоятельные женщины пользовались услугами нянь и служанок, но для малообеспеченных женщин жизнь оборачивалась менее привлекательной стороной. Им приходилось заниматься повседневным домашним трудом и одновременно работать на производстве, добавляя свой заработок к заработку мужа.

Уровень занятости женщин вне домашнего хозяйства для всех социальных групп оставался весьма низким до начала XX века. Еще в 1910 г. в Великобритании больше трети женщин, работающих за плату, были горничными или служанками. В состав женской рабочей силы входили в основном молодые незамужние девушки; их заработная плата, если они работали на фабрике или в учреждении, напрямую пересылалась их родителям. Выходя замуж, они выбывали из рядов рабочей силы.

С тех пор доля женщин среди оплачиваемой рабочей силы увеличивалась более или менее постоянно. Одним из основных факторов, оказавших влияние на этот процесс, была нехватка рабочих рук во время первой мировой войны. В военные годы женщины выполняли многие виды работ, которые ранее считались исключительно мужскими. Вернувшись с войны, мужчины снова заняли большую часть этих рабочих мест, но к старым порядкам уже не было возврата. Сегодня в большинстве европейских стран, включая Великобританию, около 50% женщин в возрасте от 16 до 60 лет имеют оплачиваемую работу. Наиболее значительным был рост занятости среди замужних женщин. Сейчас в Великобритании работает вне дома более 40% замужних женщин, имеющих детей младше трех лет. Тем не менее, доля женщин, занимающихся оплачиваемым трудом, по-прежнему значительно меньше, чем доля мужчин. Более 80% мужчин в возрасте от 25 до 60 лет имеют оплачиваемую работу, и доля работающих мужчин не сильно изменилась за последние сто лет. Увеличение занятости женщин не является результатом вытеснения мужчин, но связано с общим увеличением числа рабочих мест.

Неравенство в труде

Малопрестижный труд

Женщины-рабочие в настоящее время выполняют преимущественно низкооплачиваемую, рутинную работу. Такое положение сложилось как в результате изменений в структуре занятости, так и под влиянием стереотипных взглядов на роль женщины. Хорошим примером могут послужить изменения в престижности и содержании конторской службы. В 1850 г. в Великобритании 99% клерков были мужчинами. Быть служащим означало, как правило, занимать ответственный пост, обладать знанием бухгалтерии и нередко принимать на себя обязанности управляющего. Даже самый незначительный клерк занимал определенное положение на социальной лестнице. XX век принес с собой всеобщую автоматизацию делопроизводства (которая началась с распространения в конце XIX столетия пишущих машинок), сопровождавшуюся значительным падением статуса конторского служащего и другой схожей профессии — секретаря, снижением требований к их квалификации, а также уменьшением их жалованья. По мере уменьшения престижности этих рабочих мест и уровня заработной платы открывавшиеся вакансии заполнялись женщинами. В 1986 г. около 90% конторских служащих и 98% секретарей в Великобритании были женщинами.

Хотя женщины в последнее время и добились некоторых успехов, посягнув на те виды деятельности, которые традиционно считались «мужскими», их достижения остаются весьма скромными. Составляя на 1984 г. 46% трудовых ресурсов Великобритании, женщины занимали только 17% должностей в верхних эшелонах управления. Женщины владели менее 5% фирм, доход которых не превышал 1% общего дохода. Когда в 1979 г. пост премьер-министра Великобритании впервые заняла женщина, Маргарет Тэтчер, это приветствовалось как огромный шаг вперед в деле изменения положения женщины. Но фактически в 1980 г. в состав законодательных органов Великобритании входило 1762 мужчины и только 87 женщин; и сегодня мало свидетельств, что это положение меняется.

Проблемы успеха

Женщины, *достигшие* экономического преуспевания, вынуждены приспосабливаться к окружающему миру, в котором они не чувствуют себя «своими». Маргарет Хэнниг и Энни Жарден сравнивают положение женщины, занимающей руководящую должность, с человеком, приехавшим в чужую страну на долгий срок. Важно запастись хорошими путеводителями и картами, а также соблюдать местные обычаи. Практически все испытывают «культурный шок», и даже тот, кто навсегда остается в чужой стране, никогда не будет принят до конца. Однако Хенниг и Жарден ожидают, что в конечном счете женщины окажут смягчающее влияние на систему мужских ценностей, связав вместе семейную ответственность и рабочие обязанности.

Одним из основных факторов, оказывающих влияние на служебный рост женщин, является то часто разделяемое мужчинами представление, что для женщин работа якобы отступает на второй план перед детьми. Проведенное недавно в Великобритании исследование было посвящено изучению взглядов управляющих, проводивших собеседования с женщинами, которые претендовали на должности технических работников в системе здравоохранения. Исследователи обнаружили, что управляющие всегда задавали женщинам вопрос, имеют ли они детей или намереваются их иметь. Вместе с тем, эти сведения практически никогда не

пытались получить у мужчин. Когда управляющих спрашивали, почему они так делают, давалось, как правило, два типа ответов:

а) женщинам с детьми требуется дополнительное свободное время в период школьных каникул или при болезни ребенка;

б) воспитание детей является в первую очередь заботой матери, а не отца.

Некоторые управляющие расценивали свою заинтересованность по этому поводу как выражение «заботы» по отношению к женщинам, но большинство рассматривало вопросы такого рода как составную часть поставленной перед ними задачи — выяснить, в какой степени претендентка на должность может стать полноценным членом рабочего коллектива. В этой связи один управляющий заметил: «Я думаю, что этот вопрос в определенной степени личный, но ответ на него должен учитываться. Есть что-то, чего никогда не может случиться с мужчиной; но я полагаю, что это несправедливо, и делает возможности неравными. Мужчина мог бы никогда не создать семью, если бы был поставлен в такие условия»[12]. Но хотя мужчины и не могут «иметь семью» с биологической точки зрения, в смысле рожать детей, они, конечно, могут принимать участие в воспитании ребенка, деля ответственность со своей женой. Такая возможность не принималась в расчет ни одним из участников опроса. Аналогичную позицию заняли управляющие в отношении продвижения женщин по службе: считалось, что те готовы прервать карьеру ради воспитания детей вне зависимости от положения, которое они могли бы занять в будущем. Мужчина — руководитель высшего звена прокомментировал проблему так:

> На руководящих должностях, как правило, преобладают мужчины, и только потому, что женщины оставляют работу, чтобы иметь детей и все такое прочее... Я не думаю, что действительно существует какая-то система льгот для продвижения по службе мужчин, но элементарной жизненной истиной является то, что женщины стремятся уволиться, чтобы выйти замуж и завести семью, а поэтому их карьера легко обрывается. Когда они возвращаются на работу, потеряв квалификацию и утратив профессиональные навыки, а перед вами встает проблема выбора из нескольких кандидатов, главным критерием является не их пол, а вклад, который они реально могут внести в работу. Если вы выбираете между женщиной, которая три года не работала по семейным обстоятельствам, и мужчиной, не имевшим перерыва в стаже, то совершенно очевидно, что при прочих равных условиях мужчина имеет больше шансов получить работу.

Те немногие женщины, которые занимали высшие административные должности, не имели детей. Некоторые из тех, кто планировал появление ребенка, заявили, что они намереваются оставить свои посты и, возможно, пройти курс переподготовки, чтобы в дальнейшем работать на другом месте.

Как расценивать полученные результаты? Можно ли считать, что шансы женщины найти работу невелики прежде всего из-за мужских предрассудков? Некоторые управляющие высказали мнение, что женщинам с детьми следует не искать оплачиваемую работу на стороне, а сосредоточиться на воспитании детей и ведении домашнего хозяйства. Однако сторонников той точки зрения, что женщина должна иметь равные с мужчинами возможности служебного роста, оказалось больше. Расхождения в их позициях касались в большей степени вопросов, связанных не с работой, а с ответственностью за дом и детей. До тех пор, пока большая часть населения будет считать само собой разумеющимся, что воспитание детей не может

[12] *Homans H.* Man-made myth: the reality of being a woman scientist in the NHS. In: In a man's world: essays on women in male-dominated professions. London, 1987.

Таблица 2. *Процент женщин в общей численности занятых по странам*

	1950	1960	1970	1980
Австралия	*	28,2[б]	28,8	34,1
Бельгия	28,7	30,7	32,7	35,9
Великобритания	32,6	34,4	36,3	40,1
Дания	*	31,6	39,4	43,6[г]
Западная Германия	35,6	37,8	36,6	38,3
Ирландия	26,0[а]	*	26,7	28,5
Испания	16,1	*	25,0	29,0
Италия	*	30,1	28,3	32,1
Канада	21,8	26,8	33,6	39,7
Норвегия	27,8	29,0	30,8	41,1
Португалия	23,0	18,7	*	38,8
США	29,4	33,3	37,2	42,4
Франция	*	*	35,2	38,0
Швеция	*	36,1[в]	39,4	45,0
Япония	*	40,7	39,3	38,7

* — нет данных, [а] — 1951, [б] — 1964, [в] — 1962, [г] — 1979

Источник: *A. T. Mallier* and *M. J. Rosser*. Women and Economy: a comparative study of Britain and the USA. London, 1987. P. 167.

осуществляться на равной основе, перед женщинами, работающими по найму, будут стоять проблемы. Тот факт, что женщины по сравнению с мужчинами находятся в заведомо невыгодном положении, что касается их служебного роста, будет по-прежнему оставаться, по выражению одного из участников опроса, «житейским делом».

Низкая оплата труда и ловушка бедности

Как можно было ожидать, средняя заработная плата женщин гораздо ниже, чем у мужчин, хотя разрыв в оплате за последние 20 лет несколько сократился. Женщины гораздо чаще выполняют низкооплачиваемую работу, но даже в рамках одной и той же профессиональной группы они в среднем получают меньшее жалование по сравнению с мужчинами. Например, заработок женщин-клерков в Великобритании составляет 60% от заработка мужчин, имеющих ту же профессию; для продавцов этот показатель равняется 57%.

Значительная часть британских женщин живет в бедности. Это особенно характерно для тех из них, кто по разным причинам оказался главой семьи. Доля женщин среди бедняков за последние 20 лет постоянно увеличивалась, несмотря на то, что доля живших за чертой бедности снизилась в 60-е годы и оставалась постоянной в 70-е годы (вновь увеличившись в 80-е). Проблема бедности стоит особенно остро для женщин с маленькими детьми, нуждающимися в постоянном уходе. Получается порочный круг: женщина, имеющая возможность занять хорошо оплачиваемую должность, может серьезно подорвать свое финансовое положение вследствие необходимости оплачивать уход за ребенком. В противном случае, если она начинает работать неполный день, ее заработок падает, любые перспективы служебного роста исчезают; кроме того, она теряет и другие экономические льготы, например, право на получение пенсии, которым обладают занятые полный рабочий день.

Является ли положение дел в других странах принципиально иным, и если да, то насколько? В качестве основы для сопоставления возьмем Швецию и Советский Союз. Обе эти страны предприняли значительно больше шагов, направленных на улучшение экономического положения женщин, чем Великобритания.

Случай Швеции

Швеция лидирует среди западных стран в области законодательства, гарантирующего соблюдение равенства полов. Доля женщин, имеющих оплачиваемую работу, является очень высокой: в 1986 г. она равнялась 80% для женщин в возрасте от 16 до 64 лет[13]. Любой гражданин Швеции может получить государственное пособие на ребенка, составляющее около 90% средней заработной платы; выплаты начинаются за месяц до рождения и заканчиваются, когда ребенку исполнится шесть месяцев. Родители договариваются между собой, кто из них возьмет отпуск по уходу за ребенком, и в зависимости от их решения шестимесячное пособие выплачивается либо матери, либо отцу. Существует множество центров по уходу, где дети до 12 лет могут находиться по выходным и в будние дни после школы.

Эти меры в определенной степени доказали свою эффективность в том, что касается возможностей женщин добиться высокого положения в обществе. Например, женщины имеют четверть мест в шведском парламенте, что является одним из самых высоких показателей в мире. Тем не менее, лишь немногие женщины занимают высшие руководящие посты в фирмах; доли женщин в общем числе занятых для большинства профессий в Швеции и других западных странах различаются незначительно. В 1985 году 45% шведских женщин были заняты неполный рабочий день, а значит, имели худшие возможности для служебного роста, меньшие социальные льготы и права на пенсионное обеспечение (только 5% мужчин в возрасте от 16 до 64 лет работали неполный день). Многие женщины не желают оставлять своих детей в воспитательных центрах на долгое время, поэтому не могут работать полный день. Женщины по-прежнему несут всю полноту ответственности за ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Парадоксально, но из-за существования этих центров мужчины могут считать, что от них теперь требуется меньшее участие в воспитании ребенка[14].

Женщины в Советском Союзе и в Восточной Европе

СССР называли «первой страной в мире, провозгласившей равенство мужчин и женщин и начавшей проводить политику, направленную на достижение этого равенства»[15]. После революции 1917 года новое советское правительство публично объявило о создании для женщин равных условий труда и равных возможностей по выбору профессии, а также о государственных мерах по созданию детских учреждений и их материальному обеспечению.

Женский отдел Центрального Комитета ВКП (б) (*Женотдел*) был создан в сентябре 1919 года. Предполагалось, что он будет руководить мероприятиями, направленными на то, чтобы поставить женщину в центр политической и экономической жизни. *Женотдел* по роду деятельности был сродни современным женским центрам:

---

[13] Allmän/månad statistik. Sveriges Officiella Statistik. Stockholm, 1987.

[14] *Wistrand B.* Swedish women on the move. Stockholm, 1981.

[15] *Attwood L.* and *M. McAndrew.* Women at work in the USSR. In: *M. Davidson, C. Cooper.* Working women: an international survey. Chichester, 1984. P. 269.

он проводил митинги, выставки, воспитательно-информационные занятия, организовывал различные кампании. Однако его деятельность была воспринята комитетами Коммунистической партии, в которых основную роль играли мужчины, с подозрением. В некоторых регионах Советского Союза женские отделы были упразднены почти немедленно после создания, в других они продолжали оставаться весьма активными, но встретились с мощным сопротивлением со стороны большинства партийных организаций, в которых доминировали мужчины. В конце концов, все они были распущены и вошли в состав ортодоксальных партийных комитетов. Теперь им было дано задание сосредоточиться на проблеме повышения производительности труда, а не на женских вопросах как таковых.

Коммунистическая партия продолжала, тем не менее, проводить политику массового вовлечения женщин в состав рабочей силы. И к концу 80-х годов в СССР и странах Восточной Европы сохранялась заметно большая доля женщин в трудовых ресурсах, чем в большинстве западных стран. По сравнению с Западом, доля занятых на оплачиваемой работе особенно высока для матерей с маленькими детьми. В Великобритании около 32% женщин с детьми до 6 лет входит в состав трудовых ресурсов. В Чехословакии, для сравнения, соответствующий показатель превышал 80%. По всевозможным рабочим местам женщины распределяются гораздо более равномерно на Востоке, чем на Западе. В Великобритании четвертая часть всех работающих женщин принадлежит к одной из пяти профессий: секретарь, машинистка-стенографистка, надомная работница, учитель начальной школы и официантка. Советские женщины занимались физическим трудом, который в большинстве стран считается прерогативой мужчин. Они работали в шахтах, в машиностроении, выплавляли сталь, составляя около половины всех промышленных рабочих. Они также были представлены среди многих специальностей, требующих высокой квалификации. Более 75% врачей, включая стоматологов, и более 50% в медицине на управленческих должностях — женщины, по сравнению с всего лишь 7% женщин-врачей в Великобритании.

Однако равенство полов в восточноевропейских странах, проявлялось в гораздо меньшей степени, чем можно было бы ожидать, исходя из приведенной статистики. Как и на Западе, для низкооплачиваемых профессий характерна сравнительно высокая доля женщин, в то время как должности с высокой заработной платой чаще занимают мужчины. Средний заработок женщин в СССР составлял 75% от зарплаты мужчин. Женщины почти не были представлены в верхних эшелонах государственной власти.

Не менее важным является тот факт, что, хотя в СССР и в Восточной Европе женщины и составляли немалую часть трудовых ресурсов, на них по-прежнему лежит основной груз ответственности за ведение домашнего хозяйства, при том, что для этого затрачивается гораздо больше усилий, чем во многих западных странах. Много времени отнимало посещение магазинов — часто приходилось выстаивать длинные очереди, чтобы купить хотя бы основные продукты питания; жилая площадь ограничена, облегчающая домашний труд техника менее развита. Стиральные машины и холодильники были дороги (в процентном отношении к заработной плате), а посудомоечные машины и приспособления для сушки одежды практически отсутствовали. Большинство советских мужчин разделяли пренебрежительное отношение к работе по дому, и хотя доля женщин, занятых полный рабочий день, в СССР была выше, чем в Великобритании, вклад советских мужей в работу по дому и воспитание детей в среднем меньше.

Домашний труд

Домашний труд в его современном виде возник в результате отделения рабочего места от жилища, которое стало местом уже не производства, а потребления товаров. Домашняя работа стала «незримой», в то время как «настоящая работа» приобретала все более четкие очертания, так как подразумевала прямое вознаграждение за труд. По мере перехода к отделенному жилищу происходили и другие изменения. До изобретений и технических приспособлений эпохи индустриализации труд в домашнем хозяйстве был тяжелым и утомительным. Еженедельная стирка отнимала массу сил и времени. Компания «Мэйтэг уошинг мэшин», проведя специальное исследование с целью выяснить, что в XIX веке значила для хозяйки стирка, пришла к следующему заключению: «День стирки в старые времена по энергетическим затратам был таким же изнурительным, что и заплыв на пять миль. При этом частота дыхания и движений рук у пловца и прачки была практически полностью одинаковыми; то же самое можно было сказать о влажности» [16].

Появление горячего и холодного водоснабжения упразднило ряд функций, требовавших больших затрат времени. Так, ранее воду приходилось по мере надобности приносить домой и подогревать. Электричество и газ сделали ненужными угольные и дровяные плиты, а также многие виды домашней работы, как, например, колку дров, переноску угля и чистку кухонной плиты. Трудосберегающее оборудование (пылесосы, стиральные машины) сократило количество тяжелой работы, что привело к уменьшению размера семьи, поскольку для выполнения семейной работы требовалось уже меньше детей. Неожиданностью, однако, явилось то, что среднее время, затрачиваемое женщинами на работу по дому, сократилось весьма незначительно. Для жительниц Великобритании, не имевших оплачиваемой работы, за последние 50 лет этот показатель практически не изменился. Хотя благодаря хозяйственно-бытовым приспособлениям некоторые виды домашней работы, на которые затрачивалось больше всего сил, исчезли, их заменили новые. Увеличились, в частности, затраты времени на воспитание детей, покупку товаров и приготовление пищи.

Рост женского движения в определенной степени повлиял на отношение мужчин к работе по дому и вне дома, но даже самые «либеральные» мужчины, как и раньше, придерживались установившихся стереотипов поведения. Мирра Комаровски провела в Колумбийском университете, в Нью-Йорке обследование 62 студентов (мужского пола) последнего года обучения, чтобы проследить эволюцию их представлений о «мужественности». Многие из опрошенных сочувствовали целям феминистского движения, но продолжали считать, что в первую очередь именно мужчины обладают такими качествами, как сила воли и настойчивость в достижении цели. Они выражали готовность к интеллектуальному сотрудничеству, но проявляли осторожность по отношению к умным, уверенным в себе женщинам. Хотя они оставались невысокого мнения о домохозяйках, большинство продолжали считать, что первоочередное внимание в семье должно уделяться карьере мужа. Суждения, которые абстрактно признавались справедливыми, подвергались сомнению, когда они затрагивали личные интересы. Один студент, например, высказался следующим образом: «Было бы справедливо позволить женщине заниматься тем, что она хочет, в том числе и работать. Что же касается меня, то я предпочитаю, чтобы моя жена сидела дома» [17].

[16] *Hardyment C.* Labour saved. Cambridge, 1987, P. 6.

[17] *Komarovsky M.* Dilemmas of masculinity. New York, 1976.

Тенденция к увеличению числа женщин в составе трудовых ресурсов оказала заметное влияние на труд в домашнем хозяйстве. Замужние женщины, если они работали вне дома, выполняли меньше работы по дому, хотя они почти всегда брали на себя основную ответственность за ведение домашнего хозяйства. Но приемы, с помощью которых они справлялись со своими обязанностями, естественно, значительно изменились. Они, в отличие от домохозяек, занимались работой по дому вечером, сразу после прихода с работы, и несколько больше по выходным дням.

Неоплаченный труд в домашнем хозяйстве имеет исключительно важное значение для экономики. По оценкам, в промышленно развитых странах в домашнем хозяйстве создается от 25 до 40% национального богатства. Домашняя работа служит фундаментом для остальной части экономики; от безвозмездных услуг домашнего хозяйства зависит существование огромной части активных трудовых ресурсов.

Женские движения

Авторы-феминисты неоднократно отмечали и анализировали важность домашней работы. Многие годы социологи определяли «работу» как «оплачиваемую работу вне дома». Феминисты показали, насколько ошибочным был такой взгляд. Они дали толчок к исследованиям деятельности и положения женщин во многих сферах общественной жизни, где ранее такими исследованиями пренебрегали. Хотя подобные частные проявления возникли сравнительно недавно, **феминизм** — борьба за защиту и расширение прав женщин — имеет длительную историю, восходящую к концу XVIII века.

Одной из первых работ, развивающих феминистские идеи, была книга Мэри Уоллстоункрафт «*Защита прав женщин*», впервые опубликованная в 1792 году. «Женщины, — писала она, — приняли на себя все издержки и недостатки цивилизации, упустив ее полезные плоды»[18]. Шестнадцатью годами раньше в США Эбигайл Адамс обратилась в письме к своему мужу Джону Адамсу, который должен был стать вторым в истории страны президентом, с призывом улучшить положение женщин: «Я желаю, чтобы Вы вспомнили о женщинах и были бы к ним более благосклонны и великодушны, чем Ваши предшественники... Помните, что все мужчины были бы тиранами, если бы могли»[19].

Ранний феминизм во Франции

Первые активно организованные группы в защиту прав женщин появились сразу после французской революции 1789 г. В 90-х годах XVIII века под влиянием идеалов свободы и равенства, за которые боролась революция, в Париже и ряде других городов было создано несколько женских клубов. Они стали местом собраний для женщин, в них разрабатывались политические программы, призывавшие к равным правам на образование, труд, участие в управлении делами общества. Руководитель одного из таких клубов Мари Жуз написала воззвание, озаглавленное «Декларация прав женщин». Оно основывалось на «Декларации прав человека и гражданина» — основного конституционного документа революции. Автор воззвания утверждала, что права на свободу и равное гражданство не могут принадлежать одним лишь

[18] *Wollstonecraft M.* A Vindication of the Rights of Women. Harmondsworth, 1985. P. 67.

[19] *Rossi A.* and *A. Calderwood.* Academic women on the move. New York, 1973.

мужчинам; она выражала сомнения в том, что действительное равенство может быть достигнуто в условиях, когда половина общества лишена тех привилегий, которыми пользуются только мужчины. Призыв не нашел понимания у лидеров революции, и в 1793 г. Мари Жуз была казнена. Женские клубы в последующем были распущены правительственным декретом. С того времени феминистские группы и женские движения не раз еще возникали и реорганизовывались в странах Запада, почти всегда сталкиваясь с враждебностью и вызывая порой насилие со стороны власть предержащих. Тем не менее, Мари Жуз была единственной феминисткой, отдавшей свою жизнь за дело равноправия полов.

Борьба за права женщин в Соединенных Штатах

В XIX веке наибольшее развитие феминизм получил в Соединенных Штатах. Лидеры большинства женских движений в других странах рассматривали борьбу американских женщин за свои права как образец для себя. В период 1830–1850 годов американские феминистки принимали непосредственное участие в деятельности групп, выступавших за отмену рабства. Петиции по этому поводу обычно содержали большое количество женских подписей. Тем не менее, не имея формальных политических прав, женщины не могли оказывать политического давления, посредством которого реформаторы могли бы достигнуть своих целей. Ни одна женщина не была допущена к участию в работе всемирной конференции по борьбе с рабством, созванной в 1840 году в Лондоне. Этот факт заставил женские группы повернуться лицом к проблеме неравенства полов. В 1848 г., как и полвека назад, подобно своим предшественницам из Франции, лидеры женских движений США встретились, чтобы принять «Декларацию чувств», составленную по образу и подобию американской Декларации независимости[20]. «Мы считаем само собой разумеющимся, — говорилось в самом начале Декларации, — то, что все мужчины и *женщины* созданы равными». В документе излагался длинный перечень несправедливостей по отношению к женщинам[21]. Однако этот период не привел к значительным улучшениям в социальном и политическом положении женщин. После отмены рабства Конгресс дал избирательные права только освобожденным рабам-*мужчинам*.

На начальном этапе развития женского движения в США определенную роль сыграли чернокожие американки, хотя им часто приходилось сталкиваться с враждебным отношением белых американок. Сожунер Трас была негритянкой, протестовавшей как против рабства, так и против лишения женщин избирательных прав, т. е. тесно увязывавшей обе эти проблемы. Когда она в 50-х годах прошлого века страстно и зажигательно выступала на одном из массовых митингов аболиционистов в Индиане, один из белых участников митинга крикнул ей: «Не верю, что ты действительно женщина!» В ответ на это С. Трас обнажила перед всеми свою грудь, чтобы показать, какого она пола. В 1852 году во время ее выступления на съезде активисток женского движения в г. Акрон (штат Огайо) белые женщины пытались выкриками из зала сорвать ее речь. Она преодолевала подобное сопротивление, и сыграла заметную роль в борьбе женщин за свои права в тот период[22]. Однако другие чернокожие активистки, пытавшиеся наравне с белыми женщинами принять участие в этой борьбе, были разочарованы теми предрассудками, с которыми им

[20] Имеется в виду первый съезд женщин в г. Сенека-Фолз, штат Нью-Йорк.

[21] *Banner L.* and *M. Hartman*, Clio's consciousness raised: new perspectives on the history of women. New York, 1974.

[22] *Hooks B.* Ain't a woman: black women and feminism. London, 1986.

пришлось столкнуться. С того времени число чернокожих феминисток было весьма незначительным.

Развитие женского движения в Европе

Одним из наиболее важных событий в истории зарождения женских движений в Европе стало представление в 1866 г. в английский парламент петиции, подписанной 1500 женщинами. В ней содержалось требование о включении в обсуждавшуюся тогда реформу избирательного права положений о предоставлении женщинам избирательных прав в полном объеме. Петиция была оставлена без внимания. В ответ организаторы акции год спустя образовали «Национальное общество за Женские избирательные права». Члены этого общества стали известны как **суфражистки**[23]; с тех пор это слово служит напоминанием о той петиции, с которой в XIX веке обращались в парламент, чтобы распространить избирательные права на женщин. К началу XX века феминистское движение в Англии по своему влиянию было сопоставимо с движением в США. В обеих странах в начале века часто организовывались марши и уличные демонстрации. В июне 1908 г. в Лондоне прошел массовый митинг, в котором приняло участие около полумиллиона человек. В этот период женские движения быстро распространялись во всех основных европейских странах, а также в Австралии и Новой Зеландии.

Выдающаяся деятельница движения суфражисток Эммелин Панкхерст совершила несколько пропагандистских турне по Соединенным Штатам, подробно рассказывая большим аудиториям о борьбе английских женщин за свои права. Две американки, вовлеченные в эту борьбу — Элис Пейн и Харриет Стантон Блатч, организовали в 1910-х годах серию многолюдных маршей и демонстраций по Нью-Йорку и другим городам Восточного побережья.

После 1920 г. женские движения в Великобритании и других странах на несколько десятилетий пришли в упадок. Отчасти это было вызвано успешным достижением стоявшей перед ними цели — обеспечением к этому времени в большинстве западных стран (в Великобритании, например, в 1928 году) равных избирательных прав. Радикально настроенные женщины тяготели к участию в других общественных движениях (многие из них, например, примкнули к антифашистскому движению). Хотя многие продолжали борьбу за права женщин в этих более широких рамках, феминизм как особое движение против доминирования мужчин в различных общественных институтах стал менее заметен. Однако достижение равных политических прав мало способствовало распространению равенства на другие стороны жизни общества.

Возрождение феминизма

В конце 60-х годов женские движения вновь стали набирать силу. За минувшую с тех пор четверть века феминизм стал влиятельным фактором мирового развития, в том числе и во многих странах «третьего мира». Возрождение феминизма началось в Соединенных Штатах под влиянием движения за гражданские права, а также студенческого движения этого периода. Многие женщины проявляли высокую активность, но оказывались зачастую в традиционном подчиненном положении по отношению к активистам-мужчинам. Лидеры движения за гражданские права противились включению вопроса о правах женщин в свои программы борьбы за

[23] suffrage (англ.) — право голоса.

Получение женщинами права голоса на равной основе с мужчинами

1893	Новая Зеландия	1942	Доминиканская Республика, Уругвай
1902	Австралия	1945	Франция, Венгрия, Италия, Япония, Вьетнам, Югославия, Боливия
1906	Финляндия		
1913	Норвегия	1946	Албания, Румыния, Панама
1915	Дания, Гренландия	1947	Аргентина, Венесуэла
1917	СССР	1948	Израиль, Корея
1918	Канада	1949	Китай, Чили
1919	Австрия, Германия, Нидерланды, Польша, Швеция, Люксембург, Чехословакия	1950	Сальвадор, Гана, Индия
		1951	Непал
		1952	Греция
		1953	Мексика
1920	США	1954	Колумбия
1922	Ирландия	1955	Никарагуа
1928	Великобритания	1956	Египет, Пакистан, Сенегал
1929	Эквадор	1957	Ливан
1930	Южная Африка	1959	Марокко
1931	Испания, Шри Ланка, Португалия	1962	Алжир
		1963	Иран, Кения, Ливия
1932	Таиланд	1964	Судан, Замбия
1934	Бразилия, Куба	1965	Афганистан, Гватемала
1936	Коста Рика	1977	Нигерия
1937	Филиппины	1979	Перу, Зимбабве
1941	Индонезия		

(*Tuttle L.* Encyclopedia of Feminism. 1986. P. 370–1)

равенство. В результате женщины начали создавать свои собственные независимые организации.

Женские движения сегодня имеют дело с намного более широким кругом проблем, чем прежде. Они ведут борьбу за экономическое равенство, разрешение абортов, изменение законодательства о разводах и т. д. Вдобавок к уже имеющимся практическим успехам, феминистки сегодня оказывают интеллектуальное воздействие, далеко выходящее за рамки всего достигнутого. Ученые — участницы феминистского движения, работающие в области общественных наук и во многих других сферах, заставили пересмотреть принятые прежде взгляды и теории. Значительная часть проведенных в последние годы исследований, рассматривающих как исторические и культурные факторы, влияющие на положение женщин, так и более широкие вопросы отношений полов, стали возможными лишь благодаря влиянию современного феминизма.

Домашнее насилие, сексуальные посягательства и изнасилования

Обратимся теперь к некоторым основным проблемам, с которыми прямо или косвенно сталкиваются многие женщины. Это проблемы, связанные с использованием мужчинами своего превосходства в социальном или физическом плане: домашнее насилие, сексуальные посягательства и изнасилование. Хотя все это может иногда применяться и женщинами против мужчин, в подавляющем большинстве случаев именно мужчины выступают в роли агрессоров, а женщины — в роли их жертв.

Домашнее насилие

Дом часто идеализируют, считая его безопасным и счастливым, однако **домашнее насилие** очень хорошо знакомо многим женщинам. Это не какой-то доселе неведомый социальный порок. Насилие по отношению к женщине было обычной составляющей брака в средневековье и на заре промышленной революции. До конца XIX века в Великобритании не было законов, запрещавших мужчине физическое насилие по отношению к его жене, за исключением нанесения ей телесных повреждений или убийства. Ныне женщины значительно лучше защищены в правовом отношении, и все же подобное жестокое обращение остается широко распространенным. Порой считается, что жестокость по отношению к женщинам уже редкость, но свидетельства избитых женщин, скрывающихся в приютах, говорят об обратном. Как отмечалось в одном исследовании, «некоторые женщины изувечены, они имеют на теле следы тяжких побоев, кровоподтеки, переломы, ножевые ранения; некоторых били головой о мебель, некоторых спускали с лестницы, у одной в ногу был забит гвоздь»[24].

Несмотря на улучшающееся правовое положение, обращение к закону для женщин, подвергшихся домашнему насилию, затруднено. Обычная для полиции установка на невмешательство в «семейные конфликты» очень часто делает стражей порядка бесполезными. При подобных вызовах они стремятся ограничить свое вмешательство и погасить конфликт, а не искать виновного. Часто женщинам, подвергающимся насилию, бывает нелегко навсегда покинуть дом по различным социальным и экономическим причинам, в том числе из-за ответственности за судьбу детей. В отделах местных органов власти, ведающих жильем, иногда подозрительно относятся к женщинам, обратившимся с жалобами по поводу физического насилия, подозревая, что жалобы преувеличены, с целью быстрее получить другое жилье.

Сексуальные посягательства

На рабочем месте права женщин обеспечить намного легче, и уровень насилия по отношению к женщинам здесь низкий. И все же **сексуальные посягательства** крайне распространены. Сексуальные посягательства на рабочем месте можно определить как использование служебного положения или власти с целью удовлетворения сексуальных потребностей. Это явление может принимать самые вопиющие формы, например, когда женщине навязывается половая близость под угрозой увольнения. Однако в большинстве случаев сексуальные посягательства имеют более тонкие формы. Например, их облекают намеками на то, что, став доступнее, женщина могла бы рассчитывать на определенные поблажки, и наоборот, упрямство может быть наказано отказом в продвижении по службе.

Свобода выбора в половых отношениях — один из основных элементов нашей жизни, которым мы можем управлять, и сексуальные посягательства препятствуют этому выбору. Хотя причастные к этому мужчины могут рассматривать мягкие формы сексуального домогательства как безобидные, женщины часто расценивают их как унизительные для себя. Считается, что женщины должны терпимо относиться к нежелательным разговорам на сексуальные темы, жестам и попыткам физического сближения, и лишь «подыгрывать». Однако для этого требуется не только терпение, но и большое искусство. Официантка, для которой чаевые являются солидным довеском к зарплате и которая постоянно должна ублажать посетителей, замечает по этому поводу, что любая женщина на ее месте «должна научиться быть сексуально

[24] *Pahl J.* A refuge for battered women. London, 1978. P. 32.

привлекательной, оставаясь в то же время недоступной. Это, естественно, означает, что мужчины будут пытаться привлечь ее внимание своими пошлостями, двусмысленными словами, завуалированными предложениями, жестами. Она должна мягко отвести от себя притязания мужчины, не задевая его самолюбия и сама не выглядеть задетой. Фактически, она должна показать, что ей льстит интерес к ней. Ей надо найти способ сказать "нет" так, чтобы польстить ему»[25].

Очевидно, нелегко провести черту между посягательством и тем, что может рассматриваться как обычный флирт, не выходящий за рамки закона интерес мужчины к женщине. Однако по данным, полученным от самих женщин, семь из десяти женщин в Великобритании в течение длительного времени подвергаются сексуальным посягательствам в процессе трудовой деятельности. Домогательства сослуживцев может ограничиваться одним эпизодом, а могут стать постоянной составляющей их поведения. В этом случае женщины часто испытывают трудности в поддержании привычного трудового ритма, могут не выйти на работу, сказавшись больными, или вообще прекращают работать.

Изнасилование

Очень трудно оценить точные масштабы распространения **изнасилований**. Лишь незначительная часть потерпевших обращается в полицию и учитывается статистикой. Реальные цифры могут оказаться в пять раз больше того, что показывает официальная статистика, хотя оценки даются самые разные. Исследование, проведенное в Лондоне, показало, что из 1236 опрошенных женщин каждая шестая была изнасилована, каждая пятая из оставшихся смогла защититься от попытки изнасилования, и что половина всех нападений были предприняты либо в доме, где проживает потерпевшая, либо в доме напавшего. Большинство изнасилованных женщин либо не хотят вспоминать об этом, либо не желают участвовать в унизительном процессе медицинского освидетельствования, дачи показаний в полиции и выступления в суде. Судебный процесс может идти длительное время; может пройти полтора года после самого события, прежде чем суд вынесет приговор.

Сам судебный процесс может пугать. Проводятся публичные слушания, и жертва должна встретиться лицом к лицу с обвиняемым. Обычно недостаточно показаний одной лишь потерпевшей, требуются подтверждающие показания других людей. Должны быть представлены доказательства свершения преступления, должна быть установлена личность насильника, и подтвержден факт, что половая близость имела место без согласия женщины. Установление личности преступника может затрудниться тем, что преступление могло быть совершено на темной улице или аллее. Идущую ночью одинокую женщину могут представить как стремящуюся привлечь внимание мужчин. Где бы ни произошло изнасилование, женщину могут допросить о ее прежней половой жизни, и в то же время считается, что прошлые связи мужчины не имеют отношения к делу. Фактически, прежние обвинения в изнасиловании или покушении на изнасилование не могут упоминаться в текущих делах об изнасиловании.

Согласно прецеденту, созданному в 1736 г. судьей Мэтью Хейлом, «муж не может быть признан виновным в изнасиловании его законной жены вследствие их взаимного супружеского согласия и в соответствии с брачным контрактом, коим она сама отдает себя своему мужу, не имея права расторгнуть его»[26]. Эта формулировка

[25] *McKinnon C.* Sexual harassment of working women: a case of sex discrimination. New Haven, 1979. P. 78.

[26] *Hall R., James S., Kertesz J.* The rapist who pays the rent. Bristol, 1984. P. 20.

сохраняет законную силу в Англии и Уэльсе. До тех пор, пока судом не вынесено постановление, ограждающее женщину от притязаний, пока нет судебного предписания о личной защите, или пока не оформлен развод, даже отдельно проживающая женщина не имеет правовой защиты на случай изнасилования своим формальным супругом. Изнасилование в браке считается преступлением только в немногих западных странах, включая Данию, Швецию, Норвегию и Канаду, хотя в большинстве стран Восточной Европы, включая СССР, принято законодательство, не снимающее с мужа ответственности за изнасилование жены. В Соединенных Штатах первым случаем выигранного уголовного дела по обвинению в изнасиловании собственной жены стало в 1979 году дело, возбужденное против Джеймса К. Кретьена. До этого изнасилование жены считалось преступлением в пяти штатах. С того времени во многих других штатах были приняты соответствующие законы или созданы прецеденты, определяющие уголовную ответственность за подобное деяние.

Обычные установки на то, что является, а что не является изнасилованием, могут быть очень строгими. Исследователи, изучавшие изнасилование женщин при наличии установившихся отношений, описали следующий случай. Нетрезвый мужчина попытался совершить анальный акт со своей подругой. Та воспротивилась и закричала, мужчина стал применять силу, повалил женщину так, что она не могла двинуться и вынудил ее вступить с ним в связь. Впоследствии, когда ее спросили, заставляли ли ее когда-либо прежде вступать в половую близость помимо ее воли, она ответила «Нет»[27].

Исследование показало, что повсеместно распространенные представления об изнасиловании не соответствуют действительности. Ошибочно, например, считают, что женщина не может быть изнасилована, если она оказывает сопротивление; что только молодым и привлекательным женщинам прежде всего грозит изнасилование; что некоторым женщинам нравится, когда их берут силой; что большинство насильников в той или иной степени психически ненормальны. Большинство случаев изнасилования происходит отнюдь не спонтанно, а хотя бы отчасти планируется заранее[28]. Изнасилование, очевидно, связано с ассоциацией, отождествляющей мужественность и силу, превосходство, твердость. Большей частью изнасилование — не результат непреодолимого сексуального желания, а следствие соединения сексуальности с ощущением силы и превосходства. По-видимому, связь между изнасилованием и похотью сравнительно слаба. Среди насильников велика доля тех, кто может возбудиться лишь тогда, когда их жертва запугана и повержена. Сам половой акт имеет гораздо меньшее значение по сравнению с унижением женщины[29].

В течение последних нескольких лет женские организации боролись за изменение законов и отношения общественного мнения к изнасилованию. Представители этих организаций подчеркивали, что изнасилование должно рассматриваться не как сексуальное правонарушение, а как уголовное преступление против личности. Это не просто физическое насилие, а покушение на личность человека, его достоинство. Как писал один автор, изнасилование — «акт агрессии, в котором жертву лишают права самоопределения. Это акт насилия, который, если в действительности не увечат и не убивают, тем не менее совершается под угрозой смерти»[30]. Начатая кампания

[27] *Fin Kelhor D., Yllo K.* Forced sex in marriage: a preliminary report // Crime and delinquency, 28. 1982.

[28] *Amir M.* Patterns in forcible rape. Chicago, 1971.

[29] *Estrich S.* Real rape. Cambridge, 1987.

[30] *Griffin S.* Rape. The power of consciousness. New York, 1978. P. 342.

дала некоторые результаты в изменении законодательства, и в современном праве изнасилование рассматривается как особый вид тяжких уголовных преступлений.

Изнасилование и опасения женщин: тезис Браунмиллер

В определенном смысле все женщины являются жертвами изнасилования. Часто женщины, которых никогда не насиловали, испытывают те же страхи, что и женщины, познавшие это на себе. Они могут бояться выходить в одиночку ночью на улицу — даже на многолюдную, и могут испытывать не меньший страх, оставаясь у себя дома. Подчеркивая тесную связь между изнасилованиями и мужской сексуальностью, Сюзан Браунмиллер утверждает, что изнасилование есть часть общей системы запугивания женщин мужчинами. Те, кого не насиловали, находятся под впечатлением вызванных этим страхов, их угнетает необходимость быть намного более осторожными, чем мужчины, в своей повседневной жизни[31].

Позиция Браунмиллер может показаться чересчур резкой, но даже мимолетные размышления показывают, насколько осторожной должна быть женщина, если она хочет сократить до минимума возможность стать жертвой насилия. Ниже приводится перечень советов, «что надо» и «что не надо» делать женщинам, пытающимся снизить для себя риск быть изнасилованной. Советы были опубликованы одной из женских организаций США. Такой перечень помогает утверждению взглядов на изнасилование как вид преступности, влияющий на поведение женщин в целом[32].

1. Сделайте Ваш дом максимально безопасным; замки, окна и двери должны быть в хорошем состоянии. Если Вы переезжаете в другой дом или квартиру, смените замки. Подразделение, отвечающее в местном отделении полиции за профилактику преступности, может посоветовать Вам, как сделать Ваше жилье неприступным для воров-взломщиков, а значит, и для насильников.
2. Если Вы живете одна:
   а. оставляйте включенным освещение в других комнатах, чтобы создавалось впечатление, что в доме не один жилец;
   б. направляясь к двери, дайте понять, что в доме, кроме Вас, есть еще мужчина (скажите громко: «Боб, я открою дверь!»);
   в. не пишите полностью Ваше имя на табличке у дверного звонка или в телефонной книге; дополните фамилию только инициалами.
3. В любом случае избегайте незнакомцев и никогда не открывайте дверь неизвестному человеку. Всегда просите представиться работника сферы услуг (его визитная карточка может быть подсунута им под дверь). Если Вы живете с детьми, Вы должны быть уверены, что они не откроют дверь любому постороннему человеку.
4. Если Вы живете в многоквартирном доме, не входите и не оставайтесь одна в безлюдном подъезде, гараже или помещении для сушки белья.
5. Столкнувшись с хулиганским телефонным звонком, не отвечайте, а немедленно положите трубку и сообщите в полицию.

[31] *Brownmiller S.* Against our will: men, women and rape. London, 1975.

[32] *Katz S., Mazur M.* Understanding the rape victim: a synthesis of research findings. London, 1979. P. 307.

6. Избегайте оставаться одна поздно ночью на улице или в студенческом городке. При необходимости возьмите в руки подручное «оружие»: горящую сигарету, шпильку, зонтик, авторучку, вилку, связку ключей, расческу или гребень (чтобы поранить ему лицо). Полезно иметь при себе свисток для вызова полиции (но не на шее, а в связке ключей).
7. Не пользуйтесь попутными машинами (любой согласится, что это крайне важно!). Если же это крайне необходимо, «голосуйте» не одна и на дороге с оживленным движением.
8. Если вы за рулем, то:
   а. следите за тем, что у Вас всегда было не менее четверти бака;
   б. всегда запирайте Вашу машину, когда Вы ее покидаете;
   в. проверяйте заднее сиденье и пространство между передним и задним сиденьями, прежде чем сесть в машину;
   г. если у Вас случилось поломка в пути, не принимайте помощь от неизвестного мужчины или группы мужчин. Поднимите капот, сядьте в машину и закройтесь в ней, дожидаясь прибытия полиции.
9. Не вздумайте «снимать» незнакомого Вам мужчину в баре, особенно если Вы изрядно выпили или приняли наркотик.
10. Не входите в лифт с незнакомым мужчиной. Немедленно покиньте лифт или встаньте у щитка управления.
11. На свидании сообщите сразу, что Вы не готовы к половой связи, чтобы позже не возникло недоразумений.
12. Если Вы приходите в семью нянчить детей, заранее наведите справки о ее репутации. Родители также должны очень аккуратно подыскивать няню.
13. Если на Вас напали, *не* кричите «Насилуют!», кричите «Пожар!»

«Нормальное» сексуальное поведение

Межкультурные различия

Многие полагают, что сексуальное поведение человека определяется в основном биологическими факторами, коль скоро половые отношения очевидно необходимы для воспроизводства. В действительности, в отличие от большинства животных, почти все наши сексуальные чувства являются приобретенными, а не заданными генетически. Помимо гетеросексуальной половой связи (связи между мужчиной и женщиной), сексуальное поведение человека имеет множество сторон. Во многих культурах, например, распространено гомосексуальное поведение. Гомосексуальные отношения мы обсудим позже, пока же остановимся на **гетеросексуальности**.

Принятые типы гетеросексуального поведения широко варьируются в различных культурах. Это один из способов понять, что большинство сексуальных реакций являются скорее приобретенными, чем наследуемыми. Наиболее широкое исследование сексуальной практики в различных культурах было проведено несколько десятилетий

тому назад Клеманом Фордом и Фрэнком Бичем[33]. Оно включает антропологические данные, полученные от более чем двухсот наций и народностей. В том, что считается «естественным» сексуальным поведением, а также в нормах сексуальной привлекательности были обнаружены поразительные отличия (см. главу 2, «Культура и общество»). Например, в некоторых культурах длительная, продолжающаяся, возможно, несколько часов прелюдия является желательной и даже необходимой, прежде чем начнется собственно половой акт. В других культурах прелюдия практически отсутствует. Поцелуи являются в некоторых обществах принятой сексуальной практикой, но многим людям они могут не доставлять никакого удовольствия и даже вызывать у них неприязнь.

Позиции, занимаемые партнерами при половом сношении, также бывают весьма различными. В некоторых культурах принято разнообразие позиций при половом акте, в то время как у некоторых народов «нормальной» считается лишь одна позиция. До последнего времени, например, не отличалась разнообразием западная культура. Обычной для женщины считается в ней позиция «лицом к лицу, мужчина сверху». Во многих других обществах эту позицию вряд ли вообще используют, а наиболее распространенной является позиция «мужчина сзади». В некоторых культурах считается, что чрезмерно частые половые сношения ведут к физической слабости или болезням. У народностей сеньянг, живущей в южной части Тихого океана, старейшины деревни дают советы о желательности частых занятий любовью. Там же уверены, что блондин может заниматься этим каждую ночь.

В большинстве культур нормы сексуальной привлекательности (принимаемые как мужчинами, так и женщинами) сосредоточены в большей степени на внешних данных женщин, а не мужчин. Такая ситуация, похоже, постепенно меняется на Западе, по мере роста активности женщин в различных сферах помимо работы по дому. Черты облика, представляющиеся наиболее важными в женской красоте, заметно отличаются в различных культурах. В некоторых культурах, например, предпочитают стройные, изящные фигуры, в то время как в других привлекательными считаются более пышные формы. Порой грудь не рассматривается как источник сексуального возбуждения, в то время как у других народов она имеет большое значение с точки зрения эротики. В некоторых обществах большое внимание уделяется чертам лица, в то время как в других — форме и цвету глаз или размеру и форме носа и губ.

Сексуальность в западной культуре

Западные установки на сексуальное поведение в течение двух тысячелетий в основном формировались христианством. Хотя различные христианские секты и группы имели чрезвычайно расходящиеся взгляды на то, какое место должна занимать сексуальность в жизни, в христианской церкви преобладала точка зрения, что любое сексуальное поведение подозрительно, следовательно, должно быть сведено до минимума, необходимого для обеспечения воспроизводства. В некоторые периоды кое-где эта точка зрения порождала в обществе крайнюю стыдливость. Но в иные времена многие игнорировали церковные запреты или выступали против них, повсеместно практикуя то, что запрещалось церковными властями (например, супружеские измены). Как отмечалось в главе 1, «Социология: проблемы и перспективы», идея о том, что половая жизнь может и должна осуществляться в браке, не была общепринятой.

[33] *Ford C., Beach F.* Patterns of sexual behaviour. New York, 1951.

В XIX веке на смену религиозным предрассудкам по поводу сексуальности постепенно стали приходить медицински обосновываемые положения. Однако большинство медиков в этих ранних работах о сексуальном поведении было столь же непреклонно, как и святые отцы. Некоторые авторы утверждали, что всякий тип сексуальной активности, не связанный с воспроизводством, наносит серьезный физический ущерб. Говорилось, в частности, что мастурбация приводит к слепоте, безумию, сердечным и другим болезням, в то время как оральный секс ведет к раку[34]. Викторианская эпоха изобиловала сексуальным лицемерием. Считалось, что добродетельные женщины были равнодушны к сексу, принимая ухаживания своих супругов лишь в силу долга. В то же время в быстро разраставшихся городах распространялась проституция, с которой более или менее открыто мирились, рассматривая «падших» женщин как совершенно иную категорию, отличную от их респектабельных сестер.

Многие мужчины, на первый взгляд казавшиеся рассудительными и благопристойными гражданами, верными своим женам, регулярно посещали проституток или содержали любовниц. К такому поведению мужчин относились снисходительно, в то время как респектабельным женщинам, имевшим любовников, грозил скандал и общественное презрение, если их поведение становилось достоянием гласности. Различное отношение к сексуальному поведению мужчин и женщин формировало *«двойной стандарт»*, который существует и по сей день.

В настоящее время традиционные установки на такое поведение существуют наряду с намного более либеральными установками на сексуальность, которые получили особенное развитие в 1960-х годах. Многие, и особенно приверженцы христианского вероучения, полагают, что добрачные половые связи недопустимы, и в основном не одобряют все формы сексуального поведения, за исключением гетеросексуальных связей в институте брака — хотя сейчас гораздо популярнее, чем раньше, мнение, что половое удовлетворение является желательной и важной чертой брачных отношений. Другие, наоборот, оправдывают или активно одобряют добрачные связи и придерживаются широких взглядов в отношении разнообразия половой жизни. За последние тридцать лет в большинстве западных стран сексуальные установки стали, несомненно, более свободными. В кино и театре показывают сцены, которые прежде были бы совершенно недопустимыми, а порнография доступна большинству взрослых, которые хотели бы ее иметь.

Сексуальное поведение

Мы всегда можем гораздо более откровенно говорить об общественных ценностях, связанных с сексуальностью, имевших место в прошлом, чем о личном опыте, который в силу своей природы практически не исследован. Когда в 1940–50 годах Альфред Кинси начал в США свои исследования, они стали первой крупной работой по изучению реального сексуального поведения. Кинси и его сотрудники столкнулись с осуждением со стороны многих религиозных организаций, и их работа была названа аморальной в газетах и в Конгрессе. Но Кинси устоял, и в конце концов собрал данные о сексуальной жизни 18 тысяч человек — вполне репрезентативная выборка из белого населения Америки[35].

---

[34] *Feldman P., McCulloch M.* Human sexual behaviour. Chichester, 1980.

[35] *Kinsey A.* Sexual behaviour in the human male. Philadelphia, 1948; Sexual behaviour in the human female. Philadelphia, 1953.

Полученные Кинси результаты многих удивили, а многих шокировали, поскольку выявили огромные отличия между превалировавшими в то время общепринятыми ожиданиями в отношении сексуального поведения и реальной сексуальной практикой. Кинси обнаружил, что почти 70% мужчин посещали проституток, а 84% имели добрачные половые связи. Однако, следуя двойному стандарту, 40% мужчин ожидали, что их жены к моменту вступления в брак будут девственницами. Более чем 90% мужчин занимались мастурбацией, а около 60% — различными формами орального секса. Среди женщин около 50% имели добрачные половые связи, хотя в большинстве своем с будущими мужьями. Около 60% занимались мастурбацией и примерно столько же практиковали орально-генитальные контакты.

Результаты, полученные Кинси, показали, что между утвердившимися в обществе установками и реальной практикой может существовать разрыв. Но, возможно, особенно большим он был именно в тот период, сразу после второй мировой войны. Фаза сексуальной либерализации началась несколько раньше, в 1920-е годы, когда молодежь почувствовала себя свободной от моральных ограничений, которыми руководствовались прежние поколения. Сексуальное поведение претерпело некоторые изменения к лучшему, но вопросы, связанные с сексуальностью, не обсуждались так открыто, как это принято сейчас. Люди, причастные к сексуальным действиям, которые общественное мнение считало неприемлемыми, скрывали это, не понимая, насколько широко распространена подобная практика. Более терпимая обстановка 1960-х годов привела открыто провозглашенные установки в большее соответствие с реальным сексуальным поведением.

Сексуальный либерализм 1960-х годов был обусловлен и рядом других факторов. Общественные движения, бросившие вызов существующему порядку вещей, — такие, которые мы связываем с «новыми левыми», или, более общо, с контркультурой или образом жизни хиппи — все они порвали с общепризнанными нормами сексуального поведения. Многие такие группы проповедовали сексуальную свободу. Появление противозачаточных таблеток для женщин позволило отделить сексуальное удовольствие от воспроизводства. Женские организации начали вести борьбу за большую независимость от сексуальных ценностей в том виде, как их представляют мужчины, за отказ от двойного стандарта и за обеспечение потребности женщин достигать большего удовлетворения во взаимоотношениях с мужчинами.

Ни в какой другой стране не было предпринято исследования того же масштаба, что и проведенное группой Кинси. В силу отрывочного характера последующих исследований мы не можем с уверенностью сказать, насколько сильно сексуальное поведение сегодня отличается от послевоенного. Но некоторые тенденции представляются достаточно ясно. Заметно распространились добрачные половые связи, особенно среди женщин США и большинства европейских стран. Похоже, что большинство европейских обществ рано или поздно достигнут состояния Швеции в начале 70-х годов, когда около 95% молодых людей обоих полов начинали половую жизнь до брака. В целом женщины стали намного требовательнее к половым отношениям, чем двадцать лет назад, требуя сексуальной компетентности от своих партнеров. Внебрачные половые связи участились у обоих полов, но особенно у женщин.

В настоящее время, похоже, действуют две противоположные тенденции. Многие прежде скрытые стороны половой жизни стали открытыми. Групповой секс, трансвестизм (надевание одежды противоположного пола, характерное для некоторых мужчин), садомазохизм и другие проявления сексуальности и половых отношений сейчас обсуждаются открыто. Вместе с тем существует и сильная тенденция к «сек-

суальному пуританству», в определенной степени связанная с правым политическим мышлением. Стоящие на этих позициях настроены весьма критически к сексуальной вседозволенности и проповедуют возврат к более строгим нормам поведения. Распространение СПИДа — еще один важный фактор, склоняющий к сохранению моногамии как в рамках брака, так и вне их.

Гомосексуальность

Гомосексуальность существует во всех культурах. Однако понятие «гомосексуальной личности» — индивидуума, явно отличающегося в своих половых привязанностях от большинства людей, — появилось лишь сравнительно недавно. До XVIII века такой термин вряд ли мог появиться. Акт содомии был объявлен церковными властями вне закона; в Англии и в некоторых других странах за это казнили. Однако содомию не определяли особо как гомосексуальное преступление. Понятие это применялось и к отношениям между мужчинами и женщинами, между мужчинами и животными, а также между самими мужчинами. Термин «гомосексуализм» был введен в оборот в 60-х годах прошлого века, и с тех пор к гомосексуалистам все в большей степени относили особый тип людей, имеющих специфические половые отклонения. Термин «лесбиянство» появился несколько позже.

Смертная казнь за «противоестественные действия» была отменена в США после провозглашения независимости, а в Европе — в конце XVIII либо в начале XIX веков[36]. Но еще несколько десятилетий тому назад в Великобритании, как и практически во всех странах Запада, гомосексуализм оставался уголовно наказуемым деянием.

Гомосексуальность в незападных культурах

Существует немало культур, в которых к гомосексуальным отношениям относятся терпимо или даже поощряют, хотя это касается обычно лишь определенных групп населения. На Севере острова Суматра, например, живет народность батак, представители которой допускают гомосексуальные отношения между мужчинами до брака. С наступлением половой зрелости подростки покидают дома своих родителей и живут группами по 12–15 человек. В группе формируются брачные пары: старшие вовлекают младших в гомосексуальные связи. Такая ситуация продолжается до тех пор, пока юноши не женятся. После этого большинство молодых людей, хотя и не все, прекращают гомосексуальную активность[37].

Среди жителей Ист-бея — меланезийской деревни, расположенной на одном из островов в Тихом океане, к гомосексуализму относятся терпимо, хотя это тоже распространяется только на мужчин. Проживая до брака в «мужских домах», молодые люди практикуют взаимную мастурбацию и анальные сношения. Гомосексуальные отношения существуют также между старшими мужчинами и мальчиками, при этом часто последние оказываются слишком юными, чтобы жить в «мужских домах». Любой вариант гомосексуальных отношений вполне приемлем и открыто обсуждается. Многие женатые мужчины сохраняют свое пристрастие к гомосексуализму, вступая в связь с мальчиками помимо активных половых отношений со своими супругами.

[36] *Hyde H. M.* The other love: an historical and contemporary survey of homosexuality in Britain. 1970; *Katz G.* Gay American history: Lesbians and gay men in the USA. New York, 1979; *Greenberg D., Bystryn M.* Capitalism, bureaucracy and male homosexuality // Contemporary crisis, 8. 1984.

[37] *Money J., Ehrardt A.* Man and woman / boy and girl. Baltimore, 1972.

Исследователи сходятся на том, что в этой культуре, похоже, гомосексуализм без обычных гетеросексуальных отношений не встречается[38].

Гомосексуальность в западной культуре

Распространение гомосексуальности

Кеннет Пламмер различал четыре типа гомосексуальности в современной западной культуре. *Случайный гомосексуализм* представляет собой преходящий тип гомосексуальных отношений, при котором половая жизнь индивидуума в целом не претерпевает существенной перестройки. Примерами могут служить школьные увлечения или взаимная мастурбация. *Ситуативный гомосексуализм* связан с обстоятельствами, в которых гомосексуальная связь поддерживается регулярно, но при этом она не становится для человека предпочтительной. В случае внешних ограничений, например, в тюрьмах или военных городках, такой вариант гомосексуального поведения является широко распространенным. Ситуативный гомосексуализм выступает лишь вынужденным заменителем гетеросексуальных отношений, которые являются более желательными.

Персонализированный гомосексуализм встречается в тех случаях, когда люди отдают предпочтение гомосексуальным связям, но остаются изолированными от себе подобных, вне групп, где их могли бы легко принять. Гомосексуальность в такой ситуации выступает как скрытая деятельность, совершаемая тайком от друзей и коллег. *Гомосексуализм как образ жизни* характерен для лиц, которые уже выделились из гетеросексуального сообщества, и для которых связь с себе подобными стала важнейшей частью их существования. Обычно эти люди принадлежат к так называемой «гей»-субкультуре, в рамках которой гомосексуальные отношения формируют постоянный образ жизни[39].

Мужчин и женщин, которые имеют опыт гомосексуальных отношений, или испытывали определенную склонность к гомосексуализму, значительно больше, чем тех, кто открыто ведет образ жизни геев. О масштабах распространения гомосексуализма в западных культурах впервые узнали после того, как были опубликованы результаты исследования Альфреда Кинси. Согласно его данным, не больше половины всех американцев-мужчин «полностью гетеросексуальны», если судить по их сексуальной активности и наклонностям по достижении половой зрелости. 8% выборки Кинси имели исключительно гомосексуальные связи в течение последних 3 лет и более. Еще 10% практиковали гомосексуальные и гетеросексуальные связи в более или менее равной пропорции. Наиболее неожиданным было то, что 37% мужчин имели хотя бы одну гомосексуальную связь с достижением оргазма. Еще 13% ощущали желание к гомосексуальному контакту, но не реализовали его.

Данные по гомосексуализму среди женщин, полученные в исследовании Кинси, свидетельствуют о менее широком его распространении. Около 2% женщин были исключительно гомосексуальны, 13% респонденток сообщили о наличии у них гомосексуального опыта, а еще 15% признались, что имели желание вступить в гомосексуальную связь, но не осуществили его. Кинси и его коллеги были поражены масштабами распространения гомосексуализма, которые были обнаружены в их исследовании, поэтому результаты перепроверялись различными методами, однако

[38] *Davenport W.* Sexual patterns and their regulation in a society of the South West Pacific. In: Sex and behaviour. New York, 1965.

[39] *Plummer K.* Sexual stigma: an interactive account. London, 1975.

выводы оставались неизменными[40]. Проведенное затем в Великобритании менее масштабное исследование подтвердило правильность этих выводов.

Отношение к гомосексуальности

Установка на нетерпимое отношение к гомосексуализму в прошлом была настолько жестокой, что мифы, окружавшие это явление, стали рушиться только в последние годы. Гомосексуальность не болезнь и не связана явно с какой-либо формой психического расстройства. Мужчины-гомосексуалисты отнюдь не предрасположены к определенным профессиям типа парикмахера, дизайнера или художника, хотя некоторые широко распространенные стереотипы предполагали это. Незначительна взаимосвязь между гомосексуализмом и трансвестизмом. Большинство трансвеститов гетеросексуальны.

Некоторые типы мужского гомосексуального поведения и соответствующих установок могут, по-видимому, рассматриваться как попытки отказа от обычной связи между мужественностью и силой — возможно, одна из причин того, что в ортодоксальном обществе о гомосексуалистах часто думают как об угрозе. Гомосексуалисты склонны разрушать женоподобный имидж, обыкновенно связываемый с ними, двумя способами. Одни чрезмерно культивируют вызывающее женоподобие — гомосексуальная мужественность, пародирующая стереотип. Другие создают имидж «настоящего мужчины», который отнюдь не является самым характерным мужским образом. Мужчины, одетые как мотоциклисты или ковбои, также пародируют мужской образ, подчеркнуто преувеличивая его[41].

Гей-субкультура

Проанализировать изменения гомосексуальной активности трудно, поскольку до того, как начался период выделения сообществ гомосексуалистов, почти никаких исследований не проводилось. Гей-субкультуры в больших городах имеют сегодня тенденцию к обособлению гомосексуальных мест встречи — клубов и гей-баров. Несмотря на повсеместное распространение временных контактов, большинство гомосексуалистов, порвавших с гетеросексуальной культурой, имеют стабильные связи. Сообщества лесбиянок вне женских движений являются, как правило, менее организованными по сравнению с субкультурой мужчин-гомосексуалистов.

1970-е и 1980-е годы были ознаменованы поворотом в отношении общественного мнения к гомосексуалистам. Это, в частности, связано и с благоприятным впечатлением, сформированным средствами массовой информации, о таких гомосексуалистах, как Дэвид Боуи и Квентин Крисп; определенную роль сыграло и движение сторонников «веселого образа жизни», ставшее популярным благодаря певцу Бой Джорджу. Тем не менее, было бы ошибкой переоценивать общий уровень терпимости по отношению к гомосексуалистам в Великобритании. В ходе опроса, проведенного в 1985 году в этой стране, 59% респондентов осудили гомосексуальные отношения, в то время как только 13% опрошенных заявили о том, что в этом «нет ничего ненормального». Смягчение общественных отношений к геям не было столь радикальным, как это порой предполагают[42].

---

[40] *Kinsey A.* Sexual behaviour in the human male. Philadelphia, 1948.

[41] *Bertelson D.* Snowflakes and snowdrifts: individualism and sexuality in America. Lanham, 1986.

[42] *Jowell Roger* et al. British social attitudes: the nineteen eighty-six report. Aldershot, 1986.

Лесбиянство

Вне рамок женского движения группы лесбиянок менее организованы, чем мужчины в гей-субкультуре, и имеют меньше случайных связей. Мужской гомосексуализм обычно привлекает большее внимание, чем **лесбиянство**, и лесбийские группы часто рассматривают так, как будто их интересы совпадают с интересами мужских организаций. И хотя между мужчинами-гомосексуалистами и лесбиянками иногда существует тесное взаимодействие, имеются, однако, и различия, особенно когда лесбиянки активно участвуют в феминистском движении. Сейчас ведется углубленное изучение специфических черт образа жизни лесбиянок и их опыта[43].

Лесбийские пары часто имеют детей, иногда прибегая к помощи мужчин, а иногда — к искусственному оплодотворению, хотя лесбиянкам бывает не так просто оформить свои родительские права. Вопрос о том, является ли лесбиянство матери препятствием к предоставлению ей родительских прав, в Великобритании и США решается через суд. В конце 70-х и начале 80-х годов в американских судах слушалось несколько дел, по завершении которых было установлено, что лесбиянство не имеет отношения к решению вопроса о том, может ли женщина оформить свои права на ребенка или нет. Однако такая практика была принята лишь в некоторых штатах.

СПИД

В последнее время мужской гомосексуализм стал связываться с влиянием **СПИДа** (синдрома приобретенного иммунодефицита) на жизнь общества. В средствах массовой информации эта болезнь стала обсуждаться лишь с конца 1981 года, хотя в кругах гомосексуалистов она была известна и раньше. СПИД стал предметом общественного интереса как раз тогда, когда обнаружилось, что многие до того существовавшие предубеждения против гомосексуализма стали разрушаться. Те, кто были настроены против гомосексуализма, особенно некоторые религиозные группы, рассматривали эту болезнь как доказательство своих обвинений. Идея о том, что СПИД — это наказание, ниспосланное Богом, чтобы покарать извращенцев, нашла своих сторонников даже в некоторых медицинских кругах. Передовая статья одного из медицинских журналов спрашивала: «Возможно ли, что мы являемся свидетелями, как на деле в хаосе современного общения подтверждается пророчество Святого Павла о "должной каре за свои ошибки"»[44].

Своим быстрым распространением СПИД, несомненно, был обязан возросшими возможностями установления гомосексуальных контактов в рамках гей-субкультуры в Северной Америке, и не только там. Фактически, первоначально представлялось, что СПИД распространялся почти исключительно в больших американских городах со значительной прослойкой гомосексуалистов. Заголовки газет задавали тон: «Болезнь геев озадачивает сыщиков от медицины», — заявляла «Филадельфия дейли ньюс» 9 августа 1982 года. «Быть геем опасно для здоровья», — извещала «Сэтеди инвнинг пост» в октябре 1982 года, а газета «Торонто стар» вышла с большим заголовком «Болезнь геев прибыла в Канаду». Журнал «Ас» писал: «Мужчины-гомосексуалисты уже не так веселы, как раньше». В то время было уже известно, что примерно треть ВИЧ-инфицированных в США не были гомосексуалистами, однако в первоначальных публикациях этим фактом пренебрегали. Когда популярный

[43] *Cruickshank M.* Lesbian studies, present and future. New York, 1982.

[44] *Altman D.* AIDS and new puritanism. London, 1986. P. 17.

киноактер Рок Гудзон умер от СПИДа в 1985 году, мировую прессу более всего шокировала не сама его болезнь, а тот факт, что образ мужественности был создан гомосексуалистом.

Вместо того, чтобы обратить внимание на конкретный вирус как источник заболевания, исследователи-медики пытались сначала обнаружить его корни в специфических аспектах гомосексуальной практики. Впоследствии, когда было обнаружено, что СПИД может передаваться при гетеросексуальных контактах, старые подходы пришлось пересмотреть. Большей частью первоначальные доказательства этого поступили из Центральной Африки, где СПИД получил широкое распространение, но не был непосредственно связан с мужским гомосексуализмом. «Болезнь геев» вскоре была переименована прессой в «гетеросексуальный кошмар».

Влияние СПИДа может сказаться на многих формах сексуального поведения. В сообществе гомосексуалистов уже заметны значительные перемены, связанные с радикальным снижением уровня случайных половых контактов. Некоторые из наиболее широко осуждаемых форм гомосексуальной практики стали, как ни странно, наиболее безопасными. Например, садомазохистские действия, предполагающие причинение дискомфорта или боли партнеру часто являются более безопасными, поскольку прямого генитального контакта не происходит. Сообщества гомосексуалистов стоят перед дилеммой: как сделать гомосексуальные контакты безопасными, отражая в то же время новые атаки.

СПИД и население

С точки зрения медицины СПИД — это «движущаяся мишень», новая и неуловимая. Знания медиков об этом заболевании очень быстро устаревают. СПИД вызывается вирусом, поражающим иммунную систему человека. Само по себе это не может служить причиной летального исхода, но человек может стать жертвой целого ряда других болезней, например, различных видов рака, которые ведут его к гибели.

СПИД передается либо при прямом контакте крови инфицированного с кровью неинфицированного (что происходит, например, при использовании наркоманами одного шприца), либо половым путем (через сперму или вагинальные выделения). Гомосексуалисты составляют 70% от всех случаев заболевания СПИДом в США и еще большую долю в большинстве еропейских стран[45].

По некоторым данным, страх перед СПИДом заставляет людей с гетеросексуальной ориентацией быть более разборчивыми. Недавно проведенное в Лондоне исследование проституток показало, что 70% из них изменили свое поведение после того, как услышали о СПИДе, и требуют сейчас от всех клиентов пользоваться презервативами. Тем не менее, не может не беспокоить тот факт, что 10% опрошенных заявили о том, что продолжили бы заниматься своим делом, даже если бы узнали, что они инфицированы.

В большинстве стран сейчас разворачиваются дискуссии о том, следует ли ввести принудительное обследование на СПИД и узаконить ряд ограничений, распространяемых на больных СПИДом. Группы борцов за гражданские права утверждают, что введение какого бы то ни было принудительного обследования означало бы попрание личных свобод, в то время как их оппоненты заявляют, что стоит заплатить такую цену за возможность остановить распространение этого ужасного недуга. В законодательстве некоторых стран была введена ответственность

[45] *Vass A.* Aids: a plague in US. A social perspective on the condition and its social consequences. St. Ives. 1986.

за распространение этой болезни для тех, кто знал, что является ее носителем. В Норвегии это наказывается, например, восемью годами лишения свободы. В США в производстве находится дело по обвинению больного СПИДом, плюнувшего в лицо двум полицейским, в покушении на убийство. В рамках действующего в Техасе закона 1982 года об инфекционных болезнях и их профилактике в городе Сан-Антонио предложено наказание до десяти лет тюремного заключения для больных СПИДом, вступивших в половую связь со здоровыми людьми. В Британии какие-либо законодательные акты такого рода пока не рассматривались.

Проституция

Проституцию можно определить как предоставление сексуальной благосклонности за деньги. Нет четко определенного различия между оплачиваемой любовницей, отдающей себя покровителю за деньги, и проституткой, хотя последнюю отличает прежде всего то, что она отдается не одному, а многим покупателям. Слово «проституция» вошло в обиход в конце XVIII века. В древности большинство лиц, промышлявших сексом, были куртизанками, конкубинами (любовницами на содержании) или рабынями. В традиционных обществах куртизанки или конкубины зачастую имели высокий социальный статус.

Ключевым признаком современной проституции является то, что женщины и их клиенты обычно не знают друг друга. И хотя мужчины могут стать завсегдатаями подобных заведений, первоначально отношения устанавливаются не на основе личного знакомства. Это было не так для большинства существовавших прежде форм удовлетворения половых потребностей за материальное вознаграждение. Проституция напрямую связана с распадом малых сельских сообществ, развитием больших обезличенных городов и коммерциализацией общественных отношений. В малых традиционных сообществах отношения между полами контролировались тем, что были заметны для всех. В быстро развивающихся городах легко устанавливались более обезличенные социальные связи.

Проституция сегодня

В современной Великобритании ряды проституток пополняются в основном за счет беднейших слоев, как было и раньше, но к ним присоединяется и значительное число представительниц среднего класса. Растущее число разводов толкает некоторых попавших в нужду женщин к проституции. Кроме того, некоторые женщины, не сумевшие найти работу после получения образования, устраиваются массажистками или девочками по вызову, подыскивая себе тем временем другую работу.

Пол Дж. Голдштейн классифицировал проституток в категориях *профессиональных убеждений* и *условий работы*. *Убеждения* определяют частоту, с которой женщина занимается проституцией. Многие женщины вовлечены в это занятие лишь временно, совершив это лишь несколько раз и затем отказавшись надолго или навсегда. «Случайные» проститутки — это те, кто довольно часто, но нерегулярно принимают деньги за секс как прибавку к основному доходу. Другие занимаются этим постоянно, делая проституцию основным источником дохода. В *условиях работы* выделяется среда, в которой работа выполняется, и процесс взаимодействия, в который женщина вовлечена. «Уличные» проститутки работают на улице. «Девочки по вызову» договариваются с клиентами по телефону, приглашая их к себе домой или выезжая к ним. «Домашняя» проститутка — женщина, работающая в частном

клубе или борделе. «Массажистки» работают в стенах лечебно-оздоровительных учреждений, официально предлагающих только законные услуги.

Многие женщины занимаются проституцией на бартерной основе (в качестве оплаты принимаются не деньги, а товары или услуги). Как показало исследование Голдштейна, большинство «девочек по вызову» постоянно занимаются сексуальным бартером, обменивая секс на телевизионную аппаратуру, услуги по ремонту машин и бытовой техники, одежду, консультации юристов и стоматологическую помощь[46].

Принятая в 1951 г. резолюция ООН осуждает тех, кто организует проституцию или наживается на проститутках, но не запрещает проституцию как таковую. Резолюция была формально принята 53 странами-членами ООН, включая Великобританию, хотя законодательства этих государств по проблеме проституции весьма разнообразны. В ряде стран проституция вне закона. В других странах (например, в Великобритании) запрещены лишь определенные виды — такие, как уличная и детская проституция. В некоторых странах центральные или местные власти выдают разрешения официально признанным публичным домам или секс-салонам, таким, как «Эрос-центр» в ФРГ или «дома секса» в Амстердаме. Лишь немногие страны разрешают мужскую проституцию.

Применение законодательства против проституции повсюду ограничивается лишь одной из взаимодействующих сторон — самими проститутками. Те, кто покупает сексуальные услуги, не подвергаются аресту или наказанию, а в ходе судебного процесса их имена могут не оглашаться. Клиентура проституток исследована намного меньше, чем они сами, и вряд ли кто предполагает (как это часто делается в отношении проституток), что это люди с психологическими нарушениями. Такой дисбаланс в изучении явления в действительности выражает некритический подход в рамках ортодоксальных стереотипов сексуальности, в соответствии с которыми для мужчин считается «нормальным» активно искать разнообразие в удовлетворении своих половых потребностей, а те, кто обслуживает эти нужды, осуждаются.

Детская проституция

Часто в проституцию вовлекаются дети. Дэвид Кампанья проанализировал масштабы детской проституции в Соединенных Штатах, основываясь на своем исследовании в рамках крупномасштабного проекта, в ходе которого была собрана информация 596 департаментов полиции и 125 учреждений социального обеспечения по всей территории страны[47]. Согласно этим данным, годовой доход от детской проституции может достигать 2 млрд. долларов, но, по-видимому, несмотря на столь значительную сумму, детская проституция в основном не контролируется организованной преступностью. Результаты исследования детской проституции в США, Великобритании и Западной Германии говорят о том, что соответствующие операции имеют в основном «малый масштаб», например, дети, убежавшие из дома и оставшиеся без средств к существованию, обращаются к проституции, чтобы выжить. Вероятно, большая часть клиентов не ищет именно детей, скорее, их привлекает молодость тех, чьи услуги они покупают.

Обращение многих маленьких беглецов к проституции является отчасти непредвиденным следствием законов, направленных против эксплуатации труда малолетних. Однако не вызывает сомнения, что все несовершеннолетние проститутки

---

[46] *Goldstein P.* Prostitution and drugs. Lexington, 1979.

[47] *Campagna D.* The economic of juvenile prostitution in the USA // International children's rights monitor, 2. 1985.

бежали из родительского дома. Можно выделить три основные категории детей, занимающихся проституцией.

1. «Беглецы» — те, кто либо покидает дом и не разыскивается родителями, либо упорно бежит всякий раз, когда его находят и возвращают родителям.
2. «Гуляки» — это те, кто в основном живет дома, но определенные периоды времени проводит вне его, пропадая, например, время от времени на несколько ночей.
3. «Отказники» — дети, родители которых безразличны к тому, что они делают, или активно отвергают их.

Все категории включают как мальчиков, так и девочек[48].

Детская проституция является частью индустрии «секс-туризма» в некоторых районах мира, например, в Таиланде и на Филиппинах. Целевые туры, ориентированные на проституцию, влекут в эти районы мужчин из Европы, Соединенных Штатов и Японии. Участницы азиатских женских организаций организовывали публичные протесты против этих туров, которые, тем не менее, продолжаются. Секс-туризму на Дальнем Востоке исторически предшествовала поставка проституток американским войскам в период корейской и вьетнамской войн. «Рекреационные центры» были созданы в Таиланде, на Филиппинах, во Вьетнаме, Корее и на Тайване. Некоторые из них сохранились и по сей день (например, на Филиппинах), обслуживая регулярные партии туристов, а также военных, расквартированных в регионе.

Почему существует проституция? Определенно, это явление, с которым смирились, поскольку оно выдерживает все попытки властей уничтожить его. Это почти всегда рассматривается, как продажа женщиной сексуальных услуг мужчине, а не наоборот, хотя кое-где, например, в Гамбурге, существуют «дома удовольствий», в которых мужчины предоставляют сексуальные услуги женщинам. Также, конечно, мальчики или мужчины могут продавать себя другим мужчинам.

Размышления о происхождении гетеросексуальной проституции помогают сосредоточиться на основных вопросах, рассматриваемых в этой главе. Речь идет о принципиально различном поведении полов (удовлетворении половых потребностей за деньги), для которого в основном характерно явное неравноправие. Так, к проституткам относятся неодобрительно, и они могут преследоваться по закону; в то же время их клиентам чаще всего это не грозит. Никаким единственным фактором проституцию не объяснить. Может показаться, что у мужчин просто более сильные и чаще проявляющиеся половые потребности, чем у женщин, и поэтому они пользуются услугами проституток. Но это объяснение неправдоподобно. По-видимому, большинство женщин способны быть более сексуальными, чем мужчины того же возраста[49]. Если бы проституция существовала лишь для удовлетворения половых потребностей, тогда наверняка было бы столь же много мужчин, готовых услужить женщинам.

Наиболее общий и убедительный вывод, который можно сделать, состоит в том, что проституция отражает и в определенной мере помогает сохранить тенденцию обращения мужчины с женщиной как с предметом, который может быть «использован» для сексуальных целей. Проституция является одним из аспектов патриархальных отношений, представляющим в особой форме неравенство между мужчинами

[48] *Janus S., Bracey D.* Runaways: pornography and prostitution. New York, 1980.

[49] *Hyde J.* Understanding human sexuality. New York, 1986.

и женщинами. В проституции, конечно, имеется и много других элементов. Она предлагает способ получения полового удовлетворения для тех, кто вследствие своих физических недостатков или в силу ограничительных моральных кодов не может найти себе сексуального партнера иным образом. Проститутки «снимают» мужчин, находящихся вдали от дома, тех, кто желает вступить в анонимную и не затрагивающую их репутации половую связь, тех, кто руководствуется отличными от общепринятых половыми нормами и вкусами, которые для других женщин были бы неприемлемы. Но все это относится лишь к масштабам и специфике проявления проституции, а не к общей природе этого явления.

Заключение: социология и гендерные отношения

Немногие разделы социологии получили в последние годы такое значительное развитие или стали такой значительной областью, как изучение гендерных отношений. В высокой степени это отражает изменения, происходящие в самой жизни общества. Сложившиеся ранее различия полов, взгляды и нормы поведения видятся сейчас в ином свете. Эти изменения оказывают влияние на многочисленные социальные институты, равно как на сексуальное поведение и семейную жизнь. Мы проследим это влияние в дальнейшем, во многих следующих ниже главах.

Краткое содержание

1. Термин «пол» («sex») является неоднозначным. В обычном употреблении он обозначает как физические и культурные различия между мужчинами и женщинами («мужской пол» и «женский пол»), так и половой акт. Необходимо также проводить разграничение между *полом* в физиологическом и биологическом смысле и *гендером* («родом»), с которым связываются культурные различия (набор образцов поведения, усвоенных в течение жизни).
2. Некоторые специалисты отстаивают ту точку зрения, что различия полов в поведении являются генетически обусловленными, но эта гипотеза не имеет убедительных доказательств.
3. *Гендерная социализация* начинается, как только ребенок появляется на свет. Даже те родители, которые считают, что их отношение к детям не зависит от пола ребенка, по-разному обращаются с мальчиками и девочками. Эти различия углубляются многими другими культурными воздействиями.
4. Идентификация личности с определенным полом и способы сексуального самовыражения развиваются одновременно. Высказывалось мнение, что такая черта характера, как мужественность, складывается в результате разрыва тесных эмоциональных уз, связывающих ребенка с матерью, что приводит к возникновению «мужской неэмоциональности».
5. *«Патриархат»* означает доминирование мужчин над женщинами. Все известные нам общества являются патриархальными, хотя степень и характер неравенства полов подвержены значительным изменениям и разнятся не только в зависимости от выбора той или иной культуры, но и внутри нее.

6. Во всех промышленно развитых странах женщины слабо представлены на уровне должностей, подразумевающих власть и влияние. Средняя заработная плата женщин существенно меньше, чем у мужчин; гораздо больше занятых оплачиваемым трудом женщин, чем мужчин, работает неполный день. На женщинах лежит непропорционально большая доля обязанностей, касающихся домашнего труда и воспитания детей. Неоплачиваемый домашний труд имеет неоценимое значение для экономики.

7. Идеи *феминизма* могут быть прослежены начиная с XVIII века. Первые крупные женские движения появились в середине XVIII столетия, обратив свое внимание в основном на предоставление женщинам права голоса. Несмотря на упадок, начавшийся в 1920-х годах, в 1960-е годы феминизм вновь напомнил о себе и оказал влияние на многие сферы общественной жизни и интеллектуальной деятельности.

8. *Сексуальные посягательства* оказывают прямое воздействие на значительную часть работающих женщин. *Домашнее насилие* и *изнасилования* распространены более широко, чем это представляется официальной статистикой. В определенном смысле все женщины являются жертвами насилия, коль скоро они вынуждены принимать специальные меры предосторожности для защиты своей чести и самой жизни от угрозы изнасилования.

9. Сексуальная практика сильно разнится в различных культурах, как, впрочем, и в рамках одной культуры. На Западе установки нетерпимости к сексу сменились в 60-е годы более либеральным отношением; последствия этого видны и по сей день.

10. *Гомосексуальность*, по-видимому, существует во всех культурах, однако концепция «гомосексуальной личности» сравнительно нова. Лишь в последние сто лет гомосексуальная активность стала рассматриваться как нечто, характерное для определенного типа личности. В противовес категории «нормальная гетеросексуальная личность» появилась категория личности аномальной, с отклонениями.

11. Сексуальное поведение находится сегодня под сильным воздействием распространяющегося синдрома приобретенного иммунодефицита (*СПИД*). Первоначально общественное мнение связывало эту болезнь с гомосексуализмом, но она передается и при гетеросексуальных отношениях. СПИД угрожает стать опасной пандемией, и может быть ограничен только в том случае, если люди будут соблюдать нормы «безопасной» половой жизни и избегать случайных сексуальных контактов.

12. *Проституция* — это предоставление сексуальной благосклонности за деньги. В современном обществе существуют различные типы проституции, включая мужскую и детскую. В ряде стран центральные и местные власти разрешают проституцию, но в большинстве стран мира проституция находится вне закона.

Основные понятия

гендер	*феминизм*
патриархат	

Важнейшие термины

женственность
мужественность
сексуальная активность
пол
тестикулярный синдром феминизации
андрогенитальный синдром
мужская неэмоциональность
домашнее хозяйство (домашний труд)
суфражистки
домашнее насилие
сексуальные посягательства
изнасилование
гетеросексуальность
гомосексуальность
лесбиянство
СПИД
проституция

Дополнительная литература

Nancy Chodorow. The Reproduction of Mothering. Berkeley, 1978. Классическое исследование гендера, в котором при объяснении гендерной социализации используется теория психоанализа.

Marilyn French. The War Against Women. London, 1992. Документальные доказательства того долгого пути, который предстоит еще пройти женщинам для достижения равенства с мужчинами.

Lynne Segal. Slow Motion: Changing Masculinities, Changing Men. London, 1990. Разностороннее обсуждение изменения сущности жизни и жизненного опыта мужчины в современном обществе.

Часть III

СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ

Власть — всепроникающее явление социальной жизни. Во всех социальных группах одни индивиды обладают большей властью и влиянием, чем другие; в то же время сами группы отличаются друг от друга по степени власти. Власть и неравенство, как правило, тесно связаны между собой. Обладание властью дает возможность аккумулировать имеющие ценность ресурсы, такие, как собственность и богатство. Обладание этими ресурсами, в свою очередь, является средством приобретения власти.

В этой части мы обсудим основные системы власти и неравенства в обществе. Прежде всего рассмотрим стратификацию и классовую структуру — основные способы, с помощью которых в обществах поддерживаются различные виды неравенства. Затем последует обсуждение расы и этнической принадлежности, а также напряжений и враждебности, часто имеющих место между людьми, физически или культурно отличающимися друг от друга.

После этого мы перейдем к изучению связи власти и неравенства с различными типами групп и организаций. Особое внимание уделим изучению больших организаций — правительственных учреждений, промышленных фирм, больниц и колледжей — играющих такую значительную роль в современном обществе. В последних двух главах анализируется два типа организаций, чье влияние особенно велико — государство и военные силы. Правительства — это «профессионалы» власти, они являются источником законов, определяющих многие стороны нашей повседневной деятельности. С другой стороны, они также являются фокусом для восстаний и бунтов. С самого начала государства ассоциировались с развитием военной мощи. Военное соперничество и войны формировали социальное развитие человечества в прошлом и продолжают делать это в XX веке. Мы остановимся на изменении природы военных сил в современном мире, а также их влияния на социальные структуры.

Глава 7

Стратификация и классовая структура

Почему некоторые группы в обществе обладают большим богатством и властью по сравнению с другими? Насколько значима проблема неравенства в жизни современных обществ? Каковы шансы человека из социальных низов достичь верхних ступеней экономической лестницы? Вот лишь некоторые из вопросов, которые мы рассмотрим в этой главе. Изучение социального неравенства в его различных аспектах — один из важнейших разделов социологии, поскольку материальные ресурсы, доступные тем или иным людям, в значительной мере влияют на их жизнь.

Системы социальной стратификации

Неравенство существует в человеческих обществах любых типов. Даже в самых примитивных культурах, где имущественные различия между людьми почти отсутствуют, существует неравенство между индивидами, мужчинами и женщинами, молодыми и стариками. Человек может иметь высокий статус потому, что он, например, храбро ведет себя на охоте, или потому, что он (или она) обладает, по мнению других членов племени, способностью общаться с духами предков. Описывая социальное неравенство, социологи говорят о **социальной стратификации**. Стратификация может быть определена как *структурированные различия между группами людей*. Для большей наглядности стратификацию можно представить в виде своего рода геологических пластов. Общества также состоят из слоев, расположенных в иерархическом порядке, причем привилегированные находятся ближе к вершине, а непривилегированные внизу.

Различают четыре основные системы стратификации: *рабовладельческую, кастовую, сословную и классовую*. Иногда они сосуществуют, например, рабовладельческая и классовая в древних Греции и Риме, а также в южных штатах США до гражданской войны.

Рабство

Рабство — это крайняя форма неравенства, при которой одни люди являются в буквальном смысле собственностью других. Правовые нормы, регулировавшие отношения рабовладения в различных обществах, весьма существенно отличались. Иногда по закону рабы лишались почти всех прав — так было на юге США, в других же случаях положение рабов скорее напоминало положение слуг.

В Соединенных Штатах, Южной Америке и Вест-Индии в восемнадцатом–девятнадцатом столетиях рабы использовались исключительно для работы на плантациях и в качестве домашних слуг. Однако в Афинах классического периода их можно было обнаружить в самых разнообразных сферах, иногда даже на постах, облеченных большой ответственностью. Рабы не допускались только к политическим

и военным должностям. Некоторые из них были грамотными и работали в качестве правительственных чиновников, многие были обучены ремеслам. В Риме, правящие слои которого считали торговлю занятием низким, рабы занимались коммерцией, и часто весьма успешно. Некоторые богатые рабы даже имели собственных рабов. Однако с теми из них, которые находились в самом низу социальной шкалы — были заняты на плантациях и в шахтах, обращались очень сурово [1].

Рабство во все времена вызывало сопротивление. История полна рассказами о восстаниях рабов, иногда рабам удавалось коллективными усилиями освободиться от гнета хозяев. Системы, базировавшиеся на рабстве, например, плантаторство, были, как правило, нестабильны. Для достижения высокой производительности труда требовался постоянный надзор за рабами и жестокие наказания. Причинами распада систем, основанных на рабском труде, было отчасти сопротивление рабов, а отчасти большая эффективность экономических и других стимулов по сравнению с прямым принуждением. Рабство, попросту говоря, было не слишком продуктивным. Работорговля, которой западные державы занимались вплоть до девятнадцатого века, была последним, хотя и наиболее масштабным проявлением данной системы. С тех пор, как рабы Северной и Южной Америки обрели свободу, данный институт начал разрушаться, и в настоящее время почти полностью исчез с лица земли.

Касты

Касты прежде всего ассоциируются с культурами полуострова Индостан. Сам термин «каста» не индийского происхождения. Он происходит от португальского слова *casta*, которое означает «раса», или «чистая порода» [2]. У индийцев нет единого термина, обозначающего кастовую систему в целом, различные ее аспекты имеют свои названия. Основными являются понятия *варна* и *джати*. *Варны* — это четыре основных сословия, различающихся по степени социального престижа. Ниже этих четырех групп находятся «неприкасаемые». *Джати* — это местные обособленные группы, внутри которых и происходит деление на касты.

Кастовая система очень сложна, и структура ее меняется от региона к региону, меняется до такой степени, что фактически представляет собой даже не единую систему в полном смысле слова, а набор отдаленно связанных между собой верований и обычаев. Однако их объединяет ряд общих принципов. Брахманы, образующие высшую варну, олицетворяют собой самую высокую степень чистоты, неприкасаемые — самую низкую. Брахманы должны избегать определенных контактов с неприкасаемыми. И лишь неприкасаемым позволен физический контакт с предметами или животными, которые считаются нечистыми. Кастовая система тесно связана с индуистской концепцией реинкарнации (переселения душ), согласно которой люди, пренебрегающие ритуалами и обязанностями своей касты, в следующем воплощении должны родиться в касте, занимающей более низкое положение. Индийская кастовая система никогда не была абсолютно статичной, и хотя отдельному человеку не позволяется переходить из одной касты в другую, группы в целом часто меняют свое положение в кастовой иерархии.

Понятие касты иногда используется вне контекста индийской культуры, в случаях, когда две или более этнических группы отделены друг от друга, в первую очередь, из соображений чистоты расы. В подобных обстоятельствах существуют

---

[1] *Finley Moses I.* (ed.). Slavery in Classical Antiquity. Cambridge, 1968; *Finley Moses I.* Ancient Slavery and Modern Ideology. London, 1980.

[2] *Littlejohn J.* Social Stratification. London, 1972.

строгие табу (а иногда и законодательные запреты) на межгрупповые браки. После отмены рабства в южных штатах США степень размежевания черных и белых была настолько сильной, что применительно к данной системе стратификации иногда использовался термин «каста». Можно с полным основанием говорить также о существовании каст в Южной Африке, где между белыми и черными сохраняется жесткая сегрегация и где межрасовые браки и сексуальные контакты были до недавнего времени запрещены законом (см. главу 8, «Этническая принадлежность и расы»).

Сословия

Сословия были частью европейской феодальной системы. Они существовали также во многих других традиционных цивилизациях. Феодальные сословия состояли из страт, обладавших различными правами и обязанностями, некоторые из которых устанавливались законом. В Европе высшее сословие состояло из аристократии и джентри (мелкопоместного дворянства). К другому сословию относились священнослужители. Его статус был несколько ниже, зато оно пользовалось особыми привилегиями. Те же, кого позже стали называть «третьим сословием», принадлежали к простому народу. Это были крепостные, свободные крестьяне, купцы и ремесленники. В отличие от каст, сословия были менее замкнутыми, и допускались межсословные браки. Простолюдин мог быть возведен в рыцари в награду за особые услуги, оказанные монарху, а купцам иногда удавалось купить титул. Некоторые отголоски сословной системы сохранились в сегодняшней Великобритании, где по-прежнему наследуются и пользуются почетом дворянские титулы и где крупные бизнесмены, правительственные чиновники и другие лица могут, в награду за особые заслуги, получить звание пэров или быть возведенными в рыцари.

В прошлом сословия возникали там, где существовала традиционная аристократия и понятие благородного происхождения. В феодальных системах, подобных средневековой европейской, сословия были связаны с местными феодальными сообществами — в каждом из них формировалась своя собственная, а не общенациональная система стратификации. В более централизованных государствах, например, в императорском Китае или Японии, сословия были сформированы на национальной основе. Иногда сословные различия оправдывались религиозными убеждениями, но, как правило, они носили менее жесткий характер, чем в индуистской кастовой системе.

Классы

Классовые системы во многих отношениях отличаются от рабовладельческих, сословных и кастовых. Рассмотрим подробнее четыре их основные особенности.

1. В отличие от других типов страт, классы не зависят от законодательных или религиозных установок. Классовая принадлежность не связана с врожденным статусом, чем бы он ни определялся — законом или обычаем. Классовые системы гораздо более подвижны по сравнению с другими стратификационными системами, границы между классами никогда не бывают ясно очерчены. Формальных ограничений на браки между людьми из различных классов не существует.

2. Классовая принадлежность *достигается* индивидом, хотя бы отчасти, а не просто «дается» при рождении, как в других системах стратификации. Социальная

мобильность — движение вверх и вниз в рамках классовой структуры — распространена здесь гораздо шире, чем в других системах (в кастовой, например, индивидуальный переход из одной касты в другую вообще невозможен).

3. Классы связаны с различиями в *экономическом* положении групп людей, с неравенством в отношении владения материальными ресурсами и контроля над ними, тогда как в других системах стратификации первостепенную роль играют неэкономические факторы (например, религия в индийской кастовой системе).

4. В других типах стратификационных систем неравенство проявляется в первую очередь в личных взаимоотношениях людей, в различии прав и обязанностей — крепостного и господина, раба и его владельца, представителя низшей и высшей касты. Классовая же система, наоборот, проявляется в основном в крупномасштабных отношениях безличного характера. К примеру, важнейшей основой для классового деления служат различия в условиях труда и оплаты, которые касаются людей любой категории и, в свою очередь, зависят от ситуации в экономике в целом.

Классы можно определить как крупномасштабные группы людей, обладающих сходными материальными ресурсами, что, в свою очередь, определяет образ жизни, которую они ведут. Классовые различия прежде всего зависят от благосостояния людей и рода их занятий. В современном западном обществе существуют следующие основные классы: **высший класс** (богачи, предприниматели, промышленники, а также высший слой управленцев, владеющих или непосредственно контролирующих средства производства), **средний класс** (который включает большинство «белых воротничков» и специалистов) и **рабочий класс** («синие воротнички», или люди, занятые физическим трудом). В некоторых индустриальных странах, например, во Франции и Японии, до недавнего времени важную роль играл четвертый класс — **крестьяне**, люди, занятые традиционным сельскохозяйственным производством. В странах третьего мира крестьяне по сей день составляют наиболее многочисленный класс.

Рассмотрим теперь важнейшие социологические теории стратификации, причем особое внимание будем уделять ситуациям, сложившимся в современных обществах.

Теории стратификации в современных обществах

Наиболее влиятельные теоретические подходы были разработаны Карлом Марксом (1818–1883) и Максом Вебером (1864–1920). Их идеи легли в основу почти всех последующих стратификационных теорий. Кроме того, мы рассмотрим две более поздние теории — Эрика Олина Райта и Фрэнка Паркина. Идеи Маркса и Вебера явились серьезнейшим вкладом в развитие социологии в целом и ее конкретных областей в частности. К различным аспектам их творчества мы будем обращаться позднее. (Общий обзор их работ можно найти в главе 22, «Развитие социологической теории».)

Теория Карла Маркса

Маркс родился в Германии, но большую часть жизни провел в Великобритании. Его идеи всегда были противоречивыми, но их значение признано во всем мире.

Многие авторы (в том числе и Макс Вебер), отвергая политические взгляды Маркса, во многом отталкивались от его идей.

Большинство работ Маркса связано с темой стратификации и прежде всего с понятием общественного класса, хотя, как ни странно, систематического анализа этого понятия он не дал. Рукопись, над которой работал Маркс вплоть до своей смерти (позднее опубликованная в виде одной из частей его главного труда «Капитал»), обрывается на вопросе: «Что составляет класс?» Таким образом, марксовское понимание класса должно быть реконструировано из всего его наследия в целом. Поскольку его многочисленные обращения к теме классов не всегда согласуются между собой, ученые постоянно дискутируют относительно того, что же Маркс в действительности имел в виду. Тем не менее, основные положения его концепции достаточно ясны.

Природа класса

Для Маркса класс — это группа людей, находящихся в одинаковом отношении к **средствам производства**, с помощью которых они обеспечивают свое существование. До возникновения современной промышленности основными средствами производства были земля и орудия, использовавшиеся в земледелии и скотоводстве. Основными классами доиндустриальных обществ были владельцы земли (аристократия, мелкопоместное дворянство и рабовладельцы), и те, кто непосредственно на ней трудился (свободные крестьяне и рабы). В современных индустриальных обществах более важное значение приобретают фабрики, офисы, промышленное оборудование, а также капитал, необходимый для их приобретения. Два основных класса сейчас — это те, кто владеет такими средствами производства, то есть промышленники или **капиталисты**, и те, кто зарабатывает на жизнь, продавая свой труд — **рабочий класс**, или, если пользоваться несколько архаичным термином самого Маркса, «пролетариат».

По Марксу, отношения между классами носят характер эксплуатации. В феодальных обществах эксплуатация нередко носила форму прямого производства продуктов крестьянами для аристократов. Крепостные были обязаны отдавать часть урожая своим повелителям или ежемесячно отрабатывать определенное число дней на господском поле, чтобы обеспечить господ и их окружение. В современном капиталистическом обществе источник эксплуатации не столь очевиден, и Маркс уделяет значительное внимание прояснению его природы. В течение рабочего дня, считает Маркс, рабочие производят больше, чем необходимо их работодателям для оплаты их труда. Эта **прибавочная стоимость** и есть искомый источник прибыли, которую капиталисты могут обратить на собственные нужды. Например, группа рабочих швейной фабрики может сшить сто костюмов в день. Продажа половины из них дает предпринимателю средства, достаточные для выплаты жалованья рабочим. Доход от продажи остальной одежды изымается в виде прибыли.

Маркс был потрясен неравенством, порождаемым капиталистической системой. Хотя в прежние времена аристократы также жили в роскоши, а крестьяне — в бедности, земледельческие общества в целом были небогатыми. Даже если бы не было аристократии, уровень жизни оставался бы невысоким. При современной индустрии материальные блага стали производиться в масштабах, которые раньше невозможно было себе представить. Однако рабочие почти не имеют доступа к плодам своего труда. Они по-прежнему пребывают в нищете, тогда как богатство собственников растет. Более того, с появлением современных заводов и механизацией производства

работа нередко приобретает однообразный рутинный характер, исключительно гнетуще действующий на рабочего. Труд, служащий источником богатства, часто изнуряет рабочего физически и отупляет его — и в этом отношении он ничем не лучше ручного труда на прежних фабриках, когда изо дня в день в одном и том же помещении надо было снова и снова проделывать одни и те же операции.

Сложность классовых систем

Маркс говорит лишь о двух основных общественных классах: классе собственников на средства производства и классе тех, кто не имеет собственности. Однако он понимает, что реально существующие классовые системы гораздо сложнее, чем предложенная им модель. По мнению Маркса, помимо двух основных классов существуют так называемые **переходные классы**. Это классовые группы, которые сохранились от прежних производственных систем и которые могут существовать еще очень долго после того, как старые системы распались. Например, в некоторых современных западных обществах (таких, как Франция, Испания или Италия на протяжении большей части нынешнего века) значительную часть населения составляет крестьянство, труд которого почти не изменился с феодальных времен.

Большое внимание Маркс уделяет расслоению внутри классов. Вот некоторые из примеров такого расслоения:

1. В среде высшего класса нередко возникает конфликт между финансовым капиталом (банкирами) и промышленниками.
2. Интересы представителей малого бизнеса и владельцев или управляющих крупных корпораций также существенно различаются. И те и другие принадлежат к классу капиталистов, но политика, проводимая в интересах большого бизнеса, не всегда выгодна малому.
3. Внутри рабочего класса имеются люди, долгое время остающиеся безработными, и условия их жизни значительно хуже, чем у большинства остальных рабочих. Как правило, эти группы состоят в основном из представителей этнических меньшинств.

Марксовская концепция класса указывает на экономическое неравенство, которое является объективным фактором общественного устройства. Классовая принадлежность определяется не представлением людей о своей социальной позиции, а объективными условиями, позволяющими одним группам получать преимущественный по сравнению с другими доступ к материальным благам.

Теория Макса Вебера

Как и Маркс, Макс Вебер был немцем. Болезнь не позволила ему сделать классическую академическую карьеру, однако он располагал небольшим состоянием и смог посвятить большую часть жизни научным занятиям. Вебер считается одним из основателей социологии, но круг его интересов был гораздо более широким и охватывал многие разделы истории, теории права, экономики и религии.

Веберовский подход к теме стратификации основывается на анализе идей Маркса, которые он развил и модифицировал. Между этими двумя теориями существует два важнейших различия.

Во-первых, Вебер, соглашаясь с представлениями Маркса о связи класса с объективными экономическими условиями, считает, что на формирование класса оказы-

вает влияние гораздо большее число факторов, чем смог заметить Маркс. Согласно Веберу, разделение на классы определяется не только наличием или отсутствием контроля над средствами производства, но и экономическими различиями, не связанными напрямую с собственностью. К числу таких определяющих факторов в первую очередь относятся мастерство и квалификация, влияющие на возможности данного человека выполнять ту или иную работу. Люди, принадлежащие к категориям профессионалов и управленцев, также работают по найму, но зарабатывают больше, условия труда у них лучше, чем у рабочих. Квалификационные удостоверения, ученые степени, звания, дипломы и полученная профессиональная подготовка ставят их в более выгодное положение на рынке труда по сравнению с теми, кто не имеет соответствующих дипломов. Аналогичным образом и среди рабочих опытные и хорошо подготовленные зарабатывают больше, чем низкоквалифицированные или неквалифицированные рабочие.

Во-вторых, Вебер выделяет помимо класса еще два важных аспекта стратификации. Одному он дал название *статус*, другому — *партия*. Фактически Вебер адаптировал понятие статусной группы, почерпнутое им из анализа средневековых сословий (в немецком оба понятия обозначаются одним словом — Stand).

Статус

Понятие **статуса** связано с различной степенью социального престижа соответствующих социальных групп. Отличительные черты конкретного статуса могут меняться независимо от классового деления; при этом социальный престиж может быть как позитивным, так и негативным. К позитивно привилегированным статусным группам относятся люди, обладающие высоким **престижем** в рамках данной социальной системы. Например, в английском обществе высокий престиж имеют врачи и юристы. Негативно привилегированными статусными группами являются **группы парий**. Именно они становятся жертвами дискриминации, закрывающей для них возможности, доступные другим группам. В средневековой Европе такими париями были евреи, которым запрещалось заниматься определенными видами деятельности и, в частности, занимать государственные должности.

Обладание богатством обычно связано с высоким статусом, но существует и множество исключений, о чем свидетельствует, например, существующий термин «благородная бедность». В Великобритании люди из аристократических семей продолжают пользоваться почетом и уважением, даже потеряв все свое состояние. Наоборот, к «новым богачам» представители традиционного высшего класса часто относятся с пренебрежением.

Если классовая принадлежность — характеристика объективная, то статус, напротив, зависит от субъективных оценок людьми социальных различий. Классы связаны с экономическими факторами — собственностью и доходами, статус определяется различными *стилями жизни* соответствующих групп.

Партия

В современных обществах, указывает Вебер, важным инструментом власти становятся партии, которые оказывают влияние на стратификацию, независимо от класса и статуса. «Партия» определяется как группа людей, которые работают вместе, потому что у них общие истоки, цели и интересы. Маркс объяснял возникновение различных статусов и партий, используя понятие класса. Однако Вебер считает, что ни формирование статуса, ни возникновение партий не может быть объяснено

только с точки зрения классового подхода, хотя определенное влияние классов здесь очевидно. В свою очередь, и статус, и партийная принадлежность могут весьма существенно влиять на экономические условия жизни отдельных людей и групп, а следовательно — классов. Партии могут взывать к эмоциям, идущим вразрез с классовыми различиями, например, они могут основываться на религиозной принадлежности или националистических идеях. Марксист может попытаться объяснять конфликт между католиками и протестантами Северной Ирландии в терминах классовой борьбы, так как среди рабочих больше католиков. Однако последователь Вебера сочтет такое объяснение неудовлетворительным, поскольку многие протестанты также являются выходцами из рабочего класса. Партии, к которым принадлежат данные люди, отражают как классовые, так и религиозные различия.

Работы Вебера по стратификации показывают, что на жизнь людей, помимо классовой принадлежности, существенно влияют другие виды стратификации. Большинство социологов согласны с важностью такого подхода, поскольку схема Вебера предлагает более гибкую и совершенную основу для анализа стратификации, чем марксовская.

Современные теории классов

Идеи, развивавшиеся Марксом и Вебером, по-прежнему широко используются в современной социологии, хотя чаще всего в модифицированном варианте. Последователи марксистской теории разрабатывают идеи Маркса, последователи Вебера заняты развитием его концепций. Поскольку эти позиции во многих отношениях сходны и дополняют друг друга, появляются новые теории, которые их обобщают. В этом можно убедиться, обратившись к двум современным теоретическим конструкциям.

Эрик Олин Райт: теория классов

Позиция американского социолога Эрика Олина Райта во многом основывается на учении Маркса, однако включает и ряд идей Вебера[3]. Согласно концепции Райта, в современном капиталистическом производстве существует три вида контроля над экономическими ресурсами, что позволяет идентифицировать основные существующие классы.

1. Контроль над инвестициями или финансовым капиталом.
2. Контроль над физическими средствами производства (землей, предприятиями, офисами).
3. Контроль над рабочей силой и властью.

Та часть населения, которая принадлежит к классу капиталистов, контролирует хотя бы одну из этих трех составляющих производственной системы. Представители рабочего класса лишены возможности что-либо контролировать. Однако помимо этих важнейших классов существуют группы, позиция которых неопределенна. Для таких людей, говорит Райт, характерно **противоречивое классовое положение**, поскольку они способны влиять на некоторые аспекты производства, но лишены контроля над остальными. Например, работники умственного труда, «белые воротнички», продают свою рабочую силу предпринимателям так же, как и простые

[3] *Wright E. O.* Class, Crisis and the State. London, 1978; *Wright E. O.* Classes. London, 1985.

рабочие. Но при этом они могут в большей степени контролировать условия своего труда, чем рабочие. Райт называет классовое положение таких работников «противоречивым», потому что по своей классовой принадлежности они не являются ни капиталистами, ни рабочими, но имеют черты, сходные с каждым из этих классов.

Фрэнк Паркин: веберовский подход

Подход, предложенный британским автором Фрэнком Паркином, в большей степени основывается на учении Вебера, чем Маркса[4]. Паркин, как и Вебер, соглашается с Марксом, что в основе классовой структуры лежит собственность на средства производства, однако собственность, по Паркину, лишь один из **социальных барьеров**, которые могут быть монополизированы меньшинством и использованы для достижения власти. Возведение социальных барьеров можно определить как процесс, в результате которого группы пытаются обеспечить себе исключительный контроль над ресурсами, ограничивая доступы к ним. Кроме богатства и собственности на средства производства, по мнению Вебера, для создания социальных барьеров могут быть использованы статусные различия, такие, как этническая принадлежность, язык или религия.

В основе формирования социальных барьеров лежат два типа процессов. Первый — это стратегия *исключения*, с помощью которой группам удается изолировать чужаков, перекрывая им доступ к ценным ресурсам. Так, например, белые профсоюзы в США раньше не допускали в свои ряды черных, стремясь тем самым обеспечить свои собственные привилегии. Ко второму типу — *узурпация* — относятся попытки менее привилегированных слоев овладеть ресурсами, ранее принадлежавшими другим; такой была борьба негров за получение равных прав в профсоюзах.

В некоторых обстоятельствах обе стратегии могут использоваться одновременно. Профсоюзы, например, могут выступать в качестве узурпаторов по отношению к работодателям (идя на забастовки, чтобы увеличить получаемую ими долю доходов фирмы), и в то же время они могут не допускать в свои ряды представителей этнических меньшинств. Паркин называет это *двойным барьером*. Здесь взгляды Паркина и Райта сходны. Двойной барьер в существенной степени отражает те же процессы, которые рассматривались Райтом при обсуждении противоречивого классового положения. Оба эти понятия свидетельствуют, что те, кто находится в середине стратификационной системы, не спускают глаз с верхних и в то же время стремятся отделить себя от тех, кто занимает более низкое социальное положение.

Классы в западных обществах сегодня

Некоторые авторы утверждают, что в современных западных обществах классы утратили свою значимость. Они соглашаются, что полтора столетия назад в период становления промышленного капитализма классовые различия имели важное значение. Даже те, кто наиболее критично относится к марксистским теориям, признают, что действительно существовало вопиющее противоречие между трудящимися бедняками и богатыми работодателями-промышленниками. Однако утверждается, что с того времени материальное неравенство в индустриальных странах значительно уменьшилось. Налоги, направленные против богатых, в сочетании с пособиями для неимущих и нетрудоспособных сгладили различия между верхами и низами. Более

[4] *Parkin F.* Class Inequality and Political Order. London, 1971; *Parkin F.* Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique. London, 1979.

того, теперь, когда образование стало общедоступным, всякий человек, обладающий талантом, может проложить себе путь на самый верх социальной и экономической лестницы.

На самом деле такая картина далека от истины. Влияние классовых различий, возможно, стало меньшим, чем полагал Маркс, но лишь немногие сферы социальной жизни не тронуты ими. Даже физические различия коррелируют с классовой принадлежностью. Представители рабочего класса имеют меньший средний вес при рождении, более высокую детскую смертность, они медленнее растут, чаще болеют и умирают в более молодом возрасте, чем представители высшего класса. Такие серьезные заболевания, как сердечно-сосудистые, рак, диабет, пневмония и бронхит, все еще более распространены на нижних этажах классовой структуры[5)].

Различия по уровню богатства и доходов

Маркс считал, что зрелый промышленный капитализм увеличивает противоречия между богатством меньшинства и бедностью широких масс. По его мнению, уровень зарплаты рабочего никогда не сможет подняться выше жизненно необходимого, тогда как в руках владельцев капитала будут сосредотачиваться все новые богатства. На нижних этажах общества, особенно среди тех, кто не имеет постоянной работы, будут расти нищета, непосильный труд, рабство, невежество, жестокость, моральная деградация. Как мы увидим, Маркс был прав, говоря о постоянстве и живучести бедности в индустриальных странах и неравенства в распределении богатства и дохода. Но он ошибался, когда думал, что доходы большинства населения останутся чрезвычайно низкими и что диспропорция между богатством меньшинства и нищетой большинства будет увеличиваться. Большинство людей в западных странах сегодня обеспечены в материальном отношении гораздо лучше, чем аналогичные группы во времена Маркса. Чтобы понять, как и почему это произошло, нужно проследить за теми изменениями в распределении богатства и дохода, которые произошли за последние сто лет.

Богатство означает все достояние, принадлежащее конкретному человеку — акции, сбережения, недвижимость, например, дома или земля, то есть все то, что можно продать. **Доход** состоит из заработной платы, получаемой за выполненный труд, а также из «незаработанных» денег, получаемых от капиталовложений (проценты или дивиденды). В то время как большинство людей живут на деньги, получаемые за работу, богатые извлекают основную часть своих доходов из инвестиций.

Богатство

Достоверную информацию о распределении богатства получить трудно. В одних странах статистика менее надежна, в других более, но в любом случае о многом можно говорить лишь предположительно. Богатые обычно не афишируют всех своих активов, и уже не раз отмечалось, что о бедняках мы знаем гораздо больше. Что известно точно, так это то, что богатство концентрируется в руках немногих. В Великобритании 1% «верхушки» владеет 21% всех личных богатств (находящихся в собственности индивидов, а не организаций). И только треть национального богатства находится в собственности 80% населения. Распределение акций и ценных бумаг еще более неравномерно, чем богатства в целом. В Соединенном Королевстве

[5)] *Zola I. K.* and *Kosa J.* (eds). Poverty and Health: A Sociological Analysis. Cambridge, 1975; *Luft H. S.* Poverty and Health: Economic Causes and Consequences of Health Problems. Cambridge, 1978; *Waitzkin H.* The Second Sickness: Contradiction of Capitalist Health Care. Chicago, 1986.

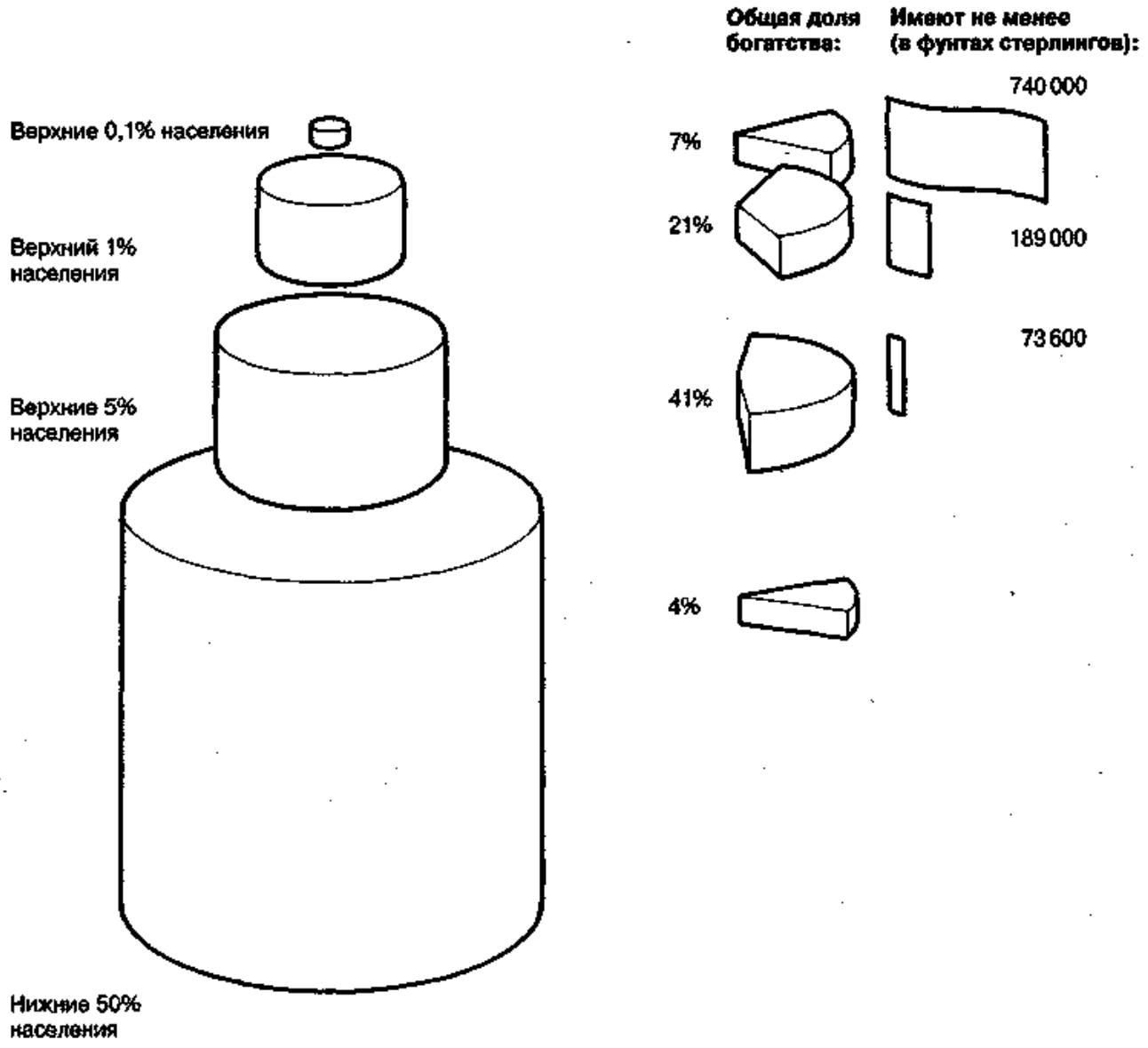


Рис. 4. Личное богатство различных групп населения Великобритании, 1987. Источник: New Society, 24 April. 1987. P. 44

1% «верхушки» владеет 75% акций частных корпораций, 5% владеют 90% всех этих акций. В 1987 году акциями владели около 20% населения. Двумя годами ранее эта цифра составляла 14%, можно предположить, что многие впервые приобрели акции, когда правительство консерваторов начало осуществление своей программы приватизации. Если рассматривать более продолжительный период, то перемены будут просто разительные. В 1979 году держателями акций были лишь 5% населения. Большинство владели акциями на небольшую сумму (менее 1 тысячи фунтов стерлингов по ценам 1987 года). Что касается институционального владения акциями, которые имели компании, то оно росло быстрее, чем индивидуальное.

Доход

Одним из важнейших изменений в жизни западных стран, произошедших в течение последнего столетия, был рост реальных доходов большей части работающего населения (реальный доход — это фактический доход с учетом инфляции; это обеспечивает фиксированный стандарт для сравнения в разные годы). Современный западный рабочий получает в 3–4 раза больше, чем это было на рубеже века. Доходы «белых

Таблица 3. *Динамика распределения ликвидных материальных ценностей в Великобритании*

Процент наиболее богатого населения	Доля материальных ценностей, принадлежащая наиболее богатым слоям населения			
	1976	1981	1986	1989
1%	21	18	18	18
5%	38	36	36	38
10%	50	50	50	53
25%	71	73	73	75
50%	92	92	90	94
Общий объем материальных ценностей (в миллиардах фунтов стерлингов)	280	565	955	1578

Примечание. Показатели для 1976, 1981 и 1986 годов основаны на оценке имущества людей, умерших в эти годы. Данные для 1989 года исходят из стоимости имущества, упомянутого в завещаниях в 1989–1990 годах. Таким образом, приведенные оценки нельзя считать полностью сравнимыми. Процентные показатели и общие оценки благосостояния приведены для лиц, достигших 18 лет.
Источник: Social Trends, 22. 1992.

воротничков», управленцев и работников умственного труда поднялись несколько выше. Если оценивать доходы на душу населения и уровень доступных благ и услуг, которые могут быть приобретены, сегодня большинство людей живет гораздо богаче, чем когда-либо прежде за всю историю человечества. Одна из важнейших причин роста доходов — рост *производительности* труда (количества продукции на одного рабочего), что связано с появлением новых промышленных технологий. Ценность товаров (услуг), произведенных одним рабочим, растет более или менее непрерывно во многих отраслях, начиная с 1900 года.

Тем не менее, доходы, как и богатство, распределены крайне неравномерно. В Великобритании 5% «верхушки» получают около 16% общего дохода, 20% высших слоев получает 42% всех доходов; в то же время 20% представителей нижних слоев получает лишь 5% дохода (по данным 1985 года). В большинстве западных стран, включая Великобританию, богатство и доходы распределяются сейчас более равномерно, чем полвека назад (см. табл.). В США эта тенденция гораздо менее выражена, за последние 25 лет там произошли крайне незначительные изменения в этом направлении. Поскольку состояния богатейших американцев очень велики, разница между бедными и богатыми в США более значительная, чем в большинстве стран индустриального мира.

Взгляды всех четверых названных выше теоретиков совпадают в одном: материальные ценности, в особенности капитал, является базисным показателем классовой системы. Рассмотрим теперь основные классовые различия, существующие в британском обществе.

Высший класс

Высший класс Великобритании включает в себя относительно небольшое число индивидов и семей, которые владеют значительной собственностью. По приблизительным подсчетам, это 1% нации. Внутри высшего класса наблюдается четкое

разделение на тех, кто является владельцами «старых» и «новых» денег. Семьи, собственность которых передавалась из поколения в поколение, свысока смотрят на тех, кто разбогател благодаря собственным усилиям. В некоторых обстоятельствах эти две категории смешиваются, однако люди низкого происхождения часто не допускаются в круги наследственной знати.

Собственность, как подчеркивали Маркс и Вебер, наделяет властью, и представительство высшего класса в верхних эшелонах власти непропорционально велико. Их влияние отчасти является следствием прямого контроля над промышленным и финансовым капиталом, отчасти объясняется их доступом к руководящим постам в сферах политики, образования и культуры. Стэнворт и Гидденс обнаружили, что с 1850 по 1970 год доля выходцев из высшего класса среди председателей крупнейших компаний Великобритании почти не изменялась и составляет около 66%[6].

По мнению Джона Скотта, в девятнадцатом веке в высшем классе Великобритании существовало три группы: крупные землевладельцы, финансисты и промышленники[7]. Первая считала себя аристократией, но постепенно на протяжении прошлого столетия стала признавать в качестве таковой и наиболее удачливых представителей финансовых кругов. Промышленников, предприятия которых располагались в основном на Севере, аристократия держала на расстоянии, да и сами они в какой-то мере держались особняком. По мере того, как век мужал, а богатство промышленников росло, партнеры по классу стали все чаще считать промышленников «своими». К концу столетия промышленники имели вложения в землю, банки и страховые компании, тогда как землевладельцы пополняли свои доходы за счет того, что председательствовали в промышленных фирмах. Слияние различных группировок высшего класса продолжилось и в двадцатом веке, считает Скотт, хотя не все конфликты угасли и некоторые различия сохраняются. Например, финансовые лидеры Сити нередко не находят общего языка с главами промышленных корпораций, а политические акции, выгодные одной группе, не всегда устраивают другую. Землевладельцы как отдельная группа высшего класса на сегодняшний день практически исчезли. Множество поместий перешло в общественное владение, а те немногие частные владельцы, которые могут позволить себе заниматься землей по старинке, как правило, сделали деньги другим способом.

Британская общественность не питает иллюзий в отношении важности роли унаследованных состояний: 45% опрошенных Институтом Гэллапа в 1986 году считают, что наилучший способ получить (и сохранить) богатство — это унаследовать его или иметь «подходящих» родителей. Наоборот, в США 43% респондентов (большая часть опрошенных) полагают, что путь к богатству лежит через «упорный труд».

Средний класс

Понятие «*средний класс*» охватывает представителей различных сфер деятельности. В соответствии с различными точками зрения, в этот класс попадает сегодня большинство населения Великобритании, поскольку число рабочих мест для «белых воротничков», в отличие от вакансий для рабочих, значительно возросло (см. главу 15, «Труд и экономическая жизнь»).

Внутри среднего класса можно выделить три относительно обособленные категории. *Старый средний класс* — это представители малого бизнеса, владельцы небольших магазинов и мелкие фермеры. Численность этой категории в течение

---

[6] *Stanworth Ph.* and *Giddens A.* (eds). Elite and Power in British Society. Cambridge, 1974.

[7] *Scott J.* Who Rules Britain. Cambridge, 1992.

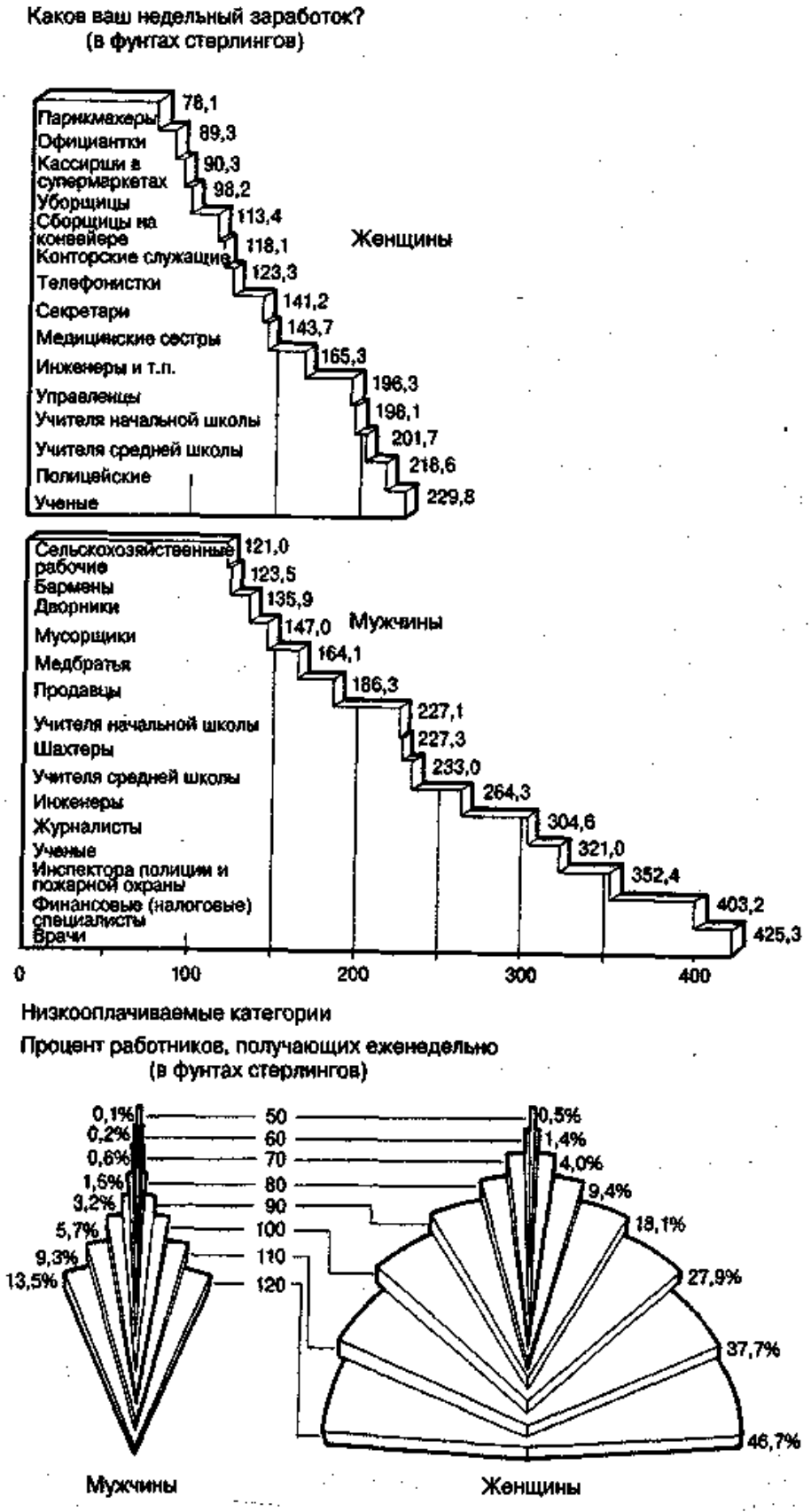


Рис. 5. Уровни оплаты за различные работы в Великобритании в 1986 году. Мужчины и женщины могут получать разную заработную плату, даже если они выполняют одинаковую работу. На втором рисунке показано, что женщины зарабатывают гораздо меньше мужчин: 46% женщин и лишь 13,5% мужчин получают менее 120 фунтов в неделю.
Источник: New Society, 24 April. 1987. P. 44

нынешнего века постоянно менялась, но они по-прежнему составляют значительную часть работающего населения. Мелкий бизнес менее стабилен, чем крупный, и часто разваливается в течение двух лет после основания. В Великобритании лишь 20% из тех, кто начал свое маленькое дело, удается удержаться в течение хотя бы пяти лет. Небольшие фирмы и магазины часто оказываются неспособными конкурировать с крупными компаниями, супермаркетами и ресторанными сетями. И если старый средний класс не сократился в той мере, как предсказывали многие (включая Маркса), то только потому, что всегда находится немало людей, желающих попробовать себя в собственном деле. Поэтому большинство тех, кто вынужден покинуть бизнес, сразу же заменяется новыми. Социально-политические взгляды мелких бизнесменов, как правило, весьма разноречивы. В ряде стран, например, во Франции, многие из них оказывают неизменную поддержку крайне правым политическим партиям.

Высший средний класс состоит в основном из менеджеров и специалистов высокого класса. В эту категорию входит значительное число людей, и делать какие-либо обобщения относительно их взглядов следует с большой осторожностью. Большинство из них имеют высшее образование, и среди них, особенно если говорить о специалистах, довольно высока доля людей с либеральными взглядами.

Низший средний класс — это еще более разнородная категория. В нее входят конторские служащие, продавцы, учителя, медсестры и множество других. Большинство представителей низшего среднего класса придерживаются взглядов, отличающихся от взглядов рабочих, хотя условия их труда часто во многом совпадают.

На разнородный характер среднего класса в целом обращается специальное внимание в концепциях Райта и Паркина. Средний класс оказывается в «противоречивой» ситуации «двойного барьера». Он попадает под влияние сверху и испытывает давление снизу. Многие представители низшего среднего класса привержены тем же ценностям, что и люди из более состоятельных слоев, хотя живут на доходы, нередко меньшие, чем у высокооплачиваемых рабочих.

Рабочий класс

Рабочий класс состоит из так называемых «синих воротничков» — людей, занятых физическим трудом. Внутри рабочего класса, так же, как и внутри среднего, существует четко выраженное деление, основанное на уровне профессиональной квалификации. *Высший рабочий класс*, состоящий из квалифицированных рабочих, нередко рассматривается как «рабочая аристократия». Ее представители имеют более высокий доход, лучшие условия труда и большие гарантии занятости, чем другие рабочие[8]. Хотя появление новых технологий неблагоприятно сказалось на некоторых профессиях (на печатниках, например) и положение ряда рабочих изменилось, в целом экономические условия квалифицированных рабочих за последние годы улучшились. Их заработная плата остается относительно высокой, занятость — стабильной и менее зависимой от уровня безработицы, чем у малоквалифицированных рабочих.

Низший рабочий класс занят неквалифицированным и полуквалифицированным, не требующим подготовки трудом. Как правило, такой труд является низкооплачиваемым, а гарантии занятости хуже, чем у квалифицированных рабочих.

Занятость рабочих различается по показателям времени — полная или частичная занятость — и по уровню гарантий. Различия между *центральными* и *периферийными*

[8] *Mackenzie G.* The Aristocracy of Labour: The Position of Skilled Craftsmen in The American Class Structure. Cambridge, 1973.

сферами экономики позволяют проиллюстрировать это. К центральным секторам относятся те, где рабочие заняты полный рабочий день, получают относительно высокую зарплату и имеют гарантии долговременной занятости. В периферийных секторах работа нестабильна, зарплаты невысоки, и значительное число рабочих занято неполный день. В центральных секторах экономики доминируют квалифицированные рабочие, хотя там есть и полу-, и неквалифицированные; в основном это белые рабочие мужского пола, и часто в этих секторах имеются сильные профсоюзы. Остальные рабочие заняты в периферийных секторах, профсоюзное движение в этих секторах слабое.

Основная демаркационная линия внутри рабочего класса проходит между этническим большинством и непривилегированными национальными меньшинствами, составляющими низшие слои общества, **низший класс** (underclass). Его представители имеют плохие условия труда, их жизненный уровень ниже, чем у большинства населения. Многие из них подолгу остаются без работы либо постоянно ее теряют. В Великобритании низшие слои почти целиком состоят из чернокожих и выходцев из азиатских стран. В некоторых европейских странах значительную часть этого сектора составляют рабочие-мигранты, приехавшие на Запад в поисках работы в эпоху значительного процветания 60–70-х годов. Это касается алжирцев во Франции и турок в Германии.

Исследования классового сознания: различные подходы

Большое число исследований посвящено **классовому сознанию** — тому, что люди думают о классе и классовом делении. В этих исследованиях используются различные стратегии.

Метод определения репутаций

Этот метод направлен на то, чтобы выяснить у респондентов, к какому классу они бы отнесли других людей. Одно из самых известных исследований этого типа было предпринято У. Ллойдом Уорнером и Полом Лантом в небольшом городке Ньюберипорт в штате Массачусетс, США[9]. У жителей города было взято множество интервью, с целью составить картину мнений о классовом делении внутри общества. При этом респонденты постоянно пользовались характеристиками типа: «ребята с деньгами», «бедные, но честные» и «никто». На основе полученных ответов удалось выделить шесть классов: высший, средний и низший, каждый из которых подразделялся еще на два.

После Уорнера этот подход использовался неоднократно, но у него есть ограничения: он может быть эффективным лишь в ситуации небольших сообществ. Более того, при таком подходе сливаются два явления, которые в теоретическом плане не идентичны друг другу — класс и классовое сознание. Классовые различия существуют независимо от того, осознаются они людьми или нет.

Субъективный метод

При субъективном методе анализа людей просто спрашивают о том, к какому классу они себя относят. Первое исследование такого типа было проведено в Соединенных

[9] *Warner W. L.* and *Lunt P.* The Status System of a Modern Community. New Haven, 1947; *Warner W. L.* et al. Social Class in America. Chicago, 1949.

Таблица 1 *Самоидентификация с социальными классами в Великобритании. 1986 г.*

Социальный класс (в % к числу опрошенных)	Я сам	Родители
Высший средний	1	2
Средний	24	17
Высший рабочий	21	12
Рабочий	48	59
Бедный	3	8
Не знаю/нет ответа	3	2
Объем выборки (число опрошенных)	3066	3066

Источник: Social Trends. London, HMSO, 1987. P. 16.

Штатах Ричардом Сентерсом, который брал ответы из общенациональной случайной выборки[10]. Сентерс использовал результаты опроса общественного мнения, организованного журналом «Форчун». Выяснилось, что 80% американцев относят себя к среднему классу. Сентерс отметил, что в ходе опроса респондентам было предложено на выбор лишь три варианта ответов: «высший класс», «средний» и «низший». Он сделал вывод, что если бы был предложен четвертый вариант — «рабочий класс», то половина выборки с легкостью отнесли бы себя к этому классу. Но когда им предлагали записаться в «низший», они испытывали дискомфорт. В целом результаты такого рода опросов оценить трудно, поскольку ответы зависят от постановки вопросов.

Тем не менее, недавно Мэри и Роберт Джекмен (1983) попытались использовать позитивные стороны подхода Сентерса. Они проанализировали данные национального опроса, посвященного отношению к классам и классовому сознанию, который был проведен исследовательским центром Мичиганского университета. Людей спрашивали, к какому из перечисленных классов они бы отнесли себя: к бедным, к рабочему классу, к среднему, к высшему среднему или к высшему. Лишь 3% опрошенных не смогли идентифицировать себя ни с одной из пяти предложенных категорий. Около 8% отнесли себя к «бедным», 37% — к «рабочему классу», 43% — к «среднему», 8% — к «высшему среднему», 1% — к «высшему». Обнаружилась высокая степень соответствия классов профессиональным категориям. Например, представители деловых кругов, врачи и юристы единодушно относили себя к «высшему среднему» или «высшему» классам, причем сколько-нибудь существенного различия в оценках между черными и белыми не было. (Результаты классовой самооценки населения Великобритании приведены в табл.)

Представления о классовой структуре

Третий подход к изучению классового сознания направлен на анализ представлений о классовой структуре. Подобные исследования оказываются наиболее информативными, поскольку они показывают, что люди думают о природе и источниках классовых различий. Иногда, например, используется не само понятие класса, а позиция или мировоззрение, которое отражает важные аспекты классового сознания. Так, представители высшего и высших слоев среднего класса отрицают существование классов вообще. С социологической точки зрения это отрицание является выражением определенного классового сознания. Люди, принадлежащие к названным классам,

[10] *Centers R.* The Psychology of Social Classes. Princeton, 1949.

обычно рассматривают социальный мир как иерархию позиций, где возможности для продвижения одинаково открыты для всех. Их представление о стратификации отражает их собственный опыт, но экстраполируется на общество в целом.

С другой стороны, представители нижних этажей классовой структуры очень часто воспринимают стратификацию через призму противостояния между «мы» и «они». «Они» — это люди, занимающие властные посты, чиновники, боссы, управленцы. «Мы» — это объекты власти, одинаковые в плане подчиненного положения на работе и относительного бесправия в жизни. Классическая работа, в которой анализировались представления о классовой структуре, была написана в 60-х годах Дэвидом Локвудом[1]. Он считал, что представления людей о классовой структуре в огромной степени определяются обстоятельствами их жизни. Их видение классовой системы определяет окружение на работе, локальное сообщество, район и город их проживания. Работа Локвуда касалась рабочего класса, он выделил три типа представлений рабочего класса о классовой структуре общества.

Пролетарский традиционализм характерен для групп, живущих в промышленных обществах. Они изолированы от остального населения, работают в сходных условиях и тесном сотрудничестве. Примером могут служить шахтерские поселки Южного Уэльса. В таких сообществах очень быстро вырабатывается чувство единой принадлежности к трудящемуся классу. Носители таких представлений о классовой структуре рассматривают социальный мир через призму деления на «мы» и «они». Все они, как правило, преданные члены профсоюзов.

Почтительный традиционализм характерен для групп рабочего класса, живущих и работающих в более разнородном окружении, например, для сельскохозяйственных рабочих. Они видят классовую структуру в более позитивном и гармоничном свете. Согласно их видению, в нашем мире каждый знает свое место, существующие социальные различия лишь отражают степень одаренности и ответственности и, таким образом, оправданны. Такие люди относятся к начальству или хозяевам с почтением и считают наличие классовой иерархии легитимным и необходимым. Большинство рабочих с подобными взглядами относятся к профсоюзам индифферентно либо враждебно.

Рабочие-собственники по своим взглядам отличаются от вышеназванных групп. Они живут отдельно и от хозяев, и от традиционных рабочих поселений, где-нибудь в пригородах, в собственных домах, и придерживаются «индивидуалистских» взглядов. Работа для них лишь средство обеспечить как следует себя и свою семью, особой приверженности к классовым идеалам они не испытывают. Исследование, проведенное Голдторпом, Локвудом и их коллегами среди рабочих автомобильной промышленности Лутона показало, что многие из них придерживаются именно такой позиции.

Типология Локвуда породила множество работ подобного рода, хотя в некоторых из них предложенные категории были поставлены под сомнение. Большинство исследователей обнаружили, что разделение представлений о классовой системе на три типа отнюдь не столь однозначно, как предполагал Локвуд. Рабочие, чьи взгляды приближались к пролетарскому традиционализму, оказались ничуть не воинственнее других. В свою очередь, «собственники» выразили готовность участвовать в разного рода акциях протеста, что свидетельствует об их недовольстве и склонности поделить мир на «мы» и «они».

---

[1] *Lockwood D.* The Blackcoated Worker: A Study in Class Consciousness. London, 1966.

Традиционные «рабочие общины» в последние десятилетия постепенно исчезают вследствие перемен, произошедших в экономике. Так, угледобывающая и сталеплавильная промышленность пришли в упадок. Многие рабочие уезжают из прежних мест, этот процесс связывается также с развитием «собственнического» отношения к работе. Однако деление на «мы» и «они» не исчезло, этот тип мировоззрения по-прежнему господствует во многих рабочих районах. В местах, где сосредоточиваются группы национальных меньшинств, к классовому сознанию примешивается и этническое.

Изменения в классовой структуре

Распад высшего класса?

Как было замечено раньше, высший класс (как и все другие общественные классы) всегда был внутренне дифференцирован. Однако некоторые авторы утверждают, что сегодня высший класс стал настолько внутренне разнороден, что в качестве единой классовой категории он более не существует. В девятнадцатом веке и в начале двадцатого, утверждают они, принадлежность к высшему классу определялась наличием собственности — предприятий, финансовых учреждений или земли. Сегодня земля, как мы уже заметили, не является больше источником власти, а в экономике доминируют крупные корпорации, не принадлежащие отдельным индивидам. В каждой из них тысячи акционеров, практически не имеющих реального влияния на управление компанией. Руководство крупными корпорациями сосредоточилось в руках высших исполнительных служащих, которые не являются владельцами возглавляемых ими компаний: они просто высокопоставленные специалисты, «белые воротнички».

Таким образом, в классовой схеме современного общества, предложенной Джоном Голдторпом, высший класс отсутствует. То, что Голдторп называет «сервис-классом», состоит из находящихся на высших ступенях менеджеров, квалифицированных специалистов и администраторов. Другие авторы указывают на феномен институционального акционирования (см. главу 15, «Труд и экономическая жизнь»), знаменующего конец эпохи индивидуального владения корпорациями. Значительный процент акций принадлежит сегодня страховым компаниям, пенсионным фондам, инвестиционным фондам и т.д., а эти организации, в свою очередь, обслуживают широкие слои населения. Около 50% населения Британии, например, являются сегодня вкладчиками в частные пенсионные фонды.

И все же мнение о том, что высшего класса как особого различаемого целого не существует, крайне спорно. Джон Скотт, к работе которого мы обращались раньше, утверждает, что высший класс изменил внешнюю форму, но сохранил свое специфическое положение. Он состоит из людей, связанных с большим бизнесом тем, что Скотт назвал «созвездием интересов». Высшие служащие крупных корпораций, если и не являются их владельцами, то могут аккумулировать в своих руках значительное количество акций, а это приближает их, с одной стороны, к традиционным предпринимателям, а с другой — к «финансовым капиталистам». «Финансовые капиталисты», в число которых входят люди, управляющие страховыми компаниями и другими инвестиционными организациями, составляют ядро современного высшего класса.

Квалифицированные специалисты, менеджеры, администраторы

Рост числа занятых в управленческой, административной и профессиональной сферах связан с возрастанием роли крупномасштабных организаций в современном обществе (см. главу 9, «Группы и организации»). Помимо этого, он обусловлен увеличением доли населения, занятой в секторах экономики, где важную роль играет государство — в правительственных учреждениях, в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения. В 1991 году 25% рабочей силы использовалось на государственных предприятиях. Большинство специалистов — бухгалтеров, юристов, врачей — фактически состоят на службе у государства.

Специалисты, менеджеры и администраторы высшего звена занимают высокое положение прежде всего потому, что располагают «верительными грамотами» — учеными степенями, дипломами и другими квалификационными свидетельствами. Их карьера, как правило, относительно стабильная и выгодная, в отличие от тех, кто занят обычной, рутинной непроизводственной деятельностью, и в последние годы это стало более явным. Поэтому некоторые исследователи видят в квалифицированных специалистах и других высших представителях «белых воротничков» новый «профессиональный управленческий класс». Однако различие между ними и рядовыми «белыми воротничками» не столь глубоко, чтобы данную позицию можно было бы считать обоснованной.

Белые воротнички, синие воротнички: феминизация и пролетаризация

Сегодня в непроизводственной сфере работников занято больше, чем раньше, однако вопрос о том, пополняют ли эти люди ряды среднего класса или нет, вызывает в социологии острейшие дискуссии. Два момента представляются спорными. Во-первых, значительная доля вновь созданных рабочих мест в наиболее рутинных секторах непроизводственной сферы занята женщинами. Здесь имеет место процесс, именуемый несколько тяжеловато — *феминизация* рутинного непроизводственного труда. Раньше мы уже показывали, что проблема класса и гендера вообще представляется сложной.

Во-вторых, условия труда на должностях такого рода заметно упростились, произошла *деквалификация* — навыки, которые требовались при выполнении такой работы в прошлом, утратили свое значение из-за внедрения техники, призванной взять ряд функций на себя. Так, появление пишущих и фотокопировальных машин, позднее компьютеров и текстовых процессоров привело к дисквалификации секретарской и конторской работы: организационные навыки, счетная и письменная работа стали ненужными.

Оба процесса связаны напрямую. Например, чем большая доля населения занята рутинной конторской и подобной работой, тем выше процент женщин, занятых на этих должностях, и тем более рутинными эти должности становятся. На низших должностях расширяющихся сфер маркетинга, торговли и услуг численность женщин превзошла численность мужчин. Работа продавца или кассира становится чисто женской.

В интереснейшем исследовании «Труд и монополистический капитал», опубликованном 20 лет назад, Гарри Брэверман утверждал, что квалификационные требования к конторскому труду в целом настолько понизились, что в настоящее время он почти не отличается от физического труда. Таким образом, мы имеем дело

не с ростом среднего класса, а, напротив, с увеличивающейся «пролетаризацией». Группы, занимающиеся этим трудом, оказываются сброшенными в рабочий класс, который растет за счет «непроизводственных» должностей [12].

Большинство социологов полагает, что Брэверман преувеличил. Некоторые профессии *реквалифицируются*, а не деквалифицируются, с прогрессом технологии, поскольку требуется рост, а не понижение, квалификации. В частности, это относится к видам деятельности, затронутым компьютеризацией (хотя тот же самый процесс привел к деквалификации некоторых из них). Более того, как указывалось ранее, классовая позиция человека, состоящего в браке, зависит и от положения супруга. Женщина, занятая на рутинной непроизводственной работе, может быть замужем за администратором высшего звена, в таком случае семья будет относиться к среднему классу.

Исследования, посвященные рутинной непроизводственной деятельности и положению занятых в ней работников, дали достаточно противоречивые результаты относительно идеи пролетаризации. В исследовании Розмари Кромптон и Гэрет Джонс [13] участвовали служащие банка, местных органов власти и страховой компании. Обнаружилось, что женщины-клерки гораздо реже выдвигались на высшие посты, чем мужчины. По мнению исследователей, большинство выполняемых работ были пролетаризованными: работники выполняли ряд рутинных операций без какой-либо возможности для инициативы. Мужчины чаще всего имели возможность избежать этого, в то время как женщины были не в состоянии это сделать, поэтому именно женские непроизводственные должности подвергаются дисквалификации в первую очередь.

С этими выводами, а также с оценками Брэвермана, не согласилась исследовательская группа Гордона Маршалла [14]. Исследователи интервьюировали мужчин и женщин, представителей ряда профессий. Был задан вопрос, требует ли их должность большей квалификации по сравнению с тем, когда они начинали работать. Только 4% заявили, что их работа требует более низкой квалификации, причем доля феминизированных профессий здесь была практически такой же, как и доля непроизводственных должностей. Исследователи сделали вывод, что «белые воротнички» по-прежнему пользуются в своей работе большей автономией, чем представители физического труда; в отношении классового сознания они чаще относят себя к среднему классу, чем работники физического труда.

Изменения, затронувшие рабочий класс

Значительная часть британцев, так же как и граждане других индустриальных стран, живет в условиях бедности. Об этом пойдет речь в конце главы. Однако большинство «синих воротничков» отнюдь не прозябает в нищете, как некогда (взгляды Маркса по этому вопросу оказались ошибочными). Реальный доход, то есть доход с поправкой на инфляцию, работников физического труда вырос по сравнению с началом века на 300%. Рост уровня жизни выражается также в возросшей доступности потребительских товаров для всех классов. Около 50% рабочих живут сегодня в собственных домах. Значительная часть семей имеет автомобили, стиральные машины, телевизоры и телефоны.

---

[12] *Braverman H.* Labour and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. New York, 1974.

[13] *Crompton Rosemary* and *Gareth Jones*. White Collar Proletariat. London, 1984.

[14] *Marshall Gordon* et al. Social Class in Modern Britain. London, 1988.

Феномен богатого рабочего класса, по-видимому, предполагает возможность перехода к «обществу среднего класса». Возможно, рабочие, достигнув процветания, приблизились к среднему классу. Данная идея, учитывая любовь социологов к неудобоваримым названиям, получила известность в качестве тезиса *обуржуазивания*. Обуржуазиться означает стать более буржуазным — термин, выдержанный в марксистском стиле.

В 1960-х годах Джон Голдторп и его коллеги провели знаменитое исследование гипотезы обуржуазивания. Материалы исследования, базировавшегося на опросах рабочих автомобильных и химических предприятий г. Лутона, опубликованы в 3 томах. В ссылках оно часто фигурирует как исследование «состоятельного рабочего»[15]. Всего было опрошено 229 рабочих, и для сравнения взяты 54 представителя «белых воротничков». Многие рабочие приехали в Лутон в поисках высокооплачиваемой работы, и по сравнению с другими они получали действительно много больше, чем основная масса низших «белых воротничков».

Результаты исследования, по мнению авторов, были совершенно однозначны — тезис обуржуазивания оказался фальшивым. Никакого перехода этих рабочих в средний класс не наблюдалось. Все они придерживались «инструментального» (по определению Голдторпа и его группы) отношения к работе, рассматривая ее как средство, подчиненное единственной цели — заработать хорошие деньги. Их работа в основном была монотонной и неинтересной, и душу в нее они вовсе не вкладывали. В свободное время со средним классом они не объединялись и не горели желанием подняться вверх по классовой лестнице. Деньги зарабатывались, как правило, с целью приобретения каких-то конкретных товаров или имущества.

С тех пор исследование, подобное проведенному Голдторпом, не проводилось, и потому неясно, насколько его выводы, если они имели силу в то время, верны сейчас. Общепризнанно, что старые традиционные сообщества рабочих (с ними связано понятие пролетарского традиционализма Локвуда) становятся все более фрагментарными или разрушаются вовсе. Вопрос о том, как далеко зашли эти процессы, остается открытым. Рабочий класс давным-давно делится на разные слои в зависимости от квалификации, отрасли и местоположения, и некоторые авторы указывают, что это в значительной мере является продолжением прошлых различий.

Деление внутри рабочего класса отражает различие не только между индивидами, но и между семьями. Так, Рэй Пал в работе «Разделение труда»[16], посвященной семьям рабочих с острова Шиппи в Кенте, говорит о расколе, существующим между домами рабочих-богачей и рабочих-бедняков. У первых два или более члена семьи имеют стабильную работу; как правило, такие люди имеют собственные дома и живут весьма комфортно. Бедняки же вынуждены бороться хотя бы за то, чтобы сводить концы с концами.

В целом, следует согласиться с тем, что стратификация внутри рабочего класса, как и межклассовая, сегодня определяется не только профессиональными различиями, но и различиями в потреблении и образе жизни. Современные общества — во многом общества потребления, неразрывно связанные с приобретением материальных благ. В некотором смысле общество потребления — это «массовое общество», в котором классовые различия в известной степени преодолены, и выходцы из разных классов смотрят одни и те же телевизионные передачи. Однако, с другой стороны, вариации «вкуса» и стиля жизни могут усугублять классовые различия[17].

---

[15] *Goldthorpe J.* Affluent Worker. 3 Vols. Cambridge, 1968–69.

[16] *Pahl R. E.* Divisions of Labour. Oxford, 1984.

[17] *Bourdieu P.* Distinction. Harvard, 1986.

Гендер и стратификация

В течение многих лет исследования по стратификации страдали своеобразной слепотой в отношении роли, которую играют половые различия. Авторы писали свои труды так, будто женщин не существовало, или будто они считали, что при анализе неравенства в обладании властью, богатством и престижем женщины не играли никакой роли и не представляли ни малейшего интереса. Однако гендер сам по себе является одним из ярчайших примеров стратификации. Нет таких обществ, в которых в ряде сфер социальной жизни мужчины не обладали бы большим богатством, влиянием и статусом, чем женщины.

Классовое деление и гендер

Одна из важнейших проблем, стоящих перед современными исследователями гендера и стратификации, заключается в следующем: насколько гендерные различия могут быть представлены в терминах классового деления. Гендерные различия имеют более глубокие исторические корни, чем классовые системы; мужчины находились в преимущественном положении даже во времена древних охотников и собирателей, то есть в бесклассовых сообществах. Однако в современном обществе классовые различия настолько значимы, что, вне всякого сомнения, «перекрывают» гендерные. Материальное положение большинства женщин, как правило, отражает положение их отцов и мужей, и это дает основания утверждать, что сегодня мы должны объяснить гендерные различия через понятия классов.

Эта точка зрения была весьма удачно сформулирована Фрэнком Паркином:

> Безусловно, статус женщин влечет за собой множество минусов в самых разных областях социальной жизни, включая возможности трудоустройства, наличия собственности, размер зарплаты и т. д. Однако рассматривать этих различия, связанные с половой принадлежностью, в качестве одной из составляющих стратификации, не очень полезно. Для подавляющего большинства женщин распределение социальных и экономических благ определяется прежде всего положением их семей и, в особенности, мужей. Конечно, сегодня для статуса женщин характерны общие черты, обусловленные их половой принадлежностью, однако их отношение к социально-экономическим ресурсам определяется, как правило, не их собственным положением или родом занятий, а положением и профессией их отцов и мужей. И если жены и дочери неквалифицированных рабочих имеют что-то общее с женами и дочерьми богатых землевладельцев, то, без сомнения, различия между ними гораздо более очевидны. Только тогда мы с полным правом сможем считать пол важным аспектом стратификации, когда недостатки и ущербность, связанные со статусом женщины, покажутся столь значительными, что превзойдут в наших глазах классовые различия.[18]

Считается, что женщины более ограничены сферой «частной жизни», их удел — семья, дети и дом. С другой стороны, мужчины в большей степени принадлежат «общественной сфере», где берут свое начало властные и имущественные различия. Их мир — оплачиваемая работа, производство и политика[19].

Точка зрения, согласно которой именно классовые различия определяют в основном гендерную стратификацию, существовала достаточно долго, однако сегодня

[18] *Parkin F.* Class Inequality and Political Order. London, 1971.

[19] *Elshtain J. B.* Public Man, Private Woman. Princeton, 1981.

это утверждение стало предметом дискуссии. Джон Голдторп выступил с защитой «традиционного подхода» в классовом анализе, согласно которому оплата работы женщин весьма незначительна по сравнению с оплатой работы мужчин, и поэтому женщин можно причислить к тому же классу, что и их мужей[20]. Голдторп подчеркивает, что эта точка зрения не является отражением идеологии сексизма. Напротив, обнаруживается подчиненное положение многих работающих женщин. Женщины чаще, чем мужчины, имеют неполный рабочий день, зачастую их карьера прерывается, поскольку они вынуждены надолго оставлять работу для ухода за детьми. Большинство женщин находятся в экономической зависимости от мужей, и поэтому их классовая принадлежность чаще всего определяется классовым положением мужа.

Аргументы Голдторпа могут быть подвергнуты критике по нескольким направлениям. Во-первых, во многих семьях зарплата женщин является значительным вкладом в поддержание экономической стабильности семьи и ее образа жизни. Во-вторых, занятость жены может оказывать влияние на положение мужа, а не только наоборот. Хотя женщины редко зарабатывают больше своих мужей, работа жены может быть «ведущим» фактором для определения классовой принадлежности мужа. Подобная ситуация может, например, иметь место, если муж — неквалифицированный или полуквалифицированный рабочий, а жена, скажем, управляющая в каком-нибудь магазине. Тогда положение жены обуславливает положение семьи в целом.

В-третьих, во множестве семей наблюдается как бы «пересечение классов», когда работа мужа относится к более высокой классовой категории, чем работа жены, или (что случается реже) наоборот. Отношения такого рода практически не исследовались, и поэтому мы не можем быть уверены в правильности той точки зрения, что именно работа мужа является определяющим фактором. В некоторых случаях целесообразно и реалистично рассматривать членов одной семьи в качестве представителей различных классов. В-четвертых, возрастает доля семей, в которых единственным кормильцем является женщина. За счет алиментов женщина может иметь доход, уравнивающий ее экономический уровень с уровнем бывшего мужа, что оказывает определяющее влияние на ее собственное классовое положение.

Недавние исследования подтверждают вывод о том, что экономическое положение женщины нельзя попросту «вывести» из положения ее мужа. Исследования, проведенные в Швеции, продемонстрировали, что семьи с «пересечением классов» распространены достаточно широко[21]. В большинстве случаев более высокую должность занимает муж, хотя бывает и наоборот. Исследование показало, что люди в подобных семьях имеют тенденцию вводить элементы разных классовых позиций во внутрисемейные отношения. Например, решение о том, кто останется дома с больным ребенком, принималось в соответствии с классово-гендерной ситуацией в данной семье: если жена занимала более высокое служебное положение, чем муж, то эта обязанность падала на мужа.

Изучение положения женщин в работах по стратификации

Женщины редко оказываются непосредственным объектом исследований, посвященных анализу рода занятий и профессиональной занятости. Если о них и говорит-

[20] *Goldthorpe Jonh H.* Women and class analysis: in defence of the conventional view // Sociology, 17. 1983.

[21] *Leiuffsrud H. and Woodward A.* Women at class crossroads: repudiating conventional theories of family class // Sociology, 21. 1987.

ся, то значительно меньше, чем о деятельности и взглядах мужчин. Рослин Филдберг и Эвилин Гленн выделяют две концептуальные модели, к которым прибегают в исследовании классовых и гендерных различий. Первая, *производственная*, используется в основном применительно к мужчинам, вторая, *гендерная*, преимущественно к женщинам[22]. Производственная модель строится на предположении, что базовые социальные отношения определяются работой, что мужчина является главой семьи и что на жизнь человека основное влияние оказывают работа и заработок. Гендерная модель также принимает во внимание главенство мужчины в семье, но в качестве основных социальных отношений в ней предстают семейные, а не производственные. Исполнение семейных ролей рассматривается как ключевой момент человеческой жизни.

Анализируя некоторые широко известные исследования занятости, Филдберг и Гленн показывают, что приверженность их авторов упомянутым моделям существенно искажает полученные ими выводы. В частности, они рассмотрели под этим углом зрения работу Роберта Блаунера «Отчуждение и свобода»[23]. В исследовании Блаунера проводилось сравнение мужчин и женщин, работающих в текстильной промышленности. Работа, которой занимались опрошенные, была в основном неинтересной и рутинной. К женщинам предъявлялись более высокие требования, поскольку их труд был больше связан с машинами и это заставляло постоянно поддерживать напряженный ритм работы. Однако, имея более тяжелые по сравнению с мужчинами условия труда, женщины не высказывали большего недовольства. Блаунер объясняет это тем, что работа, по-видимому, не играет главной роли в их жизни, для них главное — роль матери и жены. Другими словами, он интерпретирует это поведение в рамках гендерной модели. Никаких доказательств такой интерпретации Блаунер не приводит, хотя в отношении мужчин им собрана самая детальная информация. Читатель не найдет в книге Блаунера сведений о том, какова была доля матерей и домашних хозяек среди обследованных им женщин, в чем заключались их домашние обязанности. Считалось, что на женщин выполняемая работа не оказывает влияния, тогда как, если речь заходила о мужчинах, проводился кропотливый анализ того, как они относятся к своей работе. Филдберг и Гленн делают следующие выводы:

> В ситуации, когда одинаково правдоподобными могут быть несколько объяснений, предпочтение отдается тому из них, которое ближе всего к гендерной или производственной моделям, причем без каких-либо аргументов... поиск альтернатив на этом заканчивается. Модели предлагают уже готовое объяснение, и исследователь идет по пути наименьшего сопротивления. Искажения, вносимые таким подходом, весьма серьезны. Но еще важнее то, что при этом задается неверное направление целого ряда исследований. Производственно-гендерная парадигма становится базовой, определяющей предмет изучения.

Сложности в изучении гендера и стратификации

В настоящее время не существует достаточно приемлемых концепций, в рамках которых могли бы эффективно анализироваться проблемы гендера и стратификации. Необходимы как теоретические, концептуальные инновации, так и переориен-

[22] *Feldberg R.* and *Glenn E. N.* Male and Female: Job versus gender models in the sociology of work. In: *J. Siltannan* and *M. Stanworth*. Women and the Public Sphere: A Critique of Sociology and Politics. London, 1984.

[23] *Blauner Robert*. Alienation and Freedom. Chicago, 1964.

тация эмпирических исследований. Модели Филдберг и Гленн выявляют давно существующие ошибки в анализе классовой и семейной сфер. При исследовании стратификации все внимание уделялось мужчинам, а их семьи рассматривались в качестве некоего «приложения». В тех случаях, когда социологи изучали положение женщин, в поле их зрения практически всегда попадала частная сфера — дом и семья. До сих пор почти ничего не известно о связи между семейной жизнью женщин и их работой.

Однако исследования в этом направлении уже начинаются. Кэтлин Герсон изучала, как женщины делают выбор между работой, карьерой и материнством[24]. За последнюю четверть века образ домохозяйки, обычно связываемый с женщиной, начал меняться. Появилась «недомашняя женщина», бросившая вызов привычной «домохозяйке». Традиционный дом с женой-домохозяйкой и мужем-кормильцем становится уделом меньшинства нынешних британских семей.

Герсон различает четыре пути, по которым может следовать женщина в своей жизни. Некоторые по-прежнему предпочитают *традиционный* путь. Они обретают себя в материнстве. Материнство заменяет им карьеру, в нем они находят удовлетворение. Работают они лишь эпизодически, если это вообще случается. Другая часть женщин выбирает промежуточный путь между традиционными ориентациями и хорошо оплачиваемой работой. Они испытывают *возрастающее желание работать*, и в то же время имеют *двойственное отношение к материнству*. Как правило, эти женщины выходят замуж в ранней молодости, но затем либо разочаровываются в браке, либо разводятся, и через несколько лет начинают искать работу. Третья группа идет по *нетрадиционному* пути. Такие женщины с самого начала знают, что они хотят сделать карьеру, поэтому стараются обеспечить себе соответствующие домашние условия. В прежние времена большинство из них отступили бы и пожертвовали карьерными амбициями ради семьи и детей. Сегодня для женщин считается допустимым более решительное мировоззрение, хотя они понимают, что совместить успешную карьеру и семейную жизнь для них гораздо сложнее, чем для мужчин. Четвертый тип представляют женщины, у которых *потеряно стремление к работе*, дом представляется им раем. В начале трудовой жизни они питали большие надежды, но эти надежды не оправдались, и семья становится утешением. Таким образом, на предпочтения женщин влияет сложный комплекс различных ориентаций, чувств и жизненного опыта.

Социальная мобильность

Изучая стратификацию, мы должны учитывать не только различия между возможными экономическими или профессиональными положениями, но и то, что происходит с людьми, занимающими эти положения. Термин **социальная мобильность** обозначает перемещение отдельных людей или групп по социально-экономическим позициям. **Вертикальная мобильность** означает движение вверх или вниз по социоэкономической шкале. Про тех, кто приобретает новую собственность, чьи доходы и статус повышаются, говорят, что для них характерно социальное продвижение, *восходящая мобильность*, а о тех, чье положение изменяется в противоположном направлении, — *нисходящая мобильность*. В современных обществах распространена также **горизонтальная мобильность**, которая означает географическое перемещение между районами, городами и т. д. Вертикальная и горизонтальная мобильности нередко

[24] *Gerson K.* Hard Choices: How Women Decide about Work, Career and Mother Hood. Berkeley, 1985.

сочетаются. Например, человека, состоящего на службе в компании, переводят на более высокую должность в отделение фирмы, расположенное в другом городе или даже стране.

Существует два пути изучения социальной мобильности. Прежде всего, мы можем наблюдать за чьей-нибудь карьерой — следить, насколько человек продвинулся вверх или опустился вниз по социальной шкале в течение своей профессиональной жизни. Это обычно называется **интрагенерационной мобильностью**, т. е. мобильностью в пределах поколения. С другой стороны, мы можем анализировать, как часто дети в выборе профессии следуют примеру родителей или дедов. Мобильность, охватывающая различные поколения, называется **интергенерационной мобильностью.**

Сравнительные исследования мобильности

Степень вертикальной мобильности общества — главный индикатор его «открытости», показывающий, насколько велики шансы талантливых людей из низших слоев общества достичь верхних ступеней социально-экономической лестницы. Насколько «открыты» современные индустриальные страны в терминах социальной мобильности? Действительно ли Великобритания является идеалом общества равных возможностей? Исследования социальной мобильности проводятся более пятидесяти лет, при этом нередко сравниваются различные страны. Одна из первых работ в этой области была опубликована в 1927 году и принадлежала Питириму Сорокину. Сорокин рассмотрел множество разнообразных обществ, включая древнеримское и древнекитайское, и впервые провел детальное изучение мобильности в Соединенных Штатах. Он пришел к выводу, что возможности быстрого восхождения в США были гораздо более ограниченными, чем это было принято изображать в американском фольклоре. Однако для сбора данных Сорокин использовал достаточно примитивные методики.

Исследование, проведенное спустя сорок лет Питером Блау и Отисом Дадли Данкэном, было гораздо более совершенным и обстоятельным[25]. До сих пор оно остается самым детальным анализом мобильности внутри одной страны. (Следует отметить, что этой работе, как и большинству других исследований мобильности, присуща та ограниченность, о которой мы уже говорили, — анализ затрагивал только мужчин.) Блау и Данкэн собрали материал по общенациональной выборке из 20 000 мужчин. Они пришли к выводу, что в Соединенных Штатах вертикальная мобильность развита достаточно сильно, но почти все перемещения осуществляются в рамках близких профессиональных позиций. «Дальние» социальные перемещения встречаются редко. Хотя и в карьере отдельных людей, и при переходе к следующему поколению может происходить понижение социального ранга, социальный рост, тем не менее, наблюдается гораздо чаще. Причина кроется в том, что число рабочих мест для «белых воротничков» и квалифицированных специалистов росло быстрее, чем для «синих воротничков», что и дало возможность детям рабочих перейти в разряд «белых воротничков».

Возможно, самым известным международным исследованием социальной мобильности была работа Сеймура Мартина Липсета и Рейнхарда Бендикса[26]. Они анализировали данные по девяти индустриальным странам — Великобритании, Франции, Западной Германии, Швеции, Швейцарии, Японии, Дании, Италии и Соединенным Штатам. Их в основном интересовало перемещение мужчин из

[25] *Blau Peter M.* and *Otis Dudley Duncan*. The American Occupational Structure. New York, 1967.

[26] *Lipset S. M.* and *Bendix R.* Social Mobility in Industrial Society. Berkeley, 1959.

разряда «синих воротничков» в «белые воротнички». Вопреки собственным ожиданиям, они не обнаружили свидетельств того, что Соединенные Штаты в этом отношении более открыты, чем европейские общества. Показатель вертикальной мобильности «синих воротничков» в «белые» составил в Соединенных Штатах 30%, в других странах он варьировался от 27 до 31%. Липсет и Бендикс сделали вывод, что число рабочих мест для «белых воротничков» сходным образом увеличивается во всех индустриальных странах. В результате «волна восходящей мобильности» растет в них примерно в одинаковой степени. Однако этот вывод встречает возражения, основанные на том, что при более пристальном изучении нисходящей мобильности и дальних социальных перемещений (т. е. кардинальных изменений профессиональной ориентации) выявляются существенные различия между странами. Например, дальние социальные перемещения чаще наблюдаются в странах Восточной Европы, чем на Западе. Но в целом в характерах мобильности между странами обнаруживается больше сходства, чем различий[27].

Роберт Эриксон и Джон Голдторп весьма основательно изучили межнациональные сходства и различия характера мобильности в обществах Западной и Восточной Европы[28]. Они исследовали девять стран, в том числе Англию и Уэльс, Францию, Швецию, Венгрию и Польшу. Результаты продемонстрировали общее сходство характера и степени мобильности, но удалось выявить и некоторые существенные различия. Швеция, например, гораздо более открыта, чем другие западные страны. Польша также показала высокий уровень мобильности, существенно более высокий, чем Венгрия.

Существует один аспект социальной мобильности, по которому Соединенные Штаты отличаются от других западных стран. Это высокий показатель перехода «синих воротничков» в разряд квалифицированных специалистов. Главная причина состоит в том, что за последние 30–40 лет число организаций, использующих высококвалифицированный труд, росло в США гораздо быстрее, чем в любой европейской стране, и это увеличивало шансы людей скромного происхождения.

Нисходящая мобильность

Хотя понижение социального статуса встречается реже, чем его повышение, тем не менее нисходящая мобильность — все еще широко распространенное явление. Около 20% населения Великобритании подвержены ей в процессе смены поколений (интергенерационная мобильность), хотя по большая части это «короткие» социальные перемещения. Существует также интрагенерационное понижение статуса. Именно этот тип нисходящей мобильности чаще всего порождает психологические проблемы, поскольку люди теряют возможность поддерживать привычный образ жизни. Увольнение с работы — одна из основных причин нисходящей мобильности. Если человек среднего возраста теряет работу, то ему трудно найти новое место, или он находит более низкооплачиваемую работу.

Среди тех, кто движется вниз, много женщин. Многие из них прерывают карьеру из-за рождения ребенка. Через несколько лет, когда дети подрастут, женщины возвращаются на работу, но при этом на более низкую должность, чем имели до

---

[27] *Miller S. M.* Comparative Social Mobility // Journal of Current Sociology, 9. 1960; *Miller M.* A comment: the future of social mobility studies // American Journal of Sociolgy, 77. 1971.

[28] *Erikson Robert* and *John J. Goldthorpe*. National variation in social fluidity // CASMIN project working paper, no. 9. 1986.

ухода, например, на менее оплачиваемую работу с неполным рабочим днем. Эта ситуация меняется, но не так быстро, как многим хотелось бы.

Таким образом, все опубликованные работы ясно свидетельствуют, что уровень мобильности не соответствует идеалам общества равных возможностей. В Великобритании, например, как и везде, большинство людей остается на том же уровне, что и родители. Если многие все же повышают свой социальный ранг, то это объясняется чаще всего изменениями в структуре занятости, а не равенством возможностей.

Возможности для социальной мобильности

Многие люди верят, что каждый может достичь вершины, если будет усердно работать; цифры, однако, свидетельствуют, что преуспевают очень немногие. Почему же это так трудно? В каком-то смысле ответ прост. Даже в самом динамичном обществе, где каждый имеет равные шансы на достижение высших позиций, лишь меньшинство может сделать это реально. Социально-экономический порядок общества напоминает пирамиду, где число высших позиций, связанных с властью, богатством или влиянием, относительно невелико. В Великобритании из 55 миллионов населения не более двух–трех тысяч тех, кто может стать директором одной из двухсот крупнейших корпораций.

Помимо этого, те, кто обладает богатством и властью, имеют много возможностей удержать их в своих руках и передать своим потомкам. Безусловно, они дадут детям лучшее образование, которое открывает дорогу к лучшей работе. Богатые, несмотря на налоги на имущество и наследство, находят способы передать изрядную долю своей собственности наследникам. Большинство из тех, кто достигает вершины, имели преимущества на старте и происходили либо из состоятельных семей, либо из среды квалифицированных специалистов. Исследования, посвященные людям, ставшим богатыми, показывают, что почти никто из них не начинал с нуля. Подавляющая часть использовала полученное наследство или имела первоначальный капитал, пусть небольшой, который затем удавалось увеличить.

В 1980-х годах Вильям Рубинштейн провел интереснейшее исследование британских миллионеров[29]. Его работы основаны на изучении судеб людей, умерших в 1984–1985 годах и оставивших после себя не менее миллиона фунтов (получить надежную информацию о здравствующих миллионерах практически невозможно). Рубинштейн выяснил, что 42% из них составляли те, чьи родители были крупными бизнесменами или землевладельцами. 29% были детьми профессионалов высшей квалификации и пользовались материальной поддержкой родителей. 43% миллионеров получили по наследству более 100 тысяч фунтов каждый, а еще 32% — от 10 до 100 тысяч. Таким образом, в Великобритании по-прежнему самый надежный способ разбогатеть — это родиться богатым.

Социальная мобильность в Великобритании

Социальная мобильность в Великобритании изучалась достаточно интенсивно в послевоенный период, хотя опять-таки исследования касались исключительно мужчин. Первая такая работа была проведена под руководством Дэвида Гласса[30]. Он проанализировал интергенерационную мобильность за долгий период, заканчивая 50-ми годами. Полученные результаты согласуются с международными данными (около

[29] *Rubinstein W. D.* Wealth and Inequality in Britain. London, 1980.

[30] *Glass David* (ed.). Social Mobility in Britain. London, 1954.

30% составляет переход «синих воротничков» в разряд «белых»). Исследование, проведенное Глассом, давало прекрасный материал для международных сравнений. Он подтвердил, что, хотя масштабы мобильности довольно значительны, «дальность» социальных перемещений ограничена. Восходящая мобильность наблюдается много чаще, чем нисходящая, и характерна в основном для средних слоев классовой структуры. Люди из социальных низов, как правило, оставались на том же уровне. Почти 50% сыновей специалистов и управленцев заняли те же должности, что и их родители.

Следующее исследование, оказавшееся наиболее масштабным, осуществил Джон Голдторп с коллегами в Оксфорде в 1972 году[31]. Они задались целью выяснить, насколько изменился характер социальной мобильности со времен Гласса, и обнаружили, что уровень мобильности мужчин в целом вырос, причем существенно увеличилась доля дальних социальных перемещений. Однако причина состояла не в том, что производственная система стала более эгалитарной. Корень перемен лежал в ускоренном росте числа мест для «белых воротничков» по сравнению с вакансиями для рабочих. Исследователи обнаружили, что две трети сыновей неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих были, как и их отцы, заняты ручным трудом. Около 30% специалистов и управленцев вышли из рабочего класса, тогда как лишь 4% рабочих происходили из семей управленцев и специалистов.

В исследовании Энтони Хита (хотя полученные им данные и не совсем полные) показано, что возможности женщин в процессе социальной мобильности весьма ограничены — у них почти нет шансов занять управленческие или профессиональные должности[32]. Более половины дочерей квалифицированных специалистов и управленцев выполняют рутинную конторскую работу, и не более 8% из них находятся на должностях, сравнимых с положением их отцов. Только 1,5% женщин из семей рабочих занимают должности специалистов и менеджеров, в то время как 48% — обычные конторские служащие.

Упомянутое выше оксфордское исследование было повторено на основе материалов, собранных десять лет спустя. При этом не только были подтверждены основные результаты предыдущей работы, но и обнаружены некоторые изменения. Например, шансы мальчиков из рабочих семей стать управленцами и квалифицированными специалистами увеличились. Как и прежде, это явилось результатом изменения структуры занятости — наметилось уменьшение числа рабочих мест, в то время как число должностей квалифицированных специалистов и управленцев росло. Нисходящая мобильность стала еще меньше, чем по данным предыдущего исследования. Однако увеличилось число безработных мужчин, выходцев из рабочего класса, что отражает массовую безработицу начала 70-х.

Сложности в изучении социальной мобильности

Изучение социальной мобильности сопровождается рядом проблем. Неясно, например, всегда ли корректно мы поступаем, когда перемещение из среды рабочего класса в разряд «белых воротничков» квалифицируем как движение «наверх». Экономическое положение квалифицированных рабочих может быть более выгодным, чем у многих «белых воротничков», выполняющие конторскую работу. Характер работы со временем меняется, и далеко не всегда сохранение названия профессии свидетельствует о том, что ее суть также осталась прежней. Работа клерка, например,

[31] *Goldthorpe J. H.* et al. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford, 1980.

[32] *Heath A.* Social Mobility. London, 1981.

существенно изменилась благодаря механизации конторского дела. Другая сложность состоит в том, что при изучении сравнительной мобильности поколений трудно решить, какой этап карьеры необходимо взять для сравнения. Родители могут находиться еще в середине своей карьеры, когда их ребенок начнет собственную трудовую жизнь; родители и дети могут передвигаться в одном направлении или в разных (что бывает реже). Должны ли мы их сравнивать их социальное положение в начале или в конце карьеры?

Все эти трудности в некоторой степени разрешимы. Можно изменить категорию, к которой относили конкретную профессию, если станет ясно, что характер работы, выполняемой в рамках этой профессии, принципиально изменился. Например, мы можем решить объединить высшие слои «синих воротничков» с «белыми воротничками», занимающимися рутинной работой, и изучать их мобильность в целом. Проблему сравнения карьер поколений можно разрешить (если позволят данные), соотнося социальное положение родителей и детей в начале и в конце их карьеры. Однако и эти приемы не всегда совершенно удовлетворительны. Так, например, всякие «точные цифры» следует воспринимать очень и очень осторожно. На основании исследований мобильности можно делать только общие выводы, особенно в том случае, когда проводятся международные сравнения.

Ваши собственные шансы в мобильности

Что полезное из результатов исследования мобильности может почерпнуть для себя человек, пытающийся найти хорошую работу в конце 90-х годов? Как и предшествующие поколения, вы, если только не происходите из привилегированного социального слоя, скорее всего будете двигаться наверх. Возможно, доля рабочих мест для менеджеров и специалистов будет продолжать расти быстрее, чем мест нижнего уровня (об изменениях в структуре занятости см. главу 15, «Труд и экономическая жизнь»). «Пустые места» скорее всего заполнят те, кто преуспел, получая образование.

Позиций с высоким статусом на всех желающих не хватит, и некоторые вынуждены будут признать, что реальная карьера не отвечает их ожиданиям. Хотя доля мест для профессионалов и управленцев возрастает, но общее число таких мест в экономике относительно невелико по сравнению с количеством людей, активно ищущих работу. Одна из причин заключается в том, что растет число женщин, соревнующихся с мужчинами за право занять ограниченное число таких рабочих мест. Другая причина (последствия которой пока еще трудно полностью оценить) — увеличение использования в производстве информационных технологий. Поскольку компьютерная техника позволяет теперь выполнять задачи, в том числе и очень сложные, которые раньше были доступны только людям, возможно, и даже очень вероятно, что в будущем мы столкнемся с исчезновением многих профессий.

Если вы женщина, то, хотя ваши шансы на осуществление хорошей карьеры возросли, вы столкнетесь с двумя препятствиями. Мужчины — работодатели и менеджеры — по-прежнему с предубеждением относятся к женским кандидатурам. Это отчасти объясняется их убежденностью в том, что «женщины по-настоящему не заинтересованы в карьере» и что они скорее всего уйдут с работы, как только заведут семью. Последнее обстоятельство и в самом деле существенно влияет на шансы женщин, так как им нередко приходится делать выбор между карьерой и детьми. Мужчины, как правило, уклоняются от домашних обязанностей и ухода за детьми. И хотя сегодня гораздо больше женщин следуют по «нетрадиционному

пути», описанному Герсон, то есть пытаются организовать свою семейную жизнь таким образом, чтобы она не мешала карьере, на их пути по-прежнему стоят серьезные препятствия.

Бедность и неравенство

В самом основании пирамиды классовой системы много людей (в том числе и в Великобритании), живущих в условиях бедности. Многие не имеют полноценного питания и живут в антисанитарных условиях, ожидаемая продолжительность жизни у них меньше, чем у большинства населения. Тем не менее, состоятельные люди чаще всего игнорируют существование бедняков.

Бедность — явление не новое. В 1889 году Чарльз Бут опубликовал работу, в которой показал, что около 1/3 жителей Лондона живут в условиях нищеты. Эта работа вызвала бурную общественную реакцию. Как могло случиться, что в самой богатой по тем временам стране мира, центре мощной империи бедность стала уделом столь многих? Работа Бута была взята на вооружение его однофамильцем, генералом Армии Спасения Уильямом Бутом. Его книга «Во мраке Англии и путь к спасению» (1970, первое издание 1890) открывается данными, почерпнутыми из работы Чарльза Бута, которые свидетельствуют, что в Лондоне 387 тысяч «очень бедных» жителей, 220 тысяч «недоедают», 300 тысяч «голодают». За год было продано почти четверть миллиона экземпляров книги Уильяма Бута, настолько успешно он сумел овладеть вниманием публики. Он полагал, что бедность можно уменьшить при помощи практических программ реформ и благотворительности.

Через 70 лет подобный случай имел место в Соединенных Штатах. Майкл Харрингтон в своей книге «Другая Америка» потряс сограждан тем фактом, что многие миллионы американцев настолько бедны, что не в состоянии обеспечить себе даже минимальный уровень жизни[33]. Книга Харрингтона стала бестселлером. Позднее президент Линдон Б. Джонсон провозгласил «безоговорочную войну с бедностью», целью которой стало «искоренить парадоксальное наличие бедности посреди изобилия». К этому времени Соединенные Штаты давно уже стали богатейшей страной мира, сменив и далеко обогнав в этом качестве ту Великобританию, какой она была во времена двух Бутов. Тем не менее, значительная часть населения продолжала существовать в условиях, не позволяющих иметь нормальное питание, жилье и здоровье. «Война с бедностью», объявленная Джонсоном, была призвана достичь, наконец, ту цель, которую Уильям Бут обозначил тремя поколениями ранее.

Война с бедностью

После объявления «войны с бедностью» в Соединенных Штатах начался крупномасштабный рост расходов на социальные нужды. За десять лет (с 1965 по 1975 год) они возросли с 77,2 до 286,5 миллиардов долларов в год, то есть увеличились на 400%. Это увеличение дало положительные результаты в борьбе с бедностью, хотя ожидания, связанные с новыми программами, оказались чересчур оптимистичными. В 1972 году, как показали данные официальной статистики, число неимущих упало до самого низкого за послевоенный период значения. Количество людей, находящихся ниже официальной черты бедности, сократилось с 40 до 23 миллионов человек.

[33] *Harrington M.* The other America. New York, 1963.

Правда, затем число бедняков снова начало расти, причем особенно резко в первые годы пребывания у власти администрации Рейгана.

Успех начатых программ был ограниченным. Например, программа «Корпус труда» («Job Corps») была предназначена для того, чтобы безработные приобрели профессии, пользующиеся спросом на рынке труда. Однако для большинства из них просто не было свободных мест, а спад производства, начавшийся в 70-х годах, еще более сократил возможности трудоустройства. Программы «Хороший старт» («Head Start») и «Совместные действия» («Community Action») действительно принесли некоторые результаты, но они были непопулярны среди отдельных групп белых рабочих.

Государственные пособия и социальные пенсии лишь частично попадали к тем, кому они предположительно предназначались. Сегодня в США почти 2/3 бедняков пенсионного возраста расписываются в получении какой-либо социальной помощи, но лишь одна треть получает выплаты наличными. Даже в самый разгар войны с бедностью социальное обеспечение в США было гораздо более фрагментарным, чем в большинстве западных стран. Более того, часто помощь доставалась относительно благополучным, а не самым бедным. Одна пятая часть населения с самыми низкими доходами получала только 30% пособий из фондов социального обеспечения, фондов ветеранов, а также через страховки по безработице.

Что такое бедность?

Как определить, что такое *бедность*? Обычно проводят различие между *прожиточным минимумом*, или **абсолютной бедностью**, и **относительной бедностью**. Чарльз Бут был одним из первых, кто предпринял попытку установить и обосновать величину прожиточного минимума при абсолютной бедности, то есть ту грань, ниже которой отсутствуют основные средства обеспечения физического существования человека — питание и кров, без которых невозможно нормальное функционирование организма. Бут полагал, что такие потребности должны быть более или менее одинаковыми для людей определенного возраста и телосложения, независимо от страны, где они живут. Эта концепция до сих пор чаще всего используется при анализе бедности во всем мире.

В определении бедности через прожиточный минимум кроется возможность различных ошибок, особенно если при этом задается только уровень дохода. До тех пор, пока мы пользуемся каким-либо одним критерием бедности, даже относительно надежным и позволяющим вводить определенные поправки, это, как правило, ведет к тому, что часть населения, согласно этому критерию, оказывается выше черты бедности, тогда как ее фактический доход не удовлетворяет даже самых элементарных нужд[34]. Например, в некоторых районах страны жизнь может быть гораздо дороже, чем в других. Кроме того, при расчетах прожиточного минимума не учитывается общее повышение уровня жизни. Реальные критерии бедности должны строиться с учетом поправок на изменения норм и представлений в условиях экономического роста. Большинство людей на Земле живет в домах (или хижинах), в которых нет ванны или душа, тогда как водопровод в наши дни является неотъемлемой принадлежностью индустриального общества. Не менее сложна и задача определения характеристик относительной бедности. В качестве критерия используется тот же уровень дохода, но этот показатель лишь маскирует различия фактических потребностей людей.

[34] *Holman R.* Poverty: Explanations of Social Deprivation. Oxford, 1978.

Бедность сегодня

В отличие от Соединенных Штатов, где официально установлена «черта бедности», в Великобритании не существует государственного определения бедности как таковой, поэтому на практике в качестве критерия выступает тот уровень дохода, который необходим для выплаты «дополнительного пособия» (уровень ДП). По данным Министерства здравоохранения и социальной защиты, согласно этому критерию в 1986 году к числу бедных было отнесено 9 миллионов человек, или 17% населения страны. Последнее крупное исследование бедности в Великобритании было опубликовано Питером Таунсендом в 1979 году. Таунсенд попытался охарактеризовать бедность как отсутствие возможности обеспечить «обычные или общепринятые в данном обществе условия существования и удобства»[35]. Используя это определение, он подсчитал, что более чем половине британцев на той или иной стадии своей жизни (особенно в старости) придется столкнуться с бедностью. Таунсенд подвергся критике за использование понятия «бедность» в слишком широком смысле, однако его вывод о том, что относительная бедность распространена гораздо шире, чем принято думать, стал общепризнанным. Со времени этого исследования процент населения, живущего, согласно критерию ДП, в условиях бедности, скорее вырос, чем сократился.

Итак, кто попадает в число бедных? Вероятнее всего, в эту группу могут попасть люди из следующих категорий: частично занятые, безработные, люди старшего возраста, больные и инвалиды, члены больших семей или семей, где только один родитель. Хотя в течение столетия средняя заработная плата значительно возросла, более полумиллиона работающих получают зарплату ниже уровня, необходимого для получения «дополнительного пособия» (уровня ДП). Более половины пенсионеров по старости также живут ниже этого уровня. Многие сравнительно обеспеченные люди по выходе в отставку сталкиваются с резким сокращением дохода. Значительную долю бедных составляют неполные семьи, где глава почти всегда женщина. Высокий уровень безработицы 70–80-х годов, похоже, в ближайшем будущем не собирается снижаться, и продолжительное отсутствие работы ввергнет многие семьи в бедность (особенно те, главой которых являются женщины).

Средства массовой информации, как правило, усугубляют предубеждение, существующее в обществе по отношению к беднякам. Обзор материалов, появившихся в средствах массовой информации за последние шесть месяцев 1976 года, показал, что, когда речь шла о социальных программах, пособиях и пенсиях, в 30,8% случаев внимание публики фокусировалось на обременительной стороне социального обеспечения, а не на проблемах самих бедных[36]. «Дейли мейл» от 13 июля 1977 года на своих страницах сетовала на «огромное количество попрошаек», а «Дейли телеграф» в номере от 29 июля 1976 года поместила материал под заголовком «Как быть неудачником и получать деньги за ничегонеделание». На самом же деле исследователи обнаружили, что в 1975 году 930 000 имеющих основания для получения помощи (2/3 из них пенсионеры) не получило 240 миллионов фунтов «дополнительных пособий», на которые они имели законное право.

---

[35] *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom: A Survey of the Household Resources and Standard of Living. Harmondsworth, 1979.

[36] *Golding P.* and *Middleton S.* Images of Welfare: Press and Public Attitudes to Poverty. Oxford, 1982.

Почему бедные остаются бедными?

Некоторые общие механизмы, которые могут повлиять на уровень бедности, уже прочно укоренились. К их числу относятся хорошо организованные программы социального обеспечения, подкрепленные государственной политикой, активно направленной на сокращение безработицы. Некоторые страны — такие, как Швеция — добились того, что абсолютная бедность в них практически исчезла. Цена, которую общество должно было за это заплатить, включает не только высокие налоги, но и расширение бюрократических правительственных служб, обладающих изрядной властью. Рыночные механизмы усиливают имущественное неравенство, что наблюдалось в последние десятилетия в Великобритании. В основе политики правительства Маргарет Тэтчер лежала теория, согласно которой снижение налогов с индивидов и корпораций будет стимулировать экономический рост, плоды которого пожнут и бедные. Практика последних лет не подтвердила данный тезис. Та или иная экономическая политика может либо стимулировать, либо тормозить экономическое развитие, в любом случае непременным результатом становится усиление различий между бедными и богатыми, причем может наблюдаться даже рост числа абсолютно бедных.

Исследования показали, что большинство англичан считают, что бедные сами повинны в своем положении, и подозрительно относятся к тем, кто живет на подачки правительства. В то же время многие полагают, что люди, живущие на пособие, в состоянии найти работу, если бы они поставили перед собой такую цель. К сожалению, подобные взгляды никак не учитывают реалий проблемы бедности. Ведь около 1/4 тех, кто официально признан бедным, работают, но зарабатывают слишком мало, чтобы вырваться из нищеты. Остаются дети моложе четырнадцати лет, люди 65 лет и старше, а также больные и инвалиды. Несмотря на всеобщее убеждение, что многие стремятся получить пособие незаконно, всего лишь 1% требований признаются действительно незаконными, а это гораздо меньше, чем число налоговых нарушений, в результате которых казна недополучает около 10% положенных средств.

Низкая общественная осведомленность о масштабах бедности объясняется скорее «незаметностью» бедняков. Большинство представителей привилегированных слоев общества редко посещают городские районы или поселения, где сосредоточена беднота. Внимание общества регулярно привлекают ряд проблем, тесно связанных с бедностью, например, высокий уровень преступности, однако широко распространенное существование бедности остается незамеченным. Со времен Чарльза Бута общество периодически заново «открывает» для себя существование бедности, это открытие некоторое время будоражит умы — но затем общественный интерес быстро угасает.

Краткое содержание

1. *Социальная стратификация* обозначает деление общества на слои, или страты. Говоря о социальной стратификации, мы обращаем внимание на неравенство социального положения людей в обществе. Стратификация по гендеру и возрасту существует во всех обществах. Как в большинстве традиционных обществ, так

и в современных индустриальных странах стратификация рассматривается в понятиях богатства, собственности, характеризуется доступом к материальным благам и культурным ценностям.

2. Различают четыре основные системы стратификации: *рабовладельческую, кастовую, сословную* и *классовую*. Если первые три основаны на различиях, санкционированных религией или законом, то классовое деление «официально» не признается. Оно возникает вследствие влияния экономических факторов на материальные условия жизни людей.

3. Классы возникают в результате неравенства в обладании материальными ресурсами и контроле над ними. Классовая принадлежность каждого человека в определенной степени зависит от него самого, а не дается ему при рождении. Характерной чертой общества является *социальная мобильность*, как восходящая, так и нисходящая по классовой шкале.

4. Большинство людей в современных обществах гораздо богаче, чем были люди несколько поколений назад, даже при том условии, что распределение богатства и дохода остается крайне неравномерным. Богатые люди используют различные средства для передачи своей собственности следующим поколениям.

5. Маркс и Вебер являются авторами наиболее известных и признанных теорий стратификации. Маркс на первое место ставит *класс*, который он рассматривает в качестве объективной характеристики экономической структуры общества. Он обращает внимание на фундаментальный разрыв между владельцами капитала и рабочими, которые им не обладают. Вебер придерживается сходной точки зрения, но выделяет еще два аспекта стратификации — *статус* и *партию*. Статус соотносится с уровнем «социального уважения», присущего индивидам или группам, партия — с активной мобилизацией групп для достижения определенных целей.

6. Классы играют важную роль в жизни современных западных обществ, хотя их классовые системы весьма сложны. Большинство людей на Западе признают тот факт, что население подразделяется на *высший*, *средний* и *рабочий* класс и что *классовое сознание* весьма сильно.

7. Анализ стратификации обычно проводился с учетом лишь точки зрения, ориентированной на мужчин. Отчасти причиной этого было предположение, что неравенство, связанное с полом, является отражением классовых различий. Данная точка зрения вряд ли верна. В современных обществах влияние пола на стратификацию в определенной мере не зависит от класса.

8. При изучении социальной мобильности различают *интрагенерационную* и *интергенерационную* мобильности. Первая означает движение вверх или вниз по социальной шкале в течение трудовой жизни отдельного человека. Вторая отражает изменение социального статуса при переходе к следующему поколению, например, когда девушка или молодой человек из рабочей среды попадают в категорию специалистов. Социальная мобильность, как правило, носит ограниченный характер. Социальное положение большинства людей почти не отличается от положения их родителей, хотя рост вакансий для «белых воротничков» в последние десятилетия обеспечил восходящую мобильность, пусть и ограниченного радиуса действия.

9. Бедность остается широко распространенной даже в богатых странах. Существует два метода оценки бедности: первый связан с понятием «абсолютной бедности»,

который обозначает недостаток элементарных ресурсов для сохранения здоровья и нормального функционирования организма. Второй метод связан с понятием «относительной бедности», он включает оценку дистанций между условиями жизни некоторых групп и условиями жизни большинства населения.

Основные понятия

социальная стратификация
класс
статус
социальная мобильность

Важнейшие термины

рабство
каста
сословие
высший класс
средний класс
рабочий класс
крестьяне
средства производства
капиталисты
прибавочная стоимость
переходные классы
престиж
группы париев (отверженных)
противоречивая классовая позиция
социальный барьер
богатство
доход
низший класс
классовое сознание
вертикальная мобильность
горизонтальная мобильность
интрагенерационная мобильность
интергенерационная мобильность
абсолютная бедность
относительная бедность

Дополнительная литература

Anthony Heath. Social Mobility. London, 1981. Полезный общий обзор.
Frank Parkin. Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique. London, 1979. Работа, посвященная критике марксистской теории классов.
Peter Townsend. Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth: Penguin, 1979. Наиболее детальный общий обзор проблемы бедности в Великобритании.
Erik Olin Wright. Classes. London, 1985. Сложная дискуссия, посвященная проблеме классов и классовых взаимоотношений.

Глава 8

Этническая принадлежность и раса

В Японии существует группа людей, физически не отличающихся от остальных японцев, проживающих в этой стране сотни лет, имеющих ту же религию и, тем не менее, испытывающих враждебное или пренебрежительное отношение со стороны большинства жителей Японии. Истоки этой ситуации уходят в феодальные времена, когда в результате войн между местными правителями многих людей сгоняли с земли. Эти люди становились изгоями и бродягами, их называли «итэ», а позже — «барэкамин». Оба этих слова используются до сих пор, причем «итэ» более оскорбительно[1].

Изгоев заставляли заниматься черной работой, исполнение которой считалось унизительным. По местным религиозным верованиям, многие из таких видов деятельности считались нечистыми, и этот взгляд впоследствии распространился на людей, которые эту работу исполняли. Соответственно, эти люди подвергались систематической дискриминации со стороны большинства. Они жили в строго определенных поселениях, не имели права менять род занятий и могли вступать в брак только между собой. С модернизацией Японии, начавшейся во второй половине XIX века, «итэ» формально были уравнены в правах с остальным населением. Декрет императора провозглашал, что они становятся полноправными гражданами и получают разрешение выбирать любую профессию. Слово «итэ» исчезло из официального употребления, во многом так же, как «ниггер» — в Соединенных Штатах. Тем не менее, оно продолжало использоваться в качестве эпитета, а реальная практика дискриминации изменилась слабо. Барэкамины по-прежнему проживали в основном в определенных нищих районах, и могли получать лишь низкооплачиваемую, презираемую работу. Большая часть населения Японии считала, что брак с представителем этой группы является позором для семьи.

В наше время в стране, вознесшейся до положения третьей в мире экономической державы, барэкамины все еще остаются притесняемым меньшинством. Многие из них продолжают жить в тех же перенаселенных трущобах, где жили их предки. Даже жители ближайших нищих кварталов смотрят на них свысока. Количество смешанных браков по-прежнему невелико, и зачастую семьи проводят тщательную проверку родословной предполагаемого мужа или жены, чтобы убедиться в отсутствии предков из барэка. В последнее время возникли различные организации, старающиеся улучшить положение барэкаминов, но, тем не менее, предрассудки и дискриминация не ослабевают. О барэкаминах, как и прежде, широко распространено мнение, что они «тупы, не способны к высокоморальному поведению, агрессивны, импульсивны и не имеют ни малейшего понятия о гигиене и воспитании».

---

[1] *Dore Ronald* and *K. Aoyagi*. The Burakumin minority in urban Japan. In: *A. Rose* and *C. Rose* (eds). Minority Problems. New York, 1965.

Этнические группы, меньшинства и расы в плюралистических обществах

Случай с барэкаминами показывает, насколько глубокими и живучими могут быть предубеждения против представителей меньшинств даже при отсутствии у них каких-либо физических отличий от остального населения. К сожалению, длительные преследования меньшинств — слишком обычное для человеческой истории явление. В течение почти двух тысяч лет на христианском Западе евреи были объектом дискриминации и гонений, а самым ужасным примером жестоких репрессий против меньшинств стало уничтожение миллионов евреев в немецких концентрационных лагерях во время Второй мировой войны. Нацистская идеология объявила евреев расой, низшей по отношению к «арийским» народам Германии и северной Европы. Термин «арийский» первоначально относился к группе языков, на которых говорили люди различных рас, и был позже присвоен нацистами и их так называемыми «расовыми теоретиками» для обозначения характеристик, слабо или никак не связанных с реальностью.

Евреи в Германии, как и барэкамины в Японии, — это группы с явно выраженными *этническими* характеристиками. **Этническая принадлежность** характеризуется культурными обычаями и мировоззрением, выделяющими и обособляющими данную группу людей. Члены этнических групп считают себя отличающимися в культурном отношении от остальных социальных сообществ, и таким же образом воспринимаются остальными группами в обществе. Для выделения этнических групп может служить множество различных характеристик, но чаще всего используются язык, история или происхождение (реальное либо вымышленное), религия, стиль одежды и украшений. Этнические различия являются *полностью приобретенными*; подобная точка зрения кажется очевидной, но лишь до тех пор, пока мы не вспомним, насколько часто некоторые из таких групп рассматривались как «прирожденные властители» или, наоборот, как «недоумки», «наследственные лентяи» и т. д.

Большинство современных обществ включает огромное количество различных этнических групп. В Великобритании ярко выраженные этнические сообщества составляют ирландские, азиатские, вест-индийские, итальянские, греческие и другие иммигранты. Соединенные Штаты и бывший Советский Союз этнически гораздо более дифференцированы, чем Британия; США объединяет общины иммигрантов из всех уголков мира. Хотя в Советском Союзе русский язык был признан официальным, Россия составляет лишь часть страны; другие регионы имеют собственные языки и обычаи. В СССР насчитывалось более сотни этнических групп, к двадцати трем из которых принадлежит более чем по миллиону человек. В 1979 году, во время проведения очередной переписи, русские составляли 52% общего населения.

Многие общества в сегодняшнем мире, как индустриальные, так и неиндустриальные, являются **плюралистическими**. Плюралистические общества — такие, в которых существует несколько крупных этнических группировок, объединенных политически и экономически, но в других отношениях значительно отличающихся друг от друга. Впервые это понятие употребил антрополог Дж. С. Фарниолл в работе, посвященной Бирме и Яве:

> В Бирме и на Яве, вероятно, первое, что бросается в глаза приезжему — это смешение народов: европейцев, китайцев, индийцев и местных. Смешение в строжайшем смысле слова, потому что, смешиваясь, они не сливаются... это плюралистическое общество,

различные подгруппы которого живут бок о бок, но независимо, в рамках единого политического целого.[2)]

Большинство постколониальных стран представляют собой плюралистические общества, поскольку политическое объединение налагалось на широкий спектр существовавших ранее культур. Фактически, все современные государства в какой-то степени плюралистические; в Соединенных Штатах и Советском Союзе это выражено сильнее, чем в большинстве европейских стран.

Этнические различия редко «нейтральны». Они часто связаны со значительным неравенством в распределении богатства и власти, а также с противоречиями между этническими группами. Почему этнические различия так часто связаны с напряженностью и конфликтами? В чем причина этнических предрассудков и дискриминации? Почему в центре этнических противоречий часто (хотя ни в коем случае не всегда) стоят «расовые» различия? Неужели общества с высокой степенью плюрализма обречены на неравенство? На эти вопросы мы попытаемся ответить в данной главе. Сначала мы проанализируем природу этнических меньшинств и обсудим понятие «раса». В последующих разделах будет проведен анализ этнических различий и различных типов расовых отношений.

Меньшинства

Понятие *этнические меньшинства*, или просто **меньшинства**, широко используется в социологии и включает в себя более, чем просто количественные данные. В статистическом смысле существует множество меньшинств, например, рыжеволосые или люди, весящие больше 100 кг, но эти группы не являются меньшинствами с точки зрения социологии. Меньшинство, в социологическом понимании, обладает следующими чертами.

1. Его представители находятся в невыгодном положении по сравнению с другими вследствие **дискриминации** со стороны остальных. Говорят, что имеет место дискриминация, если одна группа людей лишена прав и возможностей, доступных другой группе. Например, домовладелец может отказать сдать комнату жильцу только потому, что тот родом из Вест-Индии.

2. Члены меньшинства испытывают некое чувство групповой солидарности, «принадлежности к единому целому». Столкновения с дискриминацией и предрассудками, как правило, усиливают чувства верности группе и единства интересов. Среди представителей меньшинств часто наблюдается тенденция воспринимать себя как людей, «отделенных» от большинства.

3. Этнические меньшинства обычно в какой-то степени физически и социально изолированы от остального общества. Как правило, они сосредоточиваются в определенных районах, городах или регионах страны. Браки между представителями меньшинств и большинством населения достаточно редки. В целях сохранения особенностей своей культуры члены меньшинств могут активно поощрять эндогамию (браки внутри группы).

Иногда высказывается предположение, что, поскольку социологическое понятие меньшинства мало связано с количественными данными, этническое меньшинство

[2)] *Furnivall J.* Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands India. New York, 1956. P. 304.

может, в определенных обстоятельствах, составлять большую часть населения. Например, в Южной Африке относительно малое количество белых жителей доминирует над значительно большим по численности населением черных. Однако использование понятия «меньшинство» в таких обстоятельствах кажется весьма противоречивым. Тот факт, что черное население составляет в Южной Африке подавляющее большинство, имеет решающее значение в общей социологической картине этого общества. Подобным же образом в дискуссиях о проблемах неравноправия в западном мире мы иногда слышим фразу «женщины и другие меньшинства», хотя женщины составляют больше половины населения. По-видимому, во избежание путаницы, стоит ограничить использование термина «меньшинство» только теми случаями, когда дискриминируемая группа не составляет основную часть населения.

Меньшинства всегда в какой-то степени этнически отличаются от большинства населения, но степень отличия может быть разной. Барэкамины в Японии — меньшинство, несмотря на низкий уровень этнических различий с большинством населения. Они выглядят и ведут себя так же, как остальные японцы. Однако многие меньшинства отличаются от остальной части жителей своих стран и этнически, и физически. Именно так обстоит дело, например, с выходцами из Вест-Индии и Азии, живущими в Британии, а также с индейцами, черными, китайцами и некоторыми другими этническими группами в Соединенных Штатах. Физические отличия по цвету кожи или другим характеристикам обычно называют *расовыми*. Поскольку понятие расы было предметом многих псевдонаучных теорий, оказавших большое влияние на массовое сознание, необходимо рассмотреть это понятие более детально.

Раса и биология

Многие люди в наше время полагают — ошибочно, — что все человечество можно легко разделить на биологически отличные друг от друга расы. Если учесть множество попыток ученых разделить народы мира на категории по расовому признаку, то сила этой уверенности, пожалуй, не удивительна. Некоторые авторы выделяли четыре или пять основных рас, в то время как другие — три дюжины. Но принять какую-либо из этих классификаций мешает слишком большое количество найденных исключений. Например, обычно используемый «негроидный» тип предполагает наличие темной кожи, черных курчавых волос и некоторых других определенных характеристик. Однако коренные обитатели Австралии, аборигены, имеют темную кожу, но волнистые, а иногда светлые, волосы. Можно найти множество других примеров, опровергающих любую четкую классификацию. Открытия в области генетики опровергли теорию возможности существования нескольких линий расового развития от наших антропоидных предков.

Внешний контраст между человеком с очень темной кожей, мелко вьющимися волосами, полными губами и тем, у кого кожа бледная, волосы прямые или волнистые, а губы тонкие, может легко натолкнуть на предположение о различиях во внутреннем строении. Однако в действительности физические различия практически полностью сводятся к подобным внешним проявлениям. Ученый, проводящий анализ крови, не сможет установить, взят ли образец у белого или у черного. Различия в физических типах человеческих существ объясняются инбридингом населения, степень которого варьируется в зависимости от степени контакта между различными социальными или культурными общностями. Другими словами, группы населения не четко различаются, но образуют континуум. Генетическое многообразие *внутри* тех групп населения, которые имеют определенные сходные внешние признаки, ничуть

не уступает межгрупповому. Эти факты привели многих биологов, антропологов и социологов к убеждению в необходимости отказа от концепции расы.

Между людьми существуют очевидные физические различия, и некоторые из них передаются по наследству; но вопрос, почему именно какие-то определенные из них, а не другие, становятся основанием для социальной дискриминации и предрассудков, не имеет к биологии никакого отношения. Следовательно, расовые различия необходимо понимать как *физические вариации, определяемые членами какой-либо группы или общества как этнически важные*. Например, различия в цвете кожи часто считаются в этом смысле важными, а в цвете волос — нет. **Расизм** означает ложное приписывание врожденных характеристик личности или поведения индивидам, обладающим определенными внешними физическими признаками. *Расист* — человек, верящий, что может существовать биологическое объяснение чертам превосходства или неполноценности, предположительно свойственным людям данного физического типа.

Этнические противоречия, предрассудки и дискриминация

Хотя концепция «расы» возникла сравнительно недавно, этнические предрассудки и противоречия были широко распространены на протяжении всей истории человечества. Для объяснения этого нам необходимо обратиться не только к социологии, но и к психологии. Однако прежде всего мы должны провести четкую грань между **предрассудками** и дискриминацией. Предрассудки — это *мнения* или *психологические установки*, которые члены одной группы выражают применительно к другим; тогда как дискриминация — это *фактическое поведение* по отношению к ним. Предрассудок представляет собой приверженность к предвзятому мнению о человеке или группе людей, часто основанному на слухах, а не на прямых свидетельствах, склонность к взглядам, которые человек не желает менять даже перед лицом новой информации. Люди могут иметь положительное предвзятое мнение относительно своей собственной группы и отрицательное — по отношению к другим. Человек, предубежденный против определенной группы, скорее всего, не захочет беспристрастно выслушать ее представителей.

Дискриминация подразумевает действия, направленные на лишение членов одной группы возможностей, открытых для других — например, когда человеку индийского происхождения отказывают в работе, на которую приняли бы белого. Несмотря на то, что предрассудки часто служат основанием для дискриминации, эти два явления могут существовать независимо друг от друга. Отношение людей может основываться на предрассудках, но не выливаться в действия. Аналогично, дискриминация не обязательно имеет прямое отношение к предрассудкам. Например, белые могут воздерживаться от покупки недвижимости в определенных районах города, населенных преимущественно черными, не по причине своего враждебного отношения к ним, а из-за опасений по поводу падения цен на недвижимость в этом районе. Здесь предрассудки также влияют на дискриминацию, но косвенно.

Стереотипы и «козлы отпущения»

Действие предрассудков происходит, как правило, за счет **стереотипного мышления**. Любая наша мысль связана с категориями, посредством которых мы классифицируем

свой опыт. Однако иногда эти категории оказываются ошибочными и косными. Например, мнение человека о черных или о евреях может основываться на нескольких прочно укоренившихся идеях, в соответствии с которыми он интерпретирует всю соответствующую информацию.

Стереотипное мышление может быть безвредным, если оно в эмоциональном плане «нейтрально» и не затрагивает интересы самого человека. Так, британцы могут иметь стереотипное представление об американцах, но для большинства представителей обеих наций это, скорее всего, не будет иметь значительных последствий. Там же, где стереотипы связаны с беспокойством или страхом, ситуация, скорее всего, будет совершенно иная. В таких обстоятельствах стереотипы обычно пропитаны чувствами враждебности или ненависти к данной группе. Так, белый может считать всех черных тупыми и ленивыми, стараясь таким образом оправдать свое презрительное отношение к ним.

К примеру, одним из традиционных стереотипов черного мужчины в Америке был образ «Самбо». Южанин Роберт Пенн Уоррен, романист и поэт, подытожил его следующим образом:

> Он был ленивым, благодарным, скромным, безответственным, трусливым, вечно пощипывающим струны банджо, рабски услужливым, ухмыляющимся недотепой, всегда покорным, зависимым, добродушным, чадолюбивым и похожим на ребенка тугодумом, любителем красть арбузы и распевать духовные гимны, бесстыдным блудодеем, беззаботным гедонистом и преданным черным слугой, который мог иногда перестать быть самим собой, но только чтобы изречь народную мудрость или закопать фамильное серебро, чтобы сберечь его от янки![3)]

Этот стереотип уравновешивался другим, «брутальным» образом — угрозой добродетели белых женщин. Стереотипы черных женщин простирались от представления о них, как о «сексуальных дикарках», распущенных и необузданных в своем поведении, до образа почтительной, богобоязненной матроны, вроде «жены дяди Тома».

Стереотипизирование часто тесно связано с психологическим механизмом **замещения**. При замещении чувства враждебности или злобы направляются на объекты, не являющиеся реальной причиной возникновения этих эмоций. Люди изливают свой гнев на «козлов отпущения», возлагая на них вину за любые свои беды. Поиск **«козлов отпущения»** обычно возникает в ситуации конкуренции нескольких ущемленных в правах этнических групп за обладание материальными благами. Так, люди, участвующие в расистских выпадах, направленных против черных, часто сами находятся в близком к ним экономическом положении. Они обвиняют черных в бедах, реальные причины которых не имеют к тем никакого отношения.

Поиск «козлов отпущения» часто подразумевает **проекцию**, бессознательное приписывание другим собственных качеств или желаний. В обстоятельствах, когда люди испытывают серьезное расстройство или вынуждены тщательно контролировать свои желания, они могут оказаться неспособными осознать свои подлинные чувства, проектируя их на других. Причудливые представления белых о похотливой природе черных мужчин, бытовавшие в прошлом на американском Юге, скорее всего, происходили из их собственных фрустраций, поскольку сексуальный доступ к белым женщинам был ограничен формальными правилами ухаживания.

[3)] *Warren Robert Penn*. Who Speaks for the Negro? New York, 1965. P. 52.

Авторитарная личность

Возможно, что некоторые типы людей, в результате особенностей ранней социализации, особенно склонны к стереотипному мышлению и проекции, в основе которой лежат подавляемые желания. Знаменитое исследование, проведенное под руководством Теодора Адорно в США в 1940-х годах, выявило тип личности, названный исследователями **авторитарная личность**[4]. Ученые разработали несколько шкал для измерения уровней предубежденности, по одной для каждой области социальных установок в обществе. Респондентов просили выразить свое согласие или несогласие с рядом косных, в частности, антисемитских, утверждений. Люди с высоким уровнем предубежденности по одной шкале, как правило, имели подобные показатели и по другим. Предубеждения против евреев сопровождались выражением негативного отношения к другим меньшинствам. Исследователи заключили, что люди с авторитарным типом личности, как правило, строгие конформисты, смиренные перед теми, кого ставят выше себя и пренебрежительные к находящимся ниже. Эти люди также чрезвычайно нетерпимы в своих религиозных и сексуальных установках.

Адорно и его коллеги предполагают, что черты, присущие авторитарной личности, связаны с воспитанием, при котором родители не способны выразить любовь к ребенку прямо, ведут себя отстраненно и требовательно. Став взрослым, человек, воспитанный таким образом, страдает от разного рода беспокойств, управлять которыми он может, только приняв жесткое, консервативное мировоззрение. Это открытие было сделано на основе реакции респондентов на некоторые утверждения, противоречащие одно другому. Например, предлагались следующие утверждения:

> Евреи остаются инородным для американского общества элементом, поскольку стремятся сохранить свои прежние социальные стандарты и противостоят американскому образу жизни.
>
> Евреи слишком далеко заходят в стремлении скрыть свое происхождение, доходя до таких крайностей, как изменение имен, выпрямление носов и подражание христианским манерам и обычаям.

Большинство тех, кто принял первое утверждение, согласился и со вторым. Подобным же образом, те, кто согласился с утверждениями, что евреи чрезмерно склонны к накопительству и контролируют большой бизнес, также согласились с точкой зрения, что евреи с недоверием относятся к бизнесу и подрывают самые его основы.

Это исследование, а также сделанные на его основании выводы, вызвали шквал критики. Некоторые сомневались в ценности использовавшихся шкал измерений, другие утверждали, что авторитарность не является качеством личности, а отражает ценности и нормы определенных субкультур в обществе. Пожалуй, основная ценность исследования заключается в попытке понимания авторитарного мышления вообще, а не в выделении конкретного типа личности. Как бы то ни было, между полученными результатами и данными других исследований, посвященных предрассудкам, наблюдаются ясно видимые параллели. Например, классическое исследование Юджина Хартли, проведенное в отношении тридцати пяти этнических меньшинств, также показало, что люди, настроенные предубежденно против одной этнической группы, как правило, выражали негативные эмоции в отношении остальных. Валлонцев, пиренейцев и данирейцев любили ничуть не больше, чем евреев

[4] *Adorno Theodor W.* et al. The Authoritarian Personality. New York, 1950.

и черных[5]. Первых трех народов, кстати, не существует. Названия придумал Хартли, желая установить, насколько люди будут предубеждены против национальностей, о которых они не могли даже слышать.

Этническая принадлежность и детство

Большое количество исследований было посвящено развитию взглядов на проблему этнической принадлежности среди маленьких детей. «Мне не нравятся цветные», «он ленивый, потому что цветной», — подобные взгляды достаточно распространены в британском и американском обществах. Однако в данном случае первое высказывание принадлежит пятилетнему белому ребенку, а второе — четырехлетнему черному. Уже в трехлетнем возрасте дети могут осознавать различия между черными и белыми, это уже сопровождается различным к ним отношением. Кеннет и Мэйми Кларк изучали, как маленькие американцы играют с черными и белыми куклами. Они обнаружили, что и белые, и черные дети предпочитают белых кукол. Предпочтения подобного рода были отмечены и в других исследованиях, например, «Восточные дети на Гавайях»[6]. Многие чернокожие малыши имеют тенденцию считать себя белыми, в то время, как белые дети того же возраста, как правило, классифицируют себя более точно.

До недавнего времени детская литература в Соединенном Королевстве часто содержала неприкрытые стереотипы черных. Хотя сейчас такое встречается относительно редко, менее очевидные формы подачи искаженных этнических образов можно наблюдать до сих пор. В рассказах для детей стало появляться больше чернокожих героев, но в подавляющем большинстве дошкольных книг все еще доминируют белые. Ассоциации, связывающие белое с добром, а черное со злом, остаются чрезвычайно заметными в детских рассказах. Каждый цвет обладает своей «эмоциональной ценностью», которая, по-видимому, усваивается в достаточно тесном сочетании с развивающимся осознанием этнических различий. Исследование, проведенное среди белых детей дошкольного возраста в Соединенных Штатах, привело к выводу, что дети «усваивают оценочный смысл черного как плохого и белого как хорошего в дошкольном возрасте, то есть в тот период, когда у них также развивается понятие о расовых различиях»[7].

Отношение со стороны большинства

Взгляды, усвоенные в раннем детстве, вероятно, составляют важную основу для ориентации в последующей жизни. Черные часто очень рано приобретают чувство собственной неполноценности, избавиться от которого в дальнейшем может оказаться очень трудно. Белые могут испытывать неловкость по отношению к черным или цветным, даже если в их поведении в основном не будет проявляться дискриминации и сами они будут считать себя свободными от предрассудков. Воздействие воспитания может оказаться настолько сильным, что даже самому последовательному либералу будет трудно полностью избежать подобных эмоций.

---

[5] *Hartley E.* Problems in Prejudice. New York, 1946.

[6] *Clark K.* and *M. Clark*. Prejudice and Your Child. Boston, 1963.

[7] *Renninger C.* and *J. Williams*. Black–White colour-connotations and race awareness in pre-school children // Journal of Perceptual and Motor Skills, 22. 1966.

Роберт К. Мертон выделил четыре возможных типа, на которые можно разделить представителей большинства населения с точки зрения их отношения к меньшинствам и поведения в отношении этих меньшинств[8].

Тип 1
«Всепогодные» либералы, полностью лишенные предрассудков по отношению к меньшинствам и избегающие дискриминации, даже когда это может дорого обойтись им самим. Примером может служить белый священник-южанин, участвующий в демонстрациях в защиту гражданских прав, несмотря на риск потерять работу или подвергнуться физической расправе.

Тип 2
Либералы «при хорошей погоде», считающие себя свободными от предрассудков, но в случае, если могут быть затронуты их интересы, идущие, «куда ветер дует». Примером может служить человек, молчаливо поддерживающий противодействие черной семье в переезде на его улицу из боязни, что цены на недвижимость упадут.

Тип 3
Робкие расисты, предубежденные против меньшинств, но действующие как все либо из страха перед законом, либо из финансовых соображений. Таким может быть, например, владелец магазина, испытывающий неприязнь к азиатам, но держащийся с ними дружелюбно из боязни потерять доход.

Тип 4
Активные расисты, сильно предубежденные против других этнических групп и на практике дискриминирующие их представителей.

Социологические интерпретации

Некоторые из упомянутых выше психологических механизмов — такие, как стереотипное мышление, замещение или проекция, по природе своей универсальны. Они встречаются в любом обществе и дают возможность объяснить, почему этнические противоречия — столь обычный элемент в множестве различных типов культур. Тем не менее, они мало чем могут помочь в объяснении социальных процессов, связанных с конкретными формами дискриминации. Для изучения подобных процессов мы должны ввести в рассмотрение концепции и материалы более социологического характера. Социологические интерпретации этнической вражды и конфликтов можно разделить на два типа: применяемые универсально, подобно только что рассмотренным психологическим механизмам, и относящиеся только к этническим противоречиям в современном мире.

Общие факторы

Социологические концепции, применимые к этническим конфликтам на универсальном уровне — это *этноцентризм*, *групповые барьеры* и *перераспределение ресурсов*. Этноцентризм — подозрительное отношение к чужакам в сочетании со стремлением оценивать все остальные культуры в терминах своей собственной — мы уже рассматривали ранее (глава 2, «Культура и общество»). Практически любая культура является в большей или меньшей степени этноцентричной, и обычно

[8] *Merton Robert K.* Discrimination and the American creed. In: *R. M. McIver*. Discrimination and National Welfare. New York, 1949.

можно наблюдать, как этноцентризм при этом сочетается со стереотипным мышлением. «Чужаки» рассматриваются как дикари, варвары, или как неполноценные в моральном и умственном отношении люди. Например, именно так большинство цивилизаций воспринимало представителей малых культур, и это содействовало бесчисленным этническим конфликтам на всем протяжении человеческой истории.

Этноцентризм часто сочетается с групповыми барьерами. «Установление барьеров» представляет собой процесс, в ходе которого группы сохраняют границы, которые отделяют их от остальных; мы уже обсуждали это, анализируя барьеры между классами в предыдущей главе (глава 7, «Стратификация и классовая структура»). Антрополог Фредерик Барт[9] попытался показать, как устроены границы между этническими группами, и какова роль этих границ в конфликтах. По его мнению, эти границы развиваются и сохраняются при помощи «механизмов исключения», усиливающих разделение между этническими группами. К таким механизмам относятся, в частности, ограничение или запрещение межгрупповых браков, ограничения на социальные и экономические контакты, такие как торговля, и физическая изоляция групп друг от друга (как в случае этнических гетто).

Иногда группы, равные по влиянию, взаимно устанавливают барьеры: их члены держатся изолированно друг от друга, но ни одна из групп не доминирует над другой. Однако более обычной является ситуация, когда члены одной группы занимают преимущественное положение по отношению к другой этнической группе или группам. В таких обстоятельствах возникновение барьеров сочетается с *перераспределением ресурсов*, другим словами, с неравенством в распределении богатства и материальных благ. Это может происходить в различных ситуациях, например, в случае завоевания одной группы другой, или при получении одной этнической группой экономического господства над другими. Этнические барьеры дают возможность защиты привилегированного положения доминирующей группы.

Историческая перспектива

Все эти концепции, как психологические, так и социологические, помогают нам понять факторы, лежащие в основе многих форм этнических конфликтов. Но для полного анализа современных этнических взаимоотношений необходимо рассмотреть историческую перспективу. Понять этнические разногласия современного мира практически невозможно, если не учитывать глобальное влияние, которое в последние несколько веков оказывала экспансия Запада, особенно влияние западной колонизации на остальной мир. Историю этого периода мы кратко рассмотрели в главе 2 («Культура и общество»), и этот обзор обеспечивает достаточную основу для изучения дальнейшего материала этой главы.

Начиная с пятнадцатого века европейцы отправлялись в путешествия по неисследованным морям, к новым материкам в целях исследования, торговли, но также и захвата новых земель и подчинения туземных народов. Миллионы людей покидали Европу, чтобы переселиться на вновь открытые территории. Работорговля привела к перемещению огромных масс населения Африки на американские континенты. Ниже показаны крупнейшие миграционные процессы, произошедшие в течение последних 350 лет[10].

[9] *Barth Frederick*. Ethnic Groups and Boundaries. London, 1969.

[10] *Berry B., Tischler H. L.* Race and Ethnic Relations. Boston, 1978.

Из Европы в Северную Америку. С семнадцатого века и до настоящего времени из Европы в нынешние Соединенные Штаты и Канаду эмигрировало около 45 миллионов человек. Многие вернулись обратно, но большинство обосновалось навсегда, и около 150 миллионов сегодняшних жителей Северной Америки восходит своими корнями именно к этой миграции.

Из Европы в Центральную и Южную Америку. Около 20 миллионов европейцев, преимущественно из Испании, Португалии и Италии, мигрировало в Центральную и Южную Америку. Сегодня их потомками являются приблизительно 50 миллионов жителей этого региона.

Из Европы в Африку и Австралию. Примерно 17 миллионов жителей этих континентов происходит из Европы. В Африке они сосредоточены в основном в Южной Африке, в колонизации которой участвовали главным образом Британия и Голландия.

Из Африки в Америки. Начиная с шестнадцатого века из Африки на оба американских континента было перевезено примерно 15 миллионов негров; чуть меньше миллиона в шестнадцатом веке, приблизительно 2 миллиона в семнадцатом, около 6 миллионов в восемнадцатом и приблизительно 2 миллиона в девятнадцатом.

Эти миграционные потоки составили основу этнического состава Соединенных Штатов, Канады, государств Центральной и Южной Америки, Южной Африки, Австралии и Новой Зеландии. Коренное население всех этих стран было покорено и стало подчиняться европейским законам; в ряде случаев, например, в Австралии и Северной Америке, оно превратилось в этнические меньшинства очень небольшой численности. Поскольку сами европейцы имели разные этнические корни, они принесли на свою новую родину богатейшую этническую палитру. В эпоху расцвета колониализма в девятнадцатом — начале двадцатого века европейцы также правили народами во многих других регионах: на большей части Африки, в некоторых областях Ближнего Востока, в Индии, Бирме и Малайе.

На протяжении почти всего периода европейской экспансии этноцентрические воззрения были широко распространены среди колонистов, полагавших, что они несут свет цивилизации остальному миру. Даже самые либеральные из поселенцев считали себя высшими существами по отношению к коренному населению. Тот факт, что большинство туземных народов имели на этот счет прямо противоположное мнение, мало значил, поскольку у европейцев были все возможности отстоять свои убеждения. Начальный период колонизации совпал с возникновением расизма, и с тех пор расовые различия и конфликты играют главную роль во всех этнических столкновениях. Особое место во взглядах европейцев заняло расистское противопоставление «белых» и «черных».

Почему это случилось? Тому было несколько причин. Одна из них заключается в том, что противопоставление «белого» и «черного» как культурных символов имеет очень глубокие корни в европейской культуре. С незапамятных времен белое ассоциировалось с добром и чистотой, а черное — со злом. (Эта символика вовсе не является естественной, в некоторых культурах все совершенно наоборот.) Символ «черноты» заключал в себе такой смысл еще *до* того, как Запад вступил в тесное соприкосновение с чернокожими народами, «невыносимо грязными, отвратительными... замыслившими что-то странное, угрожающими; таящими смертельную опасность; гибельными, разрушительными, зловещими... несущими клеймо позора, непристойности, греха»[11].

[11] *Kovel J.* White Racism: A Psychohistory. New York, 1970. P. 62.

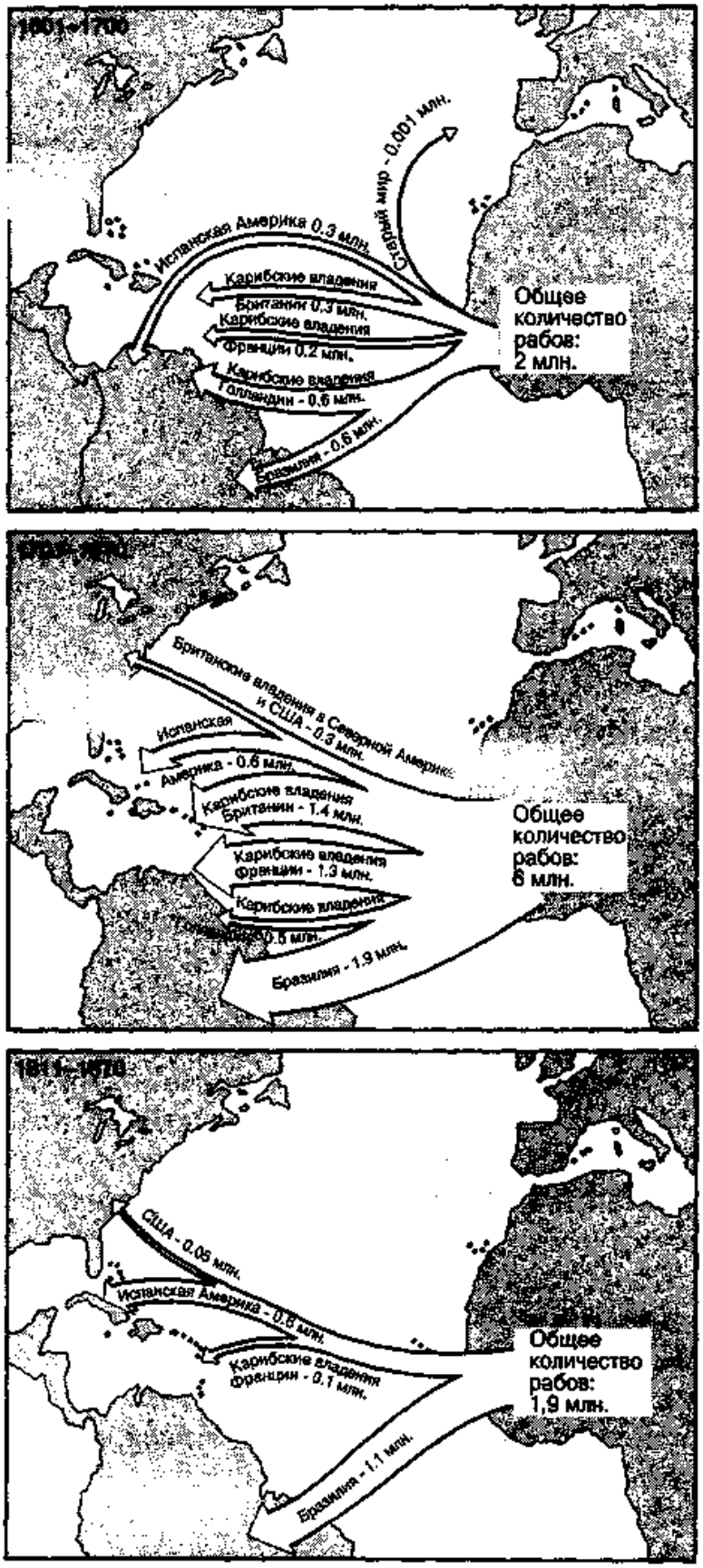


Рис. 6. Атлантическая работорговля, 1601–1870. Крупнейшим пунктом назначения в этот период оказалась Бразилия. За 300 лет в эту страну было привезено 3,6 миллиона человек. Источник: *Ben Crow* and *Mary Thorpe*. Survival and Change in the Third World. Cambridge, Polity Press, 1988. P. 15

Именно эти символические значения определяли реакцию первых встреч с черными обитателями побережья Африки. Они укрепили чувство радикальных различий между народами, которое, в сочетании с языческими верованиями африканцев, заставило многих европейцев относиться к неграм со смесью презрения и страха. Как выразился один писатель семнадцатого века, черные «и цветом, и сутью своей [illegible] иное, как воплощенья дьявола»[12]. И хотя наиболее крайние выражения подобного отношения сегодня исчезли, трудно сомневаться в том, что некоторые элементы черно-белого культурного символизма по-прежнему широко распространены.

Вторым важным фактором возникновения современного расизма было появление понятия «расы» как такового. Расистские взгляды существовали во многих культурах и притом уже давно. Известны, например, китайские хроники четвертого века, описывающие варваров, «чрезвычайно похожих на обезьян, от которых они и произошли»[13]. Однако само понятие «расы», обозначающее набор наследственных черт, пришло из европейских учений восемнадцатого–девятнадцатого веков. «Отцом современного расизма» иногда называют графа Жозефа Артура де Гобино (1816–1882), поскольку он провозглашал идеи, ставшие популярными во многих кругах. Гобино утверждал, что существуют три расы: белая, черная и желтая. Белая раса обладает более высокими умственными, моральными и волевыми качествами, именно эти врожденные черты лежат в основе распространения западного владычества во всем мире. Черные — наименее способные из трех рас. По своему уровню они близки к животным, низкоморальны и эмоционально неустойчивы.

Идеи де Гобино и других, имеющих подобные взгляды, первоначально предлагались просто как научные теории. Позднее они оказали влияние на Адольфа Гитлера, который, как мы отмечали ранее, использовал их как часть идеологии нацистской партии. Представление о «превосходстве белой расы», несмотря на полное отсутствие фактических оснований, и сегодня остается ключевым моментом белого расизма. Например, это одно из программных положений американского Ку-Клукс-Клана.

Третья причина возникновения современного расизма кроется в эксплуататорских отношениях, которые европейцы установили с небелыми народами. Работорговля не могла бы существовать, если бы среди европейцев не было широко распространено мнение о принадлежности негров к низшей, возможно, полуживотной, расе. Расизм оправдывал колониальное владычество над небелыми народами и лишение их политических прав, которых сами белые добились у себя на родине. Используя ранее упомянутую концепцию, мы можем сказать, что расизм сыграл важную роль в установке барьеров между европейцами, обладавшими властью, и небелыми народами, подвластными им.

Расистские настроения европейских колонистов практически всегда принимали более враждебные формы по отношению к черным, чем к другим небелым. Например, первые английские поселенцы в Северной Америке ставили негров гораздо ниже индейцев. Первоначальное отношение к индейцам определялось не расовыми, а скорее культурными факторами, их воспринимали как «нецивилизованных» или «дикарей», но не как низшую расу. Только позднее многие колонисты стали все-таки рассматривать индейцев как особую расу, лишенную качеств, присущих белым. Но эта точка зрения никогда не была выражена так явно, как в случае с неграми. Томас Джефферсон, отстаивая «американизацию» индейцев, имел в виду их обучение христианским ценностям. Сравните это с его отношением к черным. Негры, писал

[12] *Jordan W.* White Over Black. Chapel Hill, 1968. P. 24.

[13] *Gossett Th. F.* Race: The History of an idea in America. Dallas, 1963. P. 4.

он, «по силе памяти равны белым, по рассудку — гораздо ниже», добавляя, что «по воображению они тупы, безвкусны и ненормальны»[14].

Отношения между белыми и небелыми зависели от характера колонизации; влияли на них и культурные различия между самими европейцами. Чтобы показать эти различия, рассмотрим расовые отношения в Бразилии, США и Южной Африке, а затем перейдем к более подробному анализу расовых и этнических отношений в Великобритании.

Этнические отношения в исторической перспективе: несколько примеров

Сравнение этнических отношений, сложившихся в различных обществах, показывает, каким образом предрассудки и дискриминация связаны с типами исторического развития. Бразилию иногда упоминают как страну, свободную от этнических предубеждений между белыми и черными, хотя, как мы увидим, это не совсем точно. Южная Африка, напротив, — страна, в которой предрассудки и дискриминация приняли крайнюю форму, а сегрегация чернокожего и белого населения установлена законом.

Этнические отношения в Бразилии

К середине девятнадцатого века, к концу эпохи работорговли, в Бразилию было привезено чуть меньше 4 миллионов рабов. В Соединенных Штатах в это время было около миллиона чернокожих, и представителей различных африканских культур, как правило, доставляли в разные места; в то же время в Бразилии невольников, происходивших из одной местности, обычно держали вместе. Таким образом, они могли сохранять свою оригинальную культуру в большей степени, чем их собратья в Соединенных Штатах. В Бразилии рабам разрешалось жениться и без одобрения хозяев, единственно при условии, что рабы по-прежнему будут на них работать; супруги не могли быть проданы по отдельности. Нередкими были сексуальные контакты между белыми мужчинами и рабынями. Их дети часто получали свободу, а иногда становились полноправными членами белой семьи. Окончательная отмена рабства произошла в 1888 году, однако еще задолго до того белые привыкли к существованию свободных негров.

После отмены рабства многие чернокожие бразильцы переехали в города. Большинство из них жило тогда (и живут сегодня) сравнительно бедно, однако никто не лишал их права вступать в профсоюзы, а некоторым удалось добиться богатства и власти. Существует популярная бразильская пословица, которая гласит: «Богатый черный — белый, а бедный белый — черный». Здесь очень точно схвачены и относительный расовый либерализм в Бразилии, и тот факт, что «белизна» все же идентифицируется с некоторым превосходством. Высшие позиции во всех сферах общества по-прежнему занимают в основном белые.

Долгое время бразильцы рассматривали свою систему расовых отношений в розовом свете, подчеркивая позитивные отличия от более жесткой системы в США, но в 1960-х и 70-х годах, когда движение за гражданские права американских негров набрало силу, сравнение стало уже не в пользу Бразилии. В начале 1960-х годов бразильский конгресс принял закон, запрещающий дискриминацию в общественных

[14] *Gossett Th. F.* Race: The History of an idea in America. Dallas, 1963. P. 42–44.

местах. Это случилось после того, как чернокожая туристка из США Кэтрин Данэм обратилась к властям с жалобой на администрацию отеля в Сан Пауло, где ей отказались предоставить номер. Этот закон, однако, был не более чем символическим жестом, поскольку правительство не предприняло никаких усилий к выяснению истинных масштабов дискриминации.

Большинство наблюдателей соглашаются, что подобная дискриминация в Бразилии достаточно редка, хотя правительственных программ, направленных на улучшение социальных и экономических возможностей небелого населения, немного. Вера бразильцев в «отбеливание» несколько противоречит тому, что черные по-прежнему сосредоточены в основном в беднейших слоях общества. Тем не менее, Бразилии пока что удавалось избегать периодических линчеваний и расовых волнений, подобных тем, что пронизывают историю Соединенных Штатов, а также любых крайних форм расовых предрассудков[15].

Социальное развитие Южной Африки

Первыми европейскими поселенцами в Южной Африке были голландцы. Столкнувшись с нежеланием местного населения работать на европейских предприятиях, они начали ввозить большие партии рабов из других стран континента и из голландской Ост-Индии. Позднее доминирующее положение в Южной Африке заняли британцы, которые в 1830-х годах положили конец рабству. Вначале деление на белых и коренных африканцев не было таким абсолютным, как это появилось позднее. После отмены рабства для черных были введены неизвестные им ранее налоги, которые побудили многих из них наниматься на работу к европейцам, и молодые африканцы были вынуждены искать оплачиваемую работу вне дома, чтобы заплатить налоги. Сформировалась система «мигрантского труда», определившая последующее развитие южноафриканской экономики. Многие африканцы нанимались на золотые и алмазные прииски и жили в специальных лагерях, удаленных от мест, где жили европейцы. Так постепенно сложилась система сегрегации, позднее закрепленная законом[16].

Согласно системе **апартеида** (что означает раздельное развитие), введенной после Второй мировой войны, население Южной Африки подразделяется на 4 «регистрационные группы»: 4,5 миллиона белых потомков европейских иммигрантов, 2,5 миллиона так называемых «цветных», чье происхождение восходит к более чем одной «расе», 1 миллион потомков выходцев из Азии и 23 миллиона чернокожих африканцев.

Южную Африку отличают от остальных индустриальных стран не только и не столько громадные диспропорции в благосостоянии и в возможностях, — они есть и в других странах. Главное — это освященные законом резкие и всеобъемлющие контрасты, разделяющие белых и всех остальных.

> Элитарные галантерейные лавочки и роскошные торговые улицы, тихие, утопающие в зелени кварталы, уютные, ухоженные садики и другие красоты — непременный атрибут богатых жилых кварталов для белых... Тем более невероятный контраст им составляет неизменное унылое запустение черных пригородов и гетто. Оазисы относительного богатства встречаются и здесь, но это скорее исключение, чем правило. Чередование одних и тех же образов — неприветливые пыльные улицы, босые

[15] *Skidmore Th. E.* Black and White: Race and Nationality in Brazilian Thought. Oxford, 1974.

[16] *Western J.* Outcast Cape Town. London, 1981; *Lapping B.* Apartheid: A History. London, 1986.

неряшливые дети, нескончаемый поток усталых, измотанных дневной работой людей, мрачные взгляды — вот подлинное лицо депривации. Для пригородов повседневная жизнь — это бесконечная жестокая и безнадежная борьба за выживание.[17]

Пьер Ван ден Берг выделяет три основных уровня сегрегации в южноафриканском обществе[18].

1. **Микросегрегация** — сегрегация общественных мест (подобная той, что существовала на Американском Юге). Для белых и небелых существуют раздельные душевые комнаты, комнаты ожидания, железнодорожные вагоны и другие общественные места.

2. **Мезосегрегация** — сегрегация белых и небелых по районам проживания в пределах городов. Чернокожие вынуждены жить в специально отведенных зонах.

3. **Макросегрегация** — сегрегация целых народов на определенных территориях — в *национальных резервациях*.

Существование раздельных услуг в местах общественного пользования имеет огромное символическое значение для укрепления апартеида. Однако оно не обеспечивает прямой поддержки политического и экономического господства белого меньшинства над чернокожим населением. Фактически, в последние годы микросегрегация значительно снизилась, поскольку правительство Южной Африки вынуждено было реагировать на международное давление, направленное на прекращение дискриминации. Другие типы сегрегации значат для сохранения господства белых гораздо больше[19].

Южноафриканской экономике давно уже невозможно обходиться без рабочей силы миллионов небелых, живущих в городах и пригородах. Одно время в крупных городах существовали смешанные районы, но постепенно все больше и больше черных селили в «образцовые поселки», расположенные за несколько миль от белых районов. Кроме того, миллионы людей сгонялись на так называемые «хоумленды», удаленные от городов на значительные расстояния. Эти районы наделялись правами частично автономных государств, подчиняющихся общему контролю центрального белого правительства.

Предполагалось, что хоумленды будут отдельными территориями, на которых черное большинство наделяется теми политическими правами, которых оно лишено на территории белой Южной Африки. По условиям Акта о гражданстве в хоумлендах 1970 года, жители таких территорий в день объявления их «независимыми» автоматически лишались южноафриканского гражданства. Так называемые «пригородные иностранцы» живут вместе с семьями в хоумлендах и ежедневно пересекают «национальную границу» белой Южной Африки. Подсчитано, что 80% населения хоумлендов живет ниже официально установленного уровня бедности[20].

Апартеид подвергся осуждению со стороны всего международного сообщества, в ЮАР ему также противостояли многие. Длительное время страна была объектом экономических санкций, призванных положить конец системе апартеида; Южная Африка не допускалась к участию в ряде всемирных спортивных мероприятий.

---

[17] *Murray M.* South Africa: Time of Agony, Time of Destiny. London, 1987.

[18] *Van den Berghe P. L.* Race and Ethnicity: Essays in Comparative Sociology. New York, 1970.

[19] *Saul J., Gelb S.* The Crisis in South Africa. London, 1986.

[20] *Gilliomee H., Schlemmer L.* (eds). Up Against the Fences. Poverty, Passes and Privilege in South Africa. Cape Town, 1985.

Международные санкции, как и внутренний протест, оказали свое влияние, но, возможно, первостепенной причиной распада системы апартеида в 1980-е годы были решительные действия черного населения, не побоявшегося санкций со стороны властей; например, многие в поисках работы мигрировали в города, хотя закон запрещал им это.

В 1990 году президент де Клерк снял ограничения с деятельности Африканского Национального Конгресса (АНК), Коммунистической партии и ряда других оппозиционных групп, ранее находившихся на нелегальном положении или в изгнании. Был освобожден из тюрьмы лидер АНК Нельсон Мандела, содержавшийся в заключении с 1962 года. Стоит вопрос о принятии новой конституции, которая впервые в истории страны даст каждому право голоса. Референдум, проведенный в марте 1992 года среди белых избирателей, показал, что подавляющее большинство выступает за проведение подобной реформы. Существует, однако, и сильное противодействие со стороны консервативных групп белого населения, угрожающих применением насилия. Не редкость насилие и в черных пригородах, поэтому будущее страны под властью черного большинства представляется столь же бурным, сколь и ее прошлое[21].

Гражданские права чернокожего населения США

Отмена рабства и начальные достижения

Конец рабству в Северной Америке был положен в результате Гражданской войны между северными и южными штатами. Фактически Манифест об освобождении рабов был подписан за год до окончания войны, в 1863 году. Отмена рабства не означала радикального улучшения жизни черных, большинство из них по-прежнему жили в условиях жесточайшей нищеты. С 1890 по 1912 год на Юге Соединенных Штатов был принят ряд дискриминационных законов против негров, запрещавших им доступ в «белые» железнодорожные вагоны, общественные туалеты и кафе. Эта сегрегация была официально признана в 1896 году решением Верховного Суда, провозгласившим «раздельные, но равные» возможности соответствующими конституции. Деятельность Ку-Клукс-Клана, тайного террористического общества, была направлена на сохранение сегрегации.

Борьба меньшинств за достижение равных прав и возможностей занимала важное место в американской истории со времен войны за независимость. Большей части национальных групп удалось получить доступ к политическому влиянию и экономическим благам, их требования равного с большинством статуса были удовлетворены, однако черные вплоть до начала 1940-х составляли исключение. В 1909 и 1910 годах были основаны Национальная Ассоциация содействия прогрессу цветного населения и Национальная городская лига. Обе они боролись за гражданские права чернокожего населения, однако реальные плоды их деятельности стали ощущаться лишь во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы.

Перед вступлением Соединенных Штатов в войну лидеры Национальной ассоциации и Городской лиги встретились с президентом Франклином Д. Рузвельтом, ходатайствуя за десегрегацию вооруженных сил. Рузвельт не только отклонил ходатайство, но и сделал публичное заявление о том, что в ходе встречи лидеры движений согласились с сохранением сегрегации. Один из лидеров черных профсоюзов, А. Филип Рэндолф, возмущенный столь очевидной ложью, призвал к проведению

[21] *Van Vuuren D. J.* et al. South Africa in the Nineties. Pretoria, 1991.

Вашингтоне марша протеста с участием 100 000 негров. За несколько дней до назначенной даты марша Рузвельт подписал указ, запрещающий дискриминацию по этническому признаку при найме на работу и содержавший обещания о прекращении сегрегации в вооруженных силах[22].

Два года спустя в Чикаго возникла новая организация — Конгресс Расового равенства, бросивший вызов сегрегации, происходящей в ресторанах, бассейнах и других общественных местах. Несмотря на то, что его деятельность не увенчалась большими успехами и вызвала яростное сопротивление белого населения, это ознаменовало начало активных действий со стороны негритянских движений за гражданские права — действий, превратившихся через 15 лет в массовое движение[23].

Вскоре после окончания второй мировой войны Национальная ассоциация содействия прогрессу организовала кампанию против сегрегации в общественном образовании, кульминацией которой стали судебные процессы, в ходе которых Ассоциация выступила против советов пяти школ, оспаривая господствовавшую в то время концепцию раздельного и равного обучения. В 1954 году Верховный Суд единогласно постановил, что «раздельный подход в системе образования изначально исключает равенство». Данное решение стало платформой для борьбы за гражданские права на два последующих десятилетия. Сразу же после принятия этого решения Верховным Судом ряд местных администраций и администраций штатов сделали попытку ограничить сферу его применения. Комиссия объединения государственных школ, начавшая работу в соответствии с приказами федерального правительства, встретила яростное сопротивление, приведшее к возрождению белых расистских организаций, таких, как Ку-Клукс-Клан, «Советы Белых граждан» и Комитеты Бдительности. Даже в 1960 году смешанные школы на Юге посещало не более 1% чернокожих учеников[24].

Сила сопротивления белых противников равенства убедила негритянских лидеров в том, что для придания гражданским правам реального содержания необходимы массовые активные действия. В 1956 году чернокожая американка Роза Паркс была арестована в Монтгомери, штат Алабама, за отказ уступить место в автобусе белому мужчине. В результате ареста практически все чернокожее население города, руководимое баптистским священником доктором Мартином Лютером Кингом, бойкотировало транспортную систему в течение 381 дня. В конце концов городские власти вынуждены были отменить сегрегацию на общественном транспорте.

Вслед за этим последовали и другие бойкоты и сидячие забастовки с целью десегрегации мест общественного пользования. Марши и демонстрации стали пользоваться массовой поддержкой негров и сочувствующих белых. Идеи Кинга привели к кампании активного, но ненасильственного сопротивления дискриминации, однако реакции на возглавляемое им движение были далеко не мирными. Губернатор штата Арканзас Фобас использовал полицию штата для того, чтобы не допустить чернокожих учеников в Сентрал Хай Скул в Литл-Роке. В Бирмингеме, штат Алабама, шериф «Бык» Коннор приказал полиции использовать для разгона демонстрантов брандспойты, дубинки и полицейских собак.

После произошедшего в Бирмингеме за 10 недель в городах Америки прошло несколько сот демонстраций, более 15 000 их участников были арестованы. В 1963 году

---

[22] *Finch M.* The NAACP: Its Fight for Justice. London, 1981; *Zangrando R.* The NAACP Crusade Against Linching, 1909–1950. Philadelphia, 1980.

[23] *Meier A., Rudick E.* CORE: a study in the Civil Rights Movement, 1945–1968. Oxford, 1973.

[24] *Issel W.* Social Change in the United States, 1945–1983. London, 1985; *Sitkoff H.* The Struggle For Black Equality, 1954–1980. New York, 1981.

четверть миллиона сторонников движения за гражданские права устроили марши протеста в Вашингтоне, откликнувшись таким образом на призыв Кинга: «Мы не успокоимся до тех пор, пока справедливость не уподобится реке, а правда — могучему потоку». В 1964 году Конгрессом был принят Закон о гражданских правах, запрещавший всякую дискриминацию в общественных местах, в системе образования, при найме на работу и в любом учреждении, получающем государственное финансирование. В последующие годы были приняты билли, предусматривавшие строгое соблюдение избирательных прав черного населения и запрещавшие дискриминацию при найме и покупке жилья.

Движение за гражданские права

Движение за гражданские права дало своим черным участникам ощущение свободы и чувство самоутверждения, нечто гораздо большее, чем те формальные цели, за которые они боролись. В деятельности Студенческого ненасильственного организационного комитета участвовали «Певцы свободы», выражавшие надежды его участников в музыке и песнях. Винсент Говард описывает энергию и энтузиазм, возникавшие в то время среди многих черных:

> В эти первые месяцы организации, маршей, пения и арестов было все: надежда, идеализм и решимость... Это были верующие. Когда они пели в тюрьме, на митингах и перед шеренгами полицейских и ополченцев свою «We shall overcome», они действительно верили в победу... победа означала и «свободу», и «права», и «достоинство», и «справедливость», и то, что черные и белые будут вместе, и многое другое, что люди чувствовали, хотя и не умели выразить.[25]

Попытки добиться нового законодательства, учитывающего гражданские права, вновь натолкнулись на яростное сопротивление. Демонстранты подвергались оскорблениям, случались физические нападения, некоторые поплатились жизнью. Одной из реакций на это стало возникновение агрессивных чернокожих групп, под общим названием «Черная власть»[26]. Умеренные отмежевались от этого движения и продолжали добиваться реформ законными путями. С 1965 по 1968 год по всей Америке в негритянских гетто прошли крупные волнения.

Несмотря на барьеры, препятствовавшие его полному и неукоснительному исполнению, Закон о гражданских правах имел фундаментальное значение. Основные идеи этого закона касались не только черных, но и любых жертв дискриминации, в том числе других этнических групп и женщин. Закон послужил отправной точкой для целого ряда движений, посвятивших себя борьбе за права угнетенных групп.

В ходе борьбы 1960-х годов цели черного движения за гражданские права несколько трансформировались. Первоначально устремления большинства лидеров движения состояли в полной интеграции негритянских групп в американскую культуру, однако рост количества радикальных негритянских групп привел к изменению идеалов. Черный цвет стал рассматриваться как символ достоинства, а негритянская культура — как ценность сама по себе. Чернокожие американцы стали требовать независимого положения в сообществе, имея в виду действительный плюрализм, а не ассимиляцию в белом социальном порядке. Переориентации мировоззрения способствовало и осознание того, что равенство перед законом ничего не дает, если дискриминация сохраняется на практике.

---

[25] *Harding V.* The Other American Revolution. Los Angeles, 1980.

[26] *Carmichael S., Hamilton C.* Black Power: The Politics of Liberation in America. London, 1968.

Что же касается черных радикальных группировок, проповедовавших насилие в качестве средства достижения гражданских целей (например, «Черных Пантер»), то они либо были уничтожены, либо распались на враждующие фракции. Многие чернокожие активисты стали расценивать избирательные урны как способ добиться политической власти для негров. В 1975 году группа чернокожих музыкантов записала песню «Шоколадный город», ставшую одним из самых популярных синглов на черных радиостанциях. Певец Джордж Клинтон выражал надежду, что выборы помогут чернокожему населению добиться реального влияния на местах: «Вам не нужны пули, если у вас есть избирательный бюллетень». Под «Шоколадным городом» подразумевался Вашингтон, где вокруг центральных черных кварталов располагались «ванильные» пригороды; но также это относилось и ко всем другим городам, в которых негры могли выступить как сплоченная политическая сила. В песне были такие слова:

Посмотри, сколько шоколадных городов вокруг

Мы взяли Ньюарк

Мы взяли Гэри

Кто-то сказал, что мы взяли Лос-Анджелес

И скоро будем в Атланте.

Интеграция и антагонизм

За тридцать лет, прошедших со времени принятия Закона о гражданских правах, произошли большие перемены. Количество чернокожих представителей выборной власти увеличилось от ста человек в начале 1960-х до 7 тысяч в начале 1990-х годов. В четыре раза возросло число чернокожих студентов в колледжах и университетах. Появился и заметно растет черный средний класс. Чернокожие американцы стали мэрами ряда крупнейших городов страны, включая Нью-Йорк, Чикаго, Атланту и Балтимор. Гораздо более заметную роль черные американцы стали играть в литературе, театре и других видах искусства[27].

И все же еще рано говорить о новой эпохе расовой гармонии и интеграции. Напротив, в конце 1980-х — начале 1990-х годов в разных районах США имели место сотни актов насилия на расовой почве. Высокого уровня расовое противостояние достигло в Нью-Йорке, Бостоне и Чикаго. В 1991 году прошли массовые демонстрации, организованные как черными, так и белыми, участники которых обвиняли друг друга в расизме. В 1990 году в Лос-Анджелесе и других американских городах имели место крупномасштабные волнения. Несмотря на отмеченные выше достижения, в конце 1980-х годов общий социоэкономический статус чернокожего населения снова упал, резко снизился доход семей чернокожих, до минимальных размеров сократилось число чернокожих студентов колледжей.

В центральных районах резко подскочило потребление наркотиков и вырос уровень насилия, использование кокаина и крэка стало эпидемией. Молодежные банды, контролирующие торговлю этими наркотиками, создали в городах обстановку настоящего террора. В 1980-х годах убийство было основной причиной смерти среди чернокожих американцев мужского пола. В докладе Медицинского журнала Новой Англии 1990 года сообщалось, что средняя продолжительность жизни чернокожего

[27] *Marable Manning.* Race, Reform and Rebellion: The second Reconstructions in Black America, 1945–1990. London, 1991.

американца мужского пола из нью-йорского Гарлема была ниже, чем у жителя Бангладеш. В речи, произнесенной в Вашингтоне в 1963 году, Мартин Лютер Кинг сказал, что мечтает об обществе, «невосприимчивом к цвету кожи», в котором детей будут оценивать «не по цвету, а по личностным достоинствам». Однако и сегодня такая цель кажется чрезвычайно далекой.

История иммиграции в Великобритании

Ранние переселенцы

Значительное количество ирландских, валлийских и шотландских имен, встречающихся сегодня среди англичан, — это напоминание о некогда происходившем массовом переселении с «Кельтских окраин» в урбанистические центры Англии. Еще в девятнадцатом веке, задолго до начала массовой иммиграции из колоний, стало ясно, что бурно растущие английские города стали приманкой для жителей менее процветающих районов Британии. В 1867 году «Таймс» оплакивала тот факт, что «на нашем острове вряд ли можно обнаружить чистокровного англичанина». Даже монархия, которая считается сегодня самым английским из всех английских учреждений, имела в своем составе множество «иностранных» элементов. Англия знала французских, шотландских, голландских и немецких монархов, а сегодняшняя королевская семья имеет столько неанглийских предков, что ее лучше именовать «европейской».

Еще в семнадцатом веке в Лондоне существовала обширная ирландская колония. Вначале иммигранты из Ирландии выполняли в основном черную работу, но постепенно им удавалось получать более выгодные и квалифицированные профессии. В девятнадцатом веке Ирландия была единственной западноевропейской страной, население которой уменьшилось. Только в Лондон, Манчестер, Ливерпуль и Глазго приехали десятки тысяч ирландских иммигрантов, и куда больше отправилось в США. С 1830 по 1847 год в одном Ливерпуле осело около 300 000 ирландцев. К 1851 году количество ирландцев, поселившихся в Англии и Уэльсе, достигло полумиллиона. Чем был вызван столь массовый переезд? Часто случавшийся в стране голод заставлял жителей искать новую жизнь за границами своего отечества, а близость Ирландии к Англии, с одной стороны, облегчала переезд ирландцев в английские города, а с другой — позволяла сохранить связь с родиной.

Ирландцы в Англии середины девятнадцатого века были крупнейшей иммигрантской группой в обществе, которое, за исключением Лондона, было хорошо защищено от иноземных «вторжений». Однако в столице существовало множество других «экзотических» групп. В семнадцатом веке возникла еврейская община. В последующее столетие она существенно выросла — из-за гонений, которым подвергались они в других странах, евреи предпочитали приезжать в относительно спокойную Англию. Подсчитано, что к 1800 году в провинциальных городах жило около 6000 евреев, и от 15 000 до 20 000 — в Лондоне. Причем любопытно, что если бедный еврей у местного населения вызывал презрение и насмешку, то богатый в основном проклятия. Чарльз Диккенс в образе Феджина в «Оливере Твисте» использовал узнаваемую и расхожую карикатуру такого рода.

В эпоху промышленной революции в Британии появляются иммигранты из Голландии, они создают сеть банковских и финансовых учреждений, получивших наименование «Голландских финансов» и сыгравших жизненно важную роль в экономических переустройствах страны. Предприимчивые, высокообразованные голландцы обогатили Англию в социальном и экономическом плане. Таким образом,

некоренные жители Англии внесли существенный вклад в создание ее нового социоэкономического климата.

Приток китайских иммигрантов во время английской промышленной экспансии стал настоящим подарком английским предпринимателям, нуждавшимся в дешевой рабочей силе. Однако в конце девятнадцатого века начались крупные выступления профсоюзных лидеров, направленные против китайской иммиграции, присутствие которой снижало уровень заработной платы местных рабочих.

Толчком к развитию черных общин в конце девятнадцатого века в Британии стало расширение морских сношений с Западной Африкой и Карибским бассейном. В это время в британских университетах появились немногочисленные студенты из Африки и Вест-Индии. Одной из иммигрантских группировок чернокожих были моряки. Именно они основали в Британии общины, существующие и по сей день (например, в Кардиффе). Во время Первой мировой войны в целях укрепления британской армии на Британских Карибских островах было набрано 15 000 чернокожих рекрутов, из которых были сформированы черные вест-индийские полки. После окончания войны часть солдат осталась в Британии, предпочитая искать счастье на новой родине, нежели возвращаться в экономически отсталую Вест-Индию[28].

Иммиграция после 1930 года

В результате нацистских преследований с начала 1930-х годов целое поколение европейских евреев устремилось в поисках безопасности на Запад. Согласно некоторым данным, с 1933 по 1939 год в Великобритании поселилось 60 000 евреев, однако реальные цифры, возможно, еще выше. За это время из Центральной Европы прибыло около 80 000 беженцев, и еще более 70 000 в годы самой войны. В мае 1945 года Европа столкнулась с невиданной доселе проблемой беженцев: их число насчитывало миллионы. Несколько сотен тысяч из них осело в Британии.

В послевоенный период Британия пережила иммиграцию беспрецедентных масштабов — большинство новых жителей приехало из стран британского Содружества в ответ на возникновение в стране новых рабочих мест[29]. Реакции британцев на новый приток иммигрантов в какой-то степени зависели от классового деления. Представители правительственных кругов все еще находились под влиянием имперских идей, поэтому они считали индийцев, пакистанцев, африканцев и жителей Карибского бассейна британским подданными, имеющими право селиться в самой Британии. В послевоенной Британии имел место значительный недостаток рабочей силы, поэтому работодатели на первых порах использовали иммигрантский труд с большим энтузиазмом. Однако рабочие, живущие в бедных районах (к которым тяготели и новые иммигранты), были озабочены ломкой своего привычного повседневного уклада и нередко относились к пришельцам весьма враждебно. Почти треть всех выходцев из стран Содружества сконцентрировалась в нескольких определенных районах Лондона, позднее такие же колонии возникли на западе центральной Англии, в Брэдфорде и в других бедных урбанизированных районах.

Сменяющие друг друга правительства рассматривали полную интеграцию новых иммигрантов в Британское общество как желательную и вполне достижимую цель. Рой Дженкинс, министр внутренних дел правительства лейбористов в 1960-х годах, предложил свое определение интеграции «не как нивелирующего процесса ассимиляции, но как равные возможности, сопровождающие культурное многообразие,

[28] *Fryer P.* Staying Power: The History of Black People in Britain. London, 1984.

[29] *Walvin J.* Passage to Britain: Immigration in British History and Politics. Harmondsworth, 1984.

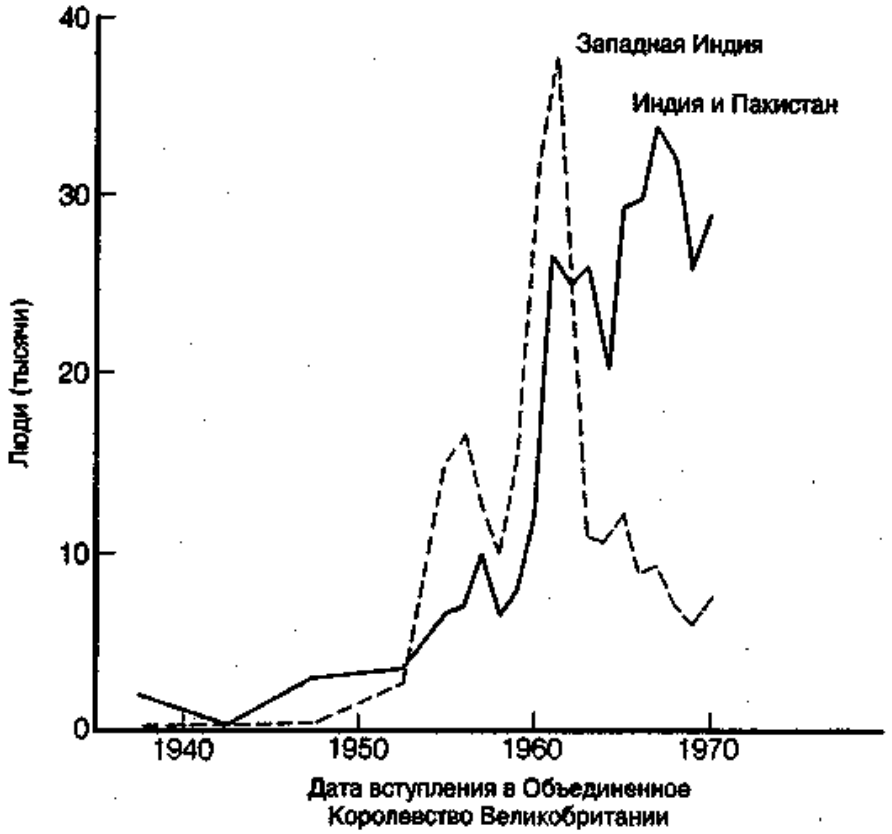


Рис. 7. Иммиграция в Великобританию из Вест-Индии, Индии и Пакистана в 1940–1970 годах. График показывает соответствие количества жителей Великобритании на 1971 год, имеющих одного или обоих родителей из Вест-Индии, Пакистана или Индии, дате их приезда в Великобританию.
Источник: *Lomas G. B.* Census 1971: The Coloured Population of Great Britain. London, 1974; The Runnymede Trust and the Radical Statistics Race Group. Britain's Black Population. London, 1987

в атмосфере взаимной терпимости». В 1966 году, в соответствии с принятым лейбористами Законом о расовых отношениях, был создан Совет по расовым отношениям. Эта инстанция обеспечивала защиту прав граждан в случае доказанной дискриминации по расовым мотивам. В 1968 году был принят более существенный Билль против дискриминации, однако он сопровождался новым законодательством, контролирующим въезд в страну и резко сокращающим количество новых иммигрантов. В том же году во время парламентской дискуссии по расовым отношениям Инек Пауэлл (тогдашний спикер консерваторов) произнес в Бирмингеме речь, в которой он выражал свои опасения по поводу резкого увеличения небелого населения Британии: «Подобно римлянам, я вижу воды Тибра красными от крови». Опрос Гэллапа показал, что 75% британцев более или менее солидарны с оценкой Пауэлла.

С целью ослабления расовой дискриминации в 1976 году был принят Закон о расовых отношениях. Закон запрещал дискриминацию при приеме на работу, аренде или покупке жилья, приеме в клубы и организации. Для наблюдения за исполнением акта была учреждена Комиссия за расовое равенство, которая наделялась широким кругом полномочий и решения которой имели статус закона. Однако 70-е годы ознаменовались и появлением откровенно расистской партии Национального Фронта. Вслед за этим возникли организации, противостоящие

Фронту: например, в 1977 году для противодействия пропаганде Национального Фронта была учреждена Антинацистская Лига.

К 1990 году среди жителей Великобритании, имеющих вест-индские и южноазиатские корни, основную часть составляют британцы по рождению (их доля на тот момент была 55% и продолжает расти). Это дает возможность говорить о них как о небелом британском населении, обладающем всеми гражданскими правами, а отнюдь не как об иммигрантской среде. Они составляют приблизительно 5% всего населения.

Закон о британском подданстве, принятый в 1981 году, ужесточил условия въезда в Великобританию для жителей бывших или нынешних подвластных территорий. Британское гражданство отделено от гражданства британских подвластных территорий. Закон сохранил категорию граждан британских колоний преимущественно в Малайзии и Сингапуре, однако им не разрешалось селиться в Великобритании, а их дети не могли наследовать гражданство британских территорий. Граждане Содружества британских наций, ранее имевшие право на регистрацию в качестве британских подданных после пяти лет проживания в стране, теперь должны были подавать прошение о натурализации на общих основаниях. Добавились и другие ограничения на въезд и право на жительство. По Биллю 1988 года они еще более ужесточились. Сократились также возможности въезда политических и религиозных беженцев. В 1991 году был принят Билль об убежище, провозгласивший обязательную регистрацию лиц, претендующих на статус беженцев, снятие отпечатков пальцев, сокращение доступа к бесплатным юридическим услугам и удваивавший штрафы, взимаемые с авиакомпаний, если у пассажиров не было полноценных виз. Новые правила вызвали острую критику со стороны высших представителей Церкви и Комиссара ООН по делам беженцев.

Расы, расизм и неравенство

Профессиональное распределение небелого населения Британии имеет различные вариации. Самая большая доля черных занята на рабочих должностях либо не имеет работы. На рабочих должностях занято около 80% черных мужского пола и 70% мужчин из Южной Азии по сравнению с 50% у белых.

Среди выходцев из Вест-Индии также велика доля работников физического труда, но среди них высок процент квалифицированных рабочих. Подавляющее большинство бангладешцев занято полуквалифицированной и неквалифицированной работой. Азиаты, приехавшие в Британию из Восточной Азии, в среднем гораздо чаще заняты в сфере нефизического труда, даже по сравнению с белыми. Небелые женщины зарабатывают значительно меньше небелых мужчин: их доля на должностях, не связанных с физическим трудом, и на квалифицированных рабочих должностях значительно ниже, чем у мужчин [30].

Многие небелые, в том числе большинство выходцев из Южной Азии, живут вдали от центральных районов городов. Существует тесная связь между расовой принадлежностью и местом жительства: так, вест-индцы в семь раз чаще селятся в центральных районах (внутренний город) Лондона, Бирмингема или Манчестера, чем белые. Мужская безработица в этих районах очень высока. Большинство черных живет «во внутреннем городе» не по собственному выбору; они едут туда, потому что белые покидают эти районы.

[30] *Hamnett Ch.* et al. Restructuring Britain: The Changing Social Structure. London, 1990.

Наиболее преуспевающая по уровню дохода группа небелого населения — это мелкие предприниматели из Южной Азии. Численность данной категории росла последние 20 лет, к ней относится 23% выходцев из Южной Азии по сравнению с 14% белого населения. Азиатские лавочки и другие формы азиатского бизнеса стали настолько привычной частью британской жизни, что некоторые связывают с этой категорией населения надежды на возрождение экономической жизни в центральных городских районах. Безусловно, такие ожидания преувеличены, поскольку многие бизнесмены из Южной Азии вынуждены исключительно много работать, чтобы получить относительно невысокий доход. Большинство из них не являются предпринимателями, а состоят в найме у других членов семьи, которым принадлежит соответствующий бизнес. Кроме того, они лишены преимуществ, обычных для других наемных работников: выплат по болезни, оплачиваемого отпуска и взносов в Национальное Страхование со стороны фирмы.

Сколь бы были богаты представители небелого населения, они всегда остаются уязвимыми от различных форм расизма, в том числе от нападений на расовой почве. Многим удается избежать опасности, но меньшинство оказывается в невыносимо жестоких условиях. В одном из исследовании описываются типичные случаи:

«Пока мальчик спит, в окно его спальни просовывается свиная голова, из глазниц, ноздрей и ушей которой торчат зажженные сигареты. Семья никогда не выходит из дома после семи, опасаясь нападений белых соседей, все находятся в одной большой комнате, предварительно забаррикадировав первый этаж. На дверь квартиры, в которой живет цветная семья, белые соседи ставят решетку, и люди становятся пленниками в собственном доме. Цветной подросток при переходе из одной классной комнаты в другую подвергается нападению со стороны более старшего белого мальчика, который ранит его ножом».[31]

Этническая принадлежность и низший класс

Понятие низшего класса (см. главу 7, «Стратификация и классовая структура») достаточно противоречиво. Сама идея появилась в 1970-х в связи с исследованиями, в ходе которых обнаружилось, что этнические меньшинства в Великобритании и других странах оказываются серьезно обделены в возможностях экономического развития. Так, в работе, опубликованной по результатам исследования, проведенного в 1979 году в Бирмингемском районе Хэндсуорт был сделан вывод, что небелое население по сравнению с белым занимает качественно иное положение на рынке труда, имеет худшие жилищные условия и низкую форму школьного обучения[32].

Авторы исследования считали подобную ситуацию следствием расовых предрассудков и дискриминации, усугублявших проблемы, типичные для всех обездоленных групп. В 1980-х годах ряд исследователей стал использовать понятие низшего класса в связи с доказательством того, что в низших этажах социальной системы формируется некая «культура бедности». Данная культура порождает индивидов, не способных пользоваться имеющимися возможностями. Они становятся «хроническими вэлфэровцами», привыкшими жить на подачки государства, лишенными инициативы, необходимой для преодоления хронической зависимости. Такая интерпретация получила широкое распространение как в Соединенных Штатах, так и в Британии[33].

---

[31] *Gordon P.* Racial Violence and Harassment. London, 1986.

[32] *Rex J., Tomlinson S.* Colonial immigrants in a British city. London, 1979.

[33] *Murray Ch.* The Emerging British Underclass. London, 1990.

Раста из Чеплтона

Чеплтон — пригород Лидса, расположен примерно в 10 мин. автобусом от центра города. Это несколько квадратных миль с многоквартирными домами, населенными в основном выходцами с Ямайки, из Азии, ирландцами и изредка англичанами-бедняками (либо просто идеалистами). Жители Чеплтона, как и других подобных внутренних районов городов, в географическом и социальном смысле оказались изолированными. Экономическая деятельность в любом ее виде на улицах почти отсутствует. Есть, правда, местное почтовое отделение, им управляет семья сикхов, да маленький музыкальный магазин, принадлежащий нескольким Раста (об этом достижении в предпринимательстве с оттенком зависти поговаривают другие чернокожие). Общественная жизнь в этом в основном черном и в основном безработном районе протекает между «аркадами» (помещениями с игральными автоматами), вечно многолюдным кафе Бамбу Лиф и большим пабом Хейфилд.

Найджел не совсем похож на типичного представителя местного сообщества. Ему 22 года, чернокожий, с пышной шевелюрой, свойственной Раста, — и имеет работу. Вот он сидит под небольшим плакатом с изображением Боба Марли в чеплтонском офисе фирмы Рут Бандли и Компания, поверенные, и рассказывает о своем долгом путешествии по различным программам помощи безработным, предшествовавшем его нынешнему положению. «Два с половиной года у меня не было работы. Чем я жил? Вставал вечерком, шел прошвырнуться, поглядеть, не встал ли кто из друзей. Шел к ним домой. Болтали там. Потом опять шел на улицу. Обделывали разные делишки. Вкладывали пособие в дело, чтобы хватило подольше. Этим и занимались прямо на улице — там купил, здесь продал. Вот и все».

Затем, после работы по программе подготовки молодежи в столярной мастерской («они от меня потом избавились»), а после в коммунальных службах в качестве маляра и декоратора, и затем опять-таки безработного, он в конце концов оказался в конторе Рут в качестве стажера.

Найджел говорит: «Я захотел поступить к Рут, потому что юридические фирмы, как только видели меня, говорили: "Нет, с такой прической ты нам не нужен". А Рут сказала, что если бы я постригся, она бы меня не приняла. Так что эта работа по мне. Иногда прихожу даже раньше всех. У меня свой ключ. Я решил пройти все ступеньки, все что требуется. Сдам экзамены на юрисконсульта. Может быть, и стану первым юристом Раста».

Большинству чернокожих друзей Найджела повезло в Чеплтоне гораздо меньше (доля безработных в возрасте до 25 лет в Чеплтоне приближается к 70%). Как и Найджел, они начали дрейфовать между «программами» и безработицей сразу после окончания школы, но большинство кончило тем же, с чего и начало, — пособием, а для большинства это означает — и улицей. Подальше от переполненных квартир, поближе к друзьям и к делу.

Хью, 24-летний Раста с такой же прической, как у Найджела, пытался порвать с таким положением. «Просыпаюсь и говорю себе: "Что я могу сделать позитивного?" А потом делаю то, что и каждый день. Спускаюсь на улицу, "на передовую", как мы говорим. И там думаю о том же. "Я не хочу быть здесь, не хочу просто торчать на улице. В кафе я должен сделать что-то позитивное". А что еще можно сделать? Ну я и возвращаюсь домой».

Чернокожая безработная молодежь из Чеплтона, равно как и из Брикстона, Ноттинг Хилла и Сент-Поулза, знает, что простейший способ пополнить наличность заключается в том, чтобы помаленьку приторговывать каннабисом (вид наркотика). Хью уже провел некоторое время в тюрьме за торговлю этой, как он выражается, «травкой». Никаких моральных барьеров ни у него, ни у его друзей, похоже, не существует. «Что плохого, если ты продашь немножко своим приятелям или белым студентам из университета?» — такой ответ был более или менее стандартным.

О преступлении в этой среде говорят как о возможном выборе жизненного пути. Малькольму нравится ходить на «блюзовые» вечеринки, потому что это сохраняет его от неприятностей. «Если приходит приятель и приглашает пойти на "блюз", а другой зовет "на дело", идешь на вечеринку, потому что завтра этого может не быть». В общем, он не думает, что пойдет на преступление: «Это страшно, чувствовать, что тебя вот-вот поймают. Ну, пошел ты на дело, разбогател, машину купил. Ну и что машина? А потом ты все равно знаешь, что тебя посадят. И машину потеряешь».

Ощущения Найджела от визитов в тюрьму к арестованным друзьям еще более усилили сомнения в том, что преступление — это выход. «Слишком это угнетает. По-моему, туда никому не стоит попадать. Многие мои друзья бросили это дело. Просто сидят теперь дома, получают свое пособие, покупают курево, болтают, и на этом все кончается. Никакого криминала».

То, что чернокожая молодежь привыкла считать безработицу практически нормальным образом жизни, чаще всего становится причиной непонимания между нею и родителями. Найджел очень точно описывает неприятие людьми старшего поколения уличной жизни своих детей. «О, — говорят они. — Вы все непутевые. Вам бы только валяться целыми днями, курить да трепаться по углам». Такая культура непонятна родителям, юность которых проходила совсем иначе. «Возможно, когда они приехали в Англию в 50-х и 60-х, они, хотя и с трудом, могли уйти с одной работы, а завтра устроиться на другую. Сейчас работы просто нет.»

(Адаптированный вариант статьи: *L. Taylor.* Britain Now // Illustrated London News, October. 1987. P. 54–55.)

Многие критики вывод о том, что определенные группы сами являются источником собственной обездоленности, сочли неприемлемым и стали утверждать, что понятие низшего класса дискредитировало себя[34].

И все-таки понятие низшего класса представляется единым, поскольку позволяет зафиксировать поле пересечения между классовым делением и этнической дискриминацией. Абсолютной грани между низшим классом и остальной частью рабочего класса не существует, соответствие расовому признаку также не полное, в той же структурной позиции находятся часть безработных семей с одним родителем и пенсионеры с низкими пенсиями.

Тем не менее, понятие «низшего класса» нуждается в четком определении[35]. Данная категория неоднородна и не поддается поверхностным обобщениям. Существует, например, связь между формированием низшего класса и ростом определенных форм преступности. Очевидно, что не все группы низшего класса повинны

[34] *Listek R.* Concepts of Poverty // Social Studies Review, 6. 1990.

[35] *Pilkington A.* Is there a British underclass? // Sociology Rewiew, 6. 1990.

в таком положении. Что касается понятия культуры бедности, от него нужно просто отказаться. Имеет смысл говорить скорее о «культуре сопротивления», а не пассивной зависимости, потому что возможности осознанного включения в жизнь национального сообщества в широком смысле блокируются, возникают иные культурные формы, которые дают возможность автономии и самовыражения. Сейчас общепризнано, что ключевую роль в блокировке такого рода играет расизм. Многие ученые согласятся с выводом о том, что расизм является одной из основных причин специфического состояния низшего класса.

Типичные для жертв расизма лишения, как уже отмечалось, способствуют упадку центральных районов городов и одновременно являются его следствием (см. главу 17, «Современный урбанизм»). Здесь обнаруживается прямая корреляция между расой, безработицей и преступностью, фокусом которой оказывается положение молодых чернокожих мужчин. В 1982 г. полиция приняла решение фиксировать число уличных грабежей по расовому признаку, ранее такая статистика не велась. В прессе и на телевидении подчеркивалось «непропорционально широкое участие» чернокожей молодежи в таких преступлениях, как групповое хулиганство и нападения на магазины. Как результат, в сознании общественности сформировалась связь между расовой принадлежностью и преступностью. «Дейли Телеграф» заметила по этому поводу: «Многие представители вест-индской молодежи, а вслед за ними и все большая часть белой молодежи начисто лишены сознания того, что нация и государство, в котором они живут, являются частью их самих. Поэтому сограждане становятся для них "законными" объектами насильственной эксплуатации»[36].

Однако опыт большинства чернокожей молодежи убеждает ее в том, что это именно она является объектом насильственной эксплуатации, в столкновениях с белыми, нередко, к сожалению, и с полицией.

Отношение полиции к чернокожим женщинам

В ходе исследования, посвященного полиции, Роджер Грэйф обнаружил широкое распространение расистских убеждений среди полицейских. Он сделал вывод, что полиция занимает активно враждебную позицию в отношении всех меньшинств. Особенно часто объектами шуток, издевательских замечаний, жертвами грубых стереотипов являются черные. Заметив реакцию ученого, один из офицеров поспешил успокоить его следующей «шуткой»: «Полицейские привыкли всех поливать грязью. Вовсе не одних черномазых. И о гомиках то же говорят, и о Паки (пакистанцах), о бабах, о студентах, об ирландцах — о ком только не говорят. Мы ведь всех ненавидим»[37].

Поэтому неудивительно, что исследования свидетельствуют о враждебном отношении к полиции среди чернокожих групп. Отчасти такая позиция становится результатом непосредственного опыта, в частности, на отношение чернокожей молодежи к полиции оказывают прямое влияние полицейская стратегия по отношению к ней. В исследовании, опубликованном в 1983 г., был сделан вывод о том, что недостаток доверия вест-индской молодежи может быть оценен как «катастрофический». В последующее десятилетие ситуация, по-видимому, не изменится к лучшему.

Особым объектом предрассудков и дискриминации являются чернокожие женщины, и среди них, в первую очередь, матери-одиночки, которые чаще всего

[36] Цит. по: *Solomos J., Racket T.* Policing and urban unrest: Rotten constitution and policy response. In: *Ellis Cashmore* and *Eugene McLaughlin*. Out of order? Policing Black People. London, 1991.

[37] *Graef R.* Talking Blues. London, 1989.

подвергаются критике в средствах массовой информации и неодобрению со стороны белого населения в целом. Так, в одной из статей «Лондон Ивнинг Стандарт» говорилось: «Чернокожие молодые люди совершают столь значительное число преступлений, потому что большинство черных матерей рожают детей вне брака и не имеют поддержки со стороны отцов»[38].

Анализ восприятия чернокожих женщин полицейскими показывает, что они нередко воспринимаются ими как «агрессивные и враждебно настроенные, с которыми трудно иметь дело». Женщины, у которых «нелады» с полицией, часто сталкиваются с ситуацией двойного риска — им угрожает возможность остракизма со стороны чернокожего сообщества. С целью поощрения более контактного и позитивного отношения к женщинам-правонарушителям в чернокожей среде была разработана программа «Чернокожие женщины и тюрьма». Исследования между тем показывают, что молодые чернокожие женщины так же критичны в отношении полиции, как и их ровесники мужчины. В исследовании, проведенном в среде чернокожих женщин, говорилось: «Все они без исключения придерживаются прочных антиполицейских убеждений и обвиняют полицию в расовых предрассудках и коррупции»[39].

Этнические отношения на Европейском континенте

В первые два послевоенных десятилетия Европа переживала крупномасштабные миграции населения, в ходе которых страны Средиземноморья обеспечивали Запад и Север дешевой рабочей силой. В течение определенного времени эмиграция из Турции, Северной Африки, Греции, Южной Испании и Италии активно поощрялась, поскольку промышленно развитые страны испытывали острый недостаток в рабочей силе. В результате в сегодняшних Швейцарии, Западной Германии, Бельгии и Швеции проживает большое количество рабочих-мигрантов. В то же самое время в страны, бывшие некогда колониальными державами, хлынул поток иммигрантов из бывших колоний — в первую очередь во Францию (алжирцы), в Нидерланды (индонезийцы), а также в Великобританию.

Миграция рабочей силы в Западную Европу существенно снизилась только два десятилетия назад, когда после экономического бума наступил спад. Несмотря на то, что мигранты практически везде перешли на оседлое положение, большинство членов этнических меньшинств по-прежнему сталкиваются с серьезным ограничением своих юридических прав. В некоторых странах были приняты на постоянной основе законодательные акты, первоначально ориентированные на организацию временной миграции рабочей силы, несмотря на то, что они совершенно не приспособлены к современной ситуации. В других странах (таких, как Франция и Германия) по отношению к меньшинствам проводилась политика, ограничивающая их права, — например, ограничивалось право ввозить близких родственников.

Во многих западноевропейских странах проводились кампании по возврату мигрантов в страны, из которых они происходили; депортация угрожала им в случае потери работы или нарушения закона; проводилась другая подобная политика. Эта перспектива наиболее тревожна для мигрантской молодежи, представители которой родились уже в Западной Европе и теперь столкнулись с необходимостью насильственного возвращения в страну, с которой не имеют никаких реальных связей.

---

[38] *Chigwada R.* The policing of Black Women. In: *Ellis Cashmore* and *Eugene McLaughlin*. Out of Order? Policing Black People. London, 1991. P. 138.

[39] *Player E.* Women and crime in the city. In: *David Downes*. Crime in the city. London, 1991. P. 122.

Иммиграция и связанный с ней расизм стали для Европы 1990-х годов взрывоопасной проблемой. В огромных количествах в Европу, в частности, во Францию и Италию, начали прибывать нелегальные иммигранты из Северной Африки. Распад Советского Союза и другие перемены в Восточной Европе вызвали у западноевропейских правительств опасения массированного притока иммигрантов с Востока. Только в объединенной Германии с 1991 по 1992 год были сотни нападений на иностранцев, в том числе на турецких рабочих, часть которых прожила в стране более 20 лет.

В Австрии правая группа, Партия свободы, организовала кампанию за прекращение доступа иностранцев в страну. Аналогичная организация в Италии, Ломбардская лига, имеет серьезную поддержку со стороны избирателей на севере страны. Даже в Скандинавских странах, долгое время бывших бастионами либерализма в расовых отношениях, появились влиятельные правые группы. На региональных выборах во Франции в 1992 году Французский Национальный фронт, возглавляемый Жан-Мари Ле Пеном, завоевал 14% голосов.

Многие иммигранты и правозащитные организации с тревогой следят за растущей волной расизма и попытками создать «Европейскую крепость». Однако не все процессы развиваются в сторону расовой нетерпимости. Во всех указанных странах возникли антирасистские организации, и большинство правительств приняло меры, направленные на ослабление дискриминации.

Возможные дальнейшие пути развития этнических отношений

США являются наиболее разнородной в этническом отношении западной страной, сформировавшейся как «общество иммигрантов». Поэтому модели развития этнических отношений, выработанные здесь, могут быть основанием для оценки возможных направлений изменений в Европе. Для характеристики развития этнических отношений в США предложено три типа моделей[40]. Первая — это **ассимиляция**, предполагающая, что иммигранты утрачивают собственные обычаи и перестраивают поведение в соответствии с ценностями и нормами большинства. С «ассимилирующим» давлением сталкиваются дети иммигрантов, и в результате этого большая часть молодежи стала уже более или менее «стопроцентными американцами».

Вторая модель — так называемый **плавильный котел**. В этом случае традиции иммигрантов не растворяются среди ценностей, доминирующих в среде оригинального населения, скорее происходит соединение старых и новых обычаев, идет процесс формирования новых образцов культуры. Многие считают, что это наиболее желательный результат этнического многообразия. До некоторой степени эта модель представляет собой специфический путь американского культурного развития. Несмотря на то, что доминирующее значение по-прежнему сохраняет «англо-саксонская» культура, характер американского пути отражает влияние всех тех многочисленных этнических групп, которые составляют современное население Америки.

Третья модель — модель **культурного плюрализма**. Согласно этой точке зрения, оптимальное решение заключается в создании плюралистического общества в полном смысле слова, в котором за всеми многообразными субкультурами признаются равные права. США считались плюралистическим обществом и ранее, однако этнические различия всегда ассоциировались с неравенством, а не с равным, но независимым участием в жизни национального сообщества.

[40] *Gordon M.* Human Nature, Class and Ethnicity. Oxford, 1978.

Обращаясь к Западной Европе, мы обнаруживаем сходные проблемы и сходные альтернативы. Официальные политические курсы в Британии и других странах в основном ориентируются на первый путь, то есть на ассимиляцию. Как показывает пример Соединенных Штатов, в ситуациях, когда этнические меньшинства физически отличаются от большинства населения, этот путь становится, вероятно, наиболее проблематичным. В полной мере это относится к Британии с ее вест-индскими, африканскими и азиатскими общинами. Существование расизма в Европе (нередко институционализированного) делает достаточно проблематичным и вариант плавильного котла. Учитывая то обстоятельство, что многие государства ужесточают свои иммиграционные законы, социальный и политический климат для слияния национальных общностей вряд ли можно считать благоприятным.

Сами лидеры этнических меньшинств все чаще отдают предпочтение плюралистическому пути. Однако достижение «особого, но равного» статуса потребует колоссальной борьбы, для этого понадобится немалое время. Многие все еще воспринимают этнические меньшинства как некую угрозу: рабочему месту, личной безопасности и «национальной культуре». В этнических меньшинствах по-прежнему видят «козлов отпущения». Поскольку западноевропейская молодежь часто наследует предрассудки, характерные для старшего поколения, можно предполагать, что будущее этнических меньшинств в большинстве стран будет характеризоваться продолжающейся дискриминацией, социальной атмосферой конфликтов и враждебности.

В обозримом будущем, как это было и в прошлом, наиболее вероятным будет путь, соединяющий все три указанных типа, но с более выраженными плюралистическими тенденциями. Было бы, однако, ошибкой рассматривать этнический плюрализм лишь как следствие различных культурных ценностей и норм, «привнесенных» в общество извне. Культурное разнообразие в равной степени *создается* в процессе адаптации этнических групп к новому социальному окружению.

Краткое содержание

1. Основным отличительным признаком этнической группы является наличие у ее членов общих культурных черт, отличающих эту группу от остального населения. Этнические различия являются полностью приобретенными, хотя их иногда воспринимают как «естественные».

2. *Меньшинство* (*национальное меньшинство*) — это группа, члены которой подвергаются дискриминации со стороны большинства населения данного общества. Члены национальных меньшинств часто испытывают сильное чувство групповой солидарности, отчасти обусловленное общим опытом изоляции.

3. Понятие *раса* связано с физическими характеристиками, например, цветом кожи, расцениваемыми членами данного сообщества как этнически значимые, т. е. отражающие специфические культурные характеристики. Среди широко распространенных представлений о расах многие — не более чем миф. Четких признаков разделения людей по расам не существует.

4. *Расизм* — это ложное приписывание врожденных характеристик личности и поведения индивидам, имеющим определенный физический облик. Расист — это человек, который верит, что может быть дано биологическое объяснение неполноценности,

якобы присущей людям, обладающим специфическими особенностями физического строения.

5. *Замещение* и *поиск козлов отпущения* — это психологические механизмы, связанные с *предрассудками* и *дискриминацией*. При замещении враждебные чувства направлены на объекты, не являющиеся реальной причиной волнения или тревоги. Свои опасения и чувство незащищенности люди проецируют на козлов отпущения. Предрассудки — это предвзятые представления об индивиде или группе; дискриминация подразумевает действительное поведение, направленное на то, чтобы лишить представителей группы возможностей, открытых для других.

6. Этнические установки усваиваются детьми в очень раннем возрасте. Например, они учатся думать о белых как о высших существах, а о черных — как о низших.

7. Важной составляющей большинства ситуаций этнического антагонизма являются групповые барьеры и привилегированный доступ к ресурсам. Вместе с тем ряд фундаментальных аспектов современных этнических конфликтов, в особенности расистские установки белых в отношении черных, следует рассматривать в контексте исторической экспансии Запада и колониализма.

8. Исторические примеры иллюстрируют различные типы отношений обществ к этническим меньшинствам, от рабства и апартеида до относительной терпимости и признания, а также реакции со стороны самих меньшинств.

9. Можно говорить о трех моделях возможного развития этнических отношений. В первой делается акцент на *ассимиляции*, вторая — модель «*плавильного котла*», третья — «*культурный плюрализм*». В последние годы особое значение приобрела третья перспектива, в рамках которой различные этнические общности имеют равное значение в контексте всеобщей национальной культуры.

Основные понятия

этническая принадлежность
дискриминация
расизм
предрассудки

Важнейшие термины

плюралистическое общество
меньшинство (этническое меньшинство)
раса
стереотипное мышление
замещение
«козлы отпущения»
проекция
авторитарная личность
апартеид
микросегрегация
мезосегрегация
макросегрегация
ассимиляция
плавильный котел
культурный плюрализм

Дополнительная литература

Frances Aboud. Children and Prejudice. Oxford, 1989. Рассматривается проблема формирования расовых предрассудков в детстве.

Richard Alba (ed.) Ethnicity and Race in the USA: Toward the 21st Century. London, 1985. Интересный сборник эссе о тенденциях развития этнических отношений.

Geoffrey Harris. The Dark Side of Europe: The Extreme Right Today. Edinburgh, 1990. Сравнительный анализ крайне правого экстремизма в современной Европе.

Cara Bagley Marret and *Cheryl Leggon*. Research in Race and Ethnic Relations. Westfild, 1984. Интересный обзор современных исследований этнической принадлежности, предрассудков и дискриминации.

D. Peukert. Inside Nazi Germany: Comformity, Opposition and Racism in Everyday Life. London, 1987. На основании разнообразных источников с убедительностью воссоздается атмосфера того, что очень метко было названо «банальностью расизма».

John Rex and *David Mason* (eds). Theories of Race and Ethnic Relations. Cambridge, 1986. Рекс и Мейсон анализируют основные теоретические интерпретации расовой и этнической принадлежности, строя одновременно собственную перспективу.

Глава 9

Группы и организации

Французский философ и драматург Жан-Поль Сартр однажды заметил, что ад — это другие люди. Действительно, во многих ситуациях, как личных, так и обезличенных, наши отношения с другими могут стать угнетающими. Один из способов приведения людей в некомфортное состояние, или даже в отчаяние — это сделать их взаимоотношения с другими людьми более тесными и непрерывными, как это обычно имеет место в тюрьмах. Однако гораздо более суровое наказание — лишить контактов с людьми вообще. Быть помещенным в одиночное заключение, даже если в других отношениях и допускается некоторая степень комфорта, — то, что большинство человеческих существ находят практически невыносимым. Жить и взаимодействовать с другими в группах, ассоциациях и организациях — чрезвычайно широко распространенный аспект жизни практически всех людей.

Большинство из нас принадлежит множеству групп (включая, например, семьи, в которых мы родились), а также разнообразным организациям гораздо большего размера — таким, как школы, колледжи и фирмы. Группы и организации управляют нашими жизнями, и системы власти, существующие в них, ограничивают и непосредственно влияют на наше поведение. В этой главе мы обсудим некоторые основные характеристики групп, обращая особое влияние на системы власти в крупных организациях.

Виды ассоциаций

Понятие *социальной группы* следует отличать от двух других близких понятий — *агрегата* и *социальной категории*. **Социальная группа** — это некоторое число людей, взаимодействующих друг с другом на регулярной основе. Такая регулярность приводит к сплочению принимающих участие во взаимодействии в отдельное целое с некими общими социальными характеристиками. Члены группы ожидают друг от друга определенных форм поведения, не требующихся от не-членов. Группы могут быть разного размера, от интимных,таких, как семья, до больших коллективов, таких, как спортивные клубы. **Агрегат** (социальная совокупность) есть набор людей, оказавшихся в одном месте в одно и то же время, но не имеющих никаких определенных связей друг с другом. Пассажиры в аэропорту, зрители в кино, студенты, ожидающие в очереди записи на курс обучения — все это примеры агрегатов. Используя высказывание Ирвинга Гоффмана, агрегаты — скопления людей, находящихся в нефокусированном взаимодействии друг с другом (см. главу 4, «Социальное взаимодействие и повседневная жизнь»). Конечно, внутри агрегатов обычно можно обнаружить различные виды групповых отношений.

Социальная категория является статистической группировкой — в рамках классификации людей объединяют вместе на основе конкретных характеристик, таких, как определенные уровень дохода или профессиональное положение. Люди из одной

социальной категории не взаимодействуют друг с другом и не собраны в одном месте; они необязательно придают особое значение тем общим характеристикам, согласно которым их объединяют. Тем не менее, социальные категории достаточно часто используются в социологических исследованиях. Например, если нас интересуют расовые отношения в Британии, нам может понадобиться анализировать разницу в среднем уровне дохода между черными и белыми в целом — двумя статистическими категориями.

Первичные и вторичные группы

Не все группы, к которым мы принадлежим, одинаково важны для нас. Некоторые группы воздействуют на многие аспекты нашей жизни и приводят нас к личным и близким связям с другими. Американский социолог Чарлз Хортон Кули (1864–1929) использовал термин **первичная группа** для обозначения небольшой ассоциации людей, связанных узами эмоциональной природы. Как пример можно привести семью, а также группы друзей. Кули был склонен идеализировать первичные группы, но подобную идеализацию следует поставить под сомнение. Жизнь в семье, например, отнюдь не всегда удовлетворительна и радостна; семьи часто являются источником огромного напряжения и вражды (см. главу 12, «Родство, брак и семья»).

Вторичная группа представляет собой некоторое число людей, регулярно встречающихся, но чьи отношения имеют по большей части обезличенный характер. Индивиды во вторичных группах не имеют близких связей друг с другом, и обычно собираются вместе со специфическими практическими целями. Комитеты и клубы — хорошие примеры вторичных групп. Конечно, в действительных жизненных ситуациях различия между первичными и вторичными группами не столь отчетливо выражены. Например, люди, регулярно встречающиеся на заседании комитета, могут стать большими друзьями и проводить время вместе в неформальной обстановке.

Формальные организации

В традиционных обществах вся жизнь людей проходила в пределах небольшой группы. В обществе, подобном традиционному Китаю, для жителей сельской общины было большой редкостью встретить правительственного чиновника. Правительственные эдикты едва ли оказывали влияние на их жизнь. Сравните это с ситуацией, которую имеем сегодня. Все, что мы делаем, постоянно обуславливается решениями должностных лиц; мы даже говорим об этих должностных лицах как о власти. Любое важное событие — рождение, женитьба или смерть — должно быть зарегистрировано. Правительственные организации обеспечивают, или по крайней мере частично обеспечивают некоторые из основных ресурсов, влияющих на нашу деятельность, такие, как образование, поддержание санитарных условий, дорожная система, коммунальные услуги, контроль за окружающей средой, национальная денежная система — список практически бесконечный.

Многие из нас родились в больших больницах, и нас метили, чтобы распознать среди нескольких дюжин других новорожденных. Практически все мы посещали школу, а некоторые и колледж. В течение нашей взрослой трудовой жизни мы можем работать в фирмах, финансовых компаниях, банках или правительственных агентствах. В течение всей нашей жизни мы также будем зависеть от **организаций**, если хотим общаться с другими посредством писем или телефона, иметь свет и тепло

в своих домах, а также получать информацию и развлечения, читая газеты, слушая радио или смотря телевизор.

Организация — это большая ассоциация людей, действующих на основании неличных связей, созданная для достижения специфических целей. Большинство социальных систем в традиционном мире развивалось в течение долгого времени под действием привычек и обычаев. Организации, с другой стороны, по большей части *спроектированы* — учреждены с определенными целями, и располагаются в зданиях или на физических пространствах, специально сконструированных, чтобы помочь в достижении этих целей. Здания, в которых функционируют больницы, колледжи или фирмы, являются в основном специально приспособленными.

Легко понять, почему организации так важны для нас сегодня. В доиндустриальном мире большинство потребностей человека — добывание пищи, воспитание детей, работа и досуг — удовлетворялись в семьях, в среде близких родственников и соседей. В современных обществах все мы гораздо более взаимозависимы, чем когда-либо раньше. Многие наши потребности удовлетворяются теми, кого мы никогда не встретим в жизни и кто, быть может, живет за многие тысячи миль от нас. В этих обстоятельствах требуется огромная работа по координации деятельности и ресурсов, каковую и выполняют организации.

Бюрократия

Все современные организации являются в значительной степени бюрократическими по своей природе. Слово **бюрократия** было введено в 1745 году де Гурне. Он добавил к слову «бюро», что означало как учреждение, так и письменный стол, часть, происходящую от греческого глагола «управлять». «Бюрократия», таким образом, означает власть чиновников. Вначале это слово применялось только по отношению к правительственным учреждениям, но постепенно его значение расширилось и теперь применяется к любым большим организациям. С самого начала это понятие и его изобретателем, и другими употреблялось в уничижительном смысле. Де Гурне говорил о нарастающей силе чиновников как о «болезни под названием бюромания»[1]. Французский писатель Бальзак говорил о бюрократии как о «гигантской власти, управляемой пигмеями». Такой взгляд сохранился и до нашего времени. Бюрократия часто ассоциируется с волокитой, неэффективностью и расточительностью.

Сатирик Сирил Норткот Паркинсон дал блестящий анализ бюрократии, основывающийся на мысли, что чиновники неограниченно расширяют рамки своей деятельности для того, чтобы занять все имеющееся у них свободное время[2]. «Закон Паркинсона» гласит, что работа разрастается так, чтобы заполнить все время, отведенное для ее выполнения. Бюрократии разрастаются не потому, что официальные лица берут на себя новые обязанности, которых у них раньше не было, но потому, что они постоянно должны выглядеть занятыми. Они создают проблемы там, где их на самом деле не существует, и затем следят за своими подчиненными, которые в свою очередь тратят уйму времени на написание отчетов и докладных для своего начальства. Этот процесс продолжается бесконечно, причем заполнение формуляров, написание докладных и ведение досье на самом деле вовсе не нужны для выполнения тех задач, которые должна решать бюрократия.

---

[1] *Albrow M.* Bureaucracy. London, 1970.

[2] *Parkinson C. N.* Parkinson Law. Boston, 1957.

Однако многие рассматривают бюрократию в совсем ином свете — как модель тщательности, точности и эффективного администрирования. Бюрократия, говорят они, на самом деле является наиболее эффективной формой организации, которую выработало человечество, так как все задачи регулируются строгими правилами действия. Наиболее точная и общепринятая оценка бюрократии, данная Максом Вебером, лежит между двумя этими крайностями. Согласно Веберу, распространение бюрократии в современном обществе неизбежно. Развитие бюрократической власти — это единственный способ справиться с административными требованиями крупномасштабных социальных систем. Однако Вебер считает, что бюрократии присущи некоторые крупные недостатки, оказывающие серьезное влияние на природу нынешней общественной жизни.

Точка зрения Вебера на бюрократию

Вебер отмечает, что некоторое количество бюрократических организаций существовало и в больших традиционных обществах. Например, в императорском Китае имелось бюрократическое чиновничество, которое отвечало за все действия правительства. Одним из основных типов бюрократии в традиционном обществе была армия. Однако только в современную эпоху бюрократии развились в полной мере и присутствуют почти во всех сферах общественной жизни. Для выяснения происхождения и природы разрастания бюрократических организаций Вебер создает **идеальный тип** бюрократии. (Здесь термин «идеальный» относится не к наиболее желаемой, а к «чистой форме» бюрократической организации. Идеальный тип — это абстрактное описание, в нем лишь усиливаются некоторые черты, присущие реальным случаям, для выделения наиболее существенных их характеристик.) Вебер перечисляет несколько характеристик бюрократии идеального типа[3].

1. Существует четко определенная *иерархия власти*, при которой задачи в организации распределяются как «служебные обязанности». Бюрократия имеет вид пирамиды, в которой положение, означающее высшую власть, соответствует вершине. Существует «цепочка управления» от вершины к основанию, которая позволяет принимать скоординированные решения. Каждый более высокий слой руководит и контролирует слой, на ступень ниже его в иерархии.

2. *Установленные правила* определяют поведение *должностных лиц* на всех уровнях организации. Это вовсе не означает, что бюрократические обязанности являются рутинным делом. Чем выше пост, тем большее число случаев должны охватывать соответствующие правила, и тем больше гибкости требуется при их интерпретации.

3. **Должностные лица** *заняты полный рабочий день и получают должностной оклад.* Каждое рабочее место в иерархии подразумевает связанную с ним четко определенную и фиксированную заработную плату. От индивида ожидается, что он будет делать карьеру в организации. Продвижение может происходить на основе способностей, старшинства или смеси того и другого.

4. *Существует разделение между обязанностями должностного лица внутри организации и его жизнью вне ее.* «Частная жизнь» должностного лица отличается от его деятельности на рабочем месте, а также физически отделена от места работы.

[3] *Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology (2 vols). Berkeley, 1978.

5. *Никто из членов организации не владеет материальными ресурсами, которыми распоряжается.* Согласно Веберу, с развитием бюрократии работники отделяются от контроля над средствами производства. В традиционных общинах фермеры и ремесленники обычно имели возможность управлять процессами производства и владели используемыми в производстве инструментами и инвентарем. В бюрократиях должностные лица не владеют теми офисами, в которых они работают, конторскими столами, за которыми сидят, или офисным оборудованием, которое используют.

Эффективность бюрократии

По мнению Вебера, современная бюрократия является высокоэффективным способом организации больших количеств людей. Тому имеются несколько причин:

1. Бюрократические процедуры могут каким-то образом ограничивать инициативу, но они при этом обеспечивают принятие решений согласно общему критерию, а не по личному произволу и капризу.

2. Подготовка должностных лиц для того, чтобы они стали специалистами в той области, к которой относятся их служебные обязанности, отсекает «талантливых любителей», но обеспечивает должный уровень общей компетентности.

3. То, что на официальных должностях требуется занятость в течение полного рабочего дня и предоставляется должностной оклад, уменьшает, хотя и не устраняет полностью, возможность коррупции. Традиционные системы власти в значительной степени основывались на том, что мы называем сегодня «практикой коррупции». Чиновники использовали свое положение, например, чтобы облагать данью тех, кем они управляли, и присваивать большую часть денег себе.

4. Оценка деятельности путем проверок или других открытых средств снижает, хотя и не устраняет полностью, возможность получения должностей на основе личных привязанностей или родственных связей.

Вебер полагает, что чем ближе организация к идеальному типу бюрократии, тем более эффективно она будет справляться с задачами, для решения которых была создана. Он часто сравнивал бюрократии со сложными механизмами. Тем не менее, он признавал, что бюрократия порождает проблему «канцелярщины», и допускал, что многие бюрократические процедуры утомительны и дают мало возможностей для применения творческих способностей. Бюрократическая рутина и власть чиновников в нашей жизни становятся ценой, которую мы платим за техническую эффективность бюрократических организаций.

Формальные и неформальные отношения внутри бюрократий

При анализе бюрократии Вебер основное внимание уделял **формальным отношениям** внутри организации. Чем более бюрократизирована (в терминологии Вебера) организация, тем более определенными и детализированными являются ее задачи. Он ничего не говорил относительно неформальных связей и отношений внутри малых групп, существующих во всех организациях. В бюрократиях неформальные способы деятельности зачастую являются основным средством, благодаря которому достигается определенная степень гибкости.

Блау в своей классический работе изучал **неформальные отношения** в правительственном агентстве[4]. Задача чиновников агентства состояла в исследовании различных способов нарушений при уплате налогов. Агенты, сталкивавшиеся с проблемами, разрешение которых вызывало у них сомнения, должны были обсудить их со своими непосредственными начальниками. Правилами было установлено, что они не могут советоваться со своими коллегами, находящимися на одном с ними уровне. Однако многие из них неохотно обращались к своим начальникам из-за опасения выглядеть недостаточно компетентными и снизить этим шансы на продвижение по службе. Поэтому обычно они консультировались друг с другом, нарушая официальные правила. Это не только помогало получить конкретный совет, но и снижало беспокойство, связанное с работой в одиночку. Среди работающих на одном уровне образовалась сплоченная группа лояльных друг к другу людей, своего рода *первичная группа*. Блау приходит к выводу, что в результате проблемы, с которыми сталкивались сотрудники, разрешались гораздо эффективнее. В группе вырабатывались неформальные процедуры, допускающие гораздо больше инициативы и ответственности, чем было предусмотрено формальными правилами, принятыми в организации.

Неформальные сети могут развиваться на всех уровнях организации. На самой вершине личные связи и взаимоотношения могут играть гораздо большую роль в реальной структуре власти, чем те формальные ситуации, в которых, как считается, принимаются решения. Например, предполагается, что политику корпораций определяют собрания совета директоров и акционеров. В действительности же корпорацией руководят несколько членов совета, которые принимают решения неформальным образом, а совет лишь одобряет их. Неформальные взаимосвязи подобного рода имеют место и между различными корпорациями. Руководители различных фирм часто советуются друг с другом на неформальном уровне, состоят в одних и тех же клубах и проводят свободное время в одних и тех же обществах.

Не так просто ответить на вопрос, насколько неформальные процедуры способствуют или препятствуют эффективной работе организаций. Системы, напоминающие идеальный тип, описанный Вебером, приходят к созданию огромного множества способов неофициальных действий. Частично это происходит из-за того, что недостаток гибкости может быть преодолен путем неофициального обращения с формальными правилами. Для тех, кто занят скучной работой, неформальные способы деятельности часто помогают создать более приятную рабочую обстановку. Неформальные контакты между высшими должностными лицами могут быть эффективными и способствовать деятельности организации как единого целого. С другой стороны, люди, вовлеченные в подобные контакты, могут быть более заинтересованы в удовлетворении или защите своих собственных интересов, чем в отстаивании интересов организации.

Бюрократия и олигархия

Из модели бюрократии, созданной Вебером, следует, что власть, как правило, концентрируется на вершине. Большая организация подобна пирамиде, в основании которой находится большинство, обладающее незначительной властью. Ученик и коллега Вебера, Роберт Михельс, использовал это наблюдение и вывел то, что он назвал *железным законом олигархии*[5]. **Олигархия** означает власть немногих. Согласно

[4] *Blau P. M.* The Dynamics of Bureaucracy. Chicago, 1963.

[5] *Michels R.* Political Parties. New York, 1967.

Михельсу, чем больше организация и чем выше степень ее бюрократизации, тем больше власти сосредотачивается в руках небольшого числа людей, занимающих высшие посты. Михельс основывал свой тезис на анализе развития Социал-демократической партии Германии, которая ориентировалась на широкое участие масс в выработке политических решений. В первое десятилетие двадцатого века партия стала основной движущей силой в германской политике. По мере роста рядов партии ее успехи привели к росту ее внутренней бюрократии.

Михельс стремился показать, что реальная власть все более монополизировалась теми, кто руководил верхушкой партийной бюрократии, т.е. несколькими высокопоставленными партийными функционерами. По иронии судьбы, в социал-демократической партии власть находилась в руках небольшой клики людей, точно так же, как и в консервативных партиях, против которых она боролась. Согласно Михельсу, эти тенденции проявляются в любой крупномасштабной организации. Власть немногих — просто неизбежный аспект бюрократической природы больших организаций. Если аргументы Михельса обоснованны, то из них вытекают последствия, важные для всех, кто ценит демократические принципы. Сам Михельс неуклонно отходил от социалистических идеалов, которых придерживался вначале.

Как и Вебер, Михельс отождествлял основной источник напряженности в современном обществе с противоречием между стремлением к *бюрократии*, с одной стороны, и развитием **демократии** — с другой. Массовая демократия может существовать только при наличии регулярных процедур голосования и хорошо развитых партийных организаций, они же, в свою очередь, приводят к появлению бюрократии, так как для руководства партиями требуются занятые полный рабочий день функционеры. Считается, что демократия способствует массовому участию в политической деятельности; однако само существование демократических партий приводит к появлению больших бюрократических партийных машин, которыми руководят небольшие группы лидеров. (Для дальнейшего обсуждения демократии см. главу 10, «Политика, правительство и государство».)

Был ли прав Михельс? Разумеется, верно то, что большие организации предполагают концентрацию власти; тем не менее, есть основания полагать, что «железный закон олигархии» не столь суров и неизбежен, как об этом говорил Михельс. Связи между олигархией и бюрократической централизацией гораздо менее определенные, чем он предполагал.

Прежде всего, следует указать, что неодинаковость власти — не просто функция величины организации. В группах скромного размера могут быть очень четко выраженные различия в степени власти. Например, в малом бизнесе, когда руководители могут непосредственно следить за деятельностью служащих, может осуществляться гораздо более строгий контроль, чем в крупных организациях. По мере роста организации отношения власти часто становятся более свободными. Те, кто находится на нижнем и среднем уровнях, не могут оказывать значительное влияние на общую политику, которая вырабатывается наверху. Но с другой стороны, из-за присущей бюрократии специализации, связанной с компетентностью в конкретном вопросе, люди, находящиеся на верхушке бюрократической иерархии, зачастую теряют контроль над многими административными решениями, которые принимаются на нижних этажах иерархии. Работники, занимающие подчиненное положение, всегда могут в той или иной степени управлять своими начальниками. Например, чиновник государственной службы зачастую может изложить своему начальнику тот или иной вопрос таким образом, что приемлемым будет выглядеть только одно решение.

Довольно часто внутри организаций власть может открыто делегироваться от начальников к подчиненным. Рэй Пал и Джек Уинклер проводили исследование, посвященное директорам, возглавляющим корпорации различной величины[6]. Они обнаружили, что открытая передача власти подчиненным — вещь, *более* обычная в больших фирмах, чем в маленьких. В больших компаниях директора настолько заняты координацией деятельности различных отделов, преодолением кризисных ситуаций, анализом бюджета, производства и продажи, что у них остается мало времени для продуктивного мышления. Они передают рассмотрение вопросов, связанных с производством, своими подчиненным, чьей задачей является контроль над производством и увеличение доходов. Многие директора откровенно признавались, что они по большей части просто принимали те рекомендации, которые им предлагались.

Неолигархические организации

После появления работ Михельса предпринимались многочисленные попытки выявить организаций, в которых наиболее ярко выражены тенденции к централизации власти. В качестве двух примеров можно рассмотреть израильские **киббуцы** и систему рабочего самоуправления в югославской промышленности. Киббуцы были созданы специально с целью внедрить эгалитарную систему производства, при которой почти не существовало разницы в доходах или уровне власти. (Дальнейшие подробности см. в главе 12, «Родство, брак и семья».) На югославских предприятиях была внедрена формальная система промышленной демократии, при которой рабочие выбирают директоров фирм посредством голосования.

Танненбаум и его сотрудники провели сравнительный анализ фирм в пяти странах, рассмотрев в том числе киббуцы и промышленные предприятия в Югославии[7]. Изучались также деловые организации в Австрии, Италии и США. В исследовании рассматривались как малые, так и крупные фирмы; это напрямую связывает данное исследование со взглядами Михельса на организацию и олигархию.

Результаты исследования выявили существенную разницу между организациями в различных обществах. Не было доказано, что размер организации оказывает основное влияние на централизацию и иерархию. Как внутри отдельной страны, так и в различных странах некоторые малые фирмы являются более иерархичными, чем некоторые большие. В киббуцах и на югославских предприятиях, как больших, так и малых, иерархия была развита гораздо меньше, чем на промышленных предприятиях в других странах. Выяснилось, например, что в киббуцах существует лишь несколько ступеней власти, и нет большой разницы в доходах людей, находящихся на различных уровнях иерархии; индивиды часто переходили от одной задачи к другой. Однако исследователи выявили различия в степени, в которой неформальное участие смягчает иерархию. В Югославии участие в принятии решений является формальной стороной организационной структуры. В этих условиях неформальные процедуры приводят к установлению *большей*, а не меньшей степени иерархии. С другой стороны, в американских фирмах дело чаще обстоит наоборот. В Югославии

[6] *Pahl R. E.* and *Winkler J.* The economic elite: Theory and practice. In: *Stanworth Ph.* and *Giddens A.* Elites and Power in British Society. Cambridge, 1974.

[7] *Tannenbaum A.* et al. Hierarchy in Organisations. San Francisko, 1974; *Rosner M.* and *Tannenbaum A. S.* Organisational efficiency and egalitarian democracy in an international communal society: the Kibbutz // British Journal of Sociology. 1987. P. 38.

неформальные отношения используются, чтобы обойти процедуры «промышленной демократии», тогда как в США они служат уменьшению иерархического неравенства.

Японские корпорации

Рассмотрим теперь организации в совершенно иной культурной среде — в Японии, единственной стране незападного мира, ставшей полностью индустриальной. Ее экономическое развитие представляет интерес по нескольким причинам. В середине девятнадцатого века, как раз перед началом индустриализации, Япония все еще оставалась существенно феодальным обществом, гораздо более традиционным и крестьянским, чем большинство западных стран того времени; однако в конце XIX и начале XX века она пережила эпоху бурного промышленного развития. После поражения во второй мировой войне экономика Японии была полностью разрушена. Но — с помощью финансовых средств, предоставленных победителями-американцами, — Япония вскоре заняла ведущее место среди крупнейших экономически развитых держав. В настоящее время по объему национального дохода японская экономика занимает третье место в мире. Темпы экономического роста двух самых мощных экономических систем — Соединенных Штатов и Советского Союза — существенно ниже, чем Японии. Если нынешние темпы сохранятся, вскоре после 2000 года Япония станет самой богатой страной в мире[8].

Часто можно услышать, что экономические успехи Японии являются следствием особенных характеристик крупных японских корпораций, которые существенно отличаются от большинства западных фирм. Для японских компаний не характерны черты, которые Вебер связал с бюрократией.

1. В крупных японских корпорациях нет пирамидальной структуры власти, рисуемой Вебером, когда каждый уровень несет ответственность только перед вышестоящим. В японских фирмах с рабочими, занимающими невысокое положение в организации, консультируются относительно политики, проводимой управляющими, и даже руководители высших рангов регулярно встречаются с рабочими. Японцы называют такую систему принятием решений по принципу «снизу вверх».

2. В японских организациях служащие обладают гораздо меньшей степенью специализации, чем их коллеги на Западе. Рассмотрим, например, случай с Сугао, описанный Вильямом Оучи[9]. Сугао — выпускник университета, только что принятый на работу в токийский банк Мицубени. Придя в фирму, он проходит курс менеджмента, и первый год изучает общую работу различных отделов банка. Затем некоторое время он работает в местном отделении банка вместе с кассирами, а затем возвращается в головное отделение для изучения коммерческого банковского дела. Оттуда его переводят в отделение, занимающееся кредитованием, где он изучает эту сторону деятельности. Оттуда его, вероятно, переведут снова в главное отделение для работы в отделе кадров. К тому времени пройдет уже десять лет, и Сугао будет назначен на должность начальника сектора. Но процесс смены должностей на этом не заканчивается. Его переведут в другое отделение банка, занимающееся, быть может, финансированием мелкого бизнеса, а затем вернут в головное отделение на другую должность. К тому времени Сугао достигнет вершины своей карьеры; через тридцать лет после

[8] *Pascale R. T.* and *Athos A. G.* The Art of Japanese Management. Harmondsworth, 1982.

[9] *Ouchi W. G.* Theory: How American Business can meet the Japanese Challenge. Reading, 1981.

поступления в банк на должность ученика он будет специалистом в отношении всех важных задач, стоящих перед банком. Его карьера разительно отличается от прямолинейного восхождения типичного ученика того же возраста в американском банке. Американский ученик почти наверняка с самого начала будет специализироваться в одной области банковского дела, в которой и останется до конца своей служебной деятельности.

3. В крупных японских корпорациях принята пожизненная занятость — сотрудникам гарантируется работа. Заработная плата и ответственность зависят от старшинства, от того, сколько лет сотрудник проработал в фирме, а не от конкурентной борьбы за продвижение по службе. На всех уровнях корпорации служащие объединены в небольшие «команды», или рабочие группы. При этом оценивается эффективность работы всей группы, а не отдельных ее членов. В отличие от их аналогов на Западе, в Японии на схемах, отражающих структуру власти в организации, изображаются только группы, а не отдельные должности.

4. В веберовской картине бюрократии существует четкое различие между работой человека в организации и его деятельностью за ее пределами. Это относится к большинству западных корпораций, где отношения между фирмой и служащим носят большей частью экономический характер. Напротив, в японских корпорациях проявляется забота о многих сторонах жизни служащих, поэтому корпорации ожидают от своих сотрудников большей лояльности. Японские служащие, от продавцов в магазине до высших должностных лиц, часто носят униформу компании. Каждое утро они могут собираться вместе, чтобы спеть гимн компании, и регулярно участвуют в мероприятиях по проведению досуга, организуемых корпорацией по выходным дням. (Некоторые западные корпорации, например, IBM или Apple, также имеют теперь свои фирменные песни.) Работники получают различные материальные вознаграждения и помимо своей заработной платы. Например, электронная фирма Хитачи, которую изучал Рональд Дор, предоставляет жилье всем несемейным рабочим и почти половине семейных[10]. Компания предоставляет кредиты для обучения детей и оказывает материальную помощь в случае свадеб и похорон.

Значение японской системы для теории организаций

Многие наблюдатели считают, что если западные страны хотят сравняться с Японией по темпам экономического роста, то фирмам Америки и Европы следует перенять опыт японских корпораций. Этот вывод важен не только с экономической точки зрения, он также важен и для нашего понимания природы организаций и бюрократии вообще. Японские компании во многих отношениях являются гораздо более «демократическими», чем западные корпорации; в них прилагается больше усилий для проведения консультаций на всех уровнях и поощряется развитое чувство корпоративной лояльности. В том, что касается систем власти, упора на работу в группах, продвижения по старшинству, а не в силу конкуренции, заботы корпораций о нуждах сотрудников японские фирмы разительно отличаются от модели бюрократии Вебера. Если они работают эффективно *вследствие* подобных отклонений от бюрократической иерархии, то вызывают значительные сомнения те выводы, которые обычно делаются при анализе организаций западного мира.

[10] *Dore R.* British Factory, Japanese Factory: The Origins of National Diversity in Industrial Relations. London, 1973.

Несмотря на критику, которой подвергалась выработанная Вебером трактовка бюрократии, большинство исследователей признают ее в основном верной; то есть считается, что веберовский идеальный тип бюрократической организации должен обеспечивать эффективность производства.

Какие еще факторы, помимо их «небюрократической» природы, могут объяснить эффективность деятельности японских корпораций? Нетрудно отметить другие потенциальные причины. По-видимому, консультации на всех уровнях возможны только вследствие чрезвычайно сильно выраженного чувства почтения, которое в Японии подчиненные испытывают к своим начальникам; это значит, что окончательные решения руководителей и управляющих безоговорочно принимаются, даже если подчиненные не согласны с ними. В Японии в порядке вещей видеть, как младшие руководители носят портфели своих начальников. Пожизненная занятость гарантируется только в больших фирмах (да и то не во всех). В японской экономике также велика доля малых фирм, в которых заработная плата зачастую очень низкая, а условия труда тяжелые.

Высокую эффективность японской экономики можно частично объяснить чрезвычайной интенсивностью труда и большой продолжительностью рабочего дня. Независимый журналист Сатоси Камата некоторое время работал в фирме Тойота, производящей автомобили. В книге, опубликованной вскоре после этого, он детально описал, с чем ему пришлось столкнуться. В принадлежащем компании доме, где он жил, царили казарменные порядки. Санитарные условия в квартирах и на рабочих местах были плохие, а условия труда — гнетущие. Вот что пишет Камата:

> Рабочих подгоняют на производстве день и ночь. Их жизнь настолько тесно связана с конвейерной лентой предприятия, что они не могут взять выходной день даже в случае необходимости. Бескомпромиссное усиление рационализации заставило уйти всех рабочих, имеющих право на облегченный труд. На конвейерных линиях приходилось работать не только мастерам, руководителям самого низшего уровня, но и бригадирам. Даже старшие бригадиры, обычно осуществляющие высшее руководство, могли иногда надевать рабочие рукавицы и помогать. После этого им приходилось брать домой служебные бумаги, составлять ежедневные сводки и подсчитывать наряды. Конвейеры в цехах работают целый день, причем их обслуживает минимально необходимое число людей... Рабочие вынуждены трудиться по воскресеньям и в праздники. Работа с крайним напряжением сил, работа по выходным — вот та смазка, без которой конвейер не смог бы работать. Когда я приезжаю в этот город и разговариваю с рабочими, я чувствую себя попавшим как бы в чужую страну. Но это кошмар, в котором я жил, и мой гнев не пройдет никогда.[11]

Пример того, насколько японские методы управления зависят от нетребовательной, почтительной и трудолюбивой рабочей силы, являет собой опыт руководимых японцами фирм, организованных в западных странах в последнее время. Число исследований в этом направлении пока что невелико, а имеющиеся свидетельства разрозненны. Но можно сделать вывод, что практика японского управления может быть отделена от культурного окружения Японии и все же оставаться эффективной. С некоторым успехом она может быть применена в условиях более индивидуализированной рабочей силы, привыкшей к хорошим условиям труда.

Исследование руководимых японцами предприятий в Великобритании и Соединенных Штатах свидетельствует, что принятие решений по принципу «снизу вверх» применимо и вне японского культурного контекста. Рабочие, по-видимому, положи-

[11] *Kamata S.* Japan in the Lane. London, 1982.

тельно реагируют на большую степень своей вовлеченности в дела предприятия, чем в фирмах западного типа, где они ранее работали. Следовательно, можно заключить, что «японская модель» дает некоторые уроки оценки веберовской теории бюрократии. Организации, близкие к «идеальному типу» Вебера, в реальности гораздо менее эффективны, чем это выглядит на бумаге, поскольку они не позволяют работникам на нижних уровнях иерархии развить чувство самостоятельности и вовлеченности в общее дело при решении своих задач и организации своей работы.

Приводя примеры японских корпораций, Вильям Оучи[12] сделал вывод, что бюрократическая иерархия имеет четко очерченные пределы своей эффективности. Явное обюрокрачивание организации ведет к «внутреннему краху» функционирования по причине их жесткой, негибкой природы и невовлеченности людей в деятельность организации. По терминологии Оучи, так называемые *клановые формы* власти резко отличаются от бюрократических систем и для многих структур современного общества являются гораздо более эффективными, чем системы власти бюрократического типа. «Кланы» — это группы людей, имеющие тесные и личностные связи друг с другом. Примером могут служить рабочие группы в японских фирмах; однако системы кланового типа часто образуются неформальным путем и внутри западных организаций.

Факторы, влияющие на организации в современном мире

Квалифицированные специалисты

Все современные организации зависят от знаний, опыта и передачи информации. **Квалифицированные специалисты** специализируются в развитии технических знаний. Профессиональный опыт нельзя просто свести к бюрократическим обязанностям, поскольку необходим длительный период обучения, к тому же специалисты принадлежат к национальным и даже интернациональным сообществам, определяемым природой их задач. Когда специалисты работают в крупных организациях, они не вполне вписываются в иерархию власти. Они обычно обладают большей независимостью, чем те, кто работает на нижних и средних уровнях иерархии. Например, профессора и преподаватели работают в университетах и колледжах, получают заработную плату за обучение студентов, но в своих работах и исследованиях они ориентируются на международные научные сообщества по своей дисциплине. Они, как правило, обладают большой свободой в выборе курса лекций и сами решают, каким образом различные курсы должны быть связаны между собой и какой набор курсов обеспечивает достаточную квалификацию для получения диплома. В значительной степени они находятся вне бюрократической иерархии. Административно-управленческий аппарат распределяет финансовые и материальные ресурсы, необходимые для реализации программы обучения, и его задачи гораздо четче формулируются как бюрократические обязанности. То же самое можно сказать и относительно распределения обязанностей между врачами и административным персоналом в больницах.

Степень независимости специалистов при определении своих задач внутри организации определяется многими факторами: размером и уровнем обюрокрачивания

[12] *Ouchi W. G.* Aconceptual framework for the design of organizational control mechanism // Management Science, 25. 1979; *Ouchi W. G.* Theory: How American Business can meet the Japanese Challenge. Reading, 1981.

организации, природой рассматриваемой профессии, прочностью профессиональной ассоциации, к которой принадлежат отдельные сотрудники. В качестве противоположных примеров рассмотрим уход за больными и юриспруденцию. Медицинских сестер обычно относят к специалистам, но степень независимости в условиях их работы относительно невелика. Больницы — это строго бюрократические организации, в которых медицинские сестры подчиняются старшим сестрам и другим сотрудникам-медикам. Ассоциации медицинских сестер устанавливают общие правила условий труда медицинских сестер, но они не могут контролировать соблюдение этих правил в рамках Национальной службы здравоохранения.

Юристы обычно обладают большей степенью независимости в определении своих рабочих задач, чем медицинские сестры, даже если они работают в больших организациях, а не занимаются частной практикой. Профессиональные ассоциации юристов очень сильны; они вырабатывают кодекс поведения, которому следуют юристы. Юристы следуют определенным административным ограничениям, но их деятельность могут оценивать и контролировать только те, кто является членом юридической корпорации. Допустим, что юристу, работающему в некой компании, предстоит защищать интересы фирмы в судебном разбирательстве, затеянном неким разгневанным покупателем. Компания может поручить юристу вести это дело, но, как правило, она не может настаивать, чтобы юрист защищал ее интересы так, а не иначе. Почти всегда считается, что это относится к профессиональной компетенции юриста и не подлежит вмешательству со стороны нанимателя.

Значительная часть влияния, которое специалисты имеют в организациях, определяется их ролью *кураторов* для широких слоев общества, которые обслуживает данная организация. Куратор — человек, определяющий доступ куда-либо (в данном случае — к квалификации). Например, профессиональные инспекторы или инженеры контролируют выдачу лицензий, необходимых для начала строительства; профессора и университетские преподаватели определяют, кто получит степени и дипломы; работники социального обеспечения определяют, кому и в каком размере следует оказать социальную помощь. Степень независимости специалистов во всех перечисленных случаях определяется факторами, отмеченными выше.

В современных обществах доля людей, занятых профессиональной деятельностью, неуклонно возрастает. Поскольку организациям все чаще приходится основываться на специальных знаниях и навыках, иерархические системы бюрократического типа испытывают все большее напряжение. Среди профессионалов наблюдается тенденция работать вне крупных организаций; они организовывают собственные небольшие фирмы и предлагают свои услуги по мере надобности. Организации, в которых значительна доля квалифицированных специалистов, имеют, как правило, более гибкий административный характер, чем организации традиционного типа.

Информационная технология

Еще одним фактором, оказывающим постоянное влияние на организационные структуры, является развитие **информационной технологии** — компьютеров и электронных средств связи. Автоматизированные системы обработки данных широко распространены в ряде процессов. Каждый раз, когда кто-то берет деньги из банка или покупает билет на самолет, он взаимодействует с компьютерной системой связи. Так как данные могут мгновенно обрабатываться в любой части земного шара, связанной с такой системой, нет необходимости в физической близости людей.

До окончательного появления целиком «электронного офиса», где основную работу будут выполнять машины, а не люди, еще далеко, и на этом пути предстоит разрешить множество проблем. Тем не менее, существует устойчивая тенденция к тому, чтобы переложить многие задачи, решаемые в учреждениях, на электронику. Текстовые редакторы, компьютерные сети, факсимильная связь и другие электронные системы уже в значительной степени изменили природу управленческого труда. В нескольких ведущих американских банках отделы кредитования, осуществляющие перевод денежных средств, уже полностью автоматизированы. Банки также автоматизировали значительную часть операций по обработке банковских счетов. Исследование, проведенное в отделении «Ситикорп» в Нью-Йорке, показало, что до внедрения автоматизации одно кредитное письмо обрабатывали четырнадцать человек в течение трех дней. После внедрения электронного оборудования один человек с помощью компьютера, хранящего записи в электронном виде, проделывал ту же работу за несколько минут. В семидесятых годах упомянутый банк сократил число своих клерков с десяти до шести тысяч.

Пожалуй, банки извлекли из этой технологии больше, чем все остальные организации, поскольку большая часть банковской работы связана с цифрами. Компьютеризация оказалась очень удобной, и сейчас по национальным и международным сетям передаются огромные массивы данных. Сегодня стержнем технологического развития банковского дела является электронная система платежей. При помощи этой системы чек может быть принят или обналичен где угодно, при этом чек остается в определенном отделении банка, а информация об этом направляется по электронным каналам в клиринговую палату.

С появлением электронной системы платежей стало возможным проведение банковских операций на дому. Клиенты имеют возможность получать информацию и осуществлять операции на своих домашних терминалах, соединенных с компьютером банка. Они смогут оплачивать счета и переводить средства с одного счета на другой. Если проведение банковских операций на дому получит распространение, это приведет к сокращению числа служащих в отделениях банков и в центральных конторах.

В 1982 году фирма «Рэнк ксерокс» обнаружила, что продажа некоторых видов оборудования упала, и была вынуждена сократить расходы. Традиционный способ в подобных обстоятельствах — уволить часть сотрудников. Вместо этого фирма перевела часть своих сотрудников в независимые консультанты и организовала компьютерную сеть, названную «Ксанаду», для выполнения каждым из них своих обязанностей на дому. Затем компания приобрела значительную часть их рабочего времени на несколько лет, а остальное время они использовали по своему усмотрению для работы с разными клиентами. Идея заключалась в том, что новая система обеспечит корпорации доступ к профессиональным навыкам, которыми обладают ее бывшие служащие, но по более дешевой цене и гораздо более гибким способом, чем если бы они работали на компанию все свое время. В свою очередь, бывшие сотрудники получили возможность организовать свое собственное дело. Таким образом, в выигрыше оказались обе стороны[13].

Казалось бы, подобный опыт позволяет сделать вывод, что с исчезновением большей части рутинных процессов крупные организации будут уменьшаться в размерах, что породит тенденцию к меньшим по размеру, более гибким типам предпринимательства. Однако к таким выводам нужно относиться с осторожностью. Некоторые

[13] *Handy Ch.* The Future of Work: A Guide to a Changing Society. Oxford, 1984.

тенденции подобного рода прослеживаются, однако их влияние все еще ограничено. В принципе, организации могут стать гораздо более децентрализованными, чем в настоящее время. Значительная часть управленческой работы может проводиться дома с помощью компьютерных терминалов, связанных друг с другом посредством систем телекоммуникации. Несколько крупных фирм в Великобритании, США и других странах уже организовали компьютерные сети, связывающие служащих, работающих на дому. Однако эти методы работы не получили такого широкого распространения, как ожидалось. Компьютерные терминалы не стали привлекательной заменой личного общения с коллегами и друзьями по работе, а руководство не может легко следить за деятельностью своих «невидимых» сотрудников.

Физическая среда организаций

Как было отмечено ранее, многие современные организации функционируют в специально созданных физических условиях. Здания, в которых расположены организации, обладают специфическими особенностями, связанными с их деятельностью; однако имеются и общие архитектурные черты. Архитектура больницы, например, отличается в некоторых отношениях от архитектуры здания фирмы или школы. В больнице есть отдельные палаты, консультационные, операционные и административные комнаты, которые придают всему зданию определенный облик, тогда как в школах имеются классные комнаты, лаборатории и спортивный зал. И все же между зданиями больницы и школы существует определенное сходство. Оба здания имеют большое число коридоров с выходящими в них дверями, а также стандартную внутреннюю отделку и мебель. За исключением различий в одежде людей, проходящих по коридорам, здания, в которых расположены современные организации, имеют определенную «одинаковость». Зачастую они очень похожи как снаружи, так и изнутри. Проходя мимо здания, можно задать вопрос: «Это школа?» — и услышать в ответ: «Нет, это больница». Хотя при этом требуются значительные переделки, но может случиться, что школа располагается в здании, которое ранее занимала больница.

Многие годы социологи обсуждали организации, как будто плавающие в своего рода «эфирной пустоте». Можно обнаружить большие тома, посвященные деятельности организаций, в которых вовсе не упоминается, что организации действуют в определенных физических условиях. Однако, как показали Мишель Фуко и другие, архитектура организаций напрямую связана с их социальным статусом и системой власти[14]. Анализируя физические характеристики организаций, мы можем пролить свет на проблемы, выдвинутые Вебером. «Офисы», которые Вебер обсуждал абстрактно, являются также *архитектурной средой* внутри организаций — комнатами, разделенными коридорами. Здания крупных фирм нередко образуют иерархию в физическом пространстве; чем выше положение человека в структуре власти, тем ближе его кабинет к вершине небоскреба. Выражение «верхние этажи» часто обозначает «те, кто обладает наивысшей властью» в организации.

«География» организации влияет на ее деятельность и иными способами, особенно в тех случаях, когда функционирование системы существенно зависит от неформальных связей. Расположение по соседству способствует образованию «первичных групп», тогда как физическая удаленность содействует их поляризации — примером могут служить отношения типа «мы» и «они» между отделами.

[14] *Foucault M.* Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. London, 1971; *Foucault M.* Discipline and Punish. Harmondsworth, 1979.

Надзор и дисциплина в организациях

Надзор

Расположение комнат, коридоров и открытых пространств в занимаемых организациями зданиях может дать ответ на вопрос, как функционирует система власти в организациях. (Разумеется, многие организации расположены в зданиях, не приспособленных специально для их работы, что может в значительной степени влиять на деятельность сотрудников.) В некоторых организациях предусмотрено наличие открытых пространств, где группы сотрудников работают вместе. Из-за монотонного, повторяющегося характера некоторых производственных процессов, например, при работе на сборочной линии, для поддержания рабочего ритма необходимо постоянное наблюдение. Это относится и к рутинной работе, выполняемой машинистками; они сидят все вместе в машинном бюро, где начальники могут следить за их деятельностью. Фуко придает большое значение тому, в какой степени наличие или недостаток *обозреваемости* в служебных зданиях отражает структуру власти. Насколько деятельность подчиненных становится видимой их начальникам, определяет, могут ли они легко стать объектом того, что Фуко называет **надзором**.

Надзор подразумевает наблюдение за деятельностью в организации. В современных организациях каждый, даже занимающий относительно высокое положение, является объектом надзора; но чем более низкое положение человек занимает в иерархии власти, тем строже наблюдение за его деятельностью. Надзор принимает две формы. Одну из них мы только что упомянули — прямое наблюдение старших за работой подчиненных.

Рассмотрим пример классной комнаты в школе. Ученики сидят за столами или партами, обычно рядами, все на виду у учителя. Учитель часто сидит или стоит на возвышении и ясно видит все, что делают ученики. Дети более или менее постоянно стремятся показать, что они начеку или поглощены работой. Разумеется осуществление этого на практике зависит как от способностей учителя, так и от склонности детей делать то, что от них ожидается.

Второй способ надзора более тонкий, но не менее важный. Он заключается в ведении личных дел, досье и послужных списков работников. Вебер указывал на значение письменных свидетельств (в наши дни часто компьютеризированных) в современных организациях, однако в полной мере не оценил их возможности в регулировании поведения. Записи в личных делах служащих обычно содержат подробные сведения о занимаемых должностях с указанием личных деталей и оценкой характера. Записи такого рода используются для контроля поведения служащих и определяют рекомендации для дальнейшего продвижения. Во многих фирмах служащие на каждой ступени иерархии составляют ежегодные отчеты о деятельности своих непосредственных подчиненных. Другими примерами записей, используемых для управления поведением индивида по мере его продвижения в организации, являются школьные аттестации и ранжирование учеников колледжа в конце обучения. Для лиц академических профессий также ведутся записи их деятельности.

Разумеется, люди на нижних ступенях иерархии не просто пассивно воспринимают надзор, который осуществляется за ними. Они находят всяческие способы, чтобы обеспечить себе «свободное пространство» и «свободное время» вне поля зрения надзирающего. Люди могут заглядывать в свои личные дела, даже если предполагается, что они этого не делают, и находят средства побудить или заставить своих начальников писать хорошие отзывы об их работе. Создание «теневых зон»,

находящихся вне поля зрения надзирающего, является одним из основных способов борьбы с чрезмерным надзором (см. главу 4, «Социальное взаимодействие и повседневная жизнь»). Надзиратели средних уровней иерархии зачастую смотрят на это сквозь пальцы, так как хотят сохранить доверие подчиненных и хорошо выглядеть, когда сами подвергаются контролю со стороны вышестоящих начальников. Вот отрывок из раннего социологического исследования на судоверфи:

> Любопытно было видеть внезапные изменения, когда проносился слух, что в цехе или на стапеле появлялся старший мастер или начальник цеха. Сменные мастера и бригадиры спешили к своим рабочим и побуждали их к видимой активности. «Он не должен видеть, что ты сидишь без дела» — таков был общий настрой; а там, где не было работы, деловито сгибали и устанавливали трубу или укрепляли и без того крепко посаженный болт. Это была формальная дань, которая неизменно сопровождала появление начальника, а ее условности были так же хорошо знакомы обеим сторонам, как и условности, окружающие инспекторский смотр генерала с пятью звездами на погонах.[15]

Дисциплина

Надзор играет важную роль в современных организациях по причине его сильной связи с *дисциплиной* — координированным регулированием поведения людей. Организации не могут эффективно функционировать, если то, что в них происходит, происходит случайно. Скажем, согласно Веберу, сотрудники в фирмах должны отработать определенное число часов каждый день. Мы воспринимаем это более или менее как должное, но на ранних этапах индустриализации требовалось долгое время, чтобы убедить людей в необходимости работать положенное число часов каждый день, из недели в неделю. Крестьянский труд в традиционных общинах был нерегулярным и сезонным, и люди привыкли работать ровно столько, сколько было необходимо для удовлетворения их потребностей. Создание современных заводов и отделенных от дома рабочих мест позволило установить постоянный надзор и стало средством достижения необходимого уровня трудовой дисциплины.

Дисциплина поддерживается как физическими условиями в организациях, так и строгой очередностью действий, обеспечиваемой подробными расписаниями. Расписания регулируют деятельность в пространстве и времени — по словам Фуко, они «эффективно распределяют людей» в организации. Расписания служат условием организационной дисциплины, так как координируют деятельность большого числа людей. Если бы в университете не было строго соблюдаемого расписания лекций, в нем вскоре воцарился бы полный хаос. Расписание позволяет интенсивно использовать пространство и время: и то, и другое может быть заполнено многими людьми и многими формами деятельности.

Карцерные организации

Фуко, как и Ирвинг Гоффман, уделял много внимания изучению организаций, в которых индивиды на долгое время физически оторваны от внешнего мира. В таких организациях люди подвергаются *инкарцерации*, содержатся в отрыве от внешнего социального окружения. Согласно Гоффману, тюрьмы, клиники для душевнобольных и другие карцерные системы коренным образом отличаются от других организаций

[15] *Archibald K.* Wartime Shipyard. Berkeley, 1947.

своим «полностью закрытым» характером[16]. Фуко согласен с этим, но он также пытается показать, что изучение **карцерных организаций** может прояснить вопрос о том, как управляются остальные организации. Надзор и дисциплина широко использовались в карцерных условиях задолго до того, как их стали применять в организациях иного типа. Тюрьмы, клиники для душевнобольных и казармы очень четко иллюстрируют природу надзора и дисциплины именно потому, что в них осуществляется максимальный контроль за поведением обитателей. Именно поэтому Фуко недвусмысленно отвечает на свой вопрос: «Разве не удивительно, что тюрьмы похожи на заводы, школы, казармы, больницы, а те в свою очередь напоминают тюрьмы?»[17].

Развитие карцерных организаций

В средние века карцерные организации встречались достаточно редко. Тюрьмы кое-где существовали, но их было мало, и они находились на значительном удалении друг от друга. Заключенные в тюрьмах не отбывали установленные сроки наказания; они либо содержались с целью подавления политической оппозиции, либо подвергались пыткам, чтобы получить необходимые сведения, либо находились там в ожидании суда. Душевнобольные жили в общинах или вынуждены были скитаться по стране. Приютов и больниц для душевнобольных не существовало.

Карцерные организации появились только в начале восемнадцатого века, однако привычным явлением тюрьмы и приюты для душевнобольных стали лишь более чем через сто лет. Тюрьмы и приюты происходят от так называемых «общественных госпиталей». В то время слово «госпиталь» вовсе не означало место ухода за больными. Напротив, оно обозначало место заключения, где содержались бродяги, умственно отсталые и психически больные. Считалось, что «госпитали» помогают своим обитателям исправиться, и очень часто они располагались там, где требовался тяжелый труд за очень низкую плату.

Приюты для душевнобольных появились в конце восемнадцатого века, сначала в Европе, а несколько позднее в США. Примерно в этот же период появились и тюрьмы в их нынешнем понимании. Однако прошло еще некоторое время, прежде чем они окончательно отделились от прежних приютов. Реформатор тюрем Джон Говард писал в 1781 году после посещения берлинского госпиталя, что он был полон «бездельников», «негодяев и распутников», «больных и преступников», а также «опустившихся старух и детей», всех вперемежку.

Согласно Фуко, «Паноптикон», придуманный в середине девятнадцатого века Джереми Бентамом, в чистейшем виде отражает разницу между старыми госпиталями и новыми тюрьмами. «Паноптиконом» Бентам называл идеальную тюрьму, проект которой он неоднократно пытался продать британскому правительству. Этот проект никогда не был полностью реализован, но некоторые из его основных принципов были взяты на вооружение при создании тюрем в девятнадцатом веке в США, Великобритании и в некоторых странах европейского континента. По плану «Паноптикон» был круглой формы, его камеры располагались по внешнему периметру. В центре находилась наблюдательная башня. В каждой камере было два окна, одно из них выходило на наблюдательную башню, другое — наружу. Такое расположение камер позволяло надзирателям видеть заключенных в любое время.

[16] *Goffman E.* Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Harmondsworth, 1961.

[17] *Foucault M.* Discipline and Punish. Harmondsworth, 1979.

Окна в самой башне прикрывали жалюзи, так что служители оставались невидимыми для заключенных, хотя сами держали их под постоянным наблюдением.

План «Паноптикона» способствовал распространению принципа отдельных камер для небольшого числа заключенных или отдельных лиц. В старых домах призрения люди содержались вместе в очень больших комнатах, где они и спали, и работали. Архитектурное построение тюрем самым прямым образом повлияло на разработку других типов организаций; например, некоторые ранние заводы проектировались теми же архитекторами, что раньше проектировали тюрьмы.

Разумеется, карцерные организации составляют небольшую долю современных организаций. Люди либо проводят лишь часть своего дня или недели в организациях, скажем, в школе или на работе, либо они оказываются несвободными лишь на короткий период, например, в больницах. Однако между карцерными и некарцерными организациями имеется очевидное сходство, и Фуко был прав, указывая, что изучение организаций одного типа помогает познанию другого.

Небюрократические организации: группы взаимопомощи

Социологи часто полагают, что в современных обществах к ассоциациям, имеющим серьезное значение, можно отнести лишь первичные группы и бюрократические организации; однако это далеко не так. Кроме них, давно существуют добровольные объединения, благотворительные организации и организации взаимопомощи. Например, на раннем этапе индустриализации многие рабочие образовывали группы, такие, как клубы трудящихся и ассоциации образования. В этом разделе мы сосредоточим внимание на организациях взаимопомощи, которые зачастую разительно контрастируют с бюрократическими системами.

За последние сто лет число и разнообразие групп взаимопомощи значительно возросло. Появились ассоциации домовладельцев, анонимных алкоголиков, группы реабилитации наркоманов и сотни других. У некоторых из них более чем столетняя история, другие возникли совсем недавно.

Право образовывать группы взаимопомощи далеко не всегда было закреплено законодательно. Во многих странах ранние организации рабочих сталкивались с враждебным отношением со стороны властей и иногда даже запрещались. В большинстве обществ шла борьба за право образовывать группы согласно свободно выбранным интересам и целям.

Группы взаимопомощи образуют люди, находящиеся в одинаковом положении, и собирающиеся вместе, чтобы оказать друг другу помощь в реализации общих интересов или чтобы справиться с общими проблемами. Такие группы являются, как правило, неиерархическими; в них отсутствуют фиксированные должности, связываемые с бюрократиями. Членство в группах зачастую непостоянное; члены группы могут посетить одно или несколько собраний, а затем покинуть группу. Обычно эти группы зависят от членских взносов или пожертвований и не имеют фиксированных видов дохода. Если существуют оплачиваемые функционеры, их заработок, как правило, мал по сравнению с заработками их коллег в ортодоксальных организациях. Членов группы обычно связывают друг с другом некоторые моральные принципы.

Особенности групп взаимопомощи

Две основные характерные черты групп взаимопомощи можно обозначить как *совместное участие* и *разработка проектов*. Совместное участие означает сбор и накопление информации и опыта путем личного или иных контактов. Например, в группе взаимопомощи родителей люди вступают в контакт друг с другом через журнальную переписку. Родители обмениваются письмами, внутри группы распространяются журналы, так что каждый член группы получает до дюжины писем, хотя находится в прямом контакте только с одним членом группы.

Группы взаимопомощи оказывают влияние как на своих членов, так и на окружающих. Одна из задач группы родителей умственно отсталых детей — информирование населения о проблемах умственно неполноценных. *Разработка проектов* обычно заключается в совместной деятельности, направленной на решение этой и других задач. Например, значительная часть программы анонимных алкоголиков — составление проектов помощи знакомым алкоголикам. Когда человек излагает свой прошлый опыт и текущие проблемы, эта информация используется для обсуждения и выработки мер в группе в целом.

Группы взаимопомощи часто организовывались в противовес узаконенным бюрократическим организациям. Например, задача некоторых групп медицинской взаимопомощи — позволить больным самим заботиться о своем здоровье, так как они считают, что традиционное медицинское окружение не дает им достаточной гарантии их собственного благополучии. Ясно, что группы взаимопомощи в некотором отношении являются противоположностью бюрократии: области их деятельности лежат вне бюрократических организаций, люди в них взаимодействуют на основе равенства и сотрудничества. Однако такие группы всегда, вероятно, будут существовать наряду с формальными организациями, а не вместо них. Группы взаимопомощи, если они становятся постоянными и увеличиваются в размерах, обычно уподобляются формальным организациям. Они устанавливают особые должности, наделенные властью, обеспечивают регулярный доход и, как правило, воспринимают все атрибуты бюрократии.

Заключительные комментарии

Как мы видим, в современных обществах происходит устойчивый сдвиг в сторону более гибких форм организации. Мы вовсе не являемся винтиками гигантской административной машины, управляющей нашими жизнями, как опасались Вебер и другие. Бюрократические системы способны на большую внутреннюю гибкость, чем полагал Вебер, а их доминированию постоянно бросают вызов другие группы и ассоциации менее иерархических типов. Хотелось бы думать, что большие обезличенные организации будут постепенно отходить в прошлое и заменяться менее централизованными и более гибкими учреждениями[18]. Однако, вероятнее всего, будет вестись постоянная борьба между стремлением организаций к росту, увеличению обезличенности и иерархии и противоположными тенденциями.

---

[18] *Toffler A.* The Third Wave. London, 1981.

Краткое содержание

1. *Группа* — это некоторое число людей, взаимодействующих друг с другом на регулярной основе. Эта регулярность приводит к появлению дружеского отношения, солидарности и общих привычек. *Агрегат* (социальная совокупность) — это набор людей (например, очередь на автобус), не имеющих общего чувства единства. *Социальная категория* — это статистическая группировка, когда в рамках классификации людей объединяют вместе на основе конкретных общих для них характеристик.

2. Все современные организации являются до некоторой степени бюрократическими по своей природе. *Бюрократия* включает в себя четко очерченную иерархию власти, установленные правила, определяющие поведение *должностных лиц* (работающих полный день за должностной оклад), и разделение между задачами должностных лиц внутри организации и их жизнью вне ее. Члены организации не владеют материальными ресурсами, с которыми они работают. Макс Вебер считал, что современная бюрократия является высокоэффективным средством организации большого числа людей и обеспечивает принятие решений на основе общего критерия.

3. На всех уровнях внутри организаций, а также между организациями устанавливаются неформальные сети. Изучение этих неформальных связей столь же важно, как и изучение формальных характеристик, выделенных Вебером.

4. В работах Вебера и Михельса были проанализированы противоречия между бюрократией и демократией. С одной стороны, развитие современных обществ приводит к централизации принятия решений. С другой стороны, одна из основных черт двух последних столетий — нарастающее стремление к демократии. Обе тенденции вступают в конфликт друг с другом, но ни одна из них не преобладает.

5. Японские корпорации значительно отличаются от большинства западных компаний по своей организационной структуре. Начальники там чаще советуются с подчиненными, заработная плата и ответственность связаны со старшинством, оценивается эффективность деятельности групп, а не отдельных их членов. В последние годы ряд западных фирм перенял некоторые черты японской системы управления, хотя вовсе не доказано, что именно этим объясняются более высокие, чем в большинстве западных стран, темпы развития японской экономики.

6. Работа современных организаций зависит от специализации знания и передачи информации. *Специализация* наряду с ростом использования *информационных технологий* может привести к повышению гибкости организаций. Последствия этих изменений зачастую преувеличивались, по крайней мере до сих пор.

7. Физические условия, в которых действуют организации, оказывают значительное влияние на их социальные черты. Архитектура зданий современных организаций тесно связана с надзором как средством подчинения властям. *Надзор* означает наблюдение за деятельностью людей, а также ведение личных дел и послужных списков.

8. В *карцерных организациях* люди проводят все свое время отделенными от внешнего мира. Основные виды карцерных организаций — тюрьмы и клиники для душевно-

больных. В карцерных организациях дисциплина и надзор максимально выражены, однако до некоторой степени они присущи всем бюрократическим организациям.

9. *Группы взаимопомощи* (а также добровольные объединения различных типов) являются противоположностью бюрократическим организациям, они, как правило, неиерархические и поддерживаются работой своих членов. Большое число таких групп можно найти почти во всех современных индустриальных обществах. Они существуют наряду с большими и более бюрократическими системами, зачастую вступая с ними в трения. Некоторые из них, вырастая в размерах, имеют тенденцию к бюрократизации.

Основные понятия

социальные группы	*формальные отношения*
организации	*неформальные отношения*

Важнейшие термины

агрегат	*олигархия*
социальная категория	*демократия*
первичная группа	*киббуцы*
вторичная группа	*квалифицированные специалисты*
бюрократия	*информационная технология*
идеальный тип	*надзор*
должностные лица (чиновники)	*карцерная организация*

Дополнительная литература

Richard Brown. Understanding Industrial Organisations. London, 1992. Обзор различных теоретических подходов в понимании промышленных организаций.

Jeff Hearn et al. (eds). The Sexuality of Organisation. London, 1989. Отстаивание тезиса о том, что ортодоксальная социология организаций игнорирует вопросы, связанные с гендером и сексуальностью.

John McDermott. Corporate Society. London, 1991. Исследование роли корпораций в современном обществе.

M. Meyer et al. The Limits to Bureaucratic Growth. New York, 1986. Попытка оценить и предугадать возможные тенденции развития организаций.

Charles Perrow. Complex Organizations. New York, 1986. Последнее издание классического исследования по развитию теории организаций.

D. Pugh et al. Writers on Organizations. Harmondsworth, 1983. Содержит краткие остроумные обзоры основных исследований организаций.

Anselm Strauss. Negotiations: Varieties, Contexts, Processes and Social Order. San Francisco, 1978. Начинается с интересного обсуждения теорий Гоффмана и Блау, поднимаются как теоретические, так и эмпирические вопросы.

Глава 10

Политика, правительство и государство

Как было показано в предыдущей главе, сегодня государство и правительство вторгаются в нашу жизнь во многих сферах; однако на протяжении большей части человеческой истории государство вообще не существовало. Ни у первобытных охотников и собирателей, ни в мелких сельскохозяйственных сообществах не было специальных органов политической власти. Тем не менее, никакого хаоса в таких **безгосударственных обществах** не возникало — имелись иные, неформальные механизмы управления, при помощи которых проводились решения, определяющие судьбу общины, а также разрешались возникающие споры. Обычно решения принимались в рамках семейных групп. Если же в семейной группе возникали серьезные разногласия, то она разбивалась на более мелкие единицы, которые впоследствии могли объединяться с другими группами.

В других малых культурных сообществах появляются элементы политической централизации, однако настоящее государство еще не формируется. В таких обществах существовал правитель, которому обязано было подчиняться все остальное население. Сами правители, как правило, были или воинами, или священниками, или теми и другими, при этом иногда они имели право созывать вооруженных вассалов для поддержки своих решений. Обычно вождь правил с помощью совета или приближенных. В **государственных обществах** (традиционные цивилизации) правители становились королями или императорами, содержали роскошные дворы и дворцы, распоряжались войсками, предназначенными для обеспечения послушания населения и расширения владений. Они назначали официальных лиц, которые занимались каждодневными административными делами, и учреждали специализированные суды для организации судопроизводства и наказания преступников.

Как традиционные, так и современные государства имеют ряд общих характеристик. Отличительным признаком **государства** является политический аппарат (правительственные институты: двор, парламент, конгресс, а также официальные гражданские службы), который осуществляет управление данной *территорией*. Эти органы власти поддерживаются созданной *правовой системой* и могут использовать **силу** для претворения в жизнь своей политики. Подробно рассматривая каждый из аспектов данного определения, можно получить ясное представление о природе государственной власти. В этой главе будут проанализированы типы современных государств и проведено сравнение различных современных политических систем.

Характеристики государств

Политический аппарат

Антропологи и археологи считают, что в начале истории человечества большинство обществ были безгосударственными. Понятие государства было к ним просто

неприменимо. Однако ученые расходятся в мнениях о том, можно ли применительно к таким обществам говорить о существовании **правительства** и **политики**. Если в обществах не было специализированных политических институтов или органов политического управления, то можно спорить о наличии в них правительства и политического курса, но это, скорее, вопрос определений. Все общества имели какую-либо форму правительства, если рассматривать это понятие в широком смысле, — например, если говорить о систематических способах принятия решений, влияющих на жизнь большей части населения. Однако определение, данное по таким признакам, получается слишком размытым для того, чтобы им можно было эффективно пользоваться. Лучше выбрать более узкое определение понятий «государство» и «политика».

В этой книге термин *правительство* используется для обозначения регулярного принятия постановлений и политических решений официальными лицами в политическом аппарате. К этим официальным лицам можно отнести королей, императоров, их придворных, выбранных представителей власти и государственных служащих. Говоря о правительстве, мы можем иметь в виду и сам процесс управления, и непосредственно правительство, то есть тот чиновничий аппарат, который отвечает за административные действия. *Политика* — это средство, к которому власть прибегает для осуществления своих целей, и основное содержание деятельности правительства. Сфера *политики* может простираться далеко за пределы государственных институтов как таковых. Существует множество способов, с помощью которых те, кто не является частью правительственного аппарата, стремятся на него воздействовать. Например, общественные движения, существующие в современных обществах и действующие вне принятых политических рамок, могут пытаться оказать давление на правительство или даже сбросить его.

Территория

Общины охотников и собирателей не имели какой-либо фиксированной территории и передвигались по большим пространствам. Малые сельскохозяйственные общины были более привязаны к земле; но, как правило, у них отсутствовало четкое понятие границ, отделяющих их от других групп. Однако с появлением политических властных структур были определены и территории, на которых они осуществляли свое правление. В отличие от предшествующих типов обществ государства имели явно выраженный экспансионистский характер. Там, где правители видели хоть какую-либо возможность завладеть новой территорией и, таким образом, расширить сферу своего влияния, они неизменно стремились воспользоваться ею.

Закон и применение силы

Правовая система существует там, где есть индивиды, специализирующиеся в осуществлении правосудия. В небольших общинах конфликты разрешаются на общем сборе людей или в семейных группах. В таких обществах не существует специальной группы, которая брала бы на себя преимущественную ответственность за использование силы в поддержку общинных решений. Иногда дело правосудия берет в свои руки какая-либо семья или родственная группа, что дает начало **кровной мести**. Однако с развитием государства возникает специализированная правовая система — систематизированные законы и суды, — наделенная правом использовать силу в случаях, когда имеет место неподчинение принятым решениям.

В традиционных государствах обычно не было четкого разделения функций между армией и специализированными полицейскими силами, и часто для поддержки законодательных постановлений использовалась армия.

Современные государства

Определения

Все современные государства являются **национальными**. Национальные государства отвечают всем условиям, перечисленным в определении государства, данном выше. Они обладают правительственным аппаратом, имеют определенную территорию, формализованные своды законов и осуществляют контроль над вооруженными силами. Однако по некоторым существенным характеристикам современные государства резко отличаются от традиционных.

1. Территории, которыми управляли традиционные государства, всегда были определены нечетко; центральное правительство довольно слабо контролировало их. Понятие **суверенитета**, означающее, что правительство управляет конкретной территорией с четко определенными границами, в рамках которых оно является высшей властью, не приложимо к традиционным государствам. Напротив, все национальные государства являются суверенными образованиями.

2. В традиционных государствах, управляемых королем или императором, большая часть населения не знала или не интересовалась тем, кто им руководил. Обычно только доминирующие классы или группы богатых людей ощущали свою принадлежность к обществу, управляемому какой-либо персоной. В национальных же государствах, напротив, большинство живущих в пределах границ политической системы являются **гражданами**, имеющими общие права и обязанности и ощущающими свою принадлежность к *нации*. Несмотря на то, что в современном мире существуют люди, являющиеся политическими беженцами и не имеющие гражданства, все-таки почти каждый человек идентифицирует себя как представителя той или иной нации и национального политического устройства.

3. Национальные государства ассоциируются с ростом **национализма**. Национализм можно определить как набор символов и верований, которые обеспечивают индивиду чувство причастности к единой политической общности. Таким образом, индивиды ощущают чувство гордости от принадлежности к «англичанам», «американцам» или «французам». Вероятно, люди всегда чувствовали свою принадлежность к социальным группам, например, к семейным, клановым или религиозным. Однако национализм появился только с развитием современного государства. Он становится основным способом выражения чувства единства с определенной суверенной общностью.

   В современном мире преданность национальным интересам не всегда определяется демаркационными границами государств. Почти все национальные государства были построены из обществ, имевших различные истоки. *Местный национализм* часто возникал из оппозиции тем национальным группировкам, которые получали преимущества с образованием государств. Например, в Великобритании шотландский и уэльский национализм возник как ответная реакция на формирование «британского самосознания». И хотя взаимоотношения между

национальным государством и национализмом сложные, в основе их возникновения лежат общие процессы.

В свете вышеописанных соображений можно теперь сформулировать наиболее полное определение национального государства. Национальное государство имеет *политический аппарат*, обладает признанными суверенными правами в рамках *обозначенных территориальных границ* и способно поддерживать свои притязания на суверенитет с помощью *военной силы*; многие его граждане испытывают положительные эмоции от сознания *принадлежности к данному национальному единству*.

Права граждан

Многие национальные государства стали централизованными и эффективными политическими системами благодаря деятельности монархов, которые последовательно концентрировали в своих руках все больше и больше власти. Первоначально в суверенном государстве гражданство не влекло за собой права участвовать в политике. В большинстве случаев такие права завоевывались в борьбе за ограничение власти монархов или их свержение — иногда путем революции, как это было во Франции или Соединенных Штатах.

Т. Маршалл выделил три типа прав, связанных с развитием понятия гражданства[1]. **Гражданские права** — это права индивида, подтвержденные законом. Они включают прерогативы, многие из которых мы сегодня воспринимаем как должное, но которые завоевывались длительное время (и которые в ряде государств не признаются полностью и по сей день). Гражданские права означают свободу каждого человека жить, где он хочет, свободу слова и вероисповедания, право владеть собственностью и равные права перед законом. Эти права в большинстве стран Европы в полном объеме не были признаны вплоть до начала девятнадцатого века. Даже в тех странах, где они в общем существовали, имелись группы, на которые эти права не распространялись. Хотя с принятием Конституции американцы получили гражданские права много раньше, чем большинство европейцев, негритянское население страны долго было лишено их. Даже после Гражданской войны, когда негры формально получили эти права, они не могли пользоваться ими в реальной жизни.

Вторым типом прав являются **политические права**, особенно право участвовать в выборах и быть избранным на государственный пост. Опять-таки, эти права завоевывались долго и нелегко. За исключением Соединенных Штатов, обретение равных прав в голосовании даже для мужчин — достижение недавнего прошлого, которому предшествовала упорная борьба, так как правительства многих стран неохотно признавали принцип всеобщего права голоса. В большинстве государств Европы право голоса сначала получили мужчины, которые владели определенной собственностью, то есть незначительное меньшинство населения. Не только женщины, но и большая часть мужчин не могли голосовать. Во многих странах все мужчины получили право голоса лишь в начале XX века. Женщинам пришлось ждать дольше — во многих западных государствах право голоса для женщин частично было завоевано в результате борьбы различных женских движений, а частично явилось следствием широкого вовлечения женщин в экономику во время Первой мировой войны (см. главу 6, «Гендер и сексуальность»).

[1] *Marshall T. H.* Class, Citizenship and Social Development. Westport, 1973.

В то время как в Европе шла борьба за юридические и политические права, в других частях света продолжалась колонизация. Почти все без исключения колонизированные народы не обладали такими же правами, что и колониалисты (а также не признавались полноценными гражданами стран-колонизаторов). Белая администрация считала, что местное население, даже если оно не было порабощено, не может участвовать в управлении государством в силу своей отсталости. Возможность рассматривать права коренного населения колоний как равные правам белых поселенцев никому даже не приходила в голову. Большинство населения колоний получило юридические и политические права только после распада колониальной системы в XX веке.

Третий тип гражданских прав Маршалл определяет как **социальные права**. Под этим подразумевается исключительное право каждого индивида на определенный минимум экономического благосостояния и безопасности. Сюда входят права на социальное обеспечение по болезни, социальную защиту в случае безработицы, а также установленный минимум заработной платы. Другими словами, социальные права предусматривают условия, гарантирующие определенный *уровень благосостояния*. Хотя в некоторых странах, например, в Германии XIX века, различные виды социальной помощи возникли еще до введения в полном объеме юридических и политических прав, в большинстве государств социальные права все же приобретались последними. Это происходило потому, что достижение гражданских и, особенно, политических прав, как правило, служило базисом для дальнейшего получения прав социальных. Социальные права в основном становились результатом действия политической силы, которую бедные группы и классы могли развивать, только приобретя право голоса.

Расширение социальных прав служит основой формирования так называемого **государства всеобщего благосостояния**, которое прочно утвердилось в Западной Европе только после Второй мировой войны. Государство всеобщего благосостояния существует там, где правительственные организации обеспечивают материальную поддержку людям, не способным содержать себя самостоятельно, — безработным, больным, инвалидам и престарелым. Основы государства всеобщего благосостояния были заложены в Великобритании в 1930-х годах, во многом благодаря политике лейбористского правительства, избранного сразу после окончания войны[2]. Все западные страны в настоящее время имеют широкие возможности для улучшения благосостояния. Особенно велики были социальные блага, которые предоставляли своим гражданам социалистические государства Восточной Европы, включая прежний Советский Союз. С другой стороны, во многих бедных государствах мира подобные социальные блага практически отсутствуют.

Обсудив некоторые важные характеристики современных государств, мы перейдем к рассмотрению природы демократии.

Демократия

Одним из наиболее важных аспектов в развитии современного государства является его связь с **демократией**. Это слово происходит от греческого *demokratia*, первая часть которого *demos* означает народ, а *kratos* — правление; таким образом, демократия — политическая система, при которой правит народ, а не монарх или аристократы. На первый взгляд, все просто, но на деле далеко не так. Как отмечал Дэвид Хелд,

[2] *Ashford D. E.* The Emergence of Welfare States. Oxford, 1987.

каждое слово в определении демократии вызывает вопросы[3]. Начнем со слова *народ*. Итак,

1. Кого считать «народом»?
2. Какая форма участия народа в государственных делах предусматривается?
3. Какие условия должны привести к такому участию?

Если говорить о *правлении*, то возникают следующие вопросы:

1. Насколько широким должен быть диапазон правления? Должно ли оно ограничиваться сферой правительственных полномочий или демократия может существовать и в других областях, например, промышленная демократия?
2. Означает ли правление принятие каждодневных административных решений или оно относится только к выработке основ политического курса?

Возникают и другие вопросы, например:

1. Необходимо ли подчиняться «правлению народа»? Как быть с обязанностями и с несогласием их выполнять?
2. Существуют ли условия, при которых лица «из народа» могут преступать законы, если они убеждены, что законы несправедливы?
3. В каких случаях (если таковые имеются) демократические правительства должны прибегать к давлению на людей, несогласных с их политикой?

Ответы на эти и подобные вопросы давались в зависимости от времени и от типа общества. Например, понятие «народ» наполнялось самым разным содержанием — сюда относили людей, обладавших собственностью, белых мужчин, мужчин с определенным уровнем образования, просто всех мужчин и, наконец, все взрослое население. В некоторых государствах официально провозглашенная демократия ограничена сферой политики, тогда как в других странах она распространяется и на иные стороны общественной жизни.

Типы демократии

Ряд существенных особенностей позволяет выделить три типа демократии: *представительную многопартийную демократию*, *представительную однопартийную демократию* и *совместное демократическое правление* (иногда называемое *прямой демократией*).

Представительная демократия означает, что решения, влияющие на жизнь людей, принимаются не всеми членами общества, а людьми (представителями), специально избранными для этой цели. Варианты представительной демократии можно обнаружить во многих организациях. Например, спортивным клубом руководит совет, избранный из членов этого клуба. В государственном правлении представительная демократия выражается в форме выборов в конгрессы, парламенты или аналогичные национальные органы. Представительная демократия существует и на других уровнях, где принимаются коллективные решения: в областях, округах, городах и т. п.

[3] *Held D.* Models of Democracy. Cambridge, 1987.

Представительные многопартийные системы

Представительная многопартийная демократия появляется там, где на каком-либо или на всех уровнях управления избиратели в ходе политического процесса могут выбирать не менее чем из двух партий. Государства, в которых реализуется представительная многопартийная демократия, и где взрослое население имеет право голосовать на различных уровнях, обычно называются **либеральными демократиями**. В эту категорию подпадают Соединенные Штаты, страны Западной Европы, Япония, Австралия и Новая Зеландия. Некоторые развивающиеся страны, такие, как Индия, также имеют либерально-демократические системы.

Представительные однопартийные системы

Когда люди, живущие на Западе, используют термин *демократия* без каких-либо дополнительных определений, они обычно имеют в виду либерально-демократические системы. Тем не менее, бывший Советский Союз, восточноевропейские страны и многие страны третьего мира, где узаконена только одна партия (как, например, в Китае), также относили (или относят) себя к числу демократических. В этих странах голосующие не имели возможности выбирать между различными партиями, и хотя выборы проводились, представители, за которых голосовали, назначались на местном или национальном уровне. Более того, такая демократия распространялась и на сферу управления производством как на арену деятельности правительства.

Для стороннего наблюдателя так называемые народные демократии имеют определенную антидемократическую направленность, и по всем разумным критериям это действительно так. Принципы, заложенные в основу **представительной однопартийной демократии**, заключаются в убеждении, что одна партия выражает волю всего общества. Согласно марксистской точке зрения, партии в условиях либеральной демократии отражают интересы отдельных классов. Поскольку считалось, что при социализме нет антагонистических классов, утверждалось, что обществу требуется только одна партия. Таким образом, при голосовании нужно было выбирать не между партиями, а между различными *кандидатами*. Большинство однопартийных демократий организованы по принципу **демократического централизма**, который находит непосредственное выражение в пирамидальной структуре, где каждый уровень выбирает представителей в совет, который, в свою очередь, избирает представителей в вышестоящий орган, и так далее. В Советском Союзе существовала целая пирамида таких «советов» различного уровня, начиная от местных, деревенских или районных, которые в конечном счете подчинялись Верховному Совету. На каждом уровне существовали исполнительные комитеты, все члены которых избирались. Отдельная, но схожая система действовала на различных уровнях в Коммунистической партии; существовала тесная связь между партийными органами и представительными структурами, руководящими промышленностью, что, как предполагалось, ведет к демократизации экономики.

Совместное демократическое правление

При **совместном демократическом правлении** (или *прямой демократии*) решения принимаются всеми, кого они затрагивают. Этот «первичный» тип демократии

возник в Древней Греции. Там *граждане*, составлявшие меньшинство общества, регулярно собирались вместе, чтобы рассмотреть политические вопросы и принять важные решения. В современных обществах прямая демократия играет не очень важную роль, так как в них основная часть населения обладает политическими правами, а каждый член общества объективно не может принимать активное участие в выработке политических решений, влияющих на него. Однако некоторые ее элементы находят свое применение и в современных общественных структурах, в частности, существует много организаций, в которых реализуется прямая демократия. Например, одной из ее форм является проведение референдумов, в которых решение основывается на выраженном мнении большинства по тому или иному вопросу.

В некоторых странах Европы референдумы регулярно используются для решения вопросов на национальном уровне. В США к ним часто прибегают на уровне штата для решения спорных вопросов. В некоторых городах Новой Англии также можно встретить элементы прямой демократии, в частности, собрания членов общины[4)].

Всеобщая привлекательность демократии и упадок монархий

Хотя некоторые современные государства (такие, как Великобритания или Бельгия) до сих пор остаются монархическими, их становится все меньше и меньше. Реальная власть традиционного монарха в современном обществе обычно ограничена или практически не существует. Правда, в ряде стран (Саудовская Аравия, Иордания) монархи продолжают осуществлять определенный контроль над правительством, однако в большинстве государств, в которых монархия продолжает существовать, она является скорее национальным символом, чем реальной политической властью. Королева Англии, король Швеции и даже император Японии являются **конституционными монархами**, то есть реальная власть, которой они обладают, жестко ограничена рамками конституции, которая отдает власть в руки избираемых представителей. Большая часть современных государств по своему устройству являются республиками, и почти в каждом государстве, включая конституционные монархии, отмечается явная приверженность к демократии.

Выборы могут проводиться даже в странах с военной диктатурой, чтобы создать впечатление демократического курса. Большинство военных диктаторов возвещают о своей приверженности демократическим принципам и утверждают, что их правление является средством достижения стабильности и продлится только до тех пор, пока станет возможным возвращение к представительной демократии (см. главу 11, «Война и военные силы»).

Почему же стремление к демократии стало фактически общей чертой современных государств? Частично ответ можно найти в привлекательности, исходно присущей демократическим идеалам, которые предполагают освобождение от власти деспотизма. Однако основным фактором является интегрированный характер национальных государств по сравнению с традиционными цивилизациями. Современные государства представляют собой унифицированные системы; лица, осуществляющие функции управления в таких государствах, не могут этого делать, не заручившись активной поддержкой большинства населения. Демократические идеалы представляют собой способ выражения, а также обеспечения такой поддержки.

[4)] *Mansbridge J. J.* Beyond Adversary Democracy. Chicago, 1983.

Демократический элитизм и плюралистические теории

Провозглашенные демократические идеалы не всегда согласуются с реальностью. Тот факт, что на современном этапе приверженность к демократии так ярко демонстрируется правящими кругами, мало что говорит о действительном устройстве реальных режимов правления. Теоретики демократии расходятся во мнении о потенциальных возможностях и ограничениях различных форм демократического воздействия в современных обществах.

Демократический элитизм

Наиболее распространенная система представлений о характере и ограничениях современной демократии была сформулирована Максом Вебером, а ее модифицированный вариант — экономистом Йозефом Шумпетером[5]. Идеи, разрабатывавшиеся ими, объединяют в теорию **демократического элитизма**.

Теория Макса Вебера

Вебер отталкивался от предположения, что прямая демократия не может служить средством каждодневного управления крупным государством, и не только потому, что миллионы людей не в состоянии регулярно собираться для принятия политических решений, но также потому, что руководство сложным общественным устройством требует знания дела. Прямая демократия может иметь место, по мнению Вебера, только в небольших структурах, когда выполняемые задачи просты и четко сформулированы. Там, где необходимо принимать более сложные решения или разрабатывать более сложную политику, даже в небольших организациях, таких, как коммерческие фирмы, требуются специальные знания и навыки. Эксперты должны осуществлять свою работу на постоянной основе; к участию в выборах на должности, требующие наличия определенных знаний и навыков, не должны допускаться люди, имеющие слабое представление о требуемых навыках и не владеющие нужной информацией. Должности официальных представителей более высокого уровня, ответственных за разработку общеполитических решений, могут быть выборными, однако наряду с этим должен существовать довольно большой слой функционеров, на которых возложена основная тяжесть управления страной.

По мнению Вебера, воплощение идеи массового гражданства, тесно связанной с идеей участия в общедемократических процессах, в огромной степени увеличивает необходимость наличия бюрократического аппарата. Например, обеспечение благосостояния, здравоохранения и образования требует наличия крупных административных систем, действующих на постоянной основе. Как отмечает Вебер, «очевидно, что крупное современное государство полностью зависит от бюрократии. Чем крупнее государство и чем большим могуществом оно обладает, тем очевиднее эта зависимость...»[6].

Представительная многопартийная демократия, по Веберу, помогает защитить общество как от произвола в принятии решений отдельными политическими лидерами, так и от давления бюрократического аппарата. Однако в осуществлении этих двух функций демократические институты оказались менее эффективны, чем на это

[5] *Schumpeter J.* Capitalism, Socialism and Democracy. London, 1976.

[6] *Weber M.* Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley, 1978.

надеялись многие сторонники демократии. «Правление народа» возможно только в очень ограниченном смысле. Для того, чтобы добиться власти, партии должны быть организованы на какой-либо систематической основе, то есть они должны быть бюрократизированы. Развиваются *партийные аппараты*, представляющие собой угрозу независимости парламентов и конгрессов как органов, обсуждающих и формулирующих политику. Если партия, обладающая большинством, непосредственно диктует своим членам, какие решения принимать, и если ею самой руководят постоянные функционеры, то в этом случае достигнутый уровень демократии будет весьма невысок.

Вебер считает, что для того, чтобы демократические системы действовали эффективно, необходимо выполнение двух условий. Во-первых, должны существовать партии, представляющие различные взгляды и выражающие различные интересы. Если политика соперничающих партий более или менее близка, то избиратель не может сделать эффективный выбор. Вебер не согласен с утверждением, что однопартийная система может быть хоть в каком-то смысле демократичной. Во-вторых, должны существовать политические лидеры, обладающие живым воображением и способные противостоять давлению со стороны бюрократии. Вебер особо подчеркивает важность *лидерства* в демократии. Именно поэтому предпочитаемая им система носит название «демократического элитизма». Он полагает, что правление с помощью элиты неизбежно, и лучшее, на что, по его мнению, можно надеяться, — что элитарные структуры будут эффективно представлять интересы людей, делая это разумно и инициативно. Парламенты и конгрессы являются теми органами, где могут вырасти политические лидеры, способные противостоять влиянию бюрократии и сохранять поддержку масс. Вебер считает многопартийную демократию более действенной скорее благодаря качеству руководства, которое она может обеспечить, а не из-за возможности участия в политическом процессе широких слоев населения.

Идеи Йозефа Шумпетера

Шумпетер полностью разделяет взгляды Вебера по поводу границ участия масс в политической жизни. По мнению Шумпетера (и в этом оно совпадает со взглядами Вебера), демократия более важна как метод создания эффективно действующего правительства, а не как средство обеспечения власти для большинства. Демократия не может предложить больше, чем возможность замены одного политического лидера или партии на другого. Демократия, как утверждает Шумпетер, это правление *политиков*, а не *народа*. Политики — это «торговцы голосами избирателей», так же как брокеры — торговцы акциями на фондовой бирже. Однако для того, чтобы заручиться поддержкой избирателей, политические деятели должны хотя бы в минимальной степени отвечать требованиям и интересам своего электората. Только при наличии соперничества в ходе приобретения голосов избирателей можно избежать установления деспотического режима правления. Как и Вебер, Шумпетер верит в то, что механизмы политической демократии должны быть отделены от экономической жизни. Как рынок, на котором действует конкуренция, обеспечивает возможность выбора потребителю, так и система конкурирующих партий обеспечивает некоторую возможность политического выбора.

Плюралистические теории

Взгляды Вебера и Шумпетера оказали сильное влияние на сторонников плюралистических теорий современной демократии. **Плюралистические теории** демократии были

разработаны на базе исследований, проводившихся американскими политологами, но их выводы — если они соответствуют действительности — могут применяться чрезвычайно широко. Сторонники плюралистических теорий полагают, что отдельные граждане практически не могут оказывать влияние на процесс принятия политических решений. Однако при этом, по их мнению, тенденции концентрации власти в руках правительственных чиновников противостоит наличие многочисленных **групп интересов**. Существование конкуренции между интересами различных групп или фракций является жизненно важным условием демократии, поскольку власть при этом делится между группами, не давая возможности какой-либо одной группе или классу приобрести исключительное влияние.

По мнению сторонников плюралистических теорий, на политику правительства в условиях демократии оказывают влияние постоянно идущие переговоры между различными группировками — представителями деловых кругов, профсоюзов, этнических групп, организаций по охране окружающей среды, религиозных групп и т. д. Демократический порядок — это порядок, при котором существует баланс конкурирующих интересов, каждый из которых оказывает воздействие на политику, но не подавляет действующие механизмы управления. Это же верно и в отношении выборов, так как для того, чтобы получить достаточно широкую поддержку и войти в правительство, партии должны откликаться на интересы различных групп. Сторонники плюралистических теорий считают Соединенные Штаты самым плюралистическим и потому наиболее демократичным из всех индустриальных обществ. Соперничество между разнообразными группами интересов существует не только на национальном уровне, но также и на уровне отдельных штатов и местных властей.

Критика и оценка теорий

Демократический элитизм и плюралистические теории подвергались серьезной критике[7]. Давайте начнем с критики теории демократического элитизма. Во-первых, по утверждению критиков, основная масса электората, без каких бы то ни было доказательств, изображается сторонниками этой теории как пассивная и непросвещенная. Во-вторых, единственный выбор, который видят Вебер и Шумпетер, сводится к выбору между творческим правлением элиты и тупым бюрократическим правлением. Однако бюрократия бывает разная — одни типы бюрократии являются более открытыми и восприимчивыми к интересам и нуждам общества, чем другие, а там, где требуются специальные знания и навыки, обычно работают специалисты, а не бюрократические чиновники. В-третьих, возможно наличие условий для организации кооперативных предприятий и «открытых» форм ассоциаций, которые способствуют ослаблению бюрократических тенденций как в политической, так и в экономической областях.

Критики указывают также, что группы интересов, о которых говорят сторонники плюралистических теорий, обладают различной властью и влиянием. В частности, группы интересов бизнесменов обычно оказывают большее влияние на политику правительства, чем другие группы. В некоторых случаях будет ошибкой думать, что соответствующие группы интересов являются прямыми выразителями позиции деловых кругов. Обычно предприниматели формируют общую схему, в рамках

[7] *Held D.* Models of Democracy. Cambridge, 1987.

которой осуществляются политические процессы и принимаются решения[8]. Все эти, а также другие критические замечания заставили одного из сторонников плюралистической теории, Роберта А. Дэла, пересмотреть свои взгляды. Недавно он решительно высказался в пользу необходимости введения программ экономической демократии, которые могли бы послужить противовесом чрезмерному влиянию интересов крупных корпоративных организаций[9].

Все приведенные критические замечания, несомненно, имеют под собой основание. Однако невозможно отрицать силу некоторых аргументов, принятых в теориях демократического элитизма и плюрализма. Прямая демократия может удачно работать в небольших обществах, но она не может быть эффективно реализована в системе управления крупномасштабным обществом. В таком обществе иногда могут проводиться референдумы, но голосование по каждому вопросу после продолжительного обсуждения всех его аспектов невозможно осуществить, когда в него вовлечены тысячи, не говоря уже о миллионах людей. В современных обществах разные группы населения имеют разные интересы, и это можно выявить только тогда, когда они организуются, чтобы публично заявить о своей точке зрения. Соперничество между такими группировками может, в принципе, помочь формированию определенного «баланса»: сильные группы не смогут просто навязывать свои взгляды остальным, а слабые имеют возможность представить свои интересы.

Более того, Вебер и Шумпетер были совершенно правы, подняв вопрос о компетентности. Большая часть избирателей не в состоянии понять всей сложности решений, которые правительство постоянно вынуждено принимать, тогда как официальные лица и избранные члены выборных органов имеют возможность приобрести специальные знания по соответствующим вопросам. Хотя экспертам приходится испытывать давление со стороны лиц, занимающихся выработкой общей политики, они могут принять решение, будучи хорошо информированными по конкретным вопросам. Если деятельность экспертов курируют выбранные представители, то вырабатываемые ими решения могут отражать интересы и нужды самых широких социальных слоев населения.

Разумеется, подобные вопросы нельзя рассматривать только на абстрактном уровне. Необходимо анализировать функционирование реально существующих политических систем. Именно к такому рассмотрению мы теперь и приступаем, начиная с анализа характера политических партий и кончая выяснением роли женщин в политике. Затем мы постараемся понять, кто реально обладает властью в действующих политических системах, а также, каким образом происходит концентрация политической власти при «тоталитаризме».

Политические партии и голосование в странах Запада

Политическую партию можно определить как организацию, стремящуюся получить легитимный контроль над правительством посредством выборов. В некоторых случаях могут существовать политические организации, стремящиеся получить власть, но не имеющие возможности сделать это законными средствами. Такие организации лучше рассматривать как политические секты или движения до тех пор, пока они

[8] *Lindblom Ch. E.* Politics and Markets. New York, 1977; *Mintz F.* and *Schwartz M.* The Power Structure of American Business. Chicago, 1985.

[9] *Dahl R.* A Preface to Economic Democracy. Cambridge, 1985.

не добьются признания. Например, в Германии в конце XIX века социал-демократы были объявлены Бисмарком вне закона. В то время они представляли собой организованное политическое движение, действовавшее в обход общепринятых путей, но позже добились признания как партия, а в XX веке даже несколько раз приходили к власти.

В рамках общей категории *многопартийных государств* существуют разнообразные партийные системы. Будет ли существовать двухпартийная или многопартийная система, в большой степени зависит от характера избирательных процедур, существующих в данной стране. Две партии имеют тенденцию доминировать при политической системе, в которой выборы основаны на принципе «победитель получает все». Кандидат, который собрал большее число голосов, побеждает на выборах, независимо от того, какой процент от общего числа имеющихся голосов он получил[10]. Там, где выборы основаны на других принципах, таких, как пропорциональное представительство (когда места в представительных органах выделяются пропорционально количеству полученных голосов), двухпартийные системы встречаются реже.

В западноевропейских странах существует множество типов партийных организаций, однако не все они представлены в Великобритании. Одни партии базируются на религиозных основах (такие, как Социально-христианская партия в Бельгии или Католическая народная партия); некоторые являются этническими партиями, представляющими специфические национальные и языковые группы (такие, как Шотландская национальная партия в Великобритании или Шведская народная партия в Финляндии); распространены также и сельские партии, представляющие интересы сельского населения (например, Центральная партия в Швеции или Швейцарская народная партия в Швейцарии); существуют партии окружающей среды, занимающиеся различными экологическими вопросами (к ним можно отнести партию Зеленых в Германии). Можно перечислить многочисленные партии, представляющие различные оттенки политических взглядов[11].

Во многих западноевропейских странах после Второй мировой войны правительства формировались социалистическими и трудовыми партиями. Практически во всех этих странах есть официально признанные коммунистические партии, некоторые из них являются весьма крупными (например, в Италии, Франции и Испании). Существует множество консервативных (республиканская партия во Франции или консервативная и юнионистская партии в Великобритании) и центристских партий, которые занимают «промежуточное» положение между *левыми* и *правыми* (например, социал-демократическая и либерально-демократическая в Великобритании). (Термин «левые» используется для обозначения радикальных или прогрессивных политических групп, ориентирующихся на социализм; термин «правые» применяется для обозначения более консервативных групп.)

Партийные системы

В некоторых странах лидер партии большинства или одной из партий, входящих в коалицию большинства, автоматически становится премьер-министром, занимая высший официальный пост в стране. В других государствах (например, в США) президент избирается независимо от партийных выборов в главные представительные органы. Избирательные системы в западноевропейских странах не похожи одна на

[10] *Duverger M.* Political Parties. New York, 1954.

[11] *Kesselman M.* et al. European Politics in Transition. Lexington, 1987.

другую, и большинство устроены значительно более сложно, чем в Великобритании. Примером может служить Германия. В этой стране члены *бундестага* (парламента) выбираются на основе системы, сочетающей принцип пропорционального представительства и принцип «победитель получает все». Половина членов бундестага избираются в избирательных округах, в которых побеждает кандидат, получивший большинство голосов. Остальные пятьдесят процентов членов парламента определяются в соответствии с процентом голосов, поданных за них в определенных регионах. Именно эта система позволила партии Зеленых завоевать места в парламенте. Чтобы предотвратить появление большого числа мелких партий, был установлен пятипроцентный барьер — минимальное количество голосов, которое должно быть получено партией для получения места в парламенте. При проведении местных выборов используется та же система.

При двухпартийной системе, как, например, в Великобритании, парламентарии обычно стараются придерживаться «средних» позиций, позволяющих получить большее число голосов, и отмежевываются от радикальных взглядов. В таких странах партии стараются культивировать умеренный имидж и иногда приобретают такое сходство, что сделать между ними выбор становится трудно. В принципе все многообразие интересов может быть представлен каждой партией, но довольно часто политические программы сформулированы столь обтекаемо, что различия между ними почти стираются. Многопартийные системы позволяют более открыто и прямо выражать различные интересы и высказывать различные взгляды, а также обеспечивают существование радикальных альтернатив. С другой стороны, в таких системах ни одна из партий не может добиться большинства в парламенте, и это приводит к необходимости создания коалиций, часто страдающих от невозможности принять решение из-за существующих противоречий и конфликтов между партиями или быстрого чередования выборов и новых правительств. Правительства в такой ситуации не могут оставаться у власти долгое время, и поэтому эффективность их деятельности весьма ограничена.

Голосование и классы

В большинстве западноевропейских стран крупнейшими партиями являются те, которые считаются выразителями основных политических интересов — это социалистические, коммунистические, либеральные и консервативные партии. Существует ярко выраженная связь между итогами голосования и классовым делением. Либеральные партии и партии левого толка стремятся получить большинство голосов у представителей низших классов, в то время как консервативные и партии правого толка ищут своих избирателей среди более богатых групп населения.

Партийная система в Соединенных Штатах существенно отличается от всех систем, существующих в западноевропейских государствах, так как в США нет крупных левых партий. Голосование на классовой основе здесь менее выражено, чем в других западных демократиях. Хотя демократическая партия привлекает более низкие слои населения, а республиканская партия опирается на более богатые слои общества, эти зависимости не выражены явно. Каждая из партий имеет консервативное крыло. Считается обычным делом, когда консервативные или либеральные члены одной партии голосуют по какому-либо конкретному вопросу вместе с представителями другой партии, чье мнение они разделяют.

Внутрипартийные организации в американских партиях являются более слабыми, чем в большинстве крупных европейских партий. Обычно европейские партии

добиваются того, чтобы их члены в спорных вопросах следовали «партийной линии» и всеми средствами стараются поддерживать крепкую партийную солидарность.

Партии и голосование в Великобритании

Вплоть до XIX века партии в Великобритании рассматривались только как организации временного порядка, создававшиеся для обеспечения поддержки в каких-либо специальных случаях или кризисных ситуациях. По мере развития партий в более стабильные организации все чаще проявлялась идея, что поддержка лидеров партии могла бы принести определенные выгоды. Членство в партии и лояльность к ней стали связываться с различными формами покровительства, которое предусматривало, что наиболее преданные партии лица могут получить тот или иной пост в новой администрации. На протяжении большей части XX века на политической сцене Великобритании доминировали две крупнейшие партии (лейбористская и консервативная), и в результате того, что возрастало влияние то одной, то другой альтернативной правительственной команды, все члены которой принадлежали к одной партии, сформировалась так называемая *политика соперничества*. В послевоенный период обе партии постоянно испытывали на себе давление, как внешнее, так и внутреннее. Если говорить о внешнем давлении, можно привести три примера его проявления:

1. *Потеря поддержки избирателей.* В 1951 году, который был историческим пиком развития двухпартийной системы, лейбористская и консервативная партии вместе получили на всеобщих выборах 96,8% голосов избирателей. В ходе октябрьских выборов 1974 года их доля упала до 75%. Февральские выборы 1974 года стали первыми выборами за сорок пять лет, не давшими большинства какой-либо одной партии в палате общин. Этим воспользовалась партия Альянса (союза либеральной и социал-демократической партий), потребовавшая в начале 1980 года реформы выборов.

2. *Потеря членов.* С 1953 года в обеих основных партиях отмечается уменьшение числа членов. Достоверные данные о реальном числе членов партий не публикуются, однако признается, что их нынешнее количество относительно невелико.

3. *Потеря источников доходов.* В реальном исчислении доход партий сократился в той же пропорции, что и количество их членов, хотя членские взносы не являются основным источником партийных доходов. Последствиями спада в доходах стал рост финансовой зависимости консервативной партии от частных фирм, а лейбористской — от профсоюзов.

За последние тридцать лет избирательная политика Великобритании значительно изменилась. Это было обусловлено рядом причин. Первая причина носит структурный характер: за этот период резко сократилась доля экономически активного населения, занятого в традиционных областях промышленности, особенно обрабатывающей. Несомненно, это подточило традиционные источники, из которых лейбористская партия черпала поддержку. Второй причиной является раскол, произошедший в лейбористской партии в начале 1980-х годов, который привел к образованию социал-демократической партии. Хотя в 1988 году поддержка со стороны избирателей «центральных» партий существенно сократилась, на политическую арену Великобритании вышла заметная «дополнительная сила». Третьей причиной

было то, что на пост премьер-министра трижды избиралась лидер консервативной партии М. Тэтчер. Программа решительных изменений, выдвинутая М. Тэтчер и ее кабинетом, отразила значительный отход от предшествующей философии консерваторов. «Тэтчеризм» делал особый акцент на ограничении роли государства в экономической жизни и провозглашал развитие рыночных механизмов как основы свободы личности и экономического процветания.

До 1970 года обе партии пользовались стабильной поддержкой избирателей, большинство которых были ярыми сторонниками либо либералов, либо консерваторов. Это учитывалось в ходе ведения избирательных кампаний, в которых главной задачей считалось объединение единомышленников, а не завоевание голосов избирателей, придерживавшихся альтернативных точек зрения. Две избирательные кампании 1974 года наглядно показали, что традиционная лояльность избирателей значительно снизилась. Исследование, проведенное для выяснения политических симпатий избирателей, показало, что число лиц, причисляющих себя к числу «верных» или «горячих» сторонников той или иной партии, в период с 1970 по 1986 год сократилось с 80% до 60%[12]. На каждых последующих выборах этот процент неуклонно падал, при этом увеличивалось число избирателей, заявлявших, что они принимают решение на самых последних этапах выборов. Стало очевидно, что избирательные кампании должны оказывать более значительное воздействие на результаты выборов, чем это было прежде. Вероятно, большую роль здесь сыграло телевидение, которое выступало средством «продажи» имиджа партий и политических деятелей.

Можно сказать, что в настоящее время телевидение служит своеобразным противовесом политизированной британской прессе. В результате смены владельцев и изменения тиражей крупных газет на рынке стали доминировать издания, поддерживающие консервативную партию. В 1960-х годах тираж газет, поддерживавших лейбористскую партию, составлял 43% общего тиража ежедневных изданий. Сегодня пролейбористскую позицию занимает только «Дейли миррор», на долю которой приходится 22% общего тиража изданий. Существует мнение, что одной из причин увеличения влияния телевидения на избирательную кампанию является его пристальное внимание к лидерам партий. Многие стали утверждать, что британские выборы все больше напоминают американские президентские предвыборные кампании. Однако это не совсем соответствует действительности: хотя большая часть избирателей в 1979 году в качестве потенциального премьер-министра отдавала предпочтение кандидатуре Каллагана, а не Тэтчер, консервативной партии все же удалось победить.

Поведение избирателей — отход приверженцев

Характерной чертой поведения британских избирателей 1970-х годов было так называемое *группирование приверженцев* одной из двух основных партий. В основе этого явления лежала мысль о том, что важнейшим фактором, влияющим на поведение избирателей, является социальный класс, и что избиратели «идентифицируют» себя с той либо другой партией. Иными словами, они считают себя либо «консерваторами», либо «лейбористами». Исследование, проведенное Дэвидом Батлером и Дональдом Стоуксом в 1960-х годах, показало, что более 90% населения идентифицируют себя подобным образом с той или другой партией.

[12] *Crewe I.* The campaign of confusion // New Society, 8 May. 1987.

Многие идентифицировали себя с избранной партией «достаточно сильно» или «очень сильно» [13].

В наши дни корреляция между классом и поведением на выборах стала намного менее определенной. Кроме того, гораздо большая часть избирателей сегодня обращает внимание на политику и взгляды партий, а не просто выражает одной из них безоговорочную поддержку. В этом случае мы имеем дело с процессом *отхода приверженцев*, то есть отступления от устойчивой партийной идентификации.

Чем можно объяснить усиление отхода приверженцев? Айвор Крю говорит о двух типах влияний [14]. Первый связан с возрастанием значения тех сторон жизни людей, которые не находятся в прямой связи с классовыми различиями, — например, живут ли они в собственных домах или в арендованных, являются ли членами профсоюзов или нет. Так, оказалось, что члены профсоюзов отдают устойчивое предпочтение лейбористам перед консерваторами, независимо от того, чей это профсоюз — «белых» или «синих воротничков».

Второй фактор заключается в том, что избиратели все в меньшей степени пленники своих предыдущих политических привязанностей, определявших их партийные предпочтения. Наоборот, люди, как правило, стремятся отдать голоса той партии, которую считают наиболее соответствующей своим интересам сегодня. Так, можно предположить, что в конце 1970-х и в 1980-е годы партия лейбористов предлагала политический курс, не отвечавший симпатиям значительной части ее сторонников, — отсюда длительный период правления консерваторов.

Выборы 1992 года

На выборах 1992 года сдвиг голосов в пользу лейбористов составил 2% избирателей, консерваторы сохранили общее большинство в парламенте, хотя размеры этого большинства существенно сократились. Доля населения, голосующая за Тори, оставалась с 1979 (44,9%) до 1992 года (42,8%) достаточно стабильной. Доля голосов, доставшихся лейбористам, была больше, чем достигавшаяся за последние годы низшая отметка (менее 30% на выборах 1983 года). В 1992 году они получили 35,2% голосов. Однако это все-таки меньше достигнутого партией в 1979 году. Третья партия — Либеральные демократы — получила 18,3%, это спад по сравнению с двумя предыдущими выборами.

Исследования, проведенные во время последних выборов, подтвердили тенденцию к колебаниям значительного числа голосов, несмотря на устойчивую поддержку всех трех партий. Опрос репрезентативной группы из 1500 избирателей показал, что 21% из них будут голосовать лишь в последнюю неделю избирательной компании.

В целом результаты выборов подтверждают тезис об отходе приверженцев; вместе с тем они показывают, что этот процесс более характерен для сторонников неконсервативных партий, чем для сторонников консерваторов. Если это так, то положение лейбористов представляется весьма проблематичным — на выборах 1992 года вновь победили Тори, уже в четвертый раз, и неясно, удается ли лейбористам сломить сложившуюся практику голосования в будущем.

---

[13] *Buthler D.* and *Stokes D.* Political Change in Britain. London, 1974.

[14] *Crewe I.* The electorate: partisan dealignment ten years on. In: Western European Politics. Vol. 6. 1983.

«Тэтчеризм»

Одной из характерных черт политики Великобритании в 1980-х годах было влияние политических идей, связанных с именем Маргарет Тэтчер и ставших известными как «тэтчеризм». Каковы источники «тэтчеризма»? Чем он был привлекателен для широких слоев населения Великобритании? Легко предположить, что политика, ассоциируемая с правительством Маргарет Тэтчер (которое пришло к власти в 1979 году), выглядела в глазах публики гораздо более последовательной и твердой, чем это было на самом деле. Безусловно, «тэтчеризм» имел ряд четко выраженных направлений, однако в основе своей это был достаточно неопределенный набор программ и инициатив. Одни из них принимались, исходя из прагматических причин, другие возникали и в большинстве своем исчезали с течением времени[15].

Маргарет Тэтчер стала премьер-министром и лидером консервативной партии отнюдь не на волне поддержки политики, впоследствии названной «тэтчеризмом». На самом деле первоначально ее никто даже не рассматривал как возможного кандидата на смену лидера консервативной партии Эдварда Хита. Но в тот период, в конце 70-х годов, когда она готовилась противостоять Хиту после двукратного поражения консервативной партии на предыдущих выборах, многие члены парламента выступали за перемены в руководстве партии. Ее победа в то время не рассматривалась многими как начало решительного идеологического поворота в философии консерваторов, хотя Тэтчер принимала активное участие в пересмотре общей концепции партии, начатом Кейтом Джозефом. Став лидером партии, она объединила идеи, предложенные Джозефом, со взглядами, выдвинутыми экономистом Милтоном Фридманом, что и было положено в основу нового политического курса.

Манифест консервативной партии 1979 года по большей части содержал идеи, выдвинутые еще Хитом, хотя в нем и появились обещания переломить тенденцию экономического спада в стране и радикально расширить свободы каждого индивида путем сокращения власти государства. Многие политические комментаторы объясняли победу консерваторов на всеобщих выборах 1974 года скорее реакцией на неспособность лейбористской партии сохранить контроль над профсоюзами, чем триумфом нового политического мышления. Во время ее первого срока пребывания на посту премьер-министра политика Тэтчер была сконцентрирована на «монетаризме». Считалось, что контролирование денежных средств является ключом к сокращению инфляции и обеспечивает действенное управление экономикой. Однако оказалось, что добиться государственного контроля над финансами на практике невозможно, поэтому впоследствии от политики монетаризма в основном отказались. Было пересмотрено также первоначальное обязательство сократить государственные расходы, так как в течение всего первого срока пребывания Тэтчер у власти они постоянно росли.

Победа консерваторов на выборах 1983 года дала импульс реализации экономического направления политики «тэтчеризма», началом которой послужила приватизация государственных компаний. Продажа акций таких компаний, как «British Telecom», «British Gas», «British Airways» и «British Petroleum», встретила широкую поддержку. Продажа правительственных зданий также пользовалась одобрением избирателей. Планировались далеко идущие изменения в организации образования и в системе трат на местные органы власти, хотя совсем не очевидно, что эти шаги оказались бы столь же популярными.

---

[15] *Riddell P.* The Thatcher Government. Oxford, 1985; *Kavanagh D. A.* Thatcherism and British Politics. Oxford, 1987.

Сторонники приватизации утверждали, что она имеет ряд преимуществ. Она восстанавливает здоровую экономическую конкуренцию вместо громоздких и неэффективных государственных бюрократий; сокращает государственные расходы и прекращает политическое вмешательство в экономические решения. Политика приватизации, начатая Тэтчер, оказалась жизнеспособной. Партия лейбористов, бывшая поначалу ее яростным противником, со временем отказалась от столь бескомпромиссной позиции и согласилась с тем, что приватизация была необратима.

«Леди не свернет с пути!» — заявила Маргарет Тэтчер в одном из своих самых известных выступлений. Вероятно, наиболее сильным элементом «тэтчеризма» была все же сама личность миссис Тэтчер. Многие избиратели не разделяли ее взглядов, но уважали ее качества национального лидера. Эти качества особенно ярко проявились, когда Тэтчер отказалась отступить перед лицом фолклендского кризиса, и ее доминирующая роль в правительстве особенно усилилась после того, как она постепенно добилась отставки членов своего кабинета, несогласных с ее политикой.

Уровень поддержки политики «тэтчеризма» с течением времени менялся. Первоначально ее победа была скорее результатом голосования *против* правительства Каллагана. В начале 1980-х годов в стране все чаще стало проявляться общественное несогласие с политикой Тэтчер, проходили марши протеста и демонстрации против безработицы. В этот период авторитет консервативной партии существенно упал, однако после того, как правительство продемонстрировало силу и твердость своей позиции во время фолклендского кризиса, что было встречено всеобщим одобрением, консерваторы снова получили поддержку населения, и это послужило основной причиной их победы на выборах 1983 года. Во время забастовки шахтеров в 1984 году над кабинетом нависла угроза отставки, но поскольку забастовка не увенчалась успехом, правительство вышло из этой ситуации еще более популярным, чем прежде.

Нет никакого сомнения в том, что правительство Тэтчер в целом находило широкую поддержку среди населения. Эта поддержка охватила даже те слои, которые ранее были сторонниками лейбористов. Стюарт Холл считает, что Маргарет Тэтчер создала некую разновидность *авторитарного популизма*, что находило выражение в ее апелляции к народному мнению [16]. Многим пришлись по душе ее выступления против государственного коллективизма, а также ее активная поддержка частной инициативы и взаимопомощи. В этом проявилась популистская сторона ее политики. Широкой поддержкой были также встречены попытки дисциплинировать профсоюзы, ее «горькое экономическое лекарство», а также твердая приверженность идее государства «закона и порядка». Это вносило в общественные настроения нотку авторитарности.

Несмотря на решительную победу на выборах 1987 года популярность миссис Тэтчер среди электората начала резко снижаться. Ключевыми факторами этого стали непопулярность подушного налога, непримиримость ее позиции в оценке роли Британии в Европейском сообществе и наступление периода спада в экономике. Уровень недовольства ее политикой достиг таких размеров, что, когда Майкл Хезелтайн бросил ей вызов в ноябре 1990 года, ему для полной победы не хватило лишь незначительного количества голосов. В этой ситуации старшие коллеги убедили ее далее не участвовать в борьбе, и, как следствие, на политической арене появился Джон Мэйджор, ставший новым лидером консерваторов и премьер-министром [17].

---

[16] *Hall S.* and *M. Jacques* (eds). The Politics of Thatcherism. London, 1983.

[17] *Kingdom J.* Government and Politics in Britain. Cambridge, 1991.

Политика партий: разрушение стереотипов в конце двадцатого века?

Несмотря на долгий срок своего правления, Маргарет Тэтчер никогда не пользовалась поддержкой абсолютного большинства населения. В действительности в Великобритании и в других странах Запада наблюдаются рост скептицизма и разочарования политикой традиционных партий, что сопровождается нестабильностью их поддержки. Это совпадает с периодом (с начала 70-х годов до сегодняшнего дня), когда процесс постоянного расширения социальных прав дал обратный ход. Партии с правым уклоном, такие, как возглавлявшаяся Маргарет Тэтчер в Великобритании или Гельмутом Колем в Западной Германии, совместно с администрацией Рональда Рейгана сделали попытки сократить расходы на социальные нужды[18]. Даже в тех государствах, где к власти пришли социалистические партии, например, во Франции при президенте Миттеране, с 1981 по 1986 год, наблюдалось сокращение ассигнований на социальные нужды. Одной из причин этого было снижение правительственных доходов в результате общеэкономического спада, который начался в 1970-х годах. В этот период существенно возрос скептицизм в отношении эффективности государственных социальных программ, причем этот скептицизм разделялся не только самими членами правительств, но и многими рядовыми гражданами. Эти взгляды оказали непосредственное влияние на изменение характера поддержки партий.

Теории перегрузки государства и кризиса легитимности

Следствием изменения политической ситуации стало появление двух противоположных теорий. Одной из них была теория **перегрузки государства**[19]. Согласно этой теории, по мере того, как правительства расширяют свои задачи, принимая на себя государственное управление промышленностью, коммунальными службами и транспортом, а также обязательства по социальному обеспечению, выясняется, что это существенно больше, чем государства могут реально финансировать и контролировать. Со времени окончания второй мировой войны политические партии, стремясь добиться поддержки избирателей, обещали им все новое и новое увеличение разнообразных льгот и пособий, однако после выборов выяснялось, что они не в состоянии выполнить свои обещания, так как уровень государственных расходов повысился настолько, что превысил уровень доходов от налогов, от которого зависит вся деятельность правительств. Крупные правительственные структуры стали обслуживать только самих себя; кроме того, они становились все менее управляемыми и не отвечали тем нуждам, ради которых были созданы[20].

Как следствие этого, избиратели стали все более скептически относиться к заявлениям правительств и политических партий. Партии левого толка, а также демократическая партия в Соединенных Штатах, частично лишились традиционной поддержки со стороны рабочего класса, поскольку стало ясно, что расходы государства в отношении благ, которыми эти группы реально пользуются, вышли из-под контроля. Появление политического курса «новых правых» объясняется как попытка справиться с такой ситуацией путем ограничения расходов государства и оказания поддержки частному предпринимательству.

---

[18] *Krieger J.* Reagan, Thatcher and the Politics of Decline. Cambridge, 1986.

[19] *Brittan S.* The economic contradictions of democracy // British Journal of Political Science, 15. 1975.

[20] *Etzioni-Halévy E.* Bureaucracy and Democracy: A Political Dilemma. London, 1983.

Противоположная теория, получившая название теории **кризиса легитимности**, была разработана немецким социологом Юргеном Хабермасом и его последователями[21]. Исходным положением этой теории является утверждение, что современные правительства в целом испытывают трудности в получении необходимых средств для выполнения возложенных на них задач. Для поддержания стабильности экономики вмешательство государства в экономическую жизнь и социальное обеспечение является необходимым, поскольку там, где общество в основе своей зависит от товаров и услуг, предоставляемых частным капиталистическим производством, экономическая жизнь имеет ярко выраженную тенденцию к изменчивости и неопределенности. Правительства вынуждены обеспечивать многие виды услуг, которые частные компании не желают финансировать из-за их недостаточной прибыльности. В то время как государство вынуждено брать на себя все больше обязательств, правительству все труднее получать необходимые для их реализации средства, поскольку налоги взимаются с частных лиц и деловых структур, что встречает сопротивление. Правительства не в состоянии адекватно реагировать на эти противоречивые требования. Давление с каждым годом становится все более заметным, так как диапазон обязательств, которые вынуждены брать на себя правительства, постоянно расширяется. Возможности партий, особенно выступающих за увеличение роли государства, выполнить свои обещания, значительно уменьшились. Именно это привело к частичной потере поддержки общественности и к общему разочарованию в возможностях политиков, то есть к «кризису легитимности». Новые формы политического курса правых возникли в результате сопротивления высоким уровням налогов со стороны высокодоходных групп населения.

Оценка теорий

Обе рассмотренные теории исходят из ряда общих положений. В них утверждается, что авторитет власти, а также сложившиеся формы поддержки партий подорваны в результате растущих к ним претензий. Обе теории сходятся на том, что правительствам трудно контролировать те аспекты социальной и экономической жизни, на которые они в своих программах обещали оказывать влияние. Однако предложения по практическому исправлению сложившейся ситуации у них разнятся. Теория «перегрузки государства» выдвигает тезис о том, что попытки сокращения уровня государственных расходов могут принести плоды. Альтернативная теория предполагает, что такие попытки могут вызвать скорее ухудшение положения и обострение социальных конфликтов, так как у государства не будет достаточно средств, чтобы удовлетворить нужды здравоохранения, социального обеспечения или разрушающейся инфраструктуры городов.

Теория «перегрузки» выглядит менее привлекательной. Она содержит ряд насильственных моментов в обеспечении и распределении средств между правительствами и частными структурами, и Ю. Хабермас последовательно анализирует эти проблемы. Те слои населения, которые больше платят за услуги, — как правило, более богатые — полагают, что они получают их в меньшем объеме. Поэтому во многих странах постоянно идут дебаты о том, в какой степени нужды здравоохранения должны финансироваться за счет налогов и обеспечиваться государством, а какую часть должен непосредственно вносить тот, кто нуждается в таких услугах. Эти моменты являются причиной многих современных социальных конфликтов.

---

[21] *Habermas J.* Legitimation Crisis. Cambridge, 1976; *Offe C.* Contradictions of the Welfare State. Cambridge, 1984; *Offe C.* Disorganized Capitalism. Cambridge, 1985.

Участие женщин в политике

Модели голосования и политические взгляды

Для женщин право голоса имеет особое значение, и это понятно, если вспомнить, какая длительная борьба предшествовала его получению во многих странах. Участницы первых женских движений рассматривали получение избирательного права для женщин и как символ политической свободы, и как средство достижения большего экономического и социального равенства. В Великобритании и в Соединенных Штатах, где попытки женщин получить избирательные права были более активными и встречали более жестокое сопротивление, чем где бы то ни было, лидеры женского движения прошли через многие испытания, прежде чем добились своей цели. Даже в наши дни женщины в некоторых странах не имеют одинакового с мужчинами права голоса, хотя Саудовская Аравия является единственным государством, где женщины вообще не допускаются к голосованию. Дала ли эта тяжелая борьба за приобретение права голоса желаемые результаты?

Если ответить коротко, то нет. Во многих странах Запада, где женщины первыми получили право голоса, число голосовавших женщин было гораздо меньше, чем мужчин. На первых общенациональных выборах в Великобритании в 1929 году, когда женщины впервые были допущены к голосованию, только около одной трети из них воспользовались этой возможностью, тогда как доля проголосовавших мужчин составила две трети. Приблизительно то же соотношение наблюдалось и в США, а также в ряде других государств после введения всеобщего избирательного права[22]. И сейчас во многих странах в выборах участвует меньше женщин, чем мужчин, хотя кое-где эти различия почти полностью исчезли. Общее число женщин, принимавших участие в трех последних президентских выборах в США, было только на 3–6% меньше, чем мужчин. В Великобритании начиная с 1970 года разница в соотношении между мужчинами и женщинами, принимавшими участие в парламентских выборах, не превышала 4%. Различия по полу при голосовании полностью ликвидированы в Швеции, Западной Германии, Канаде, а в Италии, Финляндии и Японии число женщин, принимающих участие в голосовании, даже несколько выше, чем число мужчин.

Эти данные показывают, что реальным препятствием к равенству между полами является не право голоса, а более глубокие социальные различия между мужчинами и женщинами, ограничивающие деятельность женщин только домом и хозяйственными делами. Уменьшение социальных различий между полами гораздо сильнее сказывается на политической активности женщин, чем что-либо иное. По мере искоренения различий между мужчинами и женщинами в социальном статусе и в возможности занимать посты во властных структурах число женщин, принимающих участие в голосовании, начало расти.

Насколько различается отношение мужчин и женщин к реалиям политической жизни? Многие суфражистки, первые борцы за женские избирательные права, полагали, что участие женщин в политике радикально преобразует политическую жизнь, привнеся в нее альтруизм и нравственность. Те же, кто выступал против предоставления женщинам права голоса, считали, что политическая активность женщин очень быстро приведет к самым гибельным последствиям. Один из известных противников избирательного права женщин в Великобритании предостерегал, что «революция такой огромной важности неизбежно принесет Англии величайшие

[22] *Baxter S.* and *M. Lansing*. Women and Politics: The Visible Majority. Ann Arbor, 1983.

несчастия». Общее мнение было таково, что участие женщин в политике сделает политическую жизнь более обыденной и в то же время подорвет стабильность семьи.

Ни одно из этих серьезных опасений не оправдалось. Приобретение женщинами права голоса не повлекло за собой никаких существенных изменений природы политики. Характер голосования женщин, так же, как и мужчин, определяется прежде всего партийными взглядами, политическим выбором и наличием соответствующих кандидатов, хотя между женским и мужским голосованием существует ряд довольно четко проявляющихся различий. В целом женщины при голосовании более консервативны, чем мужчины, особенно если судить по количеству голосов женщин-избирателей, отданных за партии правого толка. Это утверждение справедливо, например, для Франции, Западной Германии и Италии. В Великобритании и Соединенных Штатах ситуация менее однозначна. В Великобритании за лейбористскую партию отдают больше голосов молодые женщины, чем молодые мужчины, а женщины старшего возраста голосуют за консерваторов. Обе тенденции в основном уравновешивают друг друга. В Соединенных Штатах консервативная ориентация не вызывает однозначных ассоциаций с какой-либо из двух основных действующих партий, так как различия между платформами республиканской и демократической партий нельзя приписать прямой оппозиции политических взглядов «правых» и «левых». В ходе последних выборов за демократов голосовало чуть больше женщин, чем мужчин, причем в основном свои голоса демократам отдавали молодые избирательницы.

Влияние женщин на политику не может оцениваться только с точки зрения избирательного права. Женское движение оказывало влияние на политическую жизнь независимо от приобретения права голоса, особенно в последние десятилетия. С начала 1960-х годов Национальная организация женщин и другие женские движения в США предпринимали шаги, направленные на непосредственное участие женщин в политике. Они вели работу по следующим направлениям: приобретение равных с мужчинами прав на работу, узаконивание абортов, внесение изменений в законы о семье и разводах, охрана прав сексуальных меньшинств. В большинстве европейских стран таких национальных женских организаций не было, однако «вторая волна» феминизма, начавшаяся в 1960-х годах и продолжающаяся по сегодняшний день, выдвинула эти же проблемы в центр политической жизни Европы. Многие вопросы, в частности, насколько свободным должно быть право на аборт, вызвали яростную полемику как среди женского, так и среди мужского населения.

Женские организации Великобритании сыграли большую роль в принятии в 1967 году закона об абортах, а также законов против сексуальной дискриминации женщин при найме на работу. Они также способствовали внесению различных изменений в законодательство. Например, в закон «О бытовом насилии и процедурах бракосочетания» 1976 года были внесены положения о защите жертв бытового насилия. Национальный опрос, проведенный в 1992 году, высветил и другие проблемы, имеющие приоритетное значение для женщин, но оцениваемые как маловажные мужчинами. В их число входят, например, политика создания детских дошкольных учреждений и политика в области детских пособий[23]. Независимо от того, как будет развиваться ситуация в будущем, уже сейчас совершенно ясно, что многие проблемы и заботы, касающиеся женщин, ранее находившиеся вне «рамок политики», стали центральными вопросами современных политических дебатов.

[23] *Kellner P.* Does sex matter in the Polling booth // Independent, 18 March. 1991.

Женщины в политических организациях

Женщины никогда не были полностью отстранены от политической власти. В прошлом некоторые женщины, начиная с Клеопатры, становились во главе государств и концентрировали в своих руках огромную власть. Но даже и тогда, когда они не считались законными правительницами, женщины зачастую обладали огромной неформальной властью как жены или любовницы монархов, президентов и премьер-министров. В качестве одного из наиболее известных примеров можно назвать мадам де Помпадур, фаворитку короля Франции Людовика XIV, которая часто принимала важные государственные решения. На протяжении двадцатого века женщины довольно часто становились во главе правительств, например, Голда Мейер в Израиле, Индира Ганди в Индии, Маргарет Тэтчер в Великобритании.

Тем не менее, в целом женщины, как и во многих других областях общественной жизни, слабо представлены в политической элите государств. В Великобритании после выборов 1983 года в парламенте насчитывалось 19 женщин, что составляло 3% всех членов палаты общин. В предыдущем парламенте их насчитывалось 27 человек, или 4,5% общего числа парламентариев. После национальных выборов 1980 года в Соединенных Штатах в палате представителей конгресса было 19 женщин, чуть больше 4% общего числа конгрессменов[24]. Эта доля оставалась практически стабильной с начала 1970-х годов. В 1981 году в сенате США были только две женщины, что составляло 2% общего числа сенаторов. В предыдущих созывах в сенате женщин не было совсем. За всю историю его существования в американском конгрессе было всего 13 женщин. В законодательных органах других стран женщины были представлены более полно. В Западной Германии в 1981 году женщины составляли 8,5% общего числа членов бундестага, в Швеции 28% членов парламента были женщины, в Финляндии — 26% и в Норвегии — 24%.

Представительство женщин в местных органах власти обычно выше, чем в органах общенационального уровня. В 1981 году в Великобритании в местных органах власти насчитывалось 16% женщин. В большинстве других государств женщины лучше представлены в местных, а не национальных органах, за исключением скандинавских стран, где этот процент практически одинаков. В 1983 году 9,8% членов государственных органов США составляли женщины. Общее представительство женщин в правительственных структурах отражает их положение в большинстве других общественных сфер. Если в средних эшелонах власти еще можно встретить некоторое количество женщин, хотя оно никоим образом не соответствует занятому там числу мужчин, то в высших эшелонах женщин насчитываются единицы.

Аналогичную картину можно наблюдать и в партийных организациях. В Великобритании на ежегодной конференции лейбористской партии в 1980 году 11% делегатов составляли женщины, тогда как в консервативной партии — 38%. В Соединенных Штатах женщины составляют примерно одну треть делегатов на съездах демократической и республиканской партий. Однако по мере приближения к вершине партийной иерархии число женщин значительно уменьшается. При администрации Картера среди 11 членов кабинета были две женщины. В кабинет же, сформированный после выборов 1980 года президентом Рейганом, женщины не вошли совсем. Скандинавские страны практически являются единственными, где женщины заслуженно занимают высшие посты. В состав правительств Швеции, Финляндии и Норвегии уже давно входят женщины, хотя они составляют мень-

[24] *Randall V.* Women and Politics. London, 1982.

шинство. Например, в 1980 году из 20 членов правительства Швеции пятеро были женщины.

Удивление вызывает не само по себе низкое представительство женщин в высших эшелонах политических организаций, а та медлительность, с которой меняется это положение. В сфере бизнеса мужчины продолжают удерживать монополию на высшие посты, однако женщины в настоящее время чаще, чем когда-либо, пытаются ее нарушить. В сфере политики этого пока не происходит, несмотря на тот факт, что практически все политические партии сегодня номинально обязуются предоставлять мужчинам и женщинам равные возможности. Факторы, которые препятствуют женщинам продвинуться в экономике, имеют место и в области политики. Для того, чтобы подняться на вершину политической организации, как правило, необходимо затратить большие усилия и время, которые женщины, обычно несущие на себе бремя домашних забот, редко могут выделить. Но вполне вероятно, что существует и другая причина. Ведь именно на политической арене можно достичь максимальной власти, возможно, именно поэтому мужчины не желают расставаться со своим доминирующим положением в этой сфере.

Неинституционализированные политические действия

Политическая жизнь может протекать не только в законных рамках деятельности политических партий, в процессе голосования и представительства в государственных органах. Нередко возникают группы людей, которые полагают, что их цели и идеалы не могут быть достигнуты, если придерживаться общепринятых рамок, так как блокируются сложившейся системой. Наиболее драматичным примером неортодоксального политического действия является революция — насильственная ломка существующего политического порядка посредством массового движения, использующего насилие. Так как проблема революций широко освещена в специальной главе (см. главу 19, «Революции и социальные движения»), то здесь мы не будем останавливаться на них подробно, а затронем только вопросы масштаба и природы неинституционализированных политических действий.

Наиболее распространенным типом таких действий являются движения протеста, которые обычно, хотя и не всегда, возникают среди наиболее бедных и обездоленных слоев общества. В настоящее время в странах Запада законом разрешено создавать более или менее любые политические ассоциации, а также совершать некоторые внепарламентские действия, такие, как организации уличных демонстраций и маршей. Как правило, эти права приходилось завоевывать. Например, в XIX веке в ряде стран Европы были введены законы, направленные против собраний, они запрещали большому количеству людей собираться с политическими целями в общественных местах. Попытки регулировать деятельность масс с помощью правительства вскоре были оставлены, так как стало ясно, что реально добиться исполнения этих запретов невозможно. Люди собирались огромными толпами специально, чтобы выразить свой протест, так что принятые законы только стимулировали деятельность, против которой были направлены.

Следует отметить характерную черту движений протеста, заключающуюся в том, что они часто действуют на грани легально разрешенного правительством. Например, лицензия на проведение массовой демонстрации должна быть получена в полиции заранее. Иногда, несмотря на отказ в этой лицензии, организаторы демонстрации, тем не менее, решают ее провести, рискуя ввергнуть ее участников в конфронтацию с властями. Демонстранты, будучи горячими приверженцами дела, за которое они

Таблица 5. *Отношение к акциям протеста (на примере выборочного опроса мужчин и женщин в Великобритании в 1977 году)*

	Принимал участие, %	Мог бы принять участие, %	Никогда бы не принял участия, %
Подписывание петиций	63	28	9
Участие в демонстрациях, разрешенных законом	9	33	58
Участие в бойкотах	6	31	63
Участие в неофициальных забастовках	8	16	76
Занятие зданий или фабрик	2	10	88
Нанесение повреждений (разбивание окон, перенесение дорожных знаков и т. д.)	2	1	97
Личное участие в актах насилия (драка с участниками демонстраций или с полицией)	1	3	96

Источник: *Mark Abrams, David Gerrard* and *Noel Timms*. Values and Social Change in Britain. London, Macmillan, 1986. P. 165.

выступают, готовы преступать закон, лишь бы сделать свою акцию эффективной. Так, участники маршей мира часто блокировали армейские лагеря, пытаясь воспрепятствовать ввозу или вывозу оружия, перелезали через заграждения и устраивали сидячие забастовки, а также проникали в ракетные шахты.

Когда глава правительства сталкивается с проявлениями внепарламентской активности, у него есть три варианта действий. Прежде всего, он может просто проигнорировать эти акции. Группировки, которым население оказывает слабую поддержку, как правило, вызывают вялую реакцию со стороны правительственных кругов. В этой ситуации какая-либо решительно настроенная группа или движение могут прибегнуть к насилию, так как именно оно способно вызвать реакцию, пусть даже только карательную. Например, немногочисленные политические секты, имеющие лишь небольшое число сторонников среди остальных групп населения, могут прибегнуть к терроризму как средству для дальнейшего продвижения своего дела.

Второй вариант ответа со стороны правительства заключается в немедленном подавлении всех, кто был вовлечен в антиправительственную деятельность (или подозревается в этом). Политические власти часто прибегали к репрессивным мерам для пресечения «нарушений общественного порядка». Иногда это подавление принимало жесткие формы: против безоружных демонстрантов использовались вооруженные формирования, что часто приводило к жертвам.

Третий способ, которым правительство может прореагировать на несанкционированное выступление, — попытаться сгладить остроту протеста, согласившись хотя бы с некоторыми требованиями. Все три варианта ответной реакции могут следовать один за другим. На первых этапах развития движения протеста власти могут не обращать на него внимания или считать, что оно умрет само по себе. Если движение набирает силу, особенно когда оно выражает взгляды, несовместимые с политикой правительства, то ответная реакция может свестись к использованию силы. Если же это не приносит желаемых результатов или вызывает протесты общественности, политические власти могут пойти на какие-либо уступки и даже включить часть требований в свои политические программы.

Внепарламентская политическая деятельность довольно часто вынуждает основательно пересматривать официальный политический курс. Например, так случилось

с движением за гражданские права в Соединенных Штатах в конце 1950-х и в 1960-х годах (подробно это описано в главе 8, «Этническая принадлежность и раса»). Вобрав в себя представителей бедных слоев негритянского населения южных штатов, негритянских лидеров среднего класса и либерально настроенных представителей белого населения северных штатов, движение за гражданские права в конечном итоге привело к серьезнейшим политическим изменениям. Реакция правительства на это движение в основном соответствовала вышеописанной. Сначала ни местные, ни центральные власти не интересовались происходящим и считали, что беспорядки и марши исчезнут сами по себе. Когда стало ясно, что этого не произойдет, некоторые представители местных властей пытались обуздать лидеров движения, воспрепятствовать проведению маршей и манифестаций путем демонстрации силы. Однако позднее, когда дело перешло в руки федерального правительства, оно было вынуждено внести в законодательство изменения, обеспечивающие большее равенство между белым и чернокожим населением, в частности, была проведена десегрегация школьного обучения.

Кто же правит?

Плюралистическая теория, описанная выше, исходит из того, что политическая система современных государств в существенной степени определяется конкуренцией различных групповых интересов. Подобная конкуренция, как полагает теория, препятствует концентрации слишком большой власти в руках какой-либо одной группы или класса. Так же, как и сторонники теории демократического элитизма, последователи плюралистической теории считают, что «народ» не правит и не может править. Однако они рассматривают Соединенные Штаты и другие страны Запада как существенно демократические общества. Чарлз Райт Миллс в своей известной работе «Властвующая элита» высказал иную точку зрения[25]. Он отметил, что в ранний период своей истории американское общество на всех уровнях действительно было очень пластичным и разнородным, однако впоследствии все изменилось.

Миллс утверждает, что на протяжении двадцатого века происходил процесс институциональной централизации политической, экономической и военной сфер жизни американского общества. Когда-то политическая система в значительной степени определялась политикой отдельных штатов, деятельность которых в общих чертах координировалась федеральным правительством. Политическая власть сегодня, по мнению Миллса, жестко координируется сверху. Экономика тоже когда-то состояла из множества малых производственных форм, сейчас же в ней доминирует группа очень крупных корпораций. Наконец, было время, когда вооруженные силы были немногочисленными и дополнялись формированиями милиции, тогда как в настоящее время они превратились в гигантскую организацию, занимающую ключевое положение среди других государственных институтов страны.

Каждая из этих сфер стала не только более централизованной, но и, согласно Миллсу, более взаимосвязанной с другими таким образом, что сформировалась унифицированная система власти. Люди, занимающие высшие посты в этих трех областях, как правило, являются выходцами из одной социальной среды, они разделяют те же взгляды, имеют общие интересы и нередко лично знакомы друг с другом. Они превратились в единую **властвующую элиту**, которая правит страной и,

[25] *Mills C. W.* The Power Elite. Oxford, 1956.

принимая во внимание международное положение Соединенных Штатов, оказывает влияние на развитие событий во всем мире.

Властвующая элита, в изображении Миллса, — это в основном состоятельные белые мужчины англосаксонского происхождения, квалифицированные специалисты, многие из них окончили одни и те же престижные университеты, состоят членами одних и тех же клубов и совместно заседают в правительственных комитетах. Их заботы во многом совпадают. Бизнесмены и политические лидеры работают вместе и тесно связаны с военными посредством контрактов на приобретение вооружения и ассигнований на различные поставки вооруженным силам. В высших эшелонах всех трех сфер — политики, экономики и армии — происходит постоянное взаимодействие. Политики имеют деловые интересы, лидеры в сфере бизнеса часто стремятся к политическим постам, высший военный состав нередко заседает в советах крупнейших компаний.

В противовес мнению сторонников плюралистических теорий, Миллс полагает, что в Соединенных Штатах существуют три четко различимых уровня власти. Властвующая элита занимает высший уровень, формально и неформально принимая наиболее важные политические решения, оказывающие влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику. Группы интересов, на которых концентрируют внимание сторонники плюралистических теорий, действуют в среднем эшелоне власти совместно с местными органами правления. Их влияние на основополагающие решения ограничено. На самом нижнем уровне находится основная масса населения, которая не оказывает практически никакого влияния на принимаемые решения, так как они разрабатываются в ходе закрытых заседаний, где собираются представители властвующей элиты. Элита также охватывает высшие эшелоны власти обеих партий. Во главе каждой партии стоят лица, имеющие общие интересы и взгляды. Поэтому реальные альтернативы, предоставляемые избирателям в ходе выборов президента или конгрессменов, отличаются столь незначительно, что последствия этих различий практически не имеют значения.

После выхода в свет работы Миллса появились и другие исследования, анализирующие социальные корни и взаимосвязи виднейших фигур в различных областях американской общественной жизни. Все исследователи сходятся в том, что социальное происхождение лидеров ни в малейшей степени не отражает социальную структуру всего населения. Исследования подтвердили, что лидеры во всех трех сферах, которые Миллс подверг анализу, — это богатые мужчины, преимущественно англо-саксонского происхождения, выходцы из обеспеченных семей, посещавшие привилегированные частные школы и университеты. Дж. Уильям Домхофф изучил представителей американского высшего класса, включенных в специальные списки так называемого «Общественного реестра»[26]. И хотя «Общественный реестр» составлен только для двенадцати крупнейших городов (города юга и юго-запада страны в него практически не входят), он все же может служить руководством к пониманию того, как распределены в США наиболее богатые и могущественные граждане. В результате своих исследований Домхофф показал, что представители высшего класса занимают наиболее ответственные официальные посты, причем не только в трех государственных сферах, проанализированных Миллзом, но также и во многих других, в частности, в попечительских советах университетов и колледжей, средствах массовой информации, благотворительных фондах и на дипломатическом поприще. Домхофф документированно доказал, что существует определенный круг,

[26] *Domhoff G. W.* The Higher Circles: The Governing Class in America. New York, 1970; *Domhoff G. W.* The Powers That Be: Process of Ruling Class Domination in America. New York, 1979.

члены которого часто связаны родственными узами, состоят в одних и тех же клубах и заседают в одних и тех же комиссиях, и принадлежность к этому кругу почти автоматически ведет к занятию высших постов в разных сферах.

Как и Миллс, он пришел к выводу, что властвующая элита действительно существует, и именно она принимает наиболее важные для страны решения, а ее члены в основном являются выходцами из высшего класса. В отличие от Миллса, он считает, что военные образуют довольно замкнутую систему и оказывают влияние на политические и экономические решения только в периоды кризисов или войны.

«Внутренний круг» в США

Некоторое время назад Майкл Юсим проводил исследование, посвященное руководящему звену крупных корпораций в Соединенных Штатах и продемонстрировавшее заметные различия представителей деловых кругов Великобритании и США[27]. Юсим утверждает, что как в США, так и в Великобритании существует сходная взаимосвязь деловых и политических кругов. Согласно его выводам, лидеры крупнейших американских корпораций все больше стремятся играть непосредственную политическую роль в решении общегосударственных вопросов. Юсим считает, что подавляющее большинство представителей деловых кругов не принадлежат к так называемому *внутреннему кругу*, т. е. небольшой группе руководителей бизнеса, поддерживающих постоянные связи между собой и с политической верхушкой. Тем не менее, те немногие бизнесмены, которые туда попадают, — как правило, они являются выходцами из верхних эшелонов крупнейших корпораций, — осуществляют воздействие на правительство от имени всего делового мира.

В 1970-е и в начале 1980-х годов, как отмечает Юсим, произошла заметная интенсификация политической активности корпораций. В настоящее время они действуют путем прямой поддержки своих кандидатов, лоббирования высших эшелонов власти, членства в правительственных органах, принимающих решения, а также через личные контакты с представителями политических кругов на неформальной основе. Возросшая политическая активность большого бизнеса, по мнению Юсима, является ответной реакцией на экономические трудности, обусловленные недавним спадом в мировой экономике. Руководители корпораций в США и Великобритании стали еще более влиятельными, особенно в условиях политического климата, созданного администрацией Рейгана и правительством Тэтчер, для которых была характерна твердая ориентация на деловые круги.

Элита в Великобритании

Как бы тесно ни взаимодействовали друг с другом руководящие круги различных социальных областей в Соединенных Штатах, в Великобритании и в большинстве других европейских стран они еще более взаимосвязаны. Только очень узкий круг лиц в Великобритании посещает платные школы, а также поступает в Оксфорд или Кембридж — ведущие университеты страны. Именно эти лица занимают высшие посты в различных сферах, хотя следует отметить, что в промышленности их меньше. Это обусловлено тем, что престиж бизнеса в Великобритании существенно ниже, чем в Соединенных Штатах. 60–80% лиц, занимающих высшие посты в вооруженных силах, церковной иерархии, органах правосудия, на

[27] *Useem M.* The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the US and the UK. Oxford, 1984.

государственной гражданской службе, а также составляющих консервативное крыло в парламенте, получили образование в платных школах, а затем в Оксфорде или Кембридже[28].

Практика регулярной публикации «списков награждений», получившая широкое распространение в конце девятнадцатого века, служит своеобразным связующим звеном между выдающимися представителями современности и потомственной аристократией. В наши дни такой список составляется премьер-министром и представляется для рассмотрения парламентской комиссии; затем он подлежит утверждению монархом. На государственной и военной службе существуют формальные пути продвижения, и награды или титулы следуют за выдвижением на высокую должность. В других областях назначение чаще зависит от наличия неформальных связей и отношений с власть имущими.

Высшим титулом английской знати является титул герцога, за ним следуют маркиз, граф, виконт и барон. Герцоги представляют самую высокопоставленную группу, в которую в настоящее время входят потомки ряда старинных аристократических родов. Только пятеро из двадцати шести герцогов, не принадлежащих к королевской фамилии, обладают титулами, полученными в девятнадцатом веке. Герцогами являются также некоторые наиболее богатые землевладельцы страны. Подавляющее большинство английских пэров носят титул барона; практически все эти титулы получены в девятнадцатом и двадцатом веках. Система наград и титулов, действующая в Великобритании, по существу, является не только ритуалом признания «заслуг перед страной». Она отражает взаимосвязи между богатыми и могущественными, а также служит свидетельством общественного признания для новичков, которые в противном случае испытывали бы искушение отделиться от установленного круга.

На консолидацию элитарной группы значительное влияние оказывают и три других фактора. Одним из них является родственный брак. Браки детей с выходцами из «подходящих» семей всегда были предметом обдуманной политики родителей, однако в настоящее время они в основном зависят от наличия общих целей и одинакового образа жизни. Жизнь в загородном поместье, выходы «в свет» способствовали созданию общей системы ценностей, мировоззрения и даже выработке общего языка[29]. Вторым консолидирующим элиту фактором является получение ее представителями одинакового образования — обязательное обучение в привилегированных частных школах, а затем в Оксфорде или Кембридже. Третий фактор заключается в поддержании дружеских связей, пронизывающих все элитарные круги. Как правило, они поддерживаются через членство в эксклюзивных клубах и ассоциациях, посещение официальных обедов и приемов, а также через развитие формальных контактов в ходе деловой и правительственной активности.

Безусловно, и внутри элитарной группы нередко случаются расколы и различные конфликты. Например, в сфере экономики давно установились различия интересов и взглядов между ведущими промышленниками и представителями банковских и финансовых кругов. Существует также хроническая напряженность в элитарных структурах между «своими» и теми, кто «сделал себя сам». Более того, церковные иерархи могут выступать против политики, проводимой правительством. В той мере, в какой лейбористская партия представляет интересы менее богатых

[28] *Stanworth Ph.* and *Giddens A.* (eds). Elites and Power in British Society. Cambridge, 1974.

[29] *Sampson A.* The Changing Anatomy of Britain. London, 1982.

Таблица 6. *Образовательный уровень членов парламента Великобритании, избранных от консервативной партии, 1945–1974*

Учебное заведение	Число избранных членов парламента									
	1945	1950	1951	1955	1959	1964	1966	1970	1974а	1974б
Итон	55	77	75	75	70	66	56	62	54	47
Все частные школы	169	240	216	264	274	232	199	243	222	206
Оксфорд	62	94	99	106	104	66	80	93	89	76
Кембридж	46	62	68	74	79	88	64	75	76	76
Все университеты	131	187	199	217	219	190	169	208	198	186
Общее число членов парламента от консервативной партии	213	297	320	343	365	301	253	330	297	277

Примечание: две записи 1974 г. соответствуют двум выборам, проводившимся в этом году в феврале и октябре.

Таблица 7. *Образовательный уровень высшего офицерского состава вооруженных сил Великобритании, 1897–1971*

Учебное заведение	Количество офицеров					
	1897	1913	1926	1939	1959	1971
Специализированная закрытая школа	17	29	31	33	21	24
Другие привилегированные школы	6	5	6	4	8	5
Частное учебное заведение	17	12	5	6	0	0
Другие учебные заведения	23	12	6	2	7	3
Итого	63	58	48	45	36	32

Примечание: данные относятся к офицерам в звании генерал-лейтенанта и выше.

Источник: *J. Scott.* The Upper Classes: Property and Privilege in Britain. London, 1982.

слоев населения, политическая арена не остается монополией только привилегированных. Даже если считать, что их влияние существенно ослабло в период правления Тэтчер, лидеры профсоюзов продолжали тесно общаться с «сильными мира сего», хотя явно отличались от них по своему происхождению, образованию и карьере.

Оценка

Какова же должна быть оценка идей Миллса в свете последующей дискуссии и эмпирических исследований? Из всего вышесказанного можно заключить, что в Британии, Соединенных Штатах и других странах Запада существует высший класс, в руках которого сосредоточена непропорционально большая часть богатств государства и представители которого имеют значительно больше шансов достичь высших постов в различных областях, чем выходцы из менее привилегированных слоев. Интересы правительства и деловых кругов часто соприкасаются, чему способствует наличие прямых личных контактов. Многие основополагающие решения принимаются без участия широкой общественности — на совещаниях, встречах премьер-министра с членами кабинета, а также на неофициальном уровне, при постоянных контактах представителей элитарных структур.

С другой стороны, вызывает сомнение, что в Британии или где-либо еще в действительности существует группа настолько скоординированная и сплоченная, как властвующая элита, соответствующая определению, данному Миллсом. В действительности между различными властными структурами наблюдается существенное разделение взглядов и интересов, и хотя в определенных условиях они могут сотрудничать между собой, но на самом деле они более разнообразны и фрагментарны, чем это представлено у Миллса. Истина, вероятно, находится где-то посередине между картиной, нарисованной сторонниками плюралистических теорий, и анализом, предложенным Миллсом.

Элита в СССР

Для понимания развития структур политической власти на Западе полезно сравнить их с аналогичными структурами государств Восточной Европы. Хотя в этой области получать информацию гораздо сложнее, на Западе было проведено много исследований, посвященных изучению советских руководящих кругов.

Различие между Советским Союзом, с одной стороны, и Великобританией или Соединенными Штатами — с другой, заключалось в том, что в СССР не было крупных частных корпораций, а в политической системе доминировала одна партия — Коммунистическая партия Советского Союза. Несмотря на исключительное положение этой партии в стране, официальная точка зрения утверждала, что в СССР не существует ни привилегированных элитарных структур, ни особого высшего класса. Партия рассматривала себя как «боевой и испытанный авангард советского народа», «ведущая и направляющая сила советского общества». Партия утверждала, что как представитель рабочего класса она выражает коллективные интересы большинства населения.

В принципе, каждый гражданин Советского Союза мог стать членом КПСС. Однако на практике вступление в партию контролировалось местными партийными организациями, через которые и осуществлялся прием. Заявления на членство в партии могли быть отклонены местными партийными органами. Члены партии были обязаны регулярно посещать партийные собрания, принимать участие в дискуссиях, то есть членство в партии не ограничивалось только формальной регистрацией. С официальной точки зрения, членство в партии не являлось необходимой предпосылкой для занятия высших постов в государстве, но в действительности оно значительно облегчало продвижение вверх во многих областях. Освобожденные партийные работники в пропорциональном отношении составляли небольшую часть от всех членов партии, однако к этой категории принадлежали наиболее могущественные лица в Советском Союзе.

В последние годы существования в КПСС насчитывалось 17 миллионов человек. В 1977 году 42% членов партии составляли рабочие, 14% — колхозники и крестьяне, а оставшиеся 44% приходились на служащих и интеллигенцию. Во главе организационной структуры партии стояли Центральный комитет и Политбюро. Центральный комитет был достаточно громоздкой организацией, в него входило более 400 членов; руководство же партией было сосредоточено в руках Политбюро и центрального секретариата. Политбюро состояло примерно из 20 человек (за все время существования там была лишь одна женщина), а секретариат включал около 12 членов, причем некоторые партийные лидеры входили в состав обоих органов. Пост генерального секретаря КПСС считался в стране главным постом политического деятеля и соответствовал по значимости посту американского президента.

Пополнение элиты, престиж и привилегии

Если говорить о социальном происхождении, то в Советском Союзе при назначении на высшие партийные посты оно учитывалось меньше, чем в странах Запада при выдвижении политических лидеров. Так, в 1957 году все члены Политбюро были выходцами из рабочих и крестьян. В 1961 году 85% членов ЦК КПСС имели аналогичное происхождение. Сходная картина наблюдалась среди руководителей промышленности, военного руководства, в сфере образования, искусства[30]. С тех пор положение менялось и намечалась явная тенденция к выдвижению руководителей из среды служащих. Однако партийная элита продолжала формироваться в основном из представителей более низких классов, чем это принято на Западе. Среди членов Политбюро и секретарей Центрального Комитета в 1985 году только одного человека можно было считать выходцем из привилегированного круга — он был сыном высокопоставленного министерского чиновника[31].

Несмотря на провозглашавшееся в Советском Союзе всеобщее равенство, высшее руководство КПСС имело привилегии, недоступные основному населению. Партийные чиновники могли свободно путешествовать по разным странам мира, имели доступ в специальные магазины, в которых продавались товары высшего качества; они не стояли в бесконечных очередях, владели лучшими жилищными условиями и, как правило, имели дачи за городом. Однако из-за отсутствия частной собственности или частного предпринимательства они были лишены возможности накопить большой капитал. В Советском Союзе не существовало богатого высшего класса, который мог бы передавать материальные блага потомкам по наследству. И хотя лиц, занимающих ведущие посты в партии, иногда считали «новым классом», правильнее было бы рассматривать их как особую привилегированную элиту[32].

В Советском Союзе существовали постоянные расхождения во взглядах и интересах как среди высшего партийного руководства, так и между официальными партийными представителями и лидерами других организаций. Например, известны разногласия между руководителями крупных промышленных предприятий, стремящимися к большей автономии в своей деятельности, и партийными руководителями, занятыми разработкой экономической политики страны. Хотя в Советском Союзе не существовало формальных групп давления, как на Западе, имелось множество фракций, которые могли оказывать существенное влияние на выработку политики, по крайней мере, в определенных вопросах. Некоторые наблюдатели полагают, что, отчасти благодаря чрезвычайной централизации процедуры принятия решений в Советском Союзе, группы интересов могли достаточно эффективно «проталкивать» свои мнения на высший уровень. Насколько им это удавалось, зависело прежде всего от личности и поста, занимаемого советским лидером. Во времена Сталина группы интересов практически не обладали влиянием, а в период руководства страной Брежневым и Горбачевым подобные непартийные фракции стали обретать силу.

Советское общество было далеко не монолитно и чрезвычайно разнообразно. С точки зрения этнических, региональных и религиозных различий оно так же многогранно, как и Соединенные Штаты. Через Коммунистическую партию обеспечивалось широкое участие масс в политической жизни, в то же время политическая, экономическая и военная власть в стране жестко координировалась.

---

[30] *Matthews M.* Class and Society in Soviet Russia. London, 1972.

[31] *Walker M.* The Waking Giant: The Soviet Union Under Gorbachev. London, 1986.

[32] *Djilas M.* The New Class: An Analysis of the Communist System. New York, 1967; *Gouldner A.* The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class. London, 1979.

В советской политической системе практически отсутствовала открытая легальная оппозиция, а централизованный контроль над средствами массовой информации был значительно более интенсивным, чем в какой-либо западной стране. Хотя Миллз придумал термин «властвующая элита» применительно к Соединенным Штатам, его можно с полным основанием отнести и к Советскому Союзу.

Тоталитаризм

Советский Союз, а иногда и восточноевропейские страны и другие государства с коммунистическими режимами, подобными Китаю, часто называют **тоталитарными** государствами. Этот термин использовался также для характеристики фашистских режимов в Германии и Италии периода Второй мировой войны. Сам термин был впервые предложен итальянским философом Джиованни Джентили, чьи идеи сыграли важную роль в становлении итальянского **фашизма**, и употреблялся в одобрительном смысле итальянским диктатором Муссолини для характеристики созданного им режима. Позже этот термин приобрел уничижительную окраску[33]. Сейчас его используют применительно не только к коммунистическим режимам, но и к традиционным государствам и даже к вымышленным обществам, вроде республики Платона.

Наиболее известное определение тоталитаризма дал Карл Фридрих. Согласно ему[34], тоталитаризм включает четыре элемента:

1. *Тоталитарная идеология* — набор всеобъемлющих политических доктрин, следовать которым должен каждый член общества (например, обязательства перед «отечеством», которые неизменно подчеркивали нацисты).
2. *Единственная партия*, исповедующая данную идеологию и руководимая одним лидером, диктатором.
3. *Тайная полиция*, существующая для того, чтобы находить и карать врагов режима.
4. *Монопольный контроль* над экономикой, средствами массовой информации и вооруженными силами.

Можно ли, исходя из вышеприведенного определения, относить понятие тоталитаризма к коммунистическим обществам? Многие ученые в настоящее время считают, что нельзя. Советский Союз и восточноевропейские государства представляли собой общества более разнообразные, не укладывающиеся в рамки приведенного определения, а их правительства в определенной степени поддерживались народом. Эти государства управлялись не диктаторами, а партийной бюрократией.

Тоталитаризм скорее следует рассматривать как форму политического режима переходного периода, когда диктатор приходит к власти, насаждая тоталитарные идеи с помощью массового террора. Периоды правления Сталина в СССР, Гитлера в Германии или Пол Пота в Камбодже можно рассматривать как примеры тоталитарного правления. Все эти режимы очевидным образом отвечают четырем критериям тоталитаризма, сформулированным Фридрихом. Каждый из вышеперечисленных диктаторов сконцентрировал в своих руках чрезвычайную власть, которая поддерживалась единой идеологией, не терпящей каких-либо исключений. Более

[33] *Schapiro L.* Totalitarianism. London, 1972.

[34] *Friedrich C.* Totalitarianism. Cambridge, 1954.

того, для всех таких режимов характерна чрезвычайная жестокость и убийства, непосредственно провоцируемые властями. Бэргхорн пишет:

> Тоталитаризм скорее характеризует не тип политической системы, а историческую ситуацию, при которой диктатор объединяет и мобилизует общество, пораженное кризисом, который грозит обществу уничтожением, если не принять чрезвычайные меры. Если мы обратимся к тому тоталитаризму, практическое воплощение и перспективы которого были заложены еще Лениным, но полностью развиты только Сталиным, то можно утверждать, что Россия сегодня еще не оправилась от травмы тоталитарного руководства. Тем не менее, его динамизм и жесткость позднее в большой степени были заменены деловой рутиной и ритуалами.[35]

Европейское сообщество и новая карта Европы

Возникновение Сообщества

В речи, произнесенной в 1946 году в Цюрихе, Уинстон Черчилль заявил: «Мы должны построить нечто вроде Соединенных Штатов Европы». Однако лидерами в этом начинании оказались вовсе не британцы. Ими стали прежде всего Франция и тогдашняя Западная Германия. Парижский договор 1951 года провозгласил создание Европейского сообщества по углю и стали. За ним последовали Европейское сообщество по атомной энергии и, наконец, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). ЕЭС, провозглашенное Римским Договором 1958 года, создало единый рынок для движения товаров стран-участниц. Британия, однако, осталась в стороне и предпочла укрепить свои связи с членами Британского Содружества и Соединенными Штатами. В ЕЭС она не вступала вплоть до начала 1973 года.

По мере продвижения ЕЭС к политическому единству слово «экономическое» исчезло из названия, и союз стал именоваться просто Европейским сообществом. Дальнейшая интеграция привела к созданию **Европейского Союза** (ЕС). Структуру ЕС образует целая сеть представительных и бюрократических организаций. Высшее положение занимает *Европейский Совет*, в который входят главы государств — членов союза. Они собираются примерно три раза в год. *Совет министров* состоит из министров иностранных дел стран-участниц и рабочих групп, в которые входят другие официальные лица. Он является главным политическим органом сообщества и принимает законодательные решения. Раньше такие решения принимались в том случае, если поддерживались единогласно, сейчас для этого достаточно большинства голосов — это очень важный шаг, он означает, что законодательство может осуществляться помимо воли какой-либо отдельной страны.

Европейская комиссия представляет на рассмотрение Совета министров политические акции и отвечает за реализацию его решений. Комиссию возглавляют комиссары, назначаемые странами-участницами. *Европейский парламент* состоит из 518 депутатов, представляющих различные мнения по поводу предложений, направленных Совету. Европарламент — поле для дискуссий, он не имеет законодательных полномочий, и это обстоятельство заставляет многих думать, что ЕС в его нынешней форме, в сущности, антидемократичен. Наконец, существует Европейский Суд, который стоит на страже законов ЕС и интерпретирует их. У него нет полицейских сил, но его решения обязательны для исполнения судами стран-участниц.

---

[35] *Barghoorn F. C.* and *T. Remington*. Politics in the USSR. Boston, 1986.

Первоначально в сообщество входили шесть стран, затем в 1978 году, когда в него вместе с Британией вступили Дания и Ирландия, их стало 9. Затем это число увеличилось до 12, и, в 1996 году, до 15. История сообщества отмечена серьезными столкновениями, в частности в отношении сельскохозяйственной политики, но одновременно были и выработки взаимоприемлемых соглашений. В 1987 году ЕС принял Закон о Единой Европе. За ним последовала серия инноваций, направленных на достижение большего единства, в том числе отмена оставшихся торговых барьеров.

Будущее ЕС всегда было проблематичным, но эта неопределенность еще усугубилась в результате колоссальных изменений, начавшихся в 1989 г. в Восточной Европе и Советском Союзе. Когда под словом «Европа» понимались либеральные демократии Западной Европы, стоящие особняком от восточных коммунистических стран, ее границы были ясны. Распад Советского Союза все изменил. Теперь уже не так очевидно, где кончается «Европа». Многие вновь созданные восточные либеральные демократии намереваются добиваться приема в ЕС.

Какого же рода образованием является ЕС? Станет ли он чем-то вроде сверхнационального государства, подобным современным национальным государствам, или это нечто отличное от прежних политических систем? Филлип Шмиттер указывает, что в настоящий момент ЕС отличается от национального государства по целому ряду признаков. Как уже говорилось, в нем нет единообразной верховной власти. Решение суда ЕС имеет приоритет над некоторыми законами стран-участниц, но универсального механизма его реализации не существует. Тем не менее, ЕС имеет и некоторые черты суверенного государства. Например, около 130 государств вступили в дипломатические отношения с ЕС как государственным образованием.

У национального государства есть определенная территория, но говорить о наличии у ЕС собственной территории в полном смысле слова нельзя. Соглашение 1992 года открывает свободу движения граждан и товаров по пространству, которое веками разделялось государственными границами, однако ЕС прямо не «управляет» этой территорией и границы ее определены не окончательно, поскольку в ближайшем будущем его членами может стать еще неопределенное число государств. ЕС имеет диффузную структуру; целый ряд внешних государств имеет соглашения о сотрудничестве с ним. В отличие от национальных государств ЕС не имеет четкой иерархии административных учреждений. Перечисленные выше структурные компоненты дублируют друг друга в различных сферах компетенции и уровнях власти. Комиссии принадлежит главная роль в принятии решений, но эту роль она выполняет с серьезной оглядкой на позиции стран — участниц и других органов ЕС.

ЕС, утверждает Шмиттер, чрезвычайно специфическая форма политического устройства, и те процессы и учреждения, которые возникают в его рамках, могут служить моделью для других регионов мира. Это ни нация, ни государство, но альтернатива и тому и другому. Федерализм ЕС не тот, что у федеральных государств, поскольку он состоит не просто из регионов, организованных коллективным образом, а представляет собой конгломерат различных общностей и подобщностей. Для определенных целей — это единая политическая сила, для других — это агрегат, существующий на основе «скользящих соглашений».

> Сообщество в будущем станет уникальной формой политической власти. Возможно, оно будет напоминать некоторые нынешние политические образования: Соединенные Штаты, Федеративную Республику Германии, Швейцарию, Канаду, Испанию и т. д., его можно будет описывать привычными для слуха терминами: федеративное,

конфедеративное, технократическое, демократическое, плюралистическое и тому подобными, — но оно будет другим.[36]

Изменения в Восточной Европе

Год 1989 был годом двухсотлетия Французской Революции. Для Европы это был также «год новой революции», не менее важный по своим последствиям, чем 1789. В 1989 году коммунистические режимы Восточной Европы один за другим выпустили бразды правления из своих рук (для дальнейшего обсуждения этих событий см. главу 19, «Революции и социальные движения»). Система власти, казавшаяся стабильной и незыблемой, господствовавшая по всей Восточной Европе, была свергнута буквально в один миг. Коммунисты со все ускоряющейся быстротой стали терять власть в странах, которыми управляли полвека: Венгрия (февраль), Польша (июнь), Болгария, Восточная Германия и Чехословакия (ноябрь), Румыния (декабрь). К январю 1992 года в каждой восточноевропейской стране, включая даже отсталую Албанию, были свободно избраны новые правительства. И, что еще более замечательно, к этому времени в самом Советском Союзе Коммунистическая партия была лишена власти, и страна распалась на ряд независимых государств.

Югославию расколола гражданская война, вооруженные конфликты разгорались и в бывшем СССР — между новыми, возникающими государствами и внутри них. Для начала, однако, все они пошли по одному и тому же пути демократизации. В шести республиках Югославии, например, в 1992 году прошли выборы. В Хорватии и Словении победу одержали национал-демократы, ставящие своей целью независимость, тогда как в Сербии преобладали экс-коммунисты.

За некоторыми исключениями, в 1992 году вся Восточная Европа успешно писала новые конституции и создавала многопартийные парламентские системы. Спектр партий в большинстве случаев напоминает многие страны Западной Европы. Сохранились и некоторые экс-коммунистические партии, но сейчас они называют себя социалистами или социал-демократами. К левому крылу и центру принадлежат такие партии, как «Свободные Демократы» и «Молодые Демократы» (Венгрия), «Демократический Союз» (Польша). Группы, подобные «Демократическому Форуму» (Венгрия) и «Альянсу Центра» (Польша), имеют правоцентристскую ориентацию. В некоторых странах есть также крайне правые партии, но пока их влияние незначительно. Ряд националистических партий колеблется между правыми и левыми.

Все восточноевропейские страны испытывают на пути построения нового общества серьезные экономические, а также политические трудности. В 1992 году практически во всех странах Восточной Европы возросли темпы инфляции, в Румынии она достигла 100%. Темпы инфляции снизились только в Польше, хотя и там она составляет 80%. Большинство населения этих стран выражает разочарование развитием демократии в своих государствах, многие обеспокоены ростом преступности и насилия.

Совершившиеся перемены крайне противоречиво сказались на положении женщин. В некоторых странах резко упала доля женщин в парламенте и других политических органах. Например, в Чехословакии на начальном этапе преобразований процент женщин-парламентариев упал с 34 до 4%, в Польше с 20 до 3%, в Болгарии с 21 до 8%. Непропорционально высока доля женщин и в рядах безработных, количество которых резко возросло вследствие перехода к рыночной экономике.

---

[36] *Schmitter Ph. C.* The European Community as an emergent and novel form of political domination. In: Working paper of the Centre for Advanced Studies in the Social Sciences. Madrid, 1991.

Насколько успешными будут попытки восточноевропейских обществ построить стабильные либерально-демократические системы правления? По мнению Сэмюэла Хантингтона[37], существует шесть факторов, влияние которых будет решающим в данной ситуации.

1. Как долго данная страна имела либерально-демократическое правительство в ранние периоды своей истории. В этом смысле наиболее благоприятной является историческая ситуация у Чехословакии и самая неблагоприятная у Албании. Однако в Чехословакии существовала напряженность между чехами и словаками, вследствие чего в 1992 году страна распалась на два отдельных государства, Чехию и Словакию.
2. Уровень достигнутого страной экономического развития. В этом отношении ведущее место занимают Венгрия и Чешская республика.
3. Насколько эффективным было управление страной при прежнем коммунистическом режиме. Предположение заключается в том, что государство, которое было эффективным при авторитарной системе, скорее всего будет столь же эффективным и при демократической.
4. Сила и широта спектра социальных и политических организаций, сумевших в свое время сохранить независимость от коммунистов.
5. Насколько велики будут возможности новых правительств в проведении и практическом воплощении политики радикальных экономических реформ.
6. Степень различия и враждебности между субнациональными и этническими группами, регионами и классами. Результатом таких противоречий уже явился распад Югославии, однако в какой степени ее пути последуют другие страны, пока не ясно.

В целом эти соображения относятся и к государствам, возникшим после распада Советского Союза, в том числе и к самой России. Многие из них начинают с еще более низкого уровня, чем страны Восточной Европы. Большинство никогда не имело самостоятельной истории и либерально-демократических режимов и даже не являлось самостоятельными государствами. Но что бы ни произошло за следующие несколько лет, никогда не станет прежней карта мира, а с ней и мировой политический порядок, когда бывший Советский Союз простирался до дальних границ Азии.

Краткое содержание

1. *Государство* существует там, где есть политический аппарат, управляющий определенной территорией, чья власть опирается на законодательную систему и возможность использовать силу для реализации своей политики.
2. Деятельность *правительства* подразумевает регулярное осуществление политических мер, принятие решений и рассмотрение государственных вопросов офици-

[37] *Huntington Samuel*. Democratisation and security in Eastern Europe. In: *P. Volten*. Uncertain Futures: Eastern Europe and Democracy. New York, 1990.

альными лицами в рамках политического аппарата. *Политика* включает в себя те средства, посредством которых власти достигают своих целей и проводят в жизнь решения правительства. Политическая сфера может распространяться и за пределы государственных институтов как таковых.

3. Современные государства представляют собой *национальные государства*, обычно обладающие той или иной парламентской системой. Понятие *суверенитета* (власти правительства на четко определенной территории) предполагает признание как легитимности национального государства, так и его границ другими странами. Каждая общность, приобретая индивидуальный характер, обращается к *национализму*.

4. Гражданство предполагает наличие определенных прав: гражданских, политических и социальных. Если они в какой-либо форме утверждены в обществе, то такое общество может называться демократическим.

5. Существует несколько типов демократических систем. *Представительная многопартийная демократия* означает право голоса для всего взрослого населения и возможность выбора партии. *Представительная однопартийная демократия* предполагает право голоса для всего взрослого населения, однако возможности выбора партии не предоставляет. *Совместное демократическое правление* (прямая демократия) предоставляет возможность обсуждать и принимать решения всем, кого они затрагивают.

6. Согласно взглядам Вебера и Шумпетера, уровень демократического участия, который может быть достигнут в современном крупномасштабном обществе, ограничен. Правление элиты неизбежно, но многопартийные системы обеспечивают возможность выбора тех, *кто* осуществляет власть. Сторонники плюралистических теорий полагают, что конкуренция заинтересованных групп ограничивает степень концентрации власти в руках правящей элиты.

7. *Политическая партия* представляет собой организацию, ориентированную на достижение легитимного контроля над правительством в процессе выборов. В большинстве государств Запада крупнейшими являются партии, которые отражают общеполитические интересы — социализм, коммунизм, либерализм или консерватизм. Существует определенная взаимосвязь между стереотипами голосования и классовыми различиями. Во многих западных государствах наблюдается спад популярности традиционных партий, а также растущее разочарование в партийной системе в целом.

8. Во всех странах женщины получили право голоса позже мужчин и крайне скудно представлены среди политической элиты. В некоторых сферах они добились большого влияния, например, в области защиты жертв бытового насилия.

9. Политическая активность не ограничивается рамками политических партий. *Движения протеста* и *группы давления* могут быть очень влиятельными.

10. В западных обществах существует ярко выраженный высший класс, владеющий непропорционально большой долей национальных богатств, представители которого имеют больше шансов занять высшие государственные посты в различных областях, чем это доступно выходцам из менее привилегированных слоев.

11. Советский Союз и другие государства Восточной Европы были более «открыты», чем страны Запада, в отношении социального происхождения руководителей

высшего звена. Тем не менее, коммунистическая партийная элита пользовалась многочисленными привилегиями, недоступными простому населению. Партийные лидеры обладали также большей властью, чем западная элита, в области контроля над экономикой и политической жизнью общества.

12. Возникновение Европейского Союза имело для всех стран-участниц громадное значение. И хотя с полной определенностью говорить о будущем ЕС нельзя, он, вероятно, не станет сверх-национальным государством, а сохранит присущие ему специфические черты. Появление целой группы новых либеральных демократий в странах Восточной Европы, по-видимому, окажет влияние на будущую эволюцию ЕС.

13. *Тоталитаризм* подразумевает наличие тоталитарной идеологии, единственной партии под руководством диктатора, тайной полиции и монопольного контроля над основными политическими институтами государства. Этот термин нельзя считать адекватным для описания общества советского типа. Он скорее применим к чрезвычайным обстоятельствам, при которых диктатор концентрирует в своих руках огромную власть.

Основные понятия

государство
правительство
политика
национальное государство

Важнейшие термины

безгосударственное общество
государственное общество
политический аппарат
принуждение
суверенитет
гражданин
национализм
гражданские права
политические права
социальные права
государство всеобщего благосостояния
демократия
представительная многопартийная демократия
либеральная демократия
представительная однопартийная демократия
демократический централизм
совместное демократическое правление (прямая демократия)
конституционная монархия
демократический элитизм
плюралистические теории демократии
группы интересов
политическая партия
перегрузка государства
кризис легитимности
властвующая элита
тоталитаризм
фашизм

Дополнительная литература

Klaus von Beyme. Political Parties in Western Democracies. London: Gover, 1985. Сравнительное исследование политических партий, особое внимание уделено их развитию и идеологическим изменениям.

Stephen George. An Awkward Partner: Britain in the European Community. Oxford, 1990. Интересный обзор сложных отношений между Британией и Европейским сообществом.

Alan James. Sovereign Statehood. London: Allen and Unwin, 1986. Исследование значений, способов использования и контекстов понятия «суверенитет».

John Kingdom. Government and Politics in Britain. Cambridge, 1991. Фундаментальный и критически ориентированный текст британской политики.

Adam Przeworski. Capitalism and Social Democracy. Cambridge, 1985. Проводится идея о том, что борьба за экономическое совершенствование и идеалы социалистического преобразования общества — независимые исторические явления.

James N. Rosenau. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. London, 1990. Попытка дать принципиально новый способ понимания меняющегося политического миропорядка.

John Scott. Who Rules Britain? Cambridge, 1991. Лучшая книга по элитам и власти в британском обществе.

D. W. Urwin and *W. E. Patterson*. Politics in Western Europe Today: Perspectives, Policies and Problems since 1980. London, 1990. Полезное и всестороннее введение в политическую жизнь различных стран Западной Европы.

Alan Ware (ed.). Political Parties: Electoral Change and Structural Response. Cambridge, 1987. Рассматривается проблема взаимодействия партий и избирателей, отношения между партийной элитой и рядовыми членами, финансовая сторона партийной организации и выборов.

Глава 11

Война и военные силы

1 июля 1916 года британская и французская армии начали наступление на германские части, занимавшие позицию в районе реки Соммы на северо-востоке Франции. Первая мировая война шла уже два года, и каждая сторона к тому времени создала целую систему траншей и укреплений. Ни та, ни другая армия не могли отбросить противника назад. В планах союзников в битве при Сомме предполагалось начать наступление по всей линии фронта и окончательно выбить немцев с занимаемых позиций. Основная тяжесть атаки ложилась на британскую армию. После массированного артиллерийского обстрела германских позиций тысячи солдат рванулись по «ничейной полосе» в сторону немцев.

Хотя в результате артобстрела погибло множество немецких солдат, большая часть германских укреплений уцелела. Когда атакующие приблизились к линии обороны, их встретил жесточайший огонь из винтовок и пулеметов. Расположенные в глубине обороны пушки немцев также открыли огонь разрывными снарядами, каждый из которых, падая на землю, рассыпал вокруг целый веер осколков. Небольшим группам британцев удалось преодолеть германскую линию фронта, некоторые смогли пробиться дальше, однако оставшаяся позади «ничейная полоса» по-прежнему обстреливалась немцами, и лишь несколько отрядов подкрепления сумели ее преодолеть. К концу первого дня боев британской армии удалось продвинуться вперед лишь на одном участке фронта, причем не более чем на милю от линии собственных траншей. В результате британская армия потеряла убитыми 57 000, а германская 8000 человек.

Наступление возобновилось 3 июля, и атаки продолжались еще в течение четырех месяцев. Ценой невероятных потерь некоторым частям удалось еще немного продвинуться вглубь немецких позиций. К середине ноября, когда наступление было закончено, германский фронт в основном так и остался неизменным. Всего в битве при Сомме погибло более полумиллиона солдат союзников и примерно столько же немецких солдат. Никогда прежде ни в одном из военных столкновений за всю историю человечества не сходилось на одном поле боя такое количество солдат, и никогда не было сопоставимого числа жертв [1].

Со времен Первой мировой войны создается и совершенствуется все новое оружие, обладающее все большей разрушительной силой. Во Второй мировой войне и в последующих военных инцидентах жертвы были колоссальными, причем не только среди военных, но и среди мирного населения. Увеличение масштаба и ожесточенности военных конфликтов становится столь же характерной чертой современных обществ, как и изменения других социальных институтов, произошедшие в индустриальную эпоху. Как и почему современная война достигла такого уровня? Какое влияние война и вооруженные силы оказывают на современное

[1] *Wilson T.* The Myriad Faces of War. Cambridge: Polity Press, 1986.

социальное развитие? Как с точки зрения социологии следует рассматривать войну и власть, которой обладают военные? Этими проблемами мы и займемся в данной главе.

Военные действия в прошлом

Древние общества

В обществах охотников и собирателей, а также в небольших земледельческих сообществах профессиональных воинов как таковых практически не было. Во время стычки с соседями к бою призывались все взрослые мужчины племени. В этих случаях вообще было бы неверно говорить о «войне», поскольку битвы, если они и случались, были крайне редки. Поскольку все были постоянно заняты каждодневной добычей пищи, которую, как правило, невозможно было запасать в больших количествах, люди не могли позволить себе содержать регулярные военные отряды. Конфликты между малыми сообществами принципиально отличались от крупномасштабных столкновений больших обществ. Не было ни армий, ни соответствующей военной технологии (например, металлических щитов, мечей и копий), ни сколько-нибудь выраженного желания покорять или порабощать других[2].

Войны, нередко длительные и кровопролитные, стали характерной чертой формирования государств. Крупнейшие традиционные государства являлись империями, возникавшими, как правило, в результате завоевания и подчинения более слабых групп. Методы обработки металла для производства доспехов и оружия появились впервые именно в этих цивилизациях. В традиционных государствах формируются **постоянные армии**, состоящие из профессиональных солдат. В странах, богатство и мощь которых были связаны с морем, существовали специальные военно-морские силы. Однако, как правило, постоянные армии и военные флоты были невелики и предназначались в первую очередь для охраны правителя (императора), его двора и замка. Формирование более крупных армий требовало мобилизации крестьян и организации военных альянсов.

Первые цивилизации использовали в основном доспехи и вооружение, изготовленные из бронзы, однако уровень технологического прогресса не всегда был непосредственно связан со способами ведения войны, как это имеет место сейчас. Изготовление оружия и доспехов даже у искусных мастеров отнимало слишком много времени, так что однажды изготовленное снаряжение использовалось затем многие годы, а самих оружейников всегда было очень мало по сравнению с числом солдат. Примерно в XIV веке до н. э. начали выплавлять железо, и оружие существенно подешевело. Теперь большая часть мужчин, даже не будучи профессиональными военными, могла обзавестись оружием, хотя доспехи по-прежнему имели лишь немногие.

До XVI–XVII веков наибольшей военной мощью обладали китайцы и монголы. Китайцы намного опережали западные общества в области военного снаряжения, так же как и в искусствах и литературе. В частности, в конце XI века в Китае в двух государственных арсеналах изготавливали 32 000 комплектов доспехов ежегодно, что свидетельствует о весьма широких масштабах развития военного дела[3]. Китайцы первыми применили порох и изобрели ружья. Их корабли могли совершать длительные плавания. Лишь эдикт китайского императора, запретивший в 1371 году

[2] *Otterbein Keith F.* The Evolution of War: a cross-cultural study. New Haven, 1985.

[3] *Needham J.* The development of iron and steel technology in China. Cambridge, 1975.

торговлю с другими странами, положил конец путешествиям, и китайцы были вынуждены возвратиться на собственную территорию. Не выпусти император такого запрета, всемирная история, возможно, пошла бы совсем по другому пути. Ведь немного позже европейцы начали открывать для себя новые страны, и это послужило основой экспансии западной цивилизации.

Военные действия в Европе и ее колониях

Экономическое развитие Европы вкупе с изменениями, произошедшими в организации и технологии военного дела, выдвинули западные державы на ключевые позиции, и главную роль в перекраивании карты мира сыграли войны. В Европе решающим фактором в споре о том, какому государству суждено выжить, а какому — нет, являлась военная сила. В 1500 году в Европе существовало более 500 государств, а к 1900 году их число сократилось до 25. Войны оставались средством определения границ и в нынешнем веке — примером может служить разделение Германии после Второй мировой войны на Западную и Восточную.

При рассмотрении военных действий в других частях света надо учитывать, что успех европейского вторжения зависел главным образом от превосходства военной организации и вооружения. Существовавшие в то время в Америке индейские культуры лишь очень недолго могли выдерживать натиск белых колонистов, так что территориальное и политическое деление Северной и Южной Америки в значительной степени определили войны между самими европейцами. Пока Испания и Португалия делили между собой Южную и Центральную Америку, судьба Северной Америки решалась в военных столкновениях между Великобританией и Францией, а также между британцами и американскими колонистами. После победы Великобритании над Францией установились границы и определился этнический состав Канады — французская культура сохранилась в этой стране только на территории вокруг Квебека. Победа американских колонистов над британскими правительственными войсками в Войне за независимость позволила Соединенным Штатам выжить и стать крупным государством.

Индустриализация войны

В начале восемнадцатого века вооруженные силы ведущих держав начинают бурно расти, — частично это, конечно, явилось результатом роста населения. Появились крупные постоянные армии, основанные на системе регулярных призывов. Не менее важным фактором становится изменение основных принципов организации вооруженных сил[4]. Солдаты начали подчиняться строгой дисциплине, их целенаправленно обучали военному делу. Армии обюрократились не менее, чем другие организации. Офицерский корпус становился все более профессиональным. Начался процесс сближения и даже слияния военной и индустриальной сфер; появление новых промышленных технологий сделало возможным небывалый рост разрушительной мощи вооружения.

Эти процессы обычно называют **индустриализацией войны**. В 1860 году Вулвичский Арсенал в Лондоне, основной поставщик британской армии, мог производить четверть миллиона пуль в день и почти такое же количество готовых патронов. Хотя правительства содержали собственные арсеналы, промышленники начали

[4] *McNeill William H.* The pursuit of Power: Technology, Armed force and Society size, AD 1000. Oxford, 1983.

Таблица 8. *Войны XIX–XX веков с числом жертв более 100 000 человек*

		Девятнадцатый век	
Место действия	Время	Характер конфликта	Число жертв
Северная Америка			
Соединенные Штаты	1861–1865	Гражданская война, Конфедерация против правительства Соединенных Штатов	650 000
Латинская Америка			
Бразилия	1864–1870	Перу против Бразилии и Аргентины	1 000 000
Колумбия	1899–1903	Либералы против правительства консерваторов	150 000
Куба	1868–1878	Куба против Испании	200 000
	1898	США против Испании за Кубу и Филиппины	200 000
Европа			
Германия	1870–1871	Франция против Германии (Пруссии)	250 000
Греция	1821–1828	Восстание греков против Турции	120 000
Турция	1828–1829	Россия против Турции	130 000
	1877–1878	Россия против Турции	285 000
Россия	1853–1856	Крымская война, Турция против России; вовлечены Великобритания, Франция, Италия	267 000
Дальний Восток			
Китай	1860–1864	Восстание Тайпинов, британское вмешательство	2 000 000
	1860–1872	Мусульманские восстания против Китая	150 000
Индонезия	1873–1878	Султанат Аче против Нидерландов	200 000
Филиппины	1899–1902	Восстание филиппинцев против США	215 000
ВСЕГО			5 817 000

		Двадцатый век	
Место действия	Время	Характер конфликта	Число жертв
Латинская Америка			
Боливия	1932–1935	Парагвай против Боливии	200 000
Колумбия	1949–1962	«Ла Виоленсия»: гражданская война, либералы против пр-ва консерваторов	300 000
Мексика	1910–1920	Либералы и радикалы против пр-ва	250 000
Европа			
Греция	1945–1949	Гражданская война, британское вмешательство	160 000
Польша	1919–1920	СССР против Польши	100 000
Испания	1936–1939	Гражданская война, вмешательство Италии, Португалии и Германии	1 200 000
Турция	1915	Уничтожение и депортация армян	1 000 000
Россия	1904–1905	Япония против России	130 000
	1918–1920	Гражданская война, интервенция Антанты	1 300 000
Европа и другие страны			
	1914–1918	Первая мировая война	19 617 000
	1939–1945	Вторая мировая война	38 351 000
Ближний восток			
Ирак	1961–1970	Гражданская война, курды против правительства; гонения на христиан	105 000
	1982–1988	Иранская ответная акция на вторжение Ирака	600 000
Ливан	1975–1976	Гражданская война, мусульмане против христиан, интервенция со стороны Сирии	100 000
Йеменская АР	1962–1969	Переворот, гражданская война, египетское вмешательство	101 000

Место действия	Время	Характер конфликта	Число жертв
Южная Азия			
Афганистан	1978–1986	Гражданская война, мусульмане против пр-ва; вторжение советских войск	500 000
Бангладеш	1971	Бенгальцы против Пакистана; индийское вторжение; голод и массовые убийства	1 500 000
Индия	1946–1948	Мусульмане против индусов, британское вмешательство, массовые убийства	800 000
Дальний Восток			
Камбоджа	1970–1975	Гражданская война, красные кхмеры против пр-ва, вмешательство США и Северного Вьетнама	156 000
	1975–1978	Правительство Пол Пота против населения; голод и массовые убийства	2 000 000
Китай	1928	Восстания мусульман против правительства	200 000
	1930–1935	Гражданская война, коммунисты против пр-ва	500 000
	1937–1941	Япония против Китая	1 800 000
	1946–1950	Гражданская война, коммунисты против правительства Гоминьдана	1 000 000
	1950–1951	Борьба правительства с крупными землевладельцами	1 000 000
	1956–1959	Восстание в Тибете	100 000
Индонезия	1965–1966	Неудачная попытка переворота, резня	500 000
	1975–1980	Аннексия Восточного Тимора, голод и резня	100 000
Корея	1950–1953	Война в Корее, вмешательство сил ООН	2 889 000
Вьетнам	1945–1954	Война за независимость от Франции	600 000
	1960–1965	Гражданская война, Вьетконг против правительства; вмешательства США	300 000
	1965–1975	Война в Индокитае; американские бомбардировки	2 058 000
Африка			
Алжир	1954–1962	Гражданская война, мусульмане против правительства; французское вторжение	320 000
Бурунди	1972	Хуту против правительства, массовые убийства	100 000
Эфиопия	1974–1986	Восстание в Эритрее, голод	545 000
Мозамбик	1981–1986	Голод, усугубленный гражданской войной	100 000
Нигерия	1967–1970	Гражданская война, Биафрские силы против правительства; голод и резня	2 000 000
Руанда	1956–1965	Племена тутси против правительства; резня	108 000
Судан	1963–1972	Христиане против арабского правительства, резня	300 000
Танзания	1905–1907	Восстание против Германии; резня	150 000
Уганда	1971–1978	Гражданская война, переворот Иди Амина, резня	300 000
	1981–1985	Армия против народа, резня	102 100
Заир	1960–1965	Отделение провинции Катанга; вмешательство сил ООН и Бельгии	100 000
ВСЕГО			83 642 000

Источник: *Ruth Leger Sivard*. World Military and Social Expenditures, Washington: World Priorities, 1983. P. 26.

независимое производство оружия, продавая его как внутри страны, так и за ее пределами. **Торговля оружием** в современном смысле возникла как раз в это время, во второй половине девятнадцатого века. Отныне ведущая роль в военной сфере начинает принадлежать крупным корпорациям, посвятившим свою деятельность производству вооружения и его техническому усовершенствованию.

Тотальная война

Индустриализация войн означала переход от **ограниченной войны** к **тотальной**, воплощением которой стала битва при Сомме. До начала двадцатого столетия даже самые крупные сражения затрагивали лишь очень небольшую часть населения —

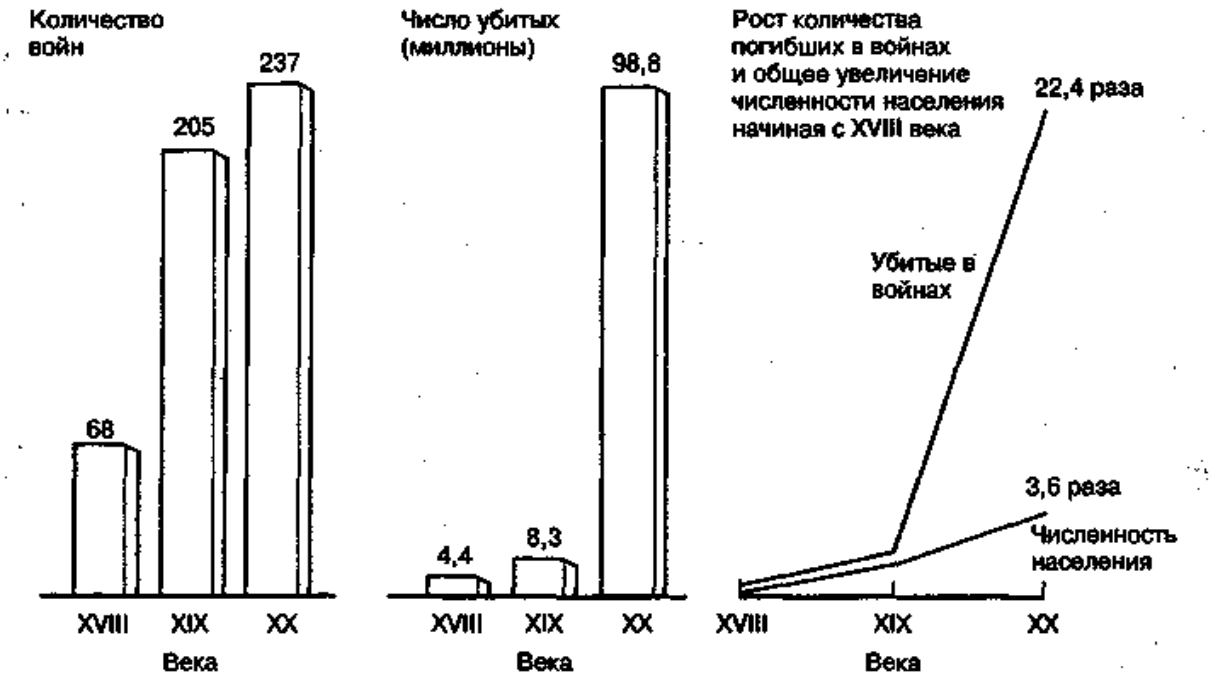


Рис. 8. Три века войн: количество войн и число убитых во время войн 1700–1986 годов (учтены только те войны, в которых погибло не менее 1000 человек).
Источник: *Ruth Leger Sivard.* World Military and Social Expenditures. Washington DC: World Priorities, 1983. P. 26

как правило, только солдат, непосредственно участвующих в битвах (и обычно составлявших незначительный процент всех взрослых мужчин) и жителей местности, на которой или из-за которой велось сражение. Масштаб обеих мировых войн не был ограниченным в этом смысле, поскольку в боях участвовала значительная часть взрослого мужского населения, и возможность вести такие войны зависела от способностей стран-участниц мобилизовать для военных целей свою национальную экономику. Первая мировая война (или, как ее называли, «Великая война») во многих отношениях явилась водоразделом в развитии военных сил. Эта война полностью оправдала свое название и по масштабам, и по количеству участвующих сторон — от Европы до России, Японии и Соединенных Штатов; никогда прежде история не знала ничего подобного. Число убитых и среди непосредственных участников сражений, и среди не участвовавших в них намного превысило количество жертв в любом из вооруженных конфликтов, происходивших прежде.

Никогда ранее война не велась столь ожесточенно, никогда солдаты не находились под непрерывным огнем столь долго. Некоторые особенности Первой мировой войны остались частью лишь ее собственной истории (например, неподвижная окопная война), однако во многих других отношениях она явилась прообразом войн двадцатого века. Как заметил историк Морис Пиртон, «война перестала быть занятием военных как особой элиты, теперь это дело всего общества, и одновременно совершился переход от ограниченного и рационального применения силы к неограниченному насилию»[5].

В ходе Первой мировой войны началось интенсивное использование научных достижений при разработке новых видов вооружения. Наглядным примером стало изобретение танка (впервые использованного в битве при Сомме). Первоначально

[5] *Pearton M.* The knowledgeable state: diplomacy, war and technology since 1830. University Press of Kansas, 1984.

танк был чем-то вроде снабженного орудиями бронированного корабля, приспособленного к передвижению по земле. Танки получили широкую известность как «сухопутные крейсеры» или, как их чаще называли, «моторизованные монстры», «ходячие крепости», «гигантские жабы». В Первой мировой войне их роль была довольно ограниченной, однако впоследствии они становятся одним из основных средств ведения сухопутного боя. После Первой мировой войны отдельные научно-исследовательские программы, посвященные разработке танков и другой военной техники, слились в единый непрерывный процесс.

В эпоху Второй мировой войны были сделаны три технологических открытия, заложившие фундамент современных вооруженных сил: создание ядерного оружия, изобретение реактивного снаряда и применение радара для организации защиты и нападения. В послевоенный период все три открытия слились воедино: ракета получила ядерную боеголовку, для управления ею стала применяться система электронного наведения. Ряд важнейших технологических новшеств, ставших неотъемлемой частью нашей обычной жизни, также восходит к разработкам Второй мировой войны или к первым послевоенным стратегическим разработкам. В их число входят реактивная авиация, телекоммуникации и информационные технологии[6].

Если говорить о числе потерянных человеческих жизней, становится ясно, что в двадцатом веке человечество было одержимо войной как никогда ранее за всю свою историю. Уже сегодня количество убитых на войне в нынешнем столетии превышает 100 миллионов — в среднем 3500 жизней в день. Большинство этих людей погибло в двух мировых войнах, но в течение всего двадцатого века то в одном, то в другом месте на планете постоянно идет война.

Война и агрессия

Почему войны не исчезают? Может возникнуть впечатление, что готовность людей участвовать в войнах зависит от присущей им от рождения склонности к агрессии. Может быть, агрессия от природы присуща человеку, и это находит выход в разрушительных войнах? На самом деле такая точка зрения не выдерживает критики. Война имеет весьма мало общего с реализацией агрессивных импульсов, хотя не исключено, что поле боя дает возможность некоторым людям проявить дотоле скрытое стремление к убийству. Агрессия — характерная черта самых разных сторон человеческой деятельности, однако лишь немногих она толкает на убийство себе подобных. Подавляющее большинство тех, кому пришлось убивать других, делали это в военное время, и многие из нас хорошо знают или встречали таких людей. Однако обычно мы их не боимся, поскольку понимаем, что их действия на войне сильно отличаются от персональной агрессивности, которую индивид может проявлять в обыденной жизни.

Во всех армиях обязательно проходят строевую подготовку и приучают к дисциплине. Такие занятия способствуют поддержанию хорошей физической формы и групповой солидарности, что необходимо для победы в бою, вместе с тем эти занятия меняют привычные реакции людей, делают их терпимыми к пролитию крови. Гвин Дайер, много занимавшийся изучением войн и агрессивности, замечает по этому поводу:

---

[6] *Milward Alan S.* The World Wars on Britain. London, 1984.

> Основное назначение армий — это, в конечном счете, убийство, следовательно, главным в подготовке солдата становится обучение тому, как преодолевать тот барьер, который существует на пути к фактическому применению насилия, чтобы в соответствующих обстоятельствах, столкнувшись с конкретным врагом, солдаты могли в итоге убить его. Подавляющее большинство людей нужно специально учить убивать, хотя есть и исключения. Иногда встречаются «прирожденные солдаты» — люди, получающие наибольшее удовлетворение от мужского товарищества, от боевого задора, от преодоления физических и психологических препятствий. Такой человек не обязательно стремится убивать других людей, но у него не возникает трудностей, если придется убить в ситуации, дающей моральное оправдание такого шага, например, на войне, и это та цена, которую он должен заплатить за достижение желаемой цели... Но армии отнюдь не заполнены такими людьми. Напротив, их так мало, что они составляют лишь скромную долю даже в небольших профессиональных военных отрядах, сосредотачиваясь в основном в специальных высокооплачиваемых частях типа коммандос. В больших армиях, набираемых по призыву, они бесследно растворяются в массе обычных людей. Именно этих обычных людей, которые вовсе не хотят сражаться, армия должна принудить убивать.[7)]

Во время Второй мировой войны полковник армии США С. Л. А. Маршалл провел множество интервью с солдатами почти четырехсот пехотных рот. Результаты чрезвычайно удивили его. Маршалл обнаружил, что лишь 15% солдат хотя бы один раз стреляли во время боя, причем даже тогда, когда их позиции атаковались и их жизнь была в опасности. Солдат эти данные поразили не меньше, чем их офицеров, так как каждый думал, что только он уклоняется от своих обязанностей. Солдаты стреляли только в присутствии других людей, в первую очередь офицеров, и никогда в одиночестве. Их нежелание стрелять не имело ничего общего со страхом, оно отражало их отвращение к убийству «без необходимости»[8)].

Таким образом, войны не являются прямым следствием человеческой агрессивности. И причины войн, и частота, с которой они ведутся, должны определяться совершенно иными факторами. К числу наиболее важных из них относится развитие государства как общественной структуры — от традиционного до современного национального. Как мы уже говорили, во времена древних охотников и собирателей войн в полном смысле этого слова не существовало. Случавшиеся тогда вооруженные конфликты скорее были возбуждающим и опасным ритуалом, больше напоминающим спорт, чем войну; их участники старались свести кровопролитие к минимуму, а отнюдь не стремились к нему. По мере возникновения более крупных общественных образований и появления централизованных правительств положение принципиально изменилось. Возникали армии, вводилась воинская дисциплина. Отныне на поле боя сходились уже сотни и тысячи людей, выстроенных в боевые ряды.

Попросту говоря, в мире, где государства обладают средствами применения военной силы, вероятность возникновения войны присутствует всегда. Хотя конкретные события, провоцирующие начало войны, бывают самыми разными, обычно военные действия начинаются тогда, когда сталкиваются интересы различных государств и разногласия между ними не могут быть разрешены путем заключения политических или торговых соглашений, а также дипломатических переговоров. Правительство может начать войну из-за притязаний на территорию другого государства, из-за стремления завладеть какими-либо ресурсами (например, обрести контроль над важными морскими путями) или по причине идеологических или религиозных

[7)] *Dyer Gwynnle.* War. London, 1985.

[8)] *Marshall S. L. A.* Men against fire. New York, 1947.

столкновений. Никогда не бывает, чтобы к войне привела какая-либо одна причина. Война — это всегда испытание мощи и влияния государства на международной арене. Величайший военный теоретик, немецкий мыслитель девятнадцатого века Карл фон Клаузевиц очень точно выразил эту мысль в своем знаменитом изречении: «Война не просто политический акт, но реальный политический инструмент, продолжение политической торговли, способ добиться тех же целей иными средствами»[9].

Типы военной организации

Слово *дисциплина* первоначально связывалось с процессом обучения. Мы иногда используем его в этом значении и сейчас, например, когда говорим о социологии или других академических предметах как о «дисциплинах». Однако в семнадцатом веке оно чаще применялось для обозначения военной подготовки и особым образом управляемого поведения, сформированного в результате этой подготовки. Вскоре появились и стандартные формы организации вооруженных сил, сначала в голландской армии, а затем, очень быстро, во всей Европе. Мориц, принц Оранский (1567–1625), учредил первую в Европе военную академию, позднее его доктрины стали общепринятыми на всем континенте. Современный смысл слова *униформа*, так же, как и слово *дисциплина*, восходит именно к его учению.

Слово *униформа* (uniform) первоначально было прилагательным, существительным оно стало после того, как ношение стандартной одежды было принято как норма во всех армиях. До этого солдаты часто одевались более или менее как вздумается. В течение семнадцатого века ношение специальной формы стало обязательным для военных всех рангов. Мориц Оранский ввел также обучение строевой подготовке, при которой все идут в ногу. Он же разработал схему командного подчинения, охватывающую все военные чины, от генерала до солдата, вследствие чего армия становится моделью для различных бюрократических организаций, как гражданских, так и иных[10]. Отныне большие регулярные армии, где можно было сделать военную карьеру, стали одной из важнейших сфер жизни общества.

Вплоть до начала девятнадцатого века офицеры, как правило, были либо аристократами, либо наемниками. Для первых война была чем-то вроде хобби, для вторых это был источник дохода, поэтому наемник предлагал свои услуги всякому, кто готов был платить. Со времени прусских военных реформ в начале девятнадцатого века офицерский корпус становится все более профессиональным. Объявляется открытый набор, вводятся письменные экзамены и разрабатываются формальные критерии для продвижения по службе, хотя поначалу довольно случайные. На заре двадцатого века во всех крупных европейских странах, а также в Соединенных Штатах и России, имелись специальные военные училища, в которых использовались бюрократические методы набора и оценки успехов. Регулярные армейские части отныне состояли из людей, набранных на военную службу на определенный срок. Во время войны или в случае ее угрозы их число увеличивалось посредством дополнительного призыва; по мере увеличения масштабов военных действий правительства стали проводить все более крупные призывные компании. Такая практика зародилась во Франции, именно так в 1813 году Наполеону удалось набрать армию в 1 300 000 человек.

Важным нововведением явилась **всеобщая воинская повинность**, в соответствии с которой каждый молодой человек находится определенное время на военной

[9] *Clausewitz Karl von.* On War. London, 1908.

[10] *Feld Mauty de.* The Structure of Violence: Armed forces as social systems. Washington, 1977.

службе. По существу, это было откровенным признанием того, что в войнах, отвечающих национальным целям, должен принимать участие каждый. Необходимость в поголовном призыве, появившаяся в начале двадцатого века, была одним из факторов, способствовавших введению единого избирательного права для всех граждан мужского пола. В большинстве стран Запада, кроме Соединенных Штатов, такое право было введено лишь в нашем столетии.

Современные армии — это бюрократические организации, укомплектованные постоянно работающими чиновниками на уровне офицерского состава. Термины *офицер* и *официальное лицо* (чиновник) имеют общее происхождение, отражающее их связь с позицией, занимаемой данным человеком в официальной иерархии. В армии некоторые бюрократические элементы особенно заметны. В частности, система военных званий едина для всех военных структур, независимо от того, насколько это крупное или рассредоточенное подразделение. Однако в некоторых отношениях вооруженные силы обладают рядом специфических черт, отличающих их от других организаций. В тех странах, где существует военный призыв или *воинская повинность*, вступление в вооруженные силы не может быть добровольным. Всякий, кто попытается покинуть службу до окончания срока, будь это призывник или вольнонаемный, связанный долгосрочным контрактом, подлежит военному суду и тюремному заключению. Армия — это закрытая организация, в которой большинство ее служащих проводят и дневное, и ночное время. Даже те военнослужащие, которые не живут в казармах, селятся, как правило, в специально предназначенных для них домах, отдельно от гражданского населения.

Характеристики современных вооруженных сил

Согласно Сэмюэлу Хантингтону, современная армия характеризуется четырьмя основными признаками.

1. Профессионализм в **управлении силовыми методами воздействия**. Современная военная техника чрезвычайно сложна и обладает сильнейшей разрушительной мощью. Профессиональной задачей военных является управление и использование такого вооружения. В прежние времена различия между оружием, которым пользовались профессиональные военные, и тем, которое было доступно гражданскому населению, были невелики. Мечи, щиты, луки были и у обычного населения, и у профессиональных солдат из королевского военного отряда. Сегодня средства, находящиеся на вооружении у армий, по своей мощи намного превосходят те, которые доступны гражданскому населению, и в частности это, разумеется, относится к ядерному оружию.

2. **Клиентурность**. Если не считать периодов партизанских войн или революций, современные вооруженные силы несут ответственность только перед своим главным «клиентом» — правительством страны, частью которой они являются. В доиндустриальную эпоху военный руководитель мог разорвать отношения с политической организацией или союзом, в котором была задействована его армия. Он мог отправиться покорять другие народы и учредить новый административный режим. В современном мире это невозможно, поскольку армия финансируется государством, которое собирает для этой цели налоги, а производство вооружения осуществляется исключительно крупными промышленными корпорациями.

3. **Корпоративность**. Представители армейской среды, особенно офицеры, обладают, как правило, сильным чувством корпоративного единства, отличающим их от гражданского населения. Часто военные имеют свои школы, ассоциации, издания и обычаи. Чтобы дослужиться до высших чинов, надо начать с младших офицерских званий, причем военная карьера может развиваться только в рамках военной организации. Здесь, в отличие, например, от торговых фирм, никто не может претендовать на более высокий пост, если его карьера начиналась в другой фирме или вообще в другой области. Поскольку военнослужащие, как правило, живут и работают отдельно от остального населения, все их контакты, и в том числе дружеские связи обычно ограничены военной средой.

4. Идеология **военного сознания**. Классическая военная традиция особой ценностью признавала воинскую доблесть, и битва сама по себе считалась достойной прославления. В современной военной среде эти ценности в значительной мере исчезли или утратили былое значение. Современное «военное сознание» определяется отношениями сотрудничества, подчинением индивидуального начала интересам группы, приматом порядка и дисциплины.

Как это ни парадоксально, но современные военные лидеры в развитых странах обычно не склонны заниматься войной и могут даже иногда выступить против более воинственных, чем они сами, политиков. Мировоззрение военных прежде всего отражает их стремление обеспечить организационную мощь армии и высокий уровень ее технической оснащенности. Хантингтон пишет по этому поводу:

> Военные редко приветствуют войну. Они всегда говорят, что угроза войны требует наращивания вооружений, но крайне редко утверждают, что рост вооружения делает войну возможной или желаемой. Они всегда приветствуют приготовления к войне, но никогда не скажут, что они к ней готовы. Таким образом, в государственной политике профессиональные военные, как правило, представляют осторожное, консервативное и сдерживающее начало. Такова была их роль в большинстве современных государств, включая фашистскую Германию, коммунистическую Россию и демократическую Америку.[1)]

Вооруженные силы Великобритании

На развитие британских вооруженных сил в течение последних нескольких веков оказывали влияние два фактора: островное географическое положение страны, делавшее ее относительно защищенной от крупномасштабного вторжения иностранных войск, характерного для войн на континенте, и ее статус центра империи, бывшей в эпоху своего расцвета крупнейшей в мире. Военная мощь Великобритании в равной мере базировалась и на военно-морских силах, и на сухопутных войсках; при этом значительная часть ее солдат, начиная с восемнадцатого века, несла постоянную службу за пределами родины.

До Второй мировой войны

В семнадцатом веке английский парламент воспротивился формированию постоянной армии, отказавшись проголосовать за необходимые для этого налоги. Когда началась гражданская война, обеим сторонам пришлось создавать свои армии почти что на пустом месте. Первой постоянной армией Англии стала армия Кромвеля.

[1)] *Huntington S. P.* The soldier and the state: the theory and politics civil-military relations. Cambridge, 1981.

Это была высокооплачиваемая и хорошо дисциплинированная армия, но после Реставрации она была распущена. В свое время английские армии сыграли ключевую роль во «внутренней колониальной экспансии», в результате которой и возникла современная Великобритания, объединившая Шотландию, Уэльс, Англию и Ирландию в «Соединенное Королевство». Однако деятельность Кромвеля в Ирландии, а также высылка в эту страну протестантских поселенцев породила там раскол, не утративший своей остроты по сей день, — и сегодня британские войска вынуждены весьма активно действовать на севере острова.

Заморские интересы Великобритании требовали содержания сильного флота, который не вызывал той враждебной реакции (со стороны всех классов), с которой сталкивается крупная постоянная армия. Недоверие к действующей армии, в свою очередь, углублялось тем фактором, что со времен разгрома Наполеона и вплоть до Первой мировой войны Великобритания ни разу не оказывалась перед лицом действительно серьезной угрозы военного нашествия извне. Однако практически все это время британские вооруженные силы участвовали в разного рода стычках и войнах в колониях. Поэтому наиболее специфические традиции британской армии связаны именно с практикой основания и контролирования заморских колоний. Темпы роста британской армии в девятнадцатом и двадцатом веках намного отставали от темпов роста населения в целом. Части, базировавшиеся в самой стране, служили главным образом для набора и подготовки личного состава колониальных частей [12]. Парламент по-прежнему относился к действующей армии как к неизбежному злу и по-прежнему отдавал ее на откуп мелкопоместному дворянству (служившему основным источником пополнения офицерского корпуса) и сельскохозяйственным рабочим (резерву рядового и сержантского состава). Вплоть до 70-х годов XIX века офицеры покупали свои звания, а военную карьеру в основном делали в колониях, где проходило до двух третей времени их армейской службы.

В результате, несмотря на ведущую роль Великобритании в мировом промышленном развитии, ее военное руководство препятствовало внедрению механизации в армии. В области новых методов индустриализации войны англичане оказались одними из последних. В Великобритании не было обученных частей запаса, подобных тем, которые существовали у большинства континентальных держав уже задолго до конца девятнадцатого века. Согласно британской военной доктрине «Голубая Вода», британской армии, при наличии сильного военного флота, практически не угрожала опасность ведения войны на территории континентальной Европы. К началу двадцатого века из всех ведущих держав только в Великобритании и Соединенных Штатах не существовало системы массового призыва на военную службу.

Участие Великобритании в Первой мировой войне стало серьезным поводом для пересмотра этой политики. Благодаря колоссальным усилиям по созданию «военной экономики» в 1914–1918 годах британской армии и флоту удалось обзавестись современным вооружением. Несмотря на это, британское военное превосходство начало постепенно отходить в прошлое. Британский флот, безраздельно господствовавший над морями на протяжении всего столетия, уступил ведущую роль флоту Соединенных Штатов. В результате реконструкции германской армии, произошедшей в 1930-х годах, развития и усиления вооруженных сил США, роста военной мощи Советского Союза и Японии Великобритания оказалась далеко позади.

[12] *Ropp T.* War in the Modern World. Westport, 1959.

После Второй мировой войны

Со времен окончания Второй мировой войны статус Великобритании как военной державы второго сорта становится все более и более очевидным, особенно на фоне усиливающегося влияния сверхдержав — Соединенных Штатов и Советского Союза. Отныне Великобритания — уже не центр громадной империи, а вполне рядовое государство средних размеров. Правда, и после 1945 года вооруженным силам Великобритании довелось участвовать в нескольких конфликтах в колониях (сегодня все они являются независимыми государствами) — в Малайе, Кении и на Кипре. Несколько раз имели место отдельные военные столкновения, например, в Суэце в 1950-х годах и, уже совсем недавно, на Фолклендах. Однако в целом послевоенный период — это период прогрессирующего сокращения военной мощи Великобритании, совпавшего с процессом деколонизации.

Послевоенная политика Великобритании заключалась в отказе от обязательной воинской повинности (хотя она сохранилась в большинстве стран и сегодня) с упором на относительно небольшую профессиональную армию, оснащенную ядерным оружием. В правительственном отчете 1957 года было заявлено о намерении начать «крупнейшую реформу военной политики, когда-либо проводившуюся в мирное время». Вооруженные силы были сокращены вдвое, одновременно была отменена воинская повинность; был утвержден план по оснащению армии, авиации и флота ядерным оружием.

Фактически Великобритания — первая страна, попытавшаяся создать атомную бомбу. Во время войны исследования были перенесены в США на тех основаниях, что в Америке они были менее уязвимы для противника и что американцы имели большие ресурсы для реализации проекта. Уже в 1945 году комитет под председательством сэра Генри Тайзерда пришел к выводу, что обладание ядерным оружием должно стать основой будущей политики Великобритании в области обороны[13]. В 1947 году была разработана программа создания британского ядерного оружия, в 1952 году начались работы по производству водородной бомбы. К середине 1950-х планировалось создать собственную ракету-носитель, названную «Голубая молния», однако довести дело до конца так и не удалось. Единственным средством доставки оставались бомбардировщики, пока, наконец, в 1967–1969 годах ее не сменила полученная у Соединенных Штатов и принятая на вооружение ракетная система «Полярис» (которую, согласно нынешним планам, предполагается заменить другой, тоже американской, системой «Трайдент»).

Одним из наиболее важных факторов, повлиявших на военную ситуацию в Великобритании в течение последних десятилетий, явилась серия соглашений, разрешавших США разместить в стране свое ядерное оружие. Начало данной политике было положено в 1958 году, когда тогдашний премьер-министр Гарольд Макмиллан дал согласие на размещение в Великобритании шестидесяти американских ракет класса «Тор». Два года спустя в местечке Холи Лох была создана американская военная база, оснащенная ракетами класса «Полярис». Сегодня в Великобритании размещено множество американских военных объектов. По сообщению Данкана Кэмпбелла, всего в стране сейчас насчитывается более сотни американских военных баз[14].

Присутствие в Великобритании ядерного оружия сразу же вызвало широкий протест, несмотря на то, что опросы общественного мнения неизменно свидетельствовали о поддержке большинством населения «британских средств ядерного

[13] *Rumble Greville.* The Politics of nuclear defence: a comprehensive introduction. Cambridge, 1985.

[14] *Campbell D.* War Plan UK: The Truth about Civil Defence in Britain. London, 1982.

сдерживания». С 1950-х годов основной организацией, активно выступающей против ядерных вооружений, была Кампания за Ядерное Разоружение. Широкая поддержка, которой эта организация пользовалась у населения и благодаря которой она смогла организовать массовые выступления протеста и демонстрации, с годами пошла на убыль. Однако появление в конце 1970-х годов крылатых ракет и ракет «Першинг-2» снова сделало Кампанию популярной в Великобритании, так же, как и другие европейские движения за мир. Число членов Кампании увеличилось с 3200 в 1978 году до 100 000 в 1984, кроме того, еще 140 000 состоят членами ее филиалов.

Женщины и война

Война всегда была по преимуществу мужским занятием. Боевые части всех армий состояли из мужчин, мужчины были командирами и генералами; воинские идеалы, особенно риск, отвага и «чувство локтя», всегда были именно мужскими идеалами. Восторженное отношение мужчин к войне и отсутствие среди воинов женщин послужили основанием для спекуляций на тему о том, что это различие закреплено генетически. Иными словами, мужчины якобы биологически предрасположены к агрессивному поведению, к борьбе с себе подобными, а женщины — нет. К числу сторонников такой точки зрения относятся некоторые авторы, попавшие под влияние идей социобиологии (см. главу 2, «Культура и общество»), а также часть феминисток. Эту мысль весьма убедительно высказала в 1868 году одна из первых писательниц-феминисток Элизабет Кэди Стэнтон:

> Мужское начало — это разрушительная сила, жестокая, самовлюбленная, ненасытная, склонная к войне, захвату, приобретательству. В мире материальном и в мире морали она сеет лишь хаос, вражду, болезни и смерть. Вспомните, сколько кровавых и жестоких страниц открывает перед нами история!... Поскольку мужское начало всегда правило балом, оно с древних времен подавляло женское начало, уничтожало самые возвышенные качества, свойственные человеческой природе. [15]

Быть может, добавляет к сказанному Стэнтон, мы смеем надеяться, что в будущем женские ценности — мягкость, забота, взаимопонимание — все же займут подобающее им место в жизни общества и станут противовесом агрессивным побуждениям мужчин. Этим ценностям привержена половина человечества, однако из-за доминирующего положения мужчин в общественной жизни они никогда не оказывали особого влияния на общество.

Насколько справедливо мнение, согласно которому мужчины предрасположены к войне в силу своих биологических особенностей, тогда как женщины нет? В целом факты не подтверждают этот тезис. Существование войны, как мы уже отмечали раньше, не может быть прямым образом связано с агрессивными побуждениями. До возникновения традиционных государств настоящих войн (кровопролитных сражений с большим числом убитых) практически не было. Государства ведут войны по причинам, не связанным с агрессивностью как таковой.

Более того, в военное время женщины нередко становились в строй вместе с мужчинами, и если не воевали сами, то активно поддерживали воинственные устремления. И хотя в подавляющем большинстве случаев в армии командовали мужчины, в истории случались и военачальники-женщины, вдохновенно ведшие

[15] *Stanton E., Anthony S., Gage H.* History of Woman Suffrage. New York, 1889.

солдат в бой. Наиболее известные примеры — это Боадицея, военный вождь саксонцев, и Жанна д'Арк, возглавлявшая французскую армию в войне с англичанами в XV веке. Женщины-монархи (такие, как английская королева Елизавета I) брали на себя управление вооруженными силами страны и без колебаний провозглашали воинские ценности[16].

Женские соединения есть в большинстве современных армий, хотя чаще всего женщины не принимают непосредственного участия в сражениях. В некоторых армиях женщин-новобранцев даже не обучают обращению с оружием и боевым приемам, однако чаще бывает наоборот. Израильские женщины-военнослужащие, например, входят в состав боевых частей, а во время второй мировой войны советские женщины также регулярно принимали участие в боевых действиях. В 1943 году, когда советская армия была наиболее сильной за все годы войны, женщины составляли 8% ее личного состава. Они были пулеметчицами и снайперами, а также артиллеристами и танкистами[17]. Военные воспоминания советской летчицы Нади Поповой, летавшей на бомбардировщике, ничем принципиально не отличаются от огромного числа воспоминаний воинов-мужчин: «Они уничтожали нас, а мы их... Я убила многих, но сама осталась жива... Война требует от человека, в числе прочего, умения убивать. Но я не думаю, что следует уравнивать убийство на войне с жестокостью. Я думаю, что риск, на который мы шли, и жертвы, приносимые нами друг для друга, сделали нас более добрыми, а не более жестокими»[18].

Сегодня в большинстве западных армий женщин больше, чем когда-либо. Больше всего женщин в армии США — там их 10%. При этом они служат не в местах, удаленных от районов возможных конфликтов, а равномерно распределены по многочисленным «горячим точкам». Наиболее воинственные из них ведут борьбу за отмену правил, препятствующих их включению в состав боевых соединений. По данным опросов, большинство женщин, служащих в американской армии, всецело одобрили бы подобный шаг. Стоит упомянуть и о том, что многие современные террористические группировки имеют в своих рядах женщин, играющих там такую же роль, как мужчины.

«Гражданские» женщины действительно нередко выступали против такого варварства, как война, однако столь же часто они поддерживали и восхваляли воинские ценности. Во все времена женщины ухаживали за ранеными и умирающими, «хранили тепло домашних очагов», устраивали праздничные проводы и встречи героев. Во время обеих мировых войн женщины внесли неоценимый вклад в борьбу большинства воевавших стран, заменив на рабочих местах ушедших на фронт мужчин. Безусловно, женщинам довелось сыграть главную роль и в пацифистских организациях, особенно в Первую мировую войну, однако большинство женских организаций направляли свои усилия на скорейшее достижение победы. Так, незадолго до начала Первой мировой воины Эмилин Пэнкхерст, одна из лидеров женского движения начала 1900-х годов в Великобритании, открыто заявила о своей поддержке военных планов союзников. Издаваемый ею журнал «Суфражистка», в сущности, полностью переориентировался на военную пропаганду, и в 1915 году был даже переименован в «Britannia». Национальная американская ассоциация суфражисток

[16] *Elshtain J.* Women and War. New York, 1987.

[17] *Cottam Jean.* Soviet women in combat in World War 2: the ground forces and the navy // International Journal of Women's Studies, 3. 1980.

[18] *Saywell S.* Women in War. New York, 1985.

также провозгласила преданность женщин делу военной мобилизации страны и их приверженность таким добродетелям, как патриотизм и воинский долг.

В то время, как большинство женщин поддерживали проявления воинственности, находилось немало мужчин, которые, наоборот, отвергали войну и милитаристские ценности. Ряд известнейших религиозных лидеров в истории человечества, в том числе Будда и Христос, осудили войну и связанное с ней насилие (хотя, конечно, их приверженцы отнюдь не всегда следовали заветам своих учителей). В двадцатом веке крупнейшим проповедником идеи отказа от насилия был Махатма Ганди, индийский политический деятель, возглавлявший оппозицию британскому колониальному правлению в Индии. И хотя большинство некогда многочисленных сторонников **пацифизма** оказалось втянуто в ту или другую мировую войну, нашлись среди них немногие, кто отказался участвовать в каких бы то ни было военных действиях. Они делали свой выбор, несмотря на колоссальное давление со стороны властей, а также враждебное отношение к ним подавляющего большинства населения. Во время Второй мировой войны стало возможно официально зарегистрироваться в качестве сознательного уклониста (то есть человека, отказавшегося от военной службы по религиозным или моральным соображениям). Один такой уклонист, американец, описал свою поездку по стране к трудовому лагерю, куда помещались такие, как он. Его опыт весьма показателен. В том же поезде ехала группа новобранцев морской пехоты, и когда поезд прибыл к месту назначения, пассажиров встретили женщины, которые жаждали вручить им провизию и журналы, поскольку думали, что все прибывшие — солдаты. «Мы все вылезли из вагонов на рельсы, так что эти дамы никак не могли разобраться, кто из нас кто, и в конце концов у каждого в руках оказалась масса всякого добра. Когда же в толпе пронесся слух, что на этом поезде прибыло несколько желтобрюхих (сознательных уклонистов), дамы буквально пошли по рядам, стали хватать нас за руки и спрашивать: "Ты, что ли, этот чертов уклонист? Отдавай обратно мои булочки!"»[19]

Высказывания современных феминисток на тему войны и гендерных различий очень часто напоминают идеи Стэнтон, провозглашенные ею столетие назад. Так, в книге «Вторая стадия» Бетти Фриден заявляет, что солдаты-женщины более своих коллег-мужчин склонны к состраданию и что это может способствовать уменьшению жестокости будущих конфликтов[20]. Однако данное утверждение звучит не слишком убедительно. Как выразился Эльстайн после проведения опроса среди женщин-военных, «настоящие женщины-военные так не рассуждают. Они солдаты, и точка»[21].

Если в прошлом война или непосредственное участие в боевых действиях составляли исключительную монополию мужчин, то это было связано отнюдь не с биологическими различиями, изначально делающими один пол мягче и добрее другого. Мужчины попросту монополизировали войну так же, как и другие институты, в которых сосредоточена власть. Участие в войне предполагает серьезную подготовку и строгую дисциплину и требует от солдата готовности в любой момент отправиться туда, куда зовет воинский долг. На войне в основном сражаются молодые люди, в том возрасте, в котором женщины производят на свет потомство. Уделом женщин во все времена были семья и дом, и именно это надежно ограждало их от исполнения роли воина.

---

[19] *Terkel Studs*. The Good War. New York, 1984.

[20] *Friedan B.* The Second. New York, 1981.

[21] *Elsthain J.* Women and War. New York, 1987.

Женские антивоенные движения

Тем не менее, женщины обычно относятся к войне совсем по-иному, нежели мужчины, хотя различия такого рода, по-видимому, не являются генетически заданными и далеко не универсальны. Уже античные драмы содержат эпизоды, в которых женщины пытаются отговорить своих мужей и сыновей от военного похода или указывают на бессмысленность кровопролития. Часть феминисток с первых дней возникновения этого движения, то есть с XVIII века, неизменно стояла на позициях пацифизма. И хотя, как и в случае мужчин, женщины-пацифистки составляли лишь меньшинство представительниц своего пола, им довелось сыграть заметную роль в борьбе, которую женское движение вело с обществом, где доминируют мужчины.

Женские пацифистские организации особенно активизировались в годы Первой мировой войны. Еще до ее начала женщины сыграли весьма существенную роль в международном движении за мир, усилившемся в первые годы двадцатого века. И хотя позднее многие изменили свои взгляды и вслед за Эмилин Пэнкхерст и другими лидерами феминисток начали поддерживать войну, другие остались твердыми сторонницами антивоенной позиции. В Соединенных Штатах, не вступавших в войну до 1917 года, женщины, боровшиеся против войны, не преследовались властями, как это было в Европе. В августе 1914 года в Нью-Йорке 15 000 женщин приняли участие в мирной демонстрации, причем они отказались от предложений сотрудничества с мужчинами, сторонниками тех же взглядов. Широкую поддержку завоевала и «Женская партия за мир», возникшая в том же году (хотя в это же время существовала организация с прямо противоположными целями — «Женское отделение Военно-морской Лиги», выступавшая за усиление американской военной мощи). Без участия женщин антивоенная агитация в Соединенных Штатах в годы Первой мировой войны наверняка была бы очень слабой.

В 1915 году в Гааге, в Голландии, две европейские феминистки и пацифистки — Розика Швиммер и Эммелин Петик-Лоуренс — в союзе с «Женской партией за мир» организовали международную мирную конференцию женщин. Несмотря на разного рода препятствия со стороны большинства правительств, на нее прибыли делегатки из целого ряда стран. Эта конференция стала первой международной встречей, ставившей своей целью борьбу за мир и выработку принципов мирного соглашения между воюющими нациями. Участницы конференции столкнулись с издевательской, а порой и враждебной реакцией прессы. Вот типичный комментарий одной из лондонских газет, «Ивнинг Стандарт»: «Эти фанатички мира, — писала газета, — давно уже всем до смерти надоели». Однако влияние конференции на дальнейшие события было глубоким и значительным. Президент Соединенных Штатов Вильсон, единственный западный руководитель, публично одобривший цели конференции, использовал ряд выдвинутых на ней идей в своих «Четырнадцати пунктах», предложенных им в качестве основы для мирного договора в 1919 году.

Во время Второй мировой войны роль женских пацифистских организаций (как и аналогичных мужских) уменьшилась, поскольку тогда господствовало мнение, что нацизм — это угроза, с которой без военной силы справиться невозможно. Однако в послевоенный период, особенно с тех пор, как ядерное оружие получило широкое распространение, женские группы снова начинают активно участвовать в движениях за мир. Женские пацифистские объединения, такие, как «Акция женщин за ядерное разоружение» в США и «Женщины за мир» в Западной Германии и Нидерландах, появляются в большинстве западных стран. Аналогичные группы

существуют и в Восточной Европе, но там им постоянно приходится сталкиваться с противодействием властей.

Пожалуй, самым известным примером участия женщин в миротворческих делах является организация лагеря в Гринхэм Коммон в Великобритании. Гринхэм Коммон — место, где расположена военная база, на которой были размещены ядерные ракеты. В 1981 году вблизи этой базы женщины устроили мирный лагерь, который существовал несколько лет. Мужчинам не разрешалось присоединяться к акции. Основная цель членов лагеря — демонстрация протеста против ядерного оружия, кроме того, женщины нередко блокировали дорогу к базе, пытаясь таким образом воспрепятствовать въезду и выезду автоколонн с ядерным оружием. Как заметила одна из участниц, «лагеря мира — это не просто смелый жест протеста. Это эксперимент по ненасильственному сопротивлению, взятие на себя ответственности не только за то, что делается от нашего имени, но и за то, как мы сами ведем себя по отношению друг к другу... Раньше мужчины уходили на войну. Теперь женщины покидают свои дома во имя мира»[22].

Военные, политики и общество

Военное правление и военное влияние

Во многих странах мира власть принадлежит (или в недавнем прошлом принадлежала) военным, в чьем подчинении находятся вооруженные силы. В нынешнем веке большинство стран Южной Америки и многие страны третьего мира в Африке, Азии и на Ближнем Востоке пережили военные перевороты. Во многих районах мира военное правление под тем или иным предлогом признается «нормальным», причем за последние пятьдесят лет военных режимов стало не меньше, а даже больше. Лишь два типа общественного устройства проявили наличие некоторого иммунитета к военному правлению — это индустриальные либерально-демократические страны Запада и страны Восточной Европы, в том числе бывший Советский Союз. Но чем это объясняется? Почему во всех странах не может установиться военное правление, если военные обладают лучшей организацией, чем любые гражданские группы, и монопольно владеют наиболее мощным оружием?

Тому есть несколько причин. Во-первых, чем выше уровень индустриализации общества, тем более сложная административная система ему необходима. Будучи зависимыми от внутренних кодексов дисциплины и долга, вооруженные силы не приспособлены для управления сложным социальным порядком. Для этих целей нужны гражданские чиновники — это видно из опыта оккупационного военного правления союзников в Италии и Германии после Второй мировой войны. Несмотря на то, что им пришлось иметь дело с покорным и во всех отношениях послушным населением, а вовсе не с бунтовщиками, оккупационные войска сочли необходимым усилить военную администрацию значительным числом специализированных гражданских служащих.

Во-вторых, военные не обладают **легитимностью**, то есть общепризнанным правом на власть. Правление, основанное на силе, может быть только переходным. Любая группа, желающая удержать власть продолжительное время, должна восприниматься широкими кругами общественности как имеющая на это право. Получить право такого рода в обществах, имеющих прочные традиции гражданского

[22] *Cook Alice* and *Gwin Kirk*. Greenham Women Everywhere: dreams, ideas and action from the women's Peace movement. London, 1993.

правления, военным чрезвычайно трудно. Как при многопартийных системах Запада, так и при однопартийных системах Восточной Европы механизмы государственного правления находятся в тесной зависимости от хорошо развитых партийных организаций.

В-третьих, в обществах, не имевших опыта военного правления, обычно поддерживается исторически сложившееся четкое деление на армию и полицейские части. В период формирования современной западной полиции, с начала и до середины XIX века, военные не раз привлекались для восстановления гражданского спокойствия. Однако чем успешнее гражданский порядок поддерживается полицией, тем более четко проявляется роль армии как средства защиты от *внешней* угрозы. Полиция может быть хорошо оснащенной, иметь собственные полувоенные формирования для подавления беспорядков, однако ее огневая мощь всегда значительно слабее армейской, и полиция, в отличие от армии, не способна совершить *государственный переворот*[23]. Если же гражданский порядок поддерживается исключительно силами полиции, а вооруженные силы занимаются только обороной, шансы на захват власти военными минимальны.

Отсюда не следует, что военное правление в индустриальных странах в принципе невозможно или что существует четкая граница между развитыми странами и странами третьего мира в том, что касается военного правления. Некоторым странам Запада и Восточной Европы, в том числе Испании, Португалии, Греции и Польше, пришлось в свое время пережить периоды военного правления.

Даже не находясь у власти, военные существенно влияют на политическую жизнь. Это с неизбежностью вытекает из того факта, что современные вооруженные силы содержатся за счет налогов, взимаемых правительством. Власть, которой военные добиваются, чтобы воздействовать на политические решения, может быть различной в разных современных обществах. В попытках оказать влияние или контролировать политическую жизнь и экономические процессы военные лидеры могут прибегать к самым различным средствам. На одном конце спектра — традиционные каналы воздействия на лидеров политического и экономического мира. В этом случае военные образуют такое же лобби, как и любая другая социальная группа, то есть не выходят за рамки обычной политической игры. На другом конце спектра — шантаж и запугивание гражданских чиновников, а также угрозы насилия или его применение. Так, в 1930-х годах в Японии армия была замешана в убийствах знаменитых политиков и профсоюзных деятелей, желая таким образом запугать остальных. Французские вооруженные силы в Алжире предприняли настоящий шантаж правительства, отказываясь повиноваться ему до тех пор, пока у власти не встанет генерал де Голль.

Военно-промышленный комплекс

Даже в тех обществах, где военные играют в политике ограниченную роль, интересы военных и промышленных кругов могут тесно переплетаться. Некоторые исследователи считают, что это особенно характерно для индустриальных стран с их мощным военным аппаратом. В свое время для обозначения интеграции военного и экономического развития в условиях современной войны президент Эйзенхауэр использовал термин **военно-промышленный комплекс** (ВПК). Первоначально этот термин возник в связи с попытками обеспечить систематическое приложение науки и технологии в военном производстве. Однако позднее Эйзенхауэр стал

[23] *Finner Samuel E.* The Man on Horseback: The Role of the military in Politics. London, 1962.

воспринимать развитие военно-промышленных связей как нечто весьма тревожное, опасаясь, что власть военно-промышленного комплекса приобрела такие масштабы, что важнейшие решения в сфере социальной и политической жизни оказались вне поля деятельности политиков. Многие последующие авторы утверждали, что в результате холодной войны (периода враждебных отношений между США и СССР в 1950–60-х годах, приведшего к наращиванию вооружений обеими сторонами) особого размаха достигли ВПК Соединенных Штатов и Советского Союза.

Насколько обоснованна эта точка зрения? К сожалению, само представление о военно-промышленном комплексе часто оказывается недостаточно четким, а когда говорится о степени его влияния на политические решения, дело ограничивается скорее намеками, чем полноценным анализом. Однако для того, чтобы такая система *доминировала* в современной экономике, необходимо два условия: (1) процветание крупных отраслей современной экономики должно быть связано с военным производством и (2) вследствие этого люди, занимающие правительственные посты, вынуждены уступать промышленным требованиям военного руководства и производителей оружия.

В некоторых западных странах поставщиками оборонных ведомств являются гигантские корпорации. Около 3/4 фирм, имеющих крупнейшие военные контракты с правительством США, входят в список 500 виднейших корпораций Америки[24]. Существует немало документальных свидетельств наличия связей между военным руководством и высшим персоналом этих корпораций. В Советском Союзе, как уже было сказано, оборонные отрасли превосходили в технологическом отношении все остальные. В целом для советской экономики были характерны более высокие (в долевом отношении) расходы на нужды оборонных отраслей, чем для большинства западных стран. Но это еще не означает, что развитие основных производственных мощностей любой экономики будет связано в первую очередь с военным производством. Лишь немногие крупнейшие корпорации Америки участвуют в военном производстве. Но даже те из них, чья деятельность действительно зависит от военных контрактов, выпускают военную продукцию не постоянно, а сообразуясь с изменениями политического и экономического климата[25].

Во время войны во Вьетнаме 40% всей продукции 25 крупнейших военных поставщиков в Соединенных Штатах выпускались по оборонным заказам. Через пятнадцать лет после окончания войны доля военной продукции сократилась до 10%[26]. Иными словами, степень вовлеченности в военное производство определяется политической ситуацией и насущными потребностями, а не наоборот. В основе своей это было верно и для Советского Союза. В том, что касалось военных расходов, решающее слово оставалось за руководителями Коммунистической партии.

Следовательно, ни в том, ни в другом обществе военно-промышленный комплекс не манипулирует гражданской политикой. Тем не менее, производство товаров и услуг, связанных с военными нуждами, занимает важное место в экономике этих обществ, и такие расходы являются предметом первоочередной политической озабоченности. Отсюда следует, что военные и промышленники иногда действуют как единое лобби и нередко способны оказывать существенное, как прямое, так и косвенное, воздействие на политический курс. В основном это верно и для других

[24] *Kennedy Cavin.* Defence Economics. New York, 1983.

[25] *Lieberson Stanley.* An empirical study of military-industrial linkages. In: *Sam C. Sarkesian* (ed.). The military-industrial complex: a re-assessment. Washington, 1972.

[26] *Ganser J.* The Defence Industry. Cambridge, 1980.

индустриальных стран, хотя есть среди них и такие (Канада, например), где влияние военных минимально.

Вооруженные силы третьего мира

Почему в развивающихся странах так часто случаются государственные перевороты и так много военных правительств? Чтобы получить ответ, нужно понимать отличительные особенности этих обществ. Многие из них обладают лишь призрачной административной целостностью. Такие государства либо возникают на месте старых колоний, либо это «новые нации», создававшиеся на территориях, где ранее не было централизованного правления. При колониальных режимах идеи демократии, как правило, не приветствовались, и когда такие режимы прекращали свое существование, то чувству национального единства почти не из чего было сформироваться. В странах, где население подчиняется многочисленным этническим, племенным и региональным законам и обычаям и где большая часть населения не знает и не хочет знать о механизмах централизованного правления, партийные системы весьма нестабильны. Гораздо более влиятельны группы, объединенные специфическими интересами, и в этих обстоятельствах военные как группа, обладающая собственными интересами и внутренней сплоченностью, нередко сразу выходят на политическую арену. Различие между армией и полицией в таких странах, как правило, достаточно неопределенно, причем каналом их взаимодействия часто выступают подразделения военной разведки, занятой, в первую очередь, обеспечением лояльности гражданского населения[27]. Отдельной и эффективной системы внутренней полиции, подобной полиции индустриальных стран, там не существует.

В большинстве «военизированных» стран третьего мира **военное правление** наблюдается в косвенной форме, когда у власти находится марионеточный лидер, действиями которого руководят военные. В случае, если он отклоняется от предписанного курса, происходит государственный переворот. На какое-то время власть оказывается непосредственно у военных, а затем ее передают другой марионетке.

Типы военного правления

Если военные стремятся к прямому правлению, они должны позаботиться о создании некой основы, позволяющей достаточно большой части населения признать их правление легитимным. Амос Перлмуттер выделяет три основных типа военного правления[28]. Первый тип, **автократический**, — обычная военная тирания, правление одного военного. В этом случае для захвата и удержания власти военный лидер непосредственно использует подчиненные ему вооруженные силы. Однако затем он обычно стремится обеспечить себе обширную народную поддержку и может занять пост президента. Никаких попыток проведения даже номинальных выборов при этом не предпринимается, но положение такого лидера становится сколько-нибудь стабильным лишь в том случае, если проводимая им политика находит поддержку среди какой-либо части населения. Примером является относительно недавнее правление Иди Амина в Уганде. Этот тип военного правления нестабилен, поскольку на одного лидера ложится слишком много разнообразных обязанностей

[27] *Janowitz M.* Military institutions and coercion in the developing nations: an essay in comparative analysis. Chicago, 1977.

[28] *Perlmutter A.* The military and politics in modern times: on professionals praetorians, and revolutionary soldiers. New Haven, 1977.

и полномочий, а также из-за отсутствия или непостоянства поддержки со стороны большинства населения. Восстание против такого правителя может быть удачным в том случае, если восставших поддержит часть армии.

Второй тип — **олигархическое военное правление**. В таком случае страной управляет группа военных заговорщиков, совершивших переворот, или *хунта*. Главой олигархии может быть как военное, так и гражданское лицо, но в любом случае его поддерживают исключительно вооруженные силы. В целях стабилизации своей власти правящая группа данного типа обычно стремится создать в стране некую видимость поддержки электората, хотя на самом деле результаты любых выборов целиком и полностью контролируются хунтой. В эту категорию попадает большое число недавних правительств стран Южной Америки, например, военный режим, правивший в Аргентине до 1985 года.

Третий тип — **авторитарный претерианизм**. Это сплав военного и гражданского правления. Страной управляет коалиция военных и гражданских руководителей. Выборы существуют, но спектр кандидатов ограничивается партией или партиями, одобренными правящей группой. Такое правительство, возглавляемое генералом Зия Уль-Хаком, пришло к власти в Пакистане в 1978 году.

В целом военные правительства так же нестабильны, как и те гражданские, которые ими замещаются. Обществ, имеющих длительную историю постоянного военного правления, не так уж много, чаще можно наблюдать, как периоды военного правления сменяются фазами гражданской власти. Для большинства военных правительств характерна консервативная ориентация, и обычно их интересы связаны с интересами крупных промышленников и землевладельцев. С другой стороны, существуют военные правительства, поддерживающие идеалы социализма или радикализма. В качестве примера можно привести правительство полковника Каддафи в Ливии.

Терроризм и партизанские движения

В сравнении с традиционным социальным устройством современные общества гораздо более *мирные* и спокойные. Разумеется, и в них есть немало насилия — домашнего, уголовного и т. д. Однако в современных обществах, за исключением тех, где существует сильное революционное движение, нет внутренних сил, способных бросить вызов армии. В традиционных обществах ситуация была иной — правящая власть имела противников в лице местных военачальников, вождей, пиратов, разбойников и множества других лиц.

Терроризм

Понять, что такое **терроризм**, можно только на фоне относительного внутреннего спокойствия, царящего в современных государствах. Терроризм определяется как угроза насилия или его применение в политических целях группой или индивидом, не имеющими формальной политической власти и ставящими перед собой политические цели. Понимаемый таким образом, терроризм приобретает особое значение в современных государствах — прежде всего потому, что их правительства претендуют на монопольное право применения силы в политических целях, будь то давление на другое государство или настоящая война. Таким образом, терроризм пытается воспользоваться теми же символами легитимности, что и его главный противник — правительство. Как правило, террористы заявляют о «законности» своих акций, часто называют себя солдатами, используют военную терминологию

в названиях своих организаций — например, Ирландская Республиканская Армия (ИРА), Красные Бригады в Италии и так далее. Они любят говорить о «политических правах», устраивают «суды», выносят «приговоры» и осуществляют «казни»[29].

Если население в большинстве своем не соглашается считать акции террористов законными военными операциями, то чаще всего оно рассматривает эти акции как опасный источник бессмысленного насилия. Один из персонажей пьесы Шона О'Кейси «Тень стрелка», говоря о вооруженном сопротивлении присутствию британской армии в Ирландии, так описывает свою позицию:

> Страдают-то гражданские; когда кто-то устраивает засаду, они не знают, куда бежать. Так и получишь пулю в спину во имя спасения Ирландии. Я сам националист, что говорить... Я верю в свободу Ирландии и в то, что Англия не имеет права быть здесь, но стоит мне услышать, как какой-нибудь бандит говорит о смерти за народ, когда народ умирает из-за него, я чувствую, что во мне что-то противится.[30]

Само слово *терроризм* родилось во время французской революции 1789 года. Тогда тысячи людей, в первую очередь аристократы, а потом и обычные граждане, стали жертвами политических преследований и были отправлены на гильотину. С тех пор многие правительства неоднократно применяли террор — насилие с целью устрашения. Особенно ужасающими были действия нацистов в Германии и органов безопасности в России при Сталине.

За последние двести лет государства совершили куда больше преступлений против человеческой жизни и достоинства, чем мятежные группы. Тем не менее, в целях ясности полезно будет термин «терроризм» оставить для тех, кто специально ставит своей целью *бросить вызов* власти государства. Но даже и это определение не совсем точно. Террористы могут получать поддержку или просто быть частью более крупных организаций, которые на определенном этапе сами становится правящей властью. Некоторые деятели, ставшие впоследствии виднейшими фигурами в израильском правительстве, в 1940-е годы участвовали в террористической деятельности, добиваясь создания нового государства на территории тогдашней Палестины. В свою очередь, многие палестинцы сегодня рассматривают Организацию освобождения Палестины в качестве своего легитимного правительства, хотя она поддерживала действия, которые другими государствами расцениваются как террористические.

Партизанские движения

В двадцатом веке терроризм тесно связан с **партизанскими движениями**. Фактически их нельзя даже рассматривать раздельно. Единственное реальное различие между ними заключается в том, что действия *партизан*, как принято думать, направлены против военных объектов, а действия *террористов* — против гражданских, хотя на практике это различие весьма нечеткое. Партизаны — это не регулярные войска, они не обладают организованностью и мощью регулярных соединений. Спорадические акты насилия, совершаемые ими, служат средством привлечения внимания к их требованиям, потому что они не надеются победить в открытом бою. В двадцатом веке можно найти множество примеров партизанских движений и войн с участием групп самой разной политической направленности. Иные из них так и остались слабыми, другие были разгромлены превосходящими военными силами, но были и такие, которые добились радикальных политических перемен.

---

[29] *Wilkinson P.* Terrorism and the Liberal State. London, 1986.

[30] Цит. по: *Wilkinson P.* Political Terrorism. London, 1974.

Таблица 9. *Некоторые важнейшие террористические группировки 1980-х годов*

Название	Цель/тип группы	Противник	Район операций
Абу Нидаль	Государство Палестина	Израиль и его союзники	Западная Европа
Аксьон Директ	Антикапиталистическая революция	Армия, бизнес; США и оборонные организации	Франция
Аль Джихад аль-Ислам	Государство Палестина	Агентура США и Израиля	Западная Европа и Ближний Восток
Автономия	Антикапиталистическая направленность	Армия и бизнес	Италия
Авангардия национале	Фашисты	Беспорядочные вылазки	Италия
Бакунин — Гданьск — Париж	Антикапиталистическая революция	Бизнес	Франция
Черный Сентябрь	Государство Палестина	Израиль и его союзники	Западная Европа
Cellules Communistes Combattantes (CCC)	Антикапиталистическая революция	Армия и бизнес	Бельгия (связи с Францией)
Эль Фатах	Государство Палестина	Израиль и его союзники	Западная Европа Ближний Восток
Euzkadi ta Askatasuna (ETA)	Баскский национализм	Испанская полиция и администрация	Испания (иногда Франция)
Factions Armées Révolutionnaires Libanaises (FARL)	Государство Палестина	Израиль и его союзники	Франция, Ближний Восток
Front de libération de la Bretagne — Armée Républicaine Bretonne (FLB-ARB)	Бретонский национализм	Французское государство	Франция
Front de la libération Nationale Corse (FLNC)	Корсиканский национализм	Французское государство и имущество, в особенности частного бизнеса	Франция
Francia	Антикорсиканский национализм	Националисты	Корсика
Groupes d'Actions Révolutionnaires Internationales (GARI)	Революционеры-социалисты	Капиталистические предприятия	Франция
Антифашистские группы сопротивления (GRAPO)	Антифашизм	Беспорядочные вылазки	Испания
Ирландская Национально-освободительная армия (INLA)	Ирландский национализм	Службы безопасности и беспорядочные вылазки	Великобритания
Ирландская Республиканская Армия (IRA)	Ирландский национализм	Службы безопасности	Великобритания
Noyaux Armées pour l'Autonomie Populaire	Революционеры-социалисты	Беспорядочные вылазки	Франция
Временная Ирландская республиканская армия (PIRA)	Ирландский национализм	Секретные службы и беспорядочные вылазки	Великобритания

Название	Цель/тип группы	Противник	Район операций
Организация освобождения Палестины (ООП)	Государство Палестина	Израиль и его союзники	Западная Европа и Ближний Восток
Portere Operaio	Революционеры-социалисты	Бизнес	Италия
Подразделение Красной армии (РАФ)	Революционеры-социалисты	Армия и бизнес	Западная Германия (подозреваются в связях с Италией)
Красные бригады	Революционеры-социалисты	Армия и бизнес	Италия
Комитет солидарности с арабскими политическими заключенными	Освобождение арабских заключенных, палестинское государство	Французские правительственные чиновники	Франция
Борцы за свободу Ольстера (UFF)	Северная Ирландия в составе Великобритании	IRA/PIRA; ирландские националисты	Великобритания

В Европе действует множество других групп, в частности националистов и регионалистов, в их числе — армянские, югославские, южно-тирольские и другие.

Источник: Social Studies Review, March. 1987. P. 5.

Движения сопротивления против немецких оккупантов во Франции, Голландии, Бельгии, Скандинавии, на оккупированных территориях России и в других странах во время Второй мировой войны действовали партизанскими методами. Это же относится и к движениям, возглавлявшимся Мао Цзэдуном в Китае и Фиделем Кастро на Кубе до захвата ими государственной власти. К партизанам относятся и алжирские повстанцы, вынудившие Францию положить конец колониальному правлению в этой стране в 1960-е годы; мятежники Мау Мау в Кении примерно в то же время; уругвайские тупамарос и аргентинские монтенейрос, действовавшие в 1960–70-х годах; группы, боровшиеся против американцев в Южном Вьетнаме во время вьетнамской войны; отряды исламистов, организовавшие сопротивление русским в Афганистане в 1980-е годы.

Партизанские организации обычно появлялись либо в условиях сурового политического гнета, либо при слишком неравном распределении богатства. Однако ситуации, в которых действуют партизаны, столь различны, что, как справедливо заметил Уолтер Лейкер[31], почти не поддаются обобщениям.

Он дал описание важнейших характеристик партизанских войн двадцатого века, краткое изложение которых выглядит следующим образом:

1. Партизанские движения разворачиваются в относительно недоступных районах, в которых регулярная армия не может использовать свое численное превосходство и огневую мощь. Опорные пункты партизан обычно находятся в дикой и безлюдной местности — в горах, лесах, джунглях или болотах. Как правило, они периодически меняют местоположение своих баз, не давая противнику возможности нанести точный удар.

2. Партизанские войны обычно ведутся в регионах, как правило, уже имеющих богатую военную историю. Отчасти это обусловлено тем, что такие регионы представляют арену острейшей политической конкуренции различных партий

[31] *Laquer W.* Guerrilla: A historical and critical study. Boston, 1976.

и движений. Таким образом, факторы, которые приводят к военному правлению, обуславливают и возникновение противостоящих им партизанских движений.

3. Партизанская война чаще всего начинается в слаборазвитых странах, традиционные социальные структуры которых оказались разрушенными в результате воздействия политических и экономических связей с индустриальным миром. Крестьяне, потерявшие прежнюю возможность добывать средства к существованию и желающие избежать кабалы у богатых землевладельцев, становятся источником людских ресурсов для партизанских движений.

4. В нынешнем веке велось три типа партизанских войн. Первый — военные действия, направленные против иностранных захватчиков; второй — война сепаратистского движения против центрального правительства (как в случае Ирландской Республиканской Армии); третий — борьба против правительства, подозреваемого в коррупции или эксплуатации (тупамарос и монтенейрос в Южной Америке).

5. Партизанская война развивалась в соответствии с модернизацией войны в целом. Партизанские движения не имеют того набора сложнейших вооружений, которым вооружены обычные армии, но они изобретают собственные эффективные средства борьбы, в частности, используют специфические условия районов, где они действуют. Так, вьетконговские партизаны во Вьетнаме, будучи очень плохо вооруженными по сравнению с американцами, выработали тактические приемы, которые в конце концов позволили им одержать верх над изощренной военной технологией противника. Частью этой тактики было применение разветвленной системы подземных ходов, в которых партизаны скрывались после своих вылазок.

6. Большинство партизанских движений действует отнюдь не автономно. Им оказывают финансовую и иную помощь государства, расположенные за пределами района непосредственных действий партизан. Такая поддержка, исходящая от одной из двух главных противостоящих друг другу военных группировок (центрами которых являлись Соединенные Штаты и Советский Союз) свидетельствовала о том, что партизанские движения часто оказывались лишь продолжением глобального соперничества этих двух сил. В частности, и США, и СССР предоставляли средства для партизанского движения в ряде частей Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.

Партизаны в городе

В течение последних двадцати лет тактика партизанских движений стала широко применяться группами, действующими в условиях городов, в особенности в Европе и Японии. Захват самолетов, похищение людей, убийства знаменитостей и организация взрывов стали привычным явлением для многих стран. Ответственные за эти действия силы придерживаются самых разных политических взглядов — от крайне левых до крайне правых — и включают множество сепаратистских и националистических групп. В конце 1960-х — начале 1970-х годов взрывами, похищениям и нападениями на военных и гражданских лиц занимались, в первую очередь, Ренго Сегун в Японии, Подразделение Красной Армии в Западной Германии и Красные бригады в Италии. В Соединенных Штатах к тактике насилия в условиях города обратились Метеорологи и Черные пантеры. В середине 1980-х в Милане, Париже, Берлине и других европейских городах прокатилась новая волна партизанского движения.

Большинство возникших тогда групп оказалось недолговечными, либо потому, что их деятельность натолкнулась на всеобщее осуждение и они не смогли наладить приток новых членов и денежных средств, либо вследствие удачных акций властей. Однако некоторые из них, особенно связанные с сепаратистскими движениями, имеют более прочные источники финансирования и провозглашают цели, пользующиеся определенной поддержкой у населения. К числу таких групп относятся, например, Ирландская Республиканская Армия и Баскская сепаратистская организация[32].

Большинство террористических групп, в том числе и наиболее устойчивые организации, остаются немногочисленными. Они используют насилие для того, чтобы придать остроту некоторым общественным проблемам, создать у людей неуверенность, которая может заставить их усомниться в компетентности правительства, и найти поддержку в лице тех, на кого может произвести впечатление, что такие движения состоят не из «болтунов», а из «серьезных людей». Поскольку группы такого рода подвергаются все более активному преследованию со стороны государства и вынуждены действовать в обстановке все большей секретности, их связи с обществом в целом ослабевают, а акции становятся все более жестокими[33].

В популярной литературе террористов принято изображать маньяками, обуреваемыми жаждой крови и не имеющими никаких разумных мотивов для своих действий[34]. Такие оценки, как правило, далеки от истины. Большинство групп, готовых пойти ради своих целей на применение насилия, имеют вполне четкие представления о том, почему они должны действовать именно так. И сколь бы противоречивыми ни были идеи террористов, сами они обычно не относятся к людям, ценящим насилие ради насилия. Отношение политической власти и широкой публики к террористам часто противоречиво и даже лицемерно. Они испытывают негодование по поводу жестокости групп, применяющих насильственные действия в их стране, и в то же самое время поддерживают и поощряют партизанские движения, использующие ту же самую тактику в других регионах мира. В чем разница между «борцом за свободу» и «террористом»? Террористы и партизаны присваивают себе право, которым государства всегда стремились распоряжаться монопольно — право применять насилие для достижения политических целей.

Глобальные военные расходы и вооружение

Мировые военные расходы шли по нарастающей с 1950-х до конца 1980-х. В 1977 году расходы на вооружение во всем мире перешли за отметку один миллиард долларов в день, т. е. траты достигли 50 миллионов долларов в час. К концу 1980-х эти показатели в реальном исчислении почти удвоились. В 1991 году глобальные военные расходы составили около 5% совокупного мирового дохода. Это больше объема производства всей Азии, если исключить Японию. Валовой национальный продукт Японии, которая обладает второй по мировому значению экономикой, превосходит глобальные расходы на вооружение лишь вдвое. Как выразился один автор, дело обстоит так, «как если бы в мировой экономике существовала еще одна "половинка Японии", правда, не признанная дипломатически».

---

[32] *Lodge J.* Terrorism: A challenge to the State. New York, 1981.

[33] *Mommsen W.* Violence and Terrorism in Western Industrial Societies. In: Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth and Twentieth-Century Europe. New York, 1982.

[34] *Crenshaw M.* (ed.). Terrorism, Legitimacy and Power: The consequences of political violence. Middletown, 1983.

В свете окончания холодной войны мы можем ожидать сокращения расходов на военные цели в развитых странах мира. Расходы, связанные с вооружением, резко упали в России и других странах бывшего Советского Союза. США и их союзник — Германия — также планируют существенное сокращение оборонных расходов в ближайшие годы. Однако это приведет к увеличению нагрузки на экспорт вооружений, который должен будет компенсировать потери на внутреннем рынке. Нельзя с уверенностью сказать, что окончание холодной войны приведет к снижению «требований безопасности» в странах третьего мира, причем требований как внешнего, так и внутреннего порядка. Как мы увидим в следующих разделах, все это делает «глобальные дивиденды в пользу мира» весьма проблематичными.

Торговля оружием

До конца 1980-х годов на глобальные военные расходы определяющее влияние оказывала холодная война — антагонистическое соперничество Соединенных Штатов и бывшего Советского Союза. Каждая сторона не только тратила ежегодно громадные суммы на разработку вооружений и содержание большого количества военного персонала, но и создала обширные системы военных альянсов, нередко сочетая это с подготовкой вооруженных сил стран-союзников. Советы сосредоточили внимание на восточной Европе, но они также поставляли вооружение и готовили военные кадры для различных государств Ближнего Востока, Азии, Африки. США создали систему альянсов, охватившую большую часть земного шара. Элементом этой системы является, в частности, Североатлантический Союз (НАТО).

Основной объем мировой торговли в сфере вооружений, то есть **торговли оружием**, приходится на вооружения, продаваемые индустриальными странами государствам третьего мира. Долгое время ведущими экспортерами были СССР и США. В годы, предшествовавшие войне в Персидском заливе 1991 года, СССР и некоторые западные государства поставили и продали большое количество вооружений и другой продукции военного назначения Ираку, которому угрожала опасность проиграть войну с Ираном. Определенные виды этого вооружения, в особенности те, что были поставлены СССР, оказались устаревшими и не выдержали боевого противостояния с новейшими достижениями западной военной мысли. Однако и самые передовые технологические достижения предлагаются практически каждому, кто желает и может их купить.

Сложившаяся практика военной торговли и военных расходов приводит к углублению экономических различий между индустриальными и развивающимися странами (см. главу 16, «Глобализация социальной жизни»). Некоторые государства третьего мира тратят на военную продукцию и персонал не менее пятой части государственного дохода. Для Советского Союза экспорт вооружения в богатые нефтяные страны, такие, как Ливия и Ирак, был важным источником валютных поступлений.

Западные страны-экспортеры также получают значительный доход от торговли оружием. Разработка новых военных технологий — предприятие дорогостоящее как для правительства, так и для промышленных корпораций. Стоимость такого рода инвестиций может быть существенно уменьшена, если разрабатываемые вооружения можно успешно продать на мировом рынке. Однако страны третьего мира за собственные современные системы вооружений часто расплачиваются громадным напряжением своих экономик, гораздо более неустойчивых, чем у индустриальных стран.

Война и глобальная безопасность

Стал ли мир безопаснее в результате недавних политических изменений? Конечно, перспектива всеобщего ядерного уничтожения существенно уменьшилась, однако возможность ядерной войны не исчезла. В мире существует по меньшей мере 50 000 единиц ядерного оружия. Большинство из них находится в арсеналах США, России и других государств, бывших ранее частью СССР. Существенными запасами обладают также Великобритания, Франция и Китай, кроме того, Израиль уже некоторое время является ядерным государством. Соответствующими возможностями сегодня располагают Индия и Пакистан. Есть и другие государства, готовые продвинуться в этом направлении.

Как сдержать **распространение ядерных вооружений**, т. е. предотвратить их появление у стран, которые в настоящее время ими не обладают, — вот важнейшая проблема современности. Никто не станет утверждать, что глобальная безопасность возрастет, если ядерное оружие появится еще у 30–40 государств. Однако для западных держав, оправдывающих существование своих арсеналов необходимостью сдерживания агрессии, вряд ли должно быть неожиданным, если и другие страны захотят иметь такие же арсеналы по той же причине. И если некое государство приобретает эту возможность, то его соперник будет стремиться поступить подобным же образом.

Вероятность распространения между тем возрастает. Непосредственной опасности, проистекающей из распада СССР, по-видимому, удалось избежать. Ядерные вооружения, развернутые на территории двенадцати независимых государств, будут сосредоточены на территории России, где соответствующие меры безопасности и контроля могут быть обеспечены с большей вероятностью. Однако существуют серьезные сомнения относительно безопасности этих арсеналов в будущем, поскольку содержание вооружений и материалов в нормальном состоянии требует немалых издержек. Кроме того, другие страны могут завербовать ученых из бывшего Союза и использовать их опыт и знания.

Основная часть проблемы распространения заключается в том, что два материала, обогащенный уран и плутоний, необходимы не только для производства ядерного оружия, но и для мирного производства ядерной энергии. При наличии достаточного технологического знания обладание каким-либо из этих материалов делает возможным производство ядерного оружия. В частности, Япония и Германия обладают запасами плутония, не уступающими по размерам запасам в ядерных арсеналах США, и могут начать производство ядерных вооружений очень быстро, если на то будет их воля. Крупномасштабную угрозу в плане распространения ядерных вооружений представляет восстановление отработанного топлива атомных электростанций. Согласно существующим планам, к началу XXI века на перерабатывающих заводах Европы и Японии должно быть восстановлено 2000 тонн плутония. Для изготовления ядерной бомбы необходимо менее 6 килограммов. Поскольку плутоний сохраняется в течение многих тысячелетий, гарантии безопасности его хранения и мирного использования являются большой проблемой.

Мир без войны?

Ядерное оружие — это не единственная разновидность разрушительных вооружений, которую способен изобрести человек. Например, химическое оружие дешево

в производстве. Ирак использовал его во время войны с Ираном в 1980-х и угрожал применить во время войны в Персидском заливе 1991 года.

Однако наше время — это время фундаментальных изменений в мировом порядке, и есть реальные возможности для достижения более безопасного мира, чем тот, что существует теперь. Опасности также легко различимы: к возможному распространению ядерного и других видов оружия массового уничтожения необходимо добавить влияние новых форм национализма, этнических и религиозных конфликтов, неравенство между богатыми и бедными странами — т. е. все потенциальные источники глобальных конфликтов. С другой стороны, один из важнейших факторов, способствовавших возникновению войн в прошлом, — стремление приобрести новые территории путем захвата — сегодня утратил свое значение. Современные общества гораздо более взаимозависимы, чем прежде, их границы по большей части фиксированы и приняты мировым сообществом государств. На сегодняшний день военные действия, включающие возможность ядерных ударов, стали настолько разрушительными, что их невозможно использовать для достижения реальных политических или экономических целей.

Одним из самых обнадеживающих достижений последних лет является растущее осознание того, что старинная поговорка «хочешь мира — готовься к войне» неприменима в ядерную эпоху. Даже если удастся избежать ядерной конфронтации, войны с использованием обычных вооружений могут не прекратиться, оставаясь причиной массовых разрушений; но все же есть почва для надежды.

Краткое содержание

1. Войны — одна из наиболее характерных черт процесса возникновения первых государств. Войны и разного рода военные столкновения сыграли главную роль в определении карты современного мира. Возникновение современных армий неотделимо от индустриализации, начавшейся в XVIII веке. С тех пор ведущая роль в военном развитии принадлежит крупным корпорациям, занятым полностью или частично производством вооружений и внедрением технических новинок.

2. Войны не есть результат врожденных агрессивных инстинктов. Людей приходится *учить* убивать. Обычно войны ведутся с целью захвата территорий, ресурсов или являются следствием идеологических или религиозных противоречий.

3. Современные армии — это бюрократические организации, укомплектованные на уровне офицерского состава профессионалами-чиновниками. Армии высоко организованы, специализированы и иерархизированы. Сложность социального и политического устройства большинства современных государств служит препятствием к доминированию военных, и тем не менее армия очень часто играет весьма существенную роль в принятии политических решений.

4. Война всегда была преимущественно мужским занятием, хотя женщины, как правило, поддерживали войны, и сегодня в некоторых армиях женщины служат в боевых частях. Женщины также сыграли большую роль и в антивоенных кампаниях. Каких-либо врожденных причин, которые бы препятствовали женщинам участвовать в войне наравне с мужчинами, не существует.

5. В некоторых странах существует прямое военное правление, однако по большей части военные правительства нестабильны. Большинство военных режимов сосредоточено в странах третьего мира, однако некоторые индустриальные страны также переживали периоды военного правления.

6. Важной характеристикой современных обществ является способность армии и полиции обеспечить полный контроль над использованием силы. Террористические группы и партизанские движения претендуют на те же символы легитимности, что и регулярные армии и законные правительства.

7. По мере того, как преследования партизанских групп со стороны государства усиливаются, они действуют все более скрытно, а их акции становятся все более жестокими. Хотя государства препятствуют деятельности террористов внутри собственных границ, однако они нередко поощряют партизанские движения, пользующиеся теми же методами, если те действуют в других регионах мира.

8. Мы являемся первым поколением в истории человечества, живущим под угрозой полного уничтожения. К этой ситуации привела индустриализация войны. Однако сегодня государства находятся в такой тесной взаимосвязи, а последствия ядерной войны столь очевидны, что надежда на будущее без войны по-прежнему жива.

Основные понятия

Индустриализация войны

Военное правление

Важнейшие термины

постоянная армия

торговля оружием

ограниченная война

тотальная война

всеобщая воинская повинность

управление силовыми методами воздействия

клиентурность

корпоративность

военное сознание

пацифизм

легитимность

военно-промышленный комплекс

автократическое военное правление

олигархическое военное правление

авторитарный преторианизм

терроризм

партизанское движение

распространение ядерных вооружений

Дополнительная литература

Christopher Dandeker. Surveillance, Power and Modernity. Cambridge, 1990. Исследование развития систем власти в обществах, в которых особое внимание уделяется военным силам.

Robert C. North. War, Peace, Survival: Global Politics and Conceptual Synthesis. Oxford, 1990. Дискуссии о глобальном порядке в настоящем и возможности эволюции войны и насилия в будущем.

Michael Walzer. Just and Unjust Wars. London, 1992. Новая редакция классического обсуждения справедливости и бед войны.

Mary Kaldor et al. (eds). The World Military Order: The Impact of Military Technology on the Third World. New York: Praeger, 1979. Статьи, посвященные проблемам военных технологий в странах третьего мира.

Часть IV

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Социальные институты «цементируют» общественную жизнь. Они обеспечивают общие соглашения, выработанные людьми в общении друг с другом и при содействии которых достигается преемственность поколений.

Эта часть книги начинается с рассмотрения институтов родства, брака и семьи. Несмотря на то, что социальные обязательства, связанные с отношениями родства, в разных обществах заметно различаются, семья, вне зависимости от типа общества и культуры, является той социальной средой, где молодое поколение находит защиту и понимание. Брак тесно связан с семьей, так как он означает установление новых отношений родства и формирование домохозяйств, в которых растут дети. В культурах традиционного типа большую часть элементарных знаний ребенок получает внутри семьи. В современном же обществе дети проводят многие годы жизни вне семьи, в местах, специально отведенных для получения образования, т. е. в школах и институтах. Во второй главе этой части рассматриваются способы организации образовательного процесса. Особое внимание уделяется исследованию взаимосвязи между системой образования и общими процессами обучения и коммуникации.

В двух последних главах рассматриваются проблемы религии и экономической жизни. Несмотря на то, что религиозные верования и обряды существуют во всех культурах достаточно давно, изменения, происходящие в современном обществе, оказывают особенно серьезное влияние на религию. Мы проанализируем природу этих изменений и обсудим методы, с помощью которых традиционные типы религий по-прежнему сохраняют свое влияние. В заключение мы изучим категории труда и экономической жизни. Экономические институты воздействуют на многие стороны социальной активности, и хотя природа труда сильно различается в разных типах общества, труд имеет огромное значение для человеческой деятельности в целом.

Глава 12

Родство, брак и семья

Изучение семьи и брака является одной из наиболее важных задач, стоящих перед социологией. В обществе любого типа практически каждый его член воспитывается в семье, и в любом обществе подавляющее большинство взрослых состоит, или состояло, в браке. Брак относится к числу **социальных институтов**, получивших очень широкое распространение, хотя в разных культурах формы брака и семьи (равно как и другие стороны общественной жизни) различаются весьма существенно. Что такое *семья*, ее отношения с другими родственниками, выбор супругов, связь между браком и сексуальностью — все это различается очень широко. В этой главе мы рассмотрим некоторые из этих различий и покажем, как они могут помочь в изучении особенностей семейной жизни, форм брака и развода в современном западном обществе. Поскольку за истекшие столетия западный тип семьи коренным образом изменился, будет дан сравнительный анализ семейной жизни и брачных отношений на современном и на более раннем этапе. В настоящее время семья и брак продолжают переживать фундаментальные перемены. В заключительных разделах главы они будут проанализированы более подробно.

Прежде всего нам необходимо определить ключевые понятия **семьи, родства и брака**. *Семья* — это группа людей, связанных прямыми родственными отношениями, взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми. *Родство* (родственные узы) — это отношения, возникающие при заключении брака либо являющиеся следствием кровной связи между лицами (отцы, матери, дети, бабушки, дедушки и т. д.). *Брак* можно определить как получивший признание и одобрение со стороны общества сексуальный союз двух взрослых лиц. Индивиды, вступившие в брак, становятся родственниками друг другу, но их брачные обязательства связывают родственными узами гораздо более широкий круг людей. При заключении брака родители, братья, сестры и другие кровные родственники одной стороны становятся родственниками противоположной стороны.

Родство

В большинстве западных стран родственные связи для практических целей ограничиваются небольшим числом близких родственников. Например, большинство людей имеет весьма смутное представление о родственниках более дальних, чем двоюродные либо троюродные брат или сестра. Однако во многих других культурах, особенно малых, родственные отношения имеют огромное значение в различных областях жизни. В некоторых таких обществах каждый человек считается родственником всех остальных или, по крайней мере, верит в это[1]. Западные термины для

[1] *Beattie J.* Other cultures. London, 1964.

описания родственных отношений не всегда могут быть с легкостью поставлены в соответствие словам, обозначающим родственные отношения в других культурах. Например, мы используем термин «дядя» для обозначения родственников как по материнской, так и по отцовской линии, в противоположность некоторым культурам, в которых для обозначения братьев матери и отца имеются специальные термины, соответствующие совершенно разным видам родства.

Кланы

В большинстве обществ традиционного типа существуют крупные родственные группы, связи между членами которых выходят за рамки обычных прямых семейных родственных связей. Важное место среди групп такого рода занимают **кланы**. Клан представляет собой группу, все члены которой считают, что они происходят (по мужской или по женской линии) от общего предка, давшего начало клану несколько поколений назад. Они расценивают себя и расцениваются остальными как коллектив, наделенный специфическими чертами. К таким группам относились шотландские кланы. Существует много африканских и тихоокеанских обществ, где эта родовая организация сохраняет свое значение и сегодня.

Как правило, члены одного и того же клана обладают схожими религиозными верованиями, имеют экономические обязательства друг перед другом и живут в одной и той же местности. Обычно кланы довольно невелики по размерам, но иногда объединяют сотни и даже тысячи людей. Членство в клане зачастую оказывает влияние почти на все стороны жизни человека. В таких группах к родственникам, которые для нас были бы очень дальними, относятся (и рассматривают их) так же, как к близким. Соответственно меняется и характер взаимоотношений с ними. Человек может называть сына сына сына брата отца отца своего отца (по нашей терминологии — четвероюродного брата) своим братом и иметь перед ним те же обязательства, что и перед родными братьями.

Иногда термины родства, имеющие хождение в кланах, не имеют ничего общего с теми, которые мы привыкли употреблять как само собой разумеющиеся. Например, к сестре отца могут обращаться «отец», добавляя определение «женский». Аналогично, брата матери могут звать «мать», добавляя определение «мужской». В кланах было обычным услышать, как один мужчина обращается к другому, который мог быть заметно младше его самого, называя его «мама». Это звучит странно для нас, но является абсолютно логичным для общества клановой организации. Человек в нем хорошо знает, кто его настоящая мать. Но при употреблении этих слов он идентифицирует человека, к которому обращается, как принадлежащего к тому же поколению и ветви рода, что и его мать, и, следовательно, имеющего с ним тесные родственные отношения.

Примером клана в традиционном китайском обществе является Сы. В состав Сы могло входить до нескольких тысяч людей. В нем был совет старейшин, где обсуждались вопросы, представлявшие интерес для всего клана. Сы был однородным в религиозном отношении, на его членов возлагалось решение экономических и педагогических задач. В Сы существовала система предоставления денежного кредита его членам, а также орган для разрешения юридически спорных вопросов. Сы послужил основой для возникновения китайской организованной преступности, которая некогда процветала в крупных городах Китая (таких, как Шанхай) и по сей день сохраняет свои позиции в Гонконге.

Семейные отношения

Среди круга отношений, связывающих родственников, прежде всего выделяется семейное родство. Практически во всех обществах мы можем выделить то, что социологи и антропологи называют **нуклеарной семьей**, состоящей из двух взрослых, живущих вместе, ведущих свое домашнее хозяйство и имеющих собственных либо приемных детей. В большинстве обществ традиционного типа, даже при отсутствии кланов, нуклеарные семьи являются только частью обширной сети родственных отношений. Когда родственники, не являющиеся супружеской парой с детьми, живут вместе либо находятся в близком контакте, мы говорим о **расширенной семье**. Расширенную семью можно определить как группу людей, состоящую из трех или более поколений, живущих либо в одном и том же помещении, либо очень близко друг от друга. Она может включать бабушек, дедушек, братьев и их жен, сестер и их мужей, тетей, дядей, племянников и племянниц.

Семьи, как нуклеарные, так и сложные, по отношению к рассматриваемому индивиду могут подразделяться на **родительские** и **репродуктивные** семьи. К первому типу относится семья, в которой человек рождается, ко второму — семья, которую человек образует, став взрослым, и внутри которой воспитывается новое поколение детей. Еще одно важное различие связано с местом проживания. В Великобритании, как правило, ожидается, что вступившие в брак создадут отдельное домашнее хозяйство. Оно может находиться в том же районе, что и дом родителей жениха или невесты, но совершенно естественно может располагаться где-то еще. Однако во многих обществах вступившие в брак по традиции живут поблизости от родителей жениха или невесты, либо вместе с ними. Когда супружеская пара переезжает к родителям жены, семья называется **матрилокальной**, в случае переезда к родителям мужа — **патрилокальной**.

Моногамия и полигамия

В обществах западного типа брак и, следовательно, семья ассоциируются с **моногамией**. Считается незаконным состоять в браке более чем с одной женщиной или одним мужчиной одновременно. В мировом масштабе моногамия, вообще говоря, не является самой распространенной формой брака. Джордж Мердок, проведший сравнительное исследование 565 различных обществ, обнаружил, что полигамия допускается в 80% из них[2]. Термин «**полигамия**» обозначает форму брака, при которой мужчина или женщина может иметь более одного супруга. Существуют два типа полигамии: **полигиния**, при которой мужчина может состоять в браке одновременно более чем с одной женщиной, и менее распространенная **полиандрия**, при которой женщина может состоять одновременно в двух и более брачных союзах с разными мужчинами.

Полиандрия

Мердок обнаружил, что только в четырех обществах из 565 проанализированных (менее чем в 1%) встречалась полиандрия. Полиандрия порождает ситуацию, не встречающуюся при полигинии — биологический отец ребенка, как правило, неизвестен. Так, в южноиндийской культуре тодов мужья, видимо, не интересовались установлением биологического отцовства. Кто из мужей становился отцом

[2] *Murdok G.* Social structure. New York, 1949.

ребенка, определялось в ходе обряда, когда один из мужей преподносил беременной жене игрушечные лук и стрелу. Если впоследствии другой муж проявлял желание стать отцом, ритуал повторялся во время следующей беременности. По-видимому, полиандрия существовала только в обществах с крайне низким жизненным уровнем, где практиковалось умерщвление девочек.

Полигиния

Большинство мужчин в обществах, где разрешена полигиния, в действительности имеют только одну жену. Часто правом иметь несколько жен пользуются только лица с высоким общественным положением. Там же, где таких ограничений нет, распространение полигинии сдерживают экономические факторы и соотношение полов. Очевидно, не существует обществ, в которых женщины по численности настолько превосходят мужчин, что большая часть мужского населения может позволить себе иметь более чем одну жену.

При полигинии несколько жен в семье иногда занимают одно и то же помещение, но чаще ведут раздельное хозяйство. Раз существуют различные домашние хозяйства, включающие детей одной жены, фактически имеется две или более семьи. У мужа обычно есть основное жилище, но он может проводить определенное количество ночей в неделю или в месяц с каждой женой по очереди. Жены в такой семье часто доброжелательны и готовы помочь друг другу, но их положение по вполне понятным причинам таково, что ведет к напряжению и вражде, они могут видеть друг в друге соперниц в борьбе за благорасположение мужа. В Руанде, например, слово, означающее «одну из жен», означает также «ревность». Разногласия, порождаемые полигинией, могут смягчаться благодаря установлению иерархии среди жен. Старшая жена (или жены) обладают большим влиянием при решении семейных вопросов, чем младшие.

Западные миссионеры всегда проявляли крайнюю враждебность по отношению к полигинии, и до сих пор не оставляют надежды искоренить ее. Полигиния по-прежнему существует во многих уголках света, но там, где сильно́ западное влияние, отношение к ней зачастую двойственное. Антрополог Джон Битти приводит в качестве примера случай с молодым школьным учителем, с которым он познакомился в Баньоро (Западная Уганда). У учителя была жена, с которой он сочетался браком в христианской церкви, и с которой он жил, когда работал в школе. Кроме того, в родной деревне у него было двое детей и жена, которая вышла за него замуж по традиционным обычаям. Он скрывал существование второй жены от своих школьных начальников и просил Битти, чтобы тот хранил это дело в строгой тайне[3)].

Семья и брак в истории Европы

До начала индустриализации большинство семей являлись производственными ячейками, они обрабатывали землю или занимались ремеслом. До создания собственных репродуктивных семей люди, как правило, входили в состав других семей, с членами которых вместе жили и работали. Выбор будущего супруга обычно определяли не любовь и романтические увлечения, а социальные и экономические интересы,

[3)] *Beattie J.* Other cultures. London, 1964. P. 255.

диктовавшие необходимость бесперебойного функционирования семейного производства и заботы об иждивенцах. Лендлорды часто прямо вмешивались в выбор брачных партнеров своих арендаторов, поскольку были заинтересованы в том, чтобы работы на их земельных владениях велись эффективно. Для Центральной Европы было типичным, что человек, обнаруживший желание вступить в брак, должен был получить разрешение у лендлорда. Безземельным беднякам, имевшим мало шансов приобрести дом или ферму, иногда запрещалось вступать в брак.

Сексуальные отношения до и вне брака в средневековой Европе были весьма распространенным явлением как среди бедных, так и среди зажиточных слоев населения. В некоторых районах мужчине считалось позволительным до женитьбы проверить способность своей будущей жены к деторождению. Если беременность наступала, браку ничто не препятствовало, в противном случае невеста могла так и не выйти замуж. Количество незаконнорожденных детей во многих частях Европы (особенно в Центральной) было, по современным нормам, исключительно большим. Законности появления ребенка на свет придавалось сравнительно малое значение, и дети от внебрачных союзов часто принимались в семью и воспитывались наравне с законным потомством. Как указывалось в главе I («Социология: проблемы и перспективы»), любовные страсти в браке были редки среди большинства населения. Среди аристократии и сельского дворянства любовные связи принимались как должное, но почти всегда возникали вне брака.

Многие социологи обычно полагали, что в средневековой Европе господствующей формой была расширенная семья, но последние исследования показали, что обычной формой была все-таки нуклеарная семья, по крайней мере, в западной части континента. Домашние хозяйства были крупнее, чем сейчас, но это различие объясняется скорее наличием слуг, а не родственников. В Англии XVII–XIX веков средний размер семьи составлял 4,75 человека[4]. В настоящее время этот показатель равен 3,04. Расширенные семьи, по-видимому, имели гораздо более важное значение в Восточной Европе и в России.

В современной семье дети растут дома и продолжают жить в нем, пока посещают школу. Получение работы является признаком получения статуса взрослого и, как правило, ведет в ближайшем будущем к заключению брака и образованию отдельного домашнего хозяйства. Такой порядок вещей не был типичным для средневековой Европы. Дети обычно начинали помогать родителям с семи–восьмилетнего возраста. Те же, кто не участвовал в домашнем производстве, часто покидали родительский дом в раннем возрасте: занимались домашним трудом в других семьях или отдавались в подмастерья. Те, кто уходил работать в чужие дома, могли уже никогда вновь не увидеть своих родителей.

В средневековой Европе четверть или даже большая часть всех детей умирала в первый год жизни (сегодня — менее 1%). На нестабильность состава семьи по сравнению с настоящим временем (несмотря на высокий уровень разводов в XX столетии) оказывали влияние также и другие факторы. Основной причиной смертности были болезни; женщины часто умирали от родов. Уровень смертности (число умерших за год на тысячу человек) был значительно выше, чем сейчас. Смерть детей, одного или двух супругов часто разрушала семьи. Обычным явлением были повторные браки, сопровождавшиеся возникновением отношений сводного родства.

---

[4] *Anderson M.* Family structure in nineteenth century Lancashire. Cambridge, 1981.

Генезис семьи

Историк Лоуренс Стоун составил схему изменений, приведших к смене средневековых форм семейной жизни современными[5]. Он различал три основных фазы в развитии семьи на протяжении трехсот лет с XVI по XIX век. Господствующей формой семьи в начале этого периода и на протяжении многих лет являлась, по определению Стоуна, **открытая родовая семья.** Она представляла собой нуклеарную семью, ведущую собственное домашнее хозяйство сравнительно малых размеров, но тесно связанную с местной общиной, в том числе со своими родственниками. Согласно Стоуну (хотя другие историки оспаривают его утверждения), в это время семья не являлась для своих членов центром, в котором сосредоточены доверие или привязанность. Люди не достигали и не пытались достичь той степени эмоциональной близости, которую мы связываем с современной семейной жизнью. Секс рассматривался не как источник удовольствия, но как необходимость для получения потомства.

Индивидуальная свобода выбора при заключении брака и другие аспекты семейной жизни были подчинены интересам родителей, родственников или общины. За пределами аристократических кругов чувственная или романтическая любовь рассматривалась моралистами и богословами как нечто отвратительное. По словам Стоуна, семья на протяжении этого периода «была открыта для советов, расспросов и вмешательства извне, со стороны соседей и родственников. Понятие неприкосновенности личности отсутствовало. Семья, таким образом, являлась открытым, легко проницаемым, бесстрастным, авторитарным институтом... Срок ее существования был недолог из-за частых смертей ее членов и раннего ухода детей из родительского дома...»

На смену открытой родовой семье пришел тип семьи, названный Стоуном **изолированной патриархальной**. Этот тип существовал с начала XVI до начала XVII века, главным образом в высших слоях общества, и являлся переходным. Тем не менее, его появление имело большое значение, поскольку ознаменовало распространение отношений, ставших затем более или менее всеобщими. Нуклеарная семья стала более обособленной и утратила свою связь с другими родственниками и местной общиной. Эта стадия генезиса семьи была связана с ростом значимости материнской и родительской любви, хотя и сопровождалась ростом авторитарной власти отца.

Согласно Стоуну, изолированные патриархальные семьи были постепенно вытеснены **замкнутыми привязанными к дому нуклеарными семьями**, для которых были характерны тесные эмоциональные связи между их членами, высокий уровень обособленности семьи и повышенное внимание к воспитанию детей. Этот тип организации семьи сохранился до XX века. Появление замкнутых привязанных к дому нуклеарных семей отмечено ростом **эмоционального индивидуализма**, т.е. заключением брака на основе личного выбора, который определяли нормы эмоциональной, романтической любви. Чувственная любовь заняла должное место не только во внебрачных отношениях, но и в браке.

Возникнув среди более обеспеченных слоев населения, этот тип семьи с приходом индустриализации стал в значительной степени универсальным для западных стран. Выбор супруга начал зависеть от желания поддерживать с ним отношения, основанные на любви и привязанности. Брак и семья западного типа приобрели тот облик, который в общих чертах сохранился до наших дней.

[5] *Stone L.* The family, sex and marriage in England 1500–1800. London, 1977.

Причины изменений

В средние века, как мы могли убедиться, домохозяйства и местная община являлись основными центрами производства товаров и услуг. В семье производилось большинство вещей, необходимых для удовлетворения повседневных нужд ее членов; иногда некоторые товары покупались или продавались на деревенском или городском рынке. Семья обыкновенно выступала в качестве интегрированной производственной ячейки, и все ее члены — жена, муж и дети — работали вместе. Хотя на женщинах в основном лежала ответственность за воспитание детей, они также играли важную роль в экономике домохозяйства, носившего характер экономического партнерства (такое положение сохранилось до сих пор в сельских районах многих развивающихся стран). В Европе, начиная примерно с XVII века (в США несколько позже), по мере распространения крупного сельскохозяйственного производства началось вытеснение мелких фермерских семей с их земельных участков. Процесс вытеснения значительно ускорился с началом индустриализации, и производство товаров и услуг переместилось в мастерские и на фабрики. Люди (особенно мужчины и на первых порах дети) покидали дома, чтобы «наняться на работу». Семья перестала быть производственной ячейкой, «место работы» и «жилище» теперь существовали порознь.

Эти изменения привели к повсеместному разрушению открытой родовой семьи. Однако некоторые из этих изменений затронули первоначально лишь группы с высоким общественным положением. Торговцы, промышленники и крупные фермеры освободились от традиционных обязательств перед родственниками и от вмешательства общины в их дела, что было характерно для более раннего периода. Эти люди первыми начали образовывать изолированные патриархальные семьи, ставшие в дальнейшем типичными и для менее зажиточных слоев населения. В конце концов, благодаря их поведению, замкнутая привязанная к дому нуклеарная семья стала в большей или меньшей степени универсальной.

Ролевые функции мужчины, женщины и детей в семье испытали заметное влияние со стороны этих изменений. С первых лет индустриализации многие женщины, по-прежнему воспитывая дома детей, начали наниматься на работу. Однако среди обеспеченных слоев населения получило общее признание мнение, согласно которому мужчина должен быть «кормильцем», а «место женщины — дома». Многие замужние женщины стали домохозяйками, неоплачиваемыми домашними рабочими, чьи функции сводились к уходу за мужем и детьми. Ситуация изменилась и для детей, после того как были приняты законы, обязывающие их посещать школу и ограничивающие детский труд.

Изменения в природе любви и в ее взаимосвязи с сексуальностью были тесно связаны с описанными выше тенденциями. Идеалы романтической любви возникли в то время, когда брак перестал строиться на экономических основах. В патриархальной семье новые идеалы семейной любви получили поддержку, но семейному долгу все еще отдавалось предпочтение перед романтической привязанностью. Более того, с отделением жилища от места работы «личные» отношения в семье стали значительно отличаться от отношений в сфере труда. Распространился эмоциональный индивидуализм, сформировавший новую основу для брака и изменивший взаимоотношения между женщиной и мужчиной. К концу XX столетия стало общепризнанным, что семья представляет собой (или должна представлять) закрытый для посторонних мир, в котором первостепенное значение имеет эмоциональная и сексуальная близость между мужем и женой[6].

[6] *Cancian F.* Love in America: gender and self-development. New York, 1987.

Изменения форм семьи во всемирном масштабе

Во всем мире сохраняется разнообразие форм семьи. В некоторых регионах, например, в отдаленных частях Азии, Африки и островах Тихого океана, почти неизменными сохранились традиционные семейные системы, кланы и полигамии. Однако в большинстве стран третьего мира сегодня происходят значительные изменения. Причины этого сложны и многообразны, но некоторые из них имеют особое значение. Кроме прочего, они включают, как, например, на Западе в более ранний период, влияние на семью современной индустрии и городского образа жизни. В целом подобные перемены ведут к повсеместному сдвигу к нуклеарной семье, разрушая расширенную семью и другие типы родственных связей. Впервые это зафиксировал Уильям Дж. Гуд в книге «Всемирная революция в формах семьи» [7]. Возможно, что-то Гуд представил в упрощенном виде, но его утверждения о том, что идет сдвиг в сторону повсеместного распространения нуклеарной семьи, нашли подтверждение в последующих исследованиях.

Направление изменений

Наиболее важные и всеобщие изменения форм семьи обобщены ниже.

1. Влияние кланов и других корпоративных родственных групп падает. Примером может служить история послевоенного Китая. В 1949 году с приходом коммунистического правительства к власти была предпринята попытка устранить влияние *Сы* на семейную жизнь и экономические отношения. Наделы *Сы* были раздроблены и распределены среди крестьян. Традиционные *Сы* были заменены коммунами. Дальнейшие изменения экономической и социальной жизни еще более ослабили их влияние.

2. Отмечается общая тенденция свободного выбора супруга. И хотя прямой корреляции здесь не отмечено, расширенные семьи ранее были связаны, как правило, организованными браками. При установлении брачных связей первостепенное значение имели обязательства перед семейным кланом. Под влиянием западных идей, превозносящих индивидуализм и романтическую любовь, а также других факторов, ослабляющих сложные семейные системы, брак по предварительному соглашению переживает кризис. Представители молодого поколения — особенно те, которые живут и работают в городах — настаивают на своем праве самостоятельно выбирать партнера по браку.

3. За женщинами признается право выбора партнера и принятия решений во внутрисемейных делах. Возможность занятия женщинами более высоких должностных постов вкупе с либерализацией разводов тесно связаны с этими изменениями. В некоторых обществах мужья традиционно имели почти полную свободу действий в отношении разводов. Им было достаточно только сказать жене в присутствии свидетелей, что она более не нужна. Сегодня женские организации осуществляют широкомасштабную борьбу за равные права в бракоразводном процессе, хотя до сих пор во многих обществах в этом плане достигнут лишь незначительный прогресс.

4. В традиционных культурах большинство браков были «родственными». Ожидалось, или предписывалось, что человек сочетается браком с партнером из

[7] *Goode W.* World revolution in family patterns. New York, 1963.

специфического круга, определенного установившимися родственными отношениями. Например, там, где существовали сильные клановые группы, индивиду не позволялось вступать в брак с человеком из того же клана, сколь бы отдаленной ни была родственная связь. Такая практика называется **экзогамией**. **Эндогамия** противоположна ей — индивиды обязаны избирать супругов *внутри* родственной группы. В обоих случаях принадлежность к определенному роду является определяющим фактором формирования брачных отношений. Подобная практика становится все менее распространенной.

5. В некогда «строгих» обществах ныне достигнут высокий уровень сексуальной свободы. Иногда этот процесс не заходит далеко, и начинаются противоположные изменения, как это произошло после Исламской революции в Иране в конце 70-х годов. Иранские власти стремились возродить законы и обычаи, ограничивающие сексуальную свободу. Однако эти примеры — скорее исключения. Фактически многие традиционные общества были намного либеральнее в сексуальном плане, чем это когда-либо было на Западе вплоть до сегодняшнего дня.

6. Существует общая тенденция расширения прав детей. Во многих странах дети остаются в исключительно бесправном положении, являются жертвами сексуальных злоупотреблений и извращений. Большинство государств определило законы, защищающие права детей, хотя до того, как они станут общей нормой, еще далеко.

Было бы неверно придавать чрезвычайно большое значение этим тенденциям, либо предполагать, что нуклеарная семья повсеместно становится доминирующей формой. В большинстве обществ современного мира расширенная семья по-прежнему остается нормой, и сохраняется традиционная практика семейных отношений. Более того, типы семейных систем разнообразны, и изменения в этих системах происходят в различных направлениях. Наблюдаются отличия в скорости происходящих перемен, имеется множество встречных тенденций. В исследовании, проводившемся на Филиппинах, в городских районах обнаружилось гораздо больше сложных семей, чем в сельских. Возможно, это не продолжение традиционного уклада расширенной семьи, а нечто совершенно новое. Покидая сельские районы и попадая в города, кузены, племянники и племянницы селились со своими родственниками, чтобы воспользоваться преимуществами, которые им при этом предоставлялись. Аналогичные примеры отмечены во всех странах третьего мира. Похожие процессы наблюдались и в некоторых индустриальных странах. В определенных районах Польши было зафиксировано возрождение расширенной семьи. В Польше многие рабочие промышленных предприятий имеют фермы, где они проводят часть своего времени. Старики следуют за своими детьми, помогают вести домашнее хозяйство и воспитывать внуков, тогда как молодое поколение занято на работе вне дома[8)].

Семья и брак в Великобритании

Общая характеристика

Существует множество разновидностей семейной организации британского общества, и некоторые из них мы опишем немного позже. Однако существуют также

[8)] *Turowsky J.* Inadequacy of the theory of nuclear family: the Polish experience. In: *Lenero-Otero L.* Beyond the nuclear family model: cross-cultural perspectives. London, 1977.

общие черты, характерные для большей части населения.

1. Британская семья *моногамна*, моногамия закреплена законом. Тем не менее, учитывая высокий уровень разводов в Великобритании, некоторые исследователи предполагают, что тип британской семьи сегодня следует расценивать как **периодическую моногамию**. Индивидам позволяется иметь последовательно несколько супругов, хотя никто не может иметь более чем одну жену или мужа одновременно. Было бы неверно смешивать предусмотренную законом моногамию с реальной сексуальной практикой. Очевидно, число британцев, состоящих в сексуальных отношениях вне брака, достаточно велико.

2. Британский брак основан на идее романтической любви. Определяющим фактором такого брака является *эмоциональный индивидуализм*. Предполагается, что в основе установления брачных отношений лежит установленный между партнерами эмоциональный контакт, основанный на личном влечении и совместимости. Романтическая любовь как часть брака становится естественной в современной Британии, она представляется нормальной частью человеческого существования, а не специфической чертой современной культуры. Разумеется, реальность и идеология в жизни не совпадают. Акцент на удовлетворении личностных ценностей в браке вызывает у партнеров не всегда совпадающие ожидания, и это явилось одним из факторов увеличения числа разводов.

3. Британская семья — неолокальная и строится по отцовской линии. **Наследование по отцовской линии** означает, что дети берут фамилию отца, и собственность обычно переходит по мужской линии. (Многие общества в сегодняшнем мире строятся по **материнской линии**: фамилия и собственность обычно переходят по линии матери.) **Неолокальное проживание** означает, что новые семейные пары переезжают в жилище, удаленное от мест проживания обеих родительских пар. Однако неолокальность не является неотъемлемой частью британской семьи. Многие семьи из низших слоев населения являются матрилокальными, то есть новобрачные поселяются в районах, расположенных недалеко от места проживания родителей невесты.

4. Британская семья является нуклеарной и состоит из одного или двух родителей, живущих совместно с детьми. Нуклеарные семьи никоим образом не изолированы от других родственных связей.

Тенденции развития

Новые формы семьи

Вторая мировая война разрушительно подействовала на брак и семейную жизнь. В 1947 году число разводов превзошло довоенное в 10 раз. Через какое-то время этот показатель упал, снова резко подскочив в начале 60-х. Спустя два года принятие закона о Государственной помощи после развода открыло возможность развода для тех, кого останавливали финансовые издержки. Тем не менее, падения популярности брака не отмечалось, три четверти разведенных впоследствии вновь вступали в брак. Короткий послевоенный «бэби-бум» достиг пика в 1947 г. — 20,5 рождений на тысячу взрослых в год. После этого уровень рождаемости выровнялся и с тех пор продолжает оставаться достаточно стабильным. Согласно Рапопорту, «сегодня семьи в Британии находятся в стадии перехода от общества, в котором была допустима

лишь одна форма семьи, к обществу с множественностью форм, как допустимых, так и, конечно, желательных»[9]. Обосновывая это утверждение, Рапопорт выделяет пять видов различий: *организационное, культурное, классовое, в жизненном пути* и *поколений*.

Сегодня семьи *организуют* свои домашние обязанности и связи с социальным окружением различным образом. Контраст между «ортодоксальными» семьями (женой — «домашней хозяйкой» и мужем — «кормильцем») и семьями, в которых двое работающих, служит иллюстрацией данного вида различий. В культурном контексте сейчас больше чем когда-либо наблюдается разнообразие ориентаций и ценностей внутри семей. Наличие этнических меньшинств (западноиндийских, азиатских, греческих и итальянских общин) и влияние таких движений, как феминизм, стимулировали культурное разнообразие в семейных формах. Сохраняющееся *классовое* деление на бедный, квалифицированный рабочий класс и группировки внутри среднего и высшего классов также обусловливает значительные вариации в структуре семьи. Различия в опыте семейных отношений в зависимости от *жизненного пути* достаточно очевидны. Индивид может происходить из семьи, в которой родители жили вместе, а сам он женился и затем развелся. Другой, возможно, воспитывался в семье с одним родителем, несколько раз состоял в браке и от каждого брака имеет детей.

В данном контексте термин *поколение* связан с отношениями внутри семьи. Например, отношения между родителями и старшим поколением стали слабее, чем раньше. Однако сейчас до старости доживает большее число людей, и одновременно в тесной связи друг с другом может существовать три последовательных поколения: женатые внуки, их родители и родители родителей.

Семьи южноазиатского типа

Среди разнообразных типов британской семьи существует один, сильно отличающийся от других, — это семьи переселенцев из Южной Азии и их потомков. Южноазиатская часть населения Соединенного Королевства насчитывает более миллиона человек. Миграция началась в 50-х годах из трех регионов полуострова Индостан: Пенджаба, Гуджарата и Бенгалии. Мигранты объединились в общины на основе религии, происхождения, касты и, что самое главное, личного родства. Они обнаружили, что их восприятие семейного уклада и родственных чувств практически неизвестно основному населению. Сохранение целостной семьи стало невозможным потому, что они столкнулись с проблемой жилья. Большие старые дома находились в заброшенных районах, продвижение по социальной лестнице означало обычно переезд в дом меньшего размера и влекло разрушение полной семьи.

Дети из южноазиатских семей, родившиеся в Соединенном Королевстве, испытывают на себе воздействие двух разных культур. Дома родители ожидают или требуют от них подчинения нормам общежития, послушания и лояльности. В школе от них ожидают академической успеваемости в условиях конкуренции и индивидуалистического социального окружения. Большинство таких детей предпочитает устраивать свою домашнюю и личную жизнь в согласии с обычаями этнической субкультуры, поскольку они высоко ценят личные отношения, связанные с традиционной семейной жизнью. Тем не менее столкновение с британской культурой

[9] *Rapoport R.* British families in transition. In: *Rapoport R.* Families in Britain. London, 1982.

вызвало некоторые изменения. Молодые люди обоих полов требуют права иметь свое мнение при заключении браков[10].

Воздействия на семью и брак в настоящее время

Одним из наиболее важных факторов, влияющих на положение семьи сегодня, является высокое число замужних женщин, работающих по найму (см. главу 6, «Гендер и сексуальность»). Как было отмечено ранее, незначительное количество замужних женщин работало вне дома уже в самом начале индустриальной эпохи. Однако по окончании Второй мировой войны численность женщин, занятых на оплачиваемой работе, чрезвычайно возросла. Этот рост вызвал изменения в типах семей.

Хотя работающие замужние женщины, как правило, имеют менее значительную работу, чем их партнеры, они имеют большую экономическую независимость, чем домашние хозяйки. Многие из этих женщин по-прежнему считают свою зарплату «дополнением» к заработку мужа; этот заработок расценивается обоими как основной источник дохода. Тем не менее, все большее число женщин вместо того, чтобы довольствоваться ролью домохозяек, начинают относиться к служебной карьере как к основному движущему началу своей жизни.

В какой мере эти изменения коснулись распределения ролей мужчины и женщины внутри дома? Принимают ли на себя мужчины большую ответственность за домашние дела и в воспитании детей, чем это было ранее? Факты показывают, за последние три–четыре десятилетия произошли некоторые перемены, но они весьма ограниченны. Хейди Хартманн обобщила результаты исследований, проведенных в Соединенных Штатах в 1960–70-х годах[11]. Она обнаружила, что женщины, занятые исключительно домашним хозяйством, тратят на него по 60 часов в неделю. Мужчины тратят в среднем лишь по 11 часов. В семьях с маленькими детьми женщины уделяют домашним обязанностям и воспитанию детей по 70 часов в неделю. Если же мужчины тратят по 5 часов в неделю на воспитание детей, то они соответственно сокращают долю времени на другие домашние дела.

В Британии проведено значительно меньше систематических исследований, чем в США. Но они также дают сходную картину. Элстон исследовал супружескую пару врачей[12]. Результаты показывают, что врачи-мужчины имеют значительно меньше домашних обязанностей, чем их жены. Например, только 1% врачей-мужчин регулярно ходят в магазины, готовят, делают уборку; более 80% врачей-женщин занимаются двумя первыми видами деятельности и более 50% — третьим. Лишь в редких случаях оба партнера освобождали себя от домашних обязанностей, нанимая уборщицу или няню. Таким образом, даже в том случае, когда женщины обладают высоким статусом и хорошо оплачиваемой работой, они стремятся выглядеть примерными матерями и хозяйками.

Исследования, посвященные принятию решений в браке, показывают, что мужчины обычно сохраняют контроль над экономическими ресурсами семьи. Именно мужчины в большинстве случаев решают, как будут организованы финансовые дела семьи. В свою очередь, это определяет многие другие аспекты семейной жизни.

---

[10] *Ballard R.* South Asian families. In: *Rapoport R.* Families in Britain. London, 1982.

[11] *Hartmann H.* The family as the focus of class, gender and political struggle: the example of housework // Sings, 6. 1981.

[12] *Elston M.* Medicine: half our future doctors? In: *Silverstone R.* and *Ward A.* Careers of professional women. London, 1980.

Исследование, проведенное среди семей круга «белых воротничков», позволило разделить семейные дела на «очень важные» и просто «важные». По поводу многих очень важных дел, в частности, финансовых, решения принимаются мужьями единолично. Просто важные решения, например, по поводу образования детей, часто принимаются совместно. Но совершенно очевидно, что ни одно из решений той или другой категории не принималось женами единолично. Обычно женщины брали на себя ответственность только за те решения, которые оба партнера рассматривали как тривиальные, например, выбор отделки квартиры.

Очень часто власть в семьях принадлежит женщинам, но осуществлять свое влияние они могут преимущественно косвенным путем. В то время как мужчина в семейных делах может вести себя самоуверенно, женщина стремится замаскировать всякую власть, потому что это выглядело бы как нечто незаконное. Если женщина хочет поступить по-своему, она может либо «пилить» мужа, либо искать способы «обойти» его. Хотя мужчины и могут использовать сходные способы, все же в основном они имеют возможность утверждать свои права более прямо. Сглаживание подобного неравенства происходит чрезвычайно медленно.

Развод и прекращение брака на Западе

Рост разводов

За последние тридцать лет количество разводов значительно увеличилось, одновременно уменьшается осуждение разводов. На протяжении многих веков брак на Западе был практически нерасторжимым. Разводы допускались лишь в особых случаях, таких, как неспособность к нормальным брачным отношениям. Некоторые страны, например Испания, так и не признают права на развод. В Ирландии на референдуме 1986 года большинство проголосовало против разрешения разводов. Тем не менее, запрещение разводов — явление довольно редкое. Большинство стран довольно быстро пришло к тому, чтобы сделать развод более доступным. Практически во всех индустриальных странах принята так называемая *состязательная система.* По этой системе для получения развода одной из сторон достаточно выдвинуть против другой обвинение (например, в жестокости, недостатке внимания или измене). Первые «независимые от вины» законы о разводах были приняты в ряде стран в середине 60-х годов. С тех пор многие западные государства шли по одному и тому же пути, расходясь в некоторых деталях. В Соединенном Королевстве «Акт о реформе бракоразводных дел» был принят в 1969 г. и вступил в силу в 1971 г. Он облегчил получение развода, т. к. включил положение «независимости от вины».

В 60-е годы число разводов в Британии возрастало ежегодно на 9% и к концу десятилетия удвоилось. К 1972 году оно снова удвоилось, частично вследствие принятия Акта 1969 г., который сделал возможным формальное прекращение множества браков, уже давно к тому времени «умерших». С 1980-го года число разводов в какой-то мере стабилизировалось, хотя и остается по-прежнему чрезвычайно высоким [13].

Развод оказывает все большее влияние на жизнь детей. Подсчитано, что около 40% детей, родившихся в Соединенном Королевстве в 1970 году, до наступления зрелости в какой-то период своей жизни живут в семье с одним родителем. Но поскольку 75% женщин и 83% мужчин, получив развод, заключают повторный брак в течение трех лет, дети снова воспитываются в семье. В Британии только 2% детей в возрасте моложе 14 лет живут сегодня с одним родителем.

[13] *Burgoyne J., Richards M., Ormrod R.* Divorce matters. Harmondsworth, 1987.

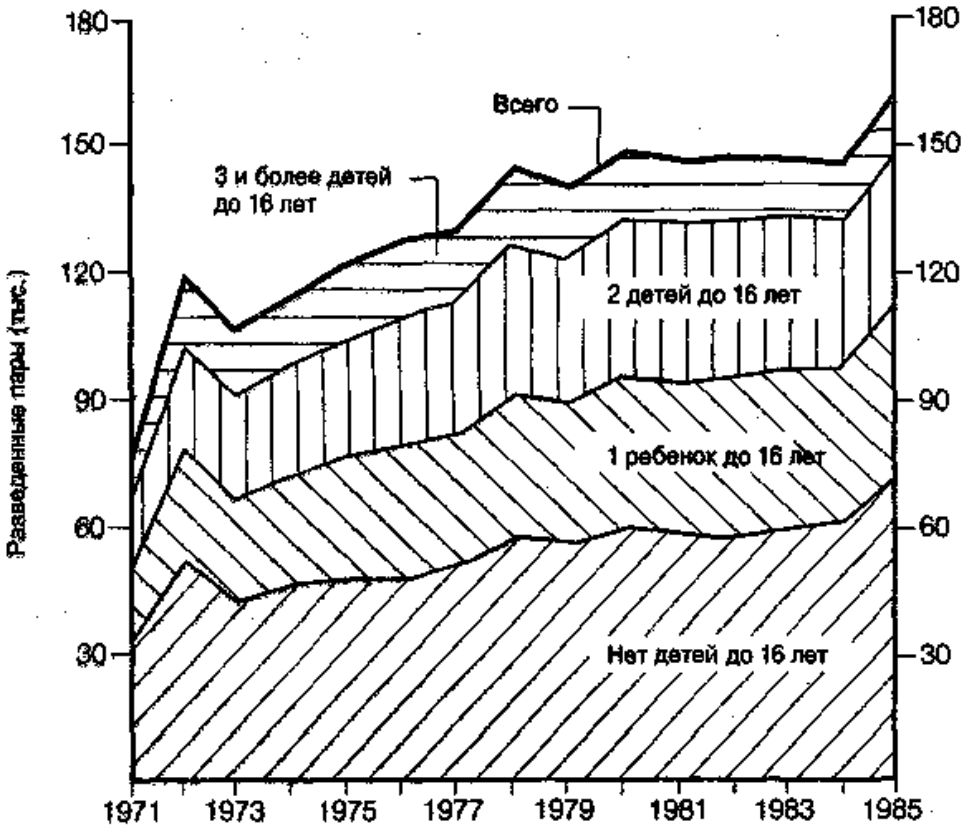


Рис. 9. Рост числа разводов в Англии и Уэльсе в 1971–1985 годах с учетом числа детей и их возраста. Источник: Social trends. London, 1987. P. 51

Показатели числа разводов, как правило, не являются прямыми индикаторами неудач в браке. С одной стороны, к разведенным не относят людей, которые живут отдельно, но формально не разведены. Более того, люди, несчастливые в браке, часто предпочитают оставаться вместе — потому что верят в святость брака, либо озабочены финансовыми и эмоциональными последствиями разрыва, либо хотят остаться вместе, чтобы создать детям «нормальную» семью.

Почему же развод становится все более распространенным? Можно привести несколько факторов. За исключением очень малой доли крайне богатых людей, брак сегодня перестал быть связью, имеющей целью передать собственность и свой статус другому поколению. По мере обретения женщинами экономической самостоятельности брак — все реже следствие необходимости экономического партнерства, как это было когда-то. Общий рост благосостояния приводит к тому, что в случае неудовлетворенности браком устроить свою собственную жизнь теперь значительно легче. Кроме того, разводы теперь уже не несут на себе позорного клейма, и в какой-то степени это их стимулирует. Еще один важный фактор — растущая тенденция оценивать брак в терминах уровня личностного удовлетворения, приносимого им. По всей вероятности, рост числа разводов связан не с глубоким разочарованием в браке как таковом, а с усиливающимся стремлением превратить его в полнокровный союз, приносящий удовлетворение.

Опыт разводов

Чрезвычайно трудно установить баланс между социальными преимуществами и социальными издержками высокого уровня разводов. Большая терпимость к разводам

означает, что пары могут разорвать не удовлетворяющие их отношения, не подвергаясь социальному остракизму. С другой стороны, разрыв брачных отношений почти всегда влечет за собой стресс и может создать финансовые затруднения для партнеров.

Разъединение

Дайана Вагэн исследовала отношения партнеров во время развода[14]. Она провела серию интервью со 103 недавно расставшимися или разведенными парами (в основном из среднего класса) с целью обрисовать переходный период — от совместного проживания к раздельному. Понятие «*разъединение*» означает переход от длительных совместных интимных отношений к жизни поодиночке. Обнаружено, что во многих случаях периоду физического расставания предшествует *социальное разобщение*, когда по крайней мере у одного из партнеров появляется новый жизненный стиль, его начинают интересовать другие занятия, появляются новые друзья, к которым другой не имеет никакого отношения. Это влечет появление секретов друг от друга, в особенности, когда речь идет о любовных отношениях.

Согласно исследованию Вагэн, разъединение на первых порах не является преднамеренным. Один индивид — *инициатор* по терминологии Вагэн — менее удовлетворен существующими отношениями, чем другой, и создает независимую от брака «территорию». Перед этим инициатор некоторое время безуспешно пытается изменить своего партнера, добиться взаимопонимания, развить общие интересы и так далее. Наступает момент, когда инициатор понимает, что попытка провалилась, отношения окончательно разрушены. С этого времени он или она оказываются во власти отрицания каких-либо отношений с партнером. Вагэн предполагает, что этот процесс противоположен «влюбленности» в начале отношений, когда индивид фокусировался на привлекательных сторонах другого, игнорируя то, что могло быть менее приемлемо.

Инициаторы, серьезно допускающие разрыв, обычно широко обсуждают свои проблемы с другими людьми, «обмениваясь мнениями». Так, они сравнивают плюсы и минусы разрыва. Выживу ли я без поддержки? Как отреагируют друзья и родители? Пострадают ли дети? Будет ли у меня благополучно с финансами? Обдумав проблемы, некоторые еще раз предпринимают попытку заставить работать старые отношения. Для тех, кто твердо решил развестись, обсуждения и обдумывания облегчают разрыв, создавая уверенность в том, что делается это правильно. Большинство инициаторов убеждается, что ответственность за свое будущее — более важная вещь, чем обязательства перед бывшим партнером.

Разумеется, разъединение не всегда инициируется только одним партнером. Другая сторона также может решить, что отношения спасти нельзя. Иногда происходит смена ролей. Тот, кто раньше хотел спасти отношения, теперь стремится положить им конец, в то время как недавний инициатор хотел бы продолжить отношения.

Развод: переходные формы

Людям, решившим развестись, предстоит перенести значительные изменения в своем образе жизни и мировоззрении. Пол Боэннэн различает шесть взаимно пере-

[14] *Vaughan D.* Uncoupling: turning points in intimate relationships. Oxford. 1986.

крывающихся *этапов развода*[15]. Все они вызывают трудности и трения, влияют на самих участников развода, на их детей, родственников и знакомых:

1. *Эмоциональный развод*, выражающий саму суть разрушения брака — нарастание напряжения между партнерами, обычно ведущее к разрыву.
2. *Легальный развод*, включающий необходимые основания для окончания брака.
3. *Экономический развод*, связанный с разделом имущества и собственности.
4. *Со-родительский развод*, включающий вопросы, связанные с опекой над детьми и правом их навещать.
5. *Коммуникативный развод*, связанный с изменением дружеских и прочих социальных связей, ожидающим разведенных.
6. *Психологический развод*, когда индивид окончательно разрушает узы эмоциональной зависимости и оказывается перед лицом необходимости самостоятельной жизни.

Серия интервью, проведенных Робертом Вейссом в Соединенных Штатах с разведенными мужчинами и женщинами, дала возможность выявить «траекторию» адаптации партнеров[16]. Женщины больше, чем мужчины, страдают от развода в экономическом плане, но процесс психологической и социальной адаптации протекает сходно у обоих полов. В большинстве случаев, рассмотренных Вейссом, уважение и симпатия, испытываемые некогда партнерами по отношению друг к другу, исчезают незадолго до того, как пара расходится. Вместо них появляются враждебность и недоверие. В то же время чувство эмоциональной привязанности друг к другу сохраняется. Таким образом, даже если пара постоянно скандалила перед разрывом, обе стороны оказываются, по определению Вейсса, в состоянии *дистресса расставания*. Неожиданное отсутствие супруга создает чувство беспокойства и панику. В то же время небольшая часть разведенных испытывает противоположное состояние, некоторую эйфорию обретения свободы и права устраивать жизнь по своему усмотрению. Депрессия и эйфория иногда сменяют друг друга. По истечении времени эйфория и депрессия уступают место чувству одиночества. Люди чувствуют себя оторванными от уютных семейных миров, в которых, несмотря на все свои проблемы, проживают другие. Дружеские отношения также почти всегда меняются. Несмотря на то, что знакомые могут пытаться поддерживать отношения с обоими бывшими партнерами, постепенно они станут все больше общаться только с кем-то одним.

Развод и дети

Влияние родительского развода на детей трудно оценить. Все зависит от того, насколько были сильны трения между родителями перед разрывом, каков возраст детей, есть ли у них братья и сестры, имеются ли бабушки и другие родственники, каковы их отношения с каждым из родителей, есть ли возможность часто видеть обоих родителей. Все эти и многие другие факторы могут влиять на процесс адаптации. Даже в том случае, когда родители, несчастливые в браке, продолжают

[15] *Bohannan P.* The six stations of divorce. In: *Bohannan P.* Divorce and after. New York, 1970.

[16] *Weiss R.* Going it alone. New York, 1976.

жить вместе, дети могут испытывать напряжение; в случае же развода последствия для детей вдвойне тяжелы.

Исследования показывают, что в большинстве случаев дети испытывают значительное эмоциональное напряжение после развода родителей. Джудит Валлерстайн и Джоан Келли изучали детей из шестидесяти недавно разошедшихся пар в графстве Мэрин, Калифорния[17]. Они общались с детьми во время рассмотрения дела в суде, полтора года спустя и через пять лет. Почти все дети из 131 опрошенных испытывали острое эмоциональное беспокойство во время развода. Дети дошкольного возраста испытывали смущение и страх, иногда взваливая на себя вину за случившееся. Дети старшего возраста могли лучше понять мотивы своих родителей, но испытывали глубокое беспокойство за последствия развода и свое будущее; нередко у них появлялось острое чувство озлобленности. Однако в конце пятилетнего периода две трети детей чувствовали себя в домашней жизни и при общении с внешним миром по меньшей мере удовлетворительно. В то же время треть так и осталась неудовлетворенной своей жизнью, испытывая чувство потери и одиночества, даже в тех случаях, когда родители, с которыми эти дети жили, вступали в повторный брак. Трудно сказать, выиграли бы дети или нет, если бы их родители остались вместе. Все опрошенные были из районов проживания состоятельных белых, и неизвестно, насколько данные этого исследования применимы к более широким слоям населения. Необходимо также учесть, что обследовались семьи, которые сами обратились за помощью к консультантам. Эти семьи активно искали совета и, возможно, им было труднее (или легче!) пережить развод, нежели тем, кто не обращался. Во всяком случае, напрашивается вывод: дети выигрывают тогда, когда они продолжают регулярно общаться с обоими родителями, а не тогда, когда постоянно видят лишь одного.

Семья с одним родителем

«Семьи с одним родителем» получают все более широкое распространение. Главой подавляющего большинства таких семей является женщина, поскольку, как правило, после развода опеку над детьми получает жена (в незначительной части семей такого рода главой является женщина, которая никогда не состояла в браке). Сегодня в Британии насчитывается более миллиона семей с одним родителем, и число их растет (см. рис.). Такие семьи составляют пятую часть всех семей с несовершеннолетними детьми. Как правило, они относятся к беднейшим группам общества. Многие одинокие матери, независимо от того, были они замужем или нет, по-прежнему сталкиваются с социальным неодобрением и экономической незащищенностью, хотя старые ярлыки, такие, как «брошенные жены», «безотцовщина» или «разбитые семьи», постепенно исчезают.

Категория семей с одним родителем неоднородна. Например, более половины вдовых матерей являются владелицами своего жилья, тогда как подавляющее большинство одиноких матерей, не состоявших в браке, снимает жилье. Одинокий родитель — состояние неустойчивое, и его границы часто неопределенные. В случае с родителем-вдовцом распад полностью очевиден, но даже и в этом случае человек может какое-то время жить один до распада семьи, если его партнер находится перед смертью в больнице. Однако около 60% семей с одним родителем сегодня — результат развода или прекращения отношений. В подобных случаях люди могут на

[17] *Wallerstein J., Kelly J.* Surviving the breakup: how children and parents cope with divorce. New York, 1980.

Рис. 10. Семьи с одним родителем по отношению к общему числу семей с несовершеннолетними детьми, Великобритания.
Источник: General Household Survey, Office of Population Censuses and Surveys. From: Social Trends. 1996. P. 54

протяжении долгого периода спорадически вести совместную жизнь. Как заметила одна мать-одиночка,

> Я думаю, чтобы привыкнуть к тому, что ты одинокая мать, нужно время. Сама я осознала, кто я такая, только в прошлом году. Раньше я не переставала думать, что мы опять будем вместе, но когда он женился, я сдалась. Я чувствовала себя в тот момент одиноко, но сейчас, я думаю, его женитьба — это лучшее, что могло случиться, потому что это заставило меня найти общий язык с моей нынешней жизнью. [18]

Большинство людей не хотело бы быть одинокими родителями, но есть и такие, кто решил завести ребенка или даже нескольких без поддержки супруга или партнера. «Матери-одиночки по выбору» — это удачное название тех, кто имеет достаточные ресурсы, чтобы вести достойное существование самостоятельно. Однако для большинства незамужних разведенных матерей реальность выглядит иначе: наблюдается высокая корреляция между показателями рождаемости вне брака и показателями бедности и социальной обездоленности.

Повторный брак и сводные родители

Повторный брак

Заключение второго брака может сопровождаться разными обстоятельствами. В некоторых подобных парах партнерам всего по двадцать с небольшим, и ни у одного из них нет детей от первого брака. Люди в возрасте тридцати-сорока лет нередко имеют одного или нескольких детей от предыдущего брака и вводят их в новую семью. У тех, кто женится повторно в пожилом возрасте, дети, как правило, уже взрослые и живут

[18] *Crow G., Hardey M.* Diversity and ambiguity among Lone-parent households in modern Britain // *Marsh C., Arber S.* Families and Households: Divisions and Change. London, 1992.

самостоятельно. В новом браке также могут появиться дети. Один из партнеров может быть вдовым, разведенным или вступает в брак впервые — всего существует до восьми возможных комбинаций. Из сказанного выше очевидно, что любые обобщения, касающиеся повторных браков, должны быть крайне осторожными; однако возможно отметить некоторые общие черты, могущие иметь ценность.

В 1900 г. девять десятых всех браков в Великобритании заключалось людьми, вступающими в брак впервые. Из вступающих в повторный брак в большинстве случаев хотя бы один был вдовцом. С ростом числа разводов количество повторных браков также увеличилось, и заметное число заключающих брак повторно составили разведенные. В 60-х годах число повторных браков резко возросло, затем в 70-х — начале 80-х годов наметился спад.

Сегодня в двадцати восьми случаях заключения брака из каждых ста хотя бы один из партнеров уже состоял в браке. Большую часть вступающих в брак вторично в возрасте до 35 лет составляют разведенные. После 35 доля вступающих в повторный брак вдов и вдовцов возрастает, и после 55 число таких повторных браков больше, чем у разведенных.

Возможно, это покажется странным, но лучший способ повысить шансы вступить в брак — уже побывать в другом браке. Разведенные с большей вероятностью снова вступают в брак, чем одинокие люди этой же возрастной категории. Во всех возрастных группах разведенные мужчины вступают в брак чаще, чем разведенные женщины: из каждых четырех разведенных женщин в брак вступают три, а из каждых шести мужчин — пятеро. И, если судить по статистике, повторные браки менее удачны, чем первые. Число разводов после повторных браков выше, чем после первых.

Конечно, это не означает, что повторные браки заранее обречены на неудачу. Люди, прошедшие через развод, ожидают от брака большего, чем те, у кого не было опыта. Следовательно, они в большей степени готовы расторгнуть новый брак. Однако повторные браки, которые удается сохранить, в среднем могут быть более удачными, чем первые.

Сводные семьи

Сводная семья может быть определена как семья, в которой хотя бы один из взрослых не является биологическим родителем, то есть в которой хотя бы у одного из родителей имеются дети от предыдущих браков. Если использовать это определение, количество сводных семей окажется гораздо большим, чем следует из официальной статистики. Многие из вступивших во второй брак становятся сводными родителями для детей, которые регулярно заходят, но не живут постоянно в этом доме.

Существование сводных семей приводит к появлению родственных связей, напоминающих существовавшие в некоторых традиционных обществах. Дети могут иметь двух «матерей» и двух «отцов» — настоящих родителей и сводных. В некоторых сводных семьях принято считать всех детей и близких родственников от предыдущего брака «частью семьи». Даже если учесть возможность тесных связей с дедушками и бабушками хотя бы с одной стороны, можно получить достаточно сложную ситуацию.

Еще один интересный момент — практика усыновления. Бренда Мэддокс подсчитала, что более трети всех усыновлений в Соединенных Штатах — это усыновления сводных детей [19]. Усыновление — метод, посредством которого лица, не

[19] *Maddox B.* The half parent. New York, 1975.

являющиеся биологическими родителями, компенсируют отсутствие генетической связи, публично заявляя об установлении родства с ребенком. Приемные родители имеют определенные законом права и обязанности по отношению к своим детям. Некоторые из сводных родителей не оформляют свои взаимоотношения с детьми подобным образом, и в большинстве случаев их отношения продолжаются до тех пор, пока существует брак. Согласно законам большинства стран, если биологический родитель умирает или разводится со сводным родителем, то сводный родитель не имеет законных прав на опеку над детьми. Даже если ребенок жил со сводным родителем много лет, то в случае смерти настоящего родителя сводный согласно закону имеет мало шансов, если другой биологический родитель претендует на опекунство.

Для сводных семей характерны специфические проблемы. Во-первых, обычно существует прежний родитель, живущий отдельно, и его влияние на детей может быть достаточно сильным. Во-вторых, взаимоотношения разведенных нередко ухудшаются после вступления одного или обоих в новый брак. Например, женщина с двумя детьми выходит замуж за мужчину, у которого также двое детей, и все они живут вместе. Если **«внешние»** родители будут настаивать, чтобы дети навещали их так же, как и раньше, то напряжения, связанные с превращением новой семьи в единое целое, будут углубляться. Скажем, для новой семьи может оказаться невозможным вместе проводить выходные.

В-третьих, в сводных семьях объединяются дети с разным прошлым. Естественно, и они могут иметь разные представления о поведении в семье. Поскольку немало сводных детей «принадлежит» к двум домам, велика возможность столкновений различных привычек и мировоззрений. Наконец, практически отсутствуют нормы, которые бы регулировали отношения между сводными родителями и их пасынками. Должен ли ребенок называть своего отчима или мачеху по имени или более приемлемо обращение «папа» и «мама»? Должен ли сводный родитель приучать детей к дисциплине так же, как это делают настоящие родители? Как вести себя сводному родителю по отношению к новому супругу своего бывшего партнера, на время забирая детей к себе?

Это письмо и ответ на него были напечатаны в Dear Abbie, «проблемной колонке», публикуемой во многих американских газетах.

Дорогая Эбби

Год назад я вышла замуж за Теда. Его предыдущая жена, Максина, умерла, и он остался с двумя детьми, шести и восьми лет. Это был мой первый брак. Я сказала, что после смерти Максины Тед больше не относится к ее родственникам. Тед сказал, что родители Максины всегда будут ему родными. У меня тоже есть родители, что же тогда остается им? Человек может иметь одновременно только один набор родственников со стороны супруга, и *мои* родители должны быть дедушкой и бабушкой, но они ими не являются. Обращение «бабушка» и «дедушка» относится к родителям Максины. Моих родителей называют «папа Пит» и «мама Мэри». Вы думаете, это справедливо?... и что я могу сделать в связи с этим?

(Подписано «Проблема с родственниками»)

Дорогая «Проблема с родственниками»

Хотя, если рассуждать формально, Тед больше не зять родителям Максины, я советую вам не быть такой формальной. Существует крепкая связь между бывшими родственниками Теда и их внуками, так что, если вы благоразумны, вам лучше

не экспериментировать с этими связями, поскольку они возникли до того, как вы появились в картине. Бабушки и дедушки — навсегда бабушки и дедушки.[20]

Тип отношений, вызванный появлением сводных семей, достаточно новый для Запада, хотя проблема, с которой столкнулась автор письма, была обычна, наверное, и в средневековой Европе. Трудности, которые возникают в повторном браке, *следующем за разводом*, действительно новы. Члены таких семей изобретают собственные способы адаптации к своим сравнительно новым обстоятельствам (это служит интересным примером того, как на нас влияют культурные нормы; если такие нормы отсутствуют, возникают чувства незащищенности, неуверенности, а также непонимание. Подобная атмосфера сохраняется до тех пор, пока не будут установлены новые нормы). По-видимому, основной вывод, который следует сделать, таков: развод разрушает брак, но семья сохраняется. Особенно там, где вовлечены дети, множество уз, существовавших до развода, изменяют семейные связи и могут приводить к проблемам в новых семьях.

Теневые стороны семьи

Поскольку семья и родственные отношения являются неотъемлемой частью жизни любого человека, то семейная жизнь в свою очередь полностью определяет эмоциональный опыт человека. Семейные отношения — между женой и мужем, родителями и детьми, братьями и сестрами, или между дальними родственниками — могут быть теплыми и удовлетворительными во всех отношениях. Но также они могут быть наполнены самыми острыми разногласиями и проблемами, доводящими людей до отчаяния, глубочайшего чувства тревоги и вины. «Теневая сторона» семейной жизни обширна, и противоречит тем розовым картинкам гармонии, которыми нас угощают телевидение и другие средства массовой информации. Существует множество непривлекательных сторон семейной жизни, включая конфликты и противоречия, которые ведут к разводу и распаду семьи. Некоторые психические заболевания также влияют на характер семейных отношений. По своим последствиям наиболее тяжелыми являются инцесты с детьми и насилие в семейной жизни.

Сексуальные злоупотребления

Сексуальные злоупотребления с детьми — широко распространенное явление, таких случаев происходит немало. *Сексуальное злоупотребление* определяется как совершение полового акта с ребенком, не достигшим совершеннолетия (в Британии — шестнадцатилетнего возраста). *Инцест* — это сексуальные отношения между близкими родственниками. Не всякий инцест является злоупотреблением. Например, половое сношение брата и сестры — это инцест, но этот акт не подпадает под определение сексуального злоупотребления. При сексуальном злоупотреблении взрослый эксплуатирует ребенка в сексуальных целях. Наиболее распространенная форма инцеста, которая является также и сексуальным злоупотреблением, — это связь отца с дочерью.

Инцест и сексуальные злоупотребления по отношению к детям — явления, которые были «открыты» не далее как десять–двадцать лет назад. Разумеется, давно известно, что подобные сексуальные отношения время от времени случаются, но большинство исследователей полагало, что сильнейшее табу подобного

[20] Цит. по *Vischer Emily B. and John S. Vicsher*. Step Families: A Guide to Working with Step-parents and Step-children. Secaucus, NJ, 1979. P. 132.

поведения может говорить о том, что оно мало распространено. Однако это не так. Сексуальные злоупотребления с детьми оказались тревожаще обычными. Чаще всего с ними можно столкнуться в семьях низших слоев населения, но они встречаются и на других уровнях социальной иерархии. Статистические отчеты общенациональной системы сбора данных Соединенных Штатов зафиксировали увеличение на 600% сообщений о сексуальных злоупотреблениях с детьми в период с 1976 по 1982 год[21].

Почти очевидно, что подобный рост явился результатом более пристального внимания к проблеме со стороны полиции и благотворительных организаций. Столь же очевидно и то, что статистика представляет только верхушку айсберга. В ходе некоторых исследований 80-х годов по США и Британии обнаружилось, что треть женщин в детстве оказались жертвами сексуальных злоупотреблений, т. е. имели нежелательные сексуальные контакты. Для мужчин эта цифра составляет 10%.

Почему инцест и сексуальные злоупотребления попали в поле зрения общества так неожиданно? По-видимому, часть ответа в том, что табу на подобное поведение заставляло исследователей и работников социальных служб воздерживаться от подобных вопросов. Толчком к обращению пристального внимания общественности к сексуальным злоупотреблениям послужила деятельность женских движений, рассматривавших эти злоупотребления в контексте широкой компании против сексуальной эксплуатации. Исследователи стали заниматься конкретными случаями такого рода, и их обнаружилось еще больше. «Открытие» сексуальных злоупотреблений, совершенное в Соединенных Штатах, стало всеобщим достоянием.

Точно неизвестно, какую долю среди сексуальных злоупотреблений составляет инцест, но, по-видимому, большинство подобных случаев происходит внутри семьи. Природа и виды инцестуальных отношений чрезвычайно различны. В основном исследования показывают, что 70–80% инцестов связано с отношениями отец-дочь или отчим-дочь. Тем не менее, возможны такие случаи, как дядя-племянница, брат-сестра, отец-сын, мать-дочь и даже дедушка/бабушка — внучка/внук. Некоторые инцестуальные контакты совершаются в легкой форме и заключаются в том, что взрослый ласкает половой орган ребенка или предлагает ребенку прикоснуться к гениталиям взрослого. В других случаях контакты более серьезны и могут продолжаться несколько лет. Детям в таких случаях, как правило, уже больше двух лет, но есть немало сообщений о половых актах с младенцами.

Иногда в рамках одной семьи существуют многосторонние инцестуальные отношения. В одном исследовании сообщалось, что отец состоял в связи со своей дочерью четырнадцати лет, а также совершал акты содомии с тринадцатилетним сыном, который, в свою очередь, сожительствовал с сестрой. Мать знала о происходящем, но слишком боялась своего мужа, чтобы сообщить об этом властям. Данное злоупотребление вышло на свет только тогда, когда отца арестовали за избиение дочери.

Многие случаи инцеста связаны с использованием силы или угрозы насилия. В редких случаях дети становятся добровольными участниками. Разумеется, дети не бесполые существа, и они довольно часто занимаются легкими сексуальными играми, разглядывают друг друга. Но большинство детей, принуждаемых к половому акту одним из взрослых членов семьи, находят такой опыт отвратительным, постыдным

[21] *Finkelhor D.* Child sexual abuse: new theory and research. New York, 1984.

и крайне неприятным. Имеющиеся данные показывают, что сексуальные злоупотребления по отношению к детям могут привести к долговременным последствиям для них. Исследования проституток, юных правонарушителей, подростков, убежавших из дома, и наркоманов показывают, что значительная часть их в свое время прошла через сексуальные злоупотребления. Конечно, найденная корреляция — это не доказательство. Вероятно, здесь имеет место целый ряд факторов, таких, как семейные конфликты, отсутствие родительской заботы, физическое насилие и так далее.

Объяснения

Чтобы объяснить, почему происходят инцесты и, более широко, сексуальные злоупотребления с детьми, нужно учесть два момента. Во-первых, почему взрослых привлекают сексуальные акты с детьми, и, во-вторых, почему огромное большинство такого рода нарушителей — мужчины? Каждый из этих вопросов поднимает целый комплекс проблем. Учитывая различную природу самих актов, а также существующие при этом отношения, можно сказать, что лишь незначительная часть людей, совершающих сексуальные злоупотребления по отношению к детям, психически больны, поэтому объяснить это пристрастие с точки зрения умственного расстройства невозможно. По-видимому, большинство таких людей *не предпочитают* сексуальные отношения с детьми отношениям со взрослыми. Здесь скорее речь может пойти о доступности и власти. Дети в семье — существа зависимые, они чрезвычайно восприимчивы к требованиям и давлению со стороны родителей. Взрослые, вовлеченные в инцест со своими детьми, часто нерешительны, неловки и некомпетентны в общении с другими взрослыми. Многие не столько удовлетворяют свои сексуальные импульсы, сколько ищут близости, которой не могут достичь в другом месте. В одной из предыдущих глав («Гендер, пол и сексуальность») рассматривалась «мужская инэкспрессивность», то есть трудности, которые многие мужчины испытывают, пытаясь выразить свои чувства, — явление, имеющее глубокие психологические корни. Мужчины стремятся связать выражение своих чувств напрямую с сексуальностью, в то время как женщины сосредотачиваются на отношениях в целом. Мужчины связывают также сексуальность со своей властью над партнерами и их покорностью. Для мужчин, следовательно, разница между взрослой сексуальностью и сексуальным влечением к детям не столь существенна, как для женщин.

Один из ведущих исследователей злоупотреблений по отношению к детям Дэвид Финкельгор высказал предположение, что такая интерпретация позволяет выявить некоторые социальные и психологические факторы, зная которые, можно уменьшить сексуальную эксплуатацию детей.

> Во-первых, мужчины могли бы испытывать чувства близости и привязанности в не связанных с сексом отношениях, таких, как дружба между мужчинами и воспитание детей. Во-вторых, можно перестать рассматривать гетеросексуальный секс как основной критерий мужской полноценности. В-третьих, мужчинам следовало бы научиться получать удовольствие от сексуальных отношений, основанных на равенстве. Мужчины, которые чувствуют себя нормально, общаясь с женщинами одинакового с ними уровня самостоятельности и компетентности, с меньшей вероятностью станут эксплуатировать в сексуальном плане детей. Когда изменятся отношения мужчин с женщинами, тогда изменятся и их отношения с детьми.[22)]

[22)] *Finkelhor D.* Child sexual abuse: new theory and research. New York, 1984. P. 13.

Насилие в семье

Насилие в семейном кругу чаще всего совершается мужчинами. Домашнее насилие можно определить как физическое оскорбление одним членом семьи другого или других. Исследования показывают, что основными жертвами физического оскорбления являются опять-таки дети, в особенности маленькие, до шести лет. Второй по распространенности тип — насилие со стороны мужей по отношению к женам, явление, рассмотренное в главе 6. Женщины, однако, также могут быть инициаторами физического насилия в доме, обычно подобное насилие направлено против маленьких детей и мужей.

Фактически, дом — самое опасное место в современном обществе. Согласно статистическим данным, человек любого возраста и пола станет объектом физического нападения скорее дома, чем ночью на улице. В Соединенном Королевстве из четырех убийств одно — это убийство одним членом семьи другого.

Иногда утверждают, что женщины по отношению к детям и супругам почти столь же склонны к насилию, как мужчины. Данные некоторых исследований показывают, что женщины бьют своих мужей так же часто, как и мужья жен. Однако женское насилие более ограниченное и эпизодическое, и вероятность серьезной травмы при этом гораздо меньше. Ситуации, когда муж регулярно избивает («учит») жену, нет эквивалента. Мужчина, физически оскорбляющий ребенка, также с большой вероятностью поступает так постоянно, и это приводит к более тяжким последствиям, чем когда это делает женщина.

Почему так распространено домашнее насилие? С этим связано несколько групп факторов. Одной из них является комбинация интенсивной эмоциональности и интимности, характерных для семейной жизни. Семейные узы обычно неотделимы от сильных эмоций, в них нередко смешиваются любовь и ненависть. Домашние ссоры могут вызвать вражду, которая в другом социальном контексте подобным образом не ощущалась бы. То, что казалось незначительным происшествием, может вылиться в крупномасштабные военные действия между супругами или между родителями и детьми. Мужчина, терпимый по отношению к странностям других женщин, может впасть в ярость, если его жена слишком много болтает в гостях или откровенничает по поводу интимных подробностей, которые он хотел бы сохранить в секрете.

Следующей группой факторов является терпимость и даже зачастую одобрение семейного насилия. Социально санкционированное семейное насилие имеет ограниченный характер, но оно легко может принять более серьезные формы. Лишь немногих детей в Британии родители никогда не шлепали и не били, хотя бы слегка. Подобное поведение часто воспринимается одобрительно и не расценивается как насилие. Если бы кто-то чужой шлепнул ребенка, например, в магазине, тогда другое дело.

Хотя это и не так определенно, но общество одобрительно относится к насилию по отношению к супругу. Мюррей Страус считает, что родительское право — это «право на битье», а брачный контракт — это контракт «с правом на битье»[23]. Терпимое отношение к этой форме насилия в культуре выражено в такой песенке:

> Жену, и коня, и ветвистый орех
>
> Чем крепче колотишь, тем больше успех.

[23] *Straus Murray A.* Wife-beating: how common and why? // Victimology, 2. 1978.

На работе и в общественных местах действует правило, что ни один человек не может ударить другого, сколь бы вызывающим ни было его поведение. В семье дело обстоит иначе. Многие исследования свидетельствуют, что значительное число пар считает допустимым в определенных обстоятельствах бить своего супруга. Приблизительно каждый четвертый американец (и американка) считают, что могут возникнуть достаточно веские причины, чтобы муж ударил жену. Несколько меньше людей допускают и обратную ситуацию.

Насилие в семье отражает склонность к насильственным действиям вообще. Многие мужья, физически оскорбляющие своих жен и детей, замечены в насилии и при других обстоятельствах. Общенациональное исследование Джеффри Фэгана и его сотрудников показало, что более половины мужей, регулярно бивших своих жен, совершали насильственные акты по отношению к другим людям. Более 80% из них были по крайней мере один раз под арестом в связи с насилием несемейного характера.

Альтернативы браку и семье

Коммуны

Семья — уже давно объект критики. В XIX веке многочисленные мыслители утверждали, что семейную жизнь следует заменить на общественные формы существования. Некоторые идеи были воплощены на практике. Лучшим примером может стать Община Онейда из Новой Англии, США, существовавшая в середине XIX века. Она основывалась на религиозных взглядах Джона Хэмфри. Каждый мужчина Общины был женат на каждой из женщин, и все они считались родителями всех детей коммуны. Коммуна просуществовала около тридцати лет, достигла численности трехсот человек и потом распалась. После этого в Британии и других западных странах было множество других общин. Большое количество таких групп, основанных на свободных сексуальных отношениях и коллективной ответственности за воспитание детей, возникло в 60-х годах нашего века. Небольшое число их существует и сегодня.

Наиболее важным примером современного коммунального устройства домашней жизни является израильский **киббуц**. Киббуц — сообщество семей и индивидов, совместно воспитывающих детей. Большинство киббуцев первоначально были сельскохозяйственными коллективными предприятиями, сейчас многие из них занимаются и промышленным производством. В Израиле насчитывается более 240 киббуцев с общим числом членов приблизительно в 100 000 человек. Некоторые из них невелики — не более 50 человек, другие включают до 2000 человек. Каждый киббуц действует как общий дом, забота о детях воспринимается как дело всей общины, а не отдельной семьи. В некоторых киббуцах дети живут в специальных «домах для детей», а не со своими родителями, хотя выходные дни они проводят вместе со своими семьями.

Первоначально идеи киббуца имели радикальную окраску. Общинное владение имуществом, групповое воспитание детей позволяло членам киббуца избежать индивидуализма и конкуренции, характерных для жизни в современном обществе. Эти идеалы не были отвергнуты. Однако с течением времени большинство киббуцев стало склоняться в пользу более традиционных форм жизнеустройства. Сейчас детям гораздо чаще разрешается ночевать в домах своих родителей.

Сожительство

Сожительство — проживание вместе людей, имеющих сексуальные отношения, но не состоящих в браке — получило чрезвычайно широкое распространение в большинстве западных обществ. В Швеции, Восточной Германии и некоторых других странах для молодых людей стало нормой жить вместе до вступления в брак. Поскольку лишь относительно недавно такое большое число людей стало сожительствовать подобным образом, трудно сказать, в какой мере это лишь отсрочка брака, а в какой — перманентная ситуация. По данным шведского исследования свободных семей, в которых в 1971 году родился ребенок, к 1975, когда дети достигли четырехлетнего возраста, только 43% пар вступили в брак.

До недавнего времени в Британии сожительство считалось чем-то скандальным. Тем не менее, на протяжении 70-х годов число мужчин и женщин, не состоящих в браке, но живущих вместе, возросло почти на 300%. Сожительство получило широкое распространение в среде студентов колледжей и университетов. В Соединенном Королевстве подобные исследования фактически не проводились, но американские обзоры показывают, что каждый четвертый студент во время пребывания в колледже имеет партнера, с которым сожительствует. В США в ходе национального исследования было опрошено 2510 неженатых мужчин в возрасте от двадцати до тридцати лет. На момент проведения исследования всего 5% из них имели сожительниц, 18% состояли в таких отношениях ранее, на протяжении, по меньшей мере, шести месяцев[24].

В сегодняшней Британии сожительство является по большей части экспериментальной стадией перед вступлением в брак. Молодые люди приходят к совместной жизни естественным путем. Пара, связанная сексуальными отношениями, начинает проводить вместе все больше и больше времени, и один из партнеров отказывается в конце концов от собственного дома. Молодые люди, живущие совместно, почти всегда собираются вступить в брак, но необязательно с нынешним партнером. Лишь меньшинство из них объединяют свои финансы. Совместная жизнь остается чем-то не вполне законным для молодых людей до 20 лет. Большинство молодых женщин по-прежнему пытается скрывать истинную природу своей личной жизни от родителей, хотя мужчины озабочены этим меньше.

Маловероятно, что тенденция роста сожительства в Британии в будущем будет идентична Швеции. Совместное проживание как серьезная альтернатива браку пока не утвердилась. В некоторых странах, включая Британию, закон предполагает, что люди, живущие совместно, имеют права, сходные с правами супружеских пар. Если отношения прекращаются, индивид может возбудить судебное дело о разделе собственности и выплате содержания. Наиболее известный случай такого рода имел место между актером Ли Марвином и его компаньонкой Мишель Марвин. Когда их отношения закончились, Мишель Марвин потребовала финансовой поддержки. Калифорнийский суд поддержал ее требование.

Гомосексуальные семьи

Многие мужчины и женщины, будучи гомосексуалистами, имеют стабильные отношения. Некоторые гомосексуальные пары «женаты» в формальном смысле, хотя такие церемонии законом не предусматриваются. Смягчение ранее нетерпимого отношения к гомосексуализму сопровождалось со стороны судебных органов

[24] *Clayton R., Voss H.* Shacking up: cohabitation in the 1970 // Journal of marriage and the family, 39. 1977.

Таблица 10. *Процент одиноких людей, живущих в частных домах в Великобритании*

Возрастные группы	1973	1984	1985
Мужчины и женщины			
16–24	1,5	3,4	3,6
25–44	2,4	5,4	5,3
45–64	8,1	10,4	10,6
65–74	25,7	28,0	28,9
75 и старше	40,0	46,6	47,0
Всего в возрасте 16 и старше	9,1	12,3	12,3
Мужчины			
65–74	13,1	15,8	16,5
75 и старше	24,2	29,4	26,2
Женщины			
65–74	35,8	37,4	38,8
75 и старше	48,0	56,2	58,1

Источник: Social trends. London, 1987. P. 44.

тенденцией давать попечительские права матерям, живущим в гомосексуальных союзах. Появление методов искусственного осеменения означало, что женщина-гомосексуалистка может основать семью без гетеросексуальных контактов. В Британии практически все гомосексуальные семьи с детьми состоят из двух женщин. В США с конца 60-х до начала 70-х годов агентства социального обеспечения стали отдавать бездомных подростков-гомосексуалистов на попечение мужским гомосексуальным парам. Данная практика прекращена в основном из-за враждебной реакции общественности.

Одиночество

Увеличение числа одиноких людей (см. табл.) на Западе вызвано несколькими факторами. Один из них — тенденция к более поздним бракам. Сегодня люди женятся в среднем на три года позже, чем это было в 1960 году. Другой фактор — рост числа разводов. Третий — увеличение в составе населения доли пожилых людей, чьи партнеры умерли. Быть холостым в разных периодах жизненного цикла означает разные вещи. Число людей от двадцати до тридцати, не состоящих в браке, значительно больше, чем раньше. Однако к 35 годам лишь незначительное меньшинство мужчин и женщин не имеют брачного опыта. Большинство одиноких людей в возрасте от 30 до 50 находятся в состоянии развода «между» браками. Большая часть одиноких людей старше 50 лет — вдовцы.

Питер Стейн опросил 60 одиноких людей в возрасте от 25 до 45 лет[25]. Многие из них оценивают свое состояние весьма противоречиво. Они осознают, что одиночество означает большие перспективы в отношении карьеры, возможность отдавать всего себя работе, одиночество делает доступным разнообразный сексуальный опыт и дает максимальную свободу и независимость. С другой стороны, они чувствуют сложность своего состояния в мире, где большинство людей их возраста женаты, и поэтому они страдают от своего одиночества. В целом, мотивы вступления в брак у них выражены более сильно, чем стимулы к одиночеству.

[25] *Stein P.* Single life: unmarried adults in social context. New York, 1980.

Упадок семьи?

В 1859 году один из сотрудников журнала «*Бостон Куотерли Ревью*» писал: «Семья в старом смысле слова исчезает из нашей жизни, и это угрожает не только свободному характеру наших институтов, но само существование нашего общества оказалось в опасности»[26]. Такие суждения прокатились эхом по многим западным странам, их высказывали с озабоченностью и настойчивостью. В 1980 году партия консерваторов в Британии сделала семью предметом политического обсуждения. В 1986 году Маргарэт Тэтчер заявила на Конференции женщин-консерваторов: «Наша политика начинается с семьи, ее свободы и ее благополучия». С другой стороны, критики семьи смотрят на упадок и даже исчезновение института семьи с одобрением.

Об исчезновении семьи говорилось так часто — и всегда без реального обоснования, — что нам следует критически относиться к подобным слишком общим суждениям. Тем не менее, трудно отрицать, что сегодня в браке и семье происходят существенные изменения, они отражают более широкие социальные перемены и одновременно способствуют им. Наверняка будет процветать разнообразие социальных и сексуальных отношений. Так же ясно и то, что семья отнюдь не находится на грани падения или краха.

Краткое содержание

1. *Родственные связи, семья* и *брак* — тесно связанные понятия, имеющие ключевое значение для социологии и антропологии. *Родственные связи* включают в себя генетические связи и связи, инициированные браком. *Семья* — это группа родственников, несущих ответственность за воспитание детей. *Брак* — узы, которые соединяют двух людей, имеющих сексуальные отношения, санкционированные обществом.

2. *Нуклеарная семья* — это супружеская пара со своими или приемными детьми, проживающая в одном доме. Когда родственники живут вместе с супружеской парой — это *расширенная семья*, которая состоит из трех или более поколений, живущих либо вместе, либо поблизости.

3. В западных обществах брак и семья ассоциируются с *моногамией* (санкционированные культурой сексуальные отношения между одной женщиной и одним мужчиной). Множество других культур допускают или поощряют *полигамию*, при которой индивид может состоять в браке с двумя и более супругами одновременно. *Полигиния*, где мужчина может иметь более одной жены, распространена гораздо чаще, чем *полиандрия*, где женщина может иметь более одного мужа.

4. В Западной Европе и США еще до начала индустриализации укоренился нуклеарный тип семьи, хоть он и испытал ее глубокое влияние. В других регионах существуют другие разнообразные семейные формы. Изменение типов семьи определяется рядом факторов: появлением централизованного управления государством, развитием малых и больших городов, работой в организациях, не входящих в сферу

[26] *Lantz H., Shultz M., O'Hara M.* The changing American family from the preindustrial to the industrial period: a final report // American sociological review, 42. 1977.

влияния семьи. Эти изменения вызывают во всем мире тенденцию роста нуклеарных семей, приводя к разрушению сложных семей и других типов родственных групп.

5. В послевоенный период в семейной жизни на Западе произошли существенные изменения. Большой процент женщин занят на высокооплачиваемой работе, растет число разводов, существенная часть населения живет либо в семьях с одним родителем, либо в сводных семьях. *Сожительство* (совместное проживание вне брака) также получило широкое распространение во многих индустриальных странах.

6. Семейная жизнь отнюдь не всегда представляет из себя картину гармонии и счастья. К «теневым сторонам» семьи относятся различные типы сексуальных злоупотреблений и домашнего насилия. Большинство сексуальных злоупотреблений по отношению к детям совершается мужчинами и, по-видимому, эти злоупотребления связаны с другими типами насильственного поведения, присущего некоторым мужчинам.

7. Брак перестал быть (если когда-то и был) условием регулярного сексуального опыта для обоих полов, он перестал быть также и основой экономической деятельности. Определенно, в будущем возникнут различные формы социальных и сексуальных отношений, хотя брак и семья остаются достаточно прочными институтами.

Основные понятия

социальный институт
родственные связи
семья
брак

Важнейшие термины

клан
нуклеарная семья
расширенная семья
родительская семья
репродуктивная семья
матрилокальная семья
патрилокальная семья
моногамия
полигамия
полигиния
полиандрия
открытая родовая семья
изолированная патриархальная семья
замкнутая привязанная к дому нуклеарная семья
эмоциональный индивидуализм
экзогамия
эндогамия
периодическая моногамия
наследование по отцовской линии
наследование по материнской линии
неолокальное проживание
сводная семья
киббуцизм
сожительство

Дополнительная литература

Diana Cittins. The Family in Question. London, 1992. Современный вариант классической работы об основных аспектах семейной жизни.

Roderick Phillips. Untying the Knot: a Short History of Divorce. Cambridge, 1991. Исследование по истории разводов в Европе и Соединенных Штатах.

Ann Phoenix. Young Mothers? Cambridge, 1991. Анализ проблем матерей-подростков в современном обществе.

Глава 13

Образование, коммуникация и средства массовой информации

Представьте, что на вас обувь — деревянные башмаки — Жан-Поля Дидье, мальчика из крестьянской семьи, выросшего в одной из сельских коммун Франции двести лет тому назад. Итак, 1750 г., Жан-Полю четырнадцать лет. Он не умеет ни читать, ни писать. Но это вовсе не в диковинку; лишь немногие взрослые жители его деревни могут похвастаться умением расшифровать больше чем одно–два написанных слова. По соседству есть несколько школ, которые содержат монахи, но все это целиком лежит вне сферы жизни Жан-Поля. Он не знает никого, кто ходил бы в школу, кроме местного священника. В последние 8–9 лет все время Жан-Поля уходило на помощь по хозяйству в доме и работу в поле. Чем старше он становится, тем больше времени приходится ему отдавать тяжелой физической работе по возделыванию клочка земли, принадлежащего его отцу.

Жан-Полю так и не доведется когда-либо покинуть то место, где он родился; ему суждено практически всю свою жизнь провести в деревне, на окрестных полях, и лишь случайно он, может быть, съездит в другую деревню или маленький городок. Ему, возможно, придется до седых волос ждать, когда к нему по наследству перейдет отцовская земля, да и ту надо будет разделить со своими младшими братьями. Жан-Поль знает, что он «француз», что страна, в которой он живет, управляется монархом и что помимо Франции на свете есть и другие страны. Но о самой Франции как единой политической общности у него самые туманные представления. Он не знает, что такое «новости», да и нет регулярных путей, которыми эти новости могли бы дойти до него. Все, что он знает об обширном внешнем мире, он получает лишь из рассказов взрослых да редких странников. Как и все жители его деревни, он узнает о важнейших событиях — таких, как смерть короля — спустя дни, недели, а порой и месяцы после того, как это произошло.

Хотя по современным представлениям Жан-Поль необразован, его отнюдь нельзя считать невежей. У него развитые эмоциональные представления о семье, детях, за которыми он сызмальства должен был ухаживать. Он уже имеет широкие познания о земле, о том, как вырастить и сохранить урожай. Жан-Поль прекрасно знает местные обычаи и традиции; он не только работает на земле, но и владеет множеством ремесел — может плести корзины, ткать.

Жан-Поль — вымышленный герой, но его портрет дает нам образ типичного подростка, выросшего во времена становления современного европейского общества. Сравните эту ситуацию с тем, что есть сейчас. В промышленно развитых странах, конечно же, каждый умеет читать и писать. Мы все осознаем себя членами определенного общества, имеем по крайней мере самые простые представления о прошлом своей страны и ее географическом положении. Вся наша жизнь, кроме лишь самого раннего детства, проходит под влиянием информации, которую мы

получаем из книг, газет, журналов, телепередач. Все мы прошли в своей жизни этап обучения в школе. Все это — печатное слово, электронные средства коммуникации в сочетании с единым по форме образованием, получаемым в школах и колледжах, — стало основой нашего образа жизни.

В этой главе мы рассмотрим, как складывалась современная система образования, проанализируем влияние **образования** на общество, а вслед за этим обсудим природу современной системы массовой коммуникации.

Появление грамотности и школьного образования

Слово «школа» пришло из греческого языка, где оно означает «досуг, свободное время». Дело в том, что в прединдустриальном обществе обучение в школе было доступно лишь тем немногим, кто имел на это время и деньги. Религиозные деятели, священники зачастую были единственной социальной группой с поголовной грамотностью — это было необходимо им для чтения и толкования священных текстов. Для большинства же людей взросление заключалось в перенимании социального опыта и профессионального мастерства у старшего поколения. Как мы видели, с раннего детства считалось нормальным участие в домашних делах, помощь в обработке земли и других хозяйственных работах. Чтение вовсе не было тогда столь необходимым и даже полезным в повседневной жизни.

Другой причиной общей неграмотности являлось то, что все тексты приходилось старательно переписывать от руки, что было дорого и не имело широкого распространения. Положение изменило книгопечатание, которое пришло в Европу из Китая. Первый печатный станок на Западе был изобретен в 1454 г. Иоганном Гутенбергом. Книгопечатание сделало тексты и документы общедоступными. Это относится не только к книгам и брошюрам, но и к множеству других повседневных материалов, необходимых для жизни любого сложного общества. Были, например, выпущены и получили широкое распространение своды законов. Отчеты, доклады и статистические сборники становились все более необходимыми в деятельности государственных и частных учреждений, предприятий и организаций. Растущее использование печатных материалов в самых различных сферах жизни вело к более высокому уровню **грамотности** (т. е. умению читать и писать на некотором базовом уровне), чем когда-либо ранее. Постепенно стало появляться **образование** в его современной форме, предполагающей обучение в специально построенном школьном здании. Однако еще полтораста лет тому назад, и даже позднее, дети из состоятельных семей часто получали образование дома с привлечением частных учителей. До первой трети XIX века, когда в европейских странах и Соединенных Штатах начала создаваться система начальных школ, большинство населения оставалось лишенным какого-либо школьного образования.

Процесс индустриализации и расширения городов стимулировал потребность в специализированных школах. Люди сегодня работают во многих областях деятельности, и профессиональное мастерство больше уже не может передаваться непосредственно от родителей к детям. Приобретение знаний все в большей степени основывается не на практической передаче специфических умений и навыков, а на преподавании абстрактных дисциплин (математики, природоведения, истории, литературы и т. д.). Люди в современном обществе должны быть вооружены такими базовыми умениями и навыками, как чтение, письмо, счет; они также должны иметь общие представления об окружающем их физическом мире, о жизни общества,

его хозяйственной деятельности. Важно также, чтобы люди умели учиться сами, порождая свои, новые и порой весьма специфичные формы знаний.

Развитие школьного образования в Великобритании

В период между 1880 г., когда в Британии впервые было введено обязательное образование, и Второй мировой войной все сменяющие друг друга правительства увеличивали расходы на образование. Возраст, в котором дети оканчивали школу, увеличился с десяти до четырнадцати лет, строились все новые и новые школы, однако образование все еще не считалось делом государственной важности. Большинство школ содержалось частными лицами или церковью под наблюдением местных органов власти. Вторая мировая война изменила это положение. В вооруженных силах проверяли способности новобранцев с помощью тестов; результаты поразили руководство, продемонстрировав широко распространенное невежество. Озабоченное перспективами послевоенного восстановления, правительство начало пересматривать существовавшую тогда систему образования.

До 1944 г. подавляющее большинство английских детей посещали школы единственно доступной для них *начальной ступени*, где они учились до четырнадцати лет. Наряду с системой начального образования существовала *средняя школа*, но обучение в ней было платное. Эта система разделила детей на четкие социальные группы; почти все дети из бедных слоев ограничивались начальным образованием. Менее 2% населения поступало в университеты. Закон об образовании 1944 года предусматривал несколько важных перемен, включая возможность получения среднего образования для всех, увеличение возраста окончания школы до 15 лет и введение равных возможностей в области образования.

Следствием принятия закона стало то, что местные органы, отвечающие за образование, приняли принцип отбора в средние школы по результатам учебы. Такой отбор проводился в одиннадцатилетнем возрасте — возрасте перехода из начальной в среднюю школу. Он был предложен для выявления наиболее способных учеников, независимо от их социального происхождения. Результаты экзамена «11+» определяли, пойдет ли тот или иной ученик в *среднюю классическую школу* (гимназию) для углубленной учебы или он продолжит учебу в менее взыскательной *современной средней школе* (для тех, кто желал получить профессиональное образование). У тех, кто хотел продолжить свое образование, была возможность остаться в школе до семнадцатилетнего возраста.

К 60-м годам, отчасти вследствие проведенных социологических исследований, выяснилось, что результаты «11+» не оправдывают ожиданий. В 1959 году в докладе Краудера было показано, что только 12% учащихся продолжают учиться до 17-летнего возраста, причем школу бросали не из-за низкой успеваемости, а по причинам социально-классового характера. Вернувшись к власти в 1964 г., правительство лейбористов приступило к созданию *единых средних школ*, в рамках которых устранялись различия школ указанных выше двух типов и объединялись дети различного социального происхождения. Вызывал недоумение вопрос о том, что должна была бы предлагать общеобразовательная школа — «гимназию для всех» или принципиально новый тип образования. Решение этой проблемы так и не было найдено; различные школы и регионы развивали свои собственные подходы. Кое-где местные власти сопротивлялись переменам, и в ряде регионов классические гимназии существуют до сих пор.

С начала 70-х годов государственное образование испытало на себе сильные потрясения, вызванные переходом от дефицита рабочей силы к ее избытку и связанным с этим ростом безработицы и сокращением доходов госбюджета. Расширение образовательной сети, характерное для всего послевоенного периода, неожиданно сменилось сокращением и попытками уменьшить расходы государства на образование. С середины 70-х до середины 80-х годов эти расходы снизились с 6,3 до чуть более 5 процентов от общих расходов на социальные нужды.

Картина была бы неполной без упоминания о частных школах, существовавших наряду с государственной системой образования в течение всего этого периода. Эти школы зависели от платы, вносимой родителями учеников, и были, следовательно, недоступны для детей из малообеспеченных слоев общества.

Сравнение систем школьного образования в промышленно развитых странах

Во всех государствах современного мира, включая развивающиеся страны, образование стало одной из основных сфер вложения капиталов[1]. Однако имеются существенные различия в организации систем образования и в пропорции населения, получающего тот или иной уровень и тип образования.

Некоторые типы **образовательной системы** являются высокоцентрализованными. Во Франции, например, все студенты учатся по единым национальным программам и сдают единые национальные экзамены. Американская система гораздо более децентрализована по сравнению с большинством промышленно развитых стран. Местные власти выделяют значительные средства для школ, обеспечивая около 40% от необходимого объема финансирования, в то время как федеральное правительство берет на себя лишь примерно 10%. Остальные средства поступают из доходов от местных налогов. Школы управляются местными советами, избираемыми общим голосованием; советы имеют широкие полномочия, включая принятие на работу учителей и представителей администрации, а также контроль над программой.

Участие местной общественности в управлении делами школы приводит к различным последствиям. Очевидное преимущество этого состоит в том, что школы отвечают интересам и потребностям тех людей, для которых они существуют. С другой стороны, такая система ведет к весьма значительным различиям в финансировании школ, которое зависит от того, насколько велико благосостояние данной общины. Наполняемость классов, материально-техническое обеспечение и возможности привлечения высококвалифицированных учителей чрезвычайно разнятся от одного района к другому.

В большинстве промышленно развитых стран частные школы и колледжи сосуществуют с образовательной системой, финансируемой государством. Иногда центральное правительство или местные власти выделяют субсидии для школ, принадлежащих к религиозным сектам. В Ирландии, например, все школы принадлежат церкви, хотя они и получают значительную финансовую помощь от общества. С другой стороны, в Британии школы, относящиеся к религиозным организациям, слабо поддерживаются государством и действуют в основном независимо от государственной системы образования. Во многих странах в прошлом государство боролось за установление контроля над образованием и отделение образования от церкви.

[1] *Ramirez F. O.* and *Boli S.* The Political construction of mass schooling: European origins and worldwide institutionalism // Sociology of Education, 60. 1987.

Даже в тех обществах, где большинство образовательных институтов сейчас организуется и финансируется государством, религиозные организации часто ведут борьбу за сохранение хотя бы некоторых своих традиционных прав в области образования.

Высшее образование

Сравнительный анализ международного опыта

Различия в организации **высшего образования** (образования после окончания школы, которое получают обычно в университете или колледже) в разных обществах также велики. В некоторых странах все университеты и колледжи являются государственными учреждениями, финансируемыми непосредственно из государственных источников. Высшее образование во Франции, например, организуется в общегосударственном масштабе с централизованным управлением, столь же заметным, как и на уровне начального и среднего образования. Структура всех учебных курсов должна вырабатываться специальным регулирующим органом, действующим в общенациональном масштабе и отвечающим перед министерством высшего образования. Выпускникам по окончании вуза могут присваиваться степени двух видов: одна — от самого университета, другая — от государства. Национальные степени рассматриваются в целом как более престижные и ценные, чем те, которые присваиваются университетами, поскольку степени, присваиваемые государством, должны соответствовать единым стандартам. Ряд должностных позиций в государственном аппарате замещается только обладателями национальных степеней; их также предпочитают при найме на работу в промышленности. Фактически все учителя школ и преподаватели колледжей и университетов во Франции являются государственными служащими. Оклады и должностные обязанности устанавливаются централизованно.

США отличаются от других развитых стран значительной долей колледжей и университетов, относящихся к частному сектору. 54% американских высших учебных заведений, в том числе такие наиболее престижные университеты, как Гарвардский, Принстонский и Йейльский, являются частными. Однако разница между *государственным* и *частным* в американском высшем образовании не столь очевидна, как в других странах. Студенты частных университетов пользуются государственными гарантиями и льготами, а сами эти университеты получают государственные средства на проведение научных исследований. Государственные университеты часто пользуются значительными пожертвованиями частных фирм. Они также часто получают исследовательские гранты из частных источников в промышленности.

Британская система высшего образования

Британская система высшего образования значительно более децентрализована по сравнению с французской, но более единообразна, чем американская. Университеты и колледжи финансируются государством, а преподаватели всех уровней получают зарплату, определяемую в соответствии с общенациональной системой ставок. Вместе с тем имеется большое разнообразие организационных форм и учебных программ.

Непосредственно перед войной в Англии был 21 университет. По сегодняшним меркам большинство из них были очень маленькими. Общее число студентов английских университетов в 1937 г. едва превышало число штатных преподавателей

университетов по состоянию на 1981 год[2]. Подготовка научно-педагогических кадров была поставлена очень слабо даже в Кембридже или Оксфорде, в старейших университетах. В 1937 г. 75% всех аспирантов в стране было зарегистрировано в Лондонском университете.

В период 1945–1970 годов сеть высших учебных заведений в Англии увеличилась в четыре раза. Старые университеты были расширены, также были построены новые (такие, как Сассекский, Кентский, Стерлингский, Йорский). С появлением политехнических вузов сложилась так называемая *«бинарная»* система. Этот второй элемент системы высшего образования представлен сегодня сравнительно широко и включает около 400 колледжей, предлагающих разнообразный перечень курсов. Политехнические вузы ориентированы в большей степени, чем университеты, на профессиональную подготовку. Был учрежден Национальный научно-аттестационный совет, который должен был обеспечить соответствие присваиваемых степеней единому стандарту.

Сегодня английские вузы имеют то, что иногда называют «стандартным дипломом». Это означает, что степень, присвоенная в Лестерском или Лидсском университете, по крайней мере теоретически соответствует степени, присвоенной по той же специальности в Кембриджском или Оксфордском университете, или, скажем, степени, присвоенной в любом другом политехническом вузе или колледже. Однако отмечается, что Оксфорд и Кембридж гораздо более избирательны при наборе студентов, около половины из которых являются выпускниками *закрытых частных средних учебных заведений* (платных школ). Степень, присвоенная в Оксфорде или Кембридже, обеспечивает лучшие возможности для достижения высокого положения в обществе, чем дипломы большинства других университетов.

Несмотря на послевоенное развитие, доля студенчества в английском обществе все еще меньше, чем в других западных странах. В 1986 г. только 6,6% молодежи, достигшей 18-летнего возраста, училось в университете, в то время как в большинстве других европейских стран доля студентов среди молодежи превысила 10%, а в Италии приближается к 30%.

В 80-е годы вразрез с широко распространившимся прежде взглядом на университет как храм научного творчества, имеющего самодостаточное значение, консервативное правительство потребовало введения более дешевой и утилитарной системы высшего образования. В период 1981–1985 годов в университетах исчезло 5600 ставок преподавателей и 18 тысяч студенческих мест. Вопреки стремлению правительства сократить «издержки научного производства», существует растущая оппозиция подобной политике, которая, похоже, ставит под вопрос особый вклад университетов в жизнь общества: их участие в поиске рациональных, взвешенных путей решения самых различных проблем.

Стремление правительства сократить расходы на высшее образование привело к деморализации некоторых звеньев университетской системы, к подрыву веры в способность университетов обучать студентов тому, что может понадобиться в предстоящие годы.

Образование и неравенство

Распространение образования всегда было тесно связано с идеалами демократии. Реформаторы, конечно, ценят образование за то, что оно предоставляет возможность

[2] *Carswell J.* Government and the Universities in Britain: Progress and performance 1960–1980. Cambridge, 1985.

личности развивать свои способности и склонности. Но кроме того, образование рассматривается также и как средство обеспечения равенства. Утверждается, что универсальное образование, вооружая молодых людей знаниями и помогая им занять достойное место в обществе, поможет смягчить контрасты в уровнях благосостояния и социального положения. Насколько это реально? Исследованию этого вопроса было посвящено множество социологических исследований. Результаты этих исследований ясно показывают, что образование в большей степени склонно отражать и подтверждать существующее неравенство, чем содействовать его устранению.

Исследование Коулманом неравенства в американской образовательной системе

В ряде стран были проведены исследования, продемонстрировавшие, что наибольшее влияние на результаты школьного обучения оказывают социальные и семейные обстоятельства; это впоследствии определяет и уровень доходов. Одно из таких классических исследований было предпринято в 60-х годах в Соединенных Штатах. Закон о гражданских правах 1964 г. требовал, чтобы национальная комиссия по образованию представила доклад о неравенстве, имеющим место в сфере образования и обусловленном различиями этнического, религиозного или национального характера. Социолог Джеймс Коулман был назначен руководителем этой исследовательской программы. Результаты исследования были опубликованы в 1966 г. после того, как было завершено одно из наиболее широких исследований, когда-либо осуществленных социологами.

Была собрана информация о более чем полумиллионе учащихся; им также был предложен ряд тестов для оценки их вербальных и невербальных способностей, уровня начитанности и способностей к математике. 60 тысяч учителей заполнили анкеты, которые дали информацию о 4 тысяч школ. По результатам исследования был составлен обобщенный обзор состояния школ в стране. Некоторые результаты обзора оказались неожиданными и имели большое практическое значение для формирования политики в области образования.

В докладе, в частности, отмечалось, что подавляющее большинство детей фактически разделялось в школе на белых и черных. Почти 80% школ, посещаемых белыми детьми, имели от 10 и менее процентов темнокожих учеников. Белые американцы и выходцы из стран Азии получали при проверке более высокие оценки, чем их темнокожие сверстники и представители других этнических меньшинств. Коулман предполагал, что исследование покажет худшую материально-техническую обеспеченность школ для темнокожего населения, большую наполняемость классов в них и худшее состояние самих зданий по сравнению со школами, посещаемыми преимущественно белыми. Однако результаты показали куда более скромные различия, чем предполагалось.

По заключению Коулмана, на эффективность учебного процесса не оказывает значительного влияния то, как школа обеспечена материальными ресурсами. Решающее значение имело социальное происхождение учащихся. Как отмечал Коулман, «неравенство, в которое дети поставлены своим домом, своим кварталом, своим окружением, сопровождает их и в дальнейшем, в их взрослой жизни после окончания школы»[3]. Известны, однако, и примеры того, как учащиеся — выходцы из бедных слоев населения, имевшие тесные дружеские связи со своими сверстниками из других

[3] *Coleman J. S.* et al. Equality of Educational Opportunity. Washington, 1966.

социальных слоев, добиваются лучших, в сравнении со сверстниками, результатов в учебе.

Доклад Коулмана вызвал широкую дискуссию об интеграции школы в Великобритании так же, как и в США, поскольку было выдвинуто предположение, что дети из социальных групп, составляющих меньшинства, лучше бы учились вместе с учащимися из более состоятельных слоев населения.

Дальнейшие исследования

Хотя последующие исследования подтвердили некоторые выводы Коулмана, ряд аспектов его работы стал объектом критики. Поскольку его исследование относилось к определенному моменту времени, оно не могло дать анализ происходящих изменений. В исследовании Майкла Раттера, проведенном в Лондоне, было рассмотрено развитие группы мальчиков в течение нескольких лет. Дети были впервые обследованы в 1970 г., когда они заканчивали учебу в начальной школе. Собирались данные об их социальном происхождении и успеваемости. Исследование было возобновлено в 1974 г., когда мальчики уже три года учились в средней школе. В обследуемой группе некоторые школы были выделены для более подробного изучения: проводились опросы учеников и учителей, а также велись наблюдения за работой в классах.

Результаты показали, что выбор школы действительно влияет на результаты учебы детей. При этом факторы, которые, по мнению Раттера, имели важное значение, остались в основном за рамками исследований Коулмана. Речь идет о таких факторах, как, например, качество взаимодействия учителя и ученика, дух взаимопомощи и сотрудничества между ними, а также то, насколько хорошо подготовлен читаемый курс. Школы, которые создавали лучшие условия для учебы, отнюдь не всегда были лучше других обеспечены материальными ресурсами и помещениями.

Результаты, полученные Раттером, не опровергают того, что влияние факторов, предшествующих и лежащих вне школы, является весьма значительным для сохранения социального неравенства. Поскольку факторы, которые выделяет Раттер, более всего заметны в школах, выпускающих наиболее заинтересованных учащихся и поддерживающих своих учителей, то результаты исследования Раттера помогают нам понять, почему же школы сами склонны сохранять неравенство. Существует замкнутый цикл, в котором учащиеся из относительно привилегированных домов посещают частные школы, поддерживая высокое качество получаемого образования, привлекаются хорошие учителя, и обеспечивается мотивация их деятельности. Школы, в которых в основном учатся дети из бедных семей, должны работать намного больше, чтобы добиться таких же результатов. Тем не менее, заключения Раттера предполагают, что различия в организации школ и их микроклимате могут противодействовать внешним влияниям на успеваемость. Повышение качества преподавания, создание здорового социального климата в школе и практическая направленность школьного обучения могут помочь детям из бедных семей повысить свою успеваемость. В более позднем исследовании Коулман на практике пришел к аналогичным выводам.

В книге Кристофера Дженкса «*Неравенство*», опубликованной в 1972 г., были пересмотрены некоторые эмпирические результаты, полученные к тому времени

в работах американских ученых по образованию и неравенству[4]. Дженкс вновь подтвердил выводы о том, что успех и в образовании, и в профессиональном росте определяется в основном семейными обстоятельствами и другими факторами вне школы и что образовательные реформы сами по себе оказывают лишь очень незначительное влияние на существование неравенства. Работу Дженкса критиковали из методологических соображений, но ее выводы в целом остаются убедительными[5].

Сейчас имеется много информации, характеризующей неравенство в системе образования Соединенного Королевства. В исследованиях А. Х. Халси и его коллег в 1980 г. сравнивали образовательные возможности детей из рабочих семей и детей из «класса служащих» (специалистов и управленцев). В послевоенный период в школе в возрасте 18 лет детей служащих было в 10 раз больше, чем детей рабочих, а соотношение детей служащих и рабочих среди поступивших в университеты составляло 11:1.

В других исследованиях рассматривалось влияние этнических различий на успеваемость. Так, темнокожие учащиеся в Британии учились в среднем значительно хуже, чем белые. В докладе Суонна в 1985 г. показано, что в 1981–1982 только 5% выходцев из Вест-Индии окончили школу с отличным аттестатом, в то время как среди белых выпускников отличников было 13%. Это отчасти объясняется тем, что среди темнокожих гораздо больше представителей беднейших слоев населения. В ряде исследований, однако, показано, что неравномерность остается даже и тогда, когда принимается во внимание социальное происхождение групп учащихся[6].

Теории школьного образования

Бернстайн: языковые коды

Существует несколько теоретических подходов, объясняющих природу современного образования и его связь с феноменом неравенства. Один из них берет за основу языковые способности. Базил Бернстайн утверждал, что у детей с различным социальным происхождением с детства развиваются различные языковые *коды* (или формы вербального общения), что влияет на их последующий опыт обучения в школе[7]. Бернстайн фокусировал внимание не на различиях в словарном запасе и не на речевых навыках, как это обычно делается, его интересовали систематические различия в способах употребления языка, которые особенно контрастны для детей из богатых и бедных семей.

Речь детей из низших классов общества, считает Бернстайн, представляет собой **ограниченный код**, т. е. такой способ использования языка, когда многое не договаривается в предположении, что другая сторона осведомлена об этом. Ограниченный код — это тип речи, связанный с культурными установками низших слоев общества. Многие представители низших классов живут в условиях субкультуры, строго ограниченной рамками семьи или местного сообщества. В этих условиях нормы и ценности воспринимаются как сами собой разумеющиеся и не выражаются языковыми средствами. Родители в этой группе стремятся приобщить своих детей к жизни общества прямым использованием наказаний и поощрений

[4] *Jencks C.* et al. Inequality: A Reassessment of the Effects of Family and School in America. New York, 1972.

[5] *Oakes S.* Keeping Track: How Schools structure inequality. New Haven, 1985.

[6] *Craft M.* and *A.* The participation of ethnic minority pupils in further and higher education // Education Research, 25. 1985.

[7] *Bernstein B.* Class, Codes and Control. London, 1975.

для коррекции их поведения. Язык, представленный ограниченным кодом, более подходит для передачи практического опыта, чем для обсуждения отвлеченных идей, процессов или связей. Речь, представленная ограниченным кодом, является, таким образом, характеристикой детей, выросших в низших слоях общества, или же характеристикой иных социальных групп, в которых эти дети проводят свое время. Речь ориентирована на нормы данной группы, при этом вряд ли кто-нибудь сможет легко объяснить, *почему* они следуют именно этой манере поведения.

Развитие детей из средних слоев общества предполагает, согласно Бернстайну, прямо противоположную потребность в более **развитом коде**, т. е. такой манере речи, в которой значения слов могут *конкретизироваться*, чтобы отвечать специфическим требованиям той или иной ситуации. Способы, при помощи которых дети из средних слоев учатся применению языка, в меньшей степени привязаны к частным контекстам. Эти дети могут легче обобщать свои мысли и выражать их в абстрактной форме. Так, матери из среднего класса, воспитывая своих детей, часто объясняют им причины и принципы, лежащие в основе собственной реакций на детское поведение. Если мать из низшего класса может воспрепятствовать чрезмерному увлечению ребенка сладким, сказав ему: «Больше сладкого не получишь!», то мать из среднего класса, скорее всего, объяснит, что есть слишком много сладкого — вредно для здоровья вообще и для зубов в частности.

Дети, овладевшие развитым речевым кодом, по мнению Бернстайна, более способны к учебе, чем те, кто довольствуется ограниченным речевым кодом. Это не означает, что дети из низших слоев имеют «худший» тип речи или что их языковой код «беден». Скорее, их способ речевого поведения дисгармонирует с академической культурой школы. Те же, кто владеет развитым кодом, намного легче адаптируются в школьной среде.

Существует ряд аргументов в пользу теории Бернстайна, хотя их обоснованность все еще обсуждается. Джоан Таф провела исследования языка детей из семей рабочих и представителей «среднего» класса, обнаружив систематические отличия. Она поддерживает тезис Бернстайна о том, что дети из низших слоев общества имеют меньше опыта в том, чтобы получить ответ на свой вопрос; у этих детей также слабее возможность разобраться в причинах чужого поведения[8]. К такому же выводу пришли позднее Барбара Тизард и Мартин Хьюз в выполненном ими исследовании. С другой стороны, некоторые исследователи, изучавшие речь представителей низших классов, отрицали вывод о том, что их речевое поведение можно в каком-либо смысле определять как «ограниченный» код. Язык низших слоев общества, утверждают эти исследователи, не менее сложный и абстрактный, чем язык среднего класса, хотя он и имеет некоторые грамматические отклонения[9].

Если это так, то идеи Бернстайна помогут нам понять, почему те, кто поставлен в сложные социально-экономические условия, оказываются «неудачниками» в школе. Перечислим ряд особенностей, которые могут быть связаны с ограниченным речевым кодом. Все эти особенности снижают возможности образования детей из низших социальных страт:

1. Ребенок, возможно, получает ответы не на все возникающие у него дома вопросы и потому, скорее всего, оказывается менее информированным об окружающем его мире и менее любознательным, чем те, у кого сформировался более сложный языковой код.

[8] *Tough J.* Listening to Children Talking. London, 1976.

[9] *Labov W.* Sociolinguistic Patterns. Oxford, 1978.

2. Ребенок может найти для себя затруднительным отвлеченный и неэмоциональный язык школьной науки; столь же непростыми для него могут оказаться и общие принципы школьной дисциплины.

3. Многое из того, что говорит учитель, вероятнее всего, оказывается для него непонятным, поскольку связано с формами употребления языка, отличающимися от тех, к которым он привык. Ребенок может попытаться преодолеть эти расхождения путем *перевода* речи учителя на понятный для него язык, но это чревато потерей того наиболее существенного, что, возможно, хотел сказать учитель.

4. Если ученик пытается освоить премудрости школьной науки привычной зубрежкой, то основной проблемой станет понимание важнейших концептуальных положений, требующих способности к обобщению и абстракции.

Боулз и Гинтис: школы и промышленный капитализм

Работа Самюэла Боулза и Герберта Гинтиса связана прежде всего с организационными основами развития системы современного школьного образования[10]. Идеи Боулза и Гинтиса основаны на американской системе школьного образования, но, по их утверждению, эти идеи в равной степени применимы и для других стран Запада. Цитируя работы, подобные труду Дженкса, оба эти автора исходят из того, что образование не было мощным фактором достижения экономического равенства. Современное образование, полагают они, следовало бы понимать как институт, отвечающий экономическим потребностям промышленного капитализма. Школы способствуют выработке технических и социальных навыков и умений, необходимых на промышленном предприятии; в школах у тех, кому предстоит стать рабочей силой, воспитывается уважение к власти и дисциплина. Можно провести прямую параллель между отношениями власти и управления в школе и на рабочем месте. И там и там существует своя иерархия, делается упор на подчинение. Действующие в школе поощрения и наказания воспроизводят то, что существует в сфере реальных трудовых отношений. Школы помогают нацелить некоторых на «достижения» и «успехи», и поставить на место тех, чей удел — низкооплачиваемая работа.

Боулз и Гинтис признают, что развитие массового образования дало много положительного. Неграмотность была фактически ликвидирована, открылась возможность для самореализации. Тем не менее, поскольку школа развивалась в основном для того, чтобы удовлетворить текущие экономические потребности, она оказалась весьма далекой от того, какой ее хотели видеть просвещенные реформаторы.

Согласно Боулзу и Гинтису, современная школа порождает чувство бессилия, которое вне стен школы многим хорошо известно. Центральные для образования идеалы развития личности могут быть реализованы лишь тогда, когда люди смогут управлять условиями своей жизни, раскрывать свои таланты и расширять возможности для самовыражения. В существующей системе школы «призваны легитимизировать неравенство; ограничить развитие личности теми формами, которые не противоречат официально принятым, и помочь процессу, в котором молодость подчиняется своей судьбе». Если бы на рабочем месте была более широкая демократия, а в обществе в целом — большее равенство, то тогда, уверяют Боулз и Гинтис, система образования достигла бы уровня, обеспечивающего более полное раскрытие личности.

---

[10] *Boules S.* and *Ginis H.* Schooling in Capitalist America. London, 1976.

Иллич: скрытая программа

Одним из наиболее спорных современных авторов, обсуждающих теории образования, является Иван Иллич. Он выделяется своим критическим отношением к проблемам современного экономического развития, которое, по его мнению, лишает прежде самостоятельных людей привычных для них навыков и делает зависимыми от врачей в том, что касается здоровья, учителей в том, что связано с образованием, телевидения для организации досуга и работодателей, дающих средства к существованию. Совместно с Эверетт Раймер, Иллич утверждает, что саму идею обязательного школьного образования, принятого сейчас во всем мире, надо поставить под вопрос[11]. Так же, как Боулз и Гинтис, Иллич подчеркивает связь между развитием образования и требованиями дисциплины и субординации, которые предъявляет экономика. Иллич утверждает, что школа развивалась для того, чтобы решать четыре основные задачи: опекать детей, распределять их на те роли, которые они займут в обществе, вырабатывать у них основные ценности и передавать им общественнополезные знания, навыки и умения. Школа стала *опекающей* организацией, поскольку посещение ее обязательно, и дети «защищены от влияния улицы» начиная с раннего детства и до начала их трудовой деятельности.

Иллич подчеркивает наличие у школ **скрытой программы**. Многое из того, чему там учат, не имеет ничего общего с формальным содержанием уроков. Школы имеют тенденцию к насаждению среди детей того, что Иллич назвал *пассивным потреблением*, некритичного восприятия существующего общественного порядка, вырабатываемого самой природой дисциплины и жестких организационных форм, в которые поставлены учащиеся. Уроки такого рода преподаются неосознанно; они неявно присутствуют в школьной организации и распорядке дня. Скрытая программа учит детей тому, что их роль в жизни — «знать свое место и не высовываться»[12].

Иллич выступает за *бесшкольное* общество. Обязательное образование, подчеркивает он, является сравнительно недавним изобретением; с какой стати оно должно восприниматься как нечто неизбежное? Коль скоро школа не обеспечивает равенства или не дает простора для развития творческих способностей личности, то почему не покончить с ней в тех формах, в каких она сейчас существует? Иллич не имеет в виду при этом, что все организационные формы образования следует ликвидировать. Образование, утверждает он, должно открыть для каждого, кто хочет учиться, доступ к имеющимся для этого ресурсам — независимо от его возраста. Такая система образования должна позволить широко распространять знания, делиться ими, не ограничиваясь лишь кругом специалистов. Учащиеся должны не следовать стандартной программе, а выбирать на свой вкус то, что будут изучать.

Не вполне ясно, как все это можно реализовать на практике. Иллич, однако, вместо школ предлагает несколько типов *образовательных форм*. Материальные ресурсы формального образования должны быть сосредоточены в библиотеках, бюро по сдаче в прокат, научных лабораториях, банках и базах данных, доступных для студентов и учащихся. Следует развернуть сети передачи данных, по которым можно получить сведения о профессиональных знаниях и навыках отдельных категорий специалистов. Те, в свою очередь, могут пожелать участвовать в обучении остальных или принять участие во взаимной обучающей деятельности. Студентам следует

[11] *Illich I. D.* Deschooling Society. Harmondsworth, 1973.

[12] *Illich I. D.* Deschooling Society. Harmondsworth, 1973.

обзавестись поручителями, которые разрешали бы им использовать образовательные структуры так и тогда, когда они пожелают.

Насколько утопичны эти предложения? Многие, пожалуй, расценят их именно как утопию. Однако если наемный труд существенно видоизменится и сократится в будущем (а это выглядит вполне вероятным), то эти предложения покажутся не столь уж фантастическими (см. гл. «Труд и экономическая жизнь»). Если бы наемный труд перестал занимать столь важное место в жизни общества, то у людей появилась бы возможность заняться иной деятельностью, выбрав ее из гораздо более широкого круга. На таком фоне некоторые идеи Иллича представляются разумными. Образование стало бы не только одной из форм подготовки молодежи в специальных учебных заведениях, но оказалось доступным для любого, кто пожелал бы воспользоваться его преимуществами.

Образование и культурное воспроизводство

Возможно, наиболее очевидный способ соединения некоторых элементов этих трех теоретических направлений представляет собой концепция **культурного воспроизводства**. Воспроизводство культуры описывает способы, посредством которых школа, совместно с другими социальными институтами, помогает из поколения в поколение сохранять социальное и экономическое неравенство. В этой концепции основное внимание сосредоточено на средствах, с помощью которых школы реализуют свою скрытую программу, оказывая воздействие на насаждаемые ими ценности, установки и обычаи. Школы усиливают разброс культурных ценностей и мировоззрения у своих питомцев; когда те покидают стены школы, то у одних приобретенный ими багаж лишь ограничивает их возможности, а у других — способствует развитию таковых.

Определенные Бернстайном способы использования языка, несомненно, связаны с теми широкими культурными различиями, которые приводят к разнообразию интересов и вкусов. Дети из низших социальных слоев, особенно принадлежащие к тем или иным меньшинствам, развивают свои манеры речи и поведения, приходящие в противоречие с тем, чему учат в школе. Как подчеркивают Боулз и Гинтис, школы навязывают ученикам дисциплинарные нормы, учителя ориентированы на то, чтобы передать им знания. Дети из низших слоев, переступая порог школы, испытывают потрясение гораздо большее, чем их сверстники из состоятельных семей. Они чувствуют себя так, будто оказались среди иностранцев. У них, скорее всего, не будет мотивов хорошо учиться; как бы они ни старались, привычные для них манера речи и поведение будут разительно отличаться от манеры речи и поведения учителей.

В школе дети проводят много времени. Как подчеркивает Иллич, они получают там гораздо больше, чем преподается на занятиях. Дети впервые узнают, что представляет собой мир труда. Они узнают, что надо быть пунктуальными и усердно отдаваться решению тех задач, которые поставили перед ними старшие.

Уиллис: анализ культурного воспроизводства

Блестящее обсуждение проблемы культурного воспроизводства содержится в отчете, составленном на основании фактических данных, собранных Полом Уиллисом в одной из школ Бирмингема[13]. Исследование Уиллиса призвано было объяс-

[13] *Willis P.* Leaning to Labour: How Working Class Kids Get Working Class Jobs. London, 1977.

нить, как происходит культурное воспроизводство, или, в его формулировке, «как выходцы из рабочего класса становятся рабочими». Часто думают, что во время учебы в школе дети из низших классов или представители меньшинств просто получают подтверждение того, что они «не настолько умны», чтобы рассчитывать на высокооплачиваемую работу или высокое положение в будущем. Иными словами, опыт школьных неудач учит их признавать свою интеллектуальную ограниченность. Признавая свою неполноценность, они шли лишь на бесперспективную работу.

Как подчеркивает Уиллис, такое толкование никак не согласуется с реальной жизнью и опытом. «Природная мудрость» жителей бедных кварталов, возможно, имеет весьма отдаленное отношение (если вообще имеет) к школьной успеваемости, но она подразумевает такой же искусный, умелый и сложный набор способностей, как и интеллектуальное мастерство, которому обучают в школе. Вряд ли можно найти ребенка, который, покидая школу, думал: «Я настолько глуп, что правильнее и лучше для меня было бы весь день грузить ящики на фабрике». Если дети из наименее привилегированных слоев соглашаются на работу прислуги, не считая, что из-за этого вся их жизнь разрушена, значит, должны существовать и какие-то другие факторы.

Уиллис сосредоточил свое внимание на конкретной группе мальчиков — учащихся одной из школ, и проводил с ними много времени. Члены этой группировки, называвшие друг друга «парнями», были белыми; в школе также училось много чернокожих детей и выходцев из Азии. Уиллис обнаружил, что «парни» имели четкое и ясное представление о системе управления школой. Однако они использовали свои познания скорее для того, чтобы бороться с этой системой, чем для того, чтобы сотрудничать с ней. Они видели в школе врага, но такого, которым они могли бы манипулировать в своих интересах. Они получали удовлетворение от состояния постоянного конфликта с учителями, поддерживаемого в основном на минимальном уровне. «Парням» нравилось наблюдать слабость учителей, претендовавших на власть, а также видеть их чисто человеческую уязвимость.

На занятии, например, дети должны были сидеть тихо, быть вежливыми и выполнять свои задания. «Парни» же были непоседами, и лишь строгий взгляд учителя мог сию же секунду остановить любого из них. Они могли украдкой переговариваться друг с другом, открыто высказать свое мнение, граничащее с непослушанием, но такое, которое можно было в случае чего объяснить.

Уиллис прекрасно описывает все это:

> «Парни» всегда умели прервать начавшуюся было ссору и после этого лишь дулись друг на друга. В классе они старались садиться поближе друг к другу; непрерывно скрипели стульями; шумно выражали свое неудовольствие, когда к ним обращались с простой просьбой, и беспрерывно возились, ерзая на своих местах и принимая то одно, то другое положение. Во время самоподготовки некоторые открыто демонстрировали свое пренебрежение к занятиям и, положив голову на крышку стола, засыпали. Другие усаживались на столы и смотрели в окна или безучастно разглядывали стену... Непрерывная болтовня струится, будто бы огибая все запреты и внушения. Ее не остановить, ибо она подобна приливу, вновь и вновь заливающему едва просыхающий от схлынувшей воды песчаный островок. Взоры учеников обращены куда угодно, только не на доску; все внимание сосредоточено на передаче сведений сугубо конспиративного характера... В школьных коридорах вы узнаете их по шаркающей походке утомленных опытом «бывалых людей», по взаимному обмену «приветом» с дружками, по внезапному умолканию, если мимо проходит завуч. Порой прорывается язвительный смешок или даже неудержимый хохот, который

> может относиться к кому-то, проходящему мимо, а может и не иметь к нему отношения. Одинаково неловко и пытаться прервать эти насмешки, и оставаться их объектом... Противостояние школе выражается в основном в борьбе за часть принадлежащего ей пространства, как умозрительного, условного, так и физического, в преодолении установленных в ней правил, чтобы нанести ей поражение в главном: стремлении заставить тебя работать.

«Парни» считают детей-конформистов, признающих власть учителей и заботящихся о своей успеваемости, «пай-мальчиками». «Пай-мальчики» действительно *внимательно слушают* учителей и делают все, что им говорят. Конечно, такие «пай-мальчики» имеют лучшие шансы, чем «парни», получить после окончания школы хорошо оплачиваемую и приятную работу. Однако их осведомленность о сложностях школьного окружения, по мнению Уиллиса, гораздо менее глубока, нежели у «парней». «Пай-мальчики» принимают все эти сложности, не задавая вопросов.

Большинство обследованных учащихся находилось где-то между «парнями» и «пай-мальчиками», будучи настроены не столь конфронтационно, как первые, и не столь конформистски, как последние. Однако стили и способы их противодействия в значительной мере зависели также и от их этнической принадлежности. Учителя в большинстве своем были белыми, и, несмотря на испытываемое к школе отвращение, «парни» имели с ними больше общего, чем чернокожие учащиеся. Среди группировок, образованных детьми выходцев из Вест-Индии, встречалась еще большая враждебность по отношению к школе, чем у «парней». Сами «парни» были открытыми расистами и четко отделяли себя от группировок чернокожих.

«Парни» предполагали, что работа во многом будет похожа на учебу в школе, но они активно ждали ее. При этом они не надеялись получать удовлетворение непосредственно от работы, но нетерпеливо ждали зарплату. Независимо от выполняемой работы — будь то шиномонтаж, настил полов, ремонт водопровода, окраска — как результат чувства собственной неполноценности, у них сохранялось ощущение того же освобождающего превосходства по отношению к работе, как когда-то они относились и к школе. Им нравился статус взрослого, который предоставляет работа, но их не интересовала собственная карьера. Как отмечает Уиллис, труд рабочего зачастую предполагает те же особенности в культуре, что и в создававшейся «парнями» «противо-школьной» культуре: ироничность, смекалку и умение, когда нужно, нарушить требования начальства. Лишь став старше, они, возможно, заметят, что их втянули в тяжелую и неблагодарную работу. Когда же у них появятся семьи, они, возможно, оглянутся назад — уже безнадежно — и увидят, что образование — единственный выход. Но даже если они попытаются передать это собственным детям, то вряд ли добьются большего успеха, чем их собственные родители.

Интеллект и неравенство

В нашем обсуждении мы не рассматривали влияние наследственности на способности. Ведь можно предположить, что различия в образовании, а также последующем трудоустройстве и доходах, непосредственно отражают различия в умственных способностях. В таком случае можно утверждать, что в системе школьного образования существует на деле равенство возможностей, соответствующих врожденным способностям людей.

Что такое интеллект?

Уже многие годы психологи обсуждают вопрос, существует ли в действительности некая единая человеческая способность, которая может быть названа **интеллектом**, и, если существует, то в какой мере эта способность основывается на врожденных особенностях человека. Дать определение интеллекту трудно, поскольку он охватывает много различных, часто несвязанных, качеств. Мы можем, например, предположить, что интеллект в наиболее «чистом» виде есть способность решать абстрактные математические задачи. Однако люди, щелкающие эти задачи, как орехи, порой обладают более чем скромными способностями в других областях — таких, как история или искусство. Поскольку понятие оказалось столь неприступным для принятия определения, некоторые психологи предложили (а многие работники образования за отсутствием чего-либо иного согласились) считать интеллектом то, «что измеряется при тестировании **IQ — коэффициента умственного развития»**. Неудовлетворительность такого подхода совершенно очевидна, ибо определение интеллекта тогда замыкается на себе самом.

IQ и генетические факторы: дискуссия по исследованию Йенсена

Результаты таких тестов фактически прямо пропорциональны успеваемости. Поэтому они также тесно взаимосвязаны с социальными, экономическими и этническими различиями, так как последние связаны с достижениями в учебе. Результаты тестирования белых студентов в среднем выше, чем у их чернокожих сверстников или представителей других меньшинств, поставленных в менее выгодное положение. Исходя из этого, некоторые предполагают, что различия в IQ между черными и белыми являются отчасти результатом действия фактора наследственности. Опубликованная в 1977 г. статья Артура Йенсена вызвала фурор, поскольку в ней разница IQ белых и негров частично объяснялась генетическими различиями[14].

Взгляды Йенсена широко критиковались, и большинство психологов их отвергло. Йенсен в значительной степени основывался на работах английского психолога Сирила Барта, которого впоследствии обвиняли в подделывании доказательств зависимости IQ и наследственности[15]. В действительности мы не знаем, на самом ли деле при тестировании интеллекта измеряются неизменные способности, не говоря уже о том, передаются ли такие способности по наследству. Критики Йенсена не признают, что различия в IQ у белых и негров, которые обычно укладываются примерно в пятнадцать баллов по шкале IQ, обязаны своим происхождением генетическим различиям. При определении IQ оцениваются некоторые лингвистические, знаковые и математические способности, а, согласно аргументации, аналогичной аргументации Бернстайна и других исследователей, подобные навыки в основном формируются на самых ранних этапах обучения. Другие же интеллектуальные способности, которые в школьных курсах обычно не считаются важными, тесты просто упускают. Такими способностями может быть в избытке наделен человек с «житейской мудростью».

Тесты для проверки коэффициента интеллекта, вероятно, всегда в какой-то степени *определяются культурой*. Они представляют собой вопросы (например, имеющие отношение к абстрактному мышлению), которые скорее свойственны

[14] *Jensen A.* How much can we boost IQ and scholastic achievement? // Harward Educational Review, 29. 1967; *Jensen A.* Bias in Mental Testing. New York, 1979.

[15] *Burt C.* The Subnormal Minol. Oxford, 1977.

культуре белых студентов — выходцев из среднего класса, чем черных или представителей других этнических меньшинств. Результаты тестирования умственного развития могут также быть подвержены влиянию факторов, не имеющих ничего общего с теми способностями, которые предполагается измерять, то есть зависеть, например, от устойчивости испытуемых по отношению к стрессам. По данным исследования, при тестировании негров IQ на шесть баллов меньше, если его проводит белый, а не негр.

Различия в усредненных результатах тестирования умственного развития у белых и негров почти наверняка являются следствием социальных и культурных, а не врожденных, отличий. Последние могут влиять на результаты тестирования, отличая одного индивидуума от другого, но не имея ничего общего с их расовой принадлежностью. В среднем различия IQ у белых и негров существенно меньше, чем вариации внутри каждой из этих групп.

О связи между генетикой и IQ: идентичные близнецы

В действительности мы не знаем, насколько сильно генетические факторы влияют на результаты тестирования интеллектуальных способностей. В развитии любого конкретного человека невозможно выделить относительное влияние наследственности и окружающих обстоятельств. Единственным способом, которым можно приблизительно оценить такое влияние, является сравнение идентичных близнецов, которые по определению имеют полностью идентичный набор генетических характеристик. Было проведено несколько исследований близнецов, разделенных при рождении и выросших в различных условиях (включая отчасти дискредитированное исследование Сирила Барта). Однако число разделенных пар близнецов, находившихся под контролем ученых, мало, и даже не всегда можно быть уверенным в том, что близнецы были действительно идентичными (*двуяйцевые* близнецы — развившиеся из двух отдельных яйцеклеток и потому имеющие различающиеся врожденные характеристики; и в этом случае близнецы могут быть физически похожи).

Изучив материалы нескольких исследований идентичных близнецов, Л. Дж. Кэмин пришел к выводу, что по результатам этих исследований в действительности ничего нельзя установить. Данные слишком ненадежны, а выборка нерепрезентативна для того, чтобы дать основание для заслуживающего доверия заключения о влиянии наследственности на уровень IQ. Как пишет Кэмин, «нет достаточных данных, чтобы отвергнуть гипотезу, что отличия в том, как люди отвечают на вопросы проводящих тесты, определены несомненно различным жизненным опытом»[16].

Гендер и школьное образование

Если действительно существуют различия в среднем интеллектуальном уровне людей, относящихся к различным расовым группам, возможно, нам следовало бы разработать для них и различные программы образования? Эксперимент такого рода был проведен в 60-х годах в Фаррингтонской начальной школе на юге Калифорнии. В школе была создана программа, ориентированная на потребности образования и последующего трудоустройства (PEON — Programme for Educational

[16] *Kamin L. J.* The Science and Politics of IQ. Harmondsworth, 1977.

and Occupational Needs) и основывавшаяся на исследовании способностей и интересов нескольких предыдущих поколений фаррингтонских выпускников. В программе участвовали две этнические группы — белых американцев и американцев мексиканского происхождения. Эксперимент показал, что белые учащиеся имели способности и интересы к профессиональной и административно-управленческой деятельности, в то время как американцы мексиканского происхождения склонялись к сельскохозяйственному труду. Белым учащимся поэтому преподавалось больше научных дисциплин, а для выходцев из Мексики делался больший акцент на физическую подготовку, чтобы выработать у них силу и ловкость, необходимые для полевых работ. Поскольку «мексиканцы» обычно не претендовали на позиции лидерства, в тех играх, которым их обучали, требовались прежде всего умение подчиняться, послушание. Педагогический коллектив с энтузиазмом относился к этой программе, полагая ее идеально спроектированной под потребности обеих этнических групп.

Звучит шокирующе? Безусловно, да. Кажется ли это нелепым? Возможно, тем более, что описанный здесь эпизод, конечно же, выдуман. Даже те, кто полагает, что различия в умственных способностях людей различного происхождения наследуются, не предложили бы такой системы. Тем не менее, подобная программа существовала в действительности, с тем лишь отличием, что относилась не к этническим группам, а к различным полам.

В статье, появившейся в 1966 г. в широко распространяемом издании *«Нэшнл элементари принсипл»*, давался обзор новой учебной программы для детей, сгруппированных по половому признаку, в Уэйкфилдской начальной школе, графство Фейрфакс, Вирджиния. Когда статья была написана, уже фактически велось раздельное обучение. Для мальчиков упор делался на науки, строительство и практическую деятельность; в классах для девочек акцент был сделан на шитье и ведение домашнего хозяйства. Для чтения мальчикам и девочкам предлагались различные учебные тексты. Уэйкфилдская программа лишь формализовала то, что уже давным-давно было, а в значительной мере сохраняется и по сей день как одна из основ школьного образования. Влияние различия полов на школьное образование изучено мало, хотя последствия его столь же далеко идущие, как и последствия различия по этническим признакам.

Примеры неравенства полов в школьном образовании заметно отличны от образцов неравенства классового или этнического характера. По успеваемости, например, девочки значительно опережают мальчиков в начальной школе и на ранних этапах среднего образования. Затем девочки начинают отставать, и в некоторых предметных областях они представлены непропорционально мало. В естественных, технических науках и медицине на уровне колледжей и университетов до сих пор доминируют мужчины.

Гендер и программы обучения

В программе Уэйкфилдской начальной школы проявилось то, что сегодня практически везде стало частью скрытой школьной программы — усиление половых различий в мировоззрении и поведении. Правила, предписывающие девочкам ношение платья или юбки как элемента школьной формы, — один из наиболее очевидных способов, которым проявляется различие полов. Однако последствия этого идут гораздо дальше внешнего вида. Одежда девочек лишает их возможности свободно сесть, участвовать в подвижных играх или просто бежать во всю прыть.

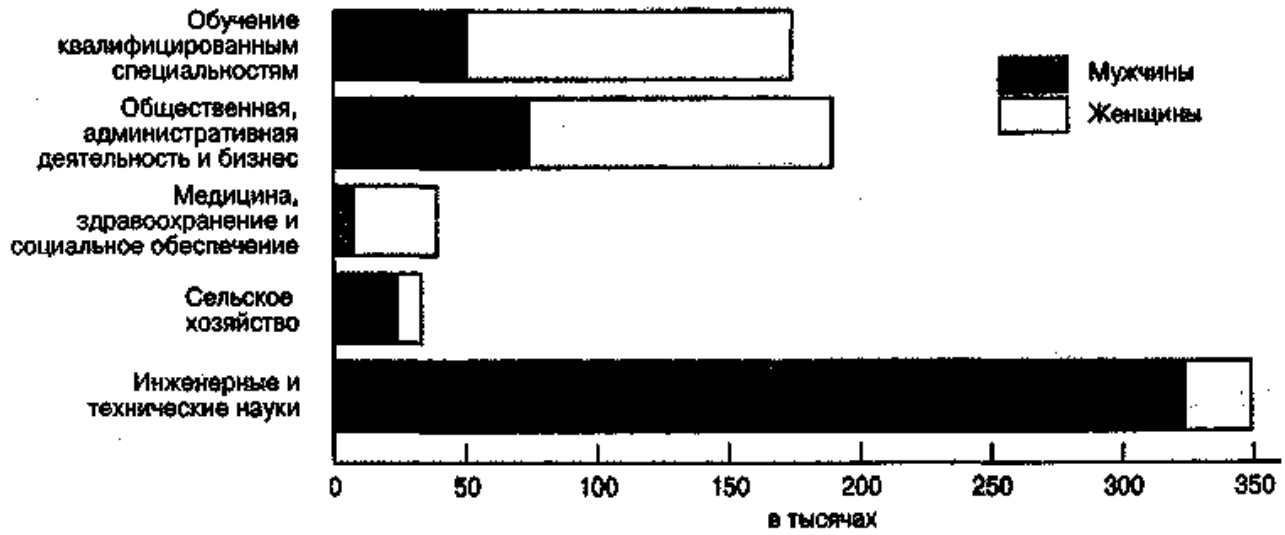


Рис. 11. Мужчины и женщины непропорционально представлены среди слушателей основных курсов колледжей. Англия и Уэльс, 1984.
Источник: New Society, 26 September. 1986. P. 44

Рис. 12. Что изучают женщины в университетах Британии. Доля женщин в университетах, 1984.
Источник: New Society, 26 September. 1986. P. 44

Учебные тексты также способствуют закреплению имиджа пола. Хотя понемногу это меняется, но обычно хрестоматия для начальных классов представляет мальчиков инициативными и независимыми, а девочек, если они вообще появляются, более пассивными, следящими за своими братьями. Рассказы, написанные специально для девочек, часто содержат элемент приключения, но обычно оно принимает форму интриги или тайны в школе или домашней обстановке. Приключенческие рассказы для мальчиков разворачивают свои сюжеты более широко, отправляя своих героев путешествовать в дальние края либо предоставляя им полную независимость каким-то другим способом.

Изучения реакции учителей на различия полов в классе относительно редки и нечасты. Существующие исследования показывают, что девочек вознаграждают за молчание, послушание, сговорчивость, в то время как в мальчиках терпят гораздо более своенравное поведение[17].

[17] *Frazier N.* and *Sadker M.* Sexes in School and Society. New York, 1973; *Delamont S.* Interaction in the Classroom. London, 1976; *Walker S.* and *Barton L.* Gender, Class and Education. London, 1983.

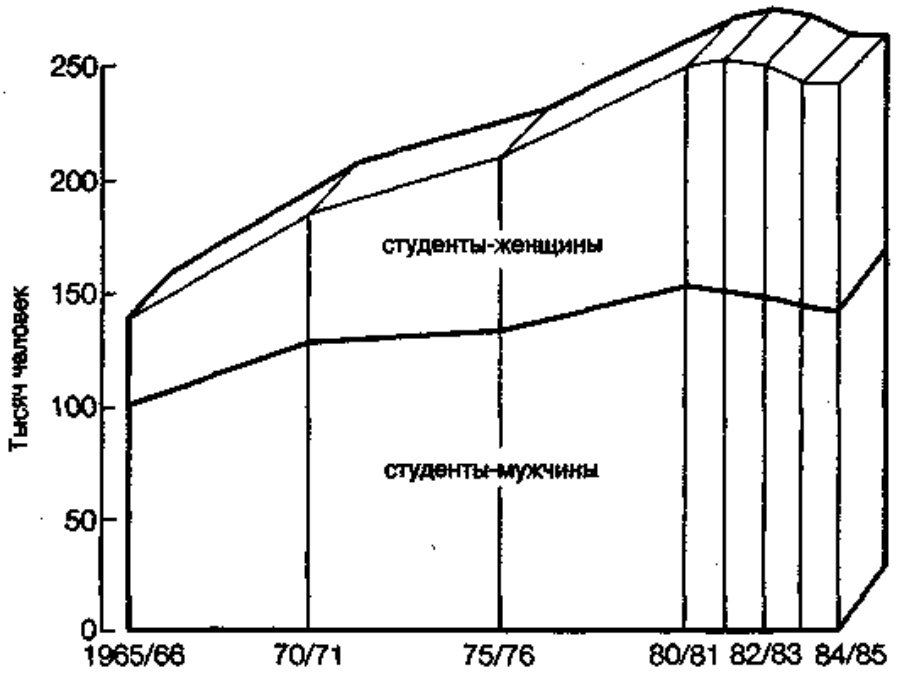


Рис. 13. Число мужчин и женщин в университетах Великобритании (1965–1984). Источник: New Society, 26 September. 1986. P. 44

Девочки из этнических меньшинств бывают в некоторых отношениях вдвойне несчастливы. Беверли Брайан и ее коллеги описали, что значит быть чернокожей в британской школе, где Уиллис изучал группы белых мальчиков. В отличие от парней, девочки-негритянки, с энтузиазмом воспринимавшие поначалу школу, меняли свое отношение из-за трудностей, с которыми они здесь сталкивались. Даже когда они были совсем маленькими, семи–восьми лет, учителя все равно разгоняли их, увидев болтающими на игровой площадке. Воспринимаемые как «возмутительницы спокойствия», они быстро становились таковыми.

Женщины в высшем образовании

Женские организации в Британии и в других странах часто выступали с критикой дискриминации женщин в системе среднего и высшего образования. Женщин все еще очень мало среди профессорско-преподавательского состава колледжей и университетов. Обзор 454 колледжей и университетов США, опубликованный в 1970 г., показал, что среди руководства этих учебных заведений женщин было не более 8%. Среди профессоров женщин было лишь 10%, среди преподавателей — 25%. В Великобритании в 1981 г. женщин-профессоров было 2%, старших преподавателей — 6%, а предподавателей — 14%[18].

Сравнительное исследование женщин-ученых в Великобритании и США показало, что в обеих странах женщины в среднем имеют большую учебную нагрузку, чем их коллеги-мужчины, и менее часто преподают в аспирантуре. Большая нагрузка, по-видимому, не оставляет времени на научные исследования и публикации; в то время как количество публикаций и обучение аспирантов являются важными критериями для продвижения по службе.

[18] *Szreter R.* Opportunities for women as university teachers in England since Robbins Report of 1963 // Studies of Higher Education, 8. 1983.

Образование и грамотность в странах «третьего мира»

Обратимся теперь в проблемам образования в развивающихся странах. Живя на Западе, мы привыкли к ситуации, когда подавляющее большинство населения умеет читать и писать, и не один год проучилось в школе. Однако всеобщее образование отнюдь не так широко распространено по всему миру. За последнюю четверть века образовательные системы в большинстве развивающихся стран быстро расширялись, но все еще есть страны (например, Сенегал в Африке), где почти половина детей не получают вообще никакого образования. Грамотность — умение читать и писать вместе с определенным знанием основ языка — это основа образования. Без нее школьное обучение немыслимо. Мы принимаем как данное, что на Западе почти все грамотны, но, как уже говорилось, всего несколько веков назад ситуация была обратной.

В 1986 г. было подсчитано, что 30% населения развивающихся стран неграмотно. Только в Индии, согласно оценкам правительства, более 250 миллионов человек не умело читать и писать. Даже если распространение начального образования будет соответствовать темпам роста народонаселения, неграмотность сохранится еще на многие годы, т. к. значительная доля неграмотных приходится на взрослых людей. Общее количество тех, кто не умеет читать и писать, в действительности растет.

Во многих странах учреждены программы по борьбе с неграмотностью, но по большей части это лишь малый вклад в решение огромной проблемы. Телевидение, радио и другие электронные средства массовой информации могли бы быть использованы, где это возможно, для передачи образования прямо неграмотным людям, без того, чтобы эти люди проходили через трудоемкий процесс обучения чтению. Однако образовательные программы куда менее популярны, чем коммерческие развлекательные.

Во времена колониального правления власти смотрели на образование с некоторой подозрительностью. До XX века туземное население считалось в основном слишком примитивным, чтобы пользоваться плодами просвещения, хотя образование стали рассматривать как один из путей формирования местной элиты, чутко воспринимавшей интересы европейцев и их образ жизни. В то же время было признано, что образование народов, находящихся в колониальной зависимости, могло бы способствовать возникновению у них недовольства и росту беспорядков. В известном смысле так и произошло, ибо большинство тех, кто возглавлял антиколониальные и националистические движения, вышли как раз из среды образованной элиты. Многие из этих людей учились в европейских школах и колледжах и могли непосредственно соотносить демократические институты европейских стран с отсутствием демократии в своих странах-колониях.

Системы образования, введенные колонизаторами, были обычно европеизированными и не очень подходящими для самих колоний. Африканцы были вынуждены, например, учить язык своей европейской метрополии, изучать европейскую историю и культуру. Образованные африканцы в британских колониях знали о королях и королевах Англии, читали Шекспира, Мильтона и английских поэтов, но почти ничего не знали о своей собственной истории или культуре. Политика реформ в области образования, проводившаяся после краха колониальной системы, до сих пор не полностью изменила такое положение.

Колониальная система образования оставила после себя еще одно наследие: во многих странах «третьего мира» образовательная система смещена в сторону высшей школы. Высшее образование непропорционально развито в сравнении с начальной

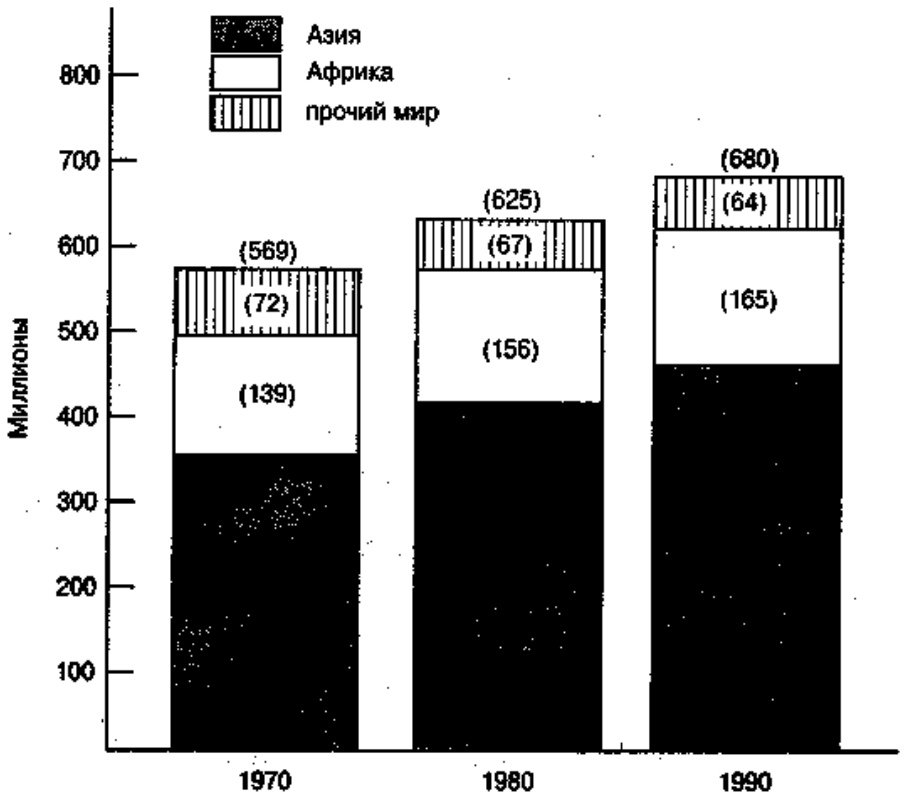


Рис. 14. Число неграмотных в мире по оценкам ЮНЕСКО, 1970, 1980 и (ожидаемый уровень) 1990.
Источник: *Philip H. Coombs*. The World Crisis in Education: The View from the Eighties. New York, 1985

и средней школой. Как результат, имеется образованная элита, некоторые представители которой после колледжа или университета не могут найти себе работу по специальности. При низком уровне промышленного развития большинство хорошо оплачиваемых должностей сосредоточены в органах власти и их на всех не хватает.

Многие страны «третьего мира» пытались в последние годы перенаправить свои усилия в области образования на сельскую бедноту, признавая недостатки колониального наследия. Эта политика имела ограниченный успех, поскольку их возможности были ограничены вследствие недостатка денег. Некоторые страны, такие, как Индия, пропагандировали *самообразование*, так что общины использовали свои собственные ресурсы, и не требовалось больших расходов. Тех, кто умел читать и писать и, возможно, обладал некоторыми профессиональными навыками, поощряли брать себе «учеников», которых они обучали бы на досуге. Некоторые из этих схем обнаруживают близкое сходство с идеями, предложенными Илличем в его критике ортодоксального образования — что и не удивительно, поскольку он развивал свои идеи в контексте стран «третьего мира», где, за исключением обучения элементарной грамотности, формальные системы школьного образования часто имеют мало отношения к реальным нуждам населения.

Коммуникация и средства массовой информации

Современный мир зависит от непрерывной **коммуникации**, или взаимодействия, между людьми, пространственно отдаленными друг от друга. Если бы не *коммуникации*

через пространство, школьное образование для широких масс было бы невозможно, да и не нужно. В традиционных культурах — как в том примере, которым мы начали эту главу — знания в основном были тем, что антрополог Клиффорд Гирц называл **локальными знаниями**. Местные сообщества жили в соответствии со своими традициями, и хотя общие идеи в культуре, постепенно распространяясь, охватывали все большие территории, процесс распространения культуры являлся чрезвычайно длительным, медленным и непостоянным. Сегодня мы живем в «едином мире», который совершенно невозможно было представить для Жан-Поля Дидье или кого-то еще, жившего до XIX века. Мы следим за событиями и положением дел за тысячи километров от нас, электронные средства коммуникаций позволяют делать это почти непрерывно. Развитие информационных технологий и распространение информации являются такой же частью прогресса современного общества, как и любой аспект промышленного производства. В XX столетии высокоскоростной транспорт и электронные средства коммуникации ускорили глобальное распространение информации.

Средства массовой информации

Средства массовой информации — газеты, журналы, кино и телевидение — часто ассоциируются с развлечениями и поэтому рассматриваются как нечто второстепенное в жизни большинства людей. Подобный взгляд совершенно неверен.

Массовая коммуникация затрагивает многие аспекты нашей жизни. Например, денежные операции сейчас главным образом связаны с обменом информацией, заключенной в компьютерах. Банковский счет — это не груда банкнот, запертая в сейфе, а последовательность цифр, напечатанная на карточке и хранящаяся в компьютере. Всякий, кто пользуется кредитными карточками, вовлечен в сложную систему электронного хранения и передачи информации. Даже «расслабляющие» средства информации, такие, как газеты и телевидение, оказывают огромное влияние на наше мироощущение. Это происходит не столько из-за их специфического воздействия на наши позиции, сколько потому, что они становятся *средствами доступа* к знаниям, от которых зависит общественная жизнь. Голосование на общенациональных выборах было бы невозможным, если бы информация о текущих политических событиях, кандидатах и партиях не была общедоступной. Даже тем, кто в целом не интересуется политикой и имеет о ней слабое представление, кое-что известно о событиях национальной и международной жизни. Только настоящий отшельник мог бы оставаться в стороне от «новостей», столь властно вторгающихся в нашу жизнь, и мы имеем все основания предполагать, что у отшельника XX века вполне может оказаться радиоприемник.

Развитие газетного дела

Газеты в их современном виде берут начало от памфлетов и информационных листков, имевших хождение в XVIII веке. Только к концу XIX века газеты стали «ежедневными», у них появились тысячи и миллионы читателей. В истории развития современных средств массовой информации газета стала важнейшим достижением, поскольку она предлагала большое количество самой разнообразной информации в удобной и легко воспроизводимой форме. Газета содержит в одном блоке информацию о текущих событиях, развлечения и рекламу. Новости и реклама развивались вместе, и действительно, границы между новостями, рекламой и развлекательной

информацией достаточно подвижны и трудноуловимы. Например, сообщение о прибытии или отплытии теплохода может в одном контексте быть новостью, в другом — рекламой, или, если оно касается конкретных пассажиров и напечатано в колонке светских новостей, приобретает развлекательный характер.

Дешевая ежедневная пресса впервые возникла в Соединенных Штатах. Ежедневная газета стоимостью в один цент была первоначально учреждена в Нью-Йорке, а затем скопирована в других крупных городах Восточного побережья. В начале XX века городские и региональные газеты распространились в большинстве штатов. (В отличие от меньших по размеру европейских стран, общенациональные газеты в Америке не появились.) В период массовой иммиграции в Соединенных Штатах печаталось множество иноязычных газет. Например, в 1892 году в городах Среднего Запада и Северо-Востока ежедневно выходило девяносто семь газет на немецком языке. Изобретение дешевого способа печати дало толчок к массовому распространению газет начиная с конца XIX века.

Два наиболее ярких примера наиболее престижных газет начала XX века — «Нью-Йорк Таймс» и лондонская «Таймс». Большинство влиятельных газет других стран воспринимало их как образцы. Газеты, пользовавшиеся высоким спросом на читательском рынке, становились значительной политической силой, и эта ситуация сохраняется по сей день.

Более полувека газеты были основным средством быстрой и эффективной передачи информации для массовой аудитории. С расцветом радио, кино и, что гораздо более важно, телевидения их влияние заметно уменьшилось. Еще в 1960 году в Британии ежедневно продавалось более одной газеты на одну семью: в среднем 112 газет на 100 семей; с тех пор это соотношение постоянно снижается. Сегодня на каждые 100 семей приходится менее 90 газет. В особенности упало число газет, проданных в группе читателей в возрасте от 20 до 30 лет.

Издание газет

Газеты издавна ассоциируются с образом всесильного магната, главы издательской империи. Эта картина не так уж далека от истины. Во многих странах газеты находятся в собственности небольшого числа крупных корпораций, часто принадлежащих ограниченному кругу лиц или семей. Многие из этих фирм вложили значительные средства в телевидение и индустрию развлечений. В Британии громадные компании, возглавляемые *газетными баронами*, лордами Нортклиффом, Бивербруком и Кимсли, возникли в 20–30-х годах благодаря успеху принадлежавших им массовых изданий. Франция наблюдала рождение информационной империи Эрзан, в Германии появились огромные предприятия Шпрингера и Грюнера. В Соединенных Штатах число городов, в которых существовали конкурирующие газетные фирмы, устойчиво снижалось — с более чем 500 в начале века до 30 с небольшим в 1984 году. Только в 3% американских городов имеются конкурирующие газеты. Издание местных газет стало монополией.

За исключением США, все западные страны могут похвастаться несколькими общенациональными газетами. Эти газеты часто отражают различные политические позиции, поэтому читатель имеет возможность выбора. Хотя в Соединенных Штатах издаются только местные газеты, но владеют ими, как правило, не местные жители: более 70% контролируется издательскими объединениями. Владельцы некоторых из них, как и в массовых изданиях Европы, полностью определяют издательскую политику, которой должны следовать редакторы и журналисты. Редакторам восьми

крупнейших газет концерна Херста ежедневно рассылается несколько передовиц, часть из которых *должна быть* опубликована, а часть *рекомендуется* к публикации. Сами редакторы статей не пишут.

Учреждение и издание массовых газет стоит чрезвычайно дорого. В последнее время появлялись новые пользующиеся успехом массовые газеты (например, британская «*Сан*», принадлежащая австралийскому предпринимателю Руперту Мэрдоку), как правило, рассчитанные на «низколобого» потребителя, но было гораздо больше провалов. Тот факт, что владение газетами концентрируется в немногих руках, беспокоит большинство западных правительств[19]. Во многих странах правительства стараются предотвратить приобретение газет крупными объединениями, хотя их действия часто безуспешны. Иногда государства пытаются установить политический баланс в прессе: в Норвегии, например, в 70-х годах был принят законопроект, направленный на выравнивание инвестиций в газеты, представляющие различные политические позиции, и большинство локальных общин этой страны сегодня имеют две или более качественных и всесторонне информированных газет, придерживающихся различных точек зрения на национальные и международные события.

Возможно, развитие компьютерных технологий приведет к резкому возрастанию числа газет, поскольку их выпуск сегодня стал значительно дешевле, чем раньше. С другой стороны, средства электронной коммуникации могут еще эффективнее использоваться в процессе распространения газет. Например, телетекстовые системы могут в течение всего дня доставлять постоянно обновляемую информацию прямо на экраны телевизоров.

Влияние телевидения

Усиливающееся влияние телевидения является, вероятно, важнейшим достижением в области средств массовой информации за последние тридцать лет. Если сегодняшние тенденции сохранятся, то к восемнадцати годам каждый родившийся сейчас ребенок будет проводить у телевизора больше времени, чем за любым другим занятием, кроме сна. Практически каждая семья имеет сейчас телевизор. В Великобритании средний телевизионный приемник работает от пяти до шести часов в день. Практически та же картина наблюдается и в Соединенных Штатах, и в других западных странах. Число часов, которое отдельный индивид проводит перед телевизором, конечно, меньше, поскольку разные члены семьи включают его в разное время, однако подсчитано, что средний взрослый житель Британии смотрит телевизор по три часа в сутки.

Приход телевидения оказал значительное влияние на структуру повседневной жизни, поскольку многие люди строят распорядок дня вокруг определенных программ. В исследовании, проведенном в одиннадцати странах, была поставлена задача проанализировать влияние телевидения на повседневную жизнь, при этом сравнивались виды деятельности тех, кто имеет телевизор, и тех, у кого его нет. Исследование проводилось в Соединенных Штатах, в ряде западно- и восточноевропейских стран и в Перу. Опрашиваемых попросили перечислить все виды их деятельности в течение 24 часов. Во всех странах владельцы телевизоров отдавали меньше времени, чем остальные, дружеским встречам, общению, домашним делам и сну.

Исследователи пришли к выводу, что телевидение оказало большее влияние на повседневное существование, чем любое другое техническое новшество, не относящееся к сфере оплачиваемого труда. Например, те, кто имеет автомобили, проводят

[19] *Senkins S.* The Market for Glory: Fleet Streer Owneship in the Twentieth Century. London, 1986.

в путешествиях в среднем лишь на 6% больше времени, чем те, кто их не имеет, а доля времени, проводимого за домашними делами, после приобретения бытовых приборов, таких, как холодильники, стиральные машины и электросушилки, как правило, не меняется (см. главу 6, «Гендер и сексуальность»).

Телевизионные компании

Подобно массовым печатным изданиям, телевидение сегодня — огромный бизнес, и в большинстве стран государство прямо участвует в управлении им. Британская Вещательная Корпорация (БиБиСи), положившая начало первым телевизионным передачам, является государственной организацией (хотя в 1988 году ее статус пересматривался правительством). На ее финансирование идут лицензионные взносы, выплачиваемые каждой семьей, имеющей телевизор. В течение ряда лет БиБиСи была единственной организацией, которой было разрешено радио- и телевещание на территории Британии, но сегодня, кроме двух телеканалов БиБиСи (БиБиСи 1 и 2), существует два коммерческих телеканала (каналы АйТиВи 3 и 4), предлагающих программы региональных компаний, число которых жестко ограничивается правительством. Частота и длительность рекламы контролируется законом, на нее должно отводиться не больше 6 минут в час.

В Соединенных Штатах три ведущие телевизионные организации являются коммерческими: Американская Вещательная Компания (ЭйБиСи), Вещательная Система Колумбия (СиБиЭс) и Национальная Вещательная Компания (ЭнБиСи). Согласно закону, вещательные сети ограничены, и в собственности одной организации может находиться не более пяти станций, которые в случае упомянутых компаний располагаются в крупнейших городах. Вещание «Большой тройки» собственными станциями охватывает, таким образом, более четверти всех семей. К каждой сети подключено около 200 станций-филиалов, вместе они составляют 90% от 700 телестанций страны. Корпорации получают доход, продавая рекламное время. Национальная Ассоциация Вещания, частная компания, установила следующие правила, определяющие долю телевизионного времени, приходящегося на рекламу: 9,5 мин. в час в лучшее время и 16 мин. в остальное. С целью установления стоимости рекламы телекомпании регулярно собирают статистические данные (рейтинги) о том, сколько времени люди смотрят те или иные программы. Помимо этого, рейтинг, разумеется, чрезвычайно сильно влияет на то, будет ли продолжена данная серия программ или нет.

Воздействие телевидения на поведение

Для того, чтобы оценить воздействие, оказываемое телевизионными программами, проводилось большое количество исследований. Большая часть их была посвящена влиянию, которое телевидение оказывает на детей (что достаточно понятно); определялся спектр просматриваемых передач и возможные последствия для социализации. Три наиболее исследованные темы — это влияние телевидения на предрасположенность к совершению преступлений и насилию, эффекты новостей и роль телевидения в политической жизни. Сейчас мы сосредоточим свое внимание на первой из них.

Тема насилия в телевизионных программах исследована достаточно хорошо. В обширных исследованиях, проведенных Гербнером и его сотрудниками, ежегодно, начиная с 1967 года, анализировалась выборка программ, идущих в течение «лучшего

времени» и днем в выходные, всех крупных вещательных сетей Америки. Фиксировались количество и частота насильственных актов и эпизодов в различных типах программ. В этом исследовании насилие определялось как угроза применения или применение физической силы, направленное против себя или других, в результате которого причиняются физические увечья или наступает смерть. Телевизионные постановки оказались чрезвычайно насыщенными насилием: в среднем 80% таких программ содержат элементы насилия, случающиеся с частотой 7,5 насильственных эпизода в час. В детских программах отмечается еще больший уровень насилия, хотя убийство в них изображается не столь часто. Из всех телевизионных программ наибольшее число насильственных актов и эпизодов содержат мультфильмы[20].

Каким образом показ насилия воздействует, если это воздействие вообще имеет место, на аудиторию? Ф. С. Андерсон проанализировал результаты шестидесяти семи исследований, проводившихся в течение двадцати лет, с 1956 по 1976 год, с целью изучения влияния телевизионного насилия на склонность детей к агрессии. Примерно три четверти этих исследований утверждали, что такая связь существует. В 20% случаев однозначных результатов получено не было, а в 3% имеются данные, что просмотр насилия по телевидению фактически снижает агрессивность[21].

Однако исследования, рассматривавшиеся Андерсоном, чрезвычайно различаются по использованным методам, по предлагаемой степени связи и по определениям «агрессивного поведения». В криминальных драмах, изображающих насилие, во многих детских мультфильмах содержатся скрытые темы справедливости и воздаяния. В драмах правосудие карает гораздо большее число злодеев, чем, согласно данным полиции, это случается в реальной жизни, а в мультфильмах жестокие персонажи, как правило, получают по заслугам. Вывод о том, что высокая частота изображения насилия вызывает прямые имитирующие действия у зрителей, не обязателен. Возможно, большее воздействие имеют заложенные в основу моральные темы. В общем, исследования влияния телевидения, как правило, рассматривали аудиторию — детей и взрослых — как пассивную и безразличную в ее реакции на содержание увиденного.

Роберт Ходж и Дэвид Трипп подчеркивают, что реакция детей на телевидение подразумевает интерпретацию или *прочтение* того, что они видят, а не простую регистрацию содержания программы[22]. Эти авторы предположили, что в большей части исследований не принималась во внимание сложность процессов мышления детей. Просмотр даже тривиальных программ телевидения — не обязательно, как это принято думать, малоинтеллектуальное занятие: дети «прочитывают» программы, связывая их с другими смысловыми системами своей повседневной жизни. Например, даже самые маленькие понимают, что экранное насилие «ненастоящее». По мнению Ходжа и Триппа, на поведение воздействует не телевизионное насилие как таковое, а скорее общие установки, в рамках которых насилие демонстрируется и «читается».

Тем не менее, трудно поверить, что постоянный показ насилия по телевидению не оказывает никакого влияния на установки и поведение детей. Изучение воздействия

---

[20] *Gerbner G.* et al. The demonstration of power: violence profile no. 10 // Journal of Communication, 29, 1979; *Gerbner G.* et al. The «mainstreaming» of America: violence profile no. 11 // Journal of Communication, 30, 1980; *Gunter B.* Dimensions of Television Violence. London, 1985.

[21] *Anderson F. S.* TV violence and viewer aggression: accumulation of study results 1956–1976 // Public Opinion Quarterly, 41, 1977; *Libert R. M., Sprafkin S. N., Davidson M. A. S.* The Early Window: Effects of Television Children and Yourth. London, 1982.

[22] *Hodg R.* and *Tripp D.* Children and Television: A Semiotic Approach. Cambridge, 1986.

телевидения на насильственное поведение детей и молодежи, проводившееся правительством Соединенных Штатов по инициативе Главного хирурга США, включало множество различных исследований. По его результатам был составлен большой и неоднозначный заключительный доклад, маскирующий различия в мнениях исследователей, принимавших участие в работе[23]. Однако доклад стимулировал попытки использовать телевидение в качестве позитивного и конструктивного средства развития детей, особенно каналы общественного телевидения (финансируемые из государственных источников и через подписку, а не благодаря рекламе). Несмотря на то, что их годовой доход составляет лишь около 5% от дохода коммерческих станций, общественные телевизионные станции передают множество образовательных программ. «*Улица Сезам*» стала примером программы, специально созданной не только для развлечения, но и для стимулирования интеллектуального и культурного развития детей.

Телевидение как распространитель социальных установок

Воздействие телевидения как культурной среды не может быть должным образом оценено только в контексте предлагаемых программ. Телевидение помогает формировать *основы восприятия*, всеобщее культурное мировоззрение, с помощью которых индивид в современном обществе интерпретирует и организует информацию. На фоне сегодняшнего роста непрямых форм коммуникации телевидение имеет такое же важное значение, как книги, журналы и газеты. Оно формирует способ интерпретации социального мира, помогая *упорядочить опыт* нашего общения с ним. Установки, которые явно или скрыто присутствуют во всех видах телепродукции и в способах ее распространения, возможно, гораздо более важны, чем то, что конкретно показывается в программах.

Скажем, телевидение до некоторой степени способствовало изменению природы современных выборов. Другой пример: символы, содержащиеся в рекламе, могут иметь более глубокое влияние на социальное поведение, чем те фиксированные сообщения, которые хотят донести рекламодатели. Так, часто на заднем плане коммерческого сообщения символически изображаются различия полов, а не то, что, собственно, предлагается к продаже. Во многих роликах мужчины показаны интеллектуальными и физически активными, в то время как женщины обычно мечтательно смотрят вдаль.

Заключение

При рассмотрении образования, телевидения и «индустрии культуры» встают вопросы о равновесии власти, ответственности и свободы. Школы предоставляют многосторонний образовательный опыт как в рамках формальной программы, так и вне ее, что способствует развитию индивида. С другой стороны, школьная система помогает закреплению социального и экономического неравенства.

Современные средства массовой информации также занимают важное место в нашей жизни, предоставляя множество необходимых информационных услуг, а также возможности для самообразования и развлечений. Тем не менее, средства массовой информации обыкновенно отражают мировоззрение доминирующих общественных групп. Это является не следствием прямой политической цензуры (как это было

[23] Surgeon General's Scientific Advisory Committee. Television and Social Behaviour. Washington, 1972.

в Восточной Европе), а результатом того, что собственность на телевидение, газеты и банки данных концентрируется в немногих руках. Кто должен контролировать средства массовой информации? Могут ли непривилегированные слои добиться, чтобы их голоса были услышаны? Это сложные и трудноразрешимые проблемы, приобретающие теперь международное значение, поскольку сегодня лишь ограниченное число стран доминирует в мировой коммуникационной сети. Это явление обсуждается в главе XVI («Глобализация социальной жизни»).

Краткое содержание

1. Образование в его современном виде, подразумевающее обучение учеников в специальных школьных помещениях, начало формироваться одновременно с распространением печатных материалов и повышением общего уровня *грамотности*. Знания теперь могут сохраняться, воспроизводиться и использоваться большим количеством людей в большем числе мест. В ходе индустриализации труд становился более специализированным, и знание все в большей степени приобреталось не в практической, а в абстрактной форме, подобно навыкам чтения, письма и счета.

2. Распространение образования в XX веке было тесно связано с ростом потребностей в грамотной и дисциплинированной рабочей силе. Несмотря на то, что реформаторы видели в образовании средство уничтожения неравенства, его значение в этом отношении оказалось относительно небольшим. Образование, как правило, лишь подтверждает существующее неравенство, а не изменяет положение вещей.

3. Согласно теории Бернстайна, дети, усвоившие *сложные речевые коды*, лучше справляются с требованиями формального академического образования, чем дети, усвоившие *ограниченные коды*. Тесты умственного развития, подобные тесту IQ, основаны на стандартизированном представлении о «полезных» способностях и навыках, они культурно-обусловлены, и поэтому применение их ограничено.

4. Преподавание формального набора школьных дисциплин является лишь одним из компонентов общего процесса *культурного воспроизводства*, находящегося под влиянием множества неформальных сторон школьного обучения. Важную роль в процессе культурного воспроизводства играет «скрытая программа».

5. Организация школ и способы преподавания в них, как правило, закрепляют неравенство полов. Специальная одежда для девочек и мальчиков стимулирует половую типизацию, и школьные тексты содержат устоявшиеся гендерные имиджи. То, что учителя относятся к девочкам и мальчикам по-разному, очевидно. Существует длительная история разделения полов: некоторые школьные предметы считаются более подходящими для девочек, чем для мальчиков, и наоборот. В высшем образовании женщины представлены по-прежнему меньше и в качестве студентов, и в качестве преподавателей. Эта ситуация, вероятнее всего, не улучшится, если не изменится ряд других, связанных с ней, факторов.

6. Всеобщее начальное образование принято отнюдь не во всем мире: до сих пор существуют такие страны «третьего мира», в которых дети не получают никакого формального образования. Сегодня абсолютное число неграмотных людей в мире скорее растет, чем уменьшается.

7. Школьное образование следует понимать как один из элементов системы массовой коммуникации, появившейся в процессе индустриализации. Объем информации, циркулирующей между людьми, разделенными большими расстояниями, значительно увеличился. Современные политические системы нуждаются в информированных гражданах. Вследствие использования печати и электронных информационных средств (телефона, радио, телевидения и компьютеров) *глобальное* и *локальное* приблизились друг к другу.

8. Несмотря на большое число исследований, до сих пор остается неясным, в какой степени и каким образом показ насилия по телевидению стимулирует агрессивное поведение в реальной жизни. Большинство исследователей недооценивают того, насколько избирательно зрители интерпретируют увиденное и насколько сложны взаимоотношения «выдуманного» и «реального».

9. Воздействие телевидения и других средств массовой информации на нашу жизнь чрезвычайно глубоко. Средства массовой информации не только предлагают развлечения, но предоставляют и структурируют большую часть той информации, которой мы пользуемся в повседневной жизни. Вопросы о том, кто является собственником средств информации и в какой степени эти средства позволяют выражать различные точки зрения, имеет огромное значение.

Основные понятия

образование
коммуникация
культурное воспроизводство

Важнейшие термины

грамотность
образовательная система
высшее образование
ограниченный код
сложный код
скрытая программа
интеллект
IQ
локальное знание
средства массовой информации

Дополнительная литература

James W. Carey. Communication as Culture: Essays on Media and Society. London, 1989. Интересный и доступный сборник эссе о важности коммуникации и средств коммуникаций в традиционных и современных обществах.

John Fiske. Understanding Popular Culture. London, 1990. Интереснейшее исследование массовой культуры.

Andy Green. Education and State Formation. London, 1990. Анализ развития национальных систем образования в Англии, Франции и Соединенных Штатах.

Sheila Riddell. Gender and the Politics of the Curriculum. London, 1992. На основе исследования двух средних школ анализируется связь учебных программ и гендерной идентификации.

Глава 14

Религия

Как можем мы жить в мире, в котором нет Бога? Этот вопрос проходит через всю западную культуру начиная с XVIII века, когда теологи и люди, наблюдающие за развитием общества, ощутили, что влияние религии, по-видимому, резко снижается. Почти две тысячи лет христианство было моральной и духовной основой развития Запада — не только утешая и наставляя верующих, но и давая начало многочисленным войнам.

Сегодня мы склонны забывать, что христианство имело и сильное материальное влияние. До самого недавнего времени церкви соперничали и часто превосходили монархов и правительства в политической мощи, которой они обладали, и в богатстве, которое они накапливали. Клир сохранял монополию на грамотность, образование и обучение. Даже когда образование распространилось значительно шире, церкви продолжали играть главную роль в его организации. С наступлением индустриализации место религии, как и множество других областей социальной жизни, изменилось. Церковь и религиозные общества в западных странах потеряли большую часть той светской власти, которой обладали раньше. Государство приняло на себя множество задач, ранее выполнявшихся церковью, включая обеспечение образованием.

Научная мысль и технология все чаще на уровне идей бросают вызов **религии** и магии как средствам понимания и овладения миром. Во времена средневековья множество людей верило не только в христианские идеи, но и в привидений, духов, ведьм и демонов. Чем больще физических объяснений предоставляла наука, тем меньше мир воспринимался как управляемый призрачными существами. В средние века мистическое мировосприятие было обычным для всего населения. Например, не было ничего необычного в том, что Жанна д'Арк говорила, будто слышала голоса ангелов, объясняющих ей, как спасти Францию от захватившей ее Англии. Три века спустя не только было редкостью услышать от кого-нибудь о мистических опытах, но такое заявление воспринималось как признак душевного расстройства.

В конце XIX века немецкий философ Ницше объявил, что «Бог умер». Христианское учение было тем, что определяло для нас цель и смысл; теперь, утверждал Ницше, мы должны жить без этой защиты и, фактически, без какого-либо фиксированного морального стандарта вообще. Жизнь в таком мире без Бога означает создание собственных ценностей и привыкание к тому, что Ницше называл «одиночество существования» — понимание, что наши жизни бесцельны, и что никакие высшие сущности не наблюдают за нашей судьбой.

Секуляризация описывает процессы, посредством которых религия теряет свое влияние в различных сферах общественной жизни. Как мы увидим позднее в этой главе, секуляризация — сложное явление, и не так очевидно, как думал Ницше, что влияние религии стало исчезающе малым. Мы вернемся к теме секуляризации позднее, поскольку это фон, на котором развертываются все сегодняшние дискуссии

о религии. Но прежде всего мы должны исследовать, чем в действительности является религия, обрисовать некоторые из основных типов религиозных верований и практик и проанализировать основные социологические теории религии.

Определение религии и магии

Разнообразие религиозных верований и организаций столь велико, что ученые испытывают значительные трудности в создании общеприменимого определения религии. На Западе большая часть населения отождествляет религию с христианством, с верой в высшее существо, требующее от нас поведения в соответствии с моральными нормами на земле и обещающее загробную жизнь. Тем не менее, нельзя определить религию в общем, исходя из этих понятий. Эта вера, наряду с другими аспектами христианства, отличается от бытующих в большинстве религий мира.

Чем религия не является

Чтобы преодолеть недостатки предвзятого — из-за принадлежности к определенной культуре — подхода к определению религии, вероятно, лучше всего начать с определения того, чем религия не является, в самых общих терминах[1]. Прежде всего, религия не должна отождествляться с **монотеизмом** (верой в одного Бога). Тезис Ницше о «смерти бога» является в значительной степени этноцентрическим, связанным только с западными религиозными идеями. В большинстве религий поклоняются нескольким божествам. Даже в некоторых интерпретациях христианства сакральными качествами помимо Бога наделены Иисус, Мария, Святой дух, ангелы и святые. Некоторые религии вообще не имеют богов.

Во-вторых, религия не должна отождествляться с *моральными предписаниями*, определяющими поведение верующих, предписаниями, подобными заповедям Моисея, полученным от бога. Мысль, что боги внимательно следят за нашим поведением на земле, чужда многим религиям. Древние греки, например, считали, что богам по большей части безразлична человеческая жизнь.

В-третьих, религия не обязательно должна *объяснять происхождение мира*. В христианстве миф об Адаме и Еве имеет целью объяснить происхождение человечества; многие другие религии имеют сходные мифы о первоначале, однако не меньшее количество таких мифов не имеет.

В-четвертых, религия не может отождествляться со *сверхъестественным*, что автоматически предполагает веру в существование мира, «находящегося за границами наших чувств». Конфуцианство, например, сосредоточено на слиянии с природной гармонией мира и не занимается поиском истины, лежащей вне его.

Чем религия является

Характерные черты, которыми *обладают*, по-видимому, все религии, следующие. Религия предполагает существование некоторого набора *символов*, которые вызывают у верующих чувства *почтения* и *благоговейного страха*. Эти символы участвуют в **ритуалах** и обрядах (таких, как церковные службы), проводимых общиной *верующих*. Каждый из этих компонентов требует специального рассмотрения. Вне зависимости от того, фигурирует ли бог в религиозных верованиях, в них практически всегда

[1] *Wilson J.* Religion. London, 1972.

присутствуют существа или объекты, вызывающие чувства трепета и благоговения. Некоторым религиям свойственна вера в абстрактную «божественную силу», а не в персонифицированное божество. В других религиях существуют персоны, которые являются предметами поклонения, не будучи богами — например, Будда и Конфуций.

Ритуалы, связываемые с религиями, очень разнообразны. К ритуальным актам могут относиться молитвы, песнопения, употребление пищи определенного вида или пост — отказ от нее на несколько дней и т. д. Поскольку ритуальные акты тесно связаны с религиозными символами, они обычно трактуются как нечто, совершенно отличное от обычаев и привычек повседневной жизни. Зажечь свечу во славу или умиротворение Господа не имеет ничего общего с тем же действием для освещения помещения. Религиозные ритуалы часто совершаются людьми в уединении, но во всех религиях имеются обряды, в которых участвуют большие группы верующих. Официальные церемониалы обычно происходят в местах, специально отведенных для этого (церквях или храмах).

Наличие коллективных обрядов расценивается обычно социологами как один из основных факторов, отличающих религию от магии, хотя провести четкие границы между ними не всегда возможно. **Магия** представляет собой действия, совершаемые с целью повлиять на явления природы благодаря использованию колдовских снадобий, заклинаний или особых ритуалов. Исполнителями магических обрядов выступают обычно отдельные лица, а не группы верующих. Люди часто прибегают к магии, когда попадают в полосу неудач или когда им грозит опасность. Так, Бронислав Малиновский в своем классическом исследовании жителей тихоокеанских островов Тробриан описал множество магических обрядов, которые совершаются перед любым рискованным путешествием на каноэ[2]. Если же островитянам предстоит ловля рыбы в безопасных лагунных водах, они обходятся без обрядов.

Хотя магические ритуалы по большей части исчезли из жизни современного общества, в рискованных ситуациях по-прежнему обычны суеверия, имеющие много общего с магическими заклинаниями. Представители профессий, в которых успех в значительной степени зависит от фактора случайности, а также связанных с повышенным риском (например, шахтеры, рыбаки, спортсмены), часто в стрессовых ситуациях соблюдают ритуальные правила или носят с собой талисманы. Можно привести в пример теннисиста, надевавшего особое кольцо во время больших матчей. Астрологические верования, ведущие происхождение от средневековых магических представлений, до сих пор имеют последователей, хотя, вероятно, большинство людей не относится к ним слишком серьезно[3].

Разновидности религий

В обществах традиционного типа религия обычно занимает центральное место в общественной жизни. Религиозные символы и ритуалы часто интегрируются с материальной и художественной культурой общества: музыкой, живописью и резьбой, танцами, фольклором и литературой. В малых культурах не существует профессиональных священнослужителей, но всегда находятся люди, чьим основным занятием становится отправление религиозных (и часто магических) ритуалов. Хотя их круг

[2] *Malinowski B.* Magic, science and religion, and other essays. London, 1982.

[3] *Adorno T.* The stars down to earth: the Los Angeles times astrology column // Telos, 19. 1974.

отличается большим разнообразием, одним из наиболее часто встречающихся типов являются **шаманы**. Шаман при выполнении ритуалов якобы способен выступать в роли посредника между человеком и духами или другими сверхъестественными силами. Иногда шаманы фактически были скорее магическими, чем религиозными деятелями, и часто являлись советчиками людей, разочаровавшихся в том, что предлагают религиозные ритуалы общины.

Тотемизм и анимизм

В малых культурах часто обнаруживаются две формы религии — **тотемизм** и **анимизм**. Слово «тотем» пришло из языка североамериканских индейцев, но стало широко использоваться для обозначения видов животных или растений, которые, согласно верованиям, обладали сверхъестественной силой. Обычно каждый род или клан в обществе имел свой собственный тотем, с которым были связаны различные виды ритуальной деятельности. Тотемизм может рассматриваться как явление, не свойственное развитым индустриальным странам, хотя в определенном, довольно отвлеченном, смысле к тотемам имеют отношение некоторые символы (например, эмблема спортивной команды в виде животного или растения). Талисманы также являются тотемами.

Анимизм — это вера в призраков или духов, которые населяют мир наравне с людьми. Эти духи могут быть доброжелательными либо угрожающими по отношению к людям, и могут многочисленными способами влиять на человеческое поведение. В некоторых культурах считается, например, что духи способны вызывать болезни и даже сумасшествие, *вселяться* в человека и управлять его поступками. Анимистические верования характерны не только для малых культур, они наложили заметный отпечаток на многие формы религии. Так, в средневековой Европе люди, которые, как считалось, были одержимы злыми духами, часто преследовались как колдуны и ведьмы.

Малые общества, на первый взгляд кажущиеся «простыми», нередко имеют сложные системы религиозных верований. В таких обществах значительно чаще, чем в крупных, встречаются тотемизм и анимизм, однако в некоторых из них существуют значительно более сложные религии. Например, описанная Эванс-Притчардом южносуданская народность ньюэ обладает тщательно разработанным набором теологических идей, базирующихся на понятии «верховного бога», или «небесного духа»[4]. Однако монотеистические религии в малых культурах традиционного типа обнаруживаются сравнительно редко. Для большей части этих культур характерен **политеизм**, т. е. вера в существование многих богов.

Иудаизм, христианство и ислам

Три монотеистических религии, оказавшие наиболее сильное воздействие на историю человечества — это *иудаизм*, *христианство* и *ислам*. Все они возникли на Ближнем Востоке, и каждая из них оказала влияние на остальные.

Иудаизм

Иудаизм является старейшей из трех религий; его возникновение относится примерно к 1000 году до н. э. Древнееврейские племена были кочевыми и жили на

[4] *Evans-Pritchard E.* Nuer religion. Oxford, 1956.

территории древнего Египта и вокруг него. Их религиозные вожди, или **пророки**, частично заимствовали свои идеи из религиозных верований, получивших к тому времени распространение в этом регионе, но с тем отличием, что исповедовали веру в единого всемогущего Бога. Евреи верили, что Бог требует повиновения строгому моральному кодексу, и утверждали, что обладают монополией на истину, рассматривая, таким образом, свою религию как единственно правильную.

До образования вскоре после окончания Второй мировой войны государства Израиль не существовало ни одной страны, в которой иудаизм был бы принят в качестве государственной религии. Еврейские общины сохранились в Европе, Северной Африке и Азии, хотя их нередко преследовали. Кульминационным пунктом гонений стало уничтожение нацистами миллионов евреев в концентрационных лагерях во время Второй мировой войны.

Христианство

Христианство наследовало от иудаизма многие взгляды, ставшие впоследствии его составной частью. Иисус был ортодоксальным евреем, и христианство возникло как секта внутри иудаизма. До сих пор не установлено, желал ли Иисус создать свою собственную религию. Последователи Иисуса именовали его *Мессией*, что по древнееврейски означало «помазанник» (соответствующее греческое слово — «Христос»), грядущий идеальный царь, ожидавшийся евреями. Основные заслуги в распространении христианства связываются с именем Павла, римского гражданина, владевшего греческим языком и проповедовавшего во многих городах Малой Азии и Греции. И хотя первоначально христиан жестоко преследовали, император Константин сделал христианство государственной религией Римской империи. Быстро распространившееся христианство стало движущей силой общественного развития в западной культуре на следующие две тысячи лет.

Сейчас христианство управляет огромным числом верующих и является наиболее крупной мировой религией. Численность верующих, называющих себя христианами, превышает миллиард человек. Однако различные течения внутри христианства разнятся в теологии и по типу церковной организации. Основными ветвями христианства являются католицизм, протестантизм и православие.

Ислам

Ислам, являющийся второй по величине мировой религией, и христианство имеют отчасти общее происхождение. Ислам исходит из учения пророка Мухаммеда, жившего в VII веке н. э. Согласно исламу, Аллах, единственный Бог, управляет природой и людьми. «*Столпы ислама*» — пять важнейших религиозных обязанностей мусульман (так называют себя последователи ислама). Первый из них — произнесение формулы исламской веры «нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник божий». Второй — произнесение пять раз в день формальной молитвы, которой предшествует обряд омовения. При этом лицо молящегося непременно должно быть обращено в сторону священного города Мекки (в Саудовской Аравии), сколь бы далеко мусульманин ни находился от него.

Третий «столп» — соблюдение рамазана, месячного поста, в течение которого запрещено принимать еду и питье начиная от восхода солнца и до наступления темноты. Четвертый — обязательная милостыня, установленная шариатом и часто использовавшаяся государством в качестве способа налогообложения. И, наконец,

пятый «столп» — каждый мусульманин должен, по крайней мере однажды, совершить паломничество в Мекку.

Мусульмане верят, что Аллах говорил устами предшествующих пророков — включая Моисея и Иисуса — до появления Мухаммеда, чье учение наиболее точно выражает его волю. В настоящее время ислам получил очень широкое распространение, численность его приверженцев во всем мире составляет более 600 миллионов человек. Большая часть их проживает в Северной и Восточной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке и в Пакистане. Краткое обсуждение мусульманских верований см. ниже в разделе «Современное религиозное развитие: исламская революция».

Восточные религии

Индуизм

Между иудаизмом, христианством и исламом, с одной стороны, и восточными религиями, с другой, существуют большие различия. Старейшей из всех великих религий, которые сохранили свое значение в современном мире, является *индуизм*, ядро которого сложилось около шести тысяч лет тому назад. *Индуизм* является политеистической религией. Он представляет собой настолько сложный комплекс религиозных и философских воззрений, что некоторые ученые предлагают рассматривать его как группу взаимосвязанных религий, а не как отдельную религию. Множество местных культов и религиозных ритуалов связаны лишь несколькими общими религиозными убеждениями.

Большинство индуистов разделяют догму о *перевоплощении* душ, веря, что все живые существа участвуют в бесконечно повторяющемся цикле рождений, смертей и повторных рождений. Вторым ключевым признаком индуизма является кастовая система, основанная на убеждении, что положение человека в социальной и ритуальной иерархии определяется самим фактом рождения и зависит от его поступков в прежних перевоплощениях. Для каждой касты существуют свои особые роды занятий и ритуалы. Судьба человека после очередного перевоплощения определяется в основном тем, насколько хорошо он выполнял свои кастовые обязанности в предыдущей жизни. Индуизм допускает возможность существования большого числа различных религиозных точек зрения и не делает явных различий между верующими и неверующими. Численность индуистов и мусульман примерно равна (около 600 миллионов); фактически все индуисты сконцентрированы на территории Индии и прилегающих районов. Индуизм, в отличие от христианства и ислама, не ставит перед собой задачу обращения последователей других религий в «правоверных».

Буддизм, конфуцианство и даосизм

К **этическим религиям** Востока относятся *буддизм*, *конфуцианство* и *даосизм*. В этих религиях нет богов. Напротив, они придают особое значение этическим идеалам, которые делают верующих способными ощущать взаимосвязь всех природных явлений и единство Вселенной.

Буддизм берет начало в проповедях Сиддхартхи Гаутамы, или Будды (*«просветленного»*), который был по происхождению индусом, сыном царя небольшого государства в южном Непале и жил в VI веке до н. э. Согласно учению Будды, человек может избежать дальнейшего цикла перевоплощений, отрекшись от желаний. Путь к спасению лежит через внутреннюю дисциплину и медитации, преодоление

всех земных привязанностей. Конечной целью для буддизма является достижение нирваны, состояния полной духовной отрешенности. Будда отвергал индуистские ритуалы и деление на «высшие» и «низшие» касты. Буддизм, так же как и индуизм, отличается терпимостью по отношению ко многим местным разновидностям, в том числе к вере в местные божества, и не требует полного единства религиозных воззрений. В настоящее время буддизм пользуется большим влиянием в некоторых государствах Дальнего Востока, в том числе в Таиланде, Бирме, Шри-Ланке, Китае, Японии и Корее.

Конфуцианство составляло основу культуры правящих кругов в традиционном Китае. Конфуций (латинизированная форма имени Кун-фуцзы) жил в VI веке до н. э., тогда же, когда и Будда. Как Лао-цзы, давший начало даосизму, Конфуций был учителем, а не религиозным пророком подобно ближневосточным религиозным вождям. Конфуций не обожествляется своими последователями, но полагается ими «мудрейшим из мудрых». Конфуцианство добивается подчинения человеческой жизни законам внутренней природной гармонии, уделяя особое внимание почитанию предков. *Даосизм* разделяет похожие принципы, подчеркивая важность медитаций и непротивления как способов достижения высшей ступени в жизненном развитии. Хотя некоторые элементы конфуцианства и даосизма сохраняются в китайских верованиях и обычаях, в результате сильной оппозиции со стороны правительства они утратили в Китае большую часть своего былого влияния.

Теории религии

Социологический подход к религии сформировался в огромной степени под влиянием идей трех «классиков» социологии: Маркса, Дюркгейма и Вебера. Ни один из них не был верующим, и все трое считали, что в современном мире значение религии уменьшается. Они полагали, что религия по природе своей является иллюзией. Сторонники различных религий могут быть всецело убеждены в правильности верований, которые они разделяют, и обоснованности ритуалов, в которых они принимают участие, но, утверждали эти три мыслителя, уже само по себе разнообразие религий и их очевидная взаимосвязь с типом общества, в котором они получают распространение, делают заявления защитников веры неправдоподобными. Человек, родившийся в Австралии и вынужденный добывать средства к существованию охотой и собирательством, имел бы религиозные верования, совершенно отличные от верований представителя индийской кастовой системы или приверженца католической церкви в средневековой Европе.

Маркс и религия

Несмотря на то, что идеи Карла Маркса оказали существенное влияние на социологию религии, сам он никогда не останавливался на рассмотрении этого вопроса более или менее подробно. Идеи Маркса были по большей части почерпнуты из трудов философов и теологов начала XIX века. Одним из них был Людвиг Фейербах, автор известной книги *«Сущность христианства»*, впервые опубликованной в 1841 г. С точки зрения Фейербаха, религия представляет собой совокупность ценностей, выработанных людьми в ходе их культурного развития, но ошибочно приписываемых божественным силам или богам. Поскольку люди не могут осознать собственную историю в полной мере, им свойственно объяснять ценности и нормы, имеющие

социальную природу, деятельностью богов. Так, предание о десяти заповедях, переданных Моисею Богом, является мифом, объясняющим происхождение моральных запретов, которые определяют образ жизни последователей иудаизма и христианства.

«Пока мы не понимаем сущности религиозных символов, которые сами же и сотворили, — утверждает Фейербах, — мы обречены быть заложниками сил истории, которые неподвластны нашей воле». Фейербах использует термин **«отчуждение»**, чтобы указать на возникновение богов или небесных сил, отличающихся от людей по своей природе. Созданные человеком ценности и идеи начинают рассматриваться как результат деятельности *отчужденных* самостоятельных существ — религиозных сил и богов. Несмотря на то, что в прошлом отчуждение имело отрицательные последствия, осознание того факта, что религия означает отчуждение, открывает, согласно Фейербаху, перед человечеством колоссальные перспективы. Как только люди начинают понимать, что ценности, относимые ранее на счет религии, являются в действительности их собственными, они получают возможность реализовать эти ценности в земной жизни, не дожидаясь загробной. Власть, которой был наделен Бог в соответствии с христианскими верованиями, может быть взята людьми в свои руки. Христиане веруют, что, в отличие от всемогущего Бога, испытывающего чувство любви ко всем человеческим существам, люди по своей природе несовершенны и порочны. Однако, как считает Фейербах, социальные институты, созданные людьми, обеспечивают для них возможность распоряжаться собственной жизнью, любить и творить добро. При осознании действительного характера социальных институтов их потенциал сможет наконец реализоваться в полной мере.

Маркс разделял взгляд на религию как на свойственное людям самоотчуждение. Часто высказывается мнение, будто бы Маркс отвергал религию, но это не соответствует истине. «Религия, — писал он, — это "сердце бессердечного мира", прибежище от жестокой повседневной реальности». С точки зрения Маркса, религия в ее традиционных формах должна исчезнуть. Это произойдет потому, что ценности, находящие воплощение в религии, могут стать путеводными идеалами для совершенствования большинства человечества, но отнюдь *не потому*, что эти идеалы и ценности являются ошибочными. Мы не должны страшиться богов, которых сами создали, и должны прекратить наделять их ценностями, которые сами можем реализовать.

Знаменитое высказывание Маркса гласит, что религия есть «опиум для народа». Религия обещает, что награда за все тяготы земной жизни будет получена в загробном мире, и учит смиряться с существующими жизненными условиями. Надежды на счастье в загробной жизни, таким образом, отвлекают внимание от борьбы с неравенством и несправедливостью в жизни земной. Религия имеет сильно выраженный идеологический компонент: религиозные верования и ценности часто служат оправданием имущественного неравенства и различий в социальном положении. Например, проповедь о том, что «кроткому воздастся», предполагает, что внимающие ей занимают позицию покорности и непротивления насилию.

Дюркгейм и религиозный ритуал

В противоположность Марксу, Эмиль Дюркгейм немалую часть своей научной карьеры посвятил изучению религии. Особое внимание он проявлял к вопросам религии малых традиционных обществ. Книга Дюркгейма «*Элементарные формы религиозной жизни*», впервые опубликованная в 1912 г., оказала, может быть, самое серьезное влияние на социологию религии. Дюркгейм не связывает религию

непосредственно с социальным неравенством или обладанием властью, он усматривает ее связь с природой общественных институтов в целом. В основу своей работы он положил анализ тотемистических верований австралийских аборигенов и утверждал, что тотемизм представляет собой религию в наиболее «элементарной», простой форме, — откуда и название книги.

В первоначальном понимании тотем, как было указано выше, являлся животным или растением, имевшим символическое значение для некоторой группы людей. Тотем выступает в роли *сакрального* объекта, возбуждающего чувство благоговения и окружаемого различными ритуалами. Дюркгейм дает определение религии, противопоставляя **сакральное** и **мирское**. Сакральные объекты и символы, утверждает он, рассматриваются вне обыденных аспектов существования, образующих область мирского. Употребление в пищу тотемов (животных или растений), за исключением случаев, специально предусмотренных в обрядах, обычно запрещается. Тотему в качестве сакрального объекта приписываются божественные свойства, делающие его совершенно непохожим на других животных, на которых можно охотиться, и на другие растения, которые можно собирать.

Почему тотем является священным? Согласно Дюркгейму, это происходит потому, что он служит символом самой группы, выступая в качестве важнейшей ценности группы или общины. Благоговение, которое люди испытывают к тотемам, обусловлено на самом деле уважением, которое они питают к основным социальным ценностям. В религии объектом поклонения является в действительности само общество.

Дюркгейм настойчиво подчеркивает то обстоятельство, что религии никогда не представляли собой только набор верований. Для любой религии характерны постоянно повторяющиеся ритуалы и обряды, в которых принимают участие группы верующих. Благодаря коллективным обрядам чувство групповой солидарности получает подтверждение и крепнет. Обряды отвлекают людей от забот мирской жизни и переносят их в сферу, где царят возвышенные чувства и где они могут ощутить слияние с высшими силами. Эти высшие силы, которыми якобы являются тотемы, божественные существа или боги, являются в действительности отражением влияния коллектива на личность.

Обряды и ритуалы, с точки зрения Дюркгейма, имеют существенное значение для укрепления солидарности членов социальных групп. Это является причиной, по которой обряды обнаруживаются не только в стандартных ситуациях проведения регулярных богослужений, но и при всех важнейших событиях, связанных с переменами в социальном положении человека и его близких, например, при рождении, заключении брака или смерти. Ритуалы и обряды такого рода встречаются практически во всех обществах. Дюркгейм делает вывод, что коллективные обряды, совершаемые в те моменты, когда люди оказываются перед необходимостью приспособиться к значительным изменениям в их жизни, укрепляют групповую солидарность. Ритуал похорон наглядно показывает, что жизнь отдельного человека по сравнению с групповыми ценностями имеет преходящее значение и, таким образом, помогает людям примириться с потерей близких. Для тех, кого лично коснулась чья-либо смерть, траур — это не самопроизвольное выражение горя или, по крайней мере, не только это. Траур — это обязанность, налагаемая группой на ее члена.

В малых культурах традиционного типа, утверждает Дюркгейм, почти все стороны жизни буквально пронизаны религией. Религиозные обряды, с одной стороны, порождают новые идеи и категории мышления, а с другой — укрепляют уже

сложившиеся ценности. Религия является не только последовательностью чувств и поступков, она фактически определяет *способ мышления* людей в культурах традиционного типа. Даже наиболее общие философские категории, в том числе появившиеся в результате осмысления времени и пространства, первоначально были выражены в религиозных терминах. Понятие времени, например, возникло вследствие необходимости исчисления длительности религиозных обрядов.

Дюркгейм об изменениях в религии

По мере развития общественного прогресса, считает Дюркгейм, влияние религии ослабевает. Научное мышление все в большей степени замещает религиозные толкования. Обряды и ритуалы занимают все меньшую часть человеческой жизни. Дюркгейм соглашается с Марксом в том, что традиционная религия (т. е. религия, в которой фигурируют божественные силы или боги) находится на грани исчезновения. «Старые боги умерли», — пишет Дюркгейм. Вместе с тем он заявляет, что в определенном смысле можно говорить о том, что в измененной форме религия, вероятно, сохранится. Даже общества современного типа испытывают необходимость в ритуалах, которые подтверждали бы их ценности и обеспечивали бы прочность их положения. Следовательно, возможно появление новых обрядов, которые, как следует ожидать, заменят устаревшие и отжившие. Дюркгейм не дает определенного ответа на вопрос, какими бы могли быть эти обряды, но, по-видимому, он имеет в виду торжества в честь гуманитарных и политических ценностей, таких, как свобода, равенство и взаимное сотрудничество.

Может быть выдвинут тезис, что большинство развитых промышленных государств поощряет развитие так называемых **гражданских религий**. В Великобритании символы, такие как государственный флаг, песня *«Земля надежды и славы»* и подобные ей, и ритуалы, такие, как коронация, используются для того, чтобы укрепить веру в превосходство «британского образа жизни»[5]. Эти символы связаны с традиционными религиозными институтами, такими как англиканская церковь. Напротив, Советский Союз являлся обществом, в соответствии с идеями Маркса, открыто враждебным религии в традиционном ее понимании. Тем не менее сами Маркс, Энгельс и Ленин стали яркими символами поддерживаемой государством гражданской религии. Ежегодное празднование Первомая на Красной площади в Москве и другие ритуалы укрепляли преданность идеалам Октябрьской революции.

Справедливо ли говорить в этом контексте о возникновении новой религии? Этот вопрос пока остается открытым. Гражданские символы и ритуалы сегодня мирно уживаются с традиционными религиями. Тем не менее, трудно отрицать, что социальные механизмы их возникновения весьма и весьма схожи.

Вебер и мировые религии

Число примеров, на которых Дюркгейм основывал свою аргументацию, весьма ограниченно, особенно если учесть, что он высказывал свои идеи по отношению к религии в целом. Макс Вебер, в противоположность Дюркгейму, предпринял масштабное исследование существующих в мире религий. Ни один ученый ни до, ни после него не брался за задачу такого размаха. Его внимание прежде всего было сосредоточено на изучении, как он их называл, *«мировых религий»*, т. е. привлекающих наибольшее число верующих и оказавших решающее воздействие на

[5] *Bellah N.* Beyond belief. New York, 1970.

ход мировой истории. Вебер провел подробные исследования индуизма, буддизма, даосизма и раннего иудаизма. В «Протестантской этике и духе капитализма», впервые опубликованной в 1904–1905, и других книгах он подробно останавливается на том влиянии, которое оказало христианство на историю Запада. Он не успел, к сожалению, осуществить задуманную работу по исламу.

Труды Вебера и Дюркгейма по вопросам религии различаются заметно. Вебер занят в первую очередь исследованием взаимосвязи между религиозными и социальными изменениями, чему Дюркгейм уделял сравнительно мало внимания. Вебер, в отличие от Маркса, утверждает, что религия не обязательно является консервативной силой; напротив, социальные движения, имевшие религиозные корни, часто приводили к разительным переменам в обществе. Так, протестантизм (особенно пуританизм) заложил фундамент для капиталистического развития Запада. Первые предприниматели были главным образом кальвинистами. Их внутреннее побуждение к успеху, которое помогло исходному экономическому развитию Запада, подкреплялось изначально желанием служить богу. Материальный успех для них был знаком божественного благорасположения.

Вебер рассматривал свои работы в области мировых религий как единое исследование. Его рассмотрение воздействия протестантизма на развитие Запада является лишь частью предпринятой им всеобъемлющей попытки оценить влияние религии на социальную и экономическую жизнь в разных культурах. Проанализировав восточные религии, Вебер пришел к выводу, что они стали непреодолимой преградой развития промышленного капитализма западного образца. Это случилось не потому, что другие цивилизации по сравнению с западными являются отсталыми, просто их ценности отличаются от тех, что господствуют в Европе.

В традиционном Китае и Индии, указывает Вебер, наблюдались периоды заметного оживления торговли, производства и градостроительства, но они не привели к радикальным социальным изменениям, которые были свойственны растущему промышленному капитализму на Западе. Религия являлась основным препятствием к изменениям такого рода. Возьмем в качестве примера индуизм, который Вебер называл «потусторонней религией». Он имел в виду, что основные ценности индуизма заключаются в освобождении от власти материального мира, что приводит к переходу на новую, высшую ступень духовного развития. Религиозные чувства и мотивации, порождаемые индуизмом, не направлены на завоевание власти над материальным миром и его преобразование. Наоборот, индуизм рассматривает материальную реальность как пелену, под которой скрываются действительные интересы человечества. Усилия конфуцианства также направлены на то, чтобы предотвратить экономическое развитие в его западном понимании; подчеркивается важность достижения гармонии с миром, а не активное вмешательство в него. Хотя Китай на протяжении долгого времени и являлся самой могущественной, наиболее развитой в культурном отношении мировой цивилизацией, господствовавшие в нем религиозные ценности послужили тормозом для экономического развития, которое отвечало бы его собственным интересам.

Вебер характеризует христианство как *религию спасения*, подразумевая веру в возможность спасения тех, кто придерживается христианства и соблюдает его заповеди. Крайне важным для христианства является понятие о греховности и его преодолении через милость господню. Эти представления вызывают в среде верующих напряженность и эмоциональную динамику, которая совершенно отсутствует в восточных религиях. Религии спасения имеют революционный аспект. В отличие от восточных религий, которые воспитывают у верующих пассивное, созерцательное отношение

к существующему порядку вещей, христианство стимулирует непрестанную борьбу с греховностью. Это, в свою очередь, поощряет борьбу с существующим порядком вещей. Появляются религиозные вожди, подобные Иисусу, которые истолковывают установившиеся догматы таким образом, что бросают вызов сложившейся структуре власти.

Оценка

Маркс, Дюркгейм и Вебер определили, каждый по-своему, важнейшие отличительные черты религии, и в некоторой степени их взгляды дополняют друг друга. Маркс справедливо указывает, что религия часто имеет идеологическое содержание и служит оправданию удовлетворения интересов правящих классов, чему в истории несчетное число подтверждений. Возьмем в качестве примера христианство в попытках европейских колониалистов подчинить другие народы своему владычеству. Миссионеры, которые пытались обратить «язычников» в христианскую веру, действовали, несомненно, с искренними намерениями, хотя в результате их вероучение ускорило разрушение традиционной культуры и способствовало укреплению власти белой расы. Почти все христианские вероисповедания относились к рабству терпимо вплоть до XIX столетия. Были разработаны специальные теории, объяснявшие рабство божественным предначертанием. Рабы, обнаруживавшие непокорность, были якобы виновны в преступлении перед Господом и своим хозяином[6].

В этой связи справедливым представляется замечание Вебера о беспокойном и даже революционном характере воздействия религиозных идеалов на установившийся общественный порядок. Хотя церковь первоначально поддерживала существование рабства в США, многие церковные лидеры впоследствии сыграли важную роль в борьбе за освобождение рабов. Религиозные верования во многих случаях способствовали развитию социальных движений, направленных на уничтожение несправедливой системы власти. Они занимают выдающееся место в истории борьбы за гражданские права в США в 60-е годы XX века. Другим выражением связи религии с изменениями в общественном порядке были вооруженные столкновения и войны, которые велись по религиозным мотивам и часто приводили к массовому кровопролитию.

Изучению этой противоречивой, хотя и имеющей огромное историческое значение, роли религии отводилось сравнительно мало внимания в работах Дюркгейма. Дюркгейм прежде всего подчеркивал место религии в обеспечении общественного согласия. Однако его идеи нетрудно применить к объяснению религиозной розни и порождаемых ею социальных изменений. Глубина враждебных чувств, испытываемых верующими *по отношению к другим* религиозным группам, зависит прежде всего от преданности религиозным ценностям, которых придерживается *их собственная община*.

К достоинствам работ Дюркгейма в первую очередь следует отнести подчеркнутое внимание к проблеме ритуалов и обрядов. Во всех религиях существует практика регулярных собраний верующих, во время которых выполняются определенные обряды. Как справедливо указывает Дюркгейм, ритуалы также отражают основные события жизни — рождение, достижение совершеннолетия (во многих культурах существуют ритуалы, связанные с вступлением в возраст половой зрелости), брак и смерть[7].

[6] *Stampp K.* The peculiar institution. New York, 1956.

[7] *Van Gennep A.* The rites of passage. London, 1977.

К идеям Маркса, Дюркгейма и Вебера мы будем прибегать и далее в этой главе. Сначала рассмотрим различные типы религиозных организаций и выясним, какое значение для установившихся религиозных порядков имеет пол. Далее перейдем к обсуждению религиозных движений, которые ставили целью изменить сложившийся социальный порядок — движений *милленариев* в средневековой Европе, а также в некоторых неевропейских культурах XX столетия. Затем затронем один из наиболее важных примеров возрождения религии недавнего времени — рост исламского фундаментализма, после чего обсудим современное состояние религии в западном обществе.

Типы религиозных организаций

Вебер и Трельч: церкви и секты

Для всех религий характерно наличие общин верующих, но способы организации таких общин весьма разнообразны. Один из методов классификации религиозных организаций был впервые предложен Максом Вебером и его коллегой, историком религии Эрнстом Трельчем[8]. Вебер и Трельч проводили различие между **церквями** и **сектами**. Церковь представляет собой общепризнанную и прочно укоренившуюся религиозную организацию значительных размеров, как, например, католическая или англиканская церковь. Секта имеет меньшие размеры и отличается менее сложной организацией. Она объединяет, как правило, ревностных верующих, создавших свою общину в знак протеста против официальной церкви, как, например, поступили кальвинисты или методисты. Церкви обычно имеют формальную бюрократическую структуру с иерархией должностей и склонны представлять интересы консервативных религиозных слоев, поскольку действуют в рамках уже сложившихся институтов. Родители большинства их приверженцев исповедовали ту же веру.

Секты сравнительно малы; обычно они стремятся найти свой «истинный путь» и следовать ему. В общественной жизни им свойственна тенденция к изоляционизму и замыканию в пределах своей общины. Члены сект считают господствующую церковь продажной. Большинство сект почти или совсем не имеют профессиональных священнослужителей и подчеркивают равенство всех своих членов. Лишь сравнительно малая часть сторонников той или иной секты включается в ее состав по факту рождения, большинство примыкает к сектам в зрелом возрасте, стремясь упрочить свою веру.

Бекер: деноминации и культы

Классификацию, предложенную Вебером и Трельчем, усовершенствовали другие авторы. В качестве примера можно привести работу Говарда Бекера, который включил в нее еще два типа религиозных организаций: **деноминации** и **культы**. Деноминация представляет собой секту, которая «утихомирилась» и является уже в большей степени сложившимся социальным институтом, чем активной оппозиционной группой. Секты, если они сохраняют свою целостность по истечении некоторого периода времени, неминуемо становятся деноминациями. Кальвинизм и методизм являлись сектами на ранних стадиях своего развития, когда их приверженцы были обуреваемы религиозными страстями, но прошли годы, и они стали более «респектабельными».

[8] *Troeltsch E.* The social teaching of the christian churches. Chicago, 1981.

Деноминации, признаваемые церковью как более или менее законные, существуют рядом с церквями и довольно часто мирно с ними сотрудничают.

Культы подобны сектам, но имеют существенные особенности. Культы наиболее свободны и преходящи из всех типов религиозных организаций. К ним принадлежат люди, которые отвергают ценности окружающего их мира. Главное внимание в культах придается индивидуальному опыту, что приводит к объединению людей со схожим образом мыслей. Они не формально *присоединяются* к культу, но скорее придерживаются одних и тех же теорий или предписываемой манеры поведения. Последователям культа обычно не воспрещается поддерживать отношения с другими религиозными организациями или связывать себя обязательствами по отношению к другим религиям. Как и секты, культы довольно часто образуются вокруг лидера-вдохновителя. К культам на современном Западе можно отнести группы, объединяющие верящих в спиритизм, астрологию или трансцедентальные медитации.

Оценка

Четыре понятия, которые обсуждались выше, являются полезными для анализа различных аспектов религиозных организаций, но употреблять их следует весьма осторожно, хотя бы потому, что они в значительной степени отражают христианскую традицию. Можно убедиться на примере ислама, что вне христианства не всегда возможно провести четкое разграничение между *церквями* и другими религиозными институтами. Более того, в других распространенных религиях отсутствует система развитой бюрократической иерархии. Индуизм, например, внутренне настолько неоднороден, что вряд ли можно найти в нем черты бюрократической организации. Сомнительно, что различные его составные части можно было назвать «деноминациями».

Понятия секты и культа могут широко использоваться на практике, но здесь опять-таки необходима некоторая осторожность. Группы, во многом напоминающие секты, существовали во всех мировых религиях. Им были присущи отличительные черты западных сект — чувство исключительности, горячая приверженность членов разделяемым идеалам, взгляды, серьезно отличающиеся от ортодоксальных. Однако многие из этих групп, например, в Индии, больше похожи на традиционные этнические общины, чем на христианские секты. Многим группам такого типа недостает пыла «истинно верующих», обычно обнаруживаемого среди христиан, поскольку «этические религии» Востока гораздо более терпимы к чужим взглядам. Там группа может «выбрать свой собственный путь», не обязательно встречая сопротивление со стороны других организаций, пусть даже имеющих более прочное положение. Термин «культ» получил широкое распространение и может употребляться, например, по отношению к некоторым видам движений милленариев, хотя часто они имеют больше общего с сектами, чем с культами в том смысле, который вкладывал в это понятие Бекер.

Представления о церкви, секте и деноминации, возможно, являются в какой-то степени производными западной культуры. Тем не менее, будучи введены, эти понятия облегчают анализ существовавшего во всех религиях противоречия между тенденциями к возрождению и к организационному закреплению уже сложившихся религиозных отношений. Религиозные организации по прошествии времени бюрократизируются и становятся все менее гибкими, хотя религиозные символы, обладающие в глазах верующих чрезвычайной эмоциональной силой, препятствуют низведению веры на обыденный уровень. Постоянно появляются новые секты

и культы. Здесь может оказаться полезным провести вслед за Дюркгеймом различие между сакральным и мирским. Чем более стандартизованной становится религиозная деятельность, чем более бездумно воспринимаются религиозные ритуалы, тем быстрее они теряют элемент сакрального и все более сращиваются с повседневным миром. С другой стороны, обряды могут способствовать возрождению чувства особенной ценности религиозного опыта. Участвуя в них, верующие приобретают глубоко индивидуальный опыт душевных переживаний, которые могут не иметь ничего общего с ортодоксальными взглядами. Религиозные группы могут разрывать отношения с основной частью верующих и возглавлять сепаратистские движения или движения протеста, а также каким-либо иным образом отступать от сложившихся ритуалов и установленной веры.

Гендер и религия

Церкви и деноминации, как показало предшествующее обсуждение, являются религиозными организациями с формальной системой подчинения. В религиозной иерархии, как и в других областях общественной жизни, женщины большей частью отстранены от власти. Это не вызывает сомнений, если говорить о христианстве, но столь же закономерно и для всех крупных религий.

Религиозные образы

Христианская религия определенно является «чисто мужским делом», как со стороны ее символов, так и со стороны иерархии. Хотя Мария, мать Иисуса, и изображается иногда наделенной божественными качествами, но Бог — это *Бог-отец*, носитель мужского начала; богочеловек Иисус принял мужской облик; женщина представлена сотворенной из ребра мужчины. Хотя многие действующие лица в библейских текстах — женщины, и некоторые из них описаны как добросердечные и отважные, главные роли, тем не менее, оставлены мужчинам. В Библии нет женского образа, равного по значению образу Моисея; все евангельские апостолы — мужчины.

Эти факты не остались незамеченными участницами женских движений. В 1895 г. Элизабет Кэди Стэнтон опубликовала комментарии к священному писанию, получившие название *«Женская Библия»*[9]. С ее точки зрения, бог создал мужчину и женщину как существа, имеющие равную ценность, и Библии следовало бы полностью учитывать это обстоятельство. «Мужской» характер священной книги, по убеждению Стэнтон, обусловлен не тем, что она содержит истинное представление о боге, но всего лишь отражает тот факт, что Библия была написана мужчинами. В 1870 г. англиканская церковь создала комиссию, которой была поручена работа, неоднократно выполнявшаяся ранее — сверка и исправление библейских текстов. Как указывает Стэнтон, в состав комиссии не вошло ни одной женщины. Она утверждает, что нет причин предполагать, будто бы бог является мужчиной, поскольку из священного писания ясно, что *все* люди были созданы по образу и подобию божьему. Когда одна из ее коллег открыла конференцию по защите прав женщин вознесением молитвы, обращенной к «богу, нашей матери», это вызвало яростные нападки официальной церкви. Несмотря на это, Стэнтон не отступилась от своих взглядов и организовала Женскую ревизионную комиссию, состоявшую из 23 женщин, которые консультировали ее при подготовке *«Женской библии»*.

[9] *Stanton E.* The woman's bible: the original feminist attack on the bible. Edinburgh, 1985.

В предисловии она сформулировала свою позицию:

> Церковные и гражданские законы, церковь и государство, священники и законодатели, все политические партии и религиозные вероисповедания учили одному и тому же: женщина была создана после мужчины, из мужчины и для мужчины и является существом низшего сорта, будучи подчиненной мужчине. Общественный этикет, обычаи и моды, церковные обряды и установления — все они основываются на этом представлении... Тем, кто обладает божественным даром превратить, преобразить, перевоплотить этот скорбный объект сожаления в возвышенную, величественную особу, достойную вашего поклонения как матерь рода человеческого, будут принесены поздравления как лицам, которые наделены оккультной мистической силой махатм Востока.

Женские божества сравнительно часто встречаются в религиях всего мира. Иногда они имеют «женственный», кроткий и нежный образ; в других случаях богини выступают в роли наводящих ужас разрушительниц. Богини-воительницы встречаются довольно часто, несмотря на то, что в реальной общественной жизни женщины только изредка становятся военачальниками. До настоящего времени не было предпринято широкомасштабного исследования места женщин в системе религиозных символов и ценностей. Но, оказывается, в некоторых религиях образ женщины является доминирующим в качестве символов или религиозных авторитетов.

Возьмем в качестве примера буддизм. В некоторых его течениях женские образы играют важную роль. В одном из основных направлений буддизма — махаяне — женщины представлены в особенно выгодном свете. Но, по замечанию одного известного ученого, исследовавшего эту проблему, в целом буддизм, подобно христианству, представляет собой «созданный мужчинами общественный институт, в котором безраздельно господствует патриархальная структура власти»[10]. Противоречивое изображение женщин в буддистских священных текстах, несомненно, отражает двусмысленное отношение к ним мужчин в земном мире. С одной стороны, женщины наделены мудростью, нежностью, ярко выраженным чувством материнства, а с другой — выступают в роли загадочных, развращенных существ, приносящих зло и разрушения.

Тот факт, что мужские образы занимают особое место в религии, не должен вызывать удивления, если принять во внимание взгляды Фейербаха, согласно которым религия отражает глубоко укоренившиеся общественные ценности.

Женщины в религиозных организациях

В буддизме женщинам традиционно отводилась роль монахинь; в христианстве для женщины основной путь к открытому выражению своих религиозных убеждений также лежит через монашество. Монашеская жизнь берет начало в обычаях первых христиан (многие из которых были отшельниками), живших в условиях крайней нужды и посвящавших себя духовным упражнениям. Они практически не поддерживали связь с господствующей церковью, но уже в начале средневековья церковь установила контроль над большинством монашеских орденов, основанных этими группами. У монастырей появилось постоянное местопребывание; монахи оказались подчиненными власти католической церкви. Некоторые из наиболее влиятельных мужских монашеских орденов (например, цистерцианцы или августинцы) появились

[10] *Paul D.* Women in Buddism: images of the feminine in the Mahayana tradition. Berkeley, 1985. P. XIX.

в XII–XIII вв., в эпоху крестовых походов. Первые женские ордена возникли двумя столетиями позже. Численность монахинь в них, однако, оставалась довольно малой вплоть до XIX века. Многие женщины становились монахинями отчасти и потому, что могли в связи с этим заниматься преподаванием и уходом за больными (эти профессии находились в ведении монашеских орденов). По мере того, как выбор рода занятий становился все менее зависимым от церкви, доля женщин в орденах снижалась.

Хотя ритуалы и взгляды на особенности их выполнения в разных орденах отличались, монахини везде считались «христовыми невестами», что исключало половые отношения. До реформ, проведенных в 1950–1960 годах в ряде монашеских орденов, проводились тщательно разработанные обряды «замужества», в ходе которых послушнице, которая постригала волосы и принимала монашеское имя, вручалось обручальное кольцо. Новая монахиня могла покинуть монастырь по собственному желанию, либо могла быть выгнана. Однако по прошествии нескольких лет принимался обет пожизненного монашества, после чего оставление монастыря влекло за собой анафему — отлучение от католической церкви.

В наше время для женских монашеских орденов характерно значительное разнообразие в верованиях и образе жизни. В некоторых монастырях, где придерживаются установленного порядка, одежда монахинь не претерпела никаких изменений. Другие монастыри, напротив, не только размещаются в современных зданиях, но и позволяют монахиням, в отступление от старых уставов, носить светское платье. Ограничения на ведение бесед в определенное время суток были значительно смягчены, равно как и правила насчет дозволительных поз (например, ранее при ходьбе надлежало складывать руки и держать их под одеждой). Эти изменения стали возможны благодаря решениям, принятым Ватиканским собором в 1960-х годах.

Женские монашеские ордена, само собой разумеется, практически не обладали весом в церковной иерархии, хотя и входили в ее состав. Сам факт существования женских орденов никогда не являлся основанием для передачи в руки женщин власти в более крупных религиозных организациях. Так, и в католической, и в англиканской церкви господствующее положение по-прежнему занимают мужчины, несмотря на массированное давление со стороны женских организаций. В 1977 г. в Риме Священная конгрегация доктрины веры официально провозгласила, что женщин запрещается возводить в сан священнослужителя. Обоснованием решения послужил тот факт, что среди двенадцати апостолов не было ни одной женщины. 1987 год был официально объявлен католической церковью «годом Богоматери»; женщинам рекомендовалось вспомнить о своих традиционных ролях жен и матерей.

В англиканской церкви женщинам разрешено занимать должности диаконис, но это положение остается неопределенным. Официально они принадлежат к мирянам, и до последнего момента им запрещалось совершать основные религиозные ритуалы, в том числе оглашения и бракосочетания. С другой стороны, диакониса может, подобно священнику, выполнять некоторые таинства, в частности, проводить обряд крещения. В 1986 г. постоянный комитет генерального синода, руководящего органа англиканской церкви, подготовил отчет, в котором рассматривались юридические аспекты допуска женщин к священству. В созданную рабочую группу вошло 10 мужчин и две женщины. Перед ними ставилась задача выработать систему контраргументации для отвода протестов «тех членов англиканской церкви, которые не в состоянии примириться с рукоположением женщины в сан

священника»[11]. Чувствам и желаниям самих женщин было уделено гораздо меньше внимания.

Христианскую религию породило движение, которое по своей сущности было революционным, однако некоторые ведущие христианские церкви с точки зрения их отношения к женщине являются наиболее консервативными организациями в современном обществе. Хотя женщины-священники уже давно существовали в некоторых сектах и деноминациях, католическая и англиканская церкви настойчиво продолжают поддерживать формальный принцип неравноправия полов. Так, когда в 1987 г. в ходе радиопередачи Грэхэма Леонарда, епископа англиканской церкви, спросили, не думает ли он, что вид женщины-священника у алтаря может оскорбить христианское понятие о боге, епископ ответил: «Я думаю, что может. Мой инстинкт при виде ее будет требовать обнять ее...» Возможность возникновения сексуального влечения между женщиной-священником и прихожанами, утверждал он, является причиной, по которой женщина не может считаться полноправным членом священства. В религии, как и везде, «мужчина берет на себя инициативу, а женщина уступает ее»[12].

Движения милленариев

Грузовой культ, который обсуждался в начале главы 2 («Культура и общество»), является примером **движения милленариев**. Само существование движений этого типа, а также частота их появления, недвусмысленно указывают на то, что религия нередко служит источником активности масс и социальных изменений. Милленарии — это те, кто верит в немедленное коллективное спасение верующих, либо в результате каких-то катастрофических изменений в настоящем, либо вследствие восстановления «золотого века», который существовал когда-то. Термин «милленарии» происходит от латинского слова, означающего «тысяча» (в Библии было предречено второе пришествие Христа и его *тысячелетнее царство* на земле). Движения милленариев тесно вплетены в историю христианства. Они возникали в двух основных контекстах: среди беднейших слоев населения Запада в прошлом, а также среди колонизированных народов других регионов мира.

Иоахимиты

В XIII столетии в средневековой Европе широкое распространение получило одно из движений милленариев, известное под названием иоахимитской ереси[13]. В тот период Европа испытывала экономический подъем, и господствующая католическая церковь становилась все богаче. Многие настоятели превратили свои монастыри в роскошные замки, епископы возвели себе дворцы, не уступавшие по великолепию покоям феодалов. Папский двор представлял собой величественнейшее зрелище. Иоахимитская ересь возникла в противовес этим явлениям, ставшим типичными для государственной церкви.

В середине XIII века группа монахов-францисканцев (устав этого ордена требовал отказа от плотских удовольствий и богатства) выступила с протестом против излишеств, которые позволяли себе высокопоставленные церковники. В основу их

[11] *Albridge A.* In the absence of the minister: structures of subordination in the role of deaconess in the church of England // Sociology, 21. 1987. P. 377.

[12] *Jenkins S.* Eve versus the Adams of the church // Sunday Times, 6 September. 1987.

[13] *Cohn N.* The pursuit of the Millennium. London, 1970.

движения легли пророчества аббата Иоахима Фиорского, который умер за полвека до того. Рукописи Иоахима были интерпретированы как предсказание того, что 1260 г. ознаменует для спиритуалов, как называли себя последователи Иоахима, третью и последнюю эру христианства. Это будет означать наступление тысячелетнего царства Христа, когда все люди, вне зависимости от религии, которую они исповедовали ранее, объединятся и начнут жизнь, исполненную ревностного служения Христу и добровольного отречения от материальных благ. Предрекалось, что официальная церковь будет распущена, а духовенство будет уничтожено германским императором.

Когда 1260 год миновал, а катастрофы не случилось, дата воцарения Христа была перенесена на более поздний срок и с тех пор откладывалась все снова и снова. Но пыл последователей Иоахима не ослаб. Осужденные церковными властями, спиритуалы-иоахимиты стали видеть в господствующей церкви вавилонскую блудницу, а в папе — антихриста и зверя апокалипсиса. Они ожидали, что спаситель появится из их собственных рядов и взойдет на папский трон как «ангельский папа», избранный богом, чтобы обратить весь мир к жизни в добровольной бедности. Движение иоахимитов по своему характеру было неоднородным. Одну из групп возглавлял отец Дольчино, который, собрав и вооружив более чем тысячную армию, сражался в Северной Италии с папскими войсками, но в конце концов был разгромлен. Он кончил жизнь на костре как еретик, но долгие годы после его смерти появлялись группы, которые утверждали, что черпают вдохновение в его примере.

Танец духов

Культ танца духов, возникший среди равнинных индейцев Северной Америки в конце XIX века, представляет собой совершенно особый пример движения милленариев. Индейские предсказатели пророчили, что вскоре произойдет всеобщая катастрофа, сопровождаемая страшными ураганами, землетрясениями и наводнениями, которая уничтожит всех белых завоевателей и возвестит начало «золотого века». Индейцы же выживут и вновь увидят прерию, по которой как прежде будут бродить неисчислимые стада бизонов и прочей дичи. После катастрофы все этнические разногласия забудутся, и любой белый, появившийся в краях индейцев, будет жить с ними в мире. Ритуал танца духов передавался от одного индейского племени к другому, подобно тому как не столь давно в Новой Гвинее грузовой культ переходил из поселения в поселение. В ходе ритуальных песнопений танца духов верующие впадали в состояние, напоминавшее транс. Идеи этого культа были частично заимствованы у христиан, с которыми общались индейцы, а частично в традиционном культе танца солнца, который был распространен среди индейцев до появления белых. Танец духов исчез после побоища при Вундид-Ни, когда белыми солдатами было уничтожено 370 индейцев — мужчин, женщин и детей.

Сущность движения милленариев

В чем причина возникновения движений милленариев? Можно выделить ряд общих черт, свойственных большинству либо всем из них. Так, практически для всех характерным является появление *«пророков»* (учителей или вождей-вдохновителей), которые опровергают общепризнанные религиозные представления и провозглашают необходимость их пересмотра. Они легко приобретают последователей, если им удается облечь в слова то, что остальные лишь смутно чувствуют, и сыграть на эмоциях людей, заставив их действовать. Пророчество было всегда тесно связано

с религиями спасения, особенно с христианством, и большинство из тех, кто возглавлял движения милленариев в колониях, было знакомо с христианскими обрядами и верованиями. Многие из них были первоначально проповедниками в христианских миссиях и обратили принятую религию против своих учителей.

Движения милленариев часто возникают в случае коренных сдвигов в культуре или при неожиданном обнищании масс[14]. Чаще всего эти движения привлекают людей, которые в результате изменений испытывают отчетливо выраженное чувство утраты. Такие люди уже не считают необходимым держаться за *существующий порядок вещей*. В средневековой Европе движения милленариев часто были последним отчаянным средством для тех, кто внезапно оказывался разоренным. Например, во времена голода крестьяне становились последователями пророков, рисовавших перед ними картины «другого мира», в котором бедняки наконец «наследовали землю». Среди колонизированных народов движения милленариев получали развитие, когда традиционная культура разрушалась вследствие вторжения западных колонизаторов, как это было в случае танца духов.

Сущность милленаризма иногда истолковывается как восстание бедных против привилегированных, либо угнетенных против власть придержащих, и несомненно, что во многих случаях это так. Однако такое объяснение является слишком простым: некоторые движения милленариев (например, спиритуалы-иоахимиты) сформировались на основе мыслей и воздействий, которые изначально были мало связаны с материальными лишениями.

Современное религиозное развитие: исламская революция

Маркс, Дюркгейм и Вебер разделяли точку зрения, что традиционная религия в современном мире все в большей степени утрачивает свое значение и что процесс *секуляризации* является необратимым. Из них троих только Вебер, возможно, допускал, что традиционная религиозная система, как, например, ислам, может возродиться и стать в конце XX века основой для важнейших политических преобразований. Именно это произошло в 1980-х годах в Иране. В последние годы исламский фундаментализм оказал также значительное влияние на другие ближневосточные страны, включая Египет, Сирию и Ливан. Чем можно объяснить это широкомасштабное обновление ислама?

Развитие исламского вероучения

Для того, чтобы постичь природу этого явления, мы должны иметь в виду два момента. С одной стороны, ислам представляет собой традиционную религию; с другой стороны, даже те страны, где его влияние буквально пронизывает все стороны жизни, оказались затронутыми процессом секуляризации. Ислам, как и христианство, является религией, которая постоянно стимулирует активность верующих. Коран, главная священная книга мусульман, изобилует призывами к «борьбе на пути к богу». Эта борьба должна вестись против неверующих и тех, кто вносит порчу в мусульманское общество. На протяжении столетий появлялись все новые поколения реформаторов ислама, и в конечном счете ислам, подобно христианству, оказался расколотым на несколько течений. В числе первых от

[14] *Worsley P.* The trumpet shall sound: a study of «Cargo cults» in Melanesia. London, 1970.

основного направления ортодоксального ислама отделились *хариджиты* и *шииты*. Хариджиты были первой сектой с четко выраженными границами, появившейся внутри ислама[15]. Они решительно выступали за равноправие всех мусульман, считали несправедливым имущественное неравенство и утверждали, что повинные в тяжких грехах не достойны более именоваться мусульманами. В качестве секты они просуществовали сравнительно недолго, но в некоторых отношениях предвосхитили появление возрожденческих движений *фундаменталистов* — призывающих вернуться к «сути» ислама.

Другая крупная секта, шииты, сохранила свое влияние. Шиизм, являющийся ныне государственной религией Ирана, послужил источником идей, которые привели к началу иранской революции. Шииты ведут свое происхождение от Али, религиозного и политического деятеля VII века, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда. Считалось, что Али обладал выдающимися достоинствами по сравнению с современными ему правителями, будучи ревностно преданным служению Аллаху. Шииты считали, что исключительное право руководить мусульманами имеют только потомки Али, но никак не династии, находившиеся в то время у власти. Они верили, что в конце концов законный наследник Мухаммеда примет бразды правления в свои руки и избавит их от тирании и несправедливости, которые связывались с существовавшим строем. Правление наследника Мухаммеда будет основано на записях Корана, и действия его будет направлять сам Аллах.

Шиизм стал государственной религией Ирана (ранее называвшегося Персией) начиная с XVI столетия. В настоящее время большие группы шиитов проживают и в других ближневосточных странах, включая Ирак, Турцию и Саудовскую Аравию, а также в Индии и Пакистане. Исламская власть в этих странах, однако, находится в руках религиозного большинства, суннитов. Мусульмане-сунниты следуют «проторенному пути» — укоренившимся обычаям, берущим свое начало в Коране. Их традиции, в отличие от шиитских, отличающихся нетерпимостью к взглядам своих противников, допускают мирное совместное существование различных религиозных точек зрения. Учение суннитов претерпело значительные изменения, в особенности из-за экспансии Запада в последние два–три столетия.

Ислам и Запад

В средние века между христианской Европой и мусульманскими государствами велась постоянная борьба, то затухавшая, то вспыхивавшая с новой силой. Мусульмане установили свою власть на значительной части территории Европы. Сейчас эти земли входят в состав Испании, Греции, Югославии, Болгарии и Румынии. Однако завоевания мусульман были почти целиком возвращены европейцами, а многие мусульманские владения в Северной Африке были колонизированы в XVIII–XIX вв., когда мощь Запада возросла. Эти перемены стали катастрофой для мусульманских религии и цивилизации, которые некогда превосходили все остальные в своем развитии. В конце XIX века очевидная неспособность мусульманского мира противостоять экспансии Запада привела к возникновению реформистских движений, которые ставили своей целью возродить ислам в его первоначальной чистоте и силе. Выдвинутая ими идея состояла в том, что ислам должен ответить на вызов Запада, доказав истинность своих верований и обрядов.

Эта идея получила значительное и многостороннее развитие в XX веке и легла в основу «исламской революции» в Иране в 1978–1979 годах. Начало революции

[15] *Mortimer E.* Faith and power: the politics of Islam. London, 1982.

дала внутренняя оппозиция правлению шаха Мохаммеда Резы, который проявлял пристрастие к европейской культуре и пытался модернизировать иранское общество по западному образцу. К числу его реформ относятся преобразования земельной собственности, наделение женщин правом голоса, введение светского образования. Движение, свергнувшее шаха, объединяло людей различных интересов, но все они, несомненно, были приверженцами исламского фундаментализма. Однако основной фигурой был аятолла Хомейни, заново истолковавший идеи шиизма.

Хомейни создал форму правления, основанную на традиционных исламских законах, и назвал ее «представительством Али». Согласно Хомейни, исламская революция сделала религиозное начало основным для всех явлений политической и экономической жизни, что и было предначертано в Коране. По вновь введенному в силу исламскому законодательству мужчинам и женщинам следовало неукоснительно исполнять требования раздельного жительства; женщины за пределами дома должны были закрывать тело и голову; гомосексуалисты подлежали расстрелу, а уличенные в прелюбодеянии забивались камнями до смерти. Принятие сурового законодательства сопровождалось повсеместным ростом национализма, особенно по отношению к западным влияниям. Хотя идеи, лежавшие в основе революции, должны были, как предполагалось, сплотить весь исламский мир в борьбе против Запада, правительства тех стран, где шииты были в меньшинстве, отнеслись к исламской революции в Иране без большого энтузиазма. Несмотря на это, исламский фундаментализм завоевал немалую популярность в большинстве этих государств и оказал стимулирующее воздействие на различные формы исламских возрожденческих движений во всем мире.

Появление исламских движений, в основе которых лежит идея религиозного возрождения, не может быть объяснено исключительно религиозными соображениями. Частично эти движения представляют собой реакцию на влияние запада и, по существу, отстаивают национальные и культурные ценности. Представляется сомнительной точка зрения, согласно которой исламские обновленческие движения, даже в наиболее фундаменталистских формах, должны рассматриваться только как реставрация традиционных идей. Действительность оказалась более сложной. За возрождением старинных обрядов и традиционного образа жизни стояли заботы и тревоги сегодняшнего дня.

Перейдем теперь к рассмотрению последних этапов развития религии на Западе, уделяя при этом основное внимание Великобритании и США.

Религия в Великобритании

Согласно переписи 1851 года, около 40% взрослого населения Англии и Уэльса посещали церковь каждое воскресенье; к 1900 г. этот показатель снизился до 35%, к 1950 — до 20% и в настоящее время составляет всего лишь около 11%. Количество людей, активно посещающих церковь, для основных вероисповеданий Великобритании уменьшилось во второй половине 1970-х в среднем на 5%, причем среди католиков сокращение было наиболее заметным и составило 8%. До этого католическая церковь была единственной, обнаруживавшей признаки роста, в определенной степени по причине эмиграции из Ирландии и высокого уровня рождаемости среди католиков. В настоящее время на общем фоне сокращения числа приверженцев христианской религии единственные исключения составляют некоторые сравнительно малые церкви Африки и Вест-Индии, а также течение пятидесятников.

Влияние религии в правительственных кругах в послевоенный период также заметно ослабло. Епископы все еще сохраняют места в палате лордов, но реально давно уже не пользуются таким авторитетом в обсуждении общественных проблем, как прежде. Полвека назад за церковью оставалось решающее слово в скандале, связанном с отречением от престола Эдуарда VIII; недавно премьер-министр Великобритании Маргарэт Тэтчер оказалась «слишком занятой», чтобы встретиться с архиепископом Кентерберийским. В 1980-х годах было несколько случаев, когда консервативное правительство критиковало религиозных лидеров (например, епископа Дюрхеймского) за их выступления на «политические» темы.

Членство в религиозных организациях и вера

Большая часть взрослого населения Великобритании в действительности считает, что принадлежит к той или иной религиозной организации. Как показало проведенное обследование, только 5% англичан заявляют, что не связаны ни с одной из религий[16]. Почти 70% населения считают себя принадлежащими к англиканской церкви, несмотря на то, что большинство из них, скорее всего, посетило церковь за всю свою жизнь не более чем несколько раз, если вообще посещало.

В Великобритании, наряду с англиканской церковью, пресвитерианской церковью Шотландии и католической церковью, существует множество других религиозных групп. В их число входят иудеи, мормоны, мусульмане, сикхи и индуисты. К сектам меньшего размера относятся плимутские братья, растафариане и Миссия божественного света. Только небольшая часть новых религиозных групп, которые преуспевают в США, сумели найти поддержку в Великобритании. Примером могут послужить «божьи дети», которые впоследствии получили известность под названием «семья жизни». Члены этой группы отказались от продолжения своей светской карьеры и живут сообща в образованных ими поселениях.

Отношение к религии в Великобритании заметно разнится в зависимости от возраста, пола, классовой принадлежности и регионального признака. Как правило, люди старшего возраста являются более религиозными. Среди молодежи средний уровень посещения церкви достигает пика к 15 годам, после чего резко падает и остается низким до достижения 30–40-летнего возраста, когда люди испытывают новый прилив религиозных чувств. Для женщины участие в деятельности какой-либо религиозной организации является более вероятным, чем для мужчины. Англиканской церкви это свойственно в меньшей мере, но в Церкви христианской науки женщины превосходят мужчин по численности в четыре раза.

В общем, состоятельные люди посещают церковь и явно исповедуют религиозные верования чаще, чем бедные. Англиканская церковь была однажды названа «консерваторами за молитвой», и в этом высказывании есть доля истины. Католиками чаще всего являются представители рабочего класса. Эта классовая ориентация обнаруживается и по результатам выборов: англикане обычно голосуют за консерваторов, а католики, равно как и многие методисты — за лейбористов. Само происхождение методизма тесно связано с появлением лейбористской партии. Доля тех, кто принимает активное участие в религиозной деятельности, сильно колеблется в зависимости от района проживания: 35% взрослого населения в Мерсисайде и 32% в Ланкашире — члены церкви, против 9% в Хамберсайде и 11% в Ноттингемшире. Одной из причин этого является иммиграция: в Ливерпуле проживают большие

[16] *Brothers J.* Religions institutions. London, 1971.

группы ирландских католиков, в Северном Лондоне — иудаисты, а в Брэдфорде — мусульмане и сикхи.

Религиозные противоречия с точки зрения их влияния на повседневное поведение наиболее отчетливо проявляются в Северной Ирландии. Столкновения между протестантами и католиками, хотя и затрагивают только малую часть приверженцев той и другой веры, носят ожесточенный, яростный характер. Религиозный фактор в Северной Ирландии непросто отделить от всех остальных, оказывающих влияние на клубок возникших здесь проблем. Вера в «единую Ирландию» по-прежнему сильна среди католиков — жителей Северной Ирландии, хотя и не разделяется населяющими ее протестантами. Наряду с религиозными верованиями важную роль здесь играют также политические соображения и националистические требования.

Религия в Соединенных Штатах

Разнообразие

Положение религиозных организаций в США является в некоторых отношениях необычным. Свобода религиозных убеждений была гарантирована одной из статей американской Конституции задолго до того, как терпимость по отношению к различным религиозным верованиям и обрядам стала нормой в любом другом обществе западного типа. Первые американские поселенцы, искавшие в США спасение от религиозного притеснения, осуществлявшегося правительствами их родных стран, законодательно закрепили принцип отделения церкви от государства.

Соединенные Штаты также обладают гораздо большим разнообразием религиозных организаций, чем любая другая промышленно развитая страна. В большинстве обществ западного типа основная часть населения формально принадлежит одной церкви: например, англиканской — в Великобритании или католической — в Италии. В США около 90% населения являются христианами, но принадлежат ко множеству церквей и деноминаций. Численность приверженцев многих групп исчисляется лишь сотнями, но более девяноста религиозных организаций заявляют, что в них состоит не менее 50 тысяч членов; 22 из них имеют более миллиона последователей. Крупнейшей религиозной организацией США, намного превосходящей другие по размеру, является католическая церковь, которая объединяет 50 миллионов человек. Это, однако, составляет только около 27% от общего количества членов религиозных организаций. Около 60% населения являются протестантами, которые подразделяются на многочисленные деноминации. Самой большой из них является южная баптистская конвенция, в которую входит более 13 миллионов человек. За ней следуют объединенная методистская церковь, национальная баптистская конвенция, лютеранская и епископальная церкви. Вне христианства наиболее крупными являются иудейские конгрегации, в совокупности насчитывающие около 6 миллионов верующих.

Около 40% населения США посещают церковную службу в среднем раз в неделю. Почти 70% населения формально принадлежит к церкви, синагоге или какой-либо другой религиозной организации. Большинство из них утверждает, что ведет активную деятельность внутри своей конгрегации. Практически все американцы (около 95%), когда им был задан вопрос об их личном отношении к религии, заявили, что они разделяют те или иные религиозные верования. Большая часть верила в Бога и в загробную жизнь и выразила согласие с мнением, что Библия якобы была внушена человеку богом. Опрос, проведенный Институтом Гэллапа

в 60 странах, показал, что население США обнаружило самый высокий, за исключением Индии, уровень религиозности. Более 70% американцев, например, заявили, что они верят в загробную жизнь, в то время как в Италии этот показатель составил 46%, в Великобритании — 41%, а в Скандинавии — 35%[17].

Период после второй мировой войны, когда в Соединенных Штатах исключительно быстро стали распространяться различные религиозные движения, не имел аналогов в предшествовавшей истории США. Количество расколов и слияний в американских деноминациях было беспрецедентным. Большинство из образовавшихся организаций просуществовало недолго, но некоторые достигли выдающихся результатов. В качестве примера можно взять Объединенную церковь, основанную выходцем из Кореи Сен Мьюн Муном. Эта секта, появившаяся в США в начале 1960-х, обладала всеми характерными чертами движения милленариев. Последователи Муна верили в его предсказание, согласно которому в 1967 г. должен был наступить конец света. Когда же этот срок истек, а с миром ничего не случилось, секта, тем не менее, не распалась. Мун, подобно многим лидерам милленариев до него, приспособил свои идеи к новой обстановке, сумев объяснить, почему его предсказание не сбылось. Учение Муна в обновленном виде привлекло на его сторону еще большее число последователей, чем ранее, и сейчас членами Объединенной церкви являются около 40 тысяч человек. Их верования представляют собой смесь восточных религий с некоторыми догматами фундаментального христианства и антикоммунизмом. Новообращенные последователи Муна подвергаются жесткому религиозному обучению.

Религиозный фундаментализм

Рост фундаменталистских религиозных организаций в Соединенных Штатах является одной из наиболее примечательных особенностей религиозного развития за последние 20 лет. **Фундаментализм** в широком смысле слова означает подчеркнутое внимание к буквальному следованию библейским текстам. Христианский фундаментализм явился в определенной мере реакцией, направленной против либеральной теологии и процесса *внутрицерковной секуляризации*, т. е. посещения церкви людьми, которые в действительности практически не испытывают интереса к религии. В политике «фундаменталисты» чаще всего принадлежат к «правым» и не отстраняются от непосредственного участия в политической деятельности.

Одним из проявлений этой тенденции стало возникновение так называемого «Добродетельного большинства», основанного преподобным Джерри Фолуэллом в 1980 году. Номинально являясь политическим обществом, «Добродетельное большинство» черпает финансовые ресурсы и вербует своих членов из фундаменталистских организаций. Его секулярное влияние довольно весомо: Фолуэлл утверждает, что в его состав входят 72 тысячи священников и 4 миллиона мирян; оно располагает миллионами долларов и благодаря этому способно активно вмешиваться в ход политических кампаний. «Религиозные правые» широко используют радиовещательные и телевизионные станции и основные программы передач, чтобы обращаться к миллионной аудитории. В отличие от некоторых более старых сект (таких, как Плимутские братья), «религиозные правые» не чураются применения современных электронных технологий. Фундаментализм играет сейчас гораздо более видную роль в США, нежели в других промышленно развитых странах. В Великобритании, например, его успехи сравнительно невелики.

[17] Gallup Opinion Index. Religion in America. 1976. Report 130.

Некоторые исследователи полагают, что между христианским и исламским фундаментализмом можно провести параллель, поскольку оба этих течения провозглашают необходимость следования неизменным принципам в изменяющемся и небезопасном мире, но эта аналогия выглядит слишком поверхностной. Исламский фундаментализм, имеющий первопричиной столкновение современной западной и традиционной культур, во многих отношениях отличается от религиозного фундаментализма в США. С другой стороны, религиозный фундаментализм и на Западе, и на Востоке связан с сильными националистическими чувствами, возглавляющие эти движения лица занимают в международной политике агрессивную позицию. В обоих случаях одной из причин развития фундаментализма была, по-видимому, необходимость формирования «сильной нации» посредством восстановления основных религиозных и культурных ценностей.

Проблема секуляризации

Эта глава началась с замечания, что с развитием современных обществ религии испытали серьезный упадок, который многими наблюдателями рассматривался как конечное состояние, при котором религия переходит в область устаревших верований и обычаев. Тем не менее, в ходе недавнего исследования на вопрос о своих религиозных убеждениях более 80% британцев ответили, что верят в существование какого-либо божества. Наряду с традиционными церквями в Соединенных Штатах с успехом развиваются сотни сект и культов. В Иране и других районах Ближнего Востока, Африки и Индии набирает силу динамичный Исламский фундаментализм, который бросает вызов Западу. В Северной Ирландии протестанты и католики демонстрируют ярую приверженность определенным, только для них значимых, религиозным ориентациям. Наиболее активные представители той или другой стороны ведут открытую войну друг с другом. Папа посещает Южную Америку, где его восторженно приветствуют миллионы католиков. Можно ли примирить это с мыслью, что «Бог умер»?

Эффективно ответить на этот вопрос можно, лишь осознав, что *секуляризация* имеет большое количество аспектов. Первый из них имеет отношение к *членству* в религиозных организациях: сколько людей принадлежит к церкви или к какой-либо другой религиозной организации, насколько часто они посещают церковную службу и другие ритуалы? За исключением США, секуляризация в таком понимании весьма характерна для всех промышленно развитых стран. Формы упадка религии, обнаруживаемые в Великобритании, свойственны большинству государств Западной Европы, включая католические страны, такие, как Франция и Италия. Итальянцы по сравнению с французами посещают церковь более регулярно и принимают участие в большинстве ритуалов (например, в пасхальном причастии), но в обеих странах наблюдается всеобщее угасание религиозного рвения.

Второй аспект секуляризации имеет отношение к тому, в какой степени церкви и другим религиозным организациям удалось *сохранить их общественное влияние, богатство и престиж*. В прошлом, как мы могли убедиться, религиозные организации обычно обладали серьезным влиянием на правительства и другие светские органы, а также пользовались глубоким уважением со стороны общества. В какой степени такое положение сохранилось до нашего времени? Ответить на этот вопрос не составляет труда. Даже если мы ограничимся рассмотрением только текущего столетия, то убедимся, что религиозные организации постепенно утратили большую часть общественного и политического влияния, которым некогда обладали, и что

эта тенденция наблюдается повсеместно, хотя существует и несколько исключений (например, Польша). Руководящие лица церкви не могут более рассчитывать, что они будут автоматически пользоваться в обществе влиянием и властью. Хотя некоторые государственные церкви остаются очень богатыми по любым меркам, а новые религиозные движения могут очень быстро добиваться успеха, многие религиозные организации с многолетней историей находятся в стесненных материальных обстоятельствах. Церкви и храмы распродаются или находятся в ветхом состоянии.

Третий аспект секуляризации имеет отношение к верованиям и ценностям; мы можем назвать его *религиозностью*. Очевидно, что частота посещения церковной службы и уровень общественного влияния церкви вовсе не обязательно должны непосредственно выражать степень приверженности религиозным верованиям и идеалам. Многие люди, разделяющие религиозные верования, нерегулярно посещают церковь и редко принимают участие в массовых ритуалах. С другой стороны, посещение церкви и участие в ритуалах не всегда предполагают наличие твердых религиозных убеждений — это может происходить по привычке или из-за того, что такое поведение является принятым в общине.

Так же, как и во всех остальных аспектах секуляризации, мы должны иметь точное представление о положении дел в прошлом, чтобы понимать, насколько уменьшилась религиозность в наши дни. Во многих обществах традиционного типа, включая средневековую Европу, религиозные чувства были менее прочными и имели меньшее значение в повседневной жизни, чем это можно представить. Изучение истории Англии, например, показывает, что равнодушное отношение к религии среди простонародья было обычным явлением. Людей, скептически относившихся к религии, можно, оказывается, найти в большинстве культур, особенно в обществах традиционного типа.

Тем не менее, не вызывает сомнений, что в настоящее время люди придерживаются религиозных верований гораздо в меньшей степени, чем раньше, особенно если понимать под термином «религия» весь круг сверхъестественных явлений, в которые люди когда-то верили. Большинство из нас просто не воспринимает окружающую среду населенной божественными существами или духами.

Существование некоторых из основных очагов напряженности в современном мире — например, Израиль и соседние арабские государства — обуславливается целиком или в некоторой степени религиозными разногласиями. Однако большая часть конфликтов и войн в настоящее время являются по своей природе секулярными, т. е. связанными с расходящимися политическими убеждениями или материальными интересами.

Заключение

Влияние религии уменьшается в каждом из трех аспектах секуляризации. Можем ли мы сделать вывод, что ученые XIX столетия оказались в конечном счете правы? Может быть, предсмертная агония религии просто затянулась дольше, чем они предсказывали? Такой вывод был бы ошибочным. Религия в ее традиционных и новых формах будет, по всей видимости, еще долго оставаться притягательной. Противостояние современных рационалистических взглядов и религиозного мировоззрения порождает состояние напряженности, вызывающее беспокойство. Маловероятно, что человечество в ближайшем будущем откажется от рационального взгляда на природу вещей, благодаря которому оно одержало множество блестящих побед. Тем не менее, неминуемо возникновение противодействия рационализму,

которое приводит к возрождению религии. На земле найдется, наверное, не так уж много людей, никогда не испытывавших религиозных чувств; наука и рационализм хранят молчание по поводу таких фундаментальных вопросов, как смысл и цель жизни — вопросов, всегда составлявших сердцевину религии.

Краткое содержание

1. Не найдется общества, в котором в той или иной форме не существовала бы религия, хотя в различных культурах религиозные верования и ритуалы имеют серьезные различия. Для всех религий характерно наличие набора *символов*, вызывающих чувство *благоговения* и связанных с *ритуалами*, в которых принимает участие община верующих.

2. В аборигенных культурах типичными формами религий являются *тотемизм* и *анимизм*. Тотемизм — вера в то, что определенный вид животных или растений обладает сверхъестественной силой. Анимизм — вера в души или духов, которые населяют мир наравне с людьми и иногда вселяются в них.

3. К трем монотеистическим религиям (т. е. к религиям, в которых существует только один бог), оказавшим наиболее сильное воздействие на историю человечества, принадлежат *иудаизм*, *христианство* и *ислам*. *Политеизм* (вера в нескольких или многих богов) часто встречается в других религиях. В некоторых религиях, например, в конфуцианстве, вообще отсутствуют боги и сверхъестественные существа.

4. Социологический подход к религии сформировался в огромной степени под влиянием идей трех «классиков» социологии: Маркса, Дюркгейма и Вебера. Все они считали, что религия по природе своей является иллюзией. Они полагали, что тот «мир иной», который создает религия, является в действительности *нашим* собственным миром, хотя и искаженным в призме религиозного символизма.

5. Можно выделить несколько типов религиозных организаций. *Церковь* представляет собой общепризнанную и прочно укоренившуюся религиозную организацию значительных размеров, имеющую бюрократическую структуру. *Секты* малы; они стремятся к тому, чтобы сохранить первоначальную чистоту религиозных догматов, которые в руках господствующей церкви оказались «искаженными». *Деноминация* представляет собой секту, которая сложилась уже в качестве социального института и приобрела постоянную форму. *Культ* является свободно связанной группой людей, которые являются последователями одних и тех же религиозных лидеров или придерживаются сходных религиозных идей.

6. В религиозных организациях ведущую роль обычно играют мужчины. В большинстве религий, в частности, в христианстве, образы и символы являются по большей части мужскими; в женских образах подчеркивается мягкость и пассивность.

7. *Движение милленариев* предполагает немедленное коллективное спасение — либо вследствие каких-то фундаментальных изменений в настоящем, либо вследствие восстановления утраченного «золотого века». Обычно все такие движения подразумевают действия проповедников — профессиональных либо «вдохновленных» интерпретаторов устоявшихся религиозных идей.

8. Процесс секуляризации связан с уменьшением влияния религии. Точное измерение степени секуляризации затруднительно, поскольку она имеет несколько аспектов. Хотя влияние религии определенно упало, она тем не менее еще не поставлена на грань исчезновения и продолжает демонстрировать огромное разнообразие в современном мире. Религия в обществе может выступать в качестве как консервативной, так и революционной силы.

Основные понятия

религия	*секуляризация*
ритуал	*магия*

Важнейшие термины

монотеизм	*светский*
шаман	*гражданская религия*
тотемизм	*церковь*
анимизм	*секта*
политеизм	*деноминация*
пророки	*культ*
этические религии	*милленаризм*
отчуждение	*фундаментализм*
сакральный	

Дополнительная литература

Eileen Barker. New Religious Movements. London, 1991. Исследование новых религиозных движений в Великобритании.

Ernest Gellner. Postmodernism, Reason and Religion. London, 1992. Неоднозначное обсуждение проблемы возрождения религии в современную эпоху.

B. Tibi. Islam and the Cultural Accommodation of Social Change. London, 1990. Очерк о развитии современного ислама.

Глава 15

Труд и экономическая жизнь

Существование людей зависит от системы производства. Мы не смогли бы выжить, если бы не имели пищи, питья и крова. Даже в тех обществах, где пищу не выращивали, — в культурах охотников и собирателей, — существовали систематические мероприятия, связанные с добычей и распределением необходимых материальных ресурсов. Для большинства людей в любом обществе производственная деятельность, или работа, занимает большую часть жизни, чем любой другой вид деятельности. Живя в индустриальном обществе, мы привыкли к тому, что люди заняты во многих профессиональных сферах, но такое положение сложилось только в эпоху индустриального развития. В традиционных культурах большая часть населения была занята на одном единственном поприще — сборе пищи или ее производстве. Различные ремесла, такие, как плотницкое, каменщицкое или кораблестроительное, существовали в крупных обществах, но только незначительная часть населения была занята этим все время.

Работу можно определить как решение задач, связанное с затратой умственных и физических усилий, имеющее своей целью производство благ и услуг, удовлетворяющих человеческие потребности. **Наемная работа** или **профессиональная деятельность** — это работа, выполняющаяся в обмен на регулярное жалование или вознаграждение. Работа во всех культурах является базисом *экономической системы*, или экономики, которая состоит из институтов, производящих и распределяющих товары и услуги.

Изучению экономических институтов в социологии придается большое значение, поскольку экономика в большей или меньшей степени влияет на все другие сферы жизни общества. Экономическая деятельность не обладает той степенью доминирования, которую приписывал ей Маркс, но в любом обществе влияние экономической деятельности значительно. Охота и собирательство, скотоводство, земледелие, промышленное производство — эти разнообразные способы добывания средств к существованию оказывают фундаментальное влияние на жизнь людей. Распределение благ, различия в экономическом положении тех, кто эти блага производит, в значительной мере определяют *социальное неравенство* любого типа. Богатство и власть не обязательно сопутствуют друг другу, но как правило, богатые принадлежат к наиболее влиятельным группам общества.

В этой главе мы проанализируем природу труда в современном индустриальном обществе и обсудим наиболее существенные изменения, затрагивающие экономический порядок сегодняшнего дня. Мы постараемся определить истоки конфликтов в промышленности, структуру собственности, а также роль крупных корпораций. Затем будут проанализированы наиболее важные темы, имеющие отношение к труду: неоплачиваемая работа, неформальная экономика, крупномасштабная безработица и возможность того, что работа все в меньшей степени будет оставаться центром общественной жизни,

Разделение труда

Одной из существенных характеристик экономической системы современных обществ является развитие чрезвычайно сложного и многообразного **разделения труда**. Другими словами, работа делится на громадное количество разного рода занятий, в каждом из которых люди специализируются. В традиционных обществах несельскохозяйственная работа была связана с овладением ремеслами, опыт такого рода приобретался в течение долгого периода ученичества. Работник обычно принимал участие во всех этапах производственного процесса от начала до конца. Например, кузнец, изготовляя плуг, должен был обработать железо в горне, придать ему форму и затем собрать само изделие. С возникновением современного промышленного производства многие традиционные ремесла практически совсем исчезли, а те, что остались, превратились в составные части более масштабных производственных процессов. Электрик, работающий сегодня на промышленном предприятии, может, например, разобрать и починить лишь некоторые детали машины определенного типа, остальными работами и машинами занимаются другие работники.

Контраст между разделением труда в традиционных и современных обществах действительно очень велик. Даже в крупнейших традиционных обществах обычно существовало не более двадцати–тридцати полноценных ремесел, вместе с несколькими другими специализированными занятиями, такими как занятие купца, солдата или священника. В современной индустриальной системе существуют многие тысячи различных профессий. Перепись Соединенного Королевства содержит 20 000 различных видов работ, составляющих британскую экономику. В традиционных сообществах большая часть населения (занятая в сельском хозяйстве) была в экономическом плане самодостаточна, обеспечивая себя продовольствием, одеждой и другими необходимыми продуктами. Напротив, одной из главных черт современных обществ является бурный рост **экономической взаимозависимости.** Все мы, нуждаясь в разнообразных продуктах и услугах, зависим от большого количества других людей. За некоторыми незначительными исключениями подавляющее большинство людей в современных обществах не производит пищи, которую оно ест, не строит домов, в которых оно живет, и не изготовляет материальных благ, которые потребляет.

Первичные, вторичные и третичные секторы

В индустриальной экономике работу можно разделить на три сектора: *первичный, вторичный и третичный.* Пропорциональный состав рабочей силы, занятой в этих трех секторах, различен для разных стадий индустриализации. Первичные отрасли связаны со сбором и добычей природных ресурсов. **Первичный сектор** экономики включает сельское хозяйство, добывающую и лесную промышленность, рыболовство и прочее. На первых стадиях индустриального развития большинство рабочих было занято в первичном секторе. По мере того как возрастает использование машин и увеличивается число фабрик, большая часть рабочей силы переходит во **вторичный сектор**. Вторичные отрасли превращают сырье в промышленные товары. **Третичный сектор** связан с индустрией услуг, с теми видами деятельности, которые, не производя материальные блага прямо, предлагают остальным какие-либо услуги. Медики, преподаватели, управляющие и клерки — примеры видов деятельности, которые обычно относят к сфере обслуживания.

Деление на первичный, вторичный и третичный секторы, хотя это и довольно грубый индикатор, позволяет провести различия между типами обществ. В большинстве стран третьего мира три четверти рабочей силы занято в сельском хозяйстве, а остаток распределен примерно поровну между производством и обслуживанием. С другой стороны, в промышленно развитых странах лишь незначительная часть населения занята в сельскохозяйственном производстве. К примеру, менее чем 2% британской рабочей силы сегодня работает в сельском хозяйстве, по сравнению с 22% в 1851 году. Другой важной чертой индустриальных обществ является расширение сектора услуг. В 1911 году в Британии лишь 19% рабочей силы было занято в третичном секторе. Сейчас ее численность перевалила за половину.

Разделение труда в промышленности. Подходы Тейлора и Форда

Адам Смит, один из основателей современной экономики, еще в своих работах конца XVIII века определил многообразные преимущества, которые предоставляет разделение труда, в терминах роста производительности. Его самая известная работа «*Богатство народов*» начинается с описания разделения труда на фабрике булавок. Работая в одиночку, человек может произвести в день где-то около двадцати булавок, однако если разбить задание на ряд простых операций, то десять рабочих, выполняя специализированные задания, в сотрудничестве друг с другом способны произвести в день 48 000 булавок. Таким образом, каждый участник специализированного процесса производит в 240 раз больше, чем если бы он работал в одиночестве [1].

Чарльз Бэббидж (который изобрел также простейший компьютер) впоследствии развил идеи Смита [2]. Согласно «принципу Бэббиджа», технологический процесс на производстве может быть оценен по степени того, насколько задача каждого работника упрощена и интегрирована с задачами других. Это позволяет работодателям снизить цену найма рабочих и сократить время, необходимое для обучения выполнению каждой операции, а также ослабить стремление рабочих к защите своих прав и благодаря этому удерживать низкий уровень зарплаты.

Шестьюдесятью годами позже эти идеи достигли своего наиболее полного выражения в работах Фредерика Уинслоу Тейлора, американского специалиста по управлению. Подход Тейлора, названный им «научное управление», подразумевал детальное изучение промышленных процессов, для того чтобы разбить их на простые операции, которые можно было бы точно хронометрировать и рационально организовать. **Тейлоризм** оказал большое влияние на организацию промышленного производства и технологических процессов во многих странах, хотя влияние это в каждой из стран было различным. Япония оказалась наименее восприимчивой, и индустриализация Японии следовала путем, существенно отличным от пути большинства западных обществ. Важнейшим элементом японской промышленности было использование рабочих команд и рабочих групп, не имевших четкого разделения труда и предполагавших значительную гибкость производственных заданий.

Тейлора интересовало повышение эффективности промышленного производства, но он уделял мало внимания тому, как продукцию следует продавать. Массовому производству необходим массовый рынок, и промышленник Генри Форд был одним из первых, кто увидел и использовал этот факт. **Фордизм** обозначает систему массового производства в соединении с культивированием массового рынка. Форд основал свой первый завод в Хайленд Парке, Мичиган, в 1913 году. Завод выпускал только

[1] *Smith A.* The wealth of Nations. London, 1910. P. 2–5.

[2] *Babage C.* On the economy of machinery and manufactures. London, 1835.

одно изделие — модель «Форд-Т», что допускало внедрение специализированных устройств и оборудования, предназначенных для ускорения операций, их уточнения и упрощения. Одним из наиболее важных нововведений Форда было изобретение движущейся сборочной линии — конвейера, которое, говорят, навеяно примером чикагских боен, где животных разделывали на движущейся линии. Каждый рабочий на конвейере Форда имел особое задание, например, установка левосторонних дверных ручек на движущихся по ленте корпусах автомобилей. К 1929 году, когда было прекращено производство модели Т, было выпущено пятнадцать миллионов автомобилей. На этот момент 80% автомобилей мира было зарегистрировано в Соединенных Штатах.

Работа на сборочной линии

Повысив производственную эффективность, Форд столкнулся с проблемами, связанными с конвейерным производством. Число прогулов и уровень текучести рабочей силы стали вскоре необычайно высокими. По сообщению начальника отдела кадров, в 1913 году стоимость обучения нового рабочего у Форда составляла всего 38 долларов, настолько простые и рутинные задачи перед ним ставились. Однако, поскольку ежегодная текучесть рабочей силы равнялась 50 000 человек, общая стоимость их подготовки приближалась к 2 000 000 долларов в год. Форд пытался наладить дисциплину среди рабочих, расширяя свое влияние за воротами завода. Его «пятидолларовый день» предоставлял рабочим возможность получать прогрессивную оплату за изменение своих профессиональных и личных привычек. Премии и возможность получения займов от компании ставились в зависимость от рационального образа жизни рабочих и от ограничения потребления ими алкоголя и табака. Компания даже учредила свое «социологическое отделение», чтобы следить за частной жизнью рабочих.

Метод Форда, применяемый на больших заводах, ориентировался на массовый рынок и использование конвейера. Он стал основой автомобильной промышленности всего мира и был принят в других отраслях. Форд и его главный конкурент «Дженерал Моторс» основали дочерние компании в Британии, Германии, Японии и других странах. «Ситроен» во Франции ввел сборочную линию в 1919 году, пригласив в качестве консультантов американских инженеров. За ним последовали: во Франции — «Рено», в Италии — «Фиат» и позднее «Остин-Моррис» — в Великобритании. Фордизм был также импортирован в Японию, где первой его применила фирма «Тойота».

Яркую картину работы на конвейере 70-х годов нарисовал один из служащих «Ситроена»:

> Каждый имеет четко очерченную область для тех операций, которые выполняет, хотя эти границы невидимы: как только автомобиль оказывается в рабочей зоне, человек снимает свою паяльную лампу, хватает автоген, берет молоток или напильник и принимается за работу. Несколько ударов, несколько искр — сварка закончена, автомобиль продолжает свой путь уже в 3–4 ярдах от этого места. В рабочую зону попадает новый автомобиль. И рабочий начинает все сначала. Иногда, если он работает быстро, у него остается несколько секунд до того, как появится новый автомобиль. Воспользуется ли он ими, чтобы перевести дух или для чего-нибудь еще, но он прилагает все усилия, чтобы быть чуть-чуть впереди и выиграть время... если же рабочий действует слишком медленно, он пробуксовывает, то есть все больше и больше запаздывает, не успевая закончить свою работу, когда следующий рабочий

уже начал свою. Тогда он пытается сделать рывок, догнать. И медленное плавное скольжение автомобилей, которые, как мне кажется, почти не двигаются вообще, представляется ему таким же неумолимым, как бурный поток, который невозможно утихомирить,... иногда кажется, что ты в нем тонешь.

Ограничения подходов Форда и Тейлора

Одно время представлялось, что метод Форда представляет собой счастливое будущее обширных отраслей промышленного производства. По ряду причин этого не случилось, и «пик» фордизма уже пройден. Фактически, по-настоящему он утвердился лишь в некоторых областях промышленности, и сильнее всего в автомобильной. Подобная система может быть принята только на производствах, выпускающих стандартную продукцию для больших рынков, потому что установка механизированных производственных линий необыкновенно дорога. Как только система внедрена, она оказывается негибкой. Чтобы сменить выпускаемый продукт, потребуются большие капиталовложения. Производство такого рода к тому же легко копировать, и фирмы в странах с дорогой рабочей силой с трудом могут конкурировать с фирмами в тех регионах, где доходы населения ниже. Этот фактор сыграл роль в первых успехах японской автомобильной промышленности (хотя сегодня уровень заработной платы в Японии уже отнюдь не низкий) и позднее южно-корейской.

Тейлоровская техника управления не требует крупных вложений капитала. Ограничения тейлоризма в гораздо большей степени являются следствием того, что люди не похожи на машины и не принимают обращения с ними как с машинами. Там, где работа делится на ряд монотонных заданий, не остается простора для творческого приложения сил. В подобных обстоятельствах рабочих трудно заставить делать больше минимума, уровень неудовлетворенности выполняемой работой повышается. В той крайней форме, которую выдвинул сам Тейлор, «научное управление» не приобрело широкого влияния. Но некоторые черты современной промышленности, на которые обратил внимание Тейлор, действительно получили распространение, он лишь подчеркнул особенности разделения труда, к которому естественным образом тяготеет механизация производства.

Работа и отчуждение

Маркс был одним из первых авторов, осознавших, что развитие современной промышленности редуцирует многие виды работы до однообразных, неинтересных заданий. Согласно Марксу, разделение труда *отчуждает* людей от их работы. В традиционных обществах, отмечает он, работа нередко была изнурительной: крестьяне обрабатывали свои поля, часто трудились, не разгибаясь, от восхода до захода. И все же они могли сами организовывать свою работу, для выполнения которой требовалось множество знаний и навыков. Напротив, многие промышленные рабочие практически никак не влияют на характер выполняемых заданий, внося лишь небольшую часть в процесс изготовления целого продукта, и совсем не могут повлиять на то, кому и как он в конце концов продается. Работа, таким образом, становится чем-то *чуждым*, заданием, которое рабочий должен выполнить, чтобы получить вознаграждение, но которое по сути своей их совершенно не привлекает.

Маркс видит основное противоречие в самой идее современного общества. С одной стороны, развитие промышленности создает необыкновенное богатство, гораздо большее, чем в обществе любого предшествующего типа. Но при этом

огромная масса людей, чей труд является источником богатства, лишены какого-либо реального контроля над работой, которую они выполняют. Маркс описывает это явление в красках.

> Из чего складывается отчуждение труда? Во-первых, работа является *внешним* по отношению к рабочему, не является частью его природы, и, следовательно, он не реализует себя в ней, но отрицает, испытывая при этом чувство унижения, а не удовлетворения, не развивает свои духовные и физические силы, а оказывается изнуренным физически и опустошенным духовно. Рабочий, следовательно, чувствует себя уютно только в часы досуга, тогда как на работе он чувствует себя неприютным. Его работа является не добровольным, а вынужденным, *подневольным трудом*. Она не является удовлетворением фундаментальной человеческой потребности, а только становится *средством* для удовлетворения других потребностей. Отчужденный характер работы проявляется сразу же в том, что, как только исчезает физическое или другое принуждение, ее бегут как чумы. Мы приходим к тому, что человек (рабочий) чувствует себя свободным только в своих животных отправлениях, таких, как еда, питье и размножение, а также когда он находится в своем жилище и украшает себя, в то время как в своих человеческих отправлениях он низведен до животного. Животное становится человеком, и человек превращается в животное.[3)]

Для Маркса **отчуждение** связано не только с чувствами безразличия или враждебности к работе, но со всей структурой промышленного производства в условиях капитализма. Отчуждение выражается в отсутствии у рабочих фактического контроля над условиями своего труда. Однако более поздние исследования отчуждения в социологии концентрировались на ощущениях и ориентациях рабочих, а не на объективной стороне труда. В качестве примера можно привести доклад Министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения Соединенных Штатов, озаглавленный «*Работа в Америке*». В отличие от большинства официальных докладов, это исследование привлекло большое внимание общественности и стало бестселлером. Исследование показало, что рабочая обстановка часто предполагала «однообразные, монотонные, бессмысленные задания, практически не допускавшие самостоятельности и возможности проявить себя», и тем самым «вызывала чувство неудовлетворенности у работников всех должностных уровней»[4)].

«Синие воротнички», отмечалось в докладе, чувствуют, что практически не контролируют условия своего труда и лишены возможности влиять на решения, касающиеся их работы. Как правило, их трудовой распорядок фиксирован, и сами они находятся под постоянным пристальным наблюдением. Лишь 24% «синих воротничков» от числа опрошенных сказали, что выбрали бы ту же самую работу, если бы могли начать жизнь сначала. Почти вдвое большее число «белых воротничков» сказали, что поступили бы так. Тем не менее, уровень неудовлетворенности работой у них был также высок. Те, кто выполнял контрольные функции на низшем уровне, находили свою работу рутинной и утомительной, не оставляющей почти никакого пространства для инициативы, и многие управляющие среднего звена выразили подобную же неудовлетворенность. Они чувствовали, что обязаны осуществлять политику, на формирование которой не могли повлиять. Те, кто занимал более высокие посты, были удовлетворены своей работой чаще, считая, что обладают определенной независимостью, правом на риск и возможностью выбора.

[3)] *Marx K.* Alienated labour // Karl Marx: early writings. Harmondsworth, 1963. P. 124–125.

[4)] Work in America: report of a special task force to the Secretary of Health, Education and Welfare. Washington, 1973.

В Британии крупные исследования подобного рода не проводились. Фрагментарные работы дают сходные выводы. Многим людям работа приносит удовлетворение несмотря на задания, которые они призваны выполнять, а не благодаря им. Такие люди ценят, например, контакты с другими больше, чем свою работу.

Системы с низким и высоким уровнем доверия

Фордизм и Тейлоризм — системы производства с максимальным отчуждением рабочего — были названы некоторыми социологами **системами с низким уровнем доверия**. Задачи устанавливаются управляющими и исполняются машинами. Те, кто выполняет задания, находятся под пристальным наблюдением и почти лишены свободы действий. В должности **высокого уровня доверия** человеку разрешается контролировать скорость и даже в некоторой степени содержание своей работы в соответствии с общими директивами. Такое положение обычно на верхних уровнях производственных организаций. Там, где много должностей с низким уровнем доверия, уровень отчуждения работающего высок, трудовые конфликты обычны, и уровень прогулов зачастую высок.

С начала семидесятых годов и далее фирмы в различных отраслях промышленности в Западной Европе, Соединенных Штатах и Японии экспериментировали с альтернативами организациям с низким уровнем доверия. Среди прочих схем исследовались автоматизация конвейера, снижение рутинной работы, выполняемой людьми, до минимума и введение *группового производства*, при котором рабочая группа играет заметную роль в определении задачи. И хотя эти начинания редко находят поддержку среди работодателей, было несколько заметных попыток установить системы промышленной демократии. Давайте теперь рассмотрим эти альтернативы.

Автоматизация

Пока лишь в относительно немногих областях автоматизация особенно эффективна, но с успехами в разработке промышленных роботов ее влияние определенно возрастет. Робот — это автоматическое устройство, которое может выполнять функции, обычно выполняемые людьми.

Термин «робот» происходит от чешского слова *robota*, или слуга, придуманного примерно пятьдесят лет назад писателем Карелом Чапеком. Концепция программируемых машин появилась много раньше: американец Чарльз Спенсер изобрел автомат, программируемый токарный станок, изготавливавший винты, гайки и шестерни, в середине девятнадцатого века. Впервые в значительном количестве роботы появились в промышленности в 1946 году, когда на некоторых простых участках производства в машиностроительной промышленности были введены устройства, способные автоматически регулировать работу оборудования.

Однако достаточно сложные роботы возникли лишь в связи с недавним развитием микропроцессоров — в основном начиная с семидесятых годов. Первый робот, управляемый миникомпьютером, был разработан в 1974 году Cincinnati Milason. Сегодня роботы управляются микропроцессорами и могут выполнять многочисленные задачи, такие, как сварка, покраска, подъем и перевозка грузов. Некоторые роботы способны различать предметы «на ощупь», другие могут «видеть», распознавая некоторый набор объектов визуально.

Как отмечали Роберт Айрес и Стивен Миллер,

> не может быть более преданного работе и неутомимого фабричного рабочего, чем робот. Роботы могут повторять свои действия, такие, как точечная сварка или окраска, безупречно на большом количестве заготовок, и их можно быстро перепрограммировать для выполнения совершенно иных задач... Возможно, через несколько лет мы увидим множество промышленных роботов, установленных на заводах среднего размера. Роботы будут подавать заготовки в группы обрабатывающих машин в «ячейках», которые можно организовать в виде производственной системы с «замкнутым циклом», управляемой микропроцессорами.[5]

Эти системы возникнут в будущем, но их предшественники уже построены в США и Японии.

Важный этап на пути полной автоматизации — гибкая производственная система (ГПС). Она состоит из управляемого компьютером центра механической обработки, где заготовкам придается первоначальная форма, роботов, обрабатывающих детали, и управляемых тележек, перевозящих материалы и детали. ГПС могут быть мгновенно перепрограммированы для изготовления новых деталей или реализации новых проектов. Они способны производить товары дешево в малых количествах, различные товары можно производить на одной линии один за другим, «одиночным огнем». Значение этого крайне велико. В эпоху фордизма экономика могла существовать лишь в режиме массового производства. Гибкие производственные системы могут производить товары малыми партиями так же эффективно, как и производственные линии, рассчитанные на производство миллионов идентичных изделий.

ГПС на сегодняшний день наиболее развиты в Японии. На японских заводах минимальное количество рабочих обслуживает машины днем, а ночью роботы и машины работают одни. На заводе «Fanuc», недалеко от горы Фудзи, автоматические машинные центры трудятся всю ночь, автоматические доставочные тележки тихо катятся в полутьме, которая ослабляется только приглушенным светом голубых предупредительных ламп. Ночью единственный контролер следит за всей работой, наблюдая за машинами через телекамеры. Если что-то идет не так, контролер может отключить часть операций и направить производство по другому пути. Новый завод, планируемый фирмой Ямазаки, будет управляться дистанционно из штаб-квартиры, расположенной на расстоянии 20 миль. Работа, идущая на фабрике с использованием автоматического оборудования, будет полностью программироваться из штаб-квартиры. На фабрике будет 200 рабочих, производящих столько же товаров, сколько могли бы произвести 2500 человек на обычной фабрике[6].

Большинство крупных моторных и автомобильных компаний автоматизировало часть своих производственных линий, используя роботов для сборки, сварки и окраски. Фактически большинство роботов, используемых в производстве во всем мире, можно найти в автомобильной промышленности. К несчастью для быстрого появления автоматизированных заводов, полезность роботов в производстве чего-либо еще относительно ограничена, поскольку их способность распознавать различные объекты и манипулировать с неудобными формами находится на сказочно рудиментарном уровне. Все же совершенно ясно, что автоматизированные производства будут в ближайшие годы быстро расширяться. Разумность роботов быстро растет, а их цена снижается.

---

[5] *Ayres R.* and *Miller S.* Industrial robots on the line. In: *Tom Forrester* (ed.). The Informational Technology Revolution. Oxford, 1985. P. 342.

[6] *Ayres R.* and *Miller S.* Robotics: Applications and Social Implications. Cambridge, 1983.

Групповое производство

Групповое производство, то есть отказ от поточной линии и организация взаимодополняющих рабочих групп, стало иногда применяться в сочетании с автоматизацией в качестве основы для реорганизации рабочих заданий. Основа этой идеи — осознание важности групп и групповых решений в производственных проблемах. Эксперимент, проведенный Фольксвагеном на одном из немецких заводов по производству двигателей в 1975 году, является хорошим примером. Обычно автомобильные двигатели собирались на конвейере, и каждый рабочий имел примерно одну или две минуты, чтобы выполнить стандартную задачу. Вместо этого Фольксваген создал четыре группы, каждая из семи рабочих. В каждой группе четверо работали на сборке, двое тестировали и один следил за запасами материалов. Члены каждой группы были обучены так, что могли выполнять в команде любую работу, и распределяли рабочие задания по своему желанию. В соответствии с квотой группа должна была собирать семь двигателей в день. Однако уровень производства был недостаточно высок, чтобы удовлетворить управляющих Фольксвагена (хотя группы выполняли свои квоты), и в 1978 году эксперимент был прекращен.

Относительным нововведением являются так называемые *кружки качества* — группы от пяти до двадцати человек, регулярно собирающиеся для изучения и решения производственных проблем. Рабочие, входившие в кружки качества, проходили дополнительное обучение, чтобы иметь возможность участвовать в техническом обсуждении выпуска продукции. Кружки качества возникли в Соединенных Штатах, были переняты рядом японских компаний и затем заново распространились на западе в конце семидесятых.

Кружки качества разбивают исходные положения, подчеркиваемые Тейлором, так как они предполагают, что рабочие достаточно компетентны, чтобы участвовать в определении своих задач и методов выполнения. В 1980 году корпорация Форда, под давлением конкуренции с Японией, решила учредить кружки качества на всех своих двадцати пяти производственных и сборочных заводах в западной Европе, чтобы добиться улучшения качества и надежности своей продукции, а также привлечь к этому работников.

Промышленная демократия

Идея **промышленной демократии** гораздо старше концепции группового производства. В XIX веке Маркс указывал, что право граждан на участие в политической жизни заканчивается у ворот фабрики. Политическая демократия, считал он, должна быть дополнена демократическими правами в промышленности. Эти идеи были восприняты правительствами ряда государств и владельцами кооперативных фирм в некоторых отраслях промышленности. Самоуправление является одним из принципов югославской промышленности, рабочие которой имеют право выбирать директоров, они обладают своим голосом в решении вопросов о персонале предприятий. По шведским законам рабочие должны быть представлены в директорском корпусе тех компаний, где занято более ста человек. Рабочие-директоры имеются также в Западной Германии и Норвегии.

Существуют серьезные свидетельства в пользу того, что в организациях, где рабочие влияют на процесс принятия решений, наблюдается высокий моральный уровень и хорошая производительность труда. В одной из первых аналитических работ по системам промышленной демократии, в которой описано семнадцать

экспериментов, Пол Бламберг пришел к выводу, что «вряд ли найдется такое исследование, которое не доказывало бы, что увеличение участия рабочих в принятии решений порождает чувство удовлетворения своей работой и другие благотворные последствия»[7]. Выводы Бламберга были подвергнуты критике, поскольку ситуации, о которых он говорил, были в основном кратковременными и продолжались не более двух–трех лет. Однако последующие исследования подтвердили его выводы. Изучение опыта кооперативов по производству фанеры на севере Западного побережья Соединенных Штатов показало, что фирмы с кооперативной системой оказываются на 30–50% эффективнее традиционных компаний того же размера, работающих в этой области.

Кооперативные предприятия, где рабочие имеют полномочия, обычно принадлежащие только руководству, можно встретить в некоторых западноевропейских странах. Например, кооператив «Мондрагон» из страны Басков в северной Испании добился больших успехов в производстве различных потребительских товаров. Однако существует противодействие распространению индустриальной демократии как со стороны управленцев, так и со стороны профсоюзов. Управляющие отказываются согласиться с полномочиями рабочих в области принятия решений — привилегией, которая всегда принадлежала им; профсоюзы, в свою очередь, часто *видят в индустриальной демократии угрозу их праву на заключение коллективных соглашений.*

Профсоюзы и производственные конфликты

Конфликты между рабочими и теми, кто обладает политической и экономической властью, существуют давно. Бунты против военных призывов и высоких налогов, а также голодные бунты в периоды неурожая в XVIII веке были обычным явлением в промышленных районах Европы. Предшественники современных форм производственных конфликтов просуществовали в некоторых странах чуть ли не до начала двадцатого века; пример — голодные бунты в некоторых городах Италии в 1868 году. Такие традиционные формы конфронтации были не просто единичными иррациональными мятежами: угроза или использование насилия имели эффект ограничения цен на зерно и прочие основные продовольственные товары.

Развитие профсоюзов

Производственные конфликты между рабочими и предпринимателями в первой половине XIX века часто были полуорганизованными. В момент конфронтации рабочие покидали рабочие места и собирались на улицах, о своем недовольстве они давали знать противоправным поведением и насильственными действиями в отношении властей. В конце XIX века в некоторых районах Франции рабочие даже возобновили практику угрожать неугодным хозяевам повешением[8]! Забастовочное движение, которое ассоциируется сегодня с организованными переговорами между рабочими и руководством, развивалось медленно и спорадически. Акты о собраниях, принятые в Британии в 1799 и 1800 годах, объявили собрания рабочих незаконными и наложили запрет на демонстрации. Двадцатью годами позже акты были аннулированы. Стало очевидно, что запреты скорее усиливают общественные беспорядки,

[7] *Blumberg P.* Industrial democracy: the sociology of participation. London, 1968. P. 123.

[8] *Holton R.* The crowd in history: some problems in theory and method // Social history, 3. 1978.

чем ослабляют. Вскоре массовым движением стал *тред-юнионизм*, и деятельность профсоюзов в последней четверти девятнадцатого века была узаконена. В 1920 году количество их членов возросло до 60% рабочих (мужчин) Британии. Британское движение тред-юнионов координируется центральным органом — конгрессом тред-юнионов, имеющим тесные контакты с лейбористской партией.

В начале становления современной промышленности прямой связи между существованием профсоюзов и стремлением бастовать не существовало. Большинство первых забастовок были спонтанными в том смысле, что они не организовывались какой-либо специальной рабочей организацией. Доклад верховного уполномоченного по вопросам труда Соединенных Штатов от 1907 года свидетельствует о том, что более половины всех забастовок этого периода проводились не по инициативе профсоюзов. То же самое относится и к Британии. Ситуация изменилась к концу первой мировой войны, с этого момента доля забастовок рабочих, не состоящих в профсоюзах, стала мала.

Развитие профсоюзного движения в различных странах проходило по-разному. В Британии и Соединенных Штатах профсоюзы возникли ранее, чем в большинстве европейских стран. Германские профсоюзы были в основном уничтожены в 30-х годах нацистами и вновь организовались после второй мировой войны, тогда как рост французского профсоюзного движения не начинался до 30-х годов (в это время было признано право организовывать союзы и заключать коллективные трудовые договоры).

Сегодня в Британии членами профсоюзов является около 50% рабочей силы, по сравнению с 20% в Соединенных Штатах. Большинство европейских стран отстают в показателях членства от Британии, но в Бельгии и Дании они достигают 65%, а в Швеции — 90%. Швеция является ярким примером страны, в которой деятельность рабочего движения оказывает значительное влияние на политику правительства. В этой стране между представителями профсоюзов, предпринимателями и правительством проводятся регулярные консультации на национальном уровне.

Почему существуют профсоюзы?

Профсоюзные организации существуют во всех западных странах, хотя уровень членства в них и степень их влияния различаются. Все страны предусматривают законодательное право рабочих на экономические забастовки. Почему профсоюзы превратились в неотъемлемую черту западных стран? Почему конфликт предприниматель — профсоюз является необходимой составляющей промышленных структур?

Существует предположение, что профсоюзы фактически являются разновидностью средневековых гильдий, т.е. ассоциаций людей, работающих в одной сфере в условиях современной индустрии. Так, Фрэнк Тэнненбаум утверждает, что профсоюзы представляют собой ассоциации, построенные на основе общности мировоззрения и опыта тех, кто имеет сходные занятия[9]. Подобная интерпретация могла бы помочь нам понять, почему профсоюзы возникали в первую очередь в среде цеховых рабочих, но не объясняет, почему они так тесно связаны с коллективными договорами и производственными конфликтами. Более удовлетворительное объяснение должно принимать во внимание тот факт, что профессиональные союзы возникли для защиты материальных интересов рабочих на промышленных предприятиях, где они практически не обладают формальной властью.

[9] *Tannenbaum A.* Hierarchy in organizations. San Francisco, 1974.

В эпоху становления современной промышленности рабочие большинства стран не имели политических прав и почти не могли влиять на условия труда. Профсоюзы возникли как средство устранения дисбаланса власти между рабочими и работодателями. Если отдельный рабочий сам по себе почти не имел влияния, то с помощью коллективной организации это влияние возрастало. Предприниматель может обойтись без конкретного рабочего, но без труда всех или большинства рабочих он не обойдется. Вначале профсоюзы были в основном «оборонительными» организациями, предоставляя средства, с помощью которых рабочие могли противостоять безграничной власти работодателей.

Сейчас рабочие обладают избирательными правами, а для переговоров с работодателями установились определенные формы, используя которые, рабочие добиваются экономических выгод и выражают свои требования. И все же профсоюзное влияние как на уровне завода, так и на национальном уровне остается, в первую очередь, в виде *права вето*. Другими словами, используя имеющиеся в их распоряжении средства, в том числе и право на забастовку, профсоюзы обычно могут только *блокировать* политику или инициативы предпринимателей, но не формировать их. Существует множество исключений, например, в тех случаях, когда профсоюзы и предприниматели оговаривают периодические контракты, затрагивающие условия труда. В отношении подобных контрактов существует тенденция включать туда «антизабастовочные соглашения», распространяющиеся на время действия контракта. На общенациональном уровне, особенно в скандинавских странах, профсоюзные деятели могут играть существенную роль в формировании экономической политики.

В некоторых странах профсоюзам пришлось иметь дело с постоянным противодействием со стороны враждебно настроенных правительств и предпринимателей. Право вести переговоры, существующее у промышленных рабочих и завоеванное при чрезвычайно сильном противодействии, затем часто снова делалось предметом борьбы. В некоторых отраслях промышленности предприниматели постоянно отказывались принимать членов профсоюзов на работу или давать согласие на организацию профсоюзных отделений. Особенно жестким было сопротивление предпринимателей в Соединенных Штатах — один из факторов, определяющих низкое членство в профсоюзах в этой стране. В 20–30-х годах под лозунгом «Американского плана» Национальная Ассоциация Промышленников повела борьбу против ключевых прав, связанных с заключением коллективных договоров. Были введены контракты «желтой собаки», согласно которым работники соглашались не вступать в профсоюзы, а также предложены другие, более позитивные программы, такие как участие в прибылях предприятия, призванные показать рабочим, что позитивных результатов можно достичь и без профсоюзов.

Дальнейшее развитие

Конечно, за прошедшие годы профсоюзы изменились. Некоторые чрезвычайно разрослись и, как всякие постоянно действующие организации, обюрократились. Штаты профсоюзов укомплектованы постоянно работающими чиновниками, которые почти не имеют представления об условиях работы членов своих организаций. Деятельность и взгляды профсоюзных лидеров могут быть достаточно далекими от взглядов тех, кого они представляют. Нередко низовые группы профсоюза вступают в конфликт со стратегией своей собственной организации. Большинству профсоюзов практически не удалось привлечь в свои ряды женщин. И хотя сейчас проводятся

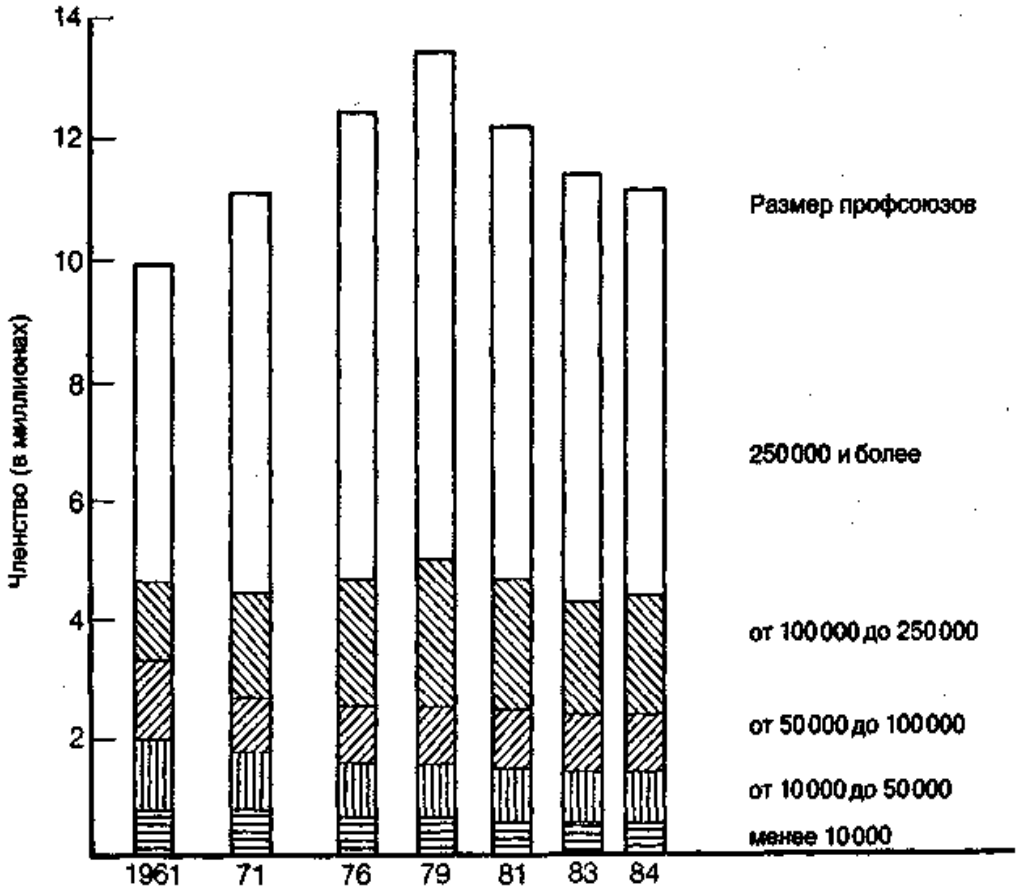


Рис. 15. Членство в профсоюзах Великобритании, 1961–1984, по размерам профсоюзов.
Источник: Social trends. London, 1987. P. 178

кампании по увеличению числа женщин в организациях, многие в прошлом препятствовали женщинам вступать в профсоюзы..

В последнее время развитию профсоюзов западных стран противодействуют три фактора: снижение экономической активности, связанное с высоким уровнем безработицы и ослабляющее позиции профсоюзов в заключении договоров, упадок старых отраслей промышленности, в которых были традиционно сильны профсоюзы, и возрастание международной конкуренции, в частности, с дальневосточными странами, где доходы населения часто ниже, чем на Западе. В Соединенных Штатах и некоторых европейских странах — Британии, Франции, Германии и Дании — правительства правых, пришедшие к власти в 70–80-х годах, часто стремились ограничить чрезмерное, по их мнению, влияние профсоюзов в промышленности.

Правительство консерваторов при М. Тэтчер проводило политику, направленную на предоставление полной свободы рыночным силам. Консерваторы считали, что профсоюзы пользуются слишком большими правами, и выдвигали ряд мер, призванных ограничить круг их деятельности. Как утверждалось, профсоюзы вздувают заработную плату до такого уровня, при котором британские товары становятся неконкурентоспособными на мировом рынке. Влияние профсоюзов используется, чтобы препятствовать фирмам в увольнении рабочих, в то время как фирмы делают это в целях повышения эффективности производства. Консультации между министрами кабинета и руководителями профсоюзов стали более редкими, чем при предыдущей (лейбористской) администрации.

В соответствии с Законами о занятости, принятыми в 1980 и 1982 годах, были введены новые ограничения полномочий профсоюзов. Официально определение «трудового конфликта» сужалось и исключало такие действия, как пикетирование поставщиков данного предпринимателя. Закон о профсоюзах от 1984 года требовал, чтобы профсоюзы проводили голосование среди своих членов прежде чем предпринимать какие-либо действия, и вводил другие ограничения на права профсоюзов. Государственные служащие, занятые в правительственном центре связи General Communications Headquarters (GCHQ), были лишены права состоять в профсоюзе. Этот шаг мотивировался тем, что забастовки могут представлять угрозу национальной безопасности. Подобные меры оказали серьезное воздействие на профсоюзное движение и на национальном, и на локальном уровнях. В сочетании с другими, более общими факторами, упомянутыми раньше, они радикально снизили влияние профсоюзов.

В Соединенных Штатах профсоюзы переживают кризис даже больших масштабов, чем в Европе. Условия труда и заработная плата, защищаемые профсоюзами, за последнее время в некоторых важных отраслях были сведены на нет. В течение последних лет рабочие-транспортники, рабочие сталелитейной и автомобильной промышленности вынуждены были согласиться на более низкую оплату, чем оговаривалось ранее. Профсоюзы потерпели неудачу в ряде крупных забастовок. Самым известным примером явился развал профсоюза авиадиспетчеров в начале 80-х годов. Членство в профсоюзах в целом существенно упало. С пикового уровня 30% от общего числа рабочей силы в середине 50-х годов уровень членства в профсоюзах понизился сегодня до 19% [10].

Забастовки

Что такое **забастовка**? Ответ на этот вопрос не столь очевиден. Например, как отличить забастовку от краткой приостановки работы? В статистике забастовок во многих странах таковыми признаются перерывы, длящиеся дольше некоторого определенного времени (например, полдня), в которых принимает участие определенное число рабочих. Является ли запрет на сверхурочные работы или «работа по правилам» разновидностями забастовочной деятельности? Правильно ли говорить о забастовке в том случае, если арендаторы объединяются и отказываются платить требуемую ренту? В таких ситуациях иногда применяется термин *арендная забастовка*, и, фактически, приостановка деятельности во многих ситуациях расценивается как забастовка — например, когда студенты отказываются посещать лекции, привлекая таким образом внимание к своим проблемам.

Предпочтительно определять «забастовку» в узком смысле, в противном случае термин утрачивает свою точность. Забастовку можно определить как временную приостановку работы группой работников с целью выражения недовольства или придания веса своим требованиям [11]. Такая формулировка важна для отличия забастовок от других форм противостояния и конфликта. Забастовка является *временной*, поскольку рабочие намереваются вернуться к той же работе у того же предпринимателя. Там, где рабочие совсем *бросают работу*, данный термин не подходит. Забастовка не совпадает с запретом на сверхурочную работу и ее «замедлением».

[10] *Edwards R.* and *M. Podgursky*. The unravelling accord: American unions in crisis // Unions in crisis and beyond: perspectives from six countries. Dover, 1986; *Goldfield M.* The decline of organized labour in the United States. Chicago, 1987.

[11] *Hyman R.* Strikes. London, 1984.

Отличительным признаком должна быть прежде всего *группа* рабочих, поскольку забастовка — это коллективная акция, а не действие отдельно взятого работника. Тот факт, что протестующие являются *наемными работниками*, позволяет отделить забастовки от протестов, например, студентов и арендаторов. Наконец, забастовка предполагает *попытку дать знать о недовольстве или добиться выполнения некоторых требований.* Рабочие, которые не вышли на работу, чтобы посетить спортивное соревнование, не могут считаться забастовщиками.

Забастовки представляют один из типов конфликта, в котором могут участвовать рабочие и предприниматели. Другой формой выражения организованного конфликта, связанного с забастовкой, являются *локауты* (работу прекращают не рабочие, а работодатели), ограничения выработки и конфликты при подписании контрактов. Менее организованные выражения конфликта — это высокая текучесть рабочей силы, прогулы и порча производственного оборудования.

Статистика забастовок

В точном определении забастовки все-таки есть элемент произвола, поэтому неудивительно, что различные страны придерживаются разных практик ведения статистики забастовок. Можно проводить сравнительный анализ международной статистики уровня забастовок, но интерпретировать эти данные следует весьма аккуратно. То, что считается забастовкой в одной стране и включается в соответствующую статистику, может не считаться таковой в другой. Например, в Британии приостановка работы должна охватывать всего десять рабочих, чтобы говорить о забастовке, в то время как в Соединенных Штатах (с 1982 года) только остановка работы, включающая 1000 человек, регистрируется в статистике забастовок.

Обычно публикуются три показателя: число забастовок в год, доля рабочей силы, участвовавшей в этом году в забастовках, и количество рабочих дней, потерянных в результате забастовок. Эти три показателя, взятые в совокупности, дают некоторое грубое представление об уровнях забастовок в различных странах. По этим трем критериям Италия и Канада — среди стран, где забастовки происходят наиболее часто, в Германии и Скандинавских странах — они наиболее редки. Соединенные Штаты и Соединенное Королевство занимают промежуточное положение. По-видимому, не существует прямой связи между уровнем забастовочного движения, представленного официальной статистикой, и экономическими показателями. Странам с низким уровнем забастовок не обязательно сопутствуют более высокие показатели экономического роста, чем странам, где забастовок больше. Это и не удивительно: ценность сравнительной статистики забастовок, как правило, сомнительна, а производственные конфликты или противоречия зачастую выражаются множеством других способов помимо забастовок. И кроме того, если производственные отношения гармоничны, из этого вовсе не следует, что производительность труда должна быть высокой [12].

Новые направления в производственных конфликтах

В одной из хорошо известных работ 60-х годов исследователи утверждали, что забастовки «сходят со сцены». По мнению авторов, длительные и напряженные противостояния характерны в основном для ранних стадий индустриализации. Как только производственные переговоры будут иметь твердую основу, утверждали они,

[12] *Jakson M. P.* Industrial relations. London, 1986.

забастовочная деятельность пойдет на убыль[13]. После провозглашения этого тезиса произошел всплеск производственных конфликтов во множестве стран, в том числе и в Британии. Главной чертой забастовочной деятельности Британии 1960-х — начала 1970-х годов было резкое увеличение числа неофициальных забастовок. По-видимому, многие рабочие были недовольны своими официальными профсоюзами так же, как и своими работодателями.

В восьмидесятых годах фокус забастовочной активности сместился с официальных профсоюзов. В то же время уровень забастовок в Британии существенно упал, что обязано по большей части стесненному политическому и экономическому климату вокруг профсоюзов. Бесспорно, наиболее важным столкновением была забастовка шахтеров в 1984 году. К национальной забастовке угольщиков призвали после того, как Департамент угля объявил в марте, что двадцать шахт будет закрыто и 20 000 человек потеряют работу в течение двенадцати месяцев. Еще для пятидесяти шахт также запланировано прекращение выпуска в последующие пять лет, что приведет к сокращению еще 50 000 рабочих мест. Забастовка была длительной и тяжелой и в конечном итоге закончилась разгромом профсоюза шахтеров. Столкновения между рабочими и полицией привели к многочисленным выступлениям за гражданские права и последовавшей в итоге разработке соответствующих законов.

Теперь мы обратимся к другой стороне цепи, перейдя от рабочих к рассмотрению их работодателей — корпораций (хотя не следует забывать, что множество людей сегодня — сотрудники государственных организаций).

Корпорации и корпоративная власть

С начала XX века состояние современной экономики все более и более определяется увеличением влияния крупных корпораций. Доля 200 крупнейших фирм Британии в суммарных производственных активах с 1900 года и до сегодняшнего дня ежегодно возрастала на 0,5%. Сегодня эти 200 корпораций контролируют более половины всех активов в промышленности. 200 крупнейших *финансовых организаций* — банков, кредитных обществ и страховых компаний — контролируют более половины всех финансовых операций. В промышленности и в финансах между крупными фирмами имеется множество связей. Так, финансовые учреждения владеют более чем 30% акций крупнейших фирм.

Разумеется, в британской экономике существуют тысячи меньших предприятий и фирм. Образ **предпринимателя** — босса, управляющего мелкой фирмой, — не устарел до сих пор, однако крупные корпорации — совсем другое дело. С тех пор как Адольф Берл и Гардинер Минз более полувека назад опубликовали свою знаменитую работу «Современная корпорация и частная собственность», общепризнанно, что большинство крупнейших фирм управляется не теми, кто ими владеет[14]. Теоретически крупные корпорации являются собственностью акционеров, имеющих право принимать все решения. Однако собственность оказывается настолько распыленной, говорят Берл и Минз, что реальный контроль в области принятия решений переходит в крупной корпорации в руки управляющих, которые осуществляют повседневное руководство. *Собственность* в корпорациях отделилась, таким образом, от управления ею.

---

[13] *Ross A. M.* and *P. T. Hartman.* Changing patterns of industrial conflict. New York, 1960.

[14] *Berle A.* and *G. G. Means.* The modern corporation and private property. New York, 1967.

Основываясь на выводах Берла и Минза и на последующих работах, некоторые авторы констатировали крупный сдвиг в природе и мировоззрении больших корпораций. Управляющие, которые контролируют сегодня гигантские компании, по утверждению этих авторов, имеют интересы, отличные от интересов владельцев. В то время как вкладчики желают максимально увеличить отдачу от своих инвестиций, менеджеры более озабочены ростом корпорации и ее имиджем во внешнем мире. Высказывалось предположение, что, как следствие, крупные корпорации стали более «ответственными», чем раньше, поскольку роль в обществе занимает их так же, как и получение прибылей. Тем не менее, обоснованность этого взгляда сомнительна. Многие управляющие фактически владеют значительной долей акций своих компаний и других корпораций, и прежде всего они хотели бы получить от этого отдачу. Доходы администраторов связаны с финансовыми успехами фирмы, прибылью, которую им удалось заработать. Отвечая на вопрос о том, какие у них приоритеты, управляющие обычно подчеркивают возможность получения прибылей. Обследование 190 высших менеджеров и директоров крупных корпораций Великобритании показало, что предпочтение отдавалось «максимизации роста общих (валовых) прибылей» и «максимизации уровня отдачи капитала». Такие цели, как «служение обществу», оказались в списке приоритетов достаточно низко[15].

Однако трудно подсчитать, как много больших корпораций принадлежит менеджерам. Индивид (или семья), владеющий всего только 15–20% акций, вполне может контролировать деятельность компании, если оставшаяся часть капитала распределена между большим числом людей. Более того, значительная доля акций крупных компаний находится сегодня в руках *других* корпораций — обычно это банки, страховые фирмы и финансовые организации. Если в этих корпорациях также доминируют интересы вкладчиков, то вся группа фирм может контролироваться акционерами, а не управляющими. Тем не менее общее мнение таково, что большинство самых крупных корпораций контролируется управленцами[16].

Влияние крупной корпорации, независимо от того, управляется она акционерами или менеджерами, чрезвычайно велико. Если одна или небольшое число фирм доминируют в отрасли, то они нередко совместно устанавливают цены, вместо того чтобы свободно конкурировать. Так, гигантские нефтяные компании обычно следуют друг другу в определении цены на нефть. Там, где одна фирма занимает командное положение в отрасли, говорят о **монополии**. Более обычной является ситуация **олигополии**, при которой доминирует небольшая группа гигантских корпораций. В ситуации олигополии фирмы способны в некоторой степени диктовать условия менее крупным фирмам, у которых приобретают товары и услуги.

Типы корпоративного капитализма

В развитии сегодняшних крупных **корпораций** можно выделить три стадии, хотя эти стадии и перекрываются, и все три продолжают сосуществовать и сегодня. В первой фазе, характерной для XIX и начала XX века, доминировал **семейный капитализм**. Даже крупные фирмы управлялись либо отдельными предпринимателями, либо несколькими членами одной семьи — и затем переходили к их потомкам. К этой категории принадлежат знаменитые корпоративные «династии» Рокфеллеров и Фордов. Эти семьи владеют не просто какой-то одной крупной корпорацией,

[15] *Francis A.* Company objectives, managerial motivation and the behaviour of large firms: an empirical test of the theory of «managerial» capitalism // Cambridge journal of economics, 4. 1980.

[16] *Scott John.* Corporations, classes and capitalism. London, 1981.

Таблица 11. *25 крупнейших мировых промышленных компаний (1987)*

№	Компания	Штаб-квартира	Отрасль промышленности	Оборот ($)	Чистый доход ($)
1	General Motors	Детройт	Моторы и запчасти	102 813 700	2 944 700
2	Exxon	Нью-Йорк	Очищенная нефть	69 888 000	5 360 000
3	Royal Dutch/Shell Group	Лондон	Очищенная нефть	64 843 217	3 725 779
4	Ford Motor	Дирборн, Мичиган	Моторы и запчасти	62 715 800	3 285 100
5	International Business Machines (IBM)	Армонк, Нью-Йорк	Компьютеры	51 250 000	4 789 000
6	Mobil	Нью-Йорк	Очищенная нефть	44 866 000	1 407 000
7	British Petroleum	Лондон	Очищенная нефть	39 655 564	731 954
8	General Electric	Фэарфилд, Коннектикут	Электроника	35 211 000	2 492 000
9	American Tel. & Tel.	Нью-Йорк	Электроника	34 087 000	139 000
10	Texaco	Нью-Йорк	Очищенная нефть	31 613 000	725 000
11	IRI	Рим	Металлы	31 561 709	197 118
12	Toyota Motor	Япония	Моторы и запчасти	31 553 827	1 717 733
13	Daimler-Benz	Штутгард	Моторы и запчасти	30 168 550	831 600
14	E. I. du Pont de Nemours	Вильмингтон	Химия	27 148 000	1 538 000
15	Matsushita Electric Industrial	Осака	Электроника	26 459 539	946 571
16	Unilever	Роттердам/Лондон	Пищевая	25 141 672	973 983
17	Chevron	Сан-Франциско	Очищенная нефть	24 351 000	715 000
18	Volkswagen	Вольфсбург	Моторы и запчасти	24 317 154	286 133
19	Hitachi	Токио	Электроника	22 668 085	679 609
20	ENI	Рим	Очищенная нефть	22 549 921	342 275
21	Chrysler	Хайленд Парк, Мичиган	Моторы и запчасти	22 513 500	1 403 600
22	Philips' Gloeilampenfabrieken	Эйндховен (Нидерланды)	Электроника	22 471 263	414 418
23	Nestlé	Вивей (Швейцария)	Пищевая	21 153 285	994 566
24	Philip Morris	Нью-Йорк	Табачная	20 681 000	1 478 000
25	Siemens	Мюнхен	Электроника	20 307 037	629 353

Источник: Fortune Magazine, 3 August. 1987. P. 18.

их экономические интересы очень многообразны, они стоят у руля финансовых империй.

Большинство крупных фирм, основанных кланом предпринимателей, стало впоследствии открытыми компаниями и перешло под управление менеджеров. Но элементы семейного капитализма сохранились даже в самых крупных корпорациях — например, в «Форд Мотор Компани» в США, где Генри Форд IV играет ведущую роль в управлении. Среди мелких фирм, магазинов, управляемых своими владельцами, небольших водопроводных и малярных предприятий семейный капитализм продолжает оставаться ведущей формой. Некоторые их этих фирм также являются «династиями», но уже малого масштаба. Магазин, например, может оставаться в руках одной семьи два или более поколений. Тем не менее сектор мелкого предпринимательства крайне нестабилен, банкротства там обычны, и доля фирм, принадлежащих одной и той же семье долгое время, в этом секторе незначительна.

Семейные корпорации — это отнюдь не всегда агрессивное выкачивание прибылей. Некоторые владельцы практиковали «патриархальное» отношение к своим работникам, материально поощряли их, помогая с жильем и деньгами, — помощь, о которой большинство фирм сегодня и не помышляют. Иногда интересы семьи ставились выше интересов компании, и кто-либо из родственников, известный своим безразличием к бизнесу и отсутствием компетенции, мог тем не менее занять в фирме ведущее место.

В крупных корпорациях семейный капитализм был практически полностью замещен **управленческим капитализмом.** По мере того как менеджеры приобретали все большее и большее влияние вследствие появления очень крупных фирм, предпринимательские семьи были вытеснены. Этот результат можно описать как «замещение роли семьи в компании на главенство компании как таковой»[17]. Корпорация становилась более четким *экономическим* образованием, имеющим приоритеты, отличные от интересов основавшей ее семьи. Когда-то семья определяла судьбу фирмы, но теперь даже там, где семейные связи сохранились, совершенно обычна обратная ситуация. Сохранение прибылей компании, обеспечиваемое ее управленческим корпусом, определяет ту долю доходов, которая остается членам семьи. Разница была установлена опытным путем: обследовав 200 крупных промышленных корпораций, Майкл Аллен обнаружил, что в тех случаях, когда прибыли падали, предприятия, контролируемые семьями, скорее всего не заменяли своего генерального директора, однако фирмы, управляемые менеджерами, делали это очень быстро[18].

Сегодня управленческий капитализм частично уступил место третьему типу корпоративной системы — **институционному капитализму**. Этот термин связан с появлением единой сети производственного управления, занятого не только принятием решений относительно отдельных фирм, но также распространением влияния корпорации вовне. Институционный капитализм основан на развитии долевого участия корпораций в других фирмах и до некоторой степени противоположен процессу усиления контроля со стороны управленцев. Он ознаменовал возрастание важности сотрудничества между лидерами корпораций из различных компаний. Долевое участие этого типа нередко передает действенный контроль от управляющих к фирмам. Одной из главных причин распространения институционного капитализма является изменение типа инвестиций, которое произошло в течение последних тридцати лет. Все чаще рядовые представители населения инвестируют

[17] *Useem M.* The inner circle: large corporations and the rise of business political activity in the US and UK. Oxford, 1984. P. 16.

[18] *Allen M. P.* Managerial power and tenure in the large corporation // Social Forces. Vol. 60. 1981.

средства в жилищно-строительные кооперативы, кредитные общества, страховые и пенсионные фонды и другие финансовые организации, которые, в свою очередь, вкладывают их сбережения в промышленные корпорации.

Большинство крупных корпораций сегодня является *транснациональными*, они действуют на международной основе, имея свои конторы и заводы во многих странах. Эти аспекты деятельности корпоративных предприятий рассмотрим более детально в главе «Глобализация социальной жизни».

Безработица, занятость женщин и неформальная экономика

Изучая труд и экономику, нельзя уделять внимание только тем, кто имеет стабильную, постоянную работу. В любой период лишь меньшинство взрослого населения относится к оплачиваемой рабочей силе. Молодежь, пожилые люди, значительная часть женщин, те, кто живет на незаработанные доходы, и безработные — все они оказываются вне этого меньшинства. Не исключено, что большинство таких людей, работают не меньше, а даже и больше тех, кто имеет постоянные оплачиваемые должности. Дети и студенты колледжей работают на занятиях, старики ухаживают за своими домами и садиками, а домашние хозяйки заняты домом и детьми (у них может быть и временная оплачиваемая работа). Лишь у незначительного меньшинства богатых людей, которые могут жить на отчисления со своих инвестиций, и у гораздо большего числа безработных трудовая деятельность не является основным занятием дня. Безработица для большинства людей отнюдь не лучшее состояние. Бытие без работы, когда человек желает работать и когда у него нет средств на то, чтобы вести нормальную жизнь, создает как материальные, так и психологические трудности.

Безработица

Уровень безработицы существенно колебался в течение XX века. В западных странах безработица достигла пика в 30-х годах, в Британии в то время не имело работы 20% рабочей силы. В послевоенный период на социальную политику в Европе и Соединенных Штатах сильное влияние оказали идеи экономиста Джона Мэйнэрда Кейнса. Кейнс считал, что безработица является результатом низкой покупательной способности населения; правительства могут воздействовать на увеличение спроса в экономике, что должно приводить к созданию новых рабочих мест. Государственное управление экономикой, как полагали многие, должно было означать, что высокий уровень безработицы уйдет в прошлое. Обеспечение *полной занятости* стало частью государственной политики практически во всех западных странах. До 70-х годов эта политика казалась успешной, и экономический рост был более или менее устойчивым.

Однако в течение последних пятнадцати лет уровни безработицы резко поднялись во многих странах, и подход Кейнса как средство управления экономической деятельностью был почти совсем отвергнут. В течение четверти века после второй мировой войны уровень безработицы в Британии был менее 2%. Количество безработных в начале 1990-х выросло до 12%, несмотря на изменения в методе подсчета, ограничивающем тех, кто регистрируется как безработный, людьми, имеющими право на получение пособия по безработице.

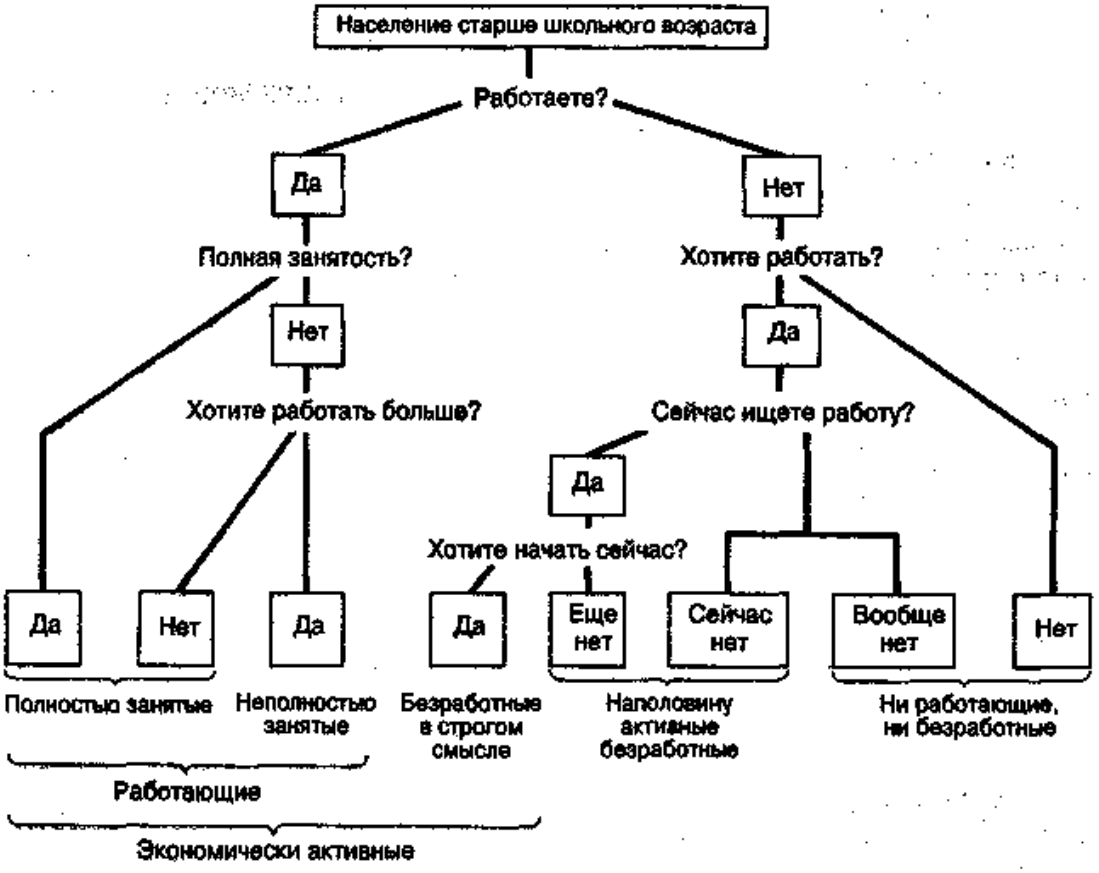


Рис. 16. Систематика возможных состояний занятых, безработных и неработающих. Источник: *Peter Sinclair*. Unemployment: Economic Theory and Evidence. Oxford, 1987. P. 2

Анализ безработицы

Крупномасштабная безработица — явление, характерное для 80-х годов. Однако интерпретация официальной статистики безработицы неоднозначна. Безработицу нелегко определить. Она означает «бытие вне работы». Но «работа» здесь означает «оплачиваемую работу» и «работу на должности». Люди, зарегистрированные по всем правилам как безработные, могут заниматься многими другими видами производительного труда, например, окраской домов или садоводством. Многие имеют временную работу или работу на неполный рабочий день; те, кто вышел на пенсию, «безработными» не считаются. Статистика, собираемая различными правительствами, не вполне сопоставима и обычно не учитывает множество людей, которые хотели бы найти оплачиваемую работу, но не смогли этого сделать.

Колебания в распределении официально признанных безработных в Британии зафиксированы достаточно хорошо. Безработица выше среди мужчин, чем среди женщин, среди этнических меньшинств, чем среди белых. Этнические меньшинства также имеют более высокий уровень долговременной безработицы, чем в среднем остальное население. Недавний рост безработицы прежде всего затронул многих молодых людей, и опять-таки этнических меньшинств это коснулось сильнее, чем белых. Уровень безработицы среди тех, кому от шестнадцати до девятнадцати лет, составляет около 20%. В некотором смысле он искусственно завышен, поскольку включает студентов, работающих неполный рабочий день или на временной работе. Тем не менее, молодежь составляет значительную часть людей, не имеющих работы долгое время, в особенности это относится к национальным меньшинствам. Более

половины безработных молодых людей (мужского пола) в возрасте до 20 лет не имеет работы в течение шести месяцев и более.

Опыт безработицы может оказаться неприятным для тех, кто привык иметь хорошее надежное место. Очевидно, наиболее быстрым следствием этого будет потеря дохода. Влияние это различно в разных странах и зависит от размеров пособий по безработице. В Британии, например, безработных обеспечивают долговременным социальным пособием. Безработица может породить острые финансовые проблемы, но она не влияет на доступ к здравоохранению и другим социальным благам, так как они обеспечиваются государством. В Соединенных Штатах, Испании и некоторых других западных странах льготы даются безработным на короткое время, и их экономические трудности соответственно выше.

На работе и без работы

В современных обществах иметь работу — значит поддерживать самоуважение. Даже там, где условия труда тяжелые и задачи однообразные, работа, как правило, является основным образующим элементом психологического состояния человека и цикла его повседневных занятий. Следовательно, опыт безработицы может быть верно понят только в контексте того, что же дает работа. Приведем шесть характеристик оплачиваемой работы.

1. *Деньги.* Заработная плата, или должностной оклад, для большинства людей — главный источник удовлетворения их потребностей. Без получения такого дохода беспокойство о продолжении повседневной жизни многократно возрастает.

2. *Деятельностный уровень.* Профессиональная деятельность часто является основой приобретения и реализации знаний и возможностей. Даже если работа рутинная, она предлагает некоторое структурированное окружение, в котором может реализоваться энергия данного человека. Без работы возможность реализации знаний и способностей может снизиться.

3. *Разнообразие.* Занятость дает доступ к ситуациям помимо бытового окружения. В рабочей обстановке, даже тогда, когда задачи относительно однообразные, индивид может получать удовлетворение от исполнения обязанностей, непохожих на домашние. Безработица лишает источника ощущений, отличных от порожденных домашними обстоятельствами.

4. *Структурирование времени.* У людей, занятых на регулярной работе, день обычно организован вокруг ритма работы. Хотя иногда это может действовать угнетающе, однако дает ощущение направленности в повседневных делах. Для тех, кто лишен работы, большую проблему представляет скука, у таких людей развивается апатия по отношению ко времени. Как заметил один безработный: «Время теперь не значит столько, сколько значило. Его так много».

5. *Социальные контакты.* Рабочее окружение часто порождает дружбу и возможность участвовать в совместной деятельности с другими. При отсутствии контактов на работе круг друзей и знакомых человека уменьшается.

6. *Личностная идентичность.* Занятость обычно ценится за то чувство личной социальной стабильности, которое она дает. Самоуважение, особенно у мужчин, обычно тесно связано с их экономическим вкладом в содержание домашнего хозяйства.

После такого грозного списка нетрудно понять, почему безработица может снизить уверенность индивида в своей социальной ценности. Так, один безработный учитель заметил: «Тяжело, когда ты оказываешься безо всех тех вещей, на которых, предположительно, ты как целостная личность и держался. Твоя работа, твои деньги. Что для тебя власть, ответственность, что вообще значит свобода и выбор? Я должен спросить себя: "Кто я теперь? Что я должен теперь делать?"»

В некоторой степени недавний рост безработицы на Западе стал результатом упадка традиционных обрабатывающих отраслей. Это означает, что показатели безработицы в различных регионах страны существенно варьируются. В районах традиционного размещения предприятий тяжелой промышленности 20% рабочей силы или даже более может быть без работы. В старых промышленных районах это ведет к частичному разрушению устоявшихся социальных общностей. Например, города шахтеров и металлургов от Южного Уэльса и Рура до Детройта и Питтсбурга сегодня нередко пребывают почти в полном запустении. Когда шахты и заводы закрываются, собственность оказывается мертвым грузом; и если одни безработные уезжают, то другие такого себе позволить не могут.

Подобные изменения можно видеть теперь и в Японии. Раньше многие японские рабочие испытывали большую уверенность в отношении своей работы, чем их западные коллеги, а корпорации придерживались политики «пожизненного найма», принимая на работу пожизненно (см. главу 9, «Группы и организации»). Для таких рабочих опыт безработного оказывается еще более тяжелым, чем для большинства работников на Западе. При описании японской безработицы приводится случай сорокасемилетнего Ацухико Татеуки, уволенного с должности начальника сектора одной компании средних размеров. Рассматривая безработицу как состояние совершенно унизительное, он ничего не сказал семье. Вместо этого он продолжал каждое утро в 7:30 уходить из дома в костюме и галстуке. День он проводил в кафе, парках и кинотеатрах. В конце концов его жена и дети заподозрили неладное, поскольку он приходил в 6:30, а не в полночь!

В той же статье описывается судьба жителей Камаиси, сталепромышленного городка на севере Японии. Большинство рабочих мест в городе было связано со сталепрокатным заводом, принадлежавшим «Ниппон Корпорейшн», крупнейшему производителю стали в мире. Это был первый сталепрокатный стан в Японии, открытый в 1886 году. Он был полностью остановлен в 1990 году, что привело к потере 2300 рабочих мест. Несколько тысяч жителей города, чья деятельность была связана с заводом, потеряли работу. Мэр Камаиси сказал, что город станет тем, чем он был сто лет назад — «просто деревней» [19]. Это было глубочайшее потрясение для местной экономики и жизни людей.

Почему растут темпы безработицы?

Количество безработных в Западных странах в последние годы существенно колеблется в зависимости от страны. Самые низкие показатели безработицы в Швеции, тогда как в Великобритании и Италии они намного выше. За пределами Европы стабильно минимальный уровень безработицы держится в Японии.

Относительно высокий уровень безработицы Западных стран в течение последних двух десятилетий, возможно, объясняется следующей совокупностью факторов.

[19] *McGill P.* Sunset in the East // Observer, 2 August. 1987.

1. Важный элемент — обострение международной конкуренции в в отраслях промышленности, которые всегда были источником процветания Запада. В 1947 году 60% мирового производства стали приходилось на Соединенные Штаты. Сегодня этот показатель для США составляет лишь около 15%, в то время как на 300% производство стали увеличилось в Японии и в странах третьего мира (главным образом в Сингапуре, на Тайване и в Гонконге, которые сегодня предлагают цены ниже, чем японские).
2. Упадок всемирной экономики, причиной (или толчком) для которого послужил нефтяной кризис 1973 года, и который до сих пор еще не преодолен.
3. Возросшее применение микроэлектроники в промышленности сократило потребность в рабочей силе.
4. Увеличивается число женщин, желающих работать, что приводит к большему число людей, претендующих на ограниченное число рабочих мест.

Трудно сказать, сохранится ли нынешний высокий уровень безработицы или, возможно, станет еще выше в ближайшем будущем. Перед лицом крупномасштабной безработицы одни страны оказываются в лучшем положении, чем другие. Уровень безработицы в Соединенных Штатах был снижен более успешно, чем в Британии или в других основных европейских странах. По-видимому, это происходит потому, что общая экономическая мощь страны дает ей преимущество на рынке перед более слабыми экономиками. Не исключено также, что чрезвычайно развитый в США сектор услуг является источником большего числа новых рабочих мест, чем в странах, где большинство населения традиционно занято в промышленности.

Женщины и работа

Домашняя работа

До самого последнего времени в социологической литературе работа без заработной платы — труд, выполняемый без прямой оплаты и не попадающий под определение «профессии», — совсем не рассматривалась. Анализ отчуждения труда, проведенный Марксом, полностью ограничивается промышленным предприятием, и с тех пор большинство исследований по промышленной социологии следовало его примеру. Неоплачиваемая работа, в частности, работа женщин в сфере домашнего хозяйства, в значительной степени игнорировалась, хотя она столь же необходима для экономики, как и оплачиваемая. Подсчитано, что **домашняя работа** эквивалентна по своей ценности примерно трети ежегодного валового производства современной экономики.

Связь женщин и работы по хозяйству, концентрация их усилий на поддержании дома и воспитании детей не имели особого значения до индустриализации, когда дом был самостоятельной производственной единицей. С началом индустриализации часть замужних женщин и практически все незамужние приобретают оплачиваемую работу. Хотя множество женщин заняты только в домашней сфере («не работают»), для мужчин оплачиваемая работа вне дома стала нормой. Этот процесс сопровождался уменьшением численности домашних слуг. Дж. К. Гэлбрайт заметил, что с начала XX века слуги представляют лишь незначительное меньшинство работающих, но «жена-слуга для дома доступна практически всему мужскому населению»[20]. Верно

[20] *Galbraith J.* Economies and the public purpose. London, 1974. P. 33.

и то, что многие мужчины благодаря домашней работе своих жен способны сделать на «оплачиваемой» работе гораздо больше, чем если бы они обслуживали себя сами.

До урбанизации большинство женщин, кроме ухода за детьми и домашних обязанностей, выполняло множество других дел. Например, им приходилось выращивать овощи на огородах, ухаживать за овцами, козами, коровами и другими животными. Они пекли хлеб и хранили припасы. Во всех домах, за исключением богатых, уборка, стирка, покупки и так далее не считались основным домашним занятием. В то время комнаты в домах были общими, обставлялись скудно. В среднем доме уборки требовалось мало. Приготовление пищи, еда и работа за прялкой или ткацким станком проходили в одном и том же помещении. Обязанности женщин часто связаны были с мужскими, дом являл собой единое производственное образование.

С появлением рабочих мест, удаленных от дома, производство отделилось от потребителя. Мужчины, «работники», «уходили на работу», а дом стал местом, в котором семья жила и потребляла. Домашняя хозяйка превратилась в «потребителя», человека, который «не работает», а ее производственная деятельность ушла из поля зрения. Тем не менее, очевидно, что домашняя работа *является* такой же изматывающей и тяжелой, как и большинство видов труда на производстве. В исследовании Окли женщины часто обращают внимание на ее «бесконечный» характер. Это работа, которая никогда не закончится, которую «невозможно сделать всю»[21]. Домохозяйки ценят, что они в значительной мере сами определяют, чем заниматься. Однако, подобно промышленным рабочим, они не любят работы рутинной, такой, как глажение или вытирание пыли.

Работа женщин вне дома

В период между двумя мировыми войнами число женщин, бывших исключительно домашними хозяйками, достигло пика. Хотя иметь оплачиваемую работу было обычным для незамужних, подавляющее большинство замужних женщин в это время не «работали». Во время обеих войн женщины устраивались на работу, чтобы заменить мужчин, ушедших в армию. После Первой мировой войны они были уволены, но после Второй изгнание не было столь всеобщим. С тех пор рост занятости женщин (см. главу 6, «Гендер и сексуальность») тесно связан с развитием сферы услуг. Женщин в этом секторе сосредоточено непропорционально много, но опять-таки не на управленческих или высококвалифицированных местах. Должности, занимаемые женщинами, сконцентрированы на *вторичном рынке труда*.

Первичный рынок труда состоит из рабочих мест в крупных корпорациях, отраслях, где есть профсоюзы, и в государственных учреждениях. В таких условиях работники получают относительно высокую заработную плату, они достаточно защищены и имеют хорошие возможности в продвижении по службе.

Вторичный рынок включает формы занятости, где нет стабильности, уровень защищенности от увольнений и зарплата низкие, возможность продвижения по службе небольшая и условия труда нередко тяжелые. Работа официантки, розничная торговля, уборка и многие другие виды обслуживания, выполняемые в основном женщинами, попадают как раз в эту категорию.

Женщин гораздо больше среди работающих неполный рабочий день. В Великобритании женщины составляют 90% таких работников, около 40% всех работающих

[21] *Oakley A.* The sociology of housework. Oxford, 1974.

женщин занято неполный рабочий день. Многие женщины устраиваются на неполную работу после рождения первого ребенка, либо оставляют ее вообще. Женщины в возрасте, возвращающиеся на работу после того, как у них вырастают дети, устраиваются на неполные должности либо по собственному желанию, либо потому, что полных должностей для них почти нет.

Неформальная экономика

Социологи и экономисты часто рассматривают категории «работающих» и «безработных» так, как будто эти категории исчерпывающие, но это слишком упрощенное видение проблемы. Не только работа по дому, но и другие виды неоплачиваемого труда (такие, как ремонт собственного автомобиля) занимают большое место в жизни людей. Многие типы работы не соответствуют ортодоксальному представлению об оплачиваемом труде. Значительная часть работ, выполняемых в рамках **неформальной экономики**, в официальной статистике занятости никак не фиксируется. Термин *«неформальная экономика»* означает операции вне сферы регулярной занятости, иногда связанные с получением денег за оказанные услуги, но чаще с прямым обменом товаров или услуг.

Человеку, который пришел установить водопроводный кран, могут заплатить наличными, и это не будет нигде зафиксировано. Люди обмениваются разными «мелочами», украденными или присвоенными где-то, с друзьями и коллегами, в обмен на соответствующего рода любезность. Неформальная экономика — это не только «скрытые» денежные операции, но и многие виды *самообеспечения*, которыми люди занимаются дома и вне его. Различные самоделки, домашние устройства и приспособления позволяют иметь такие блага и услуги, которые в ином случае пришлось бы покупать.

В качестве иллюстрации Рой Пол приводит пример с починкой протекающей крыши. Крышу можно отремонтировать несколькими способами.

1. Владелец дома может сделать эту работу с помощью членов семьи. Нужные материалы могут быть куплены в магазине либо взяты у друга или соседа, запасшего их для какой-то другой работы. В последнем случае никакие деньги из рук в руки могут вообще не переходить. Семья решает отремонтировать крышу сама, потому что не может позволить себе нанять для этого человека, или потому, что возможность отремонтировать свой дом без посторонней помощи позволяет семье гордиться собой.

2. Крышу может починить друг или сосед в обмен либо на деньги, либо на взаимные услуги. Трудовые отношения здесь основываются на неформальных связях, совершенно непохожих на те, которые существуют между работниками и работодателями. Если работа делается, например, родственником, плата может задержаться на месяцы или на годы.

3. Для выполнения этой работы может быть нанят специалист. В этом случае сделка будет «нормальной», то есть такой, когда услуга полностью оплачена и плата перечислена на счет работника. С другой стороны, работник может запросить меньшую плату, получить ее наличными и не сообщать о сделке, чтобы избежать отметок в налоговой декларации и соответствующих отчислений[22].

[22] *Paul R. E.* Divisions of Labour. Oxford, 1984. P. 134–136.

Неформальный сектор особенно развит среди беднейших слоев и в районах с высокой безработицей. Таким образом приобретается множество товаров и услуг, за которые невозможно заплатить. Конечно, самообеспечение является не только вопросом экономической необходимости; оно может приносить удовлетворение, которого не приносит работа, выполняемая за плату.

Дом — это, как правило, то самое место, где переплетаются формальная и неформальная экономики. Члены семьи принимают коллективные решения о необходимом доходе и, если позволяют обстоятельства, распределяют оплачиваемую и бесплатную работу. Например, муж или жена могли бы работать полный день на своей оплачиваемой работе, чтобы обеспечивать различные домашние нужды (скажем, нанять столяра сделать новый шкаф). С другой стороны, возможность работать полный день может быть ограничена, и семья решает домашние проблемы сама.

Будущее работы

Труд — сложное явление, включающее в себя многие другие виды деятельности помимо общепринятого понятия занятости. «Каждый человек имеет право на труд» — гласит Всеобщая Декларация Прав Человека, принятая Организацией Объединенных Наций после Второй мировой войны. В то время это означало право на оплачиваемую работу. Если, однако, тенденция к крупномасштабной безработице окажется долговременной, то эта цель может стать неосуществимой. Возможно, следует переосмыслить природу оплачиваемой работы и, в частности, то положение, которое она нередко занимает в жизни людей.

Обычно безработица рассматривается предпринимателями и в равной степени рабочими как феномен негативный, но эта точка зрения нуждается в переоценке. В конце концов отождествление «работы» с оплачиваемой занятостью придает ей специфическую ограниченность. Если кто-то затрачивает необыкновенные усилия на свое увлечение, например, на прекрасный сад, имея интерес, совершенно не связанный с материальным вознаграждением, то почему бы не считать это работой? Слово «безработица» появилось лишь в конце XIX века; возможно, оно исчезнет в конце XX, если только отсутствие должности не перестанет расцениваться как «отсутствие работы». Почему бы, предлагают некоторые исследователи, не отнести всех безработных к состоящим на службе у самих себя и не перестать выдавать субсидии тем, кому они требуются для занятия любимым делом?[23)]

Во всех индустриальных странах средняя продолжительность рабочей недели постепенно сокращается. Многие работники продолжают трудиться сверхурочно, но ряд правительств вводит сейчас ограничения на количество рабочих часов. Во Франции, например, для сверхурочной работы установлен максимум в 130 часов в год. В большинстве стран мужчины выходят в отставку в шестьдесят пять лет, а женщины в шестьдесят, но наблюдаются тенденции сокращения продолжительности средней рабочей карьеры. Вероятно, многие предпочли бы оставить работу в шестьдесят лет или раньше, если бы это можно было сделать.

Если количество времени, отдаваемого оплачиваемой работе, будет по-прежнему сокращаться и потребность в работе станет не столь первостепенной, природа карьеры претерпит существенные изменения. Возможно, более распространенной станет

[23)] *Handy C.* The future of work: a guide to a changing society. Oxford, 1984; *Jones B.* Sleepers awake! Technology and the future of work. Brighton, 1982; *Merritt G.* World out of work. London, 1982.

сменная работа или работа по гибкому графику. Некоторые аналитики считают, что годичные отпуска[24], существующие в университетах, следует распространить и на работников других областей, чтобы каждый имел право на год, свободный от работы, для учебы или какой-то иной формы самоусовершенствования. Возможно, большее число людей займется *планированием жизни*, в ходе которого они на разных фазах жизни будут выбирать различные виды работы (оплачиваемую, неоплачиваемую, полную занятость или частичную и т. д.). Так, одни могут решить начать трудовую деятельность только после этапа формального образования, следующего за периодом, посвященным занятиям типа путешествий, другие предпочтут всю жизнь быть частично занятыми добровольно, а не вынужденно — из-за отсутствия возможностей полной занятости.

В современных обзорах указывается, что даже при существующих условиях частично занятые показывают большую степень удовлетворения работой, чем полностью занятые — возможно, потому, что большинство частично занятых — женщины, ожидания которых в отношении карьеры ниже, чем у мужчин, и которые, таким образом, на время освобождаются от домашней рутины. Кроме того, многие находят удовлетворение в том, что им удается сочетать оплачиваемую работу с другими видами деятельности и жить более разнообразной жизнью.

Некоторые, возможно, захотят жить «по максимуму», с юности и до средних лет полностью посвятив себя оплачиваемой работе, а затем переключиться на другое дело, которое откроет для них новые интересы. Изучение тех, кто решил рано выйти в отставку, дает представление о том, как можно организовать свою деятельность. Исследование Энн Мак-Голдрик, посвященное людям, рано ушедшим в отставку, показывает, что в их жизненных стилях существуют большие различия. Из 1800 обследованных 75% считают себя более свободными и испытывают «меньше стрессов и принуждения», чем когда они работали. (Некоторая часть тем не менее была разочарована своей новой жизнью, причем сюда вошли люди, живущие в стесненных финансовых условиях, либо страдающие каким-нибудь заболеванием.)[25]

Французский социолог и социальный критик Андрэ Горц использовал работы, подобные исследованию Мак-Голдрик, для пересмотра традиционных представлений о развитии современного общества и создания альтернативной картины его будущей организации. Свои взгляды Горц основывает на критическом переосмыслении работ Маркса. Маркс считал, что рабочий класс, а к нему предположительно принадлежит все большее и большее число людей, возглавит революцию, которая вызовет появление более гуманного типа общества, такого, где труд будет главным жизненным удовольствием. Горц, несмотря на то, что он относится к левым, отвергает подобный взгляд. Рабочий класс, вместо того, чтобы стать крупнейшей группой в обществе (как предполагал Маркс) и возглавить победоносную революцию, фактически сокращается. «Синие воротнички» стали меньшинством — и меньшинством убывающим — среди рабочей силы.

С точки зрения Горца, нет смысла говорить о том, что рабочие могут возглавлять предприятия, не говоря уже о захвате государственной власти. Реальной надежды на изменение природы оплачиваемой работы нет, поскольку она организована в соответствии с техническими соображениями, которые неизбежны для эффективно работающей экономики. «Проблема сейчас в том, — говорит Горц, — чтобы самим

[24] Раз в пять лет преподаватели университета освобождаются от учебных занятий для научной работы и повышения квалификации.

[25] *McGoldrick A.* Early retirement: a new leisure opportunity // Leisure studies association Conference paper, 15. London, 1973.

освободить себя от работы».[26] В особенности это необходимо сделать там, где работа организована по тэйлоровской системе, или там, где работа угнетающая и однообразная.

Рост безработицы и распространение частичной занятости, утверждает Горц, уже создали то, что он называет «неклассом нерабочих», сосуществующим с теми, кто имеет стабильную работу. К этому «неклассу» относится большинство людей, поскольку доля населения, имеющего стабильную оплачиваемую работу, всегда относительно невелика — если мы исключаем молодежь, ушедших в отставку, больных, домохозяек, а также тех, кто занят частично или не имеет работы. Развитие микротехнологии, считает Горц, еще сильнее сократит число возможных полных рабочих мест. Результатом будет поворот в сторону отказа от «продуктивистского» мировоззрения западного общества, с его упором на богатство, экономический рост и материальные блага. В будущем большинство населения станет придерживаться самых разнообразных жизненных стилей, не связанных со сферой постоянно оплачиваемой работы.

Согласно Горцу, мы двигаемся в сторону «двойного общества». В одном секторе будут с наибольшей эффективностью организованы производство и политическое управление. Другой сектор составит сферу, в которой индивиды будут посвящать себя различным непроизводственным занятиям: самореализации и развлечениям.

Насколько обоснована такая точка зрения? То, что в природе и организации труда в индустриальных странах имеют место большие изменения, несомненно. Возможно, все большее число людей постепенно разочаруется в «продуктивизме», ориентации на постоянный экономический рост и приобретение материальной собственности. Имеет смысл, как это предлагает Горц, рассматривать отсутствие занятости не только в негативном свете, но как возможность следовать своим интересам и развивать свои таланты. И все же движение в этом направлении весьма незначительно, и мы, по-видимому, далеки от ситуации, представляемой Горцем. По мере того как женщины стали бороться за бóльшие возможности в сфере своей занятости, имеет место рост, а не падение, численности людей, активно заинтересованных в надежной оплачиваемой работе. Оплачиваемая работа остается для многих основой материального благополучия, необходимого для поддержания разнообразной жизни.

Краткое содержание

1. *Работа* — это процесс решения задач, связанный с затратой умственных и физических усилий и имеющий целью производство товаров и услуг, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. *Профессиональная работа* — это труд, выполняемый в обмен на регулярную плату. Во всех культурах труд является основой *экономической системы*.

2. Отличительной чертой экономической системы современных обществ является возникновение сложного и разнообразного *разделения труда*. Экономика индустриальных стран состоит из трех секторов: *первичного сектора*, связанного с добычей

[26] *Gorz A.* Farewell to the working class. London, 1982. P. 67.

природных ресурсов, *вторичного сектора*, преобразующего сырье в предметы потребления, и *третичного сектора*, связанного с индустрией услуг.

3. Характерной чертой экономической жизни всех западных стран являются профсоюзные организации, а также признанное законом право на *забастовки*. Первоначально союзы возникли в качестве *защитных* организаций, призванных обеспечить определенный контроль со стороны рабочих над условиями труда. Сегодня профсоюзные лидеры часто играют важную роль в формировании национальной экономической политики, хотя для Британии это больше относится к прошлому, чем к настоящему.

4. В современной экономике доминируют крупные *корпорации*. Если одна фирма имеет определяющее влияние в данной отрасли, то эта фирма находится в положении *монополии*. Когда таким влиянием обладает группа фирм, имеет место ситуация *олигополии*. Крупнейшие корпорации оказывают гигантское воздействие на нашу жизнь, влияя на политику правительств и на потребление.

5. *Первичный рынок* труда состоит из работников, занятых в крупных корпорациях, отраслях с развитыми профсоюзами или правительственных учреждениях. *Вторичный рынок* труда состоит из нестабильных видов занятости, таких, где перспективы ограничены, степень защищенности низка и условия труда тяжелые.

6. Безработица стала периодически обостряющейся проблемой индустриальных стран XX века. Работа является структурирующим элементом психологического состояния индивида. Опыт безработицы имеет нередко дезорганизующий эффект. Внедрение новой технологии вызовет, по-видимому, дальнейший рост безработицы.

7. *Работу* не следует рассматривать как занятие, охватывающее только оплачиваемую деятельность. *Домашний труд* и *неформальная экономика* — основные сферы неоплачиваемой работы, дающие значительный вклад в производство общественного богатства. Термин *неформальная экономика* обозначает операции, связанные либо с прямым обменом наличных денег на услуги, либо с прямым обменом товаров и услуг. *Самообеспечение*, помимо экономической необходимости, может служить источником удовлетворения, недоступного на оплачиваемой работе.

8. Отделение рабочего места от дома оказало большое влияние на природу занятости женщин. Многие замужние женщины превратились в «домохозяек», их считают «неработающими», несмотря на то, что время, затраченное женщинами на работу по дому, может значительно превосходить затраты времени работающих мужей. Сейчас в сфере оплачиваемого труда занято женщин гораздо больше, чем несколько десятилетий назад, но они заняты, как правило, на низкооплачиваемых работах.

9. В природе труда и его организации происходят значительные изменения; по-видимому, их значение существенно возрастет в будущем. Тем не менее, оплачиваемая работа остается для многих основным способом приобретения средств, необходимых для ведения разнообразной жизни.

Основные понятия

разделение труда	*отчуждение*
труд	*экономика*

Важнейшие термины

профессиональная работа
экономическая взаимозависимость
первичный сектор
вторичный сектор
третичный сектор
индустрия услуг
подход Тейлора (Тейлоризм)
подход Форда (Фордизм)
системы с низким уровнем доверия
системы с высоким уровнем доверия
автоматизация
групповое производство
промышленная демократия
забастовка
предприниматель
монополия
олигополия
корпорации
семейный капитализм
управленческий капитализм
институционный капитализм
домашний труд
первичный рынок труда
вторичный рынок труда
неформальная экономика

Дополнительная литература

Ray Pahl. Divisions of Labour. Oxford, 1984. Важный анализ проблем работы, дома и семьи.
Andrew Sayer and *Richard Walker*. The New Social Economy. Oxford, 1992. Анализ характера развития современного производства.
Neil J. Smelser and *Richard Swedberg*. The Handbook of Economic Sociology. Princeton, 1994. Хороший общий обзор социологии экономической жизни.

Часть V

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Во всех главах этой книги подчеркивается радикальный характер социальных перемен, совершающихся в современную эпоху. На протяжении практически всей истории человечества ход социальных изменений был сравнительно медленным: большинство людей придерживалось того же образа жизни, что и их родители. Мы же, напротив, живем в мире, подверженном постоянным радикальным трансформациям. В главах этой части будут рассмотрены некоторые стороны социальной жизни, в которых эти перемены выражены наиболее ярко.

В первой главе части анализируется, в каком направлении происходят перемены, которые затрагивают всех нас, как развивается процесс все более глубокого вовлечения различных современных обществ в глобальные системы. Глобализация социальной жизни влияет на изменение характера урбанизации и, в свою очередь, испытывает ее воздействие. Урбанизм (факторы, способствующие увеличению городского населения во всем мире) является предметом следующей главы. Затем мы обсудим одну из самых значимых тенденций современности — колоссальное увеличение численности населения Земли. Большое влияние на рост населения оказало широкое распространение западных методов гигиены и медицины, поэтому в специальной главе исследуются социальные аспекты проблемы здоровья и болезней. Одним из следствий увеличения продолжительности жизни становится изменение возрастной структуры (численного соотношения разных возрастных групп) населения современных обществ, в результате чего индустриальные и развивающиеся страны начинают существенно различаться по этому показателю.

Две заключительные главы этой части посвящены непосредственно процессам перемен. Одной из важнейших черт современной эпохи является устойчивое стремление осуществлять социальные и политические изменения посредством коллективных действий. Мы исследуем важнейшие формы революционных перемен с XVIII века до сегодняшнего дня, а также общие механизмы протеста и коллективного насилия. В заключительной главе будет представлена интерпретация природы социальных перемен в целом. Мы обсудим, что же представляют из себя социальные перемены и почему они сегодня столь глубоки и постоянны. Затем обратимся в будущее и попытаемся оценить, к чему приведут сегодняшние тенденции в XXI веке.

Глава 16

Глобализация социальной жизни

Если вы зайдете в расположенный поблизости магазин или универмаг, попробуйте внимательнее присмотреться к огромному количеству продуктов, которые там предлагаются. Разнообразие товаров, которое на Западе привыкли считать само собой разумеющимся, и доступное любому, у кого есть деньги, зависит от чрезвычайно сложных экономических связей, охватывающих весь мир. Выставленные товары (или детали, из которых они состоят) произведены в сотне различных стран. Все это нужно регулярно транспортировать по земному шару, и для того, чтобы регулировать миллионы связанных с этим ежедневных операций, требуется постоянный обмен потоками информации.

«До наших дней, — пишет антрополог Питер Уорсли, — человеческого общества как целого не существовало»[1], имея в виду, что лишь недавно стало возможным реально говорить о формировании социальных связей, охвативших всю планету. Мир стал воистину *единой социальной системой* в результате усиления отношений взаимозависимости, затронувших сегодня практически каждого человека. Глобальная система — это не просто среда, в условиях которой различные общества, например, Великобритания, растут и изменяются. Социальные, политические и экономические связи пересекают границы государств и властно вторгаются в судьбы живущих в них людей. Усилившуюся взаимозависимость мирового сообщества можно обозначить универсальным термином **глобализация**.

Было бы ошибкой думать о глобализации только как о процессе роста мирового единства. Глобализацию социальных связей прежде всего следует понимать как преобразование пространства и времени современного существования. Другими словами, наша жизнь все в большей степени испытывает на себе влияние действий и событий, происходящих достаточно далеко от той социальной реальности, в которой протекает наша повседневная деятельность. Несмотря на то, что сегодня она развивается особенно быстро, глобализация никоим образом не является чем-то абсолютно новым, поскольку этот процесс начался около двух–трех веков назад, когда влияние Запада стало распространяться по всему миру. (Некоторые аспекты этого влияния обсуждались в главе 2, «Культура и общество».)

Основной нашей задачей в этой главе будет анализ неравномерной, *фрагментарной* природы процессов, которые привели различные части земного шара во взаимодействие друг с другом. Глобализация социальных отношений протекала отнюдь не гладко, с самого начала на ней сказывалось неравенство между различными регионами мира. Особенно важны процессы, в ходе которых возникли общества **третьего мира**. Огромный разрыв в степени благосостояния и уровня жизни отделяет индустриальные страны первого и второго миров от стран третьего мира, в которых живет большинство населения планеты. Мы начнем с рассмотрения того, как

[1] *Worsley P.* The three worlds: culture and world development. London, 1984.

возникли общества третьего мира и каков характер их отношений с индустриально развитыми нациями. Затем обсудим некоторые из наиболее важных теорий мирового развития, после чего перейдем к анализу международных организаций и средств массовой коммуникации.

Общества третьего мира

Образование наций

Подавляющее большинство обществ третьего мира находится в регионах, переживших колониальное правление — в Азии, Африке и Южной Америке. Единицы продолжают оставаться колониями (например, Гонконг оставался британской колонией до 1997 года, а затем управление им перешло к Китаю). Несколько колоний получили независимость рано, так, например, Гаити стала первой черной автономной республикой в январе 1804 года. Испанские колонии в Южной Америке обрели свободу в 1810, тогда как Бразилия избавилась от португальского правления в 1822 году. В большинстве случаев раннего обретения независимости европейские поселенцы, как правило, играли ведущую роль в отделении от метрополий (исключением было Гаити). Именно так обстояло дело и с образованием Соединенных Штатов.

Некоторые страны, которые никогда не управлялись из Европы, испытали, тем не менее, сильнейшее воздействие колониальных отношений; ярким примером может служить Китай. Силой оружия Китай был принужден заключить с европейскими державами торговые соглашения, согласно которым в руки европейцев перешло управление рядом территорий, включая несколько крупных морских портов. Последней из таких особых территорий является Гонконг.

Большинство наций третьего мира образовывало свои независимые государства лишь после Второй мировой войны, часто в результате кровавой антиколониальной борьбы. Примером может служить Индия, которая вскоре после получения самостоятельности распалась на Индию и Пакистан, ряд других азиатских стран (таких, как Бирма, Малайзия и Сингапур) и множество государств Африки (Кения, Нигерия, Заир, Танзания и Алжир).

До колонизации многие страны третьего мира не были обособленными государствами. Их границы сложились во времена европейского правления, когда колонисты либо объединяли, нередко силой, под единой административной властью множество совершенно разных культур, либо расчленяли единые культуры там, где проходили границы владений двух европейских держав. Хотя значительная колониальная экспансия началась еще в XVI веке, большинство регионов, ставших ныне странами третьего мира, были колонизированы лишь в девятнадцатом столетии. Индия не переходила полностью под британское правление до 1860 года, приблизительно в этот же период британская администрация утвердилась в Малайе, Сингапуре и Бирме.

Африка оставалась для европейцев «темным» и почти не исследованным континентом до середины XIX века. В 1870 и 1880-х годах ведущие европейские державы соперничали друг с другом в захвате различных частей Африки, а действенные колониальные правительственные системы сформировались там несколько позднее. Период колониального правления в некоторых странах был коротким, недостаточным для того, чтобы объединить огромное число разнообразных туземных групп под единым административным началом. Это объясняет, почему сегодня многие государства третьего мира внутренне столь неоднородны и разобщены. К примеру,

в 1963 году во время получения Кенией независимости население еще помнило времена до правления белых.

Экономические последствия колониализма

Европейские державы приобретали колонии по ряду причин.

1. Обладание колонией увеличивало политическое влияние и мощь метрополии и предоставляло возможности для размещения военных баз.
2. Большинство людей Запада рассматривали колониализм как цивилизующее предприятие, помогающее вырвать туземные народы из примитивных условий существования. Миссионеры стремились донести до язычников христианство.
3. Важную роль играли и экономические причины. С первых лет западной экспансии из колоний доставлялись продовольствие, сырье и другие продукты, служившие основой экономического развития Запада. Даже там, где колонии приобретались не ради экономической выгоды, страна-колонизатор стремилась обеспечить экономическую отдачу для покрытия расходов на управление регионом.

В некоторых областях экономическая деятельность местного населения предоставляла достаточные возможности для торговли. Тем не менее, в большинстве случаев, в особенности в тропических регионах, европейцы поощряли выращивание **товарных культур**, — сельскохозяйственных культур для продажи на международных рынках. Часто колонизаторы основывали плантации, фермы и рудники, на которых они выступали лишь в роли надсмотрщиков, а в качестве рабочей силы привлекалось местное население. В большинстве случаев собственностью европейских поселенцев становились также захваченные ими крупные земельные участки. Важным экономическим нововведением, связанным с колониальными странами, было учреждение **концессионных компаний**, которые государство-колонист наделяло лицензией на монополию производства определенных товаров и культур в данном регионе[2]. Некоторые из этих компаний, как государственных, так и частных, чрезвычайно разрослись и приобрели доминирующее влияние в районах, в которых они действовали. Потомки ряда концессионных компаний и сегодня занимают заметное место в мировой торговле.

Многие, хотя и не все, страны третьего мира находятся в нищете, особенно если сравнивать их с индустриальными странами. Основной причиной является отсутствие у них индустриальной базы. Большая часть населения этих стран занята в сельском хозяйстве, где применяются в основном традиционные методы производства. В некоторых случаях все ресурсы были полностью истощены за время господства стран-колонизаторов. В дополнение ко всему, большинство обществ третьего мира пережило в течение нынешнего века небывалый рост населения (см. главу 18, «Народонаселение, здоровье и проблемы старения»). Это чрезвычайно затрудняет обеспечение какого бы то ни было устойчивого экономического роста, поскольку увеличение производства сводится на нет теми дополнительными ртами, которые приходится кормить.

В беднейших из стран третьего мира многие люди живут в условиях, которые жителям Запада даже трудно себе представить. Агостиньо Нето, первый президент Анголы (Южная Африка), в поэтической форме красочно описал жизнь тех,

[2] *Weatherby J.* et al. The Other World: Issues and Politics in the Third World. New York, 1987.

кто работает в карьере. Автор иронически назвал это стихотворение «Западная Цивилизация»:

Листы жести, прибитые к столбам,
вкопанным в землю,
вот и дом.

Несколько тряпок
Завершают окрестный пейзаж.

Солнце сквозь щели
приветствует владельца
после двенадцати часов
рабского труда.

Киркой, лопатой,
киркой, лопатой.
Солнце. Дождь.
Киркой, лопатой.

Старость приходит рано.

Циновки в темноте ночной
довольно, когда он уснет навсегда,
благодарный от голода.[3]

Бедность

За последние годы условия жизни в беднейших регионах развивающихся стран не улучшились, а, напротив, ухудшились. Бедняков немало и в индустриальных странах (см. главу 7, «Стратификация и классовая структура»), но лишь немногие там хронически недоедают или голодают; что касается бедняков стран третьего мира, то их положение именно такое. Подсчитано, что в 1991 году в развивающихся странах в условиях глубокой бедности жило 1200 миллионов человек — почти четверть мирового населения. Примерно половина бедняков приходится на Южную Азию. Около трети сосредоточено в странах Африки, расположенных южнее Сахары, в регионе, к которому термин «развивающиеся страны» фактически неприменим, поскольку за время с 1981 по 1991 год реальный доход на душу населения там снизился на 25%[4].

Крайние формы бедности характерны в основном для сельских районов, хотя миллионы бедняков существуют и в городах. Недостаточное и некачественное питание, отсутствие образования, низкая продолжительность жизни и тяжелые жилищные условия — эти проблемы острее всего стоят в сельской местности. Значительная часть бедняков приходится на районы, где не хватает пахотных земель, производительность сельскохозяйственного труда низка и часты засухи или наводнения. Женщины обычно находятся в более неблагоприятном положении, чем мужчины. Они сталкиваются с массой таких культурных, социальных и экономических проблем, которые неизвестны даже самым обездоленным мужчинам. Продолжительность их рабочего дня, как правило, больше, а заработки — если они вообще работают — ниже[5].

---

[3] *Bennett J.* and *S. George*. The Hunger Machine. Cambridge, 1987. С. 113.

[4] *Ekins P.* A New World Order: Grasroots Movements for Global Change. London, 1992.

[5] World Bank: World Development Report 1990. Oxford, 1990.

Новые индустриальные страны

Третий мир не однороден. В то время как большинство стран третьего мира отстают от западных стран и государств Восточной Европы, некоторые из них успешно начинают процесс индустриализации. Иногда их называют **новыми индустриальными странами**. В число этих стран включают Бразилию и Мексику в Южной Америке, Гонконг, Южную Корею, Сингапур и Тайвань в Восточной Азии. Сюда следует отнести также богатые нефтью страны Ближнего Востока, такие, как Кувейт и Саудовская Аравия. В некоторых из государств этой группы уже сейчас уровень доходов на душу населения в результате получения прибыли от продажи нефти достаточно высок. Собственной индустриальной базы они не имеют, однако стараются ее создать.

Начало 1990-х годов ознаменовалось для «четырех Азиатских драконов» устойчивым экономическим процветанием. Они не только развивают экономику у себя в стране, но и инвестируют капитал за рубеж. Так, Южная Корея занимает сегодня доминирующее положение в сталелитейной и кораблестроительной отраслях, обладает прочным положением на мировом рынке электроники. Меркнет лишь экономическое чудо Гонконга, в основном из-за неопределенности будущего этой колонии после ее возвращения Китаю в 1997 году.

Крупнейшей из новых индустриальных стран является Бразилия: ее экономика — восьмая в мире среди некоммунистических стран. Среднегодовой прирост ее валового национального продукта составил в период с 1932 до середины 1980-х годов 6,5%. Более того, с конца 1960-х и в 1970-е годы темпы ее экономического роста были просто поразительными по сравнению с темпами роста наиболее развитых индустриальных стран. В Мексике темпы роста за те же два десятилетия были сходными и составляли в среднем чуть менее 8%. Однако, как уже было сказано, обе страны чрезвычайно задолжали западным банкам, и у них мало шансов выплатить свои долги даже в отдаленном будущем. Большая часть вновь создаваемых материальных ценностей монополизируется привилегированными слоями населения и не доходит до городской и сельской бедноты.

Расхождение между богатыми и бедными странами

Сегодня существует около двадцати стран (западные страны, Япония, Австралия и Новая Зеландия), гораздо более богатых, чем остальные. Верхние позиции в этой лиге занимают Соединенные Штаты, Канада, Швеция и Швейцария, имеющие самый высокий в мире **валовой национальный продукт**. (Валовой национальный продукт (ВНП) общества включает совокупную стоимость всех товаров и услуг, производимых страной ежегодно. ВНП *на душу населения* — это обычный показатель, принятый для оценки уровня благосостояния различных стран, хотя его информативность ограничена. В частности, поскольку это усредненный показатель, он маскирует различия между богатыми и бедными *внутри* страны.) Существует и другая группа стран, ВНП на душу населения которых близок к индустриальным странам — это богатые нефтью государства Ближнего Востока. Их позиция меняется с изменением цен на нефть, и во внутренней экономике этих стран отрасли промышленности, не связанные с нефтью, развиты гораздо слабее, чем на Западе и в Японии. Россия и страны Восточной Европы (так называемые страны второго мира) имеют более низкие показатели ВНП на душу населения, чем Япония и страны Запада, хотя между странами восточного блока существуют достаточно большие различия. Беднейшие страны мира находятся в основном в Азии и Африке.

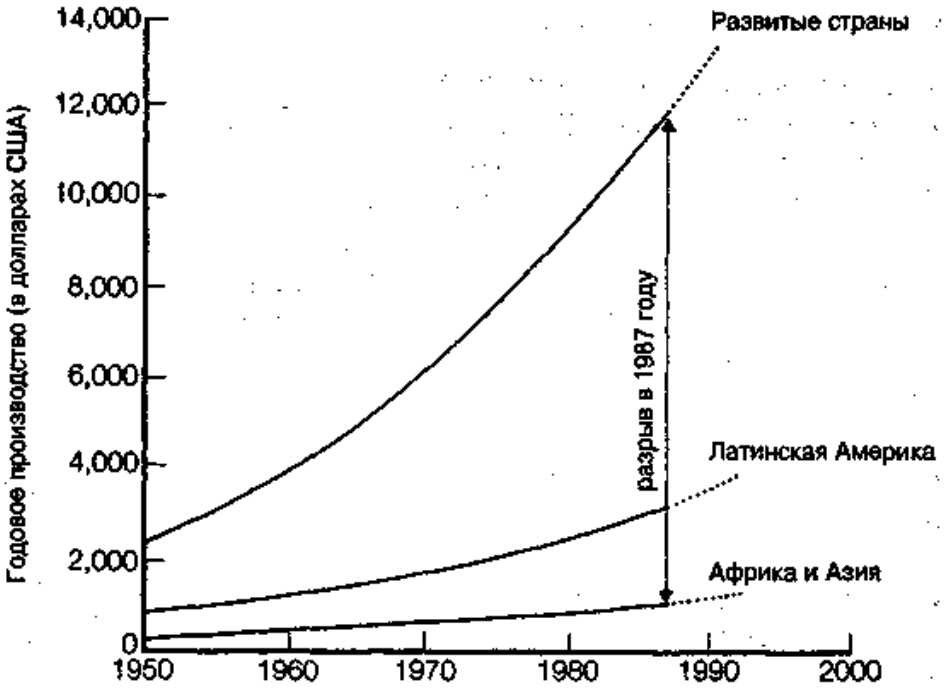


Рис. 17. Расхождение в развитии индустриальных стран и стран третьего мира с 1950 года.
Источник: *Andrew Reed.* The Developing World. London, Bell and Hyman, 1987. P. 16

Если сравнить сорок богатейших стран и столько же беднейших (каждая группа составит четверть всего населения земли), то обнаружится, что вторая группа производит около 5 процентов ВНП первой. Иными словами, население богатых стран имеет «пирог», в двадцать раз больший, чем тот, который делится между таким же количеством бедных наций. В настоящее время разрыв не сокращается, а увеличивается. Подсчитано, что при существующих темпах разрыв между богатейшими и беднейшими странами возрастет к 2000 году еще на 300 процентов[6].

Положение стран третьего мира в мировой экономике неустойчиво главным образом из-за их зависимости от производства товарных культур. Существует множество стран, основу экономической системы которых составляет выращивание всего лишь одной или двух сельскохозяйственных культур. Производство некоторых из них (например, кофе и какао) в большой степени зависит от ежегодных колебаний климата. Цены на эти продукты на мировом рынке варьируются значительно сильнее, чем цены на промышленные товары. Проблемы обостряются еще и потому, что экономики такого рода гораздо в большей степени зависят от внешней торговли, чем экономики богатых стран[7].

Взаимосвязь между первым и третьим миром

Понятие «третий мир» (предложенное французским демографом Альфредом Сюи) стало общепринятым для обозначения развивающихся стран, однако в некоторых отношениях оно не вполне удовлетворительно. Этот термин как бы подразумевает, что данные общества совершенно отделены от индустриальных стран, представляют собой как бы отдельный мир. Однако это не совсем так: страны третьего мира

[6] *Kubalkova V.* and *A. Cruickshank.* International Inequality. London, 1981.
[7] *Goldthorpe J.* The Sociology of the Third World: Disparity and Development. Cambridge, 1984.

Таблица 12. *Некоторые статистические показатели, характеризующие качество жизни в десяти странах*

Страны	ВНП на душу населения (1982, $ США)	Количество калорий на человека ежедневно	Продолжительность жизни (лет)	Уровень младенческой смертности (на 1000)
Бангладеш	140	1877	40	132
Боливия	570	2086	50	124
Гаити	300	1881	52	108
Египет	690	2950	56	97
Заир	190	2133	47	107
Индия	260	1998	50	118
Индонезия	580	2296	49	87
США	13 160	3652	74	12
Франция	11 680	3381	74	10
Эфиопия	140	1729	40	143

Источник: *Joseph Weatherby* et al. The Other World: Issues and Politics in the Third World. New York: Macmillan, 1986. P. 43.

имеют давние тесные связи с индустриально развитыми и другими окружающими их странами. Как уже говорилось, эти страны сформировались под сильным влиянием колониализма и торговых отношений, которые внедрялись западными государствами. В свою очередь, связи, которые западные страны установили с другими регионами мира, оказали сильное влияние и на их собственное развитие. Примером может служить тот факт, что наличие большой доли черного населения в Соединенных Штатах и Бразилии является результатом «торговли людьми», которой занимались колонизаторы.

В настоящее время в результате ускорения процесса глобализации взаимоотношения между странами первого и третьего миров становятся все более сложными. Многие сырьевые ресурсы, используемые в промышленности Запада, импортируются из третьего мира. Из этих же стран в индустриальные страны регулярно поставляются большие объемы продуктов питания (сельскохозяйственных товарных культур). Наконец, стремительно растет производство промышленных товаров на заводах, построенных в странах третьего мира западными компаниями. Все эти тенденции будут рассмотрены ниже.

Производство продовольствия и проблема мирового голода

Распределение продуктов питания в мире отражает общее неравенство между богатыми и бедными странами. По подсчетам Всемирной организации здравоохранения, десять миллионов детей младше пяти лет, живущих в странах третьего мира, фактически голодают. Ежегодно более десяти миллионов детей умирают в младенчестве или в раннем детстве вследствие болезней, вызванных либо тем, что они голодают, либо что голодают их матери. Около 700 миллионов взрослых также серьезно недоедают[8].

В то же время постоянно увеличиваются мировые запасы продовольствия, и, вопреки высказанным несколько лет назад опасениям, их рост не перекрывается ростом населения. Средний урожай зерновых культур в мире составлял в последние

[8] *Benett J.* and *S. Ceorge.* The Hunger Machine. Cambridge, 1987.

годы около 1300 миллионов тонн, а этого достаточно, чтобы накормить пять миллиардов человек.

Однако практически весь прирост продовольствия приходится на индустриальные страны. Крупнейшим экспортером продовольствия является Северная Америка. Перед Второй мировой войной она делила это место с Южной Америкой, где по производству зерновых и животноводству особенно выделялась Аргентина. С тех пор рост населения Южной Америки, а также отсутствие реформ и модернизации в сельском хозяйстве уничтожили избыток продовольствия на континенте, и сегодня большинство южноамериканских стран не в состоянии даже удовлетворить собственные продовольственные нужды. Напротив, Северная Америка и Европа располагают значительным избытком продуктов сельскохозяйственного производства. На обоих континентах правительства регулярно платят фермерам за то, чтобы они не засевали часть своих площадей; на складах скопилось большое количество продовольствия, для которого не находится покупателя на мировом рынке.

В законе, принятом в 1954 году, декларировалось, что политика Соединенных Штатов направлена на то, чтобы использовать «избытки продовольствия для борьбы с голодом и недоеданием и поощрять экономическое развитие в развивающихся странах» путем обеспечения прямой продовольственной помощи и продажи продовольствия по низким ценам. Масштабы помощи, оказываемой по этой программе, менялись, но всегда составляли лишь мизерную долю имеющегося избытка продовольствия. Более того, на распределение продовольственных поставок сильно влияли политические соображения. В середине 1970-х годов около половины американской продовольственной помощи направлялось в две страны: Южный Вьетнам и Камбоджу. В то же самое время Соединенные Штаты отклонили просьбу Чили, где у власти находилось правительство социалистов под руководством Сальвадора Альенде, о покупке продовольствия в кредит. Этот отказ, возможно, способствовал падению правительства Альенде, чего в то время и добивались Соединенные Штаты.

Советский Союз находился не в том положении, чтобы внести вклад в мировые поставки продовольствия, поскольку по сравнению с западными странами его сельское хозяйство было неэффективным. Фактически СССР сам отчасти зависел от зернового экспорта из Соединенных Штатов. В начале 1960-х годов Советский Союз прибегал к тайным закупкам американской пшеницы и приобрел около 28 миллионов тонн зерна через различные агентства стран третьего мира. Этот способ позволял Советскому Союзу совершать покупки по ценам ниже рыночных, используя не предназначавшиеся ему субсидии правительства Соединенных Штатов. Вследствие того, что Советский Союз получил зерно по заниженным ценам, объемы продовольственного экспорта в остальные регионы значительно сократились.

Голод

То обстоятельство, что катастрофическая нехватка продовольствия в странах третьего мира в основном игнорируется богатыми государствами, отчасти связано с тем, что изменилась природа голода. Обычно считалось, что голод — это временное явление, затрагивающее определенную территорию и возникающее в результате специфических и преходящих обстоятельств. Таким, например, был голод в Ирландии в девятнадцатом веке, когда там не уродился картофель. Голод такого рода случается и сейчас (например, в 1985 и 1986 годах в Уганде), но суровая постоянная нехватка продовольствия стала сегодня общей проблемой всей беднейшей части мира, и дело теперь не ограничивается только отдельными областями и периодами.

Наиболее широкие масштабы недоедание и голод приобрели сегодня в Африке. Продовольствие импортируют большинство африканских стран, однако доля национального дохода, которую они могут тратить на эти цели, постоянно сокращается. Ухудшение условий жизни приобретает прогрессирующий характер, поскольку население этих стран растет, и в дополнение к этому у них нет денег для покупки удобрений, пестицидов и сельскохозяйственной техники, необходимых для подъема уровня производства продовольствия. Сложившееся положение еще больше усугубляется войнами, политическими переворотами и необычайно продолжительными засухами. Страны, в которых не менее двух третей рабочей силы заняты в сельском хозяйстве, вынуждены сейчас импортировать почти 10 процентов необходимого им продовольствия.

Даже если бы богатые страны оказывали гораздо более щедрую продовольственную помощь, чем сейчас, это не разрешило бы существующие фундаментальные проблемы. Оказание помощи никак не может исправить положение в бедных странах и сделать их сельское хозяйство более эффективным, а напротив, способно привести к обратному результату. В некоторых областях Африки импорт пшеницы и риса повлек за собой изменение структуры питания и вкусов местного населения. Выращивать эти продукты в тропических районах очень дорого, и деньги тратятся на их импорт, а не на нужды местного сельского хозяйства. Подобные парадоксальные последствия привели многих к убеждению, что продовольственная помощь должна оказываться только в экстремальных ситуациях. В действительности, конечно же, необходима крупномасштабная передача нуждающимся странам *средств производства* (например, сельскохозяйственных машин и оборудования для их обслуживания и ремонта), с помощью которых можно было бы внедрить в местное сельскохозяйственное производство более эффективные методы[9].

Однако и здесь приходится сталкиваться с проблемами фундаментального значения. В серьезном исследовании проблемы западной помощи и развития стран третьего мира было показано, что деньги, поступающие в бедные страны от индустриальных государств, часто, и даже как правило, направляются на цели, далекие от тех, для которых они предназначались. Эти деньги попадают к военным, отдельным влиятельным лицам и группам или исчезают в недрах бюрократических систем, где затем распределяются и расходуются крайне безответственно. С учетом этих обстоятельств не удивительно, что разнообразные программы помощи могут обернуться для бедняков и голодающих настоящей катастрофой. Автор исследования делает следующий вывод:

> Дороги, которые обрываются на речных берегах, а затем как ни в чем ни бывало продолжаются на другой стороне, силосные башни, к которым не подведено электричество, сложнейшее оборудование, размещенное в дикой глуши, где никто не может им пользоваться, проекты производства аквапродуктов, рассчитанные на разведение рыбы стоимостью 4000 долларов за килограмм, предназначенной для африканских крестьян, не получающих и 400 долл. в год, дамбы, которые лишают земли, крова и другой собственности тысячи людей и распространяют смертельные заболевания, передающиеся с водой, схемы переселения, которые делают мигрантов еще беднее, чем они были дома, разрушают окружающую среду и уничтожают целые племена, — такого рода промахи не есть незначительные причудливые исключения из некоего

[9] Brandt Commission. Common Crisis North–South: Cooperation for World Recovery. Cambridge, 1983. P. 123–133.

большого и очень полезного правила под названием «развитие». Они и есть само это правило.[10]

Утрата иллюзий относительно ортодоксальных стратегий помощи развивающимся странам привела к тому, что многие стремятся сейчас делать акцент на развитии простейших основ. Цель заключается в том, чтобы обеспечить беднякам хотя бы минимальный уровень питания, питьевую воду, не содержащую микробов и ядов, предоставить кров и образование, чтобы дать им возможность не просто выжить, но активно участвовать в создании лучшей жизни для себя. Однако такие проекты, как правило, мелкомасштабны, поскольку они ориентированы на максимальное использование местных ресурсов и технологий низкого уровня, потому что более сложные могут принести вред[11].

Агробизнес

Несмотря на то, что часть населения стран третьего мира голодает, эти страны выступают важными поставщиками продовольствия для Запада. Западные компании, производящие продовольствие, или так называемые предприятия **агробизнеса**, играют в этом процессе определяющую роль. Термин *агробизнес* был пущен в оборот Рэем Гольдбергом, представителем Гарвардской школы бизнеса, и призван подчеркнуть то обстоятельство, что производство продовольствия стало особой *индустрией*, механизированным производством, включающим унифицированную обработку, транспортировку и хранение. Многие миллионы людей, в основном в индустриальных странах, уже не являются прямыми производителями собственной пищи. Продукты питания, которые они потребляют, включают самые разнообразные сельскохозяйственные культуры, соли и другие компоненты, импортируемые из третьего мира. Как правило, это не «основные» продукты, такие, как зерно и мясо, но важные составляющие западных диет (в частности, кофе, чай и тростниковый сахар).

Многие крупные агрофирмы, действующие в странах третьего мира, ведут свое происхождение от концессионных компаний, учрежденных колониальными правительствами. Например, одной из первых плантаций, приобретенных иностранной компанией в Африке, была плантация, основанная в XIX веке Уильямом Хескетом Левером. Левер стал организатором фирмы «Левер Бразерс», превратившейся впоследствии в «Юнилевер», крупнейшую компанию мира по производству продуктов питания. Ее деятельность в Африке вначале была связана с контролем поставок пальмового масла на мыловаренные заводы фирмы в северо-западной Англии.

Другими примерами могут служить «Файрстоун Раббер Компани» и «Брук Бонд Ти Компани». Первая купила в 1926 году у правительства Либерии миллион акров земли и основала там громадную каучуковую плантацию. Поскольку ресурсы либерийской экономики были чрезвычайно малы, страна попала в такую зависимость от компании, что Либерию стали иногда называть «Республика Файрстоун»[12]. «Брук Бонд» заложила первую чайную плантацию в Африке в 1920-х годах и позднее создала плантации в Индии, Пакистане и на Цейлоне (ныне Шри-Ланка).

Некоторые секторы мирового производства экспортных культур контролируются сегодня небольшим числом крупных компаний агробизнеса. Три корпорации

[10] *Hancock G.* Lords of Poverty. London, 1989.

[11] *Ekins P.* A New World Order: Grassroots Movements for Global Change. London, 1992.

[12] *Dinham B.* and *Colin Hines*. Agrobusiness in Africa. London, 1983.

(«Джилл энд Даффас», «Кэдбери-Швеппс» и «Нестле») держат в руках от 60 до 80% мировой торговли какао. Девяносто процентов чая, поступающего на рынок Западной Европы и Америки, контролируется пятью европейскими и тремя американскими компаниями. Треть мировой торговли маргарином и пищевыми маслами находится в руках одной фирмы («Юнилевер»). Цены на такие культуры определяются на Нью-Йоркской и Лондонской фондовых биржах, расположенных далеко от местных производителей.

Налогообложение предприятий агробизнеса является источником валюты для правительств третьего мира, кроме того, эти корпорации обеспечивают занятость и платят своим рабочим более высокую заработную плату, чем предприятия местной промышленности. И все же общий эффект их деятельности для стран-хозяев в основном остается скорее негативным. Хотя предприятия агробизнеса в общем высокорентабельны, однако их продукция в основном призвана удовлетворять потребности индустриальных стран. Из-за того, что рабочая сила поглощается предприятиями агробизнеса, страдают традиционные виды местного сельскохозяйственного производства. При этом местное население оказывается целиком во власти иностранных корпораций, которые в любое время могут принять решение перевести свои инвестиции в другое место. Местная элита, связанная с предприятиями агробизнеса, как правило, богатеет, разрыв между ней и крестьянством увеличивается.

Производство продуктов и экология окружающей среды

Некоторые современные формы сельского хозяйства, в особенности те, что связаны с агробизнесом, оказывают чрезвычайно вредное воздействие на окружающую среду. Агрономия, использующая высокие технологии, отрывает сельскохозяйственное производство от той естественной основы, на которой оно держалось в течение тысячелетий. Использование химических удобрений, пестицидов, выведение новых видов растений и животных осуществляется в соответствии с научной и индустриальной логикой, лишь отдаленно связанной с естественным циклом сельскохозяйственного производства и обновления. Современные системы производства продовольствия, несмотря на свою необыкновенную эффективность, подрывают основы глобальной экосистемы. Кроме того, они имеют и прямые негативные последствия[13].

Подсчитано, что даже в такой развитой стране, как Соединенные Штаты, потери от эрозии почвы в 1980-е годы составили около 6 миллиардов долларов. Интенсивное сельскохозяйственное производство, типичное для западных стран, также породило проблемы размещения отходов, загрязнения окружающей среды и контроля за распространением заболеваний.

Следующим аспектом современной практики сельскохозяйственного производства явилось разрушение традиционных видов сельского землепользования и землевладения. Вырубка лесов, осушение и выравнивание земель — все это способствовало такого рода переменам. Следствием этого, помимо прочего, стало снижение качества почвы. За 1980-е годы количество земли, пригодной для ведения сельского хозяйства, сократилось в странах европейского сообщества на 10%.

В развивающихся странах гораздо труднее, чем в индустриальных государствах, утвердить экономические приоритеты перед лицом краткосрочных выгод от роста производительности сельского хозяйства. Так называемая «зеленая революция», которая заключалась в применении в странах третьего мира методов сельскохозяйственного производства, впервые разработанных в кукурузном поясе Среднего Запада

[13] *Goodman D., Redclift M.* Refashioning Nature: Food, Ecology and Culture. London, 1991.

Соединенных Штатов, принесла ощутимые плоды в плане производительности. Однако часть этих методов была какой угодно, но только не «зеленой» в отношении последствий для окружающей среды.

Беднейшие слои населения развивающихся стран оказываются в противоречивой ситуации. Традиционные способы ведения сельского хозяйства практически всегда были интегрированы с условиями местной окружающей среды таким образом, чтобы обеспечивалось регулярное обновление ее возможностей в отношении плодородия. Современные системы сельскохозяйственного производства позволяют резко увеличить выход продукции, но ценой истощения или замещения ресурсов, которые ранее контролировались людьми.

Теоретические перспективы

Чем объяснить существующие различия между уровнем благосостояния индустриальных стран и стран, принадлежащих к третьему миру? При попытках понять причину столь ярко выраженного глобального неравенства, возникшего в течение последних веков, были выработаны три теоретические подхода: *империализм*, *теория зависимости* и *теория мировой системы*.

Империализм

Теория **империализма** впервые была предложена английским историком Дж. Э. Гобсоном и поддержана советским вождем Лениным, находившимся под влиянием идей Маркса. Работа Гобсона была опубликована в начале 1900-х годов, во время «борьбы за Африку» между западными странами. С точки зрения Гобсона, колониализм явился следствием попыток найти новые рынки для инвестиций, поскольку возможности западного производства превосходили возможности выгодной реализации на собственных рынках. В соответствии с его теорией, большинство населения может позволить себе купить лишь относительно небольшую часть производимых товаров, поэтому все время существует острая потребность как в новых рынках сбыта, так и в способах удешевления производства посредством поисков дешевого сырья и рабочей силы в других частях мира. Термин *империализм*, в интерпретации Гобсона, означал стремление завоевать и поработить другие народы, и одним из проявлений этого был колониализм — направленная вовне экспансия[14].

Указанный процесс способствовал как экономическому развитию западных стран, так и обнищанию большей части остального мира, поскольку при этом из неиндустриальных регионов выкачивались ресурсы. Именно с этого начался все возрастающий разрыв между богатством Запада и бедностью третьего мира. Ленин считал, что ведущую роль в этих процессах играют крупные корпорации, хотя и не без поддержки своих правительств. Именно корпорации определяют характер эксплуатации неиндустриальных регионов, устанавливая торговые отношения с беднейшими странами на чрезвычайно выгодных для себя условиях.

Неоимпериализм

Позднейшие авторы, воспользовавшись идеями Ленина и Гобсона, создали теорию **неоимпериализма**. Их более интересует современное общество, а не тот период, который анализировали Гобсон и Ленин. Старые колониальные империи, подобные

[14] *Hobson John.* Imperialism: a study. University of Michigan Press, 1965.

Британской, совсем или почти совсем исчезли, практически все прежние колониальные районы стали странами с самостоятельным управлением. Однако, как утверждает эта теория, индустриальные государства удерживают контроль над остальным миром благодаря своему лидерству в мировой торговле, влиянию крупных корпораций, действующих в глобальном масштабе. Западные страны способны сохранять свое привилегированное положение бесконечно долго, обеспечивая контроль над ценами в мировой торговле.

Теория зависимости

С теорией неоимпериализма связан другой подход, именуемый **теорией зависимости**. Он был впервые сформулирован в результате анализа ситуации, сложившейся в Южной Америке[15]. В соответствии с теорией зависимости, мировое сообщество развивалось *неравномерно*, в результате чего **ядро** индустриального мира (Соединенные Штаты, Европа и Япония) играет доминирующую роль, а страны третьего мира находятся в *зависимости* от этого ядра. Причины и природа этой зависимости определяются тем, на какой стадии находился процесс колонизации конкретной страны и кто ее проводил. Зависимость обычно выражается в том, что экономика стран третьего мира базируется на производстве товарных культур для развитых стран.

Например, Бразилия была и остается крупнейшим производителем и экспортером кофе. В качестве примеров других товарных культур можно назвать сахар, каучук и бананы (отсюда презрительное название *банановые республики*, закрепившееся за нестабильными регионами Южной Америки благодаря тем, кто проводит грань между ними и процветающим Севером). Ведение сельского хозяйства исключительно традиционными методами, а также выращивание товарных культур для экспорта помешало развитию в южноамериканских странах современного промышленного производства. По мере того как они все дальше отстают от индустриальных государств Европы и Северной Америки и попадают в зависимость от их поставок промышленных товаров, в этих странах начинается стагнация.

Экономист Андре Гандер Франк применительно к эволюции стран третьего мира употребил выражение «развитие недоразвитости». Эти страны, как он считает, обнищали именно в результате того, что они занимают по отношению к индустриальным странам подчиненное положение. Индустриальные страны богатели *за счет* третьего мира, который они сами создали благодаря своей колониальной и неоимпериалистической политике. По определению Франка, «развитие и недоразвитость — это две стороны одной медали»[16]. Богатые страны образуют *центральную метрополию*, вокруг которой группируются *сателлиты* (третий мир), чье экономическое существование зависит от более развитых стран, тогда как сами они нищают.

Теория мировой системы

Теория мировой системы, разработанная Эммануэлем Валлерштайном, является наиболее сложной попыткой интерпретации картины мирового неравенства. По Валлерштайну, с шестнадцатого века по наши дни шел процесс формирования системы глобальных экономических и политических связей, основанных на

[15] *Furtado C.* The Economic Growth of Brazil: a survey from colonial to modern times. Westport, 1984.

[16] *Frank Andre.* Capitalism and Under-development in Latin America. New York, 1969.

экспансии капиталистической мировой экономики[17]. Капиталистическая мировая экономика предполагает существование стран *ядра* (приблизительно соответствующих *центральной метрополии* Франка), стран **полупериферии**, **периферии** и **внешней арены**. Государства *ядра* — те, в которых ранее всего возникли современные виды предпринимательства, а затем начался процесс индустриализации: Великобритания, Нидерланды, Франция и присоединившиеся позднее страны Северо-западной Европы, например, Германия. На территории стран ядра зародилось промышленное производство, возникли передовые для того времени формы сельского хозяйства, сформировались централизованные правительства.

Государства, расположенные на юге Европы, вокруг Средиземного моря (такие, как Испания), стали *полупериферией* стран ядра. Они были связаны с северными странами отношениями торговой зависимости, но их экономика не развивалась. Еще пару веков назад *периферия* — «внешняя граница» мировой экономики — проходила по восточному краю Европы. Из этих районов, например из тех, где сейчас расположена современная Польша, сельскохозяйственные культуры поступали непосредственно в страны ядра.

Значительная часть Азии и Африки в то время относилась к *внешней арене* — ее не затрагивали торговые связи, которые формировались в странах ядра. В результате колониальной экспансии и последующей деятельности крупных корпораций страны Азии и Африки были вовлечены в систему мировой экономики. Сегодня страны третьего мира составляют периферию обширной мировой системы, в ядро которой вошли и приобрели доминирующее положение Соединенные Штаты и Япония. Советский Союз и страны Восточной Европы (общества второго мира), с их плановыми централизованными экономическими системами, были единственной большой группой стран, в определенной мере выпадающих из мировой экономики.

Валлерштайн утверждает, что поскольку страны ядра доминируют в мировой системе, они в состоянии организовать мировую торговлю так, чтобы она отвечала их интересам. Он согласен со сторонниками теории зависимости в том, что страны первого мира приобрели возможность эксплуатировать ресурсы стран третьего мира в своих собственных целях.

Критическая оценка теорий

Насколько эти теории обоснованны? Все они сходятся в том, что дисбаланс в распределении богатств и ресурсов между первым и третьим мирами был порожден колониализмом. В этом они, разумеется, правы, и без сомнения справедливо также то, что отношения зависимости, возникшие в колониальный период, утвердились и даже стали более выраженными. Большинство стран третьего мира как бы опутаны системой экономических отношений с государствами ядра, которые сдерживают их экономическое развитие, но от которых им чрезвычайно трудно освободиться. В результате индустриальные страны становятся все более процветающими, тогда как страны третьего мира находятся в состоянии застоя.

Однако было бы ошибкой утверждать, как это делает, в частности, Франк, что процветание индустриальных стран было достигнуто *в результате* эксплуатации беднейших стран. На фоне индустриального роста, зародившегося внутри самих

[17] *Wallerstein Immanuel.* The Capitalist World System. Cambridge, 1979.

развитых стран, ресурсы, извлеченные ими из колоний, играли довольно незначительную роль[18].

Кроме того, опыт новых индустриальных стран показывает, что в определенных обстоятельствах слаборазвитые страны могут стимулировать быструю индустриализацию и экономический рост.

Теория Валлерштайна особенно важна не только потому, что она посвящена анализу глобального дисбаланса, но и потому, что мир в рамках этой теории рассматривается как единая социальная система. Индустриальные общества и страны третьего мира возникли как различные составляющие единого процесса развития. Такой подход, безусловно, оправдан, даже если отдельные детали теории Валлерштайна могут быть подвергнуты критике.

Основным недостатком каждой из описанных теорий является то, что они концентрируются почти исключительно на экономических факторах развития общемировой системы. Экономическая составляющая чрезвычайно важна, но и остальные имеют большое значение. Политические соображения, военные столкновения, культурные факторы — все это также имеет важное значение для формирования глобальной взаимозависимости. Об этом мы будем говорить ниже.

Транснациональные корпорации

Описанные выше теории совершенно справедливо отводят большое место крупным промышленным корпорациям двадцатого века. Рассмотрим их теперь более детально. Нередко их называют **транснациональными** или *мультинациональными* компаниями. Термин «транснациональные» предпочтителен, поскольку он указывает, что деятельность данных компаний простирается за национальные границы и не связана рамками одной или нескольких наций. Транснациональная корпорация — это компания, имеющая заводы и офисы в двух или более странах.

Крупнейшие транснациональные компании представляют собой гигантские образования, их богатства превосходят богатства многих стран. Из сотни крупнейших экономических единиц мира сегодня половину составляют государства, другую половину — транснациональные корпорации. Масштаб деятельности этих компаний потрясающий.

600 крупнейших транснациональных корпораций обеспечивают более 1/5 общемирового промышленного и сельскохозяйственного производства. Около 70 из этих 600 гигантов контролируют положение продаж на мировом рынке[19].

В течение последних двадцати лет деятельность транснациональных корпораций становилась все более глобальной: в 1950 году дочерние предприятия более чем в двадцати странах имели только три из 315 крупнейших компаний мира, а сейчас их около пятидесяти. Таких фирм, конечно, меньшинство, большая часть из них имеет дочерние предприятия не более чем в пяти странах.

Штаб-квартиры восьмидесяти девяти из 200 ведущих транснациональных корпораций мира находятся в Соединенных Штатах, на них приходится более половины всех объемов продаж. Доля американских компаний, однако, резко сократилась по сравнению с началом 1960-х годов в связи с бурным ростом японских компаний. В 1960 году среди 200 ведущих компаний только 5 были японскими, а в 1983 уже

[18] *Blomstrom M.* and *Bjorn Hettne*. Development theory in transition. The dependency debate and beyond: third world responses. London, 1984.

[19] *Dicken P.* Global Shift. The internalisation of economic activity. London, 1992.

Таблица 13. *Сравнение доходов первой десятки транснациональных корпораций мира и ВНП ряда стран третьего мира (1983 год)*

Место	Корпорация	Штаб-квартира	Оборот (тысячи $ США)	Эквивалентный ВНП стран
1	Эксон	США	88 561 134	Индонезия[а]
2	Группа Ройял Датч/Шелл	Англия/Нидерланды	80 550 885	Алжир, Перу и Ливия, вместе взятые[б]
3	Дженерал Моторс	США	74 581 600	Таиланд, Пакистан и Уругвай, вместе взятые[б]
4	Мобил	США	54 607 000	Венесуэла[б]
5	Бритиш Петролеум	Англия	49 194 886	Ирак и Эквадор
6	Форд Моторс	США	44 454 600	Судан, Чили и Бангладеш
7	ИБМ	США	40 180 000	Сирия, Берег Слоновой Кости, Заир и Сингапур, вместе взятые[б]
8	Тексако	США	40 068 000	Алжир[б]
9	Дюпон	США	35 378 000	Колумбия
10	Стандард Ойл (Индиана)	США	27 635 000	Египет[б]

[а] ВНП в 1981; [б] ВНП в 1980.

Источник: *Joseph Weatherby* et al. The Other World: Issues and Politics in the Third World. New York: Macmillan, 1986. P. 29.

двадцать пять. Вопреки укрепившемуся представлению (разделяемому в том числе и некоторыми из упоминавшихся выше теоретиков), большинство инвестиций транснациональных компаний размещаются внутри индустриального мира: три четверти *всех* прямых вложений за границей распределяются между индустриальными странами. Тем не менее, участие транснациональных корпораций в экономике развивающихся стран очень велико, крупнейшие объемы инвестиций приходятся на Бразилию, Мексику и Индию. С 1970 года наиболее быстро росли вложения корпораций в экономику новых индустриальных стран Азии: Сингапура, Гонконга, Южной Кореи и Малайзии[20].

Типы транснациональных корпораций

В течение этого века транснациональные корпорации играют в мировой экономике все более важную роль. Как и национальные экономики, мировая экономика становится все более *концентрированной*, в ней начинает доминировать ограниченное число очень крупных компаний. В Соединенных Штатах и ряде других лидирующих индустриальных стран те фирмы, которые занимают доминирующее положение в масштабах страны, имеют и широкое международное представительство. Во многих сферах мирового производства (например, в агробизнесе) крупнейшие компании представляют собой *олигополии* — производство контролируется тремя или четырьмя корпорациями, доминирующими на рынке. За последние два–три десятилетия

[20] *Dicken P.* Global shift: industrial change in a Turbulent World. New York, 1986.

международные олигополии появились в автомобильной промышленности, в производстве микропроцессоров, в электронной промышленности и в производстве других важных для мировой экономики товаров.

Особенно важной тенденцией становится возникновение **конгломератов** — компаний, производящих одновременно множество различных типов продукции и услуг. Примером может служить американская фирма «Р. Дж. Рейнольдс» — изготовитель сигарет «Винстон». Помимо прочих компаний, Рейнольдс владеет фирмами «Дель Монте» (фрукты), «Хьюблейн» (алкоголь), «Силэнд Сервисес» (судоходство), «Кентаки Фрайд Чикен» (закусочные) и «Аминойл» (нефть и нефтепродукты).

Г. В. Перлмуттер подразделяет транснациональные корпорации на три типа. Первый включает **этноцентрические** транснациональные корпорации, политика которых, насколько это возможно, диктуется штаб-квартирой, расположенной на родине фирмы. Компании и предприятия корпорации, расположенные в разных частях мира, служат как бы продолжением головной компании — все дочерние предприятия осуществляют единую политику. Вторую категорию образуют **полицентрические** корпорации, заграничные филиалы которых управляются локальными фирмами, расположенными в этих странах. Штаб-квартира, расположенная в стране-основательнице, намечает лишь общее направление деятельности, в рамках которого местные компании разворачивают свою работу.

Наконец, существуют **геоцентрические** транснациональные корпорации, структура управления которых интернациональна. Управленческие системы интегрированы на глобальной основе, высший менеджмент очень подвижен и способен перемещаться из страны в страну, если в этом есть необходимость[21]. Перлмуттер считает, что подавляющее большинство современных транснациональных корпораций полицентрично, но наблюдается явное смещение к геоцентрическому типу — многие компании приобретают все более явный интернациональный характер.

В терминах Перлмуттера, самыми этноцентрическими из всех являются японские транснациональные компании. Их деятельность обычно тщательно контролирует материнская корпорация, иногда при значительном участии японского правительства. Японское министерство международной торговли и промышленности (ММТП) играет в руководстве иностранными филиалами японских компаний значительно более существенную роль, чем правительства стран Запада. В течение последних двадцати лет ММТП разработало целую серию планов, координирующих расширение заграничных филиалов японских фирм. Одним из примеров транснациональных корпораций чисто японского типа являются гигантские торговые компании — *сого шоша*. Это колоссальные конгломераты, занимающиеся, в основном, финансированием и стимулированием торговли. Они оказывают финансовые, организационные и информационные услуги другим компаниям. Около половины японского импорта и экспорта проходит через десятку крупнейших *сого шоша*. Некоторые из них, такие, как «Мицубиси», сами являются крупными производителями.

Рост транснациональных компаний

Чем объясняется рост транснациональных компаний? Во-первых, это связано с тенденцией к интернационализации, свойственной современным экономическим предприятиям. Фирмы, которые покупают и продают товары ради прибыли (а для этого они и существуют), поступали бы глупо, ограничивая свои операции рамками

[21] *Perlmutter H. V.* Forwards research on and development of nations, unions and firms as world institutions. In: *H. Gunter.* Transnational industrial relations. New York, 1972.

одной страны. Чем сильнее они заинтересованы в расширении, тем больший смысл имеет поиск прибыльных сфер вложения капитала, где бы они ни находились. Во-вторых, организуя филиал за границей, фирма получает преимущества в виде дешевой рабочей силы, нередко при отсутствии профсоюзов. В-третьих, обладание дочерними предприятиями в нескольких странах может открыть доступ к разнообразным природным ресурсам. В-четвертых, транснациональные компании, имеющие дочерние фирмы на многих рынках, могут в ряде случаев получить преимущество при уплате налогов, распределяя прибыли между различными филиалами. Наконец, транснациональные компании имеют возможность не выпускать за рамки своей корпорации (*интернализировать*) различные сделки, которые в ином случае могут стать источником нестабильности для компании. Интегрируя работу своих заводов и контор, расположенных в нескольких странах, они избегают зависимости от других компаний по части необходимых им материалов и услуг. Материнская фирма может установить свои собственные цены на товары и услуги, поставляемые друг другу ее дочерними предприятиями.

Рост транснациональных корпораций в течение последних тридцати лет был бы невозможен без современных достижений в области транспорта и связи. Реактивные самолеты позволяют людям перемещаться по всему миру со скоростью, которая еще полвека назад казалась невероятной. Появление сверхмощных океанских судов (сухогрузов и танкеров), а также контейнеров, которые можно перегружать с одного типа транспорта на другой, упростило транспортировку сыпучих и жидких материалов.

Телекоммуникационные технологии, появившиеся в последнее время, позволяют практически мгновенно установить связь между различными частями мира. С 1965 года началось использование в коммерческих целях телекоммуникационных спутников, причем первый такой спутник был способен передавать одновременно 240 телефонных разговоров. Современные спутники передают до 12 000 переговоров одновременно. Крупнейшие транснациональные корпорации сегодня имеют свои собственные спутниковые системы связи. «Мицубиси», например, владеет мощной сетью, с помощью которой в ее штаб-квартиру в Токио ежедневно приходят и уходят пять миллионов слов.

Международная экономическая интеграция

Транснациональные корпорации способствовали возникновению нового **международного разделения труда** — экономической взаимозависимости различных обществ, глубоко проникшей в экономику всех стран мира[22]. Несмотря на то, что страны третьего мира гораздо более экономически уязвимы, сильнее зависят от подвижек на мировом рынке, чем индустриальные страны, в определенном смысле *все* экономики становятся все более зависимы друг от друга. Даже самые высокоразвитые индустриальные страны не способны контролировать собственное экономическое развитие в той степени, в которой им это удавалось ранее.

Вклад транснациональных компаний в становление глобальной экономической взаимозависимости определяется в первую очередь масштабом их деятельности, но, кроме того, и методами, с помощью которых крупнейшее компании интегрировали свои административные и производственные структуры в общемировую систему.

---

[22] *Nyilas J.* The world economy and its main development tendencies. The Hague, 1982.

Пример: автомобильная промышленность

Автомобилестроение и производство связанных с ним товаров и услуг — добыча и переработка нефти, строительство бензозаправочных станций, отелей и мотелей, а также скоростных автодорог — наиболее ярко олицетворяют послевоенное развитие западной экономики. В автомобильной промышленности занят каждый десятый промышленный рабочий во Франции и Японии и каждый двадцатый — в Великобритании и Соединенных Штатах, кроме того, еще многие миллионы заняты в смежных сферах промышленности и услуг.

Эта отрасль промышленности является одной из самых глобализированных. Доминирующую роль в ней играет небольшое число крупнейших корпораций. Все они являются транснациональными. Около 80% мирового производства автомобилей обеспечивается десятью ведущими компаниями. Долгое время крупнейшим в мире производителем автомобилей были США, в начале 1980-х их место заняла Япония. Около четверти всех проданных в США автомобилей составляют японские машины, в Великобритании в 1991 году этот показатель составлял 10%.

Автомобильная отрасль была пионером в деле **вертикальной интеграции**, централизованной координации филиалов транснациональных корпораций, расположенных в разных странах мира. Довольно долго лидерами интеграции производства и дистрибьюторских систем во всемирном масштабе были «Форд» и «Дженерал Моторс» (обе компании американские). В конце 1960-х Форд преобразовал всю сеть своих европейских производств, ранее существовавших в разных странах независимо друг от друга, в единую организацию — «Форд-Европа». Производство фордовских автомобилей, сначала модели «Фиеста», а затем и большинства других, превратилось в интегрированный процесс, объединивший в себе различные производственные задачи, выполняемые во многих местах (см. рис.). В результате появилась чрезвычайно сложная сеть взаимообмена автомобильными частями и элементами производственного процесса, включая не только собственно фордовские заводы в различных странах, но и сотни внешних поставщиков. Позднее такую же систему создала в Европе и «Дженерал Моторс». В обоих случаях существуют тесные связи с дочерними предприятиями вне Европы.

Подобно западным компаниям, японские автомобильные фирмы создали интегрированную систему предприятий, размещенных в различных странах, преимущественно на Востоке. Однако в 1970–1980-х годах они организовали производство также в США и Европе, в основном в связи с тем, что многие страны вводят ограничения на импорт японских автомобилей. В 1982 году фирма «Хонда» открыла завод в штате Огайо, за ней последовал «Ниссан» (Теннеси), далее свои предприятия в Соединенных Штатах организовали «Тойота», «Мазда» и «Мицубиси». Кроме того, «Тойота» и «Ниссан» открыли сборочные предприятия в Австралии и Европе. Сегодня автомобили производятся и в Южной Корее группой компаний «Хендэ», крупнейшим конгломератом, который сначала выпускал автомашины по лицензии «Форда». Затем у фирмы появились собственные модели, и она отвоевала значительную часть североамериканского рынка импорта.

В течение последних 10–15 лет в автомобильной промышленности произошли большие технологические перемены. Среди прочего, под влиянием автоматизации и гибких производственных систем (см. главу 15, «Труд и экономическая жизнь») утратил свое значение конвейер. Новые производственные технологии облегчают крупным компаниям создание различных версий базовых моделей. Однако они не дают возможность снизить размеры тех крупных инвестиций, которые необходимы

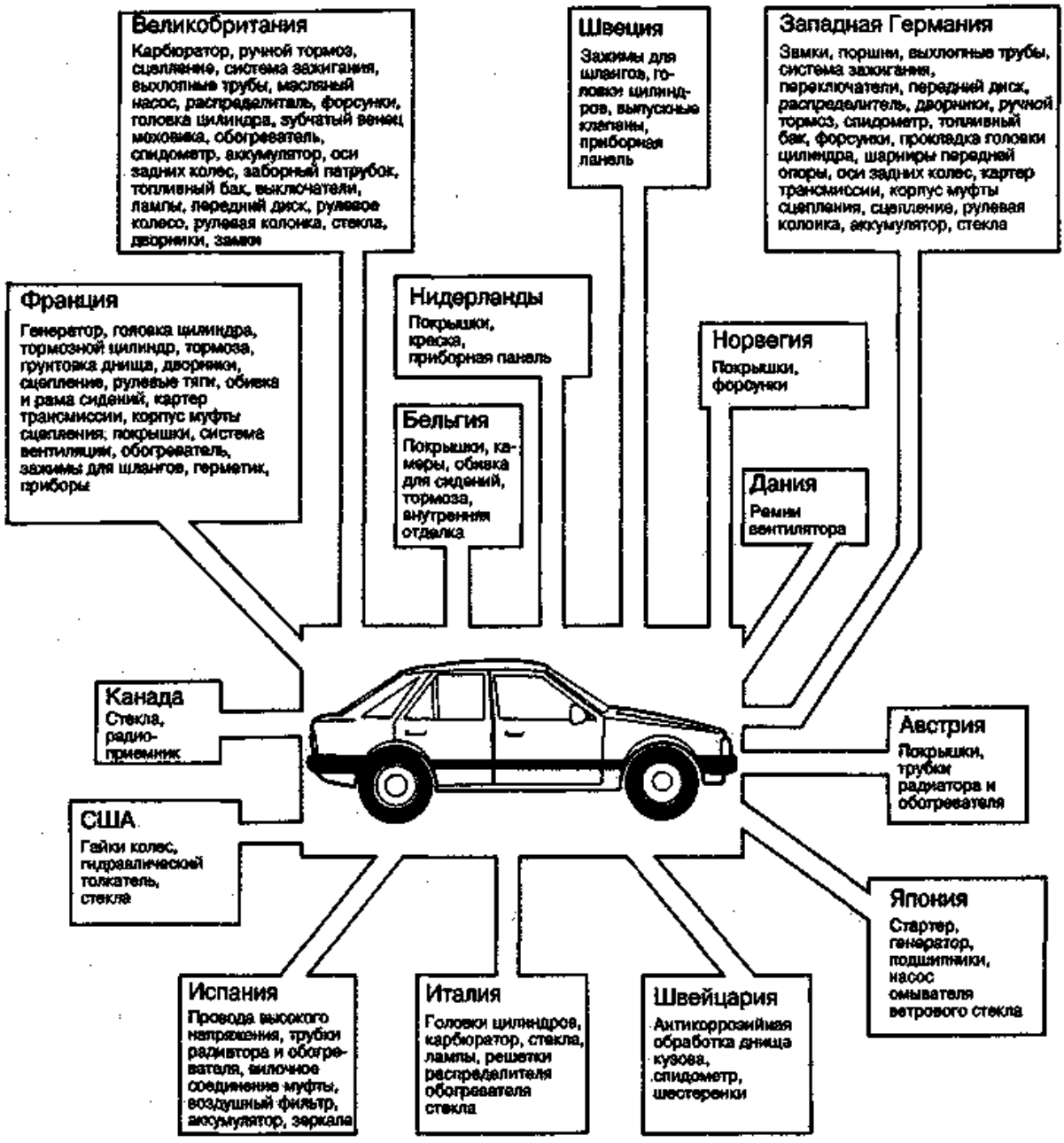


Рис. 18. Глобализация промышленности: сеть по производству деталей европейской модели «форд эскорт».
Источник: *Peter Dicken*. Global Shift. New York, 1986. P. 588

каждый раз, когда разрабатывается новая модель. Чтобы снизить соответствующие издержки, фактически все крупные производители заключают соглашение о сотрудничестве друг с другом. Такие стратегические альянсы превратились в настоящую паутину, которая опутывает весь мир.

Современные тенденции развития

Перемены, происходящие в автомобильной промышленности, являются частью набирающего силу глобального процесса пространственной реорганизации производства. Этот процесс имел серьезные последствия для западных стран. Общее число рабочих мест в промышленности начало увеличиваться как раз тогда, когда

во многих странах Запада быстрыми темпами росла безработица. Другими словами, новые рабочие места в промышленности появлялись за пределами западных стран (особенно новых индустриальных стран) — либо там, где разместили свое производство транснациональные корпорации, либо где местному правительству удалось стимулировать экономическое развитие, либо где существовала комбинация того и другого.

Учитывая поразительный экономический успех Японии, процветание других, менее крупных азиатских стран и потенциальную способность Китая к мощному экономическому рывку, можно ли считать, что центр мирового могущества снова перемещается туда, где он находился до взлета европейских держав? Станут ли Азия и Тихоокеанский регион новым «ядром» мировых социальных и экономических связей, а США и Европа отойдут на второй план? Такая возможность не исключена, однако нужно учитывать и другие факторы. Не вся экспансия приходится на Дальний Восток. Вполне возможно, что мирового влияния добьются и некоторые из южноамериканских стран, в особенности Бразилия, которая выходит на видные мировые позиции. Более того, события ближайших десятилетий зависят не только от экономических изменений, но и от процессов, происходящих в политической и военной сферах. Военная мощь и политическое влияние Соединенных Штатов и России, вероятно, могут ограничить масштабы «смещения» мирового могущества «в сторону Востока».

Негосударственные структуры

Мир становится все более взаимозависимым не только в плане международного разделения труда и экономических отношений. С начала нынешнего века, в особенности после Второй мировой войны, имел место рост числа некоммерческих организаций, выполняющих международные задачи. Так же как и транснациональные корпорации, их часто называют **негосударственными структурами**, поскольку их деятельность не связана с политикой определенных государств или правительств.

Помимо транснациональных корпораций, существует несколько типов негосударственных структур. Во-первых, это организации, представляющие мировое сообщество, в первую очередь Организация Объединенных Наций и родственные ей организации (такие, как ЮНЕСКО — Организация по вопросам образования, науки и культуры). Во-вторых, существует великое множество организаций, связанных с необходимостью международного сотрудничества или сообщения, таких, как почтовые службы, телекоммуникации, морские навигационные службы и так далее. В-третьих, есть организации, связывающие воедино государства или экономические системы, обладающие общностью интересов. Крупнейшей из подобных организаций является ЕЭС (Европейское Экономическое Сообщество). Рассмотрим каждый из этих типов негосударственных структур.

Организация Объединенных Наций

Масштабы потерь Первой мировой войны вызвали широчайшую реакцию. Все политические лидеры сходились в том, что война такого масштаба больше никогда не должна повториться (хотя, конечно, их надежды не оправдались). Предполагалось, что организацией, регулирующей разного рода международные споры, должна стать учрежденная сразу после войны Лига Наций. Крупнейшей фигурой, стоявшей у ее истоков, был президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон, рассматривавший

Лигу как организацию, которая должна обеспечить будущее мирное существование и способствовать международному сотрудничеству. Как сказал тогда сам Вильсон, «мы все в равной степени, хотим мы того или нет, живем в этом мире. Интересы всех наций есть также и наши интересы. Мы — партнеры всех остальных граждан этого мира»[23].

Мечта Вильсона не осуществилась. Часть политических лидеров рассматривала Лигу скорее как средство для достижения собственных национальных целей, а не как силу, которая бы возвышалась над ними. Кроме того, в Лиге были представлены далеко не все страны мира, в первую очередь в ее состав вошли те, кто принимал участие в войне. Советский Союз не был допущен в нее намеренно. В конце концов, после долгих дебатов, Соединенные Штаты также не вступили в Лигу, поскольку организация оказалась совершенно не тем, что виделось Вильсону. Несмотря на то, что Лига представляла не все государства и оказалась неспособной предотвратить следующую мировую войну, она все же являлась центром, вокруг которого возникло множество новых форм международного сотрудничества, существующих и сегодня. Например, Лига учредила собственную службу здравоохранения, занимающуюся наблюдением за распространением инфекционных заболеваний и борьбой с ними. Позднее, после Второй мировой войны, когда вместо Лиги Наций была основана Организация Объединенных Наций, эта служба была переименована во Всемирную Организацию Здравоохранения (ВОЗ).

Организация Объединенных Наций сегодня включает практически все государства мира, хотя достигнуть этого было непросто. Вначале американское правительство пыталось использовать ООН для достижения своих политических целей. По этим и другим причинам в 1950 году Советский Союз вышел из ее состава и основал альтернативную организацию, Движение Сторонников Мира. Через некоторое время, в отсутствие русских, американцы добились одобрения своей военной интервенции в Южной Корее, подвергшейся экспансии со стороны коммунистического Севера. Встревоженные перспективой дальнейшего использования ООН в интересах Запада, русские возобновили свое членство.

Как и Лига Наций, ООН практически не способна самостоятельно сохранить или упрочить мир. Вооруженные силы, которыми она располагает, невелики и состоят из военнослужащих стран-участниц. Тем не менее, ее влияние на мировую систему велико. Например, дискуссии, проходившие под флагом ООН, привели к возникновению большого количества государств третьего мира. В середине 1950-х годов имело место массовое вступление в ООН бывших колониальных стран Азии и Африки.

Хотя ООН ни в коей мере не является «мировым правительством», то обстоятельство, что в ее состав входит более 150 стран-членов, отражает процесс усиления интеграции всей мировой системы. Конечно, в ее деятельности также отражаются материальные и идеологические конфликты, наносящие ущерб мировому социальному порядку.

Другие международные организации

Многие организации второго типа, упомянутые выше (ассоциации, имеющие отношение к международному сотрудничеству), так или иначе связаны с ООН. Например, Всемирный почтовый и международный телеграфный союз возник раньше, чем была организована ООН, но впоследствии его деятельность стала координироваться ООН. Эта организация устанавливает стандартную плату за письма и посылки,

[23] *Scott J. B.* President Wilson's Foreign Policy: Messages, Addresses, Papers. Oxford, 1918. P. 270.

рассылаемые по всему миру, и за передачу сообщений по воздушным системам связи, в частности, через спутники.

Мы привыкли воспринимать деятельность организаций, поддерживающих международный порядок, как должное, поскольку их работа не очень бросается в глаза, однако следует отдавать себе отчет в том, что стандартизация многих форм международной связи была достигнута сравнительно недавно. Например, в 1850 году в различных частях Европы существовало примерно 1200 различных почтовых тарифов, и стандартизация европейских почтовых правил не была завершена вплоть до начала нынешнего века. Для координации всемирных почтовых служб потребовалось значительно больше времени. Сегодня существует множество международных организаций, занятых различными аспектами координации глобальных процессов. В Ежегоднике Международных организаций за 1958 год было зарегистрировано 1000 таких агентств. К 1972 году их число возросло до 2100, сегодня их более 4000.

Глобальные торговые сети

Результатом сегодняшних изменений явилось возникновение новых глобальных **торговых сетей** — каналов экономического обмена, связывающих страны или компании. Такие союзы, как правило, объединяют очень крупные регионы мира, и каждый такой блок вступает в экономическое соревнование с другими. Либерализация торговли в рамках Европейского сообщества в 1992 году привела к появлению крупнейшей в мире зоны свободной торговли. Сейчас она охватывает приблизительно 324 миллиона человек, но к концу 1990-х, по-видимому, расширится. Планируется, что средний валовой национальный продукт на душу населения составит к 2000 году около 18 000 долларов.

Зона свободной торговли, учрежденная Соединенными Штатами и Канадой, может в будущем распространиться на большую часть Центральной и Южной Америки. Если это произойдет, то данный союз охватит 580 миллионов человек. Для такой зоны возможно создание ВНП на душу населения в пределах 15 000 долларов (в США и Канаде эти показатели будут значительно выше).

«Четыре дракона» сегодня также работают над созданием собственного торгового блока, в который, предположительно, могут войти Австралия и Новая Зеландия. К концу нынешнего века население этого блока может составить более 400 миллионов, а ВНП на душу населения — более 13 000 долларов.

Новые зоны свободной торговли вряд ли отвечают интересам слаборазвитых стран и могут усугубить упомянутые ранее барьеры между богатыми и бедными странами. Россия и большинство других стран, некогда бывших частью Советского Союза, а также Китай смогут существовать нормально, даже если их не включат в такие блоки. Более бедные страны Южной Азии и африканские государства, расположенные южнее Сахары, могут пострадать при подобном развитии мировой экономики и окажутся отброшенными еще сильнее назад.

Угроза мировой окружающей среде

Последние двести–триста лет, в течение которых западные институты утверждались во всем мире, положение окружающей среды становилось все более угрожающим. Многие наблюдатели считают, что самой большой опасностью, стоящей сегодня перед человечеством, является разрушение ресурсов земли, хотя имеются и другие причины для глобальной катастрофы, в том числе риск крупномасштабной войны.

Угроза окружающей среде обуславливается необычайным расширением масштабов промышленного производства и технологического вмешательства в природу, начавшихся в XVIII веке. Причем эти процессы ускоряются: вмешательство человека в природу в XX веке стало гораздо более глубоким и масштабным, чем когда-либо ранее. В связи с этим говорят о «конце природы»[24].

Впервые люди оставили отпечаток на природе еще несколько тысячелетий назад, когда появилось земледелие (см. главу 2, «Культура и общество»). Племена охотников и собирателей существовали за счет того, что им давала окружающая среда, и практически не пытались изменить окружающий мир. С появлением земледелия ситуация изменилась. Чтобы вырастить урожай, нужно было очистить землю, вырубить деревья, поставить заслон сорнякам и дикой растительности. Однако даже примитивные методы обработки земли могут привести к эрозии почвы. Когда естественные леса вырублены, ветер может сдуть пахотный слой. В таком случае земледельцы расчищают следующий участок земли, и процесс продолжается дальше. Некоторые ландшафты, которые мы считаем естественными, например, гористые, заросшие мелким кустарником пейзажи юго-западной Греции, фактически стали результатом эрозии почв вследствие деятельности древнегреческих аграриев пять тысяч лет назад.

И все же до появления современной индустрии совокупное воздействие человечества на природу было относительно слабым. Природа влияла на жизнь человека гораздо больше, чем он на природу. Однако сегодняшняя атака человека на природную среду оказалась столь бурной, что почти не осталось природных процессов, не подвергшихся влиянию человека. Почти вся пригодная для обработки земля используется в сельскохозяйственном производстве. Некогда недоступные местности превратились в места отдыха тысяч туристов. Глобальное развитие промышленного производства повлияло даже на мировой климат.

В ответ на опасности, подстерегающие окружающую среду, появились зеленые движения и политические партии (типа «Друзей Земли» и «Гринпис»), чаще всего интернациональные по своему характеру. Существует множество различных философий зеленого движения, но общей главной ориентацией является стремление предпринять шаги в защиту окружающей среды, законсервировать мировые ресурсы и защитить оставшиеся виды животных. За последние 50 лет с лица земли исчезли сотни видов животных, и в данный момент этот процесс продолжается.

Некоторые проблемы окружающей среды концентрируются вокруг определенных регионов. Например, в некоторых районах бывшего Советского Союза и стран Восточной Европы реки, леса и воздух чрезвычайно загрязнены промышленными отходами. Однако, если ситуацию не контролировать, последствия такого загрязнения могут приобрести мировые масштабы. Как ранее подчеркивалось в этой главе, общества, населяющие нашу планету, сегодня стали гораздо более взаимозависимы, чем когда-либо раньше. Вырождение окружающей среды угрожает всем путешественникам, находящимся на борту «космолета Земля», независимо от того, в какой точке корабля они находятся.

Источники угрозы

Существует несколько основных разновидностей угрозы мировой окружающей среде: создание отходов, которые невозможно ликвидировать в короткий срок или подвергнуть вторичной переработке, загрязнение, истощение невосполнимых ресурсов.

[24] *Mckibben B.* The End of Nature. Harmondsworth, 1990.

Когда говорят об отходах, обычно представляют себе содержимое мусорного бака. Бытовые отходы на самом деле являются важной проблемой для окружающей среды. В индустриальных обществах ежедневно производится ошеломляющее большое количество бытовых отходов. Иногда такие страны называют «выбрасывающими обществами», потому что объем того, что привыкли выбрасывать их жители, весьма велик. Например, еду чаще всего покупают в пакетах, которые выбрасывают в конце дня. Кое-что из этого можно переработать и использовать вторично, но большую часть повторно использовать либо невозможно, либо это просто не делается. Некоторые широко распространенные виды пластика просто превращаются в бесполезный мусор; способов переработки таких пластмасс не существует, и отходы приходится отвозить на свалки.

Однако, когда аналитики-инвайроменталисты говорят об отходах, они имеют в виду не только продукты, которые мы выбрасываем за ненадобностью, но также газообразные выбросы в атмосферу. Некоторые отходы такого рода породили серьезные проблемы глобального масштаба. Примерами могут служить углекислый газ, попадающий в атмосферу после сжигания топлива — нефти и угля, на которых работают автомобили и электростанции, и газы, попадающие в воздух в результате использования аэрозольных упаковок, изоляционных материалов и кондиционеров воздуха. Углекислый газ — главная причина процесса глобального потепления, который совершается, по мнению многих ученых, уже сейчас, а другие газы тем временем атакуют озоновый слой вокруг земли[25].

Считается, что глобальное потепление происходит следующим образом. Скопление углекислого газа в земной атмосфере действует как стекло в парнике. Оно позволяет солнечным лучам пройти, но, как барьер, препятствует выходу образовавшегося тепла. В результате земля нагревается. Поэтому глобальное потепление иногда называют «парниковым эффектом». Если оно действительно происходит, последствия скорее всего будут разрушительными. Кроме всего прочего, из-за таяния полярных ледниковых шапок, повышения температуры и расширения площади океанов поднимается уровень моря. Многие города, расположенные на побережьях или в низменностях, окажутся затоплены и непригодны для обитания. Большие массивы плодородной земли из-за жары превратятся в пустыни.

Озоновый слой, расположенный высоко в земной атмосфере, образует своего рода щит, предохраняющий от ультрафиолетового излучения. Газы, применяемые в аэрозолях и во многих моделях холодильников, вступают в реакцию с озоновым слоем и ослабляют его. Полагают, что эти химикаты вызвали образование «дыр» в озоновом слое на обоих полюсах и его повсеместное разрушение. Солнечная радиация, которая проникает в атмосферу, чревата многими опасными последствиями, такими, как рост числа катаракт, вызывающих слепоту, и рост заболеваний раком кожи.

Продолжающееся распространение современной индустрии в мире привело к резкому росту спроса на энергетические ресурсы и сырье. Но очевидно, что их мировой запас имеет свои пределы. Даже при современных темпах потребления известные на сегодня запасы нефти могут быть полностью израсходованы к 2059 году. Весьма вероятно, что удастся обнаружить новые запасы нефти или изобрести альтернативные источники дешевой энергии, но совершенно ясно, что настанет момент, когда некоторые ключевые ресурсы земли окончательно исчерпаются, если глобальное потребление не будет ограничено.

[25] *Seymour J., Girardet H.* Far From Paradise: The Story of the Human Impact on the Environment. London, 1990.

Окружающая среда: социологическая проблема?

Почему окружающая среда должна быть предметом заботы социологов? Разве мы говорим не о том, что является уделом исключительно специалистов в области технологий, ибо воздействие человека на природу — это воздействие физическое, порождение современных технологий промышленного производства. Вместе с тем, современная промышленность и технология возникли в связи с определенными социальными институтами. Истоки нашего воздействия на окружающую среду социальны, как и многие из его последствий.

Поэтому спасение мировой окружающей среды предполагает не только технологические, но и социальные перемены. Учитывая рассмотренное ранее глобальное неравенство, трудно ожидать, что бедные страны третьего мира пожертвуют собственным экономическим ростом из-за экологических проблем, созданных богатыми странами. И все же земля, по-видимому, не располагает сколько-нибудь достаточными ресурсами для того, чтобы каждый ее житель имел такой уровень жизни, к которому привыкло большинство граждан индустриальных стран. Следовательно, если обездоленные районы мира будут догонять благополучные, последние, вероятно, должны будут пересмотреть свои ожидания относительно постоянного экономического роста. Многие «зеленые» авторы утверждают, что жители богатых стран должны отойти от идеалов потребительства и вернуться к более простому образу жизни, ибо только так можно избежать глобальной экологической катастрофы[26].

Глобализация средств массовой информации

Распространение средств передачи и приема информации можно заметить повсюду. Практически во всех странах мира учреждены национальные службы телевидения. Количество телевизионных приемников, находящихся в пользовании всего мира, возросло со 190 миллионов в середине 1960-х до 1200 миллионов в 1991 году. Радиоприемники распространены в еще большем количестве. Видеоплейеры и видеомагнитофоны пока заметно отстают, но обладают уникальным потенциалом для распространения образов и информации массовой культуры. Все эти обстоятельства свидетельствуют о возникновении **мирового информационного порядка** — международной системы производства, распространения и использования информации.

Новости

Непрерывными потоками новостей управляет небольшое число специализированных агентств, поставляющих свежую информацию газетам, радио- и телевизионным станциям всего мира. Одним из первых таких агентств было британское агентство Рейтер. Совместно с французской компанией ХАВАС они еще в 1870 году поделили земной шар на эксклюзивные зоны получения информации. Агентству Рейтер достались Великобритания, Голландия и зависимые от них страны, занимавшие к тому времени значительную часть Африки и Азии. ХАВАС получила Францию, Италию, Испанию, Португалию и некоторые регионы Ближнего Востока. В 1876 году агентство Рейтер признало за ХАВАС исключительное право на Южную Америку, получив при этом весь Дальний Восток, кроме тогдашнего Индокитая, но с Австралией и Океанией. Оба агентства обменивались сообщениями с крупнейшим американским агентством — Ассошиэйтед Пресс (АП).

---

[26] *Good R., E. Green.* Political Theory. Cambridge, 1992.

Поставляя материал американским газетам, АП в то время находилось в зависимости от двух европейских агентств, однако после Первой мировой войны ведущие американские агентства начали соперничать со своими европейскими конкурентами во многих частях земного шара. Два крупнейших агентства США — АП и ЮПИ (Юнайтед Пресс Интернэшнл) — по-прежнему получают значительную часть своего дохода от газет, радио и телевидения в Соединенных Штатах, но помимо этого им удалось добиться большого влияния в сфере поставок новостей для всего мира.

Рейтер, АП и ЮПИ, а также агентство Франс Пресс, сменившее ХАВАС, контролируют большую часть международных новостей, передаваемых во всем мире. Агентство ЮПИ, в настоящее время крупнейшее в этой четверке, имеет 6400 клиентов в 114 странах, его сообщения переводятся на 48 языков[27]. Информация, собранная этими агентствами и передававшаяся когда-то с помощью азбуки Морзе или по телефону, сейчас транслируется по компьютерной и спутниковой связи. По этим каналам четверка агентств передает ежедневно 34 миллиона слов, поставляя девять десятых всего объема новостей для газет, радио и телевидения мира[28].

Одним из крупнейших агентств являлось также ТАСС (Телеграфное агентство Советского Союза). ТАСС поставляло практически все международные новости для провинциальных газет и радиостанций Советского Союза. Важнейшие общенациональные газеты и телевидение также в значительной степени полагались на его услуги, хотя некоторые из них имели собственные представительства за границей, представляющие материал напрямую. В момент возникновения ТАСС, в 1925 году, ему было предоставлено исключительное право на распространение внутри страны и за рубежом информации, исходящей от Советского правительства. Фактически это был орган Советского правительства, предназначенный не столько для передачи международной информации, сколько для того, чтобы представить Советский Союз в глазах остального мира в выгодном свете. Информация ТАСС передавалась иностранным клиентам бесплатно, что заставляло многие страны третьего мира пользоваться его услугами.

Чтобы хоть отчасти противостоять засилью ТАСС, Союзы писателей и журналистов учредили в 1961 году агентство НОВОСТИ. Это агентство быстро разрослось; оно издавало журналы и газеты на иностранных языках, а также имело обширную сеть иностранных бюро. Его представительства использовали коммуникационную технологию не менее сложную, чем та, которой располагали ведущие западные организации. За пределами Советского Союза агентства ТАСС и НОВОСТИ не пользовались никаким влиянием, во всяком случае хоть сколько-то сравнимым с влиянием западных агентств.

Кино, телевидение, реклама и электронная коммуникация

Доминирующее место в производстве и распространении телевизионных программ, фильмов, рекламы через средства электронной коммуникации принадлежит американским фирмам.

---

[27] *Mattelart A.* Multinational Corporation and the Control of Culture: The Ideological Apparatuses of Imperialism. Atlantic Highlands, 1979.

[28] *Smith A.* Goodbye Gutenberg: The Newspaper Revolution of the 1980s. Oxford, 1980.

Кино

В двадцатые годы, когда увидели свет первые художественные фильмы, Голливуд выпускал четыре пятых всех кинолент мира. Соединенные Штаты и сегодня продолжают играть ведущую роль в киноиндустрии. Правительства многих стран субсидируют развитие собственных кинофирм, но по экспорту художественных фильмов с Соединенными Штатами не может соперничать ни одна страна в мире. В Великобритании, например, американские фильмы составляют около 40 процентов всех фильмов, демонстрируемых в кинотеатрах ежегодно[29]. Большинство других стран, которые сами экспортируют фильмы, такие, как Италия, Япония и Западная Германия, также закупают большое количество американских лент. В Южной Америке их доля составляет нередко больше 50 процентов, примерно такое же соотношение во многих странах Азии, Африки и Ближнего Востока. В Таиланде американские фильмы составляют ни много ни мало 90 процентов всех показываемых в стране.

Телевидение

В производстве телевизионных программ наряду с американскими корпорациями широко представлены британские. Если исключить из всего объема телепередач художественные фильмы, то доходы от британского телевизионного экспорта будут примерно такими же, как у США. Однако большинство британских программ реализуется на единственном рынке — на рынке самих Соединенных Штатов, поэтому международное воздействие американских телевизионных программ на самом деле более сильное.

Реклама

Девять из десяти крупнейших рекламных фирм мира являются североамериканскими. Более половины агентств Канады, Западной Германии, Франции, Великобритании и Австралии — американские. Во многих государствах Азии, Африки и Южной Америки крупнейшие агентства также либо американские, либо принадлежат американским компаниям. Первая десятка рекламных агентств мира — это транснациональные корпорации, часть из которых имеет множество филиалов в различных странах. Такие важнейшие рекламные агентства, как «Мак Кэнн Эриксон» или «Саатчи и Саатчи», регулярно привлекаются гигантскими транснациональными корпорациями для того, чтобы координировать рекламные компании, проводимые во многих странах одновременно.

Электронная коммуникация

Американское влияние велико и в области электронных каналов, широко применяющихся для передачи большого количества информации, от которой зависят и современные государства, и крупные корпорации. Каналы телекоммуникаций, имеющие огромное значение для банковского дела, мировых денежных операций и некоторых видов теле- и радиовещания, находятся в основном в руках американцев. Фирма «Интернэшнл Бизнес Машинз» (ИБМ), базирующаяся в Соединенных Штатах, является одной из крупнейших транснациональных корпораций, ее влияние на международный информационный поток, особенно в том, что касается компьютерных ресурсов, огромно. Подсчитано, что американское правительство и другие

[29] *Smith Anthony.* How Western Culture Dominates the World. Oxford, 1981.

организации Соединенных Штатов имеют доступ к девяти десятым всех знаний, хранящихся в мировых банках данных.

Крупнейшая информационная компания в мире — «Таймс-Уорнер», возникшая в 1989 году в результате слияния независимых фирм, также американская. В ней 350 000 сотрудников, она имеет дочерние компании в Европе, Латинской Америке, Азии и Австралии. Направления ее деятельности — производство фильмов, видео и телевизионных программ, издание книг и музыкальных записей. Почти такие же крупные информационные корпорации учреждены австралийским бизнесменом Рупертом Мэрдоком и итальянским предпринимателем Сильвио Берлускони. Семь таких компаний обеспечивают более половины глобального оборота в сфере кино, радио и телевидения.

Империализм средств массовой информации

Позиция индустриальных стран, и в первую очередь Соединенных Штатов, в производстве и распространении средств информации заставила многих исследователей говорить об *империализме средств массовой информации*. Они утверждают, что сформировалась единая культурная империя. Страны третьего мира страдают от этого более всего, поскольку не имеют средств для сохранения и зашиты своей культурной независимости.

Через электронные средства информации западная культурная продукция распространяется по всему миру. Пико Айер говорит о «видео-вечерах в Катманду» и дискотеках в Бали[30]. Американские видеофильмы — привычное дело и в Исламской Республике Иран. Это же касается аудиокассет с записями западной популярной музыки, которые продаются на черном рынке[31].

Герберт Шиллер считает, что контроль американских фирм над глобальными коммуникационными процессами связан с рядом факторов. Он утверждает, что американское телевидение и сети радиовещания все в большей степени оказываются под влиянием федерального правительства и в особенности Министерства обороны. Он указывает на то, что компания Эр-Си-Эй, которой принадлежит телевизионная и радиовещательная сеть Эн-Си-Би, является также крупнейшим субподрядчиком Пентагона, штаб-квартиры вооруженных сил США. Американский телевизионный экспорт одновременно с рекламой пропагандирует коммерциализированную культуру, которая разрушает различные формы местной культуры. Даже в тех случаях, когда правительства запрещают коммерческое вещание в своих странах, радио- и телепередачи чаще всего можно принимать из соседних стран[32]. Такой же точки зрения придерживается и Алан Уэллс, специализирующийся по Южной Америке. В большинстве латиноамериканских стран телевидение в основном финансируется из североамериканских источников и при участии компаний США, нередко связанных с американскими рекламными агентствами[33].

Считается, что, поскольку крупнейшие западные агентства контролируют мировой поток новостей, из этого с неизбежностью следует, что точка зрения «первого мира» на содержащуюся в нем информацию будет оказывать довлеющее воздействие.

---

[30] *Lyer P.* Video Nigts in Katmandu. New York, 1989.

[31] *Sreberny-Mohammadi A.* Media integration in the Third World. In: *B. Gronbeck* et al. Media, Consciousness and Culture. London, 1992.

[32] *Schiller H.* Mass Communications and American Empire. New York, 1969.

[33] *Wells A.* Picture Tube Imperialism? The Impact of US Television on Latin America. New York, 1972.

Шиллер и Уэллс, вероятно, преувеличивают. Доля телевизионного и киноэкспорта из Соединенных Штатов по отношению к общемировой продукции снизилась после пика 1960-х годов. Исследовав становление радио и телевизионных сетей в десяти странах третьего мира, Элиу Кац и его коллеги высказали предположение о том, что в становлении радио и телевидения развивающихся стран можно проследить ряд *стадий институционализации*. На первой стадии принимается модель вещания, заимствованная на стороне, обычно в Соединенных Штатах, Великобритании или Франции, которая служит основой для дальнейшего роста системы. В этот период средства массовой информации заполняет импортная продукция. На второй стадии появляются собственные мощности, и система начинает в большей степени ориентироваться на местное общество. На третьей стадии в дело вступает правительство, определяющее меры, которые в известной степени сдерживают засилье Запада[34].

Побуждаемая лидерами стран третьего мира, в конце 1970-х годов ЮНЕСКО учредила Международную Комиссию по изучению проблем коммуникации. Доклад Комиссии позднее был опубликован в виде книги под названием «Много голосов, один мир»[35]. Комиссия работала с жалобами представителей развивающихся стран относительно перекосов в системе международного потока новостей. Однако работа подняла не меньше вопросов, чем разрешила. Позднее был проведен опрос, призванный определить, насколько идеалы, выраженные в докладе, удалось реализовать. Большинство опрошенных работников средств массовой информации третьего мира отметили, что в потоке новостей по-прежнему доминировала точка зрения стран первого мира. Однако они указали также на то, что уровень двустороннего обмена заметно вырос[36].

Относительно других программ ситуация пока остается очень сложной. На встрече исследователей средств массовой информации, проходившей летом 1990 года в Бразилии, все стороны пришли к общему мнению о том, что в течение последних 20 лет преобладание Соединенных Штатов в телевидении и кино Латинской Америки еще более возросло. Собственная телевизионная продукция Бразилии еще более коммерческая и еще более ориентирована на пропаганду потребительских взглядов, чем американская. Однако с развитием спутникового и кабельного телевидения культурная продукция постепенно становится более разнообразной. Исследования показывают, что при наличии выбора предпочтения, как правило, отдаются продукции национального производства.

Некоторые наблюдатели полагают, что в будущем мировое неравенство в сфере телекоммуникационных технологий станет еще значительнее. Известный исследователь средств массовой информации Энтони Смит пишет:

> Угроза независимости, которую в конце двадцатого века представляет собой новейшая электроника, может быть более опасной, чем колониализм. Мы начинаем понимать, что деколонизация и появление наднационализма были не завершением имперских отношений, но простым расширением той геополитической паутины, которая плетется со времен Ренессанса. Новые информационные средства способны внедряться в «воспринимающую» культуру более глубоко, чем любое предшествовавшее им проявление западной технологии. Результатом может быть невообразимый хаос, усугубление и без того существующих в развивающихся странах социальных противоречий. Мы на Западе думаем о 2500 спутниках связи, вращающихся сегодня вокруг Земли, как о передатчиках информации. Для многих обществ они могут превратиться

[34] *Katz Elihu* et al. Broadcasting in the Third World: Promise and Performance. London, 1978.

[35] *MacBride S.* et al. Many Voices, One World. London, 1988.

[36] *Kumar K. J., Biernatzki W. E.* International news flows // Communication Research Trends. Vol. 10. 1992.

в пипетки, посредством которых извлекаются данные, касающиеся суверенитета того или иного общества для последующей их обработки в ином месте.[37]

Заключение

Каким будет результат процессов, описанных в этой главе? Суждено ли земному шару в будущем стать единой политической системой, руководимой какой-либо разновидностью мирового правительства? Безусловно, процессы глобализации стоят в ряду важнейших социальных перемен, и социологический анализ, ограничивающийся изучением отдельных обществ, представляется все более архаичным. Многие фундаментальные проблемы, отягощающие нашу жизнь, такие, как экологический кризис или предотвращение крупномасштабной военной конфронтации, по своему масштабу неизбежно являются глобальными.

И все же, несмотря на увеличивающуюся экономическую и культурную взаимозависимость, мировую глобальную систему разрывает неравенство, она подобна лоскутному одеялу, состоящему из государств, которые имеют не только общие, но и противоположные интересы. Нет реальных указаний на то, что в ближайшем будущем может установиться политический консенсус, который пересилил бы противостояние интересов отдельных государств. В конце концов мировое правительство может возникнуть, но если это и произойдет, то только в результате долгого процесса преобразований. Одной из самых тревожных черт сегодняшнего мира является тот факт, что усиление глобализации не сопровождается политической интеграцией или уменьшением мирового дисбаланса в отношении богатства и власти. Во многих смыслах мир делается более единым, и некоторые традиционные источники конфликтов между нациями исчезают (см. главу 11, «Война и военные силы»). И все же разрыв между богатыми и бедными обществами дошел до крайней степени и легко может стать источником серьезной мировой напряженности. В мире не существует центральной глобальной организации, которая бы могла эффективно контролировать напряженность или способствовать перераспределению богатства.

Краткое содержание

1. Мировое сообщество становится все более взаимозависимым — этот процесс известен как *глобализация*. Становление мировых социальных отношений тесно связано с крупномасштабным неравенством между индустриальными странами и странами третьего мира. Громадные расхождения в богатстве и жизненном уровне отделяют индустриальные страны от бедных государств третьего мира.

2. Большинство обществ третьего мира находится в регионах, переживших колониальное правление Запада. Многие из них стали независимыми государствами лишь после Второй мировой войны. Хотя большинство стран третьего мира по сравнению с индустриальными обществами крайне бедны, небольшая их часть (новые индустриальные страны) недавно пережили мощный экономический рывок.

3. Ежегодно в мире от голода и болезней, связанных с недоеданием, погибают миллионы людей. Однако, несмотря на быстрый рост населения, в мире произ-

[37] *Smith Anthony.* How Western Culture Dominates the World. Oxford, 1981.

водится достаточно продовольствия. Огромные массы продовольствия в западных странах уничтожаются или хранятся неопределенно долго, тогда как в других частях мира люди голодают. Уровень продовольственной помощи, регулярно оказываемой богатыми странами бедным, чрезвычайно низок.

4. Распространение мировых запасов продовольствия в значительной степени определяется развитием агробизнеса — индустриальных способов производства, обработки и хранения продовольствия. Фирмы агробизнеса, действующие в странах третьего мира, ориентированы на экспорт для западных рынков, а не на стимулирование местного сельскохозяйственного производства.

5. В понимание процессов, ведущих к глобальному неравенству, внесли свой вклад три теоретических подхода. Согласно теориям *империализма* и *неоимпериализма*, в качестве силы, стоящей за этими процессами, рассматривают экономические мотивы, стремление к расширению индустриального производства. *Теория зависимости* акцентирует внимание на способности индустриальных стран навязывать странам третьего мира свой тип взаимоотношений. *Теория мировой системы* описывает централизованную мировую экономику как систему связей между странами *ядра, полупериферии, периферии* и *внешней арены*.

6. Существенной чертой процесса мирового развития является возникновение *транснациональных корпораций* — компаний, действующих в двух или более странах, невзирая на национальные границы. Страны — участницы мирового экономического процесса стали взаимозависимыми в существенной степени вследствие деятельности транснациональных корпораций.

7. Изобретение телекоммуникационных технологий позволяет осуществлять мгновенную связь между различными частями мира. Достижения в области транспорта сделали возможным регулярный и быстрый межгосударственный обмен товарами. Вокруг этих новшеств возникли *негосударственные структуры* — организации, связанные с обслуживанием процессов, требующих международного сотрудничества и коммуникации.

8. Среди главных опасностей, ожидающих человечество в ближайшем будущем — угроза окружающей среде. Большая часть этой проблемы имеет глобальный характер и касается структуры земли как целого. Имеются три основных источника угрозы — утилизация отработанных материалов, загрязнение, истощение минеральных ресурсов. Судьба окружающей среды — это социальная, а не просто технологическая проблема. Активная атака человечества на окружающую среду является следствием развития и глобального распространения западных социальных институтов и той значимости, которую они придают постоянному экономическому росту.

9. Сегодняшнее ощущение того, что мы живем в *едином мире*, в существенной степени является результатом международной деятельности средств массовой информации и коммуникации. Программы телевизионных новостей представляют целую мозаику международных образов. Возникает мировой информационный порядок — международная система производства, распространения и потребления информационной продукции. Учитывая, что лидирующее положение в мировой информационной системе занимают индустриальные страны, многие полагают, что страны третьего мира оказываются объектом новой формы империалистической экспансии — империализма средств массовой информации.

Основные понятия

глобализация
империализм
мировая система

Важнейшие термины

третий мир
производство товарных культур
концессионные компании
новые индустриальные страны
валовой национальный продукт (ВНП)
агробизнес
неоимпериализм
теория зависимости
страны ядра
теория мировой системы
полупериферия
периферия
внешняя арена
транснациональные корпорации
конгломераты
этноцентрические транснациональные корпорации
полицентрические транснациональные корпорации
геоцентрические транснациональные корпорации
международное разделение труда
вертикальная интеграция
негосударственные структуры
торговые сети
мировой информационный порядок

Дополнительная литература

P. Dicken. Global Shift: The Internationalisation of Economic Activity. London, 1992. Солидный обзор тенденций мировой экономики.

B. Kelly and *M. London*. The Four Little Dragons: A Journey to the Source of the Business Boom Along the Pacific. Rim. London, 1990. Обзор влияния Кореи, Тайваня, Сингапура и Гонконга на мировую экономику.

J. Larrain. Theories of Development: Capitalism, Colonialism and Dependency. Cambridge, 1989. Книга, отражающая основные теоретические подходы в понимании вопросов развития.

E. Staub. The Roots of Evit. The Origins of Genocide and Other Group Violence. Cambridge, 1989. Анализируются некоторые из крупнейших «преступлений против человечества», совершенных в XX веке.

J. Toye. Dilemmas of Development: Reflections on the Counter-Revolution in Development Theory and Policy. Oxford, 1989. Исследуются относительно новые радикальные изменения в теории развития.

Глава 17

Современный урбанизм

Традиционный город

Города в традиционном обществе были в основном очень небольшими по современным стандартам. Например, Вавилон, один из крупнейших древних городов Ближнего Востока, занимал площадь всего 8,3 кв. км и, вероятно, в эпоху своего расцвета имел население, численность которого не превышала 15–20 тысяч человек. Первые в мире города появились примерно за 3500 лет до нашей эры в долинах Нила в Египте, Тигра и Евфрата на территории нынешнего Ирака, и Инда в современном Пакистане. Рим при императоре Августе был крупнейшим городом древности вне Китая и насчитывал около 300 тысяч жителей.

Несмотря на различия культур, у большинства городов древности были определенные общие черты. Города, как правило, были обнесены стенами. Стены городов, имевшие преимущественно оборонительное значение, подчеркивали отделение городского сообщества от сельской среды. Центральная часть города, часто включавшая обширное место для общественных собраний, иногда огораживалась второй, внутренней стеной. Хотя эта часть обычно включала и рынок, центр все же совершенно отличался от деловых районов, составляющих ядро современных городов. Господствующее положение почти всегда занимали здания культового и политического назначения — храмы, дворцы или суды. Жилища представителей правящего класса или элиты сосредоточивались обычно в центре города или вблизи него, в то время как простой люд жил ближе к окраинам, а кое-кто и вне городских стен, но так, чтобы можно было быстро укрыться за ними в случае нападения.

Различные этнические и религиозные группы часто размещались изолированно, на отдельных территориях, где их члены и жили, и трудились. Порой эти соседствующие сообщества также отгораживались стенами. Центральная площадь, на которой проводились торжества и церемониальные действия, была обычно мала и вмещала лишь очень небольшую часть горожан, и контакты между жителями были, как правило, случайными. Официальные объявления делались глашатаями, кричащими на пределе своих возможностей. Хотя в некоторых городах имелись большие оживленные проезды, в большинстве городов было мало «улиц» в современном понимании; путями передвижения являлись обычно полоски земли, на которых еще никто ничего не построил. Для большинства людей и дом, и рабочее место размещались в одном и том же здании, а порой и в одной и той же комнате. Понятие «поездка на работу» было почти неизвестно.

В некоторых традиционных государствах города были связаны друг с другом сложной системой дорог, однако их существование определялось в основном военными целями, и коммуникация по большей части была по своей природе медленной и ограниченной. Путешествия требовали значительных усилий, и лишь купцы и воины регулярно преодолевали значительные расстояния. Города в древних

государствах были средоточием наук, искусств и общечеловеческой культуры, но степень их влияния на сельские районы всегда была невысокой. Лишь незначительная доля населения проживала в городах, и контраст между городом и деревней был разительным. Подавляющее большинство людей жило в небольших сельских общинах, редко, а то и вообще не вступая в контакт с кем-либо извне, кроме случайного чиновника или торговца из города.

В этой главе при изучении современных городов мы проанализируем некоторые наиболее важные изменения, отделяющие наш мир от традиционных обществ. Большая часть населения всех промышленно развитых стран проживает в урбанизированных зонах. Более того, современная городская жизнь оказывает влияние на всех людей, а не только на тех, кто живет в городах. Мы изучим быстрый рост городского населения за последние сто лет и проанализируем некоторые современные теории урбанизации, прежде чем перейдем к сравнению различных моделей урбанизации, характерных для Британии, Соединенных Штатов, России, Европы и городов третьего мира.

Особенности современного урбанизма

Все современные индустриальные общества чрезвычайно урбанизированы. Наиболее населенные города промышленно развитых стран имеют до 20 миллионов жителей, а городские **конурбации** — скопления городов, создающие обширные зоны городской застройки — могут насчитывать еще большее число жителей. Наиболее крайняя форма современной городской жизни представлена так называемым **мегаполисом**, «городом городов». Этот термин появился в Древней Греции и обозначал город-государство, который должен был по замыслу стать предметом зависти всех цивилизаций. Но в современном употреблении это слово имеет очень далекое отношение к такой мечте. В наше время оно впервые было использовано применительно к северо-восточному побережью Соединенных Штатов — конурбации, простирающейся примерно на 720 км от Бостона на севере до Вашингтона на юге. В этом районе проживают около 40 миллионов при плотности населения около 270 человек на кв. км. Примерно столь же высока концентрация городского населения в районе Великих озер на границе США и Канады.

Великобритания первой пережила индустриализацию и первой же превратилась из страны сельской в страну с преимущественно городским населением. В 1800 году менее 20% населения жило в городах и поселках городского типа с населением более 10 000 человек. К 1900 году эта пропорция составила 74%. В 1800 году в Лондоне было около 1,1 миллиона жителей, а к началу XX века число жителей столицы превысило 7 миллионов человек. Лондон был тогда, несомненно, самым большим городом, который когда-либо существовал на земле, огромным промышленным, торговым и финансовым центром в самом сердце все еще расширявшейся Британской империи.

Урбанизация большинства других европейских стран и Соединенных Штатов началась несколько позже, но в некоторых случаях проходила даже быстрее. В 1800 году Соединенные Штаты были более «сельской» страной, чем ведущие европейские страны того же времени. Менее 10% американского населения жило в населенных пунктах, насчитывающих более чем 2500 жителей. Сегодня в городах живет более 3/4 американцев. За период с 1800 по 1900 год население Нью-Йорка увеличилось с 60 000 до 4,8 миллионов!

Урбанизация в XX веке — глобальный процесс, в который все больше втягивается и третий мир. До 1900 года рост городов практически целиком приходился на страны запада; в последующие полвека в развивающихся странах произошел некоторый рост городов, но период их наиболее бурного роста пришелся где-то на последние 40 лет. Общая численность городского населения растет быстрее, чем общая численность населения Земли: в 1975 году 39% мирового народонаселения проживало в городах; по оценкам ООН, доля городского населения в 2000 году должна составить 50%, а к 2025 — 63%. Около половины всего населения планеты в 2025 году будет сосредоточено в Восточной и Южной Азии. К этому времени городское население Африки и Южной Америки превысит численность населения городов Европы.

Развитие современных городов: самосознание и культура

Только в конце двадцатого века статистики и исследователи общества стали делать различия между небольшими городками, местными центрами, и крупными городами с большим населением, считающимися обычно более космополитичными, простирающими свое влияние за пределы национального общества, частью которого они являются. Рост больших городов явился результатом роста населения, а также миграции жителей с ферм, из деревень и маленьких городов. Эта миграция часто была интернациональной, и люди, выросшие в крестьянской среде, переезжая в другие страны, попадали сразу в города; наиболее очевидный пример такого рода — иммиграция большого количества европейцев из бедных сельских общин в Соединенные Штаты.

Межнациональное переселение в города было также широко распространено между странами самой Европы. Крестьяне и жители небольших поселков перебирались в города (подобно тому, как сегодня это повсеместно происходит в развивающихся странах), так как в сельских районах их возможности были ограничены, города же имели видимые преимущества и выглядели очень привлекательно, с «улицами, вымощенными золотом»; они сулили работу, богатство, широкий выбор товаров и услуг. Более того, крупные города все более становились центрами финансовой и промышленной власти; порой новые городские районы создавались предпринимателями на голом месте. Например, на территории, которая до 1830 года была почти полностью незаселенной, к 1900 вырос Чикаго с населением, превышающим 2 миллиона человек.

Развитие современных городов оказало огромное влияние не только на привычки и стереотипы поведения, но и на образ мышления и мироощущения[1]. С появлением в XVIII веке больших городских агломераций мнения о влиянии городов на общественную жизнь разделились, и это разделение сохраняется по сей день. Некоторые видят в городах воплощение добродетелей цивилизации, источник динамизма и созидания[2]. По мнению этих авторов, города открывают наиболее широкие возможности для экономического и культурного развития, обеспечивают средства для комфортного и достойного существования. Джеймс Босуэлл часто подчеркивал достоинства Лондона, который он сравнивал с «музеем, садом, бесконечными музыкальными сочетаниями». Другие видели в городе чадящий ад, заполненный толпами агрессивно настроенных, не доверяющих друг другу людей, зараженных преступностью, насилием и продажностью.

---

[1] *Lees A.* Cities Perceived: Urban Society in European and American Thought, 1820–1940. New York, 1985.

[2] *Schorske C.* The Idea of the city in European thought: Voltaire to Spengler. In: *Oscar Handlin* and *John Burchard* (eds). The Historian and the City. Cambridge, 1963.

Интерпретация городской жизни

В XIX и в начале XX века, по мере того как города быстро разрастались, эти противостоящие взгляды находили новые формы выражения. Критики нашли легкие мишени для своих атак: условия жизни бедноты в быстро растущих городских районах были ужасающими. Английский писатель и социолог Джордж Гиссинг на собственном опыте испытал крайнюю бедность, в которой существовали жители Лондона и Чикаго в 1870-х годах. Его описания беднейшего лондонского района Ист-Энд рисуют мрачную картину жизни в этой части британской столицы.

> Это район зловонных торговых улиц, фабрик, лесных складов, покрытых копотью пакгаузов, район переулков, кишащих мелкими лавками, мастерскими, район грязных дворов и проулков, ведущих в смрадную мглу; повсюду тяжелый труд в наиболее отсталых формах; по улицам грохочут доверху груженные повозки, тротуары заполнены трудовым людом самого грубого вида; все углы и щели свидетельствуют об отвратительной нищете их обитателей.[3]

В то время нищета в американских городах меньше бросалась в глаза, чем в европейских. Однако к концу века реформаторы все чаще стали привлекать общественное внимание к убожеству и непригодности для жизни многих районов Нью-Йорка, Бостона, Чикаго и других крупных городов. Джекоб Риис, датский иммигрант, ставший корреспондентом «Нью-Йорк трибюн», много путешествовал по Соединенным Штатам, собирая документальные свидетельства нищеты, и выступал с лекциями о необходимости реформ. Книга Рииса «Как живет другая половина», вышедшая в 1890 году, пользовалась широким читательским спросом[4]. Голос Рииса не был одинок. Один из поэтов так описывал бостонскую бедноту:

> Ужели умирать от голода во граде христиан,
> Когда завален снедью роскошный ресторан!
> Ужели умирать больным в его тюрьме,
> Когда в больнице быть бы мне!
> Неужто замерзать бездомным там,
> Где у пустых домов — лишь тени по углам!
> О, равнодушный город богачей!
> Любой, кто беден, для тебя — ничей.

Растущий уровень нищеты в городах, а также огромная разница между различными городскими районами были одними из основных факторов, давших толчок раннему социологическому анализу жизни в городах. Неудивительно, что первые крупные социологические исследования и теории, посвященные жизни в современных городских условиях, появились в Чикаго — городе, отмеченном феноменальными темпами развития и самыми вопиющими контрастами.

---

[3] *Gissing G.* Demos. Brighton, 1973.

[4] *Riis J. A.* How the Other Half Lives: Studies Among the Tenements of New York. New York, 1957; *Lane J. B.* Jacob A. Riis and the American City. London, 1974.

Теории урбанизма

Чикагская школа

Ряд авторов, связанных с университетом Чикаго в период 1920–1940 годов, особенно Роберт Парк, Эрнест Берджесс и Луис Уэрт, развивали идеи, которые на долгие годы стали основой теории и практики исследований социологии городов. Две концепции, разработанные представителями чикагской школы, заслуживают особого внимания. Одна — это так называемый **экологический подход** к анализу города, другая, разработанная Уэртом, описывает **урбанизм** как *образ жизни*.

Урбанистическая экология

Термин *экология* заимствован из естественных наук и означает исследование приспособляемости растений и живых организмов к окружающей среде. В природе организмы, как правило, определенным образом распределяются по территории, в результате чего достигается определенный баланс или равновесие между различными видами. Представители чикагской школы полагали, что размещение основных городских поселений и распределение внутри них различных районов может быть понято на основе подобных принципов. Города, по их мнению, растут не беспорядочно, а сообразуясь с преобладающими свойствами окружающей среды. Так, например, обширные зоны городской застройки в современных обществах имеют тенденцию развиваться вдоль берегов рек, на плодородных равнинах, на пересечении торговых путей или железных дорог.

По словам Парка, «будучи однажды основанным, город оказывается большим ситом, которое безошибочно выбирает из населения страны как целого тех, кто более всего подходит для жизни в данном районе или в данной среде»[5]. Города приходят в соответствие с окружающей «естественной средой» посредством процессов естественного отбора, захвата своей экологической ниши и закрепления в ней, т. е. через те же процессы, которые протекают в биологической экологии. Если мы взглянем на экологию озера в естественной среде, то обнаружим, что среди разнообразных видов рыб, насекомых и других организмов идет борьба, приводящая к достижению относительно стабильного соотношения. Этот баланс нарушается в случае «вторжения» новых видов, пытающихся превратить озеро в место своего обитания. Некоторые виды, распространившиеся в центральной части озера, вытесняются и обрекаются на худшие условия существования в периферийной части. В центральной же части утверждаются пришедшие на их место «захватчики».

По мнению сторонников экологической концепции, особенности размещения, передвижения и повторного размещения на новом месте в городской среде аналогичны природным. Различные городские районы развиваются путем адаптации населяющих их жителей, борющихся за средства существования. Город может быть представлен как совокупность районов, отличающихся друг от друга своими социальными характеристиками. На начальных этапах становления современных городов промышленность сосредоточивается в местах, удобных для доставки необходимого сырья, вблизи от дорог, по которым осуществляется снабжение. Население группируется вокруг этих промышленных зон, которые принимают все более и более разнообразные формы по мере роста численности городского населения. При этом

[5] *Park Robert E.* Human Communities: the City and Human Ecology. New York, 1952.

зоны отдыха становятся соответственно все более и более привлекательными, и за обладание ими разворачивается все более острая конкуренция. Растут цены на землю и налоги на собственность, затрудняя семьям дальнейшее проживание в центре города. Исключение составляет лишь проживание в чрезвычайно стесненных условиях или в зданиях, приходящих в негодность, с низкой оплатой за жилье. В центре начинают доминировать бизнес и индустрия развлечений, а наиболее состоятельные жители перемещаются во вновь формируемые пригороды. Этот процесс привязан к транспортным артериям, поскольку это сокращает время, необходимое для поездок на работу. Районы, расположенные в стороне от дорог, развиваются медленнее.

Формирование города можно рассматривать как образование последовательных кольцевых концентрических областей, разделенных на секторы. В центре располагаются районы так называемого **внутреннего города**, в котором процветающий большой бизнес соседствует с приходящими в упадок частными домами. Вне этой зоны находятся сформировавшиеся позднее жилые кварталы, в которых проживают трудящиеся из низших слоев общества, имеющие постоянную работу. Далее начинаются пригороды, в которых селятся представители более состоятельных социальных групп. Процессы **захвата** своей экологической ниши и **закрепления** в ней происходят в секторах концентрических кругов. Так, по мере разрушения собственности в центральной или примыкающей к ней части города группы, состоящие из этнических меньшинств, могут начать продвижение в эти районы. По мере их перемещения туда все большее число прежних обитателей этой части города начинает покидать ее, ускоряя массовый выезд в другие районы города или его окрестности.

Несмотря на то, что в течение некоторого времени **урбанистическая экология** не пользовалась популярностью, к ней вновь вернулись позднее, и она получила дальнейшее развитие в трудах некоторых авторов, в частности Эймоса Холи[6]. Но в отличие от своих предшественников, делавших акцент на соперничестве за обладание скудными ресурсами, Холи подчеркивает *взаимозависимость* различных частей города. *Дифференциация* — специализация групп и профессиональных ролей — является основным путем приспособления человека к окружающей среде. Группы, от которых зависят многие остальные, будут играть доминирующую роль. Зачастую это отражено в их расположении в центре города. Деловые учреждения, как, например, крупные банки или страховые компании, оказывают наиболее важные услуги многим членам сообщества и потому обычно располагаются в центральной части населенных пунктов. Однако разбиение на зоны, развивающиеся в урбанизированных зонах, возникает, как подчеркивает Холи, не только в связи с пространственным фактором, но и с временным. Доминирующая роль бизнеса, например, выражается не только в плане землепользования, но и в ритмах ежедневной деловой активности, иллюстрацией чему могут служить часы пик. Распорядок дня в повседневной жизни людей отражает иерархию различных частей города.

Важность экологического подхода нашла свое выражение как в ряде проведенных с его помощью эмпирических исследований, так и в его ценности для теоретических перспектив. Многие работы по изучению городов в целом или отдельных городских районов, связанные с упоминающимися выше процессами «захвата» и «закрепления» в экологической нише, обязаны своим появлением экологическому подходу. Однако можно отметить и ряд справедливых критических замечаний. Экологической перспективе свойственна недооценка важности сознательного проектирования

[6] *Hawley A. H.* Human Ecology: A Theory of Community Structure. New York, 1950; *Hawley A.* Human Ecology: International Encyclopaedia of Social Science. Vol. 4. Glencoe, 1968.

и планирования городской организации, поскольку развитие города рассматривается в этом случае как «естественный» процесс. Разработанные Парком, Берджессом и их коллегами модели пространственной организации были основаны на американском опыте и подходили лишь для некоторых типов городов в Соединенных Штатах, оставляя за рамками исследования многие города Западной и Восточной Европы, Японии и стран третьего мира.

Урбанизм как образ жизни

Тезис Уэрта об урбанизме как *образе жизни* не столько связан с внутренней дифференциацией городов, сколько с тем, что урбанизм есть форма социального существования. Как отмечает Уэрт,

> та степень, в которой современный мир может называться «городским», не измеряется полностью и точно долей населения, проживающего в городах. Влияние, оказываемое городами на социальную жизнь человека, значительно больше, чем могла бы указать доля городского населения. Город — уже не только место проживания и работы современного человека, но и центр, откуда берет начало и управляется экономическая, политическая и культурная жизнь, центр, вовлекающий в свою орбиту в глобальном масштабе самые удаленные сообщества и соединяющий различные территории, народы и области деятельности в упорядоченную систему.[7)]

В больших городах, подчеркивает Уэрт, множество людей живет в непосредственной близости друг от друга, оставаясь в большинстве своем незнакомыми друг с другом — существеннейшее отличие от малых традиционных сельских поселений. Большинство контактов между горожанами носит быстротечный и поверхностный характер, и является скорее средством достижения целей, а не полноценными удовлетворительными взаимоотношениями. Взаимодействие с продавцами в магазинах, кассирами в банках, пассажирами и проводниками в поездах железных дорог суть лишь преходящие, мимолетные случайные встречи, сами по себе не имеющие значения и служащие лишь для достижения иных целей.

Поскольку те, кто живет в городах, становятся все более мобильными, связи между ними относительно слабы. Люди вовлечены в самые различные виды деятельности и ежедневно оказываются в различных ситуациях, поэтому в городе «темпы жизни» быстрее, чем в сельской местности. Соперничество доминирует над сотрудничеством. Уэрт признает, что насыщенность социальной жизни в городах ведет к формированию различных по своим характеристикам городских районов, и некоторые из них могут сохранять черты малых сообществ. Так, например, в местах проживания иммигрантов сохраняются традиционные типы связей между семьями, когда большинство людей знает друг друга лично. Однако чем интенсивнее эти районы включаются в городскую жизнь, тем меньше остается таких черт.

Идеи Уэрта заслуженно получили широкое распространение. Имеется достаточное количество примеров безличности городов и слабой степени взаимосвязанности горожан. Один из таких примеров — бесславное дело об убийстве Катрин Женевез 13 марта 1964 года в Нью-Йорке. Женевез возвращалась поздно ночью домой, в респектабельный район Куинз, расположенный неподалеку от Манхэттена. По дороге она трижды подвергалась нападениям, причем третий раз, ставший для нее роковым, — в вестибюле собственного дома. Безразличие посторонних наблюдателей показывает, насколько безлична, деиндивидуализирована городская жизнь.

[7)] *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology, 44. 1938.

Ни один из 39 уважаемых граждан города, бывших свидетелями нападений, не пришел на помощь, никто даже не вызвал полицию. В редакционной статье одной из газет говорилось, что «город лишил Катрин Женевез ее друзей»[8]. Но она, конечно же, имела друзей. Где же они были, когда она так нуждалась в них? В соответствии с укладом жизни большого города они, несомненно, сидели в своих домах где-нибудь в Манхэттене, Лонг-Айленде или Бруклине и ничего не знали о ее беде.

Невозможно отрицать обезличенность многих повседневных контактов в современных городах; в определенной степени она является фактом социальной жизни всего современного общества. Теория Уэрта важна тем, что признает урбанизацию не только как *часть* общества, но и как отражение природы более широкой социальной системы, а также фактор, воздействующий на нее. Те или иные аспекты городского образа жизни характеризуют социальную жизнь современного общества в целом, а не только жизнь тех, кому довелось жить в больших городах. Однако идеи Уэрта также имеют определенные ограничения. Как и экологическая концепция, с которой она имеет много общего, теория Уэрта в основном базируется на наблюдениях, сделанных в американских городах, но переносит свои обобщения на урбанизм в целом. Урбанизм по-разному проявляет себя в зависимости от места и времени. Например, как уже говорилось, города древности по многим аспектам довольно сильно отличались от городов, возникших в современном обществе. Жизнь большинства людей в древних городах с точки зрения ее обезличенности не очень отличалась от жизни жителей села.

Уэрт также преувеличивает деиндивидуализацию в современных городах. Сообщества, основанные на тесной дружбе или родстве, более устойчивы в современном городе, чем он предполагает. Эверетт Хьюз, коллега Уэрта по Чикагскому университету, писал о нем: «Луис привел все возможные аргументы в пользу тезиса об обезличивании человека в городе — хотя сам жил с целым кланом своих родственников и друзей на самой что ни есть личностной основе»[9]. Подобные группы, которые Герберт Ганс называл «городскими селянами», повсеместно встречаются в современных городах. К ним относятся американцы итальянского происхождения, живущие в отдельном районе Бостона. Возможно, такие районы, населенные выходцами из Европы, утрачивают в американских городах свое прежнее значение, но их сменяют другие общины, состоящие из новых иммигрантов.

Еще более важно то, что сообщества, основанные на близком родстве и личных связях, довольно часто активно формируются самой городской жизнью; они — не просто следы предшествующего образа жизни, уцелевшие на какое-то время в городе.

Клод Фишер предложил объяснение того, почему развитый урбанизм, как правило, способствует появлению различных субкультур, а не нивелирует всех в анонимной массе. Те, кто живет в городах, подчеркивает Фишер, готовы сотрудничать на той или иной основе для развития местных связей и могут примкнуть к различным религиозным, этническим, политическим и другим субкультурным группам. В малом городе или деревне развитие такого субкультурного разнообразия было бы невозможно[10]. Те, например, кто составляет этнические сообщества внутри городов, могли быть едва знакомы друг с другом или вообще незнакомы на своей

[8] *Latane B., Darley J.* The Unresponsive Bystander, Why Doesn't He Help? New York, 1970.

[9] *Kasarda J. D., Janowitz M.* Community attachment in mass society // American Sociological Review, 39, 1974.

[10] *Fischer C. S.* The Urban Experience. New York, 1984.

родине. Когда они прибывают в другую страну, то, естественно, собираются в тех районах, где живут люди с аналогичными культурными и языковыми особенностями. Так формируются структуры нового сообщества. В деревне или в небольшом городке художник вряд ли найдет себе подобных, чтобы объединиться с ними. А вот в большом городе — другое дело; он сможет стать частью какой-либо значимой творческой или интеллектуальной субкультуры.

Другие исследования показывают, что характеристики, которые Уэрт считал городскими, часто встречаются и в малых городах и в деревнях. Питер Манн сравнил небольшую сельскую общину в Сассексе (Южная Англия) с г. Хаддерсфилдом на севере. Деревня находится рядом со скоростной железнодорожной и автомобильной магистралями на Лондон, и многие жители работают там. Они намного космополитичнее большинства жителей северного города, который находится значительно дальше от Лондона. Среди тех, кто живет в различных районах Хаддерсфилда, существует, возможно, больше личных родственных связей, чем у жителей сассекской деревни[11]. Таким образом, можно было бы утверждать, что эта деревня представляет собой часть городской культуры; прежние личные связи его жителей разрушались под влиянием людей, чья жизнь была ориентирована на город. Если это так, то изменение можно было бы связать скорее с фактором деиндивидуализации, чем с существованием самих городов.

Большой город — это «мир чужаков», который, тем не менее, устанавливает и поддерживает личные связи. И это не парадокс. В городской действительности мы должны различать общественную сферу отчужденных встреч и личный мир семьи, друзей, коллег по работе. Может быть, трудно, впервые попав в большой город, «встретить там людей». Но любой, оказавшийся в небольшой сельской общине, может обнаружить, что приветливость сельчан объясняется в основном их вежливостью, и могут пройти годы, прежде чем пришедший со стороны будет «принят». В городе дело обстоит иначе. В этой связи Эдвард Крапэт писал:

> У городского яйца... более прочная скорлупа. Не имея повода и соответствующих обстоятельств для сближения, многие люди, встречающие друг друга на автобусной остановке или железнодорожной платформе, в кафе или в вестибюле здания, под крышей которого они вместе работают, — многие так и остаются друг для друга не более чем «знакомыми незнакомцами». Некоторые люди могут также оказаться целиком вне общественной жизни, будучи лишенными навыков общения или будучи малоинициативными. И все же абсолютно очевидно, что разнообразие незнакомых людей, каждый из которых является потенциальным другом, широкие вариации образа жизни и интересов в городе — все это привлекает людей в города. Едва же они оказываются внутри одной из групп или социальных структур, возможности расширения их связей значительно возрастают. Результатом этого, как свидетельствует опыт, является то, что плюсы городской жизни, как часто кажется, перевешивают минусы, поскольку позитивные возможности города позволяют людям развивать и поддерживать удовлетворяющие их взаимоотношения.[12]

Идеи Уэрта по-прежнему состоятельны, но в свете последовательного развития становится ясно, что они являются чрезмерно обобщенными. Современные города часто включают деперсонализированные, обезличенные социальные отношения, но они являются также источником разнообразия — и иногда интимности.

---

[11] *Mann P. H.* An Approach to Urban Sociology. London, 1965.

[12] *Krupat Edward.* People in Cities: The Urban Environment and Its Effects. Cambridge, 1985.

Урбанизм и искусственная среда

Современные теории урбанизма подчеркивают, что урбанизм — не изолированное явление, он должен изучаться во взаимосвязи с основными характеристиками политических и экономических изменений. Два ведущих автора по проблемам городов — Дэвид Харви и Мануэль Кастеллс — испытали сильное влияние Маркса[13].

Харви: реорганизация пространства

Урбанизм, подчеркивает Харви, является одним из аспектов **искусственной среды**, порожденной распространением промышленного капитализма. В традиционном обществе город и село были четко разделены. В современном мире промышленность стирает грань между ними. Сельское хозяйство становится механизированным и функционирует в соответствии с критериями цены и прибыли, подобно промышленному производству. Этот процесс размывает отличия в образе жизни городского и сельского населения.

В современном урбанизме, отмечает далее Харви, пространство непрерывно *реорганизуется*. Этот процесс определяется тем, где крупные фирмы выбирают место для размещения своего производства, научно-исследовательских и опытно-конструкторских центров и т. д.; он контролируется властями, регулирующими как промышленное, так и сельскохозяйственное производство; этот процесс также реализуется через деятельность частных инвесторов, покупающих и продающих дома и земли. Фирмы, например, всегда оценивают относительные преимущества нового местоположения в сравнении с существующим. По мере того как продукция становится дешевле в одном районе по сравнению с другим, или в связи с переходом фирмы с одного вида продукции на другой, административные здания и производственные помещения будут закрываться в одном месте и открываться где-нибудь в другом. Так, в периоды, когда возможно получение больших прибылей, административные здания могут расти в центральных районах больших городов как грибы после дождя. С завершением строительства и реконструкции центральных районов инвесторы ищут новые возможности выгодного строительства где-нибудь еще. Порой то, что было выгодно вчера, завтра уже таким не будет из-за изменения финансовой ситуации.

Активность тех, кто покупает частные дома, в значительной степени зависит от того, где и насколько предприниматели заинтересованы в земле, а также от того, какие учетные ставки по ссудам и какие налоги установлены местными и центральными властями. После Второй мировой войны, например, в основных городах Соединенных Штатов быстро росли пригороды. Отчасти это объяснялось дискриминацией этнических меньшинств и стремлением белого населения покинуть центральные районы города. Однако это стало возможным, утверждает Харви, лишь в силу правительственных решений, предоставивших налоговые льготы тем, кто покупал дома, и строительным фирмам, а также в силу установленного финансовыми организациями особого порядка кредитования. Все это создало основу для строительства и приобретения новых домов на окраинах городов и в то же время стимулировало спрос на такие продукты промышленного производства, как автомобили. Увеличение размеров и процветание больших и малых городов на юге Англии начиная с 1960-х годов напрямую связано с упадком традиционных отраслей

[13] *Harvey D.* Consciousness and the Urban Experience: Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization. Oxford, 1985; *Castells M.* The City and the Grass Roots: A Cross-cultural Theory of Urban Social Movement. London, 1983.

промышленности на Севере и соответственно перемещением инвестиций в новые промышленные производства.

Кастеллс: урбанизм и социальные движения

Кастеллс, подобно Харви, подчеркивает, что пространственная форма общества тесно связана со всеми механизмами его развития. Чтобы понять город, мы должны осознать процессы, управляющие созданием и изменением пространственных форм. Архитектурно-планировочные решения городов и отдельных кварталов отражают борьбу различных социальных групп и конфликты между ними. Другими словами, городская среда в символической и пространственной форме представляет собой проявление более широких социальных сил. Например, небоскребы могут быть построены, поскольку от них надеются получить прибыль, но гигантские здания, кроме того, «символизируют власть денег над городом, осуществляемую посредством технологии и самоуверенности, и являются храмами эпохи роста промышленного капитализма»[14].

В отличие от социологов чикагской школы, Кастеллс рассматривает город не просто как отдельный *населенный пункт*, зону городской застройки, но и как составную часть процесса **коллективного потребления**, являющегося неотъемлемой чертой промышленного капитализма. Дома, школы, городской транспорт, места проведения досуга — везде люди «потребляют» изделия современной промышленности. Система налогов влияет на то, кто и где способен купить или арендовать, кто и где ведет строительство. Крупные корпорации, банки и страховые компании, которые финансируют строительство, оказывают огромное влияние на эти процессы. Правительственные учреждения также непосредственным образом влияют на многие стороны городской жизни, ведя строительство дорог, жилья, планируя зеленые зоны. Физический вид городов является, таким образом, продуктом рыночных сил и правительственной власти.

Однако характер искусственной среды есть не только результат деятельности состоятельных и влиятельных людей. Кастеллс подчеркивает значение той борьбы, которую ведут социальные группы, лишенные привилегий, за изменение условий своей жизни. Проблемы города стимулируют самые разные социальные движения, озабоченные улучшением жилищных условий, протестующие против загрязнения воздуха, защищающие зеленые насаждения, борющиеся против такого строительства, которое искажает облик районов. Кастеллс, например, изучал движение гомосексуалистов в Сан-Франциско, которым удалось перестроить городскую среду согласно их собственным культурным ценностям (было допущено развитие многих организаций гомосексуалистов, клубов, баров) и добиться определенных позиций в местной политике.

Города, подчеркивают Харви и Кастеллс, являются почти целиком искусственной средой, построенной нами самими. Даже наиболее глухие сельские районы не могут избежать влияния человека и современной технологии, поскольку деятельность человека преобразовывает мир природы. Продукты питания производятся не только для местного потребления, но предназначены для национального и международного рынка. В механизированном сельском хозяйстве земля строго поделена, используется с конкретной целью и наделяется физическими характеристиками, имеющими весьма отдаленное отношение к естественным особенностям окружающей среды. Те,

[14] *Castells M.* The City and the Grass Roots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements. London, 1983.

кто живет на фермах и в отдаленных сельских районах, экономически, политически и культурно связаны с жизнью большого общества, хотя в некоторых стереотипах своего поведения они могут и отличаться от горожан.

Оценка

Взгляды Харви и Кастеллса широко обсуждались. Их работы были очень важны для переориентации социологического анализа города. В противовес экологическому подходу они делали акцент не на «естественные» пространственные процессы, а на то, как земля и искусственная среда отражают социальную и экономическую системы власти. Это знаменовало собой важное смещение центра внимания. Однако идеи Харви и Кастеллса излагались крайне отвлеченным образом и не стимулировали такого широкого спектра исследований, как работы чикагской школы.

В известном смысле взгляды Харви и Кастеллса, а также представителей чикагской школы дополняют друг друга и могут быть объединены для получения всеобъемлющей картины процессов урбанизации. Описанные в экологическом урбанизме различия между районами города действительно существуют, как существует и общая деперсонализация городской жизни. Однако эти явления гораздо более разнообразны, чем полагают представители чикагской школы, и в первую очередь определяются социальными и экономическими факторами, которые были проанализированы Харви и Кастеллсом. Джон Логан и Харви Молоч предложили подход, который непосредственно соединяет оценки таких авторов, как Харви и Кастеллс, с некоторыми чертами экологического подхода[15]. Они согласны с Харви и Кастеллсом в том, что общие характеристики экономического развития — как в национальном, так и в международном плане — оказывают непосредственное влияние на жизнь города. Но действие этих разнообразных экономических факторов, по мнению Логана и Молоча, проявляется через деятельность местных организаций и отдельных лиц, включая банки, правительственные учреждения и индивидуальных домовладельцев.

Недвижимость — земли и здания — покупается и продается, согласно Логану и Молочу, как и любые другие материальные ценности современного общества, но на рынки, формирующие структуры городской среды, влияет то, как различные группы людей желают *использовать* то, что они покупают и продают. В результате этого возникают напряженность и конфликты, являющиеся важнейшими факторами, определяющими структуру городских районов. Так, например, жилое здание является «домом» для населяющих его людей, а для домовладельца оно — всего лишь «источник ренты». Предприниматели более всего заинтересованы в купле-продаже собственности в том или ином районе, чтобы получить наиболее выгодные места для развертывания производства или для того, чтобы извлечь прибыль из спекуляции земельными участками. Их интересы и соображения довольно далеки от интересов жителей дома, для которых он — «место жительства».

Логан и Молоч подчеркивают, что в современных городах крупный бизнес непрерывно пытается интенсифицировать использование земли в отдельных районах. По мере того как это ему удается, расширяются возможности для спекуляции землей и выгодного строительства на ней. Компании не обращают внимания на социально-экономические последствия своих действий для данного городского района. Их, например, не волнует, что могут быть разрушены старые особняки, чтобы освободить место для огромных новых административных зданий. Процессы роста,

[15] *Logan J. R., Molotch H. L.* Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley, 1987.

поощряемые крупными компаниями, занятыми увеличением собственности, часто идут вразрез с интересами местного бизнеса или жителей, которые могут попытаться оказать активное сопротивление. Люди объединяются в группы по месту жительства для защиты своих интересов. Такие местные ассоциации могут вести борьбу за расширение зональных ограничений, блокирование нового строительства в зеленой зоне или оказание давления для принятия более приемлемого законодательства, регулирующего пользование недвижимостью.

Послевоенные модели развития городов запада

В Соединенных Штатах было проведено гораздо больше исследований по процессам урбанизации, чем в Британии. Но в целом особенности послевоенного развития британских городов совпадают с особенностями развития городов США в более ранний период. Поэтому мы обратимся сначала к американскому опыту, прежде чем перейдем к проблемам городов в Соединенном Королевстве.

Урбанизм в США

Субурбанизация

Одним из наиболее очевидных направлений развития американских городов в послевоенный период стало расширение *пригородов* (*suburbia*, от лат. *sub urbe* — «подчиненный городу»). В течение почти всей истории урбанизма подходящим являлось именно такое буквальное значение этого термина. Пригороды представляли собой небольшие «кармашки» с жителями, которые зависели от городов как в обеспечении себя средствами существования, так и в организации своего отдыха и досуга. Ныне этим термином обозначается любой район застройки, примыкающий к большому городу.

В Соединенных Штатах процесс **субурбанизации** достиг своего апогея в 1950–1960-е годы. Темпы роста центральных городов в течение этих десятилетий составляли 10%, в то время как темпы роста пригородов — 48%. В основном туда потянулись семьи белых американцев. Увеличение расовой пестроты в школах центральных районов городов подталкивало в предместье белых, многие из которых желали, чтобы их дети учились в школах только для белых. Были, конечно, и другие причины. Люди бежали от загрязнения окружающей среды, перенаселенности, роста преступности в центральных районах города. Их также привлекали пониженные налоги на собственность, перспектива обзавестись более просторными жилищами и возможность иметь не квартиру, а отдельный дом с садом. Одновременно с этим развитие дорожной сети приблизило отдаленные прежде районы к местам работы и привело к созданию в самих пригородах промышленных предприятий и предприятий сферы услуг. Многие пригороды сами превратились в отдельные города, соединенные друг с другом скоростными автострадами. С 1960-х годов доля тех, кто ежедневно ездил на работу из одного пригорода в другой, росла быстрее, чем доля совершавших поездки из пригорода в город (эта тенденция отмечается сегодня в Великобритании).

Закат внутреннего города

Распад внутреннего города, отмечавшийся во всех больших городах США в последние десятилетия, является прямым следствием роста пригородов. (Это же явление

ясно обнаруживается и в Великобритании.) Перемещение групп состоятельных горожан из этих районов означает потерю поступавших от них в местный бюджет налогов. Поскольку среди тех, кто остается в центральных районах или пополняет число их обитателей, много представителей малоимущих слоев населения, маловероятно восполнение утраченных поступлений в бюджет. Если ставки налогообложения в центральных районах города возрастут, обеспеченные слои населения и деловые круги будут все больше стремиться покинуть эти районы.

Ситуация ухудшается тем, что жилой фонд в центральных районах города изнашивается больше, чем в пригородах, растет преступность, выше уровень безработицы. Соответственно, в этих районах требуется больше средств на социальные нужды, школы, ремонт зданий, полицию и пожарную охрану. Период упадка продолжается, и чем больше расширяются пригороды, тем больше разрастаются проблемы центра города. Во многих американских городах последствия этого приобрели устрашающие размеры, особенно в таких старых городах, как Нью-Йорк, Бостон или Вашингтон. В некоторых районах этих городов износ собственности, возможно, сильнее, чем в каких-либо еще больших районах городов промышленно развитых стран мира. Приходящие в негодность многоквартирные дома, прижатые друг к другу, и заброшенные постройки перемежаются пустырями, засыпанными камнем.

Финансовый кризис

В 1970-х и в начале 1980-х годов некоторые города Соединенных Штатов оказались на грани банкротства и фактически были вынуждены сократить многие из городских служб. В 1979 году Кливленд оказался неспособен погасить задолженность, равную примерно пятой части его годового бюджета. Чикаго и Сан-Франциско также имели многомиллионный дефицит, который не могли покрыть. Но наиболее известный в последнее время пример финансовых затруднений — Нью-Йорк.

Так же, как и большинство старых промышленных городов, Нью-Йорк пережил глубокий упадок промышленного производства после Второй мировой войны. Расширение деятельности финансовых и страховых компаний было недостаточным, чтобы компенсировать потери. Итогом этого явился устойчивый дефицит бюджета. Начиная с 1950-х Нью-Йорк стал притягивать также чернокожих американцев, пуэрториканцев и представителей других групп населения с низкими доходами. В период 1950–1970 годов, когда в целом по США темпы снижения уровня жизни малоимущих слоев населения замедлились, число людей, оказавшихся в Нью-Йорке за чертой бедности, возросло с одной трети до половины всего городского населения. К 1974 году накопившаяся задолженность города достигла 1,2 миллиарда долларов. В 1975 наступил общеэкономический спад, банки отказались от дальнейшего представления займов городу, а конгресс и верховные власти штата сократили размеры выделяемой ими финансовой помощи.

Нью-Йорк смог избежать банкротства лишь тогда, когда городские власти произвели крупные сокращения в статьях расходов. В общественных службах было ликвидировано около 50 тысяч рабочих мест, а муниципальные выплаты сокращены примерно на 20%. Школы, санитарные службы, полиция и пожарная охрана существенно пострадали от таких мер. В той или иной степени оказались урезанными многие социальные программы. С другой стороны, были предоставлены новые налоговые льготы для предпринимателей. Проводимую после 1975 года политику критики называли «повестью о двух городах». Манхэттен пережил строительный

бум, коснувшийся зданий административного назначения и отелей. Это привлекло крупные капиталовложения. С другой стороны, политики оставили без внимания нужды большинства городского населения — людей с низким уровнем доходов.

Сегодня в Нью-Йорке много бездомных. Их может заметить повсюду даже случайный гость этого города. Они не только занимают на ночь скамейки парков, но и выбирают местом своего ночлега автобусные остановки, железнодорожные станции и даже аэропорты. В различных кварталах были открыты официальные приюты, но многие из лишенных крова людей избегают их из-за строгих порядков, установленных в них и делающих эти приюты похожими на тюрьмы. По решению Верховного суда штата Нью-Йорк, принятому в 1987 году, тысячи бездомных одиноких людей получили право на медицинскую помощь и социальные гарантии, которых они были ранее лишены. Это позволяет им теперь удовлетворять некоторые наиболее важные потребности, но в то же время создает большую нагрузку на имеющиеся ресурсы, мешает в полной мере финансировать другие службы социального обеспечения.

Урбанизм в Великобритании

Субурбанизация и распад внутреннего города

Большинство тенденций, характерных для жизни городов послевоенной Америки, наблюдается также и в Британии. За последние тридцать лет население центральных районов крупных городов сократилось, в основном из-за переезда работающих в отдаленные пригородные районы и *спальные городки* (находящиеся за чертой города и населенные, в основном, людьми, работающими в городе), или же в деревни. В период с 1970 по 1985 год население Большого Лондона уменьшилось приблизительно на полмиллиона человек, в то время как в небольших городах, таких как Кембридж, Ипсвич, Норвич, Оксфорд и Лейчестер, оно увеличилось. Центральные районы, особенно в городах севера, утратили свое промышленное значение.

За некоторым исключением, миграция в пригороды оказалась менее выраженной, чем в США, и, как следствие, упадок городов не столь заметен. Однако в некоторых городах, например, в Ливерпуле, центральные кварталы находятся в таком же состоянии упадка, как и в Америке. Вот как грустно описаны центральные районы в докладе англиканской церкви «Вера в город» (1985): «Серые стены, забитые досками окна, непристойные надписи, грязь, разруха — черты, типичные для наших приходов... здания, расположенные в центральных районах, самые старые. Приблизительно четверть всех используемых зданий были построены до 1919 года, причем в 1977 от 40 до 60% их числа приходилось на центральные районы».

Как и в Соединенных Штатах, новые производства размещаются в основном вне территории центральных городских районов — либо вокруг внешней границы городов, либо в небольших городках. Этому процессу отчасти способствовала обдуманная кампания по плановому созданию *новых городов*, подобных Милтон Кейнс в Букингемшире. Многочисленные национальные программы должны были дать новый шанс центральным районам, они предусматривали выделение специальных грантов для желающих приобрести и реконструировать расположенные там дома, а также налоговые льготы для привлечения бизнеса, но особым успехом эти программы не увенчались. В докладе Скармэна за 1982 год, явившемся результатом официального расследования беспорядков, произошедших в лондонском районе Брикстон годом раньше, отмечалось отсутствие согласованного подхода к проблеме внутреннего

города[16]. В 1985 волнения повторились (снова в Брикстоне и в районе Бродуотер Фарм в Северном Лондоне, где был убит полицейский). В ответ правительство учредило комиссию по изучению проблем внутреннего города, в 1986 году предложившую отчисление одного миллиона фунтов ежегодно на нужды каждого из восьми наиболее запущенных районов Лондона, Манчестера и других городов. Критики, однако, указывали, что в реальном исчислении эти суммы были значительно меньше тех, которые тратились на содержание центральных районов пятнадцатью годами ранее.

Описывая Хэкни, один из беднейших округов Лондона, Пол Харрисон воспроизводит атмосферу, близкую к отчаянию:

> Полиция оказалась перед лицом практически неразрешимой задачи — не дать крышке сорваться с котла, наполненного взрывной смесью, вызревшей на дрожжах динамичности общества внутреннего города. Взрывная смесь становится все более угрожающей под влиянием спада производства, высокой безработицы и с неизбежностью влияет на повышение преступности. В свою очередь, такая ситуация вызывает необходимость присутствия там значительно большего числа полицейских, чем в других районах. Нелицеприятные контакты полиции с потенциально подозреваемой публикой становятся все чаще, возможность столкнуться с несправедливостью и оскорблениями со стороны полиции также увеличивается.[17]

Получается замкнутый круг: наиболее обездоленные не только становятся жертвами большего числа преступлений, чем другие группы, они же чаще других вынуждены мириться с массовым присутствием полицейских. К тому же криминальные цели в этой среде являются более обычными, чем где-либо еще. В районах, подобных Хэкни, предостерегает Харрисон, складывается «общество баррикадной самообороны», отмеченное, помимо прочего, «неуклонной эрозией гражданских свобод».

В 1992 году в некоторых районах Лондона безработица среди молодых людей в возрасте до 25 лет составила более 40%, среди чернокожей молодежи этот показатель превышает 60%. Количество бездомных в Лондоне приблизилось к их количеству в Нью-Йорке, с начала 1980-х до начала 1990-х оно возросло в 4–5 раз. Правительственная комиссия, сообщая о положении внутреннего города Лондона, пришла к заключению, что Лондон, особенно вследствие провалов в городском управлении и слабого развития общественных служб, следует по тому же пути, что и Нью-Йорк.

Правительственная программа 1988 года «Акция в защиту городов», направленная на улучшение сложившегося положения дел, возлагала надежды скорее на частные инвестиции и свободные рыночные силы, нежели на государственное вмешательство. К 1990, следуя призывам правительства, около 900 миллионов фунтов частных денег было направлено в нуждающиеся районы из общественных фондов и грантов. Исследования показывают, что, за исключением разовых показательных проектов, при решении фундаментальных социальных проблем центральных городов не следует полагаться только на стимулы со стороны государства и ждать, что все сделает частный бизнес. Во внутреннем городе переплелось столько неразрешенных проблем, что повернуть вспять процесс распада, когда он уже начался, невероятно сложно. Без солидных государственных расходов, на которые скорее всего не пойдет

[16] *Scarman L. G.* The Scarman Report. Harmondsworth, 1982.

[17] *Harrison P.* Inside the Inner City: Life under the Cutting Edge. Harmondsworth, 1983.

ни одно правительство, перспектива радикального улучшения ситуации все менее реалистична [18].

Финансовый кризис в британских городах

Соотношение центральных и местных налогов в Британии иное, чем в Америке, поэтому в Британии ни один город не стал банкротом. Но многие из центральных районов британских городов столкнулись со сходными финансовыми проблемами. В 1972 году законом о местном управлении было учреждено шесть новых «графств-метрополий»: Мерсисайд, Большой Манчестер, Южный Йоркшир, Западный Мидлэндс, Западный Йоркшир и Тайн, Уиэр. Центральные органы районов наделялись полномочиями общего планирования, а подчиненные им советы обеспечивали деятельность системы образования, социальных служб, предоставляли жилые фонды и другие блага. В Лондоне существовала другая система: двадцать один год им управлял Совет Большого Лондона (СБЛ), учрежденный в 1965 году. Около половины доходов, которые имели метрополии и СБЛ (до его упразднения в 1985) поступало из централизованных правительственных источников.

С середины 1970-х годов на местные власти постоянно оказывается давление, с тем чтобы они сократили статьи бюджета и урезали местные ассигнования и услуги даже для внутренних районов города, наиболее подверженных упадку. В 1980 парламентом был принят билль, который предусматривал наказание властей за превышение уровня расходов, установленных правительством. Советы, в ведении которых находились запущенные районы, с трудом удерживались в рамках установленного бюджета. Это привело к ожесточенным конфликтам между правительством и Советами метрополий, особенно теми, которые контролировались партией лейбористов, например, в Ливерпуле и Шеффилде. Некоторые из них первоначально отказались признать ограничения, установленные Уайтхоллом, после чего в марте 1976 года на 80 советников из Ливерпуля и Ламбета были наложены персональные штрафы за отказ сотрудничать с правительством.

В официальном документе «Модернизация городов», опубликованном правительством консерваторов в том же году, сообщалось об упразднении советов шести графств. В Лондоне их обязанности перераспределялись между советами нижнего уровня.

К концу 1980-х годов финансовое состояние местных советов испытало на себе влияние налога на голосование (официально называемого «общинным сбором»). Его предназначение состояло в том, чтобы стать гарантией, что каждый, проголосовавший за более высокие расходы местной администрации, немедленно почувствует издержки новых расходов, поскольку будет обязан заплатить за это налог. Этот налог был одинаков для всех и не зависел от того, богат человек или беден, в отличие от налога на собственность, связанного с уровнем дохода. Однако данный налог был вскоре отменен, т. к. взимался с трудом. Несмотря на это, его влияние имело серьезные последствия. Многие городские советы столкнулись с сокращением доходов и вынуждены были экономить на содержании необходимых служб. Среди тех, кто отказывался платить данный налог, была высока доля проживающих в районах внутреннего города. Многие представители беднейших групп, стремясь избежать оплаты, старались не регистрироваться в списке избирателей, тем самым теряя право голосовать.

---

[18] *Macgregor S., Pimlott B.* Action and Inaction in the Cities. In: *Macgregor S., Pimlott B.* Tackling the Inner Cities: The 1980's Reviewed, Prospects for the 1990's. Oxford, 1991.

Приватизация государственного жилья

По закону 1980 года граждане, живущие в коммунальных домах, получали право выкупать эти дома со скидкой до 60% в зависимости от срока проживания. Эта мера стала очень популярной, и многие воспользовались предоставленной возможностью. От общего количества собственности, реализованной таким образом, 85% составили дома, а не квартиры. Это говорит о том, что большая часть выкупленных жилищ находилась за пределами центральных городских районов. К 1988 году взятых в аренду домов в Великобритании стало на 1,3 миллиона меньше, чем 8 лет назад. Такая ситуация сложилась отчасти потому, что не существовало эквивалентной замены распроданным коммунальным жилищам. Арендный сектор уменьшался в течение десятилетий, однако ранее этот процесс компенсировался строительством нового коммунального жилья. С одной стороны, закон о жилье, принятый в 1988 году, разрушил рынок арендуемой собственности, упразднив прежние механизмы контроля ренты, а с другой стороны, объем наличной арендной собственности увеличивался крайне незначительно. Коммунальный жилой фонд, как и следовало ожидать, скупили в основном состоятельные съемщики. Появилась опасность, что невыкупленные коммунальные дома придут в упадок и превратятся в места проживания только тех, кому некуда больше деваться. Во многих домах, оставшихся в ведении коммунальных советов, уже стали заметны процессы упадка, вызванные помимо всего прочего финансовыми трудностями, с которыми столкнулись многие советы.

На фоне продолжительного спада, наблюдавшегося в Британии с конца 1980-х — начала 1990-х годов, резко упала цена и на жилье. Когда казалось, что цена недвижимости будет расти до бесконечности и принесет при последующей продаже громадные капиталы, многие домовладельцы, включая и тех, кто выкупил коммунальное жилье, взяли крупные ссуды. Однако ожидаемого чуда не произошло и те, кто не смог оплатить ссуду, стали лишаться собственности. Число домовладельцев в Британии намного превосходит другие страны, и большинство людей скорее предпочитает быть должником строительных организаций и жить в своем доме, нежели арендовать жилье. Продажа муниципальных домов ударила отчасти по тем, кто должен был более всего выиграть.

Джентрификация, или «вторичное использование» городских ресурсов

В больших городах получило широкое распространение *вторичное использование городских ресурсов*, т. е. ремонт и переоборудование старых зданий для новых нужд. Иногда вторичное использование являлось частью правительственных социальных программ, но чаще всего оно было результатом перестройки запущенных зданий, с тем чтобы впоследствии сдать их людям с более высокими доходами, а также с целью обеспечения таких групп элементами комфорта наподобие ресторанов и магазинов.

Отличным примером может служить реконструкция района Доков в Лондоне. Что это — пример уникального успеха в истории возрождения городов или, напротив, катастрофа? У каждой из этих точек зрения есть свои защитники, хотя все согласны с тем, что в ситуации экономического спада уровень достижений при обновлении района Доков оказался ниже, чем рассчитывали его апологеты. Территория Доков прилегает к Темзе и занимает около 22 квадратных километров в Восточном Лондоне; район стал недееспособным вследствие закрытия доков и спада промышленного

производства. Его называли «крупнейшим районом реконструкции в Западной Европе» и «величайшей возможностью со времен Лондонского пожара».

Район Доков, с одной стороны, граничит с районом Сити, а с другой — примыкает к бедным районам. Будущее Доков стало предметом ожесточенных баталий в 1960-х годах, причем дискуссии продолжаются и сегодня. Большинство из тех, кто проживал в этом районе или поблизости от него, выступали за его реконструкцию в рамках проектов коммунального развития, могущих защитить интересы беднейшей части населения. С учреждением в 1981 году Корпорации Развития Доков район становится основным местом проведения упомянутой ранее политики, направленной на стимулирование частного капитала как основной силы в деле возрождения городского хозяйства.

Сегодня этот район поразительно отличается от граничащих с ним бедных кварталов. Изобилуют современные дома, иногда авангардной архитектуры. Складские помещения превратились в роскошные квартиры, рядом с ними выросли новые прекрасные здания. Большой административный комплекс, центральное здание которого можно увидеть из любого района Лондона, был построен «Кэнари Уофф». Однако блеск здесь соседствует с заброшенными домами и обширными пустырями. Административные площади нередко пустуют, также как и новые жилые дома, из-за невозможности продать их за те деньги, которые предполагалось за них выручить изначально. Жилой фонд района Доков — один из самых бедных в стране, жители этого района почти ничего не получили от реконструкции. Несмотря на появление большого количества жилья, лишь незначительная часть местных жителей смогла или захотела его приобрести. В 1991 году «Кэнари Уофф» столкнулась с серьезным финансовым кризисом, большая часть зданий оказалась невостребованной.

Судьба района Доков уникальна из-за своей противоречивости. Несмотря на успешное обновление и строительство новых зданий, он не производит впечатление единого района. Его называют «воскресной пустыней, отданной на откуп производству денег, в которой нет ни живой души, ни радующей глаз классической архитектуры, ни приличного транспорта, ни мест общественного пользования»[19]. От реализации этого проекта выиграли только состоятельные группы населения, поскольку цены на дома значительно превысили возможности тех, кто проживал ранее в этом районе.

Урбанизм и международное влияние

Анализируя жизнь современного города, как и в большинстве областей социологии, мы должны уметь находить связь между локальными и глобальными явлениями. Некоторые факторы, влияющие на состояние центральных районов британских городов, связаны с процессами, далеко выходящими за национальные пределы. Например, проблемы Ливерпуля и Тиссайда обусловлены прежде всего упадком некоторых основных отраслей промышленности, центром которых были эти города, вследствие международной конкуренции.

Обсуждая растущую связь между жизнью городских районов и международной системой экономических отношений, Логан и Молоч выделяют пять возникающих типов городского устройства[20]. Первым является **город — штаб-квартира**. К таким городам относятся центры, в которых разворачивается административная деятельность

[19] *Brownhill S.* Developing London's Docklands: Another Great Planning Disaster? London, 1990.

[20] *Logan J. R., Molotch H. L.* Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley, 1987.

транснациональных корпораций, ориентированных на международный уровень. Одной из ведущих штаб-квартир мира является Лондон. Это место проведения финансовых и производственных операций, а также центр международных систем транспорта и связи.

Второй тип города — **инновационный центр**. Так называются районы сосредоточения исследовательских и научных учреждений, чьи разработки применяются на производствах где-либо еще. Примером может служить Кембридж. Его университет имеет обширные связи с мощным «Научным парком». Самым сильным по влиянию в мире центром считается Силиконовая Долина, расположенная в Северной Калифорнии. Инновационные центры США и в меньшей степени Британии часто напрямую связаны с военной промышленностью. Средства, отпускаемые на науку министерством обороны Соединенных Штатов, покрывают треть расходов научно-исследовательских учреждений страны. Существенное влияние на процветание инновационных центров в США оказывают крупные контракты.

Третий тип — **центр модульного производства**. В комплексном международном разделении труда, существующем в настоящее время, изготовление деталей и сборка изделий происходят в разных точках земного шара. Некоторые города становятся местом промежуточных производственных процессов, расположенных далеко от места завершения цикла. Ряд транснациональных компаний имеет, например, заводы в Белфасте, там производятся детали, окончательная сборка которых осуществляется в других местах.

Четвертый тип — **перевалочный пункт для третьего мира**, испытывающий наиболее сильное международное влияние среди различных типов городов. Это, как правило, приграничные центры, большую часть их населения составляют иммигранты из стран третьего мира. Примером может служить Марсель, главный пункт, через который во Францию прибывают жители Северной Африки. В Соединенных Штатах наиболее яркими примерами являются города, где проживают представители латиноамериканских сообществ, например, Майами с его кубинским населением, а также мексиканские кварталы Лос-Анжелеса.

И, наконец, пятый тип — **город пенсионеров**. Сегодня многие, выйдя в отставку, переезжают в места с хорошим климатом. Такая миграция носит отчасти внутренний характер (например, англичане охотно селятся на южном побережье в Борнмуте или Уортинге), отчасти международный. Жители Британии, имеющие летние дома в Испании, могут после выхода на пенсию поселиться там на постоянное место жительства.

Глобальный город

Ведущие крупные города — штаб-квартиры можно считать примером того, что Саскиа Сэссен называет **глобальным городом**[21]. В своей работе она основывается на исследовании трех городов: Нью-Йорка, Лондона и Токио. Она утверждает, что современное развитие мировой экономики привело к возникновению новой стратегической роли крупных городов. Большинство из них и ранее были центрами международной торговли, однако сейчас в их деятельности появляются новые черты:

1. Крупные города превратились в «командные посты» — центры, вырабатывающие политические решения для глобальной экономики.

[21] *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, 1991.

2. Такие города стали ключевыми пунктами расположения финансовых и специализированных сервисных фирм, оказывающих значительно большее влияние на экономическое развитие, чем промышленность.

3. Они являются местом сосредоточения производства и инноваций вновь развивающихся отраслей.

4. Города такого рода становятся рынками, на которых продаются, покупаются или находят любое другое применение продукты финансовой и сервисной индустрии.

У Нью-Йорка, Лондона и Токио разное прошлое, но в последние 2–3 десятилетия они испытывают схожие перемены. В чрезвычайно рассредоточенной современной экономике подобные города стали центрами осуществления контроля за важнейшими операциями. Чем сильнее развиваются процессы глобализации в экономической жизни, говорит Сэссен, тем быстрее процесс управления концентрируется в небольшом количестве ведущих центров. Однако глобальные города становятся значительно большим, чем просто пунктами координации, в них формируются контексты производства. Приобретает важность производство не материальных благ, а специализированных услуг, требующихся деловым организациям для управления учреждениями и предприятиями, разбросанными по всему миру, а также производство финансовых инноваций. Услуги и финансовые блага — это основная продукция, которую производят глобальные города.

В деловых кварталах таких городов сконцентрированы места, в которых огромная масса «производителей» получает возможность работать в тесном взаимодействии друг с другом, включая и личные контакты. В глобальном городе фирмы местного значения находятся рядом с национальными и межнациональными организациями, в том числе и с многочисленными иностранными компаниями. Так, в Нью-Йорке имеется 350 отделений иностранных банков и 2500 представительств иностранных финансовых корпораций; каждый четвертый банковский служащий работает в иностранном банке. Глобальные города соперничают друг с другом, но также они представляют собой систему взаимозависимых элементов, в какой-то степени отделенных от государств, на территории которых они расположены.

У глобального города есть, однако, и своя изнаночная сторона. Те, кто заняты в финансовых и глобальных услугах, получают высокую заработную плату, а районы, где они проживают, подвергаются джентрификации. Одновременно происходит сокращение рабочих мест в традиционных промышленных отраслях, и, как следствие, процесс джентрификации приводит к созданию большого числа низкооплачиваемых рабочих мест — в ресторанах, отелях и небольших магазинах. Блеск и богатство сосуществует рядом с бедностью; это противоречие выразительно демонстрирует ландшафт лондонских Доков.

Урбанизация в странах третьего мира

В 1960 году в районе, объединяющем Нью-Йорк и Нью-Джерси, — крупнейшей городской агломерации мира — проживало 15,4 миллиона человек. На тот момент восемь из десяти крупнейших городов находились в странах первого мира, плюс Буэнос-Айрес и Шанхай, относящиеся к третьему миру. Однако, если существующие тенденции сохранятся, то к 2000 году крупнейшим урбанистическим центром мира станет Мехико, население которого составит более тридцати миллионов. К этому

времени восемь из десяти крупнейших городов мира переместятся в Азию или в Южную Америку.

Бурно растущие города третьего мира радикальным образом отличаются от городов индустриальных стран. Люди переезжают в эти города либо из-за разрушения традиционной системы сельскохозяйственного производства, либо в связи с поисками более выгодной работы. Поначалу крестьяне думают, что переезжают в город лишь на короткое время и рассчитывают, заработав денег, вернуться к себе в деревню. Некоторые действительно возвращаются, но большинство вынуждено остаться, т. к. по той или иной причине они уже потеряли свое место в прежней общине. Нелегальные поселения мигрантов растут вокруг городов как грибы. В западных городах они селятся в основном в центральной части города, но в странах третьего мира все обстоит иначе. Там мигранты образуют вокруг городов так называемую «септическую кайму». Многие живут в условиях, которые трудно представить человеку, даже знакомому со стандартами западных трущоб.

В качестве примера можно взять города Индии и Латинской Америки. Население Индии растет очень быстро, традиционная экономика сельскохозяйственных районов не в состоянии справиться с таким потоком. Уровень миграции в города высок даже по стандартам третьего мира. Дели растет быстрее других городов Индии, однако и в Калькутте, Мадрасе и Бомбее насчитывается по несколько миллионов жителей. Эти города катастрофически перегружены. Во многих районах люди огромными толпами бродят по улицам днем и спят на тех же улицах ночью. У них нет никакого жилья.

Вблизи городской окраины те, кто находит немного свободного пространства, строят лачуги из картона и мешковины. Некоторым мигрантам удается найти работу, но уровень миграции столь высок, что невозможно обеспечить всех постоянным жильем. Обитатели индийских трущоб практически не имеют собственности, но зато у них сильно развиты формы общинного устройства и взаимопомощи.

Дели

Для того чтобы показать примеры организации городских районов, отличные от западных городов, рассмотрим Дели — столицу Индии. Территория Дели разделяется на «старый город» и Нью-Дели — район, построенный позднее, где размещаются правительственные здания. Для Дели, как и для других крупных индийских городов, характерны высокая концентрация населения в одних районах и низкая в других. Старый город — это настоящий лабиринт крошечных кривых улочек, в то время как в прилегающих районах расположены широкие проспекты. Большая часть населения города передвигается пешком или на велосипедах, моторизированного транспорта немного.

В отличие от западных городов, в Дели нет четко выделенного делового района, характерного для западных городов; большинство банков и офисов расположены в основном за пределами центра. В старом городе находится бесчисленное количество мелких фирм, которые часто торгуют там же, где и производят; размеры их магазинов, как правило, не превышают нескольких квадратных метров. На каждом шагу можно встретить уличных торговцев и лоточников. Районы Нью-Дели относительно спокойны и просторны. Те, кто там работают, преимущественно живут в сравнительно богатых районах, расположенных в нескольких километрах от Нью-Дели, ближе к границам города. Сами окраины города, однако, окольцовывают временные поселки мигрантов. Их также можно увидеть вдоль дорог, ведущих

в город. Поселки мигрантов возникают в любом незастроенном месте, в парках, иногда даже в районах, некогда считавшихся привилегированными. Порою поселки состоят из нескольких хижин, хотя чаще это громадные скопления нескольких тысяч жителей. Периодически городские власти расчищают некоторые поселки незаконных поселенцев, однако их хижины мгновенно вырастают в другом месте.

Мехико

Крупные латиноамериканские города, как правило, окружены районами лачуг, в которых проживают либо недавние мигранты из села, либо семьи, вытесненные из своих прежних жилищ в связи с новой застройкой и дорожным строительством. В Мехико более трети населения живет в домах без воды, а четверть таких домов не имеет даже канализации. Город состоит из старой центральной части, деловых и увеселительных районов и богатых кварталов (большинство туристов видят в основном их). Почти весь внешний периметр города занят трущобами. Хотя ведется интенсивное жилищное строительство, субсидируемое государством, но, чтобы жить в таких домах, нужно иметь достаточно большой доход, которым располагают не более 40% жителей города. Лишь 10% жителей способны покупать или снимать квартиры частным образом. Таким образом, большинство жителей Мехико не имеют возможности обзавестись нормальным жильем. Горожане чаще всего сами расчищают площади и строят собственные дома. Большинство таких поселений незаконны, но городские власти относятся к ним снисходительно.

В Мехико существует три типа районов «народных домов». *Колониас пролетариас* в основном застроены нелегально, самодельными шаткими строениями, находящимися на окраинах. Около половины населения столицы живет в таких домах. Большинство из этих площадей было заселено не самопроизвольно, а при помощи нелегальных частных застройщиков при молчаливом согласии властей. Застройщики имеют местную сеть организаторов, которые собирают плату с жителей района. Большая часть земель, занятых *колониас*, была изначально общественной и охранялась мексиканской конституцией от купли-продажи или передачи.

Второй тип народных построек — *весиндадас*, или трущобы. Они располагаются в основном в старых районах города. Это ветхие здания, которые совместно снимаются мексиканскими семьями за арендную плату. Два миллиона человек живут в таких трущобах, в условиях, сопоставимых с условиями жизни «нелегалов». Третий тип — это *лачужные городки*. Они сходны с «колониас пролетариас», но располагаются в самом центре города, а не на периферии. В последние годы часть таких поселков снесли, и их обитатели переместились на окраины.

В федеральных районах Мехико 94% земель находятся под застройкой, свободное пространство составляет лишь 6%. Уровень озеленения в городе гораздо ниже, чем в самых густонаселенных городах Европы и Северной Америки. Огромную проблему представляет загрязнение окружающей среды, основным источником которого являются автомобили, которые забивают не рассчитанные на такое движение улицы города; свою лепту в загрязнение вносят также и промышленные предприятия. Фотохимический смог по своей вредности превосходит даже смог Лос-Анжелеса. Согласно оценкам, жить в Мехико — все равно что выкуривать 40 сигарет ежедневно.

В марте 1992 г. загрязнение достигло небывалого уровня. Допустимый для здоровья уровень озона, равный 100 пунктам, в тот месяц поднялся до 398. Правительство вынуждено было отдать распоряжения о временном закрытии промышленных предприятий, были закрыты школы, количество автомобилей было

снижено на 40%. Вот как описывает город в эти дни один из очевидцев: «На высоте, когда очертания города почти неразличимы под плотной серо-коричневой пеленой, кажется, что в Мехико идет проливной дождь, но там внизу нет ни капли влаги, только пыль и потоки озона»[22].

Однако всего лишь 30 лет назад Карлос Фруэнта назвал свой роман о Мехико La Region Mas Transparente — «Там, где воздух так чист».

Города в Восточной Европе

Подобно городам третьего мира, восточноевропейские города являют собой контраст западным городам, хотя и не столь яркий. В большинстве западных стран урбанистический облик сформировался под влиянием частного землевладения, бизнеса и рынка частного жилья, в то время как плановая и финансовая деятельность местных и центральных властей имела второстепенное значение. В Восточной Европе, где городское планирование было развито гораздо сильнее, иная ситуация. Например, в Советском Союзе дизайн городов являлся частью общего экономического плана развития страны.

Советские проектировщики считали, что города не должны быть очень большими, протяженность ежедневных переездов нужно сводить к минимуму, а основным средством передвижения должен быть общественный транспорт. Организация пространства городов определялась соображениями общественной пользы, а не рыночной стоимостью, как в западных странах. Квартплата, например, не была связана напрямую с качеством жилищ. Она определялась администрацией и составляла лишь малую часть практических расходов на содержание жилого фонда. Такая плата значительно ниже принятой в западных странах. Семьи имели право на жилище независимо от способности вносить квартплату.

Отличия от Запада

На основании исследований, проведенных в Венгрии и других странах Восточной Европы, Айвен Желеный смог выделить отличие урбанизма западного типа от восточного[23]. В Восточной Европе дома, построенные частными подрядчиками и реализуемые на рынке, составляли лишь небольшую часть общего жилищного фонда. Частные дома, в отличие от Запада, в основном имели люди с низкими доходами. Граждане, обладавшие высоким статусом, например правительственные чиновники и специалисты высокого класса, жили в кварталах, которые принадлежали и поддерживались государством. Их жилища сильно отличаются от домов большинства населения.

Районирование проводилось в основном в административном порядке; так же как и во всех городах мира, есть запущенные районы, но они не занимают самый центр, как на Западе. Большая часть земли в центральных районах принадлежит представителям власти, она чаще всего застроена наиболее современными и комфортабельными домами, тогда как худшие районы находятся ближе к окраинам. В городах Восточной Европы районы более однородны в плане домовладения и архитектуры, чем в Западной Европе.

После Второй мировой войны темпы роста городов в странах Восточной Европы были не столь высокими, как на Западе. До 1950-х годов Москва и Ленинград были

[22] *Reid M.* Mexico's vale of tears // The Guardian, 27 March. 1992.

[23] *Szelenyi I.* Urban Inequalities Under State Socialism. Oxford, 1983.

единственными в Советском Союзе городами с более чем миллионным населением. Практически ситуация оставалась той же, что и до революции 1917 года. Сейчас имеется двадцать городов с населением более чем миллион человек. Поскольку советским гражданам независимо от того, где они проживали, нужно было иметь разрешение на поселение (прописку), миграция в этой стране находилась под более жестким контролем, чем на Западе.

До 1917 года главные города России напоминали города того же уровня в США. В Москве и Ленинграде существовали центральные деловые районы; деление на бедные и богатые кварталы выдерживалось очень четко. Однако, по сравнению с крупными западными городами того же периода, города в дореволюционной России были менее плотно населенными, жилищное строительство в них было развито гораздо слабее. После Второй мировой войны были приняты крупномасштабные программы государственного жилищного строительства, и ситуация изменилась. Большинство новых зданий — это многоквартирные дома, сделанные по типовым стандартам, однако по-прежнему перенаселенные: в квартирах, состоящих из двух или трех комнат, живут целые семьи. В коммунальных квартирах, расположенных в старых домах, семья может занимать всего одну комнату, а кухню и ванную приходится делить с соседями.

Плановая основа роста городов совместно со стандартизацией строительных форм способствует тому, что плотность населения остается относительно стабильной. В западных городах чем больше дом удален от центра, тем большее количество земли он занимает. В Восточной Европе, наоборот, пригороды обычно заполнены высотными многоквартирными домам недавней постройки. Советские города не растворяются в пригороде, а кончаются внезапно, и окна многоквартирных домов часто выходят в открытое поле или в лес. Поэтому попытки приспособить западные экологические модели районов к условиям городов Восточной Европы оказываются безуспешными.

В Москве, например, есть исторический центр с магазинами и заведениями для досуга. Но степень их концентрации значительно ниже, чем в среднем западном городе, и никаких трущоб поблизости нет. Однородных этнических районов, как в городах Британии и Соединенных Штатов, также нет. Промышленность и торговля рассредоточены по различным районам гораздо сильнее, чем на Западе, где жилые и промышленные районы обычно четко отделены друг от друга. Согласно плану, Москва была разделена на 65 зон, при этом ставилась цель равномерно распределять промышленные предприятия — с тем, чтобы сократить протяженность пути на работу.

Изучение городов бывшего Советского Союза и Восточной Европы возвращает к идее Харви и Кастеллса о том, что на устройство городов оказывает огромное влияние природа общества, в котором они существуют.

Возможное развитие в будущем

Какое будущее уготовано городам и их жителям? Модели, проанализированные в этой главе, рисуют сложную мозаику; невозможно выделить какую-то единую тенденцию в направлении их развития. В индустриальных странах, возможно, продолжится «расползание» городской жизни. Совершенствование систем коммуникации позволяет людям жить все дальше от работы. В то же время работа сама приходит к ним, поскольку новые производства размещаются в основном вдали от центров городов. Население старых городов, связанных с традиционными производствами,

по-прежнему будет уменьшаться, поскольку будет продолжаться общая миграция в другие районы. Однако эти же самые обстоятельства будут стимулировать процесс джентрификации; собственность становится настолько дешевой, что стоимость реконструкции становится приемлемой.

В то время как в индустриальных странах плотность населения остается практически прежней или даже уменьшается, в странах третьего мира она будет расти. Условия жизни в городах третьего мира, по-видимому, станут еще хуже, во всяком случае для городской бедноты. Проблемы городов первого и второго мира при всей их важности будут несущественными по сравнению с проблемами третьего мира.

Краткое содержание

1. Традиционные города во многих отношениях отличались от современных. По современным меркам они были очень малы, их окружали стены, а в центре располагались религиозные сооружения и дворцы.

2. В традиционных обществах горожане составляли лишь незначительную часть населения. В индустриальных странах сегодня в городах проживает от 60 до 90% населения. В странах третьего мира урбанизм развивается также очень быстро.

3. Первые шаги урбанистической социологии были сделаны преимущественно «Чикагской школой», представители которой рассматривали город в контексте экологических моделей, взятых из биологии. Луис Уэрт разработал концепцию урбанизма как образа жизни, согласно которой городская жизнь предполагает безличность и социальную дистанцию. Данные подходы критиковались, но не отвергались окончательно.

4. В более современных работах Дэвида Харви и Мануэля Кастеллса типы городского устройства рассматривались не как замкнутые в себе, а в широком социальном контексте. Образ жизни, сформировавшийся в городах, физическое расположение различных районов отражают основные черты развития промышленного капитализма.

5. Упадку центральных районов городов способствовало развитие пригородов и спальных районов. Состоятельные люди перемещаются из центра в районы с более низкими налогами. Цикл упадка разворачивается таким образом, что чем больше расширяются пригородные зоны, тем с большими проблемами сталкиваются жители внутреннего города. Вторичное использование городских ресурсов — восстановление старых зданий и использование их для новых целей — стало обычным для многих городов, но признаков преодоления кризиса внутреннего города пока нет.

6. Современный исследователь, занятый изучением урбанизации, должен уметь увидеть связь глобальных и локальных процессов. Факторы, воздействующие на развитие городов, могут быть частью гораздо более широких процессов. Структура городских районов, их рост и упадок нередко отражают перемены в международном промышленном производстве.

7. Усиленное развитие городов наблюдается в странах третьего мира. Города развивающихся стран существенно отличаются от западных, их отличает большой размах нелегального жилищного строительства. Жизнь в подобных жилищах крайне тяжела и лишена всякого комфорта.

8. Урбанизм в странах Восточной Европы, в отличие от Западной, является частью плановой экономики. Города построены с учетом общих направлений развития промышленности и воплощения эгалитарных идеалов. После Второй мировой войны темпы роста городов в странах Восточной Европы были относительно низкими, преимущественно в связи с установленными правительствами ограничениями на перемещение граждан.

Основные понятия

Внутренний город
Искусственная среда
Урбанистическая экология

Важнейшие термины

урбанизация
конурбация
мегаполис
экологический подход
урбанизм
конкуренция
захват экологической ниши
закрепление в экологической нише
коллективное потребление
субурбанизация
вторичное использование городских ресурсов
город — штаб-квартира
инновационный центр
центр модульного производства
перевалочный пункт для третьего мира

Дополнительная литература

Jim Kemeny. Housing and Social Theory. London, 1991. Исследование, в котором проблема жилья обсуждается на социологическом уровне.

Anthony D. King. Global Cities. London, 1991. Обосновывается необходимость глобального подхода для понимания проблем современного города.

Paul Lawless. Britain's Inner Cities. London, 1989. Обсуждаются проблемы развития внутреннего города и политика, которой следует придерживаться в решении этих проблем.

N. Lewis Inner City Regeneration. London, 1992. Анализ противоречивых тенденций, влияющих на развитие различных районов современного города.

Suzanne Macgregor and *Ben Pimlott*. Tackling the Inner Cities. Oxford, 1991. Обсуждается бедственное положение внутренних городов Великобритании.

Глава 18

Народонаселение, здоровье и проблемы старения

Известный биолог Пол Эрлих, вспоминая о своей первой поездке в Индию, писал:

> Что такое демографический взрыв, умом я понимал уже давно, но эмоционально смог это понять только несколько лет назад в Дели в одну из жарких ночей. Мы с женой и дочерью возвращались в отель на допотопном такси. Сиденья кишели блохами. В машине работала только третья скорость. Вдруг на нашем невыносимо медленном, долгом пути возникли трущобы. Температура была под 40° С, в воздухе стояла пыльная мгла. Улицы бурлили людьми, жующими, спящими, моющимися, совершающими туалет, спешащими в гости, спорящими, визжащими. Людьми, сующими руки в окна машины за подаянием. Людьми, облепившими автобусы, словно пчелы. Людьми, пасущими животных. Везде люди, люди, люди. Мы медленно, постоянно сигналя, пробирались сквозь толпу... Пыль, шум, жара и огни очагов, на которых готовилась пища, придавали сцене что-то адское. Доберемся ли мы до отеля? Откровенно говоря, все мы были очень напуганы. Казалось, может случиться все что угодно, однако, конечно же, ничего не случилось. Старики будут только смеяться над нашими реакциями. Мы были просто слишком привилегированными туристами, не привыкшими к звукам и запахам Индии. Наверное, в ту ночь я не только узнал, что такое перенаселение. Я это почувствовал.[1)]

За исключением распространения ядерных вооружений и угрозы глобальной экологической системе (хотя и этих проблем уже достаточно!), рост населения является самой насущной проблемой, ставшей сегодня перед человечеством. Богатые страны располагают большими продовольственными запасами, чем им необходимо, и в большинстве из них темпы роста населения низки либо даже отрицательны. Однако в большинстве других стран рост населения совершенно ошеломителен, что создает большую нагрузку на имеющиеся ресурсы.

Многие из нас, живущих в индустриальных странах, могут считать, что демографический взрыв в странах третьего мира не «наша» проблема и что общества, затронутые этой проблемой, должны решать ее самостоятельно и делать для этого все, что в их силах. Подобный взгляд оправдать трудно не только с точки зрения того, что безразличие к судьбе трех четвертей мирового населения неэтично. Если население мира будет продолжать расти современными темпами, то мы все окажемся перед угрозой глобальной катастрофы. Напряженное положение с ресурсами может спровоцировать острейшие конфликты, а они в свою очередь приведут к войнам. Человечество должно решить уже в ближайшие десятилетия три проблемы — угроза ядерного конфликта, экологический кризис и рост населения. Все они взаимосвязаны.

[1)] *Ehrlich Paul R.* The Population bomb. London, 1971.

Почему так быстро растет мировое население? Каковы последствия этого роста? В этой главе мы попытаемся дать ответ на такие вопросы, причем наш анализ затронет две связанные проблемы: здоровье и болезнь с одной стороны и последствия старения населения в индустриальных странах с другой.

Рост численности населения в мире

Сегодня в мире проживает более пяти миллиардов человек. Согласно оценкам, «пятимиллиардный ребенок» родился 11 июля 1987 года, правда, никто не знает, когда и где произошло это событие. Еще в 1960-х годах Эрлих подсчитал, что если современный темп прироста населения сохранится, то через 900 лет (а это для мировой истории не такой уж большой период) на поверхности земли окажется 60 000 000 000 000 000 человек. На каждый квадратный метр, включая сушу и море, будет приходиться более 100 человек. Физик Дж. Фремлин оценил, что для размещения всего этого населения потребуется колоссальный 2000-этажный дом, покрывающий всю площадь планеты. Но даже в этом огромном сооружении на каждого человека будет приходиться площадь не более 3–4 квадратных метров[2)].

Эта картина — не более чем кошмарная фантазия, она помогает нам представить катаклизмы, к которым приведет непрекращающийся рост населения. Реальный вопрос состоит в том, что будет через 30–40 лет, поскольку, если тенденции роста народонаселения не изменятся, население мира вырастет до невыносимых размеров. Возможно, отчасти потому, что в свое время правительства прислушались к предостережениям Эрлиха и других и приняли программы контроля над ростом населения, сейчас появились основания предполагать, что темпы роста населения в мире понемногу снижаются. Проведенные в 1960-х годах предварительные подсчеты населения мира к 2000 году недавно были пересмотрены в сторону снижения. Сегодня мировой банк оценивает возможную численность населения в 6,5 миллиардов человек, а не в 8,4, как раньше. Однако если учесть, что сто лет назад в мире было лишь 1,5 миллиарда человек, то предполагаемые темпы роста по-прежнему выглядят ошеломляюще. Более того, факторы, обуславливающие рост населения, не всегда предсказуемы, и поэтому все прогнозы следует принимать очень осторожно.

Анализ народонаселения: демография

Изучение проблем народонаселения называется **демографией**. Этот термин появился около полутора веков назад, когда государства начали проводить официальный статистический учет структуры населения и его размещения. Задачи демографии — определить размеры населения, объяснить его рост или сокращение. Структура населения определяется тремя факторами: рождаемостью, смертностью и миграционными процессами. Демографию принято считать одной из ветвей социологии, поскольку факторы, влияющие на уровень рождаемости, смертности и на миграцию населения, в значительной мере являются социальными и культурными.

Демографическая работа в большинстве своем является статистической. Сегодня все индустриальные страны получают статистические данные о своем населении в ходе переписей (систематических опросов, призванных собирать информацию о населении данной страны). Однако, сколь бы ни были тщательны методы сбора

[2)] *Fremlin J. H.* How many people can the world support? // New Scientist, 19 October. 1964.

информации, полученные в ходе проведения переписи, данные не вполне истинны. В Великобритании всеобщие переписи проводятся каждые десять лет, а выборочные еще чаще. И все же многие люди в официальную статистику не попадают, и, вероятно, их не менее полумиллиона. Это нелегальные иммигранты, бродяги, люди без определенных занятий, все те, кто по той или иной причине желают избежать регистрации.

В странах третьего мира, особенно там, где темпы роста населения высоки, демографическая статистика еще более отрывочна и ненадежна. Так, демографы подсчитали, что в Индии количество официально зарегистрированных рождений и смертей составляет примерно 3/4 от реальных показателей, а в Центральной Африке официальная статистика еще менее точна[3)].

Правительства этих стран испытывают большие сложности с получением точной картины населения; многие жители сами не знают своих персональных данных, той информации, которой владеет каждый в индустриальных странах. Все мы знаем дату своего рождения и, следовательно, свой возраст, но это не было обычным явлением до ликвидации безграмотности; и сегодня в странах третьего мира многие не знают, сколько им лет. В традиционных обществах «возраст» зачастую измеряется не по годам, а в зависимости от жизненного опыта и обстоятельств: о человеке говорят, что он «молодой человек», или «женат и имеет маленьких детей», или «дедушка», а не что ему 21 год, 30 лет или 60.

Основные демографические понятия

Наиболее важными понятиями демографии являются , *фертильность*, *биологическая плодовитость* и *общий уровень смертности*. обычно выражают как число новорожденных на 1000 человек в год. Уровень называют *общим* потому, что этот показатель носит общий характер и не дает, например, информации о половом составе населения или о его *возрастной структуре* (о доле молодых людей и людей старшего возраста). Если статистические данные рождаемости или смертности относятся к определенным группам населения, то демографы говорят о *специальном* уровне, а не об общем. Так, возрастные уровни смертности означают смертность в каждой возрастной группе в год.

Для детального изучения структуры и тенденций изменения населения обычно требуется информация, которую можно получить, используя специальные коэффициенты рождаемости. Что касается общих уровней, то они оказываются полезны при сравнительных исследованиях различных обществ и регионов в целом. Так, в Британии в 1985 году составил 13,1 рождений на 1000 жителей. В других индустриальных странах он варьировался от низшего уровня, 10 на 1000 (Западная Германия и Дания), до самого высокого, 20 на 1000 (СССР, Польша, Ирландия). Во многих других регионах мира значительно выше. Так, в Индии в том же году он составил 33 на 1000, а в Кении 54 на 1000.

Уровни рождаемости отражают **фертильность** женщин. Понятие «фертильность» обозначает количество рожденных живыми детей, которое может иметь среднестатистическая женщина. Фертильность определяется путем довольно сложного подсчета. Это количество детей, которое могла бы родить среднестатистическая женщина в данном обществе при условии, что она доживает до конца своего репродуктивного периода и рожает детей с такой же продуктивностью, что и в среднем женщины, находящиеся в той же возрастной группе. Коэффициент фертильности

[3)] *Cox Peter R.* Demography. Cambridge, 1976.

в Великобритании в 1985 году составил 1,8, что типично для индустриальных стран в целом. Если взять для сравнения ту же Индию и Кению, то там этот коэффициент равнялся соответственно 4,5 и 7,8. Нужно учесть, что эти показатели средние, и в действительности в этих странах имеется много семей, где детей значительно больше, несмотря на то, что выживает отнюдь не каждый рожденный ребенок.

Фертильность следует отличать от понятия **биологической плодовитости**, означающего количество детей, которое женщина *способна* иметь биологически. Нормальная женщина может рожать ребенка каждый год на протяжении всего периода, в течение которого она способна к зачатию. Вариации биологической плодовитости зависят от возраста созревания и менопаузы (у женщин разных стран, также как и среди разных женщин, они различны). В то время как имеются семьи, где женщины рождают по 20 детей и даже более, однако в реальности коэффициент фактической плодовитости всегда ниже биологической, так как социальные и культурные факторы ограничивают размножение.

Общий уровень смертности подсчитывается так же, как уровень рождаемости, т.е. количество смертей на 1000 человек в год. И здесь наблюдаются различия между странами, однако во многих странах третьего мира этот показатель упал до уровня, сравнимого с западом. Так, в Великобритании уровень смертности в 1985 году составил 12 на 1000. Таким же он был в Индии, а в Кении — 13 на 1000. Существует лишь немного стран, в которых эти показатели существенно выше. К ним относится, например, Сьерра Леоне, где уровень смертности — 25 на 1000. Так же как и , общий уровень смертности дает лишь очень общую картину, более точную информацию содержат специальные уровни смертности. Важнейшим аспектом показателей смертности в целом является **уровень младенческой смертности**. Уровень младенческой смертности — это количество младенцев, умерших до достижения годовалого возраста, на каждую тысячу рожденных живыми в год. Одной из причин демографического взрыва было снижение уровня младенческой смертности.

Снижение уровня младенческой смертности является важнейшим фактором, влияющим на показатель **средней продолжительности жизни**, т.е. количество лет, которое проживает средний человек. В 1900 году средняя продолжительность жизни в Британии была примерно сорок лет. Сегодня она возросла почти до 74 (72 у мужчин и 77 у женщин). Это, однако, не означает, что в начале века большинство людей, достигнув сорока лет, немедленно умирали. Там, где умирает большее количество новорожденных, средняя продолжительность жизни, являющаяся, конечно же, статистическим средним, снижается. Если подсчитывать среднюю продолжительность жизни только тех людей, которые благополучно пережили годовалый период, то средний человек в 1900 году мог рассчитывать на 58 лет. Другими факторами, влияющими на продолжительность жизни, являются заболевания, плохое питание и стихийные бедствия. Среднюю продолжительность жизни следует отличать от **максимальной продолжительности**, то есть максимально возможного количества лет, которое может прожить представитель данного вида. Если средняя продолжительность жизни в большинстве обществ возросла, то максимальная осталась без изменений. Сегодня до 100 и более лет по-прежнему доживает очень незначительная часть людей.

Динамика изменения народонаселения

Темпы роста или сокращения численности населения измеряются путем вычитания количества смертей из количества рождений, эти коэффициенты вычисляются обычно за год. В некоторых европейских странах прирост населения отрицательный,

т. е. население уменьшается, и практически во всех индустриальных странах он ниже 0,7%. В XVIII и XIX веках коэффициент прироста населения был высок в Европе и Соединенных Штатах, но сейчас он сравнялся с другими странами. В большинстве стран третьего мира коэффициент прироста составляет от 2 до 3%. На первый взгляд, разница по сравнению с индустриальными странами несущественна, однако фактически она огромна. Прирост населения является степенным, т. е. он идет с ускорением. Есть древний персидский миф, который помогает понять, о чем в данном случае идет речь. Один придворный попросил правителя, чтобы тот, награждая его за услуги, удваивал каждый раз количество зерен риса. Король положил зернышко на первую клетку шахматной доски и с легким сердцем приказал открыть кладовые. К двадцать первой клетке кладовая была пуста, а к сороковой потребовалось 10 миллиардов зерен[4]. Иными словами, если начать с единицы, затем ее удваивать, потом удвоить этот результат и так далее, то можно быстро прийти к огромным цифрам: 1; 2; 4; 8; 16; 32; 64; 128 и т. д. Через семь операций произошло увеличение в 128 раз. По такому же принципу растет и население. Данный эффект характеризуется «временем удвоения», то есть периодом времени, необходимым для удвоения численности населения. При одном проценте роста населения в год удвоение происходит через 70 лет, при 2% — через 35 лет, а при 3% — через 23 года.

Мальтузианство

Для того чтобы предугадать тенденции будущего развития и, по возможности, повлиять на них, было предпринято много попыток осмысления как демографических процессов, происходящих в мире, так и изменений внутри обществ. Одной из первых была теория Томаса Мальтуса, разработанная им около двух столетий назад. По стандартам современного индустриального мира в древних обществах уровни рождаемости были очень высоки. Однако вплоть до XVIII века прирост населения оставался низким, поскольку количество рождений компенсировалось количеством смертей. Общая тенденция рождаемости была восходящей, иногда наступали периоды заметного роста населения, но они сменялись периодами увеличения смертности. В средневековой Европе, например, в неурожайные годы свадьбы, как правило, откладывались, число зачатий падало, а число смертей увеличивалось. В результате число ртов, которые надо было кормить, сокращалось. Ни одно «доиндустриальное» общество не избежало подобной саморегуляции[5].

С началом промышленного развития многие ожидали, что придет новая эра, в которой нищета и нужда станут явлениями прошлого. Предполагалось, что развитие современной индустрии увенчается эрой изобилия. В своей работе «Опыт о законе народонаселения», опубликованной в 1798 году, Томас Мальтус выступил с критикой подобных взглядов; тем самым он положил начало дискуссиям о связях между населением и продовольственными ресурсами. Эти дискуссии не прекращаются и по сей день. Книга Мальтуса вышла в то время, когда население Европы росло очень быстро. Мальтус показал, что в то время как население растет по экспоненциальному закону, производство продовольствия фиксировано и зависит от ресурсов, которые могут быть увеличены только путем обработки новых земель. Таким образом, рост населения опережает производство средств поддержания жизни, неизбежным результатом этого является голод, который, наряду с войнами и эпидемиями, становится естественным ограничителем роста населения. Голод и нищета — неизбежный удел

[4] *Meadows Donnella H.* et al. The Limits to Growth. New York, 1972.

[5] *Wrigley E. A.* Population and History. London, 1969.

человечества до тех пор, пока оно не приучит себя к «моральному обузданию», под которым Мальтус подразумевал строжайшее ограничение половых отношений (использование контрацептивов Мальтус считал «порочным»).

В течение некоторого времени **мальтузианство** отвергалось, поскольку тенденции изменения народонаселения в западных странах были совершенно иными, чем он предсказывал. Действительно, в XIX–XX веках коэффициенты роста населения снизились, а в 1930-х годах возникли опасения по поводу уменьшения населения индустриальных стран. В то время некоторые эксперты предсказывали, что население Великобритании в течение 50 лет может сократиться до 35 миллионов человек[6].

Резкое повышение темпов роста населения в нынешнем веке снова возродило интерес к идеям Мальтуса, хотя сейчас мало кто согласен с их первоначальной формулировкой. Рост населения в странах третьего мира, по-видимому, действительно превосходит ресурсы этих стран.

Рост населения в третьем мире

Фактически во всех современных индустриальных странах уровни рождаемости и смертности сегодня низки в сравнении с теми, которые наблюдались на протяжении истории этих государств, а также по сравнению со странами третьего мира. В большинстве стран третьего мира уровень смертности существенно снизился, но уровень рождаемости остается по-прежнему высоким. Из-за достаточно быстрого внедрения современной медицины и гигиены в странах третьего мира демографические изменения, которые заняли на Западе более 200 лет, в этих странах совершились менее чем за полстолетия.

Рост населения в Азии, Африке и Латинской Америке серьезно ограничивает возможности экономического развития этих регионов. При нулевом росте населения (как в большинстве западных стран) для того, чтобы увеличить на 1% доход на душу населения, требуется инвестировать от 3 до 5% национального дохода. Там, где население увеличивается на 3% в год, для обеспечения такого же роста жизненного уровня необходимо инвестировать около 20% национального дохода. Поскольку регионы, в которых идет бурный рост населения, относятся к беднейшим в мире, подобные инвестиции им не под силу, и потому эти страны отстают от индустриальных все дальше и дальше (см. главу 16, «Глобализация социальной жизни»).

Резкое снижение смертности в сочетании с почти неизменным уровнем плодовитости привело к тому, что в странах третьего мира наблюдается совершенно иная возрастная структура, чем в индустриальных странах. Так, в Мексике 45% населения составляют дети моложе 15 лет. Для сравнения, в индустриальных странах к этой возрастной группе относится лишь около четверти населения. «Удлиненная возрастная пирамида» усугубляет и без того тяжелое социально-экономическое положение стран третьего мира. Молодежь нуждается в поддержке и образовании, в этот период она экономически непродуктивна. В развивающихся странах многие дети, как правило, либо заняты на постоянной работе, либо живут на улице и перебиваются подаянием. Когда же они взрослеют, большинство из них оказывается либо без работы, либо без дома, либо без того и другого[7].

Даже если уровень рождаемости вдруг упадет, население с высокой долей молодежи будет продолжать расти. Даже если фактическая продуктивность снизится

---

[6] *Simon Julian L.* The Ultimate Resource. Princeton, 1981.

[7] *Davis Kingsley.* The worlds population Crisis. In: *Robert K. Merton* and *Robert Nisbet*. Contemporary Social Problems. New York, 1976; *Ennew Judith*. The Sexual Exploitation of Children. Cambridge, 1986.

до уровня простого воспроизводства — одно рождение на каждого из живущих, — рост населения прекратится только через 75 лет[8].

Демографический переход

Начиная с XIX века для описания динамики соотношения рождаемости и смертности в индустриальных странах ученые используют термин **демографический переход**. Уоррен С. Томпсон впервые использовал этот термин для описания состоящего из трех стадий процесса, при котором один тип популяционной стабильности заменяется другим[9].

Первая стадия этого процесса характерна для большинства традиционных обществ, в которых одинаково высоки уровни рождаемости и смертности, и особенно велик уровень младенческой смертности. В подобном случае население практически не растет, т. к. количество рождений уравновешивается количеством смертей. Вторая стадия, в которую Европа и Соединенные Штаты вступили в начале XIX века (проявлявшаяся по-разному в разных регионах) характеризуется снижением уровня смертности при сохранении высокой фертильности. Таким образом, это фаза четко выраженного роста населения. Затем наступает третья стадия, когда с развитием индустриализации уровень рождаемости падает до такого уровня, что рост населения снова становится достаточно стабильным.

Демографы не пришли к общему мнению, каким образом интерпретировать данную последовательность и как долго может длиться третья стадия. На протяжении последних ста лет фертильность в западных странах не была совершенно стабильной. Кроме того, она также варьируется в зависимости от нации, а также от классов и регионов внутри наций. Тем не менее, общепризнанно, что последовательность указанных стадий точно отражает принципиальную трансформацию демографических характеристик современных обществ.

Вероятные перспективы стран третьего мира

Повторится ли демографический переход в третьем мире? Ясного ответа на этот вопрос пока нет. Во многих развивающихся странах рождаемость остается высокой, поскольку сохраняются традиционные взгляды на размеры семьи. Большие семьи приветствуются в первую очередь как источник рабочей силы. Некоторые влиятельные религии этих стран либо осуждают контроль над рождаемостью, либо поощряют желание иметь много детей. Контрацепция подвергается осуждению исламскими лидерами некоторых стран, а также католической церковью, чей авторитет велик в Латинской Америке. Даже политики не торопятся влиять на снижение рождаемости в своих странах. Так, в 1974 году в Аргентине были запрещены противозачаточные средства. Запрет был частью программы скорейшего увеличения в два раза населения страны, необходимого, как считалось, для укрепления ее военной и экономической мощи.

И все-таки появились основания думать, что феноменальные темпы роста населения последних десятилетий начинают замедляться. По крайней мере в нескольких крупнейших странах третьего мира уровень рождаемости снизился. Примером может служить Китай, население которого насчитывает сейчас около миллиарда человек, это почти пятая часть мирового населения. Китайское правительство приняло одну из самых продуманных в мире программ контроля за рождаемостью. Ее целью была

[8] *Duncan Otis Dudley.* Observations on population // New Physician, 20 April. 1971.

[9] *Thompson Warren S.* Population // American Journal of Sociology, 34. 1929.

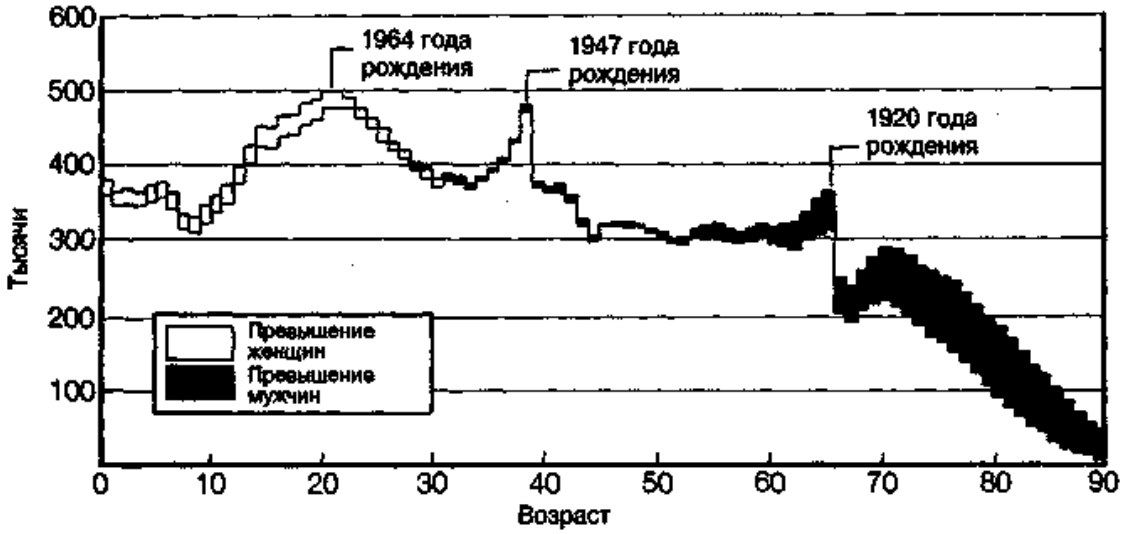


Рис. 19. Распределение населения Британии по возрасту и полу в 1985 году. Источник: Social Trends. London, 1987. P. 35

стабилизация численности населения страны на фиксированном уровне. Согласно политике правительства, каждая пара может иметь не более *одного* ребенка. Для поощрения таких семей разработана система льгот (лучшее обеспечение жилплощадью, бесплатное образование и медицинское обслуживание). В свою очередь, для семей, имеющих более одного ребенка, предусмотрены различные ограничительные меры (так, когда в семье появляется третий ребенок, родителям снижают зарплату).

Очевидно, что эта политика дала значительный эффект, несмотря на то, что она встретилась с нежеланием людей признавать «родителей и одного ребенка» как «семью»[10]. Однако для внедрения подобной программы необходим высокий уровень централизации власти, который в большинстве развивающихся стран либо недостижим, либо неприемлем. В Индии, например, пытались внедрить множество разного рода схем — от планирования семьи до применения контрацептивов — однако почти безуспешно. В 1985 году население Индии составляло 765 миллионов человек. Среднегодовой рост с 1975 по 1985 год равен 2,3%. Предполагается, что за два десятилетия (с 1980 по 2000) он снизится до 1,8%. Однако даже если коэффициент прироста действительно будет уменьшаться, численность населения все-таки будет расти; в 2000 году в стране будет жить около 1 миллиарда человек.

Технологический прогресс непредсказуем, и никто не может утверждать с полной уверенностью, какое население Земля способна содержать. Однако даже при современном уровне населения глобальных ресурсов явно недостаточно для того, чтобы создать в странах третьего мира уровень жизни, сравнимый с индустриальными странами. Запад потребляет неизмеримо больше энергии, сырья и других благ, чем любой другой регион мира. Этот уровень потребления отчасти поддерживается за счет ресурсов, привлекаемых из третьего мира. В Соединенных Штатах на душу населения расходуется в 32 раза больше энергии, чем в средней африканской стране. До тех пор, пока в мировой структуре энергопотребления не произойдет принципиальных изменений, таких как крупномасштабное использование солнечной энергии или энергии ветра, не представляется возможным распространить такой же уровень обеспечения энергией каждого живущего на планете. Известные на сегодня ресурсы не позволяют это сделать.

[10] *Mirsky Jonathan.* China and the one child family // New Society, 59, 18 February. 1982.

Население Великобритании

В последние годы население Великобритании постепенно увеличивается. С 1981 по 1986 год оно возросло на 441 100 и составило 50 075 400 человек, хотя в 1981–1982 наблюдалось сокращение на 32 000; с 1985 по 2001 год также ожидается рост. Однако одно из самых важных изменений в этом веке касается возрастной структуры населения. Число лиц старше 65 лет относительно уровня 1901 года увеличилось более чем в три раза: тогда их было менее 6%, сейчас 18%.

Другим важным изменением по сравнению с началом века явилось снижение фертильности. Однако надо заменить, что в течение этого периода наблюдались колебания. После Второй мировой войны рождаемость резко возросла, наступил так называемый «беби-бум». В то время как в начале 1930-х уровень рождаемости был 17 на 1000, в конце 1950-х он вырос до 22 на 1000. «Беби-бум» не есть следствие тенденции к образованию больших семей — доля семей с тремя и более детьми увеличилась незначительно. Он объясняется заметным снижением доли бездетных семей и семей с одним ребенком.

Для демографов полной неожиданностью был и «беби-бум», и возврат к низкой продуктивности в начале 1970-х. И все же, несмотря на такой поворот, в целом население страны продолжает расти. Выражаясь опять-таки образно, можно сказать, что «беби-бум» породил «горб» на кривой возрастного распределения населения. Сейчас поколение «беби-бума» выросло и обзавелось собственными детьми. Вследствие того, что доля людей детородного возраста в течение следующих двадцати лет останется высокой, уровень рождаемости будет выше, чем смертности.

Если прежний низкий уровень продуктивности сохранится, то по мере старения поколения «беби-бума» в стране возникнет ситуация нулевого роста населения. Многие демографы предполагают, что к концу 1980-х нулевой рост населения будет наблюдаться в 40 странах. В таком случае доля пожилых людей в этих странах будет еще большей, чем сейчас. Поскольку, однако, в прошлом прогнозы демографов, особенно краткосрочные, не отличались особой точностью, такая модель развития не обязательно является неизбежной.

Последствия «беби-бума» дают представление о том, какое влияние колебания рождаемости оказывают на социальные институты. В первые годы для этого поколения потребовалось увеличение количества детских врачей, производства детских товаров и расширение системы социального обеспечения. Затем понадобилось увеличение персонала и количества школ, которые не были готовы к такому наплыву. Теперь они вышли на рынок труда, усиливая проблемы трудоустройства.

Когда это поколение достигнет пенсионного возраста, особая нагрузка ляжет на систему социального обеспечения и медицинских услуг для пожилых. Так как на смену «беби-буму» пришла эпоха «беби-ноль» 1970-х годов, последующее поколение будет по численности значительно меньше. Это приведет к необходимости перестройки системы образования, в частности, уменьшатся потребности в учителях начальной школы, со временем возникнут и другие дисбалансы.

Здоровье и болезнь

Проблемы народонаселения тесно связаны с проблемами здоровья и болезни. Сколько рождается детей, какая доля из них выживает, какова средняя продолжительность жизни, каковы наиболее распространенные причины смерти — все это связано с состоянием здоровья. В свою очередь, социальные факторы также влияют на

здоровье и болезнь. Они определяют не просто ожидаемую продолжительность жизни, но и шансы индивида столкнуться с серьезным заболеванием, а также виды получаемой им медицинской помощи.

Лечение заболеваний в прошлом

Понятия физического здоровья и болезни имеются во всех культурах, однако то, что мы сейчас называем *медициной*, связано с развитием западных обществ в течение последних двух–трех веков. До этого семья или клан родственников являлись основным институтом, где происходила борьба с болезнями и недугами. Во все времена были люди, которые специализировались в «целительстве», используя смесь терапевтических и магических средств; многие методы исцеления, существовавшие в традиционных обществах, сохранились в незападных культурах до сих пор. Так, более 2000 лет в Индии практикуется аюрведическая медицина, основанная на теории равновесия психической и физической природы человека, дисбаланс которой лечится лекарственными травами и диетой. Китайская народная медицина также исходит из концепции гармонии человеческой личности, используя травы и другие средства, а также иглоукалывание.

В традиционных культурах болезнь обычно рассматривалась как часть общего психологического и социального состояния человека, подобные взгляды существовали до XVIII века и в Европе. Большинство школ европейской медицины берет свое начало в системах лечения античной Греции, где болезнь объяснялась общим психическим и физическим состоянием человека[11]. Врачевание в это время не считалось особой «профессией», врачей обычно нанимали для лечения аристократии и дворян. Как было отмечено в главе 5, «Конформность и девиантное поведение», больницы в их современном смысле и в достаточном количестве появились лишь в XIX веке. До того времени, а в некоторых местах и гораздо позже, лечение проводилось с помощью народных средств, магии и молитвы.

Развитие современной медицины

Современная медицина предложила новый взгляд на болезнь, в соответствии с которым причины болезни имеют физическую природу и поддаются научному объяснению. Научный подход при определении диагноза и выборе метода лечения является важнейшей особенностью современного здравоохранения. Среди других важных черт можно назвать возникновение больниц — специальных учреждений, в стенах которых проводится анализ и лечение серьезных заболеваний, а также превращение медицины в профессию, объединяющую людей, ей занимающихся, в группу, придерживающуюся определенного этического кодекса и обладающую существенным социальным влиянием. Эти три аспекта медицины тесно связаны друг с другом. Научный подход к болезни потребовал длительной систематической медицинской подготовки, деятельность лекарей-самоучек исключалась. Хотя профессиональная медицинская практика не ограничивалась только больницами, однако именно они являли собой ту среду, в которой врачи впервые в истории могли одновременно обследовать и лечить большое количество пациентов в условиях концентрации медицинской технологии.

---

[11] *Patrik Donald L.* and *Scambler Graham* (eds). Sociology as applied to medicine. New York, 1982; *Porter Roy*. Patients and Practitioners: Lay Perceptions of Medicine in Pre-Industrial Society. Cambridge, 1986.

В эпоху средневековья самыми опасными были заболевания инфекционного характера: туберкулез, холера, малярия и чума. В 1348 году, во время эпидемии «черной смерти», чумы, разносимой блохами, паразитирующими на черных крысах, погибла четверть населения Англии, опустели многие области континентальной Европы. Сегодня в развитых странах инфекционные болезни редко являются причиной смерти, а некоторые из них практически побеждены и в других регионах мира. Наиболее частыми причинами смерти в индустриальном мире являются сердечно-сосудистые заболевания и рак. И если в прошлом наиболее высоким был уровень смертности у детей и новорожденных, то теперь этот уровень увеличивается по мере старения.

Несмотря на то, что медицина завоевала громадный авторитет, развитие здравоохранения лишь в малой степени объясняет снижение уровня смертности в XIX веке. Решающими факторами были улучшение санитарных условий, гигиены, изменение питания, совершенствование системы канализации. Их воздействие сказалось на снижении уровня младенческой и детской смертности. Новые лекарства, антибиотики, прогресс хирургии в целом не отражались на показателях смертности почти до середины нынешнего века. Антибиотики стали использоваться для лечения инфекций лишь в 1930–40-х годах, а прививки от болезней, например, от полиомиелита, появились еще позднее.

Третий мир

Колониализм и распространение болезней

В колониальную эпоху вслед за экспансией Запада по миру распространялись и его болезни, прежде в других частях света неизвестные. Оспа, корь и сыпной тиф не были известны коренному населению Центральной и Южной Америки до испанского нашествия. В Северную Америку их принесли английские и французские колонисты. Некоторые из этих болезней вызвали эпидемии, которые уничтожили огромные массы местного населения, так как оно не обладало достаточной сопротивляемостью к таким болезням. Есть серьезные основания думать, что племена охотников и собирателей обеих Америк не были так подвержены инфекционным заболеваниям, как европейские общества того периода. Многие возбудители инфекций развиваются лишь при плотности населения большей, чем та, которая была в обществах охотников и собирателей. Оседлые сообщества подвергаются риску заражения воды отходами их жизнедеятельности, в то время как кочующим племенам удается этого избежать.

Исследования показывают, что, несмотря на крайне низкий технологический уровень, рацион питания охотников и собирателей в благоприятной окружающей среде превосходил питание жителей более крупных сообществ. Питание, опирающееся на злаки (что было связано с появлением закрепленных участков земли) снижало качество и разнообразие рациона по сравнению с питанием охотников и собирателей.

В Африке и субтропических частях Азии инфекционные заболевания были распространены издавна. Условия тропиков и субтропиков оказались особенно благоприятны для малярии, которую распространяют комары, и сонной болезни, переносчиком которой является муха цеце. Однако до прихода европейцев инфекционные заболевания были, по всей видимости, не столь опасны. Угроза эпидемий, засухи и других стихийных бедствий существовала всегда, однако колониализм вызвал существенные изменения во взаимоотношениях человека со средой его обитания, что пагубно сказалось на здоровье населения. Европейцы принесли

новые способы хозяйствования, разрушив при этом экологию целых регионов. Так, громадные пространства Восточной Африки стали непригодны для скотоводства из-за распространения мухи цеце. До прихода европейцев африканцы весьма успешно пасли там громадные стада.

Самым ощутимым следствием колониальной системы было ее влияние на структуру питания (и, следовательно, на уровень сопротивляемости к заболеваниям) в результате вовлечения в производство для мирового рынка. После того, как производство экспортных культур возобладало, качество рациона в некоторых районах Африки понизилось[12].

Этот процесс, однако, не был односторонним. С развитием колониализма резко изменилась и западная диета, причем влияние этих перемен на здоровье оказалось противоречивым. С одной стороны, западные диеты улучшились, поскольку к ним добавились ранее неизвестные продукты, такие, как бананы, ананасы, грейпфруты и др. С другой стороны, ввоз табака, кофе и сахара-сырца, который сейчас используется для приготовления почти любой пищи, привел к серьезным последствиям. Высокое содержание сахара в западных рационах, а также распространение курения способствуют предрасположенности к раку и сердечно-сосудистым заболеваниям.

Инфекционные болезни сегодня

Несмотря на то, что в странах третьего мира удалось добиться значительных успехов в борьбе против инфекционных заболеваний, а некоторые из них совершенно искоренены, эти заболевания распространены там гораздо шире, чем на Западе. Примером почти полностью искорененной болезни является оспа, бывшая некогда бичом Европы и других районов мира. Кампания против малярии оказалась гораздо менее успешной. Когда началось производство инсектицида ДДТ, появилась надежда, что с его помощью удастся уничтожить основного носителя малярии — москитов, и вначале действительно был достигнут значительный прогресс; однако потом он замедлился, поскольку некоторые популяции москитов выработали устойчивость к препарату.

В большинстве стран третьего мира по-прежнему отсутствуют элементарные атрибуты современной медицины. Больницы и квалифицированный персонал есть, как правило, только в городах, а их услугами пользуется в основном богатое меньшинство. В большей части стран третьего мира существуют правительственные организации, подобные Национальной службе здравоохранения, но предоставляемые ими услуги ограничены. Богатые обращаются к частным врачам, а если требуется более сложное лечение, едут на Запад. Во многих городах, особенно застроенных лачугами, борьба с инфекционными заболеваниями затрудняется условиями жизни, поскольку во многих районах трущоб такие услуги, как водопровод, канализация и уборка, отсутствуют практически полностью.

Исследования Всемирной организации здравоохранения показывают, что более двух третей городских жителей в странах третьего мира пользуются водой из источников, не отвечающих минимальным санитарным требованиям. Подсчитано, что 17 из 25 основных «водных» заболеваний, распространенных в этих странах, удалось бы сократить наполовину, или даже полностью искоренить, только за счет простого обеспечения населения чистой водой[13]. Лишь четверть горожан имеет

[12] *Hughes C. C.* and *Hunter J. M.* Disease and development in Africa. In: *H. P. Dreitzel* (ed.). The Social Organisation of Health. New York, 1971.

[13] *Doyal Lesley* and *Pennell Imogen*. The Political Economy of Health. London, 1979.

водную канализацию, а 30% не имеет вообще никаких санитарных услуг. Подобные условия предоставляют исключительно питательную почву для таких заболеваний, как холера[14].

Здоровье и болезнь в развитых странах

Структура и основные типы болезней

В индустриальных странах наблюдаются поразительные различия в распределении основных заболеваний. Около 70% случаев смерти в западном мире связано с четырьмя болезнями. Это — рак, сердечно-сосудистые заболевания, инсульты и легочные заболевания. Достигнут определенный прогресс в понимании причин этих болезней, в отдельных случаях на болезнь удается влиять, но до сих пор ни одно из этих заболеваний не поддается эффективному лечению. Поскольку эти заболевания по-разному распространены в зависимости от страны, региона и класса, то, по-видимому, это связано с особенностями питания и образа жизни. Люди, занимающие высокое социально-экономическое положение, в среднем здоровее, выше ростом, сильнее и дольше живут, чем те, кто находится ниже на социальной шкале. Более всего эта разница проявляется в показателях детской и младенческой смертности, однако представители низшего сословия *в любом возрасте* подвержены большему риску умереть, чем состоятельные люди (см. рис.).

Почему это происходит? Люди из богатых слоев общества, как правило, лучше питаются, им доступно лучшее медицинское обслуживание, и они пользуются им более регулярно. Условия труда также оказывают прямое влияние на предрасположенность к заболеваниям и вероятность смерти. Тем, кто работает в офисах или дома, удается избежать различных потенциально опасных воздействий. Что касается распространения профессиональных заболеваний, сложно оценить точно их масштабы, поскольку не всегда можно определить, вызвана ли болезнь условиями труда или другими причинами. Однако есть производственные болезни, которые описаны полно: например, легочные, распространенные среди шахтеров и связанные с высоким уровнем запыленности. Работы, связанные с асбестом, повышают риск заболевания некоторыми видами рака.

Общепризнанно, что предрасположенность к сердечным болезням повышается при высоком содержании животных жиров в рационе, недостатке физических упражнений и курении. Свидетельства такого рода в основном косвенные, они связаны с наличием корреляций между уровнем сердечных заболеваний и различными гастрономическими пристрастиями, а также с занятием физическими упражнениями. Двадцать лет назад в Соединенных Штатах был самый высокий в мире уровень сердечно-сосудистых заболеваний, но за последние два десятилетия этот уровень упал. По-видимому, это явилось результатом изменений в структуре питания, роста популярности физической культуры, а также совершенствования средств оказания скорой помощи людям, пострадавшим от сердечного приступа.

В Великобритании показатели смертности от сердечных заболеваний по-прежнему высоки, и снижения не наблюдается. Однако кампании против курения имели некоторый успех после появления в 1960-х годах первых сообщений о том, что курение тесно связано с раком. Число курильщиков среди мужского населения упало с 50 до 30%. К сожалению, доля молодых курильщиков практически не изменилась,

[14] Lancet. Word Health Losing Ground // The Lancet, 18 May. 1974; *Dwyer D. J.* People and Housing in Third World Cities. London, 1975.

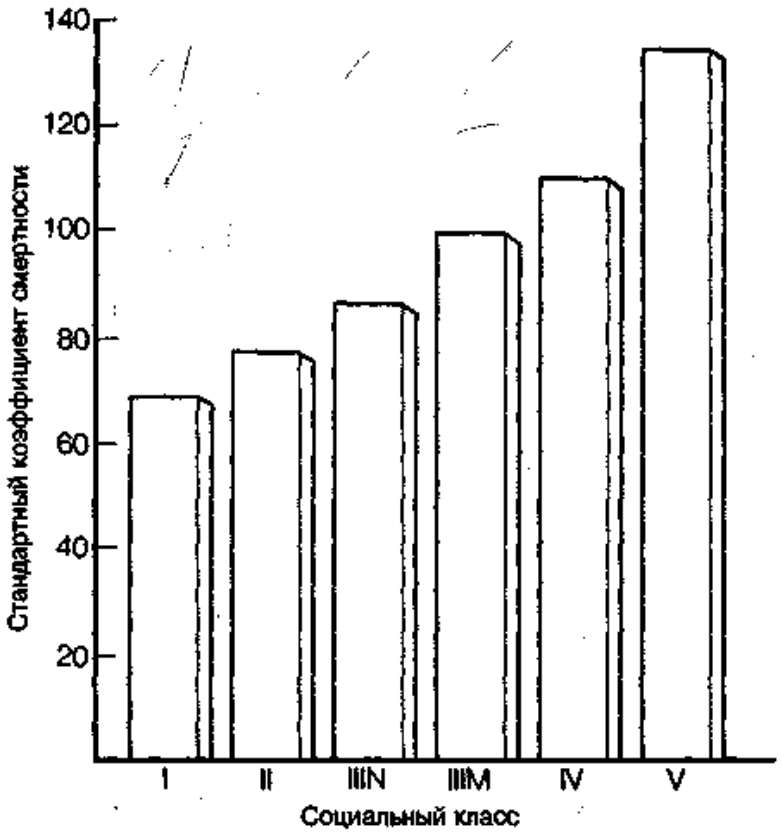


Рис. 20. Уровень смертности среди замужних женщин в Великобритании в возрасте от 20 до 59 лет, мужья которых принадлежат к разным социальным классам. Данные 1979–1980 и 1982–1983 годов. Стандартный коэффициент смертности (СКС) — это уровень смертности в данном социальном слое по сравнению со средним уровнем по всему населению и с учетом возрастных групп. СКС для группы всех мужчин и женщин составляет 100, СКС меньше 100 свидетельствует о смертности ниже средней; больше 100 — о смертности выше средней. Смертность среди всех возрастных групп неквалифицированных рабочих выше, чем у квалифицированных специалистов, по крайней мере в два раза. Социальный класс I — состоятельные люди, а класс V — самые бедные.
Источник: *B. D. Cox* et al. The Health and Lifestyle Survey. London, 1986

а регулярно курящих женщин стало даже больше. По сравнению с другими странами Запада, Британия является самой курящей страной. Предполагается, что если бы мир совершенно перестал курить, смертность от рака снизилась бы на 20%.

Здравоохранение в Великобритании

Системы здравоохранения, распространенные в индустриальном мире, весьма разнообразны. Например, в Советском Союзе и странах Восточной Европы очень развито **государственное здравоохранение**. Большая часть медицинских услуг оказывается бесплатно, хотя имеющихся мощностей не хватает, и для получения многих видов лечения необходимо ждать в очереди. Государственная медицинская служба имеется в принципе практически во всех развитых странах, за исключением Соединенных Штатов. Так, в 1948 году в Великобритании была основана Национальная служба здравоохранения (НСЗ), главный принцип деятельности которой состоит в том, что доступ к медицинской помощи должен зависеть от потребности в ней, а не от платежеспособности[15].

[15] *Eckstein H.* The English Health Service. Cambridge, 1958.

Финансирование НСЗ осуществляется государством за счет средств, собираемых как часть налогов. Посещение врача общей практики и стационарное лечение бесплатно для всех. Лекарства, выдаваемые по рецепту, вначале были бесплатными, но впоследствии правительство ввело систему частичной оплаты. Под давлением медиков (и по другим соображениям) при учреждении Службы было решено наряду с государственной системой медицинских услуг сохранить и **частное здравоохранение**. Большинство врачей общей практики работают исключительно в НСЗ, тогда как значительная часть узких специалистов имеет и частную практику. Существуют также частные больницы, где работает персонал, занятый исключительно в частном секторе. Однако сфера частной медицины охватывает незначительное меньшинство населения.

Врачи общей практики выполняют роль основного фильтра на пути пациентов к специализированным медицинским услугам. Средний гражданин Великобритании бывает у врача общей практики примерно 4 раза в год[16]. Такой врач способен лечить около 90% болезней; ему отводится список «зарегистрированных» за ним пациентов (вплоть до максимума, установленного Службой). Пациенты, посещающие врача общей практики, не имеют права обращаться к специалисту без его заключения. В связи с тем, что специалисты не могут рекламировать свои услуги, даже платную консультацию частного специалиста без одобрения врача общей практики получить непросто.

Среди упреков в адрес Национальной службы здравоохранения часто фигурирует то, что для получения консультации специалиста и последующего лечения приходится подолгу ждать очереди. Однако исследование состояния системы здравоохранения, проведенное специальной королевской комиссией, показало, что этот упрек в общем необоснован. 26% пациентов попадали на прием в течение семи дней, а 60% не позднее, чем через 3 недели[17]. Однако с тех пор прошло уже немало времени, и сроки существенно увеличились. Более того, Национальная служба неоднократно демонстрировала свою слабую восприимчивость к пожеланиям клиентов, ведь если пациент не имеет возможности выбрать и купить то, что ему нравится, он не может рассчитывать и на то, что возможные претензии к качеству полученных им услуг возымеют действие.

Здравоохранение в Соединенных Штатах

В Соединенных Штатах на медицину расходуется больше средств, чем в любой другой стране. Американская система здравоохранения существует в основном за счет частного страхования, а также государственной поддержки престарелых и бедных, и является одной из самых неоднородных в мире. Так, больницы в Америке могут принадлежать федеральному правительству или правительству штата, городским властям или властям графства, частным организациям или общественным некоммерческим объединениям. Врачей общей практики в Соединенных Штатах гораздо меньше, чем в Британии. Нуждающиеся в медицинской помощи обычно обращаются прямо к специалистам. На больничные счета в США приходится большая доля медицинских расходов, чем в Британии и в большинстве западных стран.

Американская система здравоохранения заметно изменилась за последние двадцать лет. В 1968 году Томас Ф. Фрист, врач из Нэшвилла, и Джек К. Мэсси, бизнесмен, основавший в Америке сеть ресторанов «Цыпленок по-кентуккийски»,

[16] *Klein R.* The Politics of National Health Service. London, 1983.

[17] Royal Commission on National Health Service. Report. London, 1979.

организовали первую сеть чисто коммерческих больниц. Клиника Фриста «Парк Вью» капитал для своего развития получила от Американской корпорации больниц, основателями которой стали они же. Впоследствии Корпорация приобрела другие клиники, и сегодня она является крупнейшей медицинской организацией такого типа в стране. До открытия первой клиники Фриста и Мэсси большинство частных медицинских служб были некоммерческими организациями и содержались за счет местных общин либо религиозных организаций. Сегодня коммерческие организации существуют во многих отраслях здравоохранения и включают разнообразные клиники, консультации и специализированные медицинские центры.

Медицина всегда ассоциировалась с отзывчивостью, заботой и благотворительностью. Каким образом на эти идеалы повлияло коммерческое здравоохранение? Разве можно управлять медициной так же, как сетью «фаст-фуд»? Ответу на эти вопросы был посвящен ряд работ, включая серьезное исследование, проведенное Институтом медицины Национальной академии наук[18]. В результате ученые опровергли утверждение, что коммерческие больницы более эффективны и предлагают лучшую цену, чем некоммерческие. В среднем оплата за услуги коммерческих больниц гораздо выше.

Качество медицинского обслуживания сравнивать труднее. По-видимому, возможности коммерческих организаций больше, чем обычных медицинских учреждений, для тех, кто способен заплатить. Однако среди клиентов коммерческих больниц лишь немногие не имеют страховки или живут на пособие, так что фактически роль этих организаций сводится к тому, чтобы свалить основную тяжесть заботы о здоровье нации на другие секторы системы здравоохранения. Их влияние, по-видимому, состоит в повышении общей стоимости медицинских услуг, снижении доли расходов на обучение и исследования; они приводят к «снижению стоимости» за счет экономии на необходимых услугах[19].

Несмотря на богатство страны и огромные суммы, расходуемые на индустрию здоровья, Соединенные Штаты — не самая здоровая страна в мире. Она отстает по общим важнейшим показателям физического благополучия нации: средней продолжительности жизни и уровню детской смертности. Подсчитано, что в США около 20 миллионов людей не имеют медицинской страховки и, следовательно, доступа к медицине.

Логика системы здравоохранения Соединенных Штатов базируется на идее конкуренции, которая удешевит производство, а потребителям даст возможность выбирать. Слабости этой позиции общеизвестны. Во-первых, больной не имеет возможности ходить и выбирать, и чаще всего он не обладает соответствующей квалификацией для этого. Во-вторых, люди, стесненные в средствах, имеют весьма ограниченный доступ к медицинским услугам, обслуживание высокого качества доступно только богатым. В-третьих, население, полностью охваченное медицинским страхованием, лишено стимулов для поиска более дешевого обслуживания. В результате система получается очень дорогой при скромном уровне успехов и серьезных недостатках в медицинском обеспечении населения.

Американский опыт имеет прямое отношение к нынешним дебатам о здравоохранении в Великобритании. За последние десять лет позиции частных медицинских учреждений в Британии заметно укрепились; кроме того, все больше людей

[18] *Krause Elliot A.* Power and Illness: The Political Sociology of Health and Health Care. New York, 1977; *Fein Rashi.* Medical Care, Medical Costs. Cambridge, 1986.

[19] *Waitzkin H.* The Second Sickness: Contradictions of Capitalist Health Care. Chicago, 1986; *Califano Jozeph A.* America's Health Care Revolution: Who lives? Who dies? Who pays? New York, 1986.

Таблица 14. *Доля врачей в структуре населения 22 стран, 1984 год*

Число врачей на 100 000 человек		Число врачей на 100 000 человек	
СССР	357	Франция	172
Италия	294	Великобритания	154
Израиль	270	Япония	128
Венгрия	250	Сингапур	87
Швейцария	244	Багамы	66
Западная Германия	222	Саудовская Аравия	61
Испания	217	Бразилия	59
Швеция	204	Китай	52
США	192	Индия	27
Канада	182	Шри Ланка	14
Австралия	179	Кения	9

Источник: *Leslie Watkins* and *Robert M. Worcester*, Private Opinions Public Polls. London, 1986. P. 123.

рассматривает Национальную службу здравоохранения как неэффективную, бюрократическую и невосприимчивую к нуждам отдельных пациентов. Критики хотят заменить ее на мощную частную систему, подобную американской. Но, как видим, есть основания относиться к подобным предложениям с осторожностью. Оценить сравнительную эффективность различных национальных систем здравоохранения очень трудно, однако факты говорят о том, что демонтаж Службы создаст больше проблем, чем решит, и практически наверняка усугубит существующее неравенство в доступе к медицинскому обслуживанию.

Репродуктивные технологии

К числу наиболее важных явлений, на которые повлияла современная медицина, относится процесс зачатия и вынашивание ребенка. Выделяются четыре типа медицинского вмешательства в эти процессы[20].

1. *Предупреждение беременности.* Уже много лет на Западе широко доступны контрацептивы. Их появление и постоянное совершенствование означают, что возможность иметь детей находится под непосредственным контролем со стороны пары; ранее такой контроль был просто немыслим.

2. *Расширение сферы акушерских услуг на период беременности.* В последние годы появились сложные средства контроля внутриутробного развития ребенка на ранних стадиях, вместе с этим стало возможным и раннее лечение.

3. *Профессиональное руководство родами.* В XX веке прием родов перестал быть уделом семьи, друзей и повивальных бабок и перешел в руки профессиональных врачей.

4. *Влияние на способы зачатия.* Были развиты новые технологии, позволяющие отказаться от зачатия посредством полового акта и преодолевающие бесплодие. В 1930-х годах появилось искусственное оплодотворение, а через 30 лет были открыты лекарства от бесплодия. С их помощью женщины, ранее неспособные зачать, смогли иметь детей. Такие лекарства, однако, иногда приводят к рождению близнецов.

[20] *Stanworth M.* (ed.) Reproductive Technologies. Cambridge, 1987.

Одно из важнейших открытий последнего времени в области **репродуктивных технологий** относится к четвертому типу. Был достигнут прогресс в методах искусственного оплодотворения женской яйцеклетки, в том числе и вне тела, появилась возможность прививать донорскую яйцеклетку или эмбрион (от одной женщины к другой), были открыты способы хранения гамет и эмбрионов при низкой температуре. Однако самым важным методом (в силу его простоты) явилось **суррогатное родительство**. Суть его заключается в том, что женщина соглашается на искусственную имплантацию спермы мужчины из другой супружеской пары и вынашивает ребенка. Когда он рождается, эта супружеская пара его усыновляет.

Одним из последствий возникновения репродуктивных технологий стало то, что роженицы перешли в распоряжение гинекологов и акушеров, большинство из которых — мужчины. До относительно недавнего времени роды обычно происходили дома, и за всеми превратностями беременности и послеродового периода следили повивальные бабки. Сегодня большинство родов происходит в больницах, и гинекология превращается в мужскую профессию.

Появление репродуктивных технологий привело к множеству социальных проблем и противоречий, важность и острота которых углубляются по мере того, как вмешательство в процессы размножения начинает иметь далеко идущие последствия. Один из важнейших вопросов — законодательная неразбериха в определении родительских прав. Кому, например, должны принадлежать права на ребенка, если суррогатная мать, родившая его от чужого мужа и получившая за это деньги, решит вдруг оставить его себе? Этот вопрос бурно дискутируется в судах многих стран, в некоторых из них дело закончилось запретом коммерческого суррогатного материнства.

Здоровье и окружающая среда

Наше здоровье самым тесным образом связано с окружающей средой как локального, так и глобального уровня. Никто точно не знает, в какой степени существующие ныне угрозы нарушения глобальных экосистем связаны с состоянием здоровья и особенностями заболеваний населения, однако некоторые формы необратимого изменения окружающей среды явно опасны для здоровья. Поэтому защита окружающей среды составляет неотъемлемую часть многих программ профилактической медицины.

Возьмем, например, городской смог. В конце 1960-х признанной «смоговой столицей мира» был Лос-Анжелес (хотя позднее другие города, например, Мехико, стали в этом отношении еще хуже). В городе были приняты меры по очистке воздуха, впоследствии они были введены в других городах и странах. Главным источником смога были выхлопные газы автомобилей. В результате принятых программ уровень смога в Лос-Анжелесе резко понизился. Однако к началу 1990-х смог стал еще гуще, чем в 1970-х, из-за увеличения числа автомобилей.

Долгое время считалось, что загрязнение воздуха вредит в основном больным астмой и эмфиземой, особенно детям. Сегодня полагают, что, если качество воздуха становится ниже определенного стандарта, нарушение функций работы легких и другие респираторные расстройства могут появиться у любого взрослого человека. Что здесь можно предпринять? Единственное решение — вырваться из мертвой хватки автомобиля или поголовно перейти на электрический транспорт.

Однако автомобильная и смежные с ней отрасли — ядро современной экономики. Для того чтобы построить более чистую и здоровую окружающую среду, потребуются

крупные социальные изменения. Проблема загрязнения воздуха и автомобильного транспорта — лишь одна из большого списка проблем окружающей среды. Согласно известному высказыванию, «за 40 лет, прошедших с начала действительно глобального по своим масштабам периода человеческой деятельности, хрупкому зданию биосферы было нанесено больше ущерба, чем за предыдущие два или три миллиона лет»[21]. Росс Юм Холл считает, что система здравоохранения должна быть неразрывно связана с защитой окружающей среды:

> С одной стороны, мы имеем инвайронменталистов, детально фиксирующих нисходящее скольжение земной экологии, с другой — медицинские светила, которые этого скольжения не видят... В настоящий момент мы идем по пути определения отдельного фактора, представляющего опасность для здоровья и соответствующего ему терапевтического действия... С превентивной точки зрения, противоположной этому подходу, не стоит доискиваться до тех или иных причинно-следственных связей. Мы просто говорим, что мы точно не знаем, какие последствия для здоровья имеет тот или иной импульс окружающей среды, поэтому мы не будем устраивать свалку из токсичных отходов или разрушать экосистемы — и точка.[22]

Возраст и проблемы старения на Западе

Демографические тенденции

Рассмотренные выше в этой главе тенденции привели к значительному увеличению доли пожилых людей в структуре населения индустриальных стран. В то же время в современном обществе социальное положение стариков гораздо менее надежно, чем в традиционных культурах. Там пожилой возраст означал престиж, власть и богатство, причем старики не только пользовались уважением в общине, но и выполняли важные обязанности в семье. В современных обществах практически ничего подобного не осталось[23].

Средний возраст британцев на протяжении последних полутора веков неуклонно растет. В 1800 году средний (медианный) возраст был около 16 лет. К началу XX века он вырос до 23. В 1970 году он составлял 28 лет, а сегодня перешагнул за 30. Если существующие демографические тенденции принципиально не изменятся, этот процесс продолжится и в будущем. К 2000 году средний возраст, вероятно, подойдет к 35 годам, а к 2030 — к 37. В этот момент доля населения старше 65 лет достигнет 11 миллионов человек. Помимо роста числа пожилых людей, возрастет доля глубоких стариков. По некоторым подсчетам, доля населения старше 85 лет вырастет к 2000 году на 50% и составит более 1,2% всего населения[24].

Рост числа пожилых людей обуславливают две причины. Первая заключается в том, что люди сейчас в среднем живут дольше. С 1900 года средняя продолжительность жизни возросла для мужчин на 12 лет, а для женщин — на 14. Вторая является следствием «беби-бума», многочисленные дети которого составляют значительную долю в структуре населения.

---

[21] *Goldsmith E.* Foreword. In: *Goldsmith E., Hilyard N.* The Earth report: monitoring the battle for our environment. London, 1988.

[22] *Hall R. H.* Health and the global environment. Cambridge, 1990.

[23] *Riley M. W.* On the Significance of Age in Sociology // American Sociological Review, 5. 1987.

[24] *Acheson E. D.* et al. The Impending Crisis of Old Age: a Challenge to Ingenuity. Oxford, 1987.

Таблица 15. *Доля населения в возрасте 65 лет и старше (в %). Сводная таблица по ряду стран (2010 — оценка)*

	1988	2010
Великобритания	15,5	15,9
США	12,1	13,9
Дания	15,4	16,7
Франция	13,6	16,9
Германия	15,4	20,5
Италия	13,7	20,2
Ирландия	11,0	12,8

Источник: *S. Arber* and *J. Ginn*. Gender and Later Life. 1991.

Что такое «старость»?

Если говорить только о годах, то *старость* — это настолько же понятие нашего времени, как и *детство* (см. главу 3, «Социализация и жизненный цикл»). Во все времена старость ассоциировалась с изменением внешнего облика и физических сил индивида, а не с хронологическим возрастом, который, кстати, был чаще всего неизвестен. Сегодня старость — понятие, определенное законом. Оно подразумевает период, когда большинство людей выходят в отставку и могут рассчитывать на различные виды социальной поддержки, в частности, на пенсию.

Отставка

Возраст для выхода в отставку, получения пенсии и других льгот чрезвычайно различен в разных странах и даже внутри одного общества. Еще пятьдесят лет назад основанием для отставки в Британии принято было считать не возраст, а плохое здоровье и упадок сил. В конце 1920-х годов более половины мужчин старше 65 лет работали. Сегодня это положение сохраняется лишь в некоторых сферах деятельности особой социальной значимости: до глубокой старости работают ведущие политики, юристы, люди искусства и представители некоторых других профессий.

В современной Британии возраст обязательного выхода в отставку равняется 65 годам для мужчин и 60 для женщин (несмотря на то, что женщины обычно живут на несколько лет дольше). В Соединенных Штатах фиксированный возраст для выхода в отставку был недавно отменен совсем. Большинство европейских стран успешно движется в противоположном направлении, добиваясь постоянного снижения возраста, при котором человек может уйти на покой. В некоторых странах работники государственного управления и промышленной сферы должны уйти в отставку в 60 лет, опять-таки это чаще всего относится к женщинам, а не к мужчинам. Однако в связи с принятием законодательства о равных правах многие страны объявили эту практику незаконной.

Отставка создает социальные, экономические и психологические проблемы для индивида и, часто, для семьи; она означает переход в принципиально иное качество даже для тех, кто расценивает приобретенное свободное время как находку. Практически всегда отставка связана с уменьшением дохода. Средний доход британских семей, в которых по крайней мере одному из индивидов 65 лет или более, составляет лишь чуть более половины средней заработной платы. Разумеется, доходы пожилых людей неодинаковы, так как в эту категорию попадает сейчас значительная доля

населения. Однако многие из них (не менее 15% людей старше 65 лет) живут в условиях, близких к нищете, поскольку государственные пенсии по старости не допускают особой роскоши. Одинокие женщины живут в среднем беднее остальных.

Сегодня пожилые люди уходят в отставку в более раннем возрасте, чем прежде. Если в середине 1970-х около 90% мужчин в возрасте шестидесяти лет работали на полных ставках, то к 1992 году этот показатель упал до 50%[25]. Что касается женщин, то здесь ситуация более сложная, однако общие тенденции, по-видимому, одинаковы. Отчасти эти изменения отражают стремление оставить работу в относительно раннем возрасте, чтобы испытать себя на каком-либо ином поприще. Однако часто компании используют раннюю отставку как способ сокращения персонала; кроме того, они экономят на пенсиях, поскольку в случае выхода работника в отставку в более позднем возрасте им придется выплачивать пенсии большего размера.

Социальные проблемы в пожилом возрасте

Чаще всего пожилой возраст — это время утраты, если рассматривать его с позиции социальных отношений. Отставка — потеря не только работы, но и контактов с сослуживцами. Дети, как правило, имеют свои семьи, а отношения с друзьями или родственниками прерывает либо смерть, либо расстояние, так как пожилым людям менее свойственно путешествовать. В Британии доля одиноких женщин старше 65 лет значительно больше, чем в возрастной группе от 45 до 65 (в 1985 году соотношение было 32% к 15%). Доля одиноких мужчин в возрастной группе старше 65 лет несколько меньше, чем их же доля в возрастной группе от 45 до 65 лет (9% и 17%). Над стариками довлеет страх насилия, что может очень ограничить их деятельность, особенно тех, кто живет в городах.

Социальное положение пожилых женщин еще более проблематично. Разведенному мужчине или вдовцу проще найти себе новую спутницу, чем женщине найти нового спутника, так как женщины дольше живут, и поэтому старых женщин всегда больше. Кроме того, для мужчин более социально приемлемо показываться в обществе или жениться на женщинах гораздо моложе себя. Пожилым женщинам менее свойственно искать себе компаньонов вне дома и семьи. Для большинства женщин смерть мужа сопряжена с сильнейшим потрясением, депрессией и чувством вины, многие после этого часто сами заболевают[26]. С другой стороны, есть также незначительное число женщин, для которых смерть мужа стала облегчением. Возможно, им приходилось сидеть с больным мужем дома или постоянно принуждать себя приспосабливаться к его желаниям[27].

Физические последствия старения

Сам по себе пожилой возраст не означает болезни или одряхления, хотя с годами проблем со здоровьем прибавляется. Первые систематические попытки отделить физические проявления старения от последствий болезней были предприняты биологами относительно недавно, около 20 лет назад. Однако окончательного мнения относительно того, насколько человеческое тело неизбежно изнашивается с возрастом, нет. Социальные и экономические влияния иногда также нелегко

[25] The Economist, 26, February. 1992.

[26] *Riley M. W.* and *Waring J.* Age and ageing. In: *Robert K. Merton* and *Robert Nisbet* (eds.) Contemporary Social Problems. New York, 1976.

[27] *Lopata H.* Widows and widowers // Humanist, 37. 1977.

отделить от проявлений физического старения как такового. Потери родственников, друзей, работы, разлука с детьми, которые переехали на другое место, — за все приходится платить здоровьем. И хотя людей, которые чувствуют себя прекрасно и после 65, немало, значительная доля представителей этой группы, согласно американским исследованиям, считает своими самыми серьезными проблемами «плохое здоровье и недостаточно хорошее медицинское обслуживание»[28].

Будущее

В обществе, ценящем молодость, подвижность и физическую привлекательность, старики превращаются в тех, кого никто не замечает. Однако в последние годы в отношении к ним наметились некоторые перемены. Представляется маловероятным, что пожилые люди будут пользоваться таким же авторитетом и престижем, как и в традиционных обществах, но по мере того, как их доля в структуре населения увеличивается, растет и их политическое влияние. В США, например, они стали достаточно мощной политической силой; похожие процессы намечаются и в Великобритании.

Появились также группы, цель которых — борьба с **эйджизмом** и утверждение позитивного отношения к старости и старикам. Эйджизм (дискриминация людей по возрастному признаку) является порочной идеологией, подобно расизму или дискриминации по половому признаку. Относительно пожилых людей бытует не меньшее количество ложных стереотипов, чем относительно других объектов предубеждения. Например, многие думают, что большинство людей, достигших 65 лет, находится либо в больницах, либо в домах престарелых; что значительная доля этих людей является дряхлыми и немощными; что пожилые работники уступают в компетентности более молодым. Все эти представления ложны. 95% британцев старше 65 живут в собственных домах, лишь 7% из них выказывают явные признаки старческого одряхления, а показатели производительности и дисциплинированности у работников старше 60 превосходят показатели представителей более молодых возрастных групп.

В книге Майкла Янга и Тома Шаллера «Жизнь после работы: Пришествие Безвозрастного Общества», утверждается, что возраст превратился в орудие угнетения, служащее для того, чтобы загонять людей в тесные рамки стереотипных ролей. Многие пожилые люди активно борются с подобным отношением, ищут новые сферы деятельности и новые способы самореализации. Они бросают вызов обществу, ставшему заложником у возраста.

В современных обществах и молодежь, и старики оцениваются прежде всего по возрасту; их занятия, личностные и индивидуальные характеристики имеют второстепенное значение. Эти две группы, считают Янг и Шаллер, должны образовать альянс, чтобы вырваться из плена прикрепления людей к определенным возрастным группам и создать безвозрастное общество. Они станут пионерами не только относительно своей социальной позиции, но и по отношению к большинству работающего населения.

Янг и Шаллер утверждают, что молодежь и старики могут вместе содействовать уходу современного общества от однообразного потребительства. Все большему и большему числу людей, говорят они, цитируя Вирджинию Вульф, удастся наконец освободиться от тяжких оков принудительного труда, от необходимости «всегда делать работу, которую не хочешь делать, и делать ее как раб, льстивый и подлый». Они смогут развить свои неповторимые качества и отдаться своему делу, что когда-то

[28] *Kart G. S.* The Social Realities of Ageing. Boston, 1985.

столь эффектно и неподражаемо сделала Вульф. В противном случае ее писательский дар, «небольшой, но милый сердцу обладателя... был обречен померкнуть, а с ним и я сама, моя душа... была обречена пасть, как падает тронутый ржавчиной весенний цветок». Переоценка вклада пожилых людей могла бы способствовать росту уровня общей социальной терпимости. Социальные блага и права, монополизированные в настоящее время молодежью и людьми среднего возраста, следовало бы в будущем распределять более справедливо. Сегодня представители этих возрастных групп практически безраздельно господствуют в сфере образования, работы, власти и материального вознаграждения. Более равномерное распределение общественного богатства, при котором старики смогли бы им пользоваться так же, как и молодые, более соответствует принципам социальной справедливости.

Краткое содержание

1. Рост населения сегодня — одна из важнейших глобальных проблем. Около четверти мирового населения страдает от недоедания, и ежегодно от голода умирает не менее 10 миллионов человек. Эти несчастья сконцентрированы в основном в странах третьего мира.

2. Изучение населения называется *демографией*. Значительная часть работы демографа — статистическая, однако помимо этого демографы занимаются также объяснением протекающих процессов и выявлением тенденций народонаселения. Важнейшими понятиями анализа народонаселения являются *уровень рождаемости*, *уровень смертности*, *фертильность* и *биологическая плодовитость*.

3. Изменения в структуре населения, характерные для индустриальных стран, принято рассматривать в рамках концепции *демографического перехода*. До начала индустриализации уровни рождаемости и смертности были высоки. В начальный период индустриализации наблюдался рост населения, поскольку показатели смертности упали, тогда как рождаемость оставалась высокой. И, наконец, в XX веке установился баланс нового типа, при котором низкий уровень смертности уравновешивается низким уровнем рождаемости.

4. Мировые ресурсы являются ограниченными, даже несмотря на то, что ограничения производства постоянно пересматриваются в свете технологических новшеств. Западные страны потребляют неизмеримо большее количество энергии, сырья и иных продуктов, чем другие страны, причем этот уровень потребления поддерживается во многом за счет ресурсов третьего мира. Если бы ресурсы распределялись более равномерно, уровень жизни в западных странах понизился бы существенно.

5. Проблемы народонаселения теснейшим образом связаны с темой здоровья и болезней. Во всех культурах есть понятия здоровья и болезни, но большая часть того, что мы сегодня вкладываем в слово «медицина», возникло относительно недавно. Имеется в виду, например, существование больниц и использование в лечебных целях научных и технологических новшеств.

6. Подверженность серьезным заболеваниям сегодня в значительной степени определяется социально-экономическим статусом индивида. Как правило, представители

состоятельных слоев населения здоровее, выше, сильнее и «долговечнее», чем их более бедные сограждане.

7. Трудные и противоречивые этические проблемы возникают в связи с появлением *репродуктивных технологий*, воздействующих на оплодотворение, развитие эмбриона и сам акт рождения. Немало дебатов сегодня ведется вокруг проблемы *суррогатного материнства* и связанных с ним родительских прав.

8. Отставка создает для индивида (а часто и для семьи) серьезные проблемы социального, экономического и психологического плана. Для большинства людей отставка означает начало нового жизненного этапа, связанного с падением доходов, а нередко и с изменением статуса. Она может дезориентировать человека, поскольку лишает его жизнь привычной упорядоченности и оставляет лицом к лицу с одиночеством.

9. Последние годы отмечены борьбой пожилых людей, составляющих ныне значительную долю населения индустриальных стран, за признание их прав и интересов. Важнейшим аспектом этого процесса является борьба против «эйджизма» (дискриминации людей по возрастному признаку).

Основные понятия

общий уровень рождаемости
общий уровень смертности
фертильность
демографический переход

Важнейшие термины

демография
биологическая плодовитость
уровень младенческой смертности
средняя продолжительность жизни
максимальная продолжительность жизни
степенной рост
время удвоения
мальтузианство
система здравоохранения
государственное здравоохранение
частное здравоохранение
репродуктивные технологии
суррогатное материнство
эйджизм

Дополнительная литература

D. Coleman. The British Population. Oxford, 1992. Интересный обзор современных демографических тенденций в Великобритании.

Ross Hume Hall. Health and the Global Environment. Cambridge, 1990. Рассматривается необходимость всесторонней переоценки системы здравоохранения; делается акцент на предупреждении заболеваний и защите окружающей среды.

Michael Young and *Tom Schuller*. Life After Work: The Arrival of the Ageless Society. London, 1991. Неординарное обсуждение роли пожилых людей в современном обществе.

Глава 19

Революции и социальные движения

Революции явились причиной важнейших изменений в мировой истории последних двух или трех столетий. Американская революция 1776 года и французская 1789 года были самыми важными революциями восемнадцатого века. Некоторые из идей, высказанных их лидерами, имели впоследствии колоссальное влияние. Идеалы свободы, гражданских прав и равенства, во имя которых они совершались, стали фундаментальными ценностями современной политики. Провозглашение этих ценностей как целей, а также предположение, что они могут быть реализованы путем массовых действий, стало чрезвычайно значительным историческим новшеством. В предшествующие эпохи лишь самые отъявленные идеалисты могли думать, что человечество когда-нибудь установит социальный порядок, при котором каждый сможет принимать участие в политической жизни.

Термин **революция** в его современном смысле стал употребляться в то же самое время, что и термин **демократия**. Он не имел широкого хождения до тех пор, пока успехи борьбы в Америке и Франции не показали со всей ясностью, что в мир вступает нечто совершенно новое. Европейский историк Алексис де Токвилль, наиболее глубоко проникший в суть событий во Франции и Соединенных Штатах того времени, писал: «То, что в своем начале казалось европейским монархам и государственным мужам лишь преходящим, не то чтобы необычным симптомом увеличения страданий нации, стало ныне чем-то совершенно новым, непохожим ни на одно социальное движение прошлого и по своей масштабности, необычности и непредсказуемости превосходящим всякое человеческое понимание»[1].

В то время термин «революция» еще в значительной степени сохранял свое прежнее значение, «движение по кругу» (revolve (англ.) — вращать(ся)). Американские и французские лидеры действительно верили, что они «возвращаются» к естественному порядку вещей. Они провозглашали, что все люди рождаются свободными и равными, но впоследствии они попадают под гнет власти королей и других самозваных правителей; революция — средство восстановления счастливого естественного состояния. Следовательно, исключительно новаторский характер американской и французской революций не был очевиден в некотором смысле даже для тех, кто сыграл в них важнейшие роли.

По мере того как перманентный характер совершившихся перемен, по крайней мере некоторых, становился все более очевиден, а влияние идеалов, за которые боролись революционеры, широко распространялось, под революцией все чаще стали понимать массовое действие, совершаемое с целью радикальных социальных преобразований[2]. Несмотря на то, что некоторые из революций, совершившихся позже, вдохновлялись идеей реставрации ранее существовавших форм общества

[1] *Tocqueville Alexis de.* The Ancien Regime and the French Revolution. London, 1966.

[2] *Abrams Philip.* Historical Sociology. New York, 1982.

(например, исламская революция в Иране), понятие революции в подавляющем большинстве стало ассоциироваться с прогрессом, означая разрыв с прошлым во имя грядущего миропорядка[3].

Что такое революция? Какие социальные условия приводят к революционным переменам? Каким образом лучше всего изучать восстания или движения протеста? Вот основные вопросы, которые мы будем обсуждать в данной главе. Прежде всего мы должны определиться с терминологией. Невозможно осознать революцию в целом, не зная условий и обстоятельств, в которых реально произошли крупнейшие изменения революционного характера. Поэтому вначале мы детально рассмотрим примеры нескольких революций, а затем остановимся на попытках различных теоретиков обобщить анализ радикальных политических изменений и влияния социальных движений.

Определение революции

Первым делом мы должны дать как можно более точное определение понятия революции. В обыденной жизни этот термин имеет весьма различные толкования. Например, **государственный переворот**, состоящий в простой смене одной группы лидеров на другую без какого-либо изменения политических институтов и системы власти, вообще не может считаться революцией в строгом социологическом смысле. Революцией называются только те события, которые удовлетворяют ряду условий.

1. Последовательность событий не является революцией в том случае, если в ней не присутствует *массовое социальное движение*. Данное условие позволяет исключить из категории революций такие ситуации, когда какая-либо партия приходит к власти в результате выборов, или когда власть захватывается небольшой группой, например, военными.

2. Революция ведет к *широкомасштабным реформам или изменениям*[4]. Джон Данн указывает, что, согласно этому принципу, люди, пришедшие к власти, должны на самом деле быть более способны управлять данным обществом, чем те, кого они свергли; лидеры революции должны суметь достичь по крайней мере некоторых из поставленных ими целей. Общество, в котором движение такого рода овладело только внешними, формальными атрибутами власти, но затем оказалось неспособно к реальному управлению, не может считаться революционным. Оно находится скорее в состоянии хаоса или ему, возможно, угрожает распад.

3. Революция предполагает *угрозу насилия или его применение* со стороны участников массового движения. Революция — это политические изменения, происходящие при противодействии правящих кругов, которые не могут быть принуждены отказаться от своей власти иначе как под угрозой насилия или путем его действительного применения.

Собирая воедино все три критерия, мы можем определить революцию как захват государственной власти путем насилия, совершаемый лидерами массового движения, полученная при этом власть используется в дальнейшем в целях инициации радикальных социальных реформ.

---

[3] *Arendt H.* On Revolution. London, 1963.

[4] *Skocpol Theda.* States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1979.

Революции отличаются от вооруженных *восстаний*, которые связаны с угрозой или использованием насилия, но не приводят к существенным переменам. Практически все массовые выступления, происходившие до XVII века, были не революциями, а восстаниями. Так, в средневековой Европе нередко вспыхивали выступления крепостных, направленные против своих господ[5]. Тем не менее, их целью, как правило, было добиться от хозяев лучшего обращения или заменить особо жестокого господина на кого-нибудь помягче. Понятие социального действия, совершаемого с целью радикального изменения существующей политической структуры общества, в те времена было неизвестно.

Революции двадцатого столетия

Почти все революции двадцатого века происходили в развивающихся странах[6]. Из истории революций нынешнего века наиболее глубокие последствия для всего мира имели Русская революция 1917 года и Китайская революция 1949 года. Обе они произошли в глубоко сельскохозяйственных, крестьянских странах, хотя Советскому Союзу за последующие 70 лет удалось добиться высокого уровня индустриализации. В нынешнем веке революции происходили также во многих странах третьего мира, например, в Мексике, Турции, Египте, Вьетнаме, на Кубе и в Никарагуа.

Революция в России

До 1917 года Россия была экономически отсталым обществом с автократическим правлением; главой государства был царь. Большую часть населения составляли бедные крестьяне, а царская власть представляла собой диктатуру, которая для подавления оппозиции широко применяла тайную полицию и осведомителей. Крепостное право было отменено лишь в 1861 году. Решение правительства освободить крестьян было отчасти вызвано стремлением модернизовать общество, неспособное более к военному соперничеству с ведущими европейскими державами. Россия проиграла в двух войнах: крымской 1854–1855 годов и японской 1905 года. Начатые после этого программы инвестирования в промышленное развитие, в частности, в строительство новых шоссейных и железных дорог, были в значительной степени реакцией на эти военные неудачи. Несмотря на некоторый экономический успех, царское правительство имело слишком традиционный уклад для проведения широких социальных реформ европейского типа.

Россия к 1905 году уже являлась обществом, где накопилось огромное социальное напряжение. Индустриализация, начавшаяся ускоренными темпами, вызвала появление нового класса промышленных рабочих, условия жизни которых нередко были такие же нищенские, как и у большей части крестьянства. Рабочие, полностью отстраненные от политической жизни и лишенные возможности организовать эффективно действующие профсоюзы, испытывали постоянно растущую враждебность по отношению к правительству. Среди крестьян растущее недовольство царской властью наблюдалось в течение еще более длительного периода. Во время русско-японской войны 1905 года рабочие, совместно с частью солдат и офицеров, разочарованных ходом войны, подняли восстание. Его удалось подавить только потому, что правительство быстро заключило с Японией мирный договор и сумело подчинить

[5] *Scott James C.* Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, 1986.

[6] *Moore Barrington.* Political Power and Social Theory. New York, 1965.

восставшие части, которые затем использовало для подавления восстания. Царь Николай II выступил инициатором ряда реформ, таких, как учреждение парламента, однако, почувствовав, что его власть вновь обрела устойчивость, тут же остановил их.

Между 1905 и 1917 годами рабочие и крестьяне неоднократно проявляли растущее недовольство, выражавшееся в забастовках. Некоторые забастовки возглавлялись большевиками, членами одной из многочисленных в то время партий, считавшимися приверженцами социализма и марксизма. Влияние таких партий резко возросло с началом Первой мировой войны (1914–1918), которая обернулась для России очень тяжелыми последствиями, затронув огромное количество людей. Россия поставила под ружье пятнадцать миллионов человек, но не смогла победить германскую армию из-за плохой оснащенности своих войск. Потери России составили несколько миллионов человек убитыми, ранеными и пленными, причем погибла значительная часть офицерского состава.

Мирное население столкнулось с острой нехваткой топлива и продовольствия, поскольку все ресурсы направлялись на фронт. Вслед за бедными слоями и состоятельные группы стали решительно выступать против правительства. Царь, державшийся за право абсолютной власти и находящийся под влиянием Распутина, советника весьма странного, все больше отдалялся от своего народа. В марте 1917 года солдаты и рабочие Петрограда начали серию забастовок и выступлений, мгновенно распространившихся по всему западу России. Царя вынудили отречься от престола, после чего было сформировано Временное правительство.

Тем временем армия практически распалась, а большая часть солдат вернулась в родные дома. Крестьяне начали захватывать помещичьи земли. Временному правительству никак не удавалось обуздать волну возмущения в среде рабочих и демобилизовавшихся солдат. Лидер большевиков Ленин, используя лозунг «Мир и Хлеб, Мир и Земля», обращенный к рабочим и крестьянам, решился на захват власти. В октябре 1917 года большевики силой устранили Временное правительство. Реорганизовав вооруженные силы в новую Красную Армию, осуществив мобилизацию, выведя нацию из кровавой Гражданской войны, новое Советское правительство приступило к масштабным социальным реформам. Так был заложен фундамент второй по военной и экономической мощи державы мира.

Русская революция в известном смысле была необычной. Выступления, закончившиеся низложением царского режима, были более спонтанными и широкомасштабными, чем в других революциях двадцатого века. В начале 1917 года даже большевики не ожидали, что революцию удастся осуществить за столь короткое время. Тем не менее, русский опыт позволяет понять многое о современных революциях в целом.

1. Многие революции происходят на фоне войны. Длительная война создает ситуацию напряжения для существующих в обществе институтов и, в случае ее неудачного ведения, нередко оборачивается резким снижением уровня поддержки правительства. Недовольство в среде военных лишает режим основного средства подавления оппозиции.

2. В этом процессе значительную роль играли крестьяне. До совершения Русской революции многие (в том числе Ленин) полагали, что крестьяне являются исключительно консервативной силой и не станут принимать участия в радикальном социальном движении. Данное предположение оказалось ошибочным: в большинстве революций двадцатого века крестьянство играло непосредственную роль.

Революция в Китае

До появления в XIX веке парового торгового и пассажирского флота Китай не имел широких контактов с Западом. История Китайской империи, насчитывавшая по меньшей мере два тысячелетия, ничем не нарушалась практически вплоть до начала XX века. И хотя правительственные круги предпринимали некоторые шаги по модернизации общества, большая часть Китая до самого кануна революции 1949 года вела традиционный образ жизни, утвердившийся с незапамятных времен.

Несмотря на то, что Китай был слишком велик для его колонизации какой-либо западной державой, бурно развивавшаяся в XIX веке торговля с европейскими государствами нарушила традиционную экономику. Вследствие невыгодных условий торговли, навязанных Китаю, имперское правительство оказалось на грани банкротства. Будучи неспособным выплачивать долги европейским кредиторам, правительство увеличило налоги с крестьянства. Вследствие этого в среде крестьян участились выступления и бунты. Во многих частях огромной страны, особенно там, где центральное правительство всегда занимало слабые позиции, местные чиновники и бандитские шайки получили практически бесконтрольную власть.

Несмотря на глубокую убежденность китайцев в превосходстве своей цивилизации над всеми остальными, они неоднократно становились объектом унижения, которым их подвергали и европейцы, и японцы. Китай лишился многих зон влияния в центральной и южной Азии и потерпел поражение в военных столкновениях с британскими, французскими и японскими войсками.

В 1911 году крупномасштабное восстание вынудило императора отречься от престола. Хотя события 1911–1912 годов иногда называют «революцией», они не дали стране правительство, способное объединить страну, и не привели к эффективным реформам. Несмотря на провозглашение единой Китайской Республики, местные военные лидеры образовывали собственные царства, а некоторые провинции заявили о своей независимости. В течение многих лет в стране шла гражданская война, во время которой население страдало ничуть не меньше тех, кто принимал непосредственное участие в военных действиях.

Затем последовал период относительной стабильности, поскольку одному из военных лидеров — Чан Кай-ши — удалось захватить контроль над большей частью страны. Утвердив свои позиции, Чан Кай-ши начал повсеместно выслеживать и уничтожать членов коммунистической партии. В результате карательных акций коммунисты, ранее обосновавшиеся в городах, переместились в удаленные сельские районы. Мао Цзе-дун, ставший во главе уцелевших остатков коммунистического движения, попытался приспособить к китайской ситуации идеи Маркса. Ведущей революционной силой Мао считал крестьянство. Возглавленное им движение имело сильную националистическую окраску, своей целью оно ставило реорганизацию китайского общества в противовес западному и японскому влиянию.

В годы Второй мировой войны коммунисты становятся основной силой, противостоявшей японскому вторжению, используя преимущественно тактику партизанской войны. Японская оккупация отбросила страну назад к состоянию практически полного распада. После войны возобновились бои между коммунистами и сторонниками Чан Кай-ши, закончившиеся в 1949 году победой Маоистской Красной Армии. Остаткам сторонников Чан Кай-ши удалось при поддержке американцев отступить на остров Формоза, ныне Тайвань.

В момент прихода к власти в 1949 году нового правительства Китай нельзя было считать единым в политическом отношении. Если бы коммунисты потерпели

поражение в деле восстановления национального единства, «Китая» в современном смысле скорее всего не существовало бы. Страна, возможно, распалась бы на несколько независимых государств, как это обычно и происходило с империями прошлого. Например, на месте бывшей Оттоманской империи сегодня существует ряд стран Северной Африки и Ближнего Востока[7]. Коммунистическое правительство смогло обеспечить себе широкую поддержку, умело сочетая обращения к национальным чувствам и широкие преобразования сельского хозяйства. Уже через три года после революции 45% сельскохозяйственных угодий было изъято из-под контроля прежних владельцев и распределено среди 300 миллионов крестьян[8].

Теории революции

Описанию революций посвящено множество теорий, что не удивительно, если учесть, какую важную роль в мировой истории они играли в течение последних двухсот лет. Некоторые теории были созданы в самом начале развития социальных наук, наиболее важной из них стала теория Маркса. Маркс жил задолго до того, как осуществились революции, вдохновляемые его идеями. Следует отметить, что его теория касалась не только анализа условий, приводящих к революционным преобразованиям, но и указывала пути, как способствовать данным преобразованиям. Какой бы ни была их самостоятельная ценность, идеи Маркса оказали громадное влияние на перемены, произошедшие в двадцатом веке.

Другие теории, также имевшие серьезное влияние, появились гораздо позднее и пытались объяснить как «изначальные» революции (такие, как Американскую и Французскую), так и последующие. Некоторые исследователи шли дальше, пытаясь изучать революционную деятельность в сочетании с другими формами сопротивления и протеста. Мы рассмотрим четыре теории, посвященные изучению революций: подход Маркса, теорию политического насилия Чалмерса Джонсона, концепцию Джеймса Дэвиса, связавшего революцию с ростом экономических ожиданий, и, наконец, интерпретацию коллективного протеста, предложенную Чарльзом Тилли, представителем исторической социологии.

Теория Маркса

Точка зрения Маркса на революцию основана на его интерпретации истории человечества в целом. Согласно его учению, развитие общества сопровождается периодическими конфликтами классов, которые, обостряясь, ведут к революционным переменам. Классовая борьба порождается неразрешимыми **противоречиями**, присущими любому обществу. Источник противоречий кроется в экономических изменениях *производительных сил*. Во всяком относительно стабильном обществе существует баланс между экономической структурой, общественными отношениями и политической системой. С изменением производительных сил противоречия нарастают, что приводит к открытому столкновению классов и в конце концов к революции.

Данную модель Маркс применяет и к предшествующей феодальной эпохе, и к тому, как он предвидит будущее развитие промышленного капитализма. Традиционные общества феодальной Европы были основаны на крестьянском труде. Производителями-крепостными управлял класс земельной аристократии и мелкие помещики.

[7] *Dunn John*. Modern Revolutions: An introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge, 1972.

[8] *Carrier Frend*. The Third World Revolution. Amsterdam, 1976.

В результате экономических изменений, произошедших в этих обществах, возникли города, в которых развились торговля и промышленность. Новая экономическая система, возникшая в самом феодальном обществе, стала угрозой его основам. В отличие от традиционной системы, основанной на отношениях крепостной — господин, новый экономический порядок поощрял предпринимателей, производящих продукцию для продажи на свободном рынке. Наконец противоречия между старой феодальной и новой капиталистической экономикой обострились настолько, что приняли форму непримиримых конфликтов между нарождающимся классом капиталистов и феодалами-землевладельцами. Итогом этого процесса явились революции, самой важной из которых стала Французская революция 1789 года. Маркс утверждает, что вследствие подобных революций и революционных изменений, произошедших в европейских странах, классу капиталистов удалось прийти к власти.

Однако, как указывает Маркс, приход капитализма порождает новые противоречия, которые со временем приведут к следующей серии революций, вдохновленных идеалами **социализма** и **коммунизма**. *Промышленный капитализм* — это экономический порядок, основанный на погоне за личной прибылью и конкуренции между фирмами за право продавать свои товары. Такая система порождает разрыв между богатым меньшинством, контролирующим промышленные ресурсы, и обездоленным большинством наемных рабочих. Рабочие и капиталисты вступают во все более обостряющийся конфликт. В конце концов движения трудящихся и политических партий, представляющих интересы рабочих масс, бросают вызов власти капиталистов и свергают существующую политическую систему. Если позиции доминирующего класса особенно прочны, то для совершения необходимых перемен, как утверждает Маркс, следует применить насилие. При других обстоятельствах процесс перехода власти может совершиться мирно, посредством парламентской акции, и *революция* (в смысле определения, данного выше) не понадобится.

Маркс ожидал, что в некоторых западных странах революции могут произойти уже при его жизни. Позднее, когда стало ясно, что этого не случится, он обратил свое внимание на другие регионы. Любопытно, что его внимание, в частности, привлекла Россия. Он писал, что Россия является экономически отсталым обществом, которое пытается внедрить заимствованные на Западе современные формы торговли и производства. Маркс полагал, что данные попытки могут привести к противоречиям более тяжелым, чем в европейских странах, поскольку внедрение новых типов производства и технологий в отсталом обществе способствует образованию чрезвычайно взрывоопасной смеси старого и нового. В переписке с русскими радикалами Маркс указал, что эти условия могут привести к революции в их стране, однако добавил, что революция будет успешной только в том случае, если распространится и на другие западные страны. При этом условии революционное правительство России сможет использовать развитую экономику Европы и обеспечить быструю модернизацию в своей стране.

Оценка

Вопреки ожиданиям Маркса, в развитых странах Запада революции так и не произошли. В большинстве западных стран (исключением являются Соединенные Штаты) существуют политические партии, которые считают себя социалистическими или коммунистическими; многие из них заявляют о своей приверженности идеям Маркса. Однако там, где эти партии пришли к власти, они, в основном, стали гораздо менее радикальными. Возможно, конечно, что Маркс просто ошибся во времени,

и в один прекрасный день революции произойдут и в Европе, и в Америке, и еще где-нибудь. Однако более вероятно, что прогноз Маркса оказался ошибочным. Развитие индустриального капитализма не ведет, как предполагал Маркс, к ужесточению конфликтов между рабочими и капиталистами.

Безусловно, из этого не следует, что теория Маркса не имеет значения для современного мира. Существует важная причина, по которой она *не может* не иметь значения — теория Маркса стала частью идеалов и ценностей как революционных движений, так и пришедших к власти правительств. Более того, некоторые из его взглядов могут способствовать пониманию революций в странах третьего мира. Идеи, высказанные Марксом по поводу России, уместны в отношении большинства крестьянских стран, переживающих становление промышленного капитализма. Очагами напряжения становятся точки соприкосновения бурно развивающейся промышленности и традиционных систем. Люди, которых коснулось изменение традиционного образа жизни, становятся источником потенциальной революционной оппозиции правительству, пытающемуся сохранять прежний порядок.

Чалмерс Джонсон: революция как «нарушение равновесия»

Анализ революций, проведенный Марксом, основывался на относительно небольшом числе примеров. Сегодня у теоретиков, пытающихся понять феномен революций, круг исторических примеров гораздо шире. Помимо этого, современные исследователи имеют возможность проследить, в какой мере сами идеи Маркса послужили импульсом революционных изменений.

Концепция Чалмерса Джонсона основывается на понятиях, заимствованных у Толкотта Парсонса[9]. Согласно Парсонсу, общества являются *саморегулирующимися системами*, которые характеризуются тем, что приспосабливаются к изменениям путем реорганизации своих институтов так, чтобы поддерживать между ними баланс и сохранять эффективную работу системы. Лучшим примером для понимания этой аналогии является тело. Если все системы работают нормально, то тело способно успешно реагировать на изменение окружающей среды. Если, например, повышается внешняя температура, то в теле мобилизуются определенные механизмы, такие, как потовыделительные железы, благодаря работе которых температура тела поддерживается стабильной. Может, однако, случиться, что внешние условия меняются настолько, что вся система расстраивается и приходит в беспорядок. Если, скажем, внешняя температура повышается слишком сильно, то механизмы тела не могут покрыть эти изменения, и в работе физиологической системы будет наблюдаться нарушение равновесия.

В теории Джонсона **нарушение равновесия** общества является необходимым условием для возникновения революции. Основным источником, приводящим, согласно Джонсону, к разбалансировке, является рассогласование между системой культурных ценностей общества и системой экономического производства. Это может случиться в результате либо внутренних изменений, либо сильного внешнего влияния, однако обычно включает оба этих фактора. Например, в Китае XIX и начала XX веков традиционные культурные ценности были подвержены все более усиливающемуся давлению в результате изменений экономической системы, принесенных западной коммерцией. Старая система производства, основанная на землевладельцах и крепостных крестьянах, начала разваливаться, провоцируя нарушение равновесия.

[9] *Johnson Chalmers.* Revolution and the Social System. Stanford, 1964.

Когда происходит подобное нарушение равновесия, то, согласно Джонсону, люди теряют ориентацию и предрасположены слушать новых лидеров, обещающих социальные изменения. Правители, находящиеся у власти, начинают терять поддержку среди все большего числа людей. Однако данная ситуация не приводит автоматически к революции. Если политические власти эффективно реагируют на ситуацию и начинают проводить политику, которая восстанавливает равновесие, они могут избежать взрыва. Если правящая элита упрямая и негибкая, то она может развернуть все имеющиеся под ее командованием вооруженные силы для сокрушения источников протеста, и в случае успеха может образоваться «полицейское государство». Военные силы могут безжалостно уничтожить оппозицию, отбросив таким образом общество далеко назад.

Однако ни одним обществом нельзя управлять чисто силовыми методами слишком долго. Если режиму не удастся убедить своих граждан вернуться к прежним ценностям и обычаям — он обречен. Когда станет ясно, что кризис затронул основные устои, армия сама начнет отворачиваться от прежних властей. Ряд факторов может ускорить этот процесс, и важнейшими из них является поражение в войне (как это случилось в России накануне революции 1917 года), которое деморализует военных и лишает их внутренней опоры. В такой ситуации возможны либо хаос и гражданская война, либо революция. К власти приходит новый режим, начинающий реформы, что возвращает общество в состояние равновесия (нового типа).

Оценка

Теория Джонсона отличается ясностью и универсальностью. То, что он называет «нарушением равновесия», имеет явное сходство с понятием противоречия, используемым Марксом. И хотя превосходство концепции Джонсона над теорией Маркса неочевидно, его идея о том, что социальные изменения вызывают рассогласование, которое не может быть устранено существующими институтами без их радикальной перестройки, имеет, по-видимому, смысл.

Недостатком концепции Джонсона является представление о том, что обычному состоянию обществ присуща некая естественная гармония или равновесие. Это, очевидно, далеко не так. Жизнь большинства обществ, особенно в современных условиях, проходит в напряжении и рассогласованиях различного рода без всякой при этом склонности к революциям. Кроме того, Джонсон практически не обращает внимания на фактическое содержание идей, вдохновляющих революционеров. Люди не становятся революционерами только потому, что социальная система оказалась в состоянии напряжения. Мы не сможем понять современных революций, если за импульсами к созданию новых форм социального порядка не увидим совершенно однозначного влияния призывов к свободе, демократии и равенству. И, наконец, теория Джонсона не в состоянии удовлетворительно объяснить, почему революции стали столь распространенным явлением в современную эпоху, хотя ранее они были практически неизвестны.

Джеймс Дэвис: почему происходят революции?

Один из ключей к разгадке вопроса, почему революции стали довольно частыми, предложил Джеймс Дэвис. Дэвис обращает внимание на то, что в истории можно обнаружить массу периодов, когда люди жили в ужасающей нищете и подвергались жесточайшему угнетению, однако не восставали и не протестовали. Постоянная бедность или обездоленность не делают людей революционерами, они скорее

склонны переживать подобные обстоятельства смиренно, с тихой безысходностью. Революции происходят тогда, когда наблюдается некоторое *улучшение* условий жизни людей. Когда стандарты жизни начинают расти, уровень ожиданий тоже возрастает. Если же улучшение фактических жизненных условий замедляется, создаются предпосылки к возмущению, поскольку растущие ожидания не сбываются.

В рамках такого подхода социальный протест, как и его крайняя форма, революция, происходят обычно в условиях некоторого улучшения жизни людей. Протест вызывают не *абсолютные*, а **относительные лишения** (относительная депривация); значимым оказывается противоречие между жизнью, которую люди вынуждены вести, и их представлением о том, чего они могли бы достичь.

Оценка

Эта гипотеза помогает понять связь революций с современным социальным и экономическим развитием. Идеалы прогресса и перспективы экономического роста способствуют появлению больших надежд; не сбывшись, они превращаются в искры протеста. Подобные протесты усиливаются, получая поддержку от распространения идей равенства и демократического участия в политической жизни[10].

Однако, как справедливо указывает Тилли, теория Дэвиса не объясняет, как и почему общественные группы *мобилизуются* для революций. Протесты на фоне роста ожидания действительно нередки, однако чтобы понять, каким образом протест трансформируется в революционное выступление, мы должны определить, как формируется коллективное единение групп, осуществляющих политические перемены.

Чарльз Тилли: теория протеста

В своей книге «От мобилизации к революции» Чарльз Тилли концентрируется именно на этой проблеме, пытается провести анализ процессов революционных изменений в контексте рассмотрения более общих форм протеста и насилия[11] Тилли различает четыре компонента того, что он называет **коллективным действием** — действием, направленным на свержение существующего социального порядка.

1. **Организация** участвующей группы или групп. Движения протеста организуются разными способами, их спектр простирается от спонтанно формирующихся толп до революционных групп со строжайшей дисциплиной. Например, движение, которым руководил Кастро, начиналось с маленького партизанского отряда.

2. **Мобилизация**. Сюда относятся способы, при помощи которых группа овладевает ресурсами, необходимыми для коллективный действий. В их число входят материальное снабжение, политическая поддержка, оружие. Кастро смог обеспечить себе материальную и моральную поддержку со стороны симпатизировавшего ему крестьянства, а также немалого количества горожан.

3. Наличие *общих интересов* у тех, кто принимает участие в коллективном действии: как они представляют себе возможные выигрыши и потери от их совместной деятельности. В основе мобилизации коллективного действия всегда лежат какие-либо общие интересы. Кастро удалось собрать широкую коалицию сторонников, поскольку многие были заинтересованы (или думали, что они заинтересованы) в устранении существующего правительства.

---

[10] *Davies James C.* Towards a theory of revolution. American Sociological Review, 27. 1962.

[11] *Tilly Charles.* From mobilization to revolution. Addison Wesley, 1978.

4. *Благоприятные обстоятельства.* Безусловно, возможно такое непредсказуемое стечение обстоятельств, которое благоприятно скажется на достижении целей революции. Случайности такого рода очень часто влияют на многие формы коллективного действия, включая революции. Успех Кастро не был неизбежным, он зависел от множества случайных факторов, на ранней стадии его «вторжение» почти потерпело фиаско. Разве произошла бы революция, если бы он оказался в числе семидесяти убитых или попавших в плен?

Само по себе *коллективное действие* — это совместные действия людей в защиту своих общих интересов, например, демонстрация в поддержку общего дела. Уровень активности в акциях такого рода бывает разный; одни участвуют очень интенсивно, другие оказывают пассивную и нерегулярную поддержку. Эффективное коллективное действие, в частности такое, которое выливается в революцию, обычно проходит через стадию организации (1) к мобилизации (2), осознанию общих интересов (3) и, наконец, конкретной возможности осуществления (4).

С точки зрения Тилли, социальные движения начинают развиваться как средства мобилизации групповых ресурсов в том случае, когда у людей отсутствуют институциональные формы выражения своего мнения, либо когда власти выступают с прямыми репрессиями. Возможность обеспечения активного и эффективного представительства групп в рамках существующей политической системы играет ключевую роль в определении того, будут ли их члены использовать насильственные средства для достижения своих целей. На определенном этапе коллективное действие предполагает открытую конфронтацию с властями — «выход на улицы». Однако деятельность такого рода способна повлиять на существующую систему власти только в том случае, если за этой деятельностью стоят организованные группы.

Типичные формы коллективного действия и протеста изменяются в зависимости от исторических и культурных обстоятельств. В современной Британии, например, большинство людей знает, как группы объединяются для предъявления своих требований, они знакомы с такими формами демонстрации своей позиции, как массовые марши, митинги и уличные беспорядки — независимо от того, участвовали в них эти люди или нет. Существует, однако, множество других форм коллективного протеста, которые либо исчезли совсем, либо утратили былую популярность (например, коллективные драки между деревнями, разрушение оборудования на фабриках или линчевание). Участники движений протеста могут перенимать опыт других и менять свои методы. Например, стоило нелояльным группам узнать, насколько успешными могут быть партизанские действия против регулярных армий, как партизанское движение распространилось по всему миру.

Когда и почему коллективное действие приобретает насильственный характер? Изучив большое количество инцидентов, произошедших в Западной Европе в XIX–XX веках, Тилли пришел к выводу, что большинство актов коллективного насилия начинается с действий, не имевших изначально насильственного характера. Вероятность появления насилия зависит не столько от самой акции, сколько от других факторов и сил, в частности, от реакции правительства. Хорошим примером может быть уличная демонстрация. Подавляющее большинство таких демонстраций происходит без всякого ущерба для здоровья людей и их имущества. Лишь незначительная часть демонстраций оборачивается насилием, тогда они получают уже другое название — «беспорядки». Иногда, конечно, власти лишь отвечают на насилие, однако исторические свидетельства показывают, что гораздо чаще они выступают его источником. Как выразился сам Тилли, «в современной европейской истории

репрессивные институты чаще всего сами выступают инициаторами и носителями коллективного насилия». Более того, в случае реальных конфронтаций именно представители власти несут ответственность за большинство ранений и смертей. Это неудивительно, если учесть их особый доступ к оружию и военную дисциплину. В свою очередь, представители другой стороны причиняют основной ущерб зданиям и другим материальным объектам.

Согласно концепции Тилли, революционные движения представляют собой такой тип коллективного действия, который возникает, согласно его терминологии, в ситуациях **множественного суверенитета** — при условиях, в которых правительство в силу ряда причин не имеет полного контроля над потенциально подлежащими этому контролю сферами. Множественный суверенитет может возникнуть в результате внешней войны, внутренних политических столкновений или и того и другого вместе. Удастся ли революционерам осуществить захват власти — зависит от того, в какой степени сохранился контроль прежнего правительства над вооруженными силами, от наличия конфликтов внутри правящих групп и от уровня организованности движений, претендующих на захват власти.

Оценка

Концепция Тилли — одна из самых тонких попыток анализа коллективного насилия и революционной борьбы. Сформулированные им идеи имеют широкое приложение, и то, как он их использует, свидетельствует о его чуткости в оценках времени и места. Вопросы природы организации социальных движений, ресурсов, которые они способны мобилизовать, а также отношений между претендующими на власть группами представляют собой важные аспекты условий революционных трансформаций общества.

Тилли, однако, почти ничего не говорит об обстоятельствах, которые приводят к множественному суверенитету. А ведь этот тип настолько важен в объяснении революции, что это представляет собой очень серьезный пробел. По мнению Теды Скокпол, Тилли исходит из предположения, что в основе революционных движений лежит осознанное и продуманное стремление реализовать определенные интересы, и поэтому революционные перемены осуществляются удачно тогда, когда люди хорошо это понимают. Скокпол, наоборот, рассматривает революционные движения как менее осмысленные и целенаправленные. Революции, утверждает она, возникают большей частью как непреднамеренные следствия каких-то более частных целей. Она пишет:

> Образ целенаправленности так же ошибочен в том, что касается процессов и исхода революций, как и в том, что касается их причин. Этот образ означает, что революционный процесс и его последствия могут быть поняты в терминах действий и намерений или интересов тех ключевых групп, которые изначально запустили этот процесс — для этого такие термины слишком просты. Фактически в реальных исторических революциях участниками сложнейшего процесса развертывания многосторонних конфликтов оказываются группы, занимающие различное место в обществе и имеющие различную мотивацию. Огромное влияние и ограничение на эти конфликты оказывают существующие социальные, экономические и международные условия. Дальнейшее их развитие зависит в значительной мере от того, как возникла данная революционная ситуация, от ее начального этапа.[12]

[12] *Skocpol Theda.* States and social revolution: A comparative analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1979; *Dunn John.* Understanding revolutions. In: *Dunn J.* (ed.). Rethinking modern political theory. Cambridge, 1985.

Последствия революций

Исследование последствий революций ничуть не менее сложно, чем анализ их истоков. То, что происходит *после* революции, частично зависит от огромного количества событий, которые привели к революции. После окончания революционной борьбы страна может быть истощенной и сильно раздробленной. Остатки свергнутого режима или другие группы, претендующие на власть, могут перегруппировать свои силы и начать все заново. Если окружающие страны настроены к новому правительству враждебно (как было, например, в случае Русской революции 1917 года), его успехи в достижении социальных преобразований могут быть гораздо более ограниченными, чем при активной поддержке окружения. Существуют значительные различия в намерениях революционных правительств — некоторые ставят перед собой гораздо более радикальные цели, чем остальные. И, наконец, несмотря на то, что революции могут иметь далеко идущие последствия для соответствующих обществ, эти последствия чрезвычайно трудно выделить на фоне других факторов поступательного развития.

Краткосрочные последствия

За многими революциями следует период гражданской войны, во время которого новый режим должен подавить оппозиционные группы. Обычно революции происходят в условиях, когда власть прежнего правительства окончательно теряет силу и за нее борются сразу несколько движений. Некоторые из них могут оказаться настолько сильными в военном отношении, что способны продолжать борьбу уже против нового правительства, либо могут финансироваться иностранными государствами, поддерживающими их цели. Так было в Русской, Китайской и Кубинской революциях, хотя уровень оппозиции в каждом случае был разный — Россия была буквально наводнена силами, посланными Западными державами в поддержку сторонников прежнего режима.

Революции совершаются во имя свободы, но очень часто за ними следует период сильнейших репрессий. Этого не произошло после Американской революции, есть и другие исключения. На Кубе, например, хотя часть богатых граждан покинула страну, число посаженных в тюрьму или расстрелянных новыми властями было совсем небольшим. Однако гораздо чаще за революцией следует период широкомасштабных арестов, казней и строгой цензуры. Случаются кампании тотального насилия. Само понятие **революционного террора**, означающее систематическое применение насилия с целью обеспечения лояльности к новым властям, возникло при описании последствий Французской революции 1789 года (см. главу 10, «Политика, правительство и государство»). Огромное число людей, считавшихся сторонниками старого режима или врагами революции, стало жертвами настоящей охоты и последующих публичных казней.

Однако эпизоды такого рода обычно случаются не сразу, а спустя несколько лет после захвата власти новым режимом, потому что до того, как революционное правительство сделает первые попытки осуществить свою радикальную программу, обычно проходит некоторый «установочный период». В этот момент к существующему сопротивлению в лице либо сторонников старого режима, либо других диссидентских групп могут присоединиться оппозиционеры уже нового режима. В Советском Союзе, например, Сталин проводил очень жесткую политику коллективизации, встречая широкое сопротивление со стороны крестьянства. Во время политических

чисток диссидентских групп многие лишились жизни или были сосланы в лагеря. Согласно оценкам, в этот период было арестовано около 5% населения[13]. Однако эти события происходили спустя более чем десять лет после самой революции.

Долговременные последствия

Мы можем попытаться оценить долговременные последствия революций, сравнивая общества, сходные друг с другом во всех отношениях за исключением одного — одни пережили революцию, а другие нет. Можно, например, сравнить развитие Китая за последние сорок лет с развитием Индии. Обе страны освободились от прямой зависимости от Запада примерно в одно и то же время — вскоре после Второй мировой войны, но Китай, в отличие от Индии, пережил еще и революцию. В Индии британское правление было упразднено без переворота, хотя движение протеста сопровождалось сильными беспорядками.

Послевоенные пути развития этих двух обществ существенно разошлись. В Китае Коммунистическая партия сформировала сильное централизованное правительство, ввела строгую цензуру печати и других средств массовой информации. В Индии, в противоположность Китаю, был принят парламент западного типа с многопартийными выборами. Уровень политических свобод в Китае, если говорить о возможности публичного выражения различных политических взглядов и типах легальных общественных организаций, гораздо ниже индийского. С другой стороны, Китай добился куда большего успеха в борьбе с нищетой, коррупцией среди официальных лиц, в создании систем здравоохранения и социального обеспечения. Уровень грамотности в Китае значительно выше, чем в Индии. Примечательной чертой коммунистического правления в Китае является практически полное отсутствие насилия и репрессий со стороны государства, хотя предреволюционный период характеризовался частым применением насилия. Массовых убийств и лагерей, характерных для сталинского периода в истории Советского Союза, в Китае почти не было.

Оценки экономического роста Китая весьма различны, однако общепризнанным является то, что в течение первых пятнадцати лет после революции темпы роста в Китае были высоки — намного выше индийских. К тому же рост производства в течение этого и последующих периодов превышал рост населения, что опять-таки было совсем несвойственно Индии. Китайская аграрная реформа также оказалась куда более успешной. Власть богатых землевладельцев была ликвидирована, и земля была распределена среди беднейшего крестьянства.

Ни Индии, ни Китаю не довелось развиваться в условиях полной стабильности. В Индии правительству постоянно приходится иметь дело с ярко выраженными региональными различиями, препятствующими эффективному контролю со стороны центральных органов. Китай в 1966–68 годах оказался ввергнут в круговорот «культурной революции». В этот период миллионы людей, в основном молодежь, предприняли попытку внедрить «пролетарские ценности» в среду профессионалов, управленцев и партийных чиновников, которые, по их мнению, отвернулись от учения революции. Однако сегодня этот процесс сменился явлениями, во многом противоположными. Теперь Китайское правительство говорит о необходимости использования «капиталистических» механизмов, личной инициативы и получения прибылей в целях повышения эффективности промышленного и сельскохозяйственного производства.

[13] *Kesselman M.* et al. European politics in transition. Lexington, 1987.

Бунты, возмущения толпы и другие формы коллективного действия

Все революции предполагают коллективное действие. Однако, как показывает теория Тилли, коллективное действие проявляется и во многих других обстоятельствах помимо революций, и может возникнуть всякий раз, когда существует вероятность концентрации большого количества людей. «Городская чернь» является для властей источником потенциальной опасности со времен возникновения первых городов. В городских кварталах, в отличие от сельской местности, люди живут в непосредственной близости друг от друга и могут относительно легко «выйти на улицы», если захотят продемонстрировать свою поддержку или недовольство по какому-либо поводу.

Действия городских групп являются одним из примеров **действия толпы**. Толпа — это любое относительно большое число людей, собравшихся в общественном месте и находящихся в прямом взаимодействии друг с другом. В определенном смысле толпы — обычная черта городской жизни. Мы говорим о толпах на торговых улицах, о толпах театралов или о воскресных толпах в парках, имея в виду пребывание большого количества людей в ограниченном пространстве. В данном случае люди находятся в ситуациях *нефокусированного взаимодействия* (см. главу 4, «Социальное взаимодействие и повседневная жизнь»). Физически они находятся в одном и том же месте, осознают присутствие друг друга, но преследуют (либо индивидуально, либо в группах) свои частные цели, и поэтому идут каждый своей дорогой. Однако в некоторых ситуациях, когда происходят демонстрации, беспорядки или начинается паника, действия каждого связываются с действиями всех остальных. Ситуация неожиданно приобретает характер *фокусированного взаимодействия*, поскольку толпа, хотя и временно, начинает действовать как единое целое. Именно в этом отношении действие толпы приковывает к себе внимание социологов и историков вот уже многие годы — фактически, со времен Французской революции 1789 года.

Ле Бон: теория действий толпы

Одним из первых серьезных исследований действий толпы была книга Гюстава Ле Бона «Толпа», опубликованная в 1895 году. Этот труд был результатом исследования революционных формирований времен Французской революции. С точки зрения Ле Бона, действия человека, зараженного коллективной эмоцией толпы, существенно отличаются от его действий в малых группах. Под влиянием **сфокусированной толпы** индивиды способны совершать акты разрушения или геройства, о которых они не могли даже задумываться в одиночку. Революционные толпы, штурмовавшие Бастилию, по-видимому, не задумывались о возможных потерях со своей стороны. Известны также многочисленные акты жестокости, совершенные восставшим народом в 1789 году.

Что же вызывает подобный эффект? Согласно точке зрения Ле Бона, люди, вовлеченные в состояние возбуждения, генерируемого толпой, временно утрачивают способность критического рассудочного мышления, обычного для них в условиях повседневной жизни. Они становятся чрезвычайно внушаемы и восприимчивы к агитации различных вожаков и демагогов. Под влиянием толпы индивиды регрессируют в направлении к «примитивному» типу реакций. Как писал Ле Бон, «Будучи изолированным, индивид может оказаться весьма культурной личностью, в толпе же

он варвар, то есть существо, ведомое инстинктом. Он обладает непредсказуемостью, жестокостью, грубостью, а также энтузиазмом и героизмом примитивного создания»[14].

Несмотря на то, что идеи Ле Бона были использованы многими исследователями, их все же следует воспринимать с некоторой долей скептицизма. Ле Бон пишет с позиции консервативного критика демократии, воспринимающего французскую революцию как начало эры, в которую толпы, т.е. массы обычного населения, одержат верх над законными правителями. В глазах Ле Бона ни одна большая группа, включая парламентские собрания, не способна принимать рациональные решения, которые принимают индивиды. Группы подвержены массовым эмоциям, моде и другим капризам. В первую очередь Ле Бон стремился показать, что демократия извлекает на поверхность примитивные человеческие реакции, подавляя высшие и более цивилизованные качества.

Однако некоторые идеи Ле Бона, по крайней мере в отношении уличной толпы, по-видимому, имеют ценность. Скопление больших масс людей в определенных обстоятельствах действительно порождает особое состояние коллективного эмоционального подъема, который ведет к необычным действиям. Это происходит во время рок-концертов, когда аудитория начинает сходить с ума, а также на спортивных соревнованиях. Люди, охваченные паникой, способны сокрушить все на своем пути, покалечить и затоптать друг друга. Иногда толпы выплескиваются на улицы, избивая и уничтожая тех, кого они считают врагами, — как это случалось, например, во время еврейских погромов в Нацистской Германии.

Рациональные аспекты действия толпы

Тем не менее, большинство форм действий толпы гораздо более избирательно и рационально, а участники коллективных действий нередко гораздо яснее осознают свои цели, чем полагает Ле Бон. К тому же подобные толпы отнюдь не всегда состоят из людей, изначально склонных к безответственному поведению, криминального сброда, который описывал Ле Бон. Исследования Жоржа Радэ, посвященные Французской революции, показывают, что в толпе, штурмовавшей Бастилию, большинство составляли «респектабельные» люди с общепринятыми профессиями, а не преступники и бродяги[15]. Исследования негритянских волнений 1960-х годов в США свидетельствуют о том, что большинство их участников не только не принадлежало к преступной среде, но даже не относилось к категории тех, кто живет на пособие. Средний участник тех волнений был, как правило, рабочим, более информированным о социально-политических проблемах и более вовлеченным в борьбу за гражданские права, чем другие представители чернокожего населения. Кроме того, оказалось, что несмотря на всю беспорядочность уличных волнений того времени, практически все разрушенное и украденное добро принадлежало белым.

Некоторые исследователи высказывают мнение, что в большинстве случаев действия толпы станут вполне понятны, если предположить интерпретацию, противоположную подходу Ле Бона. Так, Ричард Берк утверждает, что действия индивидов в толпе лучше всего представить в виде вполне логичных реакций на специфические ситуации[16]. Наличие толпы предполагает возможность достичь некоторых целей

[14] *Le Bon Gustave.* The Crowd. New York, 1960.

[15] *Rudé George.* The Crowd in the French Revolution. Oxford, 1959.

[16] *Berk Richard.* A gaming approach to crowd behaviour // American Sociological Review. 1974.

ценой очень небольших личных издержек. В ситуации толпы индивиды относительно анонимны и могут избежать опознания при совершении противозаконных и наказуемых действий, например, при ограблении магазина. Действуя в толпе, индивиды на некоторое время обретают возможности, которые и не снились им как отдельно взятым гражданам.

Можно ли, однако, использовать данную интерпретацию в случаях, когда речь идет о насилии в отношении невинных людей — скажем, при анализе поведения толпы линчевателей на американском Юге? Одно время линчевание негров (повешение без суда и следствия) было довольно частым. После Гражданской войны регулярно устраивались «охоты на негров», во время которых белые искали и убивали бывших рабов. В период с 1889 по 1899 год было зафиксировано более 1800 случаев линчевания, а поскольку зафиксированы не все случаи, фактически их количество было гораздо большим [17]. Нередко толпы устраивали поджоги домов негров, калечили их и пытали. Казалось бы, такие действия можно объяснить только с точки зрения, предложенной Ле Боном. Некоторые из отмеченных им характеристик толпы будут здесь уместны. Однако у линчевания есть и «рациональные» аспекты. Линчеватели, как правило, были участниками самодеятельных Комитетов бдительности и считали себя борцами за правое дело. Массовое действие снижало их индивидуальную ответственность и в то же время позволяло публично продемонстрировать свою ненависть в отношении освобождения негров. Насилие являлось средством обеспечения социального контроля над неграми, поскольку давало ясно понять, что закон, принятый на Севере, был не в силах отменить реальную власть белых на юге. По-видимому, можно говорить о том, что в составе сфокусированной толпы люди в известной мере способны преодолевать обычные формы контроля; мощь и анонимность толпы позволяет им действовать так, как в обычной ситуации они бы не могли себе позволить, хотя и хотели бы.

Бунты и волнения толпы, как подчеркивает Тилли, в первую очередь выражают разочарования людей, не имеющих возможности выразить свое недовольство или настоять на необходимых с их точки зрения реформах обычными способами. Власть всегда боялась толпы, и не только потому, что толпа уже сама по себе представляет угрозу, но и потому, что служит публичной и очень отчетливой формой выражения протеста против социальной несправедливости. Действия толпы в контексте революции способствуют осуществлению радикальных социальных перемен, и даже негативные на первый взгляд уличные беспорядки, связанные с бессмысленными погромами и убийствами, могут вызвать по крайней мере некоторые перемены к лучшему. Всплеск выступлений в негритянских кварталах Америки в 1960-х годах заставил белое сообщество обратить внимание на проблемы чернокожего населения и послужил стимулом новых программ социальных реформ.

Социальные движения

Помимо революционной активности, в современных обществах существует множество других форм социальных движений; некоторые из них насчитывают уже долгую историю, другие только появились. В целом социальные движения — такая же неотъемлемая черта современного мира, как и формальные бюрократические организации, которым они чаще всего противостоят. Исследование природы и влияния социальных движений представляет интереснейшее поле деятельности для социолога.

[17] *Cantril M.* The Psychology of Social Movements. New York, 1963.

Определение

Социальное движение может быть определено как коллективная попытка осуществить общие интересы или добиться общей цели посредством коллективного действия вне рамок установленных институтов. Определение должно быть достаточно широким в связи с различным характером самих движений. Многие из них невелики, насчитывают лишь несколько десятков человек, в других участвуют тысячи и даже миллионы. Некоторые движения действуют в рамках законов данной страны, другие являются нелегальными или подпольными. Иногда в результате деятельности социальных общественных движений меняются полностью или частично и сами законы. Например, рабочие объединения, занимавшиеся организацией забастовок, действовали в свое время незаконно, их участникам грозили наказания разной степени тяжести в зависимости от того, в какой стране они действовали. Однако впоследствии соответствующие законы были изменены, забастовка стала допустимой тактикой решения производственных конфликтов. Другие формы экономического протеста во многих странах остаются вне закона и по сей день, например, сидячие забастовки на заводах или на рабочих местах.

Линия раздела между социальными движениями и формальными организациями представляется весьма зыбкой, поскольку хорошо организованные движения обычно усваивают бюрократические черты. Социальные движения могут, таким образом, постепенно превращаться в формальные организации, тогда как организации в свою очередь могут вырождаться в социальные движения, хотя это случается реже. Армия Спасения, например, возникла в качестве национального движения, однако сейчас ей присуще большинство черт постоянно действующей организации. Примером обратного процесса может служить судьба любой политической партии, запрещенной и вынужденной уйти в подполье.

Аналогично, не всегда просто отличить общественные движения от *групп интересов* — ассоциаций, организованных для оказания давления на политиков с целью благоприятствовать защите интересов этих групп. Примером может служить автомобильная ассоциация, которая отстаивает интересы водителей в парламенте. Но чем является Кампания за ядерное разоружение, которая регулярно пытается влиять на парламент в вопросах ядерного оружия? Группой интересов или частью массового движения? В подобных случаях нельзя дать ясный ответ, поскольку общественные движения часто активно продвигают свои вопросы по официальным каналам, хотя в то же самое время участвуют и в менее традиционных формах деятельности.

Классификация социальных движений

Было предложено множество различных способов классификации общественных движений. Пожалуй, самую точную и полную классификацию разработал Дэвид Эберл, описавший четыре типа движений [18].

1. **Движения трансформации** нацелены на далеко идущие перемены в обществе или обществах, частью которых они являются. Перемены, за которые ратуют члены этих движений, могут быть катаклизмами, нередко сопряженными с насилием. Примерами могут служить революционные или некоторые радикальные религиозные движения. Скажем, многие движения милленариев предвидят, что с наступлением эры спасения произойдет более или менее полная перестройка общества.

[18] *Aberle David*. The Reyote Religion Among the Navaho. Chicago, 1966.

2. **Движения за реформы (реформистские движения)** имеют более простые цели. Их притязания ограничиваются изменением лишь некоторых сторон существующего социального порядка. Свою деятельность они связывают с конкретным видом несправедливости или неравенства. В качестве примера можно привести Женский Христианский Союз, выступающий за трезвость, и группы, выступающие за запрещение абортов.

Движения трансформации и реформистские движения ориентируются в основном на перемены в жизни всего общества. Два других типа движений, выделяемых Эберлом, в качестве целей ставят изменение привычек и взглядов индивидов.

3. **Движения за перевоспитание** стремятся оградить людей от порочного, по их мнению, образа жизни. К этой категории относятся многие религиозные движения, поскольку свою цель они видят прежде всего в спасении индивидов. Примером являются секты пятидесятников, которые считают, что показателем истинного достоинства индивида может быть только его духовное развитие[19].

4. Наконец, **движения альтерации** (название несколько неудачное) ориентируются на частичные изменения в жизни индивидов. Они не преследуют своей целью полное изменение привычек людей, их занимают лишь отдельные специфические черты. Пример — общество Анонимных Алкоголиков.

Теории социальных движений

Теории революций и теории социальных движений с неизбежностью пересекаются. Так, например, концепция Тилли «мобилизация ресурсов» начинает иметь все более широкое применение и используется теми, кто изучает социальные движения. Интерпретация Дэвисом протеста и роста ожиданий также оказала существенное влияние на анализ социальных движений. Следует отметить, однако, особую роль двух других подходов, как с точки зрения теоретической полноты, так и в плане стимулирования последующих эмпирических исследований. К ним относятся теории Нейла Смелзера и Алена Турэна.

Нейл Смелзер: шесть условий социальных движений

В качестве основы любого коллективного действия, в частности, социального движения, Смелзер выделяет шесть условий[20]. *Структурное благоприятствование* — это общие социальные факторы, стимулирующие создание социальных движений различного типа либо препятствующие ему. Например, с точки зрения Смелзера, социально-политическая система Соединенных Штатов оставляет некоторые направления открытыми для мобилизации вследствие отсутствия четкого государственного регулирования в соответствующих сферах. Так, например, в Америке не существует государственной религии, и люди сами вольны выбирать религиозную группу (если они вообще хотят этого). Политическая власть относится терпимо ко всем религиозным социальным движениям до тех пор, пока они не нарушают уголовные и гражданские законы.

Подобные условия благоприятствуют появлению социальных движений, однако не порождают их. *Структурные напряжения* — или, по терминологии Маркса, противоречия — возникают как следствие конфликтных интересов в обществе.

[19] *Schwartz G.* Sect ideologies and social status. Chicago, 1970.

[20] *Smelser Neil.* Theory of collective behavior. New York, 1963.

Неопределенность, тревога, двусмысленность или прямое столкновение целей — все это выражения подобных напряжений. Источники напряжений могут быть как достаточно общими, так и специфическими для данной частной ситуации. К примеру, постоянное неравенство между этническими группами может вызвать общее напряжение; последнее может сфокусироваться в виде частных конфликтов, когда, например, черные начинают селиться в когда-то исключительно белом районе.

Третьим условием, по Смелзеру, является распространение *обобщенных верований*. Социальные движения — это не просто ответная реакция на смутно ощущаемую угрозу или опасность. Они формируются под влиянием определенных идеологий, в которых кристаллизуется недовольство и которые предлагают определенный образ действий для его разрешения. Революционные движения, например, основываются на идеях поиска причин существования несправедливости и способов политической борьбы, позволяющей от нее избавиться. *Ускоряющими факторами* являются события или происшествия, служащие пусковым механизмом, началом действий участников движения. Так, случай, произошедший в 1955 году в Монтгомери, Алабама, когда Роза Паркс отказалась перейти в часть автобуса, отведенную для негров, послужил толчком для начала американского движения за гражданские права.

Комбинация этих четырех факторов, утверждает Смелзер, может иметь следствием уличные беспорядки или всплеск насилия. Однако такого рода инциденты не приведут к возникновению социального движения, если не будет *организованной группы*, готовой к мобилизации действий. Для того чтобы возникло социальное движение, необходимо наличие лидера, средств регулярного сообщения между участниками, а также финансовых и материальных ресурсов.

Наконец, на характер формирования социального движения сильное влияние оказывает *процесс социального контроля*. Правящая власть может вмешаться в структурные факторы и напряжения, которые стимулируют возникновение движения. Например, в ситуации этнических напряжений могут быть предприняты шаги по устранению наиболее явных сторон этнического неравенства, бывших генератором недовольства и конфликта. Другой аспект социального контроля связан с реакцией полиции и вооруженных сил. Как мы видели, степень раскола внутри силовых институтов может оказаться решающим фактором исхода конфронтации между революционными движениями и существующими властями.

Модель Смелзера может быть полезной при анализе последовательности этапов формирования социальных движений и коллективного действия. Согласно его точке зрения, каждое звено в данной цепи как бы «добавляет вес» в общий результат и является условием для осуществления последующих шагов. Однако его теория небезупречна. Иногда социальное движение крепнет без каких-либо «активирующих» событий, понимаемых в смысле открытых публичных конфронтаций. Наоборот, серия инцидентов может привести к необходимости организовать движение, которое бы изменило обстоятельства, его же породившие. Движение может вскрыть противоречия, а не просто развиваться как ответ на них. Например, женское движение активно добивается равенства и устранения гендерной дискриминации, хотя ранее такой проблемы не существовало. Теория Смелзера интерпретирует социальные движения как «реакции» на ситуации, не допуская возможности того, что члены этих движений могут организоваться спонтанно для совершения определенных социальных перемен. В этом отношении его идеи контрастируют с подходом Алена Турэна.

Ален Турэн: историчность

Турэн подчеркивает, что социальные движения отражают то огромное значение, которое в современных обществах придается *активизму* в достижении целей[21]. Для современных обществ, говорит он, характерна такая черта, как **историчность**, то есть мировоззрение, при котором знание социальных процессов используется для того, чтобы изменять социальные условия нашего существования. Например, понимание причин и распространенности неравенства в школах послужило одним из факторов роста движения за гражданские права в Соединенных Штатах. Турэна интересовали не столько условия, лежавшие в основании социальных движений, сколько цели, которые эти движения были призваны достичь. Социальные движения не являются иррациональными реакциями на социальное неравенство и несправедливость, они развиваются, следуя стратегии, дающей возможность преодолеть данную несправедливость.

Социальные движения, считает Турэн, не могут быть поняты как изолированные формы ассоциации. Их развитие происходит в принципиальном антагонизме с другими группами, чаще всего с официальными организациями, а иногда и с соперничающими движениями. У каждого движения есть интересы и цели, за которые оно борется, а также взгляды и идеи, которые оно отрицает. По мнению Турэна, имеющиеся теории социальных движений (включая концепцию Смелзера) не придают должного значения тому, каким образом борьба с носителями противоположных идей влияет на цели движения, а также тому, каким образом сами движения изменяют взгляды и действия своих оппонентов. Например, цели и идеалы женского движения формировались в прямой оппозиции к институтам, управляемым мужчинами, и состояли в том, чтобы эти институты преобразовать. Сами цели менялись в зависимости от успехов и поражений движения. В свою очередь, цели женского движения повлияли и на точку зрения мужчин. Затем перемена мировоззрения вызвала переориентацию в самом женском движении — и процесс продолжается.

Турэн утверждает, что социальные движения следует рассматривать в контексте так называемых **полей действий**. Данный термин подразумевает связи между социальным движением и силами или влияниями, против которых оно направлено. Процесс взаимных «переговоров», связанный с определенным полем действия, может привести к изменению обстоятельств, возможно, и к слиянию позиций сторон. И в том, и в другом случае движение может либо прекратить свое существование, либо институционализироваться, превратившись в постоянно действующую организацию. Профсоюзы, например, превратились в формальную организацию после того, как ими было завоевано право на забастовку и были выработаны формы переговоров, приемлемые как для рабочих, так и для предпринимателей. Таким образом, согласие сменило существовавшую некогда конфронтацию и взаимное насилие. Если источник конфликта сохраняется (как во взаимоотношениях между работниками и работодателями), то можно ожидать возникновения новых движений.

Оценка

Подходу Турэна недостает ясности концепции Смелзера. Однако безусловно ценным является понимание того, что развитие социальных движений неотделимо от процессов взаимовлияния и взаимного переопределения противостоящих групп и организаций. Подобный анализ может быть применен в первую очередь к движениям,

[21] *Tourain Alain*. The voice and the Eye: An analysis of Social Movements. Cambridge, 1981.

ориентированным на изменение индивидов, таким, как движения за перевоспитание и альтерации Эберла, хотя сам Турэн уделяет им мало внимания. Движение Анонимных Алкоголиков, например, основывается на медицинских исследованиях о влиянии алкоголя на здоровье и социальную жизнь людей. Движение сформировалось как оппозиция рекламе, поощряющей употребление алкоголя, а также как стремление противостоять соблазну, который испытывает алкоголик в обществе, терпимо относящемся к пьянству.

Социальные движения и социология

Для социолога социальные движения представляют двойной интерес. Они дают материал для исследования, но, кроме того, они могут способствовать изменению взглядов самих социологов на интересующие их аспекты социального поведения. Женское движение, например, важно для социологии не только как материал для исследования. Оно выявило недостатки уже сложившихся социологических стереотипов и повлияло на разработку концепций (например, патриархата), способствующих пониманию проблем отношения гендера и власти. Таким образом, существует непрерывный диалог не только между социальными движениями и противостоящими им организациям, но и между социальными движениями и самой социологией.

Краткое содержание

1. В течение двух последних столетий революции произошли во многих странах мира. Американская революция 1776 года и Французская 1789 года породили идеалы и ожидания, чрезвычайно широко распространившиеся в политической жизни. Большинство революций XX века вдохновлялось идеями социализма и марксизма.

2. Понятие *революции* очень сложно для определения. Процесс политических перемен, квалифицируемый как революция, предполагает действия массовых социальных движений, способных для достижения своих целей пойти как на применение насилия и захват власти, так и на последующее проведение реформы общества.

3. Разработано множество различных теорий революции. Особенно важна интерпретация Маркса, не только из-за ее научной ценности, которая может быть во многих отношениях оспорена, но и потому, что она в каком-то смысле сформировала реальные революционные процессы, совершившиеся в нынешнем веке.

4. Поскольку революции — такое сложное явление, то очень трудно обобщить условия, приводящие к революционным изменениям. Большинство революций происходит в обстоятельствах, когда правительственная власть теряет целостность и становится фрагментарной (например, в результате войны), там, где угнетенные группы получают способность сформировать жизнеспособное массовое движение. Обычно революции являются непреднамеренным следствием каких-либо более частных целей, для достижения которых эти движения первоначально возникли.

5. Постреволюционные режимы нередко становятся авторитарными, вводят цензуру и другие формы контроля. Обычно революции имеют далеко идущие последствия для общества, однако их нелегко отделить от других факторов, воздействующих на последующее развитие данного общества.

6. Действия толпы типичны не только для революций, они могут иметь место и при менее драматических обстоятельствах, например, в городских уличных волнениях. Действия толп могут казаться исключительно деструктивными и хаотичными, однако они часто служат вполне определенным целям их участников.

7. В современных обществах существует много разновидностей социальных движений. Социальное движение предполагает коллективную попытку осуществить общие интересы посредством совместного действия в обход сферы официальных институтов. Социология не только изучает подобные движения, но и сама пытается ответить на поднятые ими вопросы.

Основные понятия

революция
восстание
коллективное действие
социальное движение

Важнейшие термины

демократия
государственный переворот
противоречие
социализм
коммунизм
нарушение равновесия
относительная депривация
организация
мобилизация
множественный суверенитет
революционный террор
действия толпы
фокусированная толпа
группы интересов
движения трансформации
движения за реформы
движения за перевоспитание
движения альтерации
поле действия

Дополнительная литература

Zbigniew Brzezinski. The Grand Failure. London, 1989. Изучение проблем взлета и падения коммунизма в двадцатом веке, споры о том, что представляет собой коммунизм.

Ron Eyerman and *Andrew Jamison*. Social Movements. Cambrige, 1991. Полезное исследование и анализ современных теоретических подходов к изучению природы социальных движений. Особое внимание уделяется самым новым общественным движениям.

Chester Hartman and *Pedro Vilanova*. Paradigms Lost: the Post-Cold War Era. London, 1991. Дискуссия о ситуации в мире в связи с падением коммунизма в Советском Союзе и Восточной Европе.

Глава 20

Социальные изменения: прошлое, настоящее и будущее

Человечество существует на Земле около полумиллиона лет. Земледелие — необходимая основа существования оседлых поселений — лишь около двенадцати тысяч лет. История цивилизаций насчитывает не более шести тысячелетий. Если мысленно представить все время существования человечества как одни сутки, то окажется, что земледелие было изобретено в 23 часа 56 минут, цивилизации появились в 23 часа 57 минут, а современные общества в 23 часа 59 минут 30 секунд. Однако за эти тридцать секунд произошло, возможно, столько же изменений, сколько за весь «день человечества».

Скорость изменений, происходящих в современную эпоху, хорошо демонстрируют темпы технологического прогресса. Как пишет историк экономики Дэвид Лэндис,

> Современная технология не только производит больше и быстрее, она создает такие предметы, которые при кустарных методах и ремесленных мастерских прошлого были просто невозможны. Даже лучшая индийская пряха не смогла бы получить нить столь тонкую и ровную, как современная мюль-машина; в восемнадцатом веке все кузницы христианского мира даже объединенными усилиями не смогли бы производить листовую сталь в таком количестве и такого качества, как один современный прокатный стан. Но важнее всего, что современная технология создала вещи, которые ни один человек прошлого, пожалуй, не смог бы представить и понять: фотоаппарат, автомобиль, самолет, весь диапазон электронных устройств от радио до высокоскоростного компьютера, атомную электростанцию и так далее почти *до бесконечности*. Результатом явился колоссальный рост объемов и разнообразия товаров и услуг, и уже одно это изменило образ жизни людей больше, чем что-либо другое со времен открытия огня. Англичанин (да и англичанка) середины XVIII века в материальном отношении стояли ближе к легионерам Цезаря, чем к своим собственным правнукам.[1]

Современный образ жизни и современные социальные институты радикальным образом отличаются от своих даже ближайших по времени аналогов в прошлом. За какие-то два–три века — для истории это минута — человечеству удалось покончить с социальным порядком, определявшим его жизнь в течение тысячелетий.

На протяжении последнего полувека темпы изменений не замедлились, но даже скорее возросли, и будущее нашего поколения является менее определенным, чем любого из предшествующих. Условия существования предыдущих поколений не были безопасными, людям всегда угрожали голод, болезни, стихийные бедствия. Сегодня в индустриальных странах мы практически полностью защищены от подоб-

[1] *Landes David S.* The Unbound Prometheus. Cambridge, 1969.

ных проблем; тревоги относительно нашего будущего другого рода. Они порождены теми социальными силами, которым мы сами дали волю.

Понятие социального изменения

Как можно определить **социальное изменение**? В известном смысле все постоянно меняется. Каждый день — это новый день, каждый момент — новое мгновение времени. Еще греческий философ Гераклит говорил, что в одну реку нельзя войти дважды. Во второй раз река будет другой, ведь прежняя вода утекла, да и человек неуловимо изменился. В некотором смысле это верно, однако каждый из нас обычно склонен считать, что и река, и человек будут одними и теми же в обоих случаях. В очертаниях русла реки, а также в личностных и физических свойствах человека, стоящего на ее берегу с мокрыми ногами, остается достаточная степень преемственности, чтобы и реку и человека, несмотря на произошедшие перемены, можно было считать теми же самыми.

Для определения значимости перемен необходимо установить, насколько изменилась *глубинная структура* данного объекта или ситуации в течение некоторого периода времени. Если говорить о человеческом обществе, то, чтобы решить, в какой степени и каким образом система подвержена процессу изменений, необходимо определить степень модификации *основных институтов* в течение определенного периода. Любой учет изменений также предполагает выделение того, что остается стабильным, так как это является основанием, на фоне которого определяются изменения. Даже в нашем сегодняшнем стремительном мире существуют явления, уходящие корнями в далекое прошлое. Важнейшие религиозные системы, такие, как, например, христианство и ислам, по-прежнему основываются на идеях и практике, возникших два тысячелетия назад. Тем не менее, большинство современных социальных институтов изменяются значительно быстрее, чем менялись институты традиционного общества.

В данной главе мы рассмотрим различные попытки интерпретации изменений, влиявших на ход мировой истории в целом; затем обратимся к вопросу о том, почему современный период характеризуется особенно глубокими и быстрыми социальными изменениями. После этого мы обсудим те направления развития современных обществ, которые на сегодняшний день представляются ведущими.

Теории социальных изменений

Среди теоретических моделей, использовавшихся для осмысления общих механизмов изменений на протяжении человеческой истории, по своей важности и значимости наиболее выделяются две. Первая — **социальный эволюционизм**, подход, пытающийся установить связь между биологическими и социальными изменениями. Вторая — **исторический материализм**, концепция, восходящая к Марксу, позднее развитая и дополненная множеством других авторов.

Эволюционные теории

Все эволюционные концепции социальных изменений исходят из одного очевидного факта. Если сравнить различные типы человеческих обществ, встречавшихся на протяжении истории, то станет ясно, что происходит общее движение ко всевозрастающему усложнению (см. главу 2, «Культура и общество»). Племена

охотников и собирателей, которые мы обнаруживаем на ранних стадиях развития человечества (хотя некоторые из них существуют до сих пор), обладали более простой структурой, чем земледельческие общества, возникшие в более поздний исторический период. Например, в племенах охотников и собирателей не существовало особых правящих групп или политической власти, обычной для сельскохозяйственных обществ. Традиционные государства были еще сложнее и масштабнее: в них уже имелось ярко выраженное классовое деление, а также развитые политические, правовые и культурные институты. Наконец, появились индустриальные общества, превосходящие по своей сложности любой предшествующий тип: количество специальных институтов и организаций в этих обществах необычайно велико.

Анализируя процесс усложнения, исследователи часто прибегают к понятию **дифференциации**. По мере того как общества усложняются, сферы социальной жизни, ранее существовавшие совместно, начинают дифференцироваться, т. е. отделяться друг от друга. Возрастающая дифференциация и усложнение человеческого общества, утверждают эволюционисты, может быть сопоставлена с процессами формирования биологических видов. Биологическая эволюция также направлена от простого к более сложному. Строение организмов, находящихся на нижней ступени эволюционной шкалы, таких, как амеба, значительно проще строения высших животных.

В процессе биологической эволюции развитие от простых организмов к более сложным объясняется на основе понятия адаптации к окружающей среде — насколько хорошо животные приспособлены к материальному окружению (см. главу 2, «Культура и общество»). Более сложные организмы обладают большей способностью к адаптации и выживанию в своем окружении, чем простейшие. Отсюда, говорят эволюционисты, очевидна параллель между биологическим развитием и последовательной сменой исторических типов общества. Чем сложнее общество, тем большей «выживаемостью» оно обладает.

Социал-дарвинизм

В ранних теориях социальной эволюции, возникших в XIX веке, эволюционизм часто связывался с прогрессом, т. е. движением к более морально совершенным формам общества. Одним из вариантов этого направления, завоевавшим особую популярность на рубеже XIX–XX веков, был **социал-дарвинизм**. Как следует из его названия, социал-дарвинизм возник под влиянием работ Чарльза Дарвина, посвященных биологической эволюции. Данная теория утверждает, что между человеческими обществами идет та же борьба за существование, что и между биологическими организмами. Современные западные общества одержали верх в этой борьбе и, таким образом, представляют собой высшую стадию социального прогресса, достигнутую человечеством. Некоторые авторы использовали идеи социал-дарвинизма для оправдания превосходства белых над черными, разрабатывая «научное» подтверждение расизма; эта теория использовалась для поддержки доминирующей позиции Запада. Пик ее популярности приходится на время «драки за Африку» между европейскими державами — до того, как возникла современная «полевая» антропология, которая впервые продемонстрировала разнообразие человеческих культур и тем самым развенчала лежавшее в основе социал-дарвинизма «европоцентрическое» мировоззрение. К концу 1920-х годов социал-дарвинизм был окончательно дискредитирован, вместе с ним упала популярность и социального эволюционизма в целом.

Однолинейная и мультилинейная эволюция

Теории социальной эволюции XIX века часто склонялись к **однолинейности**, утверждая существование единственной линии развития человеческого общества, от простого к более сложному. Предполагалось, что все общества, восходя по пути эволюции, должны проходить одни и те же стадии развития. В последние несколько десятилетий в социологии произошло своеобразное возрождение эволюционных теорий, однако акцент делается уже не на однолинейности, а на **мультилинейности**[2]. Мультилинейные теории предполагают, что возможно существование различных путей развития, ведущих от одного типа общества к другому. Согласно этим взглядам, различные типы обществ могут быть классифицированы в зависимости от уровня их сложности и дифференциации, однако не существует единого пути, проходимого всеми обществами.

Сторонники теорий мультилинейной эволюции также считают, что усиление адаптации к окружающей среде является основным механизмом изменений. Они полагают, что каждый последующий тип общества более эффективно адаптирован к своему окружению, чем предыдущий, более простой. Например, аграрные общества более эффективны в обеспечении постоянного добывания продовольствия, чем племена охотников и собирателей. Но, тем не менее, современные эволюционисты избегают трактовать совершенствование адаптивной способности как «прогресс».

Теория эволюции Толкотта Парсонса

Одной из самых влиятельных теорий нашего времени является теория, развитая Толкоттом Парсонсом. Он предлагает считать социальную эволюцию расширением биологической, хотя фактические механизмы той и другой различны. Оба типа эволюции могут быть поняты в терминах так называемых *эволюционных универсалий*, т.е. тех типов развития, которые обнаруживаются по крайней мере в нескольких случаях в независимых друг от друга условиях и значительно повышают жизнеспособность. Примером эволюционной универсалии в мире природы является зрение. Оно не просто появилось в каком-то случайном, изолированном уголке живой природы, а развилось независимо у нескольких видов. Способность видеть позволяет неизмеримо, по сравнению с незрячими видами, увеличить спектр реакций, скоординированных с изменениями окружающей среды, и поэтому имеет громадную адаптационную ценность. На высших стадиях биологической эволюции зрение становится необходимой характеристикой всех животных.

В любой человеческой культуре, отмечает Парсонс, фундаментальное значение имеет коммуникация; ее основой является язык. Таким образом, язык — это первая и важнейшая эволюционная универсалия; нам неизвестны человеческие общества, не обладающие языком. Тремя другими универсалиями, которые обнаруживаются даже в самых ранних формах общественной жизни, являются религия, родственные отношения и технология. Эти четыре универсалии связаны с настолько важными для человеческого общества аспектами, что без них невозможен никакой процесс социальной эволюции.

Согласно точке зрения Парсонса, социальная эволюция может быть понята как процесс прогрессирующей дифференциации социальных институтов, так как общества развиваются от простого к сложному. Ранние типы общества проявляют очень

[2] *Sahlins M.* and *Elman Service*. Evolution and Culture. University of Michigan Press, 1960; *Gerhard Lenski* and *Jean Lenski*. Human Societies. New York, 1982.

низкий уровень дифференциации, для них характерно то, что Парсонс называет *«конструктивным символизмом»*. В данном случае идет речь о существовании некоего набора символов, в основном религиозного характера, пронизывающих практически все стороны социальной жизни. В качестве примера культуры, находящейся на низшей стадии социальной эволюции, Парсонс (как и Дюркгейм) рассматривает племена австралийских аборигенов. Эти общества структурированы исключительно на основе родственных отношений, которые, в свою очередь, выражают религиозные взгляды, а также связаны с хозяйственной деятельностью. Личная собственность индивидов в этих обществах очень мала; институт племенных вождей в сколько-нибудь различимом виде не существует; производство также отсутствует, поскольку средства к существованию дают охота и собирательство.

Следующая ступень эволюции — уровень «развитого первобытного общества». В этом типе на смену эгалитарным отношениям приходит система стратификации, причем наряду с классовым делением нередко существует и этническое. В развитых первобытных обществах возникает особая производственная система, основанная на скотоводстве или земледелии, а также постоянные поселения. Религия начинает отделяться от других сторон социальной жизни и попадает в ведение специфической социальной группы — священников или жрецов.

Двигаясь далее по этой шкале, мы обнаруживаем то, что Парсонс называет «промежуточными обществами». Этим термином он обозначает общества, которые большинство других авторов именует цивилизациями или традиционными государствами, — такие, как древний Египет, Рим и Китай. Такие общества связаны с возникновением письменности и грамотности. Религия еще более усложняется, приводя к развитию систематической теологии, и выступает уже совершенно обособленно от политических, экономических и семейных отношений. Политическое руководство приобретает форму государственных администраций, во главе которых стоит аристократия. На этой стадии возникает ряд новых эволюционных универсалий: особые формы политической легитимности, бюрократические организации, денежный обмен и специальная система законов. Появление каждой из них, утверждает Парсонс, многократно увеличивает способность общества интегрировать в свой состав большие массы людей.

Индустриальные общества занимают высшую ступень в эволюционной схеме Парсонса. Они гораздо более дифференцированы, чем общества промежуточного типа. Политическая и экономическая системы в них явно отделены друг от друга, а также от законодательной системы и религии. Появление массовой демократии создает возможность вовлечения всего населения в участие в политическом процессе. Индустриальные общества имеют гораздо большую территориальную целостность, чем предшествующие типы, и отделены друг от друга четкими границами. Исключительная жизнеспособность, порождаемая институтами индустриальных обществ, хорошо подтверждается фактом всемирного распространения индустриального порядка, что привело к почти полному исчезновению ранних типов общественного устройства.

Оценка

Эволюционные теории даже в своих наиболее поздних и утонченных формах сталкиваются со значительными трудностями[3]. Совсем не очевидно, что развитие

[3] *Gellner Ernes.* Thought and Change. London, 1964; *Giddens Anthony.* The Constitution of Society. Cambridge, 1984.

человеческих обществ сходно с эволюцией в мире природы, а понятие адаптации имеет, вероятно, малую ценность для социологии. В биологии **адаптация** имеет очень точный смысл и относится к способу, при помощи которого случайно проявившиеся характеристики некоторых организмов содействуют их выживанию и влияют на гены, передаваемые от одного поколения к другому[4]. В случае социального эволюционизма подобного четко выраженного смысла не существует.

Нельзя с полной определенностью утверждать, что классификация обществ по уровню сложности, подобная классификации биологических организмов, будет полезна для нас. Например, племена охотников и собирателей в некоторых отношениях *сложнее* индустриальных обществ, даже несмотря на свою малочисленность: существующие в этих обществах системы родственных отношений, как правило, гораздо сложнее, чем их аналоги в индустриальных странах.

Более поздние эволюционные теории отличаются от ранних большей глубиной и изощренностью. И хотя мы можем сказать, что существует общее *направление* социального развития человечества от небольших обществ к более крупным, однако не очевидно, может ли это быть объяснено в терминах адаптации и жизнеспособности. Природа социальных и культурных изменений, по-видимому, в целом гораздо более сложна, чем это предполагается в эволюционных теориях.

Исторический материализм

Марксистская интерпретация социальных изменений в чем-то сходна с эволюционными теориями: в обоих случаях предполагается, что в основе изменений лежит взаимодействие с материальной средой. Согласно Марксу, каждое общество основывается на *экономическом базисе*, или инфраструктуре, изменения которого влекут за собой соответствующие изменения в *надстройке* — политических, законодательных и культурных институтах. Маркс не использует понятие «адаптация», которое, по-видимому, могло ему казаться слишком механистическим. Согласно его точке зрения, человеку свойственно активное отношение к миру, стремление управлять им и подчинять своим целям; люди не просто «адаптируются» и «вписываются в» окружающую среду.

Ключом к пониманию социальных изменений, утверждает Маркс, являются способы, используя которые, люди создают все более сложные и совершенные системы производства, усиливают свое влияние на материальный мир, подчиняя его своим целям. Маркс описывает этот процесс как рост *производительных сил*, или, другими словами, уровня экономических достижений общества. Согласно его точке зрения, социальные изменения могут происходить не только как процессы постепенного развития, но и как революционные потрясения. Периоды постепенной перестройки производительных сил и других институтов сменяются фазами резких революционных трансформаций. Речь идет о так называемой **диалектической интерпретации изменений**. Наиболее значительные изменения проявляются как раз в столкновениях, борьбе и катаклизмах.

Перемены, происходящие в производительных силах, вызывают напряжения в институтах надстройки, и чем эти напряжения сильнее, тем настоятельнее необходимость полной и всесторонней трансформации общества. Борьба классов становится все более острой и приводит в конце концов либо к распаду существующих институтов, либо к переходу к новому социальному порядку посредством политической революции.

[4] *Alland Alexander*. Adaptation in Cultural Evolution. New York, 1970.

В качестве иллюстрации к теории Маркса приведем анализ истории Европы в период замены феодализма промышленным капитализмом. Феодальная экономическая система была основана на мелкомасштабном сельскохозяйственном производстве, а основными общественными классами были аристократия и крепостное крестьянство. Согласно Марксу, по мере развития торговли и технологии (производительных сил) начались сдвиги и в инфраструктуре. Это привело к появлению новой системы экономических отношений, связанных в основном с капиталистическими промышленными предприятиями в городах. Возник ряд противоречий между старым сельскохозяйственным экономическим укладом и зарождающейся капиталистической промышленной системой. Чем острее становились эти противоречия, тем большее напряжение испытывали другие институты. Конфликт между аристократией и новым классом капиталистов привел в конце концов к революции, означавшей установление нового типа общества. Другими словами, на смену феодализму пришел капитализм.

Критические замечания

Идеи Маркса, безусловно, помогают объяснить многое в крупных исторических сдвигах. Многочисленные историки и социологи, не считающие себя «марксистами», принимают многое в интерпретации Марксом распада феодализма и происхождения современного капитализма. Тем не менее, теория Маркса как общий подход к анализу социальных изменений имеет существенные ограничения. Неясно, насколько удачно в такую схему вписываются другие исторические трансформации. Например, некоторые археологи на основе теории Маркса пытались объяснить развитие ранних цивилизаций[5]. Они утверждали, что цивилизации появились тогда, когда развитие производительных сил оказалось достаточным, чтобы могло возникнуть классовое общество. В лучшем случае этот взгляд является очень упрощенным, поскольку традиционные государства возникали главным образом в результате военной экспансии. Политическая и военная сила являлись по большей части *средством*, а не результатом, приобретения богатства. Кроме того, теория Маркса оказалась совершенно несостоятельной в объяснении возникновения крупнейших восточных цивилизаций Индии, Китая и Японии.

Недостатки теорий: веберовская интерпретация изменений

Макс Вебер подверг критике как эволюционные теории, так и исторический материализм Маркса. Попытки интерпретировать исторический процесс в целом в терминах адаптации к материальному миру или в терминах экономических факторов, утверждает он, изначально обречены на неудачу. Хотя эти факторы, безусловно, важны, они никоим образом не могут *определять* все процессы развития. Никакая «однофакторная» теория социальных изменений не может претендовать на объяснение всего многообразия социального развития человечества. Помимо экономики, не меньшее, а часто большее, значение имеют и другие факторы, в том числе военная сила, способы правления, идеология.

---

[5] *Childe V. Gordon.* Man Makes Himself. London, 1956.

Если точка зрения Вебера верна (а многие с этим согласны), то никакая отдельно взятая теория не способна объяснить природу всех социальных изменений. При анализе подобных изменений в лучшем случае можно достичь двух целей. Во-первых, мы можем вычленить некоторые факторы, имеющие устойчивое и достаточно широкое влияние на социальные изменения во многих контекстах. Во-вторых, можем развить теории, объясняющие конкретные фазы или «эпизоды» изменений, — например, возникновение традиционных государств. Эволюционисты и марксисты не были *неправы*, подчеркивая важность факторов окружающей среды и экономических факторов для социальных изменений, — просто и те, и другие отводили им исключительную роль в ущерб другим возможным влияниям.

Факторы, влияющие на изменения

Основные типы факторов, могущих влиять на социальные изменения, можно объединить в три группы: *физическая среда*, *политическая организация* и *культурные факторы*.

Физическая среда

Как справедливо подчеркивали эволюционисты, физическое окружение нередко оказывает существенное воздействие на развитие социальной организации в человеческом обществе. Это особенно заметно в экстремальных условиях, когда существование людей определяется климатическими условиями. Обычаи и жизненный уклад обитателей полярных регионов безусловно отличаются от обычаев и уклада жителей субтропиков.

Менее экстремальные физические условия также нередко влияют на общество. Например, коренное население Австралии на протяжении всей своей истории занималось только охотой и собирательством, потому что ни растений, пригодных для регулярного выращивания, ни животных, которых можно было бы одомашнить, на континенте не было. Что касается традиционных цивилизаций, то большинство из них возникло в очень плодородных районах, например в дельтах рек. Значение имеют и другие факторы, например, возможность беспрепятственного сообщения по суше или наличие морских путей. Общества, отрезанные от мира горными хребтами, пустынями или непроходимыми джунглями, оставались сравнительно неизменными в течение очень долгого времени.

И все же прямое влияние природной среды на социальные изменения не так велико, как может показаться. Имелись случаи, когда люди, обладающие самой примитивной технологией, создавали продуктивную экономику в достаточно негостеприимных условиях. И наоборот, охотники и собиратели часто населяли очень плодородные регионы, но никакими видами скотоводства или земледелия не занимались. Это означает, что вряд ли можно говорить о существовании прямой и постоянной связи между природной средой и типом производственной системы данного общества. Поэтому выделение эволюционистами определяющей роли адаптации к окружающей среде оказывается менее плодотворным, чем тезис Маркса о влиянии производственных отношений на процессы социального развития. Тип производственной системы, несомненно, оказывает сильное влияние на характер и уровень происходящих в обществе перемен, однако он не имеет того абсолютного значения, которое ему приписывал Маркс.

Политическая организация

Другим фактором, существенно влияющим на социальные изменения, является характер политической организации. В племенах охотников и собирателей влияние этого фактора было минимальным, поскольку политической власти как особой мобилизующей сообщество силы там не существовало. В остальных типах общественного устройства наличие разнообразных политических органов — вождей, королей, правительств и т.д. — оказывало заметное воздействие на направление общественного развития.

Политические системы не являются, как утверждал Маркс, выражением экономической организации общества, так как в обществах, имеющих одинаковые производственные системы, могут существовать совершенно различные типы политического устройства. Например, способы производства, существовавшие в мелких догосударственных скотоводческих сообществах, не слишком отличались от тех, что существовали в крупных традиционных государствах, и удачливый правитель мог увеличить богатство подвластных ему племен при помощи территориальной экспансии. И наоборот, монарх, которому подобная попытка не удалась, мог подвести общество к экономическому распаду и катастрофе.

Важнейшим фактором политического влияния на социальные перемены является *военная сила*. Именно она сыграла фундаментальную роль в возникновении большинства традиционных государств и продолжала сильнейшим образом влиять на их последующее выживание и экспансию. Однако связи между производственным уровнем общества и его военной силой опять-таки не являются непосредственными. К примеру, правитель может потратить все ресурсы на создание мощной армии, даже если это приведет к обнищанию всего остального населения.

Культурные факторы

К их числу относятся религия, стили мышления и сознания. Как мы уже видели (см. главу 14, «Религия»), религия может быть как консервативной, так и прогрессивной силой в социальной жизни. Многие формы религиозных верований и практики были тормозом на пути перемен, поскольку подчеркивали в первую очередь необходимость придерживаться традиционных ценностей и ритуалов. Однако, как отмечает Вебер, религиозные убеждения часто способствовали мобилизации общества для совершения перемен.

Среди культурных факторов, воздействующих на характер и темпы перемен, особую важность имеет природа системы коммуникаций. Так, изобретение письменности повлияло на социальные процессы сразу в нескольких планах. Оно позволило вести записи, наладить более строгий учет материальных ресурсов и создать социальные организации большого масштаба. Кроме того, письменность изменила восприятие прошлого, настоящего и будущего. Общества, обладающие письменностью, фиксируют прошедшие события и осознают, что у них есть «история». Осознание истории может послужить толчком к ощущению общей «линии развития», которой следует данное общество и которую могут стремиться сохранить и продолжить различные социальные группы.

Говоря о культурных факторах, необходимо учесть и влияние *лидерства*. В определенные периоды истории роль лидера, отдельной гениальной личности, может быть поистине уникальна. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить Иисуса — величайшую религиозную фигуру всех времен, Юлия Цезаря — гениального политика и полководца, Ньютона — создателя новой науки и философии. Лидер,

способный проводить оригинальную и динамичную политику, привлекать на свою сторону массы или изменять традиционный способ мышления, способен совершить подлинный переворот в существующем порядке вещей.

Однако индивид может достичь лидерства и преуспеть в своих начинаниях только тогда, когда этому благоприятствуют социальные условия. Гитлер, например, смог захватить власть отчасти потому, что Германия начала 1930-х переживала кризисное и противоречивое время. Если бы обстоятельства были другими, он, несомненно, остался бы незначительным, безвестным деятелем одной из мелких политических сект.

Анализ эпизодов изменений

Влияние различных факторов, которые мы только что упомянули, варьируется в зависимости от времени и места. Мы не можем выделить какой-либо один из них как определяющий социальное развитие всего человечества, однако можно строить теории, касающиеся особых случаев или отдельных **эпизодов изменений**. В качестве иллюстрации воспользуемся принадлежащей Роберту Карнейро интерпретацией зарождения первых традиционных государств, или цивилизаций[6]. Карнейро согласен с утверждением, что войны сыграли основную роль в формировании традиционных государств, однако он отмечает, что среди обществ, находящихся на определенном уровне общественного развития, война становится обычным явлением и сама по себе не может объяснить возникновение государств.

Согласно точке зрения Карнейро, война может привести к образованию государства в том случае, если народ или племя владеет ограниченным физическим пространством, как, например, это было в древнем Египте (дельта Нила), в Мексиканской долине или в горных прибрежных долинах в Перу. В таких условиях война приводит к огромной нагрузке на скудные ресурсы. Миграция из района затруднена из-за его физической замкнутости. В результате традиционный жизненный уклад не выдерживает напряжения, и это стимулирует определенные группы к захвату власти над своими соплеменниками и установлению централизованного контроля над производством. Таким образом, вся территория объединяется под единым правлением, которое концентрирует все административные средства в своих руках и образует основу будущего государства.

Эта теория интересна и важна, поскольку помогает объяснить значительное количество случаев возникновения государств. Однако не все из ранних государств возникли на замкнутых территориях, подобно описанным Карнейро[7], и более поздние формы традиционных государств также нередко формировались в совершенно иных условиях. Однажды возникнув, государства стимулируют своего рода цепную реакцию, другие народы строят свои собственные политические системы, руководствуясь их примером. Однако тот факт, что теория Карнейро помогает объяснить лишь ограниченное число примеров возникновения традиционных государств, не является основанием, чтобы от нее отказываться. Она достаточно всеобща, чтобы быть значимой и полезной. Кроме того, не следует ожидать от одной теории, что при некоторой доработке она сможет объяснить более широкий спектр фаз социальной трансформации, чем тот, который она описывает.

---

[6] *Carneiro Robert L.* A theory of the origin of the state // Science, 169. 1970.

[7] *Claessen Henry* and *Peter Scalnik*. The Early State. The Hague, 1978.

Изменения в недавнем прошлом

Чем можно объяснить, что в последние двести лет, в современный период, наблюдается столь бурное ускорение темпов социальных перемен? Вопрос этот, конечно, чрезвычайно сложен, однако некоторые факторы можно назвать практически сразу. Неудивительно, что их можно классифицировать по тем же направлениям, что и факторы, влиявшие на социальные изменения на протяжении всей истории. При их анализе роль физической среды будет на более общем уровне рассматриваться в контексте всеобъемлющей важности экономических факторов.

Влияние экономики

На экономическом уровне наиболее далеко идущее воздействие оказал *промышленный капитализм*. Капитализм принципиально отличается от предыдущих производственных систем, поскольку предполагает постоянное расширение производства и непрерывное накопление богатства. В традиционных производственных системах уровень производства был относительно статичен, поскольку определялся привычными и неизменными потребностями. Развитие капитализма дает импульс постоянной перестройке производственной технологии, в этом процессе все большая роль отводится науке. Скорость технологического обновления в современной промышленности неизмеримо выше, чем при любом предшествующем экономическом порядке.

Возьмем в качестве примера современную автомобильную промышленность: крупнейшие производители предлагают новые модели почти ежегодно, постоянно совершенствуя и модифицируя существующие. То же самое происходит и в области информационных технологий. За последние пятнадцать лет мощность компьютеров выросла в 10 000 раз. Для большого компьютера середины 1960-х требовалось несколько десятков тысяч изготовленных вручную коннекторов, а для его современного аналога — гораздо меньшего по размерам — требуется всего десять элементов в интегрированном блоке.

В традиционных обществах производство в основном было локальным. Конечно, существовали купцы, бороздившие дальние моря и торговавшие со всем светом, но в основном эта торговля была ограничена предметами роскоши, предназначенными для избранных. Появление современной промышленности означало конец эпохи локального производства и формирование новой системы разделения труда, связавшей воедино потребителей и производителей всего мира. Маркс очень точно описывает этот процесс, указывая, что современный капитализм

> повсеместно придал производству и потреблению космополитический характер. Он выбил из-под ног промышленности ее национальную почву. Все традиционные национальные отрасли либо подверглись разрушению, либо ежечасно приближаются к этому. На смену им приходит новая промышленность, создание которой для всякой цивилизованной нации стало вопросом жизни и смерти, и которая имеет дело не с местным сырьем, а с сырьем, доставленным из самых удаленных регионов; промышленность, продукты которой потребляются не только на ее родине, но в любом уголке земного шара.[8)]

С развитием промышленного капитализма образ жизни людей стал принципиально иным; например, в современных обществах большая часть населения

[8)] *Marx Karl* and *Friedrich Engels*. Manifesto of the Communist Party. In: *Karl Marx* and *Friedrich Engles*. Selected Works in One Volume. London, 1968.

живет в городах, а не в сельской местности, и работает на заводах и в учреждениях, а не в сельском хозяйстве. Сегодня такие условия жизни мы воспринимаем как данность, не осознавая, насколько они уникальны для человеческой истории. Наше общество является первым типом общества, в котором большая часть населения живет не в деревне и не добывает средства к существованию крестьянским трудом. Естественно, изменения, связанные с урбанизацией и формированием новой производственной среды, повлияли на большинство социальных институтов, а также испытали обратное влияние со стороны этих институтов.

Влияние политики

Вторым важнейшим типом влияний на изменения современной социальной жизни являются новейшие веяния в политике. Борьба наций за расширение своего влияния, за рост богатства и военного превосходства над соперниками были основным источником перемен на протяжении последних двух–трех столетий. В традиционных обществах перемены в политической жизни затрагивали только элиту. Одна династия сменяла другую, но для большинства населения это мало что значило, его жизнь оставалась почти неизменной. В современной политической системе сложилось совершенно иное положение, когда действия политических лидеров и правительственных чиновников постоянно сказываются на жизни самых широких масс. Решения политиков, как во внутренних, так и во внешних делах, стимулируют и направляют перемены в социальной жизни гораздо сильнее, чем раньше.

Развитие политической системы, происходившее на протяжении последних двух–трех столетий, оказало такое же значительное влияние на экономику, как и экономика на политику. Сегодня правительства активно влияют на темпы экономического роста, стимулируя (а иногда и замедляя) его. Кроме того, во всех индустриальных странах высока доля государственного вмешательства в производство, поскольку правительство является еще и крупнейшим работодателем.

Военная сила и войны также оказали огромное влияние на современное развитие[9]. Начиная с XVII века военная сила западных наций позволила им распространить свое влияние на весь мир и явилась фоном, на котором повсеместно утверждался западный стиль жизни. В истории двадцатого века необычайно сильно влияние двух мировых войн. Множество стран было полностью опустошено, а их восстановление привело к значительным институциональным сдвигам, как, например, в Германии и Японии после Второй мировой войны. Даже страны, вышедшие победителями из этих войн — как США — в результате влияния войны на их экономику подверглись серьезным внутренним изменениям.

Влияние культуры

Воздействие культурных факторов на процессы социальных изменений в современном мире также весьма значительно. Первоочередное влияние здесь оказало развитие науки и секуляризация мышления. Каждый из этих факторов способствовал формированию *критического* и *новаторского* характера современного мировоззрения. Мы уже не принимаем привычки и обычаи только потому, что за ними стоят традиции. Напротив, наш образ жизни все больше нуждается в «рациональном» обосновании,

[9] *Aron R.* The Centure of Total War. London, 1954; *Marwick A.* War and Social Change in the Twentieth Century. London, 1974; *Howard M.* War in European History. Oxford, 1976; *Giddens A.* The Nation-State and Violence. Cambridge, 1985.

то есть его следует защищать или, если необходимо, изменять в зависимости от того, может ли он быть обоснован аргументами разумности и очевидности. Так, проект новой больницы в основном определяется теперь не традиционными вкусами, а соответствием здания той цели, для которой оно предназначается — эффективному лечению больных.

На современные социальные процессы повлияло не только изменение способа мышления, изменилось и само содержание идей. Идеалы самосовершенствования, свободы, равенства и демократического участия — в значительной мере продукты двух–трех последних столетий. Именно эти идеалы явились мобилизующим началом глубоких социальных и политических перемен, в том числе революций. Эти понятия ассоциируются не с традицией, а с постоянным обновлением образа жизни в целях совершенствования и развития человека. Несмотря на то, что эти идеалы возникли изначально на Западе, они были восприняты повсеместно и привели к переменам в большинстве регионов мира.

Текущие изменения и дальнейшие перспективы

К чему приведут социальные перемены? Чем ознаменуется для нас начало двадцать первого века? Подобные вопросы с необходимостью подразумевают элементы предположения, и в ответах на них социологи отнюдь не едины. Рассмотрим три возможных перспективы.

Вперед к постиндустриальному обществу?

Многие исследователи высказывают мысль, что современная эпоха есть не что иное, как переход к новому обществу, основанному уже не на индустриальном порядке. Они утверждают, что человечество вступает в фазу развития, *выходящую за пределы индустриальной эпохи*. По словам Олвина Тоффлера, «то, что происходит сейчас, при всем своем сходстве с промышленной революцией больше ее, глубже и важнее... Настоящий момент представляет собой не что иное, как второй великий водораздел в человеческой истории»[10].

Для описания нового гипотетического социального порядка придумано немало терминов — *информационное общество, общество услуг, общество знаний*. Ощущение выхода за пределы прежних форм индустриального развития побудило многих исследователей вводить термины с добавлением приставки *пост* («после»). Так, некоторые авторы говорят о *постмодернистском* и *постдефицитном* обществе. Однако наиболее употребительным стал термин, впервые, по-видимому, предложенный американцем Дэниэлом Бэллом и французом Аленом Турэном, — **постиндустриальное общество**[11].

Разнообразие названий уже само по себе говорит о множественности интерпретаций текущих социальных изменений; но одна тема присутствует неизменно — осознание важности для будущего общества *информации* или *знания*. На смену нашему образу жизни, основанному на материальном производстве, привязанному к машине и станку, идет новый, основой производственной системы которого является информация.

Чрезвычайно яркое и подробное изображение постиндустриального общества дает Дэниэл Бэлл в своей работе «Пришествие постиндустриального общества».

[10] *Toffler Alvin*. Future Shock. London, 1970.

[11] *Bell Daniel*. The Coming Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. London, 1973; *Tourain A.* The Post-Industrial Society. London, 1974.

Отличительным признаком постиндустриального порядка, утверждает Бэлл, является рост сферы услуг за счет сферы материального производства. Синий воротничок, занятый на фабрике или в мастерской, не является больше основным типом наемного работника. Белые воротнички (клерки и квалифицированные специалисты) начинают превалировать, причем быстрее всего растет спрос на специалистов и работников, обладающих технической квалификацией.

Люди, занимающие высшие этажи профессиональной сферы, специализируются на производстве информации и знаний. Имеется в виду производство и контроль так называемого *кодифицированного знания* (систематической, упорядоченной информации), которое является основным стратегическим ресурсом любого общества. Те, кто занимается созданием и распространением кодифицированного знания — ученые, специалисты-компьютерщики, экономисты, инженеры и разного рода квалифицированные специалисты — превращаются в ведущую социальную группу, заменяя в этом качестве промышленников и предпринимателей старой системы. В культуре наблюдается отход от «этики трудолюбия» в пользу более свободного и ориентированного на удовольствия стиля жизни. Дисциплинирующая функция работы, характерная для индустриализма, ослабевает в постиндустриальном обществе; люди обретают большую свободу для инноваций как в профессиональной, так и в частной сферах.

Критические замечания

Насколько обоснованна точка зрения, что старый индустриальный миропорядок будет заменен постиндустриальным обществом? Несмотря на то, что данный тезис поддерживают очень многие, существуют серьезные причины, чтобы воспринимать его с известной долей осторожности[12]. Эмпирические допущения, на которых основано понятие постиндустриального общества, вызывают следующие сомнения.

1. Мысль о том, что основой экономической системы становится информация, является следствием специфической и весьма спорной интерпретации сдвига в структуре занятости в сторону сферы услуг. Данная тенденция, сопровождающаяся падением занятости в других отраслях производства, восходит почти к началу самой индустриальной эпохи, так что явление это отнюдь не новое. С начала XIX века и промышленность, и сфера услуг — *обе* расширялись за счет сельского хозяйства, причем темпы роста в сфере услуг постоянно были выше, чем в промышленности. Синий воротничок, т. е. промышленный рабочий, фактически никогда не был самым распространенным типом наемного работника. В сельском хозяйстве и в сфере услуг занятость *всегда* была выше, причем существовала прямая зависимость между ростом сферы услуг и сокращением числа рабочих мест в сельском хозяйстве. Очевидно, что основное изменение было не в переходе от промышленности к услугам, а от сельского хозяйства к остальным видам занятости.

2. Сектор услуг чрезвычайно неоднороден. Деятельность в этой сфере не следует отождествлять с профессиями «белых воротничков», поскольку многие работы такого рода связаны с физическим трудом, например, служба на бензоколонке. В свою очередь, большинство «беловоротничковых» должностей практически не требуют специальной подготовки и в значительной мере механизированы. Это

[12] *Williams Raymond*. Towards 2000. Harmondsworth, 1985.

относится к большинству офисных должностей низшего ранга, к обязанностям секретарей и клерков.

3. Многие «сервисные» операции — лишь часть процесса, общим итогом которого являются материальные продукты, и фактически их следует считать частью производства. Так, программист, занятый составлением программ для станков какой-нибудь промышленной фирмы, принимает непосредственное участие в процессе изготовления материальных благ. Анализируя сервисные профессии, Джонатан Гершани делает вывод о том, что более половины из них подобным образом связаны с производством [13].

4. Бэлл высказывает предположение, что Соединенные Штаты дальше всего продвинулись на пути к постиндустриальному обществу, и в дальнейшем этим же путем последуют остальные. Кроме того, американская экономика уже давно отличается от экономики других индустриальных стран: в течение всего нынешнего столетия относительная доля занятых в сфере услуг в США была выше. Соотношение между сервисными и производственными профессиями в разных странах существенно варьируется и сегодня; многие страны, по всей вероятности, вообще никогда не станут такими же «сервисно-ориентированными», как Америка. То, что некоторые считают общей тенденцией, фактически может оказаться специфической чертой американского общества.

5. Никто не может с уверенностью судить о том, каковы будут долговременные последствия широкого распространения микропроцессорных систем и электронной коммуникации. В данный момент они интегрируются в промышленное производство, а не вытесняют его. Похоже, что технология такого рода будет очень быстро развиваться и охватывать все новые сферы социальной жизни. Однако любые оценки последствий этого влияния по-прежнему остаются лишь предположениями. Насколько наше общество уже сегодня живет за счет «кодифицированного знания» — также весьма неясно [14].

6. В концепции постиндустриального общества преувеличивается роль экономического фактора в социальных переменах. Подобное общество описывается как итог экономических процессов, повлекших за собой изменения во всех остальных социальных институтах. Большинство сторонников постиндустриальной гипотезы почти не испытали влияния Маркса или же открыто его критиковали, однако их взгляды можно считать квазимарксистскими в том смысле, что экономические факторы в их подходе являются причиной социальных перемен.

Многое из того, что описали теоретики постиндустриальной ориентации, действительно отражает важные черты современной эпохи, однако не очевидно, что концепция «постиндустриального общества» — лучший путь для объяснения подобных процессов. Более того, сегодня политика и культура являются движущими силами перемен в не меньшей степени, чем экономика.

Капитализм и социализм

Какое будущее ожидает отношения между капитализмом и социализмом? Политические организации и партии, называющие себя «социалистическими», верят

[13] *Gershuny J.* After Industrial Society? London, 1978.

[14] *Lyon David.* The Information Society: Issues and Illusions. Cambridge, 1987.

в возможность строительства общества нового типа, которое преодолеет недостатки и Запада, и Востока. Насколько реалистичны подобные ожидания? Смогут ли социалистические идеалы вдохновлять социальные движения и в будущем? («Социализм» в сложившемся понимании — более широкое понятие, чем «коммунизм», обозначающий идеи и движения, связанные с именами Маркса и Ленина, и воплотившийся в социальном строе СССР.)

Сторонники социализма считают его стадией, возникающей «после» либерально-демократических политических систем и капиталистических экономик западного типа. Они убеждены в том, что западные общества не способны достичь провозглашенных ими самими целей равенства и демократии вследствие своей ограниченности рамками капитализма. Так, правом участвовать в политической жизни формально обладает все население, но большая его часть не оказывает фактически никакого влияния на решения, затрагивающие их жизнь. Предполагается, что экономическая система основана на принципе «свободного предпринимательства», но это предположение почти бессмысленно, как утверждают социалисты, для большинства рабочего населения. Рабочие не имеют другого выбора, кроме как идти на работу к предпринимателям, чтобы добыть средства к существованию. На условия своего труда они тоже повлиять не могут, поскольку производственная демократия отсутствует.

Капиталистическая система способна создавать значительное богатство, однако, заявляют социалисты, распределяется оно крайне неравномерно, и среди общего изобилия мы неизменно обнаруживаем чрезвычайную нищету. Более того, для рыночной экономики характерны постоянные колебания экономической жизни, периоды оживления сменяются длительными периодами спада. В такие периоды безработица становится массовой, а производственные ресурсы часто находятся без движения.

Предполагается, что в социалистическом обществе эти проблемы могут быть решены путем создания более справедливого социального порядка и обеспечения более полного участия граждан в управлении. В большинстве моделей социалистического общества, несмотря на существенные различия между ними, присутствует комбинация производственной демократии и централизованного управления экономикой. Государственный контроль в экономической сфере необходим для компенсации колебаний экономической жизни и сбалансированного перераспределения общественного богатства. Широкая демократия, как в производственной, так и в политической сферах, является гарантией того, что государственная власть не используется для подавления личных свобод.

Социализм: факты двадцатого века

До начала двадцатого века социализм существовал как понятие — либо мечта, либо кошмар, в зависимости от точки зрения, — а не как реальность. Ни одна партия, находящаяся у власти, не претендовала на претворение социалистических идеалов. Однако за последние три четверти века ситуация чрезвычайно изменилась. Во многих регионах мира к власти пришли правительства, приверженные социалистическим идеалам. Речь идет не только о коммунистических партиях, но также о многих других, и, в частности, о социал-демократических партиях стран Западной Европы. Нужно заметить, что правительства, открыто назвавшие себя социалистическими, оказались повинны в ужаснейших событиях двадцатого века, например, в массовых убийствах и депортациях, осуществленных в Советском Союзе при Сталине. В свете этого опыта мы можем яснее представить обещания и ограничения социалистической мысли.

Ни в области экономического развития, ни в отношении либерализации своих политических систем индустриальные страны с централизованным политическим и экономическим руководством, в частности, страны Восточной Европы, не проявили себя успешно. Попытка заменить рыночные механизмы жестким централизованным планированием оказалась во многих отношениях безуспешной. По-видимому, централизованное управление сложной современной экономикой в принципе не может быть эффективным. Для оптимального распределения продукции и ресурсов необходимы рыночные механизмы. Более того, опыт показывает, что жесткое централизованное планирование, как правило, сопровождается политическим авторитаризмом.

Социалистическим странам третьего мира в ряде случаев удалось сделать для своих граждан больше, чем их несоциалистическим собратьям. Куба, например, имеет более высокие показатели грамотности, медицинского обслуживания и социального обеспечения, чем сравнимые с нею несоциалистические страны Южной Америки. Но хотя многие западные социалисты видят в Кубе пионера нового социального устройства, весьма немногие из них согласились бы сегодня с тем, что кубинский социализм — это приемлемый образец для индустриально развитых стран. Уровень экономического развития Кубы по-прежнему остается низким, она постоянно нуждается в экономических субсидиях, а свобода политических высказываний ограничена.

Что касается социал-демократических партий западных стран, то их наиболее радикальные планы не сбылись либо вследствие нежелания электората одобрить их идеи, либо вследствие противодействия со стороны бизнеса; однако в целом они по-прежнему пользуются серьезным влиянием. Именно им принадлежит основная заслуга в организации систем социального обеспечения и смягчения неравенства, порождаемого неконтролируемыми рыночными механизмами. Общества, в которых социалистические и лейбористские партии находились у власти долгое время, добились значительных результатов. Прекрасным примером является Швеция, в которой средний уровень доходов на душу населения выше, чем в Соединенных Штатах, а бедность практически искоренена. Тем не менее, в отношении экономических основ Швеция остается капиталистическим обществом. Дальнейшее развитие социализма в этой стране, скорее всего, обернулось бы авторитаризмом и гиперцентрализмом на восточно-европейский манер[15]. Характерное для Швеции сочетание экономического процветания, либерализма и социальной справедливости, по всей вероятности, есть следствие эффективного компромисса между социалистическими идеалами и капиталистическими механизмами.

Альтернативы социализму

События двадцатого века серьезно скомпрометировали идеи социализма, а в последние годы ему бросили вызов приверженцы правой ориентации. Представители этого крыла политического спектра не просто критикуют доктрины социализма как отрицающие личные свободы, но пытаются выдвинуть собственные позитивные альтернативы. С их точки зрения, путь к справедливому и свободному социально-политическому устройству идет через расширение сферы рыночных отношений — позиция, прямо противоположная традиционной аргументации социалистов. В свете дилемм, стоящих перед социализмом, а также изменений, описанных теоретиками постиндустриального общества, многие исследователи сегодня придерживаются

[15] *Himmelstrand Ulf* et al. Beyond Welfare Capitalism. London, 1981.

мнения, что социалистические идеи уже не имеют значения для фундаментальных проблем нашего века; причем аргументы такого рода выдвигают авторы не только правой, но и левой ориентации.

Как относиться к подобным взглядам? Конечно, в ближайшем будущем социалистические партии и движения не только не исчезнут, но и сохранят свое влияние. Социализм является фундаментальной составляющей политического наследия Запада. Очевидно и то, что в ближайшие годы идеи социализма будут все чаще подвергаться критическому осмыслению, причем не только их традиционными оппонентами из правых партий, но и сторонниками либеральных взглядов. По всей видимости, появятся новые группы и движения, которые займут заметное место в политических дебатах и баталиях. Они уже сейчас поднимают такие вопросы, которые не вписываются в традиционные споры об относительных преимуществах социализма и свободного капиталистического общества.

К этой категории относится и круг проблем, связанных с **экологией окружающей среды**. И правые, и левые едины в том, что экономический рост может продолжаться более или менее бесконечно, разногласия возникают лишь по поводу лучших средств достижения такого роста. Однако уже сейчас стало очевидным, что земные ресурсы конечны, а развитие промышленного производства нанесло невосполнимый ущерб окружающей среде. Экологические проблемы связаны не только с тем, как уменьшить вред, наносимый окружающей среде, но с самим образом жизни, взращенным индустриальным обществом. Если постоянный экономический рост как цель должен быть отвергнут, то человечество, возможно, окажется перед необходимостью создания новых социальных институтов. Разумеется, технологический прогресс непредсказуем, и, возможно, земных ресурсов хватит для глобальной индустриализации. Однако в данный момент это кажется маловероятным, и если третий мир будет ориентироваться на достижение жизненного уровня, хотя бы отчасти сравнимого с западным, без глобального перераспределения не обойтись.

Столь же фундаментальное значение имеют проблема *гендерных различий* и проблема *насилия*. Неравенство между мужчиной и женщиной коренится глубоко в основании всех человеческих культур, и достижение большего равенства между полами потребует значительных изменений существующих социальных институтов. Несмотря на многочисленные дебаты на эту тему, нет никаких очевидных проявлений того, что социализм особо озабочен разрешением проблемы пола. В значительной степени это относится и к попыткам осмысления угрозы, связанной с наращиванием вооружений и военной мощи. Вопрос о том как снизить, а в перспективе и вовсе исключить, риск ядерной конфронтации будет, безусловно, стоять на первом месте в 90-е годы и даже позднее. Темы, которые здесь были затронуты, не вписываются в традиционное противостояние «социалистического» и «капиталистического» мировоззрений.

Социальные изменения: взгляд в будущее

Мы можем двигаться или не двигаться к постиндустриальному обществу, однако мы, безусловно, переживаем период социального изменения, драматичного даже по стандартам последних двух столетий. Нам известны масштабы происходящих изменений, хотя их интерпретация по-прежнему остается неясной. На них оказывают влияние следующие факторы, отмеченные теоретиками постиндустриального подхода и другими исследователями:

1. Исключительно высокие темпы технологического обновления в сочетании с ростом использования информационной технологии и микроэлектроники;
2. Разрушение традиционных отраслей производства западной экономики, сопровождающееся перемещением основных мощностей промышленности на восток;
3. Дальнейшее вовлечение индустриальных обществ в единые глобальные связи;
4. Крупные сдвиги в сферах культуры и частной жизни, связанные с изменениями гендерных отношений;
5. Сохранение существенного неравенства между богатыми влиятельными индустриальными странами и бедными странами третьего мира;
6. В основе всего — зыбкий баланс между возможностью длительного глобального мира и ядерного конфликта, могущего уничтожить большую часть населения земли.

Пытаясь заглянуть через рубеж нынешнего века в следующий, мы не можем предвидеть, будет ли новое столетие отмечено мирным социальным и экономическим развитием или умножением глобальных проблем до такой степени, что человечество будет не в состоянии их разрешить. В отличие от первых социологов, творивших два столетия назад, мы прекрасно понимаем, что современная промышленность, наука и технология чреваты не только благими последствиями. Наш сегодняшний мир гораздо более многолюден и богат, чем когда-либо раньше. Мы можем управлять своей судьбой и перестраивать свою жизнь к лучшему в такой мере, что предыдущие поколения не могли себе даже представить; и в то же время мир вот-вот подойдет к ядерной и экологической катастрофе. Это говорится вовсе не для того, чтобы вызвать отчаяние и ощущение бессилия. Если социология и может нам что-то дать, так это осознание того, что автором всех социальных институтов является сам человек. Именно мы, люди, осознающие свои достижения и недостатки, творим свою собственную историю. Осознание неприглядных сторон сегодняшних социальных изменений не должно лишать нас реалистического взгляда, взгляда с надеждой на наше будущее.

Краткое содержание

1. Современный период, с XVIII века и по сегодняшний день, оказался свидетелем необычайного ускорения процессов перемен. За этот период, являющийся лишь крошечным отрезком мировой истории, совершилось больше событий, чем за все время предыдущего существования человечества.
2. Двумя выдающимися наиболее общими теориями, пытающимися объяснить социальные изменения, являются *эволюционизм* и *исторический материализм*. Обе концепции усматривают корни перемен во взаимодействии человека с материальной средой; обе не лишены серьезных недостатков.
3. Никакая «однофакторная» теория не может объяснить всех социальных перемен. Как правило, выделяется ряд важнейших факторов, влияющих на социальное изменение. Одним из них является приспособление к материальной среде, к числу других можно отнести политические, военные и культурные факторы.

4. Вполне возможно создание теорий, описывающих отдельные эпизоды социальных изменений. В качестве примера можно привести теорию Роберта Карнейро, посвященную возникновению традиционных государств.
5. Среди важных факторов современных социальных изменений можно перечислить рост промышленного капитализма, возникновение централизованных государств, индустриализацию войны, а также появление наук и «рационального», или критического, стиля мышления.
6. Одна из точек зрения связана с идеей постиндустриального общества. Согласно этой концепции, старый индустриальный порядок отходит в прошлое, на его месте рождается новый социальный порядок, основанный на знании и информации. В этой теории недооценивается степень включенности обслуживающего труда в производство и слишком большое место отводится экономическим факторам.
7. Традиционные дебаты сторонников *свободного рыночного капитализма* и *социализма* неожиданно устарели. На передний план выходят новые вопросы, которые не вписываются и не решаются в рамках традиционных для политической теории позиций.

Основные понятия

социальные изменения
социальный эволюционизм
постиндустриальное общество

Важнейшие термины

исторический материализм
дифференциация
социал-дарвинизм
однолинейная эволюция
мультилинейная эволюция
адаптация
производственные силы
диалектическая интерпретация изменений
эпизоды изменений
экология окружающей среды

Дополнительная литература

Paul Ekins. A New World Order. London, 1992. Обсуждение процесса изменений, происходящих в современном мире. Особое значение придается движениям снизу.

Francis Fukuyama. The End of History and the Last Man. London, 1992. Наиболее дискуссионная работа, в которой доказывается, что современное положение обусловлено альтернативой между капитализмом и либерализмом.

Margaret A. Rose. The Postmodern and Postindustrial: a Critical Analyses. Cambridge, 1991. Историческое и критическое пособие к дебатам по поводу постмодернизма и постиндустриального общества.

Часть VI

МЕТОДЫ И ТЕОРИИ В СОЦИОЛОГИИ

Первая глава этой заключительной части посвящена тому, как социологи проводят свои исследования. Существует ряд основных методов исследований, позволяющих нам определить, что происходит в социальном мире. Мы должны убедиться в том, что информация, на которой строится социологическая аргументация, надежна и точна. В данной главе исследуются сопутствующие этому проблемы, а также показываются наилучшие пути их решения.

В последней главе книги анализируются некоторые из основных теоретических подходов в социологии. Социология не относится к числу предметов, основанных на определенных теориях, истинность которых общепризнанна. В этой главе сравниваются и сопоставляются друг с другом различные теоретические традиции.

Глава 21

Социология: методы исследования

Проблемы, которыми занимаются социологи, как на теоретическом, так и на прикладном уровне, часто похожи на проблемы, волнующие многих других людей. Как может существовать массовый голод в нашем столь богатом мире? Какое воздействие на нашу жизнь окажет нарастающее использование информационной технологии? Действительно ли мы переживаем начало распада института семьи или нет? Поощряют ли кино и телевидение насилие?

Социологи пытаются дать ответы на эти и многие другие вопросы. Разумеется, их выводы не являются окончательными. Тем не менее, целью теоретического и прикладного исследования всегда является избавление от тех спекулятивных и приблизительных способов, которыми, как правило, решает подобные проблемы обычный индивид. В хорошей социологической работе исследователь представляет изучаемые вопросы в максимально точном виде, и, прежде чем делать выводы, пытается оценить имеющиеся факты. Для достижения этих целей необходимо применять логически обоснованные исследовательские процедуры и быть способным тщательно анализировать материал. Мы должны знать наиболее полезные **методы исследования**, которые применимы в данной работе, и наилучшие способы анализа полученных результатов.

В социологическом исследовании можно выделить несколько аспектов. Исследовательская процедура, или *стратегия*, связана с планированием и проведением исследования в целом. Это означает выбор соответствующего метода исследования и разработку способа его применения в данной области. *Методология* исследования определяет логику интерпретации результатов и анализа полученных данных. *Методы* исследования — это действительные *методики*, применяемые для изучения социального мира[1]. К этим методам относятся опросы, интервью, «включенное наблюдение» (полевая работа внутри изучаемого сообщества), интерпретация официальных статистических данных и исторических документов, а также другие методики, не столь широко применяемые.

В этой главе мы начнем с изложения стадий социологического исследования, а также основных принципов, используемых в интерпретации результатов. Затем мы сравним наиболее широко применяемые методы исследования, рассматривая в качестве примера некоторые новейшие проекты и разработки. Часто существует огромная разница между тем, как должно проводиться исследование в идеале и тем, как оно происходит в реальной жизни.

[1] *Bulmer M.* Sociological Research Methods. London, 1984

Исследовательская стратегия

Проблема исследования

Всякое исследование начинается с *исследовательской проблемы*. Иногда это может быть незнание каких-то фактов: мы можем стремиться пополнить свои знания относительно определенных институтов, социальных процессов или культур. Исследователь, например, мог бы попытаться ответить на такие вопросы: какая часть населения имеет устойчивые религиозные убеждения? Действительно ли люди сегодня недовольны большой политикой? Насколько экономическое положение женщин хуже положения мужчин? Ответы будут в основном *описательными*. Однако по-настоящему интересное социологическое исследование начинается с проблем, которые представляют собой *головоломки*. Головоломка — это не просто отсутствие информации, но *пробел в нашем понимании*. Большая часть умения проводить стоящие социологические исследования в значительной степени состоит в способности увидеть головоломку. Дескриптивное, описательное исследование лишь отвечает на вопрос: «Что здесь происходит?» Исследование, связанное с решением головоломки, может приблизить нас к пониманию, *почему* события происходят именно так, как происходят, а не просто принять их так, как они выглядят. Таким образом, мы можем спросить: Почему меняются типы религиозных убеждений? Что означает взлет «Новых правых» в политической жизни последних лет? Почему так мало женщин имеют высокий должностной статус?

Ни один из этапов исследования не может быть отделен от всего процесса. Исследовательские проблемы являются частью постоянно совершающейся работы, один проект может легко привести к другому, поскольку ставит вопросы, которые исследователь раннее не учитывал. Головоломки могут возникать при чтении работы другого исследователя в книге или специализированном журнале, или вследствие осведомленности об особых тенденциях в обществе. Например, в главе 5, «Конформность и девиантное поведение», говорилось о том, что в последние годы появилось огромное число программ, пытавшихся вписать душевнобольных в общество, а не помещать их в закрытые клиники. Социолог может задуматься о таких вопросах: Что вызвало подобную перемену в отношении к душевнобольным? Каковы наиболее вероятные последствия этого как для самих больных, так и для остальных членов общества?

Обзор материалов по данной проблеме

Обычно первым шагом в процессе исследования является *обзор информации, имеющейся в этой области*. Может оказаться, что в ходе предыдущих исследований уже удалось прояснить данный вопрос, и ученому достаточно прочитать работы других социологов, работавших в этой области. Если в отношении данной проблемы нет ясности, то исследователю нужно провести анализ тех работ, которые имеют какое-либо отношение к теме, и определить, не окажутся ли они полезными для достижения цели, стоящей перед ним. Имели ли в виду предыдущие исследователи ту же головоломку, что и он? Как они пытались ее разрешить? Какие аспекты проблемы их исследование оставило вне рассмотрения? Обращение к чужим идеям помогает ученому яснее представить те вопросы, которые могут войти в исследовательский проект, и методы, которые можно было бы использовать в данной работе.

Уточнение проблемы исследования

Следующая стадия заключается в выработке четкой формулировки проблемы исследования. Если нужная литература существует, то исследователь может вернуться из библиотеки, имея достаточно хорошее представление о том, каким должен быть подход к данной проблеме. На данной стадии догадки относительно природы проблемы он может преобразовать в определенные **гипотезы**. Гипотеза — это предположение по поводу того, какие отношения существуют между явлениями, интересующими исследователя. Чтобы исследование было эффективным, гипотеза должна строиться так, что полученный фактический материал дает возможность ее проверить.

Разработка исследовательского проекта

Теперь нужно решить, *как именно* мы собираемся получить нужную информацию. Существует целый ряд методов, и то, какой из них будет избран, зависит от целей исследования, а также от аспектов поведения, которые предстоит изучать. Для одних целей подойдет анкетный опрос; в других обстоятельствах более уместными будут интервью или наблюдения. Разумеется, ни один из этих методов не может быть использован, если изучается проблема, относящаяся к исторической социологии. Здесь мы должны использовать документы того периода, который хотим изучать.

Проведение исследования

Во время проведения исследования могут возникнуть неожиданные трудности практического характера. Может оказаться невозможным связаться с теми, кому нужно отослать анкеты, или с теми, кого нужно интервьюировать. Частная фирма или правительственное учреждение могут не пожелать разрешить исследователю осуществлять планируемую работу. Может оказаться, что документальные материалы добыть труднее, чем это представлялось первоначально.

Интерпретация результатов

Собранный материал должен быть проанализирован и приведен в соответствие с проблемой, послужившей толчком к исследованию. Трудности, встающие перед исследователем, здесь не заканчиваются — наоборот, они, возможно, только начинаются! Обработка полученных данных и соотнесение их с проблемой исследования редко бывают легкими. Даже в том случае, когда имеется возможность получить ясные ответы на поставленные в исследовании вопросы, многие исследования остаются далеко не полными.

Отчет по результатам исследования

Исследовательский отчет, публикуемый обычно в виде журнальной статьи или книги, представляет собой объяснение природы исследования и содержит обоснование сделанных выводов. Данная стадия является последней только в терминах конкретного исследовательского проекта. Большинство отчетов выявляют массу вопросов, оставшихся без ответа, предполагая тем самым проведение дальнейших исследований. Любая индивидуальная исследовательская деятельность является частью непрерывного исследовательского процесса, происходящего в рамках социологического сообщества.

Представление процесса в целом

Изложенная выше последовательность шагов — не более чем упрощенная версия того, чем может быть действительный исследовательский проект. В реальном социологическом исследовании эти стадии редко (если вообще когда-нибудь) следуют друг за другом в столь строгом порядке, а часть работы вообще может быть сделана не до конца[2)]. Эта разница примерно такая же, как между рецептами, изложенными в поваренной книге, и реальным процессом приготовления блюда. Люди, опытные в поваренном деле, вообще могут не пользоваться книгой рецептов, и их действия нередко оказываются более продуктивными, чем у тех, кто поминутно в нее заглядывает. Следование жестким схемам может чрезвычайно ограничивать, и значительная часть выдающихся исследований не может без натяжек быть втиснута в описанную последовательность.

Общая методология

Одной из важнейших проблем, возникающих в методологии исследования (в изучении логических проблем, связанных с исследованием), является анализ причин и следствий. **Причинностная связь** между двумя событиями или ситуациями — это связь, при которой одно событие или ситуация порождает другую. Если отпустить ручной тормоз в автомобиле, стоящем на склоне горы, автомобиль покатится вниз, постепенно набирая скорость. Отпускание тормоза создает указанный эффект, и причины его легко могут быть поняты, если обратиться к соответствующим законам физики. Подобно естественным наукам, социология исходит из предположения, что все события имеют причины. Социальная жизнь — не беспорядочная масса событий, проходящих нескладно и самопроизвольно. Одна из основных задач социологического исследования — в сочетании с теоретическим анализом — состоит в определении причин и следствий.

Причинность и корреляция

Причинность не может быть напрямую выведена из отношений **корреляции**. Корреляция означает устойчивые отношения между двумя наборами событий или **переменных**. Переменная — это любой аспект, характеризующий группы и индивидов. Возраст, разница в доходах, уровень преступности и социальные классовые различия входят в число переменных, изучаемых социологами. В случае, когда две переменные сильно коррелируют, может показаться, что одна из них должна быть причиной другой, но часто это не так. Существует множество корреляций переменных без какой-либо причинностной связи между ними. Например, после Второй мировой войны в Британии выявляется сильная корреляция между снижением числа курильщиков трубок и уменьшением числа людей, регулярно ходящих в кино. Ясно, что одна переменная не является причиной другой, и нам будет непросто обнаружить хотя бы отдаленную причинностную связь между ними.

Однако во многих случаях не так очевидно, что наблюдаемая корреляция не подразумевает причинностную связь. Подобные корреляции — ловушка для неосторожных, и могут легко привести к спорным или ложным заключениям. В своей

[2)] *Bell C.* and *Newby H.* Doing Sociological Research. London, 1977.

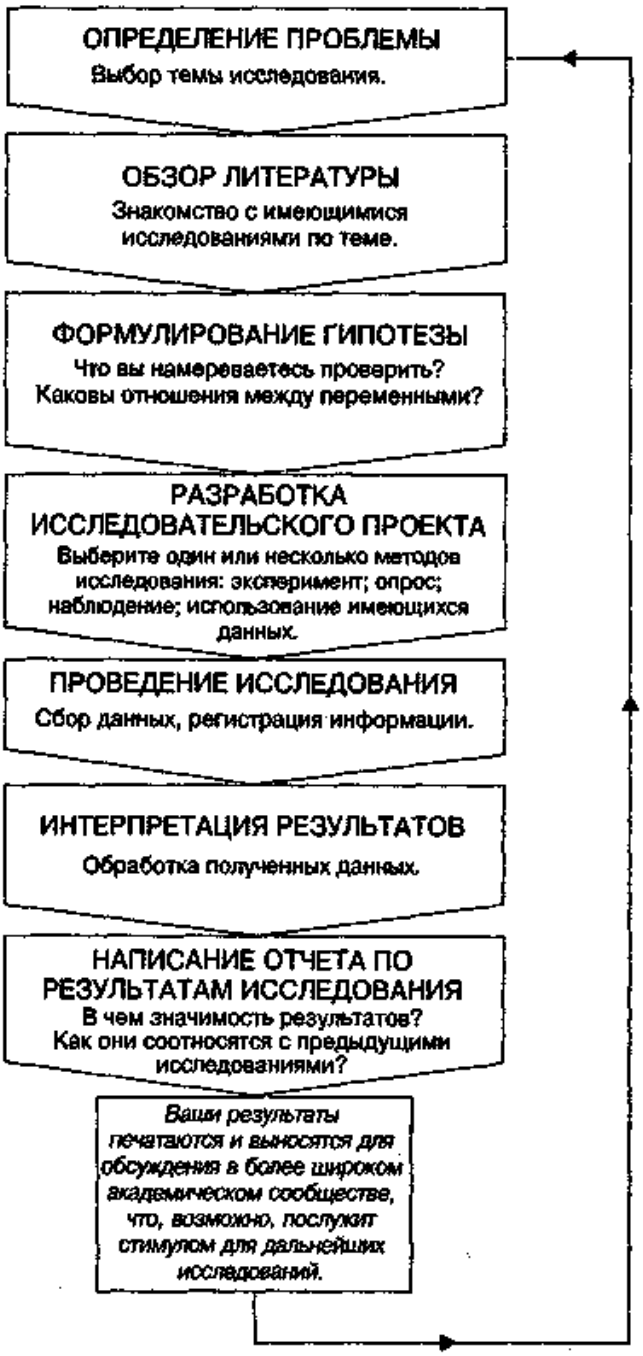


Рис. 21. Этапы процесса исследования

классической работе «Самоубийство» Эмиль Дюркгейм обнаружил корреляцию между числом самоубийств и временем года[3]. В обществах, которые он изучал, уровень самоубийств последовательно возрастал с января по июнь/июль, и затем уменьшался к концу года. Можно было бы предположить, что температурные или климатические изменения находятся в причинно-следственной связи со склонностью индивидов к самоубийству. Может быть, по мере повышения температуры люди становятся более импульсивными и горячими? Однако существующая здесь причинностная связь практически никак не связана с температурой или климатом. Весной и летом большинство людей ведет более интенсивную социальную жизнь, и люди одинокие и несчастные испытывают свое одиночество более остро, поскольку повышается уровень активности остальных. Следовательно, они с большей вероятностью испытают

[3] *Durkheim Emile.* Suicide: A study in Sociology. London, 1952.

сильную суицидальную наклонность весной и летом, а не зимой и осенью, когда темпы социальной деятельности ослабевают. Определяя наличие причинной связи в данной корреляции и направление причинности, мы должны быть очень осторожными.

Причинные механизмы

Разработка причинных связей, предполагаемых в корреляции, является сложным делом. В современном обществе, например, существует сильная корреляция между уровнем образования и способностью сделать карьеру. Чем лучше оценки, получаемые индивидом в школе, тем более высокооплачиваемую работу, по всей вероятности, ему удастся получить. Чем объясняется такая корреляция? Исследования обычно показывают, что дело тут не столько в школьном опыте; уровень школьных успехов очень сильно зависит от семьи, из которой происходит человек. Дети из благополучных домов, чьи родители заинтересованы в их учебе, где в изобилии имеются книги, с большей вероятностью будут преуспевать и в школе, и на работе, чем те, в чьих домах это все отсутствует. Причинными механизмами здесь являются отношение родителей к своим детям и возможности, которые семья представляет детям для учебы (для дальнейшего обсуждения темы см. главу 13, «Образование, коммуникация и средства массовой информации»).

Причинные механизмы в социологии не следует понимать слишком упрощенно. К причинным факторам взаимодействия переменных в социальной жизни относятся также установки людей и их субъективные мотивы.

Контроль переменных

При оценке причин, объясняющих корреляцию, необходимо отделять **независимые переменные** от **зависимых переменных**. Независимая переменная — та, которая оказывает влияние на остальные переменные; переменная, на которую оказывается воздействие, является зависимой. В приведенном примере академические достижения являются независимой переменной, а должностной оклад — зависимой. Различие между ними связано с *направлением* причинной связи, которую мы рассматриваем. Один и тот же фактор может выступать как независимая переменная в одном исследовании и как зависимая — в другом, в зависимости от того, какие именно причинные процессы анализируются. Если нас интересует влияние дохода на стиль жизни, то доход становится независимой переменной.

Выяснение того, является ли корреляция между несколькими переменными причинной связью, требует **контроля**, который означает, что определенная переменная фиксируется, для того чтобы определить влияние других. Пользуясь этим приемом, мы можем проверить объяснения наблюдаемых корреляций и отделить причинные связи от непричинных. Например, исследователи, занимавшиеся проблемами развития детей, утверждали, что существует причинная связь между материнальной депривацией в детстве и серьезными личностными проблемами во взрослой жизни. (Материнальная депривация означает, что ребенка отделяют от матери на долгое время, несколько месяцев и более, в первые годы его жизни.) Как можно проверить, действительно ли существует причинная связь между материнальной депривацией и последующими личностными проблемами? Это можно сделать, попытавшись провести контроль, отводя другие возможные влияния, которые могли бы объяснить данную корреляцию.

Одним из источников материнальной депривации является поступление ребенка в больницу на длительное время, в течение которого он будет отделен от

своих родителей. Однако действительно ли имеет значение привязанность именно к матери? Может быть, если ребенок получает любовь и внимание от других людей, он может все-таки стать нормальном индивидом? Чтобы исследовать эти возможные причинные связи, мы должны будем сравнить случаи, в которых дети лишены были постоянной заботы со стороны кого бы то ни было, со случаями, когда дети были изолированы от своих матерей, но получали любовь и заботу от кого-либо другого. Если в первой группе возникнут серьезные личностные затруднения, а во второй нет, то мы должны будем предположить, что значение имеет лишь постоянная забота о младенце со стороны *кого-то*, вне зависимости от того, является ли он матерью или нет. (Фактически, дети, по-видимому, хорошо чувствуют себя до тех пор, пока у них есть стабильная эмоциональная связь с кем-нибудь, кто о них заботится, и это не обязательно должна быть мать.)

Уточнение причин

Для объяснения практически любой корреляции может быть привлечено множество различных причин. Можем ли мы вообще быть уверены, что охватили их все? Конечно же, нет. Мы не смогли бы удовлетворительно провести или интерпретировать результаты даже самой малой части социологического исследования, если бы пришлось проверять возможность влияния любого фактора, который мы могли бы счесть относящимся к данному случаю. Определение причинных связей обычно направляется предыдущими исследованиями в данной области. Если у нас заранее нет удовлетворительного представления о вероятных причинных механизмах некоторой корреляции, то обнаружить реальные причинные связи будет очень непросто. Мы не будем знать, *что* нужно проверять.

Ярким примером проблем, связанных с поисками верной оценки причинных отношений, имеющих место в данной корреляции, является длительная история исследований на тему курения и рака легких. Исследования постоянно показывали сильную корреляцию этой пары переменных. У курильщиков больший шанс заработать рак легких, чем у некурящих, у заядлых курильщиков больший, чем у умеренных. Данную корреляцию можно представить и в обратном направлении. Так, среди больных раком легких высока доля тех, кто является курильщиком, или длительное время был им. Исследований, подтверждающих данную корреляцию, так много, что обязательное присутствие причинной связи в этом случае общепризнанно. Тем не менее, точные причинные механизмы до сих пор остаются неизвестными.

Однако сколько бы ни рассматривались корреляции в исследовании данного вопроса, всегда остаются сомнения по поводу наличия причинных связей, поскольку всегда возможны различные интерпретации корреляции. Например, выдвигалось предположение, что люди, предрасположенные к заболеванию раком легких, предрасположены также и к курению. С этой точки зрения не рак легких обуславливается курением, а курение и рак легких возникают вследствие предрасположенности, которая определяется биологической конституцией индивидов.

Методы исследований

Полевая работа

В социологии используется множество различных методов. При **включенном наблюдении** или **полевой работе** (эти два термина могут использоваться эквивалентно)

Статистические термины

В социологическом исследовании при анализе данных часто используют статистические методики. Некоторые из них чрезвычайно оригинальны и сложны, но те, которые используют наиболее часто, просты для понимания. Чаще всего применяются *меры главной* или *основной тенденции* (способы подсчета средних величин) и *коэффициенты корреляции* (измерение степени связи одной переменной с другой).

Существует три метода подсчета средних величин, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки. В качестве рабочего примера возьмем уровень личного богатства (включая все виды благ, такие, как дома, автомобили, банковские счета и капиталовложения) тринадцати индивидов. Предположим, что эти тринадцать человек владеют следующим объемом благ:

1.	£0
2.	£5000
3.	£10 000
4.	£20 000
5.	£40 000
6.	£40 000
7.	£40 000
8.	£80 000
9.	£100 000
10.	£150 000
11.	£200 000
12.	£400 000
13.	£10 000 000

Среднее здесь соответствует *усреднению* в его обычном понимании, и получается сложением вместе личного богатства всех тринадцати человек и делением результата на их общее число, то есть на 13. Итоговая сумма будет £11 085 000, разделив это на тринадцать, получаем значение, равное £852 692. Среднее часто полезно потому, что оно основывается на использовании всего объема имеющихся данных. Тем не менее, эта операция может ввести в заблуждение там, где один или небольшая часть случаев очень сильно отличаются от большинства. В приведенном примере среднее значение фактически не будет мерой *главной тенденции*, поскольку присутствие одной очень большой величины £10 000 000 искажает все остальное. Может сложиться впечатление, что большинство этих людей владеет гораздо большим объемом благ, чем на самом деле.

В таких случаях может быть использована одна из оставшихся мер. **Мода** — значение, встречающееся в наборе данных *наиболее часто*. В примере, приведенном здесь, это £40 000. Проблема с модой заключается в том, что этот метод не учитывает *общее распределение* данных, т.е. весь диапазон величин. Наиболее часто встречающийся случай не обязательно будет представительным для распределения в целом, и поэтому в качестве «средней величины» не очень полезен. В нашем случае £40 000 не дают точного представления об основной тенденции, поскольку эта сумма располагается слишком близко к нижнему уровню приведенных значений.

Третьей мерой является **медиана** — значение, находящееся *в середине* набора. В примере, приведенном здесь, это седьмое значение — £40 000.

В нашем примере дано нечетное количество значений. Если бы оно было четным, например, двенадцать вместо тринадцати, то медиана исчислялась бы средним двух чисел, находящихся в середине — шестого и седьмого. Как и мода, медиана не дает представления о реальном диапазоне полученных данных.

Чтобы не дать ошибочной картины среднего, исследователь может использовать не только меру главной тенденции. Чаще всего вычисляется **стандартное отклонение** для набора данных. Это способ подсчета *степени разброса*, или диапазона, для набора значений, который в этом случае лежит между £0 и £10 000 000.

Коэффициенты корреляций предлагают полезный способ выражения того, как связаны друг с другом две (или больше) переменных. Если две переменные полностью коррелируют, мы можем говорить о полной положительной корреляции, выражаемой коэффициентом 1. Там, где связи между двумя переменными не обнаружено (они могут быть вовсе не связаны), коэффициент будет нулевым. Абсолютная отрицательная корреляция, выражаемая как −1, существует там, где две переменные находятся в точном *обратном* отношении друг к другу. В общественных науках абсолютные корреляции никогда не обнаруживаются. Корреляции порядка 0,6 и более, будь то положительные или отрицательные, обычно являются индикатором сильной связи между любыми анализируемыми переменными. Положительные корреляции такого уровня можно, например, обнаружить между классовым происхождением и поведением на выборах. Чем выше англичанин располагается по социально-экономической шкале, тем вероятнее он предпочтет консерваторов лейбористам.

исследователь живет вместе с группой или сообществом, которые он изучает, принимая непосредственное участие в их деятельности. Примером полевой работы является знаменитое исследование Ирвинга Гоффмана, посвященное изучению поведения людей в сумасшедшем доме[4]. Гоффман провел несколько месяцев в клинике для душевнобольных, работая помощником санитара. Один или два человека из персонала знали, что он социолог, но больным это не было известно. Поэтому Гоффман мог легко и непринужденно общаться с ними, и контактировал даже с тяжелыми больными, содержавщимися в закрытых палатах. Таким образом, у него была возможность составить детальную картину жизни этой организации, а также наклонностей и взглядов тех, кто в ней жил и работал. Исследовательскими материалами были ежедневные записи о жизни палат, а также сообщения о беседах и контактах с пациентами и персоналом.

Он обнаружил, например, что в закрытых палатах, где многие больные противились обычным способам социального общения, дежурные имели в своем распоряжении одного–двух «работающих больных» из других палат, помогавших им. Работающие больные в награду за свои усилия обычно имели ряд поблажек. Такая практика не была официально признана администрацией больницы, однако фактически она имела существенное значение для нормальной работы организации. Примером такого рода может быть фрагмент полевых заметок Гоффмана, посвященный повседневным событиям:

[4] *Goffman E.* Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Harmondsworth, 1961.

Ем с приятелем-пациентом в одном из кафетериев для больных. Он говорит: «Еда здесь хорошая, но я не люблю консервированного лосося». Затем извиняется, бросает тарелку с едой в мусорный бачок и идет к раздаточной секции диетпитания, откуда возвращается с яичницей, заговорщицки улыбается и говорит: «Мы играем в пул с парнем, который смотрит за этими бачками».

Гоффману удалось увидеть больницу с точки зрения пациента, а не через призму медицинских категорий, применяемых в подобных случаях психиатрами. «Мое глубокое убеждение, — писал он, — состоит в том, что любая группа людей, первобытных, пилотов авиалайнеров или пациентов клиники, живет своей собственной жизнью, которая оказывается наполненной смыслом, разумной и нормальной, когда вы с нею знакомитесь близко». Работа Гоффмана показывает, что кажущееся «безумным» для стороннего наблюдателя оказывается не столь бессмысленным в условиях больницы. Психиатрические лечебницы предполагают такие формы дисциплины, одежды и поведения, при которых их обитатели практически не могут вести себя так, как ведут себя люди в обычном мире. Когда пациенты попадают в клинику, их личные вещи чаще всего отбирают, их самих раздевают, моют, дезинфицируют и облачают в больничную одежду. Отныне вся их жизнь протекает на глазах персонала, возможности уединения практически не существует, и персонал часто обращается с пациентами как с маленькими детьми. Как следствие, они начинают вести себя странным для постороннего взгляда образом, однако оправданным как попытка приспособиться к непривычным требованиям своего окружения.

Требования к полевой работе

Исследователь не может просто *присутствовать* в данном сообществе, но должен объяснить и оправдать свое присутствие перед его членами. Он должен добиться доверия и сотрудничества с группой и поддерживать их в течение некоторого времени, если рассчитывает получить серьезные результаты. Возможно, это будет связано с жизнью в условиях, чрезвычайно отличающихся от тех, в которых живем мы, и даже с трудом переносимых, особенно в тех случаях, когда речь идет об изучении культур.

В течение долгого времени в исследованиях, проводившихся методом включенного наблюдения, было принято исключать любые упоминания об опасностях или проблемах, с которыми приходилось иметь дело, но позднее заметки и дневники исследователей стали более открытыми. Исследователю часто приходится бороться с чувством одиночества, поскольку «вживаться» в сообщество, к которому человек реально не принадлежит, трудно. Исследователь постоянно может встречаться с нежеланием членов группы или сообщества говорить о себе откровенно; прямые расспросы могут приветствоваться в одних культурных контекстах, но встречать холодное молчание в других. Некоторые виды полевой работы могут быть опасны даже физически. Например, исследователя, изучающего банду, могут посчитать полицейским осведомителем или вовлечь в конфликт с соперничающими группами.

Подобно большинству типов социальных исследований, полевая работа — обычно односторонние действия по отношению к тем, чья деятельность изучается. Выбор группы для исследования, как правило, определяется самим ученым единолично; к предварительным консультациям с членами исследуемой группы либо к вовлечению их в проект обращаются редко. Неудивительно, что полевая работа

часто вызывает подозрения и что подобные попытки часто приходится оставлять еще в самом начале.

Один из первых антропологов-полевиков, Фрэнк Гамильтон Кашинг, изучавший в 1870-х годах индейцев Зуни в Нью-Мексике, подробно описал встреченные им проблемы (равно как и достигнутые успехи)[5]. Прибыв к индейцам в первый раз, Кашинг взял множество различных мелких подарков и предпринял попытки интегрироваться в общину. Зуни с ним были достаточно дружелюбны, но решительно отказывались позволить изучать свои религиозные церемониалы. Вождь пытался заставить его покинуть племя, но в конечном счете разрешил остаться, при условии, что он усвоит некоторые индейские обычаи и тем самым продемонстрирует, что не считает их верования и ритуалы глупыми. Кашинг был обязан носить одежду Зуни, которую нашел крайне неудобной и неподходящей, должен был есть пищу Зуни, его подвесную койку сорвали и он вынужден был спать на полу на овечьей шкуре, как сами Зуни. Самая сложная ситуация возникла, когда ему сказали, что он должен взять жену, и к нему была послана женщина. Вначале он пытался игнорировать ее заботы, но безуспешно. В конце концов он отослал ее и тем самым навлек на нее бесчестье в глазах Зуни.

С тех пор Зуни, как и многие другие группы американских индейцев, привыкли к визитам ученых, но их отношения с последними часто бывали весьма напряженными. В 1920-х годах археолог Ф. В. Ходж вызвал у них враждебность, потому что начал раскопки на месте одного из их древних святилищ[6]; его заставили уйти, кроме того, индейцы разбили фотоаппараты экспедиции.

Когда вскоре к Зуни прибыла знаменитый антрополог Рут Бенедикт, ее приняли лучше. Переводчик-индеец потом сказал, что она вела себя вежливо и щедро раздавала деньги, но что ее публикации о жизни Зуни были не очень серьезными, поскольку она не принимала активного участия во многих аспектах жизни Зуни. С тех пор Зуни неоднократно изгоняли исследователей из своего племени. Недавно один индеец спросил очередного визитера: «Мы все еще достаточно примитивны, чтобы антропологи приезжали к нам каждое лето?»

Преимущества и ограничения полевой работы

Полевая работа — если она успешна — дает более богатую информацию о жизни общества, чем многие другие методы. Если мы понимаем, как выглядят вещи «изнутри» данной группы, то можем лучше понять, почему ее члены поступают так, а не иначе. Полевая работа — это, по всей видимости, единственный возможный метод для исследования группы, культура которой в своей основе неизвестна посторонним и должна быть «усвоена», прежде чем действия членов этой группы станут понятными. По этой причине полевая работа является главным исследовательским методом в антропологии, ее использование позволяет понять жизнь в незападных культурах.

Полевая работа предоставляет исследователю больше гибкости по сравнению с другими методами, например, опросом. Исследователь, работающий в поле, может приспособиться к новым непредвиденным обстоятельствам и следовать ориентирам, возникающим в процессе самого исследования. Полевая работа с большей вероятностью даст неожиданные результаты, чем большинство других методов исследования. Ученый иногда может быть потрясен, обнаружив, что его представление о данной группе или сообществе были абсолютно ложными. Но у полевой работы есть и свои

[5] *Cushing F. H.* My Adventures in Zuni. Palmer Lake, 1967; первая публикация 1882–1883.

[6] *Pandey T.* Anthropologist at Zuni // Proceedings of the American Philosophical Society. 1972.

ограничения: этим способом можно изучать лишь относительно небольшие группы и сообщества; кроме того, степень доверия людей во многом зависит от мастерства исследователя. Без этого исследование вряд ли станет чем-то большим, чем просто проект.

Опросы (обследования)

При интерпретации результатов полевых исследований обычно сталкиваются с проблемой обобщения. Как можно быть уверенным, что обнаруженное в одном контексте окажется применимым для других ситуаций? Данная проблема практически не возникает при **опросах** (обследованиях), хотя у них, разумеется, есть свои недостатки. При опросах списки вопросов либо рассылаются, либо вручаются непосредственно при интервью выбранной группе людей, которая иногда может насчитывать несколько тысяч человек. Полевая работа более подходит для углубленных исследований социальной жизни; опросы, как правило, дают информацию менее детализированную, но в том, что она верна для широкой области, мы можем быть уверены.

Стандартизированные опросники и опросники с открытыми вопросами

При обследованиях используется два вида опросников. Один из них подразумевает *стандартизированный* набор вопросов, на которые возможны только фиксированные ответы. Либо сам респондент, либо исследователь отмечают варианты ответов на заданные вопросы, например «Да/Нет/Не знаю» или «Весьма вероятно/Возможно/Маловероятно/Практически невозможно». Опросы с фиксированными наборами ответов имеют то преимущество, что в них ответы легко сопоставить и свести в таблицу, поскольку возможно лишь небольшое количество вариантов. С другой стороны, в связи с тем, что они не дают возможности зафиксировать оттенки мнений и не допускают вербального выражения этих мнений, информация, которую получают с их помощью, будет, вероятно, ограниченной. Опросники другого типа являются *открытыми*, они дают возможность респондентам выражать свои взгляды собственными словами, а не просто тыкать в заранее выбранные ответы. Открытые опросники более гибкие, они дают более богатую информацию, чем стандартизированные. Исследователь может развить свои вопросы, чтобы глубже разобраться в том, что думает респондент. С другой стороны, отсутствие унификации означает, что ответы будет трудно сравнивать.

Чтобы получить стоящие результаты, вопросы для интервью такого рода следует строить очень тщательно. Например, вопрос типа «Что вы думаете о правительстве?» будет бесполезным, поскольку он слишком неопределенный. Дело в том, что респонденты, не зная, что именно имеется в виду, интерпретировали бы вопрос по-разному. Исследователь должен также остерегаться *наводящих* вопросов, то есть вопросов, заданных таким образом, чтобы вызвать определенный ответ. Вопрос, который начинается со слов «Вы согласны, что...», является наводящим, поскольку он *провоцирует* согласие респондента. Более нейтральный вопрос должен был бы начаться так: «Каково ваше мнение о...» Существует и множество других источников искажений и неопределенностей при формулировании вопросов. Например, вопрос может ставить респондента перед двойным выбором: «Ваше здоровье лучше или хуже сейчас, чем год назад?» Двойной выбор здесь — между «лучше–хуже» и «сейчас–тогда». Более ясной формулировкой была бы такая: «Сейчас ваше здоровье лучше, чем год назад?» Респонденты могли бы ответить «да» или «нет» на оба вопроса;

в первом случае исследователь не мог бы интерпретировать ответ. Чтобы избежать неопределенности в ответах, вопросы должны быть настолько простыми, насколько это возможно.

Все пункты опросника обычно располагаются так, чтобы интервьюеры могли задавать вопросы в одном и том же заранее установленном порядке и одинаковым образом записывать ответы. Все пункты должны быть понятными как для интервьюеров, так и для интервьюируемых. В больших общенациональных обследованиях, регулярно проводимых правительственными агентствами и исследовательскими организациями, интервью проводятся одновременно множеством интервьюеров по всей стране. Те, кто проводит интервью, и те, кто анализирует результаты, не смогут выполнять свою работу, если им понадобится постоянно связываться друг с другом, чтобы устранять неопределенности в вопросах или ответах.

План обследования должен быть тщательно увязан с характеристиками респондентов. Увидят ли они проблему, которую имеет в виду исследователь, когда задает данный вопрос? Имеют ли они достаточно информации для полноценного ответа? *Захотят* ли они отвечать? Термины, с которыми работает исследователь, могут быть незнакомы респондентам, например, вопрос «Каков ваш брачный статус?» может быть воспринят с некоторым смятением. Было бы более правильно спросить: «Вы одиноки, состоите в браке или разведены?» Большинству обследований предшествуют *предварительные* (*«пилотажные»*) *исследования*, призванные выявить проблемы, не замеченные исследователем. Пилотажное исследование — это пробный опрос, при котором опросник заполняют всего несколько человек. Все обнаруженные в его ходе трудности могут быть устранены до того, как начнется основной опрос.

Выборка

Часто социологов интересуют характеристики больших групп, например, политические позиции британского электората. Невозможно обследовать непосредственно всех людей, поэтому в подобных ситуациях исследование концентрируется на небольшой доле всей группы, *выборке* из общего числа. Можно предположить, что результаты опроса определенной доли населения могут быть распространены на население в целом. Опрос лишь двух–трех тысяч британских избирателей может быть очень точным показателем позиций и избирательных намерений всего населения. Но чтобы достичь такой точности, выборка должна быть репрезентативной. *Репрезентативная выборка* требует уверенности в том, что группа исследуемых индивидов типична для населения в целом. Определение **выборки** является более сложным, чем может показаться, и специалисты по статистике выработали множество правил установления размера и состава выборок.

Особенно важна работа со *случайной выборкой*, в которой процедура отбора определяется таким образом, что каждый представитель рассматриваемой полной группы населения имеет одинаковую вероятность быть включенным. Наиболее точный способ получения случайной выборки состоит в том, чтобы присвоить каждому представителю населения определенный номер, а затем получить набор случайных чисел и таким образом составить выборку; например, выбирая каждый десятый номер в случайных последовательностях.

Пример: «Выбор народа?»

Одним из первых опросов, получивших широкую известность, является исследование под названием *«Выбор народа?»*, проведенные Полом Лазарсфельдом и группой

его коллег чуть более полувека назад[7]. В исследовании впервые были применены некоторые из важнейших современных методик опроса. В то же время его недостатки ясно продемонстрировали ограничения, свойственные данному методу. Задачей «Выбора народа» было изучение намерений избирателей, проживающих в графстве Эри, Огайо, во время кампании 1940 года по избранию президента Соединенных Штатов; это обследование оказало влияние на характер многих последующих политических опросов, а не только на академические исследования. Для того чтобы обеспечить большую глубину исследования, ученые опрашивали каждого члена выборки семь раз в различных обстоятельствах. Целью было выявить и понять причины изменения намерений избирателей.

Исследование основывалось на ряде определенных гипотез. Одна из них заключалась в том, что события и установки, *близкие* избирателям данного сообщества, влияют на их намерения в плане выборов в большей степени, чем общие проблемы мирового уровня, и результаты исследования в целом подтвердили это. Для анализа политических симпатий исследователи разработали сложные методики измерения, однако на их работу серьезное влияние оказали и теоретические идеи; кроме того, сама работа была существенным вкладом в область теоретической мысли. Среди понятий, которые вошли в обиход благодаря ей, были «лидеры общественного мнения» и «двухступенчатый коммуникационный поток». Некоторые индивиды — лидеры общественного мнения — формировали политические взгляды и мнение окружающих. Они влияли на процесс формирования реакций на политические события, интерпретируя их для окружающих. Взгляды людей по отношению к политической системе формируются не прямо, а в «двухступенчатом» процессе: реакцию индивидов на политические темы дня определяют взгляды, выражаемые лидерами общественного мнения, пропущенные через фильтр личных отношений.

У многих это исследование вызвало восхищение, но оно также сильно критиковалось. Лазарсфельд и его коллеги утверждали, что их «интересовали все условия, определяющие политическое поведение людей». Но, как указывают критики, их исследование фактически осветило лишь определенные аспекты политического поведения. В нем практически отсутствовал анализ существующих институтов политической системы и того, каким образом функционируют эти институты, поскольку исследование ограничивалось анализом политических взглядов. Использование повторного интервьюирования — сейчас это называется *панельным исследованием* — означает, что результаты этого исследования будут более глубокими. Однако по своей природе обследования обычно выявляют лишь то, что люди *говорят* о себе, а не то, что они в действительности думают или делают.

Оценка

Опросы продолжают широко применяться в социологии по нескольким причинам[8]. Ответы из опросников легче учитывать и анализировать, чем материал, полученный в результате использования многих других методов; опросы позволяют исследовать большое количество людей; располагая достаточными средствами, исследователи могут привлечь агентство, специализирующееся на опросах для сбора информации.

Однако многие социологи критически настроены к тому, что они определяют как чрезмерное доверие к методу опроса. Результаты опросов легко обрабатываются

[7] *Lazarsfeld P., Berelson B.* and *Gaudent H.* The People's choice. New York, 1948.

[8] *Miller W.* The Survey Method in Social and Political Sciences: Achievements, Failures, Prospects. New York, 1983.

и статистически анализируются, однако противники этого метода утверждают, что обработка создает видимость точности результатов, корректность которых может быть сомнительной, если учитывать относительную поверхностность, характерную для большинства ответов на пункты опросников. Есть и другие отрицательные стороны. Иногда уровень отказов бывает очень высок, особенно если анкеты высылаются и возвращаются по почте. Нередки случаи, когда результаты основываются на выборке менее чем в половину того объема, который предполагался, несмотря на то, что были предприняты попытки либо повторно вступить в контакт с неответившими респондентами, либо найти им замену. О людях, которые предпочитают не участвовать в опросах и не соглашаются на интервью, когда исследователь оказывается у их дверей, мало что известно, но опрос часто представляется им ненужным делом, отнимающим время[9].

Условия, в которых осуществляется руководство опросом, и язык, используемый для описания результатов, часто далеки от тех живых и реальных индивидов, к которым вопросы адресуются. Там, где опросники пересылаются по почте, исследователь настолько далек от тех, кому посвящено исследование, что помнить о живых людях, которые читают и возвращают материалы по почте, может быть очень трудно. Телефонные опросы, которые все чаще используются в исследованиях, если требуется мгновенный анализ мнений на актуальную тему, почти столь же анонимны. Язык, на котором обсуждаются результаты опроса, включающий слова «субъекты», «респонденты» и «интервьюируемые», выражает абстрактное и обезличенное видение людей, о которых идет речь. Отношение к людям как к существам лишь пассивно реагирующим является, по всей вероятности, большим, чем только общепринятый способ анализа опросов; оно часто выражает ограниченное видение процессов человеческого умозаключения.

Два человека могут занимать примерно одинаковую позицию, если рассматривать ее в терминах вопросов анкеты, но причины, почему они придерживаются этих взглядов, могут быть совершенно различными. Так, на вопрос относительно внешней политики оба могут заявить, что, по их «твердому убеждению», Британия должна уменьшить долю военного присутствия за рубежом, и оба будут считаться выразителями одного мнения. Но их истинные ориентации могут радикально расходиться. Один будет полагать, что «Крепость Британия», в которую он верит, должна снизить долю иностранного участия в связи с изоляционистскими взглядами, согласно которым иностранцы должны сами решать свои проблемы, в то время как другой может быть сторонником глобального разоружения и считать, что Британия должна укреплять свое влияние в мире, используя способы, не связанные с применением военной силы.

Если у интервьюеров есть возможность углубить свои вопросы, они отчасти могут решить эту проблему. В общем, чем более интенсивным и прямым будет контакт между исследователем и теми, кто задействован в исследовании, тем более информативными и обоснованными будут выводы. Результаты опроса должны, насколько это возможно, дополняться углубленными материалами полевого исследования.

Документальное исследование

Большинство социологических работ делает акцент на полевой работе либо опросе, либо же на комбинации этих двух методов. **Документальное исследование** — систематическое использование печатных и рукописных материалов в ходе работы — часто

[9] *Goyder John.* The Silent Minority: Non-respondents on Sample Surveys. Cambridge, 1987.

рассматривается как нечто не совсем полноценное. Однако лишь очень немногие элементы полевой работы или опроса не связаны с анализом документальных материалов. Например, в «Выборе народа» использовались газеты и другие материалы и при подготовке, и при написании отчета об исследовании. Документальное исследование — фактически один из самых широко применяемых методов сбора социологических данных.

К разряду документов, наиболее часто используемых в социологическом исследовании, относятся публичные и частные записи (обычно именуемые *архивными* источниками); например, правительственные документы, записи в церковных книгах, письма и судебные записки. К документам, используемым в исследовании, практически всегда можно причислить информацию и результаты, полученные авторами, работавшими по этой теме раньше. Многие исследования в равной мере состоят и из анализа материалов других работ, и из получения совершенно новой информации.

Примером использования исторических документов является работа Энтони Эшворта по социологии позиционных боев во время Первой мировой войны[10]. Эшворта интересовало, как выглядела жизнь людей, находившихся под постоянным огнем в битком набитых окопах несколько недель подряд. Изучая социальные отношения, возникавшие между ними, он основывался на разных документальных источниках: официальных историях войны, в том числе записях отдельных дивизий и батальонов, архивных материалах, заметках и записках отдельных солдат, личных впечатлениях об опыте войны и других воспоминаниях.

Несмотря на то, что материалы отличались друг от друга, Эшворту, поскольку он привлек такое количество различных источников, удалось дать полное и детальное описание жизни в окопах. Он, например, обнаружил, что некоторые группы солдат выработали свои собственные нормы, насколько часто нужно вступать в соприкосновение с врагом, при этом они могли совершенно игнорировать команды офицеров. Так, на Рождество солдаты обеих сторон, как немцы, так и союзники, воздерживались от враждебных действий и даже провели один раз импровизированный футбольный матч друг с другом.

Важной разновидностью документального исследования является вторичный анализ данных — зафиксированных результатов исследования — полученных другими учеными. Правительства и другие организации регулярно публикуют *официальную статистику* многих социальных явлений: преступности среди населения, числа бракосочетаний и разводов, самоубийств, уровня безработицы и т. п. С момента возникновения социологии все это использовалось в качестве основы для исследований. Исследователи могут применить эти статистические данные для решения собственной исследовательской проблемы.

Данные, предоставляемые правительствами, чрезвычайно обширны, и включают несколько основных типов источников материалов. Например, регулярно, через определенные интервалы времени, проводятся переписи населения, которые дают информацию по многим социальным и экономическим вопросам. Поскольку ответы при проведении таких опросов являются обязательными, полученный материал обычно вполне приемлем. Правительство проводит и другие опросы с целью обеспечения более непрерывной информации, чем предоставляемая периодическими переписями[11].

[10] *Ashworth A.* French Warfare, 1914–1918. London, 1980.

[11] *Hakim C. C.* Secondary Analysis in Social Research. London, 1982.

Ловушки документального исследования

Конечно, документальные источники сильно различаются по своей достоверности, и исследователь, который их использует, должен уметь оценить их аутентичность. Сообщения газет, например, известны своей небрежностью в отношении достоверности, в особенности это относится к «популярным» газетам и журналам. Несколько лет назад в «Гардиан» было опубликовано письмо. Автор письма, назвавшийся «Исследователем прессы», собрал восемь отчетов различных газет о широко освещавшемся обручении молодого представителя высшего света Айри фон Фюрстенберга, которое состоялось в Венеции. Автор письма сообщал, что пресса «проявила не только смелость, но и яркую индивидуальность. Она отказалась от каких бы то ни было общепринятых стандартов даже там, где речь шла о простейших фактах.» Сообщалось, что невеста опоздала на церемонию, но разрыв во времени по разным сообщениям составлял от 30 до 70 минут. Кто-то упал в Гранд Канал, и появилось четыре разных версии того, кто именно упал. Количество фотографов, присутствовавших на церемонии, колебалось от 50 до 250 в зависимости от источника, а количество гостей от 250 до 600 человек[12].

Официально публикуемая статистика, разумеется, более надежна, чем газетные репортажи. Однако даже при интерпретации статистики исследователь всегда обязан иметь в виду ее возможные недостатки. Например, все страны ведут официальную статистику различных типов преступлений, но относительно реального распределения различных типов криминального поведения она мало что говорит, поскольку регистрируются только те преступления, о которых стало известно полиции. В случае таких преступлений, как кражи, включается лишь небольшая доля реально совершенных правонарушений, многие просто не попадают в поле зрения полиции. Крупные магазины, например, сообщают в полицию лишь о некоторых еженедельно совершаемых кражах — обычно это происходит тогда, когда охрана магазина ловит нарушителя в момент совершения действия. (Для дальнейшего обсуждения криминальной статистики см. главу 5, «Конформность и девиантное поведение».)

Эксперименты

Совершенно очевидно, что в некоторых отношениях эксперименты имеют явное преимущество перед другими исследовательскими процедурами. В экспериментальной ситуации исследователь непосредственно управляет соответствующими переменными. **Эксперимент** может быть определен как попытка изучить влияние одной или нескольких переменных на другие в искусственно созданных ученым условиях. Эксперименты широко применяются в естественных науках, но сфера экспериментирования в социологии достаточно ограничена. В лабораторию мы можем поместить лишь небольшую группу людей, однако они, как правило, знают, что их будут изучать, и могут вести себя не так, как обычно.

Тем не менее, экспериментальные методы иногда с успехом применяются и в социологии. Примером может служить весьма остроумный эксперимент, проведенный Филипом Зимбардо[13], который устроил «тюрьму», где на роли заключенных и охранников назначил студентов-добровольцев. Его целью было определить, до какой степени исполнение различных ролей изменит позиции и поведение студентов. Результаты потрясли исследователей, несмотря на то, что до некоторой степени

[12] *Mann P.* Methods of Social Investigation. Oxford, 1985.

[13] *Zimbardo P.* Pathology of imprisonment // Society, 9. 1972.

Чтение таблицы

Часто при чтении социологической и статистической литературы вам придется сталкиваться с таблицами. Они иногда кажутся очень сложными, однако на самом деле их почти всегда легко расшифровать, и если следовать основным принципам, то в процессе работы это можно делать автоматически. Не поддавайтесь искушению проскочить таблицу, в ней содержится концентрированная информация, ее можно «считывать» значительно быстрее, чем тот же самый материал, выраженный словами. Научившись интерпретировать таблицы, вы всегда сможете определить, насколько обоснованны выводы автора данного материала.

Чтобы понять содержание таблицы, необходимо проделать следующие шаги.

1. Прочитать подпись полностью. Часто таблицы имеют длинные подписи, это представляет попытку исследователя наиболее точно определить представленную информацию. Название таблицы, приведенной здесь, указывает, во-первых, на *предмет* материала в таблице, во-вторых, на то, что предоставляется материал для *сравнения*, и в-третьих, на тот факт, что материал таблицы относится к определенному числу стран.

2. Посмотреть, нет ли каких-нибудь комментариев или *замечаний*, поясняющих данные таблицы. Замечание, расположенное под первой колонкой нашей таблицы, указывает, что данные касаются только зарегистрированных автомобилей. Это важно, поскольку доля зарегистрированных транспортных средств в некоторых странах может быть меньшей, чем в остальных. В замечаниях может быть сообщено, каким образом был собран материал или почему он так подается. Если данные, представленные в таблице, не были непосредственно получены исследователями, а основаны на исследованиях, проведенных ранее, в таблице указывается *источник*. Источник иногда позволяет судить, насколько надежной может быть данная информация, а также укажет, где искать первоначальные данные, на которых построена таблица. В нашем случае понятно, что данные взяты более чем из одного источника.

3. Прочитать *заголовки* сверху и с левой стороны таблицы. (Иногда заголовки могут оказаться снизу, а не сверху.) Они подскажут, какого типа информация содержится в каждой строке и в каждой колонке. Когда вы читаете таблицы и просматриваете цифры, все заголовки нужно держать в голове. В нашем примере заголовки, расположенные слева, означают страны, о которых идет речь, а те, которые располагаются сверху, — количество владельцев автомобилей.

4. Определить используемые *единицы измерения*: цифры в таблице могут представлять количество случаев, проценты, среднее, другие показатели. Иногда полезно привести цифры таблицы в более приемлемую для вас форму: если, например, не представлены проценты, то их можно вычислить. В приведенном здесь случае проценты не сообщаются, но определить их просто.

5. Обратить внимание, какие выводы можно сделать на основании информации, приведенной в таблице. Большинство таблиц комментируется авторами, это следует принимать во внимание, когда вы будете оценивать материалы таблицы сами. Обратите еще внимание на то, какие вопросы или темы затрагивает данная таблица.

Численность частного автомобильного парка: сравнительные данные по некоторым странам

	Количество автомобилей на 1000 взрослого населения*		
	1971	1981	1984
Бразилия	12	78	84
Великобритания	224	317	343
Греция	30	94	116
Западная Германия	247	385	412
Ирландия	141	202	226
Италия	210	322	359
США	448	536	540
Франция	261	348	360
Чили	19	45	56
Швеция	291	348	445
Югославия	43	114	125
Япония	100	209	227

* только зарегистрированные автомобили

Источники: Ежегодный Бюллетень ООН по Транспортной статистике; Мировая Дорожная Статистика; Международная Федерация Автомобильных Дорог; таблица приводится по Social Trends. London, 1987. P. 68.

Цифры, приведенные в таблице, позволяют сделать несколько интересных наблюдений. Во-первых, численность автомобильного парка в различных странах существенно варьируется: количество автомобилей на 1000 человек в США почти в десять раз выше, чем в Чили. Во-вторых, таблица обнаруживает прямую связь между численностью личного автомобильного парка и уровнем богатства страны. Фактически мы можем использовать показатели количества имеющихся у населения автомобилей как грубый индикатор относительного благосостояния. В-третьих, во всех представленных странах количество имеющихся у населения автомобилей возросло с 1971 по 1984 год, но в некоторых из них темпы роста выше, чем в других — что, вероятно, указывает степень экономического роста соответствующих стран.

их ожидали. «Охранники» быстро усвоили авторитарную манеру, выказывая при этом вполне реальную враждебность по отношению к «заключенным». Они начали всячески помыкать «заключенными», оскорблять их и запугивать. Их партнеры, напротив, обнаружили смесь апатии и бунтарства, часто наблюдаемые у заключенных в реальных ситуациях тюрем. Данные эффекты были настолько ярко выражены, а уровень напряжения был настолько высок, что эксперимент пришлось прекратить еще на начальной стадии. Исследователь сделал вывод, что поведение в тюрьмах определяется более самой ситуацией, чем индивидуальными качествами попавших в нее людей.

Другие методы: интервью, жизнеописания, дневники, анализ бесед

Интервью

Четкого различия между методом опроса и методом интервью нет, поскольку там, где вопросы задаются непосредственно по опроснику, исследователь фактически интервьюирует респондента. Интервью по опроснику иногда называют «формализо-

ванным» или «контролируемым», чтобы отличить его от менее структурированных интервью, в которых допускается, чтобы интервьюируемый свободно касался различных аспектов данной темы. Некоторые интервью вообще проводятся без опросников: человека могут интервьюировать в течение достаточно долгого времени, и там, где есть цель получить углубленную информацию, опрашивают лишь небольшое число респондентов. Углубленные интервью дают обычно более богатую информацию, чем опросы, но недостатками этого метода является то, что воздействие интервьюера может оказаться слишком большим, и это может повлиять на результаты; кроме того, в этом случае сложнее провести сравнительный анализ ответов[14].

Жизнеописания

Жизнеописание (биографический метод) состоит из биографического материала об определенных индивидах, обычно в их собственном изложении. Никакой другой метод исследования не предоставляет нам такую детальность относительно развития позиций и взглядов людей с течением времени. Особую ценность жизнеописания имеют в том случае, когда исследование посвящено связи между психологическим развитием и социальными процессами. Однако подобные исследования редко основываются только на воспоминаниях людей. Обычно, чтобы расширить информацию и обеспечить ее достоверность, используются документальные источники, такие, как письма, газетные заметки и репортажи. Мнения относительно ценности жизнеописаний различаются. Некоторые исследователи воспринимают этот метод как слишком ненадежный, другие считают, что жизнеописания дают уникальную возможность глубинного проникновения.

Жизнеописания успешно использовались в целом ряде очень важных социологических исследований, они широко применяются также в антропологии. Одной из самых известных ранних работ такого рода была «Польский крестьянин в Европе и Америке» В. И. Томаса и Флориана Знанецкого, пять томов которой были впервые опубликованы с 1918 по 1920 годы[15]. Томасу и Знанецкому удалось построить гораздо более тонкое и эмоциональное изложение опыта иммиграции, чем это можно было бы сделать без биографических материалов, собранных ими. Более поздняя работа, также ставшая бестселлером, — книга Стадса Теркела «Работа»[16]. Она имеет подзаголовок «Люди говорят о том, что делают весь день и как они относятся к тому, что делают», и представляет собой волнующее изложение взглядов американцев на свои рабочие будни.

Жизнеописания не обязательно охватывают все сферы жизни индивида, или даже важнейшие ее аспекты. Так, Эдвин Х. Сазерленд опубликовал работу, основанную на истории жизни Чика Конуэлла, профессионального вора. Представленный в ней материал касался в основном криминальной деятельности Конуэлла[17]. Жизнеописания связаны с *устными историями* — это словесные повествования переживших определенные события людей о своем прошлом.

---

[14] *Brenner M.* Interviewing: the social phenomenology of research instrument. In: The social contexts of method. London, 1978.

[15] *Thomas W.* and *Znanecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. New York, 1966.

[16] *Terkel Studs.* Working: people talk about what they do all day and how they feel about what they do. Harmondsworth, 1977.

[17] *Sutherland E. H.* and *Conwell C.* The professional thief. Chicago, 1937.

Четыре основных метода социологических исследований

Метод исследования	*Сильные стороны*	*Слабые стороны*
Полевая работа	1. Обычно дает более богатую и «углубленную» информацию, чем другие методы	1. Может применяться только при изучении относительно небольших групп и сообществ
	2. Дает возможность исследователю вести себя гибко — менять стратегию и следовать новым ориентирам, если они возникают	2. Результаты касаются только изученных групп и сообществ; обобщение на основе единичного полевого исследования весьма проблематично
Опросы (обследования)	1. Возможно получение эффективных наборов данных для большого количества индивидов	1. Собранный материал может оказаться поверхностным; если опросники жестко стандартизированы, то важные различия точек зрения респондентов могут быть искусственно сглажены
	2. Дают возможность точного сравнения ответов респондентов	2. Ответы могут содержать то, что люди говорят о своих убеждениях, а не то, что они думают на самом деле
Документальное исследование	1. Исследование может оказаться глубоким или охватить большие группы людей в зависимости от типа изучаемых документов	1. Исследование зависит от существующих источников, а они могут быть неполными
	2. В особенности важно в том случае, когда работа либо целиком историческая, либо имеет определенную историческую направленность	2. Трудно определить, насколько источники отражают реальные тенденции, например, в случае с некоторыми видами официальной статистики
Эксперименты	1. Можно контролировать степень влияния тех или иных переменных	1. Многие аспекты социальной жизни не могут быть перенесены в лабораторию
	2. Эксперимент легче повторить другим исследователям	2. На ответы участников эксперимента может оказать воздействие ситуация эксперимента

Дневники

Дневники используются в том случае, когда социологам необходимо проследить повторяющиеся день за днем действия индивида в данном социальном окружении. Полевая работа и опросы могут не дать достаточной информации о круге регулярных занятий человека. Если мы хотим воссоздать то, что он делает в различное время дня или в различные дни месяца, часто полезно, чтобы он вел собственные записи. Однако имеется не так уж много работ, основанных только на этой информации; почти всегда наряду с нею используется материал, собранный с помощью других методов.

Анализ устных бесед

Все большее применение в социологическом исследовании находят магнитофоны и видеотехника. И то и другое часто используется при **анализе разговора**, т. е. при

изучении того, как проходят беседы в реальной жизни. Используя магнитофон, можно записать все аудиохарактеристики разговора двух и более людей. Поскольку при разговоре смысл передается не только словами, но также жестами и мимикой, видеозапись является более совершенным способом фиксации беседы. Затем, хотя значительная часть оригинального контекста будет потеряна, записи бесед можно перенести на бумагу. (В качестве иллюстрации см. главу 4, «Социальное взаимодействие и повседневная жизнь».)

В течение нескольких последних лет было опубликовано немало исследований, в которых использовался метод анализа повествования. Эти исследования представляли возможность глубинного проникновения в природу человеческого взаимодействия. В качестве примера можно привести работу Уильяма Б. Сандерса, посвященную чрезвычайно специфическому типу беседы: полицейскому допросу. Допрос предполагает беседу, но не «просто разговор», — как было замечено в известной фразе полицейской мелодрамы, «Я буду задавать вопросы!» Сэндерсу в своем анализе удалось уловить специфический характер допросов и отметить такие черты, которые иначе не попали бы в поле зрения. Например, ведущие допрос часто практически ничего не говорят, стимулируя допрашиваемого к разговору умышленными паузами и угрожающими хмыканиями [18].

Анализ устных бесед может быть использован только в небольших группах и часто связан с выглядящими совершенно тривиально аспектами повседневной жизни, но его роль в социологии очень велика. В конце концов, беседа и разговор — это универсальные черты социальной деятельности в условиях как неформального, так более упорядоченного взаимодействия (см. главу 4, «Социальное взаимодействие и повседневная жизнь»).

Триангуляция

Все исследовательские методы имеют свои преимущества и недостатки. Поэтому принято сочетать несколько методов в рамках одного исследования для того, чтобы с помощью каждого из них дополнить и проверить другие, — процесс, известный как **триангуляция**. Увидеть ценность сочетания методов — а также, более общо, проблемы и ловушки в реальном социологическом исследовании — можно, рассмотрев конкретную исследовательскую работу.

Пример: Уоллис и саентология

Рой Уоллис поставил задачу изучить движение, известное как саентология. Основатель саентологии, Л. Рон Хаббард, развивал религиозные доктрины, которые, по его мнению, должны составлять основание единой церкви. Согласно саентологии, все мы есть духовные существа — «тетаны», но мы отвергли свою духовную природу. Мы можем восстановить забытые сверхъестественные силы посредством тренировки, которая разбудит в нас осознание наших реальных духовных возможностей. Уоллис признавал, что первым толчком его исследования послужила «экзотичность» саентологии. Как могут люди верить в такие странные идеи? [19] Саентология — чрезвычайно противоречивое учение, но при этом оно привлекло множество последователей. Почему же именно это движение, одно их множества новых религиозных групп, заняло столь значительное положение?

[18] *Sanders W. B.* The Sociologist as Detective: An Introduction to Research Methods. New York, 1974.

[19] *Wallis R.* The Road to Total Freedom: A Sociological Analysis of Scientology. London, 1976.

Начинать исследование было нелегко. Уоллис знал, что лидеры движения скорее всего не захотят участвовать в социологическом исследовании, поскольку их уже «исследовали» различные правительственные учреждения. Однако, когда он читал об истории движения, то наткнулся на книгу одного из его бывших участников. Он вступил в контакт с этим человеком, был представлен еще ряду его знакомых, которые тоже почти прекратили свои отношения со саентологией. Многие из этих людей согласились на интервью, некоторые из них сохранили контакт с верующими. Эти первые интервью помогли Уоллису получить ряд документов и литературу, имевшиеся у этих людей в связи с их прошлым участием в движении; в числе этих документов был и список рассылки организации. Уоллис составил и разослал опросник выборке, составленной из имен в списке. Список оказался устаревшим, потому что значительная часть людей уже сменила адреса, указанные в списке. Некоторые другие попали в список только потому, что купили всего одну книгу по саентологии и не имели реальных связей с движением.

Опрос имел ограниченную ценность, поскольку выборка не была репрезентативной для движения в целом, хотя уже на этих материалах можно было сделать некоторые выводы. Однако опрос обогатил Уоллиса дальнейшими контактами. Часть респондентов сообщила, что согласна дать интервью; поэтому Уоллис отправился в путешествие по Соединенным Штатам и Британии брать интервью и собирать дополнительную информацию. Он начал с фиксированного списка вопросов, но вскоре посчитал более целесообразным избрать более гибкий стиль и позволить респондентам говорить о вещах, которые они считали важными. Одни респонденты соглашались записывать беседы на магнитофон, другие нет.

Вскоре Уоллис пришел к убеждению, что ему необходимо лучше разобраться в самой доктрине саентологии, поэтому он записался на вводный «информационный» курс, организованный церковью. Таким образом, он перешел к внутреннему наблюдению. Оказавшись во время прохождения курса в общежитии саентологов, Уоллис обнаружил, что ему трудно выдержать роль тайного наблюдателя. Беседы с другими участниками и логика развития курса требовали демонстрировать приверженность к идеям, которых он не разделял. Выражение несогласия с этими взглядами привело к таким трудностям, что совершенно ясной стала невозможность продолжать начатое без публичного заявления о своей приверженности важнейшим принципам саентологии. Поэтому он потихоньку ушел, не закончив курса.

Позднее он написал руководителям движения, сообщив, что является социологом, которой проводит исследование, посвященное саентологии. Указав, что движение неоднократно подвергалось нападкам, он высказал мысль, что его собственное исследование представит более сбалансированный взгляд. Затем он посетил штаб-квартиру секты в Британии и беседовал с одним из членов ее руководства. Тому было известно, что Уоллис отсеялся с информационного курса, он знал об опросниках, отправленных по спискам саентологов. Тем не менее, Уоллис получил разрешение интервьюировать членов организации и часть студентов, а также контактные адреса в Соединенных Штатах. В конце концов Уоллис почувствовал, что материала для публикации книги о саентологах достаточно.

Уоллис столкнулся с особенными трудностями в связи с тем, что исследование было посвящено организации, ревниво относившейся к своим секретам; в других отношениях те проблемы, которые ему приходилось решать, а также необходимость использовать сочетание различных методов были типичными для большинства социологических исследований. Весь материал, который он собирал по частям

и затем объединял в единое целое, и комбинация методов, которые он применял, дали интересную и цельную работу, оказавшуюся важной и значимой.

Этические проблемы исследования: негативная реакция респондентов

В любых исследованиях, касающихся людей, не только в социологии, могут возникать этические дилеммы[20]. Медицинские эксперименты на людях, в том числе на больных и умирающих, стали привычными, хотя не так-то просто сказать, насколько эти эксперименты оправданы этически. При испытании нового лекарства в интересах эффективности применяется обман пациентов. Одна группа больных может получить новое лекарство, а другой могут сказать, что она его получила, хотя на самом деле это не так. Вера человека в то, что ему дали целебное лекарство, может сама по себе привести к позитивным эффектам в отношении здоровья; контролировать это можно, давая лекарство лишь половине пациентов, участвующих в эксперименте. Но будет ли это этично? В данном случае мы безусловно приближаемся к границам дозволенного, многое будет зависеть от фактически эффективности препарата. С другой стороны, если обойтись без подобных экспериментов, действенность многих лекарств так и останется неустановленной.

Сходные проблемы всякий раз встают и в социологическом исследовании в ситуации, когда используется какой-либо обман по отношению к участникам исследования. Примером может служить знаменитый и противоречивый эксперимент Стэнли Милгрэма. Он поставил задачу выявить, насколько люди готовы причинить боль другому, получая соответствующие команды свыше[21]. В ходе исследования использовалась электрошоковая машина, и участвующие в эксперименте добровольцы, нажимая на кнопку, должны были вызвать шок у людей, неправильно ответивших на вопросы теста по проверке памяти. В эксперименте предполагался систематический обман добровольцев, вызвавшихся в нем участвовать: им не сообщали истинной цели исследования, все они верили, что это действительно эксперимент по оценке памяти. Они думали, что вызывают настоящий шок у других участников эксперимента, хотя на самом деле последние были помощниками исследователями, симулирующими свои реакции, поскольку «шоковая машина» была ненастоящей.

Был ли этот обман этически оправдан, тем более что опрошенные участники нашли свой опыт необыкновенно тяжелым, выбивающим из колеи? Общим мнением критиков эксперимента было то, что исследование «зашло слишком далеко», поскольку используемый прием содержал потенциальную психологическую опасность для добровольцев. Однако неясно, где проходит линия между «простительной» и «непростительной» ложью. Исследование Милгрэма стало чрезвычайно широко известным не столько вследствие жульнических приемов, сколько вследствие потрясающих результатов, которые он получил. Данное исследование показало, что многие люди готовы на жестокие действия по отношению к другим, если им «дают приказ» сделать это.

Уоллис был не вполне честен с теми, чье поведение он изучал, он не сообщал, что он социолог, когда записывался на курс саентологии. Более того, он дал письменное согласие на условия, которые не собирался соблюдать, поскольку хотел опубликовать свою работу. Он пытался избежать прямой лжи, но не раскрыл реальной

[20] *Barnes J.* Who Should Know What? Social Science, Privacy and Ethics. Harmondsworth, 1979.

[21] *Milgram S.* Obedience to Authority: An Experimental View. New York, 1973.

причины своего участия: было ли это неэтично? Ответ неочевиден[22]. Будь Уоллис на начальной стадии совершенно откровенен, исследование не продвинулось бы, но можно предполагать, что обществу следует знать о происходящем внутри тайных организаций. С этих позиций его стратегию можно было бы считать оправданной.

Этические проблемы встают в социологии еще и в связи с возможными последствиями публикаций, в которых используются результаты исследований. Субъекты исследования могут посчитать результаты оскорбительными либо потому, что они изображаются в непривлекательном, по их мнению, свете, либо потому, что взгляды и способы поведения, которые они предпочли бы оставить своим личным достоянием, были преданы огласке. В общественной жизни люди совершают множество действий, которые они не хотели бы делать публичным достоянием. Например, некоторые работники заводов и конторские служащие регулярно уносят с работы материалы; медсестры иногда заворачивают больных на последней стадии перед смертью в простыни, предназначенные для морга, и перестают обращать на них внимание; надзиратели в тюрьмах могут брать взятки у заключенных, и, рассматривая некоторых из них как людей «надежных», поручают им делать то, чем должны заниматься сами.

В большинстве случаев, несмотря на возможную враждебность как со стороны участников исследования, так и остальных, обязанность социолога в том, чтобы сделать результаты исследования общим достоянием. В самом деле, это является одним из важнейших вкладов, который социологическое исследование может сделать в воспитание свободного и открытого общества. Как было однажды замечено, «хорошее исследование обязательно кого-нибудь разозлит»[23]. Наверное, социологу не следует бояться этого, если его исследовательская работа выполнена компетентно, а сделанные выводы подкреплены четкими аргументами. Но социолог-исследователь должен тщательно оценивать возможные последствия публикаций своих изысканий, а также *форму*, в которой он их представляет. Часто исследователь стремится еще до публикации обсудить эти вопросы с теми, кого они касаются.

Проблемы публикации: опыт Уоллиса

Перед публикацией своей книги Уоллис отослал рукопись в штаб-квартиру саентологов. Он предпринял некоторые изменения в соответствии с их замечаниями, позднее они прислали более подробные отзывы. Несмотря на то, что он сделал дополнительные поправки, саентологи отправили рукопись юристу, специализирующемуся на делах о клевете. Уже по его совету были произведены дальнейшие купюры. Социологом, который к тому же был участником движения саентологов, был подготовлен комментарий на книгу, критический по отношению к методам исследования и выводам Уоллиса. Впоследствии этот комментарий был включен в опубликованную работу в качестве приложения. Помимо этого, саентологи опубликовали статью с анализом исследования Уоллиса в одном из своих периодических изданий. При обсуждении они цитировали Комиссию по исследованиям, связанным с личностью и поведением, созданную Управлением по науке и технологии при Президенте Соединенных Штатов, которая отмечала, что исследователь, работающий с человеческими существами, должен получить «согласие на основе полной информации». Они подчеркивали, что согласие

[22] *Dingwall R.* Ethics and ethnography // Sociological Review, 28. 1980.

[23] *Becker H.* Problems in the publication of field studies. In: Sociological Work. New Brunswick, 1976.

на основе полной информации получено не было, и добавили, что опубликованная Уоллисом работа основывалась на сведениях, полученных от небольшого круга людей, в основном настроенных враждебно по отношению к Церкви Саентологии.

Уоллису приходилось сталкиваться с затруднениями, вызванными его исследованием, и позднее. В 1984 году он был назван в качестве потенциального свидетеля в длительной юридической битве между церковью Саентологии и автором другой книги о саентологии. Уоллис обращался к этой книге в то время, когда работал над собственным проектом, и автор предоставила ему документы и информацию о саентологах и о своих контактах с ними. В результате решения суда штата Калифорния он был обязан представить часть материалов — фактически полученных конфиденциально. К счастью, информация, о которой шла речь, не имела большого значения ни для той, ни для другой стороны, но если бы она была менее безопасной, Уоллис вынужден был бы сделать нелегкий выбор: либо нарушить конфиденциальность, либо воспротивиться закону.

Уоллис имел дело с могущественной и организованной группой, которая смогла побудить его изменить первые варианты исследовательского отчета, однако многие индивиды и группы, изучаемые социологами и другими специалистами-обществоведами, такого влияния не имеют. Если бы они располагали им, то трудности, выпавшие на долю Уоллису, встречались бы гораздо чаще.

Конечно, получать согласие на основе полной информации — это правило, которое должно быть обычным условием работы исследователей. И все же существуют обстоятельства, при которых этому принципу невозможно следовать полностью. Если бы мы поставили задачу изучить случаи жесткого обращения в полиции, то у нас было бы мало шансов сделать это эффективно, будь мы откровенны с полицейским руководством и сотрудниками относительно нашей цели. Цель исследования, если мы рассчитываем на какое-то сотрудничество, до некоторой степени должна быть замаскирована. Это может быть оправданным, учитывая потенциальную важность результатов для общества в целом.

Первейшим долгом социолога и любого другого социального ученого является содействие свободному и открытому обсуждению социальных проблем. Встречающиеся подчас не вполне честные трюки могут парадоксальным образом становится средством для достижения этой цели, поскольку с их помощью извлекаются на свет факты, которые иначе могли бы остаться скрытыми от широкой публики.

Влияние социологии

Социологические исследования редко бывают интересны единственно интеллектуальному сообществу социологов. Часто их результаты становятся известны многим в обществе через печать или каким-либо иным способом. Этот факт имеет далеко идущие последствия. Социология — не только наука *о* современном обществе, она также становится значительным элементом его выживания.

Обратимся к примеру из главы 1, «Социология: проблемы и перспективы»: он касается сути изменений в сфере брака, развода и семьи. Лишь очень немногие люди в современном обществе не имеют хотя бы минимальных знаний по названным темам. Это является результатом своеобразной «фильтрации» результатов уже проведенных исследований. Наше мышление и наше поведение испытывают неуловимое и сложное воздействие социологического знания, и это, в свою очередь, изменяет само поле социологического поиска. Один из способов описать это явление —

это сказать, что социология находится в *рефлективных* отношениях с людьми, чье поведение она изучает. Слово «рефлективный» описывает взаимный обмен между социологическим исследованием и человеческим поведением. Нас не должно удивлять, что, несмотря на встречающееся иногда противоречие нашим основанным на здравом смысле убеждениям, результаты социологических исследований часто весьма близко коррелируют со здравым смыслом. Причина заключается не столько в том, что социология знакомит с результатами, которые нам уже известны; скорее, исследования, проведенные социологами, оказывают все более устойчивое влияние на представления здравого смысла о том, чем же на самом деле является общество.

Краткое содержание

1. Любое исследование начинается с *исследовательской проблемы*, которая волнует и озадачивает ученого. Проблему исследования могут инициировать пробелы в существующей литературе, теоретические споры или практические вопросы социального мира. В разработке исследовательской стратегии можно различить несколько структурных этапов, хотя в реальном исследовании они редко соблюдаются точно.

2. Серьезное социологическое исследование подразумевает использование надежных подходов при анализе данного социального явления. Можно выделить три аспекта социологического исследования: *стратегия исследования*, связанная с планированием различных этапов; *методология*, имеющая дело с общей логикой и принципами исследования; *методы исследования*, связанные со способами проведения исследования, — полевая работа, опрос и т. д.

3. При анализе исследований, предоставляющих количественные данные, используются различные статистические методики. Важнейшими из них являются *меры центральной тенденции* и *коэффициенты корреляции*. Меры главной или основной тенденции — это способы вычисления средних величин для данного набора значений; коэффициент корреляции указывает на степень устойчивости связи одной переменной с другой.

4. В полевой работе, или *включенном наблюдении*, исследователь проводит длительное время с изучаемой группой или сообществом. Другой метод исследования, *опрос*, предполагает рассылку по почте или личное распространение опросников в группах, построенных в соответствии с выборкой из всего населения. *Документальное исследование* означает использование в качестве источников информации печатных материалов из архивов или откуда-либо еще. К другим методам относятся *эксперименты*, *углубленные интервью*, *жизнеописания* и *дневники*, *анализ бесед*.

5. Каждый из методов имеет свои недостатки. По этой причине исследователи в своей работе часто совмещают два и более метода, причем каждый из них используется для проверки и дополнения материала, полученного путем использования других. Этот процесс называется *триангуляция*.

6. В социологическом исследовании перед ученым часто встают этические дилеммы. Они могут возникнуть в связи с тем, что исследователю пришлось обмануть

участников исследования, либо от того, что публикация материалов может оказать неблагоприятное воздействие на чувства или жизнь изучаемых. Абсолютно удовлетворительного способа поведения в подобных ситуациях не существует, но любой исследователь должен относиться к возникающим дилеммам как можно более чутко.

Основные понятия

методы исследования
причинность
корреляция

Важнейшие термины

гипотезы
причинная связь
переменная
независимая переменная
зависимая переменная
контроль
среднее
мода
медиана
стандартное отклонение
коэффициент корреляции
включенное наблюдение (полевая работа)
опрос (обследование)
выборка
документальное исследование
эксперимент
жизнеописание (биографический метод)
анализ разговора
триангуляция

Дополнительная литература

John A. Barnes. Who Should Know What? Social Science, Privacy and Ethics. Harmondsworth: Penguin, 1979. Обсуждение этических проблем, возникающих в социальных исследованиях.

J. Irvine, I. Miles and *J. Evans* (eds). Demystifying Social Statistics. London, 1979. Серьезная попытка разоблачения использования и злоупотребления статистическими данными.

Peter H. Mann. Methods of Social Investigation. Oxford, 1985. Хороший и несложный обзор методов, используемых в социологии.

Catherine Marsh. Exploring Data. Cambridge, 1988. Отличное введение в анализ данных, сконцентрированное на изучении реальных проблем, чтобы проиллюстрировать технику статистического анализа.

Gerry Rose. Demystifying Social Research. London, 1981. Дискуссия по поводу исследовательских методов, основанная на критическом анализе хорошо известных социологических исследований.

Глава 22

Развитие социологической теории

Многих, впервые начинающих изучение социологии, поражает многообразие открывающихся перспектив. Социологи не имеют общепринятой теоретической исходной позиции; в их среде очень часто ведутся споры относительно того, с какой стороны следует начинать изучение человеческого поведения и каким образом лучше всего интерпретировать результаты исследований. Почему социологам не удается добиться прочного согласия, которого удалось достичь ученым в естественных науках?

Ответы на эти вопросы теснейшим образом связаны с природой социологии. Это наука о нашей собственной жизни и о нашем собственном поведении, а изучение самих себя — самое сложное и трудное предприятие из всех возможных. Во всех академических дисциплинах, включая естественные науки, существует больше разногласий по поводу теоретических подходов, чем по поводу эмпирических исследований, поскольку эмпирическое исследование в случае, если возникают разногласия относительно фактов, можно легко проверить или повторить. Теоретические споры всегда в какой-то степени зависят от интерпретации, и редко могут быть окончательно разрешены таким путем. В социологии трудностей еще больше, поскольку проблема осложняется тем, что предметом изучения становится наше собственное поведение; поэтому теоретические дебаты и противоречия занимают в данной дисциплине центральное место.

В этой главе мы проанализируем развитие основных **теоретических подходов** в социологии и попытаемся определить дилеммы, которые обнаруживаются при их анализе. Мы начнем с рассмотрения взглядов некоторых основателей современной социологии, поскольку многие из идей, высказанных впервые этими учеными, пользуются влиянием и сейчас, а затем обратимся к теоретическим подходам, определяющим состояние дисциплины сегодня, после чего перейдем к некоторым из поднятых в них проблем.

Истоки социологии

Люди всегда интересовались первопричинами своего поведения, но тысячелетиями наши попытки понять себя основывались на традиционных способах мышления, передаваемых из поколения в поколение и связанных с использованием религиозных понятий. Систематическое изучение человеческого поведения и человеческого общества — относительно недавнее достижение, его истоки восходят к концу восемнадцатого века. Основой для появления нового подхода были радикальные изменения, связанные с индустриализацией и урбанизацией. Разрушение традиционного образа жизни означало новое понимание как социального, так и природного миров.

Огюст Конт

Конечно же, один человек не может основать целую дисциплину, и в раннюю социологию внесли свой вклад многие. Однако первым среди равных обычно считают французского писателя Огюста Конта (1789–1857), хотя бы только потому, что именно он ввел в оборот само слово «социология». Вначале Конт пользовался термином «социальная физика» для обозначения новой области науки, однако другие авторы также стали употреблять этот термин, и он, желая провести различие между их и своими взглядами, изобрел новое слово для определения основанного им предмета. Конт считал социологию наукой молодой, но самой сложной и важной по значению. Конт полагал, что новая дисциплина будет напрямую способствовать благоденствию человечества; к концу жизни он строил грандиозные планы реконструкции французского общества и всего человечества вообще.

Эмиль Дюркгейм

Работы Конта оказали прямое влияние на другого французского мыслителя, Эмиля Дюркгейма (1858–1917). Хотя Дюркгейм и опирался на некоторые аспекты творчества Конта, он считал работы последнего слишком спекулятивными и неопределенными и полагал, что Конту не удалось выполнить свою программу — учредить социологию как науку. По Дюркгейму, для того, чтобы стать наукой, социология должна изучать «социальные факты». Она должна исследовать социальные институты с той же объективностью, с какой ученые изучают природу. Первым знаменитым принципом социологии Дюркгейма является: «изучайте социальные факты как вещи!» Под этим он подразумевал, что социальная жизнь может быть подвергнута столь же строгому анализу, как и объекты или события в природе.

Как и все основатели социологии, Дюркгейм был захвачен переменами, изменяющими общество на его глазах. Он пытался объяснить эти перемены в их связи с **разделением труда** (нарастанием усложняющихся различий между различными профессиональными сферами) как частью индустриализации. Дюркгейм утверждал, что разделение труда постепенно вытесняет религию как основу социальной взаимосвязи. По мере того как разделение труда усиливается, люди становятся все в большей степени зависимы друг от друга, поскольку каждый нуждается в товарах и услугах, производимых людьми других профессий. Согласно Дюркгейму, перемены в современном мире происходят настолько быстро и интенсивно, что это порождает значительные социальные трудности, которые он связывал с **аномией**. Аномия — это ощущение бесцельности или бесполезности существования, вызванное определенными социальными условиями. Рамки и требования традиционной морали, которые были обусловлены религией, в ходе социального развития оказались в основном разрушены, и поэтому в современных обществах многие индивиды сталкиваются с ощущением, что их повседневное существование лишено смысла.

Одна из самых известных работ Дюркгейма связана с анализом самоубийства[1]. Самоубийство считается сугубо личным актом, являющимся, предположительно, следствием больших личных несчастий. Дюркгейм, однако, показывает, что на суицидальное поведение фундаментальное влияние оказывают социальные факторы, и одним из них является аномия. Статистика самоубийств из года в год дает одну и ту же картину, и этому следует дать социологическое объяснение. Многие аспекты

[1] *Durkheim Emile.* Suicide: a Study in Sociology. London, 1952; первое издание 1897.

исследования Дюркгейма вызывают возражения, но оно остается классической работой, значение которой для современной социологии не исчерпано до сих пор.

Карл Маркс

Идеи Карла Маркса чрезвычайно резко контрастируют с идеями Конта и Дюркгейма. Макс родился в 1818 году в Германии и умер в Англии в 1883. Будучи воспитан в традициях германской мысли, он, однако, провел большую часть своей жизни в Британии, здесь созданы его основные работы. Он не мог посвятить себя университетской карьере, поскольку еще в молодости его политическая деятельность привела к конфликту с германскими властями. После краткого пребывания во Франции он поселился в Британии.

Труды Маркса касаются множества областей социальной жизни. Даже самые строгие критики считают, что его работы безусловно важны для становления социологии, однако сам Маркс не рассматривал себя как «социолога». Большая часть его трудов посвящена экономическим темам, но поскольку он всегда стремился связать экономические проблемы с социальными институтами, его работы богаты и глубоки и в социологическом плане.

Точка зрения Маркса основывается на том, что он называл **материалистическим пониманием истории**. Согласно Марксу, источником социальных перемен являются не идеи и ценности, которых придерживаются люди, а в первую очередь экономические причины. Они в свою очередь, связаны с классовыми конфликтами, представляющими собой движущую силу исторического развития. Если выразиться словами Маркса, «Вся человеческая история является историей классовой борьбы».

Несмотря на то, что он писал о разных периодах истории, внимание Маркса обращалось прежде всего на перемены, происходившие в современную эпоху. Наиболее важными для него были изменения, связанные с развитием **капитализма**. Капитализм является системой производства, радикально отличающейся от предшествовавших типов экономического порядка, поскольку он предполагает производство товаров и услуг для продажи широкому кругу потребителей. Обладатели капитала — фабрик, машин и крупных сумм денег — образуют правящий класс. Основная же масса населения составляет класс наемных рабочих, или рабочий класс, который не имеет собственных средств существования, а должен наниматься на работу к собственникам капитала. Капитализм, таким образом, — это классовая система, при которой конфликт между классами распространен повсеместно.

Согласно Марксу, капитализм в будущем будет вытеснен социализмом или коммунизмом (эти слова им использовались в одинаковом смысле), и социалистическое общество будет бесклассовым[2)]. Маркс имел в виду не полное исчезновение различий между индивидами, скорее он говорил о том, что исчезает раскол общества на небольшой класс, монополизирующий экономическую и политическую власть, и массу трудящихся, практически ничего не имеющих от созданного их усилиями общественного богатства. В новой экономической системе будет господствовать общественная собственность и будет установлен более эгалитарный и предполагающий всеобщее участие социальный порядок.

По мнению Маркса, изучение развития и возможностей капитализма должно указать средства для его активного преобразования путем использования полити-

[2)] Здесь автор не вполне точен. В работе «Критика Готской программы» Маркс и Энгельс уточнили, что бесклассовому коммунистическому обществу предшествует классово-неантагонистическое социалистическое общество, которое они рассматривали в качестве первой фазы коммунизма (ред.).

ческих действий. Поэтому социологические наблюдения Маркса были тесно связаны с его политической программой. Однако независимо от того, были или не были обоснованы работы Маркса, эта программа оказала чрезвычайно сильное воздействие на весь двадцатый век. Более трети мирового населения принадлежало к обществам, правительства которых претендовали на то, что их вдохновляют идеи Маркса.

Важно отнестись к изучению трудов Маркса непредвзято. Это непросто, поскольку широкое влияние работ этого ученого породило значительные различия в мнениях относительно их ценности. Даже те, кто испытал сильное влияние его идей, использовали его труды различным образом — существуют серьезные различия между взглядами тех, кто называет себя «марксистами». Многие западные марксисты, например, были чрезвычайно критично настроены по отношению к Советскому Союзу и другим коммунистическим странам, в которых идеи Маркса, как считалось, составляют основу общественной системы.

Макс Вебер

Как и Маркса, Макса Вебера (1864–1920) трудно назвать просто «социологом» — его интересы и идеи охватывают многие дисциплины. Он родился в Германии, там прошла вся его академическая карьера. Вебер был подвержен депрессиям и не мог посвятить себя классической карьере университетского преподавателя, однако он располагал некоторыми личными средствами, что дало ему возможность посвятить себя научной работе. Он был человеком широчайшей образованности. Труды Вебера охватывают различные области не только социологии, но также экономики, права, философии и сравнительной истории, и значительная часть его работ посвящена развитию современного капитализма. Испытав безусловное влияние работ Маркса, он весьма критически отнесся к некоторым из его основных идей. Вебер отвергал материалистическую концепцию истории и полагал классовые конфликты имеющими меньшее значение, чем считал Маркс. С точки зрения Вебера, для социальных изменений идеи и ценности имеют не меньшее значение, чем экономические условия.

Ряд важнейших работ Вебера посвящен анализу отличий культуры Запада от других культур и обществ. Его перу принадлежат обширные исследования традиционной Китайской империи, Индии и Ближнего Востока[3)], которые являются значительным вкладом в социологию религии. Сопоставляя ведущие религиозные системы Китая и Индии с религиями Запада, Вебер приходит к выводу, что на развитие капитализма сильное влияние оказали некоторые определенные аспекты христианства (см. главу 14, «Религия»).

Одной из наиболее постоянных тем в работах Вебера является исследование **бюрократии**. Бюрократия — это крупномасштабная организация, подразделяющаяся на ведомства или службы и состоящая из чиновников различных рангов. Крупные промышленные фирмы, правительственные организации, больницы и школы могут служить примерами бюрократий. Вебер считал, что расцвет бюрократии — неизбежная черта нашей эпохи. Бюрократия делает возможной эффективную работу крупномасштабных организаций, но создает проблемы эффективному демократическому участию масс в жизни современных обществ. Бюрократия предполагает правление экспертов, чьи решения принимаются без каких-либо консультаций с теми, кого эти решения затронут.

[3)] *Weber M.* The Religion of China. New York, 1951; The Religion of India. New York, 1958; The Ancient Judaism. New York, 1952.

Вебер внес значительный вклад во многие другие области, например, в исследования развития городов, правовых систем, типов экономики и природы классов. Немало писал он и о всеобщем характере самой социологии. В вопросах о том, является ли социология наукой, Вебер был более осторожен, чем Дюркгейм или Маркс. Согласно его мнению, неверно думать, будто мы можем изучать жизнь людей, используя те же процедуры, что и применяемые в исследованиях физического мира. Люди — существа мыслящие и рассуждающие; мы наделяем смыслом и значением большую часть того, что мы делаем, и всякая дисциплина, имеющая дело с человеческим поведением, должна это учитывать.

Дальнейшее развитие социологии

Хотя истоки социологии были в основном европейскими, в нашем веке эта дисциплина утвердилась практически во всем мире, и некоторые важнейшие этапы ее развития прошли в Соединенных Штатах. В частности, на развитие социологической теории оказали серьезное влияние труды Джорджа Герберта Мида (1863–1931), философа, преподававшего в Чикагском университете. Мид подчеркивал, что центральное место в социальной жизни человека занимают язык и, более общо, символы. Выдвинутый им подход позднее стал называться **символическим интеракционизмом**. Однако для Мида было характерно обращение к социальным процессам небольшого масштаба, а не к обществу в целом.

Самым известным американским социологом-теоретиком послевоенного периода является Толкотт Парсонс (1902–1979). Этот плодовитый автор писал как о теоретических проблемах, так и о многих эмпирических аспектах социологии. Он внес существенный вклад в изучение семьи, бюрократии, профессиональной деятельности, политики и многих других областей. Он также сыграл важнейшую роль в развитии **функционализма** — теоретического подхода, впервые обозначенного Контом и Дюркгеймом. Согласно функционалистской точке зрения, при изучении любого данного общества необходимо определить, как его различные части, или институты, взаимодействуют между собой, приводя к непрерывному развитию общества во времени.

Европейские мыслители в этот период также играли значительную роль в развитии социологической теории. Особую известность завоевал **структурализм**, связывающий социологический анализ и изучение языка. Структуралистский подход впервые появился как особое направление в лингвистике и затем был перенесен в социальные науки антропологом Клодом Леви-Стросом (р. 1908). Однако истоки структурализма опять-таки восходят к Дюркгейму и Марксу.

Современные подходы

Основные теоретические позиции сегодняшней социологии являются продолжением подходов, сформировавшихся в более ранний период. Важнейшими из них считаются *функционализм, структурализм, символический интеракционизм* и *марксизм*.

Функционализм

Основополагающие идеи функционализма были сформулированы еще Контом, который тесно связывал их со своим видением социологии в целом. Дюркгейм также рассматривал функциональный анализ в качестве ключевой части своей

формулировки задач социологической теории и социологического исследования. Однако на развитие функционализма в его современном виде значительное влияние оказали труды антропологов. Вплоть до начала двадцатого века антропология базировалась главным образом на материалах докладов и документах колониальных чиновников, миссионеров и путешественников. Вследствие этого антропология девятнадцатого века была в некоторой мере спекулятивна и недостаточно опиралась на документальные источники. Авторы создавали книги, привлекая примеры со всего мира, при этом достоверность примеров, а также наличие соответствующих культурных контекстов, их практически не интересовали. Например, анализ религии осуществлялся, как правило, путем сравнения множества верований и религиозных практик совершенно различных культур.

Современная антропология начинается с того времени, когда подобный подход перестал удовлетворять исследователей, и они начали проводить длительные полевые исследования различных культур мира. Родоначальниками полевого подхода в антропологии были А. Р. Рэдклифф-Браун (1881–1955), английский автор, испытавший сильное влияние Дюркгейма, и Бронислав Малиновский (1884–1942), поляк, чья научная деятельность проходила в основном в Британии. Малиновскому принадлежит одно из самых выдающихся антропологических исследований, явившееся результатом длительного пребывания автора на Тробриандских островах Тихого океана. Рэдклифф-Браун изучал население Андаманских островов, архипелага, расположенного у побережья Бирмы.

Оба исследователя считали, что мы должны изучать общество или культуру как целое, если хотим понять их важнейшие институты и объяснить, почему их члены ведут себя так, а не иначе. Например, мы можем анализировать религиозные верования и обычаи некоторого общества только при условии, что мы рассматриваем их связь с другими институтами в рамках этого общества, поскольку различные части общества развиваются в тесной связи друг с другом.

Изучать *функцию* какого-либо вида социальной деятельности или института — значит анализировать их вклад в обеспечение жизнедеятельности общества как целого. Лучшим способом пояснения этой мысли служит аналогия с человеческим телом, — подобной аналогией пользовались Конт, Дюркгейм и многие более поздние авторы-функционалисты. Изучая некоторый телесный орган, например, сердце, мы должны в первую очередь понять, как оно связано с остальными частями тела. Перекачивая кровь всего тела, сердце играет важнейшую роль в поддержании жизни организма. Сходным образом, анализ функции данного социального объекта означает демонстрацию того, какую роль он играет в существовании данного сообщества. Например, религия, по мнению Дюркгейма, обеспечивает приверженность людей основным социальным ценностям и тем самым способствует поддержанию социальных связей (для более детального анализа теории религии Дюркгейма см. главу 14, «Религия»).

Функционализм в версии Мертона

Функционализм снова «вернулся» в социологию благодаря работам Толкотта Парсонса и Роберта К. Мертона, считавших, что функциональный анализ призван играть ключевую роль в развитии социологической теории и социологических исследований. Особым влиянием пользовался функционализм в интерпретации Мертона; этот подход определил направление работ целого поколения американских социологов, и, кроме того, получил широкое распространение за пределами Америки. Мертон

разработал более сложный вариант функционального анализа, чем те варианты, которые предлагали Рэдклифф-Браун и Малиновский. В то же время он адаптировал этот подход для изучения индустриальных обществ, которые в основных своих аспектах отличаются от более простых культур, изучавшихся антропологами.

Мертон проводит различия между **явными** и **латентными функциями**. Явные функции — те, которые известны участникам определенного типа социальной деятельности и подразумеваются ими. Латентные функции — это такие последствия деятельности, о которых ее участники не подозревают[4]. В качестве иллюстрации подобного деления Мертон приводит пример танца дождя, исполняемого индейцами Хопи из Нью-Мексико. Хопи верят, что эта церемония принесет дождь, необходимый их полям (явная функция). По этой причине они устраивают церемонию и участвуют в ней. Но танец дождя, утверждает Мертон, привлекая теорию религии Дюркгейма, является также эффектом сохранения единства данного сообщества (латентная функция). Согласно Мертону, значительная часть социологического объяснения любого явления состоит в раскрытии латентных функций социальных институтов и человеческой деятельности.

Мертон различает функции и *дисфункции*. Малые культуры, попавшие в поле зрения антропологов, указывает он, являются, как правило, более интегрированными, чем большие индустриальные общества, являющиеся основным объектом изучения в социологии. Рэдклифф-Браун и Малиновский могли целиком сосредоточиться на определении функции, поскольку рассматриваемые ими культуры были стабильными и интегрированными. Однако, изучая современный мир, мы должны учитывать и дезинтегрирующие тенденции. Понятие «дисфункции» связано с такими аспектами социальной деятельности, которые вызывают изменения, *угрожающие* единству общества.

Исследовать дисфункциональные аспекты социальной деятельности — значит анализировать те стороны социальной жизни, которые являются вызовом существующему порядку вещей. Например, ошибочно думать, будто религия всегда остается функциональной — т. е. способствует исключительно сохранению целостности общества. Когда две группы исповедуют различные религии или даже различные версии одной и той же религии, результатом могут быть крупномасштабные социальные конфликты, способные вызвать глубокий раскол в обществе. Поэтому между религиозными сообществами часто велись войны, например, между протестантами и католиками в истории Европы.

Современное развитие

Долгое время функционалистское мышление было, вероятно, ведущей теоретической традицией социологии, в особенности в Соединенных Штатах. В последние годы популярность функционализма начала снижаться, поскольку стала очевидной его ограниченность; однако до сих пор этот подход имеет явных сторонников[5]. За исключением Мертона, практически все теоретики-функционалисты (например, Толкотт Парсонс) чрезмерное значение придавали факторам, поддерживающим сохранение социального единства, оставляя в тени те, которые вызывают разобщение и конфликт. Кроме того, по мнению многих критиков, функциональный анализ наделяет общества такими качествами, которыми они в действительности не обладают. Функционалисты часто пишут о «нуждах» и «целях» обществ, не

[4] *Merton R.* Social Theory and Social Structure. Glencoe, 1957.

[5] *Alexander J.* Neofunctionalism. London, 1985.

принимая во внимание, что эти понятия имеют смысл только в применении к отдельным индивидам. Возьмем, например, данный Мертоном анализ танца дождя. По Мертону, данная церемония способствует интеграции культуры Хони; показав это, мы как бы объяснили фактическую причину, хотя мы знаем, что танец на самом деле не вызывает дождь. Это было бы рациональным объяснением лишь в случае, если принять постулат, что общество Хони «побуждает» своих членов совершать «нужные» для него действия. Однако это не так: общества не обладают силой воли и не ставят перед собой цели, ими располагают только индивиды.

Структурализм

Подобно функционализму, **структурализм** испытал влияние работ Дюркгейма, хотя главный импульс его развитию дала лингвистика. На раннем этапе важнейшим источником структуралистских идей стали работы швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (1857–1913). Хотя Соссюр писал только о языке, его идеи нашли впоследствии отражение во многих социальных и гуманитарных дисциплинах.

До Соссюра исследования языка были сосредоточены в основном на анализе детальных изменений в способах использования слов. Согласно Соссюру, такая процедура упускает из виду основную особенность языка. Если мы будем обращать внимание только на слова, которые используют в речи люди, то не сможем определить его основные характеристики, или *структуру*[6]. Язык состоит из грамматических правил и значения, лежащего за словами, но не указанного в них. Простой пример: в английском языке, если мы хотим сообщить, что речь идет о событиях прошедшего времени, к глаголу обычно добавляется окончание «-ed». Это лишь одно из тысяч грамматических правил, которые знает каждый носитель языка и которые используются *для конструирования* того, что мы говорим. Согласно Соссюру, анализировать структуры языка — значит, искать правила, которые образуют незримую основу языка. Большую часть этих правил мы знаем неявно: нам было бы нелегко выразить, в чем их суть. Фактически, задачей лингвистики является раскрытие того, что мы *знаем*, но лишь неявно, на уровне практического использования языка.

Язык и значение

Соссюр утверждал, что значение слов производится структурами языка, а не объектами, которые эти слова обозначают. Мы можем наивно вообразить, что значение слова «дерево» есть объект с листьями, который и подразумевает данный термин. Однако, согласно точке зрения Соссюра, это не так. В этом можно убедиться, если обратить внимание, что в языке существует множество слов, которые не обозначают никаких объектов — слова вроде «и», «но», «однако». Более того, существуют полноценные в смысловом отношении слова, которые обозначают мифические предметы и не имеют вообще никакого отношения к реальности — например, «единорог». Если значение слова возникает не из предмета, им обозначаемого, то откуда? На это Соссюр отвечает, что значение создается *различиями* между родственными понятиями, и эти различия распознаются правилами языка. Значение слова «дерево» происходит из того, что мы отличаем «дерево» от «зарослей», «кустарника», «леса» и множества других слов, имеющих подобные — но не идентичные — значения. Таким образом, значения создаются внутри языка, а не объектами, обозначаемыми посредством этих слов.

[6] *Saussure F.* Course in General Linguistics. London, 1974.

Структурализм и семиотика

Соссюр дополняет данный анализ важным наблюдением, что значение могут создавать не только звуки (речь) или знаки на бумаге (письмо). Любой объект, который мы можем систематически выделять среди других, может быть использован для «задания значения». Примером могут служить сигналы светофора. Мы используем контраст между зеленым и красным для обозначения «двигаться» и «стоять» (желтый обозначает «приготовиться к остановке» или «приготовиться к движению»). Заметим, что именно *различие* создает значение, а не цвета сами по себе. В равной мере мы могли бы использовать зеленый для обозначения «стоять» и красный для обозначения «двигаться» — если бы мы последовательно определяли эти различия. Соссюр называет изучение неязыковых значений *семиологией*. В настоящее время в основном используется термин **семиотика**.

Семиотические исследования возможны при изучении многих аспектов человеческой культуры. Как пример, рассмотрим одежду и моду. Что делает определенный стиль одежды модной в данное время? Конечно, это не сама носимая одежда, поскольку короткие юбки могут быть модными в один год и немодными в другой. Модной одежду делает опять-таки *разница* между носимым теми, кто «в курсе дела», и гардеробом тех, кто отстает. Другим примером из этой же области является траурная одежда. В нашей культуре мы, желая продемонстрировать траур, надеваем черное. В других культурах люди, соблюдающие траур, носят белое. В данном случае значение имеет не цвет сам по себе, а то, что люди, соблюдающие траур, одеваются определенным образом, отличающимся от их повседневного стиля.

Структуралистский подход чаще использовался в антропологии, а не в социологии, особенно в Соединеиных Штатах. Следуя направлению, указанному Леви-Строссом, популяризатором термина *структурализм*, структурный анализ применяли в исследованиях родственных отношений, мифов, религии и в других областях. Однако многие теоретики-социологи также испытали на себе воздействие структуралистских идей. Принципы структурализма использовались при изучении средств массовой информации (газет, журналов, телевидения), идеологии и культуры в целом.

Структуралистское мышление имеет слабые стороны, ограничивающие возможности его использования как общего теоретического подхода в социологии. Структурализм возник в связи с исследованием языка и оказался уместным для изучения лишь некоторых аспектов человеческого поведения. Он полезен при исследовании коммуникации и культуры, однако в более практических сторонах социальной жизни, таких, как экономическая и политическая деятельность, его применение гораздо более ограничено.

Символический интеракционизм

Символический интеракционизм придает большее значение активному и творческому индивиду, чем любой из остальных теоретических подходов. После Мида его развивали многие авторы, и в Соединенных Штатах он стал основным соперником функционализма. Подобно структурализму, символический интеракционизм обязан своим рождением проблеме языка, но Мид развил его в отдельное направление.

Символы

Мид утверждает, что именно язык дает возможность человеку стать сознательным существом, увидеть свою индивидуальность, причем ключевым элементом этого

процесса является **символ**. Символ есть нечто, *означающее* что-то еще. Следуя примеру, использованному Соссюром, слово «дерево» является символом, при помощи которого мы представляем определенный предмет, дерево. Овладев этим понятием, говорит Мид, мы можем думать о дереве, даже если никакого дерева не видно. Мы научились мыслить о данном предмете символически. Символическое мышление освобождает нас от того, что наш опыт ограничивается только непосредственно видимым, слышимым и ощущаемым.

Люди, в отличие от животных, живут в наполненном символами мире. Это относится и к нашему восприятию себя. (Животные не имеют чувства собственного «я», подобного человеческому.) Каждый из нас обладает самосознанием, поскольку мы учимся смотреть на себя со стороны — видеть себя так, как нас видят другие. Когда ребенок начинает пользоваться словом «я» для обозначения того объекта (себя), который другие называют «ты», у него появляются основы самосознания. (Дальнейшее обсуждение теории Мида развития самосознания можно найти в главе 3, «Социализация и жизненный цикл».)

Как утверждают последователи символического интеракционизма, практически все взаимодействия между людьми предполагают обмен символами. Взаимодействуя с другими, мы постоянно ищем ключи к пониманию того, какой тип поведения соответствует данному контексту и как следует интерпретировать намерения других. Символический интеракционизм обращает наше внимание на детали межличностного взаимодействия и на то, каким образом эти детали сообщают смысл сказанному или сделанному другими. Представим, например, первое свидание мужчины и женщины. Вероятно, оба они потратят значительную часть вечера на попытки оценить друг друга и возможные варианты развития своих отношений, в случае если они станут продолжаться. Никто из них не будет делать это слишком откровенно, хотя каждый при этом осознает, что происходит. Оба озабочены своим собственным поведением, поскольку стремятся представить себя в выгодном свете; однако, зная это, каждый будет пытаться увидеть те аспекты поведения другого, которые раскрыли бы его истинные взгляды. Так сложный и едва уловимый процесс символической интерпретации формирует взаимодействие двух людей.

Социологи, разделяющие идеи символического интеракционизма, обычно сосредоточивают свое внимание на межличностном взаимодействии в ситуациях повседневной жизни. Среди исследований этого типа особенно интересны работы Ирвинга Гоффмана, рассмотренные в главе 4, «Социальное взаимодействие и повседневная жизнь». Гоффман придал яркость и живость тому, что у Мида было лишь сухой и абстрактной теоретической концепцией. Благодаря Гоффману и другим ученым, символический интеракционизм способствовал множеству открытий, касающихся природы нашей обыденной жизни. Однако символический интеракционизм чрезмерно концентрируется на явлениях малого масштаба, и именно это может вызвать критику. Ученые, работавшие в этом направлении, всегда испытывали трудности, сталкиваясь с крупномасштабными структурами и процессами — теми самыми явлениями, на которые в основном ориентировались две следующие традиции.

Марксизм

Функционализм, структурализм и символический интеракционизм не являются единственно имеющими значение традициями социологии, также как подобное разбиение на три направления не является единственным способом классификации теоретических подходов. Одним из наиболее влиятельных подходов, выходящих за

рамки данного деления, является **марксизм**. Разумеется, все марксисты так или иначе связывают свои взгляды с работами Маркса, однако существует множество интерпретаций его идей, и сегодня школы марксистской ориентации придерживаются порой весьма различных позиций в теоретическом отношении.

В широком смысле, марксизм можно подразделять в соответствии с направлениями, соответствующими трем описанным выше подходам. Многие марксисты явно или неявно придерживаются функционалистской трактовки исторического материализма[7]. Их версия марксизма чрезвычайно отличается от версии тех, кто испытал влияние структурализма. Наиболее известным автором, представляющим эту последнюю точку зрения, является французский исследователь Луи Альтюссер[8]. В свою очередь, оба названных варианта расходятся с взглядами марксистов, акцентирующих влияние на активном, творческом характере человеческой деятельности. Лишь немногие из авторов подобной ориентации испытали прямое влияние символического интеракционизма, но созданная ими перспектива оказалась достаточно близка к нему[9].

Во всех своих версиях марксизм отличается от немарксистских традиций социологии. Большинство авторов-марксистов рассматривает марксизм как часть единого «пакета» социологического анализа и политических реформ. Марксизм, по их убеждению, должен выработать программу радикальных политических изменений. Более того, марксисты, в отличие от других социологов, особенно представителей функционализма, особое значение придают классовому делению общества, конфликту классов, а также проблемам власти и идеологии. Марксизм лучше рассматривать не как некоторый подход в рамках социологии, а как совокупность социальных и гуманитарных концепций, существующих наряду с социологией, причем социология и марксизм пересекаются друг с другом и часто влияют друг на друга. Немарксистская социология и марксизм всегда находились в отношениях взаимного влияния и взаимной оппозиции.

Теоретические дилеммы

Какова относительная ценность этих четырех теоретических позиций? Каждая из них имеет своих ревностных сторонников, но очевидно, что в некоторых отношениях эти концепции дополняют друг друга. Функционализм и большинство версий марксизма концентрируются на изучении крупномасштабных аспектов жизни социальных групп или обществ. Они принципиально ориентированы на «большие вопросы» — типа «Как общества обеспечивают свою целостность?» или «Каковы основные причины социальных изменений?» Символический интеракционизм, напротив, более всего связан с личностными сторонами социальной жизни. Структурализм отличается от других подходов тем, что фокусирует свое внимание в основном на культурных особенностях социальной деятельности.

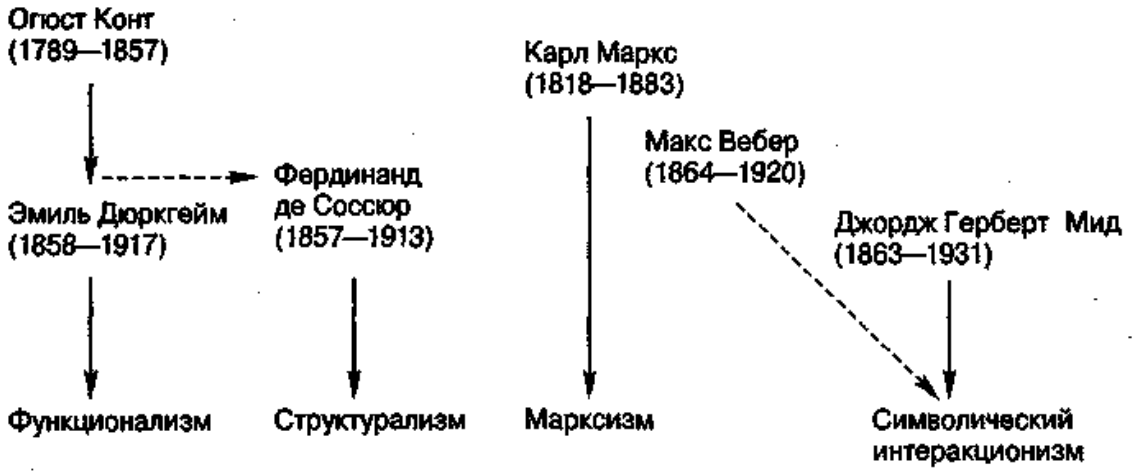
Таким образом, при рассмотрении социологических проблем в некоторой степени можно воспользоваться плодами всех теорий, хотя в определенных отношениях они будут открыто противоречить друг другу. Существует несколько основных **теоретических дилемм** — вопросов, являющихся источниками постоянных споров

[7] *Cohen G. A.* Karl Marx's Theory of History: A Defence. Oxford, 1978.

[8] *Althusser L.* For Marx. London, 1969.

[9] *Fromm Erich* (ed.). Socialist Humanism. London, 1967; *Marcuse Herbert*. Reason and Revolution. London, 1968.

Теоретические подходы в социологии



Сплошными линиями указано прямое влияние, пунктирными — непрямая связь. Неясно, заимствовал ли Соссюр часть своих идей непосредственно у Дюркгейма, но существует целый ряд сфер, в которых их взгляды частично совпадают. Мид ничем не обязан Веберу, но идеи последнего, подчеркивающие осмысленный, целеполагающий характер человеческой деятельности, имеют явное сходство с основными темами символического интеракционизма.

и дискуссий, и часть из них связана с общей проблемой интерпретации деятельности индивидов и социальных институтов. Рассмотрим четыре таких дилеммы.

1. Первая дилемма связана с вопросами *человеческой деятельности* и *социальной структуры*. Она состоит в следующем: в какой степени мы являемся полноценными носителями творческого начала, активно воздействующими на обстоятельства своей жизни? Может быть, большая часть наших действий есть результат влияния неких фундаментальных социальных сил, находящихся вне нашего контроля? Отношение к этому вопросу всегда разделяло и продолжает разделять социологов. Символический интеракционизм подчеркивает активные творческие составляющие человеческого поведения. Три других подхода (за исключением некоторых вариантов марксизма) делают акцент на принудительном характере влияния социальных институтов на нашу деятельность.

2. Вторая теоретическая дилемма связана с *консенсусом* (согласием) и *конфликтом* в обществе. Согласно некоторым точкам зрения, особенно близким к функционализму, на первое место ставится порядок и гармония, присущие человеческому обществу. Сторонники этого взгляда, например, Толкотт Парсонс, считают преемственность и **консенсус** наиболее естественными характеристиками обществ, сколь бы сильно они не изменялись с течением времени. Другие социологи, особенно испытавшие влияние Маркса и Вебера, подчеркивают глубинную природу социального **конфликта**[10]. Они считают, что для общественной жизни характерны раздробление интересов, напряженность и борьба. По их мнению,

[10] *Collins Randall*. Conflict Sociology: Toward an Explanatory Science. New York, 1974.

утверждение, что люди в основном склонны к мирному сосуществованию друг с другом, ошибочно: даже в том случае, когда нет открытой конфронтации, в обществе сохраняется принципиальное различие интересов, которое в определенный момент может вылиться в активный конфликт.

3. Третья дилемма связана не столько с характеристиками человеческой деятельности или общества в целом, сколько с особенностями *современного социального развития*. Речь идет о факторах, оказывающих влияние на саму природу современных обществ; эта дилемма происходит из различий немарксистского и марксистского подходов. Она концентрируется вокруг следующего вопроса: в какой степени состояние современного мира определяется экономическими факторами, выделяемыми Марксом, в частности, механизмами капиталистического производства? С другой стороны, в какой степени альтернативные факторы (социальные, политические и культурные) могут определять социальное развитие в современную эпоху?

4. Существует четвертая фундаментальная проблема теории, которая вряд ли возникала в рамках ортодоксальной концепции, но игнорировать которую больше нельзя. Эта проблема состоит в том, чтобы ввести в социологический анализ понимание *гендера*. Все крупные фигуры социологии прошлого были мужчинами, и в своих трудах они практически не уделяли внимание тому факту, что человеческие существа подразделяются на мужской и женский пол[11]. Индивиды в их трудах представляются как абстрактные «деятели», принадлежащие «среднему роду», а не как мужчины и женщины. Поскольку при постановке проблемы гендера в традиционной социологии практически не на что опереться, эта проблема, возможно, является в настоящее время самой сложной из четырех.

   Одной из важнейших теоретических дилемм, связанных с проблемой гендера, является следующая: должны ли мы вводить «гендер» как общую социологическую категорию? Или, быть может, лучше рассматривать вопросы гендера, разделив их на ряд специфических факторов, определяющих поведение мужчин и женщин в различных ситуациях? А если подойти с другой стороны, во всех ли культурах существуют характеристики, отличающие социальное поведение мужчин и женщин? Или гендерное деление можно объяснять в терминах других социальных различий (например, классового деления)?

Рассмотрим каждую из этих дилемм подробно.

Структура и действие

Одна из важнейших тем, поднятых Дюркгеймом, а позднее развитых другими авторами, состоит в том, действительно ли общества, объединяющие нас как своих членов, накладывают **социальные ограничения** на нашу деятельность. Дюркгейм утверждал, что общество имеет приоритет над индивидом. Оно есть нечто большее, чем просто сумма индивидуальных актов, поэтому, исследуя социальную структуру, мы наталкиваемся на характеристики, имеющие «жесткость» или «твердость», сравнимые со структурами материальной среды. Представим себе человека, находящегося в комнате с несколькими дверьми. Устройство комнаты ограничивает круг возможных действий индивида. Расположение стен и дверей, например, определяет расположение выхода и входа. По мнению Дюркгейма, социальная

[11] *Sydie R.* Natural Women, Cultured Men: A Feminist Perspective on Sociological Theory. New York, 1987.

структура регламентирует нашу деятельность подобным образом. Она устанавливает пределы нашим индивидуальным действиям. Для нас она такая же «внешняя», как стены названной комнаты.

Данная точка зрения выражена Дюркгеймом в его знаменитом замечании:

> Когда я осуществляю свой долг брата, мужа или гражданина, то я исполняю обязательства, установленные законом и обычаем и являющиеся внешними по отношению ко мне и моим действиям... Сходным образом верующий с самого рождения обнаруживает в уже готовом виде верования и практику религиозной жизни, и, раз они существовали до него, следовательно, они существуют вне его. Система знаков, которую я использую для выражения своих мыслей, денежная система, которой я пользуюсь для уплаты долгов, кредитные механизмы, которые я применяю в своей коммерческой деятельности, процедуры, которым я следую в силу своей профессии, — все эти и подобные им вещи функционируют вне зависимости от моего пользования. В свою очередь, если обратиться к каждому члену общества, то указанные замечания справедливы в отношении каждого из них. [12]

Точка зрения Дюркгейма имеет множество сторонников, однако она вызывает и острую критику. Что же такое «общество», спрашивают критики, если не совокупность множества индивидуальных актов? Если мы изучаем некоторую группу, мы видим не коллективную сущность, а только группу индивидов, взаимодействующих друг с другом различным образом. «Общество» есть лишь множество индивидов, совершающих упорядоченные действия в отношении друг друга. Согласно данной точке зрения (представленной в основном приверженцами символического интеракционизма), мы действуем целенаправленно уже в силу того, что являемся людьми и населяем мир, пронизанный культурными смыслами. Социальные явления, согласно этой позиции, отнюдь не похожи на «вещи», поскольку зависят от символических значений, которыми мы наделяем свои действия. Мы являемся не *созданиями* общества, но его *создателями*.

Оценка

Вряд ли это противоречие когда-нибудь будет исчерпано до конца, поскольку оно существует с того самого времени, когда современные мыслители впервые приступили к систематическим попыткам объяснения человеческой деятельности. Более того, данный спор не ограничивается только социологией, он занимает ученых всех областей социальных наук. Вы должны сами решить, какую позицию считаете наиболее близкой к истине.

И все-таки не следует преувеличивать различия приведенных точек зрения. Конечно, ни один из этих подходов не может обладать абсолютной истиной, но можно легко увидеть взаимосвязь между ними. Очевидно, что в некоторых отношениях предпочтительнее точка зрения Дюркгейма. Социальные институты предшествуют любому из индивидов, несомненно также, что они имеют возможность ограничивать нас. Так, например, я не являюсь изобретателем денежной системы, которая существует в Британии. Я также не имею выбора, хочу я пользоваться ею или нет, если желаю получать товары и услуги, которые продаются за деньги. Денежная система, подобно другим традиционным институтам, существует независимо от всякого отдельного члена общества, регламентируя его деятельность.

---

[12] *Durkheim Emile*. The Rules of sociological Method. London, 1975.

С другой стороны, явно ошибочным является предположение о том, что общество является столь же «внешним» по отношению к нам, как и физический мир. Физический мир продолжал бы существовать даже в том случае, если не осталось бы ни одного человека, однако утверждать то же самое относительно общества — явная нелепость. Общество является внешним по отношению к каждому индивиду в отдельности, но оно по определению не может быть внешним для *всех* индивидов.

Более того, хотя «социальные факты» Дюркгейма могут ограничивать нашу деятельность, но они не могут *детерминировать* ее. Я смогу жить, не пользуясь деньгами, если твердо решусь на это, хотя при таком решении, возможно, мне придется очень туго. Человек постоянно должен делать выбор, а не просто пассивно реагировать на происходящие вокруг него события. Преодолению противоречия между «структурным» и «деятельностным» подходами могло бы способствовать осознание того, что в ходе нашей повседневной деятельности мы *активно создаем и изменяем* социальную структуру. Например, факт использования мною денежной системы является незначительным, но необходимым вкладом в поддержание существования этой системы. Если все люди, или хотя бы большинство из них, в какой-то момент примут решение избегать пользования деньгами, то денежная система распадется.

Консенсус и конфликт

Сравнение точек зрения на проблемы *конфликта* и *консенсуса* целесообразно опять-таки начать с позиции Дюркгейма. Дюркгейм рассматривает общество как совокупность взаимозависимых частей. Большинству функционалистов общество представляется *объединенным целым*, состоящим из тесно связанных между собой структур. Это чрезвычайно созвучно мысли Дюркгейма о принудительном, «внешнем» характере «социальных фактов». Однако аналогия здесь проводится уже не со стенами здания, а с человеческим телом.

Тело состоит из различных специализированных частей (таких, как мозг, сердце, легкие, печень и так далее), каждая из которых вносит вклад в поддержание жизни организма. Органы должны работать в гармонии друг с другом, если же этого нет, жизнь организма оказывается под угрозой. Согласно Дюркгейму (и Парсонсу), то же происходит и с обществом. Чтобы общество продолжало существовать, его специализированные институты (политическая система, религия, семья, система образования) должны функционировать в гармонии друг с другом. Существование общества зависит, таким образом, от кооперации, которая, в свою очередь, предполагает общий консенсус, или согласие, членов общества относительно основных ценностей.

Те, кто рассматривает проблему конфликта, занимают иную позицию. Их основные положения легко продемонстрировать, используя в качестве примера понятие классового конфликта, данное Марксом. Согласно Марксу, общества разделяются на классы, владеющие неравными ресурсами. Поскольку существует сильно выраженное неравенство, то наблюдается различие интересов, которое оказывается «встроенным» в социальную систему. Конфликты интересов в определенный момент превращаются в активную борьбу между классами, которая может породить процесс радикальных перемен. Не все сторонники данного подхода придавали такое значение классам, как Маркс. Иногда в качестве основания для различий, значимых при возникновении конфликта, рассматривались, например, отношения между

расовыми группами либо между политическими фракциями. Однако, какой бы ни была конфликтная группа, общество изначально рассматривается *насыщенным напряжениями*, и даже наиболее стабильная социальная система выглядит неустойчивым балансом антагонистических группировок.

Оценка

Так же, как и споры относительно структуры и действия, дебаты, связанные с конфликтом и консенсусом, вряд ли когда-нибудь закончатся. Тем не менее, различие между позициями конфликта и позициями консенсуса выглядит, вероятно, более глубоким, чем является на самом деле. Эти две позиции нельзя считать совершенно несовместимыми. Всякое общество обладает определенного рода единством относительно основных ценностей, и всякое общество, безусловно, предполагает существование конфликта.

Более того, одним из основных правил социологического анализа является исследование связи между конфликтом и консенсусом внутри социальных систем. Ценности, которых придерживаются различные группы, и цели, которые их члены преследуют, нередко отражают смесь общих и противоположных интересов. Даже в марксистской интерпретации классового конфликта классы-антагонисты имеют некоторые общие интересы. Так, капиталисты нуждаются в рабочей силе для своих предприятий, а рабочие в такой же мере нуждаются в капиталистах, выплачивающих им жалование. В подобных обстоятельствах открытый конфликт не может быть продолжительным, скорее случиться так, что общее для обеих сторон перевесит взаимные различия, хотя иногда может произойти обратное.

Полезным понятием, возникающим при анализе конфликта и консенсуса, является *идеология* — ценности и убеждения, способствующие сохранению позиции более могущественных групп по отношению к менее могущественным. Власть, идеология и конфликт всегда тесно связаны. Многие конфликты возникают *по поводу* власти, из-за преимуществ, которые она может дать. Власть имущие могут в целях сохранения своего доминирования использовать идеологические средства, но в случае необходимости они способны прибегнуть к использованию силы. Например, в феодальные времена власть аристократии поддерживалась с помощью идеи о том, что некоторая, меньшая часть людей была рождена для того, чтобы властвовать; однако аристократические правители охотно прибегали и к насилию по отношению к тем, кто осмеливался противиться их власти.

Образы современного мира

Марксистская перспектива

Работы Маркса явились серьезным вызовом социологическому анализу, и этот вызов не остался незамеченным. Идеи Маркса были и остаются центром многих социологических споров. Как было замечено ранее, Маркс рассматривал современные общества как *капиталистические*. Ведущим импульсом, лежащим в основании социальных перемен в современную эпоху, является потребность в экономических трансформациях, которые представляют собой неотъемлемую часть капиталистического производства. Капитализм — гораздо более динамичная экономическая система, чем любая предшествующая. Капиталисты соревнуются друг с другом за возможность продавать свои товары потребителю. Чтобы выжить в условиях рыночной конкуренции, фирмы должны производить свою продукцию как можно

эффективнее и дешевле. Это ведет к постоянным технологическим инновациям, поскольку повышение эффективности технологии, применяемой в производственном процессе, является одним из способов, с помощью которого компании могут одержать верх над своими конкурентами.

Существуют также серьезные стимулы для поиска рынков сбыта товаров, возможностей приобретения дешевого сырья и использования дешевой рабочей силы. Поэтому капитализм, согласно Марксу, является постоянно расширяющейся системой, разрастающейся по всему миру. Таким способом Маркс объясняет распространение западной индустрии в глобальном масштабе.

Принадлежащая Марксу интерпретация влияния капитализма нашла множество сторонников, и последующие авторы-марксисты серьезно усовершенствовали первоначальную концепцию. Однако многочисленные критики пытались опровергнуть взгляды Маркса и предлагали альтернативные подходы к анализу факторов, определяющих облик современного мира. Практически все исследователи согласны с тем, что капитализм сыграл большую роль в создании современного мира. Но часть социологов утверждает, что Маркс преувеличил роль, которую в произошедших изменениях сыграли чисто *экономические* факторы, и, кроме того, что капитализм не является *центром* современного социального развития, как полагал Маркс. Большая часть авторов также скептически относится к его утверждению, что социалистическая система с необходимостью заменит капитализм

Точка зрения Вебера

Одним из первых и наиболее серьезных критиков Маркса был Макс Вебер. Фактически, труды Вебера можно воспринимать в контексте его длившейся всю жизнь борьбы с «призраком Маркса», с его интеллектуальным наследием. Альтернативная Марксу позиция, которую выработал Вебер, сохраняет свою важность и сегодня. Согласно его мнению, ключевую роль в современном социальном развитии сыграли неэкономические факторы. Знаменитая и наиболее спорная работа Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» содержит утверждение, что при создании капиталистического мировоззрения фундаментальное значение имели религиозные ценности, в особенности те, которые связаны с пуританством. Вопреки предположению Маркса, это мировоззрение возникло не из экономических изменений как таковых.

Веберовское понимание природы современного общества и причин распространения западного образа жизни всем мире существенно отличается от предложенного Марксом. По Веберу, капитализм как определенный способ организации экономической деятельности является лишь одним фактором среди многих, влиявших на социальное развитие в современный период. Основой капиталистического экономического механизма, в некотором роде более фундаментальной, оказались *наука* и *бюрократия*. Наука сформировала современную технологию и, вероятно, будет продолжать определять ее в любом будущем социалистическом обществе. В свою очередь, бюрократия является единственным способом эффективной организации больших групп людей, и поэтому она неизбежно увеличивается по мере экономического и политического роста. Появление науки, современной технологии и бюрократии Вебер собирательно описывает как **рационализацию**. Рационализация означает организацию социальной и экономической жизни в соответствии с принципами эффективности на основе технического знания.

A. Марксистские идеи	B. Веберовские идеи
1. Основной тенденцией современного развития является экспансия экономических механизмов капитализма.	1. Основной тенденцией современного развития является рационализация производства.
2. Современные общества расколоты классовым неравенством, свойственным самой природе этого общества.	2. Классовое неравенство является лишь одним из существующих в современном обществе типов неравенства наряду с другими, например, неравенством мужчин и женщин.
3. Основные различия в обладании властью, например, различия в положении мужчин и женщин, проистекают из экономического неравенства.	3. Власть в экономической системе отделима от других источников. Например, неравенство между мужчинами и женщинами не может быть объяснено только с точки зрения экономических терминов.
4. Современные капиталистические общества, какими мы знаем их сегодня, являются обществами переходного типа, и в будущем можно ожидать их радикальной реорганизации. На смену капитализму придет социализм того или иного типа.	4. Рационализация неизбежно будет продолжаться во всех сферах социальной жизни. Все современные общества основываются на одних и тех же базовых способах социальной и экономической организации.
5. Распространение западного влияния во всем мире в основном является результатом экспансионистских устремлений, характерных для капиталистической экономической системы.	5. Глобальная роль Запада связана с его ведущим положением в области промышленных ресурсов, а также с превосходством в области военной силы.

Оценка

Какой из способов описания современных обществ более правилен: тот, который принадлежит Марксу, или тот, который исходит от Вебера? Мнения ученых по этому вопросу расходятся, и некоторые различия приведены в таблице. (Следует помнить, что в каждом лагере существует множество течений, поэтому не всякий теоретик согласится со всеми пунктами, приведенными здесь.)

Контрасты между марксистской и веберовской точками зрения касаются многих областей социологии. Они определяют не только характер анализа природы индустриальных обществ, но также и наше видение обществ третьего мира. Кроме того, две предложенные перспективы связаны с различными политическими позициями: левые авторы в целом придерживаются взглядов стороны А, либералы и консерваторы — стороны В. Тем не менее, факторы, лежащие в основе указанной дилеммы, имеют природу более эмпирическую, чем в других дилеммах. Фактологические исследования путей развития современных обществ и стран третьего мира помогают нам оценить, насколько характер перемен, происходящих в мире, согласуется с позициями двух сторон.

Проблема гендера

Проблема гендера в работах основателей современной социологии занимает отнюдь не центральное место. Однако те немногие отрывки, в которых они касались этой темы, позволяют если не разрешить ее, то по крайней мере сделать набросок данной теоретической дилеммы. Чтобы описать эту дилемму, лучше всего сопоставить ее отражение в работах Дюркгейма (впрочем, довольно редкое) с тем, что можно найти в работах Маркса. В одной из работ, посвященной анализу

самоубийства, Дюркгейм замечает, что мужчина «практически полностью является продуктом общества», тогда как женщина «в значительно большей степени продукт природы». Развивая эти наблюдения, он говорит о мужчине: «его вкусы, стремления и юмор по большей части имеют коллективное происхождение, тогда как у его спутницы они в основном определяются организмом. Его потребности, следовательно, чрезвычайно отличаются от ее потребностей...» Другими словами, женщины и мужчины не идентичны, они имеют различные вкусы и наклонности в связи с тем, что женщины менее социализированы и более «близки к природе», чем мужчины[13].

Сегодня никто не принял бы взгляда, выраженного подобным образом. Специфическая индивидуальность женщины в той же мере складывается под влиянием социализации, что и индивидуальность мужчины. И все же, после некоторых преобразований, утверждение Дюркгейма оказывается одним из возможных способов видения формирования природы гендера. Имеется в виду, что гендерные различия главным образом основываются на биологических различиях между мужчиной и женщиной. Подобный взгляд не означает с необходимостью, что гендерные различия являются, прежде всего, врожденными. Напротив, он предполагает, что социальная позиция женщины, ее женственность определяются в основном (как предполагает Чодороу, см. главу 6, «Гендер и сексуальность») ее вовлеченностью в процесс воспроизводства и воспитания детей. Если эта точка зрения верна, то гендерные различия являются атрибутом любого общества. Неравенство мужчин и женщин в обладании властью отражают тот факт, что женщины растят детей, являются их главными воспитателями, в то время как мужчины действуют в «публичных сферах»: в политике, работе и войне.

Взгляд Маркса существенно отличается от приведенной позиции. Для Маркса гендерные различия во власти и статусе лишь отражают другие различия — и прежде всего классовое. По его мнению, в примитивном обществе нет ни гендерного, ни классового деления. Власть мужчин над женщинами возникает только с появлением классов. Когда возникает институт брака, женщины превращаются в одну из форм «частной собственности» мужчины. Женщины перестанут быть рабынями в том случае, если классовое деление общества будет преодолено. И вновь лишь немногие сегодня согласятся с подобными утверждениями, однако их можно сделать более приемлемыми, если продолжить развитие тезиса. Классовый фактор не является единственным в определении социальных различий, влияющих на поведение мужчин и женщин. В число других факторов входят этническая и культурная принадлежность. Например, можно было бы предположить, что женщины, принадлежащие к этническому меньшинству (скажем, чернокожему населению Соединенных Штатов), находятся в более равном положении по отношению к мужчинам этих же этнических групп, чем к женщинам, принадлежащим к большинству (т. е. к белым женщинам). Или может случиться так, что женщины определенной культуры (охотников и собирателей, например) имеют больше общих черт с мужчинами этой культуры, чем с женщинами индустриального общества.

Оценка

Вопросы, включенные в четвертую дилемму, чрезвычайно важны и прямо связаны с вызовом, который бросили социологам авторы-феминистки. Никто не

[13] *Durkheim E.* Suicide: A Study in Sociology. London, 1952.

будет оспаривать, что социология в прошлом либо игнорировала женщин, либо оперировала абсолютно неадекватными интерпретациями женской природы и поведения. Несмотря на появившиеся в течение последних двадцати лет в социологии исследования, посвященные женщинам, до сих пор сохраняются такие области, в которых специфическая деятельность и интересы женщин еще недостаточно изучены. «Введение женской проблематики» в социологию само по себе еще не является решением гендерной проблемы, поскольку гендер подразумевает различия в идентичности и поведении женщин *и* мужчин. Сегодня остается открытым вопрос о том, в какой степени гендерные различия могут быть объяснены в терминах других социологических концепций и понятий (класса, этнической принадлежности, культурной среды и так далее), и, напротив, в какой степени другие социальные различия нуждаются в объяснении в терминах гендера. Безусловно, некоторые из важнейших задач социологии как объясняющей науки будут в дальнейшем связаны с эффективным разрешением этой дилеммы.

Теории

Существует различие между *теоретическим подходом* и **теориями**. До сих пор в этой главе мы имели дело с теоретическими подходами, т.е. общими ориентациями относительно предмета социологии. Теории имеют более направленную фокусировку и представляют собой попытки толкования определенных наборов социальных обстоятельств или явлений. Обычно они возникают как часть процесса исследования и, в свою очередь, ставят проблемы, которым посвящается исследовательская деятельность. Примером может служить теория самоубийства, разработанная Дюркгеймом.

В многочисленных и разнообразных областях исследовательской деятельности, в которых работают социологи, создана масса теорий. Некоторые из них построены чрезвычайно тщательно, иногда даже представлены в математической форме, хотя это более распространено в других социальных науках (особенно в экономике), чем в социологии.

Мнения о том, насколько социологам полезно и желательно заниматься широкомасштабными теоретическими изысканиями, различны. Роберт Мертон, например, настаивает, что социологам следует концентрировать свое внимание на, по его терминологии, *теориях среднего уровня*[4]. Мы должны быть более скромными и не пытаться создавать грандиозные теоретические схемы (к примеру, в манере Парсонса).

Теории среднего уровня достаточно специализированы, чтобы была возможна их прямая эмпирическая проверка, и в то же время они обладают той мерой общности, которая позволяет охватить весьма широкий круг явлений. Здесь уместно привести теорию **относительной депривации**. Согласно этой теории, оценка людьми условий их существования зависит от того, с кем они себя сравнивают. Так, чувство депривации не связывается напрямую с уровнем материального благополучия того или иного индивида. Семья, живущая в небольшом доме в бедном районе, где большинство находится в таких же условиях, будет чувствовать себя менее обездоленной, чем те, кто живет в таком же доме в богатом квартале, в котором большинство домов гораздо больше и богаче.

[4] *Merton Robert.* Social Theory and Social Structure. Glencoe, 1957.

Действительно, чем выше уровень обобщения теории, тем труднее ее проверить эмпирически. Однако очевидной причины ограничения теорий социологии только «средним уровнем» не существует. Чтобы убедиться в этом, возьмем в качестве примера теорию, представленную в работе Вебера «Протестантская этика и дух капитализма».

Пример: Протестантская этика

В «Протестантской этике»[15] Вебер рассматривает необычайно важную проблему: почему капитализм развился на Западе и нигде больше. В течение пятнадцати веков, прошедших со времени падения древнего Рима, другие цивилизации занимали в истории гораздо более выдающееся положение, чем Запад. Фактически Европа была захолустьем в то время, когда Китай, Индия и Оттоманская Империя на Ближнем Востоке представляли собой действительно могучие державы. Китай, в частности, в плане технологического и экономического развития далеко опережал Запад. Что же вызвало гигантский всплеск экономического развития Европы с семнадцатого века до наших дней?

Чтобы ответить на этот вопрос, полагает Вебер, мы должны показать, в чем состоит отличие современной промышленности от ранних форм экономической деятельности. Стремление к приобретению богатства обнаруживается во многих цивилизациях, и объяснить его нетрудно: люди ценили богатство за комфорт, безопасность, власть и наслаждение, которые оно может принести. Желая быть свободными от нужды и приобретая богатство, они обретали больший комфорт.

Если обратиться к экономическому развитию Запада, говорит Вебер, то мы обнаружим нечто совершенно иное. Согласно его убеждению, на Западе существовало особенное отношение к накоплению богатств, которое мы нигде более не обнаружим. Это отношение, которое Вебер называет *духом капитализма*, есть комплекс убеждений и ценностей, которых придерживались первые капиталисты — купцы и промышленники. У этих людей было сильно стремление к личному богатству. Однако, в отличие от других богатых в других обществах, они стремились приобрести состояние вовсе не для того, чтобы вести роскошный образ жизни. Фактически их жизнь была экономной и полной самоограничений, жили они скромно и тихо, избегая выставлять свое богатство напоказ. Вебер стремится показать, что это необычное сочетание качеств имело важное значение для ранних этапов экономического развития Запада. В отличие от богатых людей предыдущих эпох и иных культур, представители данной группы не расточали свои богатства, вместо этого они пускали их вновь в оборот, чем способствовали дальнейшему росту возглавляемых ими предприятий.

Ядром теории Вебера является утверждение, что установки, определяющие дух капитализма, имеют религиозное происхождение. Христианство в общем способствовало воспитанию подобного мировоззрения, но главной движущей силой оказалось влияние протестантизма — в особенности его разновидности, *пуританизма*. Большую часть ранних капиталистов составляли пуритане, многие из которых разделяли взгляды Кальвина. Вебер доказывает, что кальвинистские доктрины были основным источником духа капитализма. Первой из них была мысль о том, что люди — инструменты бога на земле, призванные всемогущим к труду на время своей земной жизни для «вящей славы Бога».

[15] *Weber Max.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. London, 1977.

Второй важный аспект кальвинизма — идея *предопределения*, в соответствии с которой только определенные индивиды будут среди «избранных» — вступят в царство небесное после смерти. В оригинальной доктрине Кальвина ни один человек, живущий на земле, не может определить, посчастливится ли ему быть одним из избранных, — это известно только Богу. Однако это положение вызывало такое беспокойство среди последователей, что было модифицировано, чтобы позволить верующим распознать некоторые знаки свыше о своем избрании. Успех в работе на данном поприще, подчеркиваемый материальным благополучием, стал основным знаком избранности. Таким образом, в среде сторонников данных идей возник мощный импульс к экономическому успеху. Тем не менее, он сопровождался стремлением вести скромную и экономную жизнь, как и подобает верующему. Пуритане считали роскошь злом, поэтому стремление к приобретению богатства сочеталось у них со строгим стилем жизни.

Первые предприниматели не осознавали, что они способствуют совершению важных перемен в обществе; прежде всего их вдохновляли религиозные мотивы. Аскетический стиль самоограничения жизни пуритан впоследствии стал существенной частью современной цивилизации. Как говорит Вебер,

> Пуритане хотели работать по зову свыше, в то время как мы работать вынуждены. Когда аскетизм был вынесен из монашеских келий в обычную жизнь и начал доминировать в мировой морали, он внес свою долю в строительстве гигантского космоса современного экономического порядка. С тех пор как аскетизм предпринял попытку изменения мира и возрождения своих идеалов, материальные блага стали приобретать (и в конечном счете приобрели) такую непреклонную власть над жизнью людей, какой не существовало ни в один предшествовавший период истории. Идея долга, заключающегося в призвании человека, закрадывается в нашу жизнь подобно призраку умерших в нас религиозных убеждений. Там, где исполнение призвания не может быть прямо связано с высшими религиозными и культурными ценностями, или когда нет причин ощущать его просто как экономическую необходимость, индивид, как правило, вовсе отказывается от попыток его оправдания. В стране высокого уровня развития, в Соединенных Штатах, погоня за богатством, лишенная свойственного ей религиозного и этического смысла, постепенно оказывается связанной в основном с чисто мирскими страстями...

Теория Вебера критиковалась со многих позиций. Некоторые, например, утверждали, что тот взгляд на мир, который он называет «духом капитализма», можно заметить уже в культуре итальянских торговых городов, задолго до того, как впервые услышали о кальвинизме. Другие считали, что ключевое для Вебера понятие «работа по призванию», которое он связывал с протестантизмом, уже существовало в католицизме. И все же главные положения концепции Вебера до сих пор принимаются очень многими, а предложенные им идеи и сегодня остаются столь же смелыми и содержательными, как в то время, когда он сформулировал их впервые. Если Вебер прав, то современное экономическое и социальное развитие в первую очередь сложилось под влиянием, которое на первый взгляд представляется относительно далеким: влиянием набора религиозных идеалов.

Теория Вебера соответствует ряду важных критериев теоретической мысли.

1. Она **контринтуитивна** — предлагает интерпретацию, расходящуюся с предложениями здравого смысла. Таким образом, данная теория предполагает новое видение решаемых ею вопросов. Большинство авторов до Вебера не придавали должного

значения тому, что религиозные идеалы могли играть фундаментальную роль в возникновении капитализма.

2. Эта теория не является ни чисто «структурной», ни чисто «индивидуальной». Развитие капитализма было непреднамеренным следствием того, к чему стремились предприниматели-пуритане, — жизни в полном соответствии с божественной волей.

3. Эта теория придает смысл явлению, которое в другом контексте представлялось бы весьма загадочным: желанию вести скромную жизнь тех людей, которые предпринимали колоссальные усилия для приобретения богатства.

4. Эта теория способна объяснить обстоятельства, выходящие за рамки ее первоначальных задач. Вебер подчеркивает, что он лишь пытался проследить истоки современного капитализма. Тем не менее, есть основания предполагать, что ценности, сопоставимые с ценностями пуританизма, могут проявиться и в других ситуациях успешного капиталистического развития.

5. Хорошей теории недостаточно быть только справедливой. Она должна быть *плодотворной* в отношении новых идей и стимулировании дальнейшей исследовательской работы. В этом плане теория Вебера оказалась чрезвычайно удачной: она стала своеобразным трамплином для огромного количества будущих теорий и исследований.

Теоретическая мысль в социологии

Оценка теорий и особенно теоретических подходов в социологии — это грандиозная и дерзкая задача. Теоретические дебаты по определению более абстрактны, чем дискуссии эмпирического характера. Тот факт, что в социологии не существует единого доминирующего теоретического подхода, может показаться признаком слабости предмета, но это ни в коем случае не так. Наоборот, столкновение соперничающих теоретических подходов и теорий является выражением жизнеспособности социологии. При изучении человеческих существ — нас самих — разнообразие теорий спасает от догматизма. Человеческое поведение — явление сложное и многоплановое, и вероятность того, что одна-единственная теоретическая перспектива могла бы охватить все его аспекты, чрезвычайно мала. Отсутствие единства в теоретической мысли является богатейшим источником идей, полезных для любого исследования, оно стимулирует наше воображение, столь важное в процессе социологической деятельности.

Краткое содержание

1. В социологии, как и в других социальных дисциплинах, имеется множество различных теоретических подходов. Причина этого вполне объяснима: разрешить теоретические споры трудно даже в естественных науках, в социологии же мы сталкиваемся с затруднениями особого порядка, вызванными тем, что предметом изучения является наша собственная деятельность.

2. Важнейшими фигурами раннего этапа становления социологии были Огюст Конт (1789–1857), Эмиль Дюркгейм (1858–1917), Карл Маркс (1818–1883) и Макс Вебер (1864–1920). Многие их идеи и сегодня сохраняют свою важность для социологии.

3. Важнейшими теоретическими подходами социологии в настоящее время являются *функционализм*, *структурализм*, *символический интеракционизм* и *марксизм*. В некоторой степени они дополняют друг друга; однако между этими подходами существуют также и серьезные различия, бесспорно, оказывающие влияние на способы разрешения соответствующих теоретических вопросов авторами разной ориентации.

4. Одна из важнейших теоретических дилемм в социологии связана с проблемами соотношения человеческого действия и социальной структуры. Являемся ли мы создателями общества или созданы им? Выбор между этими альтернативами отнюдь не столь однозначен, как может показаться на первый взгляд; фактически проблема заключается в том, как связать два указанных аспекта социальной жизни вместе.

5. Другая дилемма связана с тем, являются ли общества упорядоченными и гармоничными, или их следует рассматривать как арену постоянных конфликтов. И вновь два указанных подхода не являются абсолютно противоположными, и мы должны показать, какова взаимная связь *консенсуса* и *конфликта*. При решении этой задачи полезно обратиться к понятиям *идеологии* и *власти*.

6. Третий пункт постоянных дебатов в социологии — анализ современного социального развития. Формируются ли процессы перемен, происходящих в современном мире, прежде всего под влиянием капиталистического экономического развития, или основное влияние оказывают другие, неэкономические факторы? Позиции, занимаемые в этой дискуссии, определяются в известной степени политическими взглядами и ориентациями различных социологов.

7. Четвертая дилемма связана с тем, как рассматривать проблему гендера в рамках социологического анализа. Феминистские организации бросили социологии вызов, который был, хотя и с опозданием, принят на уровне эмпирического исследования: сегодня работ, посвященных проблемам и мировоззрению женщин, имеется значительно больше, чем когда-либо ранее. Однако само по себе это не решает вопроса, как наилучшим образом анализировать гендер и его связь с традиционными подходами в социологии.

8. В поисках того, что определяет ценность теории, полезным примером является веберовское положение о влиянии пуританизма на современное экономическое развитие. Идеи Вебера не лишены противоречий, однако его теория открыла новые перспективы для целого ряда направлений и тем самым стимулировала многие позднейшие исследования.

Основные понятия

теоретический подход	*конфликт*
консенсус	*теория*

Важнейшие термины

разделение труда
аномия
материалистическое понимание истории
капитализм
бюрократия
символический интеракционизм
функционализм
структурализм
явные функции
латентные функции
семиотика
символ
марксизм
теоретическая дилемма
социальные ограничения
рационализация
относительная депривация
контринтуитивное мышление

Дополнительная литература

Roslyn W. Bologh. Love or Greatness: Max Weber and Feminist Thinking — a Feminist Enquiry. London, 1990. Феминистская критика Макса Вебера.

Alan Swingewood. A Short History of Sociological Thought. London, 1991. Отчет о развитии социологической теории от классических до настоящих времен.

Bryan S. Turner. From History to Modernity. London, 1992. Очерки о вкладе Макса Вебера в обсуждение модернизма и пост-модернизма.

Часть VII

ГЛОССАРИЙ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ВАЖНЕЙШИЕ ТЕРМИНЫ

Основные понятия

Бессознательное (*unconscious*). Мотивы и идеи, лежащие за пределами сознания индивида. Основным психологическим механизмом бессознательного являются импульсы и желания, отнесенные индивидом на бессознательный уровень. Согласно теории Фрейда, неосознаваемые импульсы и желания, возникшие в детстве индивида, продолжают играть важную роль на протяжении всей его взрослой жизни. 77, 78, 238.

Брак (*marriage*). Социально одобряемые сексуальные отношения между двумя индивидами. Почти всегда брак заключается между людьми противоположного пола, но в некоторых культурах весьма терпимы и к гомосексуальному браку. Обычно брак является основой для репродуктивной семьи, т. е. ожидается, что супружеская пара рождает и воспитывает детей. Во многих обществах разрешен полигамный брак, в котором у индивида может быть сразу несколько супругов. 21, 24, 25, 27–31, 39, 43, 48, 50, 66, 90, 176, 178, 181–184, 198, 216, 221, 233, 235, 242, 261, 267, 273, 310, 317, 361, 362, 364–382, 386–390, 430, 433, 438, 623, 626, 636, 657.

Власть (*power*). Способность отдельных индивидов или членов групп достигать определенных целей и реализовывать свои интересы. Власть — неотъемлемая часть любых человеческих отношений. Многие конфликты в обществе происходят из-за борьбы за власть, поскольку от того, какой властью обладают индивиды или группы, зависит возможность реализации их интересов на практике. 16, 42, 61, 64, 67, 87, 121, 142, 173, 193, 195, 251, 268–273, 289, 295, 298, 299, 311, 314, 317, 320, 321, 324–327, 330, 344, 346–350, 374, 405, 406, 429, 441, 442, 451, 466, 473, 526, 561, 568–571, 578–580, 583, 585, 586, 588, 599, 605, 641, 654, 656, 657, 659, 660.

Внутренний город (*inner city*). Территория, включающая центральные районы города, которые обычно имеют ярко выраженные черты, отличающие их от пригородов. В развитых странах во многих современных городских поселениях территория внутреннего города подвержена упадку и разрушению, поэтому богатые жители покидают эти районы и переезжают в загородную зону. 256, 542.

Военное правление (*military rule*). Правление военных лидеров, а не выбранных официальных лиц. В XX веке во многих странах существовало военное правление. Существует несколько типов военных правлений: в некоторых случаях военные

правят непосредственно, в других управление осуществляется чиновниками, назначаемыми военной властью и несущими прямую ответственность перед военными. 346, 347, 349, 359.

Гендер (*gender*). Социальные ожидания относительно поведения, рассматривающегося как соответствующее для мужчин и женщин. Гендер означает не физические различия между мужчиной и женщиной, а социально формируемые особенности мужественности и женственности. В последнее время изучение гендерных отношений стало одним из наиболее важных направлений в социологии, хотя ранее этому вопросу долгое время не уделялось должного влияния. 20, 21, 41, 135, 137, 138, 140, 151–155, 157–160, 163, 192–194, 215, 218–220, 230, 287, 291, 344, 384, 408, 409, 417, 420, 421, 436, 475, 586, 588, 607, 608, 651, 656–658, 662.

Глобализация (*globalization*). Рост взаимозависимости между различными людьми, регионами и странами в мире. 17, 21, 65, 109, 356, 420, 470, 482, 483, 502, 508, 513, 515, 548.

Государство (*state*). Политический аппарат (правительственные институты плюс чиновники государственной службы), управляющий на определенной территории, власть которого закреплена законом и возможностью использовать силу. Государство существовало не во всех обществах. Оно отсутствовало у охотников и собирателей, а также в малых обществах аграрного типа. Появление государства становится важной вехой истории человечества, поскольку централизация политической власти, присущая государственным образованиям, вводит новую динамику в процессы социальных изменений. 21, 53, 59, 60, 145, 195, 215, 260, 272, 288, 289, 291, 292, 296, 308, 309, 323, 325, 327, 331, 338, 341, 350, 352, 353, 357, 389, 395, 396, 417, 422, 426, 431, 437, 472, 485, 517, 538, 539, 557, 575, 579.

Демографический переход (*demographic transition*). Интерпретация изменений в области народонаселения, поясняющая, что стабильное соотношение рождаемости и смертности достигается на определенном уровне экономического благосостояния. В соответствии с этой формулировкой в доиндустриальных обществах существовал приблизительный баланс между рождаемостью и смертностью, так как рост народонаселения сдерживался отсутствием полноценной пищи и смертностью из-за болезней и войн. В современных обществах, напротив, баланс народонаселения вполне достижим, т.к. количество детей в семье зависит от экономических возможностей. 549, 566.

Демократия (*democracy*). Политическая система, дающая гражданам право участвовать в процессе принятия политических решений и выбирать своих представителей в органы управления. 54, 272, 287, 292–297, 299, 301, 326, 327, 402, 459, 481, 567, 582, 589, 605.

Дискриминация (*discrimination*). Действия, закрывающие членам определенной группы доступ к ресурсам или источникам дохода, доступным для остальных. Дискриминацию следует отличать от предрассудка (предубеждения), хотя обычно эти два явления тесно связаны. Может быть так, что индивиды, предубежденные против других, не участвуют в дискриминационных действиях против них; напротив, люди могут подвергать других дискриминации, не имея предрассудков против последних. 233, 235, 237, 246, 247, 251, 264, 564.

Законная власть (*authority*). Узаконенное господство одного индивида или группы над другой. Элемент легитимности (законности) необходим, он является тем, что выделяет законную власть из более общей концепции власти. Власть может быть

получена использованием силы или насилия. Напротив, законная власть зависит от того, готовы ли подчиненные принять прав то, что люди, находящиеся выше их, обладают правом отдавать им приказы и указания.

Идеология (*ideology*). Общие идеи и верования, служащие для поддержки и оправдания интересов господствующих групп. Идеологии существуют во всех обществах, в которых существует четко выраженное неравенство между группами. Понятие «идеология» тесно связано с понятием «власть», поскольку идеологические системы служат для придания законности различиям в степени власти, которой обладают разные группы населения. 67, 234, 321, 339, 371, 596, 654.

Империализм (*imperialism*). Процесс создания империй в эпоху колониализма. 494, 511, 514, 515.

Индустриализация войны (*industrialization of war*). Применение способов промышленного производства в сфере вооружения, а также организация вооруженных сил как «военной машины». Индустриализация войны является таким же важным аспектом развития современных обществ, как и промышленность, развивающаяся в мирных целях. Индустриализация войны ассоциируется с появлением в XX веке тотальной войны, когда в военные действия вовлечены миллионы солдат, а экономика полностью переориентирована на нужды войны. 331, 359.

Искусственная среда (*created environment*). Стороны материального мира, созданные человеком с помощью технологии. Искусственная среда включает конструкции, созданные человеком для удовлетворения своих потребностей, например, автомобильные и железные дороги, фабрики, офисы, жилые дома и другие сооружения. 525, 527, 542.

Исследовательские методы (*research methods*). Методы изучения, применяемые для сбора эмпирического (фактологического) материала. В социологии существуют разные исследовательские методы, но наиболее часто применяют метод внутреннего наблюдения и опросные методы. Для решения задач в рамках одного исследовательского проекта бывает полезно использовать два или более исследовательских метода. 632.

Класс (*class*). Хотя это одно из наиболее часто употребляемых понятий социологии, нет полного согласия в отношении того, как его лучше всего определить. Большинство социологов используют этот термин, чтобы обозначить социально-экономические различия между группами индивидов, приводящие к различиям их материального положения и власти. 60, 198–204, 207, 208, 210–212, 214–217, 231, 232, 252, 257, 290, 292, 301, 303, 318, 326, 372, 478, 556, 572, 641, 653, 654.

Коллективное действие (*collective action*). Действие, предпринимаемое достаточно спонтанно большим количеством людей, собравшихся вместе в каком-то одном месте. Поведение толпы является одной из наиболее важных форм коллективного действия. В толпе индивид может достичь целей, недостижимых в обычных условиях. 577, 581, 589.

Коммуникация (*communication*). Передача информации от одного индивида или группы к другим. Коммуникация является необходимой основой для всех видов социального взаимодействия. В контексте взаимодействия «лицом к лицу» коммуникация осуществляется посредством использования языка, жестов, движений тела, благодаря чему происходит понимание того, что люди говорят и делают. С развитием письменности, а затем с появлением электронных средств массовых коммуникаций, таких, как телевидение, радио, компьютерные сети, коммуникация в некоторой

степени утратила характер непосредственного социального взаимодействия. 84, 85, 105, 159, 392, 413, 414, 421, 509, 510, 516, 593, 616.

Консенсус (*consensus*). Согласие между членами группы, сообщества или общества относительно основных социальных ценностей. Некоторые социологи придают особую значимость консенсусу как основе социальной стабильности. Они полагают, что всем обществам, остающимся стабильными на протяжении значительных промежутков времени, свойственна «система общих ценностей», объединяющая согласованные убеждения, свойственные большинству населения. 16, 513, 650, 653, 654, 662.

Конфликт (*conflict*). Антагонизм между индивидами или группами в обществе. Конфликт может принимать две формы. Первая — когда происходит столкновение интересов между двумя или более индивидами или группами, вторая — когда люди вовлекаются в активную борьбу друг с другом. Конфликт интересов не всегда ведет к открытой борьбе. В то же время сильные конфликты иногда могут возникать между партиями, которые ошибочно считают свои интересы противоположными. 55, 114, 127, 132, 176, 201, 203, 286, 461, 462, 573, 596, 620, 641, 645, 651, 653, 654, 662.

Конформность (*conformity*). Поведение, которое представляет собой следование нормам, установленным в группе или обществе. Люди не всегда следуют социальным нормам только из-за того, что принимают ценности, лежащие в основе этих норм. Некоторые следуют им из соображений целесообразности или из-за страха перед негативными санкциями. 34, 118, 120, 122, 128, 150, 151, 552, 612, 627.

Корреляция (*correlation*). Устойчивое отношение между двумя измеряемыми величинами или переменными, выражаемое в статистической форме. Корреляции могут быть как положительными, так и отрицательными. 260, 304, 379, 384, 614, 616, 619, 638.

Культура (*culture*). Ценности, нормы и продукты материального производства, характерные для данного общества. Понятие «культура», так же, как и понятие «общество», чрезвычайно широко употребляется в социологии и в других общественных науках (особенно в антропологии). Культура — одно из наиболее характерных свойств, присущее любому социальному объединению людей. 17, 25, 41–44, 52, 66, 67, 98, 114, 164, 181, 241, 242, 251, 257, 259, 262, 331, 342, 439, 441, 483, 506, 518, 591, 592, 604, 621.

Культурное воспроизводство (*cultural reproduction*). Передача культурных ценностей и норм от поколения к поколению. Культурное воспроизводство подразумевает механизмы, с помощью которых непрерывно во времени сохраняется культурный опыт. Одним из основных механизмов культурного воспроизводства в современных обществах является процесс обучения, который происходит не только на официальном уровне. Особенно сильное влияние на культурное воспроизводство оказывает «скрытая программа» — аспекты поведения, которым индивиды обучаются на неформальном уровне. 404, 405, 421.

Магия (*magic*). Обряды, с помощью которых пытаются оказать воздействие на духовные или сверхъестественные сущности с тем, чтобы достичь определенных целей. В большинстве обществ между магией и религией существуют противоречивые отношения. В противовес религии, магия имеет свойство быть в большей степени «индивидуальной» деятельностью, осуществляемой колдуном или шаманом. 424, 450.

Мировая система (*world system*). Социальная система глобальных масштабов, связывающая все общества в единый мировой социальный порядок. Мировую систему можно рассматривать как «единое глобальное общество». Мировая система начала

складываться в XVII веке во времена экспансии Запада. Сегодня существование высокоинтегрированной системы является одним из наиболее важных факторов, оказывающих значительное влияние на жизнь большинства людей. 515.

Наука (*science*). Естественные науки — системное изучение физического мира, включающее сбор эмпирических данных, построение теорий и подходов, с помощью которых дается объяснение и интерпретация данных. Научная деятельность сочетает в себе творческое нестандартное мышление с тщательной проверкой гипотез и идей. Отличительной чертой, выделяющей науку среди прочих типов мыслительной деятельности (например, религии), является постулат, что все научные идеи открыты для обсуждения и пересмотра со стороны членов научного сообщества. 35, 39, 40, 409, 422, 449, 608, 614, 619, 627, 636, 639, 655, 658, 661.

Национальное государство (*nation-state*). Особый тип государства, характерный для современного мира, в котором правительство обладает властью на определенной территории, большинство населения являются гражданами, ощущающими себя частью единой нации. Национальные государства появились в Европе, но в современном мире они распространены глобально. 63, 64, 67, 290, 291, 295, 323, 326, 327.

Неформальные отношения (*informal relations*). Отношения, существующие в группах и организациях и формирующиеся на основе личных привязанностей; способы действий, отличные от формально признанных способов или процедур. 270, 271, 274, 287.

Нормы (*norms*). Правила поведения, принятые в определенной социальной общности. Нормы предписывают или запрещают определенный тип поведения. Все социальные группы имеют свои нормы, которые всегда подкрепляются различными видами санкций, начиная от неформального неодобрения и заканчивая физическим наказанием или смертью. 43, 49, 50, 67, 69, 84, 93, 106, 118–121, 126, 127, 132, 147, 150, 181, 192, 193, 196, 239, 367, 381, 382, 400, 401, 404, 428, 626.

Образование (*education*). Передача знаний от одного поколения к другому посредством прямого обучения. Хотя образовательные процессы существуют во всех обществах, но только в современную эпоху образование приняло массовую форму — обучение в особой образовательной среде, в которой индивиды проводят несколько лет. 21, 46, 47, 84, 85, 93, 159, 172, 205, 226, 267, 290, 317, 323, 392–395, 397, 398, 402–404, 406, 408, 409, 412, 414, 420–422, 469, 475, 484, 492, 507, 521, 550, 616.

Общество (*society*). Это понятие — одно из самых важных в социологии. Общество — это группа людей, живущих на одной территории, подчиняющихся единой системе политической власти и осознающих свою идентичность, отличную от других групп, соседних с ними. Некоторые общества, например, охотников и собирателей, очень малы по размеру и насчитывают не более нескольких десятков человек. Другие очень велики и состоят из многих миллионов: например, современное китайское общество насчитывает более 1 миллиарда человек. 16, 17, 33, 38, 42, 44, 49, 52, 65, 67, 78, 89, 91, 113, 126, 137, 149, 151, 164, 174, 181, 213, 217, 230, 234, 241, 242, 254, 262, 263, 296, 308, 314, 320, 322, 326, 327, 342, 346, 385, 393, 403, 430, 439, 441, 443, 483, 494, 506, 512, 531, 547, 564, 568, 569, 575, 585, 591, 592, 595–598, 601, 602, 604, 612, 637, 640, 641, 644, 646, 651–654.

Общий уровень (коэффициент) смертности (*crude death-rate*). Статистический показатель, характеризующий ежегодное количество смертей среди населения. Общий уровень смертности обычно вычисляется как число смертей на 1000 человек населения в год. Этот показатель дает среднее значение смертности для группы или

общества, что ограничивает его применение. В нем, например, не принимается во внимание распределение смертности в зависимости от возраста. 545, 546, 566.

Общий уровень рождаемости (*crude birth-rate*). Статистический показатель, представляющий число рождений среди населения в год. Общий уровень рождаемости обычно вычисляется как число рождений на 1000 человек населения в год. Хотя этот показатель полезен для многих целей, он является усредненной величиной и не отражает, например, специфику уровня рождаемости в зависимости от возрастной категории. 545, 546, 566.

Объективность (*objectivity*). По аналогии с исследованиями в естественных науках, социологи пытаются достичь объективности в полученных результатах. Объективность означает стремление изменить или исключить, насколько это возможно, двусмысленность, неопределенность в интерпретации результатов. Основным показателем объективности является то, что результаты, полученные исследователем, доступны для критической оценки со стороны членов научного сообщества. 15, 36, 38–40, 640.

Организация (*organization*). Большая группа индивидов, вовлеченных в особый набор отношений власти. В индустриальных обществах существует множество различных типов организаций, оказывающих различное влияние на жизнь индивидов. Несмотря на то, что не все организации являются бюрократическими, существует вполне четкая связь между развитием организации и наличием бюрократических тенденций. 113, 119, 120, 250, 262, 268, 270–272, 278, 287, 310, 338, 342, 345, 346, 353–355, 363, 420, 459, 503, 504, 539, 576, 589, 597, 598, 642.

Отклонение (*deviance*). Формы поведения, не подчиняющегося нормам и ценностям, принятым большинством в группе или обществе. Само понятие «отклонение», также как и «норма», понимается по-разному, в зависимости от культуры или субкультуры. Многие формы поведения, оценивающиеся позитивно в определенном контексте или в некоторой группе, могут оцениваться негативно в другом контексте, группе или культуре. 69, 71, 118, 119, 124, 126, 128, 129, 147, 149–151, 619, 638.

Отчуждение (*alienation*). Чувство, что наши возможности, которыми мы обладаем как человеческие существа, присваиваются другими. Это понятие первоначально использовалось Марксом для обозначения проецирования человеческих возможностей на богов. Затем этот же термин он стал использовать для описания утраты рабочими контроля над природой, задачами и результатами собственного труда. 220, 429, 450, 455–457, 480.

Патриархат (*patriarchy*). Господство мужчин над женщинами. Все известные общества являются патриархальными, хотя степень патриархальности и природа власти мужчин над женщинами различаются. В современном мире одной из главных задач женского движения должна быть борьба против существующих патриархальных институтов. 164, 192, 193, 588.

Пол (*sex*). Биологические и анатомические особенности, отличающие женщин от мужчин. 33, 52, 137, 153, 156, 157, 159, 160, 167, 189, 192, 194, 218, 344, 384, 434, 476, 651.

Политика (*politics*). Средства, с помощью которых власть оказывает влияние на сущность и содержание правительственной деятельности. Сфера политики включает действия не только тех, кто осуществляет непосредственное правление, но и многих других групп индивидов. Существуют различные способы, с помощью которых люди, не входящие в аппарат управления, могут оказывать влияние на политику. 21, 37,

38, 107, 147, 201, 218, 230, 261, 272, 288, 289, 297, 302, 305–307, 310, 326, 327, 341, 349, 389, 412, 413, 470, 490, 499, 542, 550, 579, 598, 604.

Постиндустриальное общество (*post-industrial society*). Понятие, употребляемое теми, кто считает, что процессы социальных перемен, проходящие в настоящее время, перешагнули рубеж индустриальной эры. Постиндустриальное общество базируется в большей степени на производстве информации, чем на материальном производстве товаров. По мнению защитников этой концепции, сегодня в нашем обществе происходят столь же глубокие социальные перемены, как и в начале индустриальной эры два столетия назад. 602–604, 606, 607, 609.

Правление, Правительство (*government*). Процесс осуществления политических действий и решений официальными лицами, входящими в политический аппарат. Мы можем говорить о правлении как о процессе и о правительстве как о группе официальных лиц, несущих ответственность за принятие важных политических решений. В прошлом практически все правительства возглавлялись монархами или императорами. Сегодня правительства формируются из чиновников, которые либо избираются, либо назначаются на пост в силу своей компетентности и квалификации. 59, 61, 65, 133, 139, 142, 144, 169, 206, 247, 248, 262, 272, 288–290, 292–299, 304–307, 312–318, 321, 324–327, 333, 336, 338, 344, 346–350, 353, 354, 359, 394, 395, 397, 412, 417, 419, 442–444, 461, 463, 484, 485, 490, 504, 510, 512, 513, 531, 532, 538, 549, 557, 569–573, 578–580, 596, 601, 626, 642.

Предрассудок, Предубеждение (*prejudice*). Предвзятое представление об индивиде или группе. Изменить такое представление очень трудно, даже если появляется новая информация. Предубеждение может быть как позитивным, так и негативным. 36, 187, 226, 234, 237, 239–241, 246, 564.

Преступление (*crime*). Любые действия, нарушающие законы, установленные властью. Хотя мы склонны думать, что преступники — это какая-то подгруппа населения, есть очень немного людей, ни разу в течение жизни тем или иным способом не нарушивших законы. Несмотря на то, что законы создаются государственными властями, эти власти сами в некотором смысле вовлечены в преступную деятельность. 26, 27, 121, 122, 124, 126, 129, 131, 132, 134, 137, 142, 150, 151, 177, 178, 184, 259.

Причинность (*causation*). Влияние одного фактора или переменной на другие. Причинно-следственные отношения возникают в случае, когда отдельное событие или положение дел вызваны к жизни другими (причиной). Причинные факторы в социологии включают в себя причины, лежащие в основе действий индивидов, а также многочисленные внешние факторы, определяющие их поведение. 614, 638.

Психическое заболевание (*mental illness*). Нарушение психических процессов личности. Психиатры описывают два основных вида психических расстройств: неврозы (это более легкая степень, например, состояние тревоги, беспокойства) и психозы (более тяжелая степень, при которых у индивидов наблюдается потеря контактов с реальностью, как ее понимает большинство населения). Спорными являются вопросы о том, насколько психические расстройства связаны с органическими изменениями, и можно ли вообще эти расстройства считать болезнью. 151.

Работа (*work*). Человеческая деятельность, посредством которой люди обеспечивают свое существование. Не следует думать, что всякая работа оплачивается. В традиционных культурах денежная система существовала в зачаточном состоянии, и только немногие люди получали деньги за свою работу. В современных обществах также

существуют виды работ, за которые не платят жалованье (например, домашняя работа). 17, 21, 31, 34, 35, 52, 85, 86, 90, 99, 110, 127, 162, 166, 171, 172, 182, 189, 201, 211, 213, 215–220, 222, 224, 225, 227, 232, 258, 268, 275, 276, 286, 402, 406, 436, 451–458, 464, 470–480, 494, 505, 512, 540, 609, 611, 617, 620–624, 626, 630, 631, 635–637, 655, 660.

Разделение труда (*division of labour*). Разделение производственной системы на специализированные рабочие задачи, или профессии, что приводит к общеэкономической взаимозависимости. Во всех обществах наблюдаются по крайней мере рудиментарные формы разделения труда, особенно характерно традиционное разделение задач, решаемых мужчинами и женщинами. В эпоху индустриализации разделение труда становится более сложным, чем раньше. В современном мире разделение труда имеет интернациональный характер. 60, 67, 164, 217, 452, 453, 455, 480, 515, 640, 663.

Расизм (*racism*). Приписывание характеристик превосходства или неполноценности людям, обладающим определенными унаследованными физическими качествами. Одна из особых форм предрассудков, акцентирующих внимание на физических отличиях людей. Расистские взгляды и установки прочно закрепились во времена колониальной экспансии Запада, но и по сей день они распространены во многих культурах. В основе механизма формирования этих установок лежат предрассудки и дискриминация. 237, 243, 245, 252, 256, 257, 260, 262–265, 564, 592.

Революция (*revolution*). Процесс политических изменений, в котором задействованы массовые социальные движения, связанный с использованием насилия для успешного свержения существующего режима и с последующим формированием нового правительства. Революция отличается от заговора тем, что революция носит массовый характер и приводит к значительным переменам во всей политической системе. Заговор — это вооруженный захват власти для смены политического лидера, но без радикальных перемен в системе управления. Революции отличаются и от бунта, хотя бунт — тоже вызов, угроза существующему политическому режиму, но его цель в большей степени заключается в замене лидеров, а не в трансформации политической структуры как таковой. 172, 309, 312, 352, 369, 427, 441, 443, 493, 567–571, 573–579, 588, 589.

Религия (*religion*). Верования, разделяемые членами некоторого сообщества, включая символы, к которым относятся с чувством благоговения и поклонения, а также ритуальные действия. Не во всех религиях есть вера в сверхъестественные сущности. Хотя провести различие между религией и магией трудно, часто полагают, что магия скорее практикуется индивидами, а не находится в фокусе общественных ритуалов. 199, 204, 234, 422–424, 428, 429, 431–433, 436, 437, 439, 441, 443, 445, 447–450, 593, 594, 598, 642, 644, 645, 653.

Ритуал (*ritual*). Формализованные типы действий, в которых люди, принадлежащие к определенной группе или общности, регулярно принимают участие. Религия является одним из основных контекстов, в котором практикуются ритуалы, однако область ритуального поведения гораздо шире этой конкретной частной сферы. Большинство групп практикует те или иные формы ритуальных действий. 34, 50, 365, 429, 430, 440, 450.

Родственные отношения (*kinship*). Отношения, связывающие индивидов узами кровного родства, либо брака, либо отношениями усыновления (удочерения). Хотя по определению родственные отношения связаны с браком и семьей, но на деле они

гораздо шире и не ограничиваются только семьей и браком. В большинстве современных обществ некоторые социальные обязательства, относящиеся к родственным отношениям, выходят непосредственно за рамки института семьи, а во многих других обществах родство имеет огромное значение для большинства аспектов социальной жизни. 362, 363, 382, 593.

Самосознание (*self-consciousness*). Осознание индивидом своей социальной идентичности как человека, отличающегося от других людей. От рождения человек не обладает самосознанием, оно формируется на ранних стадиях социализации. Овладение языком очень важно для процессов формирования самосознания у ребенка. 38, 44, 68, 77, 79, 82, 92, 93, 518, 648.

Секуляризация (*secularization*). Процесс уменьшения влияния религии на жизнь общества. Несмотря на то, что современные общества становятся все более секуляризированными, отследить масштабы данного процесса весьма трудно. Степень секуляризации можно оценить по количеству религиозных организаций (например, церквей), по степени их социального и материального могущества и по количеству верующих людей. 422, 447, 450, 601.

Семья (*family*). Группа индивидов, связанных узами кровного родства, браком или отношением усыновления. Эти люди ведут общее хозяйство, а взрослые несут ответственность за воспитание детей. Во всех обществах существует институт семьи, хотя природа семейных отношений в каждом из них сильно отличается. Хотя основной формой в современных обществах является нуклеарная семья, существуют также многообразные варианты расширенной семьи. 21, 28, 54, 58, 82, 83, 93, 109, 121, 123, 216, 218, 221, 253, 257, 258, 266, 267, 273, 289, 344, 361, 362, 364, 365, 367, 368, 370, 371, 378, 380, 382, 386, 389, 390, 416, 444, 467, 469, 475–477, 540, 552, 616, 653, 658.

Социализация (*socialization*). Социальные процессы, в соответствии с которыми дети приобщаются к социальным нормам и ценностям, в этом процессе происходит становление их личности. Несмотря на то, что процессы социализации особенно важны для индивида в детском возрасте, они протекают на протяжении всей его жизни. Ни один человек не может существовать без воздействия на него других людей, и это сказывается на поведении индивида на всех этапах его жизненного цикла. 41, 68, 76, 82, 83, 92, 93, 157, 160, 161, 192, 562, 648.

Социальная мобильность (*social mobility*). Переход индивидов или групп между различными социальными позициями. Вертикальная мобильность — это передвижение вниз или вверх в иерархической системе социальной стратификации. Горизонтальная мобильность — физическое передвижение индивида или группы из одного региона в другой. При анализе вертикальной мобильности социологи изучают как мобильность индивида в рамках его собственной карьеры, так и различия социальной позиции индивида и его родителей. 198, 221, 224, 231, 232.

Социальная позиция (*social position*). Социальная идентичность индивида в рамках данной группы или общества. Социальные позиции по своей природе могут быть очень общими (например, позиции, связанные с гендерными ролями) или намного более специфичными (например, профессиональные позиции). 117, 657.

Социальная роль (*social role*). Поведение, ожидаемое от индивида, занимающего определенную социальную позицию. Идея социальной роли изначально ассоциируется с ролью актера, исполняемой на сцене театра. В любом обществе индивид

исполняет различные социальные роли, связанные с различными сферами своей деятельности. 117.

Социальная стратификация (*social stratification*). Существование структурированного неравенства между группами в обществе, касающегося доступа к материальным или иным благам. Хотя какие-либо формы стратификации существуют во всех обществах, с развитием системы государственности различия в богатстве и власти особенно усиливаются. В современных обществах наиболее характерной формой стратификации является классовое деление. 230, 232.

Социальное движение (*social movement*). Большая группировка людей, вовлеченных в действия по осуществлению или препятствованию процессу социальных перемен. Обычно социальные движения вступают в конфликтные отношения с организациями, которые часто имеют противоположные цели и мировоззрение. Однако, в случае институционализации, движения могут развиться в организации. 567, 568, 584, 586, 589.

Социальные группы (*social groups*). Группы индивидов, взаимодействующих друг с другом на систематической основе. Диапазон групп велик: от очень маленьких ассоциаций до крупномасштабных организаций или обществ. Независимо от размеров группы, ее отличительной чертой является осознание членами группы их общей идентичности. Большую часть своей жизни мы проводим в групповых контактах; в современных обществах большинство людей принадлежит к огромному количеству различных групп. 287, 394, 526, 598.

Социальные изменения (*social change*). Перемены в базовых структурах социальной группы или общества. Социальные изменения — постоянное явление в жизни общества, но в настоящее время они отличаются особой интенсивностью. С самого зарождения социологии прослеживается попытка объяснить драматические коллизии, перемены традиционных устоев и возникновение новых форм социального порядка. 17, 20, 44, 561, 575, 590, 595, 597, 598, 600, 607–609.

Социальные институты (*social institution*). Основные виды социальной деятельности, выполняемой большинством членов данного общества. Институты включают в себя нормы и ценности, которым следует большинство; все институциализированные способы поведения охраняются и поддерживаются жесткими санкциями. Социальные институты образуют основу общества, поскольку они представляют относительно фиксированные, устойчивые во времени способы поведения. 16, 192, 361, 429, 551, 590, 640, 652.

Социальный эволюционизм (*social evolutionism*). Один их подходов, рассматривающий социальное изменение в рамках эволюционной теории биологии. Несмотря на то, что эволюционный подход был наиболее распространен в социологии XIX века, идеи эволюционизма продолжают оказывать определенное влияние на современную социологию. Существует множество течений социологического эволюционизма. Большинство теорий подобного рода содержат основную мысль, что развитие в обществах идет от простых к более сложным формам. 591, 609.

Социология (*sociology*). Изучение человеческих групп и обществ, при этом особый акцент делается на анализе процессов, происходящих в индустриальном мире. Социология — одна из группы социальных наук, к которым относятся также антропология, экономика, политология и социальная география. Между названными социальными науками нет четких границ, в них существуют общие интересы,

методы, понятия. 15, 16, 18–25, 28, 30, 33, 35, 37–40, 79, 121, 181, 192, 287, 366, 588, 589, 608, 610, 611, 614, 636, 637, 640, 643, 649, 658.

Статус (*status*). Социальное признание или престиж, которые получает определенная группа индивидов от остальных членов общества. Статусные группы обычно различаются своим стилем жизни — способами поведения, характерными для индивидов данной группы. Статусные привилегии могут быть как позитивными, так и негативными. Так, к статусной группе «париев» большинство населения относится с презрением и обращается с ними как с изгоями. 58, 89, 108, 189, 196, 198, 202, 203, 218, 221, 231, 232, 252, 255, 256, 339, 341, 375, 406, 417, 612, 623.

Столкновение (*encounter*). Коммуникация двух или более индивидов в ситуации «лицом к лицу». Нашу повседневную жизнь можно рассматривать как ряд последовательных столкновений, происходящих в течение дня. В современных обществах большая часть столкновений происходит с незнакомыми людьми. 104, 105, 117, 372, 447, 466, 586, 661.

Теоретический подход (*theoretical approach*). Аспект социальной жизни, происходящий от некоторой теоретической традиции. Некоторые из основных теоретических традиций социологии — функционализм, структурализм, символический интеракционизм и марксизм. Теоретические подходы определяют общие «перспективы», с которыми работают социологи, и воздействуют на области исследований, а также на способы определения и решения проблем. 662.

Теория (*theory*). Попытка выявить общие характеристики и закономерности, объясняющие регулярно наблюдаемые явления. Создание теоретических схем является неотъемлемой частью социологической работы. Теории тесно связаны с более широкими теоретическими подходами, на них также оказывают значительное влияние результаты исследований, способствующих выработке теорий. 16, 17, 31, 45, 73, 74, 76, 78, 79, 126, 128–130, 132, 147, 151, 160, 161, 163, 194, 199, 201, 230, 296, 307, 308, 314, 494, 495, 497, 523, 547, 572, 574–576, 581, 586, 592, 593, 596, 597, 599, 608, 658, 660–662.

Урбанизм (*urbanism*). Термин, используемый Луи Виртом для показа отличительных характеристик городской социальной жизни, таких, как, например, обезличенность. 21, 39, 260, 482, 516, 517, 520, 522, 523, 525–528, 530, 534, 539, 541, 542.

Феминизм (*feminism*). Защита равенства прав женщин и мужчин во всех сферах жизнедеятельности. Феминизм зародился в Европе в конце XVIII века. Сегодня во многих странах мира существуют феминистские организации и движения. 172–175, 193, 310, 372.

Фертильность (*fertility*). Среднее количество рожденных живыми детей для женщин детородного возраста. Фертильность отличается от биологической плодовитости, последняя относится к потенциальному количеству рождений, к которым способна женщина в данной популяции. Фертильность никогда не совпадает с биологической плодовитостью. 545, 546, 549, 565, 566.

Формальные отношения (*formal relations*). Отношения в группах и организациях, установленные в соответствии с нормами и правилами «официальной» системы власти. 287.

Ценности (*values*). Представления индивидов или групп людей о том, что желательно, приемлемо, хорошо или плохо. Различия в ценностях являются ключом к пониманию культур. На индивидуальные ценности сильное влияние оказывает специфика данной культуры. 43, 49, 50, 65–67, 79, 83, 87, 92, 126–128, 143, 149, 207,

239, 339, 342–344, 400, 403, 404, 428–432, 435–437, 443, 473, 474, 521, 527, 574, 580, 588, 630, 641, 642, 654, 655, 661.

Экономика (*economy*). Система производства и обмена, удовлетворяющая материальные нужды индивидов в данном обществе. Экономические институты имеют огромную важность для всей социальной жизни. То, что происходит в экономике, обычно оказывает влияние на многие аспекты жизни общества. Современные системы хозяйствования сильно отличаются от традиционных систем, потому что в настоящее время большинство населения не занято в сельскохозяйственном производстве. 65, 274, 314, 403, 451, 458, 470, 474, 476, 479–481, 487, 495, 496, 498, 537, 601, 604.

Этническая принадлежность (*ethnicity*). Культурные нормы и ценности, присущие членам определенной группы и отличающие их от остальных. Этническая группа — общность, члены которой имеют специфическое самосознание общей культурной идентичности, отделяющей их от членов других групп. Практически во всех обществах этнические отличия связаны с различиями в материальном благополучии и власти, и это проявляется особенно ярко, если этнические особенности являются также и расовыми. 198, 204, 233, 234, 240, 257, 264, 314.

Важнейшие термины

Абсолютная бедность (*absolute poverty*). Уровень бедности, определенный с точки зрения обеспечения минимальных условий, необходимых для физического выживания. 230, 232.

Автократическое военное правление (*autocratic military rule*). Правление военного лидера, который сосредоточил в своих руках всю полноту власти. 349, 359.

Автоматизация (*automation*). Производственный процесс, контролируемый и управляемый машинами при минимальном участии человека. 29, 457, 481.

Авторитарная личность (*authoritarian personality*). Набор особых личностных характеристик, включая ригидность, нетерпимость в мировоззрении и невозможность принятия различных точек зрения. 239, 264.

Агенты социализации (*agencies of socialization*). Группы или социальные контексты, в рамках которых осуществляются важнейшие процессы социализации. 82, 84, 85, 93.

Агрегат (*aggregate*). Скопление людей в общественном месте, не представляющее собой единую сплоченную группу, при котором каждый индивид занят своими частными делами. 266, 286, 287, 323.

Агробизнес (*agribusiness*). Массовое производство сельскохозяйственных продуктов на основе механизации сельского хозяйства. 492, 493, 498, 514, 515.

Адаптация (*adaptation*). Относится к способности биологического организма выживать в данной среде. 91, 107, 595, 609.

Анализ разговора (*conversation analysis*). Эмпирическое изучение разговора с использованием методик этнометодологии. 638.

Андрогенитальный синдром (*androgenital syndrom*). Эндокринное нарушение, при котором индивид имеет женскую гормональную структуру и мужские гениталии. 155, 194.

Анимизм (*animism*). Вера в то, что духовные сущности управляют событиями в мире. 425, 449, 450.

Аномия (*anomie*). Впервые понятие введено в социологию Дюркгеймом. Это ситуация, при которой социальные нормы более не определяют поведение индивида. 126, 127, 151, 640, 663.

Антропология (*anthropology*). Социальная наука, тесно связанная с социологией, уделяющая основное внимание изучению традиционных культур и эволюции человека. 20, 40, 592, 644.

Апартеид (*apartheid*). Система расовой сегрегации, возникшая в Южной Африке. Сегодня практически ликвидирована. 247–249, 264.

Ассимиляция (*assimilation*). Принятие группы меньшинства большинством населения, в ходе которого меньшинство воспринимает ценности и нормы господствующей культуры. 262, 264.

Банда (*gang*). Неформальное объединение индивидов, которые регулярно встречаются и участвуют в действиях, выходящих за рамки закона. 139, 140.

Безгосударственное общество (*stateless society*). Общество, в котором отсутствуют официальные институты правления. 327.

Беседа (*talk*). Процесс разговора или вербального обмена в повседневной социальной жизни. 99, 103, 117, 619, 632.

Биологическая плодовитость (*fecundity*). Количество детей, которое биологически возможно у одной женщины. 545, 565, 566.

Богатство (*wealth*). Деньги и собственность, принадлежащие индивиду или группе. 42, 195, 196, 200, 202, 205–208, 218, 224, 232, 330, 447, 451, 453, 455, 479, 494, 518, 536, 558, 561, 598, 605, 659, 660.

Бюрократия (*bureaucracy*). Тип организации, которой присущи четкая иерархия власти, предписания и инструкции, определяющие поведение, штат чиновников, работающих полный рабочий день за плату. 268–271, 284, 286, 287, 298, 642, 655, 663.

Валовый национальный продукт (ВНП) (*gross national product* (*GNP*)). Количество богатства, производимое страной в год; часто измеряется на душу населения. 355, 487, 505, 515.

Вертикальная интеграция (*vertical integration*). Централизованная координация международной деятельности транснациональных компаний. 515.

Вертикальная мобильность (*vertical mobility*). Перемещение вверх и вниз в иерархической системе социальной стратификации. 221, 222, 232.

Включенное наблюдение (полевая работа) (*participant observation* (*fieldwork*)). Исследовательский метод, широко применяемый в социологии и антропологии, предполагающий, что социолог сам принимает участие в деятельности групп или сообществ, которые он изучает. 611, 617, 620, 637, 638.

Властвующая элита (*power elite*). Небольшая группа, к которой относят людей, которые, согласно интерпретации Миллса, концентрируют власть в современных обществах. 314–316, 319, 321, 327.

Внешняя арена (*external arena*). Государства, в течение какого-то времени находящиеся вне мировой экономики. 515.

Военная мощь (*military power*). Сила, приобретаемая за счет контроля над вооруженными силами и вооружением. 64, 339, 503.

Военно-промышленный комплекс (*military-industrial complex*). Институционализированные связи между фирмами и вооруженными силами, основанные на общих интересах производства вооружения. 347, 348, 359.

Возрастная градация (*age-grades*). Система, существующая во многих небольших традиционных культурах, в рамках которой индивиды одной возрастной группы относятся к одной социальной категории и имеют одинаковые права и обязанности. 93.

Вопросы развития (*developmental questions*). Тип вопросов, используемых в социологии при изучении развития социальных институтов от прошлого к настоящему. 30, 31, 40.

Восстание (*riot*). Мятеж против политической власти с использованием силы либо угрозы силой. 332, 333, 350, 441, 569, 571, 589.

Временна́я география (*time geography*). Подход в изучении человеческого поведения, предложенный шведским географом Торстеном Хагерстрендом, который подчеркивал, что перемещение индивидов осуществляется одновременно в пространстве и времени. 110.

Время удвоения (*doubling time*). Период, необходимый для того, чтобы численность населения удвоилось. 566.

Всеобщая воинская повинность (*universal conscription*). Система государственной службы, в которой каждый индивид определенного возраста (или, что более распространено, каждый мужчина определенного возраста) должен пройти период военной подготовки. 337, 359.

Вторичная группа (*secondary group*). Группа индивидов, не являющихся близко, на личностном уровне знакомыми друг с другом. 267, 287.

Вторичное использование городских ресурсов (*urban recycling*). Процесс обновления старых районов путем восстановления обветшавших зданий и строительства новых. 533, 541, 542.

Вторичный рынок труда (*secondary labour market*). Описывает экономическое положение индивидов, имеющих ненадежную работу и плохие условия труда. 481.

Вторичный сектор (*secondary sector*). Сектор экономики, связанный с производством товаров. 452, 481.

Второй мир (*second world*). Индустриальные общества, прежде всего коммунистические, Восточной Европы, и Советский Союз. 30, 67, 183, 234, 247, 249, 250, 274, 292, 300, 307, 321, 329, 331, 335, 336, 339, 341, 343–346, 353, 373, 394, 426, 446, 461, 470, 477, 484, 490, 503, 504, 513, 525, 529, 539, 540, 542, 551, 571, 580, 601, 614.

Выборка (*sampling*). Определенная доля индивидов или случаев, взятых из большой группы, которые в исследовании представляют группу в целом. 182, 408, 417, 623, 633, 638.

Высшее образование (*higher education*). Образование, продолжающееся после школы в колледжах или университетах. 210, 396, 397, 412, 421.

Высший класс (*upper class*). Социальный класс, состоящий из наиболее богатых членов общества, имеющих наследуемое состояние, собственный бизнес или владеющих акциями на большую сумму. 199, 207, 212, 214, 232, 318, 326.

Геоцентрические транснациональные корпорации (*geocentric transnationals*). Транснациональные компании, административные структуры которых глобальны, а не организованы в рамках отдельной страны. 515.

Гетеросексуальность (*heterosexuality*). Сексуальная ориентация поведения и чувств индивида на лица противоположного пола. 194.

Гипотеза (*hypothesis*). Идея или предположение, выдвигаемые в качестве основы для эмпирического исследования. 48, 192, 576, 613.

Гомосексуальность (*homosexuality*). Сексуальная ориентация поведения и чувств индивида на лица того же пола. 184–186, 193, 194.

Горизонтальная мобильность (*lateral mobility*). Передвижение индивидов из одного региона страны в другой, или из одной страны в другую. 221, 232.

Город — штаб-квартира (*headquarters city*). Город, исполняющий роль координатора в международном разделении труда, штаб-квартира мировой финансовой и торговой системы. 534, 542.

Город пенсионеров (*retirement center*). Город, как правило, с благоприятным климатом, в который переезжают люди, вышедшие на пенсию. 535.

Государственное здравоохранение (*public health care*). Услуги здравоохранения, доступные каждому гражданину общества, как правило, субсидированные государством. 556, 566.

Государственное общество (*state society*). Общество, имеющее официальный аппарат правления. 327.

Государственный переворот (*coup d'état*). Вооруженный захват власти. В отличие от революции, отсутствует массовое социальное движение. 347, 349, 568, 589.

Государство всеобщего благосостояния (*welfare state*). Политическая система, обеспечивающая большой набор льгот и пособий своим гражданам. 292, 327.

Гражданин (*citizen*). Член политического сообщества, имеющий определенные права и обязанности, связанные с гражданством. 27, 119, 169, 172, 327, 426, 557, 652.

Гражданская религия (*civil religion*). Формы ритуалов и верований, сходные с религиозными, но присущие мирской деятельности, например, парады и церемонии. 450.

Гражданские права (*civil rights*). Юридические права, которыми обладают все граждане данного государства. 174, 188, 246, 249–251, 291, 314, 327, 433, 466, 582, 586, 587.

Гражданское невнимание (*civil inattention*). Процессы, с помощью которых индивиды, находящиеся в одном месте и в одно время, демонстрируют, что они просто осознают присутствие друг друга, не проявляя ни враждебности, ни дружественности. 95, 96, 117.

Грамотность (*literacy*). Умение индивида читать и писать. 393, 412, 421, 422.

Группа сверстников (*peer group*). Дружеская группа, состоящая из индивидов одного возраста и социального статуса. 83, 93.

Групповое производство (*group production*). Производство, в котором заняты небольшие группы, а не только один индивид. 459, 481.

Группы интересов (*interest groups*). Группы, организованные с целью защиты особых интересов на политической арене, чаще всего путем лоббирования представителей законодательных органов. 298, 315, 320, 327, 589.

Группы парий (*pariah groups*). Группы, страдающие от негативного дискриминационного статуса. Другими словами, остальные члены общества смотрят на них «сверху вниз». На протяжении значительного периода в истории Европы париями были евреи. 232.

Движение альтерации (*alterative movement*). Движение, ставящее целью изменение индивидуального поведения и сознания.

Движение за перевоспитание (*redemptive movement*). Социальное движение, ставящее своей целью возврат к прошлому состоянию дел, лучшему, чем современное состояние. 585, 588, 589.

Движение трансформации (*transformative movement*). Общественное движение, целью которого является проведение кардинальных процессов социальных преобразований. 584, 585, 589.

Действия толпы (*crowd activity*). Деятельность индивидов, объединенных вместе и образующих толпу. 581–583, 589.

Декарцерация (*decarceration*). Освобождение больших количеств людей из психолечебниц и тюрем и их последующее проживание среди остальных. 148, 151.

Демография (*demography*). Изучение народонаселения. 544, 566.

Демократический централизм (*democratic centralism*). Тип политической организации, бывший характерным для стран Восточной Европы и Советского Союза, при котором выборные органы организованы в виде пирамиды. На каждом уровне проводятся выборы представителей на более высокий уровень. 327.

Демократический элитизм (*democratic elitism*). Теория ограничений демократии, полагающая, что в крупных обществах демократическое участие ограничивается регулярными выборами политических лидеров. 296, 298, 327.

Деноминация (*denomination*). Религиозная секта, утратившая динамизм и институционализировавшаяся, управляющая большим количеством приверженцев. 434, 435, 439, 446, 449, 450.

Диалектическая интерпретация изменений (*dialectical interpretation of change*). Интерпретация изменений, выделяющая столкновения противоположных интересов или групп как двигатель социальной трансформации. 609.

Дифференциация (*differentiation*). Развитие органических систем или обществ в сторону увеличивающегося усложнения. 16, 521, 592, 609.

Дифференцированная ассоциация (*differential association*). Интерпретация причин криминального поведения, предложенная Эдвином Сазерлендом, согласно которой происходит обучение преступной деятельности через контакты с представителями преступного мира. 126, 151.

Документальное исследование (*documentary research*). Исследование, основанное на изучении документов, таких, как архивные материалы или официальная статистика. 625, 626, 631, 637, 638.

Домашнее насилие (*domestic violence*). Жестокое поведение одного из членов семьи по отношению к другим. Наибольшей жестокостью отличается поведение мужчин в отношении женщин. 175, 176, 193, 194, 385.

Дооперациональная стадия (*pre-operational stage*). По теории Пиаже, одна из стадий когнитивного развития, в течение которой ребенок успешно овладевает основными видами логического мышления. 93.

Доход (*income*). Денежные выплаты, обычно связанные с зарплатой, должностным окладом или с инвестициями. 166, 190, 200, 205, 206, 210, 216, 219, 228, 232, 241, 252, 257, 285, 302, 356, 417, 419, 468, 486, 538, 548, 562, 616.

Драматургическая модель (*dramaturgical model*). Подход, в рамках которого изучение социального взаимодействия проводится на основе использования метафор, связанных с театром. 117.

Женственность (*femininity*). Характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе. 137, 153, 161–163, 194, 657.

Жизненный цикл (*life course*). Совокупность различных стадий в жизни индивида: рождение, юность, зрелость и старость. 44, 68, 161, 562, 648.

Жизнеописание (биографический метод) (*life histories*). Изучение жизни индивида на основе его собственных записей, например, писем. 638.

Забастовка (*strike*). Временное прекращение работы группой работниками с целью выразить свое недовольство или добиться удовлетворения требований. 306, 313, 464–466, 481, 570, 584.

Зависимая переменная (*dependent variable*). Переменная, на которую оказывает влияние другой фактор (независимая переменная). 638.

Задний план (*back region*). Зона, удаленная от деятельности «переднего плана», в которой, как определяет Ирвинг Гоффман, человек может расслабиться и вести себя неформально. 106, 109, 117.

Закон (*law*). Правила поведения, устанавливаемые политической властью и поддерживаемые силой государства. 17, 121, 148, 151, 246, 247, 249, 251, 255, 256, 268, 272, 289, 310, 313, 323, 387, 394, 398, 464, 533, 583.

Замещение (*displacement*). Перенос идей или эмоций с их истинного источника на какой-либо другой объект. 241, 264, 469.

Захват экологической ниши (*invasion*). Понятие, используемое экологами в отношении заселения особей новых видов на территорию, принадлежавшую другим. 542.

Земледельческие общества (*agrarian societies*). Общества, добывающие средства к существованию с помощью сельскохозяйственного производства. 57, 58, 62, 67, 200, 592.

Идеальный тип (*ideal type*). Конструкция, в которой подчеркиваются основные черты рассматриваемого социального объекта, не обязательно существующего в реальности. Примером может служить идеальный тип бюрократической организации, созданный Максом Вебером. 269, 271, 276, 287.

Изнасилование (*rape*). Угроза или применение силы с целью заставить индивида вступить в сексуальные отношения с другим. 129, 135, 175, 177–179, 194.

Изолированная патриархальная семья (*restricted patriarchal family*). Переходный тип семьи, существовавший в Европе с конца XVII до середины XIX века; для него характерна сильная обособленность от внешнего мира или общины с акцентом на власть отца в семье. 390.

Индустрия услуг (*service industries*). Индустрия, в большей степени связанная с производством услуг, а не товаров, например, туризм. 481.

Инновационный центр (*innovation centre*). Город, процветающий за счет того, что он является центром технологических инноваций. 535, 542.

Инстинкт (*instinct*). Особый способ поведения, закладывающийся на генетическом уровне, существует у всех представителей любого вида. 29, 48, 66, 67, 161, 358, 439, 582.

Институционный капитализм (*institutional capitalism*). Капиталистическое предприятие, созданное на основе институционального акционирования. 469.

Интеллект (*intelligence*). Уровень умственного развития, измеряемый тестами, в частности, IQ. 19, 24, 35, 38, 76, 78, 146, 164, 171, 175, 193, 405–408, 419, 421, 524, 636, 655.

Интергенерационная мобильность (*intergenerational mobility*). Перемещения вверх и вниз в системе социальной стратификации, прослеживаемые от одного поколения к другому. 223, 232.

Интрагенерационная мобильность (*intragenerational mobility*). Перемещения вверх и вниз в системе социальной стратификации в рамках индивидуальной карьеры. 232.

Информационная технология (*information technology*). Виды технологий, в основе которых лежат информационные процессы и использование микросхем. 278, 287.

Инцест (*incest*). Сексуальные отношения между близкими родственниками, например, между отцом и дочерью или между братом и сестрой. Во всех обществах инцест находится под запретом. 50, 51, 66, 382–384.

Исторический материализм (*historical materialism*). Принадлежащая Марксу интерпретация социальных изменений в истории, согласно которой процессы изменений определяются прежде всего экономическими факторами. 591, 595, 596, 608, 609.

Историчность (*historicity*). Понимание истории с точки зрения исторических изменений, т. е. получение информации о процессах социальных перемен. 587.

Капитализм (*capitalism*). Экономическая система, основанная на рыночном обмене. Под «капиталом» понимаются богатство или деньги, инвестируемые на рынке с целью получения прибыли. Сегодня практически все индустриальные общества являются по своей ориентации капиталистическими — их экономические системы основываются на свободном предпринимательстве и экономической конкуренции. 17, 205, 402, 469, 481, 573, 596, 600, 604, 641, 654, 655, 659, 663.

Капиталисты (*capitalists*). Люди, владеющие компаниями, землей, акциями, капиталом и использующие все это с целью получения прибыли. 200, 214, 232, 573, 654, 659.

Карцерная организация (*carceral organization*). Организация, в которой люди на длительное время отделены от внешнего мира, например, тюрьма, психическая больница, казарма, школа-пансион. 93, 287.

Каста (*caste*). Одна из форм стратификации, в которой социальная позиция индивида жестко фиксирована от рождения и не может меняться на протяжении жизни. Между индивидами, принадлежащими различным кастам, практически не бывает браков. 197, 198, 232.

Квалифицированные специалисты (*professionals*). Люди, имеющие профессию, требующую высокого уровня образования и квалификации. Поведение обладателей таких профессий часто диктуется требованиями профессиональных ассоциаций. 215, 277, 287, 315, 603.

Киббуцизм (*kibbutzim*). Израильские коммуны, производство в которых организовано на принципах кооперации, а неравенство благосостояния и доходов сведено к минимуму. 390.

Киберпространство (*cyberspace*). Электронные сети, позволяющие взаимодействовать индивидам, находящимся за удаленными компьютерными терминалами.

Клан (*clan*). Родственная группа, выходящая за пределы одной семьи; типична для доиндустриальных обществ. 58, 123, 250, 277, 290, 363, 364, 369, 370, 390, 425, 469, 523, 552.

Классовое сознание (*class consciousness*). Осознание индивидом классовой системы и принадлежности к своему классу. 211, 231, 232.

Коллективное потребление (*collective consumption*). Понятие, использовавшееся Мануэлем Кастеллсом и означающее процессы потребления в городах, такие, как покупка или продажа собственности. 542.

Колониализм (*colonialism*). Процесс, в ходе которого западные государства устанавливали свое господство в различных регионах помимо собственной территории. 64, 67, 243, 264, 485, 489, 494, 496, 512, 553, 554.

Коммунизм (*communism*). Ряд политических идей, выдвинутых Марксом, развитых Лениным и возведенных в ранг идеологии с попыткой осуществления в Советском Союзе, Восточной Европе и некоторых странах третьего мира. 326, 573, 589, 605, 641.

Конгломераты (*conglomerates*). Корпорации, объединяющие компании, которые занимаются производством или торговлей разнообразными видами товаров и услуг. 499, 515.

Конкретно-операциональная стадия (*concrete operational stage*). По определению Пиаже, стадия когнитивного развития, при прохождении которой мышление ребенка базируется преимущественно на физическом восприятии мира. На этом этапе ребенок еще не способен работать с абстрактными понятиями или гипотезами. 93.

Конкуренция (*competition*). Понятие, используемое в экологии для обозначения борьбы различных видов за наилучшую позицию на данной территории. 297, 314, 326, 521, 542.

Конституционный монарх (*constitutional monarch*). Правитель государства, король или королева, формально управляющие государством; на деле реальная власть находится в руках других политических лидеров. 295, 327.

Контринтуитивное мышление (*counterintuitive thinking*). Тип мышления, предполагающий идеи, противоречащие здравому смыслу. 663.

Контроль переменных (*control*). Статистический или экспериментальный способ фиксации переменных с целью изучения причинных связей с другими переменными. 616.

Конурбация (*conurbation*). Агломерация больших и малых городов, объединенных в единую целостную среду. 542.

Концессионные компании (*concession companies*). Европейские компании, действовавшие на территории колоний и обладавшие исключительными правами на производство в этом регионе или в определенной отрасли промышленности. 515.

Корпоративность (*corporateness*). Чувство принадлежности к единой группе, в которой индивиды имеют общие взгляды и убеждения. 339, 359.

Корпорация (*corporation*). Фирма или компания. 214, 271, 274, 275, 333, 338, 358, 459, 466, 467, 469, 475, 480, 497–499, 510, 558.

Коэффициент корреляции (*correlation coefficient*). Показатель степени связи между двумя переменными. 637, 638.

Коэффициент умственного развития (*IQ* (*intelligence quotient*)). Количество баллов, набираемых при тестировании логических способностей. 407.

Крестьяне (*peasants*). Люди, которые производят продукты, возделывая землю с помощью традиционных сельскохозяйственных методов. 60, 122, 198–200, 232, 319, 354, 441, 455, 518, 537, 569, 570.

Кризис легитимности (*legitimation crisis*). Неспособность политической системы обеспечить уровень политического участия граждан, достаточный для того, чтобы данная политическая система могла оставаться у власти. 327.

Криминальная структура (*criminal network*). Сеть социальных отношений между людьми, занимающимися преступной деятельностью. 151.

Критические ситуации (*critical situations*). Социальные обстоятельства, заставляющие индивидов приспосабливаться к абсолютно новым требованиям и противоречащие существующим установкам и стереотипам поведения. 93.

Культ (*cult*). Фрагментарные религиозные объединения, члены которых последовательно исповедуют определенные верования, но не имеющие постоянной структуры. 42, 49, 50, 55, 60, 119, 427, 434–436, 439, 440, 447, 449, 450, 516.

Культурные универсалии (*cultural universals*). Ценности или способы поведения, характерные для всех человеческих культур. 50, 67.

Культурный плюрализм (*cultural pluralism*). Сосуществование нескольких субкультур в рамках данного общества на равнозначной основе. 264.

Латентные функции (*latent functions*). Функциональные последствия, являющиеся нежелательными или неожиданными для членов социальной системы, в которой они проявляются. 645, 663.

Легитимность (*legitimacy*). Убеждение в том, что принятый политический порядок справедлив и законен. 346, 359.

Лесбиянство (*lesbianism*). Гомосексуальные отношения и действия между женщинами. 184, 187, 194.

Либеральная демократия (*liberal democracy*). Система демократии, основанная на институтах парламентаризма в сочетании с рыночной системой в сфере экономического производства. 327.

Личностное пространство (*personal space*). Физическое пространство, сохраняющееся между людьми, которые близко знают друг друга. 108, 117.

Локальные знания (*local knowledge*). Знания внутри отдельного сообщества, а также аспекты деятельности индивидов, длительное время проживающих внутри такого сообщества. 414, 421.

Макросегрегация (*macrosegregation*). Территориальная сегрегация больших количеств людей, принадлежащих различным расовым группам. 248, 264.

Макросоциология (*macrosociology*). Изучение групп, организаций или социальных систем большого масштаба. 115, 117.

Максимальная продолжительность жизни (*life span*). Максимальная биологически возможная продолжительность жизни организма данного вида. 566.

Мальтузианство (*malthusianism*). Развивавшаяся Томасом Мальтусом доктрина динамики населения, согласно которой рост населения регулируется «естественными ограничителями», такими как голод и войны. 547, 548, 566.

Марксизм (*marxism*). Мировоззрение, в основе которого лежат идеи К. Маркса. 570, 588, 643, 648–650, 662, 663.

Массовое распространение (*mass circulation*). Огромные аудитории, на которые направлена деятельность современных средств коммуникации, таких, как газеты и телевидение. 415.

Материалистическое понимание (концепция) истории (*materialist conception of history*). Взгляд на историю, разработанный Марксом, согласно которому «материальные»,

или экономические, факторы играли главную роль в определении исторических перемен. 641, 663.

Материнальная депривация (*maternal deprivation*). Ситуация, в которой младенцы или маленькие дети лишены тесного контакта с матерью в течение нескольких недель и более. 75, 93, 616.

Матрилокальная семья (*matrilocal family*). Семейная система, при которой предполагается проживание мужа рядом с родителями жены. 390.

Мегалополис (*megalopolis*). «город всех городов» в древней Греции, сегодня употребляется в значении высокого уровня конурбации. 517, 542.

Медиана (*median*). Число, находящееся точно в середине упорядоченного диапазона; этот способ вычисления «центральных тенденций» в ряде случаев оказывается более полезным, чем среднее арифметическое. 618, 619, 638.

Международное разделение труда (*international division of labour*). Описывает взаимозависимость стран и регионов, торгующих на глобальных рынках. 515.

Меньшинство (этническое меньшинство) (*minority group* (*ethnic minority*)). Группа людей, представляющих собой меньшинство данного общества, в силу особых физических или культурных характеристик находящихся в неравном положении по отношению к остальным членам общества. 234, 235, 264.

Мезосегрегация (*mezzosegregation*). Расовая сегрегация, подразумевающая деление в рамках соседствующих районов. 248, 264.

Микросегрегация (*microsegregation*). Расовая сегрегация, проявляемая в деталях повседневной жизни, например, разделение залов ожидания на автобусных и железнодорожных станциях. 248, 264.

Микросоциология (*microsociology*). Изучение человеческого поведения в контексте взаимодействия лицом к лицу. 115, 117.

Милитаризованное мышление (*military mind*). Понятие, использованное Самуэлем Хантингтоном в отношении типичного мировоззрения солдата.

Милленаризм (*millenarianizm*). Верования, разделяемые членами определенных видов религиозных движений, согласно которым в ближайшем будущем произойдут катаклизмы, предвещающие наступление новой эры. 441, 450.

Мировой информационный порядок (*world information order*). Глобальная система коммуникаций, действующая через спутники, телевизионную, радио, телефонную и компьютерную связь. 514, 515.

Мирское (*profane*). То, что принадлежит светскому, повседневному миру. 430.

Множественный суверенитет (*multiple sovereignty*). Ситуация, при которой в обществе не существует единой верховной власти. 578, 589.

Мобилизация (*mobilization*). «Подготовка» группы к коллективным действиям. 576, 585, 589.

Мода статистическая (*mode*). Число, наиболее часто встречающееся в наборе данных. Иногда может быть полезна при определении «центральных тенденций». 618.

Моногамия (*monogamy*). Форма брачного союза, при которой каждому брачному партнеру разрешается иметь только одну супругу или супруга одновременно. 43, 364, 371, 390.

Монополия (*monopoly*). Ситуация доминирования одной фирмы в определенной области промышленности. 481.

Монотеизм (*monotheism*). Вера в единого бога. 423, 450.

Мужественность (*masculinity*). Характерные формы поведения, ожидаемые от мужчин в рамках данной культуры. 137, 153, 161, 162, 178, 186, 192, 194.

Мужская неэмоциональность (*male inexpressiveness*). Трудности, которые испытывают мужчины при выражении своих чувств другим людям. 194.

Мультилинейная эволюция (*multilinear evolution*). Интерпретация социальной эволюции, допускающая множественность путей эволюционного развития для разных обществ. 593, 609.

Мутация (*mutation*). Процесс случайных генетических сдвигов, вносящих изменения в физические характеристики животных или растений. Большинство мутаций ведет эволюцию организма «никуда» — мутирующие организмы не способны к выживанию. Однако иногда мутация порождает характеристики, позволяющие процветать новым видам. 45, 67.

Надзор (*surveillance*). Наблюдение, контроль за действиями отдельных индивидов или групп с целью гарантии их адекватного поведения. 197, 281–283, 286, 287.

Нарушение остаточных норм (*residual rule-breaking*). Нарушение глубинных норм, контролирующих основные аспекты повседневного социального взаимодействия. 147, 151.

Наследование по материнской линии (*matrilineal inheritance*). Наследование собственности или титулов по женской линии. 390.

Наследование по отцовской линии (*patrilinear inheritance*). Наследование собственности или титулов по мужской линии. 371, 390.

Наука (*science*). Применение систематических методов исследования и тщательного логического анализа при изучении объектов, событий или людей; таким образом создается система знания. 35, 39, 40, 409, 422, 449, 608, 614, 619, 627, 636, 639, 655, 658, 661.

Национализм (*nationalism*). Система верований и символов, выражающая идентификацию с определенным национальным сообществом. 290, 291, 326, 327, 352, 358, 443.

Национальное государство (*national-state*). Особый тип государства, характерный для современного мира. Правительство такого государства обладает суверенной властью в рамках определенной территории, население является гражданами, ощущающими себя частью единой нации. Национальные государства тесно связаны с ростом национализма, хотя национальны чувства не всегда совпадают с границами конкретных существующих сегодня государств. Национальные государства развивались как часть единой системы, зародившейся в Европе, но сегодня распространившейся по всему миру. 63, 64, 67, 290, 291, 295, 323, 326, 327.

Невербальная коммуникация (*non-verbal communication*). Коммуникация между индивидами, основанная на мимике лица, жестах и позах тела, без использования речи и языка вообще. 97, 117.

Невротик (*neurotic*). Индивид, страдающий относительно слабой формой душевного расстройства, например, находящийся в состоянии беспокойства. 145.

Негосударственные структуры (*non-state actors*). Международные агентства (не государства), играющие значительную роль в мировой системе. 503, 514, 515.

Независимая переменная (*independent variable*). Переменная или фактор, влияющий на другие факторы, выступающие в качестве зависимых переменных. 616.

Неоимпериализм (*neo-imperialism*). Доминирование некоторых государств над другими вследствие неравных условий экономического обмена. Неоимпериализму, в отличие от старых империй, чуждо непосредственное политическое господство одного общества над другим. Здесь более важным является глобальный контекст, в рамках которого устанавливаются отношения неоимпериализма между индустриально развитыми странами и третьим миром. 494, 495, 514, 515.

Неолокальное проживание (*neo-local residence*). Модель семьи, при которой семейная пара селится отдельно от места проживания родителей мужа или жены. 371, 390.

Непредвиденные последствия (*unintended consequences*). Последствия поведения, предпринятого для достижения других целей. Многие важные результаты социальной деятельности не были предвидены участниками этой деятельности. 33.

Нефокусированное взаимодействие (*unfocused interaction*). Взаимодействие, происходящее между людьми, находящимися в одном месте, но не включенными в непосредственное общение «лицом к лицу». 104, 115–117.

Неформальная экономика (*informal economy*). экономические операции, происходящие вне официальной сферы оборота денег. 451, 476, 480, 481.

Низший класс (*underclass*). Класс индивидов, находящихся в самом низу классовой пирамиды. Обычно состоит из людей, представляющих собой этнические меньшинства. 211, 232, 257.

Новые индустриальные страны (*newly industrializing countries*). Страны третьего мира, которые за последние два–три десятилетия достигли значительного уровня промышленного развития, например, Гонконг и Сингапур. 487, 513, 515.

Нуклеарная семья (*nuclear family*). Семья, состоящая из отца, матери (или одного из них), а также несовершеннолетних детей. 366–368, 370, 389, 390.

Обобщенный другой (*generalized other*). Понятие, введенное в теории Г. Мида, согласно которой в процессе социализации индивид принимает ценности, характерные для данной группы или общества. 93.

Обследование (опрос) (*survey*). Метод социологического исследования, использующий анкеты для изучения населения. 36, 69, 107, 108, 133, 135, 146, 167, 168, 171, 186, 188, 212, 217, 220, 310, 313, 341, 343, 344, 388, 399, 406, 444, 467, 478, 512, 544, 611, 613, 621–626, 629–631, 633, 637, 638.

Общественное мнение (*public opinion*). Общие взгляды членов общества на текущие вопросы. 137, 183, 193.

Ограниченная война (*limited war*). Военные действия, в которые вовлечено относительно небольшое количество населения, происходящие только с участием солдат. 359.

Ограниченный код (*restricted code*). Способ речи, основанный на однозначном понимании в рамках данной культуры. При использовании ограниченного кода многие идеи и мысли не нуждаются в том, чтобы быть выраженными в словах. 400, 421.

Ожидаемая продолжительность жизни (*life expectancy*). Количество лет, которое предположительно могут в среднем прожить люди определенного возраста. 227.

Олигархическое военное правление (*oligarchic military rule*). Правительство, во главе которого стоит небольшая группа высшего офицерского состава вооруженных сил. 350, 359.

Олигархия (*oligarchy*). Правление незначительного меньшинства в организации или обществе. 271, 287.

Олигополия (*oligopoly*). Ситуация, в которой небольшое количество фирм господствует в определенной сфере промышленности. 481.

Организация (*organization*). Большая группа людей, вовлеченных в определенную систему властных отношений. В индустриальных обществах существуют многочисленные виды организаций, влияющих на различные аспекты нашей жизни. Не все существующие организации относятся к бюрократическим, хотя безусловно существуют тесные взаимосвязи между развитием организаций и стремлением к бюрократизации. 113, 119, 120, 250, 262, 268, 270–272, 278, 287, 310, 338, 342, 345, 346, 353–355, 363, 420, 459, 503, 504, 539, 576, 589, 597, 598, 642.

Организованная преступность (*organized crime*). Криминальные действия, осуществленные профессиональными группировками (организациями). 143, 150, 151.

Основанные на здравом смысле убеждения (*common-sense beliefs*). Широко распространенные убеждения относительно общества и природы, разделяемые людьми, не являющимися специалистами в соответствующей области. 637.

Осознанные действия (*meaningful activities*). Действия человека, выполняющиеся по определенным причинам и с особыми осознанными целями. Подавляющее большинство действий человека является осмысленными, это является основной характеристикой, отличающей деятельность человека от событий и действий в природе.

Открытая родовая семья (*open lineage family*). Форма семьи, присущая традиционной Европе, при которой семейные отношения тесно переплетаются в пределах местной общины. 367, 390.

Относительная бедность (*relative poverty*). Бедность, определяемая по отношению к жизненному стандарту большинства в данном обществе. 229, 232.

Относительная депривация (*relative deprivation*). Чувства депривации, возникающие у индивида относительно группы, с которой тот сравнивает себя. 576, 589, 663.

Партизанское движение (*guerrilla movement*). Неправительственная военная организация. 359, 577.

Патрилокальная семья (*patrilocal family*). Система организации семьи, которая предполагает, что жена проживает неподалеку от родителей мужа. 390.

Пацифизм (*pacifism*). Убеждение, что война — нравственно неоправданна. 344, 345, 359.

Первичная группа (*primary group*). Группа индивидов, находящихся в личных взаимоотношениях друг с другом. 267, 271, 287.

Первичный рынок труда (*primary labour market*). Термин, применяющийся для описания экономического положения групп индивидов, имеющих надежную работу и хорошие условия труда. 475, 481.

Первичный сектор (*primary sector*). Та часть современной экономики, которая связана с добычей и сбором естественных ресурсов (включая и сельскохозяйственное производство). 452, 481.

Первый мир (*first world*). Группа государств с развитой экономикой, основанной на капиталистическом производстве. 65, 67.

Перевалочный пункт для третьего мира (*third world enterpôt*). Город, который служит «воротами» для миграции населения из слаборазвитых стран в более развитые. 535.

Перегрузка государства (*state overload*). Теория, согласно которой современные государства встречаются с большими трудностями, возникающими из-за необходимости решения большого количества проблем. 327.

Передний план (*front region*). Набор социальных действий, в которых индивиды разыгрывают определенное «представление» для других. 106, 110, 117, 609.

Переменная (*variable*). Величина, с помощью которой различные индивиды или группы могут быть распределены по категориям (таким, как, например, доход или вес). 614, 616, 638.

Переходные классы (*transitional classes*). Термин использовался Марксом в отношении классов, характерных для предыдущей, изживающей себя общественной формации, которые замедляют формирование новых классов. Например, классы крестьян и землевладельцев в условиях формирования новых капиталистических отношений. 201, 232.

Периодическая моногамия (*serial monogamy*). Индивиду позволяется состоять последовательно в нескольких браках, однако одновременно он может иметь только одного супруга (супругу). 371.

Периферия (*periphery*). Понятие относится к странам, играющим незначительную роль в мировой экономике и, следовательно, зависящим от стран «ядра», имеющих с ними торговые отношения. 496, 515.

«Плавильный котел» (*melting pot*). Выражает идею того, этнические различия могут комбинироваться, создавая новые правила поведения, в основе которых лежат различные культурные источники. 262–264.

Племена охотников и собирателей (*hunting and gathering societies*). Типы обществ, существование людей в которых обеспечивается с помощью охоты, рыболовства и сбора съедобных растений. 57, 61, 506, 553, 591, 593, 595.

Плюралистические теории демократии (*pluralist theories of democracy*). Теории, в которых акцентируются различия и конкуренция между группами интересов, что препятствует сосредоточению слишком большой власти в руках политических лидеров. 327.

Плюралистическое общество (*plural society*). Общество, в котором сосуществует несколько этнических групп, каждая из которых проживает обособленно друг от друга. 234, 264.

Позитивизм (*positivism*). Философское течение, согласно которому существуют тесные связи между социальными и естественными науками, оперирующими в рамках общей логической системы. 35, 40.

Познание (*cognition*). Процесс мышления человека, включающий представления, объяснение и запоминание. 74.

Поиск козлов отпущения (*scapegoating*). Взваливание на индивидов или группы вины за ошибки или несчастья, к которым они не имеют отношения. 264.

Поле действий (*field of action*). Арена, на которой социальные движения взаимодействуют с существующими организациями; вследствие этих взаимодействий идеи и взгляды участников часто претерпевают изменения. 587.

Полиандрия (*polyandry*). Форма брака, в которой женщина может иметь одновременно двух или более мужей. 364, 365, 389, 390.

Полигамия (*polygamy*). Форма брака, в которой индивид может иметь одновременно двух или более партнеров по браку. 364, 390.

Полигиния (*polygyny*). Форма брака, в которой мужчина может иметь одновременно двух или более жен. 364, 365, 389, 390.

Политеизм (*polytheism*). Вера в одного или нескольких богов. 425, 449, 450.

Политическая партия (*political party*). Организация, созданная с целью достижения государственной власти и использования этой власти для реализации определенной программы. 326, 327.

Политические права (*political rights*). Права на политическое участие, такие, как право голоса на выборах местного и государственного уровней, предоставленные гражданам данного национального сообщества. 291, 292, 327.

Политический аппарат (*political apparatus*). Система правительственных организаций, деятельность которых представляет собой регулярное политическое управление в рамках определенной территории. 288, 291, 325, 327.

Полицентрические транснациональные корпорации (*polycentric transnationals*). Транснациональные компании, имеющие два или более ведущих административных центра в разных странах. 515.

Полупериферия (*semi-periphery*). Страны, которые, не будучи сами полностью индустриализованными, являются поставщиками рабочей силы для промышленно развитых стран ядра и для всей мировой экономики. 496, 514.

Постоянная армия (*standing army*). Профессиональная армия, существующая более или менее непрерывно. 340, 359.

Предприниматель (*entrepreneur*). Владелец фирмы. 63, 65, 258, 279, 307, 320, 461, 462, 469, 481, 496, 605.

Представительная многопартийная демократия (*representative multi-party democracy*). Демократическая система, базирующаяся на существовании двух или более политических партий; представляющие их политические лидеры определяются в процессе выборов. 294, 296, 326, 327.

Представительная одпопартийная демократия (*representative one-party democracy*). Демократическая система, предполагающая деятельность только одной партии; при такой системе избиратели выбирают из партийных кандидатов тех, кто будет представлять их в правительстве. 326, 327.

Преемственность (*succession*). Термин из области экологии, относящийся к замещению одного преобладающего вида или класса другим в определенной окружающей среде. 91, 361, 650.

Престиж (*prestige*). Уважение к индивиду или группе, основанное на их статусе. 58, 166, 197, 202, 218, 232, 315, 316, 320, 396, 415, 447, 561, 564.

Преступление без жертвы (*victimless crime*). Действия индивида, определяемые как криминальные, но не направленные прямо против других людей (например, употребление наркотиков или незаконные азартные игры). 144, 151.

Преступления «белых воротничков» (*white-collar crime*). Преступные действия лиц, относящихся к квалифицированным специалистам или «белым воротничкам». 141, 151.

Преступления людей, наделенных властью (*crimes of the powerful*). Криминальная деятельность людей, наделенных властными полномочиями. 141, 150, 151.

Прибавочная стоимость (*surplus value*). Согласно марксистской теории, стоимость, созданная трудом индивида и выделенная в качестве «остатка» или «излишка» после выплаты нанимателем зарплаты работнику. 200, 232.

Причинностные отношения, или отношения причинности (*causal relationship*). Отношения, при которых одно состояние дел (следствие) вызывается другим (причиной).

Проекция (*projection*). Приписывание другим людям чувств, которые индивид испытывает сам. 241, 264.

Производительные силы (*forces of production*). Термин, использовавшийся Марксом для обозначения факторов, способствующих экономическому росту общества. 572, 595, 596.

Производственная демократия (*industrial democracy*). Способы демократического участия или представительства на рабочем месте. 605.

Пророки (*prophets*). Религиозные лидеры, мобилизующие своих последователей посредством интерпретации священных текстов. 426, 450.

Проституция (*prostitution*). Продажа сексуальных услуг. 140, 143, 144, 182, 189–191, 193, 194.

Пространственно-временная конвергенция (*time-space convergence*). Процесс, вследствие которого расстояния «уменьшаются по времени», так как скорость транспортных средств увеличивается. 117.

Противоречивое классовое положение (*contradictory class location*). Положение в классовой структуре (например, «белых воротничков» или низшего управленческого звена), при котором разделяются черты как более высокого, так и более низкого класса. 203.

Противоречие (*contradiction*). Термин, используемый Марксом для обозначения взаимных антагонистических общественных тенденций. 204, 272, 404, 455, 536, 576, 589, 637, 652.

Профессиональная деятельность (*occupation*). Любая оплачиваемая форма занятости, при которой индивид имеет постоянную работу. 451, 472.

Профессиональная система (*occupational system*). Разделение труда между специальностями в обществе.

Профсоюз (*trade union*). Объединение, созданное с целью представлять интересы рабочих в промышленности. 204, 211, 213, 246, 249, 254, 298, 302, 304–306, 318, 347, 460–464, 466, 475, 480, 500, 569, 587.

Психоанализ (*psychoanalysis*). Методика психотерапии, изобретенная Зигмундом Фрейдом. Слово «психоанализ» обычно используется в интеллектуальной системе психологической теории, созданной Фрейдом. 76, 77, 93, 194.

Психопатическая личность (*psychopath*). Особый тип личности. У таких индивидов отсутствует чувство нравственности и обеспокоенности за других, присущее большинству нормальных людей. 124, 151.

Публичная дистанция (*public distance*). Физическое пространство, сохраняемое индивидами между собой и другими в процессе публичной деятельности, например, при чтении лекций. 108.

Работа по дому (домашний труд) (*housework* (*domestic labour*)). Неоплачиваемая работа, выполняемая обычно женщинами, связанная с каждодневными домашними делами, такими, как приготовление пищи, уборка, покупка продуктов. 60, 165, 170–172, 181, 193, 366, 476, 480, 481.

Рабочий класс (*working class*). Социальный класс работников, занятых физическим трудом, или «синих воротничков». 199, 200, 210, 212, 216, 217, 232, 372, 478, 641.

Рабство (*slavery*). Форма социальной стратификации, при которой одни люди в буквальном смысле принадлежат другим как их собственность. 173, 196, 197, 205, 232, 433.

Разговор (*conversation*). Вербальная коммуникация между двумя и более индивидами. 80, 99–101, 103–106, 108, 113, 116, 117, 145, 152, 153, 176, 500, 631, 632, 638.

Раса (*race*). Большая группа людей, объединенных по сходным физическим признакам. 197, 233, 235, 236, 245, 263, 264, 314.

Расширенная семья (*extended family*). Семейная группа, состоящая из более чем двух поколений родственников, ведущих совместное хозяйство и проживающих вместе. 366, 370, 389, 390.

Рационализация (*rationalization*). Понятие, использованное Вебером в отношении процесса, посредством которого способы точного анализа и организации, основанные на абстрактных правилах и процедурах, начинают доминировать и в социальной жизни. 655, 656, 663.

Реакции-восклицания (*response cries*). Непроизвольные восклицания, например, при выражении удивления, удовольствия или от неожиданности. 101, 117.

Революционный террор (*revolutionary terror*). Использование революционными лидерами насилия или угрозы насилия с целью заставить принять предлагаемые ими политические действия. 589.

Регионализация (*regionalization*). Разделение социальной жизни по региональным структурам или зонам. 117.

Репродуктивная семья (*family of procreation*). Семья, которая образуется при заключении индивидом брака или рождении у него детей. 364, 390.

Репродуктивные технологии (*reproductive technologies*). Технологии, могущие влиять на процессы воспроизводства человека, такие, как контрацепция и искусственное оплодотворение. 559, 566.

Ресоциализация (*resocialization*). Вид личностного изменения, при котором зрелый индивид принимает тип поведения, отличный от принятого прежде. 86, 87, 93.

Реформаторское движение (*reformative movement*). Социальное движение, направленное на осуществление практической программы социальных изменений.

Родительская семья (*family of orientation*). Семья, в которой родился индивид. 364, 390.

СПИД (*AIDS*). Заболевание, связанное с ослаблением иммунной системы человека. 184, 187–189, 193, 194.

Сакральное (*sacred*). Нечто, внушающее чувство благоговейного страха или почтения верующим, придерживающимся одного набора религиозных положений. 430.

Самопознание (*self-enlightenment*). Возрастание понимания и осмысления людьми условий и обстоятельств их действий, получаемое в ходе социальных исследований — возможно, позволяющее изменять эти обстоятельства. 19, 23, 33, 37, 39.

Санкция (*sanction*). Виды поощрения или наказания, с помощью которых подкрепляются социально приемлемые нормы поведения. 120, 151.

Сводная семья (*step-family*). Семья, в которой как минимум один из супругов имеет детей от предыдущего брака, проживающих вместе, в этой семье или поблизости. 380, 390.

Сдерживание (*deterrence*). Предотвращение военного конфликта, основанное на гарантии того, что в случае начала военных действий агрессор сам понесет огромные потери. 342, 357.

Сексизм (*sexism*). Установки или убеждения, в соответствии с которыми представителям одного или другого пола ложно приписываются или отрицаются определенные качества, что приводит к усилению полового неравенства. 219.

Сексуальная активность (*sexual activity*). Активность, направленная на получение сексуального удовлетворения. 194.

Сексуальное преследование (*sexual harassment*). Положение, когда один индивид предпринимает нежелательные для другого сексуальные посягательства, несмотря на сопротивление со стороны последнего.

Сексуальность (*sexuality*). Широко распространенный термин, обозначающий сексуальные характеристики и сексуальное поведение человеческих существ. 24, 27, 135, 137, 140, 152, 179, 181–183, 287, 291, 362, 368, 373, 384, 417, 475, 657.

Сексуальные злоупотребления в отношении детей (*sexual abuse of children*). Сексуальная эксплуатация детей взрослыми. 382–384, 390.

Секта (*sect*). Религиозное течение, отошедшее от основного ортодоксального русла. 395, 426, 434, 435, 439, 442, 444, 446, 450.

Сельскохозяйственное производство на экспорт (*cash-crop production*). Производство сельскохозяйственных культур для продажи на мировых рынках, а не для внутреннего потребления.

Семейный капитализм (*family capitalism*). Положение, когда семья предпринимателей владеет и управляет предприятием. 467.

Семиотика (*semiotics*). Изучение способов, посредством которых неязыковые явления (например, сигналы светофора) способны порождать значения. 52, 67, 647, 663.

Сенсомоторная стадия (*sensorimotor stage*). Согласно Пиаже, этап когнитивного развития, когда доминирующими факторами в познании внешнего мира являются для ребенка непосредственное чувственное восприятие и осязание. 93.

Сила (*force*). Принуждение, основанное на угрозе или действительном применении насилия. 163, 171, 236, 250, 252, 302, 319, 323, 325, 331, 342, 493, 596, 598, 601.

Символ (*symbol*). Использование определенных знаков (предметов) для обозначения других, как, например, использование флага, символизирующего нацию, государство. 243, 251, 309, 648, 663.

Символический интеракционизм (*symbolic interactionism*). Теоретический подход, используемый в социологии, предложенный Дж. Г. Мидом. В нем подчеркивается роль языка и символов как основных элементов межличностного взаимодействия. 93, 643, 647–650, 662, 663.

Система здравоохранения (*health-care system*). Организация медицинских служб в определенном обществе. 557, 561, 566.

Система образования (*educational system*). Система, обеспечивающая образовательную подготовку в рамках данного общества. 393, 402, 403, 412, 653.

Системы с высоким уровнем доверия (*high-trust systems*). Организации, в которых индивидам предоставлена высокая степень автономности и контроля при выполнении рабочих задач. 481.

Системы с низким уровнем доверия (*low-trust systems*). Типы организации, при которых на индивидов возлагается мало ответственности и предоставляется мало свободы при формулировании и решении задач их деятельности. 481.

Скотоводческие общества (*pastoral societies*). Общества, которые существуют за счет выращивания домашних животных. 53, 57, 67.

Скрытая программа (*hidden curriculum*). Поведение или установки, которые усваиваются в школе помимо официальной программы. Скрытая программа — неофициальная программа обучения, связанная, например, с усвоением гендерных различий. 93, 403, 420, 421.

Сложный код (*elaborated code*). Особая форма речи, для которой характерно взвешенное использование слов с целью указания их точного значения. 421.

Совместное демократическое правление (прямая демократия) (*participatory democracy*). Система демократии, при которой все члены группы или сообщества принимают коллективное участие в процессе принятия большинства решений. 293–295.

Сожительство (*cohabitation*). Сексуальные отношения двух людей без заключения брака. 383, 387, 390.

Сословие (*estate*). Форма стратификации, в которой неравенство между группами индивидов закреплено законом. 198, 232.

Социал-дарвинизм (*social darwinism*). Взгляд на социальную эволюцию, подчеркивающий важность борьбы между группами или обществами как источника развития. 592, 609.

Социализм (*socialism*). Система политических идей, подчеркивающая коллективную основу современного общественного производства и необходимость достижения социального равенства. 17, 294, 300, 326, 350, 570, 573, 588, 589, 604–607, 609, 641, 656.

Социальная дистанция (*social distance*). Степень пространственного отделения индивидов, сохраняемая при общении с другими, не являющимися хорошо знакомыми. 108.

Социальная категория (*social cathegory*). Статистическая группировка индивидов, обладающих общей характеристикой, например, определенным уровнем дохода. 266, 286, 287.

Социальная трансформация (*social transformation*). Процессы изменений в обществах или социальных системах. 40.

Социальное воспроизводство (*social reproduction*). Процессы, которые поддерживают или воспроизводят характеристики социальной структуры с течением времени. 33, 40.

Социальные барьеры (*social closure*). Обычаи, привычки, посредством которых одни группы отделяют себя от других групп. 204, 232.

Социальные ограничения (*social constraint*). Имеется в виду, что на наше поведение влияют условия, создаваемые определенными группами и сообществами, к которым мы принадлежим. Дюркгейм рассматривал социальные ограничения как одно из отличительных свойств «социальных фактов». 651, 663.

Социальные права (*social rights*). Права на социальное обеспечение, гарантированные государством всем своим гражданам, например, право на получение пособий по безработице или по бедности. 292, 327.

Социобиология (*sociobiology*). Подход, пытающийся объяснить поведение и людей, и животных в терминах биологических принципов. 46, 47, 66, 67.

Социологическое воображение (*sociological imagination*). Использование социологом своей фантазии, воображения в социологическом исследовании. Воображение социолога способствует творческому решению проблем, отстранению от привычных шаблонов повседневности. 34, 40.

Среднее (*mean*). Статистическая мера главной тенденции. Средняя величина, основанная на делении общей суммы на количество слагаемых, составляющих эту сумму. 171, 618, 628, 638.

Средний класс (*middle class*). Социальный класс, состоящий в основном из «белых воротничков» и управленцев низшего уровня. 199, 208, 210, 217, 232, 252.

Средства массовой информации (*mass media*). Виды коммуникации, такие, как газеты, журналы, радио, телевидение, предназначенные для больших аудиторий. 21, 84, 85, 93, 159, 229, 382, 392, 412–414, 419–421, 512, 616.

Средства производства (*means of production*). Средства, с помощью которых осуществляется производство материальных благ в обществе. К ним относятся не только технологии, но и социальные отношения между производителями. 199, 201, 204, 232.

Стандартное отклонение (*standard deviation*). Способ вычисления степени разброса в группе данных. 619, 638.

Степенной рост (*exponential growth*). Геометрическая (а не линейная) прогрессия, приводящая к очень быстрому увеличению численности населения. 566.

Стереотипное мышление (*stereotypical thinking*). Мыслительный процесс, связанный с жесткими, ограниченными и негибкими категориями. 238, 241, 264.

Структурализм (*structuralism*). Теоретический подход, возникший при изучении языка, направленный на выяснение структуры социальных или культурных систем. 643, 646–649, 662, 663.

Субкультура (*subculture*). Ценности и нормы, отличные от общепринятых в обществе, разделяемые отдельными группами.

Субкультура отклонения (*deviant subculture*). Субкультура, в которой члены сообщества придерживаются ценностей, отличающихся от разделяемых большинством в обществе.

Субурбанизация (*suburbanization*). Развитие пригородов, районов, находящихся за пределами городского ядра. 528, 530, 542.

Суверенитет (*sovereignty*). Бесспорная, несомненная политическая власть на данной территории. 290, 291, 326–328, 513, 578, 589.

Суррогатное материнство (*surrogate parenthood*). Ситуация, когда женщина рожает ребенка для супружеской пары, в которой жена не может иметь детей. 566.

Суфражистки (*suffragists*). Участницы первых женских движений, боровшиеся за равенство избирательных прав мужчин и женщин. 174, 194, 309.

Тейлоризм (*taylorism*). Система идей, также называемая «научным управлением», предложенная Тейлором, суть которой заключается в введении координированных простых операций в промышленности. 453, 455, 457, 481.

Теоретическая дилемма (*theoretical dilemma*). Теоретическая проблема, которая длительное время находится в центре дискуссий. 650, 663.

Теоретические вопросы (*theoretical questions*). Вопросы, возникающие перед социологом, пытающимся объяснить закономерность наблюдаемых событий. Разрешение теоретических вопросов позволяет нам делать обобщения о сущности социальной жизни. 31, 40.

Теория зависимости (*dependency theory*). Утверждает, что у ряда стран, особенно в третьем мире, отсутствует возможность контролировать основные направления своей экономической деятельности вследствие мирового экономического господства индустриальных государств. 494, 495, 514, 515.

Теория мировой системы (*world system theory*). Теоретический подход, разработанный в трудах Эммануэля Валлерштайна, изучавшего развитие отдельных обществ с точки зрения их позиции в глобальной социальной системе. 494, 495, 514, 515.

Теория ярлыков (*labelling theory*). Подход при изучении отклонения, в котором предполагается, что люди становятся «отклоняющимися» из-за навешивания определенных ярлыков со стороны политических властей и т. д. 129.

Терроризм (*terrorism*). Использование частью негосударственных группировок насилия для достижения политических целей. 137, 313, 350, 351, 359.

Тестикулярный синдром феминизации (*testicular feminization syndrom*). Эндокринное нарушение, при котором человек по своему физическому облику является женщиной, тогда как на хромосомном уровне — мужчиной. 155, 194.

Технология (*technology*). Применение знаний в производстве для материальной сферы. Технология означает создание материальных средств (например, машин, автоматов) с целью их применения человеком. 278, 287, 422, 508, 590, 593, 604, 608.

Торговля оружием (*arms trade*). Продажа вооружений с целью получения прибыли, осуществляющаяся либо правительством, либо частными лицами. 333, 356, 359.

Торговые сети (*trading networks*). Связи между странами и компаниями, складывающиеся при экономическом обмене. 505, 515.

Тоталитаризм (*totalitarianism*). Форма политического управления, при которой власть концентрируется в руках диктатора, опирающегося на преданную ему свиту, терроризирующую всех несогласных с его политикой. 299, 321, 322, 327.

Тотальная война (*total war*). Военные действия, в которые прямо или косвенно вовлечено большое количество населения и в ходе которых погибают сотни тысяч и миллионы солдат. 333, 359.

Тотемизм (*totemism*). Система религиозных верований, приписывающих божественные свойства определенным видам животных или растений. 425, 430, 449, 450.

Традиционные государства (*traditional states*). Государства, в которых основу производства составляют земледелие и разведение скота. Традиционные государства также часто называют «ранними цивилизациями». 53, 59–62, 66, 67, 290, 330, 592, 596.

Транснациональные компании (*transnational companies*). Компании, расположенные на территории двух и более стран. 497, 499, 500.

Третий мир (*third world*). Слаборазвитые страны, в которых фактически не развито промышленное производство (или развито в незначительной степени). Большинство населения земли живет в странах третьего мира. 65, 67, 487, 488, 495, 515, 518, 553, 607.

Третичный сектор (*tertiary sector*). Сектор экономики, связанный с производством услуг. 452, 453, 481.

Триангуляция (*triangulation*). Использование нескольких исследовательских методов как способ получения более достоверных эмпирических данных по сравнению с результатами, получаемыми при применении какого-либо одного метода в отдельности. 632, 637, 638.

Управление силовыми средствами (*management of violence*). Особый вид организации вооруженных сил в обществе, которому присуще уважение к гражданским властям. 338.

Управленческий капитализм (*managerial capitalism*). Положение, при котором предприятиями в большей степени управляют менеджеры, а не собственники. 469.

Урбанизация (*urbanization*). Развитие малых и больших городов. 517, 536, 542.

Урбанистическая экология (*urban ecology*). Подход к изучению городской жизни, основанный на аналогии с приспособлением растений и организмов к окружающей среде. В соответствии с данным подходом, различные районы и зоны городов формируются как в результате естественных процессов приспособления (адаптации) городского населения, так и результате конкуренции индивидов за обладание определенными ресурсами. 520, 521, 542.

Уровень младенческой смертности (*infant mortality rate*). Число младенцев, умерших на первом году жизни, на 1000 младенцев, рожденных живыми. 489, 546, 549, 566.

Фактологические вопросы (*factual questions*). Вопросы, направленные на выявление фактов (а не на решение теоретических или моральных проблем). 30, 40.

Фашизм (*fascism*). Система политических идей, или реальная политическая система, основанная на представлениях о превосходстве одних рас над другими. 321, 327.

Фокусированная толпа (*focused crowd*). Толпа людей, действия которых направлены на достижение общих целей. 589.

Фокусированное взаимодействие (*focused interaction*). Взаимодействие между индивидами, вовлеченными в общую деятельность или в непосредственную беседу друг с другом. 104, 106, 116, 117.

Фордизм (*fordism*). Система производства, изобретенная Генри Фордом, сутью которой является использование конвейера. 453–455, 457, 458, 481.

Формально-операционная стадия (*formal operational period*). Согласно теории Пиаже, этап когнитивного развития, когда ребенок оказывается способным оперировать абстрактными понятиями и строить предположения. 81.

Фундаментализм (*fundamentalism*). Вера, связанная с возвращением буквального значения древним религиозным текстам. 434, 441, 443, 446, 447, 450.

Явные функции (*manifest functions*). Функции сторон или видов социальной деятельности, которые известны или подразумеваются индивидами, включенными в данную ситуацию социальной жизни. 645, 663.

Функционализм (*functionalism*). Теоретическое направление, основанное на представлении, что социальные события могут быть наилучшим образом объяснимы с точки зрения их функций, т. е. их влияния на общественные процессы. 16, 643–650, 662, 663.

Центр модульного производства (*module production place*). Городская территория, где производятся составные части товаров, окончательная сборка которых осуществляется в других местах. 535, 542.

Церковь (*church*). Большая группа людей в рамках установленной религиозной организации. Данное понятие также применяется для обозначения места, где происходят религиозные обряды и церемонии. 52, 103, 394, 422, 431, 433–440, 443–450, 549, 633, 636.

Часовое время (*clock time*). Время, измеряемое часами и описываемое в понятиях часов, минут и секунд. До изобретения часов счет времени велся по природным явлениям, например, по восходу и заходу солнца. 110, 117.

Частное здравоохранение (*private health care*). Услуги здравоохранения, доступные только тем, кто в состоянии полностью их оплачивать. 557, 566.

Чиновники (*officials*). Люди, занимающие формальные должности в крупных организациях. 142, 198, 213, 268, 270, 287, 298, 320, 346, 353, 539, 571.

Шаман (*shaman*). Человек, по мнению окружающих, имеющий особую магическую силу, являющийся волшебником или колдуном. 49, 425, 450.

Шизофрения (*schizophrenia*). Серьезная форма психического заболевания, при которой индивид теряет чувство реальности. 145–147, 151.

Эволюция (*evolution*). Развитие биологических организмов посредством адаптации видов к условиям окружающей среды. 45, 46, 67, 592, 593, 609.

Эгоцентризм (*egocentrism*). Согласно Пиаже, особое мировоззрение ребенка в ранние годы жизни. Эгоцентрическое мышление рассматривается как понимание объектов и событий исключительно в терминах собственной позиции ребенка. 81, 93.

Эдипов комплекс (*oedipus complex*). Согласно Фрейду, фаза раннего психологического развития индивида, когда ребенок ощущает сильное чувство любви к своей матери и одновременно чувство ненависти к своему отцу. По мнению Фрейда, преодоление эдипова комплекса становится рубежом в развитии ребенка и означает его становление как автономного существа. 77, 93.

Эйджизм (*ageism*). Дискриминация или предубеждение против людей преклонного возраста. 564, 566.

Экзогамия (*exogamy*). Система, при которой индивид может жениться или выйти замуж только за человека, не принадлежащего к тому же роду, что и он сам. 390.

Экологический подход (*ecological approach*). Один из подходов в анализе урбанизма, подчеркивающий «естественный» характер расположения городских районов, в том числе и имеющих резко различные характеристики. 520, 542.

Экология окружающей среды (*environmental ecology*). Связана с проблемой сохранения целостности естественной среды перед лицом угрозы со стороны современной индустрии и технологий. 493, 609.

Эксперимент (*experiment*). Метод исследования, при котором переменные могут изучаться при полном и систематическом контроле, в ситуации, искусственно созданной исследователем, либо в естественной. 68, 146, 346, 408, 409, 459, 627, 629, 631, 634, 638.

Эмоциональный индивидуализм (*affective individualism*). Вера в романтическую привязанность как основу для заключения брачного союза. 368, 371, 390.

Эмпирическое исследование (*empirical investigation*). Фактологическое исследование, проводимое в любой из областей социологии. 40, 639.

Эндогамия (*endogamy*). Система, в которой индивид может жениться или выйти замуж только за человека, принадлежащего к тому же роду. 370, 390.

Эпизоды изменений (*episodes of change*). Последовательности социальных изменений, осуществляющихся одним и тем же образом в различных обществах. 609.

Этические религии (*ethical religions*). Религии, основанные на этическом обращении «великого учителя» (подобно Будде или Конфуцию), а не на вере в сверхъестественные силы. 435, 450.

Этнометодология (*ethnomethodology*). Изучение того, как люди вкладывают смысл в сказанное и сделанное ими в рамках повседневного социального взаимодействия. Этнометодология изучает «этнометоды», посредством которых люди в процессе взаимодействия передают друг другу смысловое значение. 99, 116, 117.

Этноцентризм (*ethnocentrism*). Восприятие идей и практик других культур в терминах собственной культуры. Этноцентрические суждения не позволяют справедливо оценивать другие культуры. Этноцентрист — человек, неспособный или нежелающий рассматривать другие культуры в рамках их собственных понятий. 49, 50, 67, 241, 242.

Этноцентрические транснациональные корпорации (*ethnocentric transnationals*). Транснациональные компании, управление которыми осуществляется непосредственно из штаб-квартиры родительской (основной) компании. 515.

Ядро мировой системы (*core*). Ведущие индустриально развитые страны, занимающие центральные позиции в мировой экономике (прежде всего США, Западная Европа, Япония). 16.

Именной указатель

Абу Нидаль, 352
Агостиньо Нето, 485
Адамс Джон, 172
Адамс Эбигайл, 172
Адорно, 239
Айрес, 458
Александер, 17
Аллен, 469
Аль Джихад, 352
Альенде, 490
Альтюссер, 649
Американская Вещательная Компания, 417
Амин, 333, 349
Андерсон, 418
Анонимные Алкоголики, 585, 588
Антинацистская Лига, 256
Антонио Эгас Мониц, 146
Армия Спасения, 584
Арчер, 17
Арье, 88
Ассошиэйтед Пресс, 508
Африканский Национальный Конгресс, 249

Банди, 119
Бандли, 258
Барт Сирил, 407, 408
Батлер, 303
Беверли, 411
Бекер, 434
Бендикс, 222
Бентам, 283
Берджесс, 520
Берк, 582
Берл, 466
Берлускони, 511
Бернстайн, 400
Битти, 365
Бич, 181
Бламберг, 460
Блау, 222
Блаунер, 220
Бостон Куотерли Ревью, 389
Босуэлл, 518
Боулби, 74
Боэнмэн, 135
Боэннэн, 376
Браунмиллер, 179
Бритс, 107
Британская Вещательная Корпорация, 417
Бритиш Петролеум, 498
Бродуотер, 531
Брук Боид, 492
Брэверман, 215
Бут Уильям, 227
Бут Чарльз, 227, 228
Бэббидж, 453
Бэлл, 602

Вагэн, 376
Валлерстайн, 378
Валлерштайн, 495
Вебер, 15, 200, 201, 286, 431, 596, 642, 655, 662
Вейсс, 377
Вейтцман, 158
Вирт, 674
Вольфганг, 135
Восстание Тайпинов, 332
Всемирная Организация Здравоохранения, 504

Ганс, 523
Гардинер Минз, 466
Гарфинкель, 99
Герсон, 221
Гершани, 604
Гидденс, 15–18
Гинтис, 402
Гиртц, 414
Гиссинг, 519
Гитлер, 245
Гласс, 224
Гленн, 220
Гобсон Э., 494

Говард Винсент, 251
Говард Джон, 283
Голдторп, 214, 217, 219, 223, 225
Голдштейн, 189
Гольдберг, 492
Горц, 478
Грэйф, 260
Грэхэм, 439
Гудзон, 188
Гэлбрайт, 474
Гэрет, 216

Дайгдейл, 123
Дайер, 335
Данкэном, 222
Дани, 568
Данэм, 247
Дарвин, 44, 97
Де Гурне, 268
Дейли Телеграф, 260
Дель Монте, 499
Джеймс, 71
Джекмен, 212
Дженерал Моторс, 454, 498, 501
Дженкинс, 254
Дженкс, 399
Джентили, 321
Джефферсон, 245
Джиллиген, 163
Джозеф, 305
Джонсон Б., 227
Джонсон Чалмерс, 574
Диар, 149
Диккенс, 253
Домхофф, 315
Дональдсон, 81
Дор, 275
Дэвис, 575
Дэла, 299
Дюркгейм, 15, 429, 615, 640, 662

Жарден, 166
Желеный, 539
Женевез, 522, 523

Земьюнер, 158
Зерубавель, 110
Зимбардо, 627
Знанецкий, 630

Ивнинг Стандарт, 261, 345
Иллич, 403
Индира Ганди, 311
Интернэшнл Бизнес Машинз, 510
Ирландская Республиканская Армия, 351, 352, 355

Йенсен, 407

Камата, 276
Кампанья, 190
Карлен, 140
Карлстейн, 114
Карнейро, 609
Кастро, 353
Кац, 512
Кашинг, 621
Кейнс, 470
Келли, 378
Кинси, 182
Кларк, 240
Клеман Форд, 181
Кловард, 127
Коль, 307
Комаровски, 171
Конт, 640, 662
Коулман, 398
Коэн, 128
Крапэт, 524
Красные Бригады, 351
Кретьен, 178
Крисп, 186
Кромптон, 216
Крю, 304
Ку-Клукс-Клан, 245, 249
Кули, 267
Кэмпбелл Данкан, 341
Кэмпбелл Энни, 139
Кэнари Уофф, 534
Кюблер-Росс, 91

Лазарсфельд, 623
Лант, 211
Ле Бон, 581–583
Ле Пеном, 262
Левер, 492
Левер Бразерс, 492
Леви-Строс, 643
Левонтин, 156
Лейкер, 353
Лемерт, 129
Лига Наций, 503, 504
Липсет, 222
Лиф, 258
Ллойдом, 211
Логан, 527
Локвуд, 213
Ломброзо, 123
Лофлэнд, 26
Лэндис, 590

Майнер, 49
Макмиллан, 341
Малиновский, 424, 644
Мальтус, 547
Манн, 524

Марвин Ли, 387
Марвин Мищель, 387
Маркс, 15, 641, 662, 684
Марли, 258
Мартин Лютер Кинг, 253
Маршалл Гордон, 216
Маршалл Л. А., 336
Маршалл Салинс, 55
Мбути, 54, 55
Мейер, 311
Мердок, 364
Мертон К., 126, 241, 644
Мертон Роберт, 658
Мид, 76
Милгрэм, 634
Миллер, 458
Миллс, 314
Михельс, 271
Молоч, 527
Мориц Оранский, 337
Мэддокс, 380
Мэйджор, 306
Мэлбин, 112
Мэрдок, 416
Мэсси, 557

Накирема, 49, 50
Нельсон, 130
Нельсон Мандела, 249
Ниппон Корпорейшн, 473
Нью-Йорк Таймс, 415
Ньюэ, 57, 58

Организация Объединенных Наций, 503, 504
Оучи, 277

Панкхерст, 174
Парк, 520
Паркин, 204
Паркинсон, 268
Паркс, 250, 586
Парсонс, 16, 643, 645, 650
Партен, 74
Пауэлл, 255
Пейн, 174
Перлмуттер, 349, 499
Петик-Лоуренс, 345
Пиаже, 76, 92
Пиртон, 334
Писарро, 59
Пламмер, 185
Пол Пот, 321, 333
Пэнкхерст, 343, 345

Раймер, 403
Райт, 199, 203
Раттер, 399
Реза, 443
Рейган, 19
Рейнольдс, 499
Рейтер, 508
Ренго Сегун, 354
Риис, 519
Розенхэн, 146
Рон Хаббард, 632
Рубинштейн, 224
Рузвельт, 249
Русс-Янни, 143
Рут, 621
Рэй Пал, 217, 273
Рэндолф, 249

Сазерленд Х., 126
Сазерленд Эдвин, 141, 680
Сандерс, 632
Саргант, 87
Сартр, 266
Саттлс, 49
Сен Мьюн Мун, 446
Силэнд Сервисес, 499
Скокпол, 578
Скотт, 214
Смелзер, 586
Смит Адам, 453
Смит Энтони, 512
Сорокин, 222
Спенсер, 457
Стандард Ойл, 498
Стейн, 388
Стоукс, 303
Стоун, 367
Страус, 385
Стэнтон, 342, 436
Стэтэм, 159
Сэйерс, 162
Сэссен, 535
Сюи, 488

Тайзерда, 341
Татеуки, 473
Таунсенд, 229
Таф, 401
Теркел, 630
Тизард, 401
Тилли, 576
Томас, 630
Томпсон, 549
Тоффлер, 602
Трельч, 434
Трипп, 418
Турэн, 587
Тэнненбаум, 461
Тэтчер, 19, 166, 230, 303, 305–307, 311, 463

Уиллис, 404

Уилсон, 47
Уинклер, 273
Уль-Хак, 350
Уоллис, 632
Уоллстоункрафт, 172
Уолш, 149
Уорнер, 211
Уоррен, 238
Уорсли, 483
Уэллс, 511
Уэрт, 520, 541

Файрстоун Раббер Компани, 492
Фарниолл, 234
Фейербах, 428
Филдберг Модели, 221
Филдберг Рослин, 220
Фини, 131
Финкельгор, 384
Фишер, 523
Фолуэлл, 446
Форд, 453, 469, 697
Форд Моторс, 498
Франс Пресс, 509
Фрейберг, 72
Фрейд, 77, 92, 103
Фремлин, 544
Фриден, 344
Фридман, 305
Фрист, 557
Фруэнта, 539
Фуко, 280
Фэган, 386

Хабермас, 308
Хагерстранд, 110
Халси, 400
Хантингтон, 325, 685
Харви, 525
Харлоу, 75
Харрингтон, 227
Харрис, 53
Харрисон, 531
Хартли, 239
Хартманн, 373
Хезелтайн, 306
Хейл, 177
Хелд, 292
Хенслин, 107
Хит Эдварда, 305
Хит Энтони, 225
Ходж Роберт, 418
Ходж Ф. В., 621
Холи, 521
Холл Росс Юм, 561
Холл Стюарт, 306
Холл Т., 108
Хьюз Говард, 118
Хьюз Мартин, 401
Хьюз Эверетт, 523
Хэмфри, 386
Хэнниг, 166

Черчилль, 322
Чодороу, 161

Шаллер, 564
Шац, 147
Швиммер, 345
Шелдон, 124
Шефф, 147
Шиллер, 511
Шмиттер, 323
Штомпки, 17
Шумпетер, 296

Эберл, 584
Эдварс, 123, 124
Экман, 97
Эль Фатах, 352
Эриксон, 223
Эрлих, 543
Этолл, 122
Эшворт, 626

Юсим, 316

Янг, 564
Янни, 143

Уважаемые читатели!
Уважаемые авторы!

Издательство **УРСС** специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской Академии Наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Основываясь на широком и плодотворном сотрудничестве с Российским гуманитарным научным фондом и Российским фондом фундаментальных исследований, мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди недавно вышедших книг мы предлагаем Вам следующие.

Дороговцев М.Ф. **Социологи России и СНГ XIX-XX вв. Биобиблиографический справочник.**

Константиновский Д.Л. **Динамика неравенства. Российская молодежь в меняющемся обществе.**

Шрейдер Ю.А. **Ценности, которые мы выбираем. Смысл и предпосылки ценностного выбора.**

Конфликты в современной России. Ред. *Степанов Е.И.*

Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. Ред. *Кацва А.М. и др.*

Назаров М.М. **Массовая коммуникация в современном мире.**

Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. **Социология перехода к рынку в России.**

Василенко И.А. **Политические процессы на рубеже культур.**

Бреева Е.Б. **Дети в современном обществе.**

Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. **Российская семья на европейском фоне.**

Полный каталог содержит более 500 наименований.

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«*Библио-Глобус*» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. 928-87-44)
«*Московский дом книги*» (ул. Новый Арбат, 8. Тел. 290-45-07)
«*Москва*» (м. Охотный ряд, ул. Тверская, 8. Тел. 229-66-43)
«*Лит.-Худ. салон РГБИ*» (ул. Кузнецкий мост, 1. Тел. 292-08-57)
«*Ad Marginem*» (1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел. 231-93-60)
«*Эйдос*» (Чистый пер., 6. Тел. 201-26-08)
«*С.-Пб. дом книги*» (Невский пр., 28)
а также в книжных киосках МГУ (Воробьевы горы)

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
***тел./факс* 135-44-23, *тел.* 135-42-46**
или *электронной почтой* urss@urss.isa.ac.ru
Полный каталог изданий представлен в *Internet:* http://urss.isa.ac.ru

